

ЮРИЙ МУХИН

ВОЙНА И МЫ

ГЛАВНАЯ КНИГА ОБ

СССР

ОДНИМ ТОМОМ

Annotation

В своей книге Ю.И. Мухин продолжает традицию, начатую еще Л.Н. Толстым, когда военные действия показываются через восприятие их народом. «Окопная правда» войны позволяет по-новому оценить многие события и факты, казалось бы, незыблемый характер в соответствующей литературе. Причины поражения советских войск на начальном этапе военных действий и истоки Победы над фашизмом, степень подготовленности советского командного состава, боевой дух армии и многое, многое другое предстает в ином свете через призму народного восприятия. Кроме того, в книге Ю.И. Мухина есть, как всегда, четко выраженная авторская позиция и собственный подход к решению исторических проблем.

- [Юрий Мухин](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть 1. Советские](#)
 - [Этот «цивилизованный» мир](#)
 - [Советские люди](#)
 - [Советский Союз](#)
 - [Корни](#)
 - [Война](#)
 - [Первые бои](#)
 - [О наградах](#)
 - [Как на войне](#)
 - [Трудяга](#)
 - [Благородство](#)
 - [Держать удары](#)
 - [Жена](#)
 - [Воспитание](#)
 - [Часть 2. Отцы-командиры](#)
 - [О А.З. Лебединцеве](#)
 - [Офицеры](#)
 - [Боевое крещение](#)
 - [Бои на Букринском плацдарме](#)

- [Паника под Босовкой](#)
- [Об основах смелости](#)
- [Бой за Сумы](#)
- [Об уме и тупости](#)
- [Боевая учеба](#)
- [Прохоровка](#)
- [Прорыв немецкой обороны](#)
- [Форсирование Днепра](#)
- [О добросовестности и паразитизме](#)
- [Без чего нет офицера](#)
- [После разгрома](#)
- [Воры в погонах](#)
- [О дисциплине и разгильдяйстве](#)
- [О наградах и наказаниях](#)
- [За Днепр](#)
- [Снятие с должности](#)
- [Мы были неграмотными](#)
- [Типичный кадровый офицер](#)
- [О репрессиях](#)
- [О военном образовании](#)
- [Что делать?](#)
- [Верховный Главнокомандующий](#)
- [Часть 3. Проблемы военного сословия](#)
 - [Объект лжи полководцев](#)
 - [Мы были не готовы!](#)
 - [Генералы РККА о главной причине](#)
 - [Боевая готовность](#)
 - [«Они накрыли «Оклахому»!»](#)
 - [Планы](#)
 - [День «Б» и потери немцев в авиации](#)
 - [О жертвах](#)
 - [По себе судим](#)
 - [Вопреки фактам](#)
 - [И снова шизик](#)
 - [Гитлер и его генералы](#)
 - [Военный заговор в СССР](#)
 - [Заговор был!](#)

- [Инженер Ледин](#)
- [Ледин, генералы и адмиралы](#)
- [Взрывчатка и Сталин](#)
- [Взрывчатка и наркомы](#)
- [Обыватель](#)
- [Измена Павлова и Мерецкова](#)
- [Предательство втихую](#)
- [Предатели, ставшие героями](#)
- [Стратег Жуков](#)
- [Буденный и Киев](#)
- [Проблемы окружения](#)
- [Отход](#)
- [Саботаж](#)
- [Дезорганизация войск фронта](#)
- [Топтание на месте](#)
- [Избавление от честных](#)
- [Немцы все испортили](#)
- [Позорный конец](#)
- [Вязьма](#)
- [Комсомолка и генерал](#)
- [Бросающаяся в глаза разница](#)
- [Тихвинские операции](#)
- [Спасение 2-й ударной](#)
- [Демянский котел](#)
- [Крымский фронт](#)
- [Бросающаяся в глаза ненависть](#)
- [Представители Ставки](#)
- [О храбрости полководцев](#)
- [Лекарство от страха](#)
- [Смелость](#)
- [Исправившийся Гордое](#)
- [Исправленный не во всем](#)
- [Наказание за отсутствие смелости](#)
- [Часть 4. Комиссары](#)
 - [Идея](#)
 - [Мехлис](#)
 - [Работа комиссара](#)

- [Забота о солдатах](#)
- [Организационная работа](#)
- [Полководцы Крымского фронта](#)
- [Штаб Крымфронта](#)
- [Проблема подбора кадров](#)
- [Этого хотели генералы](#)
- [Сравнение со Сталинградом](#)
- [О храбрости адмиралов](#)
- [Позор Севастополя](#)
- [Безвыходное положение Сталина](#)
- [Храбрые во всем храбрые](#)
- [Дальнейшая служба](#)
- [Храбрые о храбрых](#)
- [Значение комиссаров](#)
- [Часть 5. Профессионализм генералов](#)
 - [О смелости знаний](#)
 - [Танки и противотанковые средства](#)
 - [«Цитадель»](#)
 - [Ответ Сталина](#)
 - [Профессионализм серой генеральской массы](#)
 - [Вопросы оружия](#)
 - [Один за всех](#)
 - [Брехуны и хитрые](#)
 - [Адъютанты](#)
 - [Ученики и их благодарность](#)
 - [Не мы одни](#)
 - [По мирному времени](#)
 - [Тупой бюрократизм](#)
 - [Рейтинг полководцев](#)
 - [Творчество солдата](#)
 - [Примеры военного творчества](#)
 - [Военное мастерство](#)
 - [Маршал Тимошенко](#)
 - [Жуков 41-го года в наступлении](#)
 - [Генерал Ефремов](#)
 - [Клятый маршал](#)
 - [На чужом горбу](#)

- «Старые» маршалы
- Генералы поля боя
- Благодарность без благоволения
- Генералы Серпилины
- Часть 6. Обслуживающие и пишущие
 - О поисках истины
 - Без правил
 - Я еще не умер
 - Разнузданный грубиян
 - Негодяи
 - Трусливый Сталин
 - Примеры подлости заразительны
 - Гнилое кулачество
 - Дворяне еще хуже
 - Намного лучше царских
- Часть 7. На границе миров
 - Запад
 - Восток
 - Умом Россию не понять?
 - Смоленск
 - Семья
 - Цорндорф Великой Отечественной
 - В среднем
 - Трудности
 - Офицеры
 - Уважение
 - Солдата не обманешь
 - Разбой
 - Атаманы
 - Принципиальная разница
 - Выборность
 - Последствия
 - Конкуренция
 - Ценность солдата
 - Одна банда
 - Космополиты безродные
- Часть 8. Подготовка офицеров

- [О персональных званиях](#)
 - [Маневр](#)
 - [Название работы и рабочие места](#)
 - [У Петра и немцев](#)
 - [«О званиях и должностях от солдат даже до полковника](#)
 - [Беда полководцев Красной Армии](#)
 - [Кому это надо](#)
 - [Штатские лучше](#)
 - [Без училищ и академий](#)
 - [Два типа службы](#)
 - [Кандидаты](#)
 - [Курсы](#)
 - [Единоначалие](#)
 - [Национал-социализм и реваншизм](#)
 - [Приложение. Изнасилованная Клио](#)
 - [«Немецкие овчарки»](#)
 - [Это же надо!](#)
 - [О смышенности дезертиров](#)
 - [Подвернулся](#)
-

Юрий Мухин
Война и мы

Предисловие

Историю надо изучать, чтобы лучше жить сегодня. По-моему, Бисмарк очень неглупо заметил: «Только дураки учатся на своем опыте. Умные учатся на чужом». История — это и есть чужой опыт, на котором следует учиться умному человеку.

Следует добавить, что в изучении истории есть большая трудность — ложь. Лгут многие. Профессиональные историки, то есть те, кому правительство платит деньги, лгут за деньги, и мы с такими историками в книге столкнемся. Люди недалекие лгут в силу того, что не способны понять исторические события. Мемуаристы лгут, чтобы оправдать или приукрасить себя. Использовать эту ложь на пользу сегодняшнего дня просто глупо, вы же понимаете, что по неправильному маршруту к месту назначения не доберешься. Что же делать, как из-под этой лжи выудить правду?

Прием, по сути, один — сопоставление и логика. То есть рассмотреть как можно больше фактов, а затем, руководствуясь логикой, найти наименее противоречивый вариант, который, скорее всего, и будет истиной. Напомню, что логика, это такой способ мышления, который позволяет при правильных исходных данных предсказать правильный результат. Абстрактный пример.

Исходные данные. Трое бойцов, даже средней силы, всегда побьют одного сильного, если будут действовать вместе, одновременно и по одному плану. Сильный, если сможет встретиться со всеми троими по отдельности, когда они не действуют по одному плану, побьет всех троих по очереди. Действие по одному плану обеспечивается единым командованием. Это точные исходные данные? Да, точные.

Теперь пример использования логики. Если численно большую армию в момент боя трусливо бросит командующий и вся армия перестанет действовать совместно по одному плану, то победит она сильного противника или потерпит поражение? Думаю, что мы предскажем правильный результат, если будем утверждать, что такая армия потерпит поражение, поскольку это наиболее вероятно в случае пусть и меньшей численности, но сильного врага. Такое предсказание

и будет тем, что называют логичным. Обратное утверждение не подтвердится опытом, даже бытовым, а по сему — не логично. А использовать нелогичные утверждения можно только для того, чтобы кого-то обмануть, пусть даже и самого себя.

Но, в сущности, в войне побеждают не армии, а государства. Армии лишь уничтожают войска противоборствующей стороны.

Государство, способное победить любого противника, является лучшим гарантом мирной жизни своих граждан.

Объектом нападения всегда является слабый или тот, кого считают слабым. Работает старый римский принцип: хочешь мира — готовься к войне. Готовое к войне государство охладит любую горячую голову.

Готовое к войне государство — это готовое к победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

Мы начинаем работу, в которой будем последовательно разбирать все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе.

Читатель воскликнет — да сколько же можно? Уже все причины давно исследовали и описали — от того, как Сталин прятался под кроватью при известии о начале войны, до того, что перед войной НКВД уничтожило 50 тысяч самых лучших офицеров и 60 млн. советских граждан в придачу. И кто только этим ни занимался — от подлого (выдающегося?) предателя Резуна (Суворова) до не менее подлого (выдающегося?) генерал-полковника Волкогонова.

Хорошо! Все уже описано. Но значит ли это, что мы хотя бы чему-то научились?..

Именно поэтому мы начнем изучение причин побед и поражений в войне. Не для вящей славы нашей Родины (прославят ее и без нас) и не для унижения ее (и таких мерзавцев сейчас хоть пруд пруди), а для того, чтобы у истории чему-нибудь научиться, приобрести что-либо полезное для сегодняшнего дня.

Часть 1. Советские

Этот «цивилизованный» мир

Вторая мировая война унесла жизни 50 млн. человек, и более половины этого числа составили погибшие граждане СССР. На плечи наших отцов и дедов легли тяготы, несоизмеримые с тяготами граждан других воюющих стран. Это надо помнить, а то в «цивилизованной» Америке почти все население уверено, что во Второй мировой войне главным действующим лицом были США (а некоторые уверены и в том, что тогда США воевали с Японией и СССР). У нас же, к сожалению, сегодня растет количество граждан, принимающих за истину все, что идет из Америки. На самом деле столь огромные наши потери определены тем, что почти всю войну СССР воевал в одиночку, а США и Великобритания (тогдашние наши союзники) как могли от войны прятались.

Сегодня в России полно «историков», которые с самым честным видом сообщают, что в ходе войны на Восточном фронте СССР потерял 12 млн. солдат, а Германия всего 3 млн. А поскольку перед войной численность нашего населения была не менее 193 млн. человек, а численность Германии и присоединенной к ней Австрии — около 80 млн., автоматически делается вывод о том, насколько несовершенной была Советская власть и насколько трусливы и неумелы наши предки. Я пишу свои книги не для того, чтобы хвалить Красную Армию и Советскую власть. Наоборот, думаю, что будет масса недовольных мною читателей. Но я не вижу необходимости бессловесно воспринимать весь тот пропагандистский понос, которым поливают наших отцов и дедов СМИ «западных демократий» и их российские прихлебатели.

Древнеримский сенатор Катон Старший вошел в историю тем, что любое свое публичное выступление на любую тему обязательно заканчивал словами: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam», что дословно означает: «В остальном я полагаю, что Карфаген нужно разрушить». (Карфаген — враждебный Риму город-государство.) Я не готов полностью уподобиться сенатору Катону, но буду использовать любой повод, чтобы лишний раз упомянуть: в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СССР воевал не с 80 млн. тогдашних немцев — он

воевал практически со всей Европой, численность которой (за исключением союзной нам Англии и не сдающейся немцам партизанской Сербии) была около 400 млн. человек.

В ходе Великой Отечественной войны шинели в СССР надели 34 млн. 476,7 тыс. человек, то есть 17,8 % населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21 % от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР. Но в Красной Армии в большом количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Была масса чисто женских частей и подразделений (зенитные, авиационные и т. д.). В период отчаянного положения Государственный комитет обороны принял решение (оставшееся, правда, на бумаге) создать женские стрелковые соединения, в которых мужчинами были бы только заряжающие тяжелых артиллерийских орудий. А у немцев, даже в момент их агонии, женщины не только не служили в армии, но их было очень мало и на производстве. Почему так? Потому что в СССР один мужчина приходился на трех женщин, а в Германии — наоборот? Нет, дело не в этом.

Для того чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели огромное количество боевой техники — от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи построили весь парк немецких бронетранспортеров, большое количество танков, самолетов, стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов. Поляки строили самолеты, польские евреи производили синтетический бензин и каучук, шведы добывали руду и поставляли немцам комплектующие для боевой техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане — маслом... Короче, вся Европа старалась как могла.

И старалась она не только на трудовом фронте. Лишь элитные войска фашистской Германии — войска СС — приняли в свои ряды 400 тысяч «белокурых бестий» из других стран, а всего в гитлеровскую армию вступили со всей Европы 1800 тыс.

добровольцев, сформировав 59 дивизий, 23 бригады и несколько национальных полков и легионов. Самые элитные из этих дивизий имели не номера, а собственные имена, указывающие на национальное происхождение: «Валония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денемарк», «Гембез», «Лангемарк», «Нордланд», «Нидерланды», «Шарлемань» и другие.

Европейцы служили добровольцами не только в национальных, но и в немецких дивизиях. Так, скажем, элитная немецкая дивизия «Великая Германия». Казалось бы, хотя бы из-за названия она должна была комплектоваться только немцами. Тем не менее, служивший в ней француз Ги Сайер вспоминает, что накануне Курской битвы в его пехотном отделении из 11 человек немцев было 9, — кроме самого Сайера здесь служил еще и чех.

И все это помимо официальных союзников Германии, чьи армии плечом к плечу жгли и грабили Советский Союз, — итальянцев, румын, венгров, финнов, хорватов, словаков, помимо болгар, которые в этой время жгли и грабили партизанскую Сербию. Даже официально нейтральные испанцы прислали под Ленинград свою «Голубую дивизию»!

Чтобы оценить по национальному составу всю ту европейскую сволочь, которая в надежде на легкую добычу, полезла к нам убивать советских людей, я приведу таблицу, где приводятся данные об иностранных добровольцах, которые вовремя догадались сдаться нам в плен.

Эту таблицу, впервые опубликованную в конце 1990 г., следует повторять еще, и вот по каким причинам. После воцарения на территории СССР «демократии», таблица непрерывно «совершенствуется» в плане «укрупнения строк». В результате в «серьезных» книгах на тему войны, скажем, в статистическом сборнике «Россия и СССР в войнах XX века» или в справочнике «Мир русской истории», данные этой таблицы искажены. Часть национальностей из нее исчезла. В первую очередь исчезли евреи, которых, как вы видите из подлинной таблицы, служило Гитлеру столько же, сколько и финнов с голландцами, вместе взятых. А я, к примеру, не вижу, почему мы из этой гитлеровской песни должны выбрасывать еврейские куплеты. Между прочим, поляки сегодня пытаются оттолкнуть евреев с должности «главных страдальцев

Второй мировой войны», а их в списках пленных больше, чем официально и реально воевавших с нами итальянцев.

Национальный состав военнопленных в СССР, взятых плен в период с 22.06.1941 г. по 2.09.1945 г.

Национальность военнопленных	Общее количество, чел.
Немцы	2 389 560
Японцы	639 635
Венгры	513 767
Румыны	187 370
Австрийцы	156 682
Чехословаки	69 977
Поляки	60 280
Итальянцы	48 957
Французы	23 136
Югославы	21 822
Молдаване	14 129
Китайцы	12 928
Евреи	10 173
Корейцы	7785
Голландцы	4729
Монголы	3608
Финны	2377
Бельгийцы	2010
Люксембуржцы	1652
Датчане	457
Испанцы	452
Цыгане	383
Норвежцы	101
Шведы	72

Да ведь и представленная мною таблица не отражает истинного количественного и национального состава пленных. Прежде всего, в ней не представлены наши отечественные подонки, которые, либо в силу благоприобретенного идиотизма, либо из-за малодушия и

трусости служили немцам, — от бандеровцев до власовцев. Кстати, наказывали их до обидного легко.

Хорошо, если власовец попадал пленным в руки фронтовиков. Тогда он чаще всего и получал то, что заслужил. Но ведь предатели исхитрялись сдаваться тыловым подразделениям, переодевались в гражданское, при сдаче в плен прикидывались немцами и т. д. В этом случае советский суд их буквально по головке гладил. В свое время отечественные антисоветчики издавали за рубежом сборники своих воспоминаний. Один из них описывает судебные «страдания» власовца, который защищал Берлин: переделся, пленившим его советским солдатам отрекомендовался французом и таким образом добрался до военного трибунала. А дальше читать его хвастовство оскорбительно: «Дали мне пять лет дальних лагерей — и то повезло. Наспех таки — посчитали за рабоче-крестьянскую мелкоту. Солдатам, захваченным с оружием, и офицерам — лепили десятку». При конвоировании в лагерь он сбежал на Запад. 5 лет за убийство советских людей и измену Родине! Это что же за наказание такое?! Ну хотя бы 20, чтобы у вдов и сирот душевные раны зарубцевались и было не так обидно смотреть на эти подлые хари...

По той же причине не числятся в списках военнопленных крымские татары, штурмовавшие для Манштейна Севастополь, калмыки и т. п. Не числятся эстонцы, латыши и литовцы, имевшие в составе гитлеровских войск свои национальные дивизии, но считавшиеся советскими гражданами и отсидевшие в связи с этим свои мизерные сроки в лагерях ГУЛАГа, а не в лагерях ГУПВИ. (ГУЛАГ — главное управление лагерей — занималось содержанием преступников, а ГУПВИ — главное управление по делам военнопленных и интернированных — пленными). Между тем, даже в ГУПВИ попадали не все пленные, поскольку это управление подсчитывало только тех, кто попадал к нему в тыловые лагеря из фронтовых пересылочных пунктов. Но с 1943 г. в СССР начали формироваться национальные дивизии поляков, чехов, румын для борьбы с немцами. И пленных этих национальностей направляли не в ГУПВИ, а сразу в пункты комплектования таких соединений — воевали вместе с немцами, пусть повоюют и против них! Таких, между прочим, было 600 тысяч. Даже де Голлю в его армию было послано 1500 француз.

Советские люди

Итак, в 1941 году на наших отцов и дедов поперла вся Европа, и ни черта у нее не получилось! Возникает вопрос — почему? В Первую мировую войну в союзе с царской Россией были не только Великобритания и США, но и Франция, Италия, Румыния и даже Япония, а Финляндия входила в состав Российской империи. А воевать нужно было только против немцев, австрийцев, венгров и чехов. Тем не менее, через 2,5 года Россия оказалась уже неспособной бороться, а еще через полгода сдалась. А СССР четыре года воевал со всей Европой и победил!

Британский историк и ведущий эксперт британской военной разведки Лен Дейтон в своей книге «Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери» пишет: «Разумеется, именно ошеломляющие победы германских армий в 1940 году убедили Гитлера в том, что ему по силам разгромить Советский Союз. На Западе его танковые дивизии пронзали оборону союзников, сея панику в тылах. Французская, английская, голландская и бельгийская армии капитулировали одна за другой. Гитлер считал империю Сталина еще более ветхой, чем страны западной демократии, а Красную Армию — еще более небоеспособной. По мнению Гитлера, для того чтобы предпринять на Востоке то же самое, что было на Западе, нужна была лишь несколько более мощная армия. И после первых же ударов СССР рассыплется».

Прерву Дейтона на пояснения того, почему Гитлер считал Россию ветхой. Дело в том, что мы почти всегда допускаем ошибку — мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы уже знаем, чем был сталинский СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда — в 1941 году?

Давайте мысленно перенесемся в то время и посмотрим на Россию глазами тех людей. К началу Второй мировой Россия более 100 лет неспособна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении

русских офицеров. Проиграна была война Японии, маленькой стране, причем японцы потеряли в боях больше, чем русские, но сдались русские. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать. В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после боев белофинны расстреливают 8000 пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. И гитлеровское определение СССР как «колосса на глиняных ногах» не из вакуума взялось. Да и не только Гитлер так думал.

Лен Дейтон продолжает: «Подобная уверенность имела под собой достаточные основания. Как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельдмаршал сэр Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной Армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания — за 24 часа, Норвегия — за 23 дня, Голландия — за 5, Бельгия — за 18, Франция — за 39, Югославия — за 12, Греция — за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной Армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

Но наши старики победили!

Конечно, наши союзники тоже воевали, особенно велики их успехи на море и в деле авиационных бомбардировок мирного

населения Германии. Но Германия сдалась не потому, что у нее не стало кораблей, которых, собственно, у нее много и не было, она сдалась потому, что у нее некому было воевать на сухопутных фронтах. А даже по британским данным **семь из восьми** немецких дивизий во Второй мировой войне уничтожила Красная Армия.

И вопрос о том, почему Советский Союз победил в десятки раз более тяжелой войне, нежели та, которая всего за 25 лет до этого досталась императорской России, остается. Другого ответа нет: в России в это время жили совершенно другие люди. Не только не такие, как мы, — словами Т.Г. Шевченко, «славных прадедов великих, правнуки поганые», — но даже не такие, как русские царской России.

Вот и проблема сегодняшнего дня: в те годы страну спасло то, что советский народ имел мужественное начало, а сейчас — ни то, ни се — какое-то «эмансипэ». Вообще, мужчина, отказывающийся служить, — это не мужчина. Однако, увы, для понимания этого нужно определенное воспитание. В те годы оно было, сейчас его нет.

Комплектование наемной армии убивает дух народа, его способность к сопротивлению, превращает народ из единого сообщества в стадо «свободных индивидуумов». Не армия главное, главное — дух мужчин этого народа!

Наемная армия — это удел народа-раба. Раба по духу своих мужчин, по их образу мыслей. А призывная армия — естественное состояние народа-господина.

Свободный человек тот, кого воспитали господином — тем, над кем нет хозяина, для кого он сам хозяин. Для него его правительство — это вождь, не более того. Господин исполняет команды вождя только потому, что этот слуга организывает каждого господина в отдельности на совместные действия. И господин понимает, что его защита заключена в силе общества, а чтобы общество не распалось, и он не лишился коллективной защиты, все тяготы по службе обществу должны ложиться на всех в равной мере. Господин служит только обществу, а не правительству или вождю, общество — это как бог, а вождь — не более чем слуга.

А если человека воспитали рабом, холоум, то правительство и вообще любой начальник для раба хозяин. А с хозяином нужно вести себя по-рабски, то есть служить ему поменьше, а урывать побольше, торговаться, выбивать у хозяина блага и т. д. Нет ничего удивительного

в том, что в менталитете раба заложено избежать любых тягот, переложить их на других рабов. Для раба свобода — это свобода выбора хозяина. Как точно высказался Ежи Ленц: «Мечта раба — рынок, на котором можно купить себе хозяина».

Проблема сегодняшней России в том, что у России интеллигенция никогда не зарабатывала деньги самостоятельно, а только холуяствуя перед хозяином — царем, ЦК КПСС, олигархом, на худой конец, каким-нибудь американским фондом. Естественно, что российская интеллигенция — это потомственные холуи, и им воспринять образ мысли господина очень трудно.

Я помню начало 50-х и даже тогда, правда, не в среде интеллигенции, которую я не знал, а в среде народа, не служить в армии было позором — у таких и девчонки на танцах побрезгуют принять приглашение. У тех, советских, людей был другой образ мыслей, и этот образ мыслей определил их высочайшие морально-волевые и интеллектуальные качества, а это и было причиной победы советского народа в невиданной по своей тяжести войне.

Таким образом, главная причина победы — это образ мыслей тогдашних советских людей.

Советский Союз

Итак, был уникальный народ, а что же представлял собой Советский Союз в целом?

Посмотрите телевизор, и вам сообщат, что это была «тюрьма народов», в которой злобный тиран Сталин с помощью НКВД держал всех в страхе и не давал осуществить мечту каждого советского человека — удрать за границу в страны «цивилизованного» Запада. Наоборот, перед войной СССР напал на Польшу и включил в свой состав западных украинцев и белорусов, затем насильно присоединил к себе Литву, Латвию и Эстонию. Короче, был мрак, ужас и мерзость запустения. Но боюсь, вам забудут сообщить, что входящие в Польшу советские войска встречались восторженной радостью населения, которое практически сразу же заявило о своем желании стать гражданами СССР.

Правда, если говорить о Польше, то поляки всегда отличались исключительным расизмом. И, конечно, то, что советские войска освобождали украинцев и белорусов от польского расизма, было основанием радости для этих народов. Но это еще не было основанием для их единодушного решения войти в состав СССР. Ведь среди украинского и белорусского населения тоже были сильны националистические организации, имевшие целью суверенитет и от Польши, и от СССР, а сионистские организации польская армия, на свою голову, даже обучала военному делу. Националистов вхождение в Советский Союз не радовало. Ведь СССР этим националистам не подыгрывал ни в малейшей мере и беспощадно боролся с ними. Почему же, когда СССР организовал голосование по решению вопросов: «1. Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2. Решить вопрос о характере власти, т. е. должна ли быть эта власть советская, или буржуазная; 3. Решить вопрос о вхождении в состав СССР, т. е. о вхождении украинских областей в состав УССР, о вхождении белорусских областей в состав БССР; 4. Решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности», — то на выборы депутатов, которые должны были ответить на эти вопросы, из

7 538 586 избирателей пришло 94,8 %, из которых «за» проголосовало 90,8 %, а «против» — 9,2 %?

Вам на это ответят: потому, что работники НКВД всем тыкали маузером в зубы и под угрозой смерти заставляли голосовать именно так. Умственно недоразвитых такой ответ вполне устраивает, а у остальных возникают вопросы.

Для того чтобы силой заставить население определенным образом проголосовать, нужно репрессиями запугать народ, что при тайном голосовании вообще нереально, или нужно во все избиркомы (а их была масса — избирался один депутат на 5000 населения, т. е. около 1500 депутатов) подобрать своих людей для подтасовки выборов, а всех кандидатов соответственно обработать. А вот для этого требуется время даже НКВД, поскольку его работникам нужно сначала создать агентурную сеть, выявить противников, арестовать их, выявить покладистых, рекомендовать их в избирательные комиссии, заставить собрания за них проголосовать, подобрать нужных депутатов, обеспечить их выдвижение и т. д. и т. п. Такое теоретически возможно, но для этого, повторяю, нужно очень много времени. К примеру, в СССР проститутки были не в почете и их высылали в отдаленные области СССР, избавляясь от специалисток ненужной профессии. И проститутки из западных областей УССР и БССР тоже были выселены, но только через 7 месяцев после присоединения. Оцените, сколько времени потребовалось НКВД, чтобы выявить проституток и составить список этих лиц, действовавших легально.

А с присоединением западных областей дело происходило в таком темпе: 17 сентября 1939 г. Красная Армия с небольшими боями стала входить в эти области, беря в плен польскую армию, полицию и жандармов, 1 октября СССР перед народом этих областей поставил перечисленные выше вопросы, а 22 октября того же 1939 г. избиратели проголосовали. Ну как за три недели в стране, в которой по лесам еще слонялись неразоруженные войска Польши, НКВД мог успеть организовать и провести работу по запугиванию населения?

Теперь о реальных репрессиях по запугиванию избирателей. За три с половиной месяца (сентябрь — декабрь 1939 г.) НКВД арестовал 19 832 человека, из которых 72,1 % были арестованы за уголовные преступления и за нелегальный переход границы. Положим, что все они были арестованы до 22 октября с целью запугать население перед

выборами. Много это или мало? Из расчета 7,5 млн. избирателей это один арестованный на 375 человек. В нынешней России в тюрьмах сидит более миллиона заключенных при примерно 100 млн. избирателей, а это один репрессированный на 100 человек. И никто не боится, и все считают нынешнюю Россию самой демократической страной за всю ее историю.

В 1939 г. население западных областей УССР и БССР совершенно добровольно проголосовало за советскую власть и включение в СССР. И тут не может быть никакой политики, поскольку основная масса населения — это аполитичный обыватель, которому все равно, какая власть и как называется государство, лишь бы были еда и барахло. Он-то почему голосовал за СССР?

Социалистический СССР был государством, построенным на идеях справедливости, поэтому окружающие его капиталистические государства в идейной борьбе не могли ему ничего противопоставить. Оставалось лишь одно — утверждать, что это очень нищая страна, которую грабят комиссары и евреи. Справедливости ради следует сказать, что первые лет 15 после революции были основания обвинять СССР в нищете.

Какая страна является богатой материально? Если страну не грабят, — то та, в которой производится много товаров. А что нужно, чтобы промышленность данной страны производила много товаров? Нужен рынок, нужны люди с деньгами, которые бы могли купить товары данной страны. Ведь если товар не покупается, то его и не производят. Так вот, до начала 30-х годов прошлого века большевики в СССР искусственно ограничивали внутренний рынок СССР с тем, чтобы создать тяжелую промышленность — основу промышленности для производства товаров народного потребления. Поскольку сама тяжелая промышленность товаров для народа не дает, приходилось их потребление искусственно ограничивать. Делалось это так.

В 1917 г. население России на 85 % состояло из крестьян, причем собственно в России — даже больше. То есть главными покупателями страны, главным рынком товаров промышленности в России были они. Но им, чтобы купить, нужно было продать свою продукцию — хлеб, мясо, молоко, пеньку, лен и т. д. Придя к власти, большевики до начала 30-х годов удерживали цены на хлеб и остальные товары сельского хозяйства на уровне мировых цен, на уровне цен, которые были в

России при царе. А так как Россия — страна с суровым климатом, то мировые цены — это цены, которые не дают крестьянину практически никакого дохода. Именно по этим низким ценам большевики скупали хлеб у крестьян и изымали его налогами, продавая за рубеж. На выручку закупали электростанции и металлургические заводы, заводы тяжелого машиностроения и тракторные. Их продукцию продать населению было нельзя, поэтому рынок СССР и держался в сжатом по деньгам состоянии — большевики не давали народу деньги для покупки товаров.

Но к началу 30-х годов тяжелая промышленность СССР стала производить станки, оборудование и сырье для производства товаров народного потребления, и эти товары стали поступать на рынок СССР. И большевики резко развили свой рынок, т. е. в течение нескольких лет предоставили народу огромные деньги для покупки товаров промышленности СССР.

Сделано это было так. Началась коллективизация сельского хозяйства, и хотя она происходила с эксцессами, за счет коллективной обработки земли и за счет механизации этой обработки себестоимость продукции сельского хозяйства резко упала. Казалось бы, в этом случае большевики могли снизить цены на нее еще больше. Но они сделали прямо противоположное — с 1929 по 1934 г. они внутренние цены на сельхозпродукцию подняли в 10–13 раз по сравнению с мировыми. Соответственно поднялась и зарплата рабочих в промышленности, и цены на промышленные товары. Но не сильно, поскольку затраты на еду не составляют 100 % зарплаты промышленного рабочего. Если при царе хлеб стоил 8–10 коп. за килограмм, то к концу 30-х он стал стоить 90 копеек, но шерстяной мужской костюм, стоивший при царе 40 рублей, стал стоить всего 75. И хотя в это время крестьяне организованно уходили на работу в города (к 1940 г. сельского населения оставалось 58 %), они все же составляли большинство населения, и у этого населения появились большие деньги. Товары промышленности СССР буквально расхватывались, а сама она наращивала производство никогда ранее в мире не виданными темпами.

В царской России перед Первой мировой войной проживало 9 % населения мира, а производила эта Россия чуть более 4 % мировой промышленной продукции, т. е. в два раза меньше среднемирового

уровня, включая сюда малоразвитые страны Азии и Африки. А уже в 1937 г. СССР производил 13,7 % мировой промышленной продукции, хотя его население составляло всего 8 % от общемирового. По производству промышленной продукции СССР поднялся с четвертого на первое место в Европе и с пятого на второе место в мире, уступая лишь США. Если страна производит много товаров, а ее никто не грабит ни процентами по займам, ни путем вывоза дивидендов на инвестированный капитал, то как бы ни распределялись эти товары — прямо ли, либо через бесплатное медицинское обслуживание, бесплатные квартиры, бесплатное обучение, бесплатный отдых, — они все равно доходят до народа, и этот народ становится богаче. Со второй половины 30-х годов народ СССР начал богатеть невиданными темпами, и даже в 60-х годах люди, сравнивая свою жизнь, говорили, что они никогда так хорошо не жили, как до войны.

А как же западные соседи СССР? Ведь нам сегодня твердят, что нищий, ободранный и голодный СССР напал с целью грабежа на богатенькую Польшу и богатейшие Прибалтийские страны.

До революции все эти государства были составными частями Российской империи и за счет развития путей сообщения и выхода ряда этих имперских территорий к морю в них развивалась промышленность на российском сырье и для российского рынка. И с сельским хозяйством не было проблем: климат в этих частях империи был мягче, чем на большинстве остальных территорий, себестоимость молока, хлеба и мяса соответственно была ниже, а близость Петербургского района позволяла сбывать продукцию по хорошим ценам. Но вот эти страны стали суверенными (что не беда, ведь большевики сами отпустили их из империи). Беда в том, что они немедленно стали враждебны СССР, предоставляя свои территории для интервенции против него, а Польша и прямо вела войну. Эта политика «суверенов» в Прибалтике привела к тому, что СССР потерянные там производства отстроил на своей территории и поставляемое в Прибалтику сырье стал перерабатывать сам, сам же заполняя свой рынок товарами этих производств. И, как и сегодня, промышленность в Прибалтике пришла в упадок. Скажем, в Эстонии количество работающих в промышленности упало с 36 тыс. при царе до 17 тыс. при «демократии». Кроме леса, никакого путевого сырья во всей Прибалтике нет, и у прибалтов остался один путь — развивать

сельское хозяйство. Но ведь и для него нужен рынок, а производство сельхозпродукции во всей остальной Европе дешевле, чем в Прибалтике. Приходилось продавать в Европу масло и свинину по ценам, которые оставляли прибалтийским крестьянам мизер для полунищенского существования. Эстония, к примеру, была в Европе на одном из последних мест по уровню жизни.

Читатель «Дуэли» написал, что при обсуждении этой темы в Интернете на форуме ВИФ-2 корреспондент из Эстонии сообщил: «Как известно, в СССР до войны было много кампаний типа «Все на трактор», «Все на автомобиль», «Ворошиловский стрелок» и т. д. В Эстонии тракторов и самолетов не было, но кампания была. Кампания называлась «Каждому хутору отхожее место». На хуторах жило 90 % населения, из них половина была батраками. До конца 30-х годов в эстонских хуторах не знали, что такое сортир (даже не канализация) и просто ходили за угол или где попало... В результате было много заболеваний. Даже объявили конкурс с премией. Победителей конкурса ставили в пример, президент лично их поздравлял, и в результате количество хуторов с сортирами выросло с 5 % до 35 %. За 1938-40 годы из Эстонии в СССР бежало около 1000 человек. У Департамента погранохраны был приказ стрелять в нарушителей на поражение».

Это естественно: пока в соседнем СССР люди тоже жили крайне бедно, прибалтийские режимы еще могли контролировать ситуацию, но как только жизнь людей в СССР стала резко улучшаться, никакие фашистские диктатуры помочь не могли.

С распадом Российской империи границы разделили не только один народ, но и миллионы семей. Люди переписывались друг с другом. И когда один брат из-под Минска или Кривого Рога писал другому брату подо Львов, Каунас или Тарту, жалуясь по русскому национальному обычаю, что его загнали в колхоз, что оставили только корову и десяток овец, то все это полбеда. Но когда он начинал писать, что его старший сын командует батальоном в Красной Армии, второй сын заканчивает университет в Москве, дочь учится в мединституте в Харькове, больную жену бесплатно возили на операцию в Киев, а младшие дети бесплатно отдыхали в Крыму, то как должен был себя чувствовать обыватель в Польше или Прибалтике? Обыватель, который со своей земли с трудом мог прокормить семью, а семьи

своих детей кормить уже было нечем; обыватель, который считал за счастье устроить сына матросом на иностранное судно в надежде, что когда-нибудь лет через 5 это судно вновь зайдет в Ревель.

Да, в городах этих стран было несколько магазинов, чьи витрины блистали богатством товаров со всего мира, и был какой-то процент населения, который мог в этих магазинах покупать. И этот процент голосовал против присоединения к СССР. Но что эти, действительно враги народа, могли сделать против толп обывателя, который стремился в СССР и был абсолютно прав в своем стремлении? Президент Литвы Бразаускас, когда еще был первым секретарем ЦК компартии Литвы, на Съезде советов СССР рассказывал о том, что он видел в Литве в 1940 г. Он говорил, что в его районе крестьяне всех хуторов без колебаний проголосовали за советскую власть и за присоединение к СССР, а в это время в этом районе еще не было не только ни одного советского солдата, но никто еще и не видел ни одного советского человека.

Правда, у Польши не было никаких экономических оснований иметь то жалкое состояние, в котором пребывали прибалты. На территории Польши было достаточно полезных ископаемых: железные и цинковые руды, нефть; по запасам каменного угля она занимала третье место в Европе. Прекрасно развита водная система, обширная сеть железных и автомобильных дорог и, главное, мощная промышленность, доставшаяся Польше в наследство от трех бывших империй. Однако при мощностях добычи каменного угля в 60 млн. т, его добывалось около 36 млн. т, при мощностях по производству чугуна в 1 млн. т, его выплавляли 0,7 млн. т, при мощностях по производству стали в 1,7 млн. т, ее производили 1,5 млн. т, даже такого ликвидного товара, как нефть, производили 0,5 млн. т, хотя в 1913 г. ее качали 1,1 млн. т. До самой войны Польша ни разу не достигла уровня производства 1913 г. и при населении, равном 1,6 % от мирового, производила всего 0,7 % промышленной продукции мира. При этом, при годовом предвоенном бюджете в 2,5 млрд. злотых Польша имела государственных долгов 4,7 млрд, и по 400 млн. злотых ежегодно вывозилось из страны в качестве процентов по займам и дивидендов.

Чтобы понять, насколько СССР был богаче Польши, давайте сравним их бюджеты в расчете на душу населения. Рубль стоил 0,774 г. золота и уже к 1925 г. котируется на валютных биржах Стамбула,

Милана и Стокгольма, в Москве он продавался выше номинала: за 10-рублевую золотую монету давали 9 руб. 60 коп. купюрами. В 1937 г. немцы за доказательства организации заговора генералов во главе с Тухачевским запросили 3 млн. рублей золотом. СССР выплатил банковскими купюрами, и немцы взяли их без сомнения в их золотой стоимости.

Номинал польского злотого был 0,169 г. При населении Польши в 35 млн. человек из ее бюджета на 1938/1939 финансовые годы (2,5 млрд, злотых) в расчете на одного польского гражданина приходилось 12 г золота. В 1938 г. бюджет СССР составлял 124 млрд, руб., при населении в 170 млн. человек, на одного советского человека приходилось 564 г золота — в 47 раз больше, чем в Польше! У СССР даже в 1928 г. бюджет на душу населения был уже в два раза больше, чем у Польши в 1938 г. На 1937 г. в бюджете Литвы на одного человека приходилось 16 г золота, Латвии — 13 г.

Тяга соседей к Советскому Союзу накануне Второй мировой войны была огромна. Что говорить о нищей Польше, посмотрите, как описывают венгерские историки состояние общества, в общем-то, не бедной по европейским меркам Венгрии. Власти в Венгрии ненавидели СССР не меньше, чем шляхта. Достаточно сказать, что в начале 1939 г. Венгрия официально примкнула к антикоминтерновскому пакту — странам оси. Венгерские коммунисты были посажены в тюрьмы. (Чтобы освободить лидера венгерских коммунистов М. Ракоши, Советский Союз обменял его на хранящиеся в музеях знамена венгерских гонимых полков, которые русские полки взяли трофеями в походе 1848–1849 гг.). Таким образом, пропаганда собственно коммунистических идей в Венгрии была ослаблена до предела. Кроме того, венгры, как старая имперская нация, умели вести себя с входящими в состав государства народами, и межнациональные конфликты в Венгрии были редкостью.

Тем не менее: «В конце 30-х — начале 40-х гг. в Закарпатье существовала Русская национальная партия. Ее лидером был депутат парламента Венгрии С. Фенцик. Он выступал за «утверждение русского языка для закарпатских русин. Фенцик считал, что в будущем русины, или карпаторуссы, должны войти в состав России. Правда, среди историков есть мнение, что позиция лидера Русской национальной партии объяснялась «практическими соображениями».

Она позволяла ему получать финансовую поддержку». Тут бы венгерским историкам написать, что это Коминтерн проплачивал Фенцику, но подло врать, как наши антисоветчики, они еще не научились, поэтому стараются выкрутиться по-другому: «Поддержка шла не от русских из СССР, а от самих венгров, живущих в Закарпатье. Тех, которые считали для себя ориентацию на русских менее опасной, чем «непосредственное украинское соседство».

При чем здесь «украинское соседство» и о какой-то такой Украине речь идет, ведь никакой другой Украины, кроме Советской, не было? Историкам очень неудобно признавать, что вместе с русинами хотели войти в СССР и венгры. Причем, судя по тому, что они давали деньги Фенцику, не обязательно нищие. А когда Польша развалилась, и граница СССР приблизилась к Венгрии, то до весны 1941 г. «уже около 20 тысяч жителей Закарпатья перешли границу и осели в СССР. Те же, кто не решался на такой смелый шаг, но верили, что жить при советском строе лучше, собирались большими группами в отдельных местах Закарпатья и ждали прихода русских солдат. В надежде на то же в Закарпатье перешла и часть населения Северной Трансильвании. Кроме того, в руководимое Шароновым полпредство поступило большое количество заявлений от подданных Венгрии с просьбой принять их в советское гражданство...»

Знаете, я не верю, что эти толпы людей гнали в СССР их коммунистические убеждения. Здесь что-то попроще.

Вот активный член бригады Геббельса В. Парсаданова описывает, как СССР в 1940 г. устраивал у себя пленных поляков рядового и сержантского состава — тех, кто по Женевской конвенции не мог отказываться от предлагаемой работы.

«На основе соглашения между Наркомчерметом и НКВД для жителей Западной Украины и Западной Белоруссии предусматривалась возможность перевода интернированных в вольнонаемные рабочие по договору. Но эта тенденция развития не получила, хотя этим людям сулили ссуды на строительство индивидуальных домов, выдачу советского паспорта, приезд семьи. Заключение договора обязывало предоставить человеку жилье, резервов которого у предприятия было мало, у интернированных отсутствовали профессиональные навыки, а главное — желание работать.

Часть интернированных отказалась работать. Тогда их стали «стимулировать» различиями в нормах питания. Оплата труда определялась нормой выработки. Сведения о выполнении норм крайне противоречивые. Более близки к истине сообщения о том, что только 10–15 процентов работавших выполняли и перевыполняли нормы. Это были белорусы и украинцы, «желавшие закрепиться за данным предприятием». Формально заработная плата должна была соответствовать оплате труда советских вольнонаемных рабочих, но ее размер могли определить и органы НКВД. Часть денег можно было пересылать семьям. Из зарплаты вычиталась стоимость содержания, жилья. В итоге она колебалась от 20–30 копеек до 40–50 рублей в день. Так что материальный достаток и резервы для помощи семьям маловероятны».

Однако я, прежде чем присоединиться к этому горестному бабьему всхлипыванию о несчастной доле поляков в СССР и оросить эту страницу скупой мужской слезой, хочу сделать кое-какие расчеты и понять для себя, что означает зарплата 50 рублей в день в том СССР.

В те годы нарком внутренних дел, по своему званию равный маршалу СССР, Л.П. Берия получал 3500 рублей в месяц, генерал, командир дивизии Красной Армии — 2200; командир полка — 1800; командир батальона — 850; учитель от 250 до 750; стипендия студента — 170; библиотекарь — 150; завсклада — 120. Хлеб стоил 90 коп.; мясо — 7 руб.; сахар — 4,50; водка 6 руб.; мужской костюм — 75. Солдаты конвоя (вахтеры), охранявшие пленных, получали 275 руб. в месяц. Средняя зарплата по стране в 1940 г. составляла — 339 руб. в месяц, прожиточный минимум — 5 руб. в день. Итак, хорошо работающий пленный получал 1300 руб. в месяц (50 руб. X 26 дней) — больше командира батальона, взявшего его в плен, вчетверо выше средней зарплаты по стране, в десять раз выше прожиточного минимума, в пять раз больше, чем его конвоир. И еще ему давали беспроцентную ссуду, чтобы он построил себе дом. А на Западе вопили, что СССР — тюрьма, один сплошной ГУЛАГ. Это для подлых и тупых бездельников СССР был тюрьмой, а для трудящихся сталинский Советский Союз был родным. Вот труженики в него и ломились.

Адъютант Пилсудского капитан М. Лепецкий в своих воспоминаниях описывает такой эпизод: «Министр Иден прибыл в

сопровождении посла Х. Кеннарда и еще двух человек. Министр Бек приехал перед ним. Следовало признать, что оба государственных деятеля своим внешним видом делали честь народам, которые представляли. Однако мы с удовлетворением отмечали, что не обменяли бы Бека на Идена.

Английский министр иностранных дел любил подчеркивать, что был офицером, капитаном. Может быть, поэтому он держался просто и во внешности имел что-то рыцарское. Высокий, худощавый, с коротко подстриженными усами и милой улыбкой, он вызывал симпатию. С особым интересом мы, адъютанты, разглядывали его безукоризненно скроенное представительское обмундирование, а кто-то из бельведерских вахмистров заметил позднее:

— Такой костюмчик как пить дать злотых четыреста стоит».

Тут хорошо показаны и круг интересов польской шляхты и то вождение, которое представляли для этой шляхты 400 злотых. Но ведь 400 злотых, это всего-навсего 87 рублей — то, что оставалось у хорошего трудяги-пленного от зарплаты за два дня работы на советском заводе даже после вычета прожиточного минимума. Еще раз подчеркну — на заводе сталинского СССР.

Еще один эпизод к данной теме. 17 сентября 1939 г. войска Красной Армии перешли границу и вошли на территорию бывшего польского государства. Исполняющий обязанности начальника погранвойск Киевского округа вечером пишет донесение о том, что польская авиация атаковала и пыталась штурмовать территорию СССР (один самолет сбит артиллерией), о том, что одна наша погранзаства по ошибке открыла огонь по своей же кавалерии (один красноармеец убит, трое ранено и ранено две лошади) и т. д. Однако в конце донесения он информирует о том, что может стать экономической проблемой (выделено мною): «Население польских сел повсеместно приветствует наши части, оказывая содействие в переправе через реки, продвижению обоза, вплоть до разрушения укреплений поляков. Зарегистрированы попытки группового перехода на нашу сторону с целью свидания с родственниками и **покупок разных предметов и продуктов в кооперативах наших погрансел**». Война, кровь, а обыватель ринулся в магазины Советского Союза за покупками.

«Мы никогда так хорошо не жили, как перед войной» — говорили наши старики еще в 70-х. «Мой милый, если б не было войны» —

вздыхается в грустной советской песне. Но война была.
И развязал эту войну не Советский Союз.

Корни

А теперь я хочу написать о своем отце. Почему? Потому, что оценить народ удобно на примере. Это главное.

Потом, есть еще три соображения. Во-первых, я полностью разделяю мысль Ярослава Гашека в предисловии к его «Похождениям бравого солдата Швейка», где он о причинах написания романа о столь незначительном герое поясняет: «...Он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии. И этого уже достаточно».

И мой отец не поджигал свою страну и не предавал свой народ — он ее строил и его защищал. И этого уже достаточно. Об остальных причинах написания я скажу в конце.

Хотя я и прожил с отцом безвыездно 24 года, а потом каждый отпуск проводил дома, но, к сожалению и стыду, очень мало знаю его биографию. Как-то очень мало в семье приняты отвлеченные разговоры, не имеющие отношения к тем вопросам и проблемам, что решались семьей в это время. Не то что в семье были какие-то строгости или чрезмерный официоз, как, скажем, в семье князей Болконских в романе «Война и мир», нет. Более того, я, например, в отличие от детей многих украинских семей, обращался к отцу и матери, бабушке и дедушке на «ты», хотя сам отец обращался к своим родителям, как требуют украинские обычаи, только на «вы».

Просто дух семьи был таков, что рассматривать отца в качестве попа, которому нужно исповедоваться, можно поплакаться в жилетку, не приходилось. Не принято это. И отца тоже было непросто вызвать на какие-либо воспоминания или откровения, хотя я и старался. Как-то, когда я уже имел своих детей, пытался уговорить отца написать воспоминания для внуков, но не смог. Не охотник отец писать и даже в 90-х, когда он был квартальным и ему нужно было заполнять на жителей своего квартала многочисленные списки на водку, масло и прочее, выписывать справки и делать записи в домовых книгах, он привлекал в помощь маму, которая и на пенсии продолжала исполнять должность секретаря.

Одно время я решил использовать технику — купить магнитофон или диктофон и попросить отца надиктовать воспоминания. Не получилось. Мало того, что это по-прежнему не вызвало у него энтузиазма, но и годы, к сожалению, уже взяли свое.

Спрашиваю:

— Папа, расскажи, как жилось до войны?

— Да, в общем, тяжело.

— А продукты сколько стоили?

— Дешево... Пойдешь на базар с 15 рублями, полную сумку принесешь и мяса, и овощей.

— А получал ты сколько?

— Наверное, рублей 700.

— А, скажем, костюм сколько стоил?

— Рублей 200–300.

— Значит, ты мог каждый месяц покупать по костюму?

— Получается — мог.

— А сколько у тебя их было?

— Один.

— Так на что ты деньги тратил?

— Наверное, проедали...

Раньше, конечно, мне надо было за это дело взяться, проявить больше энергии при расспросах. А то ведь все, что знаю об отце, поступало как-то случайно. Помню, отец подметал улицу перед домом, остановился с соседом переговорить, а мы, детвора, устроили тут же, на обочине дороги, соревнования по прыжкам в длину. Отец, глядя на нас, вдруг рассказал соседу, что в 41-м немцы сбили их с высоты и, установив на ней пулеметы, открыли огонь по убегающим нашим. «Мы бежали, — вспоминал отец — с одним лейтенантом. Ему пуля оторвала подошву сапога, и он был ранен в пятку, но заметил это только тогда, когда мы отбежали от немцев километра на два. А внизу была речка, неширокая, но все же как до того забора. — Отец показал на забор противоположной стороны улицы, отмерив этим взмахом метров 7–8. — А я плавать не умею. Что делать?! Пришлось ее перепрыгнуть. Откуда силы брались?»

Смешно сказать, но даже о довольно интересных (по меньшей мере, для меня) подробностях своего рождения я узнал случайно, на

четвертом десятке жизни за рюмкой водки от старшего брата, который, кстати, тоже поразился моему незнанию этого факта.

Дело в том, что я действительно смутно помню детский эпизод. Мне лет 5, блестящая черная машина, на руле круг, разбитый на четыре белых и голубых сектора. (После перестройки узнал — «БМВ».) Мы с папой и мамой едем к ее родственникам. Веселый водитель с фамилией Кизимов. Он гладит меня по голове и смеется: «Ох и шустрый ты парень! Тебя в роддом везти надо, а ты как выскочишь, как побежишь! Еле-еле я тебя догнал!» При этом отец добродушно усмехается.

Оказывается, как рассказал десятки лет спустя старший брат Гена, схватки у мамы начались внезапно и резко. Мать послала Гену (ему шел восьмой год) за отцом на завод. Брат побежал вдоль дороги, так как время рабочее уже окончилось, а отец с работы обычно возвращался по этой дороге. Отец ехал вместе с другими работниками на заводском автобусе и, увидев бегущего навстречу сына, попрердержал его водителя. На счастье, сразу за автобусом, на персональном «БМВ» ехал директор его завода с водителем Кизимовым.

Отец остановил и эту машину, директор пересел в автобус, а отец с Генкой помчался домой везти маму в роддом. Посадили маму, но отъехать успели метров 200. Я уже не хотел ждать. Кизимов остановил машину, а так как отцы в таких случаях обычно беспомощны, то он закатал рукава и принял роды прямо на улице. Доставил он нас в роддом уже готовеньких.

Я не могу считать этот мой рассказ об отце образцом реализма, многие эпизоды биографии отца основаны на впечатлениях от его рассказов «по случаю», специально не выяснялись и не уточнялись. Этот рассказ — скорее всего импрессионизм в ранней стадии...

Отец и мать дали мне хорошую породу. И отец и мать — дети украинских крестьян, а точнее — малороссийских. Правда, одно время я думал, что отец несколько изменил фамилию, так как дедушку в селе звали (в переводе на русский) «дед Федор Муха». Но оказалось, что нет, что это кличка, которую, кстати, и нам с братом в детстве пришлось носить; Мухин — это подлинная фамилия. Отец моего деда — Остап (Евстафий), а вот его отец Архип был курским крестьянином, пришедшим в прошлом веке на заработки в село Николаевку

Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, где его и женили и где он своей русской фамилией вклинился в чисто украинских Шкуропатов, Пупов и прочих. Впрочем, что значит «чисто украинский»?

По Украине столько веков бегали взад-вперед то татары, то литовцы, то поляки, то шведы, потом пошли переселенцы от евреев до немцев. И всяк норовил местному населению породу улучшить и улучшал. Да и свои казачки запорожские, разбойничая от Стамбула до Варшавы, не прочь были разнообразить на своих хуторах женские лица. Поэтому я думаю, что русский, как дворняга, — чем больше в нем кровей намешано, тем он породистее. Между прочим, даже в русских аристократах это сидело. Генералиссимус Суворов, воинской славы — по горло, куда уж больше, так нет, фамилию свою выводил не от украинского слова «суворый», т. е. — «суровый» (чем плохо?), а от какого-то варяга Сувора в дружине Рюрика. А славный русский писатель Куприн? Гордился не своей литературной известностью, а тем, что он — русский офицер и что в жилах у него течет и кровь татарских князей. Так чего уж нам, крестьянам, гнушаться своей курской и еще бог знает какой крови? Так что с точки зрения генетики, у меня все в порядке, в лучших русских традициях. С сословной точки зрения, происхождение из крестьян — тоже отличное. Лучше только из солдат. Но и этого — навалом. Украинцы все-таки, хотя профессиональных военных в семье никогда не было.

Князь Голицын, споря в печати с петлюровцами, доказывал, что украинцы — это русские, и не из худших, так как украинцы всегда были лучшими солдатами русской армии. В русской армии были и бесстрашные татары, но украинцы, благодаря своей выносливости и упрямству, прошу прощения — упорству, это ее лучшая часть. Да и в Советской армии вам бы каждый сказал, что «хохол без лычки, что справка без печати». Очень редкое явление. Действительно, все мои товарищи по юношеским, порой хулиганским годам вернулись со срочной службы как минимум сержантами, сосед старшиной, а заводила Виктор с совершенно украинской фамилией Сало, так тот вообще в мирное время за 3 срочных года дослужился до младшего лейтенанта.

На моем столе под стеклом — репродукция старой изломанной фотографии. На ней, судя по длинным шинелям, 3 кавалериста Первой

мировой войны, судя по всему — 3 драгуна. Унтер-офицерские лычки, на груди по два креста с бантами, медали. В центре Михаил Белокур — мой дед по матери. Этот дед умер, когда я еще не родился, а когда мне было 9 лет, погибла моя мать. Родня по материнской линии жила достаточно далеко и, главное, неудобно по транспорту. Отец вскоре привел в дом вторую мать и сводного брата Валерия, и, видимо, это тоже как-то отдалило материнских родственников. Кроме того, они довольно быстро, порой нелепо, умирали. Остались фотографии, и когда я был уже подростком, мне очень захотелось подержать в руке Георгиевский крест. Судя по фотографии, у деда по матери он был. Но... не было этого деда.

И я решил, что если кресты были у одного деда, то почему их не должно быть у второго? И при первой же поездке в село к деду я пристал к нему с расспросами:

— Дедушка, а у тебя кресты есть?

— Какие кресты?

— Ну, военные, как вроде сейчас ордена.

— Нету, — безразлично ответил дед.

— А медали? — все еще теплилась маленькая надежда.

— И медалей нет.

— Так ты что — не воевал?

— Как это не воевал? — удивился дед и задрал верхнюю и нижнюю рубахи, которые он всегда носил навыпуск.

На по-крестьянски молочно-белом, плоском животе деда, правее пупка, ясно виднелся вертикальный шрам сантиметра 4 в высоту.

— Видишь, — сказал дед, — австрияка штыком изловчился. Спасибо землячку с Полтавщины, пособил в этом деле. Австрийца успокоил и меня на себе вытащил.

Такие вот оказались у деда кресты и медали.

Когда дед Федор вернулся с фронта, умерла мать моего отца, бабушка Ганна (Анна), при очередных родах. Дед женился на вдове с дочерью. У меня осталось впечатление, что в детстве у отца и его братьев Ивана, Трофима и Иллариона отношения с мачехой были не вполне. Как-то я по дурости упрекал в чем-то отца, и тот с большой обидой сказал, что я не знаю, что такое по-настоящему строгий отец.

Он рассказал, что вскоре после второй женитьбы дед построил новую хату, и сада возле нее еще не было. А чай пили, заваривая

вишневые веточки. Бабушка Горпина (Агриппина) — мачеха отца — послала его наломать веточек в саду у соседа. Но сосед весь день был на улице, отец не смог незаметно подойти к его вишням. Вернулся с поля замерзший дед и попросил чаю. Бабушка демонстративно налила ему в кружку кипятка. Дед удивился, и бабушка ему сказала, что, дескать, Гнат не захотел принести веточек. Дед взял вожжи и выпорол отца так, что тот плашмя лежал, не вставая несколько дней. Когда отец, наверное, не менее чем через 60 лет вспоминал это, мне казалось, что та обида в нем не утихла.

Интересно, что и я подобного не минул, но не с таким итогом. Мне было лет 7, когда я впервые попробовал рыбачить. Старший брат, естественно, был мне нянькой, а 8 лет разницы в возрасте не делали для брата эту службу привлекательной. Поэтому Гена охотно отозвался на мою просьбу сделать удочку. Быстро срезал кленовую ветку, нацепил леску, привязал крючок, грузило и показал, где искать червей. Сам же отправился по своим делам.

До Днепра было не очень далеко, но дело в том, что там с берега рыба не ловилась на такую видную снасть. Поэтому друзья увлекли меня в парк на канаву, в место, где меня за дальностью никто не догадался искать. А на канаве ужасно ловились ерши. Только где-то в двенадцатом часу ночи счастливый, с куканом ершей до земли, я вернулся домой. Сейчас уже и не вспомнишь, что было с братом за мою увольнительную из дома, но кукан с ершами моментально оказался на самой вершине груши, где они и засохли.

Отец привез с фронта трофеи, но почти все они ушли на материалы для строительства дома. В памяти остался ковер метра 3 на 4 (из японского посольства в Берлине) и пустая кобура. Были 2 пистолета, и, наверное, отец бы пострелял из них со мною жаб на болоте, как это он делал с моим старшим братом, но шустрый сводный брат быстро отыскивал те места, где отец прятал пистолеты, и в результате папа выбросил их в выгребную яму уборной. Мне досталась только кобура. Была у отца еще и опасная бритва «Золинген», правил он ее на широком офицерском ремне с латунной прорезной пряжкой.

Забросив ершей на грушу, отец тут же показал мне, для чего, кроме правки бритвы, может применяться этот ремень. Наверное, я был смысленый, а может, несправедливых наказаний никогда не было,

но я больше не помню их. Наверное, они были, но память их не удержала, да и это, по-моему мнению, нужное мне наказание помню, вероятно, только потому, что память связывает его именно с первой рыбалкой.

Кстати, в Средние века прибалтийские бароны, когда делили между собой земли и устанавливали границы, на ключевых пунктах границ пороли маленьких сыновей своих крепостных, чтобы те запомнили до старости границы земли своего барона. Так вот, я и сегодня могу безошибочно указать то место в парке на канаве, где поймал первых ершей. Не глупо поступали бароны.

Но вернемся к отцу и его семье. Отец родился 17 декабря 1911 г., но крестили его 1 января 1912 г. с тем, чтобы попозже наступил его призывной срок военной службы. О том, что детство его было нелегким, видимо, бессмысленно писать — кто это сегодня поймет? Как нам, считавшим голодом нерегулярные поставки колбасы в магазин, понять людей, действительно голодавших? Переживших 27-й год, 33-й год, 47-й год? Да отец никогда об этом и не говорил.

Но все-таки время от времени к какому-нибудь случаю да что-нибудь вспоминалось. Например, к вареной картошке мама подает тюльку, и отец вспоминает, что в годы его детства дедушка тоже как-то купил тюльку, и вся огромная семья села ее есть. Хитрая невестка, вместо того чтобы брать по одной рыбке, захватывала сразу несколько, одну клала в рот, а остальные сбрасывала в подол. Бабушка заметила и спросила, что она туда бросает. Та ответила, что это головки. «Ничего, — сказала бабушка, — ложи головки на стол, мы и головки съедим».

Или, например, по мнению отца, мама скупо полила салат подсолнечным маслом, и он ее подначивает таким «советом». Дескать, бабушка в годы его детства делала так. Открывала на виду у всех бутылку с маслом, опрокидывала ее горлышком вниз над блюдом, которое требовалось помаслить, но при этом успевала большим пальцем руки, которой держала бутылку, закрыть горлышко. Делала вид, что помаслила и снова закрывала бутылку.

Но, думаю, что в то время другие жили и хуже, потому что дедушка все-таки был крепким хозяином. Даже в мое время на Украине у многих хаты были крыты соломой или камышом. А у

дедушки и сама хата, и служебное строение, в котором были его мастерская, склад топлива и хлев, были крыты железом.

Только летняя кухня и конюшня были под соломой. Конюшня — это, конечно, осталось от старого, лошадей я не застал. Впрочем, в раннем детстве в ней стояла корова, которую в те времена дедушка держал пополам с другим хозяином. Мой дядя Илларион — дядя Ларик — как-то рассказал, что при организации колхозов дедушка боялся попасть под раскулачивание, так как у него было штук 6 лошадей и столько же коров. Но поскольку батраков у него не было, а за стол порой садилось до 19 человек, то его сия чаша миновала.

Видимо, здорово помогало дедушке и то, что он имел работу на зиму — период, когда у крестьян работы мало. Он был стельмахом, т. е. столяром, специализирующимся на изготовлении телег, подвод, бричек и т. д. «Весной, — вспоминал дядя Ларик, — дедушка запрягал в подводу пару коней, а к подводе привязывал еще штук двадцать подвод, и мы ехали в Новомосковск на базар их продавать. Однажды удачно продали, и твой дедушка купил мне велосипед!» Да, в те годы велосипед — это, пожалуй, как вертолет сегодня. То-то шикавал перед девушками дядя Ларик! Судя по этому эпизоду, жил дедушка неплохо, но, видимо, все-таки недостаточно, чтобы удержать семью в голодный 27-й год. В этом году мой отец, 15 лет от роду, ушел в Днепропетровск искать лучшей доли. Без ничего. Правда, когда у меня «хватило ума» повторить эти слова при бабушке, она страшно возмущалась: «Как без ничего?! А подушка и одеяло, которое я ему в город передала?!» Еще и отец за мои необдуманные слова от бабушки втык получил.

В Новомосковске отец быстро кончил курсы каменщиков и, видно, был каменщиком добросовестным и старательным, так как ему доверяли класть углы мартеновских печей на заводе им. Карла Либкнехта уже в Днепропетровске. Но там же и обсчитали в расчете, и он перешел на завод имени Артема. На этом заводе он, если включить в счет армию и фронт, проработал 47 лет. Начинал с того, что толкал железнодорожные вагоны по подъездным путям завода, затем кузнецом, котельщиком, учился в вечернем техникуме, но документов об его окончании я никогда не видел. С завода был призван на срочную службу.

Разумеется, что на срочной службе он быстро дослужился до старшины. Вернулся на завод, стал работать диспетчером завода, был

избран его комсоргом. Сведений о его жизни в это время мне известно мало, знаю только, что в это время он увлекался фотографией. Но надвигалась война, и в 1939 г. отца направляют на курсы младших лейтенантов — в Школу красных старшин в городе Янов Киевской области. В январе 1941 г. он, разумеется, окончил эти курсы не младшим лейтенантом, а лейтенантом. Наш род служба никогда не пугала, хотя на нее и никто специально не нарывался. Но раз уж попал служить, то служить надо хорошо.

В это время случилось важное для меня событие. Отец как-то приехал на выходной в родное село, там вечером познакомился с молоденькой учительницей, а утром они поженились. Видимо, отец уже был на заводе достаточно уважаем, поскольку молодоженам была дана комната в заводском многоэтажном доме, совсем рядом с заводом. Были и горести.

Отец с беременной матерью возвращались из села пригородным поездом. Была страшная давка, маму сильно помяли, и наша старшая сестра Люба, названная, как мама, в младенчестве умерла.

Отца призвали 23 июня. Надо сказать, что с участием отца в войне связана семейная история, красивая, как легенда. Немцы с началом войны по ночам стали бомбить Днепропетровск. Вновь беременная мать боялась ночевать одна в пустой квартире и на ночь пошла ночевать к подруге. Утром им донесли тревожную новость: «Артем» бомбили». Весть о том, что Днепропетровск уже бомбят, дошла и до дедушки. Он немедленно снарядил подводу и послал старшего брата отца, не подлежащего мобилизации дядю Ивана, в город забирать невестку. Дядя Иван ехал всю ночь 60 км до города и только к утру подъехал к дому моих родителей.

Сюда же прибежала от подруги и моя мать. В дом попала бомба, часть дома обвалилась. Мать рассказывала, что она вошла в уцелевший подъезд и стала подниматься по лестнице к своей квартире. Дверь квартиры была выбита взрывом, на пороге стоял дядя Иван с кнутом в руках и отрешенно смотрел в провал под своими ногами. Естественно, все в квартире было разбито и погребено под обломками, но... на уцелевшей части стены абсолютно нетронутым висел фотографический портрет отца. И мать сказала: «Он вернется живым».

У половины моих дядьев такой счастливой приметы не было.

У моего дедушки по отцу — Федора — детей было много, но часть из них умерла в детстве (при родах умерла и его первая жена — Анна). Выжило четверо сыновей от бабушки Анны и сын от второй жены — бабушки Горпины. Всего, значит, по мужской линии у меня должно было быть четверо дядьев: Иван, Трофим, Илларион, Николай. Дядя Иван не подлежал призыву и умер в голод 1947 г., остальные ушли на фронт.

По маме у меня было двое дядьев: Иван и Федосей. В Федосея в детстве попала молния, и у него была парализована одна сторона тела. А Иван Белокур был военным летчиком.

Сгорел в своем самолете дядя Иван Белокур, убит был пехотинец дядя Трофим Мухин, пропал без вести дядя Николай Мухин. Николай был единственным совместным сыном бабушки и дедушки, и его долго ждали, до середины 60-х не верили, что убит, надеялись, что жив, что в плену, думали, что вот-вот отзовется. Не отзывался...

Из 6 дядьев трое убиты на фронте, половину старшего поколения мужчин моей семьи унесла война.

Из четверых мобилизованных дядьев вернулся только один — артиллерист дядя Илларион (разумеется, старшиной), хитроватый, веселый, с врожденным подначливым хохлацким юмором.

Но это было потом.

Война

Дядя Иван отвез мою мать в село к свекру и свекрухе. А 22 августа, уже в оккупации, мама родила моего старшего брата Гену, и хотя это имя не совсем идентично имени отца — Игнат, но все-таки назван так был брат в его честь. Сама она в оккупации работала в этом же селе учительницей начальных классов до тех пор, пока во двор не вбежала малолетняя дочь старосты села и не крикнула: «Дед Федор, отец послал сказать, что немцы село окружают, молодых в Германию будут гнать! Прячьте тетю Любу!» Но куда?

Дедушка схватил ручную тележку, бабушка в нее что-то бросила, мать схватила Генку, и они огородами выбежали в степь, где дед махнул рукой: «Там Губиниха, а оттуда дорогой пробуй добраться до своих».

Хотя маме тогда было не больше 23, дорога ей далась очень тяжело: надо было прятаться от немцев и полиции, перебраться по наведенному немцами понтонному мосту через Днепр. Пройти надо было почти 300 км. Ее рассказ об этом я смутно помню с детства, причем с упоминанием, что брат вел себя непослушно, не хотел сидеть в тележке, цеплялся ручками за ее колеса.

Тележка сломалась, но, к счастью, мать нашла на дороге утерянные кем-то очки, и ей попался подслеповатый кузнец, который за эти очки отремонтировал тележку.

В конце концов, она пришла в свою родную Златоустовку под Кривым Рогом и до освобождения жила со своими родителями.

Как-то мы с отцом несли домой по 2 ведра абрикосов, дорога была длинная, мы говорили о том, о сем, и как-то вспомнилось это бегство мамы из Николаевки. Но, оказывается, в Златоустовке к маме приставал какой-то полицейский. Как приставал — отец не уточнил.

(Вообще-то, когда я пацаном летом жил у дяди Федосея в этой Златоустовке, то помню, как дядя рассказывал, что когда наши вернулись, то они всех предателей перевешали. Но этот полицейский был, видно, какой-то невредный.)

Тем не менее, когда эту часть Украины освободили и отца отпустили с фронта в отпуск повидаться с семьей, отец специально

занялся розыском этого невредного полицейского. Но тот, узнав об этом, сбежал из села. И судя по тону и выражению лица у отца, когда он об этом вспоминал, мне этого полицейского надо благодарить — избавил он своим бегством отца от штрафного батальона.

Первые бои

Но продолжу биографию отца. Мы подошли к периоду, для меня достаточно насыщенному эпизодами, но и достаточно смутному. Конечно, рассказы отца о войне были мне страшно интересны, но... они были неинтересны ему.

Я знаю десятки фронтовиков, которых хлебом не корми, а дай поговорить о войне. Такие обычно сильно врут и приукрашивают, но ведь хоть что-то от них узнаешь интересное. А тут родной отец, а начинаешь вспоминать, так и получается, что почти все, что узнал о нем, узнал как-то случайно.

Сидят, скажем, как-то у дедушки, наверное, на Пасху (на Пасху мы всегда ездили к дедушке) наша семья, дяди Лари и дяди Гриши — мужа сводной сестры отца — тети Марии. Дядя Гриша — алкаш, ему много не надо. Поддал и почему-то вспомнил, как жил у бауэра в Германии, куда его подростком угнали немцы. Как ему там было голодно, так голодно, что даже какой-то мох начал расти на теле. Но говорил это таким тоном, что вроде он один на войне пострадал, а все во время войны на курорте отдыхали. У дяди Гриши, судя по моим воспоминаниям, особой любви к отцу не было, и когда папа заметил ему, что и они с Илларионом во время войны не без дела были, дядя Гриша стал оскорблять отца, — дескать, ты всю войну в тылу просидел. Отец вспылил:

— Я 11 раз ходил в атаку!

— Бреешь, — кричал дядя Гриша, — если бы ты 11 раз ходил в атаку, тебя бы убили!

Скандал погасили, а я таким образом узнал, что отец 11 раз ходил в атаку. И дело не в том, что отец меланхолик или флегматик, нет. Он скорее сангвиник, но ни он, ни дядя Ларя, похоже, как-то не видели ничего особенного, ничего сверхординарного в своем участии в войне, не видели ничего, чем стоит хвастаться. Дядя Ларик мог похвастаться, какую пару кабанчиков он сумел откормить и довольно подробно рассказать, как он их кормил.

Но то, что у него орденов столько же, сколько и у отца, среди которых и орден «Славы» да еще и медаль «За отвагу» есть, я узнал

совершенно случайно, когда мои кузины при мне искали какие-то документы и вытащили коробку с ними.

— Папа, — спрашиваю я, — а ты немцев убивал на войне?

— Убивал.

— Много?

— Много...

— Лично убивал?

— Бывало и лично.

— А как?

— Да по-разному.

— А как все-таки?

— Не помню, отстань.

Но хотя я и подросток, но тактик, и начинаю делать обходной маневр, понимая, что и отец понимает, что он не может не помнить, как убил первого.

— А как ты убил первого?

Отец без энтузиазма начинает рассказывать...

Но лучше все-таки рассказать, как отец встретил войну, поскольку тогда для него все было первым: и первая атака, и первый убитый враг, и первый военно-полевой суд.

Отец — сапер, и мне, например, совершенно непонятно, почему его, не имеющего опыта лейтенанта, призванного в армию с началом войны, назначили на должность начальника штаба (адъютанта старшего батальона) УРовского батальона. Дело в том, что УРы — укрепленные районы на старой границе — должны бы были, по моему разумению, защищать стрелковые, а не инженерные войска. Действительно, потом отец служил по специальности — командиром саперной роты, саперного батальона, инженером стрелкового полка. Но начал он войну в такой своеобразной пехоте.

Кроме того, этот батальон был отдельным, т. е., он имел ранг полка, имел свое знамя и, кстати, по словам отца, действительно был очень мощным. Отец утверждал, что у них было в батальоне более 70 пулеметов — это раза в 4 больше, чем в обычном стрелковом батальоне, а еще минометы на грузовых автомобилях, счетверенные зенитные пулеметные установки, тоже на автомобилях. Видимо, страшным был комплект командиров, если лейтенанту доверили

штаб такой мощной подвижной части. Правда, и комбат был только старшим лейтенантом.

Встретил этот батальон войну в Бессарабии, а отец в первом бою участвовал уже через 5 дней после мобилизации — 28 июня — под городом Комрат. С началом войны к отцу прикрепили ординарца, и отец дал тому очистить от смазки только что полученный наган. Ординарец, не зная, как наган устроен, сумел его разобрать, но не сумел собрать и, видимо, боясь нагоняя, сунул его разобранным отцу в кобуру. Отец говорит, что этот придурок не вставил ось барабана. Правда, и отец не проверил оружие... Тоже хорош.

Против батальона действовали румыны; батальон занял оборону, начал окапываться, и отец пошел осматривать окопы. На участке одной из рот перед ее фронтом не успели скосить кукурузу, и румыны, пользуясь тем, что они в кукурузе плохо видны, пошли в атаку. Командир роты, где как раз и находился отец, поднял роту в контратаку. Отец не говорил, из каких соображений, но он тоже побежал с этой ротой в контратаку — совершенно не начштабовская работа.

У отца не было другого оружия, кроме нагана, и когда отец его выхватил из кобуры, барабан выпал, отец это не заметил и бежал со всеми, но безоружным. Выскочив из кукурузы, он наткнулся на румына с винтовкой наперевес. Отец вскинул наган и начал щелкать курком. Выстрела, естественно, не было. Отец, как он говорит, с перепугу, закричал на румына: «Ложись, а то убью!» Видимо, не менее перепуганный румын бросил винтовку и поднял руки вверх. Отец его взял в плен, но потом, как он говорил, никогда больше не притрагивался к нагану, личным оружием у него был только пистолет ТТ.

Теперь из соображений хронологии лучше рассказать про военно-полевой суд. Это был последний бой, который 32-й штурмовой батальон провел более-менее организованно. Батальон занял позицию на краю обширного конопляного поля, имея его перед собой. Отец расположил штаб в тылу батальона в кукурузном поле, дальше в тылу было пустое пространство, речка с мостом, и за ней большое село (название я забыл). Фланги батальона упирались в балки и лесополосы. Поздним вечером перед фронтом батальона появилась

какая-то кавалерия. Отец пошел выяснять, что за войска. Это оказалась казачья часть.

Казаки были уже средних лет, т. е. настоящие мужчины, возможно, и с опытом империалистической. Через грудь у них были надеты красные ленты с надписью: «Дон — Берлин». (Эта надпись мне долго не нравилась, мне казалось, что отец здесь или фантазирует, или что-то путает. Но потом, читая мемуары других авторов, я нашел подтверждение этим воспоминаниям отца.) Начальник штаба казаков, майор, договорился с отцом о плане завтрашнего боя. План был таков. Казаки скроются в балках и за лесопосадками на флангах батальона. Когда утром немцы пойдут в атаку, батальон должен был своим огнем заставить немцев залечь и накопиться за насыпью, проходившей через конопляники. «И тогда в дело вступим мы», — закончил майор.

Утренний бой прошел по плану. Когда немцы под пулеметным огнем батальона сосредоточились за насыпью, две лавы казаков с флангов обрушили на них сабельную атаку. Казаки вырубili всех, причем страшно: отец говорил, что некоторые немцы были разрублены от плеча до пояса. Но время уже было не для таких атак, казаки и сами понесли большие потери. После боя начштаба казаков подарил отцу боевого коня своего убитого адъютанта и предупредил, что их меняют и что сменит их обычная кавалерия. Эта кавалерия действительно подошла, но стала в глубоком тылу батальона и даже не выслала представителей для обсуждения взаимодействия. А когда немцы сделали по ней несколько артиллерийских выстрелов, то она развернулась и ускакала в неизвестном направлении.

Обозленные первой неудачей немцы обрушили на батальон удар огромной силы. Наши солдаты стали бросать окопы и убегать, комбат побежал их останавливать, отец тоже пытался остановить бегущих, пока не услышал в кукурузе команды на немецком языке. Он бросился к коню, и как заметил отец, конь действительно оказался «боевым», он бросился от немцев таким аллюром, что его хвост стлался параллельно земле, и кстати, ноги отца были параллельны хвосту, так как конь не оставил отцу времени сесть в седло, отец только и успел за него зацепиться. Эта джигитовка закончилась тем, что конь вынес отца на улицу села прямо в руки заградительного отряда.

Отца разоружили и отвели в хату, где заседал военно-полевой трибунал, который не стал его слушать и за самовольное оставление

боевых позиций приговорил к расстрелу. До начала церемонии его закрыли в сарае, где уже сидели другие приговоренные. На счастье, заградотряд вскоре задержал и командира отца — старшего лейтенанта. Но тот вошел в село с группой солдат батальона и с полуторкой, на которой был установлен счетверенный зенитный пулемет.

Группа остановилась возле хаты, а комбата завели внутрь к трибуналу, и вскоре и он тоже получил расстрел. Но когда его вывели, он скомандовал своим солдатам: «К бою, наводи пулеметы на хату!» Конвой растерялся, комбат перебежал к своим, затем разоружил трибунал, арестовал его и отправил в штаб армии. Отца и других освободил.

Как я понял, с этого момента батальон стал фактически группой выходящих из окружения солдат и командиров. Но отец по своей должности отвечал за сохранность тылов части, и когда он накануне боя увидел, как удирает от немцев наша кавалерия, то сразу приказал обозу батальона тоже перейти мост и расположиться в селе. Этим он спас знамя батальона и его документы; имея знамя, батальон фактически продолжал существовать. Эта группа, пока в составе своей дивизии, начала выходить из окружения, пытаясь соединиться с Приморской армией.

Немцы нещадно бомбили дивизию с воздуха, в причерноморских степях негде было от них укрыться, начались повальные дезертирства и сдачи в плен, отец говорил, что вдоль тех дорог, по которым он шел, как лес торчали воткнутые штыком в землю наши винтовки. В это время отцу и встретился тот первый немец, которого ему пришлось убить лично. Было это так.

Отца с товарищем послали разведать пути отступления. Они ехали на «бедке» — двухколесной конной повозке. Ночь уже опустилась на землю, когда они въехали в балку, там было совсем темно, но при выезде из нее они вдруг на более светлом фоне неба увидели двух немцев, неосторожно пытавшихся рассмотреть, кто едет. Отец и его товарищ соскочили с «бедки» и выстрелили первыми: отец — из пистолета, а его товарищ — из автомата. Одного убили, а второго ранили. Раненого захватили и привезли к своим.

После допроса отец отвел пленного от штаба и выстрелом из пистолета в голову убил. Формально отец совершил преступление: по

Уголовному кодексу пленных убивать запрещено. Но отец воевал с немцами не формально, а по-настоящему. Сдать пленного было некуда, сами были в окружении. Было два пути — или отпустить, или убить. Отец убил. Война для него футболом не была.

Забегу вперед. В конце войны в Германии отец на марше командовал боевым разведдозором дивизии. Наткнулись на колонну немецких беженцев, которые спасались от наших войск. (И правильно делали, в Германию входили солдаты, уже увидевшие свою страну сожженной и изнасилованной.) Понимая, что будет, когда эту колонну догонят войска дивизии, отец командовал немцам бежать и прятаться в ближайший лес. Переждать, пока дивизия пройдет.

В это время подъехал начальник политотдела, еврей, если это имеет значение. Бросился к немцам, выхватил из толпы старика и выстрелил в него. Вернее — пытался выстрелить. Пистолет дал осечку. Но второй раз ему выстрелить отец не дал и потребовал, чтобы тот убрался, а когда начальник политотдела попытался надавить на отца должностью и званием, отец пообещал его пристрелить. Оскорбленный начальник политотдела уехал. Остановились на ночевку, и отец с тревогой ждал, когда за ним придут. Действительно, пришли. Пришел адъютант командира дивизии и под роспись ознакомил с приказом Жукова, из которого следовало, что «за убийство гражданского немца — расстрел, за поджог дома — расстрел, за мародерство — расстрел». Фактически отец спас от расстрела своего начальника политотдела, но, похоже, тот этого не оценил.

Вернемся в 1941 г. Наступил день, когда отступающие и окруженные остатки дивизии, состоявшие уже в основном из командиров, коммунистов и евреев в количестве 1100 человек, уперлись в последний заслон немцев. Поступил приказ: ночью всем вместе прорваться, а затем, рассеявшись по степи, добираться до Одессы поодиночке. Прорвались. Из батальона отца прорвались 3 командира и подвода с лошадью. В подводе было знамя батальона и железный ящик с документами. Поставили подводу на дорогу в Одессу, посадили самого лихого — командира разведчиков — и, нахлестав лошадь, наказали ему гнать без остановок до самого города. А сам отец с еще одним лейтенантом пошли пешком. Шли по тылам немцев несколько суток, ночами, голодные. По дороге их чуть не

убили румынские мародеры, шедшие в тылах своих войск грабить Одессу. Наши по ошибке их приняли за мирных граждан.

Дошли ночью до последнего перед Одессой села, там их задержали председатель и парторг колхоза, оставшиеся партизанить: проверив документы и наличие петлиц и звездочек, покормили, но приказали немедленно убираться из села, так как немцев ждали с минуты на минуту. Отец с товарищем вышли из села, но идти не было сил, и они заснули в стогу. Утром их разбудил топот сапог идущего из Одессы в село отряда моряков во главе с подполковником, Героем Советского Союза. (Потом, особенно внимательно читая мемуары об обороне Одессы, я встречал упоминание и об этой бригаде морской пехоты, и о ее командире.) Отец доложил ему, и они с товарищем снова пошли в Одессу, на сборный пункт своей дивизии. Увидели сзади попутную подводку, решили попроситься подвезти и к удивлению узнали свою подводку со знаменем. Оказывается, лихой разведчик быстро ехал только до этого села, а там как заночевал у молодки, так ночевал, ночевал и ночевал. Можно представить себе ярость отца? Ярость оттого, что он пешком обогнал свое знамя, которое отправил на лошади. Ведь выйди он без знамени, его бы ждал трибунал с известным приговором. Получалось бы, что он — начальник штаба — бросил свой батальон. Кстати, его дивизия потеряла знамя, была вычеркнута из списков дивизий Красной Армии, и даже службу в ней отцу не хотели учитывать.

Итак, остатки батальона отца в количестве трех человек при знамени и под его командой прибыли в Одессу на сборный пункт дивизии. Собралась там ровно десятая часть прорвавшихся — 110 человек.

Я спрашивал его, какую награду он получил за спасение знамени части.

Отец только усмехнулся. За все эти бои его отметили только немцы, сбросив в конце обороны Одессы бомбу недалеко от отца, от осколка которой он получил тяжелое ранение в голову, настолько тяжелое, что очнулся от него только в Новороссийске. Правда, он говорил, что вроде помнит, как его везли на пароходе из Одессы и как какая-то женщина не отходила от него, поддерживая ему голову, страдающую от качки.

О наградах

Кстати, о знаменах. В художественной литературе о войне спасение знамени части — довольно любимая тема, и если герой не погиб, то его обязательно награждают.

А в жизни нет. Как-то я ехал в поезде, и мне попался попутчик — симпатичный старичок. Мне он был еще более симпатичен, потому что немногочисленные орденские планки на его пиджаке начинались медалью «За отвагу». Оказался главным бухгалтером колхоза и довольно словоохотливым.

Он начал службу писарем зенитной части в Белоруссии. Начало войны для него было таким же беспорядочным, как и у отца. Их часть тоже отступала, в Березине они утопили свои орудия, в беспорядке отступления штабная машина, в которой они ехали и в которой находилось знамя, отбилась от своих, кончился бензин. Он и другой писарь подожгли машину, взяли знамя и пешком, через много дней вышли к своим, причем нашли свой штаб. И за это вы получили медаль «За отвагу»? — поинтересовался я. (Ведь если они вышли к штабу, то было кому заполнить представление к награде.) Что вы, — запротестовал главбух, приятно удивившись, что я разобрался в его наградах, — в машине сгорели хромовые сапоги комиссара, так он еще и попрекал, что мы вместе со знаменем не вынесли их.

А медаль старичок получил так. Его назначили командиром расчета 37-мм зенитного орудия, и он всю войну простоял с ним на охране какого-то важного моста.

Кстати, интересен подход разных родов войск к одним и тем же опасностям. Пехота считает, что артиллеристам легче, так как они у нее в тылу. Артиллеристы говорят: «Хорошо в пехоте, сходил раз в атаку, и если не убили, то отдыхай полгода в госпитале. А тут таскай, таскай на себе эту пушку, пока тебя бомбой не накроет». Пехота приспособливается к обычному для нее артиллерийскому обстрелу, различает по звуку летящего снаряда степень опасности, понимает, что такое артиллерийская «вилка». Но пехота не любит авиационной бомбежки, которая была для нее в ту войну все-таки не очень частой, поскольку передний край как цель для авиации не слишком выгоден. А

мой собеседник был зенитчик, его-то как раз и бомбили чаще всего. Он утверждал, что снаряд страшнее — снаряда не видно. А бомба в полете хорошо видна. Можно присмотреться, куда она летит. И даже если летит прямо на тебя — тоже ничего страшного. Надо всегда помнить, откуда ветер дует, побежать навстречу ветру и залечь. Бомбу ветром отнесет, и ты отбежал — уже взрывная волна не сильно ударит, а осколки через тебя перенесет. Так учил меня воинским хитростям колхозный главный бухгалтер. Так вот, о его медали.

В очередную бомбежку часть немецких самолетов бомбила не мост, а собственно зенитчиков. На орудие, которым командовал мой собеседник, спикировал самолет. А в это время у заряжающего заклинило в приемнике кассету со снарядами. Пушка не стреляла. Мой рассказчик прыгнул на лафет, оттолкнул заряжающего и ударил обеими руками по кассете. Кассета вошла в приемник, пушка выплюнула очередь снарядов навстречу самолету. В это время рассказчик увидел, что от самолета отделились две бомбы. Скомандовал «в укрытие». Все спрыгнули в окоп. Раздался первый взрыв, и заряжающий, который, видимо, чувствовал себя виноватым, без команды «к орудию» метнулся из окопа. «Но ведь бомбы было две! — все еще переживал случившееся старый зенитчик. — Я успел схватить его за сапог и дернуть, но было поздно. Взорвалась вторая бомба, и он упал на меня уже без головы». А самолет между тем был сбит, и батарея, разобрав этот случай, засчитала победу расчету орудия моего собеседника. Всех наградили медалями. Кроме татарина-заряжающего, которому не повезло, которого похоронили.

Я пишу эти строки, чтобы напомнить, как трудно доставались награды солдатам, честным солдатам, тянувшим на себе лямку той войны. Слишком много должно было совпасть обстоятельств, чтобы их боевую работу заметили, написали представление, чтобы оно прошло по инстанциям, чтобы за это время их не ранили, не убили, не перевели в другую часть.

Я пишу об отце, как о настоящем коммунисте, поэтому не могу все-таки обойти и примазавшихся к коммунистам мерзавцев.

Возьмем, к примеру, последнего «идеолога» КПСС — А. Яковлева. Можно ничего не знать о его партийной и государственной «деятельности». Нужно только посмотреть, как этот «герой» наваливал себе на грудь ордена, и понятно, что это за подонок. Он был призван,

попал на фронт и сразу же был тяжело ранен в задницу, что само по себе не имеет значения, но на фронт он больше не вернулся, окопавшись в партийных органах. Награждать его тогда никто не стал. Но вот в 1947 г. он отхлопотал себе орден Красной Звезды. За что? Мой тесть, попав на фронт, тоже воевал не много, был сразу тяжело ранен, стал инвалидом и до смерти ходил, хромая, с палочкой. После войны он, директор сельской школы, выучил три поколения своих сельчан, что никак не повлияло на количество его наград. Когда село его хоронило, на подушечке перед гробом несли две юбилейные медали; даже обычной для всех фронтовиков медали «За победу над Германией» у него не было.

За что же Яковлеву этот орден? За то, что не сбежал от призыва?

Этот тип — вещественное подтверждение ироничной сентенции Гинденбурга о том, что ордена дают не там, где их заслуживают, а там, где их дают. Аппетиты Яковлева растут. Ему дают еще один орден — Отечественной войны. Но этому политику с интеллигентным лицом хищного хорька и этого мало. Дойдя в своей карьере до членства в Политбюро, он теряет контроль над собственной наглостью и возлагает на грудь орден Красного Знамени — самую почетную армейскую награду, если не считать звание Героя.

Дело в том, что хотя орден Ленина и старше ордена Красного Знамени, но в армии второй почитается больше, поскольку первый «и дояркам дают». А орден Красного Знамени дают только за воинские заслуги и ни за что больше.

И если вы видите на груди человека этот орден, или его орденские планки начинаются красно-белой ленточкой, и если этот человек не Яковлев, то значит перед вами воин, совершивший как минимум какой-то сверхординарный поступок, либо очень заслуженный.

Яковлев украл эти ордена. Украл у того колхозного бухгалтера орден Красного Знамени, который по праву полагался ему за спасение знамени части. Украл у него же и орден Отечественной войны, которым надо было наградить командира расчета зенитного орудия за умелое уничтожение им вражеского самолета с минимальными потерями. А орден Красной Звезды надо было отослать семье того татарина-заряжающего за то, что, в отличие от Яковлева, имел совесть. Ведь это совесть выбросила его из окопа под осколки. Для них Монетный двор лил серебро и клал эмаль на эти орденские знаки.

Но вернемся к службе моего отца и его первой награде. С наградами отцу долго не везло, два года он воевал, а ничем не отмеченный, да и не мудрено — пехота! А при поражениях и другим родам войск награды дают скупой, а тогда вся Красная Армия никак не могла разорвать цепь сплошных неудач. Отец побывал во многих битвах той войны. Когда он вышел из госпиталя после первого ранения, его направили во вновь формируемую дивизию. Эту дивизию бросили на оборону Тулы, таким образом, отец участник битвы под Москвой. Но каково было это участие... Ночью дивизия отца разгрузилась в Туле и заняла оборону где-то в парке, а на следующую ночь то, что осталось от дивизии, около 200 человек, были выведены из города и уехали на переформирование. Но Тулу немцы не взяли.

Потом в книге «Битва под Москвой» в справочной таблице я нашел 69-ю стрелковую дивизию, в которой отец после первого ранения начал служить командиром отдельной саперной роты. Но в тексте упоминаний об этой дивизии нет. Видимо, очень уж кратковременным было ее участие. Был отец и под Сталинградом, не в самом городе, а на северном фланге этой битвы. Вы понимаете, что отец уже побывал в мясорубках, но Сталинградская поразила и его. Каждую ночь на передовую шло и шло пополнение, а обратно никто не возвращался.

Участвовал отец и в Курской битве, и здесь наконец сошлись вместе все составляющие, необходимые для получения награды. Вопреки утверждению Гинденбурга, ордена оказались в том месте, где их заслуживают.

Накануне наступления немцев на курско-орловский выступ саперы отца — инженера 120-го стрелкового полка — перед фронтом установили огромное минное поле дистанционно-управляемых фугасов. Немцы пошли в атаку на дивизию очень мощными силами: при поддержке танков на наши позиции решительно накатывалось несколько волн пехоты. Отец находился на командном пункте командира дивизии и держал руку на ключе подрыва минного поля. Рядом наблюдал за боем командующий 65-й армией П.И. Батов. Нервы у комдива стали сдавать, возможно, он сомневался, что это минное поле удастся подорвать. Он стал приказывать отцу взрывать. Но отец хорошо знал границы поля, он видел, что не все атакующие на него зашли, и стал возражать комдиву. Батов молчал...

Наша артиллерия и огонь стрелков немцев не останавливали. Наша пехота стала отступать на вторую линию обороны. «Взрывай!» — требовал комдив. «Рано!» — отвечал отец. Командующий армией молчал. Но вот немецкие танки стали подходить к ориентирам внутренней границы поля, и отец его взорвал. Все получилось. Когда осела поднятая взрывом земля, на поле горели разбитые немецкие танки, и не было видно ни одной живой души. Батов запустил руку в карман своего галифе, вынул коробочку с орденом Красной Звезды, сунул его в руку отцу, буркнул адъютанту: «Оформи документы», — и уехал на другой участок фронта.

И немцы не забыли об отце. При освобождении от немцев города Севск, 14 августа 1943 г. он получил тяжелое ранение осколком в ногу. Помню, пацаном без содрогания не мог смотреть на зловещий шрам на внутренней стороне бедра, длинный, тянущийся от колена почти до самого паха. Отца спасло то, что он не сразу потерял сознание, успел снять ремень, наложить им жгут, частично остановив хлеставшую из раны кровь. А 27 августа Севск был освобожден, и 69-я дивизия получила почетное наименование «Севская».

Отец никогда этого не говорил, но чувствовалось, что он очень гордится этим орденом. (Да и то — два года воевать без награды — любому будет обидно.) У него есть фотография, снятая в госпитале в Ленинкане в Армении. В центре группы раненых стоит отец. На белом больничном халате привинчен орден...

И этот орден у отца хотели отобрать. Против него долго интриговал один генерал, легковую машину которого саперы по команде отца сбросили в воду с наведенной ими переправы. Машина заглохла и остановила движение войск на переправе, срывался график, отец не мог ждать, пока шофер починит двигатель.

Вообще-то интересно отношение отца к орденам. Я никогда их на нем не видел, а в детстве мне этого очень хотелось. Я гордился им (и сейчас горжусь), и мне так хотелось, чтобы все видели, какой он у меня, короче, мне хотелось хвастаться своим отцом. Я не понимал, что вот этот элемент хвастовства в ношении орденов не устраивает гордого отца. Он долго отказывался надевать ордена, мотивируя это тем, что не хочет портить костюм дырками от них. Тогда я сделал рацпредложение: без его ведома на лацкан его парадного пиджака подшил петельки, вдел в них ордена, приколот медали. Отец

поулыбался и даже сидел в этом пиджаке дома на каком-то торжестве. Но потом все снял. Такое же отношение к орденам и у дяди, да и многих других. Можно их понять: они не хотят, чтобы другие подумали, что они этими наградами хвастаются. Но я и сейчас считаю, что это неправильно. Надо носить. Им можно.

Уже студентом я обнаружил в городе мастерскую, которая делала орденские планки, и заказал их для отца и для дяди. Планки отец принял и стал носить, а дядя, кажется, был даже польщен, что племянник помнит не просто о нем, а даже об этой стороне его жизни. Но... планки отец с пиджака на пиджак не пересаживал. Пиджак из выходного становился повседневным, а планки оставались на нем, а потом с этими планками отец работал в поле на пасеке, а на новом, выходном пиджаке — ничего. Как у тыловики...

После лечения в госпитале в Армении отец был инженером 241-го гвардейского стрелкового полка 75-й гвардейской стрелковой дивизии. Это я знаю. Но стыдно сказать, я даже не знаю, за что отца наградили одним из орденов Отечественной войны, при каких обстоятельствах он получил осколочное ранение в лицо, и в каком бою ему прострелили навывлет руку.

И чтобы закончить с орденами, расскажу еще об одном ордене отца, тем более что интересно сравнить отца в начале войны с отцом в конце ее.

Он вместе с десятком саперов на рассвете вел разведку дороги, по которой должен был идти его полк. Наткнулись на немецкие противотанковые мины, саперы начали их снимать и тут заметили немецкую засаду, которая состояла из двух танков, тщательно замаскированных в саду придорожного хутора. Танкисты, судя по всему, спали в тепле на хуторе, а немецкого часового саперы обнаружили у дороги. Эта засада, конечно, не дело саперов, но и отец уже был не тот, что в 1941-м. Он приказал двум саперам, зайдя с тыла, заложить под гусеницы танков немецкие же мины и замаскировать их.

Затем расположил саперов со стороны, с которой танки прикрывали строения хутора, и приказал открыть огонь по часовому и по окнам хутора из карабинов. Немцы вскочили по тревоге, и их танкисты бросились к танкам, а так как из танков не было видно атакующих, то они попытались вывести машины из сада. Оба танка подорвались на минах, немцы, бросив машины, отошли. Отец таким

образом ликвидировал засаду и захватил два танка. Он и саперы были награждены. Да, это уже не бег в атаку с наганом без барабана. Тут уже и хладнокровие, и расчет.

Как на войне

Я честно пытался расспросить отца о войне побольше, и не моя вина, что отцу больше вспоминалось о каких-то нелепых случаях, трагических в своей нелепости. Наверное, из этих случаев и состоит война, где сама жизнь — это счастливый случай.

У отца в батальоне был товарищ, офицер-земляк. Этот товарищ нарушил инструкцию по установке минного поля, которую все нарушали. Но... нагромождение нелепиц, и погибли несколько солдат. Товарища судили, а поскольку штрафного батальона в их армии не было, то его отправили рядовым на передовую. Отец начал его оттуда вытаскивать. Для этого он, мотивируя свои просьбы отсутствием офицеров-саперов, выпрашивал его с передовой для производства важных саперных работ, за исполнение которых товарищ получал благодарности от командования. После нескольких благодарностей с товарища отца сняли судимость и восстановили ему звание.

Обрадованные приятели вечером укрылись в каменном доме и отпраздновали возвращение. В комнате была одна кровать, и хотя отец был старшим по званию и должности, но, учитывая окопную жизнь своего друга, он положил его спать на кровать, а сам лег спать на полу под стенкою. Ночью в эту стену ударил снаряд. Стена выдержала, но с внутренней стороны от нее откололся кирпич, пролетел над спящим отцом и разmozжил голову его приятелю, спящему на кровати. Судьба...

Или вот как отец получил неожиданный однодневный отпуск. Готовилось наступление, и отец получил приказ построить дивизионный командный пункт поближе к противнику. Саперы за ночь построили его на ничейной земле, замаскировали со стороны немцев. Утром отец доложил о готовности комдиву, тот пообещал через час прийти и лично осмотреть свое будущее рабочее место. опережая его, отец добрался до КП и обнаружил, что саперы его не подвели, пункт построен добротно, они даже поставили на входе прочную дверь. Но на КП толпилось много народу, кроме офицеров, там же прятались от редкого обстрела немцев ординарцы и связные. Отец всех лишних выгнал на улицу в открытые щели. Раздался взрыв, отец потерял

сознание, а когда очнулся, то обнаружил, что он чем-то придавлен и зажат, но руки и ноги у него целы. Он стал звать на помощь, прибежали ординарцы и освободили его — единственно живого, — все остальные офицеры на командном пункте были убиты.

Оказалось, что утром наш артиллерийский наблюдатель засек на нейтралке новую точку и решил, что это немцы что-то построили. Решил на всякий случай пристреляться, дал команду на гаубичную батарею, и первый же снаряд упал перед порогом КП. Сорванная взрывом дверь зажала отца в углу, но и прикрыла его от взрывной волны, чем спасла жизнь.

Он с ординарцем побежал докладывать о случившемся комдиву. Но теперь их заметил немецкий наблюдатель. Сзади их взорвалась мина, и отец с ординарцем залегли за стенкой разрушенного сарая. Следующая мина разорвалась впереди. Отец понял, что они в «вилке», что сейчас немецкий минометчик уменьшает прицел на половину разницы с прицелом первого выстрела. Надо было бежать, но ординарец стал упрашивать его остаться под стенкой, ведь вторая мина разорвалась именно там, куда им надо было бежать. Отец рванул из-под стенки один и через несколько секунд, услышав вой падающей мины, упал. Мина взорвалась на том месте, где он только что лежал. Ординарец был убит. Отец забежал в блиндаж командира дивизии, а блиндаж для комдива его саперы строили очень прочно — в шесть накатов бревен. Не успел он начать доклад, как точно на блиндаж упал немецкий снаряд очень крупного калибра. Пять накатов взрывом снесло. Когда присутствующие в блиндаже поднялись с пола и стряхнули землю, отец попытался продолжить рапорт, но комдив махнул рукой: «За тобой сегодня, Мухин, смерть охотится, иди в тыл и на передовой сегодня не появляйся».

Прошу отца рассказать что-нибудь о штурме Берлина. Он подумал, но опять рассказал о солдатской судьбе. Перед штурмом их дивизия была построена, и перед ней выступил командующий их армией. Генерал сказал прочувствованную речь о последнем бое в этой войне, о неизбежности жертв, о том, что Родина не забудет ни погибших, ни их семьи. Спросил, есть ли вопросы. Вопросов вроде не должно было быть после такой речи, но стоящий на левом фланге плюгавый солдатик вдруг спросил:

— Товарищ генерал, почему нам говорят, что водки полагается 100 грамм, а начинает старшина делить, так и по 50 не выходит?

Генерал подумал и ответил:

— Представь, что на правом фланге солдату дали в руки сосульку и сказали передать тебе через других солдат. Пока она к тебе дойдет, что от нее останется? Водка приходит на фронт. Там она никому не полагается, но все в тылу фронта ее пьют. Из фронта она поступает в армию. В армии водка тоже никому не положена, но и там ее все пьют. Из армии водку везут в дивизию, и здесь ее все пьют, хотя она никому не положена. Так что же, по-твоему, от нее должно остаться, когда она поступает в полк к твоему старшине? — генерал повернулся к офицерам дивизии: — Кто зам по тылу?

Из строя офицеров шагнул майор и взял под козырек:

— Майор Измаил.

Генерал подошел сорвал один погон и сказал:

— Пойдете в бой рядовым. После боя рассмотрим вопрос о вашем звании.

Рассматривать вопрос не пришлось. Майор Измаил был убит в этом бою. Давайте битвой за Берлин и закончим в этой повести фронтовую часть биографии отца.

Трудяга

В 1946 г. майора Мухина демобилизовали, он вернулся в Днепропетровск и, разумеется, поступил на родной завод. Я думаю, что в это время он работал начальником цеха. Такое сочетание — ветеран завода, фронтовик, орденосец и начальник цеха — давало ему весомые шансы получить квартиру в ближайшем построенном заводом доме. Но прожив немного в бараке, отец продал все, что мог, и начал строиться, по-видимому, готовясь принять меня уже в более комфортные условия. Он купил шлакоблоки, привез песку, затворил в яме известь. Дедушка Федор и двоюродный дед Пахом сделали всю столярку к дому, табуретки и прочее. К моему рождению дом был построен. Я не знаю, нанимал ли отец людей, строя первоначальный, малый вариант дома, но потом, когда он его достраивал, пристраивал веранду, перекрывал крышу шифером, строил летнюю кухню и сарай, он все делал только сам. Более того, он и мне передал не очень удобную черту характера — ни он, ни я не умеем работать с помощником. По нашему мнению, помощники всегда все делают не так и не то. И отец во время работы с большим трудом терпел даже разумные советы.

Тем не менее, наш дом в нашем, в основном рабочем поселке был не хуже прочих.

С начала пятидесятых начинается период, когда я уже начинаю помнить отца, помнить его поведение, его поступки и достаточно уверенно могу описать его.

Самая главная черта его характера, вызывающая зависть у нас, детей, это его трудоспособность. Я даже не могу назвать это трудолюбием. Думаю, что отец и не объяснил бы смысл этого слова. Ведь слово «дыханиелюбие» — глупость, а отец всю жизнь работает, как дышит.

Естественно.

Для него нет работы, которую бы ему зазорно было делать, — лишь бы она была кому-то нужна. Никто никогда не чистил нам уборную, никого мы не нанимали ни для каких работ по двору и дому. На работу его звать не надо — он придет сам.

У меня это вызывает крайнюю зависть. Все-таки мне порой хочется отдохнуть, хочется поваляться с книжкой на диване. Отец тоже любил читать, но, по-моему, где-то внутри у него зияла мысль, что отдых — это просто потерянное для работы время. По нашему — братьев — единодушному мнению, нам, тогда 40—50-летним мужчинам, практически невозможно было соревноваться в физической работе с отцом, который старше нас на 30 лет. Ему тяжело, он сереет лицом, начинает задыхаться, у него замедляются движения, но если эту работу нужно сделать сегодня, то она сегодня и будет сделана, даже если мы видим массу причин, почему ее нужно перенести на завтра.

Вот я приехал в отпуск, и мы решили попилить засохшие яблони и груши на дрова. От монотонного движения двуручной пилы через час начинает ныть рука, начинаешь чередовать руки, через полтора часа отваливаются плечи, начинаешь просить перекура.

— Кури, кури, — соглашается отец и берется за топор колоть чурбаки.

— Па, ну что же ты меня позоришь! Ну, посиди отдохни, я потом все переколю.

— Да я так отдыхаю. Пилой горизонтально двигаешь, а топором вертикально, вот и отдыхаешь. (И еще подначивает. Когда я от усталости начинаю тянуть пилу не на всю длину, говорит: «Ты до конца тяни, я же деньги за всю пилу платил, а не только за ее середину»).

Когда у нас с женой вдали от дома, в Казахстане, родился сын, мы попали в трудное положение. И я, и она — самые младшие в своих семьях. У нас не было даже минимального опыта обращения с маленькими детьми. А тут настала осень, на только что взятом под дачу участке земли уродился богатый урожай овощей, — голова кругом шла. И я попросил родителей, тогда уже пенсионеров, приехать помочь. Конечно, из экономии они сели на поезд и через 4 дня пути были у нас. Мы смогли с женой хоть в кино сходить. Отец упрекнул меня за отсутствие туалета на моем садовом участке, а в степи — это первое строение, которое строится на даче. И, конечно, взялся его немедленно выкопать. Земля же на даче была целинная: под 20 сантиметрами очень твердого чернозема, лежал плотный, как камень, слой глины. Мы договорились назавтра копать вдвоем, а поскольку я

работал, то вечером. Но как же — станет отец меня ждать! В обед позвонила жена и сказала, что отец, оббегав утром весь город и сделав необходимые покупки, ходил, ходил по квартире, а потом, не выдержав, уехал на дачу. Дача у меня в 20 минутах хода от работы, и когда я прямо с завода побежал туда, уже было поздно. Отец копошился на дне глубочайшей, метра три, ямы строгой прямоугольной формы.

— Па, ты что, нефть ищешь или бомбоубежище строишь? Ведь если я даже всех дачников буду сюда приглашать оправляться, то она и через 10 лет не заполнится!

— Я узнал, что у вас глубина промерзания 2 метра, а подвала у тебя нет и картошку тебе хранить негде. Так мы часть картошки сюда сложим, все равно тебе зимой туалет здесь не нужен, а весной ты ее откопаешь, и яму потом используешь уже по назначению.

В последнее время мы с братьями уже побаивались в присутствии отца упоминать о какой-либо работе, поскольку, узнав о наличии работы, он немедленно обдумает, как ее сделать самым дешевым (а следовательно, — самым тяжелым для себя) путем и тут же за нее примется.

Наше поколение бредит отдыхом, в этом деле мы уже перешли грань маразма, получается, что вся цель нашей жизни — отдохнуть. Хотя ведь если задуматься — то от чего отдыхать? Что такое отдых? Как-то на каникулах я был в студенческом стройотряде, и, заработав немного лишних денег, мы с ребятами махнули в Крым и там дней 10 позагорали. После Крыма я поехал в село к бабушке и дедушке. Поужинали, старики с нетерпением ждут от меня любых новостей — что делал, где был и т. д. Говорю, что строил дома под Новомосковском, что чертов прораб нас обманул при расчете и прочее. Это старики понимают, это обычное дело. Потом рассказываю, отдыхал в Крыму. Что такое «отдыхал» им, в общем, понятно, но почему в Крыму и как именно? Ну, как отдыхают — лежал в плавках на горячем песке под солнцем, загорал. И вижу в глазах стариков жалость ко мне, как к придурку.

Начинаю понимать, в чем дело. Представьте себя на их месте — все лето в поле под ярчайшим солнцем и на жаре. Все всегда одеты, а у женщин даже лица закутаны белыми платками — чтобы не обгореть. Представьте, что вы им предложите после работы в поле «отдохнуть»

таким образом — лечь голым на земле под солнцем. Что они о вас подумают?

Так вот об отце. Мой отец за всю свою жизнь не только никогда не был в санатории или пансионате, но и пока он не вышел на пенсию, он никогда в жизни не был в отпуске. Пока было можно, он брал за отпуск компенсацию, а потом, когда это уже запрещалось, то получал отпускные и уходил в отпуск, а на второй день его отзывали из отпуска по его просьбе. Если читающий эти строки вдруг подумает, что мой отец был несчастным, то пусть сразу же пожалеет и себя — дебила. Больше оснований. Поскольку мой отец брал от жизни самое дорогое и лакомое блюдо — удовольствие от своей полезности людям.

Когда стало подходить время его пенсии, выяснилось, что его 140 руб. оклада старшего мастера обеспечивают пенсию чуть выше минимума. А ведь ветеран завода почти с 50-летним стажем, фронтовик, орденоносец. Казалось бы, мог бы походить по инстанциям, потрясти медалями, чего-нибудь добиться. Нет. В 58 лет он переходит работать слесарем-сборщиком и работает еще 4 года, следя, чтобы его заработок не падал ниже 240 руб., обеспечивавших тогда максимум пенсии для нормальных людей. Двух лет хватало, но я думаю, он работал и после 60 лет потому, что не знал, что на пенсии делать. Но тут, кстати, помог сват, заядлый пчеловод. И отец занялся пчелами, довольно хлопотливым, хотя интересным и, по тем временам, прибыльным делом. Естественно, что практически все он делал сам, и было время, когда его успехи были отличными. Лет 15 он их держал, пока болезнь пчел — варроатоз, — свирепствовавшая по всему Союзу, не доконала и его.

После того как несколько лет подряд пчелы не выходили из зимовки, сдался и он. Но пчелы — это, в основном, летом. А зимой он обычно нанимался сторожем на автостоянки. Я как-то высказал по этому поводу свое недоумение маме: неужели денег в обрез? Но она успокоила: «Чего ему, мужчине, целыми днями возле моей юбки сидеть. Там он с мужичками где поговорит, где немного выпьет — все проветрится».

Отец никогда на услуги к людям не напрашивается, но когда такая потребность возникает, то он воспринимает ее как долг, не задумываясь.

Ну, скажем, к нам неожиданно приезжает майор, переведенный из Германии в Днепропетровск, с запиской. В этой записке брат Гена, который служил в это время в ГДР, нетвердой рукой просит отца помочь майору найти временную квартиру. Совершенно очевидно, что записка написана братом на проводах этого майора в веселом состоянии от щедрот душевных. Наш отец никогда и никакого отношения не имел к квартирам, можно было бы без ущерба чести отказаться. Но нет! Отец начинает метаться по знакомым, узнавать, выпрашивать, пока не заселяет майора. Потом майор получает свою квартиру. Казалось бы — все, но опять нет! Прихожу из института, какие-то свои дела есть, а отец дает команду брать инструмент и ехать к черту на кулички вставлять замок во входную дверь квартиры этого майора. То, что майор мог бы и сам уметь выполнить эту пустячную операцию, отца не волнует, попросил человек — надо помочь.

Или, скажем, соседу-попу разбили окно. Он жалуется отцу. Ну, что здесь такого, разбили — пусть купит стекло и вставит. Нет! Отец моментально вспоминает, что у нас на чердаке есть запасные стекла, есть стеклорез, а я умею им пользоваться. Моментально команда — и я иду к отцу Анатолию, который не намного старше меня, стеклить окно.

Просьбы людей к нему о помощи отец воспринимает автоматически, и они ему уже не дают покоя, а он часто не дает покоя и нам, братьям. За что мы ему благодарны, хотя и ворчим, и огрызаемся. Правда, он и сам, бывает, ругается и брюзжит на просящих, но дело делает, и они это знают. Может быть, и поэтому он чуть ли не до 90 лет был председателем квартального комитета. Мы посмеиваемся — ну неужели в поселке не нашлось пацана помоложе, ну, хотя бы лет 70? Есть, конечно, но такого, чтобы нес бесплатную общественную нагрузку и не ныл, такого, может, и нет.

То, что отец вывесил на заборе объявление, что он принимает посетителей только в четверг, людей мало трогает. Они идут, когда им надо, отец ругается, но не отказывает. Это его жизнь.

Благородство

Из тех черт, которые у отца не бросаются в глаза, но являются его органическим свойством, я бы назвал гордость. Мой отец очень гордый человек.

Но это не гордость аристократа крови, это гордость аристократа духа. Может быть, со мною не согласятся, что человек, легко идущий на помощь другим, в любой работе может считаться гордецом. Но это так. Это гордость абсолютно взрослого, без малейшей инфантильности человека, способного все необходимое сделать самому и без малейшего ущерба для самолюбия отказаться оттого, что он считает излишеством или мало необходимым. Это очень чувствуется людьми.

Наверное, я знаю не более десятка человек, которые обращались к отцу на «ты». Его сват (тесть брата Валеры) — его сверстник, научивший отца пчеловодству и лет 15 вместе с ним проводивший каждое лето на пасеке, на «ты» его не называл. Но, правда, на его «Игнат Федорович» следовало такое же «Дмитрий Архипович» и, естественно, «вы». При всей открытости отца люди чувствуют в нем что-то такое, что не допускает расхлябанности или панибратства в отношениях.

При этом он никогда и никому в отношении себя не сделает замечания, и дело даже не в том, что в этом не бывает необходимости. Сделать замечание ему гордость не позволит.

Вот интересный пример, как отец бросил курить. Он курил всю войну и курил, как я сейчас, — много. Когда он еще не построил дом, то жил с семьей в бараке. В то время папиросы были дефицитом, нужно было покупать табак, покупать папиросные гильзы, специальную машинку и самому набивать папиросы. У отца все это было, и он все это делал. А у его соседа по бараку — нет. Наглый сосед повадился ходить к отцу через 15 минут просить закурить. На Западе такого типа можно послать подальше, но в России отказать человеку закурить невозможно. Когда нахал в очередной раз приперся к отцу, отец сложил в коробку табак, гильзы и папиросы и на глазах наглеца, все это бросил в печку. Нахалу все стало ясно, а отец бросил курить. (У меня, к сожалению, такого соседа до сих пор нет. А может,

нет характера отца.) Заметьте — отец не унизился до того, чтобы стыдить соседа.

Я думаю, что люди всегда чувствовали это в отце. В доме у нас была только вода, баньки не было. Летом спасал душ, но в холодное время с мытьем были трудности. Когда я вырос из корыта, встал вопрос, где мыться. До бани было и далеко, и неудобно добираться, хотя студентом пришлось перейти на баню. А школьниками мы по субботам через забор бегали в душевое отделение стоящей рядом лакокрасочной фабрики. Кроме этого иногда, когда это было удобно, отец проводил меня на завод, в душевое отделение своего цеха. Отец в это время работал старшим мастером. Однажды, когда я стоял под душем, ввалилось несколько рабочих. Моясь и не зная, кто с ними моется рядом, они ругали отца, который, надо думать, заставил их делать то, что им не очень хотелось. При этом они употребляли запомнившееся автору словосочетание «е... офицер». Но отец снял погоны лет за 25 до этого и, как я писал, на этот момент не носил даже орденских планок.

Следовательно, было в нем что-то такое, что воспринимается людьми, как право командовать, как безусловное старшинство.

Кстати, о своих производственных проблемах отец никогда не рассказывал. Я уверен, что он был начальником цеха, но я не помню, когда и как его понизили в должности, это не было чем-то таким, что им, а значит и семьей, должно было восприняться как крупная неприятность. Вот когда он потерял свинью, он переживал это сильно; все-таки по своей вине нанес сильный ущерб семье. Мама его успокаивала.

Дело в том, что в те годы довольно часто к Новому году отец или сам, или пополам с кем-то покупал живую свинью. Живую потому, что покупались свиньи там, где дешевле, где-то под Полтавой, а время их убоя подгадывалось под более-менее установившиеся морозы. И вот в году 52—53-м, когда он вез домой на грузовой машине свинью, подлая развязалась и где-то по пути сбежала. Правда, отец заявил в милицию, и милиция через пару дней свинью отыскала. Но сам факт своей халатности отец сильно переживал.

(Кстати, интересный штрих к тому, какая была милиция при Бериин. Стала бы сегодня милиция двух областей искать и возвращать хозяину сбежавшую свинью?)

А неприятности личной карьеры остались незамеченными. Я думаю, они сложились из нескольких обстоятельств. Во-первых, отец был чистый практик без намека на какое-либо законченное техническое образование. Его умение ставить минные поля и взрывать мосты на заводе точного машиностроения уже было без необходимости. Во-вторых, одно время на заводе был директор «новая метла», при котором все кадры были поставлены с ног на голову.

Кстати, мой троюродный брат в это время за 3 года сделал бешеную карьеру — из токаря в заместители директора завода. Правда, с той должности он уволился и стал работать плотником. А отец в моей памяти все время был старшим мастером. Это такие цеховые рабочие лошадки, на которых держится производственный процесс.

Так же независимо отец держится со всеми и, строго говоря, это фамильная черта. Вспоминаю, как-то поздней осенью мы с отцом поехали на грузовой машине в Николаевку навестить бабушку с дедушкой. (Завод отца помимо бумагоделательных машин выпускал для армии спецавтомобили. Шасси для этих автомобилей приходили с автозаводов, а спецкузова делали в номерном цехе завода. Эти автомобили перед поставкой в армию должны были пройти обкатку 600 км, поэтому проблем с выпиской автомобиля на нашем заводе не было. Шоферы-гонщики и так должны были проехать по дорогам эти 600 км.)

Приехали вечером. Бабушка начала жарить яичницу с салом, а мы с дедушкой пошли осматривать, что и как во дворе. В сарае обратили внимание, что уголь есть, но дров, при помощи которых разжигается уголь, нет. Дедушка, между прочим, посетовал, что его обманули — обещали привезти дров, но не привезли. Никаких комментариев со стороны отца не последовало, и вопрос в этот день больше не поднимался. Через пару дней вечером отец подъехал к нашему дому на грузовой машине, кузов которой доверху был завален обрезками леса модельного цеха завода. Отец забежал предупредить маму, что везет дрова дедушке, а я уже сделал уроки и напросился с ним. Подъехали ко двору дедушки вечером, никого дома не оказалось, мы сбросили дрова, завалив ими весь двор. Подошел дядя Гриша, живший по соседству, и заметил, что дров для стариков слишком много и что, пожалуй, он заберет у них половину. Отец ему высказал, что он,

любимый зять, мог бы сам обеспечить стариков дровами, а не уполовинивать их. Но, конечно, мы знали, что дядя Гриша дрова все-таки уполовинит. Подошли дедушка с бабушкой, открыли хату, пригласили в дом. Бабушка занялась яичницей с салом, было видно, что старики довольны, но ни слова о дровах не последовало. Старшие выпили, закусили, надо было ехать обратно. Дедушка вроде невзначай спросил, сколько стоят дрова. Отец лаконично ответил, что нисколько.

Встали из-за стола, стали прощаться, бабушка поблагодарила отца и шофера за дрова, а дедушка вынул затертое кожаное портмоне, извлек из него две синенькие пятерки и дал мне на подарок. (А это было очень много для подарка. Я купил потом на них фотоаппарат.) Отец смолчал — не мог же он запретить своему отцу делать богатые подарки внукам. Мне нравилось их внутреннее достоинство и гордость: дед не просил сына везти дрова, но наверняка знал, что, увидев пустой сарай, тот купит и привезет. Сын не взял денег у родителей за жизненно важную помощь. А деду гордость не позволила принять помощь в деле, которое, по его мнению, он должен сделать сам. Он предпочел отдать деньги кому угодно, но не ронять свое достоинство, и даже не перед людьми, а в своих глазах.

В связи с тем бредом, который сейчас овладел нашей прессой, с искажением всего смысла служения Родине, мне вспомнилась реакция отца на вроде естественный сегодня вопрос. Пацаном я прочел книжку о немецких концлагерях, о наших пленных там, о подпольных организациях, об их сопротивлении немцам.

По книге эти пленные были героями, и мне подумалось, дурачку, — а вдруг и мой отец был в плену и был таким же героем. Я спросил его об этом и до сих пор помню его реакцию: «Никогда!» При этом было явно видно, что отец обижен и оскорблен самой мыслью о том, что он мог сдаться в плен. Да, у наших отцов сдача в плен подвигом не считалась...

Я уверен, что отец доволен своей жизнью — жизнью мужественного настоящего человека. Но надо сказать, что уж его-то жизнь показала ему себя во всем цвете, показала ему все. И все, что жизнь ему ни преподносила, он воспринимал как мужчина, без малейшей паники.

Держать удары

В конце пятидесятых мама заболела раком легких. Ей вырезали одно легкое, она лежала в больнице. Отец и старший брат, который уже работал на нашем заводе токарем, крутились по дому, ездили к маме в больницу. Наверное, у меня все-таки было что-то, чего я не понимаю, но что врачи называют нервным потрясением, потому что у меня все нижеописываемые события в мальчишеском мозгу связываются с первой полученной двойкой. Я помню, что шел домой, не представляя, как я скажу отцу об этой двойке, и мне очень хотелось заболеть, чтобы отец стал волноваться, чтобы он забыл спросить об оценках. И я заболел. Может, я уже до этого был простужен, но факт есть факт — я заболел.

Придя с работы и увидев меня больным, отец, конечно, не спросил про оценки. На другой день, когда старшие были на работе, я лежал у окна и мне была видна калитка в наш двор. Совершенно неожиданно она открылась, и во двор вошла мама. Была осень, холодно, а она была в шлепанцах и в больничном халате. Она зашла в дом, плакала и целовала меня, говоря, что ее отпустили из больницы проведать меня. Потом вышла из дома и заперла на замок дверь за собой. Но... со двора она не вышла. Я метался от двери к окну и ничего не мог понять. Когда отец пришел в свой обеденный перерыв кормить меня, я сразу же сказал ему, что мама пришла и где-то во дворе.

Отец выскочил из дома, через минуту — со двора... Прибежали соседи, приехала «скорая», во дворе ходили какие-то люди, меня оторвали от окна, поили какой-то остропахнувшей жидкостью, появилась моя школьная учительница, а с ней мужчина с петлицами на пиджаке, они меня расспрашивали, мужчина записывал мои ответы, во дворе и в доме по-прежнему было много людей, но мне никто ничего не объяснял, я ничего не мог понять...

(Услышав от меня, что его больная раком жена неожиданно пришла из больницы и сейчас где-то во дворе, отец, конечно, все понял. Заскочив в сарай, он подвернувшись под руку топором рубанул по потолочной балке, которую обвила наша такая красивая, с

синими прядями, бельевая веревка. Снял петлю с маминой шеи, но изменить уже ничего не мог.)

Мама оставила записку, но следователь прокуратуры — а это он опрашивал меня в присутствии учительницы — забрал ее с собой.

Потом были похороны, последний поцелуй над могилой холодных и твердых, как лед маминых губ.

Похороны запомнились огромным количеством детей — ведь мама была учительницей, а в то время учителя не выпрашивали себе уважения. Надо сказать, что очень долго я оставался в глазах людей скорее всего маминым сыном и именно потому, что она была учительницей. И десяток лет спустя люди, мне незнакомые, оказывали помощь, как только узнавали, что я сын Любви Михайловны.

Такой был забавный случай. В соседнем, соперничающем с нашим, районе я подростком нечаянно наткнулся на группу ребят, выявивших явное желание набить мне физиономию. Они уже, было, приступили к забаве, но вдруг их вожак, достаточно взрослый парень, присмотревшись ко мне, спросил о том, чей я сын. А убедившись, что догадался правильно, он укротил компанию, не дал ей поиздеваться над сыном своей бывшей учительницы.

Интересный случай рассказала Света — жена моего брата. Она заведовала здравпунктом на фабрике, и к ним явилась с проверкой высокая медицинская комиссия. И вдруг профессор мединститута, член комиссии, спросил ее — не родственница ли она Мухиной Любви Михайловны? Света ответила, что она жена ее старшего сына.

Профессор оказался учеником мамы и рассказал историю, буквально совпадающую со сценарием фильма «Уроки французского». Мама преподавала биологию и географию, время было послевоенное, в классах сплошь сироты, голодные. И выбрав пару особенно изможденных, мама начинала придирается к ним и ставила двойки. А затем требовала, чтобы они ждали ее и шли к нам домой на дополнительные занятия. Дома начинали с того, что мама садилась обедать и их сажала с собой. (В фильме мальчик красиво и гордо отказывается, но жизнь не такая красивая, как в кино. Дети ели.) После чего проводила с ними короткое занятие и отпускала.

То, как круто мама закончила счета с жизнью, не захотев умирать медленно, по-видимому, сильно потрясло меня. Тогда я этого не заметил и лишь десятки лет спустя обратил внимание, что я абсолютно

не помню маму. Абсолютно. Она как бы стерлась в памяти. Я помню тысячи мельчайших подробностей детской жизни, эпизоды из детского садика, из различных поездок, я сейчас без фотографии помню лицо первой учительницы. А маму — нет. То есть я знаю, как она выглядела, у нас есть фотографии. Фотографии я помню, а ее саму в жизни — нет. Вспоминаю эпизоды из жизни, массу подробностей, отца, родственников, знакомых. Где-то здесь в воспоминаниях должна быть и мама, но ее нет. Гладкий шелк ее платья и... все. Я помню ее учительский портфель, две защелки на нем, коричневую кожу и блестящую стальную планочку, удерживающую изнутри потертую ручку.

Портфель помню, но маму с портфелем в руках — нет. По мне, пацану, заготовке человеческой, это событие так прошло. А каково же было отцу?

Какое-то время мы жили втроем, хотя я почему-то слабо помню в этот период брата. Помню, что отец, бывало, приходил поздно, разыскивал меня у соседей по улице. (После смерти мамы я боялся оставаться один в пустом доме и убегал к соседям.) Сказать, что мне тогда было как-то особенно тяжело, что я был очень несчастен, не могу. Да, по-видимому, и период этот был невелик.

Жена

Вскоре отец привел мне новую маму и брата, а себе жену и нового сына Валеру, который был старше меня на 4 года. Моя новая мама была вдовой, отец Валеры, тоже фронтовик, довольно скоро после войны умер от старых ран.

Рассказывать об отце, не упоминая о его и моей жизни с этой мамой, невозможно. Они прожили вместе 47 лет и истинно составляли одно целое. Достаточно сказать, что за это время никто и никогда не слышал не только об их спорах, но даже о размолвках. Я не помню, чтобы в разговорах друг с другом они повысили голос хотя бы на полтона, хотя, повторяю, что мой отец далеко не флегматик.

Придя к нам в дом, мама (по-другому называть ее у меня язык не поворачивается) сразу же оставила свою работу секретаря-машинистки. Оставила ради меня. Чтобы не возвращаться мне со школы в холодный дом. Если говорить, что мой отец может и умеет сделать любую мужскую работу (да и женскую тоже), то мама, безусловно, знает всю женскую, благодаря ей кое-что из этой области знаю и я.

В нашем доме всегда было чисто и аккуратно, в этом смысле мама была педант, и это незаметно вошло в меня.

Я не терплю ничего валяющегося на полу, даже если кто-то утверждает, что это не валяется, а лежит. Мне непереносимо видеть, когда на постели лежат в одежде. Я твердо знаю, что вещь, взятая в одном месте, должна быть в то же место положена. И знаю, что это не придурь — потеря времени на поиск этой вещи во много раз перекрывает его потерю на восстановление порядка.

До тех пор, пока я не уехал из дома 24 лет, я никогда в жизни не видел таракана, клопа или вши. Это притом, что у нас не было в доме ни ванны, ни горячей воды.

То, что мама несколько лет не работала, было существенной потерей для бюджета семьи, но до тех пор, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы, придя со школы, самому нарубить дров, наколоть угля, затопить плиту и разогреть себе еду, мама сидела со мной дома.

Потом она вернулась на прежнее место работы, внося в семейный доход и свои 68 руб.

Мама — министр финансов семьи, она несла на себе ответственность за трату денег. Можно сказать, что отец никогда денег не имел, все они были у мамы, и поскольку Валера все-таки ее родной сын, то это порой приводило к различным обидам, в том числе и моим. Мне надо было начать самому зарабатывать, жениться, заиметь детей, чтобы понять, насколько мой отец был прав, передав деньги маме. Я утверждаю, что если денег в семье не хватает (а у кого их хватает?), то тратить деньги гораздо тяжелее, чем их зарабатывать. У нас в семье их тратила мама. Правда, все же большинство их проходило через руки отца. Дело в том, что было общепризнано, что папа более умело делает покупки. Поэтому, когда их надо было делать, мама, не считая денег, вручала папе кошелек и говорила, какие вещи или продукты она хотела бы видеть, а отец шел их покупать.

Возвращаясь, он отдавал маме продукты, как правило, без замечаний с ее стороны, и кошелек, который мама прятала без ревизии. Крупные покупки они, конечно, делали сообща и советуясь. Но деньги были в распоряжении у мамы, и надо сказать, что пользовалась она ими сверхразумно.

Доход семьи был невелик. Отец имел оклад 140 руб., вместе с мамиными деньгами всего набегало около 210. Гена служил, и на четверых (родители да мы с Валерой) и даже на троих — после призыва и Валеры на службу — это было немного. Достаточно сказать, что, когда я поступил в институт, мне потребовалась справка о душевом доходе, так как превышение его свыше 110 рублей лишало права на стипендию. Стипендия мне полагалась. После, правда, я стал отличником и доход уже не имел значения, но важен факт того, что доход ниже 110 рублей на человека обуславливал такую помощь государства.

Тем не менее, телевизор в нашем доме появился очень рано, раньше, чем у большинства соседей, холодильник — тоже. Я долго упрашивал, пока наконец склонил маму на покупку радиолы, а потом обижался, что она не дает денег на пластинки. Не было у нас автомобиля, но никто из нас по этому поводу не страдал.

Карманными деньгами нас с Валерой не баловали, в школе на обед 10, а потом 15 коп. — и все. Редко на что-то другое, да когда

Валера стал взрослым, то рубль по субботам — на танцы. Мы с Валерой как-то пытались уличить маму в скупости и долго пересчитывали варианты использования семейного бюджета, но все время оказывались в таких диких убытках, что переставали понимать, откуда мама вообще берет деньги. Умножение обычных цен на продукты на скромный их расход давало сумму, почти равную заработкам родителей. А одежда?

Только потом я догадался, в чем дело. В семье не было никаких лишних расходов, вся одежда всегда штопалась, подправлялась. А что касается еды, то мама здесь виртуоз.

Мне приходилось писать, что я был во многих странах, но не туристом, а по делу. И в тех странах (как и у нас) как только торговый партнер сходит на землю в аэропорту, в принимающей тебя фирме включается счетчик представительских расходов, списываемых на себестоимость. За любое посещение ресторана платит принимающая фирма. Неопытные, мы сначала этого не понимали и думали, что фирмачи угощают нас от щедрот душевных. И, естественно, пытались из своих жалких командировочных устроить им ответное посещение ресторана. Но однажды мы оплатили посещение ресторана, а фирмачи заметили, что мы не взяли счет, и один из них, не стеснясь, вернулся, забрал его у официанта и положил себе в карман. До нас дошло, что стоимость ужина он истребует у своей фирмы себе лично, хотя заплатили за него мы, т. е. мы занимаемся глупостями. У крупной фирмы представительские расходы велики и ей, в принципе, все равно, в дорогом вы были ресторане или дешевом. Представил сотрудник счет и объяснение, что ужин был с партнерами, — и порядок.

Поэтому наш приезд дает возможность фирмачам посетить такие дорогие заведения, которые без нас никто из них посетить не в состоянии — зарплаты не хватит. Думаю, что все эти рестораны и существуют в основном за счет таких представительских ужинов.

Я не считаю, что у наших людей в еде плебейские вкусы, как это думают многие, что низка наша культура еды, — это наша еда и наша культура. Они другие — и только. И с точки зрения наших привычек к еде, например, в Германии, нас больше всего устраивала бы, скажем, тушеная кислая капуста с сосисками и кровяными колбасками или вареная картошечка с селедкой. Все это есть в Германии и очень хорошего качества. Но на нашу беду — это пища очень дешевых

ресторанов и пивных. И тут мы попадаем в двойственную ситуацию. Конечно, если мы настоим, то фирмачи поведут нас и на сосиски в пивную, но как им потом отчитаться перед начальством в случае неуспеха или недостаточного успеха коммерческих переговоров, как им объяснить, почему они нас кормили в забегаловках? С другой стороны, эти люди, может быть, полгода ждали нашего приезда, чтобы пойти с нами в самый дорогой ресторан и потом рассказывать друзьям, какой вкус имел королевский лангуст в самом фешенебельном заведении города. И, конечно, не сбросишь со счетов и нормальное радушие хозяев.

В результате получилось, что автор ел пищу, возможно, лучших поваров мира, порой в обстановке, когда только тебе прислуживают два официанта сразу, чтобы тебя, упаси Господь, ничто не отвлекло от смакования супа, которым ты должен восхищаться, но который, тем не менее, видом, а может, и вкусом очень смахивает на супы нашего детского питания. Короче говоря, я думаю, что ел, конечно, не все, но достаточно много из того, что в мире считается очень вкусным, и готовилось это поварами, искусство которых своими автографами подтверждали известные писатели и президенты — бывшие посетители этих ресторанов.

Должен сказать, что из всего, что пробовал, в памяти не осталось ничего, что можно было бы искренне похвалить. Или очень и очень мало — скажем, некоторые салаты, итальянские макароны или устрицы. Да и то, если бы мне вдруг за этой пищей пришлось стоять 10 минут в очереди, я бы не стал спрашивать, кто крайний.

Я сделал это отступление только потому, чтобы читатель понял, что в вопросах еды, ее качества и вкуса автору есть что вспомнить, есть что перебрать в памяти. Тем не менее вкуснее, чем у мамы, я не ел. Она готовила и готовит просто великолепно, даже если сравнивать ее с женщинами ее поколения.

Потом, когда мне пришлось питаться в столовых, я всегда с содроганием удивлялся, как люди могут съесть полную тарелку пойла, которое по дикому недоразумению называется борщом. И как они могут есть это, непонятно жареное или вареное, что кличут в зависимости от фантазии повара то котлетой, то бифштексом. И кстати, сказать, что наши рестораны в этом плане далеко ушли от

столовых, нельзя; есть, конечно, разница, но для меня она несущественна.

Я думаю, что, несмотря на то что борщ самое распространенное первое блюдо вероятно подавляющего числа граждан СССР, процент тех, кто знает действительно его вкус, незначителен.

Мало вбросить в самый качественный бульон овощи в определенной последовательности. Возле кастрюли должна еще стоять женщина с талантом и трудолюбием повара. Даже на Украине, где женщин не упрекнешь в том, что они не знают, что такое борщ, искусницы в этом деле в толпе не теряются.

Такой пример. Умер мой тесть, Кулиш Владимир Веремеевич, директор сельской школы, учивший три поколения села. Умер сравнительно не старым, едва разменяв седьмой десяток.

Само собой, что для пришедших на похороны и поминки сельчан это событие было, по крайней мере, огорчительным. Какая, казалось бы, разница в том, которая из соседок сварит борщ на поминках вдовца? Но нет — для такого неординарного случая не каждая решится варить борщ, да еще и для людей, которые знают, что это такое. С другого конца обширного села пришла женщина, поставила на огонь четырехведерную кастрюлю и сказала: «Веремеич любил, чтобы капуста в борще была тверденькая». И как задумала, так и сделала. Я опоздал на сутки на похороны и первые поминки, но потом еще несколько дней доедал этот борщ и должен сказать — она борщ варить умеет.

Моя мама умеет варить не только борщ, на кухне она умеет все, и ей не надо специально откармливать молоком поросенка или пивом бычка, чтобы мясо получилось вкусным. У нее любое мясо будет вкусным. Возможно, качество этого мяса не даст ресторанному повару приготовить стейк или шашлык, но вкусное блюдо у моей мамы все равно будет.

Смешно сказать, но пока я не женился и не стал закупать мясо для дома, то думал, что коровье вымя стоит гораздо дороже, чем мясо. Я поразился, когда увидел, что его цена всего 40 копеек. Мама так его тушит, что мне казалось, что оно должно быть из числа деликатесных продуктов. Я, конечно, с удовольствием купил много этого продукта, и когда мы с женой в первый раз самостоятельно его приготовили, то понял, почему люди говорят, что у вымени очень неприятный запах.

Что да, то да! Но дело в том, что, когда мама готовит вымя, запах-то совершенно другой, приятный!

Вот с таким министром финансов у семейного руля папе были не страшны никакие штормы все возрастающей расходной части бюджета, вызванные взрослеющими сыновьями. Концы с концами сводились всегда, и мама уверенно держала корабль семьи на ровном киле.

(Правда, дядя Илларион считал, что расходы на сыновей существенно ниже. «Твоему отцу хорошо, — как-то шутливо сетовал он, — у него всего-то два сына (Гена уже жил самостоятельно), а отцу моих дочерей тяжело — у него целых две дочери!»)

Несмотря на жесткий экономический курс мамы, я не могу сказать о своем каком-то личном, подростковом безденежье, не могу сказать, что у меня не было чего-то, что мне очень хотелось бы. Даже потом, когда ценность денег стала осознаваться и связываться с возможностью владения теми или иными вещами, кое-какая мелочишка в карманах все-таки водилась постоянно. Правда, это были не только мамины субсидии. Хотя в те годы детский труд был категорически запрещен и для нас было просто немыслимо выбегать на перекресток, чтобы помыть стекла в машинах и тем более перепродавать сигареты на базаре, кое-какие возможности заработать свежую копейку были. Для меня такой возможностью долгие годы был сбор утиля и пустых бутылок. Конечно, выручка от утиля уходила в основном на резину для рогаток, но бутылки давали неплохой доход, особенно после праздников и получек. По крайней мере, денег сначала хватало на дополнительные сладости, а потом на фотопленку и бумагу и часто — на книги. Хотя я и был записан сразу в трех библиотеках, но в покупке книг есть особое удовольствие, и, может быть, для меня оно связано с тем, что первую такую покупку я сделал очень удачно — это был «Петр Первый» А. Толстого.

Конечно, мама — это мама, но думаю, что крепость семьи определялась все-таки отцом. Он практически не имел (если исключить пчел — это скорее заработок) увлечений. Он не охотник и не рыбак, как брат Гена. Его не увлекают никакие виды спорта, ни шахматы, ни карты, он даже на футбол не пойдет, хотя, возможно, посмотрит его по телевизору. Работа и семья — это два его увлечения. И если в это вдуматься — то очень достойные увлечения.

Сказать, что он пьет мало, будет неправильно. Он в принципе пьет столько, сколько требует данное застолье. Но у него никогда не было потребности пить. Многие десятки лет он пешком возвращался с работы, проходя мимо двух пивных. Он никогда в них не заглядывал, он никогда не организует компанию и не будет в ней участвовать, если она организуется с целью выпить. У него такой цели и никогда не было.

И если отец вдруг приходит домой с работы поздно и выпивши, то это означает, что что-то случилось. Скажем, поздно вечером он входит и по глазам видно, что он «принял». Мама удивленно поднимает брови, а отец без слов вытаскивает из кармана кусок полотна, на котором опускают гроб в могилу и которое потом режут участникам похорон. «Кто?» — спрашивает мама, и отец называет имя товарища, с похорон которого он вернулся. Но услышать от него, что он засиделся с друзьями потому, что ему захотелось выпить — это было бы невероятным, так как этого никогда не было. При этом он не трезвенник и не ханжа.

Необходимо отметить отношение отца к родственникам. У нас много болтают о любви, в том числе к детям, к родителям и близким. К сожалению, в русском языке это понятие слишком универсально, и его применяют там, где оно не применимо. Не применимо, так как имеет альтернативу — не любить.

Это понятие вполне подходит к женщине или другу. Да, я люблю эту женщину, и слово «любовь» здесь точно описывает ситуацию. Что-то случилось, что-то в ней разонравилось, и я уже не люблю. И это понятно, и это точно. Не любишь — и духовной связи уже нет места, она оборвалась.

Но что значит «не любить» отца или мать? Они что — после этого перестают быть родителями? Ты что — свободен от связи с ними только потому, что тебе в них что-то разонравилось? По-моему, у отца в отношениях с родственниками на первом месте было и есть чувство, которое описывается не словом «любовь», а словом «долг».

Нет, конечно, как и все, он о нас — детях — или других близких скажет, что он нас любит. Но я считаю, что на самом деле главное здесь чувство долга, которое освобождает от пустопорожних умствований на тему «любишь — не любишь».

Воспитание

Поэтому у нас в семье были некоторые особенности. Скажем, за всю свою жизнь я лишь один раз был в пионерском лагере (мои дети — ни разу). Хотя думаю, что лагеря полезны и это нормальное проведение времени детьми. Но у нас в семье считалось, что раз наступили каникулы, то я обязан съездить и пожить у бабушки и дедушки. (Мои дети тоже делали это каждое лето, как ни велики были расстояния.)

Не могу сказать, что тогда лично мне это доставляло много радости. Пацаном я был уверен, что самое разумное препровождение времени на каникулах — это быть дома. В полукилометре Днепр, перед ним песчаные кучугуры, рядом огромный деревянный мост через Днепр, построенный за два месяца саперами и пленными в 1944 г. и к тому времени уже не действовавший, но служивший великолепным местом для различных детских забав — от ловли окуней до прятков или прыжков в воду с любой высоты. Своя компания ребят, неистощимых на поиск развлечений и приключений, которые были, что правда, то правда, не всегда благовидными и одобряемыми взрослыми. Уезжать из дома очень не хотелось. Но... отец считал, что с родственниками необходимо общаться.

Когда была еще жива родная мама, то меня отвозили в Златоустовку под Кривым Рогом, к дяде и тете со стороны мамы. Вообще-то там было интересно. Хотя это было чисто степное село, с недостатком водоемов, но зато в войну прямо через него проходила линия фронта, и это бросалось в глаза везде. Ограды дворов, выполненные колючей проволокой, натянутой порой на ржавые винтовочные стволы, кабины сгоревших автомобилей вместо привычной будки уборной, вход в погреб, оформленный артиллерийскими гильзами, в хлеву подвешенные к потолку каски, выполнявшие роль гнезд для голубей. И огромное количество пуль, гильз и целых патронов под ногами, в заросших окопах и траншеях, пулеметных гнездах. Пацану тут было очень интересно.

Потом, когда отец снова женился, мы с Валерой несколько раз ездили к его бабушке, в Гупполовку на границе с Полтавской

областью. Эта бабушка жила одиноко, скорее не в селе, а на хуторе из нескольких хат. В то время там даже не было еще электричества. Но зато рядом была маленькая, вся в камышах, кристально-чистая речка. Там я, кстати, и научился плавать, причем самостоятельно, в играх на воде. Здесь было интересно и по другим причинам. Этой бабушке нужна была и помощь в многочисленных сельских работах, и я гордился тем, что делаю настоящее дело, а не играюсь.

Скажем, заготовка топлива. У этой бабушки две комнаты хаты отапливались двумя русскими печками. Углем их не протопишь, а дров на Украине мало. Топились они кизяком. И я его заготавливал.

Делалось это так. После завтрака я брал ведро, набивал его мелкой соломой и бежал на речку. В своем месте солому высыпал, а ведро использовал для ловли выюнов и другой мелкой рыбешки. К обеду на луг перед речкой пастух подгонял стадо, чтобы хозяйки могли его подоить. Время от времени коровы выгибали хвост и шлепали на траву лепешку. Я был тут как тут, так как нужно было опередить конкурентов, и руками собирал эту лепешку в ведро. Полное ведро тащил к своему месту, к соломе, перемешивал навоз с ней, лепил густые шары и бросал их на траву. Теперь это уже был сырой кизяк. Через пару дней, когда он подсыхал, я на тележке увозил его во двор, где он сох окончательно. Там же я впервые вязал снопы пшеницы, впервые пробовал молотить, резал сахарную свеклу и следил за производством самогона из нее. Но, к сожалению, эта бабушка скоро умерла.

Самой неинтересной была жизнь в Николаевке у родителей отца. Это очень большое и чисто степное село. До прудов очень далеко, да и они были нечищенные, в ил можно было провалиться по пояс.

Сверстников на улице почти не было, бывало откровенно скучно. Правда, дедушка тогда был школьным плотником, и у нас почти постоянно квартировали сельские учителя. Поэтому можно было терпеть, пока прочтешь все их книжки, включая и бабушкины — «Учебник Закона Божьего», изданный до революции, и обрывок какого-то писания на церковнославянском, написанный, как бабушка говорила, «с титлами». Бабушка объясняла, как его читать и что это за буквы.

Обычно папа подгадывал послать меня ко времени поспевания вишен. Дедушка в саду завел, так сказать, монокультуру. Яблоня была

одна, зато вишневых деревьев штук 120. Кстати, он почему-то все деревья называл вишнями, а вишню — ягодой. Деревья эти были невысокими, метра 2, не более, но давали по ведру-полтора вишен. Вот мне и приходилось несколько дней их рвать. Никто особо не заставлял, но и лежать-то ведь не будешь, когда видишь, что бабушка взяла скамеечку, ведра и пошла в сад. Вот и приходилось дергать ягоды, проклиная эту голубиную работу, крайне неинтересную для мальчишки. Бабушка вишню сушила и сдавала в коопторг, а мне приходилось еще ведра два везти домой, где под руководством мамы шпилькой выковыривать из них косточки. Правда, в другие сезоны дедушка учил меня и молотить, и косить, но в целом жизнь в Николаевке не вызывала восторга.

Не думаю, что отец надеялся, что я всерьез освою какую-либо сельскую работу или сильно помогу старикам. Но, вероятно, он, может инстинктивно, понимал необходимость связи поколений, пользы ребенку от общения со стариками, с истинной, а не книжной мудростью. И я, кстати, думаю, что моему сыну от общения с моим отцом, а дочери — с матерью, было больше пользы, чем от общения с пионервожатой.

Поскольку воспитывают детей отцы, то следовало бы остановиться и на этом вопросе. В те времена Соломону Соловейчику еще не предоставили союзную трибуну для внедрения в умы родителей поганого яда околопедагогического сюсюканья, благодаря которому последующие поколения все больше и больше становились моральными уродами.

Воспитывали нас отцы так. Взрослые были взрослыми и поступали так, как считали необходимым безотносительно к тому, что об этом думают дети. Желание ребенка учитывалось только тогда, когда оно не противоречило планам взрослого.

Дети вели себя так, как от них требовали взрослые. Если дети вели себя не так, то их поправляли, если требовалось, то и ремнем.

Надо сказать, что у нас были и преимущества перед нынешними детьми — многие из нас жили не в многоэтажных домах, а на земле. С раннего детства мы не только видели, как все сажается и растет, но и сами в этом участвовали. Вокруг нас бегали собаки и кошки не для красоты и престижа, а для охраны дома и ловли мышей и крыс.

Как правило, у нас в поселке у каждого во дворе, хоть они были и маленькие, была и какая-нибудь другая живность. У нас, к примеру, если отец мог купить недорого пшеницы или кукурузы, бывали куры или утки. Уткам я собирал на болоте ряску, а когда мне захотелось кроликов, то отец их купил именно мне. Я обязан был обеспечивать их кормом, а это ведь требовало новых знаний, хотя бы о видах травы. А когда завел голубей, то это уже было только мое — от реконструкции чердака до добычи корма. (Тут, правда, мне было легче — я ездил в село к дедушке, и тот, конечно, не отпускал меня без ведра проса или конопля.)

Мы автоматически привыкали держать в руках самый разнообразный инструмент. Начиналось с ножа, без которого не сделаешь рогатки. А что это за пацан, который не может сделать рогатку? Игрушек было маловато, и мы сами делали себе игрушечные винтовки и автоматы для игры в войну, луки, стрелы, самострелы, самопалы. (Последние, конечно, следовало делать, когда родители не видят, и тщательно от них прятать.) Мой брат сам делал сложные птичьи клетки с западками для ловли птиц, мы плели сети, и никому в голову не пришло бы покупать хоть какую рыболовную снасть — все это делалось своими руками: шлифовались кусочки латуни, заливались свинцом, точились крючки и полировались блесны.

Отец, износив подошвы и головки своих офицерских хромовых сапог, припрятал их на чердаке, полагая в будущем отремонтировать. Однако Гена порезал голенища и сшил из них покрышку к футбольному мячу. Это, конечно, одобрения не вызвало, но в целом наши отцы всегда поощряли любую нашу деятельность, требующую мозгов и рук, если она, конечно, не вредила нам и людям.

Мы, пацаны, были любознательны: если взрослые делали что-то, мы были тут как тут, даже если нас и не звали помогать. В результате наше поколение умственно было в десятки раз более развито, чем последующие. И дело даже не в том, что мы владеем инструментом, а вид инструмента в руках нынешнего поколения чаще всего вызывает и смех, и страх за эти руки — того и гляди покалечатся.

Дело в другом. Для нас почти все в нашей многообразной жизни имеет конкретное, осязаемое значение. А для нынешнего поколения это только слова, абстракции. И когда нынешние академики, наши вонючие гайдаренки, начинают с отсутствующим взглядом вещать про

экономику, про производство и себестоимость хлеба и мяса, то что они об этом знают, кроме слов? Наше поколение знало об этом много — от того, как идет окот, до того, как идет забой.

Наши отцы, воспитывая нас, одновременно стремились нас и развить. А что дают нынешнему поколению эти компьютерные игры или мультики? Убитое время для развития, убитое время для жизни. Одетые, обутые, ухоженные тупые дебилы — «20 м кишок и немного секса», как сказал один из них.

Я полагаю, что надо бы к чертам характера отца еще раз упомянуть о том, что это храбрый человек, человек, способный пренебречь опасностью для собственной жизни в случаях, когда этого требует долг. Строго говоря, я ни разу не видел его в такой ситуации, пока жил дома. Этим ситуациям при размеренном, спокойном и правильном образе жизни отца неоткуда было взяться. Но уже после моего отъезда случились два эпизода, когда мой отец, скажем прямо — уже старый человек, моментально приводил себя в боевую ярость и действовал крайне решительно.

В один из моих приездов в отпуск мама рассказала такую историю. Они зимою, уже после смерти дедушки, поехали в Николаевку навестить бабушку. Сидели в хате, расспрашивали о том, о сем, и вдруг отец заметил на руке бабушки большой синяк. Он спросил ее, в чем дело, и бабушка заплакала: «Гришка».

Тут дело вот в чем. Бабушка с дедушкой, а тем более одна бабушка всегда, конечно, нуждались в помощи селян: привезти силос, скосить ячмень, обмолотить и прочее. Моральные нормы русского человека, а тем более истинно русского — крестьянина, не позволяют брать за такую помощь деньги. Но ведь и старикам принимать эту помощь просто так тоже не позволяли те же моральные нормы. Поэтому бабушка всегда варила самогон для угощений. Отец на заводе сделал ей великолепный аппарат из нержавеющей стали. А поскольку колхоз был свекловодческим и сахар на трудодни выдавался центнерами, то проблем с варкой напитка у бабушки не было. Но была проблема в другом. Зять Гриша все больше и больше спивался, и бабушка это сильно переживала, тем более что в чисто мухинском роду никто не имел пристрастия к спиртному.

Дядя Гриша все чаще и чаще стал околачиваться возле бабушкиной кладовой. Пока был жив дедушка, дядя Гриша не заходил

дальше униженных просьб к теще. Но после его смерти защитить бабушку стало некому. И синяк на ее руке прямо на это указал отцу.

Отец вскочил и бросился на улицу, даже не одевшись. Мама бросилась за ним, пытаясь успокоить.

Но до хаты дяди Гриши расстояние было слишком небольшим, чтобы у отца было время обратить внимание на слова мамы. Он ворвался в дом к дяде Грише. Тот стоял между входом и топящейся плитой. Отец, не говоря ни слова, подхватил его за пояс и бросил на плиту, а затем захватил шею зятя и начал душить. Мама и тетя Мария схватили отца за руки, пытаясь их развести, так как дядя Гриша начал уже хрипеть и синеть. Добавлю, что дядя Гриша и сидел неудобно — на раскаленной плите, правда, его зад спасли ватные штаны. Наконец руки разжали и вытолкали отца на улицу. У отца были сведены челюсти, и только на выходе он сумел пообещать дяде Грише: «Тронешь мать — убью!»

Когда люди говорят мало, словам больше веры. Дядя Гриша поверил, да и трудно было не поверить.

А теперь скажу, что дядя Гриша был лет на 20 младше отца, сухой, очень жилистый крестьянин, и мой отец, невысокого роста, едва доставал головой ему до плеча. Но для отца это не имело в тот момент никакого значения.

А через год я сам стал свидетелем решительности и храбрости отца. У нас был сосед, лет 50, который также злоупотреблял выпивкой. Когда я уехал из дому, ему наконец дали квартиру, и он переехал. Но при этом стал предъявлять к нам дикие претензии. Трезвый, он все-таки не решался к отцу подходить, но несколько раз до этого пытался запугать маму. Я приехал в отпуск, и мы с папой сидели во дворе и разговаривали. Калитка нам не была видна, и мы даже не услышали, как во двор ввалился пьяный Петр. Он возник перед нами крайне неожиданно. У скота в каждой руке было по самодельному кухонному ножу. Кто видел, что собой представляют самодельные ножи, тот поймет, о чем речь.

Я просто растерялся, но отец моментально вскочил, подхватил стоящую у сарая штыковую лопату и, держа ее, как винтовку, бросился к Петру, целясь лезвием лопаты ему в лицо. Тот заметался, но тут и я вспомнил, кто такой и зачем нужен. Мы отобрали ножи почти без потерь, я лишь слегка порезался, но бить лежащего Петра отец не дал,

хотя адреналин у меня в крови настойчиво искал выхода. Слегка поврежденного Петра забрала у нас его жена, которая каким-то образом тоже оказалась тут. Видимо, на Петра очень повлияло то, что он увидел отца совсем не таким, каким предполагал увидеть. В любом случае больше на нашей улице его не видели.

Та мерзость, которая сейчас властвует в прессе и на телевидении, заплевала все наше прошлое. Расхожим до тошноты стало издевательство над популярным в свое время высказыванием: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Но надо вспомнить детство и посмотреть на сегодняшний день, чтобы тошнить перестало, чтобы понять смысл этого изречения. Да, спасибо! И товарищу Сталину тоже. Но в основном моему отцу, у которого товарищ Сталин работал вождем. Вспоминая свое детство и юность, я пытаюсь найти то, что тогда мне очень было нужно, но чего у меня не было. И не нахожу ничего такого, чего не было и о чем можно было бы хоть чуть-чуть пожалеть.

Чего мы не получили от своих отцов? Образования? Нет! Что-что, а образование у нас было лучшим в мире. Не только всем доступным, но и лучшим. И, кстати, гораздо лучше нынешнего. Как-то мы с женой по телевизору случайно посмотрели кусочек молодежной передачи с каким-то очередным гениальным шоуменом. Он задал вопрос девочке-подростку о стихосложении, и она ему дала правильный ответ: «Амфибрахий». Бедный шоумен даже закудахтал от удивления — такая маленькая, а такое умное слово знает! Мы с женой только переглянулись: «Придурок! Ведь этому же в школе учат». Жена кончала сельскую украинскую школу, я — русскую городскую, бог знает когда. Мы технари, мы уже не помним точно, что такое амфибрахий, анапест или дактиль, но помним, что эти слова относятся к размерам стихотворной стопы. Чему же удивляться, что это слово помнит школьница? Что же у тебя, придурка, за образование? Неужели уже западное? В то время в школе нас учили. Над нами не делали экспериментов, у нас были учебники, написанные еще для царских гимназий, нас просто учили. И за это наши учителя пользовались у всех глубоким уважением. И по праву.

У нас тогда действительно было всеобщее среднее образование (и высшее — тоже), а не раздача аттестатов зрелости всем лентяям и придуркам, достигшим 17 лет.

До 7-го класса в каждом классе у нас было 3—4 второгодника — за красивые глаза или для отчета никого в очередной класс не переводили — в этом вопросе учителя были независимы. Желающих учителя учили очень хорошо, учили и в классе, и вне класса. (Мои школьные учителя, кстати, в подавляющем числе были евреи по национальности, на что мы не обращали внимания.) Неспособных или ленивых доводили только до 7-го класса, а то и раньше переводили в ПТУ (тогда — ФЗУ). С 8-го по 10-й класс второгодников не было, таких просто отчисляли из школы. Поэтому окончившие 10 классов действительно знали и понимали то, что им полагалось знать по программе. Учителя не любили тех, кто зубрил, учили думать.

Дисциплина тоже была высокой, хотя учителя нас и пальцем не трогали — этим занимались родители, которые тогда понимали, зачем они нужны детям. Надо сказать, что четверка по поведению за неделю была хуже, чем двойка за диктант или сочинение. Процесс получения знаний уважали и дети, и учителя, и родители.

Чтобы закончить с темой воспитания, подчеркну, что и родители, и школа, и общество, и даже, если уж на то пошло, улица тренировали подростка в одном — сначала делать то, что надо, а уж потом то, что хочется. Это принцип воспитания, и этот принцип понимался большинством. Но вернемся к обучению.

Как-то в составе маленькой делегации я попал в ЮАР в числе, может быть, первых чисто советских людей — не эмигрантов, не предателей. Перед отъездом вице-президент принимающей нас фирмы давал нам ужин, но приехал на него слегка поддатый с другого мероприятия. Извинился, но тем не менее еще поддал и стал откровенным, как может быть откровенным западный человек, когда перепьет и забудет, что ему надо показывать себя счастливым и улыбаться на 32 зуба.

Оказалось, что всю поездку мы находились под своеобразным «колпаком». Где бы и по какому случаю мы ни встречались с южноафриканцами — на переговорах ли, за обедом ли, — те люди, что были с нами на этих мероприятиях, на специальных собраниях своих фирм делали подробнейший доклад о том, о чем мы говорили. «Даже все твои застольные анекдоты, Юра, пересказывались. Но поразил нас уровень вашего образования. Мы не догадывались, что оно может быть таким!» — сказал осоловевший и озадаченный бур.

Дело в том, что западное образование — это образование убогого бедного общества. У них нет денег развить кругозор человека. Если студент собирается, например, работать в области экологии, то его 4 года в университете учат только химии и одной только химии. Скажем, на историю, на физику или механику денег уже не хватает. В результате вне сферы деятельности западного человека с ним очень трудно общаться. Уберите секс, деньги и политику — и с ним больше не о чем говорить. Бывало не по себе, когда в национальном историческом музее Японии в Токио, в 19-миллионном городе, ты ходил по безлюдным залам, а твой советский переводчик, самоучкой учивший японский, рассказывал сопровождающему фирмачу-японцу, что тот видит на витринах — какой эпохи, в правление какого императора. И японец слушал, открыв рот.

Нас учили всему, и мы имеем понятие обо всем. Нас учили щедро, не жалея денег, хоть и было их немного. В результате, если это требуется, мы можем достаточно быстро разобраться почти в любом вопросе или, по крайней мере, знаем, где самостоятельно найти на него ответы. Южноафриканцам это было в диковинку. У них не укладывалось в голове, как коммерсант-ферросплавщик, специалист очень узкой области черной металлургии, на одной фирме, предлагающей ему цех по производству сыра, вдруг с ходу начинает задавать вопросы о качестве молока и о качестве травы, которую должна есть корова, чтобы получился нужный сорт сыра. А на другой, где по «страшно секретной» (для южноафриканцев) технологии из угля производят бензин, берет за пуговицу главного инженера и не отпускает, пока не уточнит состав синтез-газа, катализаторов и еще многого, чего, по их представлениям, ферросплавщик и слышать никогда не мог.

И это образование обеспечил мне мой отец, и оно было доступно любому, кто хотел и способен был его получить.

Но образование сейчас мало кого волнует, все хотят развлекаться и отдыхать. И здесь я не могу своих стариков или Сталина ни в чем упрекнуть. И отдых, и развлечения были чрезвычайно доступны в том виде, в котором их вообще можно было дать в то время.

Из раннего детства (может быть, это были 53—56-й годы) мне запомнились летние воскресные вечера. Отец чистит белые парусиновые туфли зубным порошком, мама надевает какое-то

красивое платье. Меня уже отмыли, и я в матросском костюмчике. Мы идем в парк, который тогда носил название «им. Кирова». Центральная аллея усыпана розоватыми морскими ракушками, вдоль нее лавочки, за ними гипсовые скульптуры футболистов, дискоболов и девушек с веслом. Родители то и дело останавливаются, заговаривают с многочисленными знакомыми. Наконец мы добираемся до мороженщицы. Мне вручается вафельный стаканчик, и теперь мое внимание сосредоточивается на нем.

Мы идем дальше. Слева от нас остается круглый открытый пивбар, от него несутся гул голосов и кислый запах пива, потом проходим танцплощадку. Слышны звуки настраиваемых тромбонов и саксофонов. Наконец мы выходим на берег Днепра, на трибуну водного стадиона. Справа от нас вдоль берега тянутся башенки водных станций крупных заводов. Под нами, на воде, одни соревнования сменяют другие. Проскочили байдарочники, упираются веслом в воду каноисты, прыгают в воду пловцы или перебрасывают мяч ватерполисты. Вечереет. Мы уходим с трибун. Со стороны танцплощадки уже слышен джаз и смех, но мы сворачиваем к летнему кинотеатру. Папа покупает билеты, и мы с друзьями родителей размещаемся на лавочках. Я сижу гордый, многим мальчишкам приходится проникать в зал через высокий забор, и их пытается гонять изнутри билетер, а снаружи свистит длинный тощий милиционер в фуражке с белым чехлом. Неудачников выводят из зала, но большинство уже спряталось среди зрителей и за экраном на сцене. Кончается фильм, и мы снова идем на берег смотреть последнее развлечение воскресного дня — фейерверк.

Чем плох или недостаточен был такой отдых воскресного дня? Чем уступал он отдыху людей в «цивилизованных» странах? Тут же, в парке, был бильярд и обязательный читальный зал. Меня даже сейчас поражает, что это было едва ли спустя 10 лет после войны, а моя родная 43-я школа, по которой еще в 1941 г. отбомбились немцы, еще лежала в развалинах до 60-х годов, и мы учились, уплотнив третьей сменой 35-ю школу и 7-е отделение милиции.

А спорт? Ведь тогда он действительно был массовым, это уже потом он стал черт знает чем. А тогда каждое предприятие имело, по меньшей мере, футбольную команду, действовала масса стадионов и площадок. Недавно я прочел, что парусный спорт — самый дорогой

спорт, спорт миллионеров. Но мой брат Гена именно этим спортом и занимался. Он ходил на яхте «Финн», а поскольку был моей нянькой, то и у меня в памяти всплывают свист ветра в парусах и романтические слова типа «оверштаг». Получается, что мы с Геной жили в семье миллионеров. Только в отличие от миллионеров развлечение под парусами нам ничего не стоило.

Сейчас понимаешь, что и праздники организовывались не менее великолепно, пока демонстрации не приобрели дико-глупую, заорганизованную форму. Я же помню демонстрации в студенчестве. И тогда комсорги следили за явкой на них, и тогда были ребята, уклоняющиеся от этого мероприятия, но у нас в группе большинство руководствовалось принципом: «Если тебя насилуют и нет возможности сопротивляться, то расслабься и постарайся получить удовольствие». Тем более что его легко было получить. И мы это удовольствие получали.

Для меня и сейчас праздник без демонстрации, как говорится в одном популярном фильме, все равно, что брачная ночь без невесты.

Движение праздничных колонн по городу было настолько отработано, что мы чуть ли не до минут знали, у какого гастронома мы остановимся и сколько будем стоять. Ханжества не было, мы быстро заправлялись спиртным и дальше двигались легко и с песнями. Огромное количество знакомых и незнакомых, трезвых и поддатых, но неизменно веселых и дружелюбных людей создавало уникальную атмосферу действительно народного праздника, которую просто другими условиями невозможно получить. Суть была не в прохождении у трибун, суть была в самом 2—3-часовом движении к ним. А для самих трибун у нас была заготовлена шутка, которая в то пуританское время была достаточно соленой.

Дело в том, что четкая организация движения колонн приводила к тому, что на проспекте Маркса ежегодно и регулярно колонна металлургического института выходила к трибуне параллельно колонне медицинского училища, и рядом с уже расшалившимися ребятами оказывались симпатичные девушки в белых халатах. То ли на трибунах часто менялись люди, то ли не могли оторваться от бумажки, но трибуна регулярно попадалась на одну и ту же удочку. После здравниц в честь металлургов и медиков, в ответ на наше радостное «ура!» оратор упорно провозглашал здравицу в честь наших советских

женщин, что в дословном переводе с украинского звучит: «Пусть живет советская женщина!» Идущие впереди деканы разворачивались и от пояса грозили кулаками, но не помогало. Колонна металлургов вместо «ура!» тут же рявкала: «С кем хочет!» — и под общий хохот колонны сходили с площади.

Память держит встречу Нового года в институте, когда за накрытыми в спортзале столами одновременно собирались 400–500 студентов и преподавателей, встречу, где я впервые обратил внимание на девушку, ставшую потом моей женой. Гремело несколько оркестров, в одном зале танцы, в другом всю ночь мультфильмы, в третьем аукционы и концерты, а на ковры борцовского зала дружинники бережно укладывали отдохнуть перенедопивших студентов — тех, кто выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Нет, мы умели веселиться с людьми, а не в наркотическом кайфе.

Кстати, о наркотиках мы не слышали, и духу их не было. Я помню за всю ту жизнь лишь одного блатного, о котором говорили, что он курит план. И даже у самих блатных к нему было отношение как к неполноценному. Об игле вообще не упоминалось. Помнящему это, просто омерзительны нынешние болтуны, утверждающие, что в то время жили в какой-то тоталитарной нецивилизованной стране, где все боялись, что вот тебя сейчас схватят полицейские — из тюрьмы. Если в то время боялись курить наркотики, боялись послать дочерей заниматься проституцией — так и слава богу. Но милиция в наше время даже в патрулях часто ходила без оружия, точнее, без пистолетов. О наличии у нее автоматов мы могли только догадываться, а о щитах, шлемах, бронежилетах и дубинках просто не слышали. (Году в 67-м пошел слух, что милицию вооружают дубинками, но тогда они так и не стали ее оружием, по сути их никто и не видел — слишком дорого обходилось это даже милиционеру — ударить советского человека.)

В начале 80-х промелькнуло сообщение, что в Люксембурге одна семья весь свой отпуск просидела в подвале собственного дома. Ей было стыдно перед соседями, что из-за отсутствия денег она не в состоянии была уехать на юг, к морю. Мы в свое время могли иметь какой угодно отдых, причем практически все.

Мы как-то обсуждали эту тему со своими приятелями, семьей врачей. Да, соглашались мы, с выездом за границу были трудности, но

парадокс в том, что эта семья хотела отдыхать за границей, любила отдых, связанный с путешествиями и теперь, сама себе удивляясь, начала подсчитывать, сколько и где она была. Оказалось, что даже в свой первый отпуск в начале 70-х, когда они получали не более 130 руб. в месяц, им попала горящая путевка в Румынию. Затем был круиз по Средиземному морю, в ходе которого они познакомились в Италии с семьей врачей и завели переписку. Кстати, много лет спустя они снова отдыхали в Италии и снова встречались с этими приятелями. Отдыхали в Болгарии на Золотых песках, не говоря уже об отечественных Домбаях и прочих известных местах отдыха.

В нашей семье были другие взгляды на отдых. Отец, как я писал, в отпуска вообще не ходил. У мамы были не в порядке внутренние органы, и она была несколько раз на водах и на юге, но чаще в Трускавце. Я же довольно часто бывал в Крыму — у жены там живут родные дядя с тетей. Но я был в Крыму и холостым, в студенчестве. И никакого события такая поездка не составляла. Наверное, не грех будет напомнить тем, кто забыл, и рассказать тем, кто уже не знает, как это делалось и сколько это стоило.

Сейчас все обычные студенты просто нищие, поэтому я обязан сказать об основах своего финансового состояния в годы студенчества хотя бы потому, что у меня, как ни странно, были более привилегированные условия, чем у других.

Дело в том, что я, младший сын в семье, по сути, остался единственным, кому отец мог дать высшее образование. Дать его Гене не получилось. Он прошел медкомиссию и сдал экзамены в высшее военно-воздушное училище. Но не прошло и месяца, как он вернулся домой. Оказалось, что у него есть недостаток, который не был вскрыт медкомиссией военкомата, но который начисто лишал его возможности летать. Почти сразу он был призван и служил в Германии. В конце службы он подал заявление в мореходное училище, но вызова не было, и он решил «погулять» немного за границей и подал рапорт на два года сверхсрочной службы. Вызов из мореходки пришел, когда он уже был оформлен, как тогда говорили, «макаронном». Погулять ему особо не пришлось, так как с самого начала он повел борьбу с соперниками за фельдшерицу армейского госпиталя и уже через год на ней женился. И, естественно, навалились денежные дела, потребовалась квартира,

родилась дочь и все такое, что задержало его возвращение со службы еще на 8 лет.

Что-то похожее было и с Валерой. Он с 1945 г. — года с еще очень низкой рождаемостью. До службы он едва успел окончить техникум, и его призвали. А вернувшись со службы, он сообщил, что в Ярославле у него невеста, и если он на ней не женится, то вообще ни на ком не женится. Пошел работать и женился. Потом почти сразу развелся, причем в его адрес и плохое слово сказать трудно, на его месте развелся бы каждый и немедленно. Тем не менее, у него родился сын, пошли алименты, и ему особо стало не до учебы.

Так что я стал единственным, в кого отец мог вложить свою мечту об образовании. Думаю поэтому, когда я поступил в институт, родители вдруг объявили, что стипендию они оставляют в моем распоряжении. Это было крайне неожиданно, потому что, когда я после школы пошел работать и с первой зарплаты купил торт и что-то еще, папа мне внятно намекнул, что все это хорошо, но деньги надо отдавать маме. Все.

А тут фактически на карманные расходы 35, а потом повышенная стипендия — 42 руб. Я ведь жил и ел дома, родители по-прежнему покупали мне вещи, требующие достаточно больших затрат — костюмы, пальто и прочее. Среди ребят, которые были вынуждены жить в общежитии и питаться на стипендию, я со своими 42 в месяц был уже богатеньким Буратино. Но этого мало. Когда я почувствовал вкус к исследованиям, меня охотно приняли на полставки лаборанта на кафедру. И хотя этот заработок зависел от вакансий на хоздоговорных темах, но тем не менее рублей 30 в расчете на среднегодовой месяц еще можно добавить. Сама же работа много времени не занимала и часто представляла собой счетную работу или работу с литературой. Затем, каждое лето хоть месяц, но я где-нибудь работал. А это еще рублей 150.

Мне хватало денег не только на книги и застольные компании, но и на покупки обуви, рубашек и прочего. В то время, скажем, летние туфли, даже модные тогда «мокасины», не стоили больше 10 руб., повседневные до 17 руб., а если задумал себе индийские или английские парадно-выходные — то это уже до 30 руб. Впрочем, индийские выглядели хорошо, а носились паршиво. Но это были уже ужасно дорогие туфли. Очень хорошие рубашки стоили 8—10 руб.,

трусы, майки — копейки. Правда, это было время, когда из одежды культа не делали, хотя, конечно, никто не прочь был помодничать. Шутили, что начиная с третьего курса студенту полагается носить костюмчик «стран народной демократии», т. е. немецкий, чешский, польский или, на худой конец, румынский или болгарский ценой, обычно, от 60 до 80 руб.

Но вернемся к отдыху. Хотя в моей семье на отдых смотрели без вожделения, тем не менее, и мне захотелось узнать, что такое пляж на море. И мы со студенческими приятелями ездили два раза в Крым. Во что это обошлось?

Шикуюя, мы вчетвером покупали купе до Симферополя. Это стоило около 7 руб. на брата; вместе с проездом на троллейбусе до Ялты все транспортные расходы в оба конца были не более 15 руб. Крым был весь забит отдыхающими, поэтому о гостиницах, санаториях даже разговора не было. Не те мы были персоны, не шахтеры.

Поэтому нам квартира стоила дороже, чем по путевке. Мы снимали комнату на четверых, и стоило это нам рубль в сутки. На 10 суток — это еще 10 рублей. Приезжали мы обычно с тяжелой работы или на заводе, или в стройотряде, поэтому свой отдых мы организовывали самым неправильным, самым противопоказанным способом. Мы не ходили в походы и на экскурсии. Утром мы шли на пляж, завтракая по пути. Это обычно была чебуречная. Четыре свежих больших чебурека и два стакана кофе с молоком стоили 56 копеек.

Но иногда мы шли в шашлычную. Это нам ничего не стоило. Утром там разгружали машины, и мы, освободив ЗИЛ от бочек с вином, имели по миске шашлыков и литр сухого вина. На дальнейшем пути на пляж мы покупали 5–7 кг фруктов. Самыми дорогими были персики, они стоили максимум 50 коп. лучшие. Кстати, в автоматах продавалось сухое вино «Рислинг» по 20 коп за стакан.

Следовательно, завтрак и обед нам обходились в рубль. На пляже купались, играли в преферанс, флиртовали до 17–18 часов. После этого шли в столовую и основательно ели. В то время даже на курорте в столовой трудно было оставить больше рубля. На пути домой мы прикупали булочек, колбасу или копченую рыбу на случай, если захочется есть ночью. Немного, копеек на 50 в расчете на брата. Дома спали и часам к 9 вечера, принарядившись, уже были в парке. Там, в киоске у мороженщицы, в темной аллейке, мы за 5 руб. покупали 2

бутылки лимонной водки. Так как пустые бутылки мы отдавали мороженщице, то имели сервис — водка разливалась в 4 стакана с добавлением 4 кусочков маринованного огурца. Выпив залпом, мы шли на танцы (копеек 30). Итого с сигаретами ординарных дневных расходов у нас было едва на 4 рубля. Пусть 5 с мороженым. В расчете на 10 дней вместе с транспортом 75 руб. хватало, чтобы обгореть в Крыму до черноты. Мы брали обычно по 100 рублей, и этих денег хватало, чтобы еще сводить своих девушек пару раз в ресторан или варьете, если удавалось туда попасть в этом столпотворении народа. Но что такое 100 руб. тогда? Месячный заработок женщины, для мужчины этого было уже маловато.

Загрузить вагон мукой в мешках стоило 60 руб. Вчетвером мы справлялись с вагоном за 2 часа, а были ребята, которые вдвоем грузили 2 вагона за ночь. Но я не любил эту работу за чрезмерный надрыв, который надо было проявлять, чтобы не отстать от более опытных товарищей. Да и не сильно в ней нуждался.

Так что денег на отдых в свой отпуск даже дикарем хватало у каждого гражданина, а отпуск по путевке стоил вдвое дешевле. Прятаться в подвале от соседей у советских людей не было необходимости. В цивилизованной стране жили, не в Люксембурге.

Меня упрекают, да я и сам это знаю, что, взявшись разобрать какой-то вопрос, я редко иду к нему прямой дорогой, то и дело отвлекаясь на сопутствующие моменты. Но прямо идти почти невозможно.

Сегодня слишком многое извращено, слишком многое поставлено с ног на голову.

Тешу себя надеждой, что читатели еще не забыли, что эта глава — о моем отце. Сведем его портрет в более короткую характеристику. Работоспособен, работа — смысл жизни. Предан Родине, предан людям и семье. Мужественен и в мужестве испытан. Храбр. Горд без тени кичливости. Бескорыстен. Рад, когда полезен людям. Это все то, что объединяется одним словом — благородство.

С таким мужчиной спокойна любая женщина. С таким гражданином спокойна Родина. И она была с ним спокойна, пока он не постарел: он ее защитил, он ее обогрел, он ее обустроил.

В начале повести я упомянул о первой причине, по которой я написал эту повесть. Теперь о следующих.

Как это ни странно, но я не испытываю особых симпатий и поклонения к официально объявленным героям. Я знаю, что они герои, я знаю, что их полезно прославлять и надо прославлять, но... Может быть, я догадываюсь, что я не такой, и инстинктивно не испытываю к ним доверия?

Как-то В. Бушин вполне доброжелательно назвал меня плебеем. Наверное, Бушин прав, я, безусловно, отношусь к классу людей, результаты деятельности которых всегда должны заканчиваться чем-то конкретным, а не болтовней и славословием. К классу людей, которых не прославляют даже те, кто нас ценит.

Вот, скажем, И. Сталин 24 мая 1945 г. пригласил генералов на банкет в честь командующих войсками Красной Армии и поднял тост за русский народ. Все правильно — Верховный выпил с частью своих генералов за народ-победитель в войне. Но ведь у Верховного были не только свои генералы, но и свои офицеры, свои солдаты. Можно было организовать еще два банкета и выпить с частью своих офицеров, скажем, с Героями Советского Союза, и с частью своих солдат, скажем, с кавалерами ордена Славы? Конечно, можно, и Сталину это, безусловно, было не в тягость. Но все дело в том, что когда дело заканчивается и начинается прославление героев, то в этой радостной суматохе о плебейх как-то чаще всего забывается. Героев-аристократов появляется так много, что становится не до плебеев — им, как правило, адресуется общий привет.

И, видимо, у меня инстинктивное плебейское недоверие к прославляемым героям: ты в самом деле совершил подвиг, исходя из внутренней моральной потребности, или тебе нужна была слава со всей ее словоблудной атрибутикой? Тебя действительно вела по жизни твоя честь и совесть или тебе очень хотелось попасть в школьные хрестоматии?

Думаю, что это действительно инстинктивно плебейское чувство. Вот, скажем, в школе учительница литературы дважды просила меня не выпендриваться (учителя ко мне в память о матери относились внимательно). Дело в том, что дважды в каких-то важных сочинениях я хотел выбрать не того героя.

В сочинении по «Поднятой целине» я хотел назвать любимым героем не официального героя Давыдова, а малозаметного Разметнова.

Давыдов, исключая слабинку по женской части, уж больно правильный, все, что ни делает, — все так и все правильно.

А Разметнов больше похож на человека: была война — рубил врагов безжалостно, а наступил мир — и вот он уже кулаков жалеет. Понятно, что с кулаками надо было обходиться круто, но безжалостно-то зачем? Кроме этого он — голубятник, и я в юности держал голубей, — уже не чужой человек.

Думаю, что и Шолохову он был симпатичен, и, может быть, тоже инстинктивно. Ведь когда Шолохов в конце романа бросил троицу героев романа на пулемет, то в живых оставил все же Разметнова. На развод, так сказать.

Еще в романе «Война и мир» я любимым героем назвал не князя Андрея и не пришибленного Безухова — официальных героев, а Николая Ростова, чем вызвал прежний ужас учительницы: «Как! Крепостника?!»

Почему крепостника? Николай — нормальный русский парень, а затем — мужчина. По молодости творил глупости, в первом бою ему было страшно. Ну и что? Зато войну 1812 г. вытянул от звонка до звонка, и, если пользой на войне считать урон, нанесенный врагу, то от Николая пользы было поболее, чем от князя Андрея и Пьера Безухова вместе взятых. А то, что он после войны растил хлеб и детей, а не подался в революционеры, как Пьер, — так ведь надо же кому-то и кормить этих революционеров.

Спору нет — я определенно плебей и сын плебея. Разве что я настолько гордый плебей, что не имею комплекса неполноценности по отношению к аристократам.

И в-третьих. Я задавал себе вопрос: на кого я хочу быть похожим? Вот, скажем, Сталин. Объемом решенных для СССР дел он вызывает трепетный ужас и пропорциональное ужасу восхищение.

Уникальный человек!

Но мне, не знаю почему, не хочется быть похожим именно на него. И вот, перебирая в памяти всех героев, я прихожу к мысли, что мне больше всего хочется быть похожим на своего отца. В жизни это не получилось, но желание осталось. Думаю, это немалая причина написать об отце.

Как я уже неоднократно писал, я не был членом КПСС. Но это ничего не значит. Напомню, что просто с первых же шагов на

инженерной работе вполне доброжелательные люди стали мне советовать вступить в партию. Так как, дескать, без партии карьеры не сделаешь. Меня это сильно коробило.

Ну, что я, недоносок какой-то, что ли? Ну, почему, чтобы я в своей работе не потерялся среди своих, мне надо в партию? Я изучал и историю партии, и философию, и научный коммунизм и понимал, что партия — она совершенно для других целей. При чем здесь они и моя карьера? Как будут на меня смотреть люди? Небось будут говорить: «Еще одна сволочь в партию полезла карьеру делать!»

Мой отец вступил в партию на фронте, и когда меня спрашивали: «А что это ты — начальник цеха, а не в партии?» — то я отвечал, что вступлю в нее сразу же, как начнется война. Но на моем веку войны в СССР не было и не было ее именно благодаря моему отцу-коммунисту. Вот он — действительно коммунист, и это еще повод написать о нем.

Вы скажете: а при чем здесь коммунист? Ведь то, что я описал, — это чисто гражданские и человеческие свойства. Притом, что в том году и в том месте, когда и где отец вступал в партию, — а он подал заявление осенью 1942 г. под Сталинградом, — мразь в партию не вступала. Эта мразь вступала в КПСС в основном после войны. Вступала в большом количестве не для работы на благо Родине, а для того, чтобы коричневой вошью впиться в ее тело. И эта вошь тут же отрелась от коммунизма как только появилась возможность еще больше пососать с нашей Родины, как только прошла угроза сталинского дуста. Торжественно сожгла перед телекамерами партийные билеты и стала называть моего отца и его товарищей красно-коричневыми.

Им ли привыкать? Та фашистская сволочь, что грабила Родину в 1941–1945 гг., называла его и его товарищей просто большевиками, а та фашистская сволочь, что грабит Родину сейчас, — красно-коричневыми. Но ведь они были и остались одними и теми же, значит, и сволочь по сути своей та же. И это действительно так.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. посол фашистской Германии Шуленбург вручил Молотову ноту о начале войны. Она заканчивалась словами: «...Ненависть большевистской Москвы к националсоциализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм — смертельный враг национал-социализма.

Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование.

Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе.

Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защищать Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе. (Берлин 21 июня 1941 г.)»

Кто мог подумать, что через 50 лет опять появятся спасители «мировой цивилизации от смертельной опасности большевизма»? Которые будут бить большевиков дубинками, расстреливать их из танков и не просто так, а исключительно для того, чтобы «расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе».

Ладно. Есть мой отец-коммунист, есть его товарищи и есть фашистская сволочь. С ними все ясно.

Ну а мы, те, кто в 1993 г. в Москве на соседних улицах жевали сникерсы, когда фашистская сволочь избивала и убивала большевиков, мы-то кто?

Часть 2. Отцы-командиры

О А.З. Лебединцеве

Несколько лет назад я отредактировал и литературно поправил воспоминания А.З. Лебединцева. И сделал это вот по какой причине.

Я с интересом читаю воспоминания ветеранов войны и прочел их много. Но таких, как у Александра Захаровича, мне читать еще не приходилось. Между прочим, то же самое ему говорили и рецензенты издательств, но печатать его труд не спешили. Понять их можно — они коммерсанты, им нужно, чтобы книга продавалась большим тиражом. А сегодня мемуары не пишет только ленивый, и в условиях, когда читателей стало уже меньше, чем писателей, воспоминания еще одного ветерана просто затеряются в горах остальных мемуаров.

Множество военных воспоминаний написано профессиональными литераторами для их «авторов». В результате в таких мемуарах показана война не такой, какой она была, а такой, какой ее представляет литератор. Лебединцев ни в каких литераторах не нуждается, и его взгляд на войну — это действительно взгляд фронтовика с цепкой памятью. Однако это не все. Сложно сказать, в силу каких причин, но Александр Захарович написал о том, о чем редко кто пишет. Он вспоминает большое количество сослуживцев, которые являются целой кастой нашего общества — офицерством. И в отличие от остальных мемуаристов, он характеризует офицерство не только с героической стороны. Кастовая солидарность подавляющего числа остальных мемуаристов не дает им это сделать, и они описывают коллег по принципу: или хорошо, или ничего.

В результате воспоминания Лебединцева представляют ценность для анализа этой касты, а этого до сих пор никто не делал.

Сталина у нас можно ругать и поносить сколько угодно, можно обвинять его даже в том, что он утром 22 июня 1941 г. не бегал вдоль границ и не будил наших спящих солдат, но офицеров — не тронь! Это сплошь одни герои!

Прочитав рукопись (а в эту книгу вошла едва половина ее — та, которая заканчивается 1945 годом), я предложил Александру Захаровичу переделать его воспоминания в книгу об офицерах, для чего рассмотреть тогдашнее и нынешнее офицерство на примерах из

своих же воспоминаний. Он пробовал, но не смог этого сделать, и причина, думаю, не в том, что он не понял замысла.

Проблема в том, что он, пожалуй, один из лучших, если не самый лучший председатель общества ветеранов своей дивизии в СССР. Как говорят его родные, он свой «Москвич» продал, но оборудовал 60 школьных музеев на боевом пути дивизии стендами о ее истории. Он организовал десятки встреч ветеранов, и если для нас упоминаемые им в тексте офицеры это просто фамилии, то для него это не только конкретные люди, но и их дети с внуками, с которыми он тоже знаком. И если он еще может описать, как реально происходило дело, то у него не поднимается рука дать надлежащую характеристику тому или иному человеку. Сегодня он жалеет всех своих соратников и через эту свою жалость к ним переступить не может. Мы оказались в тупике.

Тогда я пообещал Александру Захаровичу, что найду время и сам из его рукописи вычленю эпизоды по темам: офицерской храбрости и трусости, смелости и нерешительности, честности и подлости и т. д., и к этим эпизодам допишу свои соображения. Получится два взаимосвязанных, но независимых текста: воспоминания А.З. Лебединцева, как он их написал, и мои комментарии, за которые ответственность несу только я. Обязателен вопрос: а в какой мере воспоминания вообще и воспоминания Лебединцева можно воспринимать как факт?

В любых мемуарах автор автоматически себя приукрашивает. Если бы Александр Захарович писал о себе не сам, а кто-то, кто его хорошо знает, то, наверное, портрет Лебединцева получился бы совсем другой — со всеми «скелетами» из его шкафа. И с этим автоматическим враньем мемуариста ничего не поделать — его нужно просто учитывать самому и вскрывать (или настораживаться) с помощью своего опыта. Но должен сказать, что, на мой взгляд, Лебединцев если что-то и приукрашивает и искажает, то даже о себе делает это очень умеренно, и пусть и оправдываясь, но приводит много фактов, которые по тому времени характеризуют его не с лучшей стороны. А эта искренность не может не вызвать доверия и к остальным приводимым им фактам.

Вторая причина, по которой мемуарист искажает факты, — это или исполнение им политического заказа, или если автор обосновывает какую-то свою идею. При этом, правда, вранья почти не

бывает, просто автор говорит не все, а только то, что соответствует его линии. Было время, к примеру, когда все мемуаристы писали о выдающейся роли партии и политруков, теперь пришло время забрасывать их грязью. Не устоял перед этим и Александр Захарович — десятилетия перестройки дали о себе знать. К этому не всегда можно относиться терпимо, но всегда нужно понимать, что автор живет не в вакууме, и редкий человек способен игнорировать то, что вещают СМИ и о чем болтает толпа.

У Лебединцева есть и еще один недостаток, характерный чуть ли не для 100 % русских ветеранов: они, согласно русскому мировоззрению, пишут так, чтобы читатели их пожалели. То есть чаще рассказывают не о своих подвигах, а о своих потерях, начисто забывают все достоинства того времени и раздувают все недостатки, чтобы мы переполнились сочувствием к их тяжелой жизни. С этим тоже практически ничего нельзя поделать, но обязательно надо учитывать.

И наконец, что очень ценно, — мемуаристы вспоминают массу фактов, которые не имеют непосредственного отношения ни к ним лично, ни к отстаиваемым ими идеям. В этом случае ветерану легче сказать правду, нежели соврать. Ведь вранье — это работа, вранье нужно выдумать, да еще и так, чтобы оно не противоречило другим фактам, а правду нужно просто вспомнить. Хотя бывает и чистосердечное вранье, о котором юристы говорят: «Врет, как свидетель», — но к Лебединцеву, думаю, это не относится. У него цепкая память на детали бывшего полкового разведчика и опытного штабиста. Поэтому думаю, что в подавляющем числе описанных Александром Захаровичем случаев все было так, как он и написал. А написал он то, о чем следовало бы написать уже давно.

Обо мне говорят, что я жесток к тем, кого критикую. На самом деле это не так, поскольку критикую мнение человека, а не его самого. А данный случай особый. Александр Захарович мне лично глубоко симпатичен, тем более что его судьба похожа на судьбу моего отца. Правда, мой отец не собирался служить в армии ни до войны, ни после нее, но попал на фронт с самых первых дней, воевал и просто в пехоте, и сапером в стрелковой дивизии и полку, был четыре раза ранен, но до Победы дожил. Мой отец не написал воспоминаний, и, как я писал, тут есть и моя вина — я мог бы ему помочь, да поздно спохватился.

Работая совместно с А.З. Лебединцевым, я в какой-то мере пытался загладить эту свою вину перед своим отцом.

Вся работа вышла отдельной книгой «Отцы-командиры», а в этой книге я дам только разбираемые эпизоды Александра Захаровича и свое осмысление их.

Офицеры

Хотелось бы сначала определить позиции. Александр Захарович человек сугубо военный, вся его жизнь связана с армией, круг его знакомых в большинстве состоял из таких же, как он, офицеров, с их офицерскими мировоззрением и интересами. Поэтому хочет Лебединцев этого или нет, но он пишет то, что будет воспринято его кругом с пониманием.

А я человек штатский, правда, я имею военную подготовку и офицерское звание, но никогда в армии не служил (исключая два месяца лагерных сборов). И на все, что Александр Захарович пишет, я смотрю с позиции сугубо штатского человека — того, за счет налогов которого и существует офицерская каста. Кроме того, я был руководителем на производстве, то есть я штатский офицер, поэтому могу сравнить, как в похожих случаях поступаем мы, штатские, с теми поступками офицеров, которые описывает Александр Захарович. (Формально офицерские звания в Красной Армии были введены в 1943 г., до этого армейские начальники назывались командирами, но я для простоты буду называть их офицерами во всех случаях, в том числе и в тех, когда они официально так еще не назывались.)

Давайте задумаемся о сути офицерства, о том, зачем они нам, обществу, нужны? Зачем мы на вычеты из своих доходов их одеваем, обуваем, кормим, тратим огромные деньги на их обучение и на пенсии, которые они могут получать не после 60 лет, как мы, а уже через 20 лет службы?

Прогресс идет в направлении все большего и большего разделения труда, и с этим ничего поделать не возможно. В плане этого разделения необходимо выделить из общества часть людей, которые бы умели уничтожать внешнего врага в случаях, когда это потребуется. Вообще-то задача уничтожения внешнего врага лежит на всем обществе, на каждом гражданине — иначе он просто не гражданин, исходя из значения этого слова. Но в обществе должны быть и люди, которые проблемами уничтожения врага должны заниматься специально: знать об этом все, что только возможно, и уметь все, что для этого требуется. Эти люди — офицеры. Учитывая, что в реальной

войне риск гибели офицеров больше, чем риск среднего гражданина в мирном обществе, общество предоставляет офицерам огромные льготы: они освобождены от проблемы «добывать в поте лица хлеб свой насущный», им устанавливаются высокие доходы, а на пенсию их отпускают часто еще во цвете лет. Общество как бы кредитует офицеров в надежде, что с началом войны офицеры этот свой долг обществу вернут своей храбростью, смелостью, честностью и самоотверженностью. Только в таком случае обществу имеет смысл содержать офицеров — людей, готовых за это общество принять смерть в бою.

Сама по себе их смерть обществу не нужна — обществу нужна победа, поэтому, пока нет войны, офицеры должны тщательно изучать то, как уничтожить врага, и тщательно к этому готовиться. Если войны не случится, то офицер свой долг обществу отдать не сможет и его оправданием будет только вот эта его готовность.

Если же человек поступает на службу только для того, чтобы получать большую зарплату, а затем и большую пенсию, если он в ходе службы мирного времени изучает не то, как уничтожить врага, а то, как увеличить свои доходы на армейской службе, то это не офицер — это паразит общества, и кормить такую армию все равно, что кормить вражескую. Насколько сами офицеры видят ту грань, до которой они — уважаемые члены общества и после которой они — его паразиты? Думаю, что большинство из них об этом просто не думает, и сегодня военная служба для многих — это просто способ «устроиться» в этой жизни.

Один, чтобы заработать деньги на жизнь, становится к станку, спускается в забой, берет шуровку у горна доменной печи или садится на комбайн. Со временем такой человек становится специалистом по получению доходов при помощи выбранной им специальности. Это прекрасно и очень полезно для общества, которому нужны специалисты во всех видах деятельности.

А другой идет зарабатывать деньги в казарму и тоже вскоре становится специалистом по получению доходов от военной службы, а поскольку эти доходы в армии зависят от должности и звания, то он становится специалистом по получению должностей и званий. То есть он умеет делать то, что нравится начальству, дающему эти самые должности и звания. А нужны ли такие специалисты обществу? Ведь

если начнется война, то толк от таких специалистов мизерный — на войне нужно уметь убивать врага, а не выслуживать оклады.

Вот на 22 июня 1941 года по требованию «специалистов по получению должностей в армии» правительство СССР скрыто отобилизовало армию так, что даже на начало войны 4,2 млн. солдат немецкой армии у западных границ уже противостояли 2,8 млн. советских солдат с простой задачей: удержаться 15 дней, в ходе которых будет проведена полная мобилизация и развертывание Красной Армии. Соотношение даже на 22 июня в живой силе между немецкими и советскими войсками не столь велико, особенно если учесть, что по требованию «специалистов по получению должностей в армии» Советское правительство обеспечило их самолетами, втрое превышающими по численности немецкие, а танков было раз в пять больше. А результат?

Красная Армия начала отступать, теряя миллионы солдат — тех, на шее которых до войны и сидели эти самые «специалисты по получению в армии должностей». Сегодня все историки с трагическим придыханием пишут, что в 1941 году погибла лучшая, **кадровая** часть офицерства, и это, дескать, предопределило огромные потери СССР в войне. А так ли это? Была ли кадровая часть офицерства Красной Армии лучшей?

Может быть, вопрос поставить по-другому? Почему, пока основное офицерство Красной Армии было кадровым, то она отступала? Почему она начала наступать тогда, когда в армии освоились офицеры запаса, когда на офицерские должности встали храбрые солдаты, когда командование все же разыскало среди кадрового офицерства тех, кто шел в армию защищать Родину, а не за деньгами? Почему на фронте не показало себя в массе все это красиво марширующее до войны офицерство — это вопрос?

Является ли этот дефект специфическим для СССР? Боюсь, что мы еще и не из самых худших. То, как немцы разогнали польскую армию, как разгромили французскую и как три года гоняли англосаксов, позволяет думать, что в остальных странах положение с офицерством было еще худшим.

Гораздо худшим советского было и офицерство императорской русской армии. Как ни объясняй победу в Гражданской войне большим количеством царских офицеров у красных, но ведь не они определили

их победу. Командование Красной Армии в массе состояло из бывших солдат и даже гражданских лиц, но Красная Армия все же разбила армии белых, укомплектованные не только «профессионалами», но и получавших помощь со всего мира. Это невоеннообязанный Н. Махно и унтер-офицер С. Буденный в принципе решили оперативно-тактическую часть будущего немецкого «блицкрига» во Второй мировой. И это не я говорю, первенство в этом вопросе С. Буденного признает начальник тогдашнего немецкого Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер.

О том, что уровень русского офицерства царской России был крайне низким, говорят многие факты, к примеру, их боевая стойкость. Думаю, что уровень царского офицерства был низким ввиду главной для этой касты причины — того, что и тогда офицеры шли в армию не Родину защищать, а за деньгами.

Показательными в этом плане являются мемуары военного министра России в 1904–1909 годов А. Редигера. Его воспоминания (почти 1100 стр.) написаны на базе его дневников, поэтому очень подробны. Редигер был полным генералом, членом Военного совета, профессором Академии Генштаба, автором классического учебника по военной администрации. Но в его обширных мемуарах нет ничего ни о военном деле, ни о войнах — это данного генерала не интересовало вовсе. Все мемуары, по сути, посвящены тому, как Редигер добывал на военной службе деньги. Поразительно, но у этого члена Военного совета России за 1914–1917 годы в дневниках нет практически никаких упоминаний об идущей войне — ни об операциях русской армии, ни мыслей о том, что же надо для победы. Все эти годы его занимали махинации с акциями и недвижимостью с целью приобрести хорошее имение. Какую победу можно было ожидать от армии, у генералов которой голова болит только о доходах?

Я, как написал выше, из среды гражданских офицеров-руководителей. При царе мы даже форму носили. И у нас ангелов мало, и у нас можно натолкнуться на такого тупого или трусливого ублюдка, что упаси Господь, но мы делали Дело, нужное нашему народу, и, как выяснилось после прихода к власти в СССР перестройщиков, делали его очень неплохо. Поэтому для меня и было откровением то, что я узнал об офицерах от А.З. Лебединцева. Я не

представлял, что Дело (уничтожение врага) можно делать так, как это делали они.

В первой главе второй части я предлагаю рассмотреть такие качества кадрового офицерства Красной Армии, как храбрость и трусость. Строго говоря, быть трусом позорно для каждого, но уж для офицера?! Зачем же ты тогда шел в армию, если так панически боишься смерти, если так ценишь свою шкуру? Но сначала пара слов о терминах.

Храбрость — это способность человека осмысленно действовать в условиях непосредственной опасности для собственной жизни. Поскольку целью врага является лишение тебя жизни, то для офицера храбрость является обязательной чертой характера, нет этой черты — такого офицера лучше сразу расстрелять, но не допускать к командованию людьми, поскольку он их погубит.

Боевое крещение

Теперь с позиции этого определения рассмотрим соответствующие места из воспоминаний Александра Захаровича.

Я выбрал три эпизода, и первый о первом бое Александра Захаровича. Он, только что испеченный после ускоренного курса (7 месяцев вместо 2 лет) лейтенант, которому едва исполнилось 19, который ни разу еще не командовал людьми в своей жизни (пионеры — не в счет, там другие принципы), который ни разу еще не был в Деле, прибывает 23 декабря в штаб 1135-го стрелкового полка, занимающего оборону и ведущего бои с немцами на реке Миус.

Первое, что меня удивило, — их, юных лейтенантов, не принял командир полка, а назначение на должность произвели начштаба с кадровиком. Сразу поясню, что я в данном случае не принимаю во внимание ни моральные аспекты, ни уставные. По моим гражданским меркам дивизия — это завод, а полк — цех. Для меня немыслимо, чтобы не то что инженера, а рабочего кто-либо допустил к работе и определил ему должность, пока его не увидит начальник цеха. Еще раз повторю — дело не в традициях, не в субординации, не в уставах. Дело полка делает командир полка, делает он его, поручая по частям подчиненным. Как он может его делать, если он подчиненных даже не видел, не знает их способностей? Ведь бывает, что тысяча рабочих и инженеров цеха кладут все силы, чтобы выправить положение, а один дурак нажимает не ту кнопку, и вся работа цеха идет псу под хвост.

Второе, что вызывает удивление, — лейтенанта Лебединцева никто не представлял взводу, которым ему надо было командовать. Его просто послали во взвод с посыльным, а сержант Босов представил взвод ему — командиру. И опять дело не в уставах. Хоть рабочий, хоть солдат должны быть уверены в своем начальнике — в том, что он знает, что приказывает. Представляя солдатам их командира, старший начальник как бы подтверждает, что он этого командира проверил и тот действительно будет давать правильные команды. А в случае с Лебединцевым получается, что он как бы приبلудился к взводу в качестве командира.

К примеру, как только я, молодой специалист, появился в отделе кадров своего завода, начальник ОК тут же созвонился с директором и тот меня принял очень быстро. В цехе со мной и говорить никто не стал, пока со мной не переговорил начальник цеха, он же выбрал мне место работы, познакомил с начальником смены, а затем пришел на пересменку и представил меня рабочим смены, хотя у меня была ученическая внештатная должность помощника мастера.

Тому, о чем я только что написал, не учат в институтах за ненадобностью — это и так понятно любому руководителю, который отвечает за Дело и, главное, **собирается его сделать**, а не имитировать свою деятельность на своей должности.

Возникает вопрос, а может, это только на гражданке принято вводить инженера в курс дела, а в армии все не так? Да нет, и в армии так: как вы помните, Лебединцев своих новых коллег, помощников начальника штаба, сам водил в окопы, обучая тому, что им нужно будет делать. Да и не он один. Генерал А.В. Горбатов в своих воспоминаниях пишет о выводе вверенной ему дивизии к фронту в 1941 году. Он лично поехал с передовым отрядом, вместе с комбатом наметил рубежи обороны, съездил к соседям и убедился, что они на месте, то есть работал фактически за командира батальона. Но интересно, что, описав этот эпизод, Горбатов оправдывается!

«Некоторым читателям может показаться странным, что командир дивизии сам поехал с батальоном, выделенным в передовой отряд, как будто нельзя такую работу поручить командиру полка. А я, читая об этом в архивных материалах через двадцать лет, и сейчас свои действия считаю правильными. Нельзя забывать, что командир батальона был человеком неопытным, ему и его подчиненным предстоял первый в их жизни бой. Понимал я, и как трудно было действовать малоопытному командиру, старшему лейтенанту, в той обстановке. Прибыл бы он в Шаровку и не нашел бы там 133-й танковой бригады и батальона 692-го стрелкового полка, с которыми должен был совместно действовать. Поневоле растерялся бы. Вот почему я считал своим долгом помочь молодому комбату на первых порах, если можно, так сказать, научить его на собственном примере самостоятельности и предусмотрительности», — пишет прославленный в будущем командарм.

Для меня поведение А.В. Горбатова выглядит не «странным», а обязательным, гарантирую, что каждый руководящий работник промышленности сочтет это поведение, по меньшей мере, естественным. Тогда перед каким же «некоторым читателем» оправдывается генерал? Думаю, что перед своими коллегами — кадровыми офицерами, которых Горбатов, само собой, знает лучше меня.

Итак, вечером 23 декабря 1941 года посыльный привел лейтенанта Лебединцева во взвод пешей разведки, замкомвзвода Босов познакомил его с бойцами, и они сели ужинать. Далее произошло следующее.

Лебединцев: «Я расспросил сержанта Босова об обстоятельствах ранения моего предшественника лейтенанта Тарасова. Вот что он рассказал о событиях 23 декабря. Утром взвод вызвали по тревоге в штаб и указали направление наступления на противника (во взводе, напомним, было двенадцать человек) для того, чтобы противник открыл по ним огонь из минометов и орудий, а артиллеристы будут засекать эти минометы и орудия по местам вспышек на огневых позициях...

Сержант с горечью рассказывал, как они открытой цепью пошли к переднему краю противника, как началась немецкая пристрелка по ним. Тут и был ранен лейтенант в предплечье левой руки. Взвод залег. Вскоре была дана зеленая ракета, разрешавшая обратный отход. Спасли от больших потерь наступившие сумерки.

Открылась дверь, и появился лейтенант Тарасов. Раненая рука была на перевязи. Он пришел из медико-санитарной роты, так как этой ночью убывал на лечение в медсанбат. Босов представил нас друг другу, и в это время появился знакомый мне посыльный взвода при штабе полка. Он официально сообщил мне о том, что взводу под моим командованием приказано немедленно прибыть в штаб полка за получением боевой задачи. Стоявший на подоконнике будильник показывал 21 час. Сержант чертыхнулся и произнес вполголоса: «Нас не жалеют, так хоть первые сутки пожалели бы нового лейтенанта. Дали бы ему осмотреться, людей узнать». Я скомандовал: «В ружье», хотя все разведчики уже затягивали ремни и разбирали свои самозарядки, которыми была вооружена вся пехота дивизии. Лейтенант Тарасов Василий Минаевич снял со своего ремня кобуру с пистолетом «ТТ» и передал мне. Одновременно он отдал

топографическую карту, компас и противогаз. Не скрою, меня очень тронула такая забота предшественника. У штаба мы простились.

Я доложил начальнику штаба о прибытии и о численности взвода. В строю были десять человек. Павла Платоновича сержант оставил с документами и запасом боеприпасов в доме, и один разведчик постоянно находился в штабе в качестве посыльного. Капитан обратился к сержанту Босову, знает ли он место расположения боевого охранения противника. Он ответил утвердительно. «Требуется его уничтожить этой ночью и захватить «языка», чтобы испортить гитлеровцам Сочельник по новому стилю».

— У вас вопросы ко мне есть? — спросил начальник.

— Да, — ответил я. — Во взводе нет ни автомата, ни пулемета. Чем я буду прикрывать отход после выполнения задачи?

— Вопрос резонный, — заметил капитан и приказал вызвать для усиления моего взвода командира роты автоматчиков с двумя автоматчиками.

Минут через десять явился командир с двумя бойцами. Только у заместителя политрука Телекова имелся в руках ППД, а у второго бойца была такая же самозарядка, как и у всех моих. И тут выяснилось, что рота автоматчиков эти автоматы не получала с момента формирования и была вооружена, как и все стрелковые роты полка, винтовками СВТ, а единственный автомат ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) Телеков выменял в другой дивизии на трофейный пулемет МГ-34. В ту первую мою фронтową ночь я очень удивился тому, что начальник штаба полка не знает, чем же действительно вооружена рота автоматчиков. А прослушанный накануне рассказ сержанта потряс меня невежеством командира полка, пославшего штатный разведывательный взвод на такое задание, на которое посылают штрафников, да и то численностью не менее роты и на короткий бросок. После долгих выяснений и препирательств начальник штаба выгнал командира роты с его «липовыми» автоматчиками, но замполитрук Телеков воспротивился и обратился с просьбой взять его в разведку.

Еще с довоенного времени в стрелковых ротах были по штату четыре «пилы»: старшина роты, заместитель политрука, санинструктор и химинструктор. Всем им полагалось иметь по четыре треугольничка в петлицах, отсюда и наименование — «пила». Первые

три специалиста имели свои эмблемы, а замполитрука — комиссарскую звезду на рукаве, о чем ныне мало кто помнит. С отменой должности политрука роты был отменен и заместитель. Но в то время Миша — так мы звали Телеков а — еще носил это звание и «пилу» в петлицах, но звездочки на рукаве не имелось, как не имелось ее уже и у комиссара полка.

Пулеметный расчет мы должны были получить прямо на переднем крае в одной из рот, державших на этом участке оборону. Тут же в штабе объявился мой непосредственный начальник — начальник разведки полка капитан Татаринцев Петр Петрович. Примерно в 22 часа мы выступили во главе с капитаном в район переправы по льду через реку Миус в окрестности райбольницы. Мой сержант предложил Татаринцеву зайти к Фросюшке — медсестре, проживавшей в своей хате рядом с больницей, почти на самом переднем крае. Как я понял, мои разведчики были здесь не впервые. Нас ожидал кувшин молока и гора пирожков с картофелем, еще теплых, под рушником. Позже я узнал причину приветливости Евфросиньи Ивановны. Разведчики добывали корм ее буренке да, видимо, и припасы для пирожков в покинутых хатах эвакуированных жителей. Окна ее хаты были завешены черными платками, в комнате полумрак. Разведчик Кочуровский даже завел патефон, но игла была тупой, и слышался только шум какой-то мелодии. Татаринцев подошел к кровати, где лежала дочь Евфросиньи, Анна, примерно лет шестнадцати, и представил меня ей.

Покинув хату, мы спустились к руслу реки, где нас ожидал командир стрелковой роты с двумя пулеметчиками и ручным пулеметом — мне для подкрепления. Я сильно воспрянул духом от сознания того, что с нами идет начальник разведки и пулеметный расчет может прикрыть наш отход. Но тут выяснилось, что Татаринцев вовсе не собирается идти с нами, но поддержку обещал самую мощную огнем и даже контратаками в случае необходимости. Босов мне пояснил, что наш начальник всегда «герой» только до переднего края и не далее. А наши «средства подкрепления» сразу же за речкой так начали кашлять дуэтом, что запросто могли нас «заложить» вблизи немцев. Телеков, Кочуровский и Босов пытались им прикладами разъяснить пагубность кашля в разведке, но они продолжали имитировать простуду, пока Босов не дал им обоим пинка под зад. Я

пытался им разъяснить бессовестность их поведения, но они твердили одно: «У нас куча детей, а вы ведете нас на погибель, тогда как другие сидят в траншее». За одну ночь я узнал много нового и познавательного, еще не побывав в настоящем бою.

Михаил днем вел здесь наблюдение и хорошо знал подход к немецкому блиндажу. От самого берега реки к позиции боевого охранения немцев вела глубокая межа — канава, уже засыпанная снегом. Я выделил трех дозорных, в которые вызвались три человека: Миша Кочуровский, Косов и автоматчик Телеков. У Кочуровского и Косова в противогазных сумках были связки по пять гранат «РГД», и мы рассчитывали одну бросить в печную трубу блиндажа, а вторую связку под его входную дверь. Двигались мы медленно, не создавая шума, осматриваясь по сторонам и падая камнем при вспышке вражеских осветительных ракет на их переднем крае.

Нейтральная полоса здесь была более полутора километров. Видимо, с этой целью немцы и решили установить боевое охранение именно на этом участке. Весь день противник не подавал признаков жизни, а ночью, когда топилась печь, наблюдались искры из печной трубы. Часов мы тогда не имели. Вдруг я услышал шуршание позади нас. Обернувшись, увидел ползущего Павла Платоновича. Босов принялся шепотом его отчитывать, но Стаценко заверил, что все документы он передал посыльному, а сам не мог отсиживаться в хате, когда все пошли на такое задание. Спустя несколько минут мы увидели всполохи выстрелов на вражеских позициях, и над нами прошуршали снаряды, которые разорвались на нашем переднем крае. По своей неопытности я подумал, что мы обнаружены, но Михаил мне объяснил, что это немцы поздравили нас с наступлением Рождества. К этому времени мы были уже вблизи вражеского блиндажа, метрах в пятидесяти левее. Вдруг услышали скрип полозьев, и у блиндажа остановились санки. В окопе, рядом со входом в землянку, торчал стальной шлем наблюдателя. Из землянки вышли четыре человека и принялись сгружать термосы и ящики, видимо, рождественские подарки с «фатерланда». Миша шепчет мне на ухо: «Это хорошо, пусть встречают и напиваются». Мы же тогда не знали о немецкой норме в двадцать граммов. Незаметно прошел еще один час. Все немцы собрались в землянке, спустился туда на дежес подарков и наблюдатель. И тут произошел ответный салют по берлинскому или

местному времени с нашей стороны. Все трое наших дозорных бросаются к блиндажу и забрасывают две связки гранат, как было условленно, в трубу и к входу в землянку. Два взрыва прогремели почти одновременно. Огромный сноп искр из печи вырвался из-под обломков перекрытия. Мы бросились все к месту взрыва и слышали стоны, кашель и увидели густой дым. Двое спустились в окоп, но войти в землянку было невозможно. Еще опасней было вести раскоп, впрочем, у нас и лопат не было. Я приказал забрать все, что было на бруствере и в окопе. На переднем крае немцы заметили взрыв, начали непрерывно освещать ракетами весь передний край и открыли огонь из пулеметов. Трассирующие пули настильным огнем простреливали почти всю площадь, и мы еле укрылись в канаве. Для прикрытия я оставил тех же дозорных и начал отвод разведчиков к нашему переднему краю. С нашей стороны артиллерия и минометы открыли огонь по вражеским батареям, а минометы вели огонь по пулеметам. Отходили мы быстро. Натренированный к броскам, я легче переносил этот бег, а Павел Платонович бежал с одышкой. Вот и река, в ней несколько полынй от вражеских мин. Мы спрыгиваем в первую нашу траншею и долго приходим в себя. Потом начали подсчет трофеев. Мы вынесли пулемет МГ-34 с двумя коробками лент и ящиком патронов к ним, 49-мм ротный миномет с двумя коробками мин на выюках, автомат МП-38, три полотнища (желтое, красное и белое) для обозначения переднего края, пару номеров фронтовой газеты и солдатский иллюстрированный журнал. К сожалению, ни пленного, ни солдатской книжки мы не смогли взять, да я тогда и не знал им настоящей цены. Слышу крик в траншее, кто-то называет мою фамилию и требует к телефону в блиндаже. Идем с Мишей вдвоем, бессвязно отвечаем в штаб полка на вопросы. Требуют быстрее явиться. Что я только не передумал за эти пятнадцать минут! В штабе командир, комиссар полка, начальник штаба и начальник разведки. Все принялись рассматривать боевые трофеи, начальник штаба упрекает меня за то, что не принесли хотя бы мертвого «Фрица» или «Ганса». По тону чувствую, что беда миновала, и комиссар отдает распоряжение вручить нам первым лучшие новогодние подарки от шефов из Сальска и Ростова — по две посылки на «нос».

Миномет я сдал в минометную роту, а пулемет, автомат, патроны к ним и ракетный пистолет с сигнальными патронами оставил во взводе

для применения в бою. Сигнальные полотнища комиссар окрестил вражескими «боевыми знаменами» и оставил в своем хозяйстве. Так прошло мое боевое крещение, от которого осталось два отверстия от пуль в полах шинели, да один разведчик получил пулевое ранение в мягкие ткани голени. Было еще одно продолжение этого боевого эпизода. Мой шеф, капитан Татаринцев, получил медаль «За боевые заслуги». Долго я выяснял, за какие же именно заслуги он был представлен на боевую медаль, довольно редкую в сорок первом году, и выяснил через кадровиков. Когда мы выдвигались, начальник разведки слонялся по первой траншее и обнаружил на площадке ручной пулемет, оставленный наводчиком на время обогрева в блиндаже. В штабе «в шутку» сказал, что отбил у немцев наш пулемет, и его представили к награде. В то время только один комбат полка капитан Еловский имел орден Красной Звезды да сапер, подорвавший на mine вражескую танкетку, был награжден такой же медалью, как Татаринцев. Носил сапер ее на телогрейке всю зиму. А Еловский всю зиму проходил в шинели в накидку на плечи, чтобы все видели звезду на груди его гимнастерки, под которой был шерстяной свитер. Всем в свое время, но не всегда по истинным заслугам...» [Конец цитаты.]

То, что начальник штаба полка, кадровый офицер, ничего не знал о состоянии и вооружении роты автоматчиков, подчинявшихся непосредственно штабу, трудно комментировать. Из текста видно, что Лебединцев этот факт не мог ни выдумать, ни неправильно понять. Простите, но у нас, гражданских, такое невозможно. На вопрос, чем же целыми днями занимались командир полка и начальник штаба, ответ будет получен из других эпизодов, а сейчас обратим внимание на то, что «кадровые офицеры» не моргнув глазом посылают на смертельное задание своего юного коллегу, даже не дав тому ознакомиться с местностью, даже не вооружив его! Для гражданских такое тоже невозможно.

Никто не даст самостоятельного задания ни инженеру, ни рабочему, пока те досконально не ознакомятся с рабочим местом и с условиями выполнения этого задания. У нас был такой случай. В конце 70-х прокурор города, чтобы отчитаться о своей работе на ниве борьбы с нарушениями техники безопасности на производстве, обвинил и представил на суд 23 инженеров нашего завода. Суд всех приговорил к двум годам лишения свободы, правда, условно. Я организовал

коллективную жалобу в обком, и мы в своем кругу снова рассмотрели все случаи. Во всех этих случаях инженеры совсем не были виновны — рабочие нарушали хорошо известные им правила безопасности и только поэтому гибли или получали травмы. Но в одном случае вина мастера была бесспорна, и все инженеры с этим согласились. Этому мастеру на котельную прислали в помощь рабочих из другого цеха и тот, не выходя из кабинета, послал их на работы в незнакомом им цехе. Один рабочий должен был очистить («пробить») бункер с зависшим в нем горячим шлаком. Он подошел снизу к горловине и ткнул в шлак шуровкой. Шлак обрушился и засыпал этого рабочего, он погиб. Вина его тоже есть: ведь не полный же дурак, обязан был же понимать, что шлак осыплется на него самого! Но инженеры все же пришли к выводу, что мастер обязан был отвести рабочего и показать, где стоять, как и каким инструментом работать. Мастер этого не сделал, значит, виноват.

У нас на заводе молодого специалиста, которому предстояло руководить людьми в цехах, сначала ставили рабочим к печи, затем в течение полугода или года повышали ему разряд, делая сначала бригадиром, затем назначали одним из двух мастеров к опытному начальнику смены, который обучал его окончательно всем обязанностям и приемам работы. Меня из-за близорукости поставить рабочим на печь было нельзя, поэтому специально для меня ввели в штат цеха внештатную должность помощника мастера, и четыре месяца начальник смены и штатный мастер натаскивали меня в своем деле.

Между прочим, историки пишут, что в немецкой авиации молодого летчика-истребителя заставляли несколько десятков боевых вылетов летать рядом с опытными летчиками, но самому в бой не вступать — просто привыкать к обстановке боя.

Поэтому, на мой взгляд, капитан Татаринцев исключительный подлец, поскольку только подлец мог в той обстановке доверить судьбу солдат и боевого задания такому молодому лейтенанту, как Лебединцев. Вызывает недоумение вообще все кадровое офицерство полка — они ведь устранились от боя, и победный бой провел сержант Босов единолично. Для гражданского чиновника необычно и полное отсутствие интереса кадрового офицерства к бою, а ведь это то, для

чего они нужны, это их профессия. Ведь если не смотреть на бои, не зная, как они протекали, то как же ты научишься воевать?

Вот и возникает вопрос, а в чем причина такого ненормального поведения кадрового офицерства полка? Не знаю, как у вас, а у меня нет другого ответа — трусость! Немцы стреляют по переднему краю, летают осколки, а начштаба сидит от немцев как можно дальше, боясь пройти по подразделениям и ознакомиться с их состоянием. Командир полка где-то в тылу, а не на командном пункте, — ведь немцы обстреливают наши позиции из минометов! Капитан Татаринцев вверяет судьбу взвода пацану, боясь перейти Миус. И посмотрите, как заразителен этот страх.

Начштаба не может заставить идти в бой труса Татаринцева, поскольку сам трус. (Начальник теряет моральное право что-либо требовать у подчиненного, если он сам этого не делает, и подчиненный это знает. К примеру, не запретишь подчиненному воровать, если он знает, что ты сам воруешь.) Своим трусливым поведением Татаринцев оставил разведвзвод без пулеметного прикрытия. Ведь пулеметчики не дураки, и они наверняка видели этого Татаринцева, когда он погнал разведвзвод несколько часов ранее на немецкие пулеметы имитировать разведку боем. Именно имитировать, поскольку для разведки боем надо, чтобы немцы были уверены, что их действительно атакуют, и открыли огонь из замаскированных орудий и минометов. А какой толк от идущих в атаку 12 человек? Они для одного немецкого пулеметчика были работой на полминуты, если бы вовремя не залегли. А теперь Татаринцев посылает пулеметчиков с этим разведвзводом, а сам остается в тылу. Ясно ведь, что он опять посылает солдат на гибель. Вот пулеметчики и запаниковали.

А теперь посмотрим, кто в данном эпизоде оказался человеком честным и храбрым. Это, во-первых, лейтенант Тарасов. Он ранен и имел все основания немедленно уйти в пусть и недалекий, но тыл — медсанбат. Но он после перевязки вернулся во взвод, чтобы убедиться, что с его солдатами все в порядке. Увидев, что его взвод принял безоружный лейтенант, он отдал ему свое оружие, карту и компас, хотя через несколько недель все это понадобилось бы ему самому.

Безусловной честности и храбрости сержант Босов и замполитрука Телеков. Второй вызвался идти в бой добровольно, видя, что разведчикам нужен его автомат. Сержант храбро и умело провел

бой, в котором были уничтожены минимум пять немцев взамен одного своего легкораненого. Честным и храбрым оказался и пожилой солдат Стаценко Павел Платонович. Совесть не позволила ему сидеть в тылу, и он самовольно пошел в бой вместе с товарищами. И именно такие люди выиграли ту войну. Как вы уже прочли и увидите далее, Босов и Телеков будут убиты тут же на Миусе. Поговорка «смелого пуля боится, смелого штык не берет» статуса закона, к сожалению, не имеет. А кадровое офицерство скрывалось в тылу, сберегая для Отчизны свои драгоценные жизни «профессионалов».

И ведь профессионалы! Вы посмотрите, как профессионально капитан Татаринцев раздобыл себе медаль! Некадровые так бы не смогли...

Бои на Букринском плацдарме

Следующим эпизодом для показа храбрости и трусости офицерской касты я взял отрывок из воспоминаний Александра Захаровича, в котором он рассказывает о боях за Днепр. К этому моменту он уже был старшим лейтенантом с большим фронтовым опытом и служил первым помощником начальника штаба 48-го стрелкового полка 38-й дивизии. Командиром полка был подполковник Кузминов, а непосредственным начальником Александра Захаровича — начальник штаба майор Ершов. К описываемому моменту полк уже переправил за Днепр свои передовые подразделения.

Лебединцев: «Следующим очередным рейсом переправили меня с ротой связи, ее имуществом и посыльными. Я пока оставил писаря Родичева на правом берегу с документами и запасом карт, захватив с собой в полевой сумке топографические карты и бумагу для донесений. Было за полночь, стрельбы почти не велось. Только редкие очереди трассирующих пуль прочерчивали туман над поверхностью реки, да одиночные ракеты мерцали в тумане. Слышался скрип уключин и всплеск воды от весел. Много за ту ночь появилось у гребцов кровавых мозолей на ладонях, но еще больше проявили они храбрости, скользя на своих утлых лодочках между разрывами снарядов, мин и бомб в светлое время. Вот кто постоянно проявлял героизм, по значению сродни пехотной атаке! Наши полковые саперы все получили ордена, а четверо дивизионных удостоены Геройства, хотя их подвиги уступали полковым гребцам вне всякого сомнения.

Вот и противоположный берег. Лодка носом ткнулась в прибрежный песок, и мы быстро выскакиваем на берег прямо в расщелину оврага, по дну которого протекал небольшой ручеек. Увлекая связистов влево, и на четвереньках карабкаемся по крутому склону вверх. Вот и встали на ноги, осторожно продолжаем путь. Показались строения, заходим в крайнюю хату, жители в погребе. Жажгли трофейную плошку, завесили окна и начали устанавливать телефоны и разворачивать радиосвязь. До смерти я не забуду позывные тех дней по радио: «Гектар, Гектар, я Авиатор, даю настройку: раз, два, три и т. д.» А телефонисты со штабом дивизии перекликались: «Бокал,

Бокал, я Сосна. Сосна слушает». Это нельзя забыть! Вспоминалось мне это много раз на встречах с радисткой Раей с Кубани, телефонистками Явдохой из города Ромны и Надей из Тульской области. Последние появились пару месяцев спустя, а до них были только Рая и Маша. Я вывел всех посыльных и связистов во двор. Здесь тумана не было и видимость была лучше. Хата стояла почти под обрывом, который возвышался над ней почти до крыши. Я указал Митрюшкину размер щели, и связисты сразу приступили к ее отрывке, работая посменно и вычерпывая землю стальными шлемами. Через час появились начальник штаба и командир полка. Кузминов с телефонистами пошел на КНП, который ему оборудовали те же телефонисты за селом примерно посередине расстояния между батальоном и штабом полка.

Начальником артиллерии полка был майор Бикетов. Он остался на том берегу переправлять свои орудия и минометы и сделал это весьма удачно, так как попался на глаза командующему артиллерией 40-й армии полковнику Бобровникову, который поинтересовался, кто руководит переправой орудий, и Иван Владимирович скромно назвал, разумеется, свою фамилию и должность. Адьютант записал, и в тот же день было оформлено представление на Героя, даже без уведомления прямого начальника Бикетова — командира нашего полка. Уже 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя. Это был первый из указов на Героев за Днепр. Я первым прочитал его фамилию в газете и позвонил на КНП, чтобы поздравить, но он ответил мне крутым матом за «разигрыш», однако через день его поздравили официально. Он извинился и вручил мне флягу спирта из «артиллерийских резервов» за нечаянное оскорбление и как первому поздравившему. Такова была традиция. Жаль, что не смог с ним встретиться после войны. Когда узнал его адрес в Ворошиловограде, то его уже не было в живых. Застрелился Герой еще в 1959 году. Всю войну судьба хранила от немецких пуль и осколков, чтобы после войны он сделал это своей рукой. Тоже судьба. И такое было.

Мой прямой начальник Ершов был, прямо скажем, в каком-то трансе. Вызвано это было, скорее всего, страхом и безысходностью нашего положения на плацдарме, тогда как я воспрянул духом после удачной переправы и руководил всеми делами штаба. Только начало светать, я увидел, что в огороде нашего дома разместилась минометная

батарея 120-мм калибра, но не нашего полка. Эти «самовары» принадлежали мотобригаде 3-й гвардейской танковой армии. Я попросил их переместить позиции дальше от штаба полка, но минометчики стояли на своем, утверждая, что позиции заняли раньше нас и никуда не уйдут. Я просил, чтобы Ершов употребил свою майорскую власть, но он только рукой махнул.

Утро обещало ясный день. В чистом небе первыми появились над нами четыре «мессера». Увидев батарею, они сбросили на нее и на хату по два контейнера с мелкими бомбами. Мы еще до этого все свалились в щель в несколько слоев. Я был верхним и заметил в простенке хаты солдата-связиста, которому не хватило места. Он до бомбежки ощипывал убитую утку. А у стенки, прижавшись к ней спиной, стояла фельдшер, лейтенант медицины, молдаванка Оля Дейкун. Это было крохотное создание весом не более сорока килограммов. Одним словом, «Дюймовочка». Увидев, как раскрылись контейнеры, она сказала: «Ой, как много они высыпали!» — и стала приседать. В последнее мгновение я ухватил ее за ногу в брезентовом сапожке и потянул на себя. Своим крошечным телом она прикрыла всех нас. После разрывов все заволгло дымом. Когда мы вылезли, то солдат с уткой был убит, в его расколоте черепа были видны мозги. Конечно, и с Олей могло быть то же самое. Она с первого дня воевала до победы в разных частях, но закончила войну в нашем полку, получив ордена Отечественной войны, Красной Звезды и медаль «За отвагу». В 1995 году скончалась ветеранка на 78-м году жизни в своем родном городе Бельцы, и похоронила ее племянница, унаследовав от бездетной тетушки ее домик и все, что было в нем, в том числе три ордена и много медалей, не помещавшихся на ее маленькой груди.

Основной удар мелких бомб пришелся по минометной батарее на «нашем» огороде, где были несколько человек убитых и раненых. Ольга бросилась туда оказывать помощь пострадавшим. Связисты принялись копать на возвышении яму для тела своего товарища. Потом, много лет спустя, жители сносили прах погибших в общие братские могилы. В Каневе есть данные о погребенных на этом плацдарме, которые исчисляются сорока тысячами воинов 40-й и 27-й общевойсковых и 3-й гвардейской танковой армий. В селе Балыко-Щучинка создан огромный мемориал, посвященный Букринскому плацдарму, в Григоровке и на высоте 244.5 братские могилы воинам

нашей дивизии и танкистам-гвардейцам, первыми вступившим на эту землю и отдавшим свои жизни за нее. В городе Переяслав-Хмельницком в соборе открыт Музей Героям Днепра, в котором установлена огромная диорама, созданная художниками Студии имени Грекова и запечатлевшая на века тот дом, в котором размещался наш штаб, он показан с горящей крышей, овраг и высоту 244.5.

Начальник штаба укрывался под лавкой в хате и разразился бранью за то, что я выбрал именно эту хату. Он впервые с самого начала боев дивизии решил сам лично выбрать место командного пункта и, захватив всех людей штаба, пошел в овраг искать подходящее место, оставив меня и радистку Раю Хабачек поддерживать связь до того времени, пока он не возьмет связь на себя. Минут через пять после их ухода появилась новая волна вражеских бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88. Это были фронтовые пикировщики, близко знакомые нам, пехотинцам. Они наносили точные удары по целям, и пришлось они теперь в основном по скоплениям штабов, службам тыла и медучреждениям, облюбовавшим себе спасение во множестве промоин крутых обрывов большого оврага. Были сброшены несколько бомб и по минбатарее. Теперь она практически перестала существовать. Бомбежку я перенес под лавкой, а радистка с испуга забралась в подпечье русской печи и теперь никак не могла вылезть, задевая своими ягодицами и рыдая от страха и темноты. Я предложил ей лечь там плашмя и высунуть ноги, ухватившись за них, я извлек ее всю в курином помете и пыли. Зазуммерил телефон. Это майор разрешил нам двигаться по проводу на новое место. Взгромоздил ей на плечи приемопередатчик, а себе упаковку питания и телефонный аппарат, и через пять минут мы увидели своих, сидящих в промоинах. Теперь, после второй бомбежки, начальник штаба ругал себя за неудачный выбор места, видя вокруг огромное скопление тыловых служб, и повелел мне с Митрюшкиным найти новое место, более укрытое, замаскированное и отдельное от других обитателей. Почти по отвесному скату оврага, на четвереньках мы выбрались севернее, пробежали метров сто пятьдесят вдоль обрывистого берега Днепра и обнаружили именно то, что и было необходимо. Здесь были такие же промоины, но не обозначенные на карте и поросшие терновником, хорошо маскировавшим предполагаемое расположение КП.

Сержант остался с автоматом охранять место, а я вернулся, чтобы привести к нему всех. Впервые Ершов похвалил меня за удачный выбор. Связисты принялись устанавливать связь, а я распределять промоины службам штаба. Громко объявил всем, чтобы не нарушали кусты, и указал, где отрывать котлован землянки. Из всех ПНШ только я один находился при начальнике. Остальные, переправлявшиеся другими рейсами, видимо, блуждали в поисках нас, и я послал на берег к месту причала Митрюшкина, чтобы он указывал место штаба и КНП Кузмина. Только к обеду был доставлен нам поваром Петровичем завтрак на лодке. Петрович был пожилой кубанский казак из станицы Гулькевичи под Армавиром. Он дрожал от пережитого страха после разрывов вокруг лодки и извинялся, что остыли в ведре каша, а в термосе чай. Уже с наступлением темноты он привез нам обед и ужин одновременно. Как мы обрадовались полному ведру жареных окуней, которых он собрал с поверхности реки, возвращаясь на свой берег после завтрака. От разрывов снарядов, мин и авиабомб на реке гибло много рыбы, и она всплывала на поверхность и уносилась вниз по течению. Ее даже было видно в бинокль из нашего штаба. Начальник связи капитан Лукьянов часто смотрел в бинокль на противоположный берег, где заправлял переправой полковой инженер Чирва. Рыбу тогда как грибы в лесу собирали многие переправлявшиеся. Ее несло течением также с Щучинской и Зарубинской переправ, которые подвергались бомбежке не менее нашей.

Мы имели свою телефонную связь с находящимся впереди комбатом Ламко и командиром полка. Постоянно была связь с командиром и штабом дивизии, находившимся все еще на левом берегу. Из трех стрелковых полков дивизии только линия по дну реки, наведенная нашим начальником направления связи (ННС) младшим лейтенантом Оленичем И.И., служила безотказно по одной простой причине — она не имела ни одного сростка под водой на протяжении километра и была проложена немецким трофейным кабелем в полихлорвиниловой изоляции. На нашем берегу вынуждены были подключиться к ней и другие два полка, а когда и штаб дивизии переправился на плацдарм, то эта же линия служила проводной связью со штабами 40-й и 27-й армий.

Вот за нее и получил Героя Иван Иванович по моей рекомендации. Хотя этого высокого отличия он вполне заслуживал и за другие дела, часто прикрывая ручным пулеметом КНП Кузминова. Он был истинный Герой, скромный и малоизвестный в дивизии. По разнарядке из батальона связи Героя получил еще и телефонист Гаврилов К. А., но о нем я ничего не могу сказать, так как он был не в нашем полку.

К вечеру начальнику штаба захотелось иметь данные о положении рот от непосредственного свидетеля, и он послал меня в боевые порядки. Шагал я с посыльным «по проводу». Первоначально я навестил командира полка на КНП, там с ним находился начальник артиллерии, командир поддерживающего артдивизиона капитан Багрянцев и начальник разведки полка старший лейтенант Борисов. Вскоре Борисов был ранен и после излечения оставлен в штабе дивизии в оперативном отделении у майора Петрова в качестве помощника.

С КНП Кузьминова открывалась панорама почти всего Букринского плацдарма. Справа от КНП возвышалась самая высокая точка с отметкой 244.5. Ее пока еще удерживали немцы, но Ламко вел бой за захват этой высоты с тригонометрическим пунктом. Нанеся на карту точное положение КНП и положение противника, мы переместились в батальон. Своего друга я нашел в верховье того самого огромного оврага, который отсюда брал свое начало. Комбат обедал и ужинал одновременно и пригласил меня к котелку с рыбой из того же водоема, только с батальонной кухни, предложив мне «для храбрости» спиртика в кружке, в которой плавало и пшено. Разводить было не чем, и я выпил со всеми градусами. Мы располагались на восточных скатах высоты, а немцы с западных вели обстрел минами через высоту, и я, впервые за всю войну, мог наблюдать мгновенное падение и взрыв мин на поверхности земли. Позже мне такое не приходилось наблюдать до самого конца войны. (Вылеты мин из ствола видел много раз, как и полет реактивных снарядов из «катюш» и установок «БМ-31»).

Той ночью батальон овладел вершиной высоты. 26 сентября он весь день вел бой за Колесище и высоту 209.7, продвинувшись на несколько километров в южном направлении. 27 сентября батальон атакует высоту 209.7, но противник оказывает упорное сопротивление

огнем артиллерии и ударами авиации. За день боя 20 человек убитых и раненых. Недостаток боеприпасов в ротах и батареях. Очень сильным обстрелам и бомбежкам подвергается наша переправа. На следующий день продвинуться не удалось ввиду сильного вражеского огня. Разведка отмечает сосредоточение вражеской пехоты и танков.

В ночь с 28 на 29 сентября по приказу свыше происходила перегруппировка войск. Наш полк, передав свой участок, должен был до рассвета принять другой от 337-й стрелковой дивизии. Эту ночь я провел в батальоне, так как при передаче и приеме позиций вышестоящие штабы, чтобы перестраховаться, требовали оформлять прием и передачу по акту, с указанием переданных инженерных сооружений. Это была практически невыполнимая задача в ночное время и в весьма короткие сроки. Но у нас всегда и все было на пределе человеческих возможностей. Ершов в этом отношении был просто деспотом, требуя акты и схемы не от батальонов, а лично от меня. До рассвета батальон успел только занять чужие окопы, ничего не зная ни о соседях, ни о противнике. Перед рассветом я вернулся в наш штаб. Все спали, кроме дежурного. Я попросил его доложить Ершову о моем возвращении и мгновенно уснул в одной из промоин.

В моем боевом донесении, сохранившемся в архиве, не были указаны часы, когда именно началась вражеская артиллерийская подготовка. Видимо, через несколько минут после того, как я уснул мертвецким сном, я услышал сплошной грохот разрывов снарядов и мин. Земля буквально содрогалась. Зарево разрывов покрыло равномерно всю занимаемую войсками площадь на плацдарме. Такого я с декабря 1941 года еще не переживал. Дежурный бегал, выкрикивая мою фамилию. Я зашел в котлован, прикрытый сверху обычной плащ-палаткой. Ершов, с обезумевшими от страха глазами, не спросил меня ничего о смене, а сразу заорал: почему нет связи с батальоном и с командиром полка и что творится вокруг?

Доказывать, что я не начальник связи и что не я спал, а он дрыхнул всю ночь, было бесполезным, и я крикнул: «Что еще вам от меня нужно?» Хотя и сам понимал глупость моего вопроса. Но это привело его в чувство, и он спокойнее сказал: «Нужно срочно бежать на КНП к Кузминову и уточнить, где батальон, а по дороге исправить связь». Я понимал, на что он меня посылает и куда придется идти через сплошной шквал разрывов. И мы пошли по проводу, срачивая

перебои провода от разрывов. Вот и верховье большого оврага, поднимаемся на пригорок, где был окопчик КНП. Младший лейтенант связист Оленич вел огонь из ручного пулемета короткими очередями, Кузминов и Бикетов стреляли из карабинов связистов, которые набивали запасные диски к РПД. Увидев меня, Кузминов закричал: «Саша, как ты прорвался через эту стену огня и что вообще сейчас творится?» Телефонист только сообщил о прибытии в штаб, как провод снова перебило разрывом. Со штабом дивизии у командира тоже не было связи, как ее не было, видимо, ни у кого в таком аду. Впереди КНП танконедоступный овраг, откуда были слышны две команды: «форверст» и «фойер». Но вражеская пехота тоже не лезла под пулеметный огонь. Я доложил о вчерашней смене боевых порядков и о той неразберихе, которая там творилась, что и привело к прорыву нашей обороны, видимо, на три-четыре километра. Командиру еще позавчера нужно было сменить свой КНП, но он почему-то не сделал этого. Ну и часовая артиллерийская обработка всей площади плацдарма позволила врагу вклиниться в наши боевые порядки. Массированность огня противника начала уменьшаться. Уже рассвело, но везде стоял дым и пыль, точно дымовая завеса.

Очнувшись от своих дум Кузминов и решил послать меня с докладом об обстановке к командиру дивизии. Хотя он не знал, где наш батальон и что с полковой артиллерией. Он просил передать, что свой КНП они с начальником артиллерии не покинут и будут отстреливаться до последнего патрона. Он просит командира дивизии открыть огонь артиллерии по этому скату. Говоря возвышенными словами, он вызывал огонь на себя, но не имея связи, делал это через меня. Только вылез я из окопа, как рядом раздался взрыв снаряда, и меня снова бросило в окоп. Я почувствовал боль в области колена левой ноги. Штанина была разорвана, показалась кровь. Я вспомнил, что в командирской сумке у меня почти год хранится перевязочный пакет, я разорвал прорезиненный чехол и стал накладывать повязку сверху брючины. Встал на ноги и с облегчением подумал, что кость цела. Вдогонку Кузминов крикнул мне, что его адрес записан в книге. Я знал, что его супруга Мария Леонтьевна с сыном и дочерью проживают в Сухуми. Спускались мы вниз к реке, где у самого берега должен был располагаться командир дивизии с оперативной группой штаба. Через полчаса мы были у берега, где, заложив руки за спину,

ходил по песку командир дивизии полковник Богданов. В стороне стоял начальник оперативного отделения штаба дивизии майор Петров и пытался дозвониться куда-то по телефону. Здесь же были начальник разведки майор Чередник и дивинженер Эшенбах.

Я доложил комдиву о просьбе Кузминова, и он потребовал указать его место на карте и на местности. Потом он спросил, где наш штаб. Я ответил, что здесь же на пригорке в промоинах, и он отпустил меня, наказав: немедленно на том берегу собирайте всех способных держать оружие и переправляйте их сюда. Увидев здесь нашего офицера связи лейтенанта Медведева, я взял его с собой. Начальник штаба обрадовался моему возвращению, и я передал приказ комдива. Ершов тут же поставил задачу Медведеву переправиться на тот берег, провести там тотальную мобилизацию и доставить всех на наш берег. В связи с продвижением противника теперь вся территория плацдарма простреливалась не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем.

После обеда Медведев доставил сюда из тылов всех и моего писаря в том числе. Оказалось человек двадцать. Убедившись, что я могу ходить, Ершов опять же поручил мне идти с отрядом на КНП командира и найти его живого или мертвого. Как ни странно, на месте КНП оказались только связисты. Один из них был убит и один ранен. Я спросил о судьбе командира полка, и Оленич сказал, что оба майора ушли к соседям для поддержания связи и не вернулись. Связь снова была наведена, и я доложил Ершову и в штаб дивизии майору Петрову о том, что командир был жив и где-то у соседей. На его КНП двадцать солдат под командованием Медведева.

Начальник штаба полка хотел послать меня на поиски Кузминова, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена, и он приказал мне вернуться на командный пункт. Ужасная тревога немного улеглась. Возвращаясь назад, я видел нескольких раненых, один из них даже песню пел. Я подумал, что, кроме ранения, он еще контужен. Но он на полном серьезе объяснил мне причину своего веселья — теперь на месяц, как минимум, попадет в госпиталь, где отмоется, отоспится и, может, приударит за санитаркой. Было и такое...

К вечеру на КНП появился адъютант, старший батальона старший лейтенант Николенко, который сообщил о том, что батальон отошел на свои прежние позиции на высоте 244.5. С ним остатки роты

автоматчиков и разведчики под командованием Зайцева. А командир батальона старший лейтенант Ламко отправлен в полевой госпиталь тяжело контуженным.

Вот о чем я доносил в итоговом боевом донесении за тот кошмарный день: «Роты, не успев принять новые районы обороны, приступили к отражению начавшегося наступления противника. Это был самый ожесточенный день. Окончились боеприпасы, контужен командир батальона, в командование вступил адъютант старший Николенко, погиб один из ротных командиров. Пехоту поддерживали рота автоматчиков полка и взвод пеших разведчиков. Отвагу проявили связисты сержант Перевозчиков и рядовой связист Лыткин. Пал смертью героя командир роты автоматчиков лейтенант Бахтин. Получили ранения начальник разведки старший лейтенант Беличенко, ПНШ-6 капитан Зернюк, парторг полка капитан Новожилов, пропагандист полка капитан Носов. На переправе тяжело ранен полковой инженер Чирва. Комбатом назначен капитан Лихолай из полкового резерва». Таким был итог этого кошмарного дня, отраженного в боевом донесении нашего полка, так как в архиве донесений из других полков нет, как и дивизионного боевого донесения.

30 сентября противник предпринимал неоднократные попытки продолжить свое наступление, но все они нами были отражены с юго-восточных скатов высоты 244.5. 1 октября продолжалась только артиллерийская перестрелка, без активных действий пехоты. Ночью подразделения полка были сменены вторым батальоном 22-й гвардейской мотострелковой бригады и выведены на южную окраину Григоровки. Противник, видимо, обнаружил сосредоточение нашей пехоты и танков в колхозном саду и нанес очень сильный массированный артиллерийский налет по этому району. Командный пункт нашего полка временно разместился в подземном хранилище для зимнего содержания ульев пчел. Этот подвал имел до полутора метров земляной насыпи. После обстрела я насчитал три прямых попадания крупного калибра, но даже они (слава советским колхозникам!) не смогли разрушить надежное перекрытие. Противнику удалось попасть и поджечь два наших танка. В этот артоналет погиб начальник связи полка капитан Лукьянов, а при переправе был убит ПНШ-4. Таким образом, за двое суток в штабе

полка из шести помощников начальника штаба полка остался я один. Но даже это нисколько не смущало начальника штаба полка, и он продолжал каждую ночь посылать меня на передний край для уточнения положения и проверки бдительности несения боевой службы и дежурства в ночное время. Мы в ротах бывали подчас чаще, чем батальонный командир и его адъютант старший (начальник штаба). А на мне постоянно лежали обязанности в организации смен боевых позиций и частых перегруппировок в обороне.

4 октября отбиты две ночные атаки противника на переднем крае. За два дня боев потеряли убитыми и ранеными 28 человек. К 12 часам в полку остался всего 21 человек так называемых «активных штыков», то есть два отделения из 91 стрелкового отделения, положенных по штату в полку. Такого я не встречал ни в одной из армий, ни в одной из войн, которые мне приходилось изучать.

Два последующих дня активных действий почти не велось. 9 октября мы были выведены с переднего края для получения пополнения. Через сутки мы снова заняли свои позиции в обороне. 12-го числа после 40-минутной артподготовки и бомбоштурмовых ударов авиации в 7 часов 40 минут части дивизии перешли в атаку на самом левом фланге нашего плацдарма. Наступали вместе с соединениями 27-й армии, которая была введена из второго эшелона Воронежского фронта и брошена на расширение Букринского плацдарма с 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями. Но противник сосредоточил на этом участке семь пехотных, танковую и мотомеханизированную дивизии, которые стояли насмерть, не допуская расширения этого плацдарма. Первая атака не дала результатов, так как удалось только сблизиться, но не прорвать оборону врага. В 14 часов, после повторного артналета наши части прорвали несколько траншей и продвинулись от трех до пяти километров и снова были остановлены на рубеже Бучак, Иваньков на заранее подготовленном противником рубеже. Много было потеряно танков и личного состава. Теперешняя дистанция соприкосновения составляла 25–30 метров и позволяла немцам добрасывать свои ручные гранаты прямо в наши траншеи, а наши, из-за коротких рукояток для броска, снова не долетали, как и в боях под Сумами. Командный пункт полка переместился в ночь на 13 октября в овраг в лесном массиве южнее Григоровки полтора километра. Потери за эти

два дня боев в полку составили: убиты 19, ранены 132 и пропал без вести 21 человек (чаще всего оказывались в плену). Призванные до Днепра в армию снова сдавались в плен, теперь уже без окружения и отступления. Каждый день мы делаем попытки продвижения, но все они безуспешные. Я по-прежнему в штабе один из всех шести помощников. Некому даже дежурить по штабу». [Конец цитаты.]

Поставив задачей рассмотреть офицерские качества в отдельности, я не могу обосновать их «чистыми» примерами, поскольку Александр Захарович вспоминает свои бои, а в бою всплывает все: и храбрость, и смелость, и тупость, и сообразительность. Бой на Букринском плацдарме я дал в качестве примера массового героизма, чтобы показать, как этот самый героизм виделся глазами очевидца. Как безропотно четко действовали в условиях ежеминутной смертельной опасности стрелки, саперы, связисты, медики и даже повар.

Поскольку из хронологических воспоминаний Лебединцева я нарезал отдельные рассказы, не связанные хронологией, то мне придется несколько упредить Александра Захаровича и сказать пару слов о том, о чем он расскажет сам в последующих эпизодах, и напомнить уже известное вам.

Их 38-я стрелковая дивизия прошла с боями от Курской дуги до Днепра. В 48-м стрелковом полку, в котором служил Александр Захарович, батальонами командовали кадровые офицеры, одного из них, капитана Лихолая, Лебединцев упомянул в донесении — он сменил тяжело контуженного старшего лейтенанта Ламко. Пока кадровые офицеры командовали батальонами, Ламко служил при штабе полка. Начинались бои, и эти комбаты посылали свои роты на неподавленную немецкую оборону, и очень быстро у них в батальонах не оставалось людей. Тогда оставшихся бойцов сводили в один батальон и поручали командовать ими Ламко, который с этим мизером оставшихся бойцов умел выполнить задачу полка. А кадровых комбатов отправляли в обоз («резерв полка») до следующего пополнения людьми. К Днепру в полку остался один батальон, который Ламко переправил на Букринский плацдарм и достаточно глубоко в него вклинился.

Как вы уже поняли, начальник штаба полка Ершов был, пожалуй, единственным, к кому Лебединцев относился с неприязнью, и, надо

признать, у Александра Захаровича на то есть все основания, как вы видели и как вы еще увидите ниже. Но все остальные оставшиеся в живых действующие лица этих боев близки председателю совета ветеранов 38-й сд, и Лебединцеву трудно написать о них то, что следовало бы. Придется это сделать мне.

К примеру, мне совершенно непонятно, как командир полка Кузминов командовал полком в этих боях? С его КНП прекрасно были видны наши войска, но не виден был противник. Что же он со своего КНП наблюдал и зачем вообще в нем сидел? Ведь впереди у него был всего один батальон, которым прекрасно командовал Ламко. Затем, в момент, когда единственный батальон полка сменил позиции, то почему Кузминов не сменил КНП? Как он мог командовать, когда, как следует из воспоминаний Лебединцева, он даже не знал, где этот батальон находится?

Вы можете сказать, что Кузминов сам отстреливался от немцев, а затем вызвал огонь артиллерии на себя. Боюсь, что в данном случае Александр Захарович Кузминова покрывает, поскольку в дальнейшем он одной строчкой скажет, что произошло. Кузминов вызвал огонь не на себя, а на связистов младшего лейтенанта Оленича. Поскольку, как только Лебединцев ушел вызывать огонь на командира полка, Кузминов бросил полк и сбежал с поля боя в тыл соседней дивизии и там два дня прятался. Когда об этом узнал командир дивизии, то (по слухам) избил Кузминова и распорядился готовить дело для суда и штрафного батальона. Но вышел указ о присвоении Кузминову звания Героя Советского Союза за то, что его полк первым форсировал Днепр. Этого у кадрового офицерства отнять нельзя — награды оно умеет получать. А главный герой Днепровской битвы старший лейтенант Ламко получил за нее только орден, а обеспечивший форсирование Днепра сапер лейтенант Чирва вообще ничего не получил. Замечу, что Ламко не кадровый офицер, а сержант, с началом войны выслуживший себе офицерское звание.

Паника под Босовкой

Поскольку выше я привел пример массового героизма, то для равновесия нужен и пример массовой трусости. Для него я выбрал эпизод разгрома немцами 38-й стрелковой дивизии, причем это событие происходило не в 1941-м, а в 1944 году. На мой взгляд, немцы даже не разгромили дивизию, а просто разогнали ее.

В дальнейшем Александр Захарович еще расскажет вам предысторию этих боев в других эпизодах, а я постараюсь парой слов ввести вас в курс событий. 38-я сд вела наступление, как водится, силами единственного батальона в каждом полку. В это время наши войска окружили крупную группировку немцев под Корсунь-Шевченковским. Окруженные немцы пошли на прорыв, и с внешнего фронта немецкие дивизии ударили навстречу прорывающимся, причем этот удар пришелся и по 38-й сд. О том, что немцы что-то затевают, наши знали заранее, поскольку уже накануне днем со стороны немцев слышался гул танковых моторов. Но в дивизии кадровое офицерство не приняло никаких мер для подготовки и организации боя. Более того, командир 48-го стрелкового полка уже известный вам Бунтин и уже известный вам майор Ершов весь день и всю ночь накануне были беспробудно пьяны, так что ПНШ-1 Лебединцев сам ездил в штаб за приказом на наступление, сам ночью принял прибывшую для усиления штрафную роту и поставил ей задачу. Продралось пьяное офицерство только тогда, когда немцы уже ударили.

Лебединцев: «Январский день короток, события разворачивались стремительно, хотя немцы атаковали на самой малой скорости, делая остановки для стрельбы. Их пехота пробиралась по глубокому снегу, ведя огонь из-за брони танков. Первыми свой КНП на скирде покинул комдив со свитой, а за ними наш командир полка с начальником артиллерии, так как немцы подожгли солому зажигательными пулями. Я наблюдал бегство начальства в бинокль. Огнем прямой наводки дивизионной и полковой артиллерии подбили пять или шесть танков противника, но остальные упорно продвигались к селу Босовка и обходили ее с окраин. Первыми начали выскакивать из села, расположенного в широком овраге, обозники на санях. Немецкие

танки расстреливали их из пулеметов, а снарядами били по нашим умолкшим орудиям без боеприпасов. Отвозить орудия было не на чем — тягачи без бензина отстали. Артиллеристы подрывали гаубицы.

Занимаемый нашим штабом дом был крайним. Впереди глубокий овраг, танки не могли его преодолеть. Может, поэтому Бунтин успел оторваться и появился в штабе разъяренным, выкрикивая только два слова: «Стоять насмерть!» Я успел вызвать до этого штабные санки и отправить писаря с боевыми документами и знаменосца с Боевым Знаменем в Шубены Ставы. В углу штаба стоял ручной пулемет с диском. Я взял его, а Забуга коробки с запасными дисками, и мы выбежали к сараю, где стояла телега. С нее я расстрелял весь диск по наступающей пехоте. Видел падающих то ли от моих попаданий, то ли от страха немцев. Бунтин закричал: «Спасать командира!» — и бросился с Ершовым в следующий овраг, сползая на заднице, потом на четвереньках карабкаясь на подъем. Все это запечатлелось в моем мозгу, как на киноплёнке до мельчайших подробностей. Я видел их животный страх, хотя и сам осознавал величайшую опасность быть убитым или брошенным при ранении. Теперь Забуга вел огонь уже по спускающимся в первый овраг вражеским пехотинцам, которые спускались тоже на том месте, на котором сидят. Вот где быгодились ручные гранаты, но их не было ни у нас, ни у немецкой пехоты.

После того как Бунтин и Ершов скрылись за сараем бригадного стана, я, Забуга и несколько посыльных бросились следом за командованием спускаться в овраг. На подъеме я заметил, как рикошетируют пули вокруг, как рядом со мной посыльному в спину попали три пули и вырвали белую вату телогрейки, а он упал замертво. Видимо, закончились патроны в магазине у немецкого автоматчика, и я успел перевалиться за каменную изгородь, по которой тут же прошла новая очередь. Пустой пулемет мы оставили в овраге, разбив приклад. Броском на полусогнутых мы успели забежать за сарай, где находились командир с начальником штаба. Невдалеке разорвался снаряд, и у Бунтина от попадания осколка потекла кровь на виске. В панике он заорал: «Начальник штаба, принимайте у меня командование полком, я ранен». Последний, как попугай, продублировал во всю глотку: «Лебединцев, назначаетесь начальником штаба полка, организовать оборону и ни шагу назад». В это время

Забуга спустился по пожарной лестнице и доложил Ершову, что скоро танки сомкнутся, и мы останемся в окружении в селе. Бунтина потащил адъютант и его сожительница. Я показал примерное направление выхода из села и предложил Ершову бежать вместе, но он задал мне самый глупый вопрос: «А ты меня сможешь вынести, если ранят?» Я махнул рукой и бросился под откос, перебежал улицу и оказался на околице с небольшим подъемом. В это время зарычала «Катюша» и вокруг начали рваться ее снаряды. С этого раза мне навсегда запомнился шквал огня, которого так боялись немцы. Неожиданно из овражка вылезли шесть человек наших пеших разведчиков во главе с их командиром, старшиной.

Они очень обрадовались, что увидели своего, и примкнули к нам. Мы поднялись на пригорок и встретили еще троих связистов из корпуса. Они тоже присоединились к нам. Наступила темнота. На такую беду, какая с нами произошла, нам впервые вместе с приказом на наступление выдали всего один экземпляр топокарты этого района. До этого, как минимум, по пять экземпляров выдавали. Конечно, карта была у адъютанта командира. У меня в те годы была обостренная зрительная память на местность, и я помнил стороны горизонта. Но тогда ориентировался по принципу: где пожары, там немцы, надо идти туда, где нет всполохов. В темноте присоединились с десятков корпусных саперов, которые отрывали землянку комкору. Шум боя постепенно затихал. Впереди слышался скрип снега и понукание лошадей. А после начали различать русскую речь. Видимо, и нас заметили и окликнули: «Кто такие? Одного ко мне». Я по голосу узнал начальника разведки майора Чередника и поспешно назвал себя, так как там уже защелкали затворами оружия. Это была окраина села, видимо, Шубеных Ставов. Из хаты вышел подполковник Хамов. Он обрадовался, что у меня человек двадцать войска, и тут же приказал людей не распускать и следовать далее с Чередником в направлении села Новая Гребля, где занять оборону и всех отходящих подчинять под свое командование.

Это была третья ночь совершенно без сна, я еле стоял на ногах, но мы пошли. Саперов и связистов как ветром сдуло. Поняв, что опасность миновала, они бросились искать свои корпусные части. Кому же охота идти в полковую пехоту? По пути меня узнал лейтенант Пистрак и очень обрадовался встрече. Забуга отстал где-то в Босовке.

К полуночи мы достигли Новой Гребли. Село было забито обозами и машинами. В каждой хате полно людей лежащих, сидящих и стоящих. И все они спали. В одной из хат мы тоже на корточках уснули. До этого я отрядил разведчиков искать наших однополчан. Перед рассветом нас разбудили оружейные разрывы. Стреляли с небольшого расстояния из танков осколочными снарядами. В огромной панике мы и другие бойцы начали выскакивать из хаты и выбегать на дорогу, по которой неслись санки в конных упряжках. Наступал рассвет. Из одних санок раздалось: «Лебединцев, прыгай в сани на ходу, а то задние собьют». Это были наши резервисты-офицеры, а кричал адъютант старший батальона Николенко. Все трое мы свалились горой на эти санки и выскочили из села на околицу, где справа и слева на склонах были установлены наши орудия на прямую наводку и артиллеристы готовились к открытию огня. Увидев их, мы несколько успокоились и перестали понукать лошадей, так как они были мокрыми от усталости. Проехав Баштечки и Бесидку, мы к полудню прибыли в райцентр Ставыще. На площади стоял регулировщик и указал Череднику и мне хату, в которой находился начальник штаба дивизии. Принял он нас без ругани и сказал мне, чтобы я собирал остатки полка и сосредотачивал их на южной окраине этого села. Одновременно разослал разведчиков и посыльных искать свои подразделения и писать мелом на стенах и заборах фамилию командира со стрелками-указателями к штабу. В заключение он сказал, что я назначаюсь временно командиром нашего полка и чтобы я одновременно подчинял себе военнослужащих 29-го полка.

Я понимал, что являюсь «факиром на час», но когда вспомнил, какую ответственность несет командование за потерю Боевого Знамени, то мне стало не по себе. Мы выбрали на окраине домик под штаб, и к позднему вечеру там собрались несколько подразделений: транспортная рота, медико-санитарная рота, службы тыла, батарея 76-мм полковых пушек, рота связи, писари из команды ПНШ-4, хотя его самого (капитан Желтухин) и знаменосца старшего сержанта Тарасенко с Боевым Знаменем не было. Отсутствовал, и мы ничего не знали о командире батальона старшем лейтенанте Кошелеве, его заместителе по политической части капитане Воробьеве и небольшой команды с ними. Никаких вестей не было и о командире полка и

начальнике штаба. Я посылал во все концы верховых из взвода конной разведки, но все было бесполезно.

Через пару дней собрались все, кто выходил из Босовки разными маршрутами. Несколько дней прожили мы в неведении, пока не прошел слух о том, что в окружении осталась почти вся соседняя дивизия под командованием генерал-майора Пузикова, она вышла в Медвинские леса и там, во взаимодействии с партизанами, оказывает сопротивление. В переданной шифровке уведомлялось и о том, что командование нашего полка, комбат Кошелев со своим заместителем по политической части и небольшая группа бойцов находятся в подчинении этой дивизии. Боевое Знамя полка с ними. Эта новость внесла некоторое успокоение, хотя полк об этом никто официально не информировал». [Конец цитаты.]

Хотел бы обратить внимание на пару моментов. Во-первых, это быстрота развала управления и дезорганизации 38-й стрелковой дивизии под управлением кадрового офицерства. После первого же удара немцев у всех описанных Лебединцевым офицеров была одна мысль — бежать! Ни малейших попыток сохранить подразделение, отдать им команды, организовать сопротивление и оборону. Начштаба Ершов тут же стал смотреть на своего ПНШ-1 как на осла: способен ли будет низкорослый Лебединцев его вывезти на себе? Разбежались все кто куда. Сам Александр Захарович драпал в правильном направлении, что и предопределило кратковременное назначение его командиром полка, но и у него самого не возникло мысли организовать хоть какую-то оборону — хотя бы с уже разворачивающимися навстречу немцам артиллеристами.

Во-вторых. Характерно полное отсутствие интереса кадрового офицерства к своим солдатам — к тем, чьи жизни общество вручило этому офицерству. Солдаты подразделения в этот момент для офицерства просто не существовали, были мусором, о котором недостойно вспоминать в кругу офицерской элиты.

Читая этот эпизод боя у Босовки воспоминаний Лебединцева, можно себе представить, что было летом 1941 года, можно представить, как кадровое офицерство организовывало сопротивление немцам. Вообще-то и до Лебединцева были офицеры, которые хотели поставить об этом вопрос, но в СССР это было запрещено. Раз партия сказала, что во всем виноват только Сталин (особенно в том, что он

перед войной уничтожил 30 тысяч (цифра взята у Геббельса) лучших кадровых офицеров), то во всех воспоминаниях винить нужно Сталина, а кадровое офицерство — хвалить!

Интересно, что с трогательным единством то же самое в это время писали и зарубежные антисоветчики, но у них не было цензуры отдела пропаганды ЦК КПСС. Ко мне в руки попала одна из их книг «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 г.), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку «командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.

Уже трудно было не поверить, что совершилось что-то страшное, с чем мы никогда не встречались. Война на самом деле? Куда же идут немцы? Куда нам идти или бежать? Что же делают наши войска на границе? Что означает «немцы перешли границу»?

Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: «В окружении исчезли командиры, особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то храбрый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен

бойцов». Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

А вот цитаты из документов НКВД и армейских особых отделов (ОО) осени 1941 года — разгара битвы за Москву.

«...1–2 ноября вышедшие из окружения красноармейцы заявили, что в окружении в районе г. Вязьмы они были предоставлены сами себе. Находившиеся с ними командиры буквально приказывали, ругаясь матом, оставить их, командиров, одних и с ними не идти, предлагая им пробираться самостоятельно...

...На Верейском участке фронта так же противник имеет некоторое продвижение. Разведкой по состоянию на 11.30 20.X нами установлено, что в дер. Монаково и ее окрестностях оборону занимала 151 мотомехбригада, которая ночью 20.X снялась после

незначительного обстрела со стороны противника, и в 11 часов 20.X д. Монаково занята противником без боя. В этом же направлении действовала и 50 дивизия, последняя 20.X в 8–9 часов снялась и направлена на Можайск. Из беседы нашей разведки с зам. нач. ОО 151 бригады т. Климовым установлено, что г. Верея был оставлен без боев. В 151 бригаде среди комсостава наличествует паника и отсутствие централизованного руководства...»

«...Противник в течение дня 29-го октября стремился прорваться в Тулу. В 17 час. 30 мин. 7 танков и до взвода автоматчиков противника вышли на южную опушку леса около села Ясная Поляна. Во второй половине дня 29 октября авиация противника в количестве 17 самолетов бомбила линию обороны, занимаемую 290-й стрелковой дивизией (дивизия в составе 1800 человек занимала район обороны Рисуновский, Старая Колина, Малая Кожуховка).

В результате действий авиации противника основной командный пункт дивизии был уничтожен, запасной командный пункт подготовлен не был. Управление дивизией было потеряно. Командир 290 стрелковой дивизии к концу дня оставил дивизию и явился к командующему 50-й армии. Дивизия самовольно снялась с рубежа и открыла участок обороны...

...Командир батареи ПТО капитан Шутов, чл. ВКП(б), получив приказ командира батальона Весинкова о занятии огневых позиций 2-й и 3-й рот для отражения возможной танковой атаки противника, приказа не выполнил, батарею отвел в укрытие, тем самым обеспечил свободный проход танкам противника, а при появлении последних Шутов оставил батарею и бежал в неизвестном направлении. В этот же момент бежал с поля боя и политрук 2-й роты Барашников, который в роту возвратился только после танковой атаки. В отношении Шутова нами приняты меры розыска...»

Вообще складывается впечатление, что если советские офицеры продолжали командовать советскими солдатами, то они не бежали и в плен не сдавались.

Кадровое офицерство и в мирное время считается большими специалистами по организации пьянок. Судя по всему, оно и во время войны страшно боялось потерять в этом деле квалификацию.

«...Командир батальона 108 сд капитан Мосин вместо пресечения подобного рода пьянок сам лично 8–9 ноября организовал

коллективную пьянку с участием посторонних женщин.

10. XI.1941 года командир 2-й роты 451 армейского саперного батальона Малкин напился пьяным, в присутствии бойцов учинил дебош. Когда на него пытались воздействовать, Малкин произвел выстрел из револьвера.

5. XI. 1941 года политрук саперной роты 260 сд Романов, будучи в нетрезвом состоянии, при встрече с красноармейцем Генераловым вынул пистолет и угрожал последнему расстрелом...

...За последние дни в частях армии вскрыто несколько случаев членовредительства. Секретарь партбюро мотострелкового батальона 24-й танковой бригады политрук Соловьев 3 ноября прострелил себе ногу. Красноармеец того же батальона Севостьянов 7 ноября ранил себя в плечо. В тот же день красноармеец этого батальона Чепчугов Илья Андреевич нанес себе ранение в руку.

Такое же саморанение произвел и лейтенант Куриленко. По вскрытым фактам членовредительства ведется следствие.

Следует, однако, отметить, что ни один из этих фактов не стал предметом обсуждения среди личного состава, политаппарат не мобилизует общественное мнение бойцов и командиров на борьбу с членовредительством. Следствием низкого уровня политико-воспитательной работы в частях и подразделениях являются и участвовавшие в последнее время случаи пьянки командного и рядового состава.

В 64 артполку лейтенанты Моисенкин, Дмитриев, Стеоринов, зав. делопроизводством штаба полка Пономарев систематически пьянствуют, пользуясь полустительством комиссара полка батальонного комиссара Венчикова. Начальник продофуражного снабжения Сальников, пьянствуя, разбазаривает продукты.

Систематически пьянствует и командир 103 саперного батальона ст. лейтенант Краснов. 3 ноября вместе со своими помощниками Сорокиным и Криковым он напился так, что пришлось отрезвлять его искусственным путем.

Сам комиссар полка Венчиков в самый разгар последней боевой операции уезжал на 7 суток в тыл якобы лечиться, привез оттуда с собой двух женщин, которых зачислил в штат полка в качестве санитарок.

Аналогичные факты имеются и в 836 противотанковом артполку. 5 ноября нач. штаба полка капитан Поздняков напился пьяным и приказывал писарю Никифорову найти для него женщину.

Пьянствуя в боевой обстановке, некоторые командиры теряют всякое чувство ответственности за судьбу вверенного им личного состава. 29 октября в район обороны 475 стр. полка 53 стр. дивизии прибыл батальон 51 полка. Командир батальона майор Ищейкин был в то время пьян и распорядился выдать бойцам повышенную норму водки. В результате этого оборона была демаскирована. Противник обнаружил скопление нашей пехоты и открыл артиллерийский огонь, которым был уничтожен миномет и выведено из строя несколько бойцов.

Командир взвода 294-й автороты 53 дивизии мл. лейтенант Соболев, систематически пьянствуя, потерял среди бойцов авторитет, самоустранился от командования взводом...»

Надо сказать, что хотя подобные случаи являлись предметом расследования особых отделов, но свои донесения они начинали с описания героических примеров. Скажем:

«...Ст. сержант Киян Ф.Д. — пом. командира взвода, кандидат в члены ВКП(б), образцово организовал оборону своего взвода. 29 октября, когда связь была прервана и взвод оказался оторванным от командного пункта и других подразделений, т. Киян самостоятельно занял новый рубеж обороны, и взвод продолжал стойко отражать все атаки до тех пор, пока 30 вечером ему не был отдан приказ об отходе. Отходя от этого рубежа, тов. Киян вывел полностью (личный состав) и вынес всю материальную часть.

Мл. сержант Севастьянов М.И., член ВЛКСМ, в самый ответственный момент боя обеспечивал бесперебойную связь. Когда 30.10.41 г. батальон в течение 12 час. вел бой с танками противника, т. Севастьянов под ураганным огнем артиллерии, минометов и автоматчиков ползком по открытой местности протяжением до 2-х км своевременно обеспечивал связь между подразделениями и КП. Кроме четкого выполнения обязанностей связного, участвовал в боях, в разведке и по сбору оружия. Им собрано с поля боя 4 ручных пулемета и несколько ящиков с патронами.

Командир отделения сержант Тришкин В.С., беспартийный, участвуя в боях с фашистами под г. Тула, проявил мужество и

стойкость в борьбе за Родину. Он умело организовал огонь отделения, вооруженного противотанковыми [ружьями], вывел из строя 4 танка противника из числа 11, чем заставил отойти врага на исходные позиции.

Командир разведывательного взвода мл. лейтенант Темпов А.Е., член ВЛКСМ, с первых дней обороны г. Тулы добровольно изъявил желание командовать разведывательным взводом. Выполняя боевые задания, быстро ориентируется в сложной оперативно-тактической обстановке и исключительно правильно принимает решения. Тов. Темпов каждую ночь с 21.00 до 6.00 возглавляет глубокую разведку по тылам противника на дистанцию от 5 до 7 км, добывая ценные сведения по сосредоточению танковых подразделений и групп противника... 2 ноября т. Темпов определил, что в селении Елькино сосредотачивается группа танков в составе до роты и готовит утреннее наступление на левый фланг полка. С 3-го на 4-е ноября, забравшись в глубокий тыл, т. Темпов установил, что происходит крупное сосредоточение танков в р-не Судаковка, Харино, Прудное, и этим самым была предотвращена внезапность танковой атаки со стороны противника.

Наряду с вышеизложенными фактами имели место проявления трусости и паникерства со стороны отдельных бойцов и командиров. Например...»

Так что Москва устояла не Божьим чудом, а мужеством и самоотверженностью ее защитников.

И Корсунь-Шевченковскую группировку немцев тоже уничтожили не трусостью. В журнале «Наш современник» (№ 5, 2002) Я. Шипов воспроизвел беседу двух ветеранов, полковников, танкиста и минометчика, Героев Советского Союза, которые оба участвовали в бою по уничтожению прорыва немцев из котла, причем, неожиданно для себя в одном и том же месте. Танкист был Героем до этого боя, а минометчик стал Героем именно за него. Воспоминания о попытке немцев прорваться из Корсунь-Шевченковского котла начал минометчик.

«Похоже, этот маневр немцев оказался для нашего командования полной неожиданностью. Говорилось о возможном перемещении небольших разрозненных групп противника — на этот случай и оставили кое-где у дорог артиллерийские и минометные батареи,

пулеметные гнезда. Окопались мы посреди степи на холмушке, живем день, два, три, ждем, когда вражеская группировка сложит оружие и можно будет догонять своих — отправляться на передовую. И вот как-то утром слышим с запада гул. Пригляделись в бинокль — немцы: впереди — бронетехника, а следом — пехота и пехота, до горизонта. У нас тягачи были — мы вполне могли уйти вместе с орудиями, и нас бы за это, наверное, даже не наказали — больно уж несоизмеримы силы: несколько человек против огромной армии. Но это я сейчас понимаю — задним числом, что называется, а тогда мысль такая никому в голову не могла прийти: только бой... Открываем огонь, они — из танков и самоходок по нас. А миномет, он ведь для навесной стрельбы, можно и по закрытым целям, но никак не для артиллерийских дуэлей в чистом поле. Да еще и дивизионный — самый большой: его, если взрывной волной с места своротит, назад сразу не возвернешь. Зато уж мина: диаметром — с трехлитровую банку, убойная сила — страшная. Ею хоть куда попади: по живой силе, по технике — жуть, что творит! А торопимся — мажем, мажем, и все равно спешим: хочется побольше успеть, пока минометы не покорежило да нас не поубивало. И тут вдруг грохот с другой стороны — с востока. Глядим: танки, самоходки... наши! Мы сразу попадать стали... А танков — десятки, сотни...

И наступил момент:

— Вот! — подхватил полковник-танкист. — В одном из них был и я. Нашу танковую армию перебрасывали тогда к линии фронта для подготовки стратегического наступления. Сначала шли рассредоточение, а в этом месте начинались овраги, и мы должны были пройти между ними по старому шляху: у каждого на карте он был отмечен особой стрелочкой. Выкатываемся к нему, а тут какая-то куча бронетехники и по ней миномет бьет. У нас приказ был: в боестолкновения не вступать да и вообще не задерживаться, но мы, конечно, по паре снарядов высадили... не задерживаясь... Ну и все: костер...

— Точно, — подтвердил минометчик. — Вся их техника враз полыхнула. И башня! Башня от какого-то танка летит над огнем, как картонка, и вращается... Жуть!..

— Да, помню, — кивнул танкист. — Самоходка слева от меня шла, после ее попадания башня и улетела... Приходим в пункт

назначения — небольшое село. Спим кое-как, кто где. Утром надо гнать дальше — нет горючего... Ждем. Самолет разбрасывает листовки. Мой заряжающий читает вслух: «Корсунь-Шевченковская группировка противника уничтожена, немцы потеряли пятьдесят пять тысяч убитыми». И позавидовал: «Везет же, — говорит, — соседям: награды получают, а то, может, и отпуска». Я ему, мол, при таком сражении и у соседей небось потери немалые... А он: «Слышь, — говорит, — командир, тут написано, что главную роль в разгроме сыграли мы — наша танковая армия то есть». Решили, что политотдел, как обычно, напутал. К полудню подвозят горючее, заправляемся. Вызывают к начальству: двадцать машин — обратно. Цепляем бульдозерные ножи и начинаем утюжить шлях — тот самый, по которому вчера прошли сотни танков. Там — месиво: глина, трупы, стрелковое оружие... Похоже, думаю, листовка была правильной, и в политотделе на сей раз ничего не перепутали. Мы ведь на этом маршброске не могли оценить происходившее: пехоты, конечно, было много, но она разбежалась, все попадали, паника... Из-за распутицы мы старались идти не колонной, использовали всю ширину шляха... Получается, что ни у них вариантов не было, ни у нас... Такой маршбросок получился... Ну, растолкали месиво по оврагам, возвратились в село.

На другой день прибывают англичане — военный атташе и еще несколько человек из посольства: заграница не верит сообщению о ликвидации вражеской группировки. Действительно: позавчера было огромное войско, а вчера его уже нет — так не бывает. Начальство приказывает мне везти англичан. Дело в том, что я до войны еще окончил технический вуз и знал английский. А во время войны бывал в Америке: принимал «Шерманы», так что разговаривал свободно. «Шерман» — неинтересный танк, кстати... Ну да ладно: приказывают везти союзников. Атташе залезает вместо заряжающего, еще один англичанин — с фотоаппаратом — сверху, на броне. Приезжаем к битой бронетехнике. Фотограф в восторге — знай себе щелкает. А атташе высунулся из люка: «Где уничтоженный противник?» Веду к оврагу. Он подошел, глянул и сразу же — наизнанку. Отдышался, попил из фляжки крепкого чаю и: «Где линия обороны?.. Где позиции артиллерии?.. Где воронки от авиабомб?.. Предъявите мне след хотя бы одного автомобиля, конной повозки, хотя бы одного сапога!» Ну где же

я ему все это найду? «Здесь, — показывает, — следы только от танков». «Так уж, — объясняю, — получилось». Он постоял и говорит: «Любит Бог вас, русских». «При чем, — спрашиваю, — тут Бог?» «А при том, — отвечает, — что кроме Бога в разработке уничтожения никто не участвовал: вашему командованию вложил в голову мысль о переброске танковой армии по этой дороге на запад, немецкому командованию — о выходе из окружения по этой же дороге на восток, потом двинул вас навстречу друг другу — гениально... А Генштаб ваш, говорит, к разгрому никакого отношения не имеет: там и сейчас толком не знают о происшедшем».

Напомню, что Манштейн, в группу армий которого входили войска, погибшие в котле Корсунь-Шевченковского окружения, пишет: «28 февраля мы узнали, что из котла вышли 30–32 тысячи человек. Поскольку в нем находилось шесть дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков». Фельдмаршал он, может, и неплохой, но брехун ужасный. Брешет он и про Корсунь-Шевченковскую битву. Из кольца вырвались единицы, а не 32 000. Если бы это было так, то Манштейн, во-первых, написал бы точную цифру, а не разбег «30–32 тысячи». И во-вторых, эти силы пошли бы на усиление обескровленных дивизий его разваливающегося фронта. А он пишет: «Вырвавшиеся из котла дивизии пришлось временно отвести в тыл. (А это в связи с чем? Почему их личным составом не пополнены остальные, уже обескровленные дивизии? — Ю. М.) Вследствие этого шесть с половиной дивизий группы армий не участвовали в боях, что еще больше осложняло обстановку». То есть немецкие соединения из Корсунь-Шевченковского котла исчезли из немецкой армии навсегда. Немцы через 38-ю дивизию прорвались, но Красная Армия не только из таких дивизий состояла.

Но обо всем этом вы еще прочтете в воспоминаниях Александра Захаровича, а сейчас мы перейдем к очередной черте офицерской касты — к смелости.

Об основах смелости

Как мне кажется, многие не видят особой разницы между понятиями «храбрость» и «смелость», между тем смысл их резко различен. Храбрость — это способность овладеть своим инстинктом самосохранения, зажать страх в кулак и действовать без паники в условиях, когда тебя каждую секунду могут убить.

Смелость — это способность принять рискованное решение, то есть решение, исполнение которого неизвестно чем закончится. Причем, если речь идет о начальнике, то принятие решения его жизни может и не угрожать, и принимать он его может в спокойной обстановке. Однако исполнение его рискованного решения может закончиться не победой, а тяжелейшим провалом.

Нам, гражданским, в этом плане в сотни тысяч раз легче, чем офицерам. Наши решения, как правило, к смерти людей не ведут (не должны вести). Тем не менее они могут привести к материальным убыткам, и это тоже достаточно страшно. Поэтому и в мирной жизни полно «руководителей», которые по должности обязаны принимать решения и отдавать команды, но боятся это делать и в любом сомнительном случае стараются поступить либо по инструкции, либо утвердить свое решение у начальника — снять с себя ответственность за последствия. Таких людей называют бюрократами, но неправильно, дело тут не в этом, а в отсутствии достаточной квалификации. Человек боится своего решения, когда не способен представить, что за ним последует. А такую способность дает хорошее знание своего дела и, главным образом, опыт. Но опыт в принятии рискованных решений — это принятие и принятие таких решений, а для этого опять-таки нужна смелость. Не принимая решений, не наберешься опыта их принимать. Тут замкнутый круг, который разорвать можно только смелостью.

Решения офицеров на войне и в бою, как я уже сказал, неизмеримо более тяжелы и требуют от них неизмеримо больше смелости, чем от гражданских чиновников. Кроме того, гражданский чиновник (начальник, руководитель) в своей трудовой жизни все же набирается хоть какого-нибудь опыта на реальных делах, поскольку каким бы он ни был трусливым и нерешительным, но совсем никаких

самостоятельных решений он не может не принимать. Если он любое решение будет узнавать у начальника, то тому, в конце концов, надоест работать за такого подчиненного, и подчиненный будет с работы снят. У офицеров в плане накопления боевого опыта большая проблема, так как в мирное время его негде набраться. Учения — это суррогат боя, и решения, принимаемые на учениях, требуют от офицера смелости еще меньше, чем от гражданского чиновника в его реальных делах.

Получается, что от офицерства в мирное время требуется огромное желание воевать и стремление представить себе все возможные перипетии будущих боев. Офицеру требуется образное мышление и фантазия, чтобы представить, как будущий реальный бой может происходить. Между прочим, исключительной фантазией обладал опытный солдат Первой мировой войны Адольф Гитлер. Это отмечают все немецкие генералы, скажем, тот же Манштейн или Кейтель. К примеру, задолго до войны Гитлер предопределил 88-мм зенитное орудие для борьбы с полевыми укреплениями. Немецкие генералы единодушно считали это глупостью, пока не началась война и не подтвердила правоту Гитлера.

А будут ли стремиться узнать о войне все возможное те, кто поступил в армию, чтобы иметь большую зарплату, а потом — большую пенсию?

Боясь принимать решения, кадровое офицерство подменяло свою роль как командиров простой передачей приказа вышестоящего начальника с бездумными требованиями его обязательного исполнения «любой ценой». В исключенных цензурой отрывках из воспоминаний Рокоссовского есть такие строки, написанные скорее всего и по поводу маршала Жукова: «Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможности неприятностей выше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его

штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!»

Об этом же, о тупом исполнении приказа вышестоящего начальства, о боязни предложить ему свое решение или решение подчиненного, пишет и генерал Горбатов: «Особо непонятным для меня были настойчивые приказы — несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью... А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука — как ни наглядны были кровавые примеры, — была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров».

Положение, как видите, менялось, но оно менялось по мере накопления опыта в принятии рискованных решений, по мере замены командиров на более смелых.

В качестве примера принятия офицером смелого решения я выбрал эпизоды, в которых героем был сам Александр Захарович. Это не совсем корректно, поскольку Лебединцев пишет о себе и, конечно, может и приукрасить события. Но, во-первых, он дает много подробностей, и они не противоречивы, а во-вторых, если Александр Захарович и позаимствовал эти эпизоды у кого-то, то, значит, все же был реальный человек, который принимал такие решения.

Примером нерешительности советского офицерства является то, что во всех воспоминаниях Лебединцева (напомню — штабного работника) нет ни единого случая, чтобы в полковом штабе пытались найти какое-то собственное решение. Надо понимать так, что полковой штаб и командир полка, как и писал Рокоссовский, просто переадресовывали приказ командира дивизии комбатам. В случае удачи командир полка герой, в случае неудачи — он действовал так, как комдив приказал.

Итак, два эпизода в качестве иллюстрации главы о смелости. Как вы должны помнить, Александра Захаровича в конце весны 1942 года откомандировали на курсы штабных работников, но немцы в это время окружили наши войска под Харьковом и рванулись под Сталинград и

на Кавказ. Входе отступления курсы штабных работников переместились за Кавказский хребет, и там Лебединцева назначают командиром взвода на курсах младших лейтенантов, а вскоре посылают эти курсы в бой на защиту Кавказа. Сейчас Александр Захарович расскажет об одном из эпизодов этих боев, который начинается с того, что его взвод послали в разведку.

Лебединцев: «Здесь, на вершинах Кавказского хребта, мои курсанты впервые проявили огромный интерес к топографической карте, увидев своими глазами панораму кубанских станиц и их отображение на бумаге. Возвращались мы быстрее, чем поднимались, и к исходу дня оказались в Пшаде, где я доложил о своих наблюдениях. На следующий день, после занятий и ужина, была объявлена тревога и курсы построены к движению. Марш совершали ночью. Прошли Михайловский перевал и свернули вправо по дороге на село Адербиевка, где в лесном массиве и разместились непонятно зачем. Пасмурный день закончился мелким дождем. Мы заняли несколько пустующих колхозных хозяйственных построек и провели ночь под крышами зданий. После завтрака поступила команда оборудовать взводные землянки. Курсанты принялись за дело, раздобыв у местных жителей лопаты. Инженера на курсах не было, и каждый учебный взвод вел свое строительство по самостоятельному индивидуальному проекту. Поскольку размещаться должны были на пологом скате горы, то решено было врываться в откос тыльной стороной котлована, а с фасада делать вход в стене с дверью и окном, выложенных дерном. Здесь должен быть установлен стояк с развилкой вверх, на который продольная балка должна опереться одним концом, а второй ее конец должен лежать на скате горы. От продольной балки до стен укладывались жерди с наклоном, а на них хворост и еловый лапник, чтобы для тепла и от дождя покрыть сверху скаты вынутым грунтом. Работали дружно, соревнуясь в выдумках и усовершенствованиях.

Как это ни покажется странным, но в военном училище на тактических занятиях мы очень много внимания уделяли отрывке окопов, даже соревновались в этом на скорость. Но ни разу нам не показали, как отрывать землянки и делать перекрытия, как усиливать их от прямого попадания снарядов и мин. Уже в первую зиму мы столкнулись с этим еще на Миус-фронте, где была безлесная

местность, и мы иногда для перекрытия землянок разбирали полотно железной дороги, рвали рельсы на куски с помощью тола или гранат и усиливали ими перекрытие землянок. То же делали и немцы. Здесь, в горно-лесистой местности, древесины было вполне достаточно, но не было навыков, в которых мы крайне нуждались.

К вечеру начал накрапывать дождик, и мы поспешили закончить нашу работу, чтобы в тепле провести ночь. Наши соседи-пулеметчики смогли найти бочку из-под горючего и сделали из нее печь для обогрева землянки, затопили ее, и из трубы у них появился дымок. Я позавидовал расторопности моряков. После ужина все взводы были в своих фронтовых жилищах. Продолжался мелкий морозящий дождь. Мы подстелили на грунтовые нары еловый лапник и расположились на ночной покой. Наши соседи-моряки орали блатные песни вроде: «Зануда — Манька, что ты задаешься, подлец я буду, я тебя узнал...» — и далее всякая непристойная нецензурщина.

Чтобы «сменить пластинку», я попросил моего вестового и взводного запевалу Ваню из Краснодара спеть хорошую песню. Меня многие поддержали, и он запел популярную и новую в те годы песню о пограничниках: «Далеко-далеко, где кочуют туманы...» Всем пришлась по сердцу эта мелодия, и многие стали подпевать. И тут мы услышали вопли от соседей. Я почувствовал беду и скомандовал всем выходить. Нашему взору открылась страшная картина обрушившейся на ее обитателей крыши соседней землянки. Тут я понял, что это произошло от раскола рогатки стояка, который поддерживал продольную несущую балку, от тяжести постепенно намокавшего от дождя грунта перекрытия. Я поднял солдат других землянок, и мы принялись снимать мокрую землю. Под ней задохались в дыму люди, моля о скорейшей помощи. Сбросили мокрый грунт, под ним оказались не просто ветки, а плетни — пулеметчики решили превзойти в выдумке своих соседей. Поэтому потребовалось не менее часа, чтобы спасти людей, и, к сожалению, не всех. Три человека погибли. Одного курсанта, стоявшего у бочки, прижало горлом к раскаленной печке, и горло у него прогорело до позвоночника, второй был грудью прижат к печке, а в карманах его гимнастерки были патроны, которые взорвались и изрешетили грудь. Третий у топки задохнулся от дыма. Все остальные тоже задохались от кашля, но отошли.

Мы все строили землянки по одному проекту — со стояками из рогаток, и я понял, что и нас ждет подобная участь. Мы остановились перед входом своей землянки, внутри которой оставалось вооружение, шинели и вещевые мешки. Посылать можно было только одного добровольца, чтобы он смог все из землянки выбросить. И тут я увидел наш запасной стояк, лежащий рядом, который вчера оказался короче, чем нужно. Я велел его развилкой опереть на грунт, а отпиленный конец подбить под балку. Только после этого разрешил Ване зайти вовнутрь и выбросить все содержимое нашего временного жилища. Затем мы спустились в поселок и разместились под крышами чердаков хозяйственных построек. И странное дело, начальство курсов совершенно не отреагировало на такое происшествие. Днем мы похоронили на сельском кладбище курсантов, погибших такой нелепой смертью. Ваня побывал на месте оставленных землянок и сообщил, что у всех остальных произошел такой же раскол стояков, и все они рухнули, кроме нашей, так как ее балка теперь опиралась не на рогатку, а на ствол. Сделай так сразу — и не случилось бы беды, постигшей нас вчера. О занятиях не могло быть и речи, ибо все мы были в грязи. Днем появилось солнце, мы высушили наши шинели, обмундирование и затопили колхозную баню, наладив и «прожарку» обмундирования.

После завтрака из полевой кухни мы начали спуск на равнину. Выйдя из тумана, мы к полудню оказались у станицы Абинск, куда под праздник драпанули 2-я и 3-я роты 1137-го полка. Конечно, как могла удержать оборону дивизия, имевшая полосу обороны по фронту в 50 км? Нам сразу приказано было отрывать траншеи на южной окраине поселка. Но с наступлением темноты нас собрали в колонну, и мы двинулись по дороге на север в направлении станицы Азовской. Ночь была непроглядной, и мы осторожно продвигались по полевой дороге. Возможно, впереди был проводник из местных жителей. Примерно через час сделали привал, и начальство свернуло влево от дороги, где было строение животноводческой фермы. Оставив за себя своего помощника сержанта Дортгольца, я пошел за командованием. В помещении находились несколько доярок с детьми, которые рассмотрев нас при свете каганца, удивились, ибо несколько минут назад у них были немецкие солдаты. Начальник курсов о чем-то посоветовался с начальником учебной части и решил посылать роты

дальше до встречи с противником. В разведку был выделен 2-й взвод нашей роты.

Когда я вернулся к своему взводу, то мои люди что-то грызли. Сержант дал мне кусок подсолнечного жмыха, а пулеметчик по фамилии Пшон — кусок сотового меда. Задавать вопрос и выяснять, где все это взяли, было смешно, так как жмых всегда бывал на фермах в качестве добавок к корму животных, а мед раздобыли в улье «на ощупь». Командира роты мы видели только у кухни, больше он не появлялся во взводах. Странно, идем в бой и совершенно ничего не знаем ни о противнике, ни о соседях, не имеем и собственных задач, как будто мы свалились с неба. Такого не бывало даже в самых захудалых частях, а здесь какие ни есть, но курсы с начальником, видимо, ранее командовавшим полком.

Мой коллега построил в походную колонну свой взвод и предупредил меня о своем выступлении. Через пару минут двинулся и мой взвод. Минут через десять прямо по нашей колонне была дана очередь из танкового пулемета. Только непроглядная ночь спасла нас от больших потерь. Большинство пуль прошли над нашими головами. Застонали раненые из второго взвода. Задело в руку и моего курсанта. Все мы, конечно, упали на землю, и я закричал: «Вправо в цепь» и «Залпом, по пулемету, пли!» Это были две совершенно новые команды из БУП-42, и я их впервые применил в боевой обстановке после нескольких тренировок на занятиях еще в Пшаде. Первый залп был всего из трех-четырех карабинов, второй больше, а в третьем и дальнейших участвовали и курсанты второго взвода. И представьте себе, что мы слышали, как был заведен двигатель и танк или бронетранспортер начал отходить к станице Азовской, изредка постреливая в нашу сторону. Отправили назад раненых, ко мне подбежал командир второго взвода и спросил, что будем делать дальше. Мы заметили, как на южной окраине Азовской началось освещение местности ракетами и открыла огонь минометная батарея, но мины пока рвались где-то позади нас в районе фермы. Развернув взводы в цепь, мы начали продвижение на Азовскую. Для лучшей видимости немцы подожгли скирду соломы. Продвинувшись с километр, мы обнаружили, что нет нашего третьего взвода, второй и пулеметной рот, как нет и нашего ротного командира и командования курсов.

Посоветовавшись, мы тоже решили не лезть на рожон. Ожидали рассвет. Он наступал медленно в тумане с мелким морозящим дождем. Немецкие минометы прекратили обстрел. Чуть стало светать, мы поняли, что позиции наши не имели секторов обстрела противника, и мы решили отвести взводы вправо на пригорок, имевший в тылу небольшую ложину, хорошо маскировавшую наше расположение и подступы к нему из нашего тыла. Огнем из ручных пулеметов и карабинов мы могли простреливать во фланг всякое передвижение противника на переднем крае и перед ним.

Нашими двумя взводами никто из командования не интересовался, связи никакой не поддерживал, видимо, и не задумывался над тем, где мы, что делаем и чем питаемся. Я решил послать связного Ваню с донесением. Через пару часов вместе с ним пришли два моряка из пулеметной роты и принесли ведро вареной пшеницы и вещевой мешок отваренной конины. Котелков у курсантов не было, поэтому пшеницу делили горстями в пилотки и выдали в руки по куску мяса. И опять ни малейших указаний на последующие действия. Создавалось впечатление, что командование курсов все безграмотное, так как хотя бы командира роты послали в качестве посыльного с приказанием, но и его не было. Скорее всего, командование не желало оставлять каких-либо документальных следов в случае проведения расследований. Только на третий день посыльный привел сюда наш третий взвод, а мой взвод выводился в резерв начальника курсов в район той фермы, откуда мы начали наступление.

По прибытии я доложил о состоянии взвода. Начальник курсов не задал мне ни одного вопроса, а только подтвердил свое распоряжение относительно нахождения в резерве и готовности по его распоряжению выступить на усиление направления возможной угрозы.

На следующий день мы устроили мытье в своей бане с парилкой и «прожаркой» белья и обмундирования. На третий день меня вызвал начальник курсов и потребовал вступить в контакт со 2-й стрелковой ротой, которая по карте находилась примерно в трех-четыре километрах правее. Я попросил отметить на карте их место, но он заявил: «Ты бывший разведчик, вот и ищи». На сей раз мы вышли после завтрака без всякого сухого пайка. У меня была карта стотысячного масштаба (в одном сантиметре — один километр на местности). Я очень уверенно по ней ориентировался и повел своих

людей балками и лесными массивами, чтобы мы могли наблюдать, а сами оставались невидимыми. Через пару часов мы были на месте, куда ткнул пальцем начальник, но там и признаков роты не было. Я решил выдвинуться севернее. Прошли еще три километра и вышли на опушку леса. Впереди была большая поляна, на которой копошились румынские солдаты. Оружие их было составлено в козлы, а они, примерно пятьдесят человек, выстроились у походной полевой кухни с котелками за мамалыгой. В стороне стояли две телеги, запряженные станичными волами, на которых, видимо, вывозили лесоматериалы местные девушки. Они тоже развязали свои узелки, чтобы перекусить домашней едой. Мы давно были наслышаны о слабой боеспособности этих немецких союзников и решили отбить походную кухню с провиантом, хотя и понимали, что без боя здесь не обойтись, но все же верили в удачу, надеясь на внезапность и дерзость.

Мы с пулеметчиком выбрали такую позицию для пулемета, чтобы огнем из него не поразить молодых казачек и быков, а залповым огнем курсантов решил бить по очереди солдат у самой кухни. Двоих выделил, чтобы они могли быстро выпрячь пару быков, а одному поручил угнать кухню, если лошадь останется невредимой. Наш огонь оказался таким ошеломляющим, что румыны, удирая в тыл, не только бросили котелки, но и про свои винтовки в козлах забыли. Девушки тоже бежали, оставив волов и бричку. Четырнадцать румын остались лежать у кухни, но легкораненых не было. По документам стало понятно, что это саперы, а значит, мы уже в тылу румын. Приходилось действовать очень быстро, пока они не оправились и не зажали нас. В качестве трофеев нам досталась кухня с мамалыгой и брынзой и пара волов. Бегом, знакомым скрытым путем мы возвращались обратно и тут напоролись на вторую роту, которая была совершенно в другом месте, а не в том, которое указал командир курсов, и уже вторые сутки ожидала провиант. Мы раздали им все с кухни, и я попросил их не менять позиций, точно нанеся их на свою карту». [Конец цитаты.]

Сначала обратим внимание, что подразделение, о котором ведет речь Александр Захарович, нужно считать отборным. Во-первых, его солдаты уже отличились в боях, в связи с чем их и послали на курсы младших лейтенантов. Во-вторых, командование курсов тоже следует считать отборным, ведь ему полагалось обучать не просто солдат, а

будущих офицеров. И что же получила Родина от тех, кого она перед войной 10–20 лет держала на своей шее?

Оказывается, что кадровое офицерство не представляет, как построить землянку. И немудрено — до войны на учениях солдаты жили в палатках, и незнание инженерного дела на продвижение по службе кадрового офицерства никак не влияло. Куда более важно было научить солдат печатать шаг при прохождении перед начальством...

И (если вы еще к этому не привыкли) обратите внимание на трусость и полную бестолковость кадрового офицерства даже в условиях, когда противник практически не атаковал курсы. Командир курсов, полковник, не только не заботится о том, чтобы его солдаты были накормлены, но и по трое суток не знает, где его роты, и не интересуется этим. И разумеется, даже не пытается нанести немцам хоть какое-то поражение. Глядя на командира, от малейшей опасности прячутся и командиры рот.

Теперь о смелости. Лебединцева послали на поиск 2-й роты, и только. Приказа атаковать он не получал, да и первого задания еще не выполнил. Он вполне мог тихо отойти от румын, завывив их численность, послать связного с вопросом: «Что делать?» — запросить помощь, то есть делать то, что и делало кадровое офицерство курсов, показывая ему пример. Но, как следует из описания, положение взвода было исключительно выгодным и дело было за малым — решиться! Для этого нужно было проявить смелость, и она у Лебединцева нашлась. Возможно, потому, что он уже был обстрелян, но главным образом, видимо, потому, что он уже был в победных стычках над немцами, он, словами В. Высоцкого, уже «видел смерть врага еще при этой жизни». Такими действиями таких офицеров война и была выиграна.

Бой за Сумы

Теперь перейдем к эпизоду воспоминаний А.З. Лебединцева, который относится к лету 1943 года и боям за Украину. 20-летний старший лейтенант Лебединцев служил помощником начальника штаба по разведке (ПНШ-2) 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии. Дивизия вышла к городу Сумы, а 48-й сп, опять силами единственного батальона, должен был взять пригородное село Васильевку. Александр Захарович так вспоминает эти события.

Лебединцев: «В разгаре было лето. Долина, ведущая к селу, сильно поросла почти в рост человека бурьяном, по этому бурьяну и сближались наша пехота с противником, пока не попала под его ружейно-пулеметный огонь, тут она и залегла, приступив к отрывке окопов. На опушке леса я на карте увидел условный знак землянки (дома) лесника и прибыл туда с разведчиками. Я понял, что здесь можно удобно разместить штаб нашего полка и послал разведчика, чтобы встретить штаб и сопровождать его сюда, а сам начал изучать местность по карте и подходы к противнику.

Командир прибыл вместе со штабом, и я попросил разрешения выдвинуться вперед и вести наблюдение и разведку. Обстановка была крайне неясной, но было понятно, что главные силы противник отвел за реку Псел, а на нашем берегу решил держать предмостную полевую оборону по восточной окраине села Васильевка, правда, непонятно, с какой целью. Откуда-то из села вели огонь его пулеметы, и где-то с западной окраины стреляла по нашим подразделениям батарея 81-мм минометов. Село было маленьким — не более полсотни строений. Была одна улица с двумя порядками хат и на западной окраине села был Т-образный переулок.

Северо-восточнее Васильевки в трех километрах было село Токари, а между ними простирался заболоченный участок местности, на которой велась разработка торфа. С юга от болота проходил обрыв метров десяти, а далее то плато, на которое вышли наши подразделения и залегли в зарослях высоких сорняков. К обеду мы вернулись в землянку лесника, где уже развернулся штаб и солдаты принимали пищу. На опушке я увидел группу бойцов, которых почти

всех знал в лицо, ибо это были связисты, саперы, химики, писари и даже ординарцы и коноводы. Они тоже принимали пищу, но все были с личным оружием.

Сразу после обеда дежурный по штабу выстроил это войско в две шеренги и доложил командиру полка, который заставил и меня стать в строй вместе со взводом пешей разведки. Взвод конной разведки уже был в пешем строю вместе с остальными. Командир полка приказал мне переписать всех пофамильно и указать, из каких они подразделений. После чего поставил боевую задачу, чтобы я с этим сводным отрядом, а точнее, с группой солдат разных специальностей, завтра утром нанес удар по Васильевке со стороны болота, ворвался в село и очистил его от противника, так как фронтальные удары нашего батальона отражаются пулеметным огнем немцев. Кто подал командиру полка идею создания этой сводной группы, мне до сих пор неизвестно, а сам он до этого додуматься не мог, это я знаю точно. Скорее всего, командир дивизии. Станным было и то, что, имея в резерве двух свободных командиров батальонов с адъютантами старшими и хозвзводами, он приказал командовать группой мне. Так и сказал при всех: «Возьмешь Васильевку, получишь орден Красного Знамени». В последующем в боевом донесении численность этой группы была указана в 35 человек.

Я вывел людей на полянку и принялся уточнять задачу и разбивать их на два взвода. Командирами назначил командиров взводов пешей и конной разведки, усилив их поровну саперами, связистами, писарями и даже старшиной поваром-инструктором хозяйственной части. Почти все они были русскими солдатами, знали хорошо меня, и я многих знал в лицо.

После ужина я сосредоточился с людьми в селе Токари и разместил их во дворе крайнего дома на южной окраине, где была свежая солома. Установил часовых и дал людям рано уснуть, а на рассвете мы дружно поднялись и пошли берегом под обрывом плато к Васильевке. Брикеты нарезанного торфа были сложены для просушки в кучи. Над озером стоял туман. Метрах в двухстах от своего переднего края немцы обнаружили нас и дали длинную пулеметную очередь, но мы надежно укрылись за кучами торфа и пока не открывали ответного огня. Минут через пять раздались глухие выстрелы минометной батареи, и в торфяное болото шлепнулись

четыре мины, но не взорвались. С повторным залпом произошло то же самое, и обстрел прекратился. До сих пор мне не ясна причина неразрыва тех мин. Возможно, немцы не снимали колпачки со взрывателей спросонья, а может, какая другая причина.

Я вызвал к себе командиров взводов. Из зарослей сорняка мы видели обрыв, по которому проходила вражеская траншея. На выступе на площадке окопа стоял пулемет, справа и слева были стрелковые ячейки. Метров триста левее вел огонь еще один пулемет, но по нашему батальону. После завтрака начался наш артиллерийско-минометный налет по переднему краю противника, но он пришелся левее нас. По пулемету, что был против нас, разрывов не было. После окончания налета были слышны крики наших воинов «Ура-а-а!», но в атаку так никто и не поднялся.

Я решил с посыльным пройти по плато и установить «локтевую» связь с соседом слева, надеясь встретить там командира батальона Лихолая, которому передали остатки двух других батальонов. Но там оказался командир батальона совсем другой дивизии. Я подумал, что ночью сделана перегруппировка, о которой я не знал. Возможно, полк передвинут на другое направление. Я поставил в известность этого комбата о своей задаче и попросил сообщить об этом командиру правофланговой роты, что он и сделал по телефону в моем присутствии. Сосед предложил мне позавтракать с ним. Вскоре меня нашел повар-инструктор с сапером и вызвался доставить завтрак на всю нашу команду в термосе. Я написал донесение начальнику штаба с просьбой уточнить положение нашего батальона и мою задачу в связи с новым соседом. Через час доставили термос пшенной каши и хлеб. Старшина доложил о том, что мою записку он вручил начальнику штаба, но тот только выругался матом и ничего не сказал, так как, видимо, сам не знал, где же наш батальон.

Периодически велась перестрелка с обеих сторон, но без попыток атаковать. Телефонной связи со мной не было, и я решил ожидать новый артиллерийский налет, чтобы под его прикрытием атаковать обнаруженную пулеметную точку и продолжить наступление по захвату села с фланга. Только в 19 часов по восточной окраине села был нанесен массированный артиллерийско-минометный удар. Весь передний край заволокло дымом разрывов и пылью. Я дал сигнал атаки, и мои бойцы броском преодолели сто метров простреливаемого

пространства. Пулемет открыл огонь, когда воины уже поднимались по скату и бросали гранаты в траншею противника. Немцы поспешно бежали, я кричал во весь голос: «Вперед и огонь!!» На редкость дружно солдаты выполняли команды и сами себя подбадривали выкриками и огнем из автоматов и карабинов по отходящим гитлеровцам.

Я с сержантом бежал слегка уступом между взводами прямо на пулеметную точку, метров восемь левее от нее. Сержант кричит: «Немец справа!» Я вижу пулемет на бруствере окопа и до пояса поднимающегося из окопа немца. Делаю выстрел из пистолета и замечаю, что немец «клюнул» носом в бруствер, так как пуля пришлась ему чуть ниже уха. Кричу сержанту: «Почему сам не стрелял?» Вижу, что он растерялся, и я обругал его со злости. Срываю с мундира немца погон унтер-офицера и лезу во внутренний карман за документами. Вытаскиваю кожаный бумажник и прячу в свой карман, а сержант пытается вырвать из кисти его левой руки нашу лейтенантскую кожаную сумку. Она без наплечного ремня, и сержант надевает ее за ушки на свой ремень. Захватив пулемет с лентой, бежим до ближайшего дома. Здесь связисты из-за угла дают очереди. Кричу: «Гранатами, гранатами!!» Бросаем гранаты через крышу хаты, раздаются взрывы, и мы бежим к следующему строению. Немцы, огрызаясь очередями, начали отходить. Мы взбадриваем себя выкриками: «Огонь и вперед!» и преследуем их до самого перекрестка. По пути попадают убитые нами немецкие солдаты. За одной хатой лежат трое. Двое из них окровавленных, а у третьего не заметно кровотечения. Вдруг он открывает глаза, и я с испугу нажимаю на спуск. Выстрел прямо в голову. Ругаю себя за опрометчивость, ведь нужен пленный! На последнем перекрестке под акациями стоит машина, а во дворе прямо на позиции установлены четыре миномета, из которых вели по нас огонь. Бросаемся через переулок. Перед нами единственный кирпичный дом, видимо, бывшая школа. В него введены несколько проводов полевого телефонного кабеля. Зуммерит один из аппаратов, я по привычке беру трубку. В ней ругань по-немецки, и я швыряю ее.

Сюда собираются разгоряченные боем разведчики, саперы и связисты. У нас оказалось два вражеских пулемета «МГ-34» с пулеметными лентами. Разведчики докладывают, что на грузовике в

кузове велосипеды, а во дворе напротив на огневых позициях четыре миномета с запасом неизрасходованных мин.

Я поднялся по лестнице на чердак дома и хорошо рассмотрел направление к реке Псел, куда отошла самокатная рота противника. По окраине проходила ветка железнодорожного полотна на Сумы с будкой для железнодорожника. От нее к руслу реки пролегла обычная лесозащитная полоса с полевой дорогой. Я понял, что брошенные в панике минометы, пулеметы и велосипеды противник попытается отбить обратно, если узнает нашу малочисленность, хотя немцами вопрос отвода войск в город, видимо, предreshен был уже окончательно.

На закате я увидел, как из приречной рощицы выехали два мотоцикла с пулеметами и, обстреляв окраину села, начали движение в нашу сторону вдоль лесополосы. Я приказал командиру взвода пешей разведки с одним из трофейных пулеметов поспешить к насыпи железной дороги, а сам развернул второй пулемет на чердаке в готовности к открытию огня. Мотоциклисты ехали не спеша, периодически давая очереди в нашу сторону. Когда они подъехали метров на двести, я дал длинную очередь по первому, а со второго пулемета открыл огонь командир взвода. Один из мотоциклов вспыхнул от зажигательной пули, а второй закружил на месте и заглох. Разведчики бросились туда и принесли третий пулемет с коробками снаряженных лент.

Наступали сумерки. Мы потеряли убитыми одного сапера, и четверо были ранены, но не тяжело. Сзади нас никого не было, правда, по нас не вели огонь ни артиллерия, ни минометы. Становилось жутко от такой неопределенности. С самого утра люди не ели. Местных жителей тоже не было видно, так как они весь день прятались от обстрелов в погребах. В нашем доме стояли два термоса с макаронами, сдобренными мясными консервами и овощами. Еда была еще теплой. Повар-инструктор опробовал пищу и предложил раздать на ужин, так как вряд ли немцы успели бы ее отравить, да и чем в такой короткий срок? Если отравления и бывали, то, скорее всего, от технического спирта, а тут еда.

Один взвод я направил на рубеж насыпи вести наблюдение и оборону, а разведчиков послал прочесать ближайшие дома и карманы убитых немцев, которых оказалось 19 человек, с целью изъятия

документов и вооружения. Вскоре они вернулись с солдатскими книжками и принесли содержимое из карманов, ранцев и вещмешков. Писари наладили и зажгли карбидную лампу для освещения, и при ее ярком свете мы начали разбирать трофеи: трое часов, карманные ножи, портсигары, замечательные фляжки в фетровых чехлах со стаканчиками из твердого пластика, бумажники с документами, солдатскими сбережениями и фотографиями. У всех курящих были сигареты в солдатских портсигарах, которые в крышке имели устройство для свертывания самокруток при отсутствии сигарет, непременные зажигалки и в запасе у каждого бензин в плоском пластиковом флаконе и кремни. В ранцах вязкое белье, пакетики с дустом от вшей и презервативы. «Мелочь, а приятно» — как сказал бы великий комбинатор Остап Бендер. Конечно, у них не было проблем и с бумагой для писем, конвертами и цанговыми карандашами. И, что особо меня поражало, почти все ножи и карандаши имели чехольчики, чтобы все эти предметы не потерялись и сохраняли карманы владельцев целыми.

Я своей властью оделил взводных карманными часами, а себе оставил наручные, снятые сержантом с убитого мной старшего унтер-офицера с пулеметом. Заслуженным оказался он воином. В кожаной полевой сумке нашего производства немец хранил в фетровом мешочке Железный солдатский и Бронзовый с мечами кресты и медаль «За зимнюю кампанию на востоке 1941-42 годов», знак за два ранения и шнур в виде аксельбанта за отличную стрельбу. В конверте были фотографии близких, их письма и топокарта района боевых действий. Видимо, он был командиром пехотно-самокатного взвода.

Прибежал разведчик-наблюдатель и сообщил, что с тыла прослушиваются команды, но он не разобрал языка. Я сразу выбежал на перекресток и, услышав русскую речь, дал обычную команду: «Стой, кто идет?» Вышел вперед офицер, и я узнал в нем того комбата, который утром кормил меня завтраком. Он уверил меня, что не наблюдал моей атаки и думал, что немцы обороняются. Но когда обстрел прекратился, решили проверить, и они вошли в Васильевку. Я спросил, какую задачу имеет его батальон, и он ответил, что должен выйти на берег реки в селе Замостье, что левее и впереди. Он не знает, кто у него был соседом слева и где он сейчас. Чередуюсь со взводными

лейтенантами, я уснул на пару часов, а на рассвете решил все же искать свой полк, понимая, что обо мне забыли.

Все мои солдаты, кто умел ездить на велосипедах, оседлали этот вид транспорта и поехали обратным маршрутом. Только двое раненых и не умевшие ездить на велосипедах, отправились пешком под командой командира взвода конной разведки лейтенанта Щербины. Выехав из села полевой дорогой, мы увидели слева группы солдат на поле, подходивших к полевой кухне с котелками. На нас никто не обратил особого внимания, но я догадался, что это и есть наш батальон под командованием пресловутого Лихолая. Дорога привела нас к штабу, все еще располагавшемуся в землянке лесника. Здесь тоже раздавали завтрак, и мое войско сразу же загремело котелками у комендантской кухни, с которой все они питались.

Я зашел в штаб. Командир полка Бунтин разговаривал по телефону с командиром единственного нашего батальона Лихолаем. Похоже, что последний докладывал ему обстановку: о том, что «противник не дает головы поднять» — это была его дежурная фраза. На это командир полка советовал действовать мелкими группами. Когда он закончил разговор, я тут же доложил по форме, что его приказание выполнено: вчера в 20 часов сводная группа овладела Васильевкой. «А ты же слышал, что Лихолай докладывал только что?» — спросил он. Я доложил о трофеях, показал документы убитых, награды унтера и часы. И тут он немедленно отреагировал: «Часы мои будут». Я снял их с руки и положил перед ним.

«Коновода!» — скомандовал он и вышел из землянки. Я вышел следом. «Садись на лошадь коновода!» — приказал он мне, и мы рысью поехали в батальон. Солдаты уже строились в ротные колонны. Лихолай на полусогнутых подбежал к командиру полка и приложил руку к фуражке. Бунтин плетью нанес удар по приложенной руке и заорал: «Что, противник не дает голову поднять? Под трибунал пойдешь, мерзавец!» Лихолай так и стоял с приложенной к голове рукой и повторял только два слова: «виноват» и «исправляюсь». Ротные командиры скомандовали: «Шагом марш» и повели подразделения в Васильевку, так как они с вечера видели, что со стороны противника огня уже нет и хотели утром войти и доложить об овладении Васильевкой якобы в результате атаки. Так делалось во многих случаях, так как, к сожалению, их никто не контролировал. Бунтин в

раздражении закурил. Я не стал напоминать об обещанном ордене, а напомнил только о фляге спирта, которую он посулил разведчикам в случае овладения селом. Спирт удалось захватить в Бездрике. Бунтин сказал, чтобы я написал записку на имя помощника по снабжению. Я сделал и дал ему на подпись. «Отдыхайте до обеда, потом ко мне сюда» — такова была наша награда.

У землянки меня ожидали пешие разведчики. Я передал коня коноводу, и он поехал в село, а мы пошли в «тылы» полка. Капитан Коротков, прочитав приказ, отлил нам полкотелка спирта, остальное мы долили водой и хорошо размешали. Нам открыли банку американских консервов, в которой вертикально стояли сосиски, дали хлеба, и мы сделали по несколько глотков поочередно и закусили. От выпитого и от пережитого за сутки боя мы уснули под деревом как убитые. Проснулись от солнца, которое теперь жарило нас. Я поднял всех, пообедали с кухни и пошли в наше село. Вот и знакомый дом. В нем теперь разместился штаб полка, а на перекрестке в величавой позе стоял Бунтин. Перед ним в блокнот что-то записывал лейтенант, видимо, из нашей «дивизионки» или армейской газеты. Командир рассказывал, что полк вчера ворвался в Васильевку, овладел ею под его непосредственным командованием, а сейчас форсировал реку Псел и ведет бой в центре города. Лейтенант поблагодарил и убежал с материалами, полученными лично от командира полка с переднего края. «Отдохнули твои разведчики?» — спросил командир.

Я спросил его, кто доложил о том, что ведет бой в городе. «Лихолай, конечно» — ответил он. «Да разве в большом городе так ведут бой?» — сказал я. «Я уже и сам усомнился, — ответил он. — Валяй туда сейчас же с двумя разведчиками, проверь и доложи с места по телефону». Знакомой дорогой под прикрытием лесополосы мы быстро добрались до реки, по берегам которой росли деревья и было несколько заводов и луж. За одной из бань сидел Лихолай и не хотел брать телефонную трубку, так как нужно было отвечать о продвижении, а он только что разобрался, что роты ему соврали о том, что форсировали реку, хотя это была обычная лужа чуть выше колен.

«Теперь снимет, а может, и под трибунал отдаст», — грустно молвил он. Я взял трубку. На той стороне уже ждал моего доклада командир, и я сообщил о вранье и об истинном положении. Боя фактически не было. Наша батарея 76-мм полковых орудий вела

пристрелку одним орудием целей в городе. Пехота укрывалась за сараями и банями и даже огня не открывала, чтобы противник их самих не обстреливал из минометов. Командир полка тоже добра не ожидал, ибо успел сообщить о победе командиру дивизии. Назревало неладное, а вместе с предыдущими прегрешениями в бесплодных боях с огромнейшими потерями могли наступить и организационные выводы. Наутро стало известно, что командир дивизии полковник Скляр и командир нашего 48-го полка майор Бунтин отстранены от командования. Вместо Скляра был назначен подполковник Есипов Ф. С., а в командование нашим полком был допущен исполнять обязанности заместитель командира полка майор Кузминов М. Я. Приказом по дивизии отстранялся и командир батальона Лихолай». [Конец цитаты.]

Как видим, и бой за Сумы шел без какого-либо участия кадрового офицерства. Командир 48-го полка просидел в штабе, из которого не было видно не только противника, но и того, что делал единственный батальон полка. Еще дальше спрятался командир дивизии. Комбаты, видя страх вышестоящих начальников, нагло имитировали исполнение боевых задач, надеясь, что немцы сами отойдут, а они продвинутся и доложат о «взятии» немецких позиций «в ходе атаки» под их мудрым руководством. Артиллерия вела огонь безо всякой связи с пехотой, бес толку расходуя снаряды. В обычае пехоты было не стрелять по немцам, чтобы те в ответ не стреляли.

Дело решил какой-то командир батареи или дивизиона, который рассмотрел все же немецкие позиции и группу Лебединцева и помог ей достаточно точным артиллерийским огнем. И смелость Лебединцева, который мог бы по примеру кадрового офицерства и дальше лежать за торфом, но все же решился воспользоваться теми десятками секунд, когда немцы не видели его группу и когда только и возможно было атаковать в этих условиях.

Заметим, что в 1943 году трусливая бездеятельность кадрового офицерства уже не оставалась без последствий. Командарм снял с должностей командиров дивизии и полка. А дальше, как увидите, командование не стеснялось и более крутых мер.

Об уме и тупости

Вообще-то «интеллигенция» старательно вкладывает в головы обывателей мыслишку, что на военную службу поступают только умственно неполноценные люди. Мое общение на протяжении жизни с сотнями реальных офицеров не дает оснований прийти к такому выводу. Военные училища — это все же не институты кинематографии или театральные училища, выпускников которых мы сегодня каждый день видим на экранах телевизоров и непроходимая глупость и малограмотность которых уже даже не поражает, а удручает.

Однако определенная специфика армейской службы мирного времени все же не без оснований породила присказку: «Как одену портупею, так тупею и тупею». На мой взгляд, это объясняется определенной интеллектуальной легкостью армейской службы без войны: раз нет дела, то над ним не надо и голову ломать — живи по уставам и приказам начальников, и горя знать не будешь. Конечно, на учениях у офицеров как будто есть возможность проявить свой ум и изобретательность, но это имело бы смысл, если бы это мероприятие было не учением, а настоящим боем. Тогда победа и поражение врага доказали бы твой ум. А на учениях доказательством твоего ума является не победа, а оценка командующих учениями генералов, то есть доказательством твоего ума будет то, понравился ты им или нет. Так что как ни крути, а мирная армейская жизнь по уставам и указаниям начальников с точки зрения доходов в армии является наиболее «умной».

Должен сказать, что трудовая деятельность по уставам на умственное развитие человека на самом деле действует губительно. Я еще с 70-х годов с удивлением обратил внимание на то, что вопреки детективам в литературе и кино наиболее тупой прослойкой общества являются судьи, прокуроры, да и все контролирующие органы — те, кто действует сугубо «по законам». (Сегодня они и самая подлая часть нашего общества.) Причем речь идет не только о деловой части их жизни — той, где они и действуют «по законам», — но и о том, что они, казалось бы, обязаны знать досконально и в чем тренируются ежедневно. К примеру. При поступлении на юрфак самой точной

наукой, по которой нужно сдать экзамен будущему судье или прокурору, является русский язык. Тем не менее безграмотность, с которой писали и пишут свои документы судьи и прокуроры (а мне приходилось видеть их сотни), просто умиляет.

У гражданских офицеров в области ума обстоятельство значительно благоприятнее, поскольку у них есть дело. Да, и у нас есть уйма своих инструкций, скажем, перед развалом СССР в его промышленности действовали около 10 тыс. нормативных актов. Но сделать дело по инструкциям удастся не всегда, а уж если говорить откровенно, то практически никогда не удастся. Приходится над делом думать, приходится отставлять в сторону то, что написано в наших гражданских уставах, и искать свое эффективное решение. Проводя параллель с армией: в промышленности всегда война, всегда бой и нет учений.

Поэтому очень часто с позиции гражданского человека армия кажется застойным болотом. Так, английский авиаконструктор периода Второй мировой войны Де Хевилленд зло заявлял, что в армии в мирное время умных людей нет и они приходят туда только во время войны. История тут вкратце такова. Де Хевилленд уже до войны считался выдающимся авиаконструктором, создававшим скоростные трансатлантические пассажирские самолеты. Казалось бы, сам бог велел, чтобы он сконструировал для королевских ВВС и бомбардировщик. Но задание на него давали генералы, а они были люди умные и знали свое дело. И знали они то, что бомбардировщик должен бомбить, значит, он должен брать большой запас бомб, кроме этого, его будут пытаться сбить истребители противника, следовательно, бомбардировщик должен иметь как можно больше брони, пушек и пулеметов, чтобы от них отбиться. И генералы требовали от Хевилленда именно такой самолет. А тот, разместив на эскизе бомбы, пулеметные башни и самые мощные моторы, подсчитывал вес и убеждался, что самолет, исполненный по заданию генералов, будет летать медленно и низко, следовательно, будет гробом для своего экипажа. И Де Хевилленд отказывался браться за эту работу.

Но началась война, и Де Хевилленду в ВВС Британии наконец сказали то, что и должны были сказать: «Сделай нам самолет, чтобы мы могли бомбить Берлин с минимальными потерями!» И все. Де

Хевилленд создал «москито» — самолет с очень легким деревянным корпусом, мощными моторами и без единого пулемета в бомбардировочном варианте. «Москито» летал с такой скоростью, что его не могли догнать немецкие истребители, и летал на такой высоте, что зенитная артиллерия немцев была бесполезной. В результате, если немецкая ПВО сбивала британских «Стирлингов», «галифаксов», «Ланкастеров» и «Веллингтонов» (очень быстро перешедших только на ночные полеты) в каждом вылете по весу столько, сколько они везли бомб, то «москито» бомбил Германию днем и практически все возвращались на базу.

Но Де Хевилленд не совсем прав в том, что умные люди приходят в армию только во время войны. Да, по мобилизации в армию приходят миллионы людей с «гражданки», но не в те штабы, где заказывают для армии боевую технику и машины. Умные люди, появляющиеся в армии во время войны, находились в армии и в мирное время, но в мирное время армии они не требуются — вот в чем трагедия! При отсутствии дела в мирное время на должности в своем округе командующий округом может рекомендовать родственников и знакомых, холуев и подхалимов: уставы они вызубрят, академии окончат, а их идиотизм без дела распознать очень трудно. А во время войны «блатными» становятся не командные должности, а должности в тылу. Это в мирное время командующий военным округом может рекомендовать назначить командиром дивизии идиота со связями. На парадах штаны с лампасами с него не спадают — и достаточно. А во время войны идиот погубит эту дивизию, а ее потеря погубит и фронт с его командующим. Тут уж становится не до блата, вот тут уж начинают искать умных, да и дураки умнеют, если успевают.

Беда, однако, в том, что распознать дурака в мирное время бывает очень не просто, а сам дурак может вполне серьезно считать себя полководцем (пример — маршал Жуков). Формальных оснований отказать дураку в командовании может и не оказаться, и тогда во время войны неизбежны потери.

Александр Захарович очень много пишет в своих воспоминаниях о тупости кадрового офицерства, хотя (по уже упомянутым причинам) редко акцентирует на ней внимание. Начнем с небольшого размышления Лебединцева о боях на Миусе в начале 1942 года.

Напомню, что он в это время лейтенант, командир взвода пешей разведки 1135-го стрелкового полка.

Боевая учеба

Лебединцев: «Каких только задач для разведподразделений не придумывали отцы-командиры. И все из-за незнания и неумения. Насколько я помню, в немецких пехотных полках вообще не было специальных разведывательных подразделений. Эту задачу должны были выполнять любой пехотный взвод, как о том трактовали и наши предвоенные уставы.

Чтобы хоть чем-то проявить себя в обороне, нашему командиру полка захотелось почему-то захватить железнодорожный мост через реку Миус. Он находился на нейтральной полосе и никакого тактического преимущества не давал ни нам, ни немцам. Иногда немцы выставляли там пост в железнодорожной будке. Одной из рот было приказано овладеть им, что рота выполнила без потерь, выбив двоих дозорных, и заняла там вражеские окопы. Ночью немцы выбили эту роту. Командир полка приказывает моему взводу и взводу, которым командовал Миша Лофицкий, атаковать и снова захватить мост, что мы и сделали в следующую ночь. Держали сутки, потом передали стрелковой роте, а к утру ее снова выбили, захватив с десятков наших пленных из числа нерусской национальности». [Конец цитаты.]

В данном случае не могу согласиться с Александром Захаровичем в одной детали. Я из его описания не могу себе представить, как именно выглядела та местность и роль моста через Миус на ней, но судя по тому, что немцы хотели оставить этот мост в своих руках, надо думать, все же он имел определенное тактическое значение для немцев и, следовательно, для нас.

Кроме того, я не стал бы попрекать командование и за то, что оно проявляло активность в обороне. Не имеет значения — в обороне ты или в наступлении. Война идет, противника надо уничтожать и надо искать для этого все удобные способы везде и всегда. Ведь, по сути, значительная часть кадрового офицерства Красной Армии во время войны все время пыталась на своих участках фронта заключить некий сепаратный мир с немцами и этим обезопасить свои шкуры. В подтверждение этого приведу обширную цитату из воспоминаний

генерал-лейтенанта Н.К. Попеля о подготовке прорыва танкового корпуса Катукова в ноябре 1942 года.

«Наступление началось десять дней назад. В канун его на наш командный пункт приехал командир стрелковой дивизии, в полосе которой предполагалось вводить корпус. Полковник был худ, морщинист и угрюм. Плохо гнущейся желтой ладонью он оглаживал висячие сивые усы и жаловался:

— Не хватает боеприпасов, маловато артиллерии, не все бойцы получили валенки...

Командир корпуса генерал Катуков терпеливо слушал причитания полковника, но когда тот признался, что не знает толком огневой системы противника, насторожился:

— Вы же здесь больше года торчите!

Первая истина, которую усвоил Катуков, еще командуя бригадой, гласила: без разведки воевать нельзя. В заслугу бригаде, получившей в ноябре сорок первого гвардейское звание, ставили прежде всего непрерывную разведку.

— Что ж, что больше года? — обиделся усатый полковник. — Дел, слава богу, хватало. Вон какую оборону отгрохали — это раз, не дали немцу продвинуться — два, летом подсобное хозяйство развели — три, картошкой себя обеспечили — тоже помощь государству, сено заготовили, стадо коров своих имеем — не пустяки.

О хозяйственных достижениях командир дивизии говорил охотно, со знанием дела, обращаясь прежде всего ко мне. Считал, как видно, что заместитель по политической части сумеет лучше оценить его старания.

— Небось сами летом огурчиков, морквы попросите.

Катуков остолбенел:

— Вы и летом здесь стоять намерены?

— За кого вы меня принимаете, товарищ генерал? Так, по привычке.

— По привычке? — недобро покосился Катуков.

Нам было ясно, что командир стрелковой дивизии психологически не готов к наступлению. Он свыкся с обороной, пустил корни. Какой уж тут наступательный порыв!

Воспоминания об огурцах и «моркве» оживили полковника:

— Вы бы, товарищ комкор, малость своих танкистов приструнили.

— Что стряслось?

— У нас на передовой такой порядок — противника понапрасну не дразнить. Наблюдать и охранять, как по уставу положено. Тем более немец здесь смирный, проученный, на рожон не прет. Провокации пользы не приносят. Мы пять снарядов бросим, а он двадцать пять. Жертвы, разрушения.

— Не пойму, куда клоните? — насутился Катук. — Нас не трогай, мы не тронем...

— Экий вы, право, товарищ генерал... Танкисты на передний край ходят? Хорошо. Обстановку, так сказать, изучают, к противнику присматриваются. Хорошо. Но дня два назад явились новые экипажи. Наши их встретили, как положено встречать товарищей по оружию. Беседы о боевом содружестве провели. А один ваш лейтенант возьми и бухни: «Тут на войну не похоже, вроде перемирия». Попросил винтовку, выдвинулся вперед. И когда к немцам кухня подъехала, ударил. Те ответили. И пошла заваруха. Я даже того лейтенанта фамилию записал». [Конец цитаты.]

Как видите, командир данной дивизии, окопавшись осенью 1941 года, разведя огороды и стада, спокойно ожидает, когда другие дивизии разобьют немцев и обеспечат ему большую пенсию и уважение общества. Он ведь даже стрелять по немцам запретил. Это война? Какую академию надо закончить, чтобы так воевать, — Академию Генштаба, Академию имени М.В. Фрунзе или хватит сельскохозяйственного института?

Поэтому сама по себе боевая активность — это дело естественное, однако, проявляя ее, надо и понимать, что ты делаешь и чего хочешь добиться. На мой взгляд, одним из наиболее умных генералов той войны был А.В. Горбатов. Даже находясь в обороне, дивизия комбрига Горбатова искала слабые места у немцев, их отдельные опорные пункты и, создав из стрелков отряды значительно превосходящие немцев численностью, уничтожала противника, стремясь провести операцию так, чтобы немцы оставили нам пленных, трупы убитых и трофеи. «Только убив или пленив немца, думали мы, или хотя бы захватив трофеи, наши бойцы поверят в свои силы», — писал Горбатов. То есть Горбатов из только пришедших из запаса

солдат и не имеющих опыта офицеров осмысленно делал солдат, для которых немцы были не властелинами Европы, а обычным противником, которого не только нужно бить, но и можно бить каждому солдату. Это азы военного дела: твой солдат должен чувствовать превосходство над врагом, не бояться его, быть уверенным в том, что он врага убьет.

Уже не вспомню, у кого читал в юности описание одного из боев Крымской войны 1854 года. Русские полки в Крыму были атакованы войсками французов и англичан в их традиционной военной форме, и наши под напором «цивилизованного» и широко разрекламированного противника начали пятиться. Увидев это, генералы союзников решили закрепить успех и ввели в бой отборную французскую пехоту — зуавов. Но зуавы формировались в Алжире и носили арабские костюмы. Увидав их, русские воспряли духом — турки! А турок бить для русских было уже привычным делом. И русские полки радостно бросились вперед и смяли самую сильную французскую пехоту, хотя только что отступали перед менее сильной.

Вот мы выше рассмотрели эпизод, в котором Лебединцев со своим взводом по собственной инициативе атаковал зазевавшихся румын. Там же я дал и объяснение: по моему мнению, Лебединцев решился на это потому, что уже видел убитых врагов и сам убивал. Но и это не все. Если вы обратили внимание, Александр Захарович написал: «Мы были наслышаны о слабой боеспособности этих немецких союзников...» На самом деле это ложь, которую распространяла в то время боевая пропаганда Красной Армии среди наших войск, которую услышал Лебединцев и поверил в нее. И Манштейн, в группе армий которого воевали румыны, и немецкие офицеры, которым приходилось воевать вместе с румынами, скептически относились к профессионализму румынских офицеров, к вооружению румын, но о румынском солдате отзывались как о выносливом и стойком в бою. А Лебединцев этого, слава богу, не знал, а то, может быть, и не рискнул бы румын атаковать...

Интересно, что генерал Горбатов на протяжении всей войны не упускал случая хотя бы показать своим солдатам убитых немцев. В 1944 году его армия окружила немецкую группировку под Бобруйском, немцы пытались прорваться. Горбатов пишет: «На другой день я проезжал по железнодорожному мосту через Березину,

приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле около моста усеяно телами гитлеровцев — не меньше трех тысяч. Здесь группа фашистов пыталась вырваться из окружения. Больше всего мертвых поблизости от моста, который прикрывали зенитчики майора Панченко. Противник много раз атаковал мост, но взять его не смог.

Я изменил маршрут двум дивизиям, которые шли на переправу севернее, и приказал им идти через этот мост. Я считал, что пройденные пехотинцами лишние пять километров сторицей окупятся моральным эффектом: пусть люди своими глазами увидят тысячи убитых врагов и сами оценят подвиг товарищей, дравшихся на этом направлении».

Не соглашаясь с Александром Захаровичем в некоторых деталях, я не могу не согласиться с тем, что на фоне умных и осмысленных действий генерала Горбатова действия командира и штаба 1135-го полка просто поражают своей тупостью.

Начали они как будто бы правильно: нашли слабый опорный пункт немцев и послали роту его взять. Но рота своей массой просто оттеснила немецкий пост от моста и, не видя поверженного противника, осталась в боевом отношении такой, как и была. Немцы выбили роту, она бежала, то есть стала еще более деморализованной, панически боящейся немцев. С этой точки зрения имело смысл заставить именно ее снова взять мост, чтобы вселить в нее хоть какую-нибудь уверенность. Вместо этого в бой посылаются разведчики, которые и так имеют в полку максимальный боевой опыт. Следующая рота, севшая в оборону моста, по-прежнему панически боится немцев, что она и продемонстрировала при первой же их атаке. И дело здесь не в нерусских национальностях. В том же 1135-м полку образцом храбреца был замполитрука казах Таджимухан Телеков. Дело в страхе перед немцами, который командование полка у своих солдат и не пробовало нейтрализовать.

И несколько слов о применении спецподразделений для решения задач пехоты. В Чечне этот идиотизм применялся, судя по сведениям, очень широко: спецназ бросали на решение обычных пехотных задач. И дело не только в том, что расходуется спецназ, сколько в том, что пехота не видит смерти врага, не имеет чувства превосходства над противником, не набирается боевого опыта. Оказывается, такая

дурость не являет собой ничего уникального, а является следствием беспомощности кадрового офицерства в боевых делах. Дурость эта, оказывается, была широко распространена уже и в той войне. Лебединцев вспоминает даже такой случай о тех же боях на Миусе.

Лебединцев: «Командиру дивизии пришла мысль укрепить неприступность обороны за счет спецподразделений, из которых создать подвижный резерв на случай прорыва противника и который мог бы контратаковать. Однажды, прибыв в штаб полка, он начал бить по подвешенному у штаба вагонному буферу, и на этот звон все штабные подразделения собрались во дворе. Полковник поставил задачу начальнику штаба полка, а последний нам, примерно, такого содержания: «Противник внезапно вклинился в нашу оборону в районе Ротовка. Спецподразделения полка нанести удар по противнику и выбить его из села. В центре боевого порядка наступают четыре взвода пешей разведки под командованием Лебединцева, справа от них наступает рота связи свободными от дежурства сменами, а слева взвод химзащиты, саперный взвод и комендантский взвод».

Стоял яркий февральский день с хорошей видимостью. Я понимал, что это учебная тревога, и решил выводить на окраину своих людей во взводных колоннах, чтобы за селом развернуть в цепь. Спецподразделения равнялись по мне. Только мы вышли из села, как послышался залп вражеской артбатарей 105-мм орудий. Разрывы пришлось с недолетом примерно в 200 метров, я немедленно выбросил людей на рубеж разрывов и второй залп оказался сзади нас. Комдив понял, что противник захватывает цель в «вилку», начал нам махать своей папай — сигнал возвращения в исходное положение, — и был дан отбой зеленой ракетой. В моей команде разведчиков, благодаря моему маневрированию, потерь от немецкого обстрела тремя гаубичными залпами не было, а у химиков один был убит и один ранен. Хуже было в роте связи. По ним и огонь не велся, но их отход был беспорядочным. Один командир взвода получил кобуру, но пистолетов им не хватало, и вместо него он вложил в нее гранату «Ф-1», кроме того, крючок-карабинчик предохранительного ремешка зацепил за кольцо чеки гранаты. Пробегая кустами терновника, он зацепился петлей ремешка за сук, чека выдернулась. Ему не следовало вытаскивать ее из кобуры, но он в страхе открыл кобуру, предохранительная скоба сработала, и граната взорвалась. Командир

кабельного взвода погиб, один связист ранен. Хоронили всем штабом». [Конец цитаты.]

Дивизия держала оборону уже несколько месяцев, боевой опыт у нее был. Разве командир дивизии не знал, что для немецких артиллеристов целью являются группы в 3–5 человек? Чем он руководствовался, выводя немцам под обстрел на открытое место сотню солдат? О чем думал начальник штаба, ставя спецподразделениям полка такую идиотскую задачу?

Понятно, что пришедший из запаса связист мог раньше не видеть гранаты, не знать, как она устроена. Но куда смотрели начальники, кадровые офицеры, они что, не могли подсказать дураку, что он подготовил себе самоубийство? Даже для меня, штатского, это просто невероятно — в 1135-м полку что, за жизнь подчиненных никто не отвечал?

А теперь будет уместен рассказ Александра Захаровича о бое, в котором тупость уже не отлична от подлости, бое, в котором погиб очень близкий Лебединцеву боевой товарищ.

Лебединцев: «Пролетарский женский праздник был ознаменован самой жиденькой артподготовкой, и наш первый батальон перешел в наступление на бумажную фабрику. Наши соседи слева, 1133-й и 1137-й стрелковые полки, прорывали оборону противника из района Матвеев Курган, нанося удар в северо-западном направлении с целью разгрома противника в районе мелких населенных пунктов Шапошников и Демидов. Предполагалось, что после прорыва фронта частями нашей дивизии в прорыв будет введена бригада из моряков, списанных на берег из Черноморского флота. Весь день боев не привел ни к какому успеху. Во второй половине дня ввели в бой второй батальон, но и это не дало результатов. И тут командир полка, видимо, по опыту боев за Кучерово, вспомнил о роте истребителей танков и к вечеру посылает ее в бой. То, что не смогли сделать шесть стрелковых рот, должна была непременно сделать малочисленная противотанковая рота. Это, извините, не из области фантастики, а из области самодурства командира, рассчитывавшего только на один авторитет командира этой роты Чернявского. Я должен пояснить читателям, что ни в одном из довоенных и военного времени штатов стрелкового полка вы не найдете подразделение под названием «Рота истребителей танков». Позднее появились роты ПТР (противотанковых ружей). Это

понятно. А что такое рота истребителей танков? Созданы эти роты были по инициативе вышестоящих начальников. В них отбирали лучших стрелков, снабжали их бутылками с горючей смесью, ручными противотанковыми гранатами, ампулометами (были тогда такие изобретения химиков, отмененные жизнью). Имели они и противотанковые мины на веревочках, чтобы подтаскивать под самую гусеницу вражеского танка. Вот это, непонятно чем вооруженное подразделение, у нас в полку попало в хорошие руки храброго и отважного лейтенанта Чернявского и его заместителя Ищенко, отличалось своей дерзостью, но уж никак не вооружением, о котором я сказал выше. Вот именно эту роту в составе не более двадцати стрелков и бросили в атаку, как последний полковой резерв. Итог был плачевным, так как в той обстановке Чернявский и Ищенко не могли применить ни внезапности, ни хитрости, ни дерзости. Они пошли на неподдавленные пулеметные точки и пали смертью героев, в том числе и сам командир, которому немцы прострелили обе ноги и хотели взять героя в плен. В последнюю минуту он взорвал в руках гранату «лимонку» и успел крикнуть: «Погибаю за Родину!» С ним погибли и те, кто пытался взять его в плен. Прекрасный сюжет для воспитания «Матросовых», но горький для полка и роты, потерявших отважного лейтенанта, который мог стать Героем с большой буквы. Но наши отцы-командиры тогда даже посмертно не наградили его хотя бы даже медалью «За боевые заслуги».

На следующий день командование решило бросить на прорыв саму морскую бригаду, так и не дождавшуюся прорыва фронта нашей дивизией. Хорошо помню очень слабую десятиминутную артподготовку, а за ней стремительный бросок моряков с криком «полундра» и... немцы в страхе бросили пулеметы и побежали в тыл! Почти без потерь моряки гнали их несколько километров и захватили господствующую высоту. Командир дивизии и командиры полков хлопали в ладоши, но и не думали выдвигать туда противотанковую артиллерию, пулеметы, саперов с противотанковыми минами. А противник подтянул к высоте танки и нанес внезапный удар по морякам, у которых, кроме винтовок, бескозырок и тельняшек, ничего не было. Матросы бросались даже на танковую броню, закрывая смотровые щели своими бушлатами и сгибая стволы танковых пулеметов прикладами. Но этого оказалось мало, и танки подминали

их своими гусеницами. Нашли ли тогда виновных этой трагедии? Скорее всего, нет». [Конец цитаты.]

В этом рассказе Александра Захаровича объяснить решения командования полка только тупостью уже нельзя. Ведь видно, что кадровое офицерство специально губило выделенных им солдат. В это невозможно поверить, но получается именно так. Если немцы отбили атаки двух батальонов, которые были численностью не менее 250 человек каждый, то зачем посылать в атаку еще 20 человек? Другого ответа я не вижу: чтобы полковник мог доложить в дивизию, что у него больше нет сил атаковать немцев, что он уже свой последний резерв — роту истребителей танков — в атаку послал, но безуспешно. Иными словами, чтобы начальство от него отвязалось и не заставляло воевать, не заставляло его сидеть на командном пункте, куда ненароком может залететь немецкий снаряд. Посылая на смерть своих солдат, это кадровое офицерство спасало свои шкуры.

Ведь как иначе понять то, что командование дивизии не оказало никакой помощи морской пехоте? Тут ведь так: нужно было выдвинуть вперед на 3 км на занятую морями высоту противотанковые орудия, а их без пехотного прикрытия не пошлешь. Значит, надо было посылать и свой третий батальон, а это уже выдвижение полка, то есть командиру полка, а может, и дивизии, нужно было самим выдвигать вперед на 2–2,5 км на новый командный пункт, выходить из-за построенных укреплений в чистое поле, а там немцы, а ты тупой и воевать не умеешь, а полковником быть хочется, а если немцы в чистом поле тебя разобьют и пушки отберут, то тебя могут разжаловать и т. д. и т. п. Куда проще уничтожить с помощью немецких пулеметчиков и танков своих солдат и докладывать, что у тебя нет сил и поэтому сделать ты ничего не можешь.

На фоне этой подлой тупости приведу рассказ Александра Захаровича об осмысленности действий разведчиков во все тех же боях на Миусе. Напомню, что он вернулся из фронтового дома отдыха, куда его направили за отличие в боях.

Лебединцев: «Разведчики встретили меня с большой радостью, их тронули и мои подарки, которые я все раздал своим людям. Только начальнику штаба дал пачку папирос и несколько мандаринов. Взвод без меня на поиски не посылали, а использовали в основном на патрулировании и наблюдении. Экипировав троих разведчиков во

главе с Телековым белыми маскхалатами, я отправил их через лес в направлении высоты 73.1, чтобы они разведали подступы к высоте и возможности ее обхода справа и слева. Мои дозорные вернулись вечером и доложили о том, что подступы к реке с нашей стороны немцами заминированы минами «Шпринген», то есть «прыгающими». Это были коварные противопехотные мины большой убойной силы. Ставились они в грунт или зимой в снег. Взрывались, когда солдат наступал на взрыватель или задевал проволочные оттяжки. Цепляясь в темноте за проволоку, солдат инициировал взрыв пороха на дне металлического стакана мины, которым выбрасывался внутренний стакан вверх на пару метров, где взрывался и поражал все вокруг не только осколками самого стакана, но и множеством шариков, заложенных в нем. Дозорные принесли пару снятых и обезвреженных мин, мы их хорошо изучили и отнесли полковому инженеру. Потом, до полного таяния снега, мы множество таких мин снимали без особых происшествий.

Вскоре начальник штаба поставил мне задачу сделать засаду на водяной мельнице, стоявшей на нейтральной полосе, так как пехота сообщала о посещении ее ночами немцами. Я в это не поверил, но решил проверить, устроив там ночную засаду. Примерно к полуночи послышался негромкий шорох у входной двери, мы приготовились к бою и захвату «языка», но показалась голова телка, который, видимо, не раз сюда заглядывал полакомиться отрубями и слизать мучную пыль со ступенек и досок пола. Не хотелось ему уходить от кормушки, но пришлось проследовать с нами прямо в штаб, где уже проснулось все начальство. Передали бесхозную животину на мясное довольствие в комендантский взвод, ибо местных жителей в селе не было.

Начальство требовало «языка» и почему-то именно от нашего взвода. Конечно, совершать с этой целью нападение на высоту 73.1 было безумием во всех отношениях. Мы решили изучить подступы южнее ее. Как оказалось, минных полей здесь не было с обеих сторон, проволочных заборов тоже. Только в отдельных местах была спираль «Бруно» внаброс. Вся эта ложбина простреливалась многослойным огнем с южных скатов высоты и с северной окраины села Надежда. Мы уже тогда понимали, что немцы не любят зимовать в землянках и только в крайних случаях строят полевые сооружения долговременного типа. Можно было предполагать, что на высоте у них

ротный или батальонный опорный пункт, усиленный минометами, противотанковой артиллерией и сильными инженерными заграждениями. Спустя несколько дней, после тщательных наблюдений, мы решили сделать пробную вылазку в намеченном направлении. Нам, конечно, нельзя было оставлять своих следов, и мы наметили проход по мерзлому грунту без снега. Как всегда, немцы не жалели осветительных ракет. Все мы были одеты в белые маскхалаты, передвигались исключительно осторожно — за час продвинулись километра на полтора в глубь вражеской территории и обнаружили у большого камня красный полевой кабель в полихлорвиниловой изоляции. У немцев уже была такая новинка в проводной связи, а у нас появилась только после победы пару десятилетий спустя.

Мы решили на следующую ночь перерезать этот кабель и ожидать связистов-линейщиков, устроив им здесь засаду. Но такой много раз использованный прием был известен и немцам, особенно обрыв кабеля с помощью кусачек. Поэтому мы решили просить артиллеристов днем сделать пристрелку одним орудием по камню, а ровно в полночь снова сделать несколько артиллерийских выстрелов по этому месту. Мы должны были укрыться в лощинке в двухстах метрах и в этот момент нарушить связь в месте снарядных разрывов. Так и сделали. Примерно через час появились два связиста. Они опасливо осмотрели все вокруг и, не найдя ничего подозрительного, начали соединять кабель, предварительно включившись в сеть и предупредив об отрыве от обстрела. Очень трудно описать состояние разведчика, находящегося во вражеском тылу и наблюдающего перед собой противника, которого необходимо разоружить, затолкать ему в рот кляп, заломить руки назад и связать веревкой. И все это делать в считанные секунды, бесшумно, а потом нести его чаще всего на себе, притом, что враг брыкается ногами. Одного связиста пришлось в рукопашной уничтожить ударом ножа, а второго несли вчетвером за руки и ноги, падая на него, когда вспыхивали ракеты. Опомнились мы только тогда, когда оказались на восточном берегу реки. На нашу беду на пути не было ни рощицы, ни кустика, и только в траншее мы перевели дух. Как я рассказывал выше, мне всегда казалось, что сердце бьется не в груди, а в верхней части горла. Только молодость, натренированность и взаимная выручка спасали в подобных передрыгах. Даже самые сильные духом, отважные и смелые порой теряли самообладание, и им необходимо было

время, чтобы войти в привычный ритм. «Язык» был доставлен в штаб. Еще в первой нашей траншее мы поняли, что противник обнаружил пропажу связистов, поскольку жестоко карал нашу сторону огнем артиллерии и минометов. Обстреливал сутки, не жалея ни снарядов, ни мин.

У пленного, кроме солдатской книжки, в кармане оказалась их фронтовая газета. В ней сверху было напечатано: «Солдаты фюрера, остерегайтесь налета русских разведчиков с полуночи до рассвета. Будьте бдительны!» На таком же месте наших газет было напечатано: «Смерть немецким оккупантам!» Раньше этот участок оборонял полк «Нордланд». За дальностью времени я не помню, какой части принадлежал этот связист и какую роль он сыграл для высшего командования — мне неизвестно». [Конец цитаты.]

Прохоровка

Следующий рассказ я взял из воспоминаний Лебединцева за 1943 год. Он служит в штабе 48 сп 38 сд. После формирования и обучения их дивизия пешим порядком пошла к фронту, на котором в это время гремела решающая Курская битва.

Лебединцев: «Командир дивизии первоначально даже восхищался выносливостью на марше наших пехотинцев. Но одно дело марш, и совсем иное бой, атака. С 8 по 11 июля мы прошли ночами 115 километров на запад. Путь наш пролегал на Валуйки, Новый Оскол, Корочу. Здесь впервые на нашу колонну были сброшены ночью две бомбы. Сброшены нашими дамами с ночных бомбардировщиков По-2, правда, бомбы не причинили нам вреда. 12 июля мы шли всю ночь и весь день и прошли 70 километров. Именно в этот день произошло самое знаменитое встречное танковое сражение Второй мировой войны под Прохоровкой. Теперь оно увековечено и стало мемориальным, прославив на века наши танковые войска. А тогда до нас доносился только гул самолетов, взрывы бомб, разрывы снарядов и черный дым сгораемого горючего и масел. У меня есть выписки из журналов боевых действий нашего полка и штаба дивизии. Все записи и мое личное наблюдение несколько не вяжутся по времени с проходящими тогда событиями. Наша дивизия, входившая тогда в состав 47-й армии, выдвигалась как резервное соединение для последующего ввода в сражение. Согласно записям за 28 июля указано, что прошли мы Стрельников, Шелоково, Шахово, Заячье Грязное. На протяжении марша видели следы упорных боев и кладбища нашей подбитой бронетанковой техники. Очень хорошо помню то утро, когда наша колонна прошла железнодорожный переезд. Справа было здание вокзала, на котором я прочитал название «Прохоровка». Потом мы спустились в населенный пункт и повернули налево на выезд. На подъеме открылось поле, усеянное танками, и это были наши знаменитые Т-34. По ходу марша я начал считать, и набралось их 180. Конечно, их было значительно больше, я брал в расчет те машины, что были в зоне видимости. Мы были уставшими, но несколько машин мне довелось осмотреть близко. Особенно мне

запомнились две машины, выведенные из строя взрывом боеприпасов. На одном танке сорвало башню и, подбросив вверх, перевернуло и положило в перевернутом виде как ковш с рукояткой на старое место. Во второй машине от взрыва внутри боеприпасов оторвало лобовой верхний лист брони, вытолкнуло до половины механика-водителя и броневой лист лег на свое место, «прищемив» пополам танкиста. Голова его была снаружи, а ноги в танке. Других трупов танкистов мы не находили. Уже при выходе с этого поля сражения на перекрестке полевых дорог стояли два немецких «тигра». Тогда мы сильно пожалели, что так дорого нам обошлась та победа. Не помню, но кто-то заверил, что немецкие танкисты под страхом смерти обязаны были эвакуировать свою подбитую технику. Но тогда «тигр» «тигра» не в силах был отбуксировать с поля боя. Это немного нас утешило, но тут перед нами встала другая картина.

На обочине слева штабелем в пять рядов были уложены трупы пехотинцев. Лица многих из них выдавали их восточное происхождение. Длина этого штабеля была 15–20 метров. Хорошо помню, что они были одеты в летнее обмундирование, но обувь с ног уже была снята. После такого зрелища у наших пехотинцев не прибавилось оптимизма. Но на то она и война. Так и не придется мне выяснить обстоятельства дела и соотношение потерь в той битве, а также за счет чего были потери. Слышал, что большинство танков было уничтожено авиацией, а не единоборством танков и самоходных орудий. Да вряд ли теперь найдутся те данные, которые не дают мне покоя много лет. Все в прошлом, все покрыто мраком неизвестности». [Конец цитаты.]

Это в целом будничное описание марша задело меня как танкиста, поскольку танковое сражение под Прохоровкой — сражение, победное для нас, — вызывает все же недоумение в своей организации и виден очевидный налет какой-то безмозглости нашего командования. И поговорка о том, что победитель всегда прав, не успокаивает.

То, что Лебединцев на поле под Прохоровкой не увидел немецких танков, меня не смущает. Во-первых, немецкие танковые дивизии имели мощнейшие ремонтно-эвакуационные службы, во-вторых, в Курской битве танковые дивизии сопровождали подразделения инженерных войск с этими же целями. После победы под Прохоровкой наши войска не заняли поле боя, и немцы утащили свою подбитую

технику. Александр Захарович ошибается, когда считает, что «тигра» не мог тащить «тигр», кроме того, на базе «пантер» (T-V) у немцев была ремонтно-эвакуационная машина с мощнейшей лебедкой, которой можно было вытащить подбитый «Тигр» из-под обстрела даже боком.

Да, масса немецких генералов (Манштейн, к примеру) утверждают, что они под Курском чуть ли не победили, а потери, дескать, у них были незначительны. А вот нашим войскам они, дескать, нанесли сокрушительное поражение. При этом тот же Манштейн, объявив в мемуарах о том, какие огромные потери он нанес нашим войскам под Курском, не объясняет, почему после таких успехов его группа армий начала удирать, едва зацепившись за Днепр, да и то ненадолго. Такой вот характерный момент этой шизофрении. Группа армий Манштейна наступала на курский выступ с юга, а с севера его атаковала 9-я немецкая армия Моделя. И в том месте текста своих мемуаров, в котором Манштейн уже не хвастается своими победами, а ругает дурака Гитлера за то, что тот не слушал его умных советов, Манштейн написал: «Когда Модель увидел, что битва в курском поле проиграна, он покончил с собой». Интересно то, что Модель действительно застрелился, но только через два года — 21 апреля 1945 года. Однако, как видите, когда Манштейн писал мемуары, у него была глубокая уверенность, что Моделю полагалось застрелиться именно под Курском, то есть у самого Манштейна от этой битвы сохранилось впечатление как о величайшей трагедии в истории той войны, после которой и ему самому было бы не грех застрелиться. Описав в главе о Курской битве свою блестящую победу в ней, Манштейн в следующей главе сетует, что его группа армий, состоявшая из 42 дивизий, оказалась обессиленной, в частности, «к концу августа только наша группа потеряла семь командиров дивизий, тридцать восемь командиров полков и двести пятьдесят два командира батальонов!». Но Курская битва закончилась 23 августа, следовательно, в группе армий Манштейна в Курской битве погибли: каждый шестой командир дивизии, примерно каждый четвертый командир полка и минимум каждый второй командир батальона.

Гудериан в данном случае более откровенен. Будучи главнокомандующим танковыми войсками Германии, их состояние он безусловно знал. Написав в своих «Воспоминаниях солдата», что в мае

1943 года промышленность рейха довела выпуск танков до 1955 единиц в месяц, он через шесть страниц итожит: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Так что два компетентнейших немецких генерала (один косвенно, а другой прямо) свидетельствуют, что потери немцев под Курском были не просто огромными, а и определившими всю войну. Но оправдывает ли это наши потери под Курском и, в частности, огромные потери танкистов и танков под Прохоровкой?

Дело в том, что наши танкисты о том, что у немцев появился танк Т-VI с мощной пушкой и толстенной броней, узнали еще в 1942 году и с того же времени имели его образец. Командование танковых войск и танковые командиры РККА не имели права не думать, как с этим танком бороться и как немцы его будут применять. Более того, даже если они и не думали об этом, то бой под Прохоровкой произошел через неделю после начала немецкого наступления, то есть через неделю после того, как наши войска непосредственно увидели немецкую тактику использования тяжелых танков.

Задачей «тигров» была не борьба с пехотой и ее оружием — «тигры» предназначались для уничтожения противотанковых средств на пути продвижения основных немецких танков — Т-III и Т-IV. А последние уничтожали пулеметы, минометы и стрелков в наших опорных пунктах, чтобы их без потерь захватила идущая за этими танками пехота. То есть «тигры» всегда были впереди немецкой атаки и они прикрывали танки Т-III и Т-IV. На «тигре» стояла мощнейшая пушка калибра 88 мм с тяжелым снарядом, у «тигра» хотя и был довольно внушительный боезапас (92 выстрела), но все же ведь и он был ограничен. Стрелять из этой пушки по мелкой группе наших солдат, по пулемету, по миномету было расточительно и неоправданно,

цель «тигра» — наши противотанковые и дивизионные пушки и гаубицы, но самая соблазнительная цель — наши танки. Они броню «тигра», особенно лобовую, пробить не могли, а он своей пушкой их броню проламывал чуть ли не с любого расстояния.

Поэтому когда Ротмистров бросил навстречу немецкому танковому клину наши танковые бригады, то он сделал то, о чем немцы и мечтали, — он выдал «тиграм» ту цель, для которой они и создавались. И немцы намолотили наших танков как в страду. Не безнаказанно, конечно, но потери наши войска понесли огромные.

Может, я не прав, может, что-то до сих пор не знаю, но мне непонятно, зачем нужен был встречный танковый бой, зачем надо было нашими Т-34 атаковать в лоб атаковую немецкую армаду? Почему нельзя было ее пропустить на выставляемые перед ней противотанковые минные поля и артиллерийские позиции, а танковой армии Ротмистрова расступиться и наносить удар не в лоб, а во фланги и в тыл — туда, где находились немецкие танки Т-Ш и Т-IV? С первыми наши Т-34 справлялись бы без больших проблем, а их у немцев, по уверениям Манштейна, было до половины от числа всех танков. Почему надо было делать то, что немцы и ожидали? Правда, они не ожидали, что у нас тут окажется так много танков, но это слабое утешение.

Между прочим, когда в «Дуэли» началась дискуссия по отдельным рассказам А.З. Лебединцева, он свои воспоминания о виденном под Прохоровкой дополнил следующими размышлениями: «Я знал о том, что командующий 5-й гвардейской армией генерал Ротмистров П.А. был отстранен от командования переставшей существовать армией и больше Верховный не назначал его командующим, но не знал о том, как на битву под Прохоровкой реагировал И.В. Сталин. На днях от военных историков узнал и это. Вот его слова, сказанные Ротмистрову: «Что же ты, му...к, танковую армию за пятнадцать минут спалил?» В последующем Ротмистров использовался в основном в помощниках танковых и общевойсковых начальников да на преподавательской работе, в чем гораздо больше преуспел, став и доктором, и профессором, возглавляя длительное время Академию БТВ. На этих должностях он преуспел и в воинских званиях вплоть до Главного танкового маршала. Но героизм получил только в 1965 году к 20-летию Победы, вместе с действительно

достойными этого отличия Толбухиным и Ватутиным, когда уже 12 лет Сталин был в мире ином. Тогда как другие его коллеги — Рыбалко и Лелюшенко получили по две Золотые Звезды на поле брани. Я далек от мысли, что, окажись и они впервые в той ситуации перед вражескими «тиграми», могли бы изменить результат к лучшему. А все же, все же...»

Заканчивая обсуждения эпизода с Прохоровкой, оценим еще раз тупость командира 38-й дивизии. Горбатов заставлял свои дивизии проводить маршем мимо немецких трупов, а у этого хватило ума провести дивизию мимо наших сгоревших танков и тел убитых советских солдат...

Прорыв немецкой обороны

Но вот 38-я стрелковая дивизия, в которой А.З. Лебединцев начал служить в 48-м стрелковом полку ПНШ, пройдя Прохоровку, подошла к фронту и начала прорывать немецкую оборону.

Лебединцев: «Послали разведку и, конечно, не смогли взять «языка». Командир 48 сп майор Бунтин тут же отстранил Гусева и назначил меня начальником разведки, не спросив согласия или моего мнения. Возражать в боевой обстановке было бестактно, и я смирился. Подготовка к наступлению шла неорганизованно, командир полка совершенно не знал своих обязанностей, орал на подчиненных. Прорыв обороны противника был назначен на 7 часов 30 минут после получасовой артиллерийской подготовки только одной штатной артиллерии и минометами дивизии, что составляло только 30 орудий на километр фронта прорыва, а уже тогда практиковались 300 стволов на километр прорыва при артиллерийской подготовке не менее часа.

Я находился на наблюдательном пункте командира, когда последними «прорывали» «катюши» не столько для плотности огня, а как сигнал атаки. И полезла наша пехота из своих глубоких траншей. Рядом шли взводные командиры и чуть сзади командиры рот. Бунтин на радостях начала атаки крикнул в землянку, которая располагалась на обратном скате: «Адъютант, чарочку за успех 2-го батальона», — и бросился этот успех «обмывать». Но в этот момент раздались залпы нескольких артиллерийских дивизионов противника по хорошо пристрелянным рубежам, на которые уже вышла наша пехота, а за ней и наши орудия сопровождения. Я успел крикнуть: «Уж заодно и за упокой этого батальона». Залп разрывов немецких снарядов и мин привел комполка в чувство, и он увидел своими глазами, что творится в овраге, который разделял наши и вражеские траншеи. А там, после разрывов первого залпа, все перемешалось: люди, лошади от упряжек сорокапятков, перевернутые орудия, брошенные минометы. Живые подхватывали раненых, здоровые принялись окапываться на линии разрывов. До этого мне всегда приходилось бывать только в цепи, а не наблюдать со стороны, а это совсем не одно и то же. Бунтин принялся

по телефону бранить командиров батальонов отборным матом, так как больше ничего не мог сказать и посоветовать.

Немцы прекратили сплошной огонь и перешли на методический обстрел наших зарывающихся цепей. Атака, как и следовало ожидать, была сорвана. А тут комдив наседает по телефону с вопросами: «Насколько продвинулись? Почему не докладываете?» А командир полка и сказать ничего не может. Я подсказал, что наша артиллерия и минометы не подавили ни пулеметы, ни артиллерию противника на позициях, и Бунтин начал приводить эти аргументы комдиву, как школяр — с подсказки. Через некоторое время комдив Скляров сказал, что будет повторный артналет и нужно снова поднять людей в атаку. Но я редко встречал, чтобы пехотная цепь снова поднималась, если сам командир не пойдет с ней вместе. Так получилось и в этот раз. На 16 часов была снова назначена атака с короткой артподготовкой. Начальник штаба, чтобы не быть в стороне от дел, порекомендовал в качестве «толкачей» меня и лейтенанта Ламко послать во 2-й батальон, чтобы мы заставили пойти в атаку ротных, комбата и сами приняли в ней участие. Начальник штаба в тактике разбирался не больше, чем сам командир, но положение обязывало его «вносить предложения». «Словчить» мы не могли, ибо весь наш путь был на виду командно-наблюдательного пункта.

Мы спустились в траншею и по ней проследовали до КНП командира батальона старшего лейтенанта Лихолая. Он все еще находился в той траншее, откуда солдаты пошли в атаку. Мы передали ему приказ командира полка передвинуть свой КНП вперед, но он и не подумал это делать, заявив, что сменит его тогда, когда будет захвачена первая траншея противника. Мы тут же передали ответ комбата Бунтину, и у них началась телефонная перебранка и угрозы. Начался артналет, и мы пошли вперед до мест расположения командиров рот, которые заявили, что им не поднять людей в атаку, так как немецкие пулеметы в ДЗОТах не подавлены и такая атака это верная гибель. Командир роты спасался от минометного огня в углубленной воронке, а мы лежали рядом. Вокруг рвались снаряды и мины, над головами взвизгивали пули. Один снаряд не взорвался, упав рядом с Тихоном Федоровичем Ламко. Это была болванка 105-мм немецкого орудия, использующаяся как бронебойный снаряд. Мой друг ухватил снаряд

руками, чтобы отбросить, и тут же выронил, так как он оказался горячим. Все это происходило на глазах отца-командира.

Захватив за чем-то этот снаряд, мы ползком вернулись к обрыву, потом в полный рост прошли в траншею и предъявили командиру полка эту «визитную карточку» (снаряд). Он грубо заявил: «Сам все видел». Уже за этот первый день боев я понял, «кто есть кто»...

Между прочим, этот самый Лихолай окончил войну майором с орденами Красного Знамени, Отечественной войны и Александра Невского. Его многократно перебрасывали из полка в полк, чередуя награждения с отстранениями от командования. Командовал он, может быть, только третью часть своего пребывания в полках, а все остальное время находился в полковых резервах офицеров.

Всю наступившую ночь выносили убитых и раненых с поля боя и готовились к новым атакам, которые намечались с утра следующего дня. Артиллерии и минометам на позиции подвозились боеприпасы. В соседнем 343-м полку одной из рот, укомплектованной зэками, удалось захватить первую траншею противника. Но немцы закрепились во второй траншее и начали забрасывать наших воинов своими ручными гранатами, которые имели длинную деревянную рукоятку, а у наших ручных гранат РГД металлическая рукоятка была в три раза короче и летела на небольшое расстояние. У наших солдат всегда бывал недолет. Бывшие «урки» стали наращивать рукоятки своих гранат палками и добрасывать их в немецкую траншею.

В 1985 году, будучи с 1981 года председателем совета ветеранов-однополчан дивизии, я организовал встречу «на колесах» ста ветеранов дивизии, которую начали именно с этого поля боя. Участники боев прошли пешком все места, связанные с теми бесплодными атаками, и нашли остатки наших и немецких окопов и наблюдательных пунктов. Мы с Тихоном Федоровичем прошли свой путь тогдашних «толкачей», находили гильзы, осколки снарядов и мин и шрамы окопов, сохранившиеся только на скатах, поскольку остальные были распаханы. Местные механизаторы рассказывали о том, как много они выпаживали солдатских костей в послевоенные годы, сколько тракторов подорвалось тогда на минах. Много раз поднимался вопрос об установке на постаменте станкового пулемета на этом месте, чтобы он стал памятью погибшей на этом поле пехоте и пулеметчикам. А погибло здесь много, очень много.

По далеко не полным данным из боевых донесений тех двух дней боев: 431 человек был убит и 1516 человек ранены. И это потери только из двух полков дивизии, так как 29-й полк был в резерве командарма, а наш 3-й батальон в резерве комкора. Только одних офицеров в те двое суток боев мы потеряли 285 человек убитыми и ранеными. Следующий день боев никаких успехов нам не принес. Да и кем было воевать?

Давайте произведем некоторые расчеты. У нас в дивизии на второй день боя осталось пять стрелковых батальонов и в каждом по три стрелковые роты по 82 человека, что составит 1230 человек; пять пулеметных рот по 48 человек — 240 человек; и по роте автоматчиков в двух полках численностью 70 человек, итого 140. Всего «активных штыков» мы имели 1540 человек, а потеряли за второй день 1929 человек. Но потери, кроме пехоты, несли артиллеристы, минометчики, противотанкисты, саперы, связисты, химики и даже транспортники и снабженцы. Следует оговориться, что их потери по сравнению с пехотой были во много раз меньше. К примеру, 48-й стрелковый полк только убитыми, с 8.8.1943 по 31.12.1944 года потерял 1657 человек, от численности по сокращенному штату в 1552 человек это 104 %. А артиллерийский полк за это же время потерял 133 человека убитыми от его штатной численности 923 человека, что составило только 15 %. Но учитывать надо не только это. В стрелковом полку имелись, кроме стрелков, пулеметчиков и автоматчиков: батарея 120-мм минометов; батарея 76-мм орудий ПА и 45-мм батарея ПТО; три взвода ПТО и три минроты в стрелковых батальонах; рота связи и саперный взвод, которые тоже несли примерно такие же потери, как родственные им подразделения дивизии, то есть примерно по 15 %. С учетом этого потери самой пехоты и пулеметчиков окажутся несравнимо большими. Пехотинца хватало на одну-две атаки, и счастье было, если человек получал ранение, а то ведь немало погибали от пули или осколка в первой же атаке.

В связи с этим я много разговаривал с ветеранами, имевшими ранения многократно. Вот один пример — командир взвода конной разведки 29-го полка лейтенант Исаев Виктор Федорович 1913 г.р. За время войны был шесть раз ранен, хотя и служил в полку, которым командовал его родной брат. Когда я спросил его, как он выжил после шести ранений, то он ответил, что выжил благодаря этим же ранениям,

так как в госпиталях он пролежал в общей сложности почти полтора года. А за это время сколько погибало людей на переднем крае? Второй пример — полковник Мягков Олег Николаевич, который возглавлял группу ветеранов 29-го полка. Начал он в этом полку старшим лейтенантом, командиром роты автоматчиков, потом был заместителем командира и командиром батальона, а закончил майором, заместителем командира полка. Он был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны, Красной Звезды и медалью «За отвагу». За время войны он имел восемь ранений, которые внесены в его послужной список: 22.7.41; 2.4.43; 8.8.43; 9.8.43; 29.8.43; 9.9.43; 1.1.44; 20.8.44 г. Только в августе 1943 года он трижды был ранен, но не покидал поле боя. Во всех армиях мира такое расценивалось как признак высочайшей доблести и такие герои награждались за это высшими знаками отличия. Но наши отцы-командиры об этом понятия не имели. Олег Николаевич сделал очень много для прославления своего полка в годы войны и для однополчан-одесситов в послевоенные годы...

Итак, после двухдневных безуспешных боев мы вернулись на свои позиции и вели обычную оборону до 17 августа. В ночь на 18 августа противник бесцельно забрасывал нас минами всю ночь. Мне это показалось странным, и я перед утром пошел с разведчиками вперед. Немецкие окопы оказались пустыми. В дальнейшем все разведчики, да и командиры стрелковых подразделений будут знать, что ночная артиллерийская и минометная стрельба со стороны немцев означает, что немцы расстреливают свои боеприпасы, выложенные на огневых позициях. У них не было принято перевозить боеприпасы при отходе, а чтобы они не попадали в наши руки, немцы выстреливали их в нашу сторону. В нашей армии это не практиковалось ввиду всегдашней нехватки боеприпасов, да и планово отступать нам уже не приходилось.

Первым населенным пунктом, который оставили немцы, был Бездрик. В нем функционировал спиртовой завод, и наши тыловики раздобыли на нем спирта для «командирского стола». За разведчиками следовали подразделения полка. Выйдя из урочища в западном направлении, мы увидели город Сумы. Яркое утреннее солнце освещало купол собора в центре. Редкая стрельба слышалась справа и слева. Как после выяснилось, слева наносила удар наша крупная

танковая группировка на Ахтырку, что и вынудило немцев отвести свои войска за реку Псел. Так зачем же мы наступали, заранее зная, что такими малыми силами и без танков и артиллерии нам не прорвать вражеской обороны?

Ответ на этот вопрос был заложен в принципе нашего командования. Заключался он в следующем: на направлении главного удара создаются ударные группы войск из гвардейских частей, укомплектованных, в основном, русскоязычными бойцами, имеющими боевые навыки, и опытными командирами, а поддерживают их артиллерийскими дивизиями прорыва РВГКА. На участках прорыва создавались плотности в 300 артиллерийских и минометных стволов на один километр фронта и с несколькими боекомплектами снарядов, чтобы час и более молотить по вражеской обороне до атаки, а после сопровождать артогнем пехоту до прорыва ее на глубину семи километров и более. Атаку пехоты обычно поддерживали танки НПП (непосредственной поддержки пехоты) и авиация бомбовыми и штурмовыми ударами по пехотным резервам, артиллерийским позициям и узлам управления немцев. После прорыва тактической зоны вводились подвижные соединения и объединения из танковых корпусов и армий и кавалерийские соединения. Это принципиальный оперативный прием прорыва.

Но чтобы противник не снимал тактические и оперативные резервы с неатакуемых направлений и не бросал их на главное, командование требовало наступать и на второстепенных направлениях. Вот так и поступили с нашей и другими дивизиями 8 и 9 августа. За два дня мы потеряли две тысячи человек не за понюшку табака». [Конец цитаты.]

Тоскливо читать о том, как кадровое офицерство тупо гоняло пехоту фактически на расстрел до тех пор, пока от стрелков никого не оставалось. В этом описании двухдневных боев у нашего командования начисто отсутствует хотя бы проблеск мысли.

Да, это разумно, когда при прорыве на одном участке фронта на остальных участках не дают противнику перебросить резервы к месту прорыва. Но для этого на второстепенных участках фронта противнику необходимо нанести **потери**. Только для компенсации потерь ему нужны резервы в данном месте. А какая помощь своим войскам в месте прорыва может быть оказана посылкой своей пехоты на гибель

от немецких пулеметов в других местах фронта? Какую помощь войскам, прорывающимся на Ахтырку, оказала 38-я стрелковая дивизия и 47-я армия? Для реальной помощи эта армия должна была прорвать фронт, войти в тыл к немцам с нанесением им таких потерь, которые бы они могли компенсировать только резервами. Но этого сделано не было.

Александр Захарович объясняет, что причина в отсутствии танков и артиллерии. Согласно тем шаблонам, по которым действовало данное советское командование, это так. Но в этом ли дело?

Вот, скажем, фельдмаршал Манштейн описывает, как он взял в 1941 году Крым через Перекоп и узкий Ишуньский перешеек.

«Численное превосходство было на стороне оборонявшихся русских, а не на стороне наступающих немцев. Шести дивизиям 11-й армии уже очень скоро противостояли 8 советских стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, так как 16 октября русские эвакуировали безуспешно осаждавшуюся 4-й румынской армией крепость Одессу и перебросили защищавшую ее армию по морю в Крым. И хотя наша авиация сообщила, что потоплены советские суда общим тоннажем 32 000 т, все же большинство транспортов из Одессы добралось до Севастополя и портов на западном берегу Крыма. Первые из дивизий этой армии вскоре после начала нашего наступления и появились на фронте.

Немецкая артиллерия имела превосходство перед артиллерией противника и эффективно поддерживала пехоту. Но со стороны противника на северо-западном побережье Крыма и на южном берегу Сиваша действовали бронированные батареи береговой артиллерии, неуязвимые пока что для немецкой артиллерии. В то время как Советы для контратак располагали многочисленными танками, 11-я армия не имела ни одного.

Командование не имело к тому же никаких возможностей облегчить войскам тяжелую задачу наступления какими-либо тактическими мероприятиями. О внезапном нападении на противника в этой обстановке не могло быть и речи. Противник ожидал наступления на хорошо оборудованных оборонительных позициях. Как и под Перекопом, всякая возможность охвата или хотя бы ведения фланкирующего огня была исключена, так как фронт упирался с одной стороны в Сиваш, а с другой — в море. Наступление должно было

вестись только фронтально, как бы по трем узким каналам, на которые перешеек был разделен расположенными здесь озерами.

Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только трех дивизий (73, 46 и 22 ид) 54 ак, в то время как 30 ак мог вступить в бой только тогда, когда будет занято некоторое пространство южнее перешейков».

В целом Манштейн объективно описал трудности, стоявшие перед ним, но поскольку он все же большой брехун, то у меня вызывает некоторое сомнение в том, что у Манштейна в Крыму не было ни одного танка. Дело в том, что все немецкие генералы, когда пишут о танках, упоминают в своих мемуарах только о немецких танковых дивизиях как таковых и молчат о танковых батальонах резерва главного командования. Эти батальоны были вооружены очень неплохими французскими трофейными танками, а этих танков немцы взяли у французов больше, чем к 1941 году построили своих. И немцы на французских танках участвовали в боях с 22 июня 1941 года, о чем есть упоминания наших артиллеристов.

Манштейн прорвался в Крым за счет артиллерии, и он пишет, что немецкая артиллерия имела превосходство над нашей. Но это было превосходство не в количестве стволов, а в том, как немецкие офицеры свою артиллерию использовали.

Вот А.З. Лебединцев пишет, что для прорыва требовалось 300 стволов на километр фронта, а у них было всего 30. Вообще-то даже в 1944 году для прорыва немецкой обороны (скажем, в Белоруссии) хватало и 80, в конечном итоге это зависело не только от наличия артиллерии, но и от того, в чьих она руках. Чтобы вы поняли, что хотел от артиллерии Александр Захарович, приведу цитату из воспоминаний А.В. Невского, который служил комбатом дивизионного батальона связи 2-й стрелковой дивизии, о прорыве фронта под Ленинградом 14.01.1944 г.: «Только я успел доложить генералу о выполнении своей задачи, началась артиллерийская канонада, загремел «бог войны», такой музыки мы никогда не слыхали, длилась она 1 час 50 минут. За огненным валом пошла пехота, связисты потянули провода в условиях исключительно полного бездорожья, последнее обстоятельство произошло по «вине» артиллерии. Артиллерия в полном смысле вспахала всю линию немецкой обороны как по фронту, так и в глубину обороны на 6 километров.

Никаких проволочных заграждений, ни дотов, ни дзотов, ни окопов не оказалось, после чего вполне естественно было, что в этой зоне мы не видели ни одного немца».

Тут уместен вопрос, а были ли немцы в этой полосе до артподготовки? Дело в том, что немцы, почувствовав или узнав, что их ожидает, покидали свои укрепления и уходили в свой тыл на вторую линию обороны. И делали это с 1941 года. Во время прорыва немецкой обороны под Ростовом осенью 1941 года опытный маршал Тимошенко заподозрил это, приказал артподготовку не проводить и послал разведку. Оказывается, немцы отошли на восемь километров. Тогда их догнали и провели артподготовку сразу по второй линии обороны.

Сами немцы никогда не считали количества своих оружейных стволов на километр фронта, никогда безумно не перепахивали землю в полосе нашей обороны. Ведь используемые нашими артиллеристами приемы — это реликты Первой мировой войны. Но тогда такая артподготовка была простительна — тогда были еще неразвиты электроника, оптика, авиация — базы средств артиллерийской разведки. Однако ко Второй мировой войне ситуация резко изменилась, техника шагнула вперед, и немцы, кроме прекрасной оптики, применяли радиоразведку, звукометрическую разведку и, особенно эффективно, разведку целей и корректировку артиллерийского огня с помощью авиации.

Немецкий самолет «Фокке-Вульф-189», который наши войска за двухфюзеляжность называли «рамой», дружно ненавидят все оставшиеся в живых фронтовики, ненавидят вместе с самолетом «Хеншель-126», который за неубирающиеся шасси называли «костылем». Эти самолеты очень редко сами атаковали наши войска, но они были фронтовыми разведчиками и корректировщиками артиллерийского огня.

Что это значит, поясню парой эпизодов из воспоминаний А.В. Невского. Задачей батальона, в котором он служил, была связь командира дивизии с командирами входящих в дивизию полков, поэтому служба батальона, как правило, проходила в дивизионном тылу, да еще в лесистой местности, то есть в условиях, когда немецкие артиллерийские наблюдатели с переднего края немцев видеть батальон А.В. Невского никак не могли и, следовательно, не могли по нему и стрелять. Но вот как это было реально.

31 мая 1942 года их дивизия была перемещена вдоль фронта. Невского с группой связистов в 15 человек послали к новому месту расположения штаба дивизии коротким путем — через болото. Они сильно измазались и, выйдя к тыловой речке, сняли с себя всю одежду, постирали и развесили на кустах сушить. Далее произошло следующее:

«И вдруг в 250 м разрыв снаряда с черным дымом, через минуту второй, уже значительно ближе. Приказываю схватить оружие и технику (большинство успели прихватить и обувь) и голым бежать в сторону, и сразу же по нашему белью был дан беглый огонь. Самолет-корректировщик точно засек наше расположение, и мы остались в чем мать родила. И вот в сапогах и при оружии, но голым, предстал я перед нач. штаба. Полковника Крицына обуял гомерический хохот, а ночью мои люди работали, голыми проводили связь, комары нещадно помогали, и только к 24–00 была доставлена одежда».

А вот случай 3 марта 1944 года.

«На перекрестке дорог рос ельник, и я в этом месте решил организовать пункт сбора донесений (ПСД). Солдаты Потахов Андрей и Таксис Галина Александровна начали валить лес, чтобы сделать сруб в три ряда, а затем поставить палатку. Сам я пошел в штаб дивизии.

На обратном пути увидел, что почти напротив ПСД в 400 м западнее разорвался снаряд с черным дымом, бегу к ПСД, второй разрыв снаряда раздался в 200 метрах. Приказал своим людям немедленно бежать в сторону, поскольку увидел в воздухе самолет противника, который корректировал эту стрельбу.

Сам бросился в сторону, заметив в снегу какую-то выемку, в нее и упал. В этот миг на перекресток обрушился беглый огонь противника из нескольких орудий, снаряды разрывались тесным кольцом вокруг меня, комья мерзлой земли били меня, а я сам соображал, что если на меня упадет еще и елка, то сучья меня пронзят, но одна из глыб меня крепко ударила, и я потерял сознание».

А я во всей мемуарной литературе и намека не встречал о том, что наши войска в ходе войны хоть когда-нибудь использовали авиацию для корректировки огня нашей артиллерии. И что обидно: по сравнению с тем огромным парком самолетов, которые построили немцы, самолеты-разведчики и корректировщики занимали очень

скромное место: FW-189 немцы построили 846 машин, Hs-126 — 510, а помнят их наши ветераны всю войну и на всех фронтах.

В декабре 1940 года в Москве было проведено Совещание высшего руководящего состава РККА. Собралась, так сказать, элита Красной Армии, самые лучшие ее кадры. Обсуждалось, что нужно, чтобы выиграть современную войну. С докладами и с обсуждениями выступили 85 человек. И ни один не заикнулся о том, что артиллерия Красной Армии нуждается в средствах разведки и корректирования огня, даже о самолетах-корректировщиках никто не упомянул. В результате британский историк Лен Дейтон пишет: «Артиллерия Красной Армии по своему уровню соответствовала той, что использовалась на Западном фронте в 1918 году, — это почти то же самое, что назвать ее очень плохой. В грядущих сражениях меньше 50 процентов потерь немецких войск, действовавших на Восточном фронте, приходилось на артиллерийский огонь, в то время как относительные потери от огня англо-американской артиллерии превышали 90 процентов».

Когда я впервые дал эту цитату, то некоторые историки возмутились, обвинив Дейтона в том, что он эти числа придумал, так как подобной статистики не велось. Это не так, эти числа легко получить, если проанализировать статистику немецких госпиталей на Западном и Восточном фронтах: сколько там лечилось от пулевых ранений, а сколько — от осколочных и контузий.

Но вернемся к воспоминаниям А.З. Лебединцева. Положим, что командование 47А не имело средств, чтобы организовать артиллерийский огонь так, как его ведут немцы. Хотя толковые советские генералы умели в этом плане сделать достаточно много даже с теми средствами, что у них были. Горбатов, к примеру, описывает с десяток приемов, которыми они вели разведку целей для артиллерии и вели ее довольно успешно. Кроме того, в армии Горбатова при наступлении каждому стрелковому батальону придавался артдивизион или батарея, и их командиры в бою находились с пехотным комбатом. (А у немцев артиллерийский офицер и солдаты-топографы входили в штат пехотного батальона.) Но, повторю, предположим, что командование 47А способно было использовать артиллерию только по шаблону: стащить к месту прорыва тысячи стволов и десятки

эшелонов с боеприпасами и перепахать у немцев всю местность на переднем крае.

Тогда почему командование 47А погнало в атаку все дивизии сразу, почему не наметило одно армейское место прорыва и не сосредоточило на нем все артполки своих дивизий? Получили бы 100–150 стволов на километр фронта, ими бы и пропахали пехоте коридор для прорыва. Почему предпочло гнать пехоту на немецкие пулеметы? Вопрос? Вопрос! И на него не ответишь: «Сталин приказал!» Сталин этого не приказывал, он приказал не давать немцам снимать резервы с других участков фронта, а решать эту задачу должны были командующие армиями и дивизиями. Они, именно они тупо губили наших солдат, а не Сталин.

Давайте на фоне этой тупости дадим из воспоминаний Лебединцева и пример сообразительности. Александр Захарович продолжает свой рассказ.

Лебединцев: «У окраины следующего села стояли три наших сгоревших танка, напоравшихся на засаду противотанковых орудий. К вечеру вышли на рубеж железнодорожного полотна. В бетонной трубе под насыпью оборудовали место под командный пункт, так как сразу за насыпью по рубежу высот с отметками 174.8, 171.9, 171.1 находился заранее оборудованный огневой рубеж немцев, который они не спеша заняли и подготовились к встрече нас огнем. Я только в 70 лет узнал из немецких источников о мощной инженерной организации, которая занималась заблаговременно подготовкой таких рубежей для вермахта на протяжении всей войны с привлечением местного населения.

Выходя к этому рубежу, наши подразделения были подвергнуты обстрелу артиллерией и минометами. Мы, естественно, начали развертывание боевых порядков пехоты и выдвижение на огневые позиции своей артиллерии. На расстоянии 500–600 метров до переднего края противника наша пехота залегла и ожидала, когда артиллерия и минометы начнут подавлять вражеские огневые точки, мешающие продвижению наших стрелков. Будь у нас танки, мы могли бы атаковать с ходу, но бронечасты были на других направлениях.

Штаб и подразделения боевого обеспечения нашего полка нашли защиту за железнодорожной насыпью, а матушка-пехота залегла перед высотками на мокром лугу, где невозможно было даже окопчики отрыть, так как они тут же заполнялись грунтовой водой. Будь на

нашем месте немцы, они сразу бы отвели свою пехоту на более сухое место, но у нас это расценивалось бы как отход и нарушение приказа «Ни шагу назад».

Солнце клонилось к закату, и свет его лучей бил прямо в глаза немцам, поэтому они неохотно вели огонь по нашей пехоте, откладывая это на завтра. Почти как всегда, командир полка послал меня вперед — в единственный в полку батальон Ламко, чтобы я установил все на месте и нанес на карту положение подразделений. Мой друг располагался за небольшим кустиком ольхи и собирался ужинать из котелка, который принес ему ординарец. Тихон Федорович велел дать ложку мне и предложил разделить с ним трапезу.

Тихон Федорович Ламко не имел офицерского образования. Войну начинал сержантом, был избран комсоргом батальона, отличился в боях еще на Кавказе, за что был пожалован орденом и званием младшего лейтенанта. На переформировании его назначили ПНШ-1, а меня к этому времени начальником разведки полка (ПНШ-2). В штабе работа была не по Ламко, и он попросился в батальон. Командир полка удовлетворил его просьбу, а меня назначили на его место. Судьба нас разлучила в штабе, но друзьями мы остались. Офицеры и бойцы полка ценили комбата Ламко за бесстрашие в бою и заботу о подчиненных, и поэтому когда в полку остался всего один батальон, то его комбатом назначали Тихона Федоровича.

Вскоре к комбату подошли все командиры рот, которых он заслушивал поочередно. Они докладывали Ламко о численности, о наличии боеприпасов, лопат, о грунте, о количестве раненых и поведении противника. Их доклад он подытожил своими выводами:

1. Отрывать окопы бесполезно, поскольку они заполняются водой на мокром лугу.

2. С наступлением светлого времени немецкие снайперы нас здесь на открытой местности перещелкают. Не сделали они это вечером, так как им светило солнце в глаза.

3. Прорывать оборону будем ночью без всякой артподдержки, только после залпового броска гранат. Сближаться в гробовой тишине. Начало атаки ориентировочно в полночь по готовности.

4. Каждому пехотинцу и пулеметчику выдать не менее трех ручных гранат.

5. Готовность рот буду проверять в 22 часа.

И тут же отпустил командиров рот.

С точки зрения Боевого устава, отданные им распоряжения не соответствовали принятым канонам, но соответствовали обстановке. Я спросил моего друга, почему он не доложил командиру полка о принятом решении. На это он, подумав, ответил: «Возьму ответственность на себя. Докладывать об этом по телефону опасно: может не разрешить, а у меня другого выхода нет. Или возьмем эту траншею сейчас, или завтра утром нас перед ней немцы перебьют. А хочешь помочь по старой дружбе, оставайся со мной. Я буду увереннее себя чувствовать».

Я тут же позвонил по телефону своему писарю, надиктовал и приказал оформить полуночное боевое донесение, дать его на подпись начальству и отправить. Сам, мол, задерживаюсь по неотложным делам.

В 22 часа мы начали проверку с левофланговой 3-й роты. Убедились, что гранаты у всех бойцов в противогазных сумках, запалы к ним в карманах, у автоматчиков по 2–3 снаряженных магазина, скатки шинелей и вещевые мешки с котелками сложены повзводно. Попрыгав, бойцы убедились, что ничего в их амуниции не гремит. Комбат вполголоса напомнил бойцам боевую задачу и сказал, что пойдет с ними в одной цепи, и только по его команде будет первый бросок гранат по вражеской траншее. Стрелки заверили, что все они умеют снаряжать и бросать гранаты РГД. Главное, бесшумно подняться на высоту, сблизиться ползком, одновременно всеми ротами бросить гранаты, а затем стремительно ворваться в траншеи. Так же мы проверили остальные роты.

От исходных позиций до вражеского переднего края было менее километра с подъемом по скошенному пшеничному полю. Снопы были сложены по стерне в крестцы. Шли полусогнувшись, осторожно делая каждый шаг. Нервы напряжены до предела. Каждому казалось, что сердце бьется не в груди, а где-то под кадыком. Вдруг остановка. Впереди тихая возня. Лейтенант ведет двоих с поднятыми руками. Один из них полусшепотом повторяет: «Я поляк, я поляк», — делая ударение на первом слоге, а второй: «Я хорват». Эти вояки были в дозоре и спокойно уснули на мягких снопах. Очнулись, когда лейтенант уже овладел их оружием. Комбат отвесил им по зуботычине

и напомнил, что Тито и Роля Жемерский воюют нашими союзниками, а они предатели, и выругался по-польски: «Пся крев...»

Этот инцидент несколько успокоил нас. Если дозорные спят, то в траншеях боевая готовность тоже не лучше. Немцы за полночь иногда бывали беспечными. Они даже не пускали осветительные ракеты. Последние метры мы преодолевали ползком. Наконец остановка. Солдаты снаряжают гранаты запалами. Мы с комбатом во 2-й роте, он поднимается в рост и громко командует: «Гранатой!» Весь вражеский передний край осветился разрывами гранат. Одновременно раздалось громкое «Ура-а-а!» и снова разрывы. Мало кому из вражеской пехоты удалось бежать во вторую траншею. В полутьме пустили в ход штыки и ножи. Пленных не оказалось. Убитых свыше полусотни выбросили из окопов. У нас один был убит и трое ранены.

Связисты подключили телефон, и тут же голос командира полка: «Что у вас там творится?» Отвечаю, что захватили первую траншею противника. «Каким образом, по чьему приказу?» Отвечаю: «По приказу комбата Ламко». Получаю команду: «Батальону подготовиться к отражению контратаки, а тебе бегом в штаб».

Захватив поляка и хорвата, мы с посыльным быстро умчались под гору. Вот и железнодорожная насыпь. Начальство полка все в сборе. Громко обсуждают случившееся и набрасываются с расспросами. Всех беспокоит рассвет и неминуемая контратака. Я успокаиваю: не следует сейчас отрывать Ламко «указивками», так как он сам знает, что ему делать. Нужно готовить артиллерию и минометы для заградительного огня.

Командир дивизии в тревоге и требует подробного доклада. Командир полка передает мне трубку, и я подробно докладываю комдиву, чему был сам свидетелем. Его тоже тревожит предстоящая контратака. Чем можно помочь батальону? Отвечаю: «Если контратака будет с танками, то нужно ближе выдвинуть противотанковый резерв дивизии и хорошо бы привлечь и наши танки, если мы начнем преследовать».

До рассвета комдив сообщил, что на случай контратаки противника с нашей стороны нас может поддержать одна танковая рота из соседней танковой бригады. Для этого ее комбриг прибывает на наш КНП.

Это утро мы ожидали с обостренным напряжением. И действительно, с восходом солнца немецкое командование послало немецкие подразделения, проспавшие и потерявшие свои позиции, восстанавливать утраченное положение, усилив их двумя танками и плотным артиллерийским и минометным огнем по занятой нами высоте. Наша дивизионная артиллерия поставила заградительный огонь и подожгла один из танков, но немецкая пехота продвигалась вперед короткими перебежками. Командир танковой бригады решил по радио вызвать свою танковую роту для занятия исходного положения. Но в этой роте на ходу оказалось только два танка. Причем, когда один из них делал крутой разворот, у него соскочила гусеница, и ему необходимо было время для постановки ее на место. Остался ротный с одним танком, а за неисправности до начала атаки танкистов отдавали под суд Военного трибунала, поэтому командир роты со слезами умолял своего комбрига, приехавшего на своем командирском танке, дать его танк, пока танкисты не поставят гусеницу на неисправный.

Плотным огнем батальона Ламко и нашей артиллерии прямой наводки с насыпи мы заставили немецкую пехоту залечь. Начальник артиллерии полка майор Бикетов И. В. не только лично руководил стрельбой, но и сам наводил противотанковое орудие на цели. Майор Кузминов вел огонь из трофейного пулемета. Я не помню другого такого случая, чтобы командование полка лично участвовало в бою. Это был единственный прецедент для меня за всю войну. Но немцы держались в своей второй траншее и вели огонь по нашему батальону. Вот и решил комбриг отдать свой танк, чтобы поддержать нашу пехоту. Командир танковой роты побежал к своему экипажу с улыбкой, радуясь уступке командирского танка и тому, что не будет судим. Да, бывало и такое.

Танки благополучно спустились в овраг, незаметно для противника поднялись к нашему батальону и с обоих флангов внезапно оказались у немецкой траншеи. Они на полной скорости утюжили ее и стреляли по немецкой пехоте, которая спасалась бегством в Верхнюю Будакивку. Второй немецкий танк тоже был подбит нашими танкистами, они же подбили бронетранспортер командира пехотного батальона. В нем я позже обнаружил на его мундире оставленные в бегстве ордена и документы. Наша пехота

вылезла из окопов и стоя наблюдала за расправой с немцами наших героев-танкистов. Видимо, то же самое испытывали немцы в первые месяцы войны, когда почти безнаказанно продвигались по нашей земле и чувствовали свое несомненное превосходство перед нами. Я позвонил комбату Ламко, поздравил с окончательной победой и попросил поднимать батальон и преследовать немцев, пока они деморализованы. Полк с ходу овладел Нижней Будакивкой и погнал противника на запад, не давая ему закрепляться на последующих рубежах практически до самого Днепра. На соседних участках противник тоже оставлял рубежи, и началось общее преследование». [Конец цитаты.]

Вот пример осмысленности, смелости и личной храбрости офицера, которого офицером сделала война. Его не учили до войны в училищах, он не оканчивал академий, но он действует, как и должен действовать офицер.

Форсирование Днепра

Лебединцев: «В ночь с 21 на 22 сентября полк выступил по маршруту Ковтуновка, Золотоноша, Вергуны-Пологи, Цибли, и во второй половине дня 22 сентября подразделения сосредоточились в селе Городище, от которого до берега Днепра было не более двух километров. Это для всех нас оказалось настолько неожиданно, что получив очередной лист топокарты, на которой была обозначена голубая лента Днепра, я был потрясен случившимся. У нас не имелось клея для склеивания листов карт, информации свыше об обстановке тоже никакой. И вдруг рядом седой Славутич, воспетый великим Кобзарем и другими писателями и поэтами. По радио кодограммой в район южнее Переяслава-Хмельницкого были вызваны к командиру дивизии три человека: майор Кузминов М. Я., начальник штаба полка майор Ершов В. В. и полковой инженер лейтенант Чирва Федор.

С помощью бинокля я смотрел на крутой правый берег реки. Он заметно возвышался над пологим левым. На противоположной стороне гнездились на пригорках украинские хаты-мазанки в окружении фруктовых деревьев. Это была Григоровка Каневского района. В ее северо-западной части поднималась высота с отметкой 244.5, от которой прямо к Днепру пролегал глубокий овраг, расширяясь и углубляясь к берегу реки. Южнее Григоровки и до села Бучак на том берегу простирались рощи. От села Городище до Днепра пролежала равнина, покрытая мелким кустарником и старицами после весенних паводков. Я быстро изучал местность по карте, так как имел обостренную память, как это и требовалось от разведчиков и штабных офицеров.

Вскоре вернулись все трое в полк. Я заметил резкую перемену в настроении и в суетливой деятельности командира и начальника штаба полка, спросил о боевом приказе дивизии, но начальник штаба сказал, что он отдан в устном порядке, поэтому и мне полковой приказ писать было не с чего. Только лейтенант Чирва не проявил никакой растерянности. Он (до войны бывший художник-оформитель из Краснодара) был склонен к выпивке, но в тот день был совсем «сухой». В его саперном взводе на тот день были только повозочный и

один сержант. Конечно, при такой укомплектованности саперами чуда на переправе не совершить, и он с сержантом пошел из дома в дом, разыскивая владельцев рыбацких лодок и мобилизуя хозяина и посудину на нужды армии. Очень много украинцев при отходе разбежались по домам, а тех, кто попал в лагеря военнопленных, охотно выпускали полицаи за кувшин самогона и кусок сала от его жены и свидетельницы-соседки. Хозяевами изъятых лодок были преимущественно люди из пехоты, хорошо знавшие, что из себя представляет матушка-пехота и каков шанс пехотинца выжить, а тут лейтенант предлагал службу в саперном взводе. Они охотно «находили» свои лодки, спрятанные в камышах в затопленном состоянии.

Федя быстро укомплектовал взвод до полного штата, построил будущих бойцов и дал каждому прочитать в строю текст Военной присяги, скрепив ее подписью присягнувшего в своем блокноте. После чего на трех повозках транспортной роты ночью перевезли лодки к берегу и спрятали там в заводях, оставив часового. В ту первую ночь не было на берегу никого из дивизионных инженеров и саперов, некому было указывать пункты переправ для наших и других полков, не было и дивизионного начальства.

Мы с Ламко вывели его батальон к берегу и определили места ротам под кустами, чтобы скрыть их днем от воздушного наблюдения, так как в эту первую ночь не представлялось возможным начать десантирование.

Только за полночь одним рейсом на двух лодках нам удалось переправить Зайцева с его разведвзводом на тот берег. Гребцы доложили, что разведчики высадились без боя и ушли оврагом вверх. Весь день до наступления темноты я наблюдал в селе множество разрывов снарядов и мелких бомб, которые сбрасывали наши истребители. В небе постоянно сходились в атаках наши и вражеские летчики, стрельбы было много, но задымил только один наш истребитель. Были разговоры, что партизаны якобы захватили у немцев паром и что на плацдарме есть уже передовые группы 3-й гвардейской танковой армии, а село Зарубинцы занято подразделениями 161-й дивизии нашей 40-й армии, которой командовал генерал Москаленко К. С.

К утру я вернулся в Городище и доложил обо всем майору Кузминову, который решил следовать к Днепру вместе со своим заместителем по политической части майором Гордатием. Там они и провели весь день, наблюдая за противником. Я смог после завтрака немного уснуть, потом отвечал на звонки из штаба дивизии, а с наступлением темноты пришел с майором Ершовым на берег к переправе, хотя это слишком громко сказано. Мы просто стащили на берег все имевшиеся лодки и из семи шесть спустили на воду, а одну сохранили в резерве полкового инженера. Привязывали лодки веревкой за кусты и усаживали до десятка бойцов, в зависимости от емкости лодок. Некоторых солдат приходилось «приглашать» на посадку приличными толчками в спину, так как они в Средней Азии не видели рек кроме арыков, да еще и шириной до одного километра и глубиной до восьми метров, каким был в том месте Днепр.

Всей работой руководили командир батальона Ламко и его ротные командиры, а гребцами и загрузкой командовал Чирва. И тут появились три представителя штаба дивизии: дивизионный инженер майор Эшенбах, начальник связи майор Вайнтрауб Д. С. и заместитель начальника политотдела, тоже майор, фамилию которого мне не удалось установить. Последний начал давать всяческие указания по проведению политмассовой работы на плацдарме и задерживал отход лодок. Ламко посоветовал ему это сделать на том берегу, майор перешел на приказной тон, тогда Ламко приказал ему немедленно удалиться, что и сыграло роковую роль для комбата, получившего вместо полагавшегося ему звания Героя только орден Красного Знамени. Начальник связи дивизии наказывал привязывать кирпичи в качестве груза к трофейной километровой бухте провода без единого сростка и в необычной красной полихлорвиниловой изоляции. Младший лейтенант Оленич И. И., бывший начальником направления проводной связи от штаба дивизии в наш полк, повторял: «Есть-есть», а делал все по-своему, то есть просто разматывал катушку и опускал провод в воду. Он получил звание Героя не только за эту свою бесперебойно работавшую линию, но и за настоящую отвагу, проявленную при обороне КНП командира полка.

Дивизионный инженер не вмешивался в действия полкового инженера, так как ничего не выделил ему из своих средств. Он не чинил препятствия против представления Чирвы на Героя, но этот

отважный человек, совершивший чудо переправы личного состава, артиллерии и всех грузов, не только не получил Героя, но и ордена Красной Звезды. Ибо его представление не было отправлено в штаб дивизии по вине начальника штаба полка Ершова, с которым они в сексуальном плане не поделили стряпуху Петровну. Чирва прямо на реке получил огромное осколочное ранение груди с удалением двух ребер. При перевязке в полковом медпункте он шутливо спросил у нашего врача Людмилы Ивановны Безродной: «Людочка, а как скоро я теперь смогу «перепихнин» принимать?» — и потерял сознание от огромной потери крови. Пролежал он в госпитале с октября 1943 до апреля 1944 года и догнал дивизию уже в Румынии.

Командование полка никаких указаний не давало и очень хорошо поступало в том конкретном случае. Батальон был таким малочисленным, что за два рейса все были на том берегу вместе с командиром батальона Ламко и связью. Во время переправы в воздухе летали на запад и обратно самолеты с непривычным для нашего уха гулом моторов. Их силуэты мы не могли наблюдать с земли, так как над рекой стоял туман. Старший связной сержант Митрюшкин отлучился по нужде в кусты, где обнаружил парашют и прибежал ко мне в панике, что немцы выбросили десант в наш тыл. Я побежал туда вместе с ним, чтобы выяснить обстоятельства, и услышал русскую речь. Вышел человек в десантном костюме и, узнав своих, рассказал, что только что приземлился с одного из тех самолетов, что проходят над нами в воздухе, так как идет выброска воздушно-десантной бригады в немецкий тыл. Видимо, их группу выбросили раньше расчетного времени, и он оказался на нашей территории. Я повел его к нашему начальству, и он повторил свой рассказ.

Командование, естественно, обрадовалось, что нам в помощь выбрасывается даже воздушный десант. Тогда нам многое представлялось в розовом цвете, хотя многие факты говорили как раз о противоположном. Выброска того десанта в военной истории считается малоподготовленной и неудачной, ибо большинство десантников были уничтожены и пленены немцами, и десант не сыграл никакой роли. А собранные парашюты немцы использовали для обивки шелковой тканью потолков и стен своих блиндажей от просыпания грунта при бомбежке и обстрелах. После мы находили

парашюты в их блиндажах, и солдаты делали из них портянки, а наши девицы умудрялись шить нижнее белье». [Конец цитаты.]

Хотел бы в этом эпизоде обратить внимание читателей на полкового инженера Чирву. Это, конечно, загадка, как художник-оформитель стал инженером полка. Но как бы то ни было, он со своими обязанностями справлялся лучше, чем кадровое офицерство, причем как в техническом, так и организационном плане. Обратите внимание, как «элегантно» Чирва раздобыл полку крайне дефицитные лодки в бедной лесами Украине: отставив в сторону увещевания, он внятно намекнул, что если владельцы лодок вместе с ними не поступят сегодня на более безопасную службу в саперы, то завтра будут в пехоте.

О том, что могло бы быть с 48 си, если бы не ум Чирвы, рассказал полковник запаса М.Я. Жеребцов, которому пришлось форсировать Днепр где-то рядом с 38 сд.

«В то время я был заместителем командира полка. А командиром приехал подполковник Путахин. И с ходу распорядился: «Немедленно форсировать Днепр». Я возмутился: река шириной в восемьсот метров с течением метр в секунду! А он мне: «Идите в тыл и там управляйте войсками. Я академию окончил». Пустили в воду первый батальон в полном составе. Кто умел плавать, кто не умел... Словом, из семисот человек осталось только тринадцать, — а «горячего» подполковника Путахина в тот же день арестовали «особисты», и больше я о нем ничего не слышал».

Вот и сравните умственные способности выпускника военной академии и художника-оформителя из Краснодара...

О добросовестности и паразитизме

Ни для кого не секрет, что люди по отношению к поручаемому им делу делятся на добросовестных, живущих своим трудом, и паразитов, старающихся существовать за чужой счет. Уверен, что каждый читатель встречал в жизни и тех, и других, хотя тех и других в чистом виде относительно немного — основную массу людей составляет толпа, которая может быть и добросовестной, и паразитической в зависимости от того, какие настроения в ней преобладают. А настроения в массах создают начальники, по меньшей мере, от них в этом деле очень многое зависит. И если начальник добросовестен сам, то есть безропотно тянет всю возлагаемую на него работу, то и его люди в основном будут добросовестными, а паразиты в такой организации будут выживаться из коллектива и презираться. Но если сам начальник — паразит, если он сам все время пытается взвалить свои обязанности на других, то паразиты в таком коллективе быстро возьмут верх, толпа будет равняться на них, а добросовестным придется плохо.

Это универсальные человеческие качества, они присущи людям и в мирное время. Но в мирной жизни организации, в которых начальник позволяет себе быть паразитом, агонизируют очень медленно, практически до тех пор, пока добросовестные еще не плюнули и не ушли. А на войне, как вы уже видели и раньше, части и подразделения с паразитами во главе достаточно быстро гибнут, но еще быстрее в них гибнут добросовестные.

Причина тут проста: начальнику дело надо сделать, и ему, в принципе, все равно, кому его поручить, но если его поручить паразитам, то они уклонятся, и дело не сделают, за что накажут начальника, поэтому приходится все новые и новые дела поручать только добросовестным. Кто везет, на том и ездят. Но на войне новые и новые дела — это новые и новые бои, а в боях люди гибнут. И при паразитах-начальниках, уклоняющихся от своей обязанности заставить воевать всех, гибнут в основном добросовестные...

Лебединцев: «В Архиве МО сохранился «Частный боевой приказ 1-й оперативной группы командирам 295-й и 339-й стрелковым

дивизиям от 17.1.1942 года на 16.20. Штаб — Лысогорка. Карта 100.000. Противник обороняется на прежнем рубеже, создавая Ворошиловоградскую и Куйбышевскую группировки. Командиру 339-й стрелковой дивизии усиленным стрелковым батальоном (не менее 700 человек) при поддержке всей своей артиллерии и большей части минометов и пулеметов решительной атакой овладеть высотой 73.1 и прочно закрепить ее за собой. Атаку начать ровно в 5.00 18.1.42 г. без артподготовки. Ответственность возлагаю на командира дивизии. Командующий опергруппой генерал-майор Козлов. Комиссар, полковой комиссар Александров».

Как видно из вышеизложенного приказа, тут многое непонятно. В это время 339-я дивизия переходила из 9-й армии в 56-ю. Объединяли эта опергруппа обе эти армии или была составной частью одной из них? Во-вторых, на подготовку отводилось ровно 12 часов, а где было за это время взять батальон численностью в 700 человек?

Боевого приказа в общепринятом смысле в письменном виде в дивизии не отдавалось. В фонде 339-й дивизии (1656, опись 1, дело № 11) приводится боевой приказ на проведение этого боя с одновременным описанием хода боевых действий и организационными выводами по наказанию виновников невыполнения этого приказа. Я выписал из Архива МО его полностью, но при проверке сделанных мной записей научный сотрудник архива ровно половину текста замазала черной мастикой, и сделала это по существовавшему тогда приказу МО, в котором категорически запрещено делать выписки из документов ревтрибуналов и из приказов, в которых отрицательно характеризуются действия наших офицеров. Так что она поступила вполне обоснованно. Были изъятия и в других моих тетрадях по этой же причине, но уже путем вырывания одной страницы полностью и одной наполовину. Так что при полном моем желании я не могу привести текст полностью и восстановлю его из того, что у меня сохранилось.

«Боевой приказ 339-й стрелковой дивизии от 17.1.1942 года. 1135-й стрелковый полк с дивизионом 756 ап, 3/1137 сп, двумя ротами отдельного батальона противотанковых ружей, мотострелковой ротой дивизии, дивизионной школой младшего начсостава, разведротой дивизии, 1/1137 сп, минбатр 1137 сп (восемь минометов 82 мм), при поддержке 3, 4, 6 батарей 900 ап. (574 отд. тяжелый артдивизион к

началу операции не прибыл ввиду непроходимости дорог и отсутствия горючего). Полк имел задачу овладеть высотой 73. 1. У противника здесь было 10–12 стрелковых и пулеметных окопов, артиллерия на прямой наводке. Восточные скаты имели большую крутизну и были обледенены. В связи с этим было принято решение наступление на высоту 73.1 вести со стороны Кучеро, то есть предварительно овладеть этим маленьким селом. На восточной окраине этого населенного пункта имелось 5–6 пулеметных гнезд и отдельные стрелковые ячейки. Вся территория от Большой Кирсановки до Кучеро простреливалась несколькослойным огнем, фланкирующим с выс. 73.1. В 5.40 18.1.42 г. 1135 сп начал атаку Кучеро. До 18.20 полк дважды атаковывал Кучеро. Противник, оставив часть окопов восточнее Кучеро, отошел западнее, но шквальным огнем отбил обе наши атаки. В результате боя полк потерял убитыми 4 человека и ранеными 19. Два миномета и два орудия выведены противником из строя. С наступлением сумерек полк отошел в исходное положение. Противник оказывает упорное сопротивление в районе Кучеро и выс. 73.1. Огонь минометов из Шапошниково и бумфабрики. В 8.55 обстрелял северо-западную окраину Матвеев Курган. Температура минус 18 гр.

19 января в 5.00 дивизия возобновила частную операцию 1135 сп по захвату выс. 73.1 ударом групп из 1-й и 2-й стрелковых рот и мотострелковой роты дивизии. 2-я ср имела задачу атаковать Кучеро с восточной стороны с фронта, 1-я ср с севера и мер в обход с юго-запада. Резерв командира полка — рота истребителей танков и дивизионная школа МНС (младшего начсостава). Атаки стрелковых рот были встречены сильным пулеметным и минометным огнем. Роты залегли, а мер начала отход в исходное положение. С наступлением темноты все подразделения отошли на занимаемые позиции. Убиты 3, ранены 7 чел. Приказ дивизии от 24.1.42 г. (далее полстраницы в моей рабочей тетради замазано мастикой)... 20.1 истребительная рота ворвалась в Кучеро, в течение 1,5 часа вела гранатный уличный бой, уничтожила около 100 человек и минбатарю противника из 6-ти минометов. В самый ответственный момент, когда 1135-й сп вел бой, выполняя боевую операцию в течение шести часов (с 3-х до 9) — был порыв проволочной связи. Отсутствовала связь командного и наблюдательного пунктов. Начальник связи лейтенант Василевский не

принял мер к ее налаживанию. В этом бою отличился своими храбрыми и умелыми действиями командир роты лейтенант Чернявский. Командир взвода роты истребителей танков лейтенант Ищенко в уличном бою уничтожил восемь фашистов. Политрук роты Замоздря вел себя крайне пассивно, командир взвода лейтенант Доренко ушел с поля боя в Большую Кирсановку. Для обеспечения частной боевой операции 1135 сп командиру 1137 сп майору Серову был отдан приказ к 2.00 19.1.42 г. сменить 1-й сб 1135 сп. Майор Серов батальон сменил в 4.00 19.1.42 г., тем самым сорвал реальность участвующих сил в боевой операции 1135 сп. (В приказной части приказа пункты: а, б, в, и г с наказаниями виновных заштрихованы полностью. — *АЛ.*): Командиру 1135 сп командира роты истребителей танков лейтенанта Чернявского и командира взвода старшего лейтенанта Ищенко немедленно представить к правительственной награде. Всем командирам и комиссарам частей после каждой проведенной операции делать подробный разбор, извлекая опыт. Всех проявивших в бою храбрость и умелое руководство боем бойцов, командиров и политработников немедленно представлять к соответствующим боевым наградам. Трусов, не выполнивших боевой приказ, арестовывать и предавать суду Военного трибунала. Еще раз изучить всем командным составом директиву Ставки ВГК в отношении использования артиллерии и указания Главкома Юго-Западного направления Маршала Советского Союза Тимошенко об организации и ведении наступательных действий в зимних условиях. Настоящий приказ довести до сведения до командира взвода включительно. Общие потери за трое суток боев составили: убиты 11 человек, ранены 55 человек, обморожены 17 человек. Приказ подписали: Командир 339-й стр. дивизии полковник Морозов, комиссар дивизии полковой комиссар Григорьев и начальник штаба дивизии полковник Рыбин». (Пункты приказа приведены с соблюдением всех условных сокращений, приведенных в Наставлении по полевой службе штабов и с сохранением стилистики.)

Если я буду снова допущен в Подольский архив МО, то попытаюсь рассекретить вымаранные страницы того приказа, в котором были приведены факты трусости, нераспорядительности и неумения организовать в полковых звеньях бой, о чем я постараюсь рассказать ниже.

Как видно из текста приказа, задача четырем полковым разведывательным группам в приказе не определялась, да и роте истребителей танков она не ставилась, так как ее задача была вести борьбу с танками. Рота была определена состоять в резерве командира полка вместе с дивизионной школой младших командиров. Почему же ее и разведгруппы послали вместо пехоты наступать на Кучерово? Ответ может быть только один: «Кто везет, того и погоняют». Чернявский слыл в полку как храбрый и волевой командир, его заместитель Ищенко был под стать своему начальнику. Это решало иногда успех этой роты.

Но в данном случае, если судить по содержанию и лексике боевого приказа дивизии, боевые задачи 1135 сп комдивом были поставлены неграмотно и с точки зрения тактики, и с точки зрения полевой службы штабов. Более того, ни один человек из командования дивизии не удосужился лично проверить готовность нашего полка к ведению наступления и проконтролировать ход боевых действий. А командование полка за трое суток боев ни разу не вышло из штаба полка, «руководя по телефону», при порванной телефонной линии.

Вышеприведенный приказ фактически не был боевым приказом в общепринятом понимании Боевого и Полевого уставов. Его фразы, скорее всего, были переписаны из боевого донесения, написанного начальником штаба нашего полка капитаном Веревкиным с моего рассказа». [Конец цитаты.]

Прерву Александра Захаровича для некоторых расчетов. На высоте 73.1 оборонялась, скорее всего, немецкая пехотная рота, один взвод которой был выдвинут в Кучерово. Атаковал эту роту полк, в составе которого только стрелковых рот девять. Правда, они даже в штатной численности вдвое малочисленнее немецких, но и в этом случае перевес раза в три. Кроме этого, из дивизии было придано еще минимум 5 рот, так что общий перевес в пехоте вряд ли был меньше, чем в пять раз.

Исходя из того, что имел на вооружении немецкий пехотный полк, можно предполагать, что на высоте 73.1 могли быть не более двух-трех минометов калибра 81 мм, позиции пары 37-мм противотанковых пушек и одно-два пехотных орудия калибра 75 мм.

Что из штатной артиллерии сохранилось в 1135 сп, Лебединцев не пишет, но, наверное, в полку сохранилось до десятка 45-мм

противотанковых пушек, пара десятков минометов калибра 82— 120 мм и штуки четыре полковых 76-мм пушек. Кроме этого, атакующим придавались восемь 82-мм миномета и около 12 орудий калибра не менее 76 мм. То есть и по артиллерии на этом участке перевес был за нашими войсками. А каков результат?

Дивизионное начальство спряталось в глубоком тылу, полковые командиры тоже в тылу заложили окна в хате саманом и из прокопченной комнаты к месту боя не выходили. А батальонные и ротные командиры — они что, дураки? По сигналу атаки они из окопов вышли и при первых немецких выстрелах залегли. И лежали весь световой день. Но поскольку немцы их и лежащих доставали минометами, то были и потери. Если хотите, то паразиты лежали и ждали, когда же начальство найдет добросовестных, чтобы те сделали их работу.

Лебединцев: «Первые двое суток мы, разведчики, слышали перестрелку и слухи о наступлении мелких подразделений на Кучерово и на высоту 73.1. Эти оба объекта были нам хорошо знакомы.

На высоту почти ежедневно делали налеты наши самолеты с ростовских аэродромов. Это были знаменитые на Халхин-Голе «чаечки», или И-153, считавшиеся истребителями. Они далеко уступали в скорости немецким истребителям «Мессершмитт-109» и «фокке-вульфам» — «раме», как его все именовали на фронте. Был знаком еще один вражеский самолет — «Хейнкель-126», или «костыль», как его называли наши воины. Это был самолет-разведчик, и он одновременно использовался артиллеристами для корректировки с него огня наземной артиллерии. Там где он появлялся, всегда можно было ожидать массированный налет артиллерии по тыловым целям. Скорость его была невысокой, и к лету 1942 года он был окончательно заменен «рамой». В ясные дни наши «ястребки», как правило, делали вылет на бомбежку этой пресловутой высоты 73.1. В чем ее было стратегическое или оперативное значение, сейчас никто не назовет. Возможно, что и не было вовсе. Гораздо важнее было бы подавлять артиллерию и танки в глубине вражеской обороны и расположение резервов. Но летчики боялись глубоких вылетов, где в случае выброски с парашютом можно было оказаться в плену у немцев. Пехота и мы, разведчики, всегда с интересом наблюдали, как эти

«чаечки» сбрасывали по две бомбы на эту высоту и, выстроившись в круг, строчили из своих пулеметов по окопам противника, потом улетали на свой аэродром, покачивая нам своими крылышками.

Но не всегда эти полеты заканчивались благополучно. Однажды пулеметным огнем немецкой пехоты была подбита одна наша крылатая машина. Загорелась нижняя плоскость, и летчик вывел машину из круга и повел на посадку почему-то не на нашей территории, а в тыл противника, где и приземлился. Летчик вылез из кабины и принялся гасить свою одежду, барахтаясь в снегу. Немцы бросились из окопов для захвата пилота. Но друзья не оставили в беде своего товарища, и весь пулеметный огонь перенесли на пехоту, а один из пилотов совершил посадку рядом и помог другу, втащив его в одноместную кабину, и взлетел. На следующий день во время полета наших самолетов к этой высоте в небе внезапно объявился «фокке-вульф» и двумя очередями сумел сбить две наши «чайки». Высота полета была малой, и оба летчика погибли. Пять наших «чаек» били со всех своих пулеметов по одной этой «раме», но не смогли сбить. Немец так и ушел на бреющем полете в свою сторону, оставляя дымовой след, видимо, от форсажа двигателя.

Высота 73.1 в это время года была заснеженной, и атака ее с восточной стороны становилась практически невозможной из-за обледенения, тогда как немцы могли обороняться с этой стороны со своих глубоких окопов одними гранатами. Не знаю, кому принадлежала идея привлечь на третий день боев роту истребителей танков и взводы разведки полка. Мы и так не сидели без дела эти два дня, но 19 января нас всех четырех командиров взводов собрал в нашей хате капитан Татаринцев, объявив, что во второй половине ночи мы должны атаковать Кучерово и разгромить немецкое боевое охранение.

Помню, что в этот день мои разведчики принесли с мельницы муки, раздобыли квашеной капусты и картошки в покинутых домах. Хозяйка дома согласилась приготовить вареники из этих припасов, и разведчики весь день помогали ей в этой затее. Вечером за большим артельным столом мы ужинали и впервые решили выпить на ночь положенные «наркомовские» сто граммов. Присутствовали все четыре взводных командира и сам начальник разведки капитан Татаринцев. Как непосредственный начальник, он ничего не сказал о предстоящей

боевой задаче, кроме того, что все группы будут атаковать Кучерово с фронта (я со своим взводом на самом левом фланге, потом все остальные в порядке своих номеров). Выпитые им более чем сто граммов раззадорили его, и он заявил, что «погибать» будет вместе с нами, и даже назначил разведчиков, кто его будет выносить из боя раненым или погибшим. Этот наказ я особенно хорошо запомнил.

Мы еще имели время уснуть до полуночи. Проснулись без напоминаний. Я приказал всем вынуть противогазные коробки и маски и заполнить сумки ручными гранатами. Запалы к ним все вложили за передний клапан шапки-ушанки, на манер газырей на черкеске. Половина разведчиков имела белые маскхалаты, которые мы надели на ватные штаны и телогрейки. Как мне тогда хотелось иметь автомат! Но их в войсках еще не было. А на трофейный «Шмайсер» закончились патроны. Я вооружился запасной самозарядкой с двумя снаряженными магазинами «на ремень, за спину». Примерно в два часа ночи собрались все четыре взвода у переправы по льду через реку Миус. Лед был усилен положенными на него досками. Наш brave капитан безучастно толкался среди других подразделений полка. Появилась рота истребителей танков под командованием лейтенанта Чернявского, и я решил держаться рядом с этим волевым командиром. (Татаринцев так ничего мне не сказал о том, как держать с ним связь.) За речкой была рощица — очень редкое в этой безлесной стороне явление природы. Ни одного человека из числа командования, штаба или политработников не было — пять подразделений шли в бой отдельно. Мела поземка с севера, и мы вышли на восточную опушку. Где-то в полукилометре должен был находиться хутор Кучерово, в котором располагалось вражеское боевое охранение силой до одного пехотного взвода, усиленного пулеметами. Нейтральная полоса в этом районе была более одного километра, а хутор располагался примерно посередине этой полосы. Двое суток боев должны были насторожить вражеское охранение немцев, а возможно, привело и к благодушию, так как один пехотный взвод выдержал и сумел отбить несколько наших атак более превосходящих сил. Правда, тогда-то я так не рассуждал с вершины моих девятнадцати лет. Одним словом, стрельбы с их стороны не было. При выходе на опушку на меня наварлся Чернявский и увидел, как я настраиваю азимут моего компаса в восточном направлении. Это ему понравилось, и он похвалил меня за

находчивость. Тут же предложил наступать вместе. Других разведывающих я рядом не видел и охотно согласился действовать вместе, полагаясь на его большой опыт и находчивость.

В его роте было не более двадцати пяти человек. С ним был его заместитель лейтенант Ищенко. Он вполголоса подавал команды, выстраивая в цепь своих людей. Я выделил трех разведчиков и послал их вперед. У одного из них тоже был компас. Расчет мой был прост: вывести людей не на вражеские пулеметы с фронта, а, прикрываясь снегопадом и темнотой, обойти хутор и ударить с тыла без шума, внезапно. Шли мы тихо и не спеша. Дозорные доложили, что мы уже прошли западную окраину хутора. Вскоре мой взвод и рота противотанкистов подошли к восточной окраине. Здесь мы разделились, так как хутор имел всего одну улицу с двумя порядками домов и Т-образный перекресток в районе переднего края. Рота прочесывала северный порядок домов, а я со взводом — южный. Все дома были пустыми. Я это знал из прежних наблюдений за хутором, как знал и то, что все немецкое охранение располагается в подвалах и погребах последнего переулка. К переулку мы вышли одновременно. Люди залегли за каменной изгородью. Все понимали, что впереди враг, нас разделяло 50 метров переулка. Недалеко от нас колодец с журавлем. Из одной хаты напротив выходит солдат с пустым ведром и направляется к колодцу. Чувствую, что сердце стучит не в груди, а где-то у гортани. Справа от меня Телеков Таджимукан показывает мне нож и кивком головы показывает на солдата. Я даю понять, что согласен. Но в этот момент слева поднимается во весь рост лейтенант Ищенко Ефим Парфенович и говорит:

— Фриц, ком, ком.

Немец в свою очередь спрашивает:

— Пароле?

— Какое там пароле, иди сдавайся в плен, — отвечает Ищенко и бросается на солдата, сбивает его с ног и пытается заткнуть ему рот своей солдатской варежкой.

Немец кусает ему руку, вскакивает и, делая два шага, получает выстрел из ракетного пистолета в самый затылок. Тут настигает его Таджимукан и наносит удар ножом. Все это длилось не более пяти-семи секунд. Всккивает Чернявский и сбрасывает с ушанки немецкую каску, которая задребезжала, как пустое ведро по мерзлому грунту, и во

весь голос кричит: «За Родину! За Сталина! Ура!» Поразительно, но факт, что на его призыв откликнулся только я один, пропев своим фальцетом: «Ура-а-а!»

Меня никто не поддержал. Все вскочили, а наш разведчик Кочуровский выдал многоэтажный мат и закричал: «Бей гадов!» Эти слова больше вдохновили бойцов, и все стали кричать «бей!», открывая огонь из оружия. В один миг перебежали переулочек и стали бросать в окна хат гранаты. От ракеты запылала соломенная крыша. Из дальних строений слышались команды на немецком языке и автоматные очереди. Солдаты сразу сообразили, что немцы будут выскакивать через двери и стреляли в дверные проемы. Рота действовала влево, а мы вправо, и минут за десять все было кончено. По сути дела, велся гранатный бой с обеих сторон, но инициатива была за нами и внезапность на нашей стороне.

В первом дворе я бросил гранату в окно хаты и сразу упал от взрыва немецкой гранаты, в голове появился звон. Но я мигом вынул запал и трясущимися пальцами стал запихивать его в гранату, на это ушло несколько секунд. Когда я поднялся в рост, то увидел, что разведчики уже во втором дворе орут и бросают гранаты. Я снова вошел во двор, где только что бросил в окно хаты гранату, и увидел четырех солдат, стоявших безмолвно. Очередная вспышка ракеты — и я понял по светлым пуговицам на шинелях, что это немцы. Почему они не стреляли по мне, до сих пор не могу понять. Видимо, приняли меня за своего, так как у них зимой некоторые офицеры ходили в белых масках. Занемевшей рукой я бросаю гранату им под ноги и падаю сам. Граната взорвалась, но я не уверен в ее мощности и срываю с поясного ремня гранату Ф-1, прыгаю через каменную изгородь и бросаю туда же вторую. Сильный взрыв и стоны там прекращаются. Подбегаю к лежащим немцам, у крайнего срываю погон и трясущимися руками на ощупь, срывая пуговицы, лезу в карман и достаю бумажник, полагая, что в нем есть документы. В этих своих самостоятельных действиях я позабыл о взводе, о своих людях. Слышал голоса Кочуровского, Телекова и сержанта Босова.

Весь передний край немцев осветился сплошными всполохами ракет. Противник поставил плотный заградительный артиллерийский и минометный огонь перед передним краем своего боевого охранения. Две значительных резервных группы противника двигались с его

переднего края в нашем направлении, нагло освещая свой путь ракетами, а у нас ни одного пулемета и ни одного автомата. Да и гранаты использовали все в дело. Понимало ли это наше начальство или нет? Слышало и видело ли оно то, что происходило здесь? Этого теперь никто не скажет. Было сказано, если возьмете «языка», то сигналом на выход будет зеленая ракета. Такая ракета последовала, и мы через лавину заградительного артиллерийского и минометного огня противника начали прорываться к реке. Разрывом снаряда меня сбило с ног, и я лежал в канаве, хватал ртом лед и снег, так как все мои члены от контузии и страха близких разрывов отказались служить. Мне трудно было дышать от дыма рвущихся рядом снарядов и мин. И когда огонь был перенесен на другой рубеж, я смог подняться и медленно пошел в рощу, которая тоже обстреливалась минами. Они взрывались от первого соприкосновения с любой веточкой и, разрываясь в воздухе, поражали все кругом. Здесь я увидел двоих своих разведчиков, которые искали меня. Они что-то спрашивали, но я ничего не слышал, оглушенный близкими разрывами. Мы перешли через помост на льду, и я увидел начальника разведки. Он тоже спрашивал меня о чем-то, но я не мог его понять. Я расстегнул клапаны ушанки и стал лучше слышать. Здесь еще подошли несколько моих разведчиков. Все они изнемогали от усталости, одному перевязывали голень ноги.

Татаринцев дал команду идти в свою хату и собираться там. Меня тошнило. Разведчики были в забытьи и в изнеможении бесцельно перекладывали оружие и боеприпасы, искали гранаты. Через некоторое время пришли Кочуровский и Телеков. Первый матерился, кого-то обвиняя в плохой поддержке артиллерией и минометами. Особенно возмущались тем, что, кроме нашего взвода и роты истребителей танков, больше никто не пошел в это наступление. Видимо, все отсиживались в роще, так как ни один человек не руководил боем ни по линии командования, ни по линии штаба. Не появился ни один из политработников. Видимо, никто не верил в какой-либо успех жалкой кучки солдат после трех суток бесплодных боев, которые тоже прошли без всякого руководства со стороны дивизии и командира полка, который даже не имел оборудованного командно-наблюдательного пункта.

Но вернемся в нашу хату, в которой собирались после боя разведчики. Последними, как я сказал, явились Телеков и еще один наш разведчик. Халат замполитрука был весь в крови. Я подумал, что он ранен, и предложил раздеться и сделать перевязку. Но разведчик сказал, что это на нем кровь немцев, которых он заколол ножом, когда они выскакивали из хат. Сам Таджимукан молча осматривался вокруг и не говорил ни слова. Взгляд его был безумным и отрешенным. Потом у него началась икота и сильная рвота, видимо, от запаха крови. Разведчики, как могли, оказывали ему помощь, так как все уважали его за отвагу, дерзость в бою и за теплую дружбу со всеми нами. После той первой нашей вылазки под Рождество он так и не вернулся в роту автоматчиков. Была у меня длительная тяжба с его командиром роты, но Миша нашел защиту у комиссара полка и остался в нашем разведвзводе со своим ППД.

Самым печальным сообщением пришедших было то, что на их глазах очередью в упор был убит помкомвзвода сержант Босов. Это известие меня потрясло окончательно. Я упал на горку зерна пшеницы в углу комнаты и дал волю слезам, так как это для меня была первая потеря в бою очень близкого человека. Хозяйка дома вполголоса причитала и молила Всевышнего за нас, а остальные разведчики почему-то начали чистить оружие. Я находился в забытьи, когда посыльный потряс меня за плечо. Оказалось, что меня вызывают в штаб полка.

Я был готов ко всяким неожиданностям. Шел, почти не пригибаясь, хотя пули визжали рядом. Наступавший день был пасмурным. Немцы непрерывно обстреливали село по площадям. Двор штаба сильно простреливался пулеметным огнем, но я сумел прошмыгнуть в дверь.

В штабе дымили коптилки. Начальник штаба капитан Веревкин что-то писал и кивком головы дал мне понять, чтобы я прошел во вторую комнату. Войдя без стука, я увидел, что здесь совсем нет дневного освещения. За столом сидели командир полка и комиссар. Перед ними стояли командир роты истребителей танков лейтенант Чернявский и его заместитель старший лейтенант Ищенко. Кисть правой руки Ищенко была перевязана бинтом, а ватные брюки ротного все изрешечены гранатными осколками и в дырах белела вата. На столе стояла пустая бутылка, к которой, видимо, мои собраты

приложились. В комнате было невероятно душно от копоти и непроветривания, так как окна были заложены саманом для противопожарной безопасности. Говорил Чернявский о том, как мы ворвались, как вели бой и как нас не поддерживали все другие подразделения. Речь его была сбивчива и чередовалась вопросами: почему? кто виноват? Я доложил о прибытии.

Комиссар спросил, обращаясь ко мне: «Какое оружие имеешь?» Я указал на пистолет, гранату за поясом и противогаз. Он ответил: «Все придется сдать». Я сразу спросил: «На каком основании?» И тут он усмехнулся и, обращаясь к Чернявскому, сказал: «А ты говорил, что Лебединцев боевой командир, а он струхнул, когда я приказал сдать оружие». Какими были плоскими шуточки у нашего начальства!

Далее он пояснил, что из политотдела дивизии позвонили, чтобы двоих отличившихся в сегодняшнем бою направили в Дом отдыха 56-й армии в Ростове-на-Дону. Вот выбор и пал на Ищенко и на меня. Я сразу заметил, что в первую очередь этого достоин Чернявский, но он сказал, что его не примут с осколками в заднице. Это пояснение комиссара прервало, видимо, очень неприятный разговор, который состоялся до меня у Чернявского с командиром полка. Комиссар предложил отдыхать до вечера, а по темноте нас доведут на его персональных санках до политотдела дивизии, где нам вручат направление.

Я подошел к начальнику штаба и, доложив о решении командира полка, просил его согласия оставить временно за меня Телекова Таджимукана. Он согласился и приказал мне подробнее рассказать о том, как проходил наш ночной бой. Я без прикрас все изложил по порядку. По-видимому, первоисточником выше приведенного боевого приказа и послужило боевое донесение капитана Веревкина в штаб дивизии, в котором он изложил то, что услышал от меня, несколько приукрасив события и сильно завысив потери противника. Должен сказать, что после нашего ухода контратакующая группа немцев сожгла оставшиеся строения и больше там не держала боевое охранение, так как эффект его был исчерпан. Невыгодно было и нам держать там свое охранение». [Конец цитаты.]

В описании этого боя у Александра Захаровича есть неувязки, которых в других случаях нет. Он пишет, что они оставили Кучерово, поскольку у них не было пулеметов. Но пулеметы были — трофейные.

И они все умели ими пользоваться. Так что дело не в этом. Думаю, что, захватив Кучерово, они ждали остальные подразделения полка, но те трусливо отсиживались, надеясь, что добросовестные сделают за них всю работу. И добросовестным надоело таскать каштаны из огня за паразитов, в связи с чем Чернявский и дал команду на отход.

А теперь еще один рассказ о добросовестных и паразитах.

Лебединцев: «31 декабря 48-й полк, сменив 42-й полк 180-й дивизии, сбил сопротивление немцев и развил наступление на Вильшанская Новоселица, которой с утра 31-го декабря овладел. Здесь мы встречали наступление Нового, 1944, года. Третьего нового года в моей жизни на войне. Полк — опять громко сказано, так как снова все остатки двух батальонов сведены в один батальон, которым теперь командовал Кошелев. Накануне этот комбат повел свой батальон балкой и внезапно с тыла атаковал населенный пункт Петровка, в котором располагались тыловые обозы противника. Немецкие ездые хотели встречать здесь наступление нового года, поэтому почти в каждой крестьянской хате была установлена елочка, украшенная маленькими флакончиками с выпивкой, шоколадками и другими подарками из фатерланда. Все это досталось нашему батальону в качестве трофеев. Было кое-что и в обозе, поэтому Кошелев пригласил прислать моего писаря на санках, чтобы поделиться с офицерами штаба трофейными деликатесами. Когда писарь Евдокимов вернулся, мы обнаружили в коробках пять бутылок шнапса, плавленые сырки, рыбные консервы, тушенку, даже яблоки и по одному апельсину на каждого. Хозяйка отварила нам рассыпчатого картофеля в мундире и принесла из погреба миску, почти как таз, с солеными огурцами и квашеной капустой. Ровно в полночь немцы «поздравили» нас несколькими залпами из 105-мм орудий. Через час наша артиллерия сделала ответный залп. Орудия находились невдалеке от штаба, и их позиции немцы засекли довольно точно. Мы не успели выпить и по одной рюмке, как с той стороны полетели снаряды по огненным позициям нашей артиллерии, и разрывы оказались совсем рядом, а один снаряд попал в крышу нашего дома и взорвался на чердаке над русской печкой, на которой спал командир химвзвода. От взрыва снаряда сильным ударом бревна прямо в лоб был убит совсем молоденький лейтенант. Конечно же, праздник был испорчен.

Утром 1 января я после завтрака выехал на санках в Петrivку, а там уже находился командир полка, но не в силу необходимости быть ближе к своим подразделениям, а только потому, что в батальоне запахло трофеями, тем более со шнапсом. Чтобы найти командира или штаб во фронтовой полосе, не нужно спрашивать солдат о местах их нахождения, а смотреть, куда ведут провода полевого кабеля. В одной из хат, в чисто прибранной комнате сидела телефонистка Дуся Лурга с телефонной трубкой, подвешенной петлей из тесемки на голове у уха. Она сделала мне знак пальцем у губ, чтобы я без нужды громко не разговаривал, и кивком головы показала, что «сам, ноль перший» находится на русской печке.

В это время зазуммерил телефон, и она вполголоса попросила: «Товарищ ноль перший, визьмить трубку». Оказывается, на печи тоже стоял телефон, и она присоединила перемычку провода к его клемме. Бунтин вальяжно взял трубку, назвал себя по позывному и коду должности. Дуся знала, что в таких случаях штабные офицеры всегда подслушивают разговоры и доклады старших начальников, чтобы быть в курсе полученных и отданных распоряжений, и дала мне отводную трубку. Говорил по телефону начальник штаба дивизии подполковник Хамов П. Ф. — «ноль другой «Бокала», которому было известно о захвате нами Петrivки, он тревожился за ее удержание и просил принять меры к ее обороне на случай контратаки немцев. Бунтин заверил, что все необходимые меры он принял... Внезапно в линию вклинился новый незнакомый голос, который сказал примерно следующее: «Петр Филиппович, если вы хотите, чтобы было все выполнено, о чем вы сказали, то попросите телефониста переключить вас на командира батальона Кошелева и передайте все это ему лично. Тогда будет все сделано непременно. Ведь Бунтин все вам врет, вероятно, с какой-либо печки, ничего лично не наблюдая». Я подумал: не ясновидец ли комдив? Или он понял всю психологию нашего Бунтина, или, имея немалый опыт командования полком, сам поступал не раз подобным образом? Наш отец-командир не вымолвил ни слова, но я подумал, что мне нужно смываться тихо, чтобы он не увидел меня из-за «грубы». Это была моя первая негласная встреча с «новой метлой», то есть новым командиром дивизии». [Конец цитаты.]

В этом эпизоде особо нечего комментировать: все в нем по принципу — кто везет, на том и ездят. Комбат Кошелев,

добросовестный офицер, фактически командовал 48-м полком, ему комдив и указания дает через голову паразита — официального командира полка.

В плане темы о добросовестности хочу привести эпизод из уже упомянутых мной воспоминаний А.В. Невского. К началу войны Александр Васильевич Невский был уже солидным человеком — ему было почти 39 лет. Работал главбухом, а перед войной управляющим конторы, снабжающей лесом Наркомат нефтяной промышленности. Во 2-й стрелковой дивизии он, лейтенант запаса, довольно быстро стал командиром батальона связи. Батальон почти весь состоял из запасников, более того, в неудачном бою погибла часть командиров рот, поэтому на офицерских должностях служили сержанты. В батальоне писалась история, которой А.В. Невский пользовался при написании своих воспоминаний, поэтому они у него при всей их литературной корявости достаточно точны по датам, фамилиям и фактам. А.В. Невский рассказал такой случай, когда он был еще адъютантом старшим (начальником штаба) батальона.

«В июле 1942 года, прибыли два офицера, кавказцы, для прохождения службы: Дзыба Абдулах Кайматович, коммунист, национальность — абазинец (всего один аул), исключительно трудолюбивый, отлично знающий свое дело, впоследствии был нач. штаба 192 обе.

Второй — лейтенант, коммунист Гутиев Хазби Темболатович, был учителем, национальность осетин, тоже отличный специалист.

18 августа 1942 г. отмечался День авиации, по этому случаю из ДОП (Дивизионный обменный пункт — склады дивизии) предупредили, что будет выдано по 100 грамм водки. Чем руководствовались нач. связи дивизии майор Малафеев С.А. и командир 43-го отд. батальона связи капитан Бабаев Г.П.? Они верхом на лошадях поехали на ДОП, встретили подводу батальона связи, на которой везлась водка, остановили, сначала выпили немного, а потом... вообще водка до нас не дошла.

Офицерский состав решил смыть с себя этот позор. Были собраны деньги, и лейтенант Цыганов, сам из города Боровичи, направился на полуторке за водкой, купил ее, и все были удовлетворены, но комиссар Скворцов Н.М. раздул дело, в результате чего Малафеев С.А. и Бабаев Г.П. были отстранены и переведены в другие дивизии.

10 сентября 1942 г. прибыл вновь назначенный начальник связи 2-й стр. дивизии, кадровый офицер, майор Куликов М.С., он так и остался майором до конца войны. Авторитетом, как в штабе дивизии, так в полках у связистов и в батальоне связи, не пользовался, прозвище — «гнусавый».

Завистлив, жаден, подозрителен и труслив. Как-то раз зашел в продуктовый склад, взял у кладовщика Никитина (из Ладоги) банку консервов. Когда Никитин мне доложил, я пошел, чтобы отобрать ее у него, но он уже пожирал, мне пришлось без всяких обвиняков его предупредить, что, если я его еще раз застаю на складе, — пристрелю. Через некоторое время он направил своего заместителя капитана Левченко, тут я вытащил наган и выпроводил гостя. Вот таким языком мне приходилось разговаривать со своим начальством.

Куликов полагал, что повар для меня готовит разносолы, и поэтому питался с кухни батальона связи. Я всю войну питался с общей солдатской кухни. Были дни, когда из продуктов была только соевая мука (американская). Приходит повар Шеметенко В.Н. и говорит, что его солдаты будут ругать — обед никудышный. Иду к кухне снимать пробу, Шеметенко наливает, стоит очередь за обедом, я ем обед с видимым удовольствием со словами «наелся хорошо», солдаты хохочут, да делать нечего, таков выдался денек с обедом.

Майор Куликов однажды собрал нач. связи 13, 200 и 261 сп, 164 ап и меня и объявил нам, что пока он не получит звания подполковника, никто из нас не будет майором, а также не будет и награждения орденами. Он тормозил с награждениями всем и во всем. После войны его, кадрового офицера, демобилизовали, видимо, и в глазах начальства был «хорош». [Конец цитаты.]

Обратите внимание на добросовестность этих бывших бухгалтеров и учителей. Когда паразиты кадровые офицеры сожрали водку всего батальона (около 180 человек), эти офицеры военного времени купили ее за свой счет, чтобы не опозорить перед солдатами высокое звание офицера...

Без чего нет офицера

Напомню, что словарь Даля поясняет, что такое **честь**. Это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Как видите, для сохранности чести нужно иметь очень много качеств, без каждого из которых чести нет.

Качество, противоположное чести, — подлость. Даль, между прочим, в этом смысле подлость поясняет именно так — «бесчестность». Интересно, что в старину слово «подлый» означало «простой». В польском языке оно до сих пор означает это, к примеру, «подлая бумага» — простая бумага, дешевая, невысокого качества. И в старых русских текстах слова «подлый люд» имели в виду не каких-то нехороших людей, а простых людей — не дворян.

Отсюда следовало, что человек с честью дворянином мог и не быть, но дворянина без чести быть не могло. А поскольку дворяне в России до Петра III обязательно были военными или гражданскими офицерами, а первый офицерский чин давал дворянство и простому солдату, то само собой следует, что без чести не может быть и офицера. В широком смысле слова — без чести нельзя служить в армии. Требование чести у офицерства взялось не на ровном месте, чести от офицеров требовала война. Ведь очевидно, что бесчестный офицер будет в мирное время обжираться царя, а во время войны сбежит или сдастся в плен. Тогда на кой черт этот подлец нужен и в армии, и в дворянстве?

Даль в статье «Честь» снова возвращается к этому понятию и подробно объясняет, кто такой **честный человек**. Это тот, «в ком есть честь, достоинство, благородство и правда». Честный человек — это человек «прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу: надежный в слове, кому во всем можно доверять».

Вот мы уже рассмотрели достаточно много эпизодов с делами сослуживцев А.З. Лебединцева. И много ли нам встретилось среди них людей «неуклонных по совести и долгу»? Многим ли из них «можно доверять»? Поэтому эту главу можно было бы проиллюстрировать любым рассказом Александра Захаровича, но я выбрал его рассказ о

разгроме немцами 38 сд у Босовки. Я уже дал из этого рассказа эпизод о панике и о том, как 38-я разбегалась. А теперь о том, что предшествовало этому и что было после.

Лебединцев: «10 января мы выступили на райцентры Ракитно и Тараща Киевской области. Далее держим направление на Звенигородку. 12 января по приказу командира 47-го стрелкового корпуса совершаем марш по маршруту Затонское — Виноград — Шубены — Ставы — Толстые Роги и к исходу дня сосредотачиваемся: наш полк в Софиевке, а 29-й и 343-й си в Ризно. Артиллерия и автотранспорт дальше двигаться не могли из-за отсутствия горючего. Противник обнаружен в райцентре Ласянке — до 15 танков и до пехотного батальона. В Погибляке также пехота и танки. В селах отмечались окопные работы немцев.

13 января наш штаб дивизии написал в своем боевом донесении, что к 20 часам части заняли исходное положение для наступления на рубеже северо-восточнее Босовка. 48-му полку предстояло вести разведку на Франкивку, 29 сп и 343 сп — наступать на Каменный Брод. Дивизии приходилось воевать с фронтом не на запад и юг, как воевали до этого, а наступать в восточном направлении.

Как читатель уже знает, минувший 1943 год для дивизии завершился серьезными потерями и снятием нас с плацдарма на доукомплектование с передачей остатков пехоты в другие части, остававшиеся на плацдарме. Вместо отправки в тыл нас снова бросают в оборону на прикрытие левого фланга 27-й армии совершенно без стрелков. Полки дивизии мобилизуют военнообязанных в окрестных селах и сажают их в оборону. В результате немецкой танковой контратаки на 29-й полк в Жуковцах противник пленил около ста человек, в том числе весь штаб полка во главе с начальником штаба и роту связи. Отстраняется от командования командир дивизии полковник Богданов и назначается командиром полка в другой дивизии. Вступивший в командование нашей дивизией в самый канун Нового года полковник Коротков 27 и 28 декабря послал полки в наступление на совершенно неразведанную оборону противника. Боевые потери были огромными из-за бездарности вышестоящего командования, самого комдива и бестолковых и безынициативных командиров полков. Дальнейшие бои по прорыву промежуточных

рубежей противника кое-чему научили только комбатов, но не командиров полков.

На протяжении двух недель наши командиры не знали, сколько у них людей в наличии, не читали донесений. Вступали в оставляемые противником села, именуя это «захватом и овладением с боем». Это притупило чувство ответственности и контроля за выполнение приказов и привело к тому, что дивизия вышла в Лысянский район совершенно обескровленной. Только 343-й полк имел 457 человек списочного состава, 48-й около 300, а 29-й — 263 человека из положенных по сокращенному штату 1582 человек. Лишь артиллерийский полк из положенных 600 имел 529 человек. Поясню, что при численности триста человек в стрелковом полку можно было не иметь ни одного стрелка, автоматчика и пулеметчика, так как эти триста человек могли быть артиллеристами, минометчиками, связистами, саперами, хозяйственниками, медиками, писарями, поварами и т. д. Кстати, об этом забывали командиры всех рангов, кроме комбатов и командиров рот.

Итак, во второй половине дня 13 января 1944 года полк сосредоточился в селе Босовка Лысянского района, тогда Киевской, а ныне Черкасской области. После обеда последовала команда прибыть в штаб дивизии за получением боевого приказа лично командиру полка или начальнику штаба. Так как оба они «приняли» за обедом, то не осмелились ехать в таком виде и послали меня. Я понимал, что получу за это взбучку от начальника штаба дивизии. Так и получилось. Начальник штаба дивизии подполковник Хамов Петр Филиппович отругал меня за то, что я сослался на «простуду» командира и начальника. Но, тем не менее, под свою роспись я получил боевой приказ на наступление. Прочитав его, я сообщил, что в полку только одна рота из девяти, да и та численностью со стрелковый взвод — не более тридцати человек. Начальник штаба ответил, что и в других полках не больше, а приказ выполнять нужно. «Когда вернешься в полк, непременно сообщи по телефону о прибытии!» — приказал он. Это подтверждение доставки приказа в полк всегда требовалось на всякий случай «для прокурора».

Возвращаясь, в селе Босовка я увидел в одном из дворов Кошелева. Дымила кухня с ужином, и я зашел, чтобы предупредить его о полученном приказе и о том, что завтра с утра полку предстоит

наступать. Весь его «батальон» с минометной ротой, противотанковым взводом, хозвзводом и связистами вместились в одной хате и летней кухне. «Можешь по котелкам пересчитать всю мою численность», — сказал комбат. Я очень хорошо знал Алексея Варламовича, который мог в шутку разыграть Бунтина, Ершова, чтобы они поволновались, но меня он никогда не обманывал, тем более в трудные часы боя. Он пригласил поужинать вместе, но я спешил в штаб, разместившийся на юго-восточной окраине села. Здесь я застал уже спящими командира и начальника штаба и приложил немало усилий, чтобы растолкать их и рассказать о содержании боевого приказа. Оба понимали важность приказа, так как только в редких случаях они сами вызывались в штаб за его получением. По приказу требовалось в течение ночи вести разведку и делать засечку целей. Я хорошо понимал, как измучены солдаты батальона в предшествующих боях и на марше, и предложил направить на исходный рубеж роту автоматчиков, которая являлась последним штатным резервом командира полка. Ею командовал старший лейтенант Ораз Дурды Бердиев, туркмен по национальности, исполнительный и храбрый офицер. Автоматчики тоже не меньше устали, но могли днем отдохнуть. У них тоже из сорока положенных было не более двадцати человек.

Бердиев понимал всю сложность возлагаемой на него задачи. У него не имелось даже пулеметов в роте, и я не мог ничего дать ему для усиления, так как это заняло бы время до утра. Я подчинил ему только двух телефонистов, чтобы они навели ему проводную связь. Вот как я отмечал эти действия в итоговом боевом донесении за тот день накануне Нового года по старому стилю: «В течение ночи в границах полка действовала рота автоматчиков. Выдвинувшись к 20.00 13 января к восточной окраине Франкивка, рота «напоролась» на вражеское боевое охранение, которое, не приняв боя, отошло в населенный пункт. Вскоре гитлеровцы контратаковали роту и оттеснили на пятьсот метров. В течение ночи в этом населенном пункте отмечались пожары, пускались осветительные ракеты. На протяжении всей ночи был слышен гул работающих танковых двигателей, лай собак.

В 6.00 14 января подразделения полка выступили на смену 258-го стрелкового полка 136-й дивизии для занятия исходного рубежа. КП

полка — юго-восточная окраина Босовка. Тылы полка — Шубены Ставы».

В боевом донесении не был отражен один факт, имевший место в ту ночь. Неожиданно появился храбрый капитан, который представился командиром роты штрафников, которая поступала в распоряжение полка. Я очень обрадовался такому неожиданному подкреплению, но капитан попросил не строить особых иллюзий, так как это была рота из «эсэсовцев». Так особисты и юристы называли самострелов-членовредителей, сокращенно «СС», простреливавших себе обычно руку, чтобы попасть в госпиталь. В минувшие годы их иногда расстреливали по приказам командиров свои же товарищи без суда и следствия перед строем. А с 1943 года это делалось решением Военного трибунала дивизии, который определял им расстрел заменой на штрафную роту, в которой они могли искупить свое преступление получением в бою ранения или боевой награды за отличие. А если погибали, то с них судимость снималась посмертно. Командир роты так и сказал, что завтра половина из них будет расстреляна в бою: или за отказ подняться в атаку, или при самовольном отходе — за бегство. Очень неприятно было выслушивать такую откровенную браваду командира роты, которому за один год командования таким подразделением засчитывалось шесть лет выслуги, а нам только три года. Он пытался представиться командиру полка, но тот так и не проснулся, поэтому задачу ему ставил я сам. О ее действиях ни я, ни комбат Кошелев ничего потом так и не узнали.

На рассвете я смог разбудить Бунтина и Ершова. Командир ушел на свой КНП, который выбрал ему начальник разведки капитан Гетманцев примерно в одном километре от штаба прямо на скирде соломы, так как в округе больше не имелось ни одной высоты. По логике вещей мне, не спавшему пару ночей, полагалось бы уснуть. Но я предчувствовал неминуемую беду хотя бы по тому, что у противника появились танки и штурмовые орудия, что всегда предвещало вражеское наступление.

Как оказалось позднее, на той же скирде разместился и командир дивизии полковник Коротков с начальником артиллерии, оператором, разведчиком и начальником связи. Наступал туманный рассвет. Земля была покрыта глубоким снегом, мороз не более десяти градусов. Завтракали с наступлением рассвета. Как только стали видны

окрестности, сначала доносился только шум танковых двигателей, а затем появились и сами танки. Они медленно выползали из многочисленных здесь населенных пунктов и занимали исходное положение для атаки. Сейчас уже невозможно установить, сколько их было развернуто на этом участке. Помню хорошо, что за цепью танков по снегу пробиралась пехотная цепь автоматчиков, а за ними самоходные орудия поддержки танков. Они с места начали бить по нашим полевым орудиям, не окопавшимся за ночь и стоявшим на прямой наводке. Некоторые гаубицы подвозились даже на крестьянских волах, так как не было бензина для тягачей. На орудие имели по пять снарядов. Как можно было ставить задачу на наступление с таким количеством боеприпасов и отсутствием пехоты в частях?

О чем думало командование фронта и армии, ведь и они ничего не знали о готовящемся наступлении противника. Вот как об этих боях пишет в своих воспоминаниях маршал Советского Союза К. С. Москаленко, командовавший в то время 38-й армией: «Всего 14 января в атаках противника принимали участие до десяти пехотных дивизий и свыше 500 вражеских танков». Далее он отмечает, что в этот день 40-я армия севернее Умани отражала удар двух пехотных дивизий и 75 танков. Почти такие же силы (две пехотные дивизии с 50 танками) атаковали 27-ю армию. Наша дивизия чуть не еженедельно переподчинялась этим двум объединениям. Только из этого открытого источника можно узнать о событиях тех трагических дней. Кстати, этот огромный труд создавался на протяжении четырех лет у меня на глазах, так как с «летописцем» маршала полковником Фостом И.Д. я размещался в одном кабинете, когда занимал должность старшего инспектора Главной инспекции МО, которую возглавлял Москаленко. Так что количество танков можно считать от 50 до 75 машин и не менее двух свежих укомплектованных дивизий против наших двух обескровленных. К тому времени в нашей дивизии противотанковый дивизион сдал 45-мм противотанковые пушки на склад, а 57-мм орудия еще не поступили. На полковые 45-мм пушки был текущий комплект снарядов, который они быстро израсходовали.

Много лет спустя после войны бывший майор Петров Василий Иванович, во время боя находившийся при командире дивизии в качестве начальника оперативного отделения штаба дивизии, а теперь

ставший Главнокомандующим Сухопутными войсками в звании маршала Советского Союза, рассказал мне такие подробности того злополучного дня.

На скирду они поднялись с наступлением рассвета и увидели картину развертывания вражеских танков и пехоты. Конечно, о наступлении не могло быть и речи. Но у нас нечем было и отражать атаки танков и самоходных орудий. Комдив по телефону попросил командира корпуса генерал-майора Меркулова С. П. о переподчинении корпусного противотанкового резерва нашей дивизии для отражения танкового удара, но тот ответил: «Еще не начался бой, а ты уже резервы просишь», — и не стал больше говорить.

Командир дивизии понял, что Меркулов может позднее отказаться от своих слов, поэтому приказал Петрову немедленно написать официальную просьбу шифровкой и передать не медля по радио. Подписав эти несколько слов, он тут же отрядил с этой шифровкой начальника разведки майора Чередника в штаб, чтобы он лично присутствовал при передаче ее по радио, и ждал получения «квитанции» о приеме ее корпусным радистом». [Конец цитаты.]

Как происходил разгром дивизии, Александр Захарович описал в главе 10-й своей книги. Я же хочу сказать несколько слов о том, как кадровое офицерство готовило дивизию к этому разгрому.

Думаю, что Александр Захарович тут не вполне искренен, поскольку хочет вызвать у нас жалость ко всей дивизии, дескать, уж очень она была слаба. Ее силы он даст позже, а пока мои недоуменные вопросы.

Дивизия готовилась к наступлению, для чего должна была провести если не артиллерийскую подготовку, то хотя бы налет. А у гаубиц было по пять снарядов. Это как понять? Боекомплект 122-мм гаубиц — 96 выстрелов, из которых 25 % (24 выстрела) — неприкосновенный запас. Почему даже его не было при гаубицах? Или он был, но, бросив гаубицы немцам, начальству «честно» сообщили, что в дивизии, дескать, не было снарядов?

Теперь по поводу жалоб, что в 38 сд в полках было по 30 человек. Это какое-то упорное мнение кадрового офицерства, что в дивизии должны воевать только стрелковые роты, а остальные должны только трофеи делить. А между тем эти остальные тоже считались солдатами

и были вооружены до зубов, в чем вы убедитесь, когда Александр Захарович даст цифры численности и вооружения дивизии.

Как же наша армия могла не терпеть поражения от немцев, у которых все было иначе? В их дивизиях не воевать имел право только пастор. Даже врачи при случае уничтожали наши танки. Расчет 37-мм противотанковой пушки имел в своем составе пулемет и обязан был быть готовым наступать в атакующей цепи (вместе с пушкой, естественно). Дивизионный саперный батальон был ударной атакующей силой, если приходилось взламывать оборону противника, усиленную каменными и бетонными сооружениями. У нас, как вы уже читали, из тыловиков собирали команды под управлением случайных офицеров. А у немцев любой офицер и унтер-офицер обязан был повести в бой свое подразделение. У Гудериана в описании боев по окружению наших войск под Киевом есть строчка, хорошо показывающая, как немцы напрягались в наступлении: «3 сентября я проехал мимо тыловых подразделений, 10-й мотодивизии и участвовавшей в бою хлебопекарной роты к мотоциклетным подразделениям дивизии СС «Рейх», находившимся в районе Авдеевка». Как видите, командир немецкой хлебопекарной роты вел в бой своих пекарей как командир пехотной роты. А у нас кадровое офицерство могло нажраться водки и сообщить командованию, что у него нет «активных штыков» и поэтому воевать должен кто-то другой.

И уж если мы вновь коснулись водки, то я приведу еще один эпизод из воспоминаний командира батальона связи 2 сд А.В. Невского. (Хочу только заметить, что фамилию начштаба Невский безусловно помнил, но не назвал, думаю, потому, что хотел сберечь чувства его родственников.)

«03.09.1943 г. дивизия отдохнула и приступила к занятию участка обороны 65 сд правее дороги Селищи — Спасская Полнь. Селищенские казармы были построены во времена Екатерины II, раньше в них размещались кавалерийские части.

Во время смены дивизий противник внезапно ворвался на наш передний край обороны, заняв 16 дотов. Положение создалось крайне напряженное, поскольку противник теснил нас к реке Волхов.

К месту сражения прибыл командующий 59-й армией Коровников И.Т. и два полка артиллерии РГК (резерва Главного командования), на марше находились еще две резервные стрелковые дивизии, но они

были далеко, за 40 км. Артиллерия помочь нам не могла, так как бой шел в окопах, где перемешались и наши и немцы. В бой были брошены все наличные силы 2-й стр. дивизии и 65-й стр. дивизии: повара, кладовщики и писари, но противник проявлял все нарастающую активность. В резерве стояла снайперская резервная рота в 99 человек, но у командира дивизии она в памяти почему-то тогда не уложилась и была забыта.

В любом бою мозгами должен являться начальник штаба части или соединения, но тут получилось наоборот.

Бывший начальник штаба полковник Крицын выбыл в Академию Генерального штаба 15.08.1943 г., вновь назначенный полковник, фамилии которого не помню, оказался человеком «с чином», но не подходящим для роли начштаба дивизии (10.04.1944 г. снят с должности за трусость). А командир дивизии генерал-майор Лукьянов покрывал его, о чем я не знал. Как только на передовой началось сражение, Лукьянов вызывает меня и ставит задачу, не соответствующую моей должности и званию: «Здесь ты на КП дивизии остаешься старшим, должен все предусмотреть». Я заявил, что здесь имеется начштаба и много майоров, а я капитан, но он сказал: «Выполняй!» Кроме того, Лукьянов сказал, что «твои люди и без тебя хорошо знают свое дело» и ушел на передовую.

Прежде всего, я проверил боевую связь — все оказалось на месте, и связь работала отлично. Затем проверил и оперативную сторону дела, раз оставлен за «старшего»: переговорил с командирами и начальниками штабов полков, с ДОПом, медсанбатом. Враг теснил нас, и я вызвал обоз штаба дивизии для погрузки штабных документов, приказал подготовить верховых лошадей для командования, прошел по штабным землянкам и приказал уложить все бумаги в сундуки и быть готовыми к эвакуации за р. Волхов, но самовольно никто не должен покидать штаб.

Неожиданно вызывает меня начштаба дивизии, я бегу и думаю, наверное, прибыл откуда-то из полков, а возможно, был в штабе армии. Захожу и не верю своим глазам: этот мерзавец сидит голый, в чем мать родила, пьяный до последнего предела и требует с меня выдать ему аттестат, так как он-де получил 5 литров водки на ДОПе и ему нужно отчитаться. (И не подумал, что я за разбазаривание водки пойду под суд военного трибунала!) О сражении у него и в голове

ничего не было. Его ординарец заявил мне, что теперь он свободен, берет винтовку и идет в бой. И ушел... Жаль, что забыл его фамилию.

Так вот причина, почему комдив оставил меня за старшего!

Командир дивизии и оперативный отдел наконец-то вспомнили о снайперской женской роте. Она состояла из 99 человек, по возрасту командир роты, политрук и старшина были женщины, остальные все девушки. Снайперская рота представляла из себя отлично сколоченную боевую единицу. Девушки обладали исключительной выдержкой, хладнокровием, мужеством, великолепно владели оружием, были прекрасно натренированы физически и хорошо обучены снайперскому делу. Эту роту выдвинули на участок, за который командование дивизии больше всего боялось, поскольку с этого направления могли вклиниться в наш тыл фашисты, и для нас этот участок также имел огромное значение, поскольку был весьма удобным для развития успеха.

Только успели маленькие фигурки девушек занять в складках местности свой участок, фашисты, не заметив этой роты, бросили в атаку батальон своих головорезов. На наших маленьких женщин неслась лавина фашистов, ведя плотный огонь. Как впоследствии говорили очевидцы, было страшно смотреть в ожидании, что всех наших женщин сметет этот смерч. Враг был подпущен на 50—100 метров, и началось уничтожение зарвавшихся фашистов, девушки расстреливали их почти в упор, не выпуская зря ни одной пули. Фашистский батальон сначала был парализован, большинство немцев было сразу же уничтожено, оставшиеся побежали обратно, и девушки бросились в контратаку. Уничтожая на бегу минометчиков и пулеметчиков, ворвались на плечах фашистов в их окопы.

Этот подвиг дал возможность нашим бойцам резко изменить обстановку — враг дрогнул, боясь окружения, начал повсеместно очищать наши позиции и даже сдал часть своей обороны. Захвачено было много пленных и оружия.

Женская снайперская рота в этом бою убитыми не потеряла ни одного человека, легко раненых было четыре.

Командующий армией генерал-лейтенант Коровников И.Т. наградил все 99 человек орденами Красной Звезды.

Да, кто только не отличался в боях за нашу Родину, даже те, от кого этого и ожидать было вроде нельзя, а те, от кого мы обязаны были

ожидать это, жрали водку.

Как видите, у 2 сд положение было не лучше, чем у 38 сд под Босовкой, но генерал Лукьянов не удирать бросился, а в полки. Кроме этого, А.В. Невский в своих воспоминаниях несколько раз подчеркивает, что командиры 13-го, 200-го и 261-го стрелковых полков, входивших во 2-ю дивизию, были людьми исключительно храбрыми. Думаю, что именно поэтому и результат был другой». [Конец цитаты.]

После разгрома

Теперь продолжим рассказ А.З. Лебединцева: «На следующий день (15 января 1944 г.) стало известно, что наш командир дивизии арестован прямо в траншее 29-го полка, а начальник штаба в расположении командного пункта, и оба взяты под стражу органами контрразведки «Смерш». В командование дивизией с 18 января был допущен полковник Крымов М. Г. — штатный заместитель комдива. Должность начальника штаба дивизии временно исполнял майор Петров В. И. — начальник оперативного отделения. Началось следствие, как оно проходило и на чем строилось обвинение — никому не известно. Совершенно случайно, видимо, в 1970 году, я рассказал Ивану Дмитриевичу Фосту о той нашей трагедии, так как он работал с архивными материалами именно того периода по 38-й, 27-й и 40-й армиям и Воронежского, а после 1-го Украинского фронта, готовя рукопись маршала Москаленко. В порядке исключения некоторые оперативные документы фронта и армий были у него в сейфе. После прочтения приказов и донесений тех лет он иногда уточнял у меня погоду тех дней, проходимость дорог, делился воспоминаниями маршала о встречах с командующим войсками фронта Ватутиным и представителем Ставки ВГК маршалом Жуковым. В частности, он передал такие детали о маршале Жукове со слов маршала Москаленко, в то время генерал-полковника, командовавшего 40-й, а после 38-й армией.

На командном пункте армии часто бывали вместе Жуков и Ватутин. Нередко Сталин звонил по правительственной закрытой связи и требовал Жукова или Ватутина к телефону. Заслушивал их о положении дел и планах на будущее. Когда положение на фронте бывало успешным, то Жуков во время доклада говорил примерно так: «Вот мы тут с Николаем Федоровичем (Ватутиным) посоветовались и решили сделать так...», всегда подчеркивая коллегиальность принимаемых действий. Но стоило, например, оставить Житомир войсками фронта, как он же в отсутствие Ватутина докладывал Верховному совсем в другом тоне, примерно так: «Я же вам много раз докладывал, что Ватутин со своими двумя академическими дипломами

всегда мнит себя маленьким Наполеончиком и не прислушивается к моим советам, когда я приказываю ему после овладения крупными городами или узлами дорог непременно закреплять завоеванное, а он только вперед и вперед...»

В этот пересказ вполне можно поверить, так как Жуков сам писал о походе, но уже по адресу маршала Конева И. С.: «Начиная с Курской дуги, когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими «героическими» делами при проведении операций, одновременно компрометируя действия своих соседей... Зная мою щепетильность, Сталин при проведении и последующих операций пытался неоднократно натравить меня на Конева, Рокоссовского и других, а их в свою очередь на меня. А. М. Василевскому он наговаривал на меня, а мне на Василевского, но Василевский, весьма порядочный человек, не шел на провокации Сталина. Зачем это нужно было Сталину? Сейчас я думаю, что все это делалось умышленно, с целью разобщения дружного коллектива высшего командования Вооруженных Сил, которого без всяких оснований и только лишь по клеветническим наговорам Берия и Абакумова он стал бояться».

Если читатель сравнит последний довод, опубликованный в газете «Правда» в номере за 20 января 1989 года, с вышеприведенными словами маршала Москаленко в отношении самого Жукова (при его жизни неопубликованными по известным причинам), то получается, что вполне можно верить словам Москаленко, тем более что и Москаленко академий не заканчивал. Скорее всего, Жуков сам боялся стремительного взлета на посту командующего фронтом генштабиста Ватутина, войска которого часто отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего, а о Жукове, как координаторе нескольких фронтов не упоминалось. Честолюбив был маршал Жуков.

Так вот, зная из моих рассказов о нашей трагедии 14 января, Иван Дмитриевич однажды перебрал мне через сдвинутые столы расшифрованную телеграмму, подписанную и написанную собственноручно самим Жуковым в адрес Верховного Главнокомандующего. В ней шла речь о нанесении противником контрудара на нашем направлении и об оставлении в тот день ряда населенных пунктов. Всю вину за тот отход он возложил на командира

нашей дивизии и сообщал, что по делу Короткова ведется следствие и он будет отдан под суд Военного трибунала. Читатель должен знать, что снятие копий с шифровок категорически запрещается, и я не смог переписать этот текст даже в свою рабочую тетрадь с грифом «совершенно секретно». Но эта шифровка есть, хранится в Архиве МО, и ее всегда можно там найти.

Теперь я хотел бы привести рассказ о том злополучном дне маршала Советского Союза Петрова Василия Ивановича, когда он уже был Главнокомандующим Сухопутными войсками. После перехода его на службу в центральный аппарат у меня было несколько встреч с ним по случаю вручения ему приветственных адресов от однополчан — в связи с его 60- и 70-летием — а также в связи с празднованием 30-, 40- и 50-летия Победы. Иные встречи затягивались на пару часов, так как вспомнить нам обоим было о чем. Прежде всего, я спросил его: почему ни в одной из его биографий, опубликованных в исторических справочниках и энциклопедиях, не указано, что он является участником Корсунь-Шевченковской битвы? Улыбнувшись, он ответил, что даже во время учебы в Академии имени М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба он не афишировал свое участие в этой операции. Я деликатно не задал вопрос: «Почему?» — так как сам догадывался, что это связано с разгромом дивизии под Босовкой, карой комдива и серьезным приговором в отношении начальника штаба. Он почувствовал мои сомнения и сказал: «А ведь и мне самому первоначально «пахла вышка». Я спросил: «За что же вам?» — и он так пояснил то, о чем уже частично сказано выше.

Василий Иванович на следствии показал, что по приказанию комдива он написал шифровку командиру корпуса с просьбой переподчинить и выдвинуть корпусной противотанковый резерв в полосу 38-й дивизии, а командир корпуса генерал-майор Меркулов отрицал факт получения такой шифровки. Но когда наличие шифровки подтвердилось показаниями Чередника, радистов и «квитанцией», то корпусной шифровальщик вынужден был в «Смерше» признаться в том, что по приказанию командира корпуса он ее сжег без акта. «После его признания обвинения в мой адрес были сняты». «Вышка» для начальника штаба дивизии была замена на 10 лет лишения свободы с заменой штрафным батальоном, в котором он, в звании ефрейтора, командовал стрелковым отделением, ходил не раз в атаку, имел

контузию и за боевое отличие получил медаль «За отвагу». В связи с этим с него была снята судимость, он был восстановлен в воинском звании и получил новое назначение в штаб 104-го стрелкового корпуса на должность старшего помощника начальника оперативного отдела. Командир корпуса Меркулов к этому времени получил звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра и отделался только понижением в должности до командира дивизии.

14 января 1944 года Петров отходил из Босовки вместе с комдивом. Потом уже в темноте на машине «Виллис» они оказались в районе огневых позиций именно того противотанкового резерва командира корпуса, который не принял участия в отражении танкового удара по нашей дивизии. Полковнику Короткову указали закрытый автотягач, в котором находился командир, и он зашел в него. В автобусе командир ПТ-резерва угостил комдива ужином и дал выпить спиртного. Вышел комдив, покачиваясь на ступеньках, и крикнул: «Почему не цепляете орудия к тягачам?» Подошел капитан, командир батареи, и спросил: «Кто вы такой?», так как на кожаном пальто у Короткова погон не было. Коротков вынул пистолет из кобуры и в упор застрелил капитана. Все произошло мгновенно, и предотвратить несчастье было невозможно.

В этот момент подошла группа разведчиков из дивизионной разведывательной роты. Вот как описывает тот эпизод бывший командир 70-й отдельной разведывательной роты тогда лейтенант, а ныне генерал-полковник в отставке Зайцев Алексей Николаевич на стр. 117 в своей книге «На острие красных стрел»: «Сделав очередной шаг, оступился, и сразу же острая боль прострелила мое тело. Поплыли перед глазами разноцветные круги. Вот-вот потеряю сознание. Оттуда, где стояла группа наших офицеров, донеслись выстрелы, крики, ругань... Неужели снова немцы? Я сделал еще несколько шагов вперед и, когда в моих глазах наконец прояснилось, увидел перед собой чье-то перекошенное злобой лицо. Прямо на меня, в упор, зловеще смотрел черный зрачок дула пистолета. «Вот и все, Алешка... А говорил, что такие, как ты, не умирают... В тот миг, когда грянул выстрел и, казалось, прямо в лицо полыхнуло горячее пламя, я инстинктивно отбросил голову назад так, что шапка слетела. Но не это спасло меня. Майор Петров успел выбить пистолет из руки врага...» Автор не называет имени врага, так как это был выстрел Короткова.

Василий Иванович сказал, что приказал адъютанту связать руки комдиву, но тот сказал, что не следует этого делать. Пистолет забрал адъютант.

Почти все мы, участники этого боя, расцениваем его как разгром дивизии. Да, мы в тот день потеряли почти всю артиллерию (ее материальную часть), ибо не было горючего для тягачей. На первое число каждого месяца в штабе дивизии представлялись сведения о боевом и численном составе. Посмотрим, как это выглядело в числах (первое число дается на 1 января, а в скобках — на 1 февраля). Разница между ними дает потери, преимущественно за тот трагический день.

Офицеров — 628(499), сержантов — 906(528), рядовых — 3338(1988), всего — 4892(3015). Лошадей — 956(757). Винтовок — 3027(1080), станковых пулеметов — 72(22), ручных пулеметов — 284(52), ППШ — 902(374), 120-мм минометов — 18(4), 82-мм минометов — 51(16), 122-мм гаубиц — 12(7), 76-мм орудий — 28(4), 45-мм ПТ орудий — 19(5), автомашин — 55(34). Потери в личном составе могли бы быть еще более значительными, но даже к началу боя стрелковые полки имели стрелков и автоматчиков не более как по 50 человек так называемых «активных штыков». Вот как выглядела численность 29-го стрелкового полка на 14 января 1944 года (первое число — наличие, а в скобках — по сокращенному фронтовому штату): офицеров — 44(159), сержантов — 99(470), рядовых — 292(923), всего — 526(1582). Реально имелся только один 2-й батальон, а в нем одна 4-я стрелковая рота (из девяти по штату полка), численностью 34 человека вместо 82 по штату, минометная рота — 30(42), пулеметная рота — 9(48). На 17 января в полку значилось: $58+50+155=263$ человека, в т. ч. 2-й сб: $9+9+33=51$ человек. 4-я ср: $0+4+13=17$. 20 января передано 343-му полку 7 офицеров, 38 сержантов, 142 рядовых, всего 187 ч. Лошадей — 32, винтовок — 136, ППШ — 28, РП — 3, СП — 1, 120-мм минометов — 6, 82-мм минометов — 5, 76-мм орудий — 2 и в отдельную разведроту переданы 6 человек. Только 10 февраля полки получили пополнения по тысяче человек, и численность 29-го полка на 13 февраля стала $105+612+780=1497$ человек, хотя имели укомплектованными только по два батальона.

Но вернемся в наш родной 48-й стрелковый полк. Вот что я на 18.00 18 января доносил в штаб дивизии из села Скибин:

«Сосредоточилось в полк 292 человека, в том числе офицеров 55, сержантов 82, рядовых 155. Винтовок — 30, ППШ — 22, 76-мм орудий — 1, 82-мм минометов — 1, лошадей — 95, саней — 34. В 3.30 19.1 полк выступил из села Скибин и к 9.00 сосредоточился в районе села Багва, где одной ротой приступил к оборудованию ротного опорного пункта. Но был получен новый приказ: начать передачу личного состава в 343-й стрелковый полк. Всего передано: офицеров — 1, сержантов — 32, рядовых — 70, всего 103 человека. Винтовок — 18, ППШ — 14, РПД — 2, 82-мм минометов — 1, 76-мм пушек — 1. Боеприпасов: 76-мм снарядов — 24, 82-мм мин — 130, винтпатронов — 6 ящиков, патронов ППШ — 3 ящика. После боев в селе Босовка в расположение полка не вернулись командир полка Бунтин, начальник штаба полка Ершов, ПНШ-4 капитан Желтухин с Боевым Знаменем». Донесение подписали врио командира полка капитан Коридзе (командир батальона из резерва) и врио начальника штаба старший лейтенант Лебединцев. Я без восторга стал командиром полка и без сожаления покинул эту должность. Через пару дней нам снова приказано было передать в штаб дивизии шесть сержантов и 24 рядовых, после чего в полку остались 67 офицеров, 40 сержантов и 74 солдата. Почти все они были ездоками. 25 января мы снова совершаем марш по маршруту на Городище, Жашков и сосредотачиваемся в Житники. В этот день в полк прибыл на должность начальника штаба полка майор Свергуненко, но уже на следующий день он был переназначен на 343-й полк, который продолжал вести боевые действия.

18 января на полк был допущен заместитель командира 29-го полка майор Егоров. Вместе с ним приехали: адъютант в капитанском звании, хотя положен был лейтенант, и две девушки, Татьяна Барабаш и Палочка Дуся. Обе они были из Переяслав-Хмельницкого. Одновременно был назначен новый заместитель командира полка по политической части капитан Мищенко. Они сразу нашли между собой контакт, в основном застольный, привлекая старшего оперуполномоченного «Смерш» старшего лейтенанта Буняка и меня. Все они были старше меня и от безделья вечером, после ужина с самогоном, играли в карты. Адъютант был большой специалист по производству самогона и умению его пить. Мне запомнилось до сих пор, как он открывал застолье и пил по-цыгански: опрокидывал в рот

полный стакан, а последним глотком сначала промывал зубы, потом закидывал голову и полоскал горло, после чего проглатывал остатки. Каждый раз это вызывало восхищение у сотрапезников. Я мало пил и всегда оставался объектом постоянных насмешек из-за чрезмерной занятости. Кроме того, Мищенко подавал повод временному командиру к ревности, поскольку обе девицы почему-то прижились при штабе. Дуся была весьма трудолюбивой и постоянно находила работу — стирала белье, приготавливала пищу, а Таня помогала писарю, так как имела незаконченное педагогическое образование. Мы снова каждый день бесцельно переезжаем из одного населенного пункта в другой и наконец прибыли в село Россишки.

День 22 января 1944 года оказался для всего личного состава полка знаменательным. В 16 часов телефонистка Дуся Лурга в окно первой увидела небольшую процессию. Впереди шли Бунтин и Ершов, за ними Кошелев и знаменщик старший сержант Тарасенко Евдоким Пантелеевич. Тарасенко под мышкой нес в чехле Боевое Знамя полка. Наконечник был заткнут у него за голенище валенка, а шнур обернут вокруг талии. За ними шла группа солдат в 14 человек. Первой выбежала встречать рыжая Инка. Она беззастенчиво повисла на Ершове, который даже не знал, как ему быть от проявления такого восторга возлюбленной. Милашка командира полка выразила свои чувства скромнее. Всей гурьбой они вошли в хату, где размещался штаб. Исполнявший обязанности командира полка не вышел на встречу. У них с Бунтиным позднее произошло выяснение отношений по такому поводу. Начальник вещевого снабжения полка у полкового портного шил для прежнего командира китель из английского бостона, а он вполне подошел новому по размеру. Конечно, последний им завладел, и теперь пришлось снимать и возвращать первоначальному владельцу.

Я сразу же вынул полотнище Боевого Знамени и стал осматривать его до мелочей, ибо это входило в круг моих обязанностей. Ничего я там не нашел, кроме большого количества вшей, которые переселились с нижнего белья знаменщика при спасении им знамени на своем теле во время пребывания в окружении. Завшивевшее белье и гимнастерки мы «прожаривали» паром в бучилах, но полотнище могло полинять или потерять цвет. Другого выхода не было, и связистки

раздули угли в паровом утюге, которым принялись выглаживать полотнище и одновременно убивать вшей и гнид.

Начальник штаба Ершов вскоре вернулся в штаб и вел себя довольно лояльно. Уже стемнело, когда в штаб зашел уже в нетрезвом виде «отец-командир». У двери на лавке сидели начальник связи старший лейтенант Осипов, рядом с ним командир роты связи старший лейтенант Перевезинцев, потом телефонистки с телефонными трубками. Офицеры встали. Первый представился Осипов, и Бунтин отвесил ему пощечину. Тот только смог спросить: «За что?» Вторым представился командир роты, и Бунтин бьет его по щеке, приговаривая: «Не ему, а тебе это причиталось. Сам знаешь, за что», — вспомнив что-то, видимо, еще из Босовки.

Потом посмотрел в мою и остальных ПНШ сторону и произнес одно слово: «Самозванцы!» — видимо, имея в виду, что я в его отсутствие несколько дней командовал полком и сделал шаг вперед, машинально подергивая рукой у кобуры. Я тоже расстегнул кобуру. Бунтин мигом повернулся и выбежал из комнаты. Все произошло неожиданно и быстро. После он в штаб не заходил, а донесения на подпись ему теперь носил сам начальник штаба, который переменил ко мне отношение в лучшую сторону». [Конец цитаты.]

Этот эпизод очень ценен тем, что Александр Захарович приводит числа, а числа безапелляционны: можно бесконечно глотку драть о том, что больше — это или то, но достаточно «это» и «то» представить в числах — и спорить становится не о чем. И, как видим, числами можно описать даже моральные категории, в данном случае такую категорию, как офицерская доблесть, без которой нет чести.

Сведем в табличку результаты боя 38 сд под Босовкой.

	Было	Осталось	Потеряно	%
Офицеров	628	499	129	20
Сержантов	906	528	378	42
Рядовых	3338	1988	1350	40
Винтовок	3027	1080	1947	64
Пулеметов	356	74	282	79
Автоматов	902	374	528	58
Минометов	69	20	49	71
122-мм гаубиц	12	7	5	42
76-мм пушек	28	4	24	86
45-мм пушек	19	5	14	74

Александр Захарович уверен что дивизия была разгромлена потому, что у нее в стрелковых подразделениях не было солдат, то есть из-за того, что ее от немцев охраняли не 2000 солдат с винтовками, а всего 200. Вот из-за того, что дивизию охраняли всего 200 солдат с винтовками, дивизия бросила немцам 1947 винтовок, 282 пулемета, 528 автоматов, 92 ствола артиллерии и убежала.

Причем, офицеры, сержанты и солдаты бежали с разной скоростью, поскольку, как видите, минимальные потери понесли офицеры дивизии. Спаслись. Профессионалы!

А теперь офицерская доблесть в числах. Перед боем у Босовки в 29 си было 44 офицера и 391 рядовой и сержант. Через три дня после боя остались 205 рядовых и сержантов, то есть 52 %, а офицеров стало 58 человек, то есть 132 %. Вопрос: куда перед боем спряталась треть офицерского состава, в каких госпиталях она окапывалась, чтобы вернуться в полк только после того, как он был выведен в тыл на переформирование?

Благоприятное влияние отвода полка в тыл на численность офицерского состава хорошо видно и по 48 сп. По состоянию на 18 января в полку были 55 офицеров. Одного офицера передали в 343 сп, а на 21 января численность офицеров в полку составила 67 человек. «Откуда дровишки?»

Интересно и боевое построение офицеров. На 17 января в 29 сп: в полковых тылах — 49 офицеров, в батальоне — 9 и в единственной стрелковой роте — ни одного! Ну как тут не процитировать Некрасова: «Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то...» А ведь то же

самое Лебединцев уже описывал и в других критических ситуациях: вспомните, к примеру, как после авианалета при отступлении со станции Лихая гаубичным полком большой мощности командовала женщина-воентехник, примерно в звании старшего лейтенанта, а ни одного офицера этого полка и близко не было видно. Профессионалы! Умеют прятаться. Прекрасный образец людей, «неуклонных по совести и долгу».

Интересно взаимоотношение и между высшим офицерством — генералитетом. Комдив Коротков если не пропьянствовал, то пробездельничал весь день 13 января вместо того, чтобы организовать бой. Но тоже профессионал: как только увидел, что его абсолютно не подготовленную к бою дивизию атакуют немцы, вместо организации боя стал придумывать, какой бы бумажкой свой зад прикрыть. Посудите сами. Во-первых, в резервном дивизионе 12 орудий, а у него у самого в дивизии противотанковых пушек и орудий, способных бить танки, было 59 единиц. Их почему не расставлял на противотанковых рубежах? Во-вторых, противотанковый дивизион уместно было просить у командира корпуса накануне, когда слышали гул танковых моторов у немцев. А что толку было от этого, находящегося где-то на другом участке дивизиона, если немцы уже пошли в атаку? Тут и авиация не успела бы.

С другой стороны, подлец Коротков на такого же подлеца и нарвался: комкор Меркулов сжег шифровку из 38-й дивизии и объяснял прокурорам, что он-де был «не в курсе дела». Ничего не скажешь — один другого стоят. И что, это те люди, которым, словами Даля, «можно доверять»?

А уж то, как Коротков, нажавшись водки, с пьяных глаз убил артиллериста и чуть не застрелил своего же командира роты разведки, комментировать, видимо, не стоит. Как и эпизод возвращения в полк «отцов-командиров».

Воры в погонах

А теперь, после всего сказанного выше, будет уместно, я полагаю, привести эпизоды о воровстве в офицерской среде, в среде, так сказать, людей чести.

Лебединцев: «Так вот, «вернемся снова к нашим баранам», как говорит британская поговорка, то бишь — к первому вручению орденов и медали «За боевые заслуги» в далеком ноябре 1944 года, приуроченному тогда к очередной годовщине Октября. К нам на курсы «Выстрел» пожаловал не кто иной, как генерал-полковник Голиков Ф. И., бывший тогда заместителем наркома обороны по кадрам. Он же являлся и начальником Главного управления кадров (ГУК НКО). Он был последним предвоенным начальником Главного разведывательного управления, в войну Голиков командовал армейскими и фронтовыми объединениями, правда, не всегда успешно. Он был единственным генералом армии, который, возглавляя с 1958 по 1962 год Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, в 1959 году получил на этой должности маршальское звание. И один из маршалов Советского Союза, прошедший войну и не получивший ни в войну, ни после нее звания Героя Советского Союза.

Церемония вручения наград проходила в клубе. Начальник курсов генерал-лейтенант Смирнов предложил генерал-полковнику раздеться в кабинете начальника клуба. После вручения вернулись в кабинет. Шинели были на месте, а каракулевая генеральская папаха исчезла бесследно. Тщательные поиски результата не дали, пришлось заместителю наркома надеть запасную фуражку начальника курсов и возвращаться в Москву в утепленной машине. На курсы был наложен жесткий карантин. Поиски злополучной папахи начались немедленно. Построили и наш курс. Полковник Титов объявляет: «Носком сапога разбивать под ногами снежный покров и искать головной убор генерала. Пока не отыщем, никаких увольнений». Искали тщательно, всю территорию обшарили, но так и не нашли папаху с красным верхом, хотя в щелях соседнего недостроенного помещения

наковыряли кем-то ранее украденные часы, ордена с медалями и денежные купюры.

Воровство процветало повсюду. Крали даже сапоги и обмундирование. Поэтому на ночь поднимали ножки кроватей и под них подставляли хромовые сапоги, а обмундирование на ночь прятали под подушку. Мой сосед Павел Назаров оставил во время умывания гимнастерку на постели, а после умывания не обнаружил на ней ордена Красной Звезды. Так и сказал: «Где тонко, там и рвется»... Это была его единственная награда, а он знал, что ордена не восстанавливаются. Выручил я его из беды. У одного из последних военнопленных на Днестре был обнаружен наш орден Красной Звезды, который был снят с нашего погибшего на поле боя солдата. Я не успел его переправить кадровым органам, и он сохранился у меня в трофейном портфеле. Временная справка на награду у Павла осталась, но номер знака, конечно, не сходился. Но кто их когда-либо сличал? Единственный раз — после сдачи временных удостоверений и обмена их на Орденские книжки. Но Павел для верности счистил прежний номер оселком, а новый номер, соответствующий записи в удостоверении, выгравировал ему мастер по ремонту орденских знаков при «Военторге». Этот мастер и эмаль заливал на знаки при повреждениях.

...Уезжали мы с Павлом вдвоем с Киевского вокзала до украинской столицы. Потом были пересадки в Стрые и Самборе. Приходилось ехать даже товарным вагоном. Я перемерз в Карпатах, и у меня впервые за всю войну возвратилась малярия с приступами температуры. Хорошую заботу проявлял Паша обо мне в пути. Мы пересекли Карпаты и оказались в городе Мишкольц, откуда нас направили в Будапешт. Комендант направил нас в гостиницу такого же названия. В ней не было постельного белья и даже ковровая обивка с пружинных матрацев была сорвана. Спали мы на обивке из мешковины. Павел рыскал в поисках продпункта, чтобы накормить меня. В столовой кормили хорошо. Здесь в гостинице мне впервые в жизни удалось видеть столичную проститутку, которая провела ночь с нашим капитаном. Он не оплатил ее услуги, и она плакала навзрыд. Видимо, этот клиент еще не имел оккупационных банкнот, и ему нечем было расплатиться по таксе. Впрочем, на выпивку он нашел. А может, он мерил нашими мерками и считал, что это она должна была

ему за это поставить «магарыч»? Пришлось ему объяснять свои мотивы в городской комендатуре.

Через день нас направили в Братиславу, где комендант мог назвать место отдела кадров 2-го Украинского фронта — небольшой сельский населенный пункт, расположенный восточнее города Братиславы. Туда мы прибыли после одной ночевки примерно в такой же гостинице, как «Будапешт».

В отделе кадров фронта нам выдали два ордера на места в гостинице, но Павел уже нашел собутыльников из таких же резервистов и повел меня к ним в одну из деревенских хат. Жителей в таких случаях эвакуировали в другие места, и, зайдя в дом, мы застали нескольких лейтенантов за низким круглым столиком, посредине которого стояла огромная сковородка с большими котлетами. Стоял кувшин с виноградным вином, и нарезан хлеб. Были и вилки. Для знакомства мне налили ковш вина примерно с пол-литра. У меня только что прошел приступ малярии. От огромной температуры у меня была жажда. Я за один раз выпил весь ковш полностью, сам себе удивляясь, и приступил к котлете. Павел был уже навеселе и затеял спор со старшим лейтенантом относительно первенства за столом — тогда мы слова «тамада» не знали. Мой друг встал с намерением уйти, но я еще был голоден. Закончив обед, я почувствовал утомление и сонливость. Павел завел меня в другую комнату и уложил в постель прямо в шинели. Дальнейшего я уже не помнил, так как быстро захмелел.

Проснулся я глубокой ночью. Электрического освещения в доме не было, а на улице было совершенно темно. Рядом спал мой напарник. Я перелез через него, чтобы выйти из дома во двор по нужде, но почему-то не мог найти дверь. Окно чуть-чуть мерцало в темноте. И я открыл створки и вышел, так как строение было таким, что грунт оказался на уровне окна. В темноте я совершил свои дела и, возвращаясь, споткнулся и упал. Подо мной оказался сноп камыша, и я улегся на него досыпать на свежем воздухе. Видимо, на рассвете я проснулся от «шмона», который мне устроил старший лейтенант, вполголоса приговаривавший: «Напился до бесчувствия, как свинья...» Он шарил по моим карманам, а я радовался, что есть такие заботливые люди среди нашего брата-офицера. Я снова уснул, но

вскоре проснулся от утренней прохлады, на рассвете нашел дверь и вернулся на свое место.

Окончательно проснулся, когда вошло солнце. Павел спал в своей шинели цвета хаки из английского сукна и весь был в пуху. Он проснулся тоже и захохотал, так как я тоже был весь в пуху. В темноте мы разорвали наволочку пуховика, и пух теперь летал везде, как снег в сильную пургу. Мы встали и сняли шинели, чтобы отряхивать их от пуха. С моего плеча упал наплечный ремень полевой сумки, которой не оказалось. Более того, карманы моей гимнастерки были вывернуты, и не было ни партийного билета, ни удостоверения личности, как не оказалось и медали «За оборону Кавказа». Оба ордена Отечественной войны были на гимнастерке. Я бегу во двор и нахожу там партбилет, удостоверение личности и предписание у снопа камыша. Вхожу в комнату, где мы ужинали, — там никого нет, кроме спящего на лавке младшего лейтенанта, который был не из той компании. Мой маленький еще с 1937 года чемодан стоит раскрытым, в нем осталась небольшая папка с моими театральными программками. Нет ни писем, ни фотографий, которые собирал в войну, ни облигаций Государственного займа. А самое главное — нет полевой кожаной сумки с десятком немецких, мадьярских, румынских и австрийских орденов и медалей, которые я коллекционировал всю войну. Павел не находит своего огромного чемодана из фанеры, выкрашенного в голубую краску. У Павла в нем лежала булка давно забытого хлеба и пара грязного белья. (Чемодан был закрыт на висячий замочек, ключ от которого он потерял.) Вот так окончилась для нас попойка с совершенно случайными людьми. Смешно и грустно. Видимо, это были тыловые прощелыги, ожидавшие окончания войны во фронтовом тылу после ранения или без должностей, каких в ту пору было немало. Жаль было фотографии и иностранные трофейные ордена, а займы за годы войны все равно сдавали в фонд обороны или восстановления народного хозяйства. Советские кредитки я истратил еще в Москве на театральные билеты». [Конец цитаты.]

О дисциплине и разгильдяйстве

Эпизоды воспоминаний А.З. Лебединцева по этой теме мне близки и понятны. Дело в том, что русские (в широком смысле этого понятия, то есть включая татар, башкир и другие народы) ошибочно считаются христианами, мусульманами и т. д. На самом деле все они язычники и молятся своему самому почитаемому богу по имени Авось. А этот бог нас зачастую сильно подводит, и результаты оказываются трагическими.

Мне как-то приходилось разговаривать на эту тему со старым инспектором Госгортехнадзора — организации, которая в СССР следила за исполнением работниками всех предприятий правил техники безопасности. И этот инспектор рассказал историю о том, как после войны на шахтах Донбасса работали пленные немцы, шахтеры по своей мирной специальности. Им отводились шахты, на которых работали только они, а рядом были шахты, на которых работали только советские шахтеры. На последних был установлен жесткий контроль за исполнением рабочими правил техники безопасности, а на «немецкие» шахты никто не обращал внимания. Тем не менее, на наших шахтах регулярно происходили чрезвычайные происшествия и травмы шахтеров из-за нарушений элементарных правил техники безопасности, а на «немецких» шахтах — ни единого случая. Может быть, это анекдот или басня, но тогда это такая басня, в которую не трудно поверить.

Анализ травматизма на том заводе, на котором я раньше работал, показывает, что 9 из 10 травм, полученные рабочими, они нанесли себе сами, нагло нарушая правила ТБ, которые они, кстати, знали назубок. Порой исполнение этих правил и труда не составляло, а выжившие не могли объяснить причину, почему же они их нарушили. Проклятый бог Авось...

Первый случай разгильдяйства, который я выбрал из воспоминаний Александра Захаровича, на мой взгляд, не нуждается в комментариях, а о привычке А.З. Лебединцева жаловаться на отсутствие пехотинцев я уже писал.

Лебединцев: «Утро 10 марта 1942 года было солнечным. После завтрака разведчики принялись чистить оружие. Я тоже протер канал ствола пистолета и смазал его ружейной смазкой. Командир второй группы разведчиков лейтенант Маркелов ежедневно чистил свой пистолет пулей, то есть выстрелом, преимущественно вверх. Мы вышли на крылечко, он вынул пистолет и, вместо выстрела в небеса, вдруг прицелился по стоявшей в отдалении деревянной уборной, сделал по ней выстрел и... выронил пистолет из рук, так как из дверного проема упал вниз лицом наш политрук на все четыре взвода по фамилии Гора Иван Дмитриевич. Во рту у него была самокрутка под названием «козья ножка», а штаны, как положено, были спущенными. Маркелов сам доложил о происшедшем комиссару полка. Произведено было дознание, но мы все подтвердили неумышленность случившегося. Маркелов был переведен в другой полк, и ему задержали присвоение очередного звания...

В ноябре 1943 года мы держали активную оборону. Почти каждую ночь с нашей стороны действовала разведка. Вот что докладывалось мной в штаб дивизии в боевых донесениях. «В 11 часов 14 ноября до взвода пехоты противника при поддержке трех танков Т-IV из Жуковцы атаковали в направлении Щербанивки. Два танка нами подбиты, нанесли урон пехоте. Противник оставил Жуковцы и отошел на Леоновку. Пленные 10-й танковой дивизии». А в 29 сп все было иначе.

Штаб 29-го стрелкового полка с ротой связи выдвигался в сторону Черняхова и в пургу напоролся на части этой 10-й дивизии. Пехоты в полку совсем не было, и противнику удалось пленить 93 человека. В том числе: начальника штаба полка майора Ростовцева, ПНШ-4 лейтенанта Рупенко, парторга лейтенанта Авраменко, начальника химической службы старшего лейтенанта Бондина, начальника финансового довольствия лейтенанта Попова, заведующего делопроизводством хозчасти Лазаренко, командира взвода пешей разведки младшего лейтенанта Жеребьятьева, командира роты связи старшего лейтенанта Галычина, командиров взводов связи лейтенанта Езуса, младших лейтенантов Ведехина, Крюкова и ветеринарного врача Сергеева.

Тогда об этом нас даже не информировали, и я узнал об этом случае только из архива, где обнаружил вышеприведенный список и

общее количество плененных. Из всего списка на 93 человека после войны отозвались только двое: лейтенант Езус, выживший в плену, и телефонистка Ярцева Маша, бежавшая из плена. Всех плененных немцы отправили в Жашковский район ныне Черкасской области, где содержали на территории сахарного завода под охраной местных полицейских. Под Новый год администрация разрешила жителям принести пленным новогодние подарки. Местные девушки, сняв с себя по одной одежонке, переодели Машу в гражданскую одежду и вывели ее из лагеря.

Потом она встретилась с воинами нашего 343-го полка, державшими в январе в этих местах оборону, и вернулась в свой родной 29-й полк, в котором и воевала телефонисткой до Победы. В своем письме и устно она рассказала мне о пленении и побеге из плена. Этот случай, происшедший при занятии дивизией обороны без пехотных подразделений, вышестоящим начальством был расценен как должностное преступление командира дивизии полковника Богданова, который был отстранен от занимаемой должности и позже понижен в должности до командира полка. А что же командование и штаб 27-й армии? Ведь они должны были знать о боеспособности нашей дивизии и поставленной ей боевой задаче. Этот вопрос до сих пор остается открытым...» [Конец цитаты.]

Я хотел бы к этому отрывку сделать комментарий не по теме. Все эти Солженицины и прочие клеветники СССР настойчиво брешут, что в СССР, дескать, всех наших пленных без разбора объявили шпионами и предателями и отправляли в ГУЛАГ. А Александр Захарович мимоходом рассказывает, как действительно обстояло дело с теми, кто попадал к немцам в плен. М. Ярцеву не только не объявили шпионкой и предательницей, не только не отправили в ГУЛАГ, но и оставили служить связисткой. А к надежности связистов предъявляли очень высокие требования. Чтобы вы поняли, о каких требованиях идет речь, приведу эпизод из воспоминаний А.В. Невского.

«В 81 ск было принято решение перегруппировать дивизии, то есть заменить одну дивизию другой, для этого нашей 2 сд пришлось совершить марш 40–50 км.

Впереди колонны двигался один из полков, за ним шел мой батальон связи. Так как вся дивизия была на конной тяге, то движение

ее было крайне медленным, двигались со скоростью 2–2,5 км в час: то одна лошадка остановится в обозе, то другая.

Такое движение крайне утомляло моих связистов — народ отборный, молодой, здоровый, привыкший бегать, неся на себе кроме оружия еще и катушку с кабелем, т. е. с грузом, превышающим в 2–3 раза вес снаряжения пехотинца. Топографические карты имелись у каждого командира взвода, исключительное большинство солдат и сержантов имело среднее и высшее образование, картой и компасом мог владеть любой солдат.

Люди рвались вперед. Какая была обстановка, нам примерно было известно. Кроме того, мне было известно, где должен был разместиться штаб дивизии и полки. До места назначения оставалось примерно 25 км. Принимая решение обоз оставить в походной колонне, а самому с группой связистов в 50 человек проскочить вперед. Шли мы со скоростью 7 км в час, «как олени», нас никто не подгонял, но было общее желание как следует отдохнуть на месте. Примерно через 15 км показался населенный пункт, были приняты меры предосторожности, и мной выслана разведка, сами мы тоже скрытно продвигались вперед. Через некоторое время разведка донесла, что впереди немцы грузят на три автомашины груз, охрана не замечена. Решаю атаковать деревню с трех сторон, до последнего момента входили в поселок не замеченными противником, автомашины достались нам, убитых немецких офицеров было 2 человека и 10 пленных, небольшая часть все же удрала.

Мы торжествовали — это первая, настоящая, активная боевая задача, выполненная самими связистами. Пленных повели в тыл навстречу дивизии четыре человека, остальные двинулись к намеченной цели. В пути я соображал, кому и какие следует дать награды.

Пришли на место, выставили охрану, рекогносцировали место каждого отдела штаба 2-й стр. дивизии. Приступили к наводке линии связи, а после окончания работы расположились на отдых. Внезапно на автомашинах нагрянуло наше дивизионное начальство, мечет гром и молнии, зело было взбешено, негодовало. Мне было объявлено в присутствии моих людей, что буду отдан под суд Военного трибунала за самоуправство, за превышение власти, за самовольство и т. д. Приказано было срочно представить строевую записку и список

личного состава. Когда комиссия убедилась, что мои люди все налицо и оружие в сохранности, начальство успокоилось.

Причина гнева была вполне понятна: если бы не доставало хотя бы одного связиста, дивизию вновь пришлось бы перебрасывать в другое место. Дело в том, что связисты батальона связи отлично знали дислокацию дивизии, корпуса и частично армии, а, к примеру, командир батальона стрелкового полка в этом отношении имел ограниченные сведения — не больше, как только за свой полк, поэтому, попадись в плен связист батальона связи, он был бы для противника самой ценной находкой.

Мои подчиненные были крайне удручены. Под суд меня не отдали, но в награждениях было отказано». [Конец цитаты.]

Но вернемся к теме. Как явствует из эпизода со снятием с должности командира дивизии, начальство с разгильдяйством пыталось бороться, но безуспешно. Об этом вы узнаете из следующего рассказа Александра Захаровича.

Лебединцев: «20 ноября 3-я стрелковая рота старшего лейтенанта Ахполова вела разведку боем и захватила двух пленных, которые принадлежали 10-й танковой дивизии немцев. 19 декабря полковой разведывательный взвод под командованием старшины Логинова захватил пленного и вернулся в полк без потерь. 22 декабря наша 2-я рота и 1-й батальон 343-го полка вели упорный бой за хутор Макаровский и понесли большие потери. Убиты 78 и ранены 112 человек. 26 декабря части дивизии произвели сдачу и прием новых оборонительных участков.

На следующий день нам пришлось нагонять противника, который отошел на несколько переходов, и я со связистками ехал на одних санях. На обочине стоял «студебеккер» с имуществом штаба дивизии. Сверху восседал бывший наш писарь сержант Родичев. Он окликнул нас, и мне удалось у него выяснить, как «котируются» наши боевые донесения на дивизионном уровне. Он ответил, что несомненно лучше, чем в других полках. Они достовернее, с конкретными примерами и фактами, да и отпечатаны на машинке. Но, к сожалению, их никто не читает, кроме капитана Борисова, который ведет Журнал боевых действий дивизии. Это меня немало удивило, хотя я знал, что редкие донесения из наших батальонов в нашем полку тоже никто, кроме меня, не читает. Через несколько дней это сыграло роковую роль

для нашего командира дивизии полковника Короткова и всей дивизии в целом, разгромленной у Босовки.

Как помнит читатель, командир полка Бунтин, начальник штаба Ершов, комбат Кошелев и 14 солдат 22 января вышли из окружения, и именно в эти дни пришел приказ о присвоении Бунтину звания подполковник. На радостях он немедленно представил к этому званию и начальника штаба Ершова. Этот мой начальник заметно изменил свое отношение ко мне в лучшую сторону. Он стал больше поручений давать другим ПНШ, оставив мне только самые серьезные дела. Главное, что он стал интересоваться, есть ли у меня время на сон. Стояли мы в селе Дзвыняче, и весь офицерский состав был задействован на привлечении местного населения для проведения окопных работ. Я, как всегда в обороне, использовался на рекогносцировке местности, определял место траншей и опорных пунктов в районе обороны полка.

После разгрома в Босовке 14 января, 9 февраля дивизия получила 2392 человека пополнения. Недополучено было до штата 1244 человека. Одновременно получаем вооружение и боеприпасы. В отличие от прежнего местного пополнения, на сей раз получили много из России и преимущественно необстрелянных еще курсантов, прошедших только первоначальное обучение. Видимо, уже сокращалась общая численность курсантов в училищах.

Даже получив пополнение, мы смогли укомплектовать только по два стрелковых батальона. Вооружив новичков, мы начали совершать марш вдоль реки Гнилой Тикич. Проходим на марше райцентры Тетиев и Ставыще, Журавлиху, Затонское и к 22.00 15 февраля сосредоточиваемся на западной окраине села Веселый Кут. На следующий день начали оборудование оборонительного рубежа с привлечением местного населения. В этот же день дивизия была передана в 104-й стрелковый корпус, входивший в состав 40-й армии. Нашему 48-му стрелковому полку было приказано занять рубеж Репки, Погибляк, сменив 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. 18 февраля в 15.30 полк сосредоточился в Репки. Вот как я отмечал это в боевом донесении к 18 часам: «48-й стрелковый полк, согласно распоряжению штаба дивизии, выступил из Репки в Погибляк. К 14.00 1-й и 2-й батальоны заняли исходное положение для наступления на рубеже высоты 238.9 и перешли в наступление на Толстые Роги.

Обеспеченность боеприпасами 0,8 боекомплекта. Горячей пищей полк накормлен только один раз и то без хлеба. Проводная связь в полку отсутствует. Доношу, что начальник штаба полка майор Ершов выехал в одиночку из Репки в Погибляк, куда не прибыл. Пропал в неизвестном направлении. Подписи: Командир полка подполковник Бунтин, за начальника штаба старший лейтенант Лебединцев».

Вот что произошло. Ночью оба батальона были смещены влево, а командный пункт находился в Репках. Приказано было немедленно переместиться в Погибляк. Я поднял после завтрака все подразделения и выстроил их в походную колонну для следования на Погибляк и доложил Ершову о готовности к движению. Сам он находился у своих «персональных» саней, на которых укутывал рыжую Инку его ординарец Елизаркин. Подвели верхового коня Ершову, и он сел на него, одновременно наставляя меня, чтобы я ехал в голове колонны, а он выедет раньше в Погибляк, чтобы к нашему прибытию высвободить хоть одну хату для размещения штаба и собственной персоны.

Я предупредил его, чтобы он взял кого-либо из конных разведчиков, но он не пожелал, сославшись на то, что всего-то расстояние в 3–4 км. Я настаивал, но он только махнул рукой и поехал. При нашем выезде из села подул сильный боковой ветер слева и началась метель. Справа должны были находиться наши оба батальона, в которых мне еще не удалось побывать. Вскоре показались хаты села Погибляк. Нас никто не встречал на окраине, как это всегда делал я, выезжая заранее квартирьером. Развернув командный пункт, я принялся разыскивать начальника штаба, так как подумал о том, что он уже где-то с командиром попивают самогон. Но найти никого не удалось до самого вечера, пока нас самих не разыскал к вечеру Бунтин. Я сообщил ему о пропаже начальника штаба, тем более что Ершов всегда в своем планшете имел последние сведения о боевом и численном составе, последний письменный боевой приказ командира дивизии, наш полковой боевой приказ, топографическую карту и гербовую полковую печать по истинному наименованию. «Никуда он не денется. Полмесяца находился в окружении и не пропал. Придет». Однако вечером я включил пункт о пропаже начштаба в боевом донесении, но Бунтин не стал его подписывать, и я отправил это

донесение только со своей подписью. Прошла ночь, Ершова по-прежнему не было.

19 февраля полк перешел в наступление на Толстые Роги, но был встречен огнем из Винограда, Толстых Рогов и Босовки и понес большие потери. Именно в эту ночь имелись обмороженные и даже замерзшие насмерть, ибо днем шел мокрый снег, а к ночи морозы крепки, и солдатские шинели превращались в панцири. Разрешили на ночь пользоваться для обогрева скирдами соломы в открытом поле, так как не было даже лопат для самоокапывания.

Кажется, на второй день в штаб полка нагрянуло командование дивизии: командир дивизии полковник Крымов, начальник политотдела, начальник особого отдела дивизии. Последовал вопрос к Бунтину: «Где начальник штаба полка? Почему сразу не доложил?» Ответ: «Виноват, не подумал!» Потом спросили: «Кто заместитель начальника штаба?» Я представился. Ко мне тот же вопрос. Я показываю копию боевого донесения. «Почему не подписано командиром полка?» Бунтин снова: «Виноват, исправлюсь». Комдив по телефону спрашивает в штабе дивизии: «Почему не доложили мне боевое донесение полка?» Ответ не был мной услышан. Комдив отстраняет Бунтина от командования полком и вызывает из 343-го полка заместителя командира полка капитана Склимина, чтобы тот вступил во временное командование.

21 февраля полк снова в селе Репки, поддерживает наступление всеми видами огня 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, но безуспешно. Впереди слышны непрерывные раскаты орудийных разрывов, ведь 17 и 18 февраля окруженные под Корсунь-Шевченковским вражеские дивизии делают последние, отчаянные попытки пробиться из окружения. К началу ввода полка в бой мы не были полностью вооружены, а артиллерии и минометов не было вообще. Вот что мы имели на 21 февраля: винтовок — 507, ППШ — 234, станковых пулеметов — 2, ПТР — 3.

Наконец 27 февраля мы вступили в Виноград. Сразу же я со старшим оперуполномоченным «Смерш» занялся поиском дома, в котором был расквартирован штаб противника. Нам его указали местные жители, а хозяйка подтвердила, что немцы приводили майора в «черном кожухе» (только у него одного был черный полушубок), обыскали, сняли орден, смотрели бумаги, потом отправили на Умань в

лагерь военнопленных. В Винограде пришлось мне расстаться вторично и навсегда с бездарнейшим нашим командиром Бунтиным. Что с ним было дальше, никто из однополчан не знает. На прощание его адъютант старшина Борисенко организовал прощальный обед в полку. Хозяйка отварила Бунтину вареники с картофельным пюре и с квашеной капустой. Он пил самогон, закусывая нехитрой закуской, и призвал меня разделить с ним прощальный обед, но я отказался. Он сетовал, что отстранен дважды и не имеет еще ни одной награды (поглаживая на груди знак «Гвардия», который вручался каждому гвардейцу, а он как-никак три месяца слонялся в качестве заместителя командира гвардейского полка).

Я снова, который уже день, тяну ляжку в двух лицах при новом временном командире. И он каждый вечер вызывает к себе писаря Валу «для внесения в книгу его учетных данных», но она всякий раз отбивалась от его домогательств, так как была сильной дивчиной и могла за себя постоять. Добавлю, что, когда Ершов находился в плену, прибыл приказ о присвоении ему звания подполковник и о награждении его орденом Красного Знамени по представлению еще за Днепр. Он с майора до подполковника проходил только полгода, а я полтора года непосредственно пребывая на фронте, никак не представлялся им к званию «капитан», хотя моя должность уже была майорской. Это тоже было...» [Конец цитаты.]

Даже Лебединцев недоумевает по поводу того, что в 38 сд никто из командиров не читал боевых донесений, а мне остается только руками развести: как они вообще могли воевать, если не знали, что происходит в частях и подразделениях?

Наш завод вполне можно было считать дивизией: четыре плавильных цеха, дававших конечную продукцию, — стрелковыми полками; находящиеся в этих цехах 26 плавильных печей — стрелковыми ротами; еще семь вспомогательных цехов — артиллерийскими, инженерными и пр. полками; остальные цеха — отдельными батальонами. Текущее управление заводом осуществлялось так. Три раза в сутки (по окончании смен) сведения о работе всех цехов (боевые донесения) подавались диспетчеру завода. Он их оформлял в сводное по заводу донесение за прошедшие сутки и прошедшую смену. Те образцы донесений, которые готовил Александр Захарович и за которые его хвалили в штабе дивизии, на мой взгляд,

вообще не донесения из-за мизерности дающейся в ней информации. У нас работа каждой печи освещалась каждые 8 часов не менее чем 20 параметрами: выплавка, брак, напряжение на печи, анализы металла и т. д. и т. п. Плюс общие показатели работы плавильных цехов, плюс основные показатели работы вспомогательных цехов, плюс работа снабжения и сбыта. Кроме того, диспетчеру передавалось все, что цеха считали своим долгом доложить. Для оперативной информации не существовало никаких специальных людей, сбор информации и ее обработку вели штатные инженеры — мастера и начальники смен.

Управление заводом велось так. С 8 утра в диспетчерскую заходил главный инженер и начинал просмотр всех донесений за прошедшие сутки и ночную смену. Одновременно сходились и главные специалисты (штаб завода), каждый из которых просматривал донесение и оценивал, как параметры, за которые он отвечает, повлияли на конечные результаты работы завода. Главный энергетик смотрел давление воды на заводе и в городе, температуру воды на отопление, параметры сжатого воздуха и пара и т. д. и т. п., главный электрик — частоту тока, напряжение на подстанциях и т. д., главный механик — наличие аварий, их тяжесть и быстроту устранения, главный технолог — удельный расход электроэнергии... начальник снабжения смотрел остатки материалов и сырья на складах. Другими словами: каждый смотрел то, за что директор будет «снимать с него стружку», поскольку загоралась лампочка, и диспетчер нес журналы директору. В это время всем руководителям цехов и заводоуправления полагалось быть на рабочих местах, поскольку директор, просматривая донесения, мог у каждого запросить по телефону дополнительную информацию. К примеру, мог позвонить в отдел рабочего снабжения и спросить, почему во второй столовой в ночную смену на второе уже четыре дня подают только куриное мясо. В 9 утра к директору сходил штаб — все руководители отделов, — и в течение 10–20 минут директор озадачивал специалистов, что они обязаны сделать, чтобы в текущие сутки завод работал бесперебойно. В ходе дня и директор, и заводоуправление занимались и текущими, и перспективными вопросами, но в 18 часов директор, получив донесение о работе цехов за день, снова созывал штаб и снова возвращался к текущим вопросам. Я думаю, что вот эта **системная** работа по текущему управлению вряд ли занимала у директора больше

часа в день, но как без нее управлять? Как управлять чем-то, если ты понятия не имеешь о том, что происходит в организации, которой ты управляешь?

К примеру, ни в одном из цитированных боевых донесений, написанных Лебединцевым, не указана текущая численность боевых подразделений и редко указано текущее наличие оружия и боеприпасов. А как поставить им боевую задачу без знания этих параметров? И что удивительно — очень часто то какая-нибудь комиссия, приехавшая на завод, то какой-нибудь обкомовский или цэковский умник ставили нам в пример управление в армии! Но читая Лебединцева, ужасаешься: боже мой, какой же там был тупой бардак!!!

Командир дивизии три дня не знал, что пропал начальник штаба полка с его, комдива, боевым приказом и боевым приказом полка! Три дня гнал полки на подготовленный немецкий огонь. Ну что тут скажешь?

О наградах и наказаниях

Вопрос о наградах для солдата достаточно больной, ведь их наличие подтверждает, что данного военнослужащего общество не напрасно кормило и содержало. Но я не могу вспомнить ни страну, ни армию, в которых бы награды более-менее длительный срок давались не лицам, приближенным к начальству, а тем, кто их заслужил. Казалось бы, в немецкой армии, в которой вопрос с наградами был тщательно продуман и тщательно контролировался, несправедливости в награждениях не должно было бы быть, но, повторю, именно немецкий генерал-фельдмаршал П. Гинденбург сказал фразу, которая могла бы стать девизом наградной политики всех государств: **«Ордена дают не там, где их заслуживают, а там, где их дают».**

Лебединцев: «Медальями «За отвагу» и «За боевые заслуги» награждение солдат и сержантов производилось приказом по полку. Медальями и орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени награждал командир дивизии всех, до командира роты включительно. Командир корпуса те же категории военнослужащих имел право награждать дополнительно и орденами Отечественной войны обеих степеней. Командующий армией уже мог своей властью награждать до командира полка включительно в объеме прав командира корпуса и дополнительно орденами Красного Знамени, Славы 2-й степени и Александра Невского, а командующий войсками фронта — до командира дивизии включительно в объеме прав командарма и дополнительно орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 3-й степени. Награждение полководческими орденами второй и первой степени, орденом Ленина и орденом Славы 1-й степени, а также присвоение звания Героя Советского Союза оставалось за Президиумом Верховного Совета СССР. Эти права были предоставлены командирам и командующим 10 ноября 1942 года. В последующем такие же права были предоставлены командующим ВВС, ПВО территории страны, флотов, командующим артиллерией и командующим бронетанковыми и механизированными войсками.

Хотя прошел год после того Указа, но в массовом порядке он начал исполняться только после начала форсирования Днепра, о чем

свидетельствуют наградные материалы в Архиве МО. В подразделениях началось соревнование на как можно большее количество представленных и, конечно, выдумывались критерии мужества и отваги, которые командиру полка просто не представлялось возможным проверить. Очень многие представлялись к ордену Красного Знамени, так как его статут не был четко определен еще со времен Гражданской войны. В статутах последних орденов была сделана попытка в поспешном порядке определить конкретные боевые отличия, но они оказались чисто формальными. Это касалось, прежде всего, орденов Отечественной войны, орденов Славы и полководческих орденов. Но ошибки в статутах были, прямо скажем, абсурдны, к примеру, совершенно не были включены матросы и партизаны в статут ордена Славы, в связи с чем вынуждены были после учредить для них военно-морские медали Нахимова и Ушакова и «Партизану Отечественной войны», которые ни в какое сравнение не шли с орденом Славы по почетности награды.

Статут ордена Отечественной войны разрабатывался для рядового, сержантского состава, командиров подразделений и частей, но в нем совершенно не упоминались офицеры штабов и такие службы, как медицинская, тыловая и боевого обеспечения. Из огромного перечня статей статута этого ордена первое место отведено почему-то ВВС, артиллерии, танковым войскам, инженерным войскам, войскам связи, кавалерии, ВМС. Стрелковым войскам в статуте была отведена всего одна статья по захвату артиллерийской батареи и по действиям разведки, тогда как для ВВС — 22, ВМС — 8, артиллерии — 4, танкистов — 3. Правда, для авиаторов дали статью «Кто организовал четкую и планомерную работу штаба», послужившую лазейкой для офицеров штабов всех видов Вооруженных Сил и родов войск. В результате поспешности составления тыловыми штабами перечней отличий для награждения орденом он выглядит ныне просто смешным и даже безграмотным с точки зрения военной терминологии. Так, одна из статей предусматривала награждение орденом Отечественной войны 2-й степени «За уничтожение танка противника взрывпакетами». Взрывпакетами именуются начиненные дымным охотничьим порохом учебные пакетики для обозначения взрывов на учебных занятиях. Они не причиняют вреда даже человеку, стоящему рядом с его взрывом, а в танке его взрыв даже не услышат.

Да, этот орден был популярен, так как его можно было получить только на войне, а не за выслугу лет, за собственные и государственные юбилеи или победу в соцсоревновании, за что впоследствии вручали ордена Красной Звезды, Красного Знамени и даже орден Ленина. Все ордена по старому законодательству после смерти награжденного подлежали сдаче в Отдел наград Президиума Верховного Совета, а ордена Отечественной войны сразу же оставлялись в семье как память и высылались в войну близким тех, кто им награжден посмертно. Награждение этим орденом могло быть повторяемо и за новые подвиги. Но, конечно, не в таком количестве, как это имело место в ту, пусть даже и самую продолжительную войну.

Мой сослуживец в конце 60-х полковник Мамонов Иван Иванович, 1921 года рождения, в воинских званиях от лейтенанта до капитана сумел стать награжденным: 29.7.43 г. в должности командира батареи орденом Красной Звезды за бои под Белгородом; на Букринском плацдарме получил орден Отечественной войны 1-й степени 23.11.43 г. в должности начальника штаба дивизиона минометного полка танкового корпуса; в 1944 году он не был на фронте, а за четыре месяца 1945 года в должности помощника начальника штаба артиллерии танкового корпуса получил 13.2.45 г. орден Отечественной войны 2-й степени, 10.5.45 г. — 1-й степени; и 31.5.45 г. снова второй степени. Пятый получил к 40-летию Победы. Несколько представлений он писал себе сам своей рукой красивым мелким почерком. Но на этом не окончились его наградные преуспеяния. В 1956 году он 18 и 30 декабря получает два ордена Красной Звезды: один за выслугу 15 лет в ВС, второй — за события в Венгрии, и в 1968 году получил четвертый — за вторжение в Чехословакию. Общий итог к концу службы: пять орденов Отечественной войны, четыре ордена Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги» (за первые десять лет выслуги). Не многим пехотинцам выпадала такая наградная удача, как этому артиллерийскому офицеру, который получил столько орденов за несколько месяцев боев, да и то — в располагавшемся в трех-пяти километрах от переднего края штабе танкового корпуса на должности помощника начальника штаба артиллерии.

Теперь я снова хотел бы вернуться к ордену Славы. Он, как известно, состоит из трех степеней, и награждение им производится

строго по старшинству от младшей третьей степени до второй и первой степени. Третьей степенью могли награждать командиры дивизии и корпуса, второй — командарм и командующий войсками фронта, а первой только Президиум Верховного Совета. По многим льготам в военное и послевоенное время полные кавалеры ордена Славы приравнивались к Героям Советского Союза. Мы же, слепо переняв степени в царской России, не учли того, что тогда солдаты и унтер-офицеры не имели права на получение никаких других орденов, кроме четырех Георгиевских крестов и четырех одноименных медалей. А у нас с 1918 по 1943 год были учреждены ордена Красного Знамени, орден Ленина, орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета» и ордена Отечественной войны двух степеней, которыми в равной степени могли награждаться генералы, офицеры, солдаты, сержанты, старшины и матросы.

В нашем наградном законодательстве было больше исключений из правил, чем исполнения правил. Характерными в этом вопросе являются так называемые «полководческие» ордена: Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова и Нахимова. Начнем хотя бы с того, что в их статутах определено, что ими «награждаются в боях за Родину в Отечественной войне». А между тем, маршал Соколовский В. Д. свой третий по счету орден Кутузова 1-й степени получил 18.12.1956 года, одиннадцать лет спустя после Отечественной войны как начальник Генерального штаба, осуществлявший руководство нашими войсками во время Венгерских событий. К тому времени он уже был единственным генералом армии, получившим три ордена Суворова 1-й степени и два ордена Кутузова 1-й степени. Он так и остался единственным трехкратным кавалером обеих этих высших военных наград. И не только он один получил за те дела полководческие ордена. Маршал Огарков Н. В., будучи начальником Генерального штаба, «не знал», что орденом Суворова награждали только в Отечественную войну, и получил этот орден 1-й степени 4.11.1981 года «за оказание братской помощи в Афганистане». Отечественную войну он закончил в скромной должности дивизионного инженера, которому даже третья степень этого ордена не была положена. Точно так же получил этот орден и бывший первый заместитель министра обороны маршал Соколов С. Л. (6.5.1982 г.). За тот же Афганистан, но оказывая «братскую помощь» в Москве.

Статуты полководческих орденов предполагали награждение ими (например, орден Суворова) за успешно разработанные и проведенные наступательные, а Кутузова — за оборонительные операции. Первыми степенями могли награждаться командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, военно-воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. И снова несуровица, так как минометные части входили в подчинение артиллерийских начальников. Эти начальники могли быть награждены первой степенью этих орденов. Но слишком велик должностной диапазон — от Верховного Главнокомандующего до начальника оперативного отдела армии в полковничьем звании. Конечно же, ни один из полковников не получил эту платиновую награду, да и начальники штабов армий их получали редко. И наоборот, командирам корпусов полагались эти ордена второй степени, но при наличии у некоторых из них двух орденов второй степени при третьем представлении оно исправлялось на первую степень. Было несколько таких случаев.

С учреждением первых трех полководческих орденов совершенно были обойдены руководители партизанского движения в нашей стране, адмиралы и офицеры военно-морских сил, генералы, адмиралы и офицеры партийно-политического аппарата и тыла. Поэтому с учреждением ордена Богдана Хмельницкого эти категории были включены в его статут, хотя я не помню случая, чтобы моряки имели этот орден. Более того, многие руководители партизанского движения получили ордена Суворова и, естественно, Богдана Хмельницкого. Кроме того, третьей степенью ордена Богдана Хмельницкого, в порядке исключения, разрешено было награждать рядовой и сержантский состав армии и даже партизан, о чем все позабыли, а я встречал только одного сержанта, награжденного этим орденом.

В 1944 году и моряки захотели иметь свои ордена Ушакова и Нахимова, а также одноименные медали для матросов и старшин флота. Свои ордена они учредили в двух степенях и решили не указывать должностные категории, подлежащие награждению по степеням. И тут была допущена промашка, так как они совершенно забыли про свою морскую авиацию и не упомянули о ней ни слова в статутах, правда, генерал-полковник авиации Самохин М.И. и генерал-

лейтенант авиации Ермаченков В.В. дважды были удостоены ордена Ушакова 1-й степени.

В статутах полководческих орденов не говорилось о повторном награждении одной и той же степенью, но большое количество маршалов и генералов получили даже по три ордена одной и той же первой степени. Статуты этих орденов не предусматривали награждение ими воинских соединений и частей, а на практике это имело самое широкое распространение, с той только разницей, что повторного награждения не было. Корпуса, дивизии и бригады награждались вторыми, а полки — третьими степенями. Отдельные батальоны и дивизионы, как правило, награждались орденом Александра Невского, как и полки. Первыми степенями ордена Суворова, насколько мне известно, награждены Академия имени М. В. Фрунзе и Академия Генерального штаба». [Конец цитаты.]

За Днепр

Лебединцев продолжает свой рассказ: «Странные дела происходили с нами в те годы. Победы, подвиг, личная инициатива, трофеи и пленные были налицо... и никакой реакции в плане наград со стороны начальства, как будто это происходило повседневно. Но это же не так! Читатель уже видел десятки примеров неумелых действий, трусости командиров, огромнейшие потери, и как же при этом не оценить геройский поступок комбата, ротных командиров, наконец, отличившихся солдат и сержантов? Вот она наша русская черствость, а часто и нежелание, чтобы у комбата оказалось больше наград, чем у самого комполка. Запуганы мы тогда были смертельно. Высшего начальства мы боялись порой больше, чем противника.

После Днепровской эпопеи я должен рассказать о ее прославлении, так как именно с той поры пошли наградные нормы, а это не одно и то же, что обычные награждения. Я уже выше рассказывал, как не дали мне орден Красного Знамени за Васильевку, да не только мне, не наградили и всех остальных участников этого боя. Как совершенно забыли о награждении за ночную атаку под Будакивкой, даже не наградив наиболее отличившихся бойцов и сержантов хотя бы медалями «За отвагу», что можно было сделать приказами по полку. А ведь даже по самому малому счету Ламко за идею и личное руководство прорывом немецкой обороны полагался орден Красного Знамени или Александра Невского.

Но как мог Бунтин подписать представление на орден Красного Знамени на меня, если сам не имел даже медали? Было чуть ли не правилом, чтобы подчиненный «не переплюнул» командира количеством орденов и медалей. Так и лежали представления до той поры, пока сам командир не получит четвертый или пятый орден. В этой связи я спросил Алексея Зайцева, как ему удалось получить шесть орденов, если командир 29-го полка подполковник Исаев Иван Федорович имел всего четыре ордена (два Красного Знамени, Кутузова 3-й степени и орден Отечественной войны) и медаль «За отвагу». Зайцев ответил, что ни командир полка, ни он сам не знали о награждении его вторым орденом Красного Знамени за Днепр вместо

представления на Героя и последнего третьего вместо представления в Венгрии на орден Ленина. Так и проскочило. Узнал о двух орденах при смене временных удостоверений на орденскую книжку после войны.

А на Днепре через пару дней после форсирования поступили устные указания о представлении всех офицеров — участников форсирования — к орденам, а солдат и сержантов — к орденам и медалям. Батальон Ламко, артминбатарей и подразделения боевого обеспечения принялись за описание подвигов.

Оформлением занимались писари и делопроизводители у ПНШ по учету, которые обычно вели списки живых и убитых, совершенно не владея ни военными терминами, ни лексикой, поэтому писали, что на ум взбредет. В саперном батальоне были представлены четыре человека — командир роты и три сапера — к званию Героя Советского Союза. Фантазия писаря дошла только до того, что он сумел, не повторяясь, записать в качестве подвига затыкание пробоин в лодках: у одного — портянками; у другого — бельем; а у третьего — обмундированием, и приписал всем фантастическое количество перевезенного через Днепр личного состава, вооружения, боеприпасов и воинских грузов. Дальше фантазия писарей не пошла, а командирам, подписывавшим эти представления, не было времени уточнять и тем более корректировать или исправлять их, так как некоторые командиры не могли сами написать донесения или расписки, а то и письма близким, поручая это писарям. С мая 1943 года и по февраль 1944 года я нашел в архивах только одну записку из трех строк, написанную собственноручно начальником штаба полка майором Ершовым, и ни слова, написанного всеми командирами нашего полка. Даже нет исправлений их рукой. В минуты затишья на переднем крае Кузминов обычно брал папку с представлениями, читал фамилию, смотрел, на какой орден воин представлялся, держал совет с начальником артиллерии, решал: «Дадим!» — и ставил свою подпись после согласия майора Бикетова. Однажды, когда нас вывели на сутки для получения пополнения, Кузминов оказался в штабе дивизии, а там был получен приказ о том, что на дивизию выделена наградная норма на Героев Советского Союза в количестве 50 человек. Комдив решил в стрелковых полках сделать по десять Героев, а остальные 20 отдать саперам, артиллеристам, связистам, противотанкистам и другим службам. Во время одной из послевоенных встреч однополчан в

Григоровке бывший командир штабного взвода связи Бережной рассказал мне, что, когда Кузминов и Бикетов вернулись после двухсуточной отлучки из полка во время наступления немцев на плацдарм, их вызвал командир дивизии полковник Богданов на свой КНП на берегу реки и спросил, где они были. Кузминов сказал, что искали связь с соседом. Тогда комдив нанес ему пощечину, сказав при этом: «А как же с вызовом огня на себя? Искупить кровью!» Вот вскоре после этого и поступила команда от командира дивизии тому же Кузминову готовить в полку представления на десять человек к высшей степени боевого отличия — званию Героя Советского Союза.

Принялись делить награды на «военном совете» полка, состоявшем из командира, замполита, начальника штаба и начальника артиллерии. Присутствовал и я во время этого разговора. Сидят командиры и смотрят друг на друга. В это время никто из офицеров штаба еще не был представлен даже к обычным орденам. Молчание затягивалось, и я сказал: «Что тут гадать, представлять надо Ламко, Чирву, Зайцева, командира роты лейтенанта Мехеева М.В. и представленных из батальона: младшего лейтенанта Жуйкова Ф. И., вступившего в командование батальоном адъютанта старшего Николенко В. А.; командира пулеметного расчета старшину Телефанова; пулеметчика Карпенко; командира батареи 76- мм орудий старшего лейтенанта Косенкова и командира орудия старшину Осина». Все сразу согласились, хотя Николенко написал представление сам на себя и у него в нем ничего не соответствовало статуту ГСС. После этого я позвонил в штаб дивизии и просил начальника связи дивизии оформить представление на Героя нашему начальнику направления телефонной связи младшему лейтенанту Оленичу И.И. Он обещал сделать.

На следующий день снова был бой. Потом наступило затишье, и начальник финансового довольствия лейтенант Лебанидзе Н. С., исполнявший обязанности ПНШ-4, доложил на подпись на КНП Кузминову наградные листы. Командир полка и начальник артиллерии находились в надежном укрытии, которое было открыто в скате оврага под корнями груши-дички способом выемки грунта через узкую горловину. Там, в полутьме «берлоги», при свете «каганца» он не разобрался, на что именно представляют меня. Лебанидзе сказал, что на звание «капитан». «Давно нужно было сделать. А почему ни на

него, ни на других офицеров штаба нет наградных листов до сих пор?» — спросил он. «Начальник штаба такого приказа не отдавал. Возможно, он ждет, пока вы назовете, на какой орден его самого представить». «Напиши на него — на орден Красного Знамени, а на помощников пусть он сам предлагает», — ответил командир.

Возвращались мы вместе, так как командир одновременно подписал и боевое донесение. На командном пункте начфин вполголоса передал начальнику штаба распоряжение Кузмина и спросил: «На какие ордена оформлять помощников?» Ершов ответил: «Пиши всем на «Звездочку». Может быть впервые за всю войну мне стало ужасно обидно за такого начальника. Ведь он же знал, что даже все комсорги, пропагандист и посыльные представлялись к орденам Красного Знамени, Отечественной войны, а он оценил наши дела ниже, чем я оценил дела посыльных.

Примерно через неделю я докладывал по телефону обстановку на переднем крае начальнику оперативного отделения штаба дивизии майору Петрову В. И., моему непосредственному «патрону» в вышестоящем штабе. В конце он поздравил меня с орденом Отечественной войны 2-й степени, которым был награжден и он сам, и некоторые наши офицеры, тоже представлявшиеся на Красную Звезду. В этом же приказе вместо Героя получали такой же орден Николенко и Осин. А Жуйков, Зайцев, Карпенко, Косенков и Ламко награждались орденами Красного Знамени. Во всей дивизии вместо разнарядки в 50 человек Геройство получили только 16, а все остальные получили ордена Красного Знамени или даже ордена Отечественной войны 2-й степени. А произошло вот что.

Первоначально 22 и 23 сентября форсировали Днепр в его большой излучине соединения 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий. Это был первый на этой реке плацдарм, названный, как и два населенных пункта — Большой и Малый Букрин, — «Букринским». В 40-й армии две дивизии форсировали Днепр в районе Ходоров (253 и 337 сд), 161-я в районе Зарубинцы и наша, 38-я, в районе Григоровки. Мотострелковые части 3-й гвардейской армии высаживались только в двух последних населенных пунктах, и произошло невольное перемешивание боевых порядков. После первого, самого значительного, контрудара противника 29 сентября на плацдарм был введен второй эшелон Воронежского фронта — 27-я

армия под командованием генерал-лейтенанта Трофименко. Ее соединения в самом форсировании участия не принимали, а переправлялись по наплавному мосту и на паромов уже без воздействия огня противника. Поэтому в первоначальную разнарядку на Геройские звания они не вошли. Эта армия вводилась в центре оперативного построения и отрезала 38-ю дивизию на самом левом фланге плацдарма от главных сил 40-й армии. В связи с этим наша дивизия была переподчинена 27-й армии. Такое происходило часто.

Оформили представления на 50 человек к званию Героя по распоряжению командующего 40-й армии генерал-полковника Москаленко К.С., а представлять их в Верховный Совет пришлось уже через командующего и штаб 27-й армии, на которую разнарядка на Героев, естественно, не выделялась, а соблазн был велик. Вот и решил командарм Трофименко за счет нашего лимита прославить и своих людей, тем более что и у него многие отличились, но уже не за форсирование, а за бои по расширению плацдарма. Сейчас очень трудно подсчитать, сколько получено Героев в 27-й армии, но они безусловно есть, в том числе и за счет Героев нашей дивизии.

В 1943 году оформление на героизм и ордена производилось по такой схеме. Описание подвига делалось очевидцами, то есть самими командирами рот (батареи) и батальонов. В полках их оформляли на бланках и за подписью командира полка, потом пересылали в дивизию. В отделении кадров дивизии представления рассматривались, и происходило награждение в объеме прав, предоставленных командиру дивизии, то есть он награждал до командира роты и ему равных до ордена Красной Звезды и ордена Славы 3-й степени. Комдив имел право снизить уровень награды, например, с представленных на орден Красного Знамени или на орден Отечественной войны и своей властью наградить офицера орденом Красной Звезды или даже медалью «За отвагу», ибо командир полка мог награждать медалями только рядовых и сержантов. Приказом командира дивизии награждались медалями также рядовые и сержанты саперного батальона, противотанкового дивизиона, батальона связи и разведроты, командирам которых такое право не предоставлялось. На все вышестоящие ордена и Геройство командир дивизии должен был давать либо свое согласие, либо изменить орден или степень ордена и отправить выше по команде. В армии и на фронте рассматривались все представления и делались

заклучения двумя лицами — командующим и Членом Военного Совета. Они или давали свое согласие, или понижали, а иной раз даже повышали статут награды, как в случае со мной, капитаном Лукяновым и старшим лейтенантом Кошелевым, представленными к орденам Красной Звезды в полку, а командарм дал нам орден Отечественной войны 2-й степени. Я встречал одно представление, когда командир 12-го гвардейского танкового корпуса представил командира 66-й танковой бригады полковника Павлушко А. Т. к ордену Красного Знамени, командующий 2-й танковой армией согласился, а командующий БТ и МВ 1-го БФ генерал-лейтенант танковых войск Орел принял решение о присвоении ему звания Героя Советского Союза, и Верховный Совет согласился с последней инстанцией. Встречал еще и такой случай, касающийся моего земляка и троюродного дяди по линии матери Панченко Дмитрия Ивановича, который командуя взводом автоматчиков в звании старшины, форсировал Днепр, затем трижды отличился в бою, захватив в плен 17 немцев, и был представлен к ордену Ленина, но во фронте повышен в статуте награды и посмертно получил звание Героя. Однако чаще всего награды понижались, как выше показано на примере нашего 48-го полка. Только командир полка майор Кузминов М. Я., начальник артиллерии майор Бикетов И. В. и командир роты лейтенант Михеев М. В. получили высшую степень отличия. Шесть человек были награждены командармом орденами Красного Знамени, а два — орденами Отечественной войны 2-й степени. Об остальных полках данных я не искал, так как в архивах нет сопроводительных документов, где бы указывались хотя бы фамилии представленных или фамилии награжденных. В дивизии и полки возвращались только выписки из приказов на награжденных тем или иным орденом или медалью в алфавитном порядке по каждой награде, с указанием воинского звания и должности награжденного.

Как помните, в списке представленных к Герою был полковой инженер лейтенант Чирва Ф.Т., но его не оказалось ни в списке Героев, ни в списке, награжденных орденами, хотя представление на него я писал сам лично, и оно было подписано Кузминовым. Именно он и комбат Ламко Т. Ф. были первыми названы кандидатами на звание Героя Советского Союза от полка. Но последний получил хотя бы орден Красного Знамени вместо Героя, а про Федю Чирву мне позднее

стало известно, что майор Ершов В. В. вообще его представление не отправил, тайно уничтожив его по той причине, что они с Чирвой не могли «поделить» стряпуху Петровну из комендантского взвода. Ершов это сумел сделать, так как при отправлении наградных листов препроводительные документы не писались.

Для характеристики подвигов героизма и мужества в представлениях перечислялись отличия на поле боя, которые далеко не всегда предусматривались статутами, особенно если количество награждаемых назначалось по разнарядке, да еще и с указаниями, как и сколько подбирать награждаемых по национальностям, по служебным категориям, по военным профессиям, по партийности и т. д. и т. и. Так, например, на дивизию планировался один командир полка, и им стал майор Кузминов М.Я., поскольку благодаря Чирве наш полк первым форсировал Днепр. Но во время контрудара немцев 29 сентября он, как я уже рассказывал, вместе с начальником артиллерии майором Бикетовым вызвали огонь на себя, а сами ушли в тыл к соседям и двое суток о себе не давали знать. Повторю, что после того, как они все же вернулись, командир дивизии наградил Кузминова пощечиной и сказал: «А как же с вызовом артогня на себя? Смыть кровью!» Так, что от штрафного батальона до звания Героя был один шаг. А так как наш полк и сам командир переправились на сутки раньше других частей на правый берег, то Кузминов только один и подходил в кандидаты на Героя.

Из 16 Героев Советского Союза, получивших эту высшую степень отличия в дивизии, 11 человек получили ее как первичную боевую награду и только потому, что дали нам ее по разнарядке. Это у летчиков, прежде чем получить Звезду Героя за каждые десятки сбитых самолетов или вылетов на бомбежку или разведку, получают поочередно ордена различной значимости, а потом уже дотягивают до Геройства, если, конечно, остаются живыми. А в пехоте совсем по-другому. Только Кузминов и Бикетов еще в 1942 году получили ордена Красного Знамени, Медин и Шмаровоз до форсирования имели по ордену Красной Звезды, а Оленич медаль «За отвагу».

Но этот рассказ был бы не полным, если бы я не назвал другую деталь. Ведь разнарядка на Героев пришла неделю спустя после того, как все участники форсирования были представлены к орденам и медалям в общем порядке. Меня это заинтересовало. Я выяснил по

учетным документам, что командир роты Михеев был представлен и получил позднее орден Красного Знамени от 3.11.43 г.; саперы Куницын, Журба и артиллерист Калугин представлялись и были награждены орденами Красной Звезды от 7 и 18.10.43 г., связист Гаврилов и стрелок Соколов в октябре были награждены медалями «За отвагу», а автоматчик Обуховский даже медалью «За боевые заслуги». Конечно, подвиг можно повторить даже в один и тот же день, но в данном случае представление происходило именно за один и тот же подвиг. Большинство из них в первый же день были ранены, но до наступления темноты не могли быть эвакуированы в тыловые госпитали, поскольку от авиабомб, снарядов и мин кипела вода в Днепре, и они вынужденно ожидали ночь, чтобы переправиться на левый берег. А им записали в представлении: «Получив ранение, не покинул поле боя». Эта фраза и явилась решающей для получения Геройства. Вот так и получили они одновременно Звезду Героя и солдатскую медаль за одно и то же.

Теперь представьте себе, читатель, разницу между Звездой Героя с орденом Ленина почему-то в придачу и медалью «За боевые заслуги», которые в данном случае оценивались одинаково. Наш рассказ о Героях был бы неполным, если бы я не рассказал о дальнейшей их судьбе.

До конца войны в дивизии остались только три Героя: Михеев из 48-го полка, награжденный за Днепр еще и орденом Красного Знамени, а также двумя орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней уже после, в 1944 году. В мирное время он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Октябрьской Революции. Наводчик орудия из артполка был награжден орденом Славы 3-й степени, а Зыков орденом Отечественной войны. Все остальные Герои после госпиталей не вернулись в наш полк и даже не делали попыток его разыскать или вести переписку...

Я знал, что ПНШ-4 получил несколько знаков ордена Отечественной войны, и посоветовал Кошелеву поехать и получить знак ордена в штабе полка, а я останусь на «хозяйстве» в батальоне как дублер. Он уехал и вернулся через несколько часов. Повар и хозяйка хаты сотворили на обед закуску в виде вареного картофеля, квашеной капусты и сала. Разлили в кружки разведенный спирт, опустили в

кружку Кошелева знак и заставили его выпить, после чего он привернул орден к гимнастерке.

Таким был негласный фронтовой церемониал посвящения «в рыцари» при получении всех получаемых орденских знаков и медалей. Комбат сказал, что меня ждут в штабе, так как такой же знак предназначался и мне. Я не ожидал, что мое появление в штабе для получения награды вызовет единодушную радость связисток и посыльных штаба, не говоря уже о моем писаре Евдокимове. Мой начальник Ершов ожидал от меня доклада, но я не стал его делать, и разговаривал с писарем. Тогда он сам позвал меня к себе. Я зашел молча и встал у раскрытой двери. Найдя мое временное удостоверение, отпечатанное на оберточной бумаге, он вместе со знаком в коробочке сунул его мне в руку и вместо поздравления проворчал что-то о долге и выдержанности. Я сказал, что такое при вручении боевых наград не говорят, так как это не партийное собрание, и вышел. Знаки этого ордена впервые вручались в полку, и всем интересно было подержать их в руках. За ужином комендант штаба поднес мне не самогонку, а стакан разведенного спирта, и со мной проделали то же, что с Кошелевым во время обеда.

В других странах вручение боевых орденов производится обычно по такому ритуалу. Награжденный становится на одно колено перед начальником, который поочередно прикасается клинком шпаги к одному и другому плечу кавалера. Потом он поднимается, и ему крепится знак в зависимости от степени: кавалерский — на грудь с помощью шпильки, командорский на нашейной ленте — на середину груди, а высшей степени — на широкой ленте через плечо, с креплением на грудь звезды сего ордена, тоже на шпильке. Только в нашей стране да у монголов было введено крепление с помощью винта и гайки. Это, конечно, надежнее, но портит ткань кителя...

В канун октябрьских праздников 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении офицеров и сверхсрочнослужащих армии и флота орденами и медалями. За 10 календарных лет выслуги полагалась медаль «За боевые заслуги», за 15 — орден Красной Звезды, за 20 — орден Красного Знамени, за 25 — орден Ленина и за 30 и более лет — повторно орденом Красного Знамени. Мотивировка этого нововведения не объяснялась, но среди фронтовиков появилось недовольство, так как некоторые фронтовики

были по несколько раз ранены, но в связи с эвакуацией в госпитали и перемещениями в разные части так и не награждены. Не награжденными оказались и оперативные работники органов контрразведки «Смерш», так как командиру полка они не подчинялись, а начальники отделов «Смерш» не имели полномочий представлять их к наградам так же, как и штатных командиров штрафных рот и батальонов. Много тогда вскрывалось несуразиц в нашем наградном деле. В данном случае награждением за выслугу лет решили как бы расплатиться с престарелыми преподавателями военно-учебных заведений «за долголетнюю и безупречную службу». Вскоре эти привилегии схлопотали себе в равной мере и внутренние войска и, само собой разумеется, Министерство государственной безопасности.

Начали получать ордена Красного Знамени и орден Ленина и регулировщик, простоявший с жезлом на перекрестке, и пожарные, наблюдавшие на вышках, и паспортисты. Короче, все, кто носил звездочку или кокарду на форменной фуражке. А за ними сразу после войны — все правоведаы, учителя, врачи. Да и не только они. За ними выхлопотали себе ордена за выслугу работники угольной и сланцевой промышленности, буровые и горные мастера, работники черной и цветной металлургии, химической промышленности, геодезии и картографии, министерства заготовок, рыбной промышленности, железнодорожного транспорта, судостроительной промышленности, и завершился этот беспредел работниками Гознака. Как же, они сами ковали ордена и медали, печатали орденские книжки, а не получали их за выслугу лет. Замыкали эту компанию работники сельского хозяйства, включая все его отрасли, причем не только полеводство и животноводство, но и такие редчайшие, как выведение эвкалипта, джута, канатника, кенафа, кендыря, тутового шелкопряда, и заканчивался список коневодством. Все эти указы были приняты в 1948 и 1949 годах. Награждение военнослужащих всех видов ВС за выслугу лет было отменено Указом ПВС от 14 сентября 1957 года, а всех остальных тружеников предприятий и полей — 11 февраля 1958 года. Последние получали ордена «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, соответственно, вместо Красной Звезды и Красного Знамени и потом орден Ленина, но с выслугой в 30 лет.

Все, кто имели на груди юбилейную медаль 20 лет РККА, получали после 3.11.1944 года ордена Красного Знамени, через четыре

месяца — после 23.2.1945 года — ордена Ленина, после 24.7.1948 года повторно ордена Красного Знамени за 30 лет выслуги и более. Получали не только маршалы, генералы, но и сверхсрочники старшины и сержанты. Сейчас об этом огульном награждении почти не упоминают в печати.

Читатель вправе спросить, откуда берет начало эта «мода» награждения за выслугу лет? В русской армии в одно время существовал порядок награждения знаками беспорочной службы в виде венка из дубовых листьев и внутри него с латинскими цифрами, означавшими выслугу 15, 20, 40, 50 и 60 лет. Эти знаки накладывались военным на георгиевскую, а гражданским чиновникам на ленту ордена Св. Владимира. Крепились они на груди. Кроме того, в разное время все офицеры награждались орденом Св. Владимира 4-й степени при выслуге 25-летнего срока, а гражданские чины — 35-летней службы на должностях. Потом и военным чинам подняли выслугу до 35 лет. Эти знаки ордена Св. Владимира отличались от обычных знаков тем, что на горизонтальных углах креста были цифры «25 лет» и «35 лет» и «18 кам.» и «20 кам.» (кампаний) для моряков. Кроме того, устанавливались наградные ежегодные нормы: один офицер от 10 — для строевых и один от 15 — для нестроевых офицеров, которые показали похвальные результаты на трех итоговых проверках. Но огульного награждения никогда не устанавливалось. Это наша советская выдумка. Недаром была в моде такая фраза: «И на груди его широкой сияет орден одиноко, и тот за выслугу летов...»

Указ о награждении за безупречную службу, помню, был от 4 июня 1944 года, а я получил выписку из приказа о присвоении мне воинского звания «капитан» от 10 мая 1944 года и от 29 мая — о награждении меня орденом Отечественной войны 1-й степени. В отделе кадров курсов «Выстрел», на которых я в то время учился, мне объявили, что нужно сдать временное удостоверение в отдел кадров Московского военного округа, где мне выдадут знак ордена. Меня отпустили в рабочий день, и я отвез свое временное удостоверение.

Там же назвали день получения ордена, и я прибыл в назначенные часы. Собралось нас человек двадцать. Все, кроме меня, получали награды «за выслугу летов». Каждому из них генерал-майор, член Военного совета, вручал орден в красной коробочке, в которой, кроме самого знака ордена, была Орденская книжка и талоны на получение

ежемесячного вознаграждения (по 15 или 20 рублей), а также требования на бесплатный проезд в мягком вагоне в оба конца по железной дороге один раз в год. Я хорошо запомнил, что ни один из кавалеров не имел фронтовых наград, и они радовались первому полученному ордену. Когда дошла очередь до меня, то генерал повертел в руках маленькую, как спичечный коробок, коробочку и потертое временное удостоверение с фронта, что-то шепнул распорядителю, тот шепотом ему что-то ответил, и генерал вручил мне с поздравлением золотой знак ордена первой степени.

Вместо положенного в таких случаях «Служу Советскому Союзу» я ответил вопросом: «А что, товарищ генерал, ваши кадровики испугались, что мне снова на фронт, а там ни коробка, ни билеты, ни купоны на орденскую выплату не потребуются — ведь могут убить, и все пропадет?». Генерал не сделал мне замечания за грубую выходку, а только сказал, что виновные за это понесут суровое наказание. «Вы их просто пошлите на фронт и не в отделы кадров, а в пехоту. Они быстро поумнеют», — посоветовал я. Как я на это отважился, трудно сказать. Но я высказал это, хотя и чувствовал опасность. Таких удач у меня было не больше, чем пальцев на одной руке за всю мою 81-летнюю жизнь...

С иностранными наградами дело выглядело так. Кроме командармов и командиров корпусов, обмен визитами с американцами был разрешен и командирам дивизий. Наш комдив полковник Дерзиян на первой из встреч с американским командиром дивизии наградил того орденом Красной Звезды, а тот его и командиров полков — орденами «Легион Почета» кавалерской (офицерской) степени. Попойка была большой и длительной на спор: кто кого перепьет, которую выиграл командир нашего полка Макаль, поспорив на автомобиль. Американцы всегда держали свое слово и передали автомобиль «бьюик» победителю в соревновании. (Потом, Макаль по пьянке выменял за свой гвардейский знак еще и джип, который у него все же изъяли за то, что не положен по штату.) А комдив Дерзиян, сняв полученную награду, поехал еще к одному американскому комдиву и с ним снова совершил обмен орденами. Поехал и в третий раз, но теперь он не снял орден «Легион Почета», и для разнообразия его пожаловали орденом «Бронзовая Звезда». Мне кажется, что советских орденов у него было меньше, чем американских, хотя у

американцев нет моды повторно награждать одним орденом одной и той же степени. «Но нам, армянам, закон не писан»... После того я имел с ним несколько встреч, так как он получил назначение в 1-ю гвардейскую дивизию в Тбилиси на должность командира 3-го гвардейского полка, а я работал в штабе этой дивизии в оперативном отделении в 1948 году. На праздники он надевал свой мундир и поражал всех своим иностранным бантом из трех знаков, но никому не рассказывал, как они были ему пожалованы.

Так что нет ничего удивительного, что любовница Г.К. Жукова, сопровождавшая его в поездках на фронт в качестве военфельдшера и не перевязавшая за всю войну ни одного раненого, Л. Захарова, помимо орденов Красного Знамени, Красной Звезды и пяти советских медалей, имела и три иностранные награды. Судя по этому, Жуков менял советские ордена не только для себя, но и для любовницы». [Конец цитаты.]

Нет, видимо, смысла комментировать рассказ Александра Захаровича о том, как представлялись к орденам герои, как оценивался их подвиг и как он обесценивался массовой выдачей наград «за выслугу летов» и боевых наград штабным приспособленцам. На мой взгляд, это частично объясняется и тем, что правительство СССР к середине войны окончательно запуталось в самом смысле наград.

Первоначально наградой воину была военная добыча, затем функции награждающего перешли к военным вождям, но награды по-прежнему имели материальный вид: награждали землями, оружием, деньгами или, скажем, шубой. Материальную награду трудно связать с военным подвигом, поэтому, к примеру, русские воины полученные от царя наградные рубли часто носили на груди, чтобы показать, что этот рубль не результат коммерческого предприятия, а награда за бой. Потребность в военных наградах росла, и их стали учреждать специально. И тут надо понимать принципиальную особенность наград.

Военные награды можно разделить на две категории: не меняющие статус награждаемого и меняющие его.

К наградам, не меняющим статус награжденного, относятся все награды, имеющие смысл медалей. Медаль на груди солдата означает, что он либо был в определенном бою либо совершил в бою определенный подвиг. Вид самой медали не имеет никакого значения.

Немецкий Крест во всех его степенях — это медаль. Все американские награды — медали. Кстати, высшая американская военная награда так и называется «Медаль Конгресса». Все советские ордена по своей сути — медали, поскольку ни одна из этих наград не меняет социального статуса награжденного.

Следующая категория наград меняет социальный статус награжденного, поскольку вводит его в круг избранных людей и, мало того, людей, посвящающих свою жизнь служению. Сообщество таких людей называется орденом. Коренным отличием ордена является та цель, которую члены ордена хотят достичь. Эта цель обычно кратко формулируется в виде девиза. Реальные монашеские ордена состояли из пехоты (кнехтов) и кавалерии — рыцарей. Рыцари, как и полагается военной организации, имели офицеров всех степеней и главнокомандующего — гротсмейстера ордена. То есть рыцари различались по своему положению внутри ордена. Уже кнехты ордена резко отличались по своему социальному статусу от простых людей, но если кнехт отличался в бою, то и внутри ордена происходило повышение его статуса — его сажали на лошадь (он становился кавалером — кавалеристом), и он становился рыцарем ордена. При дальнейшем совершении подвигов рыцарь повышался в степени — становился офицером, генералом ордена и т. д.

Таким образом, у члена ордена никакие побрякушки на груди не имеют ни малейшего значения — это как звездочки на погонах офицера, и только. В ордене важен сам статус кавалера (рыцаря) ордена в первую очередь и степень внутри ордена — во вторую. Были и есть монархические ордена, внутри которых степеней нет. В этих орденах сам монарх — гротсмейстер (орденмейстер), а все остальные кавалеры равны между собой. Таким был высший орден царской России — Андрея Первозванного (хотя в нем были высшие отличия в виде бриллиантов на звезде). Таким является высший орден Британской империи — орден Бани. Это несколько смешное на первый взгляд название означает высшую степень доверия короля к рыцарям — кавалеры ордена Бани имеют право мыться с королем в одной бане.

Наиболее последовательными в этом плане являются французы. У них один орден (если я не ошибаюсь) — и это действительно Орден. Орденмейстером ордена Почетного легиона Франции (рыцарем Большого креста) всегда является действующий президент Франции. В

ордене Почетного легиона пять степеней, но они там так не называются. Вновь принятый в орден называется рыцарем — шевалье. Следующие степени: офицер, командор, генерал и кавалер Большого Креста. Интересно, что как-то мне приходилось читать сообщение какого-то нашего корреспондента из Франции о том, что французы, дескать, большие жлобы, поскольку когда награждают орденом Почетного легиона, то знак ордена награждаемый должен сам купить. Но ведь нет же ничего странного в том, что и у нас в Военторгах продаются офицерские погоны и звездочки к ним? Повторю: при награждении орденом дело не в бляшке, а в статусе награжденного.

Точно с таким смыслом начинал наградное дело и Петр I, который учредил ордена Андрея Первозванного, Александра Невского и Св. Екатерины (девизы: «За веру и верность», «За труды и Отечество», «За любовь и Отечество»), да и остальные монархи действовали осмысленно. Они были орденмейстерами всех российских орденов, но лично, как правило, принимали решение при награждении 1-й и 2-й степенями орденов, а во всех остальных случаях решение принимали орденские думы, состоящие из кавалеров высших степеней. В старину, между прочим, и говорили правильнее: не «наградили орденом», а «наградили кавалерией», то есть из пехотинца сделали кавалером, всадником — рыцарем ордена.

Поскольку рыцарь являлся дворянином по определению, то награждали степенями ордена только дворян, в армии — только офицеров. (Кстати, исключая кавалеров ордена Св. Георгия, все остальные кавалеры были обязаны не только купить орденские знаки, но и заплатить орденской думе орденский взнос, и довольно большой. Скажем, кавалеры ордена Св. Владимира 1-й степени должны были заплатить 450 руб., 2-й — 225, 3-й — 45 и 4-й — 40 рублей.)

Поскольку кавалеры орденов это дворяне (офицеры) особого статуса (имеющие степень в ордене), то солдаты и унтер-офицеры кавалерами ордена стать не могли. Им необходимо было сначала стать дворянами — офицерами. Для солдат были учреждены знаки Отличия орденов, то есть знаки, которые подтверждают, что этот кнехт совершил подвиг, достойный кавалера, рыцаря. Награждались солдаты знаками Отличия орденов Св. Анны и Св. Георгия. Знак Отличия ордена Св. Анны имел одну степень и вид медали с анненским крестом («анненская медаль»), знаки Отличия ордена Св. Георгия состояли из

четырёх степеней крестов и четырёх степеней медалей. Награждение Знаком Отличия ордена Св. Георгия (Георгиевским крестом) солдат или унтер-офицеров автоматически повышало их в чине (кнехт приближался к дворянскому — рыцарскому званию). Если Георгиевский крест получал фельдфебель, то он получал следующий чин прапорщика, становясь офицером и дворянином, и в последующем его уже не награждали высшими степенями Знака Отличия ордена Св. Георгия, теперь его награждали рыцарскими наградами — степенями в российских орденах. Русскими орденами можно было награждать высшей степенью, минуя низшие (скажем, из 25 кавалеров 1-й степени ордена Св. Георгия за всю его историю только четверо получали последовательно все четыре степени этого ордена). Но это было скорее исключение, так как правило требовало поочередного награждения степенями ордена. Таким образом, степень ордена часто означала не величину подвига, а их количество.

Надо сказать, что в царской России ордена как воинские награды стояли в списке ценности военных наград на третьем месте. В «Справочной книжке офицера» за 1913 год в главе «Награды на службе» читаем: «Награды суть: Высочайшие благодарность и благоволение, чины, ордена, аренды, земли, подарки, единовременные денежные выдачи, перевод в гвардию, золотое оружие». Какие бы заслуги ни имел русский офицер перед иностранным государством, но получить иностранный орден мог только с разрешения царя, поскольку орден означал, что данный офицер становится членом иностранной организации.

Когда большевикам потребовалось награждать отличившихся, то они в области наград имели очень скудные возможности: они не могли наградить ни землями, которые обобществили; ни деньгами, которые и собирались, и пробовали упразднить; ни чинами, которые уже упразднили. А «красных революционных шароваров» и почетного оружия для славы уже не хватало. Но совершенно непонятно, почему они не пошли по американскому пути и не стали учреждать медали, а учредили орден, который рассматривали как медаль. Провозгласив равенство, большевики технически не могли иметь ордена — сообщества людей с отличным от других статусом. Не могло быть в большевистской России ни кнехтов, ни рыцарей — все равны! В результате и советские, и нынешние ордена — это жертвы

интеллектуального аборта. Кавалеры наших орденов не составляют сообщества, у них нет орденмейстера, у них нет капитула или думы, оценивающих кандидата в кавалеры. У них нет цели и, соответственно, нет девиза. У них нет внятных статutow с четким определением подвигов, по которым сам кандидат, минуя свое начальство, мог бы испрашивать у капитула ордена кавалерство за совершенный подвиг. Наши ордена — это подачка от начальства и, в своем лучшем смысле, это медаль, которая просто удостоверяет то, что человек совершил какой-то подвиг. Это не знак Ордена — не удостоверение человека особого статуса.

Кроме этого, наши награды очень плохо продуманы. К примеру, наличие звания просто «Героя России» означает, в частности, что обладатель медали «За отвагу» Героем России не является вовсе. А почему? Если быть точным, то звание «Героя России» следует переименовать в звание «Героя России первого сорта или первой степени». Тогда остальные награжденные будут героями 2-й... 10-й степеней. Глупо, конечно, но хоть что-то.

Так что проблема в наградах есть, и трагизм положения в том, что награды перестали быть стимулом к подвигу, поскольку стали стимулом услужить начальству.

Снятие с должности

А теперь я приведу пару рассказов А.З. Лебединцева о наказаниях на фронте. Первый рассказ очень короткий, и я, может быть, его и не выделил бы, если бы не отношение к этому наказанию самого Александра Захаровича.

Лебединцев: «Командир нашей дивизии полковник Богданов А. В. как-то незаметно был отстранен от командования. Никто не называл причин. Уже будучи на пенсии, я задал этот вопрос бывшему начальнику оперативного отделения штаба дивизии, в то время майору Петрову В.И., ставшему Главнокомандующим СВ и маршалом Советского Союза. Он снятие Богданова объяснил так: «Почти все командиры дивизий, принимавшие участие в форсировании, получили звание Героя Советского Союза, а нашему комдиву и начальнику штаба подполковнику Хамову не дали даже обязательных для всех офицеров боевых орденов. Богданов высказал это в резкой форме командующему 27-й армией генерал-лейтенанту Трофименко, возможно, сказал и об урезывании нашей «геройской» разнарядки. Но после того как я узнал о пленении штаба и роты связи 29-го полка, думаю, что, видимо, и этот грех свалили на него, чтобы не привлекать к ответственности тех, кто посадил небоеспособную дивизию в оборону».

Назначен Богданов был на нашу дивизию приказом командующего Воронежским фронтом 28 сентября, а отстранен 21 ноября 1943 года. После кратковременного состояния в резерве, 6 февраля он был назначен с понижением командиром 995-го полка 309-й стрелковой дивизии и был убит в бою 20 апреля 1944 года». [Конец цитаты.]

Какой-то странный подход к ответственности командира дивизии и у маршала В.И. Петрова. Получается, что комдив Богданов совершенно не виноват в том, что рота немцев мимоходом пленила штаб 29 сп. Вот если бы перед этим штабом находились 200 человек, неделю назад набранных в окрестных селах, вооруженных винтовками, пулеметами и автоматами и называемых стрелковым батальоном, то тогда Богданов, может, и был бы виноват. А так — что

могли сделать против немцев 200 вооруженных винтовками, пулеметами и автоматами кадровых офицеров штаба полка и связисты? Только сдаться. Так что Богданов ни в чем не виноват, и все это происки начальства.

Следующего комдива, героя боев под Босовкой, Александр Захарович жалеет еще больше.

Лебединцев: «Офицеры вернулись в штаб только к вечеру, и настроение у всех было подавленным. Я спросил Забугу, что произошло, зачем собирали? И он ответил, что перед строем всех офицеров дивизии был приведен в исполнение приговор военного трибунала в отношении комдива Короткова. После войны я расспрашивал присутствовавших там участников этого зрелища или церемонии. Рассказы о расстреле пополнялись, уточнялись, привирались, однако картина выглядела примерно так.

У села Голодьки Тетиевского района Киевской области в роще на поляне заранее была отрыта яма и недалеко поставлен раскладной походный столик, накрытый красным «революционным» материалом. Прибывавшие офицерские колонны выстраивались в каре. Не освободили от этой церемонии даже женщин-медичек, если они имели на погонах хотя бы одну крохотную звездочку. Сначала прибыли члены военного трибунала со «свадебным» генералом, видимо, членом Военного совета армии. Потом подъехала крытая машина с охраной, и через заднюю дверь вывели осужденного бывшего командира дивизии Короткова, который, видимо, уже знал о приговоре, вынесенном ему военным трибуналом, так как руки его были связаны за спиной, а рот был завязан, чтобы он не смог разговаривать. Одет он был в коричневое кожаное пальто, на ногах были ярко-белые фетровые бурки, снизу обшитые коричневой кожей. (Эта спецодежда шоферов поставлялась вместе с машинами «студебеккер» для рядовых водителей, но по нашей бедности в ней щеголяли наши отцы-командиры — от командиров бригад и до командующих фронтов. Ношение ее могло расцениваться как нарушение установленной формы армейской одежды, но и телогрейки с ватными брюками не предусматривались формой. Тем более что в окопах и землянках такое пальто было практично в любой сезон и в любую погоду. Если найдутся сомневающиеся в правдивости моих слов, то прошу обратиться к фотографиям той фронтовой поры, и вы увидите на

снимках многих генералов и маршалов в этом одеянии и обуви. Маршал Рокоссовский даже в послевоенные годы на учениях носил это пальто.) Полковничьей папахи на голове Короткова не было, так как этому мешала повязка на голове.

Поставлен он был перед столом. Председатель военного трибунала 1-го Украинского фронта объявил приговор от 29 января 1944 года и закончил словами: «Коменданту трибунала привести приговор в исполнение!» Комендант подтолкнул приговоренного к яме. Коротков все время пытался что-то сказать, но повязка закрывала рот. Комендант подал команду: «Лейтенант, командуйте людьми». Командир роты саперного батальона Зыков Н. Н. вызвал трех саперов, заранее предупрежденных о том, что им доверяется приведение приговора в исполнение, и поставил их в готовности открыть огонь по изменнику Родины. Командир роты Зыков, только недавно узнавший о присвоении ему 10 января звания Героя Советского Союза, отнесся к поручению с должным пониманием и скомандовал: «Огонь!», сделав первым выстрел из пистолета по своему бывшему командиру дивизии. Три очереди из автоматов обреченный был весь изрешечен пулями и упал в приготовленную ему саперами яму. Но и на этом не закончилась церемония. К яме подошел комендант капитан Рыкалов и сделал три контрольных выстрела в конвульсирующее тело. После этого генерал-майор подытожил: «Собаке — собачья смерть!» Порядом строя прокатился негромкий ропот, и генерал скомандовал: «Командирам частей развести офицеров по местам расположения!»

Из тех троих, приводивших приговор в исполнение, один остался жив, это сержант Сергиенко Дмитрий Иванович, бывший тогда комсоргом саперного батальона. Он честно и добросовестно воевал до конца войны, заслужил ордена Славы и Красной Звезды, а также медаль «За отвагу». После войны вернулся в свое родное село Лазорьки Полтавской области, где своим неутомимым трудом на посту председателя колхоза был отмечен орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть». Он с горечью рассказывал мне о том, как их всех после исполнения приговора предупредил генерал: «Вы ничего не видели, ничего не знаете, и забудьте это место». Яма с трупом была выровнена с поверхностью земли, засыпана листьями, оцепление вокруг леса снято.

В восьмидесятые годы в одном из своих писем бывший шофер нового комдива полковника Крымова М. Г. сержант Бегер Петр Васильевич, родом из города Гайсин, написал о том, что ему тоже пришлось невольно, по необходимости, присутствовать на этой поляне. Он добавил такую деталь: кроме офицеров нашей дивизии (за исключением 343-го полка, стоявшего в обороне за селом Охматовом), в строй была поставлена и группа офицеров чехословацкой бригады, а сам комбриг полковник Свобода находился рядом с командиром дивизии Крымовым. За несколько минут до казни чехов увели, но сам Свобода оставался до конца. Эта бригада в то самое время, по воле случая, соседствовала в обороне с нашим 343-м полком на реке Горный Тикич.

Нашелся еще один свидетель. Об этом мне рассказал генерал-полковник Зайцев, который после производства его в генералы получил назначение в город Ровно первым заместителем командующего армией. Ею командовал генерал-лейтенант Рыкалов, тот самый бывший комендант военного трибунала, который приводил приговор в исполнение. Когда Зайцев однажды рассказал ему этот эпизод, то он признался в своей причастности. Да, и из комендантов военных трибуналов в послевоенные годы выходили командармы.

Я так подробно остановился на описании этого эпизода вовсе не потому, чтобы привести эти печальные факты из биографии нашего соединения. Я хочу заставить читателей, чтобы они задумались над тем, например, если бы мы так же детально умели организовать бой или сражение, организовывая все детали взаимодействия родов войск, обеспечивая всем необходимым для боя, как был подготовлен и проведен расстрел, то мы бы не имели тех двадцати шести с половиной миллионов безвозвратных потерь в ту беспощадную кровавую войну. А ведь тот же член Военного совета мог бы хоть раз спросить у начальника политотдела дивизии: «Сколько в вашей дивизии Героев Советского Союза и где они сейчас находятся?» Хотя бы даже это, если он ничего не смыслил в организации боя, хоть и носил теперь общевойсковой чин полковника, а не просто полкового комиссара.

Теперь уже никто не сможет узнать, о чем думал с 29-го января по 3 февраля приговоренный к высшей мере Коротков, коль приговор заканчивался словами: «Приговор утвержден Верховным

Главкомандующим и обжалованию не подлежит». Не спасли его от высшей кары ни 25-летняя служба в армии, ни такой же партийный стаж, ни фронтовые заслуги, ни ордена Красного Знамени, Александра Невского и орден Ленина, ни крестьянское происхождение, ни трехклассное общее образование и не отсутствие военного образования, кроме краткосрочных курсов политруков. А возможно, он думал о том своем выстреле в упор по командиру батареи, который он сделал в минуту высочайшего отчаяния, страха перед ответственностью и под угаром выпитого зелья? Скорее всего, он предчувствовал кару, так как приказ Верховного № 227 все еще действовал и витал над головами каждого из нас, и за все содеянное надо было платить. Никто из нас не знает, на чем основывалось обвинение. Рассматривался ли вопрос укомплектования дивизии на тот злополучный день? Скорее всего, нет. Никто из нас не присутствовал ни на следствии, ни на судебных заседаниях.

12 апреля 1999 года я говорил по телефону с бывшим начальником штаба артиллерийского дивизиона нашего артполка подполковником Дубровским. В послевоенное время он закончил Военноюридическую академию и до выхода на пенсию проходил службу в Главной военной прокуратуре. Он видел документы судебного разбирательства командира дивизии полковника Короткова и сообщил мне о том, что в обвинительном заключении нет ни одного слова о его самочинном расстреле командира противотанковой батареи. Все обвинения основывались только на отходе дивизии без приказа вышестоящего командования. Для меня это явилось большой неожиданностью.

Так все бы и кануло в Лету, если бы не активная деятельность бывшего начальника разведки противотанкового дивизиона Ростова Романа Михайловича. После войны он окончил Военно-юридическую академию, и, будучи непосредственным свидетелем боя и расстрела комдива, он в 1956 году написал Главному военному прокурору генерал-майору юстиции Барскому Е. И. заявление следующего содержания:

«Ряд событий последних лет побудили меня к необходимости написать это письмо. Суть его заключается в следующем. В период подготовки Корсунь-Шевченковской операции советских войск 14 января 1944 года в районе Виноград Киевской области 38-я стрелковая

дивизия, в которой я служил временно исполняющим обязанности командира батареи 134-го ОИПТД, потерпела поражение. В этот день мне пришлось оказывать помощь командиру дивизии полковнику Короткову, которому грозила опасность попасть в плен к немцам. Насколько я ему помог, мне судить трудно, однако ему удалось вырваться из окружения противника.

Неожиданно для всех нас командир дивизии полковник Коротков был обвинен в измене Родине и в феврале 1944 года перед строем офицеров расстрелян.

Я не знаю, на каких фактах было основано его обвинение, но лично я убежден, что он не был изменником Родины в полном смысле этого слова.

Кроме того, 14 января 1944 года во время боя я был вместе с командиром дивизии, вместе с ним отстреливался от немецких автоматчиков и т. п., однако при расследовании его дела (а это, видимо, было) со мной никто не побеседовал, а поэтому обстоятельства могли оказаться не выясненными.

Прошу принять к сведению мое заявление, в связи с чем я готов дать подробные объяснения по существу дела.

Капитан *М.Р. Ростов*
20 августа 1956 года».

Через год и три месяца Роман Михайлович получил из Главной военной прокуратуры короткий ответ следующего содержания:

«19 ноября 1956 года № 6Г-53375-44.

Гр. Р. М. Ростову, г. Ульяновск, ул. Сызранская, 17, кв.7

Сообщаю, что поступившая от вас жалоба от 20.08.56 г. Главной военной прокуратурой рассмотрена и дело А. Д. Короткова направлено для рассмотрения в Военную коллегия Верховного суда СССР, откуда вам будут сообщены результаты.

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции *Ю. Ярчевский*».

Жалоба Р. М. Ростова была рассмотрена, и спустя четыре месяца он получил следующее извещение:

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, 24 марта 1958 года, № 2П-013029/57.

Справка.

Дело по обвинению Андрея Денисовича Короткова пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 8 марта 1958 года.

Приговор Военного трибунала 1-го Украинского фронта от 28 января 1944 года в отношении А. Д. Короткова изменен: его действия переквалифицированы со ст. ст. 16 и 58—1 «б» УК РСФСР на ст. 197—17, п. «б» УК РСФСР.

Конфискация имущества из приговора исключена. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Председательствующий судебного состава Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции *Костромин*.

Я дважды посещал приемную Главной военной прокуратуры, имел длительные встречи с дежурными прокурорами, которым приносилось дело Короткова. Они с ним познакомились, но мне разрешили прочитать только Приказ командующего войсками 1-го Украинского фронта, генерала армии Ватутина, имевший гриф «Совершенно секретно», в котором объявлялся приговор по делу Короткова А. Д. Приказ должен был доводиться до всех офицеров, но нам его тогда не объявляли. Возможно, потому, что многие слышали сам приговор перед расстрелом. Впрочем, приказы и другие документы с грифом «Совершенно секретно» в полки вообще не доводились. Как и приказ № 227 Народного комиссара СССР, хотя в устной и письменной пропагандистской практике мы слышали о нем много раз. Прокуроры мне пояснили, что трактовка приговора изменена, но высшая мера ему не снята. Предложили писать новое ходатайство о повторном пересмотре дела и посоветовали заручиться подписью нашего маршала. Но я им заявил, что, зная мнение маршала Петрова по этому вопросу, я сам обращаться к нему с этой просьбой не стану.

По-своему решила администрация села Голодьки Тетиевского района Киевской области. Вот что сообщил мне в своем письме житель Колесник Иван Сергеевич: «21 мая 1994 года останки комдива А. Д. Короткова перенесли из Черного леса, где он был расстрелян 3 февраля 1944 года, и захоронили со всеми почестями у памятника-мемориала павших воинов под Турсунским лесом». Несмотря на глубокую секретность происходившего в этом лесу, многие жители знали о расстреле и решили по-своему эту мрачную страницу истории тех грозных лет.

Всех участников тех памятных боев как магнитом тянуло в Лысянский район, чтобы не пригибаясь и не из окопа осмотреть места сражений, побеседовать с жителями и возложить цветы на могилы наших павших побратимов. Конечно, в этих местах сражалась не одна наша дивизия, но и потери дивизии были значительными. Только убитыми, по далеко неполным учетным данным, дивизия потеряла 355 человек, а всего в двух братских могилах села Босовка похоронены 874 человека, в Винограде 369. Только в Лысянском районе в 40 населенных пунктах покоится прах 5196 человек. А по данным Музея истории Корсунь-Шевченковской битвы только в Звенигородском, Лысянском, Шполянском, Городищенском, Смелянском и Корсунь-Шевченковском районах похоронены в братских могилах 18 049 человек.

Были и у немцев здесь потери, и немалые. Один местный житель рассказывал мне в 1983 году о том, что при выходе из «котла» в февральских боях много немцев погибло в Лысянском районе. Их трупы долго не убирали, пока не похоронили всех погибших наших воинов. Все эти заботы по погребению в братские могилы были возложены на местных жителей — женщин, стариков и детей. После последовало приказание хоронить и немецкие трупы. На отрывку им братских могил уже не хватало сил, да и наступали теплые дни. Поэтому решили сбрасывать трупы в глубокую промоину. Потом обрушили стенки промоины и засыпали трупы. Через пару лет были сильные весенние паводки. Вешние воды размывли грунт и обнажили останки немцев. «Мы, пацаны, — рассказывал мне теперь уже взрослый мужчина, — из любопытства копались в останках в надежде найти оружие, ножи, фляги, зажигалки и т. д. и стали обнаруживать белые и желтые зубы в черепах, выбивали их, чтобы играть ими в «стукалочку». За этим занятием нас однажды застал местный киномеханик и предложил пропускать нас без билета за эти «желтые» зубы, на что мы охотно согласились. «Белые» он не брал».

Теперь я хотел бы коснуться вопроса применения оружия в боевой обстановке по своим нарушителям приказов. Мне, хотя и немного, довелось учиться по довоенным уставам. Помню утверждение командиров и преподавателей о том, что «последний патрон беречь для себя». За это определенно ратовали и политруки. Знали мы и о том, что по паникерам и трусам разрешено было

применять оружие, чтобы навести порядок, как это было показано в кинофильме «Чапаев». «Паникеры и трусы должны истребляться на месте», — гласил приказ № 227. И далее: «Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины...» Но если бы все, кто оказался в плену у немцев, пускали бы себе пулю в лоб, то насколько бы у нас увеличилось количество безвозвратных потерь, которых и без того более десятка приходится за каждого убитого немца? Ведь даже сын Верховного, командир батареи, не смог это сделать. Даже генералы далеко не все так поступали, попадая в плен, не говоря уже о раненых, потерявших сознание, изувеченных...

Теперь о применении оружия самим Коротковым. Я не знаю, как отнесся к этому Военный трибунал и рассматривался ли этот вопрос в ходе судебного разбирательства. К применению оружия по своим в ходе боя поначалу относились одобрительно. Позднее стали вникать, разбираться и требовать, чтобы подобные дела разбирал Военный трибунал и только он определял меру наказания. Мне известны несколько случаев, когда за необоснованное самоуправство командиры расплачивались штрафным батальоном, но иным это сходило с рук. Сразу после войны мне довелось год командовать 1-й мотострелковой ротой 1-го гвардейского механизированного полка 1-й гвардейской механизированной дивизии. Это была именно та родоначальница советской гвардии, которая под командованием генерала Русиянова И.Н. из 100-й стрелковой дивизии в армии стала первой в гвардии. Потом она была развернута в 1-й гвардейский механизированный корпус. Это редкость, но командовал дивизией и корпусом до конца войны один человек — генерал-лейтенант Русиянов. В то время еще было много ветеранов, которые помнили о том, что и этот генерал пользовался своим правом расстрела на месте. Может, по этой причине он был и обойден Геройством в ходе войны, однако в связи с каким-то юбилеем ему все же пожаловали эту высшую степень отличия 21.8.1972 года. Причиной такой длительной задержки могли оказаться и вышеназванные обстоятельства, тем более что и от командования он был отстранен сразу же после войны, направлен в академию, а окончив ее в 1949 году, проработал в аппарате МО только четыре года и в 53

года был отправлен в отставку. Хотя прожил он еще 31 год до своей кончины в 1984 году. У людей, лично применявших оружие в бою против своих военнослужащих, потом оказывались психические отклонения. Это далеко не то, что стрелять по противнику в разгар боя. Мне самому приходилось иногда приводить солдат в повиновение предупредительными выстрелами, но над их головой, и это давало положительные результаты.

Если рассматривать ответственность Короткова за отход полков, то читатель уже знает, с чем мы вступили в тот бой и какой исход его можно было ожидать. Ведь не расстреляли же командира соседней дивизии, которая оказалась в окружении, а даже якобы наградили за бои в окружении и выход из него.

Когда вся наша страна отмечала 50-летие Победы, я очень внимательно следил за многосерийным кинофильмом, созданным на основе нашей и немецкой кинохроники. Именно в той серии, которая была посвящена итогам Корсунь-Шевченковского сражения, были показаны кадры, как Гитлер вручает Рыцарские Железные кресты своим трем генералам за то, что они вывели 30 тысяч солдат из того «котла», оставив все вооружение и боевую технику. Их Верховный награждает за поражение в этом сражении, а мы расстреливаем своего комдива в конечном счете за выигранную операцию в целом. Ведь и у немцев тоже был строгий приказ Гитлера «ни шагу назад» за отход от стен Москвы, тоже вводились заградительные отряды. Приоритет в этом на их стороне, мы только повторили этот опыт год спустя под Сталинградом.

И последнее. Начальнику штаба подполковнику Хамову П. Ф. первоначально вменялась в вину потеря управления в бою и намечалась «вышка». Но после признания вины комкора степень наказания была снижена. После штрафной роты он был восстановлен в воинском звании, сражался до конца войны, проходил службу в послевоенное время, окончил Академию Генерального штаба, произведен в генералы, преподавал в академии стратегию, защитил диссертацию, длительно работал в Генеральном штабе. Но на протяжении всех послевоенных лет его угнетало сознание того кошмара в предъявленном первичном обвинении — измене Родине — и вытекающими из этого последствиями». [Конец цитаты.]

Как штатского человека, как человека, за зарплату которого содержится армия и ее кадровое офицерство, меня бы больше устроило, если бы П.Ф. Хамова всю жизнь мучил не страх, что его могли расстрелять, а совесть, что из-за его, начальника штаба дивизии, вины дивизия потеряла почти две тысячи человек, доверенных обществом ему под команду. Но Лебединцев об этих переживаниях Хамова не вспоминает. Что поделать — это кадровые офицеры, им главное свои жизни спасти, а что касается солдат, то «бабы новых нарожают».

Александр Захарович сетует, что вот Сталин их, офицеров, не обучил и были они безграмотными, а член Военного совета накануне боя к ним в дивизию не приехал и взамен пьяных кадровых офицеров оборону не организовал. И в связи с этим мне вспоминается следующее.

В конце 70-х годов наш завод попал в тяжелейшее положение по вине директора завода. Будучи хамом с подчиненными, он, как водится, был угодлив к начальству и боялся ему перечить. А завод строился ускоренными темпами, печи вводились в строй, а строительство цехов, которые должны были бы обеспечивать их работу, откладывалось «на потом». Директору надо было бы пойти к министру, стукнуть кулаком по столу и отказаться строить завод таким образом. Но, повторю, он был слаб духом и начальству не возражал. Если сравнить ситуацию с войной, то директор, не имея артиллерии, гнал пехоту на неподдавленные пулеметы. Завод попал на несколько лет в тяжелейший кризис — с большим количеством печей выплавлял металла меньше, чем когда у него печей было меньше.

Начались разборки, приняли решение снять директора, а за ним и начальника главка. Но это всего полдела — надо же и заменить их. Как там было в Москве — не знаю, но думаю, что желающих на должность начальника главка было полно. А вот с директором дело обстояло так. Управление кадров министерства всегда имеет резерв кадров — список людей, которые могут занять должность директора завода данной отрасли, но пока работают в этой же отрасли начальниками цехов, главными специалистами и т. д. Вот весь этот резерв, если я не ошибаюсь, четыре человека приезжали на завод, смотрели, а потом честно заявляли министру, что они с заводом не справятся и просят их не назначать. Согласился один романтик, главный инженер

родственного завода, но через год честно попросил министра освободить его от должности директора. Наконец совершенно в другой отрасли нашли человека, который завод поставил на ноги и прославил его. Подчеркну: достаточно быстро был найден настоящий Директор только потому, что **целый ряд кандидатов честно отказались** от этой соблазнительной должности и не стали по несколько лет уродовать завод, чтобы доказать свою несостоятельность.

Такое же положение было и внутри завода. Неоднократно мы наталкивались на ситуацию, при которой формальные кандидаты на должность начальника цеха просили не назначать их. Был случай, когда через партком «упросили» уже ушедшего на пенсию начальника цеха вновь занять свою должность на пару лет, чтобы подготовить ему подходящую замену.

Из 600 ИТР завода до четверти были практики без технического образования, а на рабочих должностях работали (помимо молодых специалистов) человек двести с дипломами инженеров. И они отказывались занимать инженерные вакансии, причем дело было не только в деньгах, а чаще всего в ответственности — в нежелании или страхе возлагать ее на себя.

Так вот, прочитав горы литературы об армии, я не помню случая, чтобы кадровый офицер отказался занять вышестоящую должность. Все они прут на должности, нимало не сомневаясь в своей грамотности и способностях. А вот когда надо воевать, то тут и вспоминают, что Сталин-де не захотел их в академиях обучить. Вот Александр Захарович пытается нас убедить, что Коротков не виноват, так как при стаже армейской службы в 25 лет он имел всего трехклассное образование и окончил курсы политруков. Проклятый Сталин не обучил его, поэтому в разгроме 38 сд виноват не Коротков, а Сталин. А у меня два вопроса. Первый: а что 25 лет этот Коротков делал в период, когда вся страна училась? Чего ему не хватало, чтобы учиться? Служба была тяжела или водку пить он и без академии умел? Второй вопрос: если он был дурак, то почему согласился на назначение его командиром дивизии? Ведь в 38 сд все штабные должности были забиты офицерами, а даже единственной ротой в полках командовали сержанты. Почему Коротков не попросил его назначить командиром роты? На нее у него образования хватило бы.

Скажем прямо: из-за того, что эти коротковы из шкуры вылазили, чтобы занять должность повыше, эти должности не могли занять те, кому они принадлежали по праву: буденные, Чапаевы, фрунзе и те сотни тысяч совестливых офицеров, которые могли бы командовать дивизиями со славой, но погибли на передовой от команд уродов, набившихся на командные должности.

Правильно расстреляли комдива Короткова. Но этого мало. Вот Александр Захарович сетует, что расстрелы-де мы организовывать умели, а организовать бой — нет, почему, дескать, и потеряли 26,5 миллиона. Не согласен. Потеряли потому, что мало расстреливали этих коротковых. Если бы расстреливали с начала войны всех их, то остальные мигом бы научились и бой организовывать, и взаимодействие родов войск. Сократили бы время на пьянку и траханье стряпух и телефонисток — и научились бы.

Мы были неграмотными

Лебединцев: «Мой оппонент-соавтор Ю.И. Мухин ошибочно причисляет к кадровым офицерам таких, как я, «семимесячников-недоносков» и многих, подобных мне «ускоренников». В нашем 48-м стрелковом полку 38-й дивизии уже третьего формирования в 1943 году на более чем сто офицеров был только один комбат старший лейтенант Лысынчук, который имел полный двухгодичный курс пехотного училища. Да и то потому, что на фронт попал в ноябре 1943 года, а до этого преподавал на курсах в глубоком тылу. Все остальные были «краткосрочной», начиная с комдивов. Начальник штаба дивизии был взят с первого курса бронетанковой академии, начальник оперативного отделения штаба дивизии капитан Петров В.И. накануне войны закончил двухмесячные курсы младших лейтенантов-сабельников, хотя это не помешало ему в послевоенные годы стать Первым заместителем министра обороны и маршалом Советского Союза. Единицы сохранившихся в действующей армии «полнокурсники — двухгодичники» если выживали, то оседали в крупных штабах или тыловых органах управления.

Подавляющей мечтой многих офицеров-фронтовиков было дожить до Победы, поскорее забыть пережитые кошмары минувшей войны и пожить хоть несколько лет без разрывов бомб, снарядов, мин, пулеметных очередей, без вшей, пусть даже на полуголодном карточном пайке. Очень многие из них и не были готовы к условиям мирной службы.

В начале 1947 года, уже после окончания семимесячных курсов «Выстрел» в 1944 году, а в 1946-м — годичного курса Офицерской школы штабной службы, я в капитанском чине был понижен в должности до командира 1-й мотострелковой роты 1-го гвардейского механизированного полка 1-й гвардейской (бывшей Русияновской) дивизии — родоначальницы советской гвардии, оказавшейся после войны в городе Тбилиси.

На весь 1-й мотострелковый батальон (только он один был с личным составом, а остальные — кадрированные) нас, фронтовиков, оказалось только два человека — я да командир взвода

противотанковых пушек младший лейтенант Белозерцев — Герой Советского Союза. А все остальные офицеры были вновь пришедшими из запасных полков и тех дивизий, которые ни одного дня не приняли участия в боях, простояв на государственной границе с Турцией и Ираном. А в штабах полков и штабе дивизии бывших фронтовиков сохранилось в кадрах гораздо больше. Так вот, многие из тех, кто «защищал» Тбилиси, Баку и Ереван на протяжении всей войны, потом служили до выхода на пенсию. А у фронтовиков жизнь складывалась по-разному, но большинство из них увольнялось по собственному желанию. Фронтовики оказались малопригодными для мирной службы и для парадов.

От совершенно безграмотных избавлялись принудительно. Был у нас в штабе 261-й стрелковой дивизии в Ленинакане в 1952 году командующий артиллерией дивизии (КАД) полковник Волосков — фронтовик, из бывших фейерверкеров (старшин) батареи времен Первой мировой войны. Сам он, конечно, не предполагал о своей безграмотности и готов был служить, но уж слишком явно его безграмотность проявлялась в документах, на которых он оставлял свои «резолуции». Так, например, расчеты на полигоне вели боевые стрельбы. Часть из них отстрелялись на «отлично». Начальник штаба артиллерии представил командующему список этих расчетов. КАД наложил резолюцию: «Начальник штаба, прпустить енти растчеты через движок с громкоговворителем. КАД Волосков». Начальник штаба передал список в клубный автомобиль, чтобы его начальник объявил об отличившихся по радиотрансляционной сети. Вкупе со всеми другими своими прегрешениями он был понижен на подполковничью должность и тут же уволен на пенсию, почти вдвое меньшую, чем мог бы получать, выйдя на нее на неделю раньше. Бывало и такое». [Конец цитаты.]

После прочтения воспоминаний Александра Захаровича Лебединцева я начал вспоминать, что вообще-то не впервые сталкиваюсь в воспоминаниях тех или иных ветеранов с фактами позорнейшего поведения кадрового офицерства на войне — с фактами того, что именно кадровое офицерство определило ничем не оправданную смерть на фронтах миллионов наших соотечественников. Но раньше я не обращал на это внимания, полагая, что действует естественное правило «в семье не без урода».

Скажем, как-то уже давно я прочел, по-моему, в «Независимой газете» статью фронтового летчика той войны. Сообщаемые им случаи в целом были известны, в связи с чем я и не сохранил самой статьи. Но вывод казался настолько экстравагантным, что я, каюсь, не принял его всерьез. Дело в том, что и хорошо знающие этот вопрос историки связывают завоевание превосходства в воздухе советскими ВВС исключительно с поставками на фронт «современных» самолетов — от Як-3 до «Аэрокобр», причем время завоевания господства относят ко времени Курской битвы, то есть к лету 1943 года. А этот летчик утверждал, что бить немцев в воздухе мы начали тогда, когда были сняты с должностей довоенные кадровые командиры авиационных полков и заменены летчиками, не боявшимися водить самолеты в бой. Этот летчик утверждал, что довоенное командование ВВС в воздух не поднималось, боев не видело, сидело на земле и из блиндажей посылало самолеты на задания. В целом такое заключение могло быть следствием обиженности или озлобленности данного Героя Советского Союза на своего конкретного командира полка.

Еще раз напомним, о чем уже писал. Вот передо мной книга другого Героя Советского Союза — В.Ф. Голубева. Начав войну рядовым летчиком, Голубев к концу 1941 года стал командиром эскадрильи, а в 1943 году — командиром 4-го гвардейского истребительного авиаполка Балтийского флота. За войну лично сбил 39 самолетов, причем до 1943 года полк летал на И-16. Василий Федорович и в мыслях не держал написать что-либо по теме этой книги, но он в своих воспоминаниях дает массу подробностей, анализ которых позволяет сделать выводы, которых сам Голубев не делает. Он дает исторический факт, поясняет его техническую причину, но не касается главной причины — организационной. К примеру, Краснознаменный Балтийский флот, согласно справочнику, на начало войны имел 656 самолетов всех типов (истребители, к сожалению, отдельной строкой не выделены). Начиная с 4-00 утра 22 июня 1941 года немцы стали нещадно бомбить и флот, и Ленинград, а вся многочисленная авиация КБФ смогла сбить первый немецкий самолет только на четвертый день войны. Техническую причину этой беспомощности В.Ф. Голубев объясняет.

Немцы, перелетая линию фронта, фиксировались нашими станциями ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), и

оттуда следовали телефонные звонки командованию ВВС флота, а оттуда уже шла команда на аэродромы. Взлетали наши истребители и летели... к посту ВНОС! Пост на земле широкими белыми полотнищами выкладывал направление пролета немцев, а поперек узкими белыми полотнищами выкладывал высоту пролета (скажем, три поперечных полотнища означали 3000 м). Наши истребители разворачивались и летели за немцами, которые уже, во-первых, были от них в 50—100 км, а во-вторых, зная эту систему, немцы пересекали фронт на ложном курсе, а после того, как ВНОС терял их из виду, ложились на боевой курс. Такая система наведения своей авиации вполне достойна армии, вооруженной луками и стрелами, но поразительно то, что ПВО Ленинграда было оснащено уже в то время очень неплохими отечественными радарам типа «Редут» — техникой, которую в то время имели очень немногие страны. С помощью этих радаров теоретически было возможно навести наши самолеты на немцев как угодно: с хвоста или со стороны солнца. Но это только теоретически, практически ничего нельзя было сделать, поскольку истребители КБФ, да и Красной Армии не имели радиостанций. Это должно вызывать удивление хотя бы потому, что Сталин любую свободную минуту уделял авиации и уже с 1934 года требовал, чтобы все самолеты СССР оснащались радиооборудованием. И действительно, конструкторы самолетов и заводы оснащали советские истребители радиостанциями. Тогда почему же их не было в начале войны?

Примерно за год до войны радиостанции с истребителей были сняты и отправлены на склады. Те наши историки, кто знает, что такое радиостанция, дают такую легенду этому воистину предательскому мероприятию. Дескать, авиадвигатели самолетов СССР были незаэкранированы, и от системы зажигания в наушниках слышался треск, который отвлекал летчика. И Голубев, кстати, говорит об этой же причине.

Но ведь она идиотская в своей основе. А гул самого двигателя летчика не отвлекал? А почему этот треск не отвлекал летчиков бомбардировочной и разведывательной авиации? Причем далее в своих воспоминаниях В.Ф. Голубев пишет, что как только его назначили командиром эскадрильи, он сразу же приказал установить на самолеты ранее снятые радиостанции и стал летать, командуя

эскадрильей в бою и, главное, его эскадрилью стали наводить на немцев радары. И дело сразу же пошло.

Оба предвоенных командующих ВВС РККА — Смушкевич и Рычагов, лишившие советскую авиацию радиосвязи, после начала войны были расстреляны. Надо сказать, что их вина, судя по всему, была непрощаема, поскольку предателя, предвоенного начальника Генштаба Мерецкова все же простили. Но дело не только в предателях, поскольку возникает вопрос: почему сотни командиров авиаполков не писали Сталину и не возмущались снятию с истребителей радиостанций? Ведь отсутствие связи на самолетах не давало им командовать своими полками в воздухе! У меня нет другого ответа: потому и не возмущались, что без радиостанций не могли командовать. Сидели себе на земле и посылали на смерть летчиков, пока еще было кого посылать, а собственная шкура была цела. Голубев не уделяет в своей книге этому вопросу никакого внимания, но то, как командовали до него и как командовал он, — отличается как день и ночь. Отбивая массированные налеты немцев, он всегда вылетал с полком и в воздухе командовал им: на месте боя указывал, какой эскадрилье или группе атаковать бомбардировщики, какой связать боем истребители прикрытия, какой набрать высоту и атаковать сверху и т. д. Вот такие летающие полковники, как он, Покрышкин, Кожедуб и, кстати, Василий Сталин, и обеспечили превосходство нашей авиации в воздухе над немцами.

Если подытожить эту тему, то значит ли это, что все кадровые офицеры исключительно трусливы? Нет, конечно. Даже те, кто пошел в армию не Родину защищать, а обеспечить себя хорошим доходом и пенсией, в ходе войны могут достаточно честно исполнить свой долг.

Вот, к примеру, уже цитированные мной воспоминания комбата 2 сд А.В. Невского. Этот довоенный главбух не стесняется где надо презрительно отозваться о конкретном кадровом офицерстве РККА. Однако, как я уже писал, храбрость командиров полков 2 сд (тоже кадровых офицеров) не ставится им под сомнение. Не ставится им под сомнение и личная храбрость комдива генерал-майора Лукьянова, покрывавшего труса начальника штаба дивизии (имени которого Невский «не смог вспомнить»). Кстати, Лукьянов был снят впоследствии с должности комдива именно из-за трусости своего начштаба. В командование 2 сд вступил полковник М.И.

Перевозников. У А.В. Невского есть эпизод, когда комдив 2 сд полковник Перевозников лично оказался в ситуации гораздо более тяжелой, чем комдив 38 сд полковник Коротков под Босовкой, но повел себя совершенно по-другому. Зимой 1945 года 2 сд наступала в пургу в Восточной Пруссии. Штаб дивизии, саперный батальон и часть батальона связи заночевали на одинокой мельнице в тылу 261 сп. А.В. Невский вспоминает:

«Около 22.00 часов командир дивизии М.И. Перевозников вышел «до ветру» из подвала и сразу же напоролся на фашистов. Выхватил винтовку из рук часового — задремавшего на посту 17-летнего солдата, крикнул «подъем» и начал действовать, как на уроке фехтования. Поднятые по тревоге полк и подразделения уничтожили в считанные минуты около 150 фашистов, лично М.И. Перевозников уничтожил 11 гитлеровцев, много было захвачено пленных. Пленные сообщили, что их группа до 400 человек пробивалась к своим, выходя из окружения.

Отдых был прерван, началось преследование оторвавшейся группы противника. Этот ночной поиск дал хорошие результаты: 261 сп обрушился на сонных фашистов в нескольких населенных пунктах и продвинулся вперед почти без потерь на 22 км.

Командир дивизии М.И. Перевозников, действуя в Пруссии, все время находился в боевых порядках пехоты, видел лично, как дерутся отдельные солдаты и офицеры. Личная смелость комдива поощряла солдат и офицеров действовать энергичнее». [Конец цитаты.]

Я думаю, что «11 гитлеровцев» комдиву приписали восхищенные им солдаты, когда создавали эту легенду, но, надо думать, несколько немцев Перевозников все же заколол. Как бы то ни было, но никакой внезапный удар немцев в тыл дивизии комдива Перевозникова, как видите, не смутил.

Так что дело не в том, что раз кадровый офицер, значит, трус, а в том, почему соединениями и частями, в которых служил Лебединцев, да и многие другие, командовали трусливые кретины, а полковник Перевозников получил дивизию только в январе 1944 года? Почему его не оценили до войны?

Типичный кадровый офицер

Как уже понял читатель, Александр Захарович со мной не согласен, но протестует вяло, думаю, потому, что у него все же стоят перед глазами погибшие по вине офицерства советские солдаты.

Свою дискуссию с Лебединцевым о расстреле Короткова я опубликовал в «Дуэли», и вот какой получил ответ, подписанный: «В.В. ЗОЛОТАРЬ, бывший офицер Советской Армии, бывший офицер штаба дивизии Ракетных войск стратегического назначения, бывший член Военного трибунала (по совместительству)».

«Прочел статью Мухина Ю.И. с таким жестким выводом.

Чисто с юношеским задором и откровенностью Ю.И. Мухин признается миру — красных и советских офицеров нужно было расстреливать побольше. Во время войны.

Первое, о чем подумалось, — война сложное и кровавое явление. И нельзя так однобоко рассматривать действия офицерского состава 38-й дивизии, тем более столько лет минуло. Да и было кому в то грозное время рассматривать и судить — военные трибуналы.

Есть поговорка: «На войне, как на войне...» Вывод прост — нельзя допускать войн.

Ну а если война начата, то ответственность за ее развязывание в первую очередь несет тот, кто ее развязал. Это Адольф Гитлер со своими бредовыми идеями об исключительности немецкой расы и его нацистская партия, германский капитализм.

Что касается первых месяцев Великой Отечественной войны, этого бесславного времени в истории нашей страны, то основной причиной отступления Красной Армии были не просчеты военных, не безвинно расстрелянный генерал Павлов, командующий Западным фронтом, а невежество Сталина в такой серьезнейшей области знаний, как военные и военно-технические науки.

Сталин в 1933 году собственноручно закрывает работы по созданию атомной бомбы. Советские ученые уже в те годы были близки к созданию ядерного оружия, не хватило нескольких месяцев и... образованности Верховного Главкома, последнее и понятно — за плечами Сталина было всего лишь учебное церковное заведение.

Более того, Сталин перед войной сворачивает работы по созданию ракетного оружия. Это уж потом, в годы войны, после письменного обращения к Сталину, полученному от никому не известного лейтенанта Флерова, в последующем ставшему крупным ученым, в СССР возобновляются работы по созданию атомного оружия и ракет различного назначения. В своем письме молодой ученый-физик Флеров обращает внимание Сталина на то, что в Англии, в Америке внезапно засекречивается информация об атомных исследованиях, вся информация о ядре изымается из печати. Ну и в 1945 году из разгромленной Советской Армией Германии сотрудниками «Смерша» доставляются образцы «оружия возмездия» — оперативные ракеты «Фау».

А какому преследованию подвергались в сталинские годы ученые — кибернетики, генетики? Напомню, что без кибернетики, а по-русски «Теории автоматического управления», невозможно решить задачи навигации в ракетостроении — ракеты не будут иметь систем управления, то есть вообще не будет полета. Будет метание.

Рожденный ползать летать не может...

Труды российских и советских ученых, пионеров ракетной техники — Жуковского, Циолковского, Цандера, Тихомирова, Королева в те далекие предвоенные годы были оценены Сталиным как бесперспективные.

Если бы Сталин не положил конец созданию ракетно-ядерного оружия перед войной, то на вооружение Красной Армии поступили, минимум, атомная бомба, максимум — ракеты с атомными боеголовками. Война не началась бы, если бы Советский Союз испытал ядерное оружие в те годы, когда еще живы были 50 миллионов, погибших в огне Второй мировой.

Вот так-то, господин главный дуэлянт, Мухин Ю.И.

Ну и пожелание Вам — займите свое место, руководитель. Сравнить свою работу в должности начальника цеха (или кого там) с боевой деятельностью дивизии в годы войны может только пациент (потенциальный) психиатрической лечебницы...

Как там у Высоцкого: «А винтовку тебе, а послать тебя в бой!»

Вот что думает «типичное советское офицерство», Вы, пардон, полюбопытствовали на эту тему в своей весьма поверхностной статье.

Знаете, когда-то я увидел Владимира Вольфовича Жириновского в форме полковника Российской армии. Прекрасно помня, что Жириновский служил в Советской Армии при штабе округа в качестве младшего офицера-двухгодичника, я ему послал письмо с просьбой не одевать более форму офицера, к тому же полковника (это звание ему присвоил обкомовский алкаш Борька Ельцин), ну и объяснил — мол, большим трудом, потом и кровью достаются эти звезды. И Жириновский понял.

И Вам совет — не надо «примерять» полководческий мундир на свои плечи. Можете не выдержать — уж больно он тяжел... Ну, а пост главного редактора скандальной газеты не дает Вам права судить офицеров-фронтовиков, гадя им в души, издеваясь над памятью погибших офицеров Красной, Советской Армий.

Вы хлебните хотя бы сотую долю того, что выпало на их долю.

Статья Ваша пропитана ненавистью к офицерам той армии, которая уничтожила фашизм, и все эти Ваши примеры — то ли с сыном полка, мальчиком Сеней, то ли с командиром корпуса, который сжег шифрограмму, — это дешевая демагогия. Например, шифрограмму сжечь просто так невозможно. Да и откуда Александр Захарович может знать, что делает КОМАНДИР КОРПУСА?! Кем был тогда Александр Захарович? И какая это армейская величина — командир корпуса? Вы это осмыслите, господин писатель. За судьбой шифрограмм и тогда, и сейчас — СТРОГО! — следил и следит Особый отдел, военная контрразведка. А эта структура и генералов подвергала аресту, если были на то основания.

Много у Вас пробелов в военной подготовке, даже на начальную военную не дотягиваете. В армии-то служили? Надо знать, когда была Красная Армия, а когда Советская. Надо отличать кадрового офицера от призванного на действительную воинскую службу по всеобщей мобилизации». [Конец цитаты.]

Итак, перед нами мнение кадрового офицера Советской Армии, уверенного, что он и является «типичным». Наверное, так и есть, но от этого хочется свечки ставить в память всех руководителей СССР, не допустивших настоящей большой войны.

Помню, на нашей военной кафедре как-то прошел слух, что в город прибывает какой-то маршал из Инспекции Советской Армии, и офицеры кафедры засуетились — начали красить помещения,

вывешивать стенды, плакаты, лозунги и т. д. Мы тоже обеспокоились и спросили своего куратора майора Мартыненко, потерявшего глаз в танковой атаке еще в 1941 году, — может, и нам нужно что-то подучить, вдруг маршал решит проверить наши знания? Мартыненко совершенно спокойно ответил: «Если маршал вас о чем-нибудь спросит, то на любой его вопрос давайте любой свой ответ, но быстро и бодро. Он ведь все равно уже ничего не знает».

Теперь по поводу вышеприведенного письма типичного кадрового офицера. Признаюсь, что я в растерянности — то ли он меня за маршала принял, то ли он сам по умственному развитию уже маршал. Тема создания ядерного оружия и ракетной техники в «Дуэли» обсуждается много лет, причем я получал письма на эту тему от людей очень далеких и от армии, и от атомной промышленности или Минсредмаша. Но я никогда еще не встречал такого объема глупостей сразу, в одном флаконе, так сказать.

Да, существует красивая легенда о том, что физик лейтенант Г.Н. Флеров, находясь на фронте, написал письмо Сталину с предложением начать разработку атомной бомбы, и с этого письма начался советский атомный проект. Обычно при этом забывают сообщить, что Сталин действительно к этому письму отнесся с вниманием: Флеров был вызван в Казань, где находилась эвакуированная Академия наук СССР, и там на заседании малого президиума сделал доклад. Но наши «выдающиеся ученые» категорически забраковали идею создания атомной бомбы. Так что если бы Сталин полагался на ученых СССР, то создавали бы эту бомбу до сих пор.

А дело было так. Л.П. Берия, несмотря на огромную занятость, несмотря на войну с немцами, очень внимательно просматривал разведдонесения и из других стран. Именно он 4 октября 1941 года еще до Флерова обратил внимание на сообщение разведчиков НКВД из Англии о неких слухах про начало работ по созданию урановой бомбы. И уже в марте 1942 года он подготовил Сталину записку о создании при ГКО научно-совещательного органа по координации в стране всех исследовательских работ в этом направлении, а 27 ноября 1942 года ГКО обязал Наркомцветмет начать добычу урана, и к концу года по предложению Берии назначил малоизвестного тогда Курчатова руководителем всех научно-исследовательских работ.

Сначала это дело в ГКО поручили В.М. Молотову, но под его руководством оно шло ни шатко, ни валко. А когда в 1945 году американцы взорвали первую атомную бомбу, то стало ясно, что Вячеслав Михайлович эту работу «не тянет». Поэтому Постановлением ГКО № 9887 от 20 августа 1945 года создание атомной бомбы поручили Л.П. Берии.

Положим, что офицер штаба дивизии ракетных войск этого не знает, но ведь сегодня нет газеты или книги, которые не сообщили бы, что первую бомбу наши ученые сделали по чертежам, добытым нашей разведкой в США, то есть какое-то время мы отставали от США очень сильно. И не только от США, стянувших к себе физиков со всей оккупированной Европы, но и от Германии, в которой тоже были сосредоточены лучшие физики тех лет. Ну, положим, у нас Сталин не дал создать бомбу в 1933 году, но почему немцы и американцы ее тогда не создали? Этот вопрос типичный кадровый офицер мог бы себе задать?

Кадровый офицер штаба дивизии, в которой главным оружием является ядерное, ни в меньшей мере не представляет себе проблем, которые стояли при создании этого оружия. Как осуществить ядерный взрыв, в те времена писалось во всех институтских учебниках химии, но проблема была в другом — где найти взрывчатку для него, то есть как выделить из природного урана изотоп уран-235 и как создать не существующий в природе плутоний-239.

Теперь о ракетах. Технические и научные идеи в области ракетной техники у ученых и конструкторов СССР перед войной были на зачаточном уровне, и немцы нас намного в этом опередили. Апофеоз нашей тогдашней мысли — реактивные снаряды к минометам М-8 и М-13 были в своих идеях всего лишь более совершенными копиями ракет, применявшихся русской армией в Крымской войне 1853–1856 годов. Создавая в 1942 году реактивный снаряд М-31 с более совершенным принципом стабилизации в полете — вращением вокруг своей оси, — наши конструкторы просто скопировали его с 280-мм немецкого снаряда, созданного в 1940 году. Даже захватив у Германии в качестве трофеев образцы ракетной и реактивной техники, мы к первым своим реактивным истребителям закупили лицензии на двигатели у Англии.

Я прослушал в институте и сдал на «отлично» курс «Автоматические системы управления», помнится, что в курсовой работе рассчитывал какую-то кривую затухающих колебаний, но не помню, чтобы кто-то из преподавателей даже упомянул о кибернетике. Мне приходилось внедрять автоматические системы управления, работать со специалистами в этой области, и никто из них тоже никогда не испытывал надобности в кибернетике. Это такая «наука», у которой либо нет законов вообще, либо вместо законов у нее, как и вейсмановско-моргановской генетики, такая чушь, которая на практике никому абсолютно не нужна.

«Рожденный летать» типичный кадровый офицер Золотарь «гонит» мне такую глупость, как будто я маршал из Инспекции Советской Армии. Вопрос: откуда он ее сам нахватался? Ведь даже в самых глупых газетах подобного кретинизма не печатают. Ответ один: это типичные кадровые офицеры в своем штабе ракетной дивизии между собой обсуждали научно-технические проблемы своей специальности и пришли к таким выводам. Как-то мне один полковник (правда, нетипичный кадровый офицер) сказал, что по его 20-летним наблюдениям меньше всего интересуются оружием именно офицеры... И вот по этому письму Золоторя кто докажет, что этот полковник не прав?

Теперь по поводу того, каким потом достаются звезды типичным кадровым офицерам. Мой брат, служивший в Германии, рассказывал такой случай. Перед ожидаемой проверкой начальство решило украсить полк газонами и купило дерн у немцев, но в спешке везли его не в два слоя, как немцы советовали, а загрузив полный кузов. Уложили им газоны, а проверка задержалась, и трава засохла. Тогда начальство распорядилось покрасить ее из пульверизаторов зеленой краской.

Анекдот? Не скажите! Я два месяца был в армии на сборах. Однажды нашу роту послали на танкодром после обеда — во время самоподготовки и отдыха, но когда мы вернулись, то остальных двух рот в лагере не было. Они вернулись уже в темноте, мокрые от пота и изматерившиеся. Оказывается, в дивизии, при которой были наши сборы, ожидался приезд какого-то высокого начальства. И все солдаты дивизии, включая и всех свободных курсантов наших сборов, послали рвать траву вдоль дороги, по которой ожидался приезд начальства.

Вдоль дороги был лес, и приказано было вырвать траву так, чтобы деревья, насколько видит глаз, стояли на голой, отборонованной граблями земле. Но это не все, когда мы утром пошли по этой дороге в полк на завтрак, то глаз радовала следующая картина. На всех деревьях, опять-таки, насколько видит глаз, были на уровне 1,5 метра нанесены масляной краской три круговые полосы примерно 10 см шириной: две белые и между ними — красная. Нам сообщили, что все это мероприятие называется «окультуриванием местности», но мы уже поняли, что это обычное мероприятие по добыванию типичным кадровым офицерством звезд на погоны потом. Но я был на сборах всего два месяца, а сколько же солдаты срочной службы пролили пота во имя этих звезд?

Вот Золотарь мне пишет: «А винтовку тебе, а послать тебя в бой!» А ты сам-то, типичный, в бой ходил с винтовкой, чтобы такие команды мне давать? Может, наоборот, может, тебе, как у Высоцкого, «спуститься в штрек» на всю оставшуюся жизнь, чтобы отработать те деньги, что проел и пропил за время, пока «доставал» себе звезды на погоны вместо того, чтобы изучать свою профессию?

Золотарь настаивает на том, что мы, штатские, не имеем права вести дискуссии об армии без них — без типичных офицеров. Во-первых, всю армию за свои деньги содержим мы — штатские. Во-вторых, если бы мы обсуждали то, как быстрее получить звезды на погоны и как побольше обожрать казну, то тогда да — тогда без квалифицированного совета типичных кадровых офицеров не обойтись. Но нам-то звезды на погоны не нужны. Нам нужна армия, способная нас защитить.

И нельзя церемониться с людьми, которые берут у общества деньги якобы на его защиту, а на самом деле ни воевать, ни умирать за него не собираются. С такими нигде не церемонятся. В 1948 году, через три года после войны, американский генерал Вердер в журнале «Либерти» в статье «Не трусят ли американцы?» дал такую статистику: «10 процентов всего офицерского состава армии были осуждены полевым судом за уклонение от участия в сражениях, из которых 4 тысячи уклонились от боя, нанеся себе повреждения».

О репрессиях

Как вы видели, Александр Захарович прямо-таки навязчиво проводит две мысли: во-первых, что «мы были нищими», во-вторых, «не умели воевать». Причем, на умение воевать ничего не влияло — «не умели воевать» и в начале войны, «не умели воевать» и в конце ее. Конечно, А.З. Лебединцев, с одной стороны, охотно приводит это объяснение, чтобы прикрыть однополчан и не говорить об их трусости и подлости, но, с другой стороны, он просто повторяет то, что уже почти 50 лет вдалбливает в голову обществу наша «историческая наука».

Как только умер Сталин, «историки» получили задание от ЦК КПСС (в этом нет сомнений, если смотреть на их «труды») объяснять потери в войне тем, что Сталин якобы не дал привести войска в боевую готовность накануне нападения немцев на СССР, а накануне войны уничтожил лучшие кадры Красной Армии.

Что касается приведения войск в боевую готовность, то многолетняя работа «Дуэли», мои заочные дискуссии с главным историком МО РФ, президентом Академии военных наук, генералом армии М. Гареевым и начальником Генштаба генералом армии А. Квашниным, которые были рассмотрены в Министерстве обороны на заседании под руководством министра обороны маршала Сергеева, дали эффект: сегодня «серьезные историки» уже помалкивают о том, что войска Красной Армии на 22 июня 1941 года якобы ничего не знали о предстоящем нападении немцев. Но вопли об «уничтожении лучших кадров», из-за которого якобы и остальные кадры не умели воевать, продолжают.

Вот к Дню Победы 2003 года в «Независимой газете» (25.04.2003) очередной «историк» А. Печенкин поясняет читателям вину Сталина, «поставившего свою страну перед катастрофой»:

«Действительно, РККА пережила за эти годы глубокие потрясения, структурную перестройку и значительные кадровые изменения. Четырежды менялись начальники Генштаба, командующие Военно-воздушными силами и Военно-морским флотом. Лишились своих постов, а затем погибли 9 заместителей наркома обороны, почти

все командующие военных округов и многие командиры корпусов и дивизий. Кроме того, из армии были уволены свыше 40 тыс. офицеров, из которых только 12 тыс. (т. е. одна четверть) были затем реабилитированы и возвращены в строй. Сменились многие преподаватели и начальники военно-учебных заведений. Все это не могло не отразиться на подготовке военных кадров и на уровне образования офицерского корпуса. Из 579 тыс. советских офицеров лишь 7,1 % имели высшее образование, 55 % — среднее, 24,6 % окончили различные ускоренные курсы, а 12,4 % вообще не имели военного образования. Отличительными чертами командиров РККА были патриотизм, относительная молодость, отсутствие боевого опыта и небольшой командный стаж. Большинство командиров частей и соединений прослужили в занимаемых должностях менее одного года».

Печенкин не поясняет, сколько же должен офицер находиться в своей должности — 10 или 20 лет, чтобы уметь воевать, и радовало ли офицеров, если бы они в одной должности на радость Печенкину сидели по 20 лет, но, как видите, вина Сталина в «убийстве лучших кадров» тиражируется для наивных читателей «Независимой газеты» и надежно вкладывается в их головы. Так надо ли удивляться тому, что и Александр Захарович гибель тысяч солдат своей дивизии объясняет тем, что офицеры-де были необразованными и поэтому не умели воевать?

Уверен, что и у этой книги найдется масса читателей, которые жалкое состояние кадрового офицерства РККА тоже свяжут с репрессиями в армии 1937–1941 годов. Дескать, перебил Сталин всех умных и остался только с дрянью. Ошибутся эти читатели, и сильно ошибутся: перед войной как раз и была сделана попытка очистить армию от негодяев.

Хорошие порядки в любой организации завести не просто, а всяческая дрянь заводится легко, и вывести ее потом очень трудно. Читателям, наверное, уже все уши прожужжала «демократическая» пресса, а не только Печенкин, что в 1937–1941 годы Сталин, дескать, расстрелял 40 тыс. генералов и офицеров Красной Армии, чуть ли не каждого четвертого. На самом деле — это число всех офицеров и генералов, уволенных из армии в то время, а собственно за участие в антисоветском мятеже было уволено всего около 4 тыс. человек, часть

из которых действительно была арестована и осуждена, в том числе и к расстрелу. Вы спросите, кто же еще был уволен? А вот кто:

«За последнее время пьянство в армии приняло поистине угрожающие размеры. Особенно это зло укоренилось в среде начальствующего состава. По далеко не полным данным, в одном только Белорусском особом военном округе за 9 месяцев 1938 г. было отмечено свыше 1200 безобразных случаев пьянства, в частях Уральского военного округа за тот же период — свыше 1000 случаев и примерно та же неприглядная картина в ряде других военных округов. Вот несколько примеров тягчайших преступлений, совершенных в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму. 15 октября... четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан. 18 сентября два лейтенанта... при тех же примерно обстоятельствах в ресторане, передравшись между собой, застрелились. Политрук... пьяница и буян, обманным путем собрал у младших командиров 425 рублей, украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку. 8 ноября... пять пьяных красноармейцев устроили на улице поножовщину и ранили трех рабочих, а возвращаясь в часть, изнасиловали проходную гражданку, после чего пытались ее убить. 27 мая... капитан Балакирев в пьяном виде познакомился в парке с неизвестной ему женщиной, в ресторане он выболтал ряд не подлежащих оглашению сведений, а наутро был обнаружен спящим на крыльце чужого дома без револьвера, снаряжения и партбилета. Пьянство стало настоящим бичом армии», — негодовал в своем приказе № 0219 от 28.12.1938 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов.

Армию, как и все государственные структуры, нужно было очистить от негодяев, от неспособных, от ленивых. Но чем больше ее чистили, тем больше становилось недовольных и среди военной дряни. Ведь армия была местом, где можно было «хорошо устроиться». Начальствующий состав получал большие продуктовые пайки и по сравнению с гражданскими лицами имел массу побочных удобств. Скажем, уже командиру полка полагался особняк или большая квартира, конь для строя, автомобиль для поездок и конный экипаж для выездов. Лишаться всего этого «заслуженным революционерам» и «героям Гражданской войны» было очень обидно.

В журнале «Военно-исторический архив» даны биографические справки на 69 лиц начальствующего состава Красной Армии в звании комкора (примерно генерал-лейтенанта), расстрелянных за участие в заговоре в 1937–1941 годов. (Для «полноты счастья» к ним составители «мартиролога» добавили и самоубийц.) Из этих 69 человек 48 были царскими офицерами в чинах до подполковника. Они вступили в Красную Армию, польстившись на обещания Троцкого обеспечить им быструю карьеру. Прошло 20 лет, они сидят на вторых и третьих ролях, а какие-то унтер-офицеры командуют округами! Разве не обидно?

Ну, разве не обидно было, скажем, комкору Г.К. Восканову, подполковнику царской армии, награжденному пятью орденами, включая Георгиевский крест, сидеть на должности заместителя председателя центрального совета Осоавиахима СССР и смотреть на унтера В.К. Блюхера, который уже маршал и командует Дальневосточным фронтом? А вообще необученный Ворошилов — нарком! В то время действительно множеством округов командовали те, кто в царской армии был рядовым или унтер-офицером (Буденный, Белов, Апанасенко).

Но и это не все. После Гражданской войны Красную Армию сократили до 500 тыс. человек, но с началом 30-х начался ее рост (1933 г. — 900 тыс., 1936 г. — 1,5 млн.) и, следовательно, рост количества командных должностей. Казалось бы, что в этих условиях должен был начаться служебный рост и этих генералов. Но на самом деле из этих 69 человек 35 не только не сохранили свои должности 20-х годов, но и резко их снизили уже к 1934 году, когда ни о каком заговоре и мятеже против Советской власти еще и слухов не было. Вот, скажем, комкор Н.В. Куйбышев, кавалер трех орденов Красного Знамени, в царской армии — капитан, в Гражданскую войну командовал армией. В 1929 году он командующий Сибирским военным округом — хозяин Сибири! А в 1930 году — он секретарь распорядительных заседаний Совета труда и обороны. Не обидно ли?

На мой взгляд, о репрессиях прекрасно написал историк В.И. Алексеенко, ветеран войны, авиаинженер и летчик-истребитель.

Алексеенко: «Следует также остановиться на репрессиях вообще и на вопле «историков» о том, что репрессии якобы сгубили «цвет» Красной Армии и оставили ее без командиров. Полное издание книги

Жукова подобные «историки» так «дополнили»: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава» (т. 1, с. 352).

Во-первых. Эта сентенция звучит довольно-таки глупо по отношению к самому маршалу Жукову, который, как и маршал Рокоссовский, не имел никакого формального военного образования.

Во-вторых. Получается, что поражения в сражениях начала войны, которыми Жуков сам, кстати, командовал, он объясняет тем, что у него, дескать, подчиненные не служили по 100 лет в армии и не окончили по 10 академий. Неграмотные были. Грамотных репрессировали, остались одни неучи. А давайте вспомним, как обстояло дело с офицерскими кадрами у наших врагов.

Надо напомнить волкогоновым и прочим «историкам», что после Первой мировой войны и до середины 30-х годов в немецкой армии служили всего 4 тыс. офицеров. После того, как Гитлер начал разворачивать армию до военной численности, в нее начали призываться офицеры из запаса, которые кончили службу чуть ли не 20 лет назад, и начали производиться в офицеры фельдфебели и унтер-офицеры. То есть к началу войны стаж службы в офицерских должностях у подавляющего числа немецких офицеров был в пределах 5–7 лет. Если качеством офицера считать его стаж службы в армии и окончание какого-то специального учебного заведения, то тогда немецкие офицеры по этим формальным признакам были значительно хуже командиров РККА. В таблице по данным архива Главного управления кадров Красной Армии дана следующая характеристика командования.

Как видно из этих данных, в Красной Армии даже командиры батальонов на 94 % имели среднее или высшее образование. А по стажу службы половина командиров полков, 82 % командиров дивизий и 96 % командиров бригад служили в армии более 20 лет. Даже среди командиров батальонов тех, кто служил в армии менее 10 лет, было менее 10 %. Это результаты «репрессий»? Кстати, в ходе репрессий за предвоенное пятилетие было осуждено за контрреволюционные преступления военными трибуналами (а только они рассматривали

такие дела) — 2218 командиров Красной Армии, а в 1937 году в Красной Армии служили 206 тыс. человек начальствующего состава.

Да, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Якир и другие заговорщики в Гражданскую войну командовали фронтами и армиями, а посему могут считаться людьми с большим полководческим опытом. Но во Франции маршал Пэтен, генералиссимус Гамелен уже в Первую мировую войну командовали армиями и были героями. Это не помешало им в 1940 году практически за две недели сдаться более слабым немцам.

Характеристика командиров основных подразделений, частей и соединений войск Красной Армии на 1.1.41г. (в %)				
	Командиры			
	Корпусов (105 чел.)	Дивизий и бригад (359 чел.)	Полков (1833 чел.)	Батальонов (8425 чел.)
По возрасту				
До 35 лет	-	1	9	65
36-40 лет	11	25	53	30
41-45 лет	56	49	33	4
46-50 лет	29	23	5	1
51-55 лет	4	2	-	-
По воинским званиям				
Лейтенант	-	-	-	0,1
Ст. лейтенант	-	-	-	25,9
Капитан	-	-	1	58,2
Майор	-	-	54,3	13,9
Подполковник	-	1,7	23,8	1,4
Полковник	1,9	61,3	20,9	0,5
Генерал-майор	85,7	34	-	-
Генерал-лейтенант	12,4	-	-	-
По стажу службы в армии				
До 10 лет	-	-	-	9
11-15 лет	-	3	23	66
15-20 лет	4	15	27	15
21 год и более	96	82	50	10
По военному образованию				
Высшее	52	40	14	2
Среднее	48	60	60	92
Ускоренное	-	-	26	6
Без образования	-	-	3 чел.	7 чел.
По партийности				
Члены и кандидаты в члены ВКП(б)	99	98	86	82

А из 19 гитлеровских фельдмаршалов сухопутных войск в Первую мировую никто не имел чина выше майора. Первую мировую войну А.

Роммель окончил капитаном в должности командира роты, Вторую мировую начал в 1939 году командиром батальона личной охраны фюрера, в январе 1941 года стал генерал-майором, а уже в июне 1942 года, буквально проскочив три генеральских звания, — фельдмаршалом. Причем, А. Роммель на Западе считается одним из лучших полководцев гитлеровской Германии наряду с Э. Манштейном, который Первую мировую войну также окончил капитаном, но о котором даже недовольный своими генералами Гитлер впоследствии сказал: «Возможно, Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба».

Так каких офицеров Жукову не хватало? И в чем тут виноват Сталин и репрессии?

Связывать поражения Красной Армии с какими-либо довоенными репрессиями в ней с точки зрения научной истины совершенно бессмысленно. Но в ходе этих репрессий были, по моему мнению, и невинно пострадавшие. Поэтому сегодня важно понять, почему это произошло, чтобы подобное не повторилось в будущем. А вот для понимания этого все эти волкогоновы как раз ничего не делают, они тщательно пытаются скрыть истинные причины предвоенных репрессий.

В статье «Кадры военные» в «Военной энциклопедии» по репрессиям в авиации волкогоновы пишут: «В ВВС в течение 1938–1941 гг. несколько раз обновлялся весь высший состав. Вслед за Алкснисом, репрессированным в 1938 г., были репрессированы последовательно сменявшие друг друга начальники ВВСА.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.В. Рычагов. Все трое были расстреляны в октябре 1941 г. как шпионы и враги народа. Только П.Ф. Жигареву, ставшему командующим ВВС в июне 1941 г., удалось избежать общей участи» (т. 3, с. 444).

А в «дополнении» к «Воспоминаниям...», там, где Жуков дает высокую оценку выступлению начальника Главного Управления ВВС Красной Армии П.В. Рычагова на совещании в НКО в декабре 1940 года, дописывается: «Трагическая гибель этого талантливой и смелого генерала в годы культа личности Сталина была для нас большой потерей. Вскоре после совещания он был расстрелян» (т. 1, с. 289).

Во-первых, уточним. П.В. Рычагов был освобожден от должности начальника ГУ ВВС КА 12 апреля 1941 года и направлен на учебу в

Академию Генштаба. Арестован он был через 2,5 месяца, 24 июня 1941 года, то есть не только не после совещания в декабре 1940 года, но и не как начальник ГУ ВВС.

Но нас должно заинтересовать другое — почему Жуков вспомнил о Рычагове, но молчит о Я.В. Смушкевиче? Ведь в отличие от Рычагова, дважды Герой Советского Союза Я.В. Смушкевич был не просто знакомым Г.К. Жукова по службе, он был не только Герой за войну в Испании, но и Герой за сражение на Халхин-Голе, то есть он был боевым соратником Жукова. Почему же ему такое невнимание?

Дело в том, что после проверки результатов «чистки» армии в 1937–1938 годы в ее рядах были восстановлены около 12 тыс. ранее уволенных командиров. После этого было принято решение, что ни один военнослужащий не может быть арестован органами НКВД, если на это не дал согласия его прямой начальник. То есть следователи НКВД должны были сначала убедить начальника, что его подчиненный — враг народа, и арестовать подчиненного, только получив подпись-согласие начальника.

Так вот, непосредственным начальником Я.В. Смушкевича был Г.К. Жуков, так как Смушкевич с августа 1940 года и до своего ареста 7 июня 1941 года был помощником начальника Генштаба, а с января 1941 года — начальником Генштаба был Георгий Константинович. Вот он и стелает о невинном Рычагове, но помалкивает о Смушкевиче, с кем Рычагов проходил по одному делу и на арест которого Жуков дал согласие.

По одному делу с ними проходил и начальник НИИ ВВС генерал-майор А.И. Филин, который был арестован 23 мая 1941 года, а расстрелян 23 февраля 1942 года. А.И. Филин был моим командиром и учителем, и я никогда не поверю, что он был врагом народа. Но надо и понять, что тогда происходило.

Приближалась война, а хороших самолетов у советских ВВС было очень мало. Конечно, искали причины, почему страна затрачивает столько сил, а результата нет. А тут еще и давление на НИИ ВВС авиаконструкторов, которые пытались протолкнуть на вооружение Красной Армии свои недоработанные машины. Принимали или отклоняли эти машины начальники Главного Управления ВВС КА, а непосредственно изучали их мы — НИИ ВВС. И мы могли дать отрицательное заключение на машину, у которой на бумаге

великолепные летные данные, но недостатков очень много. Но ведь для того, чтобы понять причину, почему мы отказали, надо в этом разобраться, вникнуть в подробности. С другой стороны, мы могли принять машину, которая вроде на бумаге и хуже, но промышленность могла ее освоить, а недостатки ее могли быть устранены. Опять — кто это поймет, кроме специалистов?

Естественно, принимая одни самолеты и отклоняя другие, НИИ ВВС наживал себе уйму заинтересованных врагов, в том числе и среди авиаконструкторов, которые легко извращали дело так, что руководители ВВС якобы специально ставили на вооружение плохие машины и не пропускали хорошие, то есть были врагами народа.

С весны 1941 года в НИИ ВВС работала комиссия, которая кропотливо собирала компромат на руководство института, через них — на руководителей ВВС. Я помню эту комиссию, помню, как она на несколько месяцев парализовала нашу работу. Но что комиссия — это мелочь, которой поручено написать бумагу, вот она и старается. Ведь пока эту бумагу не подпишут высшие чины Красной Армии, она бумажкой и останется.

Но когда высшие чины и начальники подписывают и утверждают бумагу, превращая ее в обвинительный документ, они же обязаны вникать в текст, не подписывать огульного обвинения на своих товарищей! Так должно быть, но я думаю, что когда нарком обороны и другие подписывали акт по нашему НИИ ВВС, то они доверились своим подчиненным — членам комиссии — и в технические подробности не вникли.

А что после этого могли поделывать НКВД и трибунал, если все высшие руководители Наркомата обороны да, видимо, и ряд авиаконструкторов утверждали своими подписями, что Рычагов, Смушкевич и Филин враги? Отпустить их?

А что мог поделывать Сталин? Бросить все и, не веря руководству НКО, самому ехать на аэродромы, смотреть и сравнивать результаты испытательных полетов, самому выяснить, существует или нет техническая возможность устранения тех или иных дефектов авиамооторов и т. д. и т. п.?

В истории нашей авиации есть блестящие страницы, есть трагические, но есть и грязные. И с этими грязными страницами тоже надо разбираться, чтобы не повторить их в будущем. А от того, что

Сталина неустанно и бессовестно забрасывают грязью волкогоновы и им подобные, история наших грязных страниц не прояснится и будущие поколения умнее не станут». [Конец цитаты.]

О военном образовании

Поскольку и Печенкин, и В.И. Алексеенко затронули тему военного образования, то я хочу высказать по этому поводу крамольную мысль, которая многим покажется идиотской: наша система высшего образования, включая и военное, в большинстве случаев не приносит ни обществу, ни образованцу ничего, кроме вреда. Если бы вместо тех четырех-шести лет, которые студент околачивается в учебном заведении, он сразу же пошел работать в то дело, в котором он хочет стать специалистом, то он за это время в деле стал бы специалистом гораздо лучшим, чем после протирания штанов в институте и получения диплома.

Отвлечитесь от магии стереотипа высшего образования и посмотрите со стороны — в чем оно заключается? Некие люди читают нужные книжки, а затем содержание этих книжек устно пересказывают студентам на лекциях. Естественный вопрос: а что, желающие стать специалистами в каком-либо деле, сами эти книжки не могут прочитать? Могут. Так в чем же дело? Вы скажете, что преподаватель объяснит непонятное. Ну что же, это довод, но если вы уже работаете в деле, то в нем найдется гораздо больше гораздо более знающих специалистов, которые объяснят вам все, что по делу требуется, и гораздо лучше, нежели преподаватели, поскольку, как говорили раньше американцы, кто умеет — тот делает, а кто не умеет — тот учит, как делать.

Многим и довольно давно была видна вредоносность того, что молодых людей, вместо того, чтобы приставить сразу к делу, собирают на несколько лет в университетах, академиях, институтах и т. д., где профессора, достаточно далекие от дела, заставляют их заучивать нечто, что, по их мнению, является знаниями о деле. Еще в конце XIX века об этом писал классик психологии Ле Бон, тогда же об этом высказался в романе «Воскресенье» Лев Толстой, выведя образ прокурора, закончившего и гимназию, и университет с золотой медалью, но являвшегося в своем деле исключительным идиотом. Однако университетские профессора и академики в обществе имеют столь значительный вес, что общество безо всяких на то оснований

считает их болтовню святой водой из кладезя мудрости и никакие, и ничьи доводы о том, что нужно вдуматься в смысл того, что происходит с образованием, в обществе не имеют эффекта. Общество глубоко уверено, что без дипломов о высшем образовании мы пропадем. В глазах общества только тот является специалистом, кто имеет такой диплом, даже если этот придурок посылает вверенный ему батальон переплыть Днепр и топит этим за раз 700 человек.

Стоит, пожалуй, пару слов сказать о непрерывных сетованиях Александра Захаровича на «нашу нищету». Бумаги не было, бинтов не было, фонариков не было и т. д. и т. п. Думаю, что определенная часть нашего офицерства считала и считает, что богатство страны растет на деревьях. И у нас таких деревьев было мало, а вот у немцев — много.

На самом деле богатство страны создают люди в промышленности и сельском хозяйстве. И откуда же взяться богатству, если этих людей тупо гонять на немецкие пулеметы?

Что делать?

Проблема описана: общество отрывает от своих детей и от себя деньги и содержит на них армию — кадровых военнослужащих, обещающих так изучить военное дело и быть настолько храбрыми, чтобы в случае опасности от внешнего врага это общество защитить. И за деньгами, выделяемые обществом для своей защиты, в армию набивается огромное количество подонков, которые ни военное дело не изучают, ни подвергать себя опасности не собираются. Это типичные паразиты. И когда начинается война, их подлость, трусость и дурость оборачивается огромными потерями для общества. Возникает естественный вопрос — да на кой хрен нам нужна армия с таким кадровым офицерством?! Начнется война, и мы опять будем ждать, пока в командование вступят бухгалтера и художники-оформители? Так ведь долго будем ждать: эти кадровые угробят их в боях своими тупыми и подлыми приказами.

После такого исследования полагается дать рекомендации, что делать, чтобы армия еще в мирное время была укомплектована достойными людьми, чтобы и в мирное время командные должности в ней занимал тот, кто пришел в армию защищать Родину, а не обжираться. И таких рекомендаций могло бы быть много, поскольку проблема уж очень многогранна. К примеру, становится видна бессмысленность всех этих военных училищ и академий, очевидна вредность комплектования армии офицерами таким путем. Можно было бы рассмотреть путь, каким немцы комплектовали офицерами свои вооруженные силы перед войной. Но кому это надо?

Правящий режим обворовывает Россию и украденные деньги в иностранной валюте прячет за рубежом, куда и члены режима удерут, в случае если Россия будет способна это воровство пресечь. Но сильная Россия, с сильной армией, способна будет этих воров из-за границы вернуть вместе с украденными деньгами, а слабая Россия, со слабой армией, этого не сможет. И правящий режим делает все, чтобы Российской армию ослабить, он заинтересован именно в том, чтобы во главе ее были подонки, не знающие военного дела и не собирающиеся защищать Родину на поле боя. Но даже если бы у нас

во главе страны вдруг откуда-то взялись бы патриоты, то что делать с народом?

Ведь либералы уже более 15 лет через все СМИ вдалбливают в головы населения, что патриотизм — это признак подлеца, что Родину защищают только идиоты, что у умного человека родина там, где жрать вкуснее, а работы меньше, что от службы в армии надо «косить» любым способом. Но офицеры появляются в армии именно из этого народа, и другого народа у нас в запасе нет. Если в нашем обществе сегодня смерть за Родину, мужество и храбрость считаются глупостью, то как же нашим офицерам быть храбрыми и самоотверженными? Они тоже не дураки — деньги берут, а отдавать их службой не собираются. Да и как им служить? Вот какие-нибудь «умные», типа Киселева, Познера или Сванидзе, в случае войны будут сидеть в тылу, а офицер что — свою жизнь за них в бою положит только потому, что режим ему платил 150 у.е. в месяц? А ху-ху не хо-хо? Чтобы офицер шел на смертный бой, нужно, чтобы весь народ готов был идти на этот бой. И по-другому не будет!

Это при монархии подданный заплатил царю налоги и этим его служба в государстве окончилась. Теперь царь за эти деньги должен нанять войско и этого подданного защищать.

Но у нас давно уже не монархия, у нас гражданское общество, а в точном смысле этого слова гражданин — это тот, кто находится под защитой государства и служит ему одновременно, ибо его защита от его службы и происходит. Иными словами, гражданин, чтобы иметь защиту от внешнего врага, сам должен быть военнотружущим. Если все уклоняются от службы в армии, то и армии не будет. Поэтому в гражданском обществе исключений быть не может — если ты гражданин, то ты и обязан защищать Родину с оружием в руках.

Поэтому национальному правительству России требуется в первую очередь разделить население на граждан и подданных. Гражданин тот, кто дал воинскую присягу, либо мать, растящая будущего гражданина или гражданку. Здоровье не в счет: я не знаю такой болезни, при которой мужчина или женщина не в состоянии удержаться в руках АКМ. Речь идет не о реальной воинской службе в мирное время, а готовности защищать Родину, если это потребуется.

Все, у кого такой готовности нет, — подданные. Они платят только налоги (как и граждане), но находятся под защитой государства,

то есть граждан. Соответственно в гражданском обществе, как и при монархии, подданные не могут определять законы страны и контролировать их исполнение. Иными словами, они не могут избирать законодательную, исполнительную и судебную власти. Это обязанность только граждан.

Начинать надо с этого. Без ясного понимания, кто мы и что мы, обсуждать пути улучшения офицерского корпуса бессмысленно.

Верховный Главнокомандующий

Но закончить эту часть книги я бы хотел не этим. Вскоре после Победы 24 мая 1945 года И.В. Сталин созвал на банкет по случаю Победы высший генералитет тогда еще Красной Армии. И случай был не тот, и никаких упреков либо критических замечаний он своему генералитету и офицерам как таковым на этом приеме говорить не мог. Ведь их авторитет — это тоже оружие, это тоже страх врагов. Да и армия была уже не та: рядом с Жуковыми уже были рокоссовские, коротковых во многих дивизиях сменили ламко и кошелевы, и в полковых штабах были уже обстрелянные лебединцевы.

Хотя Сталин и считал себя русским грузинского происхождения, но первые тосты он чисто по-грузински поднял за своих гостей. А затем сказал последний тост, очень известный.

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего

Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

В коммунистической и русской националистической среде этот тост очень известен — как же, ведь он так греет душу русского, приподнимая его над остальными. Но если вы всмотритесь в текст и попытаетесь понять, зачем Сталин сказал этот тост, то увидите, что это тост покаяния главы СССР перед народом, **пострадавшим из-за его ошибок**. Русский народ в данном случае выделен из-за непропорциональности своих потерь. Составляя в численности населения СССР около 53 %, русские (великороссы, малороссы и белорусы) в числе фронтовых безвозвратных потерь составили 66 %. И одновременно этот тост — безоговорочное указание на того, кто действительно победил в этой войне — **народ**. Победил даже при ошибках Правительства.

Сталин задал тон, и должно было бы последовать понимание со стороны советского генералитета, то есть следующий поднимающий тост генерал или маршал обязан был предложить выпить за солдата, который победил, несмотря на ошибки этих генералов. Но этого не случилось, генералы поднимали бокалы, но не за солдат. Сталин терпел и ждал.

Из присутствующих на банкете военачальников сотни написали мемуары, но ни один из присутствовавших никогда даже не заикнулся о том, как проходил этот банкет далее — после тоста Сталина.

Лебединцев: «Теперь я хочу привести рассказ еще одного современника событий тех лет. Речь пойдет о банкете Победы, на котором наш Верховный Главнокомандующий, Председатель Ставки ВГК, Председатель Совета народных комиссаров, народный комиссар обороны и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) от имени всех своих должностей решил поблагодарить великий русский народ за его стойкость, выдержку, как старшего брата всех других народов, населявших Советский Союз. Это общеизвестно. Ветераны войны помнят и о том, что Сталин благодарил военные советы фронтов,

чокаясь с каждым членом военных советов от имени правительства и ЦК партии, благодарил и поздравлял он Генеральный штаб.

Этот рассказ я услышал от самого старшего из больных нашего неврологического отделения Центрального Красногорского военного госпиталя в самый канун 1974 года, когда сам уже год находился на пенсии. За ужином возник спор об опале маршала Георгия Жукова между одним из сотрудников журнала «Военный вестник» и лечившимся генерал-майором. По окончании ужина мы разместились в комнате отдыха на диванах. Спорщик-генерал вскоре убыл в палату, а в центре внимания оказался престарелый генерал-полковник, бывший в войну заместителем командующего войсками фронта и присутствовавший на Банкете Победы. Начал он свой рассказ с того, что находится в преклонных годах, но еще нигде не прочитал сообщений о том, как проходил банкет для высшего командования Генерального штаба и фронтовых членов Военного совета. И вот что рассказал участник банкета.

Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему сигнал на перекур. Жуков попросил Сталина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы.

Жуков свое выступление-тост начал примерно так: «Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза». Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: «Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не получить их, т. к. стали инвалидами!» На этот упрек Жуков ответил так: «Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все

работники Генерального штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это».

Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась, и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: «А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей». Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся.

Часть 3. Проблемы военного сословия

Объект лжи полководцев

Разговор о честности целого ряда полководцев РККА я хотел бы начать даже не с вопроса их честности по отношению к советскому народу, а об их честности по отношению к своему Верховному Главнокомандующему Сталину. Ведь в ходе войны этот Верховный либеральничал и прощал этим генералам такое, за что в иных странах, скажем в той же нацистской Германии, расстреливали. Правда, если у Гитлера, задолго до войны начавшего к ней готовиться, а посему изучившего кадровый состав немецких генералов, была возможность заменить тех, кого он снимал с должностей, то у Сталина готовых кандидатур, готовых «Гинденбургов» никогда не было в достаточном количестве, и он вынужден был работать с теми генералами, которых хоть как-то знал. Думаю, что именно этот дефицит и требовал от Сталина многое прощать генералам во время войны, а после войны прощать, возможно, уже по привычке. Эти полководцы безмерно, и далеко не по заслугам, награждались по его, Верховного, представлениям, им назначались большие оклады, предоставлялись фешенебельные по тем временам квартиры и дачи. Я пишу об этих пустяках, поскольку для обывателя они особенно ценны, обыватель, по сути, других ценностей и не знает. Так вот, уже хотя бы за эти, полученные при посредстве Сталина, блага можно было бы хотя бы не поливать своего Верховного (после его убийства, само собой) потоками лжи?

Ведь ложь о войне, исходящая от генералов, убийственно действует не только на нашу, плохо разбирающуюся в любых вопросах интеллигенцию, но и на массы, которым обычно недосуг самим вникать в подробности военного дела. Люди ведь лгут, в основном, по мелочам, и, как заметил еще Гитлер, в наглую ложь бездумно верят — им кажется невероятным, что можно лгать так чудовищно. И многие полководцы РККА лгут именно так, и лгут даже не столько о себе, о своих подвигах, что по меркам рыбаков и охотников простительно, сколько лгут о Сталине.

Конечно, тут есть и такой мотив. Советский народ, кормивший своих полководцев, потерял в войне очень много и людей, и ценностей.

И, само собой, у советского народа естественен вопрос к полководцам: почему под вашим водительством мы потеряли так много? А если во всем обвинить Сталина, то можно убеждать простаков, что полководцы-то они просто замечательные, да что они могли поделать, если их Верховный был таким гадом?

Но эта потребность интернациональна — ни одного генерала не радует необходимость подробно рассказать о потерях войск, понесенных под его командованием. И все полководцы уже давно знают, что делать — надо просто об этих потерях молчать или отделаться чем-то вроде «наши потери не превысили потерь, которые несут храбрые войска, разгромившие сильного противника». Так выкручиваются даже проигравшие войну немецкие генералы, так что уж стоило промолчать нашим? Но они не молчали, они нагло клеветали на Сталина. Значит, была еще причина и более серьезная, нежели желание просто скрыть потери.

Вот давайте в качестве примера их лжи рассмотрим утверждение о том, что Сталин якобы накануне войны не привел войска в боевую готовность. В газете «Дуэль» дискуссия об этом началась еще в конце 90-х, мне тогда пришлось ответить на вот такое письмо читателя.

Мы были не готовы!

«Проблемой начального периода ВОВ я начал заниматься с 1972 г., когда мой отец вышел на пенсию и увлекся исторической литературой о войне. Увлёкся и я и сразу же обратил внимание на нелогичность в описании начального периода. Исследовательский дух заставил перечитать сотни книг на эту тему. И я пришел к выводу, что **главной причиной поражения наших войск в 1941 г. и огромной цены, которую заплатил наш народ за победу, явилось запоздалое приведение войск в боевую готовность. Этот фактор намного превосходит все другие факторы, вместе взятые.** Невысокая боевая подготовка солдат и офицеров, недостаток средств радиосвязи и моторизации блекнут перед проблемами немецкой армии, которой в нормальных условиях предстояло штурмовать мощнейшие укрепленные районы без достаточного количества тяжелой артиллерии (ее даже для штурма Брестской крепости едва наскребли) и требуемого запаса боеприпасов. Но в условиях неразберихи, а часто и паники первых дней войны значение наших недостатков возросло многократно, а немецких сведено на нет — им не пришлось штурмовать УРы, и господство в воздухе они захватили не в упорной борьбе с нашими истребителями, а уничтожив их на земле.

Ссылки на низкое качество «устаревшей» техники очень часто не соответствуют действительности. Пушки «устаревших» БТ и Т-26 пробивали броню немецких средних танков. А истребители И-16 последних серий вполне могли потягаться с любым истребителем 1941 г. Так, И-16, тип 24, имел скорость 525 км/ч, две пушки, мощность двигателя 1000 л. с. при массе 1912 кг («Развитие авиационной науки и техники в СССР», М., 1980). То есть И-16, тип 24, превосходил «мессершмитт», и наш лучший истребитель Як-1 в маневренности, в вооружении (наши пушки в 1,8 раза скорострельнее немецких), при несколько меньшей мощности, был намного легче и лишь в горизонтальной скорости и аэродинамике уступал им. Недаром почти все первые Герои ВОВ сражались на И-16.

Так что дело не в устаревшей технике, хотя и ее было много, тех же И-16 первых серий, которые наряду с еще более слабыми И-15

составляли основу прибывших из внутренних округов в первые недели войны полков. Дело в том, что 70 % истребительных полков были расположены вблизи границы и понесли огромные потери. Было уничтожено на земле в первый день от 800 до 1800 боевых машин, в основном истребителей. И повреждено, как это обычно бывает в 2–3 раза больше. Вот почему немцам удалось захватить господство в воздухе!

А без господства в воздухе никому не удавалась ни одна наступательная операция. Наступление Красной Армии под Москвой было осуществлено при очень низкой активности немецкой авиации, не приспособленной к суровым зимним условиям. Наступление немцев в Арденнах проходило при нелетной погоде. Поэтому наступление против мощнейших УРов, с дотами, выдерживающими попадание 210-мм снарядов, да еще с форсированием водных преград без господства в воздухе и большого количества тяжелой артиллерии — это самоубийство.

Теперь об укрепрайонах. Линия Маннергейма имела в среднем около двух, в основном пулеметных, дотов на 1 км фронта (*Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968*), в Гродненском УРе, на правом фланге Западного ВО протяженностью 80 км 165 дотов, вооруженных в основном пушками. (*Анфилов В.А. Крах блицкрига. М., 1977*). Значительно более слабые укрепления на греческой границе немцы не могли прорвать в течение нескольких дней, несмотря на абсолютное превосходство в артиллерии, танках и авиации.

Весьма уязвимы и рассуждения о том, что если бы СССР привел свои войска в боевую готовность, то Гитлер объявил бы его агрессором и на нас напала бы Япония.

Во-первых, если бы Германия получила жесткий отпор уже в первые дни, то весьма маловероятно, что Япония, уже битая Красной Армией, вступила в войну. Более того, скорее всего нарушили бы свои обязательства европейские союзники Германии, как это они сделали в 1944 г. А Финляндии и нарушать ничего не надо было, так как она должна была вступить в войну после форсирования немцами Западной Двины.

Во-вторых, Япония все равно отвлекала огромные силы Красной Армии — свыше 1 млн. солдат и офицеров, более 16 тыс. орудий и

минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, до 4 тыс. боевых самолетов (Вторая мировая война. Уроки и итоги. М., 1985).

В-третьих, потенциальные возможности советской военной промышленности намного превышали возможности Германии и Японии. Так, в конце сентября 1941 г. авиационная промышленность выпускала более 100 боевых машин в сутки, то есть около 37 тыс. в годовом исчислении. Германия в 1941 г. выпустила 8,4 тыс. боевых машин, Япония — 3,2. К сожалению, после захвата основных экономических районов СССР производство боевой техники упало во много раз.

Прошу прощения за длинное письмо. Но это и ответ на Вашу просьбу о критике.

В.В. Подосинников».

И это высказанное читателем мнение, что «главной причиной... явилось запоздалое приведение войск в боевую готовность», ныне воспринимается как аксиома. Возьмем, к примеру, самый верх военно-исторической науки. Вот совсем недавно президент Академии военных наук, генерал армии М. Гареев в «Военно-промышленном курьере» (№ 49, 2004), с одной стороны, пишет: «В 1943 г. после возвращения с Тегеранской конференции И.В. Сталин говорил: «...Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет».

Действительно, в известном докладе Н.С. Хрущева в 1956 г. и особенно на протяжении последних 15 лет хула и поношения лились на Сталина сплошным мутным потоком, и сказать о нем что-то объективно было не просто. Заведомо лживых «уток» запущено немало, и они продолжают летать, несмотря на неопровержимые исторические факты. Но, с другой стороны, сам Гареев тут же запускает «заведомо лживую «утку»: «Главная причина неудач была в том, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность и до начала нападения противника не заняли предназначенных оборонительных рубежей, позиций. Они оказались, по существу, на положении мирного времени и не смогли своевременно изготавиться к отражению агрессии. Это обстоятельство и породило многие просчеты, и предопределило трагедию 1941 г.».

И эту «утку», не жалея сил, вдалбливают в голову российскому гражданину, начиная со школы.

Мне пришлось читать учебник «Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997 гг.» для 9-го класса российских школ. Учебник написан А.А. Кредером в густом откровенно сионистском духе, но ловко. Что бы вы в учебнике ни читали — у вас останется осадок отвращения к СССР и России, даже если Кредер прямо и не клеветает на них. К примеру, он пишет:

«Начало Великой Отечественной войны. С начала 1941 г. Сталин все чаще получал сообщения о концентрации немецких войск вдоль новой советской границы. Советский разведчик Рихард Зорге 15 мая 1941 г. указал в донесении из Токио точную дату начала немецкого наступления — 22 июня. Однако Сталин видел в этой информации козни англичан, желавших столкнуть Германию с СССР. Он вряд ли сомневался в неизбежности войны с Германией. Во всяком случае, перевооружение армии шло в СССР полным ходом. Но Сталину хотелось оттянуть начало конфликта. Кроме того, он был уверен, что Гитлер не нападет без предъявления какого-либо ультиматума. До последней минуты Сталин откладывал приведение войск в боевую готовность. Именно поэтому начало немецкого наступления имело для СССР столь тяжелые последствия».

В этом маленьком кусочке все или ложь, или домыслы, или полуправда. Где имеется хотя бы один документ, один надежный факт того, что Сталин в информации о нападении немцев на СССР «видел... козни англичан»? Почему же он тогда готовился к войне с немцами: произвел скрытую мобилизацию 800 тыс. человек в войска западных округов; стягивал на запад армии; почему Генштаб еще в мае отдал директиву о подготовке к отражению нападения немцев?

Где имеется хотя бы один факт или документ, что желание Сталина «оттянуть начало конфликта» помешало хотя бы одному оборонному мероприятию?

И, в конце концов, следует пару слов сказать о нашем разведчике Зорге, которого демократы уже превратили в «пресловутого Зорге».

Во-первых. Это был наш разведчик в Японии, и наибольшую ценность представляла информация от него о намерениях японцев, а не немцев.

Во-вторых. Зорге одновременно был и немецким шпионом, и В. Шелленберг страшно удивился, когда узнал, что Зорге арестован в

Японии как советский разведчик, поскольку в Германию он всегда поставлял только достоверную информацию.

В-третьих. Стараясь скрыть направление главного удара по СССР, немцы по всем каналам, в первую очередь — дипломатическим, распространяли дезинформацию, которая состояла из маленького правдивого сообщения и моря лжи. В следующей дезинформации правда опровергалась ложью, но что-то опять давалось правдиво. И так непрерывно с целью окончательно запутать Генштаб РККА в том, что правда, а что нет. И Зорге старательно всю эту дезинформацию, полученную в немецком посольстве в Токио, передавал в СССР.

Вот смотрите. 15 мая 1941 г., как вы прочли у Кредера, он передал, что немцы нападут 22 июня. А вот радиограмма Зорге от 15 июня — за неделю до начала войны:

«Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет.

Я видел начало сообщения в Германию, что в случае возникновения германско-советской войны Японии потребуется около 6 недель, чтобы начать наступление на советский Дальний Восток, но немцы считают, что японцам потребуется больше времени потому, что это будет война на суше и море».

Писатель В. Карпов безо всякого комментария, как подвиг разведчика, дает такую телеграмму Р. Зорге:

«22 мая 1941 г. «Рамзай» прислал карту с дислокацией немецких войск, принадлежавшую военному атташе Германии в Токио Кретчеру. Стрелы на карте указывают направление ударов Вермахта. Согласно «Рамзаю», Гитлер намерен захватить Украину и использовать один-два миллиона русских пленных на тяжелых работах. В нападении на СССР примут участие от 170 до 190 дивизий».

В. Карпов, который еще в умственно полноценные годы был полковником и сумел окончить Академию Генштаба, «в упор» не видит, что в этой телеграмме заложена немецкая «деза» — немцы через месяц ударили не там, где указал Зорге.

А в первой радиограмме Зорге опровергает свое же сообщение от 15 мая и дает уже другую дату войны и даже сомнения в ее начале; он дает дезинформацию в вопросе, в котором ему должны особенно верить, — в том, что Япония нападет на СССР вместе с немцами.

Причем «деза» подана так, что войска с Дальнего Востока на запад перебрасывать нельзя долгое время — ведь не ясно, через 6 недель нападут японцы или позже.

А в учебнике для школьников, как видите, А.А. Кредер упоминает только о радиограмме от 15 мая — вот, дескать, Сталин какой дурак — не поверил такому выдающемуся разведчику!

Генералы РККА о главной причине

Но вернусь к письму своего читателя. Оставим в стороне неточные цифры и наивное убеждение в том, что военные возможности СССР превышали таковые у Германии и Японии, вместе взятых. В те годы я отвечал своему читателю так:

«Уважаемый т. Подосинников! Напоминаю, что изучать историю имеет смысл только ради того, чтобы в настоящем не повторить ошибки прошлого. Чтобы в будущей войне наши армии не были разгромлены, нам надо точно знать причину их разгрома в 1941 г. Нам, чтобы спокойнее жить, надо устранить эту причину.

Вы считаете, что главная причина — запоздалое приведение наших войск в боевую готовность. Что скрывается за магическими словами «боевая готовность» Вы не поясняете, поэтому дадим слово автору самой этой версии — заместителю Верховного Главнокомандующего маршалу Г.К. Жукову. Именно он с Хрущевым ввели в обращение эту версию в умы историков и обывателей. Перед таким авторитетом меркнут попытки других исследователей обратить внимание на очевидные вещи.

В 1956 г. предполагалось провести пленум ЦК, на котором должен был стоять вопрос о культе личности Сталина. Жуков написал к этому пленуму доклад — косноязычный, весь пропитанный лестью Н.С. Хрущеву и полный неприкрытой ненависти к Сталину. Пленум не состоялся, с докладом ознакомились только члены Президиума ЦК, и хранился он в его архиве. В докладе Жуков писал так:

«Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты, и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Поскольку невозможно развернуть войска, не имея задачи, то Жуков совершенно определенно утверждает, что Сталин не ставил

войскам задачу отразить удар немцев по СССР, что и является «отсутствием боевой готовности».

Правда, когда Г.К. Жуков писал мемуары, то руководивший страной Л.И. Брежнев уже не приветствовал оголтелую хулу на Сталина, и эта версия стала выглядеть так.

«Теперь, пожалуй, пора сказать о главной ошибке того времени, из которой, естественно, вытекали многие другие, — о просчете в определении сроков вероятности нападения немецко-фашистских войск.

В оперативном плане 1940 года, который после уточнения действовал в 1941 году, предусматривалось в случае угрозы войны:

- привести все вооруженные силы в полную боевую готовность;
- немедленно провести в стране войсковую мобилизацию;
- развернуть войска до штатов военного времени согласно мобплану;

— сосредоточить и развернуть все отмобилизованные войска в районах западных границ в соответствии с планом приграничных военных округов и Главного военного командования.

Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по особому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 года. В ближайшие предвоенные месяцы в распоряжениях руководства не предусматривались все необходимые мероприятия, которые нужно было провести в особо угрожаемый военный период в кратчайшее время.

Естественно, возникает вопрос: почему руководство, возглавляемое И.В.Сталиным, не провело в жизнь мероприятия им же утвержденного оперативного плана?

В этих ошибках и просчетах чаще всего обвиняют И.В. Сталина. Конечно, ошибки у И.В. Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических и политических факторов.

Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов,

во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент.

Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны и уверенностью в том, что ему это удастся».

На первый взгляд Жуков даже как-то защищает своего Верховного, но присмотритесь — он только дает мотив его действия, что усиливает обвинение в том, что Сталин не только не отмотилизовал войска, но и вообще во все предвоенные месяцы не давал никаких распоряжений по отражению немецкой агрессии. А в докладе он даже указывает час первого распоряжения Сталина — 6.30 22 июня.

Маршалу Жукову уверенно поддакивает маршал Василевский:

«Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но в результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное отмотилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому».

М. Гареев в упомянутой статье даже усиливает эти слова: «В 1970-е гг. группа историков обратилась к маршалу А. Василевскому с вопросами, была ли в действительности внезапность нападения в 1941 г., или, как говорили некоторые из них, «Сталин придумал миф о внезапности для оправдания своих просчетов». Не имея возможности ответить всем, кто ему прислал письма, Александр Михайлович прислал в Военно-научное управление Генштаба записку с оценками событий накануне и в начале войны. В частности, по вопросу внезапности он писал: «Главное в том, что мы не смогли определить

точно дату нападения врага, привести в полную боевую готовность войска приграничных военных округов. Получилось так, что хотя мы и знали, что гитлеровцы готовятся напасть на нашу Родину, но поскольку просчитались с определением его сроков, война для нас стала неожиданной...»

А теперь давайте прочтем у Жукова, как он отчаянно пытался убедить Сталина привести войска в эту самую боевую готовность.

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились — во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи».

Итак, директива № 1 — это директива не поддаваться на провокацию, а директиву привести войска в боевую готовность Сталин так и «не дал» даже в ночь на 22 июня. А теперь развитие событий дальше. Начнем с Василевского.

«В 4 часа с минутами нам стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия.

Так началась Великая Отечественная война. На всем протяжении границы от Баренцева до Черного морей завязалась ожесточенная и кровопролитная борьба.

29 июня ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимают директиву, пронизанную ленинскими мыслями о защите социалистического Отечества. Ее основополагающая идея: «Все для фронта, все для победы!» В директиве говорилось: «Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом». ЦК партии призывал: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

Я вот вчитываюсь в эти строки и пытаюсь понять: хорошо, директиву, «пронизанную ленинскими мыслями», Сталин дал 29 июня, но когда — какого числа и во сколько — он дал наконец так желанную Жуковым директиву о приведении войск в боевую готовность?

А сам Жуков об этом рассказывает так.

«В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С.К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась явно нереальной, а потому и не была проведена в жизнь.

Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками, и штабы округов и армий не имели возможности быстро передавать свои распоряжения. Зброшенная немцами на нашу территорию агентура и диверсионные группы разрушали проволочную связь, убивали делегатов связи и нападали на командиров. Радиосредствами, как я уже говорил, значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена».

Все это напоминает анекдот 1996 года, в котором диктор торжественно и грустно сообщает: «Президент России Борис Николаевич Ельцин после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание, приступил к исполнению своих обязанностей». А здесь: «После тяжелой и продолжительной войны, так и не приводя

войска в боевую готовность, Красная Армия одержала победу». Более того, если верить Жукову, то ему, начальнику Генерального штаба РККА, эта самая желанная боевая готовность и даром не была нужна: еще 10 часов назад, 21 июня, он якобы с Тимошенко упрашивал Сталина привести войска в боевую готовность, а теперь, в семь утра 22 июня, и без боевой готовности Жуков готов был остановить немцев, а Тимошенко (опять же, если верить Жукову) уничтожить. Да, видите ли, не удалось, поскольку диверсанты все провода порвали...

Боевая готовность

Давайте сделаем то, что наши интеллектуалы, талдыча о боевой готовности, ленятся или неспособны узнать — давайте разберемся с тем, что такое эта самая пресловутая боевая готовность. Советская военная энциклопедия освещает этот вопрос так.

«БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ, состояние, определяющее степень подготовленности войск к выполнению возложенных на них боевых задач. Боевая готовность предполагает определенную укомплектованность соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, вооружением и боевой техникой; наличие необходимых запасов материальных средств; содержание в исправном и готовом к применению состоянии оружия и боевой техники; высокую боевую и политическую подготовку войск (сил), прежде всего полевую, морскую и воздушную выучку личного состава; боевую слаженность соединений, частей, подразделений; необходимую подготовку командных кадров и штабов; твердую дисциплину и организованность личного состава войск и флота, а также бдительное несение боевого дежурства.

Степень боевой готовности войск в мирное время должна обеспечивать их своевременное развертывание и вступление в войну, успешное отражение внезапного нападения противника и нанесение по нему мощных ударов. С нарастанием угрозы войны степень боевой готовности повышается путем увеличения количества войск (сил), способных немедленно начать военные действия, а также сокращения времени, необходимого для подготовки остальных войск (сил) к выполнению боевых задач. С началом боевых действий боевая готовность определяется способностью к немедленному выполнению поставленных боевых задач».

Ну, вот, — скажут мне оппоненты, — Сталин и не захотел укомплектовать, вооружить, пополнить запасы и т. д. и тем самым не привел войска в боевую готовность.

Неужели? Тогда о чем это пишет Жуков:

«У нас же происходило следующее. В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по

уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И.В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмотилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины.

Было решено под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии сокращенного состава. Мы были предупреждены о необходимости чрезвычайной осторожности и мерах оперативной скрытности.

Тогда же И.В. Сталин дал указание всемерно усилить работы по строительству основной и полевой аэродромной сети. Но рабочую силу было разрешено взять только по окончании весенне-полевых работ.

Однажды в конце нашего очередного разговора И.В. Сталин спросил, как идет призыв приписного состава из запаса.

Нарком обороны ответил, что призыв запаса проходит нормально, приписной состав в конце апреля будет в приграничных округах. В начале мая начнется его переподготовка в частях.

13 мая Генеральный штаб дал директиву округам выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-я армия; из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16-я армия.

Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления.

В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим приграничными округами срочно приступить к подготовке командных пунктов, а в середине июня приказывалось вывести на них фронтовые управления: Северо-Западный фронт — в район Паневежиса; Западный — в район Обуз-Лесны; Юго-Западный — в Тарнополь. Одесский округ в качестве армейского управления — в Тирасполь. В

эти районы полевые управления фронтов и армии должны были выйти с 21 по 25 июня.

Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших конструкций, около 35 тысяч орудий и минометов (без 50-миллиметровых), 1800 тяжелых и средних танков (на две трети новых типов) и значительное число легких танков с ограниченными моторесурсами».

А маршал Василевский к этому добавляет еще кое-какие цифры о скрытой мобилизации, а также даты и детали развертывания войск.

«В мае — начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов.

27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня — вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее. 12–15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах».

Тут Василевский, как видите, уличает Жукова во лжи: тот, чтобы показать отсутствие боевой готовности, пишет, что фронтовые управления должны были занять командные пункты уже после начала войны (21–25 июня), а Василевский брякает, что за три дня до начала войны — 19 июня, а дивизии начали переходить к границе и разворачиваться к бою еще 12–15 июня, т. е. более чем за неделю до войны. Не мудрено, что в семь утра 1941 года Жуков и Тимошенко готовы были немедленно разгромить немцев, и никакая директива о приведении войск в боевую готовность им не была нужна — **войска уже были в боевой готовности.**

Нет, — опровергнут меня оппоненты, — как следует из энциклопедии, боевая готовность включает в себя боевую выучку,

боевую слаженность, подготовку командных кадров, твердую дисциплину и организованность личного состава. А этого не было!

Да, не было, но кто в этом виноват — Сталин или генералы РККА? И какой такой особый приказ Сталин должен был им дать, чтобы они занялись тем, за что получали деньги, — приведением войск в боевую готовность?

Если взглянуть сразу на все, что написал об этом Жуков, — то получается, что он ставит Сталину в вину не отсутствие подготовки к войне как таковой, а то, что Сталин не начал кричать об этом во всю глотку и на весь мир. Причем сам Георгий Константинович уверен, что эту ложь и глупость никто не увидит.

А что же было на самом деле? «Игнорировал Сталин угрозу нападения» или нет? Все познается в сравнении, поэтому давайте посмотрим, что получается, когда угроза нападения действительно игнорируется.

«Они накрыли «Оклахому»!»

Через 5,5 месяца после нападения немцев на СССР, Япония напала на США. Этому предшествовало резкое ухудшение отношений между этими странами. Еще летом, к примеру, США ввели эмбарго на поставку в Японию нефти и заморозили японские активы в американских банках. Но велись переговоры, и правительство США было уверено, что направит усилия японской военщины не против своих владений в Тихом океане, а против СССР. Оно действительно игнорировало войну, хотя и готовилось к ней.

В США были великолепные дешифровальщики, они раскусили японские шифры, и американцы не только читали все инструкции правительства Японии своему послу в США, но и делали это раньше, чем сам посол. За день до нападения Японии на США была расшифрована нота, из которой стало известно, что война неизбежна. Президент сделал кое-какие телодвижения, например, пробовал позвонить Главкому ВМС адмиралу Старку, но тот был в театре, и его не стали беспокоить. В 7.00 следующего утра из очередной шифровки в Вашингтоне узнали точное время нападения — 13.00 по вашингтонскому времени, или 7.00 утра 7 декабря по гавайскому. То есть до нападения оставалось 6 часов времени. Адмирал Старк хотел позвонить командующему Тихоокеанским флотом США на Гавайи, но решил сначала сказать президенту. Президент принял адмирала после 10.00, началось совещание, но пришел личный врач президента и увел того на два часа на процедуры. Остальные посовещались сами и в 12.00 ушли на ленч. Начальник штаба армии США генерал Маршалл не захотел прерывать утреннюю верховую прогулку и появился на службе только в 11.25. Он тоже не стал звонить на Гавайи, а дал шифрованную телеграмму, распорядившись передать ее через армейскую радиостанцию. На Гавайях были радиопомехи, поэтому телеграмму отнесли на обычный коммерческий телеграф, но забыли сделать пометку «срочная». Поэтому на почте на Гавайях телеграмму бросили в ящик, где она и дождалась мальчишку-посыльного (кстати — японца), который регулярно забирал всю почту для американского

флота. Мальчишка аккуратно передал ее в штаб как раз через три часа после того, как японцы утопили американский броненосный флот.

Тихоокеанский флот США базировался на Гавайях на острове Оаху (база Перл-Харбор). Там об угрозе войны знали, 27 ноября было приказано усилить бдительность, поэтому было усилено патрулирование кораблей вокруг острова, а на его окраинах установлены радары. В 7.02 утра по гавайскому времени 7 декабря 1941 г. два солдата, дежуривших на радаре увидели отметку от японских самолетов, находившихся к этому времени в 250 км от острова. Они по прямому телефону попытались сообщить об этом в штаб. Но телефон не ответил. Тогда они по городскому сумели соединиться с дежурным лейтенантом, который не стал с ними долго разговаривать, так как спешил на завтрак. Бойцы отключили радар и тоже уехали завтракать.

А взлетевшие с японских авианосцев две волны самолетов (40 торпедоносцев, 129 пикирующих бомбардировщиков и 79 истребителей) подлетали к бухте Перл-Харбор, где находились все броненосные силы Тихоокеанского флота США — 8 линкоров. В 7.55 японские самолеты начали пикировать.

Командующий американским Тихоокеанским флотом адмирал Киммель начал руководить этим сражением прямо в пижаме со двора своей виллы, находившейся на горе. Первое донесение он получил от своей жены, стоявшей рядом в ночной рубашке: «Похоже, что они накрыли «Оклахому»!»

«Сам вижу!» — подтвердил флотоводец.

На американских кораблях матросы только позавтракали, а офицеры еще ели. До половины команды было в увольнении на берегу, у зенитных орудий стояли случайные матросы. Пять командиров линкоров из восьми тоже развлекались на берегу. Снарядов у орудий не было, ключей от снарядных кладовых — тоже.

Когда бронированные двери кладовых взломали, то в суматохе начали стрелять по японским самолетам учебными снарядами. Зато двери в водонепроницаемых переборках линкоров были открыты настежь.

Когда Киммеля привезли в штаб, то там, по словам очевидца, паники не было. Там был «упорядоченный ужас». В 9.45 японцы улетели. Подвели итоги. Из строя были выведены все 8 линкоров, из

них 5 — утоплены. Японцы надеялись найти в бухте и авианосцы, но их не было, поэтому они в ярости бомбили что попало. Попало трем крейсерам, трем эсминцам, сухому доку, четырем вспомогательным кораблям. Уничтожена была практически вся авиация Перл-Харбора — 188 самолетов сгорело и 128 были повреждены. Погибло 2403 военнослужащих США и 1178 было ранено. В городе прозвучало 40 взрывов, унесших жизни 68 гражданских лиц, 35 было ранено. Из этих взрывов один был взрыв японской бомбы и 39 — американских зенитных снарядов.

Японцы потеряли 29 самолетов и 55 человек.

А ведь в США не было «тирана» Сталина, там в 1937 г. никто не «репрессировал невинных, но выдающихся» маршалов, генералов, адмиралов. Но именно США показали пример того, что Жуков называет «игнорированием явной угрозы нападения». А как это было 22 июня у нас?

Жуков пишет, что 22 июня «В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний». Далее: «В 4 часа я вновь разговаривал с Ф.С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил: «Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения».

Как это понять? Ведь, чтобы так отбить внезапный налет авиации (а именно, так его отбили все флоты СССР), нужно было выслать в море корабли ВНОС, собрать все экипажи на корабли, подготовить оружие и боеприпасы, а летчиков истребительной авиации посадить в самолеты. И действительно, по сообщениям тех историков, которых сегодня не слушают, тревога на флотах СССР была объявлена за неделю до начала войны: были возвращены отпускники, запрещены увольнения на берег и т. д.

Адмирал В.И. Платонов, служивший на Северном флоте, так вспоминал ночь 22 июня 1941 г.: «Сразу же распорядился, чтобы работники штаба проверили подготовку кораблей к бою. Правда, те уже давно стояли готовыми, все, что от нас зависело, мы уже сделали: приняли боезапас, топливо, питьевую воду и продовольствие, рассредоточили корабли дивизионов по заливу».

Далее. Вдоль границ СССР располагались отряды пограничных войск. И они задолго до 22 июня отрыли вокруг застав окопы, построили блиндажи, разработали систему огня. Причем заставы уже имели на вооружении пушки-сорокапятки, а пограничные отряды — гаубичную артиллерию.

Далее. Вдоль границ строили укрепления около 200 строительных батальонов. Эти войска основным оружием имели лопату. На 500 человек батальона полагалось 50 винтовок. По воспоминаниям ветерана, они 20 июня получили приказ отойти от границы, и в нем была указана причина — начало войны 22 июня. Весь день 21 июня они вывозили от границы цемент, строительные материалы и технику, эвакуировали личный состав. Оставшийся отряд строительного батальона с наступлением темноты 21 июня убрал маскировочные заборы перед готовыми ДОТаами и отошел, встретив на пути роту, шедшую их занимать.

Как это понимать? Если Сталин, по утверждению Жукова, «игнорировал угрозу нападения», то кто тогда привел в боевую готовность флот, пограничников и строительные войска?

Дважды Герой Советского Союза В.С. Петров за месяц до начала войны молодым лейтенантом прибыл в тяжелый гаубичный полк, стоявший у самой границы. Месяц они не только тренировали солдат, но и провели рекогносцировку (знакомство с местностью) всех своих огневых позиций и наблюдательных пунктов для боя с немцами. Все команды орудий и водители тягачей знали, куда ехать по тревоге сначала и где находятся остальные огневые позиции полка. Огневые были «привязаны к местности» и определены участки сосредоточенного огня и позиции открытой наводки на танкоопасных направлениях. Ночью 22-го их обстреляла немецкая артиллерия, они под огнем выехали на заранее подготовленные огневые позиции и за день расстреляли по немцам почти весь склад боеприпасов. На последней огневой они вынуждены были несколько раз перекачивать вперед гаубицы, так как стреляные гильзы заваливали станины и мешали подвозить новые боеприпасы.

Кто им дал приказ так тщательно подготовиться к бою с немцами, если Сталин «игнорировал»? Ведь Жуков пишет, что имелся только оперативный план 1940 г., уточненный в 1941 г. и который был введен

в действие «лишь в ночь на 22 июня». Войска, готовясь к бою, что — художественной самодеятельностью занимались?

Планы

Напоминаю, что в своем докладе пленуму Г.К. Жуков писал, что Вооруженным силам **«не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника»**.

Но вот передо мной документ, адресованный командующему войсками Западного особого военного округа генералу армии Д.Г. Павлову от 14 мая 1941 г. № 503859/СС/ОВ, написанный из-за своей сверхсекретности в двух экземплярах от руки генерал-майором Василевским. В нем приказано (сокращаю): «С целью прикрытия отмотилизования, сосредоточения и развертывания войск округа к 20 мая 1941 г. лично Вам, начальнику штаба и начальнику оперативного отдела штаба округа разработать:

а) детальный план обороны государственной границы от Капчяместис до иск. оз. Свитязь;

б) детальный план противовоздушной обороны. Задачи обороны: не допустить вторжения... действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск... всеми видами разведки определить группировку войск противника... действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника... Особое внимание уделить противотанковой обороне... предусмотреть нанесение контрударов механизированными корпусами... отрекогносцировать и подготовить тыловые рубежи на всю глубину обороны вкл. р. Березина. На случай вынужденного отхода разработать план... разработать план подъема войск по тревоге... план эвакуации фабрик, заводов, банков...»

Подписан этот приказ маршалом С. Тимошенко и начальником Генерального штаба КА... Г.Жуковым! И это Жуков называет «не ставилась задача»?! Сам приказал подготовить контрудары по немецкой территории и «планов не было»?!

Не к 20 мая, а в июне этот план (как и в других округах) генералом Павловым был подготовлен. Он детальный и очень длинный, я дам только кусочек: «Нанести одновременный удар по

установленным аэродромам и базам противника, расположенным в первой зоне, до рубежа Инстербург, Алленштайн, Млава, Варшава, Демблин, прикрыв действия бомбардировочной авиации истребительной авиацией. Для выполнения этой задачи потребуется 138 звеньев, мы имеем 142 звена, т. е. используя всю наличную бомбардировочную авиацию, можем решить эту задачу одновременно... для удара по железнодорожным мостам могут быть использованы только самолеты Пе-2 и Ар-2, которые могут производить бомбометание с пикирования. Бомбометание по мостам с горизонтального полета малоэффективно и требует большого расхода самолетов. Ввиду того, что у нас мало пикирующих бомбардировщиков, необходимо взять для разрушения только главные мосты, как то: в Мариенбурге, Торне, Варшаве и Демблине... в целях сокращения сроков готовности части должны иметь носильный запас винтовочных патронов (90 шт. на винтовку) в опечатанных ящиках под охраной дежурного и дневального в подразделениях; на каждый станковый пулемет иметь набитыми и уложенными в коробки по 4 ленты; на ручной пулемет и автомат — по 4 диска...»

Обращаю внимание читателей — это не планы победы над Германией. Это планы удержания немцев у границ в течение 15 дней — срока, необходимого для проведения мобилизации. Обычно все страны стремятся провести мобилизацию — увеличить свою армию до размеров, при которых можно выиграть войну — до начала войны. Но СССР этого сделать не мог. Поэтому он скрытно сосредоточил на границах огромные силы с единственной целью — иметь возможность отомобилизоваться. И Жуков это, безусловно, знал. Знал, но клеветал на Сталина и в этом вопросе, обвиняя его в непроведении мобилизации перед войной.

Смотрите, как много лжет Жуков, а почему? Почему он так хочет нас убедить, что причиной поражения является какая-то мифическая неготовность войск — планов не было, тревогу Сталин не объявил, указания не вовремя дал? Ведь его ложь проверяется, — может, и трудно в деталях, но очень легко в принципе. К примеру.

Франция объявила Германии войну в начале сентября 1939 года, а немцы ударили по ней лишь в мае 1940 г. — не через 15 дней, необходимых для мобилизации, а через 8 месяцев! Войска Франции и

ее союзников были в полной организационной и боевой готовности. К тому же они превосходили немцев и численно (147 дивизий против 136 немецких), и по числу танков и самолетов.

Тем не менее, немецкая армия разгромила союзников практически в течение двух недель, чего с Красной Армией не произошло. Даже те поражения, что потерпели войска прикрытия границы СССР, потребовали и более длительных сроков и не были столь полными.

Отсюда, т. Подосинников, можно сделать вывод, что приведение войск в боевую готовность ведет армию к поражению. Но это, конечно, не так. Просто этот фактор, так раздуваемый Жуковым, был тогда на самом деле столь малозначительным, что сам по себе не определял ни победу, ни поражение.

Смотрите. Полную боевую готовность войска приобретают, когда они в обороне окопались за минными и проволочными заграждениями, а в наступлении — когда развернулись в боевую линию. Чтобы привести войска в эту готовность, надо знать, где противник, где он ударит и какими силами, либо где он занял оборону. Для этого надо сблизиться с противником. Но как это сделать до войны?

Только умом полководца. Если попался толковый полководец, то проанализировав тысячи и тысячи составляющих (военных, политических, географических, климатических, экономических, этнических и пр.), он может догадаться, где именно враг нанесет удар и расположит именно здесь свои войска с тем, чтобы их боевая готовность, которая включает и их численность, была достаточной для нанесения врагу поражения. У побед и поражений есть много составляющих, и полководческая составляющая имеет среди них немалое значение.

В 1940 г. французские полководцы решили, что немцы ударят на севере и для их встречи подготовили здесь самые мощные и лучшие силы (около 40 дивизий). Немцы поняли, что французы так подумали, и нанесли по этим силам удар через Бельгию силами всего 29 дивизий, а 45 дивизий (в их числе 7 танковых) прошли южнее через считавшиеся французами непроходимыми Арденнские горы, разгромили две слабые французские армии, ворвались в глубь Франции, там развернулись на север и окружили группировку войск союзников, ждущую их на севере из Бельгии. Война была сделана, французы капитулировали.

А как было 22 июня 1941 года? Чей полководческий талант возобладал — нашего или немецкого Генштабов? Из мемуаров тогдашнего начальника Генштаба РККА Георгия Константиновича Жукова видно, что ему ужасно не хочется на этот вопрос отвечать, но надо — он слишком много дает фактов, чтобы мысль об этом не пришла в голову. К примеру, если свести даваемые им вразнобой цифры количества дивизий (без кавалерийских) с нашей и немецкой стороны на 22 июня, то получится следующая картина (см. нижеследующую табл.).

Из того, как Г.К. Жуков расположил наши войска, видно, что он ждал основные удары немцев из Прибалтики и с украинской границы. А немцы нанесли главный удар там, где он не ждал — в Белоруссии.

Виноват ли Жуков? Если и виноват, то не более чем наш шахматист, проигравший иностранному. Ведь мы вели войну не с мальчишками, а с талантливейшими военными специалистами и генералами.

Количество советских и немецких дивизий, рассредоточенных вдоль границ СССР, на 22 июня 1941 г.

	Наши	Немецкие
Прибалтийский ВО	31	29
Западный ОВО	42	50
Киевский ОВО	56	33
Одесский ВО	22	12
Резерв	-	24

Зачем было клеветать, зачем валить эту свою вину на Сталина, на остальных? К сожалению, Жуков не понимал, что славе его (которую он жаждал с очевидностью) это ничего не добавляет, наоборот — выставляет его самого в смешном и жалком виде. Он пишет.

«Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года

сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки.

Вследствие этого пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении.

При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль — апрель) мы этот просчет полностью не исправили.

И.В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И.В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну».

И.В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако указанное предположение И.В. Сталина не учитывало планов противника на молниеносную войну против СССР, хотя, конечно, оно имело свои основания».

А спросить Жукова, какое воинское звание «весной 1941» имел Сталин, чтобы генерал армии Жуков его считал в военных вопросах «величайшим авторитетом»? И если Сталин беспокоился за Украину, то неужели по карте не было видно, что немцам до Киева ближе от белорусского пограничного Бреста, чем от украинского пограничного Перемышля? Или начальник Генштаба Жуков свою работу по анализу карт перепоручил Сталину?

А вот еще: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники, ни Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и

моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

А на что именно рассчитывал Г.К. Жуков, прячущийся в данном случае за спинами наркома и отсутствовавших уже давно Шапошникова и Мерецкова? На то, что немцы выделят для наступления на СССР по роте от каждой дивизии? Разве во Франции они не «бросили в первый же день мощные компактные группировки»?

Однако давайте отвлечемся на несколько более подробное рассмотрение этой цитаты из мемуаров Г.К. Жукова.

«Военно-исторический архив» (№ 3, стр. 264) сообщает, что когда начальнику Генерального штаба КА Г.К. Жукову Главное разведывательное управление этого штаба принесло доклад «О франко-немецкой войне 1939–1940 гг.», в котором были подробно проанализированы действия впервые созданных немцами оперативностратегических объединений — танковых армий, Жуков начертил на документе: «Мне это не нужно».

На Совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. генерал армии Жуков в своем докладе «Характер современной наступательной операции» сообщал, что современные наступательные операции отличают «смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника», и утверждал, что это доказывают «высокие темпы проведения наступательных операций. Польша разгромлена в 18 дней (в среднем суточное передвижение немцев равно 30 км), Голландия, Бельгия и Северная Франция за 20 дней, что равно (темп наступления) 20 км в сутки. Разгром Франции — в 18 дней, что составляет (по темпу наступления) 16 км в сутки, при этом действие ММС доходило до 100–120 км».

Делать такие заявления в 1940–1941 гг. и потом в мемуарах заявлять, что никто не ожидал массированных ударов немцев?! Доклад для этого совещания Жукову написал Баграмян, но неужели Жуков ничего не понял в собственном докладе?

И наконец. Это ведь не Сталин «был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь

овладеть Украиной». Это Жуков 11 марта 1941 г. писал Сталину:

«Докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке... Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся 260 дивизий... до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ... Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину».

Интересно, что, дискутируя с этой моей оценкой Жукова, генерал армии М. Гареев, видимо, не зная, что тут сказать, пишет во все той же, уже цитированной мною статье: «В военно-исторической литературе и в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны называется много различных причин наших неудач и поражений в начальный ее период. Все эти причины сыграли негативную роль, но они не были главными, решающими. Например, не столь важной, как изображается, была ошибка с определением главного удара противника, ибо на юге, где мы в отличие от немцев сосредоточили свои основные силы, наши войска также потерпели поражение. Следовательно, дело не только в этом.

Главная причина неудач была в том, что войска приграничных округов не были заблаговременно приведены в боевую готовность...»

Тут даже не знаешь, как на такое реагировать: видимо, надо считать причиной неудач и поражений то, что у нас есть генералы, которым не важно, откуда противник нанесет главный удар, поскольку эти генералы все равно потерпят поражение.

Но давайте еще о боевой готовности.

День «Б» и потери немцев в авиации

Во многих книгах на тему Великой Отечественной войны бытует мнение, к которому относятся как к безусловному факту, что немцы хотели напасть на СССР и 10 июня, и 1 июня и даже 15 мая, да по разным причинам нападение откладывали. Эти даты поступают из донесений таких разведчиков, как Р. Зорге, хотя сами разведчики в этом не виноваты — они посылали в Центр все сведения, которые могли собрать у немцев, а немцы в невероятных количествах плодили дезинформацию с одной целью — заставить СССР начать мобилизацию. В общем, сделать то, что Сталин открыто не делал (скрытая мобилизация шла) и за что Жуков обвиняет Сталина.

Дело в том, что мобилизация такой страны, как Россия, столь дорогостоящая и громоздкая операция, что ее саму по себе уже рассматривают, как акт агрессии.

Вспомним юридические аспекты Первой мировой войны. Сербом Г. Принципом был убит австрийский наследник престола в Сараево. Австрия предъявила Сербии ультиматум, Россия в ответ начала мобилизацию, союзница Австро-Венгрии Германия потребовала от России прекратить мобилизацию, Россия отказалась выполнить это требование, Германия объявила себя в состоянии войны с Россией, что автоматически привело к состоянию войны с Германией Франции и Великобритании — союзниц России. И в агрессии кайзеровскую Германию никто не упрекал — для России начало мобилизации и объявление ею войны — это практически одно и то же.

Вот Гитлер и старался спровоцировать Сталина на мобилизацию, тогда бы Германия не выглядела агрессором в глазах остального мира.

А сами немцы могли начать войну только тогда, когда к ней полностью подготовятся. Это могло произойти не ранее 20 июня, поскольку, исполняя данную Гитлером «Директиву № 21», или «План Барбаросса». Главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич в своей «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (план «Барбаросса»)), данной войскам еще 31 января 1941 г., приказал: «Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день «Б»)) могло

быть начато 21.6». И задержались немцы с наступлением всего на 1 день — начали его 22.6.1941 г.

Теперь об авиации. Как показывает в своих статьях В.И. Алексеенко, даже наши «новые» истребители, для которых к началу войны еще и эксплуатационные инструкции не были написаны, — МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, — уступали немецкому истребителю Me-109F (Bf-109F) даже по основному боевому параметру — по скорости — на 36–69 км/час, а по радиооборудованию, автоматике и т. п. — уступали полностью. Да и было этих «новых» истребителей в западных округах всего 304 единицы.

Остальные истребители — И-153 и И-16 — уступали «мессершмитту» в скорости 162 и 123 км/час и зачастую не могли догнать даже немецкий бомбардировщик.

Добавьте к этому техническому превосходству еще и хрущевско-жуковские утверждения, что Сталин «не привел войска в боевую готовность» и что массу наших самолетов немцы уничтожили прямо на аэродромах. Что должно получиться? Правильно: потери немцев в самолетах в начале войны с СССР должны были бы быть минимальными, смешными. А как было на самом деле?

Давайте немецкие потери в начале войны на советском фронте сравним с другой авиационной операцией немцев — с «Битвой за Англию».

Как пишет У. Черчилль в своей увенчанной нобелевской медалью «Второй мировой войне», это авиационное сражение началось 10 июля 1940 г. и, разумеется, не было для англичан неожиданностью. Англичане были в состоянии войны с Германией уже более 10 месяцев и, по словам Черчилля: «По своим качествам наши самолеты-истребители мало отличались от немецких. Немецкие обладали большей скоростью и лучше набирали высоту; наши же отличались большей маневренностью и были лучше вооружены».

Хотя битва началась 10 июля, нам все же придется для сравнения брать период с 10 августа, поскольку, во-первых, месяц до этого у немцев были совсем незначительные потери (40–60 самолетов в неделю), во-вторых, Черчилль пишет, что только к августу немцы сосредоточили против Англии 1361 бомбардировщик и 1308 истребителей, из которых лишь 375 были дальними, т. е. немецкие бомбардировщики очень часто летали без эскорта истребителей, в

отличие от Восточного фронта. Это, конечно, вело к увеличению немецких потерь над Англией, по сравнению с потерями на советско-германском фронте. Итак, немцы сосредоточили для нападения на Англию 2669 самолетов.

А к 22 июня 1941 г. на советском фронте немцы сосредоточили 2604 боевых самолета, из которых 1233 были истребители (и еще 1000 боевых самолетов своих союзников). То есть немецкие группировки в обоих случаях были практически одинаковы. Каков же итог? (Напомню, что и Черчилль, и я берем цифры немецких потерь из немецких же сводок о потерях.)

Итак, за первую неделю «разгара» боев за Англию, т. е. с 11 по 17 августа, немцы потеряли 261 машину. А за первую неделю войны с СССР, т. е. с 22 по 28 июня, они потеряли 445 самолетов (вообще-то больше, так как впоследствии они уточняли потери в нарастающем итоге и всегда в сторону их увеличения, но к какой неделе относится увеличение и насколько надо увеличить — из немецких сводок узнать нельзя).

За первый месяц «разгара боев» (4 недели, так как сводки недельные) битвы за Англию немцы потеряли 786 самолетов. За 4 недели начала войны с СССР они потеряли 1171 самолет.

За всю «битву за Англию», более чем за 16 недель (с 10 июля по 31 октября), они потеряли 1733 самолета. За 16 недель войны с СССР (с 22 июня по 11 октября) они потеряли 2789 самолетов.

Прославленный немецкий летчик Ганс Рудель так описывает состояние своего бомбардировочного авиаполка перед первым налетом на Кронштадт: «Весь полк поднимается и берет курс на север. Сегодня у нас 30 самолетов, согласно штатному расписанию мы должны иметь 80 машин, но цифры не всегда являются решающим фактором». То есть меньше чем через три месяца после начала войны полк потерял не менее 70 % своих экипажей (ведь приходило и пополнение).

Таков итог. И если цифры этого итога сравнит беспристрастный историк, то разве не возникнет у него вопрос: кто же это «не привел войска в боевую готовность» — Черчилль или Сталин?

Но, пожалуй, наибольшей подлостью Г.К. Жукова явилось то, что он скрыл от историков приказы от 18 июня 1941 г. о приведении войск западных округов в боевую готовность к отражению немецкого удара. Такое распоряжение (до сих пор не опубликованное) он дал, но не

установил контроль за его исполнением, в связи с чем командующий Западным особым военным округом генерал Павлов сумел совершить акт предательства.

Жуков при Хрущеве кое-что уничтожил в архивах Генштаба, но не все. В частности, еще при жизни Сталина в конце 40-х — первой половине 50-х годов Военно-научное управление (начальник генерал-полковник А.П. Покровский) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР обобщало опыт сосредоточения и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы 1941 года накануне Великой Отечественной войны.

С этой целью были заданы пять вопросов участникам указанных событий, занимавшим в начальный период различные должности в войсках военных округов:

«1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?

3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?

4. Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах?

5. Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?»

В 1989 году «Военно-исторический журнал» с № 3 начал печатать ответы советских генералов на эти вопросы, поочередно посвящая одну статью в номере ответам на один поставленный вопрос. Успел опубликовать ответы на первые два вопроса, и как только очередь дошла до вопроса «Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность?» — публикация безо всяких объяснений со стороны журнала была прекращена. Гареевы и анфиловы вовремя спохватились. Но и из того, что журнал успел напечатать, стало ясно,

что в Прибалтийском особом военном округе это распоряжение было получено задолго до войны всеми соединениями. Генералы этого округа ответили:

«Генерал-полковник танковых войск П.П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПрибОВО). 16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность. Командиру корпуса генерал-майору Н.М. Шестопалову сообщили об этом в 23 часа 17 июня по его прибытии из 202-й моторизованной дивизии, где он проводил проверку мобилизационной готовности. 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано.

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А.В. Куркин), который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе».

«Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией). Командующий войсками округа решил ехать в Таураге и привести там в боевую готовность 11-й стрелковый корпус генерал-майора М.С. Шумилова, а мне велел убыть на правый фланг армии. Начальника штаба армии генерал-майора Г.А. Ларионова мы направили обратно в Глгаву. Он получил задачу вывести штаб на командный пункт.

К концу дня были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа. Части 10, 90 и 125-й стрелковых дивизий занимали траншеи и дерево-земляные огневые точки, хотя многие сооружения не были еще окончательно готовы. Части 12-го механизированного корпуса в ночь на 19 июня выводились в район Шяуляя, одновременно на командный пункт прибыл и штаб армии».

«Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии). 19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии. С рассветом командиры полков, батальонов и рот

на местности уточнили боевые задачи согласно ранее разработанному плану и довели их до командиров взводов и отделений.

В целях сокрытия проводимых на границе мероприятий производились обычные оборонные работы, а часть личного состава маскировалась внутри оборонительных сооружений, находясь в полной боевой готовности».

В Западном ОБО, которым командовал предатель Павлов, приказ о приведении войск в боевую готовность отдан не был. Предатель Павлов вверенные ему армии даже в лагеря не вывел.

В Киевском ОБО, судя по ответам генералов, командующий округом генерал-полковник Кирпонос творил какие-то странные дела, тем не менее, часть войск и в КОБО вовремя получила распоряжение на приведение себя в боевую готовность:

«Генерал армии М.А. Пуркаев (бывший начальник штаба КОБО). 13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией.

Однако на следующее утро генерал-полковник М.П. Кирпонос в присутствии члена Военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил принятое решение. Г.К. Жуков приказал выводить войска на рубеж УРа, соблюдая меры маскировки».

«Генерал-майор П.И. Абрамидзе (бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии). 20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: «Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года».

Точно в указанный срок я по телеграфу доложил о выполнении приказа. При докладе присутствовал командующий 26-й армией генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, которому поручалась проверка исполнения».

А хрущевские мошенники продолжают уверять своих доверчивых читателей, что, дескать, Сталин верил Гитлеру и, вопреки предупреждениям гениального Жукова, приказ на приведение войск в боевую готовность так и не дал.

Правда, справедливости ради следует сказать, что почти десятилетняя работа газеты «Дуэль» дает свои плоды: клеветники на Сталина уже не могут талдычить об отсутствии приказа на приведение войск в боевую готовность, и вынуждены о нем упоминать, хотя и с крайне глупыми «разъяснениями». К примеру, в «Военно-историческом архиве» № 1 за 2005 год в комментариях к походным дневникам генерала П.А. Белова редакция пишет: «В ночь на 20 июня 1941 года штаб 9-й армии (штаб Одесского Военного округа) по инициативе начальника штаба был выведен на полевой командный пункт, а войска и авиация приведены в полную боевую готовность».

Можно было бы, конечно, посмеяться этой «инициативе начальника штаба», но нужно и понять редакцию: столько десятилетий брехали людям про неприведение войск в боевую готовность, а теперь надо отказываться от этой брехни. Это, конечно, не просто...

О жертвах

Я уже затронул тему генеральского предательства, однако давайте хотя бы вкратце остановимся и на довоенной измене генералов. В свое время мне уже пришлось обсуждать в газете этот вопрос, и подвигло меня на это такое письмо читателя:

«В газете «Дуэль» № 19 за 1996 г. Ю.Мухин, в статье «Надо ли всех объявлять евреями», разбирая «еврейский вопрос», коснулся и «русской души», в частности ее отрицательной черты: неуважения к предкам, что якобы и страна распалась из-за этого. Другие нации — татары, казахи и др. свято чтят память своих предков. А мы проявляем хамство, пишет Ю. Мухин, даже Сталина оплевали, оплевали Хрущева, Брежнева и т. д. Ну и что? Ведь в глубине русской души заложены начала правды, бескорыстия, готовности идти на жертвы в пользу человечества и достойного будущего. И если лидер, в которого верили, которому доверяли, — поправил эти каноны, то, естественно, это вызвало духовный протест. Отсюда у нашего народа большие требования к лицам, власть имущим.

Скажите, разве это вяжется с совестью, используя труд, энергию коммунистов-ленинцев и въехав на их горбу в социализм, взять их и наиболее деятельных перестрелять?! Вот их неполный список: Рыков, Бухарин (инициалы опускаю, ибо эти фамилии у многих на слуху, для краткости), Сокольников, Пятаков, Раковский, Бубнов, Рудзутак, Эйхе, Косиор, Серебряков, Каминский, Постышев, Чубарь, Енукидзе, Косарев, Кабаков, Румянцев, Кнорин, Демченко, И.П.Жуков, Кодацкий, Кривицкий, Лебедь, Лобов, Павлуновский, Чудов, Шеболдаев, Варейкис, Затонский, Межлаук, Примаков, Пятницкий, Рахимович, Уншлихт, Яковлев, Гринько, Зеленский, Иванов, Икрамов, Розенгольц, Чернов, Балицкий, Калыгина, Комаров, Кубяк, Любимов, Носов, Сулимов, Грядинский, Попов, Рындин, Мирзоян, Благоданов, Быкин, Блюхер, Дерibas, Егоров, Исаев, Корк, Кульков, Курицин, Лозовский, Михайлов, Пахомов, Сидельников, Семенов, Тухачевский, Уборевич, Якир, Позеры, Смородин, Угаров, Голодец, Любченко, Саркисов... Что? Еще перечислять или хватит? Ибо на всех загубленных бумаги не хватит! Это были лишь те, кто участвовал в

XVII съезде ВКП(б) 1934 г. А Ян Карлович Берзин и легендарный Дыбенко чего стоят! Так вот, благодаря этим коммунистам были заложены основы социализма, и чтобы не быть им обязанным — Сталин их всех — на эшафот! Так за что же его почитать?! За политический бандитизм?!..

Вот в вашей газете некто профессор неизвестных наук П. Хомяков тоже талдычит осанну Сталину, указывая какие-то его заслуги... Вот ведь какое умопомрачение! Мышление по короткому замыканию: от плюса к минусу, без анализа в присутствии совести и чести.

Или: Еврейский антифашистский комитет с 1943 вел из СССР радиотрансляцию на Германию, разоблачая Гитлера и его клику, и внес определенный вклад в нашу победу. И что? В 1948–1952 гг. все они были расстреляны, включая самого Лозовского (председателя Совинформбюро во время войны), хотя, уточняя: женщина, ученая, профессор медицины, академик Штерн отделалась только тюремным сроком. Сталин любил женщин, он и жену Маяковского — Лилю Брик вычеркнул из списка лиц, представленных к уничтожению: «Пощадим жену Маяковского», — изрек вождь. Но он отлично умел отбирать кадры по признаку личной преданности: посадил в тюрьму жен своих прямых помощников — жену Молотова и жену Калинина. Ни Молотов, ни Калинин возмущения не проявили! Вот это преданность вождю! А вот у кого были действительно деловые качества, это: Вознесенский (председатель Госплана), Кузнецов (секретарь Ленинградского горкома) — уничтожены уже после войны и репрессирован их аппарат. Сталин не мог допустить, чтобы рядом с ним находились крупные умные деятели, иначе, чего доброго, наживешь потенциальных претендентов на свой пост. Сталин — весь в крови невинноубиенных! Судите сами: Сталин уничтожил Ленинскую гвардию в партии, ниспровергнул Ленинские нормы жизни в партии, коллективность руководства, окружил себя подхалимами и карьеристами, создал номенклатуру, которой было все дозволено, посеял страх и сковал творческую активность масс, он фактически разложил партию, что привело к распаду СССР. Вот тут-то и сказывается протест русской души, которой противно коварство, ложь, жестокость и предательство. За эти качества его надо было не прославлять, а лишить чести звания коммуниста ныне, хотя бы

посмертно (ведь награждают же людей посмертно, так почему же не взыскать посмертно).

Сталин с полным основанием мог бы провозгласить: «Государство — это Я»! Как когда-то говорил французский «король-солнце» — Людовик XIV. Сталин считал, что «партия — это он». А тем, кто возражал ему в чем-либо, имея собственное мнение, Сталин обычно парировал: «Вы что, против партии?»

Славословие Сталину до того дошло, что превратилось в подобие психологического наркоза продленного действия. Иначе как объяснить, что такие умные люди, как В. Бушин и писатель В. Карпов, до сих пор не могут освободиться от этого «зомби».

Можно быть отличным публицистом, классным писателем, но это будет лишь профессией. Кроме этого, у человека должно быть «ядро личности»: комплекс морально-духовных достоинств и нравственных качеств, которые формируют личность, в противном случае — ситуационное зомбирование со стороны СМИ правящего режима ведет к деформации личности с последующими проявлениями и взглядами, далекими от здравого смысла и от гражданской совести.

И снова вопрос: как можно было расстреливать своих соратников по партии, по борьбе при завоевании Советской власти? И как можно об этом забыть, да еще и хвалить Сталина за его «планетарное мышление» («планетарное» — это по определению писателя В. Карпова).

Итоги: для того, чтобы победил социалистический строй, надо открыто сказать правду о Сталине и донести людям правду о том, что **социализм — это научно организованное общество социальной справедливости с равными возможностями для творческого развития личности при общественной собственности на средства производства** и призвать бороться за эту идею всеми силами Русской души!

P.S. На Вашу просьбу, т. Ю. Мухин, я откликнулся, написал Вам целую статью, хотя я и не еврей, а русский (Вы же в газете просили, чтобы Вам по еврейскому вопросу писали евреи), но думаю «была не была» напишу, тем более гражданское чувство обязывает.

А вот, напечатаете ли мое письмо? Сомневаюсь: для этого нужно гражданское мужество. Хотя (как знать, ведь Ваша газета — «газета

борьбы общественных идей — для тех, кто любит думать»), — так значится в подзаголовке газеты «Дуэль». С гражданским приветом.

Савинов А.Ф.».

По себе судим

А вот мой ответ читателю: «Уважаемый Александр Федорович! Должен заметить, что, когда Сталина стали называть убийцей, мы с П. Хомяковым только в школу пошли, разве что В. Бушин был постарше. И с тех пор более сорока лет все начальство страны талдычит: «Сталин — убийца!» И вы вместе с ними. Это похвально! Но Вам все же следует расспросить у знакомых смысл слова «зомби», чтобы правильно им пользоваться.

Не все фамилии в списке мне знакомы, но кое-какие я встречал. Скажем, в опубликованном дневнике М. Сванидзе, которая в то время о своем родственнике писала так: «Я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд, а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали нравов и быта. Амель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развращен и сластолюбив — он смрадил вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек... Тошно говорить и писать об этом, но будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более юных и, наконец, докатился до девочек в 9—11 лет... Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненужностью подсовывались другим мужчинам».

Так, М. Сванидзе пишет о стоящем у вас в списке 14-м А. Енукидзе — секретаре президиума ЦИК СССР, втором человеке в высшем законодательном органе власти в стране. Если говорить Вашими словами, то примерно таким образом он «закладывал основы социализма». Малолетними девочками. Между прочим, в этом деле не отставал от Енукидзе и главный контролер страны — нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции. Он у вас в списке седьмой. Его фамилия Рудзутак. Взяли власть — гуляй всласть!

Не знаю, может, у Вас есть малолетние внуки и Вы жалеете, что без Енукидзе и Рудзутака не можете, как те женщины, «иметь все»? Вы же видите, как после революции 1991 года во власть ринулись

мерзавцы. С чего Вы взяли, что в то время власть для негодяев была менее соблазнительной?

Давайте возьмем еще кого-нибудь, скажем, Тухачевского. Еще в 1930 году два преподавателя Академии им. Фрунзе сообщили, что Тухачевский вербует среди военных сторонников для захвата власти. Им устроили в ЦК очную ставку с Тухачевским. Они подтвердили показания, но Тухачевский отказался, а поскольку за него заступились Дубовой, Якир и Гамарник, то 23 октября 1930 года Сталин радостно писал Молотову: «Что касается Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 процентов. Это очень хорошо». Рано радовался. В 1936 году были арестованы комкоры Примаков и Путна, но они молчали 9 месяцев до мая 1937 года. Могли бы молчать и дальше, но в середине месяца Гитлер продал НКВД (за помеченные советские червонцы) документы, которые Гейдрих выкрал в Генштабе немецкой армии и которые первоначально предназначались для компромата командования Вермахта. Документы Примакова подкосили. Он начал говорить, и по его показаниям арестовали Тухачевского и других. Эти «кололись» немедленно.

Фельдман в день ареста. Тухачевский успел написать тома собственноручных признаний. Вы, конечно, скажете, что их пытали.

В 1957 году Тухачевского и других реабилитировали, а в 1961 в ЦК КПСС спохватились и сделали «проверку правильности» обвинения 1937 года. Конечно, искали хоть каких-либо доказательств пыток. Нашли такие: «Мучительному ночному допросу был подвергнут и арестованный комкор Путна... 14 мая его допрашивали в течение всей ночи. В результате Путна дал показания на Тухачевского...» Допросила комиссия ЦК и следователя, пытавшего Примакова: «Давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить дать показания... В это время ему разрешали в день спать 2–3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать и туда же ему приносили пищу».

Показания Тухачевского с подельниками рассмотрели на заседании суда их товарищи — Блюхер, Егоров, Алкснис — и единодушно решили расстрелять за измену. Вы, конечно, скажете, что им Сталин приказал. Но дело в том, что ни тогда, ни сегодня судьям никто и ничего приказать не может. Судья по ст. 305 УК РФ, сегодня

должен получать 10 лет за то, что выносит приговоры по чьим-либо приказам, а тогда по ст. 114 УК РСФСР более 2 лет. Но Вы же все равно не поверите и будете кричать: «Сталин убил! Сталин убил!»

Тогда я должен сказать — правильно убил! Зачем Красной Армии нужны были трусливые и подлые маршалы, которые от угрозы сутки не поспать оговаривают себя в том, чего не совершали и за что полагается расстрел, или те, кто из раболепия перед начальством, идут на подлость убийства своих невинных товарищей?

Но и без этого на поведение некоторых маршалов следовало бы обратить внимание. Скажем — на маршала Блюхера, десять лет командовавшего нашими войсками на Дальнем Востоке.

У него была молодая жена и, когда Блюхера арестовали, ее тоже отправили в лагеря, она растеряла детей, сидела очень долго и, разумеется, люто ненавидела Сталина. Тем ценнее ее показания. Их стоит привести.

Она описывает инспекцию Гамарника в Хабаровске летом 1936 года, когда еще ни один командир Красной Армии не был арестован: «При отъезде Гамарника в Москву он (Блюхер. — Ю. /И.), сказавшись больным, провожать высокого гостя и начальника не поехал, что выглядело демонстрацией... Несколько позже муж решил в дороге нагнать поезд, с которым уехал Гамарник. Перед отъездом на вокзал он сказал мне: «А ты готовься к срочному отъезду из Хабаровска... Пришлю телеграмму. Мы условились: речь в телеграмме будет о Лиде... Если будет сообщено, что она приедет, — это будет означать, что мы в Хабаровске остаемся, если же не приедет — значит, мы уезжаем. Телеграмму из Читы я получила: «Лида приедет».

Спросите себя — куда Блюхер, человек военный, бросив свой пост в Хабаровске, планировал уехать без разрешения командования? И зачем ему этот отъезд нужно было кодировать в переписке с женой? Далее: «Он рассказал, что с Гамарником (встреча состоялась на ст. Бочкарево-Чита) был продолжительный разговор, в котором Я.Б. Гамарник предложил Василию Константиновичу убрать меня, как лицо подставное («Объявим ее замешанной в шпионаже, тем самым обелим вас... молодая жена...») На что Василий Константинович ответил (привожу его слова дословно): «Она не только моя жена, но и мать моего ребенка, и пока я жив, ни один волос не упадет с ее головы».

Смотрите, какие интересные разговоры ведут между собой «жертвы Сталина». Оказывается, если оклеветать невинного человека возле Блюхера, то с самого Блюхера можно снять обвинение в шпионаже. (Напоминаю — в это время еще никаких арестов не было.) Блюхер рад оклеветать невинного человека, но вот беда — она мать его ребенка! Это его удержало!

Год спустя Блюхер с женой были в Москве. Глафира Блюхер рассказывает: «31 мая во второй половине дня Василий Константинович и первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) тов. Лаврентьев (Карвелашвили) поехали навестить приболевшего Якова Борисовича Гамарника к нему домой... К вечеру, еще засветло, муж вернулся домой... На следующий день я, просматривая утреннюю почту... прочла... о том, что вчера, 31 мая, покончил жизнь самоубийством махровый враг народа Я.Б. Гамарник».

Итак, именно после разговора с Блюхером и Лаврентьевым Гамарник застрелился. Блюхер жене откомментировал это так: «... Яков Борисович, по-видимому, уже говорил с Киевом по прямому и уже знал, что Иону Якира арестовали... Значит, в тот момент, когда мы отъезжали, энкэвэдэвцы ринулись в дом, чтобы арестовать Якова Борисовича. Он застрелился. Успел».

Давайте обсудим это «успел». Почему оно так удовлетворило Блюхера? По военным русским меркам у офицера есть только один повод застрелиться — когда он является носителем важной тайны и не уверен, что сможет скрыть ее от врагов. Получается: Гамарник, узнав, что дал показания после ареста 28 мая Якир, застрелился и этим успел что-то скрыть от их совместных врагов — НКВД.

Потом 11 июня Блюхер был членом суда над Тухачевским, Якиром и прочими «верными ленинцами». Он задавал злые вопросы подсудимым и проговорил их к расстрелу. Он, а не Сталин.

А затем, в 1938 году, были бои с японцами у озера Хасан, которыми руководил Блюхер. Результаты боев обсуждались на Главном военном совете Красной Армии, в присутствии еще не снятого с должности Блюхера — члена этого Совета. Ворошилов по итогам Совета дал приказ № 0040 от 4.9.1938 года. Не будем приводить данные в нем оценки Блюхера, а дадим несколько фактов. Сначала о Блюхере как профессионале: «Т. Блюхер систематически из года в год, прикрывал свою... работу... донесениями об успехах, росте боевой

подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28–31 мая 1938 г., в котором утверждал..., что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боееспособны».

А реально: «Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен (о начале конфликта Блюхер знал заранее, за 7 дней. — Ю. М.) для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий... Во многих случаях целые артиллерийские батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий. Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности... Танковые войска были использованы неумело, вследствие чего понесли тяжелые потери... От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился... Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны... специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался... после приказания т. Блюхеру выехать на место событий, т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом... командование 1-й армии фактически отстраняется (Блюхером. — Ю. М.) от руководства своими войсками без всяких к тому оснований. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от прямой связи с Москвой... трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером».

Да... те еще были маршалы! Но застенчивый в бою, Блюхер проявил бешеную инициативу в другом. За пограничную линию он не отвечал, за это отвечало НКВД, в составе НКВД были пограничные войска. Для улаживания пограничного вопроса с японцами накануне

событий в Хабаровск прибыли заместители наркомов НКВД и НКО. В тайне от них, безо всякого приказа и согласования Блюхер создает комиссию и подтверждает японцам «нарушение» нашими пограничниками Маньчжурской границы на **3 метра** и, следовательно... нашу «виновность в возникновении конфликта на о. Хасан». А в разгаре боев его фронта с двумя японскими дивизиями он объявляет на Дальнем Востоке мобилизацию 12 призывных возрастов (что мог сделать только ВС СССР).

«Этот незаконный акт, — пишет в приказе Ворошилов, — тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г. с участием т. Блюхера и по его же предложению решил призвать в военное время на Дальнем Востоке всего лишь 6 возрастов. Этот приказ провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией».

Вопреки фактам

Иногда даже не знаешь, что делать: возмущаться или смеяться? Забив себе голову хрущевскими антисталинскими пропагандистскими клише, историки как отмороженные не соображают, что пишут. Вот некто Михаил Ильинский выдал книгу «Нарком Ягода» со стандартным для каждого околоисторического идиота набором выводов: Сталин приказал убить верных ленинцев, Вышинскому достаточно было только признания, следователи НКВД пытками заставляли подозреваемых эти признания выдумывать. Но при этом он публикует, цитирует и даже пересказывает массу документов тех лет и подробностей, выявленных на допросах, и впечатление такое, что Ильинский совершенно не понимает, что он опубликовал и процитировал.

Такой, взятый наобум пример. Вот Ильинский восхищается высокопоставленным чином ЧК-ГПУ-НКВД А.Х. Артузовым и считает его выдающимся контрразведчиком и образцом для подражания всех работников спецслужб. И тут же публикует письмо Артузова от 03.12.31 председателю ГПУ Менжинскому, которое по своему смыслу является образцом низкопоклонства и подлости. Как следует из текста, Менжинский и Ягода заподозрили Артузова в том, что тот сообщает в ЦК и, соответственно, Сталину факты о работе ГПУ, которые можно использовать для критики Менжинского и Ягоды. Артузов в отчаянии:

«...Итак, моя лояльность к Вашей линии, к Вам лично взята под сомнение! Мне трудно описать, насколько этот вывод убил и обескуражил меня. Ведь Вы для меня не только наш председатель, олицетворяющий линию партии в нашей борьбе, но еще и Вячеслав Рудольфович — руководитель, первый мастер нашего дела; с Вашим именем связаны годы совместной прекрасной работы.

И сегодня я все же должен приводить доказательства лояльности!

...По правде говоря, я думал, что и Генрих Григорьевич (Ягода. — Ю. М.) уверен в моей полной лояльности, несмотря на свою крайнюю подозрительность.

...Наоборот, я считал всякую критику (вроде евдокимовской) разоружением ГПУ в наиболее ответственный момент...

Боюсь, что из меня не будет работника в условиях, когда надо доказывать свою лояльность...

...Вы можете быть совершенно уверенными, что никогда я не позволю себе сказать дурное слово о ГПУ или его руководстве».

Заметьте, кому Артузов клянется в верности, — это не Родина, не государство, не партия и не Сталин, все это для Артузова совмещено в лице Менжинского и его заместителя Ягоды. Такой вот верный чекист.

Так чему удивляться, что этот верный чекист на допросе показал следующее.

«Расскажите, при каких обстоятельствах вы были привлечены Ягодой к участию в антисоветском заговоре.

— В 1932 году мне позвонил Паукер и сказал, что меня срочно требует к себе Ягода. Я явился немедленно. В кабинете Ягоды находился Паукер. Ягода без слов показал мне агентурное сообщение Паукера, из которого было ясно, что наружная разведка Оперода точно засекла мои встречи с представителем «швейцарского Красного Креста» Верлиным в районе недалеко от Химок. Зафиксированы были номера машин, моей и Берлина, а также факт поездки Берлина в моей машине и возвращения его к своей машине почти через час.

Я понял, что никакие объяснения ни к чему не приведут, решил, что у меня нет другого выхода, как разоблачить себя перед Ягодой.

С тех пор, как Ягода узнал о моей связи с французами, он начал вести со мной откровенные антисоветские разговоры».

Как такое мог придумать следователь? Ведь это доказывается Ягодой, Паукером и сотрудниками Оперативного отдела, которые вели слежку за Верлиным.

И как можно сомневаться вот в таких показаниях Артузова:

«— Какие цели ставили заговорщики?

— Основная задача — восстановление капитализма в СССР. Совершенно ясно, отмечал Г.Г. Ягода, что никакого социализма мы не построим, никакой советской власти в окружении капиталистических стран быть не может. Нам необходим такой строй, который приближал бы нас к западноевропейским демократическим странам. Довольно потрясений! Нужно наконец зажить спокойной обеспеченной жизнью,

открыто пользоваться всеми благами, которые мы, как руководители государства, должны иметь.

В качестве мер по восстановлению капитализма в СССР намечались: ограничение, а затем отмена монополии внешней торговли; широкое предоставление всякого рода концессий иностранным капиталистам; отмена ограничений по въезду и выезду иностранцев; постепенное вовлечение СССР в мировой торгово-промышленный оборот; выход советской валюты на международный рынок; отмена всех привилегий для коллективных хозяйств в экономике; свободный выбор для крестьян форм землепользования (колхоз, артель, единоличное хозяйство, хуторское или другое хозяйство); увеличение норм личной собственности.

В области политической Ягода выделял необходимость ослабления борьбы с классовым врагом, дать свободу политзаключенным, обеспечить демократические свободы — слова, собраний, печати, неприкосновенности личности и жилища; провести свободные выборы на основе демократической конституции, по духу приближенной к конституциям буржуазных республик, и, конечно, при соблюдении полного равенства граждан СССР независимо от социального и национального происхождения, характера труда (умственного и физического) и т. д. Ягода был готов отказаться от всех прав, завоеванных пролетариатом, в пользу прав, утерянных буржуазией в результате революции.

Будучи недостаточно подготовленным теоретически, — говорил Артузов, — он излагал политические цели заговорщиков недостаточно четко. Он ведь не теоретик, и многое в его высказываниях звучало, как перепев чужих мыслей».

Это ведь программа, осуществленная Горбачевым, Ельциным, Яковлевым и еще кучкой ренегатов в 1991 году, причем они совершили преступление, предусмотренное ст. 64 тогдашнего Уголовного кодекса, и подлежат, как и «герои 1937 года», расстрелу. Причем, эти ренегаты уничтожили СССР именно с той целью, что была и у Ягоды, — чтобы **открыто** пользоваться благами, на которые, как они полагали, они имели право как руководители. Как можно сомневаться, что Ягода предавал во имя барахла, если Ильинский начинает книгу с перечня того, что у Ягоды конфисковали, и этот перечень в 130 позиций, которому и сейчас многие магазины позавидуют, возглавляют:

«1. Денег советских — 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.

2. Вин разных — 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления — 1897, 1900 и 1902 гг.

3. Коллекция порнографических снимков — 3904.

4. Порнографических фильмов — 11 шт.

5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких — 11 075 шт.

6. Табак заграничный — 9 коробов.

7. Пальто мужск. Разных, большинство из них заграничных — 21 шт.

8. Шуб и бекеш на беличьем меху — 4 шт.

9. Пальто дамских разных заграничных — 9 шт.

10. Манти беличьего меха — 1 шт.

11. Котиковых манти — 2 шт.

12. Каракулевых дамских пальто — 2 шт.

13. Кожаных пальто — 4 шт.

14 Кожаных и замшевых курток заграничных — 11 шт.

15 Костюмов мужских разных заграничных — 22 шт.

16. Брюк разных — 29 пар.

17. Пиджаков заграничных — 5 шт.

18. Гимнастерок коверкотовых из заграничного материала, защитного цвета и др. — 5 шт.

20. Сапог шевровых, хромовых и др. — 19 пар.

21. Обувь мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной — 23 пары.

22. Обувь дамской заграничной — 31 пара».

И так далее и тому подобное, заканчивая позицией: «130. Чемоданов заграничных и сундуков — 24». А собравший все эти документы в книгу М. Ильинский по поводу пересказа Артузова программы заговорщиков вопрошает: «Мог ли состояться такой разговор? Вернее всего, нет. Вся запись могла быть фальшивкой». Так, может, мы до сих пор живем в богатом и могучем СССР, может, это ублюдочное СНГ тоже фальшивка?

Ильинский постоянно стонет, что все изменники 30-х годов якобы оговорили себя под пытками, и тут же дает выступление Ягоды перед оперативным составом НКВД, а там есть такие указания:

«Забывают о том, что каждый неправильный арест играет на руку классовому врагу, что мы собственными руками создаем врагов Советской власти. Разве у нас при следствии нет случаев грубого обращения, даже применения «мата»? А кто вам дал право на это? Не говоря о недопустимости ругани вообще, но ведь пока арестованный не осужден, он — полноправный гражданин Союза. Отсюда и все последствия. Вы себя компрометируете. А нам приходится рассчитываться, потому что заключенный написал письмо о том, что при допросе его ругали «матом».

А потом, вы иногда кричите на арестованного. Это от бессилия. Следователь, который вооружен уликами, чувствует за собой всю силу партии, мощь страны, знает, что бесполезно кричать на человека сидящего. Он у вас в руках, за решеткой, и кричать о том, что вы его расстреляете, или угрожать ему — это трусость. Нужно спокойно, терпеливо, со знанием дела доказать ему его виновность и с созданием своей правоты изобличать его в тех преступлениях, которые он совершил. У вас есть все для этого. Иначе следствие никуда не годится. Грош ему цена».

Так били в НКВД арестованных или даже кричать на них боялись? Били, били! — слышу я вопли жертв хрущевской оттепели — вон и Вышинский говорил, что признание — это царица доказательств. Так вдумайтесь в то, что говорил Вышинский, — признание не является доказательством, это всего лишь их итог. А Вышинский требовал, чтобы НКВД представляло ему, прокурору СССР, не признания, а реальные доказательства. На пленуме ЦК 3 марта 1937 года Вышинский, предупреждая необоснованное привлечение людей к суду, делал такое замечание НКВД.

«Вышинский: Соприкасаясь с работой НКВД в течение ряда лет сначала в качестве заместителя прокурора Союза, а затем прокурора Союза ССР и в качестве работника, не только обвинителя, но человека, которому пришлось председательствовать в суде по таким делам, как «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», Дело электровредителей (Метро — Виккерс), я должен сказать, что в основе всех этих процессов лежал всегда материал вполне объективный, убедительный и добросовестный. Это же нужно сказать и о двух последних процессах. Но, однако, сплошь и рядом чувствуется, что в следственном производстве имеется целый ряд недостатков. В

большинстве случаев следствие на практике ограничивается тем, что главной своей задачей ставит получение собственного признания обвиняемого. Это представляло значительную опасность, если все дело строилось лишь на собственном признании обвиняемого. Если такое дело рассматривается судом и если обвиняемый на самом процессе откажется от ранее принесенного признания, то дело может провалиться. Мы здесь оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания. Такая методика ведения расследования, опирающаяся только на собственное признание, — недооценка вещественных доказательств, недооценка экспертизы и т. д. — и до сих пор имеет большое распространение.

Известно, что у нас около 40 %, а по некоторым категориям дел — около 50 % дел кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров. Против этой болезни и была еще в 1933 году направлена инструкция 8 мая. В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности. Я должен добавить, что до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо».

И ведь не только Ильинский, но и масса других «серьезных» историков печатают такие документы, пялятся в них, делают вид, что понимают то, что там написано, а после этого талдычат и талдычат, что в 30-х годах никаких изменников не было, а просто Сталин «боролся за власть».

Скажу пару слов и о пресловутом антифашистском комитете. Генералу-майору юстиции Чепцову, председателю суда, приговорившему в 1952 году членов комитета к расстрелу за шпионаж, по его собственным объяснениям ни Сталин, ни Политбюро приказа расстреливать не давали. И как я уже писал, такие приказы Чепцов не имел права исполнять. Более того, само Политбюро не могло понять, как евреи, спасенные СССР от уничтожения, могут вредить СССР? Политбюро трижды рассматривало материалы следствия.

Я знаю, что вы, Александр Федорович, скажете — что бедных евреев пытали в НКВД. Я достаточно живо интересуюсь историей, и вот, что я заметил. О пытках в НКВД вопят все. Но, что интересно, все, кто прошли через НКВД и вопят о пытках, пишут о них со слов

других. Лично никто из них пыток не испытал. От князя Трубецкого, заместителя главы боевой монархической организации в Москве в 1919 году, через Солженицына до моего знакомого, арестованного через пару дней после смерти Сталина и получившего 25 лет в 1953 году.

Бывший друг Солженицына — хранивший его архивы — Самутин был во время войны редактором власовской газеты. В 1946 году его, вместе с адъютантом генерала Шкуро, убивавшим югославских партизан, датчане передали в СМЕРШ (еще хуже НКВД) 5-й армии. Самутин вспоминал, что они очень боялись того, что им немедленно поотбивают внутренности, заморят голодом и пытками заставят наговорить на себя. К его удивлению, их никто пальцем не тронул, питание было нормальное, а когда он на словесную грубость следователя отказался давать показания (напросился!), проклятое НКВД взяло и... заменило ему следователя на вежливого. (Свои 10 лет он все равно получил.)

Бывшему Генеральному прокурору Казаннику не откажешь в антисталинизме, в угоду Ельцину он в 1993 году арестовал невинных защитников Белого дома и не возбудил уголовного дела против Ельцина за захват законодательной власти, что является преступлением — изменой Родине. Так вот в том же году в газете «Известия» от 13.10.93 он писал: «На юридическом факультете Иркутского университета нам давали — была хрущевская оттепель — задания написать курсовую работу по материалам тех уголовных дел, которые расследовались в тридцатые-пятидесятые годы. И к своему ужасу, еще будучи студентом, я убедился, что даже тогда законность в строгом смысле слова не нарушалась, были такие драконовские законы, они и исполнялись».

«В строгом смысле» исполнялась «драконовская» статья 115 Уголовного кодекса, по которой следователь, нарушивший законность при допросах, получал 5 лет. Не поэтому ли никто из побывавших в НКВД о своих пытках не вспоминает?

Поэтому мысль о том, что евреев антифашистского комитета пытали, весьма сомнительна. Но Сталину она не показалась вздорной, и после трех рассмотрений этого дела на Политбюро он послал члена Политбюро Шкирятова лично опросить всех подозреваемых. Шкирятов, один на один, опросил всех. И все подтвердили, что они

шпионили в пользу Америки. Особенно убедительные факты шпионажа представил Шкирятову упоминаемый Вами Лозовский. Но даже после этого ни Сталин, ни Политбюро никаких указаний суду не давали. Судья — генерал Чепцов — убил всех лично.

Причем, не приговорил, а убил! Если бы он сделал это по своему убеждению — то это был бы приговор. Но он писал в своем объяснении Г. Жукову, что он сомневался в виновности и предварительно пытался согласовать приговор в МГБ с Игнатьевым и Рюминым и даже с Маленковым. Но если сомневался, то зачем же убил?! Для Вас это вопрос риторический — ведь он «им верил», как и Вы призываете «верить» вождям. А потом, уже беззаветно веря Хрущеву, он всех ранее убитых реабилитировал.

Вы призываете поплакать на могиле членов этого комитета, а я предварительно хотел бы посмотреть на их уголовные дела, прочесть их показания, как и показания всех тех, кого вы упомянули в списке. Но начиная с Хрущева сделать это невозможно — эти открытые тогда дела стали нынче секретными.

Молотов допустил большую ошибку — он делился с Жемчужиной, своей женой, тем, о чем говорили на Политбюро и что являлось государственной тайной. А Жемчужина делилась этими секретами с некоторыми сионистскими кругами, а уж те — с США. В США, кстати, за такие вещи и сегодня сажают на электрический стул.

Вы удивляетесь преданности Молотова Сталину? А посмотрите на свою преданность всем его клеветникам — от Ельцина до Хрущева. От Вашей преданности душа радуется. Хрущев был убийцей, он, а не Сталин, требовал увеличить лимиты расстрелянных чрезвычайными тройками. Даже после чистки им архивов, сохранилась записка, в которой он жалуется Сталину на то, что Москва оправдывает тех, кого он осудил. Но для Вас он — свой, он — герой, он, как и Вы, готов был на все, чтобы угодить начальству. Он ему «верил» и в Ваших глазах он — убийца — не виновен!

По Вашему начало «правды» — это когда «веришь лидеру». И даже когда ему в угоду совершаешь подлость, то это все равно «правда». Вы полагаете, что это «заложено в русской душе»?

Не согласен! Может быть, это заложено в жидовской душе, в капээрэфовской душе, в капээсэсовской душе — не знаю. Но ни в русской душе, ни в коммунистической — этого нет!

Ведь мы всех судим по себе. Вдумайтесь в русскую поговорку — честный вору поверит, а вор честному — никогда. Вы полагаете, что Сталин только тем и занимался, что сидел, вертел пальцем в носу и думал — какого бы еще верного ленинца убить? Вы в этом уверены? Значит, на месте Сталина Вы действительно только бы этим и занимались.

Вы полагаете, что вокруг Сталина были люди, которые по его приказу убивали заведомо невиновных. Но ведь это подлость, и если Вы в этом уверены, значит, Вы — подлец.

А если Вы в этом сомневаетесь, то Вы обязаны искать истину, а не повторять убогую клевету. И хотя я не Ваш «лидер», но поверьте мне: Сталин — это проба на подлость. По отношению к нему можно понять — подлец человек или нет. Если он, конечно, не дурак.

И снова шизик

Мне уже приходилось исследовать творчество предателя Виктора Резуна (Суворова), и я сделал тогда вывод, что этот кусок дерьма резко отличается от таких мерзавцев, как Солженицын или Гордиевский, тем, что он искренне верит в то, что пишет, — он шизик, тронувшийся умом фанатик своей идеи, кто-то вроде печатавшейся у нас инопланетянки Светланы Борисовны Ельциной.

Витек меня не подвел, он написал еще одно произведение, которое, вкупе с его предыдущими опусами, может являться пособием для студентов-медиков. Книга названа «Очищение», и написать ее Резуну было гораздо легче, чем «Ледокол» и «День М». Если читатели помнят, то в тех своих работах шпион-неудачник Витя обосновывает тезис, что Сталин подготовил нападение на Гитлера, да тот его аккурат опередил. Бредовость этой идеи такова, что в ее обоснование Витек вынужден был нагородить горы исключительной глупости.

Но далее Резуна осенила новая мысль — он решил ответить на вопрос, как стать выдающимся полководцем, и быстро пришел к выводу, что для этого надо накануне войны перестрелять всех своих тупых генералов. Сталин, доказывает Витек, это сделал, поэтому войну и выиграл, а Гитлер в этом вопросе дал маху — вот войну и проиграл.

Согласитесь, убрать из армии тупых генералов — это для армии всегда полезно хоть перед войной, хоть и без войны. Мысль здравая, поэтому и вся книга Резуна выглядит в целом не так дико, как предыдущие, хотя то, что ее писал человек, тронутый умом, все же видно невооруженным глазом.

Дело в том, что дураков достаточно убрать из армии, а не убивать. Скажем, хватило бы того, чтобы просто назначить маршала Тухачевского военкомом запупинского райвоенкомата, но Витек тверд в своей идее — генералов надо именно перестрелять, и никаких гвоздей! Ему, как придурковатому предателю, это, конечно, видней, да и что говорить — глядя на сегодняшнюю российскую армию, тут и умный к такой же мысли придет. Но речь-то ведь идет не о Вите Резуне и не о сегодняшних генералах.

Тем не менее, мне бы хотелось, в виде исключения, рассмотреть эту базовую идею книги Резуна серьезно. Для обоснования полезности именно расстрела генералов в армиях СССР и Германии Резун принимает за аксиому, что, во-первых, в РККА никаких заговоров не было, а, во-вторых, Гитлер никакими иными способами вермахт не чистил.

Ведь если заговор в РККА был, то тогда при чем здесь полководческий гений Сталина? Получается, что Сталин очистил РККА от дураков и мерзавцев не осмысленно, а попутно с ликвидацией заговора. Это в концепцию Резуна об осмысленном расстреле дураков-генералов накануне войны не вписывается, и он заговор в РККА решительно отвергает. А если Гитлер удалял из армии придурков-генералов другим способом, то тогда у Вити не вытанцовывается главный вывод о том, почему Гитлер проиграл войну.

Но эти аксиомы Резуна объективно аксиомами не являются, что я и попробую показать.

Гитлер и его генералы

Придя к власти, Гитлер стал Верховным главнокомандующим вооруженных сил Германии, но положение его по отношению к своим генералам было во много раз менее уверенное, чем у Сталина по отношению к генералам РККА, по двум принципиальным особенностям.

Генералы — военные профессионалы, а военный профессионализм Гитлера еще не был известен. Поэтому любые попытки Гитлера изменить кадровый состав командования вермахта естественно встречали протест генералов, как вмешательство дилетанта. А, в отличие от Сталина, Гитлер был единоличным вождем и не мог спрятаться за Политбюро, за коллективным решением.

В вермахте были запрещены все партии, включая правящую национал-социалистическую, следовательно, Гитлер не мог заменить генералов по причине отклонения их от «линии партии».

Но это одна сторона медали. С другой стороны, в вермахте высоко поддерживалось понятие воинской и, особенно, офицерской чести и это резко отличало его от РККА и вообще от СССР. У нас понятие чести уничтожалось в принципе, в «бухаринской» довоенной энциклопедии даже слова такого нет.

Гитлер не мог взять и просто так снять какого-либо генерала — это немедленно возмутило бы остальных: немецкий офицер не скотина, которой можно помыкать по усмотрению начальника. Снятие должно быть обоснованно и понятно для остальных. Немецкие генералы и офицеры никому не давали унижить свое достоинство.

Скажем, после победы над Францией в 1940 г. Гитлер на совещании высоко отозвался о командовании военно-воздушных сил и высказал недовольство сухопутными войсками. Он — Главнокомандующий, это его право. Тем не менее, это вызвало возмущение среди генералов сухопутных войск, и Гудериан, испросив прием у Гитлера, потребовал от него объяснений от лица всех генералов. Гитлер вынужден был извиняться и разъяснять, что его недовольство касается исключительно Верховного командования сухопутных войск, а не всего командования вообще. Но к этому

времени Гитлер был уже признанным стратегом, армия им восхищалась и верила в него.

А в начале своего правления положение Гитлера по отношению к генералам было еще более неуверенным, ведь это, по сути, ссора между рейхсвером и гвардией Гитлера — штурмовыми отрядами — заставила Гитлера в угоду рейхсверу уничтожить Э. Рема и распустить штурмовиков.

Правда, и Сталин просто так не мог менять руководство РККА, но положение Гитлера в этом вопросе было все же во много раз сложнее, хотя Гитлеру было несколько легче в другом.

Вдумайтесь: в мирное время для военного человека слава, почет, материальное благополучие заключается в чинах. Став генералом, офицер достигает почти всего. А теперь представьте, что началась война, и этот генерал потерпел в ней поражение. За поражение генералов разжалывают, а порою и расстреливают. Отсюда вытекает, что, если для офицера, которому в любом случае меньше взвода не дадут и дальше Кушки не пошлют, война — это возможность быстро стать генералом, то для генерала война — это возможность быстро стать рядовым штрафного батальона. Вывод: никто так не боится войны, как генералы мирного времени. Не все, конечно, но как перед войной узнать, кто из генералов трус?

Сталин это узнать не мог никаким способом — все войны, которые вел СССР, были по сути оборонительными, вынужденными для СССР. Тут уж деваться некуда, генералы вынуждены идти на войну вместе со всеми. Их личное отношение к войне, к своему делу узнать было нельзя до того, пока они не проявят себя в бою. А этот экзамен стоит большой крови.

У Гитлера положение было иное. Он был агрессор, он хотел войны, он стремился к ней. И ему было видно, кто из генералов вместе с ним стремится к войне, а кто нет. Ведь если генерал жаждет войны, то он жаждет ее не для того, чтобы потерпеть в ней поражение, следовательно, он лучше подготовит войска для победы, активнее и энергичнее будет в бою. Гитлер этих генералов видел и еще накануне войны имел возможность очистить командование вермахта от случайных людей, а Сталину это пришлось делать только в ходе войны.

Гитлер с приходом к власти оккупировал Рейнскую область, и если бы это привело к войне, то Франция просто разгромила бы тогда малочисленную армию Германии. Военный министр фельдмаршал Бломберг и командующий сухопутными войсками генерал-полковник Фрич устроили Гитлеру по этому поводу истерику. Далее Гитлер оккупирует и Австрию, суверенное государство, входящее в Лигу Наций. И снова истерика «трезвомыслящих» генералов. Гитлер видел, кто из его генералов кто, но заменить их не мог, ведь с формальной, чисто военной точки зрения они были правы — Германия была не готова к войне, и вермахт возмутился бы таким решением фюрера.

Гитлеру нужна была какая-то причина, чтобы заменить наиболее трусливых генералов на тех, кто хотя бы не сопротивлялся агрессивным планам Гитлера.

Кроме этого, с самого начала своей политической деятельности Гитлер предопределил захват СССР, а это тоже не у всех генералов находило поддержку. Шеф политической разведки Германии Вальтер Шелленберг по этому поводу пишет: «Как ни странно, наиболее серьезная внутренняя поддержка политики сотрудничества между Советской Россией и Германией была проявлена армейскими офицерами из Генерального штаба.

С 1923 года между Красной и германской армиями осуществлялось сотрудничество в обучении офицеров и обмене технической информацией. В обмен на германские патенты Германии разрешалось налаживать выпуск своего вооружения на территории Советского Союза.

...Главный центр оппозиции прорусски настроенным кругам германского Генштаба составляли немецкие промышленники, надеявшиеся создать союз цивилизованных государств, направленный против угрозы большевизма».

И этих «прорусски» настроенных генералов тоже требовалось убрать, и для этого тоже требовалась причина.

И казалось, что такая причина найдена — участие немецких генералов в «заговоре Тухачевского».

Военный заговор в СССР

Представьте, что вы в далеком 1937 г. организуете военный заговор с целью захвата власти в СССР. Значит ли это, что вам хватит только внутренней поддержки? Нет, конечно. Нужна и внешняя поддержка, иначе любой спасшийся член законного правительства СССР будет не только для своих граждан, но и для зарубежных стран главой страны, а это может вызвать гражданскую войну с непредсказуемым итогом, так как законное правительство будет пользоваться ресурсами СССР, находящимися за рубежом, а путчисты даже золото, захваченное в Госбанке, не смогут использовать.

Вспомните, в октябре 1993 г. фашист Ельцин не применял силу против Верховного Совета РСФСР, пока США не признали «законность» этого ублюдка.

Поэтому и заговорщикам в 1937 г. требовалась поддержка за рубежом с тем, чтобы прорвать возможную блокаду СССР после захвата власти. Ведь они были троцкисты, то есть — марксисты в крайней форме, а не буржуазная партия. Надеяться на автоматическую поддержку Запада, как получил ее Ельцин, им не приходилось. Поэтому естественно, что Тухачевский провел зондаж там, где имел больше всего знакомых — в Германии.

Я сомневаюсь, чтобы были какие-то договоры Тухачевского с немецким Генштабом. Скорее всего, это было что-то вроде протоколов о намерении, стенограмм бесед, в которых Бломберг подтвердил заговорщикам, что если те захватят власть в СССР, то командование вермахта выйдет в правительство Германии с предложением поддержать переворот, признать путчистов и т. д. Для путчистов это было уже кое-что.

Но и для Гитлера это была находка — ведь Бломберг нагло вмешивался в иностранные дела, подменял собой правительство. На этом основании его можно было убрать и очистить Вермахт от ненужного Гитлеру балласта.

Поэтому, когда русский эмигрант, генерал Скоблин, сообщил немцам о заговоре военных в СССР и о связи с ним немецкого Генштаба, то шеф службы безопасности Германии Гейдрих сразу

понял, что эти сведения можно использовать против оппозиционных Гитлеру генералов. Но когда получили документальное подтверждение о заговоре, то, как пишет Шелленберг, оказалось, что «сам материал не был полным. В нем не содержалось никаких документальных доказательств активного участия руководителей германской армии в заговоре Тухачевского. Гейдрих понимал это и сам добавил сфабрикованные сведения **с целью компрометации германских генералов**». (Здесь и далее выделения в тексте Шелленберга сделаны мною. — Ю. М.)

Забежим немного вперед. В конечном итоге эта фальсификация не потребовалась. Против немецких генералов эти документы не были использованы. Ведь что им поставить в вину? То, что они могли ухудшить отношение с СССР? Но ведь в это время сам Гитлер как мог ухудшал отношения с СССР своим антикоммунизмом...

Поэтому Гитлер пошел другим путем. В начале 1938 г. фельдмаршала Бломберга обвинили в том, что он женился на проститутке. (Есть подозрения, что ему эту проститутку и подставили, и специально дело раздули.) А генерал-полковника Фрича обвинили в гомосексуализме. Оба вынуждены были подать в отставку.

После войны Бломберг был арестован американцами и в 1946 году умер в тюрьме от рака. А Фрич подал в суд чести, суд, в общем, его оправдал, но при возврате в вермахт ему была предоставлена только должность шефа артиллерийского полка. На этом посту он и погиб в 1939 г. во время войны с Польшей.

Американский биограф Гитлера Д. Толанд пишет, что вместе с Бломбергом и Фричем были уволены из армии и 16 поддерживавших их генералов, а 44 были сняты с должностей. Другие источники сообщают, что одновременно было уволено и до тысячи офицеров.

То есть, вопреки аксиоме Резуна, Гитлер накануне войны очищение вермахта все же произвел, правда, без стрельбы, но итог ведь один и тот же.

Поскольку Резун постоянно ссылается на мемуары Шелленберга и поскольку они, возможно, не известны широкому кругу читателей, то я дам обширную цитату, так как у демократов общепринято говорить, что немцы, дескать, оклеветали бедных заговорщиков в СССР перед лицом подозрительного Сталина. Итак, слово Вальтеру Шелленбергу:

«Нужно помнить, что Гейдрих был убежден в достоверности информации Скоблина, и, учитывая дальнейшие события, мне кажется, **что он оказался прав.** Сфабрикованные им документы предназначались поэтому лишь для того, чтобы подкрепить и придать еще большую убедительность информации, которая сама по себе была ценной.

В тот момент Гитлер столкнулся с необходимостью принять важное решение — выступить на стороне западных держав или против них. Принимая это трудное решение, необходимо было также учесть, каким образом использовать материал, доставленный ему Гейдрихом. Поддержка Тухачевского могла означать конец России как мировой державы, в случае же неудачи Германия оказалась бы вовлеченной в войну. Разоблачение Тухачевского могло бы помочь Сталину укрепить свои силы или толкнуть его на уничтожение значительной части своего Генерального штаба. Гитлер, в конце концов, решил выдать Тухачевского и вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина.

Это решение поддержать Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь курс германской политики вплоть до 1941 года и **справедливо может рассматриваться как одно из самых роковых решений нашего времени.** В конечном итоге оно привело Германию к временному альянсу с Советским Союзом и подтолкнуло Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России. Но раз Гитлер принял решение, Гейдрих, конечно, поддержал его.

Гитлер тотчас же распорядился о том, чтобы офицеров штаба германской армии держали в неведении относительно шага, замышлявшегося против Тухачевского, так как **опасался, что они могут предупредить советского маршала.** И вот однажды ночью Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы Генерального штаба и абвера, службы военной разведки, возглавлявшейся адмиралом Канарисом. В состав групп были включены специалисты-взломщики из уголовной полиции. Был найден и изъят материал, относящийся к сотрудничеству германского Генерального штаба с Красной Армией. Важный материал был также найден в делах адмирала Канариса. Для того чтобы скрыть следы, в нескольких местах устроили пожары, которые вскоре уничтожили

всякие признаки взлома. В поднявшейся суматохе специальные группы скрылись, не будучи замеченными. В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом с целью запутать Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. **В действительности же подделано было очень немного — не больше, чем нужно для того, чтобы заполнить некоторые пробелы.** Это подтверждается тем фактом, что все весьма объемистое досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткий промежуток времени — в четыре дня.

По зрелом размышлении решено было установить контакт со Сталиным через следующие каналы: одним из немецких дипломатических агентов, работавших под началом штандартенфюрера СС Беме, был некий эмигрант, проживавший в Праге. Через него Беме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришел ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и поступили, и названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эмиссар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов.

Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года. Как известно, суд над Тухачевским проходил в тайне. В состав трибунала входили, главным образом, советские маршалы и руководители Красной Армии. Обвинительный акт был подготовлен Военным советом, обвинителем выступал Андрей Вышинский.

Тухачевский вместе с другими участниками заговора был арестован вечером 4 июня 1937 года. После безуспешной попытки покончить жизнь самоубийством, он предстал перед судом в 10 часов утра 11 июня; суд закончился в десять часов вечера того же дня. Согласно сообщению ТАСС от 11 июня, все обвиняемые признали

свою вину. Никаких других подробностей дела фактически не было опубликовано. Вышинскому на чтение обвинительного заключения потребовалось едва ли двадцать минут. Он требовал изгнать обвиняемых из Красной Армии и приговорить их к смертной казни через расстрел. По приказанию Сталина командой, наряженной для расстрела, командовал маршал Блюхер (который сам пал жертвой одной из более поздних чисток). Из состава трибунала ныне живы только Ворошилов и Буденный.

Большую часть суммы в три миллиона рублей, выплаченных нам русскими, пришлось уничтожить лично мне самому, так как вся эта сумма состояла из купюр высокого достоинства, номера которых, очевидно, были переписаны ГПУ. Всякий раз, когда какой-либо из наших агентов пытался использовать их на территории Советского Союза, его арестовывали в удивительно короткое время».

Заговор был!

Прежде всего, нужно задать себе вопрос — а не врет ли Шелленберг? Врет, конечно, но важно определить — в чем он врет? Он фат, из его мемуаров это просто выпирает, он не пропускает случая показать себя таким интеллектуалом. Поэтому на все его «анализы» и описания своей роли можно не обращать внимания.

Нам ведь важен главный вопрос — документы о заговоре Тухачевского были подлинными или их подготовил сам Гейдрих?

Вот здесь Шелленберг соврать не мог. Он был осужден на 6 лет, но по болезни вышел из тюрьмы даже раньше срока — в начале 1951 г. Написал мемуары и умер в 1952 г. Когда он их писал, то знал, что любой их издатель рискует, если он, автор, извратит факты так, что будет уличен в клевете на кого-либо, ведь издатель издавал мемуары заправилы рейха, а ненависть к фашистской Германии была еще очень высока.

Напиши он, что, дескать, мы с Гейдрихом изучили список советских генералов, отобрали самых талантливых, составили схему заговора, придумали темы бесед Тухачевского с Бломбергом, да еще и восстановили по датам, когда они могли встречаться, и т. д. — то есть соври об этих документах и событиях, — а в Советском Союзе опубликовали бы подлинные документы, полученные СССР, и издатель оказался бы фашистским прихвостнем, распространяющим фашистскую клевету.

Поэтому заметьте, Шелленберг в своих мемуарах о фальсификации упоминает, но при этом дважды подчеркивает, что в основе досье лежали **подлинные документы о заговоре** военных в СССР.

Посмотрите, с какой тайной они извлекали эти документы из архивов Генштаба — если документы сфальсифицированы, то зачем это описывать? Но вспомним, что первоначально-то с помощью этих документов Гитлер собирался убрать своих генералов и извлекал он их тайно, чтобы не дать им подготовиться. Ведь если заговора не было, то что тогда Гейдрих изъяс в Генштабе? О чем немецкие генералы могли «предупредить» Тухачевского?

Сыграли свою роль эти документы в раскрытии заговора? Вероятнее всего. Ведь арестованные еще в 1936 г. Путьна и Примаков ни в чем не признавались именно до поступления этих документов в Союз. А потом выдали всех остальных подсудимых процесса, которые, в свою очередь, признавались чуть ли не в день ареста.

Как доказательства на суде эти документы не использовались, так как получены были от врага, т. е. для суда они не могли быть достоверным доказательством, но они использовались для получения признания от подозреваемых.

И не было никаких попыток, все уличенные признавались быстро потому, что 58-я статья за одно и то же преступление предусматривала два разных наказания, вынесение которых судом зависело от оценки политической ситуации руководством страны. По ст. 58 УК РСФСР за контрреволюционное преступление можно было получить расстрел, но если Политбюро политическую обстановку считает не страшной, то осужденного могли просто лишить гражданства и выслать за границу, как Троцкого. Даже за участие в вооруженном восстании. Поэтому чистосердечное признание давало подсудимым надежды на сравнительно мягкий приговор, и Тухачевский с подельщиками спешили признаться один впереди другого.

Так что и эта концепция В. Резуна не верна — заговор был, и уничтожены были не просто тупые генералы, а предатели.

Следует также оговорить, почему Шелленберг считал выдачу Тухачевского и заговорщиков Сталину «самым роковым решением». Дело в том, что в 1937 г. немцы вероятнее всего считали, что военные во главе страны более опасны с точки зрения будущей войны, чем штатский Сталин. И только с началом войны и, особенно, к ее концу поняли, как просчитались. Шелленберг описывает, сколько усилий они предпринимали, чтобы убить Сталина. Министр иностранных дел Германии Риббентроп решил даже стать камикадзе и, напросившись на переговоры к Сталину, ценой своей жизни лишить СССР такого руководителя. Шелленберг одно время даже оружие ему для этого готовил (пистолет, замаскированный под авторучку).

Поклонники творчества Резуна часто выдвигают такой довод: онде цитаты дает правильно, а то, как он их трактует, это его дело.

Поймите, Резун — шизик, он берет только те цитаты, которые укладываются в его схему, остального он просто не замечает. А когда

выхода нет, то ему ничего не стоит, «для пользы дела», начисто извратить весь смысл того, что он представляет читателю фактом. Вот, к примеру, как он пересказывает в своей книге «Очищение» ту часть мемуаров Шелленберга, которую я выше привел полностью:

«Немецкая версия звучит так: в декабре 1936 года Гитлер устроил своим разведчикам нагоняй и потребовал результатов. В январе 1937 года возникла идея подбросить Сталину фальшивку. Потом фальшивку долго готовили, искали гравера, искали пишущую машинку, «такую, как в Кремле», писали ложные документы, распускали слухи. Эти слухи дошли до президента Чехословакии, потом до Сталина, потом были переговоры между ведомством Ежова и гитлеровцами, и в начале мая 1937 года документ попал на сталинский стол. Это версия, которую рассказал В. Шелленберг».

И что, вот это, описанное Резуном, сильно похоже на то, что действительно писал Шелленберг?

А вот как он, «разведчик-профессионал», издевается над Шелленбергом:

«И что это за золотые рубли в крупных купюрах и с номерами? В. Шелленберг рублей явно никогда не видел, но, товарищи из «Новостей разведки и контрразведки», вы-то представляете себе наш червонец? Вы-то знаете, что это монета, а не купюра? И никаких номеров на монетах нет. И в те времена червонец из обращения был уже изъят. Неужто, товарищи разведывательные и контрразведывательные редакторы, эти, казалось бы, мелочи не раскрыли вам глаза? Уж если врать, то хоть весело и складно. Неужто вы, товарищи редакторы, не понимаете, что Шелленберг врет бездарно и бестолково?

А вот еще анекдот. Операция задумана в декабре 1936 года. Проведена в 1937 году. Хитрые немцы обманули Сталина и получили деньги от представителя ГПУ... которое существовало до 15 ноября 1923 года. После того дня не было никакого ГПУ, а было ОГПУ, а с 10 июля 1934 года не было уже и ОГПУ. Доблестная германская разведка обманывала организацию, которая на момент обмана уже 13 лет не существовала.

Так может быть, В. Шелленберг просто оговорился? Вовсе нет. Через всю его книгу проходит именно этот термин — ГПУ. Великий немецкий разведчик не знал названия той организации, против которой боролся, не знал главного врага даже по имени. И этот кретин, который

о России вообще ничего не знал, рассказывает нам, что он написал такую фальшивку, которой поверил сам Сталин».

Надо помнить, что сам Резун перебежал к противнику, когда его, посланного за границу, пытались вернуть в СССР из-за полной неспособности к практической разведывательной работе. Только болтать «вообще» и умел.

Так и в этом тексте: червонец — это в 1922–1947 гг. банковский билет номиналом в 10 рублей, который выпускался Госбанком СССР как эквивалент золота и заменял собой 7,74234 г этого металла. Этот билет выпускался купюрами в 1, 3, 5, 10 и 25 червонцев. В общем, Резун с Шелленбергом друг друга стоят, как сказал Витек Суворов, — кретины.

Но это не значит, что книгу В. Суворова «Очищение» не стоит читать. Стоит и очень стоит. Надо лишь пропускать все резуновские глупости, а в остальном он, пытаясь отстоять свою идею о необходимости расстреливать генералов перед началом войны, привел уйму фактов о той генеральской мрази, которая была расстреляна в СССР в 1937–1941 гг. Причем, так ее припечатал, что, как сам же и жалуется, эту его книгу категорически отказываются печатать на Западе. И уже поэтому резуновское «Очищение» стоит почитать. Однако тему о предательстве я хотел бы начать с «тихого» предательства, практически с генеральского саботажа оборонных мероприятий. Я уже писал об этом в книге «Убийство Сталина и Берия», но, повторю, для раскрытия темы этой книги полезно будет повторить эти эпизоды, тем более что в них говорится об очень толковом инженере Евгении Григорьевиче Дедине, о котором я сам с изумлением узнал очень недавно и о котором вы, я думаю, вообще ничего не знаете.

Инженер Ледин

Возможно, в начале XX века в России самым пассионарным районом был Кавказ. Он дал нам, по меньшей мере, Сталина и Берия. Как ни странно, но Е.Г. Ледин — земляк Берия, он родился под Сухуми в 1914 г. в семье земского фельдшера. Окончивший в 1938 г. вместе с женой Ленинградский технологический институт, молодой инженер-химик был направлен на работу в IX отдел созданной и построенной еще Д.И. Менделеевым Научно-технической лаборатории Артиллерийского научно-исследовательского морского института. Приняли его инженером по вольному найму, т. е. штатные сотрудники-офицеры лаборатории работали по планам военно-морского флота, а Ледину руководство могло поручать работы свободного поиска.

Ледин написал краткие воспоминания, в которых, возможно, не все говорит и, судя по всему, как-то пытается выгородить своих коллег и сослуживцев, пытается никого особенно не обидеть и как можно больше людей похвалить. Поэтому я перескажу его судьбу так, как я ее понял, т. е. расшифровывая его умолчания, понятные мне.

Для того чтобы ясна была важность тех проблем, которые решил Е.Г. Ледин, опишу сначала их суть.

В военно-морском деле чрезвычайную важность имеет мощность взрывчатого вещества в снарядах корабельной артиллерии, торпедах, минах, сегодня — ракетах. Поскольку в морских сражениях дело может решить один-единственный выстрел, одна единственная мина или торпеда. Пара примеров.

24 мая 1941 г. английская эскадра атаковала немецкий линкор «Бисмарк». «Бисмарк» быстро пристрелялся, и в третьем залпе один снаряд попал в английский линейный крейсер «Худ». Этого оказалось достаточно: «Худ», корабль такого же водоизмещения, как и «Бисмарк», немедленно затонул вместе с 1416 членами экипажа (подобрать с воды удалось всего трех человек).

27 мая 1941 г. англичане все же «достали» «Бисмарка». Лен Дейтон описывает это так: «К месту действия подтягивались все новые и новые английские корабли, выпускавшие по «Бисмарку» торпеды, но тот никак не тонул. В 10.44 командующий соединением передал

полный отчаяния приказ: «Всем кораблям, имеющим торпеды, выпустить их по «Бисмарку». В конце концов, команда немецкого линкора решила завершить дело сама. Была взорвана крьюйт-камера, и «Бисмарк» превратился в «адское горнило». Ослепительный огонь, пылавший внутри, был виден сквозь многочисленные пробойны от снарядов». Лишь после этого «Бисмарк» умер. «Когда он перевернулся вверх килем, — с гордостью писал один из спасшихся немецких моряков, — мы увидели, что подводная часть корпуса не повреждена торпедами».

Обратите внимание; англичане и по сей день не могут подсчитать, сколько их торпед попало в «Бисмарк», по меньшей мере — около 28. Но мощность взрывчатки в боевых отделениях английских торпед была такова, что, по свидетельству уцелевших моряков «Бисмарка», взрывы торпед «лишь сдирали с бортов линкора краску», — по словам Лена Дейтона.

А 15 октября 1939 г. немецкая подводная лодка U-47, проникнув на базу английского флота Скапа-Флоу, двумя торпедами попала во флагманский линкор английского флота «Ройял-Оук». Взрывами линкор был разломан на две части, опрокинулся и затонул вместе с 832 членами экипажа, среди которых был, кстати или некстати, и командующий английским флотом метрополии адмирал Блэнгроув, не обеспечивший охрану базы.

Причин такой разительной разницы применения торпедного оружия много. Скажем, «Бисмарк» был новейшим линкором, а «Ройял-Оук» — старым. Но что бы ни говорили, при анализе этих случаев выпирает и причина, которую можно считать главной: боевые части английских торпед и мин снаряжались просто тринитротолуолом, а немецких — смесью его с гексогеном, что повышало мощность взрыва в 1,5 раза. Взрыв от немецких мин и торпед проламывал более толстую броню и глубже проникал в броневой объем корабля.

А что касается старых и новых кораблей, то следует сказать, что обоим новым советским крейсерам КБФ водоизмещением 8600 т оторвало носы при прохождении над немецкими магнитными минами, крейсеру «Максим Горький» — 23 июня 1941 г., а крейсеру «Киров» — после войны. Правда, наши крейсера не затонули.

Теперь, надеюсь, понятно, насколько важно было найти для советского военно-морского флота взрывчатое вещество, хотя бы

сравнимое по мощности с тем, что имели немцы. И нам в этом сначала помогли сами немцы.

После заключения Пакта о ненападении с СССР в 1939 г. они, хвастаясь, стали пускать советские делегации на свои военные заводы. Капитан первого ранга Н.И. Шибаетов, проходя экскурсией по мастерской, в которой немцы снаряжали взрывчаткой свои торпеды, сумел незаметно от них умыкнуть ее крошечный кусочек. (Обычно такие пробы уносят под ногтями.) Вот эта проба и попала к химику Е.Г. Ледину, который проанализировал образец и создал свою первую взрывчатку — копию немецкой. Названа она была ТГА (состояла из смеси тротила, гексогена и алюминиевой пудры).

Учитывая важность того, что сделал Е.Г. Ледин, еще в 1940 г. Совет Труда и Оборона СССР принял постановление снаряжать боевые отделения советских торпед взрывчаткой ТГА.

А в 1942 г. Ледин, уже занимаясь делом, о котором будет сказано ниже, узнал, что советская подводная лодка К-21, под командованием капитана второго ранга Н.А. Лунина, попала двумя торпедами в немецкий линкор «Тирпиц», но тот не затонул. Обеспокоенный тем, что советские торпеды не снаряжаются взрывчаткой ТГА, Ледин написал письмо наркому военно-морского флота адмиралу Н.Г. Кузнецову, сравнив атаку «Тирпица» с атакой «Ройял-Оука». Кузнецов проявил «живое» участие в этом деле, он на письме собственноручно начертил: «Товарищу Шибаетову: «Ройял-Оук» — стар. Но почему не снаряжают? Кузнецов». Далее Ледин пишет от себя: «На этом дело и закончилось. И только после войны в снаряжении минно-торпедного вооружения наступила пора коренных усовершенствований, значительно повысивших его эффективность».

Так вот, в отличие от «жертвы сталинизма» адмирала Кузнецова, Л.П. Берия никто, никогда и не единым словом не упрекнул, что он когда-либо невнимательно отнесся хоть к чему-нибудь, хоть к какому-либо новшеству, которое шло на пользу СССР, его экономике, его обороноспособности. А Кузнецов, как видите, и через два года после постановления СТО был «не в курсе дела» — повышена огневая мощность советского военно-морского флота практически бесплатно в 1,5 раза или нет?

На самом деле на подводной лодке К-21 были торпеды, снаряженные и взрывчаткой ТГА, у которых мощность боевой части

была в 1,8 раза выше, чем у старых торпед, но эти торпеды находились в носовых торпедных аппаратах. А «Тирпиц» маневрировал и шел так быстро, что Луний не успевал развернуть лодку и выпустил торпеды из кормовых торпедных аппаратов. А их боевые части до тех пор никто не переснарядил мощной взрывчаткой — куда было спешить, если наркому Кузнецову это без надобности? Да и сама атака «Тирпица» его, как видим, не интересовала, поскольку Кузнецов не знал решающих подробностей этого боя.

Но продолжим об инженере Ледине.

Не взрывчаткой ТГА поразил специалистов инженер Ледин, она была его разминкой. К 1941 г. он решил проблему, над которой до этого 30 лет безуспешно бились химики всех стран и к тому времени стали эту проблему считать неразрешимой в принципе. Вот в чем дело.

Уже к началу века черный порох в артиллерийских снарядах стали заменять более сильными взрывчатыми веществами. Идеальным взрывчатым веществом для этих целей стал тринитротолуол (ТНТ, тол). Он безопасен в обращении, надежен, легко заливается в корпуса снарядов. Он идеален практически для всех видов снарядов... кроме бронебойных.

При падении снаряда на землю, при ударе его о не очень твердые препятствия, тринитротолуол выдерживает сотрясение и взрывается только тогда, когда его подорвет детонатор взрывателя. Но бронебойный снаряд летит с очень высокой скоростью и его удар о броню очень резкий. Тринитротолуол не выдерживает удара и взрывается немедленно. Снаряд разрушается на броне и броню пробить не может.

Для того чтобы тринитротолуол преждевременно не взрывался, в него вводят флегматизаторы — вещества, делающие взрывчатку более устойчивой к удару. Но при этом падает мощность взрыва чуть ли не до мощности черного пороха. Химики брали более мощные взрывчатые вещества, но они практически все еще более нежные и уже не выдерживают не только удара о броню, но даже толчка при выстреле — взрываются прямо в стволе пушки. Таким взрывчатым веществам, чтобы они преждевременно не взрывались, нужно вводить флегматизаторы в увеличенных объемах, после чего мощность их взрыва становится, как у тринитротолуола — овчинка выделки не стоит. С начала века по начало Второй мировой войны химики

перепробовали все и пришли к выводу, что эту задачу решить невозможно.

Так вот, в 1938 г. Ледин взялся изобрести взрывчатое вещество для бронебойных снарядов, которое бы было в два раза мощнее тринитротолуола! Когда он разработал техзадание на это вещество, то все ученые, профессора и прочие специалисты просто сочли его безграмотным дураком. Но поскольку Ледин был вольнонаемным при военной лаборатории, то начальство не возражало, чтобы он «побаловался» над решением нерешаемой задачи.

В это время случилась неприятность — Дедина призвали в армию. Специалисты в лаборатории были очень нужны, и начальство предложило присвоить ему офицерское звание и включить в штат лаборатории. Ему бы предоставили квартиру, высокий оклад, пайки и т. д. и т. п. Но в этом случае Ледин уже не смог бы заниматься своей взрывчаткой и вынужден был бы работать по плану лаборатории. И Ледин отказывается становиться офицером. Его призывают на службу матросом, но, правда, лаборатория добивается, чтобы он служил при ней. Теперь у Дедины не хватает денег снимать квартиру, содержать семью. Он отправляет ребенка к матери, они с женой ночуют по углам у друзей, меняя эти углы каждую ночь. Но Ледин упорно работает над своим изобретением и к началу войны создает взрывчатку, которая выдерживает удар снаряда о броню, но мощнее тринитротолуола более чем в 2 раза!

Уже по этой причине Ледин — выдающийся советский инженер и ученый! Но и это не все...

Снаряды, снаряженные взрывчаткой Дедины (он назвал ее «А-IX-2»), стали обладать такой высокой температурой взрыва, что поджигали внутри танка все, что могло гореть. Из-за этого они одно время назывались еще и зажигательными. А зенитные снаряды, снаряженные этой взрывчаткой, резко увеличили эффективность: был случай, когда одним удачно посланным 130-мм снарядом было сбито сразу звено из 3 немецких бомбардировщиков. Если же стрельба велась ночью, то вспышки взрывов были настолько яркими, что немецкие летчики слепли и уже не видели ни земли, ни приборов, ни соседних самолетов.

Но и это все еще не все.

Когда немцы добыли эти наши бронебойные снаряды, снаряженные взрывчаткой Ледина, то немецкая химия попыталась ее воспроизвести. Захваченный после войны отчет немецкого института Chemisch-Technische Reichsanstalt Institut начинается с приказа Гитлера открыть секрет взрывчатки Ледина. В отчете описывается огромная работа немецких химиков по разгадке секрета этой взрывчатки. Из чего она создана, они, разумеется, немедленно поняли. Но как Ледин ее создал, они до конца войны понять не смогли. Эстафету у немцев приняли химики НАТО, США, Европы и всего мира. Бесполезно!

СССР сумел сохранить тайну, и 50 лет бронебойные снаряды, боевые части ракет были у Советской Армии самыми мощными в мире!

Инженер Ледин опередил своих коллег во всем мире на 50 лет, а если бы СССР не уничтожили подонки и тайну взрывчатки не продали Западу, то, возможно, эта цифра удвоилась бы.

Ледин, генералы и адмиралы

Однако вернемся в 1940 г. Как только взрывчатка «А-IX-2» была создана, родное начальство Ледина тут же решило выдвинуть ее на соискание Сталинской премии, но Ледин отказался — он считал, что взрывчатку нужно сначала тщательно испытать. Он сам снаряжает ею корпуса 37-мм и 100-килограммовые корпуса 180-мм снарядов. Производятся стрельбы. Результаты блестящи, и отчеты рассылаются во все инстанции.

А тут подоспела и война, и стало очевидно, что это уникальная взрывчатка не только для морских снарядов, но и для противотанковой артиллерии. Снаряжаются «А-IX-2» 400 штук 45-мм снарядов к противотанковой пушке, и снова проводится испытание. Последний отчет матрос Ледин печатает уже под бомбами блокадного Ленинграда и снова успевает отправить его во все инстанции.

Казалось бы, что в связи с войной за эту взрывчатку должны были ухватиться все генералы и адмиралы, тем более что гексоген в СССР на тот момент хотя и производился только в полупромышленных масштабах, но даже такое его количество **не использовалось** полностью, а тринитротолуола катастрофически не хватало.

Отчет о «А-IX-2», как пишет Ледин, был «разослан в Артиллерийское управление ВМФ, Главное артиллерийское управление РККА, Народный комиссариат боеприпасов и Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского», но «ни Артиллерийский комитет ГАУ РККА, ни Наркомат боеприпасов не только не отозвались по существу изложенных вопросов, но даже не подтвердили его получения».

Как прикажете это понять? Работа о взрывчатом веществе, которая до войны предлагалась к выдвижению на Сталинскую премию, с началом войны вдруг потеряла актуальность?!

К нашему счастью, из-за нехватки офицеров матроса Ледина посылают в Москву в Наркомат ВМФ за таблицами стрельб. А в Москве уже паника, и Наркомат ВМФ выехал во главе с наркомом и со всем самым ценным в Казань. Оставленный в здании наркомата в Москве капитан первого ранга приказывает матросу Ледину принять

участие в сжигании «малоценных» бумаг. Так Ледин спас из костра свой отчет о «А-IX-2», посланный нашему главному флотоводцу Н.Г. Кузнецову.

Дежурному по Наркомату ВМФ каперангу было не до взрывчатки, у него под окном стояла машина в готовности умчать каперанга из Москвы, и он отправляет Ледина в Наркомат боеприпасов. Оставшимся в этом наркомате тоже не до взрывчатки Ледина, но по другой причине: в дни всеобщей паники в Москве Наркомат боеприпасов вывез из Москвы все оборудование по снаряжению снарядов и мин взрывчаткой, а теперь наркомату дана команда начать их снова снаряжать в Москве. Снаряжать не на чем. И дежурный по этому наркомату посылает Дедина организовать снаряжение снарядов и мин взрывчаткой на карандашных, конфетных и других фабриках Москвы. В энциклопедическом сборнике «Оружие победы» в разделе «Пороха, взрывчатые вещества и пиротехнические средства» инженер Дедин сначала упоминается как автор «раздельно-шашечного метода снаряжения», а уж потом как автор взрывчатки на основе гексогена.

А на фронте в это время вооружают солдат бутылками с бензином, выдают рекомендации держать в окопах ведра с песком, и когда немецкий танк проезжает мимо, то запрыгивать на него с ведром и засыпать песком воздушные фильтры...

А в это время в Москве: «Обращения к командованию Артиллерийского управления ВМФ по поводу реализации результатов разработки новых ВВ для повышения эффективности противотанковой артиллерии РККА оказались совершенно безрезультатными», — пишет Дедин.

Взрывчатка и Сталин

И тогда матросу Дедину приходит в голову здравая мысль обратиться в политорганы — к комиссарам. Он пишет рапорт начальнику политотдела Центральных управлений и Главного Морского Штаба генерал-лейтенанту Н.Д. Звягину, и тот понял матроса с полуслова. Звягин идет к наркому ВМФ адмиралу Кузнецову и заставляет его заняться взрывчаткой «А-IX-2». Нет, Кузнецов не побежал докладывать о ней Сталину, но милостиво согласился, чтобы Дедин написал письмо в ГКО за подписью Кузнецова и ввиду недоумения начальника Политотдела вынужден был это письмо подписать. Так о взрывчатке «А-IX-2» наконец узнал Сталин.

Дело немедленно закрутилось. Сначала ГКО выдает команду Наркомату боеприпасов, но там дело запутывают и называют ГКО мизерные цифры производства «А-IX-2». Тогда 7 декабря матроса Дедина, вернувшегося с московских фабрик, хватают чины Наркомата боеприпасов, сажают в машину и везут в Кремль, где в коридоре приезда матроса ждут Маленков, Пономаренко, наркомы, командующие родами войск, толпа генералов. Толпа расступается, открываются двери, и матрос Ледин в мокрых валенках предстает перед Верховным Главнокомандующим. Ледин докладывал ему без регламента — 40 минут. Измученный сплошными отказами, изобретатель, чтобы не нарваться на отказ и в ГКО, высказал предложение о производстве своей взрывчатки в объемах, возможных с точки зрения тогдашнего развития промышленности. Это возмутило Верховного: Красная Армия должна иметь оружие не сколько можно, а сколько нужно! Кроме этого, Сталин тут же нашел этой взрывчатке применение, о котором Ледин сам не догадался, — снаряды авиационных пушек.

Дело в том, что у авиационных специалистов не было единого мнения о том, что ставить на самолет — пушку или несколько пулеметов вместо нее. Снаряд авиапушки маленький, взрывчатого вещества в него входит очень мало и эффект от его взрыва совсем небольшой. Несколько скорострельных пулеметов могут нанести

самолету противника гораздо более серьезные повреждения, чем взрыв маломощного снаряда, снаряженного тринитротолуолом.

Раз уж я отвлекся, то закончу об авиационных пушках. До Второй мировой войны, во время нее и некоторое время после немцы и мы предпочитали на самолете пушку, а англичане и американцы — по 12–14 пулеметов. И этот спор, по сути, решила только Корейская война в начале 50-х годов, в которой американцы, после снарядов немецких авиапушек, познакомились наконец с авиационным снарядом, снаряженным взрывчаткой «А-IX-2».

Тогда наши реактивные истребители МиГ-15бис несколько уступали американским более тяжелым реактивным истребителям F-86 «Сейбр» на виражах, но превосходили в скороподъемности. Т. е. возможности авиатехники США и СССР были примерно равны, а к концу Корейской войны американцы в техническом совершенстве самолетов нас даже превосходили. Но на наших истребителях стояли две 23-мм и одна 37-мм пушки конструктора Нудельмана, а на «сейбрах» 12 12,7-мм пулеметов «Браунинг». После появления в Корее МиГов американцы поставили крест на своих «летающих крепостях» В-29, которые до этого считали неуязвимыми (за что их и называли «крепостями»). В-29 имел бронирование, 4 мотора, 9 т бомб, 12 членов экипажа и 12 огневых точек с автоматической наводкой на цель. Считались эти самолеты неуязвимыми потому, что истребитель имел возможность стрелять по «Крепости» максимум 2–3 секунды, после чего он или проскакивал цель, или его сбивали бортовые пулеметные установки В-29.

Напомню, что в «черный вторник» для «летающих крепостей» 21 самолет В-29 вылетел под охраной 200 американских истребителей. Нашим 44 МиГам остался только один тактический прием — сверху вниз пронизать строй этих истребителей и строй В-29. Сделали они это один раз, американцы тут же свернули к береговой черте, за которую нашим истребителям было запрещено залетать. Было сбито 12 из 21 В-29, из оставшихся 9 не было ни одного, который бы вернулся на базу без убитых и раненых членов экипажа. Попутно сбили и 4 истребителя. У наших МиГов потерь не было. Три дня ошарашенные американцы вообще не вылетали. Потом под мощным прикрытием послали на пробу тройку В-29. Эти были сбиты все.

После чего стали посылать «Летающие крепости» только ночью, а потеряв сбитыми 69 «крепостей», вообще прекратили их использовать.

Вот конкретный воздушный бой Корейской войны, в описании которого ничего не говорится о взрывчатке инженера Дедина, но из которого видна ее эффективность.

«...К охраняемому объекту 913-й ПАП подошел, когда бой был уже в разгаре. С.А. Федорец услышал по радио призыв: «Помогите, меня подбили, помогите!» Окинув пространство взглядом, Семен Алексеевич увидел дымящийся МиГ, которого преследовал, не переставая бить по нему в упор, «сейбр». Федорец развернул свой истребитель и пошел в атаку на увлеченного охотой противника. С дистанции 300–100 м советский летчик ударил по американцу, и тот вошел в свое последнее пике.

Однако придя на выручку попавшему в беду коллеге, Федорец оторвался от ведомого и ведомой пары и потерял их из вида. Одиноким МиГ — заманчивая цель. Этим не преминули воспользоваться американцы.

Четверка «сейбров», ведомая капитаном Макконнеллом, тут же атаковала самолет Федорца».

Прерву повествование. Капитан Макконнелл — лучший ас американских ВВС времен Корейской войны. У него на счету 16 сбитых советских, китайских и корейских самолетов. Лучшие асы Корейской войны — капитан Н.В. Сутягин, полковник Е.Г. Пепеляев. У них на счету по 23 сбитых американских самолета. У капитана С.А. Федорца по итогам войны — 8 сбитых американцев.

«Семен Алексеевич только оторвался от прицела, сбив назойливого «сейбра», как по кабине хлестанула очередь. Вдребезги разлетелось остекление фонаря и приборная доска, однако сам самолет остался послушен рулям. Да, это был удар аса! Так обычно повергал противника капитан Макконнелл, но и мастерство советского летчика было не хуже. Он тут же среагировал на удар и резко бросил самолет вправо на атакующего «сейбра». F-86 Макконнелла проскочил МиГ и оказался впереди и слева. Американский ас, по-видимому, несколько успокоился, наблюдая, как задержался советский истребитель. Это была нормальная реакция «обезглавленного» (т. е. с убитым летчиком) самолета. Когда же МиГ-15, находясь сзади, стал выворачивать в сторону «сейбра», Макконнелл удивился, стал выпускать закрылки и

щитки, гася скорость и пытаясь пропустить противника вперед. Но было уже поздно — Федорец навскидку ударил (а удар у МиГ-15 хороший!) по американцу».

Еще прервемся. Макконнелл, подкравшись, ударил по МиГу из 12 пулеметов. А толку? У Федорца при проскакивании «сейбра» были доли секунды открыть огонь, и он попал по американцу, вероятно, единственным снарядом 23-мм пушки. А этот снаряд размером с аптечный пузырек из-под пенициллина. Но в нем была взрывчатка Ледина! Читаем результат:

«Очередь пришлась по правой консоли, ближе к фюзеляжу, вырвав из крыла кусок в добрый квадратный метр! «Сейбр» кувыркнулся вправо и пошел к земле. Опытному Макконнеллу удалось-таки дотянуть до залива и там катапультироваться.

А на подбитый МиГ тут же накнулись оставшиеся F-86. В результате этой атаки были перебиты тяги управления, и советскому летчику пришлось катапультироваться.

Так закончился этот драматический поединок двух асов в небе Кореи.

Это была 5-я и 6-я победы Федорца, а у капитана Макконнелла — 8-я. Правда, из-за того, что самолет американского аса упал в море, а пленка фотоконтроля сгорела вместе с МиГом, победу Семену Алексеевичу не зачли как подтвержденную».

Советские ВВС потеряли в Корейской войне 335 самолетов всех типов и сбили, по нашим неполным подсчетам, 1106 самолетов. (Нашим летчикам засчитывался сбитый самолет, если он падал на территорию Северной Кореи, а если падал в море или дотягивал до Южной, то не засчитывался). Соотношение 3:1 в пользу советских ВВС, а по реактивным истребителям — 2:1.

Так что Сталин понимал, о чем говорит, когда предложил снаряжать взрывчаткой Дедина снаряды авиационных пушек — эти снаряды даже в «летающих крепостях» делали дыры площадью в 2 м². (Больше входной двери, если кому-то захочется образно представить, что такое 2 м².)

Взрывчатка и наркомы

На совещании у Сталина было принято решение о создании при Наркомате боеприпасов Специального экспериментально-производственного бюро (СЭПБ), которому поручалось испытать с новой взрывчаткой все имеющиеся на вооружении бронебойные снаряды, развернуть производство взрывчатки «А-IX-2» и снаряжение ею бронебойных боеприпасов. Руководителем этой группы инженеров был назначен матрос Дедин. Правда, Сталин в отличие от Кузнецова внимательно относился не только к снарядам, но и к людям. Уже вечером Ледину сообщили, что личным приказом Верховного ему присвоено воинское звание военного инженера третьего ранга, что примерно соответствовало званию майора. (Наркомат ВМФ месяц не мог снять копии с этого приказа для склада вещевого имущества, и военинженер Ледин продолжал руководить бюро в форме матроса.)

Как я понимаю, освоение производства новой взрывчатки проходило при пассивном сопротивлении Наркомата боеприпасов. Нарком Ванников за всю войну ни разу не встретился с Лединым, начальник первого главка наркомата Г.К. Кожевников «занял по отношению к СЭПБ весьма недружелюбную позицию», — пишет Е.Г. Ледин.

В начале работы взорвалась мастерская по снаряжению корпусов снарядов, в которой находилась взрывчатка «А-IX-2». Погибло 12 человек. Сталину немедленно сообщили об этом с вопросом, что будем делать? Ожидался ответ о прекращении работ, но Сталин не обрадовал бездельников и распорядился — пошлите Ледину еще 24 человека. Взрыв не был связан со свойствами взрывчатки, возможно, это была и диверсия, но люди перепугались. Тогда Ледин вместе с главным инженером первого главка П.В. Лактионовым убрали из мастерской всех, сами стали за снаряжательные прессы и снарядили «А-IX-2» все снаряды опытной партии.

Дело под руководством СЭГТБ пошло вперед. К началу 1943 г. объем производства гексогена увеличился в 15 раз, к середине 1943 г. работа СЭПБ была практически закончена — все противотанковые и авиационные снаряды, которые промышленность поставляла фронту,

снаряжались взрывчаткой «А-IX-2», ею же снаряжалась и часть снарядов морской и зенитной артиллерии.

Е.Г. Ледин в своих воспоминаниях ни разу не упомянул Берия, что и не мудрено — журнал «Военно-исторический архив», в № 7 которого напечатаны воспоминания Ледина, из номера в номер стенает и плачет по «невинным жертвам сталинизма». Но, тем не менее, Ледин написал:

«Сразу же после выхода приказа по НКБ о назначении начальником СЭПБ, в 2 часа ночи меня вызвали на Лубянку. Там со мной познакомился сотрудник НКВД и сказал, что его ведомству поручено оказывать содействие работам СЭПБ, для чего у нас будут еженежные встречи в это время.

При этом он добавил, что при широком размахе работ по всей территории Союза сотрудники НКВД на местах могут оказать помощь в случаях задержек или поисков необходимого оборудования, или материалов по представляемым мной сведениям.

В ряде случаев на этапах строительства, монтажа и подготовки производства эта помощь способствовала ускорению работ.

Встречи на Лубянке происходили каждую ночь, до окончания работы СЭПБ в сентябре 1943 г. и всегда заканчивались вопросом, который органически противоречил всему моему естеству: «Нет ли у вас замечаний о противодействии или саботаже проведению работ?» Зная методы, которые применялись НКВД, я испытывал тягостное чувство и душевный протест, исключавшие всякую возможность такого рода «помощи», и ни разу не дал на этот вопрос положительного ответа».

А вот это напрасно, напрасно Ледин не попросил защиты у НКВД, поскольку шакалы Наркомата боеприпасов сразу поняли, что человек он стеснительный и его можно грабить, как хочешь.

Нарком боеприпасов Борис Львович Ванников был опытнее его в этих делах. Поэтому о присуждении Сталинской премии за изобретение и постановку на производство взрывчатки «А-IX-2» Е.Г. Ледин узнал в марте 1943 г. из газет, оттуда же он узнал, что у него в соавторах состоит тот самый начальник первого главка, который мешал освоению «А-IX-2», как мог.

Поняв, что его и его людей нагло «кинули», сразу же после сдачи окончательного отчета Ледин решил сам заняться вопросом

награждения тех, кто отличился при создании и освоении его взрывчатки. Он подготовил список на награждение орденами 35 работников СЭПБ, позвонил лично Б.Л. Ванникову, и тот пообещал его с этим списком вызвать, чтобы решить вопрос о награждении. Далее Ледин пишет: «Но вызова не последовало; в скором времени вышел Указ Верховного Совета СССР о награждении тридцати пяти работников НКБ высокими правительственными наградами, причем никто из награжденных не имел никакого отношения к работе СЭПБ». Мы должны догадаться из этих слов деликатного Ледина, что его, руководителя СЭПБ, автора и изобретения, и выдающейся технологии, в этом списке тоже не было. А кто же там был? Ледин продолжает: «Состав награжденных был довольно пестрым, и для многих из них, которых я знал, награждение было совершенно неожиданным». Ну так уж «неожиданным» — разве они не знали, что они для Ванникова «свои» и что Борис Львович своих не забывает?

И Ледин, не могущий себе простить до сих пор то, что он не сумел наградить действительно заслуживших, с горечью пишет: «Я пришел к выводу, что мне надо было доложить о выполнении задания лично председателю ГКО, а не наркому, и поэтому являюсь единственным виновником происшедшего. Но кто мог подумать?»

Как вам нравится это раскаяние? Оказывается, не подлец Ванников, обворовавший заслуживших свои награды людей, виноват, а он — изобретатель.

Обыватель

Но я хочу рассмотреть вопрос о том, было ли сопротивление Н.Г. Кузнецова, Н.Д. Яковлева и К0 принятию на вооружение новой взрывчатки случайным, от лени, недомыслия или все же они руководствовались другими мотивами?

На нужную мысль меня натолкнул все тот же Ледин, хотя он сам об этом и не подозревал. Еще раз напоминаю, что я пересказал его записки по-своему, он человек деликатный и никого в них не упрекает.

Не понятна его судьба после окончания работы по «А-IX-2». В 1943 г. его назначили начальником МТЛ ВМФ. Напомню, что первым начальником этой лаборатории был Д.И. Менделеев. Ледин отстраивает лабораторию в разрушенном Ленинграде, собирает оборудование. В итоге победным летом 1945 г. лабораторию вдруг закрывают, а его переводят в Министерство сельскохозяйственного машиностроения. Затем в его биографии идет ряд должностей, никак не связанных с научной работой, и в 56 лет его отправляют на пенсию полковником запаса. Интересно, но автору выдающейся теории в области взрывчатых веществ не было присвоено никаких ученых званий!

Теперь попробуйте напрячь фантазию и представить себе описанный Лединым такой случай (выделение сделано им).

«Как-то, много лет спустя, я встретился в ожидании поезда на платформе московского метро с бывшим председателем Артиллерийского комитета ГАУ, генерал-лейтенантом, доктором технических наук Константином Константиновичем Снитко. Он был в штатском, с портфелем в руке и, видимо, еще продолжал свою преподавательскую деятельность в Артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского, где был долгое время начальником кафедры взрывчатых веществ. Мы были хорошо знакомы, так как до этого часто общались на деловой почве.

Поздоровавшись со мной, Константин Константинович задумался и спросил: **«Знаете ли вы, почему вам удалось осуществить ваше предложение?»** — И, видя, что я недоумеваю, ответил сам: **«Потому, что никого из нас здесь не было»...**

Ледин выделенные им же слова никак не комментирует, давайте попробуем это сделать мы.

В понимании обывателя (который всегда считает себя умнее всех), Ледин дурак. Отказался от денег и звания, когда изобрел взрывчатку, не скандалил, когда его обокрали наградами, не стал добывать себе ученых и воинских званий. А Снитко умный: и ученое звание себе добыл, и воинское, никакой теории не разработал, но кафедру в академии получил.

У Снитко есть все основания глядеть на Дедина через губу — у Дедина «жизнь не удалась», а у Снитко удалась. Но... одно мешает — Ледин автор выдающихся изобретений, а Снитко просто генерал-лейтенант и доктор технических наук. И вырывается невольное признание...

Напомню о чем оно: когда Ледин приехал в Москву и добился, достучался до ГКО — до Сталина, то в Москве в это время не было «специалистов» Главного артиллерийского управления, в том числе и этого Снитко, — они эвакуировались. И только поэтому, как говорит Снитко, **они не смогли помешать внедрению «А-IX-2»**. Вопрос — а почему все они, включая Кузнецова, Яковлева, их работников, работников Наркомата боеприпасов, хотели нанести существенный вред СССР? Почему они препятствовали внедрению «А-IX-2»?

В нашей истории довольно хорошо изучены мотивы, которыми руководствовались патриоты, понятны и мотивы, которыми руководствовались откровенные предатели. Но никто не занимался изучением мотивов, которыми в годы войны руководствовался обыватель, а ведь именно он составлял большинство населения. Обыватель — это тот, чьи цели в жизни ограничиваются желанием вкусно жрать, трахаться, иметь побольше барахла и не иметь опасностей для существования. Обывателю плевать, какая власть на дворе, ему мила любая власть, которая удовлетворяет его желания. Для удовлетворения желаний нужны деньги, для того, чтобы их иметь, надо работать или служить. И обыватель работает и служит: и шахтером, и дояркой, и ученым, и генералом. Обыватель всегда хвалит и громче всех клянется в верности существующей власти, но только потому, что надеется этим схватить у нее кусок побольше.

Понятие чести, долга, патриотизма ему неведомо, но предать откровенно он боится. Однако это не значит, что он не смотрит в

будущее.

Вот представьте. Началась война с немцами. Какие мысли должны были появиться у обывателя? Мог ли он верить в победу СССР? Никогда! Посудите сами.

Обыватель, даже с образованием, всегда туповат: зная себя, он такими же представляет и всех своих соплеменников. Российский обыватель всегда млел перед Европой, а Гитлер — это Европа! И обыватель без сомнений считал — куда уж нам, лапотным, супротив Европы!

Более того, немцы поставили на колени остальные страны континента, их армия оглушительно разгромила армии остальных государств. Ну, куда России (в понимании обывателя) с немецкой армией и всей Европой тягаться?!

Обыватель — подлый трус, в его понимании и все остальные — такие же. Кто же (в понимании обывателя) будет сопротивляться немцам, если «все мы трусы»?

Обыватель свято верил, что Германия победит СССР, тем более что немцы это сделали в Первую мировую, когда на стороне России была Франция, Италия, США, Бельгия и прочие страны. А одной России, с отсиживающимися на островах британцами, немцев никогда не победить!

Говорить об этом обыватель не мог — во время войны за такие разговоры могли расстрелять, но не думать о будущем он ведь тоже не мог!

Такой вот пример. В начале этого века сотрудник британской разведки Ричард Томлисон написал книгу, вышедшую у нас под названием «Большой провал». В ней он рассказал и об одном своем успехе. В середине 90-х в Англии к британской разведке обратился приехавший туристом полковник Советской (Российской армии) и предложил по недорогой цене секреты, о которых ни британская разведслужба МИ-6, ни ЦРУ и мечтать не могли — систематизированные числовые данные по испытанию всех советских ракет. Томлисон за этими данными ездил в Россию, выкрал их с квартиры этого полковника, чем и отличился. Но не в нем дело.

Этот полковник очень долго служил в испытательной группе на полигоне и по роду службы знал параметры ракет, снятые во время их пусков. Эти данные, само собой, были строго секретны и выносить их

за территорию полигона было строжайше запрещено. Да и за сотрудниками полигона присматривала контрразведка на предмет их контакта с подозрительными иностранцами. Дело это было опасное, но обывателя, как вы видите, эта опасность не смущала. Он годами выносил и выносил эти данные на всякий случай — вдруг придется Родину продать, так ведь надо подороже! Думал этот полковник о будущем, думали о будущем и те полковники и генералы ГАУ РККА, которые в преддверии скорой победы немцев, не давали внедрять взрывчатку Ледина.

И не только думали, но и действовали те генералы РККА, которых заботило, в каких чинах они будут служить после победы Гитлера над СССР.

Измена Павлова и Мерецкова

В июле 1941 г. Верховный Суд СССР судил изменников: командующего Западным военным округом Героя Советского Союза генерала Д.Г. Павлова с некоторыми генералами его округа. Председатель суда Ульрих спрашивает у Павлова:

«Ульрих. На листе дела 86 тех же показаний от 21 июля 1941 года вы говорите: «Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, указывая неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет». Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Павлов. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Ульрих. Кому это «нам хуже не будет»?

Павлов. Я понял его, что мне и ему.

Ульрих. Вы соглашались с ним?

Павлов. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват».

Т.е. еще в 1940 г. два обывателя прозондировали друг друга и поняли, что они единомышленники. И им плевать, какая власть в России, им, генералам, и при Гитлере будет хорошо. Будет же Гитлер из русских формировать туземную армию, вот они ему в этой армии и сгодятся, и жизнь будет (иметь барахло и баб) лучше, чем при Сталине.

Отсюда, понятно, для обывателя следовало, что как только в ходе войны случится оказия (как у генерала Власова в 1942 г.), то нужно поднять руки и кричать: «Сталин капут! Их бин любит Гитлера!» Но и Павлов, и Мерецков понимали, что таких умников, как они, будет много, и Гитлер сможет обойтись и без них. Становилось очень важно сделать на пользу Гитлеру что-то, чем впоследствии можно было бы козырять. Мерецков эту проблему для себя решил, когда был

начальником Генерального штаба РККА. По этому поводу Ульрих задал Павлову вопрос:

«*Ульрих.* На предварительном следствии (лд 88, том 1) вы дали такие показания: «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10.

Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей». Эти показания вы подтверждаете?

Павлов. В основном, да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства».

Мне обязательно скажут, что это следователи НКВД больно били генералов Павлова и Мерецкова палками по голове и заставили их придумать ложь про мобилизационный план и оговорить себя. У следователей не хватило бы ума и знаний, чтобы такое придумать, поскольку мобилизационный план — это такая тайна, в подробности которой посвящены едва ли с десятков высших должностных лиц государства, в число которых следователи НКВД не входят.

Что касается мобилизационного плана, подло составленного Мерецковым с участием других лиц, есть и независимый свидетель. Василий Гаврилович Грабин по заданию ГАУ РККА создал дивизионную пушку Ф-22, и она была принята на вооружение в армии. Но только освоили ее производство, как в тайне от Грабина генералы вдруг приняли решение, что эта пушка плохая и ее нужно заменить новой. Грабин лишь через год узнал об этом, включился в конкурс и создал новую дивизионную пушку Ф-22 УСВ. Эта пушка вновь победила своих конкурентов, но производство (станки, инструмент, модели, штампы) пришлось перенастраивать под производство нового орудия. Дальше Грабин пишет (подчеркнуто мною. — *Ю. М.*):

«Недолго пушка УСВ шла в производстве — один только 1940 г. В 1941 г. заказчик — Главное артиллерийское управление — не заключил договор с заводом о продолжении поставок УСВ. Почему?

Это было нам непонятно. Возникали разные предположения. Только одной мысли мы не допускали, что дивизионных пушек уже сделано столько, сколько потребуется во время войны. Желая внести ясность, мы обратились в высшие инстанции с просьбой указать причины прекращения производства пушек Ф-22 УСВ. Нам ответили, что **мобилизационный план выполнен полностью.**

Что ж, военным виднее — они сами определяют потребность армии в пушках. И раз они говорят, что мобилизационный план выполнен, значит, так оно и есть. Но правильно ли был составлен мобилизационный план?

Начало Великой Отечественной войны показало, что это было далеко не так: нехватка дивизионных пушек была очень острой. Поэтому, хотя к 1941 г. выпуск пушек УСВ был прекращен, в начале войны они вновь были поставлены на валовое производство».

А на стр. 457 своих воспоминаний Грабин пишет: «Самый приблизительный подсчет показывал, что на вооружении Красной Армии к началу 1941 г. все-таки меньше дивизионных орудий, чем на вооружении русской армии перед Первой мировой войной».

Т.е. Мерецков накануне войны, составляя мобилизационный план, не только умышленно лишал РККА тягачей и автомобилей, но он лишил ее и самых массовых артиллерийских орудий — дивизионных. Случайно?!

В то время и Павлов мог к этому мобилизационному плану примазаться, поскольку он был начальником Автобронетанкового управления и эти подлые цифры согласовывал. Но затем его назначили командующим Западным военным округом, и ему надо было подумать о собственных заслугах перед немцами, перед будущим хозяином — Гитлером.

И он решился на откровенное предательство, благо генералы его штаба это предательство не пресекли.

Как мы уже разобрали выше, под прикрытием миролюбивого заявления ТАСС от 14 июня 1941 г., Генштаб РККА распорядился, а 18 июня Жуков повторил распоряжение привести в боевую готовность первые эшелоны войск прикрытия границы и флоты. Итак, тогдашний начальник Генштаба Г.К. Жуков такие распоряжения давал, но в округе Павлова проверять их исполнение не стал! (Тоже случайно?!)

Воспользовавшись этим, Д.Г. Павлов на направлении главного удара немцев не только не привел войска в боевую готовность, но даже не вывел их в летние лагеря, что обязан был сделать даже без угрозы войны, просто в плане летней учебы войск. А на самой границе в городе Бресте у Павлова были расквартированы две стрелковые дивизии и одна танковая. Их казармы были в пределах досягаемости немецкой полевой артиллерии, и их расположение немцам было хорошо известно. Поэтому утром 22 июня немецкие артиллеристы первые же снаряды послали прямо в гущу спящих солдатских тел. Оставшиеся в живых отступили из города, бросив в нем технику, оружие и склады. Три дивизии Красной Армии в несколько часов перестали существовать, оголилось полсотни километров боевых порядков Западного фронта. В эту прореху и рванули танки Гудериана, окружив наши войска под Минском. После таких потерь Кремль не успевает сформировать сплошной фронт на московском направлении. Гудериан снова вместе с танковой группой Гота окружает наши войска под Смоленском. Напомню, что ни на юге, ни на севере советско-германского фронта генеральского предательства в таком масштабе не было, там войска отходили, но разгромить их немцы не могли.

Предательство Павлова и его генералов обрекло советский народ на тяжелейшие потери первого года войны. А эти потери сказались и на всем ее ходе. Поэтому надо понимать, почему Ставка начала ставить во главе армий генералов НКВД. Надо понимать, почему Жукова постоянно сопровождала «охрана» из офицеров НКВД (даже на Парад Победы был выписан пропуск сопровождавшим Жукова 16 офицерам «охраны»). При таком конвое хочешь — не хочешь, а к немцам не сбежишь.

И Павлов к немцам сбежать не успел — через месяц после начала войны его уже судили. На суде он пытался собственную вину свалить на своих подчиненных, но те лишнего на себя брать не хотели, им хватало и своего.

Павлов вначале бодро брехал:

«Павлов. Я своевременно знал, что немецкие войска подтягивались к нашей границе и, согласно донесений нашей разведки, предполагал о возможном наступлении немецких войск. Несмотря на заверения из Москвы, что все в порядке, я отдал приказ командующим привести войска в боевое состояние и занять все

сооружения боевого типа. Были розданы войскам патроны. Поэтому сказать, что мы не готовились, — нельзя».

Однако суд по этому поводу задал вопрос начальнику связи округа генералу Григорьеву:

«*Ульрих*. На лд 79, том 4, вы дали такие показания:

«Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка... И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска не были приведены в боевую готовность».

Григорьев. Все это верно».

Как видите, приказ о приведении войск в боевую готовность по плану прикрытия границы поступил 18 июня, за 4 дня до начала войны, а согласно этому плану войска должны были немедленно получить носильную норму патронов — 90 шт. на винтовку и снарядить: по две ленты к станковым пулеметам; по два диска к ручным пулеметам и пистолет-пулеметам. Остальные патроны хранить в казармах в цинках (запаянные коробки с патронами).

Ничего сделано не было — формально полк связи вроде вышел обеспечивать связь командного пункта будущего Западного фронта с войсками и Москвой, но даже этот полк ничем не был обеспечен. Остальным войскам Павлов о боевой готовности вообще ничего не сообщил.

Вину за уничтожение советских войск в Бресте Павлов попытался свалить на командующего 4-й армией, чьи дивизии погибли в Бресте, но того тоже судили, он сидел рядом с Павловым, и суд зачитал ему эти показания Павлова.

«*Ульрих*. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания: «Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только

потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста» (лд 62, том 1).

Коробков. Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел.

Павлов. В июне месяце по моему приказу был направлен командир 28-го стрелкового корпуса Попов с заданием к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста в лагеря.

Коробков. Я об этом не знал».

Вот вам и славные советские генералы, «невинные жертвы сталинизма», уверенные, что им при Гитлере будет хорошо. Будет ли хорошо при Гитлере советскому народу, их, вскормленных на шее этого народа, не интересовало.

Предательство втихую

А теперь, когда читатели уже познакомились с поступками вышеназванных «жертв сталинизма», давайте оценим поступки и других упомянутых выше «жертв»: наркома ВМФ, прославленного советского флотоводца, даже издавша не видевшего ни одного морского сражения, адмирала флота СССР Н.Г. Кузнецова, разжалованного в 1947 г.; начальника Главного артиллерийского управления РККА, маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, осужденного в 1946 г. за принятие на вооружение Советской Армии недошедших зенитных орудий; наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова, арестованного перед войной, но освобожденного, как и Мерецков, в связи с «искренним раскаянием».

Кстати, как «искренне» каялся Ванников, невольно поведал Л.М. Каганович, когда писатель Ф. Чуев расспросил его о причинах самоубийства его брата — Михаила Моисеевича Кагановича, бывшего на тот момент членом ЦК.

«У Орджоникидзе брата арестовали. Переживал очень. У меня брат тоже... Обвиняют, что я его не защищал. Вранье! Само по себе обвинение глупое. Представьте себе, что брат был бы врагом. Тогда я бы, конечно, пошел против него!

Я пришел в Политбюро, и Сталин мне сказал:

— Вот мы получили показания, что ваш брат Михаил состоит в заговоре.

Я говорю:

— Это ложь. Я знаю своего брата. Это большевик с 1905 г., рабочий, преданный человек, преданный Центральному Комитету партии. Все это ложь.

Сталин говорит:

— Как ложь? Я получил показания.

— Мало ли показаний бывает? Это ложь. Я прошу очную ставку.

И Сталин сказал:

— Хорошо. Давайте очную ставку.

Ванников, который на Михаила наговаривал, он же потом наркомом был, министром. Его освободили, конечно. Ванников был

заместителем моего брата.

Когда на Ванникова были показания, Михаил, он горячий был, с пеной у рта его защищал. Этот Ванников у него на даче ночевал, боясь ареста. И брат защитил его. А потом этот же Ванников на него показывал. Тот говорит:

— Ты что, с ума сошел?

— Нет, ты был вместе со мной в одной организации.

Что ему скажешь?

— Но вы не видели Михаила перед тем, как он застрелился?

— Нет. Это было в коридоре. Ему сказали: «Ты там подожди, а мы еще раз поговорим с Ванниковым». Берия и Маленков. Ванников тут же сидел. Они говорили: «Мы решили его еще раз допросить, что, он с ума сходит, что ли?»

А брата попросили выйти и подождать. Он, видимо, решил, раз его попросили выйти, так ему не верят, и застрелился.

— Но его не арестовывали, раз у него был с собой пистолет?

— Нет, нет. Он оставался членом ЦК. Было решение Политбюро — снять всякие обвинения с Кагановича Михаила, памятник ему на Новодевичьем поставили и разрешили мне написать — я спрашивал специально решение Политбюро, что брат — «член ЦК». Там так и написано: «член ЦК».

Как видите, Павлов, чтобы выкрутиться, валил вину и клеветал на невинного в данном случае Коробкова, а Ванников клеветал на Михаила Кагановича. И выкрутился-таки! А если бы не выкрутился, то тогда инженер Е.Е. Ледин и все те, кто освоил и выдал фронту взрывчатку «А-IX-2», возможно, получили бы заслуженные награды.

Но вернемся к теме. Что, Кузнецов, Яковлев, Ванников не понимали значение взрывчатки «А-IX-2» для Победы? Не могли не понимать!

Так почему же Кузнецов приказал сжечь отчет об этой взрывчатке, почему Яковлев положил его под сукно, почему Ванников тормозил ее внедрение?

Не потому ли, что им требовалось предметное доказательство своей борьбы с большевизмом? Чтобы Гитлер их любил больше... Не в этом ли признался Дедину генерал Снитко?

Возможно, читатели подумают — чепуха! Если Сталин принял решение, то как могло Главное артиллерийское управление

затормозить его?!

Не скажите, это Управление давало заключение о пригодности оружия для Красной Армии. Ведь не сам же Сталин бегал по полигонам и смотрел за всеми испытаниями нового вооружения. Сталин был всемогущ, но не о семи головах, везде успеть не мог, и наши генералы, ставшие патриотами только к концу войны, гадили советскому народу, как могли и где могли в ожидании того, что фюрер им за это отвалит «ящик печенья и бочку варенья».

Н.Г. Кузнецов после смерти Сталина, где надо и не надо, при любой возможности стал заявлять, что он вопреки якобы запрету Сталина «19 июня 1941 г., когда на границах было уже очень напряженно, моим приказом все флоты были переведены на повышенную оперативную готовность (№ 2)». Ишь какой «ерой»! Да вот только за 40 лет этой болтовни данный пресловутый приказ Кузнецова так нигде и не опубликован, и немудрено — флота находились в оперативном подчинении приморских округов и приказ о приведении в оперативную готовность получили от них после того, как округа 18 июня получили от Генштаба приказ о приведении войск в боевую готовность.

Так, например, в Центральном архиве Минобороны (ф. 221, оп. 1394, д. 2 л. 59) хранится подлинник рапорта командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала Трибуца такого содержания: 20 июня 1941 г. Части КБФ с 19.06.41 г. приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива. И рапорт этот отправлен не Н.Г. Кузнецову, якобы отдавшему приказ в тайне от Сталина, а только командующим Ленинградским и Прибалтийским военными округами и заместителю Л.П. Берия — начальнику погранвойск.

Да, после смерти Сталина и Берия героизм наших маршалов и генералов достиг невиданных высот — брехать они стали так храбро, что и сами в свою брехню начали верить. Вот только с фактами эта брехня не согласуется, да кто эти факты проверять станет?

Предатели, ставшие героями

У нас ни в литературе, ни в исторических работах не рассматривается не только вопрос предыдущей главы — измена генералов для подготовки себе заслуг перед новой гитлеровской властью, — но и вопрос, а каково было этим генералам после поражений вверенных им войск возвращаться домой? В старину такие генералы бросались на меч от позора, а в гитлеровской армии в день капитуляции Германии свыше 200 генералов застрелилось. Полководцы РККА в массе своей на такое были не способны, впрочем, в этом они не далеко ушли и от царских генералов — тем тоже позор глаза не ел.

Однако то, что полководцам РККА позор глаза не ел, еще не означает, что им было безразлично, как к ним будут относиться люди, которые своих сыновей и мужей отдали им под командование. Ведь понимаете, сотни тысяч родственников тех, кого этот генерал привел к поражению и смерти, вполне могли сказать этому полководцу: «Мой муж (сын, отец) по твоей вине погиб, а ты тут довольной рожей блистаешь!» А если даже не скажут, то подумают...

Так что полководцу, потерпевшему поражение, желательно было тоже пострадать, но не очень больно. Взять оружие, поднять своих бойцов в последнюю атаку и в ней погибнуть — это для них было слишком! Это очень больно. А вот попасть в плен и пострадать в плену — это в самый раз. Тем более что в плену генералов хорошо кормят, хорошо содержат — почему же не принять этот «мученический венец»? Ну, а после войны, если враг победил, то ты вроде и не глупее и не подлее всех остальных генералов — они же ведь, мертвые или оставшиеся в живых, тоже войну проиграли, так чем они лучше тебя? А если они войну выиграют, то тебя на радостях от победы простят, а ты будешь сопلي по животу размазывать и доказывать, что тебе в плену было гораздо хуже, чем убитым на поле боя, и наши интеллигентствующие придурки тебя еще и пожалеют — «ероем» будешь!

Согласитесь, что для генерала, проигравшего битву (хотя бы в своем представлении), сдача в плен выглядит весьма соблазнительно.

Но для полководцев РККА была проблема: согласно Дисциплинарному Уставу РККА советские военнослужащие в плен не сдаются ни при каких обстоятельствах. А это означает, что как только ты начнешь сдаваться в плен, то тебя свои же (из тех, кто серьезно относится к присяге) и пристрелят. Что же делать?

Давайте попробуем ответить на этот вопрос, воспользовавшись логикой.

Во-первых. К моменту сдачи в плен надо иметь вокруг себя как можно меньше тех, кто честно относится к присяге, тех, кто может не дать тебе сдаться. Короче, желательно было бы как генерал Власов остаться одному с парой-тройкой таких же, как и ты, сопровождающих. Но этого маловато, поскольку ведь надо, чтобы к тебе гуманно относились в плену.

А для этого, во-вторых, нельзя раздражать врага его ненужными потерями, поскольку к потерям уже после победы, которые враг и сочтет ненужными, все относится крайне отрицательно, пусть даже эта победа пока еще в уме победителя. Для полководца РККА, собравшегося сдаться в плен, это большая проблема, поскольку нельзя объявить своим войскам о сдаче, нельзя сдачей своих войск уменьшить потери врага. Что же делать? Логически следует, что полководец РККА, решивший лично сдаться в плен, будет делать все, чтобы вверенные ему войска нанесли врагу как можно меньше потерь, и для этого он, в первую очередь, дезорганизует вверенные ему войска, и этой дезорганизацией прекратит их сопротивление.

Это, конечно, версия, но давайте посмотрим, не было ли в истории той войны случая или случаев, когда полководцы РККА, увидевшие, что они проиграли сражение, начинали дезорганизовывать вверенные им части и соединения, после чего пытались остаться в распоряжении противника с как можно меньшим числом сопровождающих?

Вот давайте с позиции этой версии рассмотрим пару трагедий той войны и начнем с окружения советского Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 года. Командовал фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, Герой Советского Союза. Некий историк Марк Солонин, уже демократ до мозга костей, в книге «22 июня» пишет о нем так: «Михаил Петрович Кирпонос погиб на поле боя 20 сентября 1941 г. при попытке выйти из окружения восточнее Киева. Какими бы

ни были обстоятельства его гибели (встречаются три версии: гибель в бою, самоубийство, особисты выполнили секретный приказ Сталина не допустить пленение высшего командного состава фронта), он отдал свою жизнь за Родину, и это обстоятельство заставляет автора быть предельно сдержанным в оценках».

Надо сказать, что и в этом я тоже отличаюсь от Солонина — меня гибель в той войне почти девяти миллионов солдат совершенно освобождает от всякой сдержанности по отношению к командовавшим ими генералам, в том числе и к погибшим, но дело не в этом. Как видите, есть вопрос о том, как погиб Кирпонос. Меня этот вопрос мало трогает — погибать ему было ничуть не тяжелее, чем остальным миллионам солдат, а вот поведение Кирпоноса на посту командующего Юго-Западным фронтом, представляет интерес как с точки зрения генеральской измены, так и с точки зрения только что выдвинутой мною версии.

Но начнем несколько издалека.

Стратег Жуков

Стратегия — это наука и искусство выиграть войну. Наука в смысле того, что в чем-то можно опереться на более-менее точные расчеты, и искусство потому, что зависит от таланта стратега.

По мере того, как войны становятся общенародными, стратегия из области чисто военной перемещается в область государственную. Стратег должен быть государственным деятелем и, помимо знаний о военном деле, обязан знать все о государственном деле — об экономике, климате, демографии и т. д. и т. п. Поэтому в вопросах стратегии Жуков был и остался абсолютным нулем. Думаю, что главным образом потому, что его общекультурная подготовка была крайне низка.

В ночь на 9 января 1948 г. на даче Жукова был сделан негласный обыск, закончившийся впоследствии конфискацией имущества. Сотрудники МГБ оценили объем барахла, вывезенного Жуковым из Германии. Не будем перечислять тысячи метров тканей, количество ковров, столового серебра и т. д., воспроизведем впечатление рядовых сотрудников госбезопасности: «Дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне». Нам более интересно другое их впечатление: «На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке».

Вот эта характеристика обстановки дачи Жукова (пыль в глаза!) говорит о нем больше, чем десятки томов. Не может быть государственным деятелем, а значит и стратегом, человек, у которого на даче «нет ни одной советской книги», т. е. книг на русском языке. Если их нет, значит, книги ему были просто не интересны. То, что ему было интересно, — все на даче нашли. Скажем: «аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук».

Все ли полководцы РККА были такими? Наверное, таких было немало, но среди них были и люди с очень высоким интеллектом. Вот,

к примеру, о маршале С.М. Буденном вспоминает его дочь Нина Семеновна.

«Отец обладал уникальной памятью и имел способности к языкам. На Дону, откуда папа был родом, находились немецкие поселения, и еще в юности папа хорошо овладел разговорным немецким языком. Позже на всех официальных церемониях общался с немцами без переводчика. Неплохо знал он и калмыцкий, так как рядом с их станицей Платовской жили калмыки. Во время Первой мировой папа пару лет воевал на Кавказе на турецком фронте и освоил турецкий.

Конечно, из-за Первой мировой и гражданской папа не смог получить образование. И поэтому уже в конце двадцатых годов, когда ему было за пятьдесят, он поступил в Академию имени Фрунзе.

Он собирал книги, доставал редкие экземпляры. Его довоенную библиотеку считали уникальной. В ней было собрано больше десяти тысяч томов — папа очень интенсивно занимался самообразованием. Одно время он брал уроки у доцента Московского университета Андрея Снесарева, под руководством которого углубленно изучал военную историю и военную теорию. Об этом мало говорят, но Снесарев до революции служил в чине генерала в царской армии и был одним из ведущих преподавателей в Академии Генерального штаба. Так что Семен Михайлович военной науке учился у царского генерала.

...Он буквально жил коневодством, прилагал все усилия для выведения новой, буденновской породы (чтобы вывести породу, нужно двадцать лет). Он днями пропадал на конезаводах, подыскивая нужных для спаривания лошадей, доставая племенных жеребцов, изучая литературу — у него был огромный шкаф, доверху набитый книгами о коневодстве. И буденновскую породу все-таки вывели. Лошади обладали хорошей резвостью, выносливостью, были пригодны для кавалерии и работы в сельском хозяйстве».

От себя добавлю, что в истории советского коневодства было два случая уникальных продаж с Московского ипподрома. За миллион долларов (огромную сумму по тем временам) американскому миллиардеру Хаммеру был продан чистокровный жеребец арабской породы и голландской королеве за такую же сумму была продана кобыла буденновской породы. Но вернемся к Жукову.

Говорить, что благодаря Жукову мы выиграли войну — просто смешно. С его участием мы победили в ряде сражений той войны, и уже это достаточно много.

Бывает или должно так быть, что после событий человек задумывается и начинает понимать то, что в ходе событий понять не мог. Что касается стратегии, то с Жуковым даже этого не произошло. Стратегических замыслов сторон в той войне он не понимал даже тогда, когда в преклонные годы начал писать мемуары.

В них, к примеру, он хвастается, что смог якобы предугадать окружение советских войск под Киевом, а на совещании 29 июля он якобы предлагал Сталину оставить Киев и отвести войска, но Сталин не согласился, что и повлекло, дескать, их окружение.

При этом интересно, что он в своих мемуарах обильно цитирует немецких генералов. А эти генералы дружно утверждают, что взятие Киева и окружение на Украине советских войск — **величайшей стратегической ошибкой Гитлера**, повлекшей поражение Германии в войне. Жуков должен был, по крайней мере, хотя бы заинтересоваться, в чем тут дело и почему Гудериан или Меллентин так думают.

Если уделить этой проблеме несколько больше внимания, то я, к примеру, считаю, что и немцы не правы. Гитлер совершил стратегическую ошибку, напав на СССР. А в случае со взятием Киева у него просто уже не было выбора — любой вариант был плох.

Тут ведь что нужно представить. Немцы вторглись в СССР тремя потоками, имея на вооружении стратегический принцип Гитлера — уничтожить войска СССР, сконцентрированные на западе страны.

Давая задание на разработку плана «Барбаросса» на совещании 5.12.1940 г., Гитлер так определял задачу своим генералам: «Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить их в «мешках»... Если русские понесут поражения в результате ряда наших ударов, то начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация». (В записи Ф. Гальдера).

Государство не может защитить себя без армии, если армия (или большая ее часть) гибнет — страна сдается. Так было и в Польше, и во

Франции. А в СССР было так. На севере группа немецких армий «Север» гитлеровский принцип осуществить не смогла — Ворошилов не дал им окружить сколько-нибудь значительную часть войск Северо-Западного фронта. На юге Буденный после потерь пограничных боев закрепился на рубеже Киева, и здесь группа немецких армий «Юг» также не смогла одержать решительной победы над Юго-Западным фронтом. До августа немцы вообще не смогли здесь, окружив, уничтожить ни одной дивизии. Все окруженные пробивались к своим. И лишь в Белоруссии группа армий «Центр» смогла почти полностью разгромить войска под командованием Павлова, и то — благодаря его предательству. Группа армий «Север» была нацелена на Ленинград, «Центр» — на Москву, «Юг» — на Украину. С разгромом Западного фронта дорога на Москву была открыта.

А взятие Москвы несло победу. И не потому, что она столица. Москва — это узел всех железных дорог европейской части СССР; это крупнейший, производящий оружие и средства войны район СССР; это, наконец, исконно русская часть населения СССР. Взятие Москвы делило СССР на куски, связь между которыми была бы чрезвычайно затруднена. Конечно, это понимали все (кроме Жукова).

Но если бы группа армий «Центр» сразу же после разгрома Западного фронта рванулась на Москву, которую в это время практически некому было защищать, то у нее открылся бы южный фланг, а там не разгромленный еще немцами Юго-Западный фронт Кирпоноса. И чем дольше сидел бы этот фронт в обороне, тем сильнее ее оборудовал. А значит, оборона стала бы требовать меньше людей, что, в свою очередь, позволяло сформировать у Юго-Западного фронта большие войсковые резервы для удара. И ударить Кирпонос мог под основание клина стремящейся к Москве группы армий «Центр».

А эта группа армий была механизирована, следовательно — чрезвычайно зависима от путей своего снабжения. Если бы Юго-Западный фронт их перерезал, то окруженной под Москвой группировке «Центр» осталось бы только сдаться.

И Гитлер выбрал осторожный вариант. Он остановил наступление на Москву и направил большую часть подвижных войск группы армий «Центр» на Украину, где она совместно с группой «Юг» 12 сентября нанесла удар и окружила четыре армии Юго-Западного фронта. **Но потеряла время и силы.** А за это время вокруг Москвы были собраны

войска, и немцы ее взять уже не смогли. Всю войну этот чисто русский район оставался без оккупации и явился поставщиком всем фронтам оружия и людей. А СССР остался неразделенным.

Вот за это немецкие генералы и ругают Гитлера, считают, что он обязан был рискнуть и броситься на Москву, не беря Киев. Но еще не известно, что было бы хуже для немцев.

Но зато понятно, что было бы для немцев лучше. Это если бы Сталин принял совет Жукова отвести войска от Киева уже в июле. Группа армий «Юг» погнала бы покинувший окопы Юго-Западный фронт на восток, громя его своими более подвижными соединениями. А у группы армий «Центр» южный фланг стал бы безопасным, и она рванула бы на Москву.

Но если немецкие генералы обвиняют своего главнокомандующего в спорной нерешительности, приведшей к поражению в войне, то Жуков Сталина в чем обвиняет? В том, что Сталин оказался стратегом и не дал немцам выиграть войну? Не дал Жукову помочь им в этом?

Мне, порою, кажется, что мемуары Жукова «Воспоминания и размышления» читал кто угодно, кроме военных. Поскольку, когда Георгий Константинович начинает «размышлять», то возникает масса вопросов даже у штатских.

Вернемся, например, к описанию им совещания 29 июля 1941 г., на котором Жуков был снят с должности начальника Генштаба. Заявив с апломбом, что «исходя из анализа обстановки они (немецкие войска — *Ю. М.*) могут действовать именно так, а не иначе», Жуков дал анализ обстановки и свои предложения (сжато):

«На московском стратегическом направлении немцы в ближайшие дни не смогут вести наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. У них нет здесь крупных стратегических резервов для обеспечения правого и левого крыла группы армий «Центр».

Наиболее слабым и опасным участком наших фронтов является Центральный фронт. Армии, прикрывающие направления на Унечу, Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта».

Надо «прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию за счет западного направления; Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр... Киев придется оставить...»

В этой фантазии Жукова начисто отсутствует и логика, и хроника событий.

Во-первых. От Черного моря на север, в Бессарабии, держал оборону Южный фронт, к его северному флангу примыкал южный фланг Юго-Западного фронта. Если армии Юго-Западного фронта отвести за сотни километров на север, за Днепр, то что станет с 9-й и 18-й армиями Южного фронта, с Одессой, с Крымом? Жуков об этом молчит, видимо, так далеко он по карте не смотрел.

Во-вторых. Вокруг Киева на правом берегу Днепра в 30-е годы еще против поляков был построен укрепленный район с противотанковыми рвами, бетонными ДОТаами и т. д. Немцы в попытке его прорыва понесли столь тяжелые потери, что прекратили его атаковать. Допустим Юго-Западный фронт нужно вывести на левый берег Днепра, но зачем бросать уже готовый плацдарм, крепость на правом берегу? В чем смысл сдачи немцам этой крепости, Жуков тоже молчит.

В-третьих. Конечно, в 1972 г. Жуков уже знал, что немцы сначала ударили в тыл Юго-Западному фронту, а уж затем начали наступать на Москву. Но 29 июля 1941 г. еще никто не мог знать, что предпринятое Ворошиловым в середине августа наступление в районе озера Ильмень будет настолько успешным, что Гитлер все же отменит директиву о наступлении на Москву и только 21 августа даст новую директиву о повороте 2-й танковой группы Гудериана в тыл Юго-Западного фронта.

В-четвертых. Если войска группы армий «Центр» «понесли слишком большие потери», чтобы дойти 300 км до Москвы, то откуда у этой группы могли взяться силы, чтобы прорвать Центральный фронт и пройти 500 км в тыл Юго-Западного фронта?

В анализе и предложениях Жукова начисто отсутствует какая-либо логика. Он и в 1972 г. не понял не только стратегический, но и оперативный смысл немецких операций 1941 г. А ведь, к примеру, Гот уже в 1956 г. его открыл всем желающим. Не «потери», а совершенно другие соображения двигали немцами:

«Правда, против продолжения наступления на Москву в то время был один веский аргумент оперативного значения. Если в центре разгром находившихся в Белоруссии войск противника удался неожиданно быстро и полно, то на других направлениях успехи были не столь велики. Например, не удалось отбросить на юг противника, действовавшего южнее Припяти и западнее Днепра. Попытка сбросить прибалтийскую группировку в море также не увенчалась успехом. Таким образом, оба фланга группы армий «Центр» при продвижении на Москву подверглись опасности оказаться под ударами, на юге эта опасность уже давала себя знать».

Буденный и Киев

Давайте подробнее об окружении немцами наших войск под Киевом в сентябре 1941 г. Напомню, что ни на севере, где северо-западным направлением командовал маршал Ворошилов, ни на юге, где юго-западным направлением командовал маршал Буденный, у немцев никаких окружений не получилось. В результате группа немецких армий «Центр» глубоко вклинилась по направлению к Москве, и ее положение стало опасным: неразгромленные войска Ворошилова и Буденного могли ударить с севера и с юга по основанию немецкого клина и окружить войска, идущие на Москву. Гитлер этой опасностью пренебречь не смог, тем более поняв, что его армия сражается не с французами или поляками, а с солдатами совсем иного качества.

Чуть позже начальник полиции безопасности и СД суммировал это новое впечатление немцев о русских так: «В Советском Союзе, возможно, многие люди, главным образом молодое поколение, придерживаются мнения, что Сталин является великим политиком. По меньшей мере, большевизм, безразлично какими средствами, вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство. Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага все же стоят такие качества, как своеобразная любовь к Отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны».

Гитлер не смог не учесть изменения обстоятельств и вынужден был импровизировать. Он поставил крест на «Барбароссе» и изменил задачу группе «Центр». Он остановил ее движение к Москве и повернул входящую в ее состав 2-ю танковую группу Гудериана и 2-ю армию на юг — в тыл советского Юго-Западного фронта с целью окружить и уничтожить его войска. То есть перед наступлением на Москву Гитлер снимал угрозу своим войскам с юга. (А 3-я танковая

группа, входившая в группу армий «Центр», была направлена на север для снятия угрозы удара оттуда).

Особенно велика была опасность от этого маневра Гитлера для Юго-Западного фронта. Его войска держали оборону далеко на западе, причем крайним западным участком был укрепленный район (УР) на правом берегу Днепра у Киева. Здесь, кстати, находилась самая крупная и сильная группировка советских войск Юго-Западного фронта.

Сталин видел эту опасность и принял меры: был создан Брянский фронт в составе двух армий под командованием генерал-лейтенанта Еременко восточнее того места, откуда немцы могли нанести удар в тыл Юго-Западного фронта. Предполагалось, что ударом с запада войск Юго-Западного фронта и с востока — войск Брянского фронта прорыв немцев на юг будет смят и ликвидирован. Но из-за отсутствия радиосвязи наша многочисленная и не управляемая в воздухе авиация в то время не представляла существенной угрозы немецкой авиации, и люфтваффе Геринга практически выбомбило Брянский фронт еще на станциях выгрузки. Еременко остановить Гудериана не смог.

Г.К. Жуков в своих мемуарах, как видите, глупо врет, что, дескать, 29 июля 1941 г. он предложил отвести войска Юго-западного фронта на восток и оставить Киев, а Сталин, дескать, его за это гениальное предложение выгнал с должности начальника Генштаба. Жуков, по обыкновению, украл эту историю у другого военачальника, поскольку произошла похожая история спустя полтора месяца после заявленной Жуковым даты.

Началось это трагическое событие в ночь на 11 сентября. Маршал Баграмян, на тот момент генерал-майор и начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, восстановил его по копиям телеграмм и собственным воспоминаниям. Оказывается, это не Жуков, а маршал Буденный дал телеграмму Сталину: «Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж...» Далее идет оценка обстановки Буденным и такие выводы: «Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь к потере войск и огромного количества материальной части. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы

и средства, безусловно, помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению».

Сталин был в очень трудном положении. Как глава страны он должен был согласовать оставление врагу столицы уже шестой союзной республики и огромного количества населения. Генштаб против отвода войск. Что делать? Сталин принимает собственное решение, и это решение военного вождя — он ставит Юго-Западному фронту задачу на спасение войск, на спасение не бегством, а боем. Вечером 11 сентября он связывается по телеграфу с Кирпоносом и, оценив обстановку, заканчивает анализ своим решением:

«Первое. Немедленно перегруппировать силы хотя бы за счет Киевского укрепрайона и других войск и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Еременко, сосредоточив в этом районе девять десятых авиации. Еременко уже даны соответствующие указания. Авиационную же группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцируем на Харьков и подчиним юго-западному направлению.

Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5–6 дивизий на этот рубеж.

Третье. По исполнении этих двух пунктов, и только после исполнения этих двух пунктов, т. е. после создания кулака против конотопской группы и после создания оборонительного рубежа на реке Псел, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов. Никаких плавсредств на Днепре не оставлять, а разрушить их и после эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику прорваться на восточный берег.

Перестать, наконец, заниматься поиском рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления».

Надо пояснить, чего боялся Сталин. Когда 30 июня 1941 г. Ставка разрешила Юго-Западному фронту отвести войска от новой границы к укрепрайонам на старой границе, то фронт этот маневр произвести не смог. Отвод всех войск сразу привел к тому, что немцы опередили колонны наших отступающих войск и едва не ворвались в Киев.

Закрепиться на УРах старой границы не удалось, пришлось отступить дальше — до Днепра.

Поэтому Сталин, поддержав в целом предложение Буденного, расширил его и разбил на этапы: сначала нужно было войска с правого берега Днепра (Западного), с Киевского УРа немедленно перебросить навстречу Гудериану и не дать тому замкнуть окружение; одновременно отвести часть войск на Псел и начать готовить оборонительные позиции, а затем на эти позиции отводить и весь фронт. Сам маршал Баграмян это решение Сталина откомментировал так: «Своей железной логикой Верховный Главнокомандующий мог обезоружить кого угодно».

Но дальше случилось невероятное, вернее то, чего ни Баграмян, ни другие оставшиеся в живых свидетели объяснить не могли, случилось то, отчего «Тупиков, слушая Кирпоноса, схватился за голову». Кирпонос и член Военного совета фронта Бурмистенко оттелеграфировали Сталину: «У нас и мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба в связи с расширившимся фронтом до 800 с лишним километров усилить наш фронт резервами...»

Сталин не понял. Он передал Кирпоносу текст телеграммы, которую получил от Буденного. Телеграфный аппарат долго молчал, видимо растерянный Сталин не знал, что решить, ведь оказалось, что и Генштаб и командующий Юго-Западный фронтом против отвода фронта с занимаемых позиций. Затем последовал приказ: «Киева не оставлять и мостов не взрывать без особого разрешения Ставки». На следующий день Ставка сняла Буденного с должности и назначила на его место Тимошенко.

Так что совершать подлость по отношению к своим коллегам, как видите, у ряда советских полководцев было в обычае.

Проблемы окружения

В сентябре 1941 года Юго-Западный фронт занимал дугу от фланга до фланга по прямой почти в 300 км. На северном фланге вела бои 40-я армия, за нею 21-я и 5-я, собственно Киев защищала 37-я армия. (Между прочим, во всей своей книге Баграмян не упоминает фамилию генерала, командовавшего 37-й, и во всех соответствующих эпизодах пишет о некоем безымянном «командующем». А командовал 37-й генерал-майор А.А. Власов.) Уже на левой стороне Днепра ниже Киева оборону держали 26-я и 38-я армии. В сентябре 2-я танковая армия немцев под командованием Гудериана ударила в стык между 40-й и 21-й армиями и вышла в тыловые районы Юго-Западного фронта. Навстречу ей с плацдарма у Кременчуга в стык 38-й и 26-й армиям ударила 1-я танковая армия Клейста.

Как вы видели выше, 11 сентября Кирпонос отверг предложение Буденного отводить войска на рубеж реки Псел и заверил Сталина, что фронт справится с ситуацией и Киев оставлять нет необходимости. А 15 сентября обе немецкие танковые армии соединились в районе села Лохвица, примерно в 70 км к востоку от города Прилуки, в котором находился штаб Юго-Западного фронта. На тот момент об окружении говорить не приходилось: при прорыве немцы понесли большие потери и в наших тылах действовали, по сути, отдельными отрядами, для создания сплошной линии фронтов (внутреннего и наружного) немцам не хватало войск, соответственно и коммуникации их были уязвимы. То есть ситуация была такова, что еще было неизвестно, кто кого окружил и чем это дело закончится.

Но формально территория, занятая Юго-Западным фронтом, была окружена с запада фронтом немецких пехотных дивизий, а с востока — отрядами двух немецких танковых армий. Не нужно быть генералом, да, по-моему, и военным, чтобы понять, что тут нужно было делать: нужно было ударами из кольца и снаружи перерезать коммуникации танковых армий немцев, и тогда получится соединение окруженных со своими войсками, а прорвавшиеся немцы в свою очередь окажутся окруженными советскими войсками.

Это настолько очевидно, что немцы своим офицерам прямо объяснили, что дивизии, вошедшие в прорыв, обязаны быть готовы к действиям в условиях окружения, т. е. предупреждали, что в самом окружении не только для полководца, но и для солдата нет ничего необычного — это дополнительная трудность, но не более того. Между прочим, я, к примеру, никогда не встречал у советских авторов объяснения тому, из каких соображений определяется возимый боекомплект войск. Похоже, что в нашей армии это то количество боеприпасов, которое могут поднять приданные данному соединению повозки и автомашины. А по менталитету немецких генералов, боекомплект — это снаряды и патроны на двое суток боя без их подвоза. Вот, исходя из этих двух суток боя, и рассчитывалось количество повозок и автомашин, нужных немецкой дивизии.

Тут вопрос: а где взять силы для окружения прорвавшихся в твой тыл немцев? Эти силы берутся за счет сжатия кольца окружения. Предположим, что для удержания фронта нужно 1000 солдат на километр, и если ты в кольце диаметром 100 км, то тебе нужно 300 тысяч человек, но если ты сожмешь кольцо до диаметра в 50 км, то у тебя при той же плотности на фронте высвободится 150 тысяч человек, которые ты можешь использовать для удара в нужном месте. Говоря в принципе — для накопления сил для удара по прорвавшимся, нужно сократить длину внешнего фронта. Юго-Западный фронт имел вид ломаной дуги или даже клина, имеющего в своем острие Киев. Если оставить Киев и спрямить внешний вид фронта, то могло высвободиться до половины войск. Причем Кирпоносу нужно было делать это немедленно, не упуская ни часа и не дожидаясь никаких приказов Сталина, поскольку, во-первых, запас боеприпасов внутри кольца сокращался, а, во-вторых, немцы вслед за танковыми, вводили в прорыв и пехотные дивизии. А те, в отличие от танковых, закрепляли за собой местность — они зарывались в землю, готовили систему огня, защищали коммуникации танковых клиньев, и их было уже значительно труднее сбить с позиций.

То есть Кирпоносу уже 15 сентября нужно было приказать Власову выводить 37-ю армию из Киева, остальные армии, оказавшиеся в кольце, отводить на восток к местам, где будут нанесены удары, окружающие прорвавшихся немцев, а двум своим армиям (40-й и 38-й), оказавшимся вне кольца окружения, приказать

готовить удары извне. Ведь Кирпонос считался полководцем, и только на нем лежала ответственность за то, чтобы вверенные ему люди эффективно уничтожали врага, а не бездарно и бесполезно пали. Однако вместо этого произошло следующее.

Отход

И.Х. Баграмян, хотя и старше Черняховского, но, как и тот, был замечен Сталиным и, начав войну полковником, закончил ее генералом армии и командующим фронтом. В целом мемуары Баграмяна достаточно содержательны, но он все же типичный советский генерал, то есть сплочен солидарностью генеральской касты и скорее будет нагло врать, чем напишет то, за что генеральская мафия на него обидится. И в деле с Кирпоносом и с гибелью Юго-Западного фронта он либо недоговаривает, либо откровенно лжет, и лжет, чтобы выгородить генералов РККА и представить их этакими «ероями».

Баграмян начал войну полковником, начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, вскоре ему присвоили звание генерал-майора, он практически до конца находился с Кирпоносом, видел, что тот делал, но в своих мемуарах старательно лепит из Кирпоноса героя. Давайте посмотрим, как он это делает.

Предварительно следует сказать, что, когда немецкие танковые армии соединились у Лохвицы, Баграмян оказался вне кольца, поскольку находился в 38-й армии. Не знаю, из каких соображений, но первым документом начавшейся трагедии Баграмян представляет вот такую телеграмму:

«Мне показали донесение Кирпоноса в Генштаб и главкому направления. Оно заканчивалось словами: «Фронт перешел к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переношу командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта». У меня защемило сердце».

И никаких комментариев к этой телеграмме, кроме состояния своей сердечной мышцы, Баграмян не дает, хотя тут возникает существенный вопрос к Кирпоносу.

Историки и литераторы взхлеб уверяют, что под Киевом немцы окружили миллионы советских солдат и только пленных взяли 650 тысяч, забывая сообщить, что эту цифру поведал миру доктор Геббельс в своих радиопрограммах, газетах и в листовках, сбрасываемых на

советские войска. На самом деле в четырех армиях, попавших в окружение, было около 300 тысяч человек (Гудериан пишет о 290 тысячах пленных), но и это была огромная сила, которую Кирпонос обязан был с толком использовать для победы. А для этого он обязан был эффективно командовать фронтом, для чего ему нужно было находиться в таком месте, с которого командовать им наиболее удобно, т. е. с которого ближе всего и до всех армий, и до полей намечаемых боев. Удобнее всего это было делать из пункта на оси отхода окруженных советских армий, тогда бы до каждой из них было оптимальное расстояние, и эти армии все время приближались бы к штабу, что облегчало бы связь с ними (за связь отвечают вышестоящие штабы). В то же время с такого пункта было бы недалеко до мест, в которых армии Юго-Западного фронта начали бы отсекаать от флангов клинья немецкого прорыва. Кроме того, должна была быть надежной радиосвязь и с 40-й и 38-й армиями, ведь им подлежало бить по немцам там, где будут наносить удары окруженные армии.

А что такое Киев? Это крайне западная точка фронта, максимально удаленная ото всех армий и мест будущих боев, это пункт, из которого было труднее всего управлять фронтом. Кроме этого, в этот момент немцы предпринимали решительные действия по отсечению 37-й армии и Киева от остальных армий фронта, и если бы Кирпонос успел в Киев проскочить, то он вообще не смог бы управлять войсками. Но и немцы не дали Кирпоносу улизнуть туда, и, надо думать, Тимошенко приказал перевести штаб фронта из Прилук на 50 км южнее — в городок Пирятин, расположенный как раз на оси отхода Юго-Западного фронта и недалеко от мест предполагаемых боев с прорвавшимися немцами. Пирятин — узел хороших дорог ко всем армиям фронта, кроме того, защищен рекой Удай с востока от неожиданностей со стороны танковых дивизий Гудериана и Клейста.

И возникает вопрос, а в связи с чем это Кирпонос, только узнав 15 сентября об окружении, вдруг заторопился в место, из которого невозможно командовать всем фронтом, но зато в котором легко попасть в плен?

Далее Баграмян сообщает, что уже утром 16 сентября его вызвал в Полтаву командующий Юго-Западным направлением маршал Тимошенко и приказал вылететь к Кирпоносу и передать устный приказ. Баграмян довольно много и не по делу рассуждает о

согласовании этого приказа со Сталиным, но суть приказа, нет сомнений, передал точно.

«— Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом мое устное приказание: оставив Киевский укрепленный район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача — при содействии наших резервов разгромить противника, вышедшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псел. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Дубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца.

...Медленно потирая пальцами виски, словно утихомиривая боль, маршал сказал:

— Сейчас мы делаем все, чтобы помочь фронту: стягиваем на Ромны и Дубны все силы, которые смогли собрать, в том числе усиленный танками кавкорпус Белова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут дивизии Руссиянова и Лизюкова. Этими силами мы попытаемся пробиться навстречу окруженным войскам фронта.

...Я облегченно вздохнул. Появилась надежда, что не все еще потеряно.

Дав указания о порядке отвода и организации управления войсками в условиях выхода из окружения, главком сказал на прощание:

— Спешите, товарищ Баграмян. И пусть Кирпонос не медлит! Ваш перелет из Полтавы в район Пирятина обеспечит генерал Фалалеев.

Не теряя времени, я направился к командующему ВВС направления. Ф.Я. Фалалеев сказал, что уже выделил для меня скоростной бомбардировщик с опытным экипажем.

Казалось, все шло хорошо. Но меня смущало одно обстоятельство: такие важные полномочия, которыми наделил меня Военный совет Юго-Западного направления, не подкреплялись

документами. Правда, приходилось учитывать, что самолет могут сбить, и совсем нежелательно, чтобы такой документ попал в руки врага...»

Как видите, речь и близко не шла о каком-то там «выходе из окружения», да если вы вдумаетесь, то и не могла идти. С чего бы это Сталин и Тимошенко вдруг сочли войска Юго-Западного фронта, отрезанные от остальных войск Красной Армии, уже не советскими войсками, а каким-то чудом морским, которому воевать уже не надо, бить немцев не надо, а надо или сидеть и ждать, когда их кто-то спасет, погибнув сам, или, бросив оружие, удирать от немцев? Окружены были такие же солдаты, командиры и генералы, как и все остальные, и окруженные обязаны были бить немцев, как и все остальные. Это был неизменный подход Сталина к этому вопросу — он никогда, и вы это увидите дальше, не давал приказов на «выход из окружения», он давал приказы только на отход с уничтожением прорвавшегося противника. Байку про приказы на «выход из окружения» придумали уже после войны в своих мемуарах полководцы РККА, а Баграмян, из-за своей кастовой солидарности, стал одним из таких народных сказителей.

Саботаж

Далее Баграмян начинает откровенно врать: «Из-за непогоды мы смогли вылететь лишь на следующий день. Меня усадили в прозрачной башне стрелка-радиста, откуда открывается широкий обзор. Нас сопровождают два истребителя. Пройдя через линию фронта, они повернули назад. И тотчас над горизонтом появились черные точки. Летчик не стал сворачивать и на предельной скорости вел самолет на запад. Нам повезло. Мы проскочили сквозь заслон вражеских истребителей. Вот и аэродром Гребенка — пункт назначения», — пишет Баграмян, а через несколько страниц дополняет: «Добирались мы очень долго. Дорога была сплошь забита машинами, обозами, передвигавшимися колоннами тыловых частей и учреждений.

У генерала Кирпоноса мы застали Бурмистенко и Рыкова. Я доложил о распоряжении главкома».

Исходя из этого текста, скажите, когда Баграмян доставил приказ Тимошенко Кирпоносу? Сам Баграмян заучил этот приказ 16-го утром, но если он вылетел на следующий день, да еще в какую-то Гребенку, а потом долго добирался до Кирпоноса, то, что получается? Получается, что Баграмян передал приказ 17-го, в лучшем случае, во второй половине дня.

Но когда вышло первое издание воспоминаний Баграмяна, то откликнулся летчик, переправивший его через фронт, и Баграмян, не подумавши, соблазнился в последующих изданиях поместить письмо этого живого свидетеля своего подвига. А в летной книжке этого пилота была сделана запись: «16 сентября 1941 года. Полет Полтава — Пирятин. Особое задание». То есть Баграмян доставил Кирпоносу приказ не 17-го вечером, а 16-го в худшем случае во второй половине дня. (От Полтавы до Пирятина около 150 км, скорость СБ свыше 400 км/час, штаб фронта находился на хуторе Верхояровка в 3 км от Пирятина, а командный пункт Кирпоноса находился в роще в паре километров от штаба.) Мы видим, что Баграмян лжет, на сутки или более затягивая время получения приказа Кирпоноса. Почему лжет?

А потому что Кирпонос саботировал исполнение приказа — он не стал трансформировать его в свой приказ армиям Юго-Западного фронта и не стал передавать его войскам сразу же по получении! Кирпонос более суток цинично ждал, пока немцы окружают его армии основательнее! К примеру, за это время немцы перерезали основные пути отхода из Киева 37-й армии, и в промежуток Яготин — Березань немцы успели ввести крупную группировку своих войск.

Поскольку Тимошенко давал Кирпоносу приказы и по радио, то Баграмяну все же надо было как-то объяснить причины бездействия Кирпоноса, и он объясняет их доводами, достойными американского адвоката. Кирпонос, оказывается, не исполнял приказ, так как не были выполнены надлежащие формальности.

«— Вы привезли письменное распоряжение на отход? — не отвечая ему, спросил меня командующий.

— Нет, маршал приказал передать устно.

Кирпонос, насупив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал:

— Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. — И хлопнул ладонью по столу: — Все! На этом закончим».

Как видите, Кирпонос требовал в бумажном виде приказ, который обязан был дать сам безо всяких начальников. Каков педант!

Ну, как же, скажут умники, а потом бы на Кирпоноса свалили вину за оставление Киева, вот он и требовал письменного указания, чтобы в этом случае бумагой оправдаться. Во-первых, будь Кирпонос хоть немного порядочным человеком, он бы в этот момент думал не о собственной заднице, а о тех 300 тысячах советских солдат, гибель которых он приближал и приближал. Во-вторых, такие полководцы РККА, как Кирпонос, когда речь идет об их шкуре, плевать хотели на Сталина и его приказы. Ниже вы это увидите, а сейчас еще об одной причине, по которой Кирпонос не давал своим войскам приказ. Баграмян продолжает.

«Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиграмма следующего содержания:

«Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача — вывод армий фронта на реку Псел с разгромом подвижных групп противника в направлениях

на Ромны, Дубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева.

Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псел и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псел правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укрепленный район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний».

Видели, какой умник?

Любой отвод войск проводится этапами — войска переходят с одного промежуточного рубежа обороны на другой, пока не доберутся до заданного. До реки Псел таких промежуточных рубежей могло быть с десятков, скажем, они могли быть и на реке Сула, и на реке Хорол. Так, Кирпонос даже на первый промежуточный рубеж не собирался отводить войска, пока ему точно и письменно не укажут последний! Начальнику штаба фронта генералу Тупикову уже только за эту телеграмму нужно было Кирпоноса пристрелить и взять командование на себя. Но, как утверждает Баграмян, они с Тупиковым уговаривали и уговаривали Кирпоноса, пока барин не смиловился и все же 17-го вечером подписал приказ во исполнение приказа, данного 16 сентября Тимошенко.

«Посоветовавшись с Тупиковым, Бурмистенко и Рыковым, командующий приказал поставить армиям следующие задачи: 21-й — к утру 18 сентября сосредоточиться на рубеже Брагинцы, Гнединцы (юго-восточнее Прилук) и главными силами нанести удар на Ромны, навстречу 2-му кавалерийскому корпусу; 5-й — частью сил прикрыть отход 21-й армии с запада, а остальными нанести удар на Лохвицу; 26-й — создав ударный кулак из двух дивизий, наступать на Дубны; 37-й — вывести войска из киевского укрепрайона на левый берег Днепра, создать из них ударную группу и прорываться на Пирятин и далее на восток, составляя арьергард сил фронта; 40-й и 38-й — ударить с востока навстречу главным силам фронта в направлениях на Ромны и Дубны.

Генерал Тупиков набросал на карте план отхода войск и приказал мне внести необходимые изменения в заранее подготовленные штабом боевые распоряжения армиям. Но передать эти документы адресатам было уже нелегко. С большими трудностями мы довели их только до

командующих 5, 26 и 40-й армиями. Со штабами 21-й и 37-й армий связи не было даже по радио. Мы послали в Киев двух старших офицеров на автомашинах. Они не смогли пробраться в город и, видимо, погибли в пути. Лишь несколько позднее нам удалось через штаб главкома известить 37-ю армию о необходимости пробиваться на восток.

В 21-ю армию был направлен мой заместитель полковник Захватаев, который должен был вручить приказ генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову и отходить вместе с его штабом.

К нашему счастью, почти вся авиация фронта и основная часть фронтового тыла своевременно были перебазированы за реку Псел, и мы в эту трудную пору могли не отвлекаться на организацию их выхода из окружения». (Заметим, что Кирпонос только что послал Сталину радиogramму, чтобы тот сказал точно: на Псел выходить или не на Псел, а оказывается, тылы фронта и авиация уже давно были за это речкой.)

Итак, пустяк Кирпонос сделал — дал-таки приказ, хотя и поздно. И вот только теперь у него и его штаба начиналась настоящая работа — нужно было организовать исполнение этого приказа, т. е. дополнительными распоряжениями, ввиду меняющейся обстановки, организовать, чтобы все армии фронта этот приказ исполнили, срезали клинья прорвавшихся в тыл фронта немцев, окружили их и уничтожили, а сами отошли на реку Псел. Ведь в армии ответственность за исполнение приказа лежит на том, кто его дал, в данном случае — на Кирпоносе и штабе фронта.

И посмотрите, что творит Кирпонос и его штаб!

Дезорганизация войск фронта

Баграмян пишет: «Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября. Было решено пробиваться через Лохвицу. Для большей маневренности управление фронта разделялось на два эшелона. Я следовал в первом эшелоне, в который входили Военный совет, основная часть штаба, политуправление, начальники родов войск и служб».

Как это вы «тронулись в путь»?! А фронтом кто будет командовать? «Дед Пихто!» — отвечает мне с того света Баграмян и начинает горестный рассказ о трагической судьбе штаба Юго-Западного фронта. Нет, не будем спешить, и рассмотрим сначала это сообщение.

Во всех армиях и во все времена первые, кого стремится убить противник, это командиры. И стремится это сделать по простой причине — противника без командиров можно бить по частям. Если бы Гитлер поручил какому-нибудь Скорцени уничтожить управление Юго-Западным фронтом и тот бы это исполнил, то получил бы минимум Рыцарский крест. А Кирпонос «забесплатно» уничтожил управление своего фронта, причем для этого ему не потребовалось никакого письменного приказа Сталина, поскольку никакой Сталин или Тимошенко не давали ему приказа «выходить из окружения». Это вопиющий по своей наглости акт измены Родине и воинскому долгу!

Теперь второй вопрос — а куда это они «тронулись в путь»? «В Лохвицу», — скромно отвечает Баграмян. А что вам там делать? — возникает следующий вопрос. Ведь в Лохвице уже три дня как укрепились немцы. А приказ 5-й армии о наступлении на Лохвицу вы, Кирпонос и штаб, передали несколько минут назад, значит, войска 5-й армии получают его, если получают, только к утру, а когда сосредоточатся для исполнения этого приказа — еще неизвестно, а когда начнут исполнять, то им до Лохвицы с боями еще идти и идти. А штабу фронта на автомашинах до Лохвицы три часа пути. Так, повторю, что было делать в ночь на 18 сентября штабу фронта в Лохвице?

Итак, штаб Юго-Западного фронта, находясь среди своих войск и не испытывая никакого давления со стороны немцев, вдруг начал

удирать от своих войск к немецким. Почему?

Но, правда, на вопрос, что делать в Лохвице, Баграмян отвечает и неизвестно, краснел ли он от стыда при этом. Оказывается, в Лохвице есть мост через реку Сула, а штаб удирал на автомашинах и Сулу мог пересечь только по мосту, вот Кирпонос и поехал в Лохвицу. Видите, как все просто! Да, но есть маленький вопрос — чтобы переехать мост через Сулу у Лохвицы, надо было получить разрешение у немцев, а немцы что, это разрешение Кирпоносу уже дали?

И главное — чего вообще штаб Юго-Западного фронта всполошился? Было бы понятно, если бы немцы атаковали Верхояровку и были уже в 500 метрах от нее. Но ведь на севере немцы были не менее чем в 50 км от Пирятина, на западе не менее чем в 40, но там из Киева в тыл этим немцам выходила мощная 37-я армия, которой Кирпонос приказал пробиваться на Пирятин, т. е. к штабу фронта. Только на юге и на востоке немцы могли быть примерно в 30 км. Штаб находился там, где ему и полагается быть — в центре своих войск.

Ну, положим, штабу срочно захотелось перейти из окружения к войскам, ведущим деблокаду, но снаружи кольца 40-я армия Юго-Западного фронта находилась на северо-востоке в районе города Ромны, а 38-я — на юго-востоке и должна была атаковать Дубны. Так зачем нужно было из-за моста через Сулу под Лохвицей переться 60 км с форсированием двух рек — Удаю и Многи? Тем более, что за Лохвицей и советских войск-то не было — только в Гадяче случайно оказавшийся там саперный батальон высылал дозоры да вел разведку. Сулу надо было форсировать в Лубнах, там тоже есть мост, до города Дубны было всего 45 км, да еще по трассе Киев — Полтава, и без всяких форсирований рек.

Более того, согласно только что отданному приказу самого Кирпоноса, Лохвица должна была стать центром окруженной немецкой группировки, а окружить ее Кирпонос приказал прорывами у Ромны и Дубны. Так ехал бы к Лубнам командовать войсками 26-й и 38-й армий, которым сам же и приказал взять этот город!

Таким образом, с какой точки зрения ни посмотри, а то, что Кирпонос и штаб поспешно прекратили управление войсками фронта и поспешно выехали в направлении Лохвицы, честных объяснений не имеет. Оно имеет только одно объяснение: цель этого —

дезорганизация войск фронта с тем, чтобы немцы могли легко их добить и не предъявляли потом пленному Кирпоносу претензий из-за «бессмысленного сопротивления», повлекшего потери немецких войск.

Ведь даже дезорганизованные и преданные частью полководцев РККА полки и подразделения Юго-Западного фронта дрались очень долго. В ночь на 18 сентября Кирпонос бросил их без командования, а части 26-й армии сражались и пробились к своим только к октябрю, части 37-й армии сражались до 5 октября.

Топтание на месте

А теперь давайте рассмотрим, как Кирпонос и штаб фронта проделали свой путь на Лохвицу. Баграмян продолжает: «Из деревни Верхояровка взяли курс на Пирятин, где был мост через реку Удай. Во второй половине ночи подошли к реке».

Выше Баграмян сообщил, что колонна штаба тронулась в путь «в ночь на 18 сентября», т. е. в 8–9 часов вечера, а «во второй половине ночи», т. е. после 12 часов, они подошли к мосту через Удай. Автотранспорту воинских колонн задают скорость 20 км/час. От Верхояровки до моста через Удай — 4 км. Отметим, что Кирпонос как-то не сильно спешил к мосту через Удай, позже постараемся понять почему. Далее Баграмян сообщает: «Вражеская авиация бомбила переправу, потребовалось много труда, чтобы поддержать порядок. Преодолев реку, колонна штаба под прикрытием частей 289-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макшанова миновала Пирятин и направилась к населенному пункту Чернуха, но перед рассветом была атакована немецкими танками с севера и отсечена от стрелковых подразделений. Пришлось менять направление».

Возникает вопрос. Если 289-я стрелковая дивизия, задачей которой было охранять штаб фронта, увидела, что колонна штаба атакована немцами, то дивизия обязана была развернуться и принять бой с тем, чтобы защитить штаб? Вооруженный до зубов противотанковой артиллерией и бронемашинами с пушечным вооружением полк охраны штаба фронта обязан был принять бой с тем, чтобы колонна штаба соединилась с дивизией? Вроде так, но Баграмян ничего не пишет о бое, а отсюда следует, что они свернули, как только увидели танки (если они были), а дивизия ушла уже так далеко, что не видела немецкого нападения на колонну штаба. Имеем два вывода:

— колонна штаба не ехала за дивизией, поскольку не может автоколонна на шоссе отстать от пеших подразделений;

— Кирпонос умышленно отделился от 289-й дивизии, иначе послал бы полк охраны в бой, чтобы с нею соединиться.

Видите ли, от Пирятина до Чернух около 30 км, за осеннюю ночь по шоссе даже пеший солдат пройдет это расстояние, и автоколонне отстать от дивизии можно было только специально. Но даже без 289-й дивизии с Кирпоносом оставалось еще очень много солдат и оружия. Баграмян продолжает:

«Свернули на проселочную дорогу, пролегавшую вдоль левого берега реки Удай. Двигались под бомбежками и артиллерийским обстрелом. Фашисты неоднократно пытались сбросить нас в реку, но все их атаки были отбиты. Здесь мы потеряли много машин: часть была разбита снарядами и бомбами, часть мы сами вывели из строя, чтобы сделать колонну более компактной и боеспособной.

Утром 19 сентября добрались до села Городище, расположенного при слиянии рек Удай и Многа. Командующий фронтом приказал сделать остановку, чтобы привести колонну в порядок, выяснить обстановку и наметить дальнейший план действий. В этом селе к нам присоединилась колонна штаба 5-й армии. Она следовала под прикрытием остатков 31-го стрелкового корпуса генерала Калинина».

Знаете, я не верю в этот рассказ.

Прежде всего, я не верю в бой — в то, что немцы их атаковали. Там такая местность, что атаковать немцы могли только с севера, поскольку с востока немцы занимали рубежи на восточном берегу реки Многа, и в треугольнике, образованном впадением Многи в Удай, немцев уж точно не было. На севере же одним из катетов этого треугольника является дорога Пирятин — Чернухи. А штабу 5-й армии, чтобы 19 сентября догнать Кирпоноса, нужно было из Пирятина по этой дороге проехать до какого-либо поворота с нее на север — на Городище. Но если штаб 5-й не пробился к ним, а просто присоединился с того направления, с которого их якобы атаковали немцы, то, значит, немцев не было!

Далее, немцы в этот район пока еще только подтягивали свою пехоту, чтобы образовать сплошной фронт окружения, и вне магистральных дорог нападали на наши отступающие войска отдельными отрядами, а ночью эти отряды отдыхали в селах. Если бы штаб Кирпоноса действительно пытался прорваться к своим, то его могла спасти только быстрота. А смотрите, что происходит. От Пирятина до Городища по прямой 36 км, по дорогам пусть будет 60 км. И они это расстояние проехали с вечера 17 сентября по утро 19

сентября, т. е. более чем за 30 часов?! Они что, похожи были на спешащих людей?

Если даже мифические немцы и атаковали их с севера, то это могло быть на участке не более чем 10 км и только в том случае, если колонна штаба сразу же после Пирятина свернула на Городище, т. е. если Кирпонос и не собирался следовать за 289-й дивизией, а затем немцы должны были колонну штаба догонять. Так почему же даже с погоняющими их немцами они двигались со средней скоростью едва ли 2 км/час? Вот и получается, что весь день 18-го они просто стояли и уничтожали свои технику и тяжелое оружие, но даже это сколько может занять времени? Почему они не уходили на восток? Вот и думаю, что Кирпонос на этой дневке давал возможность уйти от него дезертирам и тем, кто понял его намерения и решил пробиваться на восток самостоятельно.

И еще. Там в округе трудно найти закуток, в котором было бы еще проще сдать в плен (ввиду безвыходного положения), нежели это село Городище. Ведь Кирпонос завел штаб фронта на полуостров, окруженный двумя сливающимися речками с очень болотистыми берегами. Там и немцев-то не было по той причине, что им и в голову не могло прийти, что в это междуречье, из которого очень трудно выбраться, кто-то может заехать. (Но, что смешно, именно немцы и помогли им оттуда сбежать, но об этом позже.)

А пока отметим, что как только командующий 5-й армии генерал Потапов, чей штаб был к северу от Прилук, т. е. где-то в 60 км от Пирятина, понял, что Кирпонос бросил командование фронтом и сбежал, то и Потапов тут же бросил командование 5-й армией и тоже сбежал. А как только командир 31-го стрелкового корпуса генерал Калинин увидел, что Потапов уже сбежал, то тут же бросил командовать корпусом и тоже сбежал. А ведь Потапов имел приказ Кирпоноса взять Лохвицу, к которой Кирпонос так стремился.

Почему же Кирпонос их не расстрелял? Ведь статья 193 тогдашнего Уголовного кодекса гласила: «Самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений... — а равно — Самовольное оставление поля сражения во время боя... — а равно — Самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке, влечет за собой — высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества». Не расстрелял потому, что ведь и сам Кирпонос

самовольно не выполнил данное ему для боя распоряжение Тимошенко об отводе войск, сам отказался руководить сражением фронта, сам начал убегать из расположения вверенных ему войск. Пришлось ему Потапова и Калинина принять как родных.

Избавление от честных

Баграмян продолжает: «В Городище подсчитали свои силы. Осталось около трех тысяч человек, шесть бронемашин полка охраны и несколько пулеметных зенитных установок. Вражеская авиация не оставляла нас в покое. К счастью, потери были незначительны. Больше всего нас огорчила гибель радиостанции — она была разбита взрывом бомбы. Порвалась последняя ниточка, связывающая нас с армиями и штабом главкома».

Как видите, Кирпонос своими маневрами добился определенных успехов: если при выходе из Пирятина вокруг него вместе с 289-й дивизией было около 15 тысяч человек, то теперь осталось только 3. Но и это было много, посему, как продолжает вспоминать Баграмян, произошло следующее.

«В одной из хат Кирпонос собрал руководящий состав, оказавшийся в Городище. Генерал Тупиков доложил обстановку. Враг обступает со всех сторон. По южному берегу реки Удай, у устья которой мы находимся, немцы укрепляют оборону фронтом на север; восточный берег реки Многа занимают танковые и моторизованные части Гудериана; к северу и северо-западу от нас все крупные населенные пункты тоже захвачены противником.

После этой неутешительной информации воцарилось молчание. Его прервал генерал Кирпонос:

— Ясно одно: нужно прорываться. Остается уточнить, в каком направлении.

Сейчас не помню, кто предложил вечером форсировать реку Многа у Городище и за ночь выйти к Лохвице. Против этого решительно выступил генерал Тупиков:

— Этого-то и ждут от нас немцы. Они наверняка приготовили засаду у моста. По моему мнению, нам надо подняться выше по течению и форсировать реку у Чернух, в двенадцати километрах к северо-западу отсюда.

Его поддержал генерал Потапов:

— Мы уже убедились, что немцы не оставляют без внимания ни одного моста через реки. Прорыв у Чернух выгоден тем, что он

окажется внезапным для противника. К тому же там имеются броды, поэтому и мост не понадобится захватывать.

Остановились на этом предложении. Решено было создать три боевые группы: головную, которая должна была расчищать дорогу колонне штаба фронта, и две на флангах. Головной группой должен был командовать генерал М.И. Потапов. Мне приказали взять под свою команду роту НКВД с задачей прикрывать всю нашу колонну от противника с тыла».

Давайте разберем это по очереди и начнем с обстановки. Насчет немцев, укрепляющих оборону по южному берегу Удая фронтом на север — это фантазии. Получается, что у этих немцев в тылу советская 26-я армия, а они обороняются против войск Гудериана. Какие там были немцы, вы чуть позже увидите, а пока обратите внимание на следующий ужас: «...к северу и северо-западу от нас все крупные пункты тоже захвачены немцами», т. е. дорога в этом направлении начисто отрезана.

Теперь по поводу восточного берега Многи, который заняли «танковые части», т. е. полки Гудериана. Село Городище имеет вид трех довольно длинных улиц, протянувшихся с запада на восток. С запада к северной улице подходит проселочная дорога из села Лесовая Слободка, а на востоке из этой улицы выходит дорога к речке Многа и вдоль нее тянется на северо-запад к селу Вороньки, расположенному примерно в трех километрах по прямой. Речка Многа, по-видимому, из тех, которые и курица вброд перейдет, и в этом месте на ней есть и броды, но примерно в 700 м от села Городище через нее переброшен мостик, дорога от которого уже за Многой ведет на северо-восток к селу Псковцы и далее — к Лохвице. А в Вороньках тоже есть мостик (даже два) через Многу, и с него дорога тоже ведет на Псковцы, соединяясь с дорогой из Городища примерно в 5 км, и на таком же расстоянии этот перекресток находится и от Городища.

Дорога из Городища на Вороньки огибает продолговатую холмистую гряду, которая расположена на севере села, шириной эта гряда от середины северной улицы до мостика на Многе около километра и высотой она около 50 м. Причем эти холмы круто спускаются к Многе, получается, что с их хребта до мостика метров 300–400.

А за мостиком, на восточном берегу Многи, местность представляет собою болотистую низину и лишь примерно в двух километрах к северу от мостика эта низина заканчивается холмами, на которых расположено село Мелехи. Дорога от мостика на Псковцы проходит примерно в километре от него, а дорога из Вороньков на Псковцы — примерно в 2 км от Мелех.

Немцы, конечно, никакой обороны («засады») перед мостиком у Городища не держали, поскольку там ни окопаться, ни спрятаться, а с холмов у Городищ их можно перестрелять даже из винтовок. Поэтому немцы, в числе около роты мотоциклистов, а возможно, и меньше, сидели на холмах в Мелехах, с которых хотя и не могли воспрепятствовать проезду через мостики у Городища и в Вороньках, но могли обстреливать всех едущих мимо них по обеим дорогам. Поскольку у этих немцев не было артиллерии, а минометы против бронетехники бессильны, то Кирпоносу нужно было бы сделать то, что сделал бы любой капитан, — выкатить на холмы 45-мм орудия и открыть из них огонь по огневым точкам в Мелехах, послать на Мелехи в атаку бронеавтомобили и, учитывая свое двадцатикратное превосходство в силах, тут же уничтожить всех немцев. После чего самому быстро двигаться через Псковцы к Суле. И сделать это надо было еще 18 сентября.

Но, как вы видите, Кирпонос начал с того, что после однодневного отдыха 18 сентября, 19 сентября тоже объявил выходным днем. И собрал совет в Городище, на котором, надо думать, генералов было больше, чем у Кутузова в Филях. Я в то, что написал Баграмян, не верю.

Смотрите, Тупиков сообщил, что все села на севере и северо-западе заняты немцами, а этот совет вдруг принимает решение ехать именно на северо-запад к Чернухам. Но если ехать прямо на северо-запад, то дорога идет через Вороньки, Позняки, Ковали, если сначала на запад, а потом на север, то дорога идет через Лесовую Слободку, Постава-Муха, Сухоносовку, Кизловку. А как же вы будете туда через «занятые немцами села» ехать, чтобы этот прорыв оказался «внезапным для противника»? Более того, почти двое суток назад вы уже пытались форсировать Многу у Чернух и даже вместе с 289-й дивизией, но у вас ничего не получилось, а дивизия сгинула. И снова

туда? И опять же Кирпонос собрался снова ехать в Лохвицу! Да что там немцы жирнее, что ли, чем в других местах?

То есть это вранье Баграмяна преследует очевидную цель, как-то скрыть очевидное — то, что Кирпонос, а возможно, и ряд других генералов, не на восток прорывались, а имели какие-то свои намерения, не связанные с выходом из окружения.

И эти намерения хорошо видны по тому, как именно Кирпонос разделил свой отряд. Дело в том, что по численности это был примерно полк, а от полка в походные сторожевые заставы направляют до усиленного взвода всего лишь с задачей не допустить внезапного нападения противника. Ведь в случае встречного боя очень важно, чтобы по врагу немедленно открыли огонь как можно больше бойцов и оружия — весь полк сразу, чтобы враг не бил полк по частям. А Кирпонос свои 3 тысячи человек разделил на пять отрядов, которые должны были ночью двигаться самостоятельно. В случае, если какой-нибудь из этих отрядов начнет боестолкновение, остальные ему и помощи оказать не смогут. Кроме того, только три отряда — головной, штаб и арьергард — должны были ехать по дороге, а боковые — где-то в отдалении, ночью и по бездорожью. Как вы полагаете, сколько человек при таком плане должно было остаться у Кирпоноса к утру?

Теперь по поводу того, кого именно отделял от себя Кирпонос. Войска НКВД и пограничники, которые тоже входили в НКВД, были наиболее боеспособными в Красной Армии, поскольку даже в мирное время они вели бои с бандами на границах, в связи с чем солдаты НКВД и пограничники были морально готовы атаковать противника даже малыми силами и инициативно действовать в одиночку. Ведь недаром первыми гвардейскими дивизиями в Красной Армии стали дивизии НКВД. Вот и возникают вопросы: зачем Кирпонос отделил от себя роту НКВД и почему поставил ее в тыловое охранение, а не в авангард, где от этих инициативных солдат было бы больше толку, если бы требовалось прорываться? Чтобы потерять их в ночном марше?

Но Баграмян продолжает:

«...Построил свое войско. Сто пятьдесят молодцов — залюбуешься: brave, подтянутые. Мне, пожалуй, повезло больше всех — в моем распоряжении был настоящий боеспособный отряд. Я

взял с собой и большинство офицеров нашего оперативного отдела — образовал отделение управления.

Молча обошел шеренги, вглядываясь в лица красноармейцев и командиров. Устали люди, отдохнуть бы им хоть немного. Но времени нет. Объясняю задачу. Предупреждаю, что будет трудно.

— Верю, — сказал я, — что каждый из вас не посрамит чести советского бойца.

Стоявший напротив меня молоденький красноармеец с головой, обмотанной почерневшими бинтами, проговорил:

— Не беспокойтесь, товарищ генерал, мы не подведем.

Над рядами пронесся одобрителный гул. В это время подбежал адъютант генерала Кирпоноса: меня вызывал командующий.

Приказав отряду разойтись и готовиться к предстоящему бою, я поспешил в центр села. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков и Тупиков стояли в кругу генералов и офицеров. Бурмистенко негромко, спокойно что-то говорил товарищам. Трудно было поверить, что беседа происходит буквально под прицелами противника. В этом непоказном самообладании и уверенности был весь Бурмистенко, славный сын украинского народа. Подойдя ближе, я услышал его слова:

— Главное, товарищи, сохраняйте выдержку. Нет таких трудностей и опасностей, какие не смогли бы преодолеть наши люди. Коммунисты обязаны показать пример в выполнении воинского долга».

Не удержусь, чтобы откомментировать вранье Баграмяна, заложенное в последних предложениях. Бурмистенко, как комиссару, уже давно пора было пристрелить Кирпоноса или арестовать его, а самому взять в руки винтовку и вести остальных на прорыв, тем самым показав им «пример в выполнении воинского долга». Ведь не мог Бурмистенко не видеть, что Кирпонос пытается сдаться немцам в плен!

Немцы все испортили

И у Кирпоноса это получилось бы — он бы дождался, когда немцы найдут хотя бы свободный батальон, чтобы заняться штабом Юго-Западного фронта. Ведь немцев на тот момент в этом районе было еще очень мало, и они все силы бросили на перехват магистральных дорог Пирятин — Ромны и Пирятин — Лубны, чтобы не дать отходящим частям Красной Армии вывезти тяжелое оружие и технику. На блокировку боковых дорог сил у немцев не было, и эти дороги либо вообще были свободны, либо удерживались мизерными заслонами. Немцы сами были на пределе сил, уже за две недели до этого Гудериан бросал в бой хлебопекарные роты и радовался любому дополнительному батальону. Из показаний пленных немцы безусловно знали, что в селе Городище сидит и чего-то ждет штаб Юго-Западного фронта, но, повторю, заняться им не успевали.

Кирпонос, судя по всему, конечно, подождал бы, пока Гудериан соберется с силами, но все дело испортило немецкое мотоциклетное подразделение, сидевшее в Мелехах. Увидев, что толпы русских трусливо топчутся в Городище целый день, немцы к вечеру обнаглели и решили добыть себе к ужину советских генералов и кадрового офицерства на гарнир. Этим немцам крупно не повезло. Во-первых, у Кирпоноса в подчинении было еще более 3 тысяч человек с большим количеством тяжелого оружия, посему положение обязывало Кирпоноса отдавать соответствующие приказы, во-вторых, бедные немцы наткнулись не на кадровое офицерство Красной Армии, а на роту НКВД. Дело развивалось так.

«Я доложил командующему, что прибыл по его вызову.

— Товарищ Баграмян, — проговорил он с несвойственной ему поспешностью. — Из Мелех выступил крупный отряд фашистских мотоциклистов. Форсировав реку Многа, он сбил наши подразделения, занимавшие вот те высоты, — командующий показал на резко выделявшуюся в километре к востоку холмистую гряду, — и вот-вот может прорваться сюда. Немедленно разверните свой отряд и атакуйте противника. Ваша задача: овладеть грядой этих высот, захватить мост через реку и двигаться на Сенчу! Выполняйте!

Что ж, выходит, все изменилось. Будем пробиваться на Сенчу, и в первом эшелоне — мой отряд... Вспомнилось вчерашнее, когда фашисты оттеснили колонну штаба фронта от следовавших впереди нас частей 289-й стрелковой дивизии. Опасаясь, как бы и сегодня так не получилось, я сказал, что, если атака моего отряда увенчается успехом, главным силам лучше держаться поближе к нам. Командующий нетерпеливо махнул рукой:

— Добре, идите, товарищ Баграмян.

Я заметил — никогда еще командующий не выглядел таким усталым, удрученным.

Бегу к своему отряду. Построив людей и разъяснив новую боевую задачу, быстрым шагом вывожу их за околицу. В кустарнике развернулись в цепь Гитлеровцы, засевшие на холмах, открыли огонь. Но мы продолжали движение. Завидя нас, с земли поднимаются люди. Это бойцы подразделений, вытесненных с холмов противником. Обрадованные, они вливаются в наши цепи. Отряд растет, как снежный ком. Слышу громкий крик:

— Товарищи, с нами генерал! Вперед!

Вот мы и на вершине холма. То, что недоделала пуля, довершают штык и приклад. Гитлеровцев полегло много. Мы захватили 40 пленных, несколько минометов и мотоциклов. Все это отправили в Городище, а сами поспешили к реке. К счастью, фашисты не успели взорвать мост. Он в наших руках».

Итак, то, чего не делали генералы во главе с Кирпоносом, имеющие под началом 3 тысячи бойцов, мимоходом сделала рота НКВД силою в 150 человек — она не только захватила мост, который генералы не брали из-за якобы охранявших его «танковых и моторизованных частей Гудериана», но и уничтожила все эти полчища Гудериана в округе: теперь примерно на 10 км к северу и на 20 км к востоку до самой Сулы не осталось ни одного немца!

Баграмян продолжает: «Темно уже, но кругом пылают стога сена. Это прекрасный ориентир для наших главных сил. Но они что-то медлят. Посылаю воентехника 2-го ранга Степанова доложить о результатах боя и о том, что мы следуем, как было приказано, на Сенчу.

Тем временем к нам все прибывает пополнение. Начальник снабжения горючими и смазочными материалами фронта генерал

Алексеев и начальник охраны тыла фронта полковник Рогатин привели с собой группу пограничников. По одному, по двое, по трое подходят бойцы и командиры из различных тыловых учреждений. А колонны штаба все нет.

Поздней ночью мы приблизились к селу Исковцы-Сенчанские (Юсковцы). Несмотря на темноту, быстро сориентировались по дорожным указателям, которые гитлеровцы с немецкой педантичностью успели поставить почти на каждом перекрестке. Остановились, чтобы подтянуть и привести в порядок отряд. Пока Алексеев и я занимались этим, офицеры оперативного отдела обошли хаты. Узнав, что в село нагрянули не немцы, а «червонноармейцы», попрятавшиеся жители высыпали на улицу, наперебой стали потчевать бойцов разной снедью».

На этой широте в двадцатых числах сентября солнце заходит примерно в 19.00, Баграмян, судя по всему, ждал у развилки дорог с Городищ и Вороньков, и если бой начался еще засветло, то получается, что он ждал часов 4–5, сначала примерно в 5 км от Городищ, а затем примерно в 10 км от развилки — в Псковцах. В армии за связь отвечают вышестоящие командиры: это Кирпонос обязан был посылать к Баграмяну связных, а не наоборот. А здесь получается, что Кирпонос задержал у себя даже того связного (Степанова), которого послал к нему Баграмян.

Но одновременно Баграмян совершенно не объясняет ситуацию с прибытием «пополнения». Тут ведь всего два варианта: либо Алексеев и Рогатин поняли, что Кирпонос предал, и, плюнув на дисциплину, сами уехали от него к Баграмяну, либо Кирпонос отослал их и пограничников сам, но не передал с ними Баграмяну никаких распоряжений. (Заметим, что и в этом случае Кирпонос избавился от самых боевых подразделений, в данном случае — пограничников.)

«Возвратился один из командиров оперативного отдела, посланный для связи со штабом фронта. Он принес неожиданную новость: никто за нами не следует. Ему встретились бойцы, прорвавшиеся сквозь вражеский заслон из Городище. Они в один голос заявляют, что никого из наших там не осталось, все машины ушли на запад. Ничего не могу понять. Но нам приказано двигаться на Сенчу, и мы пойдем туда. Возможно, штаб фронта следует туда другой дорогой. Миновать Сенчу он не может: там мост через Сулу. На этой каверзной

речке с широкой заболоченной поймой мосты только в Сенче и Лохвице. Но соваться в Лохвицу безумие — такой крупный населенный пункт наверняка забит вражескими войсками».

Последнего предложения Баграмяну писать не следовало, получается, что ему, да и остальным, было с самого начала понятно, что все свои наличные силы немцы держат на магистрали Пирятин — Ромны, то есть у Чернух и Лохвицы. Тогда, как понять, что Кирпонос и его генералы упорно направляли колонну штаба фронта именно в эти пункты?

Баграмян продолжает: «Перед рассветом наш отряд с ходу ворвался в Сенчу в западной части села. Немцев там не было. Но стоило нам приблизиться к мосту, как с того берега ударил ураганный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Пришлось залечь. Советуюсь с Алексеевым и Рогатиным. Решаем атаковать. Надо захватить переправу и все село и удерживать их до прихода колонны штаба фронта. Огонь не стихает, но бойцы по моей команде поднимаются, вбегают на мост. В это время показались немецкие танки. Стреляя из пушек и пулеметов, они устремились на наш берег. А у нас не было даже бутылок с горючей смесью. Пришлось оставить село. Стало ясно, что нам его не взять. Попытаемся обойти.

Разбиваю отряд на две части. Генерал Алексеев повел свою группу на север, а я — на юг, к небольшому селу Лучка. Обе группы подготовят подручные средства для переправы и до утра будут ждать подхода колонны штаба.

Перед рассветом, потеряв всякую надежду на встречу со штабом фронта, мы переплыли на лодках реку. Местный житель провел нас по путаным и топким тропам через заболоченную пойму. Благополучно пересекли шоссе и укрылись в копнах пшеницы. Я послал в разведку молодого разворотливого лейтенанта Дорохова. Он вернулся радостный:

— Товарищ генерал! Здесь поблизости совхоз. Там ни одного немца. Жители приглашают нас».

Тут Баграмян, что называется, «вешает лапшу на уши». От Псковцев до Сенчи 9 км — даже ночью и в колонне полчаса езды. А у него получается, что они в один и тот же час («перед рассветом») и в пустую Сенчу «ворвались», и бой вели, и разделились, и у местных жителей лодки нашли, и переправились. Поскольку наверняка

переправлялись через Сулу они еще по темну, то, значит, наткнулись они на немцев за мостом едва за полночь (восход солнца около 7.00). Какие танки ночью? Из них и днем плохо видно, а ночью без приборов ночного видения они вообще слепые! А поскольку немцев было так мало, что они не могли занять предмостное укрепление (тет де пон), которым в данном случае была западная часть Сенчи, то Баграмяну неудобно объяснять, почему же они все же не взяли мост с боя и не переправили по нему свою технику и тяжелое оружие. Ведь переправляясь через Сулу на лодках, они все это бросили немцам, а сами за Сулой пошли пешком.

Тем не менее в итоге отряд Баграмяна в ночь на 20 сентября, с боем форсировав две реки и часов 5–6 ожидая Кирпоноса, к утру проделал на машинах и пешком путь примерно в 30 км. На следующий вечер и ночь, форсировав реку Хорол, они вышли к реке Псел недалеко от города Гадяч, встретившись с войсками тыла своего фронта и преодолев только по прямой 36 км, а реально, наверное, все 50, что, тем не менее, для пехоты не является таким уж большим достижением.

Позорный конец

А сколько же в ночь на 20 сентября проехала колонна, возглавляемая Кирпоносом? Вас, наверное, уже не удивит, что якобы «прорываясь к своим», колонна штаба Юго-Западного фронта за целую ночь (почти 12 часов), безо всяких боевых контактов с немцами, проехала целых 11 км, сильно устала и остановилась отдохнуть на целый день у хутора Дрюковщина, не доехав не то, что до Сенчи и Сулы, а даже до свободных от немцев Псковцев. Понимаете, по-другому это расценить нельзя — Кирпонос ни к каким «своим» выходить не собирался: он сидел в Вороньках и нагло ждал, пока его обнаружат достаточно крупные силы немцев и перебьют тех, кто оставался с ним, чтобы лично он мог сдать в плен. Ведь если рота НКВД выходила к своим, то она за ночь пешком и по бездорожью делала 50 км, а этот полководец на автомобилях и по дорогам — 11. Потому Кирпонос и не посылал связных к Баграмяну, что ожидал, когда тот от него уйдет и уведет с собой энкавэдистов и пограничников, и уведет для того, чтобы последний бой штаба фронта не принес больших потерь.

Но дадим слово Баграмяну: «Позднее, когда мы встретились с моим заместителем подполковником И.С. Глебовым и другими товарищами по штабу фронта, стали известны печальные подробности. Я прежде всего спросил Глебова, почему колонна штаба фронта замешкалась в Городищах и не последовала за нашим отрядом. Глебов удивленно посмотрел на меня:

— А разве генерал Кирпонос не предупредил вас? Ведь он же рассчитывал демонстративной атакой вашего отряда в направлении Сенчи лишь отвлечь внимание противника. Колонна тем временем должна была двинуться на север и форсировать Многу у деревни Вороньки...

(Так вот в чем дело... Нет, я не мог обижаться на Кирпоноса за то, что он скрыл от меня свой замысел. Это право командующего — не раскрывать перед подчиненным всех карт, тем более когда тому поручается демонстративная атака, — пусть старается изо всех сил, как если бы действовал на направлении главного удара.)»

Понимаете, даже если не смотреть на карту, то эти слова Баграмяна не убеждают: ну какого черта Кирпоносу надо было возвращаться опять на запад и искать мост у занятых немцами Чернух, если мост уже взят и дорога на восток открыта? А если посмотреть на карту, то это вообще выглядит идиотизмом: ведь колонна Кирпоноса проехала в 20 метрах от уже свободного моста только ради того, чтобы сделать крюк, проехать лишние 4 км с неизвестной перспективой (а вдруг в Вороньках были бы немцы?), и все для того, чтобы доехать до развилки дорог, до которой от свободного моста в Городище было всего 5 км.

Давайте закончим цитирование Баграмяна вот такими фактическими сведениям: «Далее Глебов рассказал, что начало было удачным. Скрытно прошли вдоль правого берега Многи, захватили Вороньки и переправились через реку. На рассвете 20 сентября оказались у хутора Дрюковщина — километрах в пятнадцати юго-западнее Лохвицы. Здесь, в роще Шумейково, остановились на дневку.

В колонне штаба фронта насчитывалось более тысячи человек, из них 800 офицеров. С ними по-прежнему находились генерал-полковник М.П. Кирпонос, члены Военного совета фронта М.А. Бурмистенко, дивизионный комиссар Е.П. Рыков, генерал-майоры В.И. Тупиков, Д.М. Добыкин, А.И. Данилов, В.В. Потапов, члены Военного совета этой армии дивизионный комиссар М.С. Никишев, бригадный комиссар Д.С. Писаревский, начальник ветслужбы А.М. Пенионжко и другие товарищи. С колонной следовали 6 бронемашин, 2 противотанковых орудия и 5 счетверенных зенитных пулеметных установок.

Рощу рассекал овраг. Транспорт и люди рассредоточились по его кромке. Боевые машины заняли позиции на опушке. К сожалению, по-прежнему давала себя знать недостаточная организованность отряда. Оборону заняла лишь охрана Военного совета фронта, которую возглавлял подполковник Глебов, и охрана штаба 5-й армии во главе с майором Владимирским. Многие офицеры разбрелись по хатам хутора, чтобы умыться, раздобыть продуктов и немного отдохнуть».

Итак, из 3 тысяч человек к вечеру 19 сентября, к утру 20-го без всяких боев у Кирпоноса осталась тысяча, и это из примерно 15 тысяч, выведенных им из Пирятина в ночь на 18 сентября. Добился чего хотел, но не полностью — с ним все же оставались бойцы и

командиры, которые собирались исполнить свой долг до конца. Поэтому когда к обеду 20 сентября немцы все же собрали достаточно сил, то часть солдат и командиров, оставшихся с Кирпоносом, открыла по немцам огонь, а те, само собой, подвезли артиллерию и начали перепаживать рошу снарядами, уничтожая и храбрецов, и трусов. Вот поэтому историкам до сих пор и не ясно, что же на самом деле произошло с Кирпоносом и Бурмистенко — действительно они погибли от осколков или их все же пристрелили солдаты НКВД, все еще остававшиеся при штабе и понявшие в чем дело?

Давайте подытожим. Все советские генералы в целом восхваляют храбрость Кирпоноса, ставшего Героем Советского Союза на войне с финнами, но даже из этих панегириков выпирают странности. В частности:

1. Накануне войны Кирпонос попытался воспрепятствовать приведению войск Киевского особого военного округа в боевую готовность. Напомню, что начальник штаба округа генерал Пуркаев вспоминал, что Кирпонос запретил выводить дивизии на рубеж недостроенного и не имеющего оружия Владимир-Волынского укрепрайона.

2. Это Кирпонос с Бурмистенко убедили Сталина, что вопреки предложению Буденного не надо оставлять Киев и отводить войска Юго-Западного фронта на рубежи реки Псел.

3. Кирпонос проигнорировал приказ Тимошенко об отводе армий фронта за Псел, мотивируя этот отказ формальной причиной отсутствия письменного приказа, хотя тылы фронта уже были отведены на этот рубеж.

4. Когда Кирпонос все же отдал приказ о прорыве и отводе войск, то тут же обезглавил фронт, прекратив командовать им.

5. Кирпонос не выходил из окружения, а фактически ждал, когда в колонне штаба погибнет как можно больше вверенных ему людей, и этим фактически подставил их немцам для уничтожения.

Если последние три пункта можно как-то объяснить трусостью и подлостью Кирпоноса в условиях предстоящего поражения вверенных ему войск, то как понять первые два пункта — ведь Кирпонос вредил советскому народу и тогда, когда угрозы поражения вверенных ему войск еще не было. И остается вопрос: так это просто трусливая подлость Кирпоноса или еще довоенный замысел помочь немцам?

Вязьма

В контексте этой части книги будет уместным еще раз вспомнить окружение немецкими войсками советских армий под Вязьмой. Рассмотрим его в описании участников этого события генерал-полковника А.Г. Стученко, тогда полковника, командира 45-й кавалерийской дивизии, и генерал-лейтенанта И.А. Толконюка, в то время капитана, служившего в оперативном отделе штаба 19-й армии.

Итак, 7 октября 1941 года немцы замкнули кольцо окружения четырех советских армий (19-й и 20-й Западного фронта и 24-й и 32-й Резервного фронта). Через 5 дней Ставка дает приказ командарму-19 генералу Лукину возглавить все четыре армии и прорываться с ними к Москве. Но сначала дадим вспомнить о поведении генерала Лукина командиру 45-й кавалерийской.

«8 октября мы получили приказ командующего фронтом пробиваться из окружения. Войска сделали несколько попыток — ничего не получилось. 45-й кавалерийской дивизии приказано находиться в резерве командующего армией. Разместили нас в кустарнике к северу от Шутово. Расположив там дивизию, я утром 9 октября прибыл на хутор у Шутово. В крайней просторной избе за столом сидели генералы Лукин, Вишневский, Болдин и группа штабных командиров. Выслушав мой доклад, генерал Лукин приказал быть при нем. Сев на скамью и вслушавшись в разговор, я понял, что идет выработка решения на выход из окружения. Командармы решили в 18.00 после артиллерийской подготовки поднять дивизии в атаку. Прорываться будем на северо-запад на участке 56-го моторизованного корпуса. Наша 45-я кавалерийская дивизия будет замыкать и прикрывать войска с тыла.

Вечером после короткой артиллерийской подготовки над перелесками прозвучало мощное «ура», но продвинуться наши части не смогли. Повторили попытку на следующий день — результат тот же. Люди были измотаны, боеприпасы подходили к концу.

Автомашины, тягачи и танки остались без горючего. Чтобы боевая техника не досталась врагу, много машин и орудий пришлось уничтожить. Подрывая их, бойцы не могли удержаться слез.

В 19-й армии полностью сохранила свою боеспособность, пожалуй, только одна 45-я кавалерийская дивизия. Я убедительно просил командарма Лукина разрешить мне атаковать противника и этим пробить путь для всей армии. Но он не согласился:

— Твоя дивизия — последняя наша надежда. Без нее мы погибли. Я знаю, ты прорвешься, но мы не успеем пройти за тобой — немцы снова замкнут кольцо.

Этот довод, возможно, и был справедлив, но нам с ним трудно было согласиться. Мы, кавалеристы, считали, что можно было организовать движение всей армии за конницей. А в крайнем случае, даже если бы это не удалось, то сохранилась бы боеспособная дивизия для защиты Москвы».

Давайте оценим действия генерала Лукина. Немецкие дивизии, окружившие четыре наших армии под Вязьмой, сами стали на грань окружения и разгрома, если бы эти наши армии не ставили себе целью убежать от немцев, а ударили под основание немецких клиньев. Но у Лукина и мыслей таких нет, узнав, что он в окружении, он немедленно прекращает управление войсками — дезорганизует их — и, казалось бы, ставит себе одну цель — удрать! Но ведь и это он делает странно — точь-в-точь как Кирпонос.

Для того чтобы «выйти из окружения» нужно было пробить еще неорганизованный фронт немецкого кольца. А для прорыва любого еще неорганизованного фронта всегда используются наиболее подвижные войска, к примеру, немцы для этого использовали танковые и мотопехотные дивизии. Смысл в том, что если в месте прорыва противник окажется готов к обороне и неожиданно силен, то нужно быстро переместиться в другое место — быстро найти такой участок, где противник слаб, с тем чтобы прорвать фронт с минимумом потерь, а потом ввести в прорыв свою пехоту и поставить противника перед необходимостью самому атаковать эту пехоту, чтобы закрыть прорыв. Это главная оперативно-тактическая идея немецкого «блицкрига». Причем немцы позаимствовали эту идею у Буденного, изучив его опыт войны с Польшей в 1920 году, но Буденный в те годы делал полякам «блицкриг» кавалерией!

Вот и объясните, зачем Лукин самое подвижное соединение своей армии назначил в арьергард, т. е. поставил кавалерийской дивизии

задачу, которую всегда ставили только пехоте (как наиболее устойчивому в обороне роду войск)?

Вот и объясните, почему Лукин считал, что если 45-я кавдивизия прорвет немецкое кольцо, то это плохо, так как 19-я армия может не успеть удрать из кольца в этот прорыв, а если не делать прорыв, то тогда будет лучше. Чем лучше? Для кого лучше?

Стученко над этими вопросами не задумывается, но дальше вспоминает следующее.

«Мысль о спасении дивизии не давала мне покоя. На свой страх и риск решил действовать самостоятельно. Так как северо-восточное направление уже было скомпрометировано неудачными атаками армии, было намечено другое — на Жебрики, почти на запад. К рассвету, расположившись вдоль опушки леса возле Горнова, дивизия была готова к атаке. Впереди конных полков стояли артиллерия и пулеметные тачанки. План был прост и рассчитан на внезапность: по сигналу на трубе «В карьер» пушки и пулеметные тачанки должны были галопом выйти на гребень высоты, прикрывавшей нас от противника, и открыть огонь прямой наводкой. Под прикрытием этого огня сабельные эскадроны налетят на врага и пробьют дорогу. Штаб дивизии, командиры, политработники разъезжали по полкам, проверяли их готовность, беседовали с бойцами, поднимая их боевой дух. Нужно было в каждого вселить твердую решимость прорваться или умереть — только в этом случае можно было надеяться на успех. Объехав строй дивизии, я обратился к конникам:

— Товарищи! Через несколько минут мы ринемся на врага. Нет смысла скрывать от вас, что не все мы пробьемся, кое-кто погибнет в этом бою, но остальные вырвутся из кольца и смогут сражаться за нашу родную Москву. Это лучше, чем погибнуть всем здесь, не принеся пользы Родине. Итак, вперед, и только вперед! Вихрем ударим по врагу!

По лицам всадников было видно, что они понимают меня, что они пойдут на все. Подан сигнал «Пушкам и пулеметам к бою». Они взяли с места галопом и помчались вперед на огневую позицию. После первых же их залпов у врага началось смятение. В бинокль можно было наблюдать, как отдельные небольшие группы противника побежали назад к лесу. По команде, сверкая клинками, дивизия перешла в атаку. До наших пушек осталось всего метров двести, когда

мы увидели, что наперерез нам скачут на конях М. Ф. Лукин с адъютантом. Командарм что-то кричал и грозил кулаком. Я придержал коня. Полки, начавшие переходить уже в галоп, тоже придержали коней. Лукин подскакал ко мне:

— Стой! Именем революции, именем Военного совета приказываю остановить дивизию!

Чувство дисциплины побороло. Я не мог ослушаться командарма. А он боялся лишиться последней своей надежды и данной ему властью хотел удержать дивизию, которая армии уже не поможет, ибо армии уже нет... С тяжелым сердцем приказываю трубачу играть сигнал «Кругом». А немцы оправились от первого испуга и открыли огонь по нашим батареям и пулеметам, которые все еще стояли на открытой позиции и стреляли по врагу. От первых же снарядов и мин врага мы потеряли несколько орудий и тачанок. Снаряды и мины обрушились и на эскадроны, выполнявшие команду «Кругом». Десятки всадников падали убитыми и искалеченными.

Я с раздражением посмотрел на командарма и стал себя клясть, что выполнил его приказ. Не останови он дивизию, таких страшных потерь мы не понесли бы, и, безусловно, прорвали бы вражеское кольцо. От близкого взрыва нас обсыпало землей и осколками, кони в испуге шарахнулись в сторону, а лошадь моего адъютанта повалилась с перебитыми ногами.

Полки на рысях уходили в лес, за ними тронулись и мы с командармом. М. Ф. Лукин продолжал доказывать мне, что так надо было, что он не мог лишиться нашей дивизии.

Подбираем раненых, хороним убитых. Надо скорее покидать этот лес, по которому уже пристрелялся противник. Дивизия «под конвоем» командарма Лукина и его штаба перешла на старое место — к хутору у Шутово. Вечером на командном пункте Лукина собрались работники штаба, политотдела, трибунала, прокуратуры, тыла 19-й армии и штабов других армий. Здесь же были командарм Вишневский и Болдин. Командный пункт, по существу, уже ничем не управлял. Связи с частями не было, хотя переносные радиостанции действовали в некоторых частях (мощные радиостанции пришлось уничтожить)».

А теперь прервем Стученко и прочтем воспоминания тогда капитана Толконюка. Напомню, что в этот день, 12 октября 1941 года, Ставка приказала генералу Лукину возглавить все четыре советские

армии, попавшие в окружение. И.А. Толконюк пишет (выделено мною):

«...Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, получив указание, что на него возлагается руководство выводом всех четырех армий из окружения, собрал совещание командующих армиями, с которыми не было никакой технической связи, и прибыли не все для обсуждения положения и выработки решения. В этом совещании, проходившем в условиях строгой секретности и сильно затянувшемся, присутствовал и генерал-лейтенант И.В. Болдин. В результате родился приказ, исполнителем которого был начальник оперативного отдела полковник А.Г. Маслов. После неоднократных и мучительных переделок и поправок, вызывавших нервозность, приказ был подписан командармом и начальником штаба. Этот последний, отданный в окружении приказ имел важное значение, ибо он определил дальнейшую судьбу окруженных армий. Кстати сказать, **решение, выраженное в приказе, не было сообщено в Ставку.** Думается, что это случилось потому, что руководство окруженными войсками не ожидало его одобрения. Следует к тому же заметить, что **на последние запросы Ставки командование почему-то вообще не находило нужным отвечать.**

В приказе давался краткий и довольно мрачный анализ сложившейся обстановки и делалась ссылка на требование выходить из окружения во что бы то ни стало. Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды, уничтожить материальные запасы и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

В этот день я был оперативным дежурным и приказ, размноженный в нескольких экземплярах для 19-й армии, попал ко мне для рассылки в дивизии. Передавая его мне, полковник А.Г. Маслов был крайне расстроен: он, стараясь не глядеть никому в глаза, молча передал документ, неопределенно махнул рукой и ушел. Чувствовалось, что полковник не был согласен с таким концом армии. Через некоторое время он сказал мне по секрету: «Из всех возможных решений выбрано самое худшее, и армия погибла, не будучи побежденной противником. Правильно говорится, что армия не может быть побежденной, пока ее командование не признает свое поражение. В нашем случае командование признало себя побежденным

преждевременно и распустило армию, предоставив ее непобежденным бойцам самим заботиться о своей участи».

...Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до личного состава, произошло то, что должно было произойти. Нельзя было не заметить, что **задача понята своеобразно: спасайся кто как может**. Офицеры штаба, проверявшие на местах, как доведен и понят приказ, наблюдали неприглядную картину, поправить которую уже возможности не было, да никто и не пытался что-либо изменить. Всякая связь штаба армии с дивизиями прекратилась, вступили в свои права неразбериха и самотек. К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя обязанность управлять подчиненными войсками. Командиры дивизии поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчиненных на лесных полянах, прощались с ними и отпускали. На местах построения можно было видеть брошенные пулеметы, легкие минометы, противогазы и другое военное снаряжение. Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность. В некоторых соединениях личный состав с легким ручным оружием начал поход в составе частей и подразделений, но с течением времени, встретившись с трудностями, эти части и подразделения также распадались на мелкие группы.

...Это невольно способствовало тому, что из 28 немецких дивизий, первоначально окруживших наши войска, к началу второй декады октября было оставлено здесь только 14, а 14 дивизий смогли продолжить путь к Москве. Расчет нашего командования на то, что окруженные армии организованно прорвутся из окружения и будут использованы для непосредственной защиты столицы, не оправдался. Эти войска вынуждены были оставить в окружении всю материальную часть, все тяжелое оружие и остававшиеся боеприпасы и выходили из окружения лишь с легким ручным оружием, а то и без него. В итоге всего сказанного и многого не сказанного, группировка из четырех, хотя и обескровленных армий, насчитывавшая сотни тысяч человек, с массой артиллерии, танков и других боевых средств, окруженная противником к 7 октября, уже 12 октября **прекратила организованное сопротивление, не будучи разгромленной**, и разошлась кто куда. Она, следовательно, вела бои в окружении всего

каких-то 5–6 дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И тем не менее это так.

...В продовольствии нужды не ощущалось, потому что в окруженном районе продовольствие могло быть получено из местных ресурсов: местность была запружена угнанным из западных районов советскими людьми скотом, и созревший урожай, при определенной организации, мог обеспечить питание личного состава длительное время. К тому же не были полностью использованы и продовольственные запасы, находившиеся на складах и в железнодорожных эшелонах, которыми были переполнены железнодорожные станции. В общем, у нас не было крайней нужды в продовольствии. В боеприпасах ощущалась некоторая нужда, но и их мы полностью не израсходовали, вплоть до прекращения организованного сопротивления. Нужда ощущалась в горючем для машин, а главное — в эвакуации раненых. Так что не в материальном обеспечении в первую очередь нуждались окруженные войска. Они нуждались, прежде всего, в квалифицированном, **твердом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было**».

Ну и о том, как в тот же день 12 октября высокопрофессионально и талантливо распорядился Лукин 45-й кавалерийской дивизией, вспоминает Стученко.

«Лукин не отпускал меня от себя ни на шаг. Собрали скудные свои запасы, принялись за ужин. В это время в хату с шумом ворвался какой-то подполковник и доложил, что стрелковый полк, прикрывавший район Шутово с запада, атакован немцами. Все вскочили. Лукин приказал мне остановить немцев, не допустить их продвижения к командному пункту.

Вскочив на коня, я помчался к дивизии. Эскадроны сели на коней и на ходу стали разворачиваться для атаки.

Став перед 58-м кавалерийским полком (он был в центре), я подал команду «Шашки к бою!» и, не видя еще противника, повел дивизию рысью, выбросив вперед разъезды. Километра через два мы встретились с нашими отходящими стрелковыми подразделениями. Приказываю командиру резервного 52-го полка разомкнуть один эскадрон в одну шеренгу, остановить и собрать пехотинцев. В полукилометре от нас горел хутор. Особенно ярко пылал сарай, по-видимому, с сеном. Высокий столб пламени зловеще озарял

окрестность. И тут мы увидели немцев. Шли они беспорядочной толпой, горланили что-то и не целясь палили из автоматов.

При виде наглого, самоуверенного врага, поганящего нашу землю, убивающего наших людей, знакомое уже чувство страшной ненависти охватило нас. Командую полкам: «В атаку!» Конники ринулись навстречу фашистам. Те увидели нас, но было уже поздно. Мы врезались в их толпу; удар был настолько неожидан, что гитлеровцы и не отстреливались, кинулись к лесу, начинавшемуся за догоравшим хутором. Немногим посчастливилось спастись, и то потому, что уже стемнело и гоняться за отдельными солдатами в темноте, да тем более в лесу, не имело смысла.

Надо было как можно быстрее организовать оборону. Сигналами «Стой» и «Сбор» приостанавливаю атаку. Командир резервного полка доложил, что собралось около 200 человек пехотинцев. Мы покормили их из запасов пулеметчиков (у них в тачанках всегда кое-что припрятано «на черный день») и помогли закрепиться у хутора.

В 23.00 дивизия получила приказ командующего армией: держать фронт до четырех часов утра, после чего отходить на юг, прикрывая войска, которые будут с рассветом пробиваться в район Стогово (южнее Вязьмы) на соединение с 20-й армией генерал-лейтенанта Ершакова.

Штабом посланы разъезды, чтобы связаться с соседями на флангах. Они вернулись с тревожной вестью: ни справа, ни слева наших частей нет, и противник обходит нас на обоих флангах. В ночной темноте не стихает треск немецких автоматов; спереди, справа, слева, сзади взвиваются осветительные ракеты. Пытаюсь связаться со штабом армии, но разъезды теряют людей, а пробиться не могут.

Подходя к делу формально, мы могли бы спокойно просидеть на месте до четырех часов утра. Но нас мучила мысль: что с командным пунктом армии? Может, командарму и штабу нужна наша помощь?

А разъезды все возвращаются ни с чем.

— Дай я попробую, — сказал комиссар дивизии А. Г. Полегин.

Обмотав копыта лошадей тряпками, Полегин и его товарищи скрылись в темноте. Я провел немало тревожных минут. Наконец послышался приглушенный топот и показались силуэты всадников. Комиссар все-таки пробился на хутор, где размещался штаб армии. Там уже никого не было. Удалось выяснить, что еще в полночь оба

командарма и Болдин, собрав своих штабных работников и склотив отряд, насчитывающий человек шестьсот, взяли радиостанцию и ушли в неизвестном направлении. Итак, мы уже около четырех часов сидим здесь неизвестно для чего, неизвестно кого прикрывая.

В пятом часу утра полки по моему приказу бесшумно снялись с места. Держа коней в поводу, конники начали движение на юг, как приказал нам еще вечером командарм.

На рассвете 13 октября дивизия подошла к деревне Жипино. Разъезды, высланные нами, были встречены огнем: в деревне враг. Чтобы избежать ненужных потерь, я решил обойти ее с северо-запада и на рысях повел дивизии через лес на деревню Буханово. Но до нее мы не дошли. У узкого ручья головной эскадрон попал под ураганный автоматнo-пулеметный огонь».

Вы видите, что и генерал Лукин, как и генерал Кирпонос, стремился уйти от сопровождающих его войск, и остаться с как можно меньшей свитой. Добавлю, что доблестному генералу Лукину все же удалось сдаться немцам, правда, раненым, тем не менее, на его примере имеет смысл отвлечься и поговорить о том, как вели себя наши генералы в плену.

Комсомолка и генерал

Со времени, когда в жизнь стали входить соглашения Женевских и Гаагских конвенций о законах ведения войны, было введено в закон, что военнослужащий, попавший в плен, обязан сообщить противнику свое имя и фамилию, личный номер, звание, часть, в которой он служил, и адрес семьи. Все! Все остальное — это уже помощь врагу, это предательство.

Вот теперь давайте с точки зрения поведения в плену рассмотрим то, что рассказали немцам попавшие к ним в руки комсомолка Зоя Космодемьянская и генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

О поведении Зои рассказал следователю ее товарищ по диверсионной группе В. Клубков, который смалодушничал, взялся служить немцам и выдал Зою — рассказал немцам, где ее искать. Потом немцы сделали из него своего разведчика, забросили к нам, но особисты быстро его вычислили и арестовали. На следствии Клубков показал: «...Как меня только сдали офицеру, и он увидел у меня бутылки с горючей жидкостью... он наставил на меня револьвер и потребовал, чтобы я выдал, кто вместе со мной прибыл поджигать деревню. Я при этом проявил трусость и рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвав имена Крайнева Бориса и Космодемьянской Зои. Офицер немедленно отдал на немецком языке какое-то приказание присутствующим там немецким солдатам... послал в погоню за Крайневым и Космодемьянской. Солдаты быстро вышли из дома...

Вопрос: Какие еще показания вы дали офицеру до тех пор, пока привели Космодемьянскую?

Ответ: Далее я показал офицеру, что я послан разведотделом Запфронта, расположенным около ст. Кунцево. Рассказал, что наша часть при разведотделе насчитывает человек 400 разведчиков и что она готовит и перебрасывает в тыл к немцам диверсионные группы по 5—10 чел... Называл своего командира и командиров групп по фамилиям, которые знал. Через несколько минут солдаты привели Зою Космодемьянскую. Задержали ли они Крайнева, я не знаю.

Вопрос: Что спрашивал офицер у Космодемьянской и какие она дала показания?

Ответ: Как только привели Зою Космодемьянскую, офицер спросил, кто она и зачем прибыла в дер. Петрищево? Зоя отвечать на вопросы отказывалась, офицер избил ее. Космодемьянская ответила, что она деревню не поджигала.

Вопрос: К вам офицер обращался за помощью в получении признания от Космодемьянской?

Ответ: После этого офицер обратился ко мне, и я уличил Космодемьянскую, что она пришла вместе со мной и подожгла южную окраину деревни. Я показал офицеру, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов. Однако Зоя заявила, что она меня не знает.

Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что Зоя молчит, три офицера раздели ее догола и в течение 2–3 часов сильно избивали ее резиновыми палками, добиваясь показаний. Космодемьянская заявила офицерам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Больше ее не видел. Несмотря на то, что я Космодемьянскую выдал, и избиения немецкими офицерами, все же она им ничего о себе и о Красной Армии не рассказала...».

А вот, что рассказал немцам сдавшийся им в плен в октябре 1941 года командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. (Взято из Хрестоматии по отечественной истории (1914–1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М. 1996.)

«Протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта Красной Армии М.Ф. Лукина 14 декабря 1941 г.

Приведенный ниже текст допроса был отправлен с оккупированной германскими войсками территории СССР в Берлин для ознакомления Гитлеру. Давший показания М.Ф. Лукин (1892–1970 гг.), Герой Российской Федерации (1993 г.), генерал-лейтенант, командовал в ходе войны 16-й, 20-й и 19-й армиями. В октябре 1941 года в районе Вязьмы был тяжело ранен и захвачен немцами в плен, в мае 1945 года освобожден.

Генерал Лукин, тяжело раненный, был взят в немецкий плен. С ним уже несколько раз беседовали, но говорили немного, вследствие

его тяжелого состояния. Теперь же генерал-лейтенант Лукин сказал следующее:

— Если вы хотите, чтобы я ответил на ваш вопрос: «Почему русский народ, несмотря на всю свою ненависть к Сталину и советской системе, продолжает их защищать?» — то могу ответить таким образом, чтобы быть очень честным в разговоре с вами. Вы говорите об освобождении народов России от большевистской системы и о новом порядке для будущей Европы, но одновременно вы говорите, что только русские являются носителями большевизма, а украинцы, например, нет. Это ерунда. Большевизм так же чужд русскому народу, как и украинцам. Вообще, это интернациональное учение. Большевики смогли победить в России только потому, что сельское хозяйство было ужасно запущено после 1-й мировой войны. Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим — фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего. В лучшем случае, колхозник в Сибири получает 4 кг хлеба в день, а средняя зарплата рабочего 300–500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима. Только очень высокие представители советского партийного аппарата сносно живут. Командир стрелковой дивизии, по сравнению с ними, живет плохо. Но я все равно не верю в то, что в нынешних условиях внутри СССР может произойти народное, антисталинское восстание. Слишком много крови пролили большевики за 20 лет своей власти, и все, кто бы мог поднять такое восстание, уже уничтожены. И даже если существует, к примеру, такой командир или генерал, который бы думал о таком восстании и о новой России, он все равно ничего не мог сделать, так как вокруг него слишком много комиссаров и чекистов. Даже если этот генерал только поговорит об этом со своими друзьями, он все равно ничего не сможет сделать, так как даже в среде военных очень много доносчиков и никому нельзя верить. Поэтому для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. Вы, немцы, можете сокрушить систему, но вы не должны думать о том, что народ может это сделать сам, несмотря на свою

ненависть к режиму. И вы не должны упрекать или наказывать русских за то, что они не восстают.

Вы говорите об освобождении народов. Но мы ничего не слышали об освобождении Украины или Белоруссии, захваченных вами, и у нас говорят, что и для России свободы не будет. Это порождает сопротивление агрессору. Конечно, партийный аппарат и чекисты это не друзья, но вторгнувшийся враг — это агрессор, и с ним надо бороться. Начиная с сентября этого года, на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно и больше, но никак не меньше 150. Мы должны были сами отдавать из своей армии некоторых командиров и комиссаров для этих новых дивизий. Через 4–5 месяцев эти дивизии или закончат свое формирование или уже будут на фронте. У них будут и танки. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строятся 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это, включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были эвакуированы на Восток страны. Основные типы строящихся танков «Т-34» и «КВ». Также строятся около 20 самолетов в сутки разных типов, но артиллерии и пистолетов-пулеметов будет немного. СССР помогают США и Великобритания, но я не думаю, что их помощь будет значительна. Нефти и нефтяных запасов не так много, чтобы полностью удовлетворить потребности, и если вермахт дойдет до Кавказа, то их будет еще меньше...

Здесь генерал-лейтенант Лукин задал вопрос собеседнику о том, что не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина допрашивающий ответил, что создание такого правительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей, русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам. Лукин сказал: «Может быть, это и правда. В этом году Вы создали Министерство по делам восточных территорий, которое помогает только Вам. Однако если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на Вашей

стороне тоже есть россия — некоторые выступают не против России, а за Россию. Также правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любят коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его».

На вопрос допрашиваемого, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернатив, Лукин ответил: «Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны — это Буденный и Тимошенко. Буденный это человек из народа, в 1938 г. Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Буденный и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Буденный, и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы выступить, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в Ваших силах, а не в наших. Жуков и Шапошников не являются такими популярными, но они очень хорошие солдаты. Правда, я не думаю, что новые сформированные дивизии смогут вести наступательные действия; они могут только хорошо обороняться. Очень многие не хотят воевать, и при наступлении наших наступающих часто брали в плен очень легко. В районе южнее Ярцево Вы имели 50 орудий на 1 км фронта, но наша пехота все равно должна была наступать три раза. Было очень много убитых, и очень многие не желали прорываться из окружения, а сдавались. Все-таки потери составили не менее 10 000 человек.

На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки, которые раньше имелись лишь у армий, но теперь будут и у дивизий. До сих пор существовал такой порядок, что ни одна установка не должна была быть захвачена Вами, и я сам отдавал приказ об их уничтожении, если они были в опасности. Сейчас их появится очень много. Если появится возможность более точной организации их стрельбы, то их значение резко возрастет. Поскольку они просты в изготовлении, то и на фронте установки появятся скоро. Вы должны обратить на них внимание. Я не думаю, что Красная

Армия начнет вести химическую войну. Теперь я прошу Вас, чтобы Вы знали, что все это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья».

Советская военная энциклопедия сообщает о М.Ф. Лукине такие подробности: «14 окт. был тяжело ранен, попал в плен, мужественно и достойно держал себя в условиях фаш. концлагерей. В мае 1945 освобожден из плена. С ноября 1946 в отставке. Награжден орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями».

До войны Лукин имел два ордена Красного Знамени, и мне было не понятно, за что Хрущев дал ему остальные ордена? А после прочтения протокола его допроса понял: за то, что сообщил немцам время формирования, численность и боеготовность советских резервов; за то, что сообщил им темп и места производства танков и их марку, за то, что сообщил немцам мощности авиапромышленности, за то, что проинформировал их об установках залпового огня («катюшах»), короче — за то, что сообщил немцам все, что знал, за то, что без колебаний предал и свою присягу, и свой народ. За что демократы присвоили ему звание Героя России, тоже стало понятно — за то, что соглашался на новую Россию без Украины, Белоруссии и Прибалтики, под немецким управлением, но с собою у бюджетного корыта.

Но вернемся к теме.

Бросающаяся в глаза разница

Итак, генерал Лукин был ранен перед пленом, а вот его начальник штаба генерал В.Ф. Малышкин целым уже в ночь на 13 октября перебежал к немцам и служил им вместе с Власовым, надо думать, лучше, чем выкормившему его советскому народу.

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карелл описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбежек немецкой авиации, тем не менее, она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тысяч немцев попали в окружение в январе 1942 года и больше года (до февраля 1943 года) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из мешка; в ноябре 1942 года 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 года были окружены около 90 тысяч немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские войска по моему счету восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941 году; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 году.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода, и 2-я ударная — три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно

прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удрать из окружения самостоятельно — без войск.

А немецкие офицеры своих солдат не бросали ни при каких обстоятельствах! Вот Пауль Карелл описывает отступление немецких войск после Сталинградской битвы. «Они уже не являлись подвижными войсками, хорошо оснащенными моторизованными частями, это были лишь ослабленные маленькие танковые части 13-й танковой дивизии, а в основном — пехотные, стрелковые части, горные подразделения и артиллерия на конной тяге, которые за четыре недели прошли расстояние в 400 километров без машин, располагая только вьючными животными и лошадьми, чтобы тащить орудия и снабженческие подводы. На большей части пути им приходилось вести бои. С ледяных склонов Эльбруса, Клухора и Санчара, из топей долины Гунайки они спустились в Кубанскую степь и повернули на северо-запад к «Голубой линии», последнему бастиону перед Кубанским плацдармом.

Это отступление тоже представляет собой подвиг, практически не имеющий аналогов в военной истории. Этот период войны отмечен героизмом, верностью долгу и готовностью к самопожертвованию со стороны офицеров и рядовых и не только с оружием в руках, но и с лопатой, рядом с лошадьми и мулами.

Здесь больше, чем когда-либо, немецкий вермахт пожинал плоды своей прогрессивной, современной структуры, отсутствия социальных барьеров и классовых предрассудков. Германская армия была единственной армией в мире, в которой офицеры и рядовые ели одинаковую еду. Офицер был не только командиром в сражении, но также и «бригадиром», «солдатом в погонах», который, не колеблясь, брал на плечи груз или вытаскивал застрявшие машины, подавая пример, помогающий преодолевать усталость. Никаким другим образом успешно осуществить это великое отступление было бы невозможно».

Фельдмаршал Манштейн, высоко оценив выносливость и смелость румынского солдата, причины слабости румынской армии (помимо подготовки и оснащения) видел в том, что (выделено мною): «значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего, **не было тесной связи между офицером и**

солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы».

А.В. Невский был участником приема капитуляции немецких войск в Кенигсберге 9 апреля 1945 года. Немцы шли сдаваться нашим генералам колоннами в составе своих частей и подразделений. «Когда немецкие офицеры получили приказ М.И. Первозникова построиться отдельной колонной, началось прощание немецких офицеров со своими солдатами. Все они целовались и плакали», — вспоминает А.В. Невский.

А как прощались со своими солдатами кадровые офицеры Красной Армии, мы уже знаем. Да, вырастил советский народ генералов и кадровое офицерство на славу. А теперь это офицерство старательно нас уверяет, что немцев победили они — кадровые, а большие потери советского народа произошли потому, что:

- кадровыми офицерами командовал плохой главнокомандующий И.В. Сталин, и вообще начальники были плохие;
- у них, у кадровых офицеров, были плохие солдаты из крестьян;
- у них, у кадровых офицеров, был плохой советский народ, который не обеспечил их во время войны тем, чем им хотелось.

Все это, конечно, в среднем. И среди немцев было достаточно офицеров и генералов (и сам Манштейн в том числе), которые не так хороши, как Манштейну хочется их нам представить. И среди советских генералов и офицеров были герои, добросовестно и беззаветно исполнявшие свой долг. Но все же...

Тихвинские операции

История, особенно история Великой Отечественной войны, меня увлекла еще чуть ли не со школы, посему мемуары наших военачальников я старательно доставал и читал взахлеб, свято веря всему, что они пишут. А как же иначе? Сам-то, конечно, бывало, что и врал по мелочам, но кто я и кто они? Они же о-го-го! Разве они могут врать? Взрослел, видел людей в очень разных ситуациях, видел их подлость, а вера в честность наших маршалов долго еще оставалась нетронутой, пока со зрелостью не пришло понимание, что так, как врут многие из них, не всегда сокрут даже на российском телевидении.

Вот воспоминания маршала А.М. Василевского «Дело всей жизни». Приношу извинения за обильное цитирование, но в данном случае объем цитат является количественным (цифровым) показателем того, что я хочу продемонстрировать. А цифры, как известно, упрямая вещь.

В воспоминаниях Василевского есть целая глава «Оборона Ленинграда», а в этой обороне с военной точки зрения самыми драматическими событиями были две Тихвинские операции — оборонительная и наступательная.

Напомню, о чем речь. В середине октября 1941 года Гитлер отказался брать Ленинград штурмом, надеясь, что этим избежит тяжелых потерь в уличных боях, и приказал группе армий «Север» ударить на Тихвин, чтобы в обход Ладожского озера соединиться с финской армией и тем самым полностью лишить Ленинград связи с внешним миром (она осуществлялась по Ладожскому озеру), полностью блокировать город и удушить его голодом. Если бы Ленинград пал (а он пал бы при полной блокаде в несколько недель), то немцы высвободили бы для действий в центре на Московском направлении крупные силы и, главное, резко облегчили бы себе снабжение всего левого фланга Восточного фронта через Ленинградский порт. Группа армий «Север» в середине октября нанесла удар на Тихвин, и больше месяца велось ожесточенное сражение, названное Тихвинской оборонительной операцией. Энциклопедия «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.» так

подводит ее итог: «В результате Тихвинской оборонительной операции советские войска сорвали замысел врага полностью блокировать Ленинград и использовать силы группы армий «Север» для наступления на Москву, а также создали благоприятные условия для проведения наступательной операции».

А теперь оцените по размеру цитаты, сколько об этом выдающемся сражении начального периода войны счел нужным сообщить Василевский.

«Наступление немецко-фашистских войск началось 16 октября. С этого дня на обширном пространстве развернулись ожесточенные бои, которые сыграли решающую роль в обороне Ленинграда. К сожалению, Ставка не могла выделить сражавшимся здесь войскам достаточно мощных резервов, так как почти все они направлялись в район Москвы. Поэтому врагу, обладавшему численным превосходством, удалось 8 ноября захватить Тихвин, вплотную приблизиться к Волхову, перехватить железнодорожную магистраль, по которой до восточного побережья Ладоги направлялись грузы в осажденный Ленинград.

Было ясно, что с падением Тихвина появилась угроза прорыва немцев с юга в тыл 7-й отдельной армии, которая на реке Свирь затормозила наступление финнов. Соединение немцев с финнами означало не только двойное кольцо блокады вокруг Ленинграда, но и позволяло фашистскому командованию организовать общее наступление на Вологду.

Однако войска 7-й отдельной армии под командованием К.А. Мерецкова, возглавившего по указанию Ставки одновременно и 4-ю армию, сумели стабилизировать положение. Немецкие войска были основательно измотаны изнурительными боями в лесистоболотистой местности. Растянутые на 350-километровом фронте от Мги через Волхов, Тихвин до Новгорода, они подвергались непрерывным ударам наших войск».

Прямо скажем, что как-то скупое осветил Василевский это важнейшее для страны и довольно удачное оборонительное сражение. Тем более что это оборонительное сражение, волею командовавших им полководцев, перешло в наступательное. Энциклопедия так сообщает его итоги (выделено мною): «В результате Тихвинской наступательной операции советские войска нанесли тяжелый урон 10 дивизиям

противника (в том числе двум танковым и двум моторизованным), вынудили гитлеровское командование перебросить на тихвинское направление 5 дивизий, продвинулись на 100–120 км, освободили от немецко-фашистских захватчиков значительную территорию, обеспечили сквозное движение по железной дороге до станции Войбокало, сорвали вражеский план создания второго кольца окружения Ленинграда. Тихвинская наступательная операция — **одна из первых крупных наступательных операций Советских Вооруженных Сил в войне**; она создала благоприятные условия для развернувшегося в конце 1941 года контрнаступления Советской Армии и способствовала разгрому немецко-фашистских войск под Москвой».

А вот, сколько пишет об этой одной из выдающихся наступательных операций Красной Армии 1941 года маршал Василевский:

«Чтобы наладить управление войсками на этом ответственном направлении, Ставка образовала 17 декабря 1941 года Волховский фронт, в состав которого вошли 4-я, 52-я, 59-я и 26-я армии; командующим войсками фронта был назначен генерал армии К.А. Мерецков. До нового года войскам этого фронта удалось очистить от фашистов часть нашей территории, существенно ослабить силы немецкой группы армий «Север». ГКО и Ставка наладили снабжение голодавшего Ленинграда через Ладогу. А пока враг отбивался от контрнаступлений советских войск на севере и юге, мы готовили, а затем и осуществили руководство крупным контрнаступлением под Москвой».

Согласитесь, что сказано маршалом как-то не очень много, тем более что Тихвинские операции по времени совпали с последним немецким штурмом Москвы и с контрнаступлением советских войск под Москвой, т. е. со временем, когда и резервы шли Москве, и все внимание Сталина было приковано к Москве, а полководцы РККА под Тихвином выкручивались сами как могли. Можно было бы уделить им больше внимания, тем более что смогли они неплохо: все-таки продвижение на 100–120 км на фронте в 120 км, а это, знаете ли, не широко разрекламированное продвижение Жукова под Ельней на 20 км на фронте в 20 км. Но о наступлении под Ельней крику много, а о Тихвине — молчание. Почему?

Спасение 2-й ударной

Мне могут сказать, что Василевский так скупно написал о Тихвинских операциях потому, что лично в них не участвовал. Ну, хорошо, давайте рассмотрим операцию середины 1942 года, в которой генерал-полковник Василевский участвовал лично как представитель Ставки Верховного Главнокомандования. Речь идет о попытке вывода из окружения 2-й ударной армии. В упомянутой выше энциклопедии об этом ничего нет, в статье об этой армии нет даже фамилии того, кто ею на тот момент командовал, — генерал-лейтенанта Власова. Поэтому для ориентировки дам то, что вообще сказано об ударных армиях РККА.

«Создавались с ноября 1941 года. Предназначались для разгрома группировки противника на важнейших направлениях действий фронта... Основу ударной армии составляли стрелковые дивизии и бригады. Всего в пересчете на стрелковые дивизии (2 с. бр. приняты за 1 стрелковую дивизию) в 1943–1945 годах в составе ударных армий насчитывалось от 9 до 20 стрелковых дивизий. Ударная армия имела больше танков и артиллерии, чем обычные общевойсковые армии, в ряде операций в их состав включались механизированные, танковые и кавалерийские корпуса... бронепоезда и аэросанные подразделения».

Так вот, о своем личном участии в выводе 2-й ударной из окружения Василевский пишет:

«После того как кольцо окружения войск 2-й ударной армии замкнулось и было принято решение о восстановлении Волховского фронта, по приказу Ставки вместе с командующим К.А. Мерецковым в Малую Вишеру к волховчанам был направлен и я, как представитель Ставки. Основной задачей нам было поставлено вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. И надо сказать, что нами были приняты, казалось бы, все возможные меры, чтобы спасти попавших в окружение, вызволить из кольца самого командарма Власова.

С 10 по 19 июня 1942 года непрерывно шли яростные бои, в которых участвовали крупные силы войск, артиллерия, танки 4-й, 59-й и 52-й армий. При этом повсеместное геройство проявляли не

отдельные воины, а целые подразделения, части и соединения. Ненависть к врагу, стремление во что бы то ни стало выполнить приказ Родины были общим настроением, и они помогали преодолевать упорство врага, жестокости боя, невзгоды, плохую погоду. За ходом этих боев непрерывно следил Верховный Главнокомандующий.

В итоге нашим войскам удалось пробить узкую брешь в немецком капкане и спасти значительную часть окруженной 2-й ударной армии. Однако, несмотря на все принятые меры с привлечением партизан, специальных отрядов, парашютных групп и прочих мероприятий, изъять из кольца окружения Власова нам не удалось. И не удалось сделать прежде всего потому, что этого не хотел сам Власов».

Как видите, написано тоже не густо, но зато чрезвычайно брехливо, и то, что эта брехня согласована после войны с маршалом Мерецковым, дела не меняет. Мерецков тоже врет, вложив в уста Сталину слова, которые тот якобы сказал 8 июня: «Во что бы то ни стало выволить 2-ю ударную из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники».

Сталин дал другой приказ, и его смысл виден из директивы, которую Василевский и Мерецков дали генералу Власову 9 июня. Но о ней несколько ниже, а пока процитирую пункт в этой директиве: «Особо предупреждаю Военный совет 2-й ударной армии о персональной ответственности за планомерность и четкость проведения операции по выводу войск армии в резерв фронта. Принять все меры к тому, чтобы все войска выходили организованно в составе своих частей и подразделений, чтобы все оружие, вся боевая техника и все военное имущество были выведены и вывезены с оставляемой территории. Ничего врагу не оставлять. Предупредить об ответственности за военное имущество и боевую технику всех командиров и комиссаров частей». Как видите, из документов следует, что ни о каком оставлении оружия врагу и речи не было!

И даже через две недели, 23 июня, после полного провала задачи, поставленной Сталиным, штаб Волховского фронта доносил в Генштаб: «3. 2-я ударная армия провела следующие подготовительные мероприятия к выводу материальной части и автотранспорта. Артиллерия частью погружена на площадки узкоколейной ж.д., частью обеспечена прицепами, автотранспортом и горючим. Автотранспорт в

составе 1300 машин разбит на эшелоны (из них 75 % снабжены горючим). Подготовлены щиты для перекрытия разрушенных участков дорог при следовании в пути».

И только 26 июня начальник штаба Волховского фронта упомянул: «После того, как в войсках армии началось стихийное уничтожение техники, обстановка продолжала ухудшаться. С 23 июня 1942 г. командарм отдал устное распоряжение всем начальникам родов войск и командирам соединений уничтожить всю технику армии. С получением этого распоряжения началось массовое уничтожение и порча матчасти, вооружения, автотранспорта, средств связи и оставшихся боеприпасов и разного имущества. В течение 23 и 24 июня 1942 г. всюду наблюдались пожары и взрывы. 24 июня начальники родов войск доложили командарму о том, что техника армии была уничтожена. Только незначительная часть орудий и автомашин попали в руки врага в исправном виде».

Еще брехня Василевского. В окружении оказалось 7 стрелковых дивизий и 6 стрелковых бригад 2-й ударной армии, кроме этого, танковые, артиллерийские, инженерные и другие части армейского назначения. Поэтому, даже с учетом потерь, численность 2-й ударной была более 100 тысяч человек. А всего из окружения вышло около 13 тысяч человек, включая вывезенных раненых. Это, по Василевскому, «значительная часть». Да, очень значительная...

То есть свой полководческий маразм в качестве представителя Ставки Василевский выдает за «блестящее» исполнение задачи, якобы поставленной Сталиным.

На самом деле, Сталин приказывал не это, — да кто же в своем уме даст приказ просто «выходить из окружения» такой громадной силище, какой являлась 2-я ударная? Как следует из директивы № 00333/0п, данной Мерецковым Власову 9 июня, т. е. на второй день после получения задачи от Сталина, 2-я ударная и 59-я армии должны были в 2 часа ночи 10 июня совместным ударом навстречу друг другу уничтожить немецкие войска, отрезавшие 2-ю ударную от 59-й армии, а затем, последовательно отходя на три рубежа, 2-я ударная должна была сосредоточиться в тылу 59-й армии и, пополняясь, находиться в резерве Волховского фронта. Эту директиву Мерецков послал Власову в 14:00 9 июня 1942 года, предупредив в пункте 8: «Лично вам руководить операцией войск 2-й ударной армии по прорыву, очищению

прохода и обеспечению его флангов в пределах поставленной задачи. Руководство подготовкой промежуточных рубежей, контроль за своевременностью занятия их войсками прикрития и обороны на них в пределах установленных вами сроков персонально возложить на заместителя командующего армией генерал-майора Алферьева».

Чуть позже, чтобы взбодрить Власова, полководцы шлют ему еще одно указание:

«Директивой фронта № 00333/Оп на вас возложена исключительно важная задача, за выполнением которой лично следит товарищ Сталин. Операция, выполняемая вами, будет проведена и завершена успешно только тогда, когда каждый командир и политработник будут на своих местах, будут жестоко держать подчиненные войска в своих руках, будут спокойно, твердо и уверенно управлять ими.

Всеми мерами, не считаясь ни с чем, не допускать возникновения паники. И, наоборот, всех бойцов, командиров и политработников, отличившихся в деле организации и осуществления отвода войск, брать на учет и немедленно представлять к правительственной награде.

Я, совместно с генерал-полковником Василевским, буду находиться на КП 59-й армии.

По ознакомлению уничтожить. МЕРЕЦКОВ, ЗАПОРОЖЕЦ, СТЕЛЬМАХ».

В ответ в 22:00 9 июня Власов присылает Военному совету Волховского фронта донесение:

«1. Наступление противника, батальон пехоты с 10–13 танками, на участке 92 сд продолжается. Нами подбито 4 танка противника. На участке 327 сд противник продолжает наступление, непрерывно подбрасывая резервы из Вдицко. 10 танков противника из района 1,5 км восточнее Восход в течение 9 июня с.г. обстреливали боевые порядки 1102 сп. Кроме этого отмечается 10 танков противника в районе Финев Луг. Авиация противника 9 июня 1942 г. трижды бомбила район Новая Кересть, КП армии и боевые порядки войск. Имеются потери.

Войска армии, оказывая упорное сопротивление наступающему противнику, продолжают удерживать занимаемый рубеж. Войска

восточной группы без изменений в готовности к наступлению. ВЛАСОВ, ЗУЕВ, ВИНОГРАДОВ».

Как хотите, но то, что из 7 дивизий и 6 бригад Власов сообщил обстановку только у двух дивизий, причем, какую-то чепуху про то, как батальон немцев непрерывно обижает целую нашу дивизию, и молчит о положении на фронте у остальных соединений армии, говорит о том, что Власов либо совершенно не имел сведений, что происходит у него в армии, либо уже умышленно ею не управлял. К этой мысли приходишь, когда видишь, что Власов в ответ на сообщение командующего фронтом о том, что Мерецков выехал из штаба фронта на командный пункт 59-й армии, чтобы лично контролировать прорыв, не сообщил, что он сам выехал на КП восточной группы, чтобы лично руководить ее наступлением. А ведь это Власову было прямо приказано!

В результате, как сетует Мерецков: «Сигнал к наступлению дали на рассвете 10 июня. Артиллерия произвела короткую подготовку. Танки и пехота двинулись в атаку. Кажется, все было продумано и предусмотрено. Но успеха не получилось».

Ну, теперь уж должно было стать понятным, что Власов не командует войсками? Почему же не вылетели во 2-ю ударную и не взяли командование на себя? Положим, Мерецков командовал фронтом, но ведь Василевский все равно без дела сидел, почему же не бросился организовывать сражение 2-й ударной?

Умники мне скажут — а если бы он, начальник Генштаба РККА, попал в плен? А зачем ему было попадать в плен, у него что — пистолета не было? Генерал Ефремов, даже тяжело раненный, сумел застрелиться. Но если бы Василевский возглавил 2-ю ударную армию, то ведь, возможно, спас бы 100 тысяч советских солдат, а так просидел в штабе Мерецкова, давая Власову «на деревню дедушке» директивы, указания, информацию и наблюдая, как через узкий коридор выходит «значительная часть» армии без техники и оружия.

И уверен, что именно из-за своей позорной роли Василевский так скупо описал историю гибели 2-й ударной. Со мною не согласятся и скажут, что это из-за предателя Власова, вон и в энциклопедии о нем ничего не написано. Ну, хорошо, давайте рассмотрим эпизод той войны, в котором Василевский лично участвовал, но откровенных предателей в той ситуации не было.

Демянский котел

К концу февраля 1942 года четыре армии Северо-Западного фронта, в том числе две ударные (3-я и 4-я), окружили под Демянском немецкий 2-й армейский корпус — около 100 тысяч немцев. Теперь предстояло окруженных уничтожить или принудить сдаться. Для этого Ставка и послала под Демянск полководца Василевского. Энциклопедия об итогах полководческой деятельности Василевского пишет так: «Противнику удалось 23 апреля разорвать кольцо окружения. Образовался так называемый рамушевский (по названию села Рамушево) коридор шириной к концу апреля 6–8 км. Предпринимавшиеся с 3 по 20 мая попытки войск Северо-Западного фронта замкнуть коридор и ликвидировать демянскую группировку противника успеха не имели».

И немцы в этом котле сидели год, и лишь в начале 1943 года прорвались из него, правда, не без потерь. Ну и сколько же написал маршал Василевский об этой операции, в которой блеснул его полководческий талант? А вот сколько: «С середины апреля и до 8 мая 1942 года я, выполняя задания Ставки, находился в войсках Северо-Западного фронта и вместе с его командованием решал задачу ликвидации окруженной демянской группировки фашистов». И это все.

Что интересно, согласно цитируемой энциклопедии, одной из причин, почему Василевскому не удалось уничтожить 100-тысячную группировку немцев под Демянском, была лесисто-болотистая местность: «Большие трудности для действий фронта создавали лесисто-болотистая местность и глубокий снежный покров». А одной из причин, почему Василевскому не удалось сохранить для РККА 2-ю ударную армию, а для советского народа 100 тысяч советских мужчин, тоже была лесисто-болотистая местность. Штаб Волховского фронта так и докладывал: «В результате активных действий противника в лесисто-болотистой местности путем охвата наших флангов... противнику удалось... вклиниться в нашу оборону...». У людей попроще в ходу поговорка, что плохому танцору и яйца мешают, а для данного случая ее можно было бы перефразировать для тех

полководцев, которым лесисто-болотистая местность и наступать, и обороняться мешает.

Вы мне скажете, что КПСС запрещала нашим доблестным маршалам уделять много внимания неудачным операциям, вот Василевский и поскупился на подробности, в частности, не привел ни одного документа и о том, как Сталин оценил его, Василевского, деятельность под Демянском.

Крымский фронт

Но это ведь не единственная неудачная операция Красной Армии, были и другие. Вот, в частности, Крымский фронт на Керченском полуострове в 1942 году имел в своем составе три армии, среди которых ни одной ударной, т. е. меньше, чем у Василевского было под Демянском, а противостоял ему не корпус, а 11-я немецкая армия и румыны. Энциклопедия скупо сообщает: «27 февраля—13 апреля 1942 года Крымский фронт трижды проводил наступление с целью оказать помощь войскам Севастопольского оборонительного района, но был вынужден перейти к обороне... В мае 1942 года войска фронта были вынуждены оставить Керченский полуостров и эвакуироваться на Таманский полуостров».

Казалось бы, что Василевский должен был бы сообщить об операциях в Керчи еще меньше, чем о своем сидении под Демянском. Но посмотрите, сколько он написал.

«Из ежедневных разговоров с начальником Генерального штаба и из докладов работников Оперативного управления мне было известно, что предпринимаемые в то время Крымским фронтом попытки с Керченского полуострова освободить весь Крым, несмотря на большое превосходство в силах над противником, закончились неудачей. Ставка приказала фронту во второй половине апреля прекратить наступление и организовать прочную, глубоко эшелонированную оборону. В распоряжении Крымского фронта была тогда двадцать одна стрелковая дивизия, 3577 орудий и минометов, 347 танков, 400 самолетов (175 истребителей и 225 бомбардировщиков). Враг же имел здесь десять с половиной пехотных дивизий, 2472 орудия и миномета, 180 танков и тоже до 400 самолетов. Таким образом, наше превосходство было налицо.

24 апреля И.В. Сталин по телефону сообщил мне, что напряженнейшая работа подорвала здоровье Б.М. Шапошникова и что Ставка в связи с этим вынуждена освободить его от работы, дать ему возможность подлечиться, отдохнуть, что принято решение временно исполнение обязанностей начальника Генерального штаба возложить на меня, освободив меня от непосредственного руководства

Оперативным управлением Генштаба. Вечером того же дня для меня был передан в штаб Северо-Западного фронта приказ наркома обороны об этом, а 26 апреля мне было присвоено звание генерал-полковника...

Несмотря на то что превосходство в силах у войск нашего Крымского фронта над врагом было значительным, 8 мая немецко-фашистские войска нанесли удар в Крыму на Керченском полуострове вдоль побережья Черного моря, прорвали оборону в полосе 44-й армии и вклинились в глубину на расстояние до 8 км.

9 мая я получил указание И.В. Сталина немедленно вернуться в Москву.

К вечеру первого дня наступления врага Верховный Главнокомандующий получил от Л.З. Мехлиса, являвшегося тогда представителем Ставки Верховного Главнокомандования при руководстве и в войсках Крымского фронта, телеграмму следующего содержания:

«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указание армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начальством, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопrotивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

В ответе Мехлису Верховный писал:

«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то,

что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте».

В течение двух дней почти все войска Крымского фронта оказались втянутыми в бой. Утром 10 мая Ставка приказала отвести войска фронта на линию Турецкого вала и организовать там оборону, но командование фронта, не выполнив приказ Ставки, затянуло отвод на двое суток и к тому же не сумело правильно организовать его. В результате враг 14 мая прорвался к окраинам Керчи. Начались отход наших войск на восток и переправа через Керченский пролив на Таманский полуостров. Войска несли большие потери.

Ставка детально изучила ход Керченской операции. Мы пришли к выводу, что руководство войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова, члена военного совета дивизионного комиссара Ф.А. Шаманина, начальника штаба генерал-майора П.П. Вечного и представителя Ставки Верховного Главнокомандования армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса было явно несостоятельным.

Поражение в Керчи было досадным и несло за собой тяжелые последствия для Севастополя. Поэтому Ставка отнеслась к этому чрезвычайно строго. В своей директиве от 4 июня 1942 года она указывала: «Основная причина провала Керченской операции заключается в том, что командование фронта — Козлов, Шаманин, Вечный, представитель Ставки Мехлис, командующие армиями фронта, и особенно 44-й армии — генерал-лейтенант Черняк и 47-й армии — генерал-майор Колганов, обнаружили полное непонимание

природы современной войны...». Далее конкретно указывалось, в чем это выразилось. Командование Крымского фронта растянуло дивизии в одну линию, не считаясь с открытым равнинным характером местности, вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику; вторых и третьих эшелонов, не говоря уже о резервах в глубине, не было создано, а потому после прорыва противником линии фронта командование не сумело противопоставить достаточные силы врагу, своевременно задержать его наступление, а затем и ликвидировать прорыв. Командование фронта в первые же часы наступления противника выпустило из рук управление войсками, ибо первым же налетом авиация врага разбомбила хорошо известные ей и длительное время не сменявшиеся командные пункты фронта и армий, нарушила проволочную связь, расстроила узлы связи. По преступной халатности штаба фронта о радиосвязи и других средствах связи забыли. Командование фронта не организовало взаимодействия армий и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Отвод войск происходил неорганизованно.

В директиве давался анализ тактики врага, совершенно не разгаданной командованием фронта. «Противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, — говорилось в ней, — сознательно вел себя пассивно против правого нашего фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, остававшихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и т. Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки, начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделения достаточных арьергардов, не установило этапов отхода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей».

Ставка резко осудила метод руководства войсками со стороны командования фронта и Л.З. Мехлиса. Называя этот метод бюрократическим и бумажным, Ставка считала его второй причиной неудач наших войск на Керченском полуострове.

«Т.т. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчивается их обязанность по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Как показал разбор хода операции, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии». Такой факт имел место с приказом для 51-й армии, ей было приказано прикрыть отвод всех сил фронта на Турецкий вал. Однако приказ даже не был доставлен командарму. «В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях военного совета».

Третьей причиной неудач на Керченском полуострове Ставка считала недисциплинированность Козлова и Мехлиса, которые нарушили указание Ставки и не обеспечили его выполнения, не обеспечили своевременный отвод войск за Турецкий вал. Опоздание на два дня с отводом войск явилось губительным для исхода всей операции. Ставка строго взыскала с виновных, сняла их с занимаемых постов, снизила в воинских званиях. Ставка потребовала от командующих и военных советов всех фронтов и армий, чтобы они извлекли уроки из этих ошибок:

«Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил с авиацией. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей

приказов, а бывал почаще в войсках, в армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав, комиссары и политработники до конца выкорчевали элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров».

Потеря Керченского полуострова поставила в исключительно тяжелое положение наши войска, защищавшие Севастопольский оборонительный район. Против них теперь были повернуты все силы 11-й немецкой армии. 250 огненных дней и ночей продолжалась оборона героического города. В начале июля 1942 года, когда выяснилось, что третье наступление врага отразить не удастся, часть защитников Севастополя была эвакуирована на Черноморское побережье Кавказа. Но на берегу оставалось еще немало бойцов, которые продолжали самоотверженную борьбу вплоть до 9 июля. Отдельные подразделения ушли к крымским партизанам и продолжали там борьбу. Военная обстановка на южном крыле советско-германского фронта изменилась в пользу врага после овладения им Крымом». [Конец цитаты.]

Почувствовали разницу в описании операций той войны? О Крыме Василевский чуть ли не диссертацию написал. Оказывается, Ставка, если верить Василевскому, раньше не изучала причины провала операций по отводу 2-й ударной армии и по ликвидации Демянской группировки немцев, то тут опомнилась, все изучила и нашла виноватого — представителя Ставки Л.З. Мехлиса.

Мехлис, оказывается, не сделал то, Мехлис не сделал се, короче — один Мехлис виноват, потому что не слушал мудрых указаний московского полководца Василевского по отводу войск за Турецкий вал.

Давайте об этом. Немцы начали громить Крымский фронт 8 мая 1942 года, приказ Ставки, исполненный и.о. начальника Генштаба Василевским, был послан Крымфронту 9 мая, а немцы захватили Турецкий вал 10 мая. Так кто начал «отвод с опозданием на двое суток» — Мехлис или Василевский? В своей директиве, анализирующей разгром Крымфронта, Ставка, как вы прочли выше, совершенно правильно учит: «...издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в

организации помощи войскам...». Согласно этим нудным указаниям, чтобы выполнить приказ Ставки по отводу войск за Турецкий вал, Мехлису и Козлову нужно было выехать в войска, но Василевский в пункт 7 этого приказа вписал: «Решительно возражаем против выезда Козлова и Мехлиса в группу Львова» — туда, откуда Крымфронт должен был нанести контрудар по немцам. Однако, как видите, «анализируя» причины поражения Крымфронта, Ставка глубокомысленно назвала метод руководства Мехлиса «бюрократическим и бумажным». А из Москвы, за две тысячи километров указывать командующему фронтом в разгар сражения, где тому находиться, — это не бюрократия?

Бросающаяся в глаза ненависть

В любом случае, уже по объему цитаты, в которой Василевский делает все, чтобы обгадить Мехлиса, видно, что маршал Василевский Мехлиса, мягко скажем, очень не любил. И именно поэтому Василевский так мало написал о крупнейшем после Московской битвы сражении 1941 года — о Тихвинских оборонительной и наступательной операциях. Ведь представителем Ставки в этом успешном для РККА сражении был Мехлис, и, что интересно, он организовал победу над немцами как раз в лесисто-болотистой местности. Но об этом позже.

Сведения о Льве Захаровиче Мехлисе мне, к сожалению, придется брать из книги Юрия Рубцова «Alter ego Сталина». К сожалению потому, что автор о себе радостно пишет: «Лет десять назад, в конце 80-х, оценки героя книги были бы, безусловно, не столь жесткими. Не потому, конечно, что автор отличается повышенным конформизмом. Просто все мы за эти минувшие годы необычайно выросли, раздвинули собственные горизонты. Невозможно не ощутить на себе благотворное влияние заметного роста политической культуры общества, приобщения к демократическим ценностям — свободе выражения мысли, отсутствию идеологического прессинга, разномыслию — в противовес бытовавшему у нас единогласию, единодушию и единомыслию».

Опыт мне подсказывает, что читать умствования лица, «приобщенного к демократическим ценностям», глупо, но «за эти минувшие годы» перед лицами, которые «необычайно выросли, раздвинули собственные горизонты», раскрылись двери архивов, и Ю. Рубцов цитирует очень много документов о Л.З. Мехлисе, в связи с чем эти документы стали доступны осмыслению и без его помощи.

Так вот, как явствует из различных фактов, собранных Рубцовым, Мехлиса явно ненавидели большинство из тех, кто входит в стандартный набор «прославленных полководцев» РККА. Точно так же, как и Василевский, Мехлиса не любил маршал Жуков (хотя я не встречал, подчеркну это, никаких упоминаний о том, что Мехлис имел хоть малейшие конфликты с ними обоими). В противном случае нельзя

объяснить, почему Жуков в своих мемуарах включил Мехлиса в эпизод, в котором маршал доблестно врет читателям о причинах своего снятия с должности начальника Генштаба РККА.

Такое же, к примеру, отношение к Мехлису маршала Конева. «Вот что, например, рассказал в 1965 году Маршал Советского Союза Конев писателю Константину Симонову. При назначении на Степной фронт Сталин вдруг заинтересовался, как Иван Степанович оценивает тогдашнего начальника штаба фронта генерала М.В. Захарова. Конев положительно отзывался о Захарове, его поддержал и присутствовавший при разговоре маршал Жуков. «Тогда Сталин расхохотался, — продолжал рассказ И.С. Конев, — и говорит:

— Ну вот, видите, какие мнения — высоко оцениваете его, хороший начальник штаба, а Мехлис поставил вопрос о его снятии, о том, что он ему не доверяет.

Так... я узнал, — заметил маршал, — еще об одном очередном художестве Мехлиса».

В связи с этим интересно, знал ли Сталин о художестве самого Конева, ведь Конев вынужден был бить морду своему начальнику штаба, будущему маршалу М.В. Захарову. О нравах штаба Конева вспоминает генерал-полковник Г.Ф. Байдуков, командовавший авиадивизией в составе Калининского фронта: «Вызвали на Военный совет фронта. Прибыли. Из избы выходит Матвей Захаров, начальник штаба, будущий маршал Советского Союза, вытирает кровь из носа: «Ударил, сволочь!»

Так что Мехлис, может быть, и не сильно ошибался, не веря в этого полководца с битой мордой, но в данном случае характерно не это, а, казалось бы, немотивированная неприязнь Конева к Мехлису.

А вот Рубцов приводит воспоминания главного снабженца советских солдат, Начальника тыла Красной Армии, генерала А.В. Хрулева. «Хрулев приводит пример, когда на одном из совещаний с участием командующих и членов ВС фронтов Сталин задал вопрос, есть ли у кого претензии к материальному обеспечению? Промолчали все. «Только Мехлис сказал, — вспоминает мемуарист, — что тыл очень плохо работает, не обеспечивает войска полностью продуктами...». Гневный Сталин тут же вызвал на совещание Хрулева, предложил объясниться. Начальник тыла осмелился поинтересоваться,

кто жалуется и на что? «А как вы сами думаете?», — последовал встречный вопрос.

Хрулев пишет далее: «Отвечаю: «Скорее всего, это Мехлис». Как только я произнес эти слова, в кабинете раздался взрыв хохота». Он еще более усилился, когда по требованию Верховного Главнокомандующего Мехлис изложил суть претензий: «Вы все время нам не отпускаете лавровый лист, уксус, перец, горчицу». Тут и Сталину стала ясна вздорность претензий Льва Захаровича».

Что-то я в данном случае не верю в эту байку Хрулева ни на копейку. Даже при подготовке Берлинской операции Сталин не вызывал к себе Рокоссовского, Жукова и Конева одновременно и, тем более, с членами Военных советов — ведь это же означало бы, что Сталин обезглавил бы сразу три фронта. Так что это «одно из совещаний» — выдумка Хрулева.

Надо понять, что Мехлис очень портил жизнь Хрулеву такими телеграммами: «...Проверив положение в 4-й армии, Мехлис телеграфирует 4 января начальнику тыла Красной Армии генералу Хрулеву: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2 января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса — 0, овощей — 0, консервов — 0, сухарей — 0... Кое-где хлеба выдают по 200 грамм... Что здесь — безрукость или сознательная вражеская работа?» И уж лучше бы Хрулев в качестве примера привел именно это требование Мехлиса, поскольку примером с уксусом и перцем он выставил себя некомпетентным идиотом.

Дело в том, что основной пищей солдата являются мучные продукты, как наиболее калорийные, и мясо. Но это пресные продукты, и без кислоты и специй они очень быстро начинают плохо усваиваться организмом, они приедаются. В мирной жизни необходимое количество кислот мы получаем из овощей, особенно квашеных, Запад — с сухим вином. Но за войсками не потащишь бочки с квашеной капустой и солеными огурцами, во время войны такие деликатесы ели только наши прославленные полководцы. А как быть с солдатской потребностью в пищевой кислоте, с тем, чтобы хлеб и каша ему не приедались?

Начиная с Петра I, очень долгое время царь обязан был поставлять солдатам только хлеб и крупу, грубо — около килограмма хлеба в пересчете на муку и 100 грамм крупы в сутки. На остальное

давались деньги, и солдаты артелью закупали овощи, мясо и прочее. В мирное время они сами сажали огороды. Но уже с 1846 года к обязательной выдаче солдатам подлежали: 22 грамма соли, 1 грамм перца и 62 грамма уксуса в сутки. А во флоте, в плавании, уксуса давалось полбутылки в сутки на матроса.

В пятом издании «Справочной книжки для офицеров», отпечатанной в 1913 году, в разделе «Продовольствие в военное время» черным по белому вписано: «2) Сверх всего этого командирами корпусов и равными по власти может быть для сохранения здоровья людей отпущено (в расчете на сутки и в пересчете на граммы): уксуса — 62 грамма; лимонной кислоты — 1 грамм».

Вот и смотрите: политический комиссар Мехлис это знает, а тот полководец, кто за снабжение солдат Красной Армии едой получал деньги и ордена, — и после войны «не в курсе дела».

Интересно и другое. Мехлис до мая 1942 года был на фронтах представителем Ставки Верховного Главнокомандования, но ведь и полководцы Василевский с Жуковым тоже были в этих же должностях. Что же это они не испытывают по отношению к Мехлису хотя бы профессиональной солидарности?

Представители Ставки

Давайте немного о представителях Ставки. Дело в том, что все они после войны возглавили Советскую Армию, а бывшие командующие фронтами были у них в подчинении. Посему командующему фронтом нужно было иметь определенное мужество, чтобы в своих мемуарах рассказать то, что он к этим представителям испытывал во время войны. Я такое мужество встретил только у маршала Рокоссовского, да и то эту часть его воспоминаний цензура вырезала. А он писал:

«Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием — представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронтом, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, который часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от ее представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций. Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего, при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывала комфронтом, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии к командующему фронтом со стороны Ставки ВГК.

...Подводя некоторые итоги оборонительного сражения на Курской дуге войск Центрального фронта, мне хочется отметить характерные моменты, о которых я и раньше упоминал, поскольку считаю их принципиальными, и они меня всегда беспокоили. Первый из них — роль представителей Ставки. У нас был Г.К. Жуков. Прибыл он к нам вечером накануне битвы, ознакомился с обстановкой. Когда

зашел вопрос об открытии артиллерийской контрподготовки, он поступил правильно, поручив решение этого вопроса командующему фронтом.

Утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твердо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал.

Был здесь представитель Ставки или не было бы его — от этого ничего не изменилось, а, возможно, даже ухудшилось. К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве, то направляемую к нам 27-ю армию генерала С.Т. Трофименко не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение.

К этому времени у меня сложилось твердое убеждение, что ему, как заместителю Верховного Главнокомандующего, полезнее было бы находиться в Ставке ВГК». Короче, сидел бы ты лучше в Москве, полководец Жуков!

Что-то мне подсказывает, что такое же отношение к представителям Ставки было у всех командующих фронтами, — лучше бы они все сидели в Москве! И подсказывает вот почему. Почти все эти представители написали мемуары, и ни один из них не вспомнил случая, чтобы какой-то командующий фронтом просил Сталина задержать этого представителя Ставки у него на фронте. Хотя бы на час. Если бы такое было, то эти представители вспомнили бы об этом обязательно. Как мне кажется, как только представитель Ставки, сытно поев и выпив на посошок, садился в машину, командующий фронтом вместе со штабом радостно крестились.

Так вот, Мехлис в конце Тихвинской наступательной операции оказался представителем Ставки и не только что образованном Волховском фронте, которым командовал тогда генерал Мерецков. Характеризуя Мехлиса, уже маршал Мерецков, казалось бы, и хочет сказать о нем правду, но в то же время вынужден его обгадить: «Это был человек честный, смелый, но склонный к подозрительности и очень грубый... Он воспринимал все весьма упрощенно и прямолинейно и того же требовал от других. Способностью быстро переориентироваться в часто меняющейся военной обстановке он не

обладал и наличие этой способности у других рассматривал как недопустимое по его понятиям «применение к обстоятельствам».

Что значит это мерецковское «очень грубый»? Грубее остальных полководцев Красной Армии?

Вот, скажем, начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в своем дневнике за 1941–1942 годы ни разу не вспомнил о советском полководце Жукове, — это в понимании немцев был такой полководец, фамилию которого не было смысла запоминать. А вот о генерале Белове и его кавалерийском корпусе Гальдер вспоминает аж семь раз: здорово 1-й Гвардейский кавкорпус попортил немцам крови. И вот как описывает в своих воспоминаниях полковник А.К. Кононенко визит заместителя командующего Западным фронтом Жукова, генерала Г.Ф. Захарова в штаб 1-го Гвардейского кавкорпуса:

«Злоба туманила его и так не весьма ясный рассудок. Захаров говорил, то повышая тон, то снижая его до шепота с каким-то змеиным присвистом, злоба кипела и клокотала в нем...

«Меня прислали сюда, — сказал Захаров, — чтобы я заставил выполнить задачу любыми средствами, и я заставлю вас ее выполнить, хотя бы мне пришлось для этого перестрелять половину вашего корпуса. Речь может идти лишь о том, как выполнить задачу, а не о том, что необходимо для ее выполнения»...

Он по очереди вызывал к телефону командиров полков и дивизий, атаковавших шоссе, и, оскорбляя их самыми отборными ругательствами, кричал: «Не прорвешься сегодня через шоссе — расстреляю!»

Он приказал судить и немедленно расстрелять пять командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе... Этот человек, который по ошибке стал военачальником, природой предназначался на роль палача или пациента нервно-психиатрической клиники...».

19 сентября 1941 года член Военного совета 13-й армии Ганенко написал Сталину письмо с жалобой на командующего Брянским фронтом прославленного полководца Еременко:

«...Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины.

На мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожая расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но

унижать достоинство коммуниста и депутата Верховного Совета не имеет права. Тогда Еременко вынул «маузер», но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После этого он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства. Несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову...».

А вот письмо представителя Ставки маршала артиллерии Воронова Сталину, который во время войны имел кодовые псевдонимы, в данном случае — Иванов.

«Москва. Тов. Иванову.

Вынужден Вам доложить следующее. За два года войны единственный командующий фронтом — это генерал армии т. Конев никогда не бывает доволен работой своих командующих артиллерией фронта, всегда с ними груб и нетактичен, всегда их третирует в присутствии подчиненных, всегда стремится использовать «на побегушках», не хочет видеть в командующем артиллерии фронта своего заместителя и ближайшего помощника, до сих пор не хочет понять, что командующий артиллерией фронта — крупная величина во фронте и от его работы зависит очень многое. Обычно тов. Конев не хочет заслушать своего артиллериста, сам все решает, сам всех дергает и делает вид, что он все знает.

За эти же два года, как правило, командующие артиллерией фронта, работающие в подчинении тов. Конева, просили у меня перевода на любую должность, лишь бы избавиться от совместной службы с тов. Коневым. Так было с генерал-майором артиллерии т. Матвеевым, генерал-лейтенантом артиллерии т. Ничковым, генерал-полковником артиллерии тов. Камера, и вот вчера получил ходатайство от командующего артиллерией Степного фронта генерал-лейтенанта артиллерии тов. Фомина. До работы с тов. Коневым тов. Фомин считался знающим и умеющим воевать командиром, очень опытным, твердым, волевым и умеющим организовать бой командиром. Вот, что он пишет мне в своем письме: «Бранит меня, еще более мой аппарат и артиллеристов вообще. Вынужден доложить, что в такой атмосфере я работать не могу и по-честному докладываю, что зря занимаю здесь место. Такого я еще не видал. Не успел я дописать письмо, как случилось из ряда вон выходящее: план артнаступления на один из

дней августа в 53 армии, где я был сам, найден т. Коневым... преступным. Генерал Лебедев (командующий артиллерией 53 армии) был выгнан, я при всех был матерно выруган, назван обманщиком и еще бог знает кем, и сейчас жду приезда прокурора, который и меня, и Лебедева должен «упечь» под суд. Слушать меня Конев не захотел, заявил, что не верит мне. Сцена была унижительная и оскорбительная до самых человеческих, командирских и артиллерийских глубин (ведь план был, конечно, грамотен). Все это произошло потому, что пехота замедлила с выполнением задачи дня. Через 2 часа после происшедшего оказалось, что пехота задачу выполнила, благополучно заняв указанные ей пункты и села. Подобного издевательства и хамства я еще не видел вообще. Сейчас я совершенно выбит и просто не знаю, что же мне делать. Ясно только одно, что здесь я не могу оставаться. Исключительно тяжело сознавать, что все это произошло в период успешного прохождения Харьковской операции. Прошу просьбу удовлетворить, если до получения Вашего решения я не буду съеден этим взбалмошным, совершенно распоясавшимся человеком.

Тов. Иванов. Я Вас прошу дать указания тов. Коневу о немедленной перестройке вообще своих отношений с подчиненными и генералами и особенно с генералами-артиллеристами. Ведь должен же тов. Конев, в конце концов, понять, что Харьковскую операцию он успешно решил не штыком и винтовкой, а артиллерией, минометами, танками и авиацией, что собранные под руководством Конева артиллерийские генералы не меньше т. Конева преданы Родине и жаждут победы и что артиллерия работала в Степном фронте и работает хорошо не только благодаря крупным артиллерийским познаниям самого тов. Конева. Пора же положить конец незаслуженным издевательствам над генералами со стороны т. Конева. Очень прошу для подтверждения моего вам доклада хотя бы по телефону опросить тов. Камера о его совместной работе с т. Коневым, он вам должен сказать всю правду. Дальше терпеть нельзя, так как такие взаимоотношения тов. Конева с подчиненными прямо вред делу.

Прошу Вашего разрешения отозвать тов. Фомина, но я затрудняюсь в данное время доложить Вам новую кандидатуру, который бы мог работать с тов. Коневым.

Воронов».

3.9.43 г.».

Так что — Мехлис был таким же грубым, как и эти коллеги Мерецкова, к которым у Мерецкова нет претензий? Да нет, что-то не похоже, поскольку на самом деле Мехлис учил подчиненных ему политработников, что командир «должен быть справедливым отцом бойца. Не допускать незаконных репрессий, рукоприкладства, самосудов и сплошного мата». «Подчинять людей, не унижая их», — требовал он.

Но в оценке Мехлиса Мерецковым главное не это, главное то, что Мерецков в своих мемуарах «забыл» вспомнить, что когда Тихвинская наступательная операция закончилась и Сталин решил забрать с Волховского фронта представителя Ставки Мехлиса (чтобы направить его на Крымский фронт), то Мерецков 5 января 1942 года обратился к Сталину с просьбой оставить Мехлиса на Волховском фронте, и Сталин уважил просьбу и продлил Мехлису командировку до 13 января. Это **единственный** известный мне случай, когда командующий фронтом хотел, чтобы представитель Ставки был у него на фронте! И если говорить в принципе — «по-крупному», то тут есть одно объяснение: Мехлис за всю войну был **единственным настоящим** представителем Ставки Верховного Главнокомандования, а все остальные «представители» были всего лишь генерал-адъютантами Сталина, а чтобы дотянуться до «представителя Ставки», им не хватало ни культуры, ни храбрости, ни смелости, ни честности, ни любви к своей Родине.

Теперь давайте немного об этих подробностях.

О храбрости полководцев

Напомню, что храбрость — это способность человека действовать в условиях непосредственной опасности для жизни, а смелость — это способность принимать рискованные решения. Конечно, если человек трус, то в условиях непосредственной опасности для жизни он смелых решений не примет, его, скорее всего, либо парализует страхом, либо он бросится удирать или вымаливать себе жизнь. Но полководцы могут принимать решения и в условиях, когда их жизни ничего не грозит, и вот тут-то им и нужна смелость, но о ней ниже. А сейчас о храбрости наших полководцев.

Дам пример из воспоминаний Толконюка, чтобы было понятно, что такое смелость в сочетании с храбростью. Август 1942 года, 50-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н.Ф. Лебеде́нко, должна была наступать в прорыв, проделанный для нее танковой бригадой.

«После поспешной подготовки и короткого огневого налета началась атака. Бабы́е и Цветки встретили атакующих шквалом огня: из противотанковых орудий, пулеметов и автоматов. Шесть танков загорелось. Но остальные с ходу перевалили оба населенных пункта и скрылись за скатом высоты. Пехота, постепенно отставая от танков, продолжала продвигаться. За бугром простирался лес с большими прогалинами. В центре полосы наступления дивизии виднелась прямоугольная поляна шириной метров восемьсот. Она с обеих сторон ограждалась густым высоким лесом и упиралась тоже в лесной массив, но не очень густой. Поляна тянулась километра на полтора в глубину. Командир дивизии перенес свой наблюдательный пункт к основанию поляны и решил для развития успеха ввести через эту поляну полк второго эшелона. Мы с генералом Никитой Лебеде́нко стояли у разрушенной немецкой землянки, наблюдая за полем боя. Полк густыми цепями вошел на поляну. Его фланги справа и слева едва не упирались в лесные опушки. Вдруг на правом фланге полка вдоль всей опушки взметнулись разноцветные ракеты, и сразу же вся опушка зарыбила вспышками пулеметных и автоматных очередей. Это противник обрушился огнем по правому флангу полка. Полк оказался

под губительным огнем на открытой местности. Пули свистели и над нашими головами.

Я, повинаясь инстинкту самосохранения, плюхнулся на землю, а генерал продолжал стоять, игнорируя опасность. «Ложитесь, товарищ генерал!» — дернул я его за полу шинели. Но он даже не шевельнулся. Пуля сбила фуражку с генеральской седой головы, но он не стал ее поднимать, а, весь как бы загоревшись, не отводил глаз от кипящей боем поляны. Без какой бы то ни было команды, с ходу, правофланговый батальон развернулся вправо и с криком «ура» кинулся на лес, из которого стрекотала свинцовая смерть. После кратковременного жаркого боя полк продолжал наступление вслед за танковой бригадой, далеко уже оторвавшейся от пехоты.

В самый разгар этой неожиданной схватки с врагом я наблюдал, лежа в траве, как пожилой генерал Н.Ф. Лебеденко спокойно стоял под градом пуль, приговаривая: «Оцэ бой! Давно не бачыв такого славного бою...».

Дело не в храбрости Лебеденко, это само собой разумеется, а дело в его смелости: ведь он мгновенно принял рискованное, но единственно верное решение — не ложиться!

Он стоял на виду проходящего мимо него полка, немцы в засаде пристреляли поляну и прицельно могли ее простреливать метров на 400 — это минимум. Если бы полк залег — а это первое, что пришло в голову всем, — то немецкая засада фланговым огнем выбила бы половину полка в лучшем случае. Правильным было решение не ложиться, а броситься на немцев в атаку и преодолеть тот десяток метров, который был от правофлангового батальона до засады. И если бы генерал залег, то залег бы и весь полк, но генерал стоял! Что оставалось офицерам правофлангового батальона, как не скоординировать: «Огонь вправо и вперед!»? Было ли это решение старого генерала осмысленным или уже давно его честь приняла за него смелое решение никогда не ложиться, когда его солдаты атакуют во весь рост, но в любом случае это было смелое решение, и оно резко уменьшило потери полка в том бою.

Я уже об этом неоднократно писал, но это то, что следует подчеркивать каждый раз, — после прихода к власти хрущевцев была дана команда как угодно клеветать на Сталина, но из архивов запрещалось выносить хотя бы строчку документов,

свидетельствующих о трусости, подлости и других негативных качествах не то что советских генералов той войны, но даже офицеров. Кадровое воинство СССР стало вне критики — ее запретила хрущевская цензура.

Но помимо этой была и другая трудность в исследовании вопроса храбрости полководцев. Они были слишком объединены Министерством обороны, они были знакомы друг с другом и посему просто не могли написать о подлости и трусости коллег. Не могли написать это прямо, но ведь многие из них были очень неглупыми людьми, а посему были способны высказать свое отношение к коллегам между строк.

Возьмем, к примеру, их отношение к генералу В.Н. Гордову, Герою Советского Союза. Его в 1950 году расстреляли вместе с маршалом Куликом за создание антисоветской организации, а при Хрущеве, само собой, немедленно реабилитировали и объявили жертвой сталинизма. После этого ну какая цензура разрешила бы нашим полководцам написать правду об этой «жертве сталинизма»? Все обязаны были писать или хорошо, или ничего.

А теперь давайте попробуем прочесть между строк воспоминания двух советских военачальников. Вот воспоминания маршала В.И. Чуйкова «Начало пути», изданные в 1959 году. Прошло всего шесть лет после того, как Гордов был реабилитирован, посему максимум негативного, что цензура разрешила Чуйкову прямо сказать о Гордове, звучит так: «Обстановки на фронте не знает. Он принимал желаемое за действительное...». Вместе с тем, Чуйков почему-то очень подробно описывает, как летом 1942 года 64-я армия, которой он первоначально командовал, по железной дороге выдвигается к Сталинграду и как он по пути заехал в штаб 21-й армии, якобы узнать обстановку. Но эта обстановка ему и даром не была нужна, поскольку его-то армия ехала дальше и даже соседом 21-й никогда не была. Вот и спросите себя, зачем он вставил в свои мемуары вот этот эпизод: «Штаб 21-й армии был на колесах: вся связь, штабная обстановка, включая спальный гарнитур командарма Гордова, — все было на ходу, в автомобилях. Мне не понравилась такая подвижность. Во всем здесь чувствовалась неустойчивость на фронте, отсутствие упорства в бою. Казалось, будто за штабом армии кто-то гонится и, чтобы уйти от преследования, все, с командармом во главе, всегда готовы к движению»? К чему это?

Другого ответа нет — маршал Чуйков между строк внятно заявляет, что Гордов был трус.

А вот посмотрите, как ту же характеристику Гордову между строк дает маршал Рокоссовский. Вот он описывает, как принял Донской фронт, выделенный из Сталинградского фронта, и знакомится с войсками.

«Прибыв на командный пункт 66-й армии, я не застал там командарма. Встретивший меня начальник штаба армии генерал Ф.К. Корженевич доложил, что командарм убыл в войска... Меня несколько удивило, что командующий армией отправился в войска, не дождавшись меня, хотя и знал, что я к нему выехал. Корженевич хотел вызвать командарма на КП, но я сказал, что сам найду его, а заодно и познакомлюсь с частями.

Я побывал на командных пунктах дивизий, полков. Добрался до КП батальона, но и здесь не удалось встретиться с командармом. Сказали, что он находится в одной из рот. Я решил отправиться туда.

Нужно сказать, что в этот день здесь шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка, и было похоже на то, что противник подготавливает вылазку в ответ на атаку, проведенную накануне войсками армии. Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели по полузасыпанным окопам добрал я до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После церемонии официального представления друг другу и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл ему лазать по ротной позиции, и порекомендовал выбрать более подходящее место, откуда будет удобнее управлять войсками. Родион Яковлевич Малиновский замечание выслушал со вниманием. Угрюмое лицо его потеплело.

— Я сам это понимаю, — улыбнулся он. — Да уж очень трудно приходится, начальство нажимает. Вот я и отправился подальше от начальства».

Задайте себе вопрос: зачем Рокоссовский написал, что Малиновский прятался от начальства на передовой? Ведь на момент написания мемуаров Рокоссовским, Р.Я. Малиновский был министром обороны СССР и вполне мог обидеться. И снова остается один ответ — Рокоссовский хотел показать, что то начальство, которое было у Малиновского до него, Рокоссовского, фронта боялось и ближе штаба

армии или дивизии к передовой не подходило. И те, кто это поймут, тут же полюбопытствуют, — а кто же это был начальством Малиновского до Рокоссовского? И выяснится, что это был генерал Гордов. Два маршала эпизодами из 1942 года между строк говорят о Гордове одно и то же — трус. И надо ли искать дополнительные документы о том, за что Сталин снял Гордова с командования Сталинградским фронтом?

Лекарство от страха

Вообще-то нет другого лекарства от страха, кроме наказания, а традиционным наказанием является наказание от собственной совести, но при этом для хорошего эффекта лечения совесть человека должна быть большой и сильной. А если совесть маленькая и хилая или ее вообще нет, то тогда лечиться человеку нечем, тогда его приходится лечить другим людям, но, опять-таки, при помощи того же самого лекарства — наказания.

У людей наказания самые разнообразные: от порки до расстрела, от призыва к совести до снятия с должности. Такой широкий ассортимент обусловлен целью наказания — предотвратить трусость в обществе. И, как и полагается наказанию, его тяжесть зависит от того, насколько эта трусость вредит обществу. За одну и ту же трусость в мирное время могут высмеять, а в военное — расстрелять.

Если наказание не заканчивается смертью наказуемого, то оно имеет две цели: предотвратить собственную трусость наказуемого и явиться примером, предотвращающим трусость других. Если труса казнят, то тогда преследуется только вторая цель.

Следует добавить, что биологически лекарством от страха является не собственно наказание, а тренировки в подавлении собственного страха, при этом угроза наказания всего лишь заставляет тренироваться. Такой вот пример: XVIII век, эпоха Екатерины II, ее бессменный фаворит князь Григорий Потемкин пишет наставления своему внучатому племяннику Николаю Раевскому. Начинаются они словами (выделено мною): «Во-первых, старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость **частым** обхождением с неприятелем...». Это старинный слог разговора, а сегодня сказали бы попроще, т. е. так, как я написал выше — тренируйся в подавлении собственного страха.

Но для массовой армии, комплектуемой из всего народа, несправедливо опираться в боях только на тех, у кого смелость врожденная. Вот поэтому у тех, у кого она не уродилась, храбрость должна взойти от страха наказания за трусость. А дальше тренировки храбрости — и ты честный солдат.

Честный потому, что если ты трус и хочешь, чтобы за тебя на фронте погиб кто-то другой, а ты отсиделся в тылу или в плену, то ты — подлец. И не жалуйся, если тебя расстреляют, поскольку для общества людей уничтожение подлеца — это благо. Еще большим благом является только случай, когда подлец преодолевает свой страх и станет честным человеком. Это, само собой, касается любого человека. Но в тысячу раз больше это касается кадрового военного. Если он трус, но поступил на службу, то, значит, он подлец, к которому не может быть никакой пощады. Ведь он, паразит, в мирное время объедал свой народ, какое же он имеет право трусить во время войны?

Беда, однако, в том, что они, эти кадровые военные, какие ни есть, а все же профессионалы, и перестрелять всех трусов, даже если надо и очень хочется, невозможно. Кое-кого, конечно, расстреливали в назидание другим, но большинство приходилось ставить под контроль их совести более мягкими наказаниями — снятием с должностей.

Беда, однако, и в том, что еще в мирное время каста профессионалов составляет некое братство, по-итальянски, мафию и, так или иначе, поддерживает и выдвигает вверх только «своих», но об этом мы еще поговорим позже. Сталин, безусловно, из нескольких сот тысяч советского офицерства без труда мог бы сам отобрать честных, умных и храбрых кандидатов на должности командующих фронтами и армиями, но для этого он должен был их знать, а это невозможно. Сталин знал только тех генералов, которые крутились возле него или кого он успел заметить по каким-либо причинам, а остальных кандидатов ему подсовывала сама эта мафия.

Вот, к примеру, генерал-лейтенант Д.М. Карбышев. В военных кругах СССР он был широко известен, поскольку преподавал инженерное дело в Академии Генштаба, других академиях и был героем Гражданской войны, в частности, героем Каховского плацдарма, который тогда оборудовался в инженерном отношении под его командой. До войны по своему званию генерал-лейтенанта, Карбышев входил в число первых полутора сотен военачальников страны. И вот 26 августа 1941 года у Сталина состоялся такой разговор с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым.

«Попов. Товарищ Сталин, маленькая просьба.

Сталин. Пожалуйста. Слушаю.

Попов. Если сейчас свободен инженер Карбышев, были бы рады иметь его у себя.

Сталин. Кто он такой? Я его не знаю.

Попов. Генерал-лейтенант инженерных войск, преподаватель Академии Генштаба.

Сталин. Постараюсь удовлетворить вашу просьбу».

Из этого разговора следует, что Сталин первый раз узнал о Карбышеве из этого разговора, более того, он даже не знал, что 8 августа Карбышев, руководя оборудованием оборонительных позиций на Западном фронте, был ранен, контужен и попал в плен.

Но ведь узнать человека — это лишь 1 % дела. Это только повод назначить его на должность. А потом ведь надо проверить, как он работает, для чего нужно получить надежные данные о его работе, а не туфтовые отчеты. Да, в ходе войны люди быстро показывают себя, и Сталин заметил и генерал-майора Рокоссовского, и генерал-майора Горбатова, и даже полковника Черняховского. Но в основном ему приходилось тасовать все ту же засаленную колоду уже известных ему полководцев, в которую новые карты вкладывали в основном сами генералы. Вот и приходилось генералов из этой колоды наказаниями приводить в божеский вид: снимать и снова назначать, и снова снимать, пока одни генералы окончательно отправлялись куда-нибудь в тыловые округа, чтобы не гребали людей на фронте, а другие генералы действительно становились какими-никакими полководцами.

В сборнике «Военно-исторический архив» (№ 10) злобствует на Г.К. Жукова полковник в отставке В.М. Сафир, большей частью по делу, но часто и просто от собственного непонимания затрагиваемых вопросов. Вот он попрекает Жукова жестокостью.

«Допустив грубую ошибку и загнав в ходе Ржевско-Вяземской операции (1942 г.) буквально в западню под Вязьму главные силы 33-й армии, Жуков стал искать «виновных». Нашел быстро: это командир 329-й сд полковник К.М. Андрусенко, которого он, не мешкая, приговорил к расстрелу. Однако несправедливый смертный приговор Президиумом Верховного Совета СССР и на этот раз был отменен. «Недорасстрелянный» же Андрусенко 15 января 1944 г. получил звание Героя Советского Союза (войну окончил командиром 55-й сд)».

А кто сказал, что Андрусенко до приговора (до наказания) и после приговора — это один и тот же человек? Ведь наказание для того и

назначается, чтобы исправить человека. И очень может быть, что Андрусенко до приговора действительно был трус, а после приговора — герой. Говорят же, что за одного битого двух небитых дают. Особенно хорошо видна разница между битым и небитым на примере упомянутого выше генерала Гордова. Но я хотел бы этот пример совместить с назревшим разговором о смелости.

Смелость

Повторю, если человек по своей натуре трус и находится в условиях непосредственной опасности для жизни, то ему уже не до рискованных решений — не до смелости. Но полководцы, принимая рискованные решения (а их боевые приказы являются таковыми по своей сути), редко находятся в условиях непосредственной опасности для жизни и им нужна просто смелость, смелость даже без храбрости. Но вот отдал полководец боевые приказы, а в результате их исполнения не победа, а поражение. Кто виноват? Тот, кто принял эти рискованные решения, — полководец. И что толку в его оправданиях, что противник был силен, что свои войска не обучены или что начальники ему не помогли?

Если генерал действительно полководец, если цель его жизни в победе над врагами, то для него возможность воплотить в бою свое собственное решение — это то, зачем он жил и живет. И такой генерал всю свою жизнь, даже мирную, будет неустанно учиться тому, как воевать, причем учиться будет сам, ему не потребуются для этого училища и академии, как не потребовались они ни одному гитлеровскому фельдмаршалу — ведь в Германии училищ и академий, в советском понимании, просто не было. Такой генерал учится сам, потому что если он в возможном бою примет решение, не зная, как воевать, то это решение закончится крахом и его войск, и его лично.

А если генерал пошел в армию не для того, чтобы воевать, а чтобы иметь большую зарплату и пенсию, красивый мундир и уважение общества, то зачем ему учиться, как побеждать? Тогда ему надо учиться не воевать, а тому, что обеспечит его карьеру в мирное время, — как закончить военное училище, чтобы иметь диплом, обеспечивающий получение офицерского звания, как окончить академию, чтобы ее диплом помог стать генералом, как провести парад или учения, чтобы понравиться начальству, кого, как и в какое место лизнуть, чтобы получить очередное звание, и т. д. и т. п.

Но вот начинается война, и тут сразу же выясняется, что дипломами и погонами противника разбить невозможно, что для принятия решения на бой нужны военные знания, а их-то и нет! И вот

тут возникает страх за последствия своих решений, такой страх, что для смелости уже не остается места, — такого человека переполняют малодушие.

Вот строки из воспоминаний Рокоссовского: «Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из полков 20 тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещалось в ней, — вынудило меня к самоубийству». Как видите, у этого офицера хватило храбрости застрелиться, но не хватило смелости воевать.

Фельдмаршал Кейтель в ходе Нюрнбергского трибунала возмущался Гитлером — тот все время утверждал, что ответственность за действия немецкой армии полностью лежит на нем, главнокомандующем, а когда подошло время отвечать, он просто застрелился и этим переложил ответственность на своего начальника штаба — Кейтеля. Адвокат Кейтеля вспоминал: «Кейтелю даже в самом страшном сне не могло привидеться, что Гитлер избежит ответственности, покончив самоубийством. Уход Гитлера из жизни глубоко потряс Кейтеля, ибо он, самоотверженно борясь до конца, воспринял это как трусость». Но Гитлер не покончил бы с собой и принял бы смерть от петли трибунала, если бы у него было, что достойно трибуналу ответить, однако что отвечать, Гитлер не знал. Это пример того, что где бы то ни было, но малодушие (отсутствие смелости) имеет общие корни — отсутствие знаний для принятия решений.

А вот характерный эпизод из воспоминаний Толконюка. Начало октября 1941 года. Немцы окружают под Вязьмой четыре наши армии. Капитан Толконюк в это время служил в оперативном отделе 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. В один из моментов, когда штаб 19А находился в лесу, отделенном от дороги полем около 300 м шириной, на дорогу выехали немецкие танки с десантом и открыли по лесу огонь. Лукин приказывает собрать всех офицеров штаба, числом около двухсот, и через поле с пистолетами в руках атаковать немецкие танки, а Толконюку поручают командовать правым флангом цепи. Офицеры рассыпались вдоль опушки, и назначенный Лукиным майор поднял цепь в атаку, а сам вернулся в лес. Само собой, изумленные немцы подождали, пока цепь добежит до середины поля, и шквальным огнем расстреляли ее. Оставшиеся в

живых и раненые залегли в бороздах и лежали часа три, пока немцы не ослабили внимание, после чего отползли обратно в лес.

Однако Лукин уже удрал из леса, не оставив для посланных им в бой людей ни связного, ни санитаров. Группа офицеров, среди которых было 12 раненых, не способных ходить, и до десятка легкораненых, остались и без командира, и без приказа, но они пока еще были связаны дисциплиной и, следовательно, стояли перед необходимостью разыскать свой штаб. Чтобы действовать вместе, им, как людям военным, требовался командир, но этот командир стал бы отвечать за судьбу всех. И вот тут случилась интересная ситуация, которую Толконюк вряд ли выдумал.

«— Пробираться к своим войскам, — предлагали одни. — Искать штаб, — высказывались другие. — Разбиться на группы по два-три человека и лесами идти на восток, — раздавались голоса. — А как же мы? — забеспокоились тяжело раненные.

Выслушав такую разноголосицу, я снова взял слово: «Так мы ничего не решим. Прения разводить не время и не место. Здесь требуется единая воля, которой все должны беспрекословно повиноваться. Среди нас есть старшие по званию товарищи: одному из них и следует взять на себя командование и ответственность...».

Но меня прервали голоса: — Я инженер, а не строевой командир, — возразил майор инжвойск. — А я связист и не смогу командовать... — А я политработник, и мои обязанности известны, — высказался офицер с двумя шпалами на петлицах. — В любой обстановке моя обязанность — политобеспечение. Поэтому связывать руки командованием мне не следует. Ты, хотя и младше по званию некоторых из нас, — обратился ко мне на «ты» выдавший себя за политработника, — но ты окончил академию, оператор, тебе и карты в руки. Да и зачем нам выбирать командира? Мы пока не партизаны, чтобы выбирать руководителя. Тебе командующий поручил командование правым флангом при обороне штаба, а это значит, что ты назначен старшим, и не увертывайся: все равно за нашу группу отвечать тебе.

Откровенно говоря, мне не хотелось вручать свою судьбу людям, не желающим брать на себя ответственность, и я согласился. «Хорошо, я беру на себя командование. Но потребую подчинения и высокой дисциплины как законный единоначальник, отвечающий за свои

решения и действия только перед старшим командованием. Кто не согласен, говорите сразу». Несогласных не нашлось. «Молчание — знак согласия. Решение принято», — подытожил я короткую дискуссию. «Подготовиться к походу на поиски штаба! Раненых будем нести. За каждым из них закрепляю по два человека. Носилки сделать из подручного материала».

Несколько часов назад эти люди безоружными храбро бежали на немецкие танки, а смелости взять на себя ответственность, как видите, у них не было. И дело не в образовании — командовать стрелковым взводом и ротой учат во всех училищах (Толконюк окончил артиллерийское). Но в училищах эти офицеры не воевать учились, а сдавали экзамены, поскольку без сдачи экзамена офицерского звания не получишь и, следовательно, не получишь вожаденных денег, полагающихся за то, что ты якобы в случае войны будешь защищать Родину. Но вот война пришла, и выяснилось, что как именно Родину защищать, даже командуя взводом, мало кто знал.

Тогда как же они воевали, не имея смелости принять собственное решение? А вот так и воевали — что начальник сказал, то и нужно тупо заставить выполнить своего подчиненного. Скажет: «Вперед!» — гони подчиненных на пулеметы, скажет: «Ни шагу назад!» — заставляй рыть окопы. Ведь в нашей мемуарной литературе надо еще поискать воспоминания военачальников (таких как Горбатов или Архипов), в которых бы описывалось, как и когда эти военачальники по своей инициативе принимали решение нанести потери немцам, а не просто тупо бежали туда, куда их пошлют, и только тогда, когда их пошлют.

Наше военное образование, надо отметить, достигло больших успехов в производстве импотентов военного дела.

Исправившийся Гордое

Дальше мне надо будет привести большие отрывки из воспоминаний уже цитированного генерал-лейтенанта И.А. Толконюка. В мемуарах, как известно, все храбрые, но Толконюк, судя по всему, таким и был. Если тысячи командиров его армии вместе с генералом Лукиным сдались немцам в плен под Вязьмой, то Толконюк, будучи ранен, из окружения вышел. Затем, уже дважды награжденный, он снова был тяжело ранен, едва не лишился ноги и был признан негодным к военной службе, но порвал заключение медкомиссии и добился отправки на фронт. Согласитесь, что эти факты, зафиксированные в его послужном списке, достаточно хорошо о нем говорят даже без описания им своего поведения в тех переделках, в которые он попадал во время войны.

Толконюк два года служил с генералом Гордовым, причем Гордов был, как и генерал Лукин, штабист (оба эти генерала были назначены командовать армиями с должности начальника штаба округа). По воспоминаниям Толконюка, Гордов как бы приближал его, толкового молодого штабного офицера, к себе, но одновременно стремился сломать и подмять его под себя, а Толконюк, как и полагается упрямому хохлу, упирался, в связи с чем Гордов несколько раз посылал Толконюка в качестве наказания в такие дела, в которых риск гибели офицера был очень велик, но после этого не награждал, объясняя, что за наказания не награждают. В связи с этим Толконюк, скорее всего, Гордова очень не любил, хотя и старается быть объективным. По крайней мере, он только раз, описывая поведение Гордова, дал деталь, которую можно было бы и опустить.

«В блиндаже комдива начался разнос. Отчитав без всякого стеснения генерала Киносяна за плохую работу штаба, упрекая его в том, что, наверное, немцы и кашу получают из котлов штаба армии с согласия беспечного начальника штаба, Гордов переключился на комдива, спрашивая и не давая сказать слова, почему ему не выгодно бить немцев. Неистово почесав внутреннюю часть ног, запустив руку в ширинку (он так поступал всегда, когда сильно возмущался), командующий переключил свой гнев на меня: «Вы, операторы, все

время болтаетесь по войскам, по крайней мере этого я от вас требую, при беззубом начальнике штаба. Почему вы смирились с таким безобразием?»

Толконюк пишет, что он несколько раз пытался уйти на нижестоящую должность, чтобы только не служить вблизи Гордова, но тот его не отпускал.

«Молокосос! — завопил генерал, дав волю нервам. — Из штаба ты можешь уйти только в штрафной батальон. Другого пути не будет! В штрафники могу составить протекцию, у меня на это и власти и воли хватит.

— Подумать только, Степан Ильич, — обратился Гордов с насмешкой к Киносяну, — он хочет быть начальником штаба дивизии. Губа не дура. Я еще посмотрю, как он будет впредь работать. А начальником штаба батальона не хочешь? — резко обернулся ко мне разгневанный командующий. — Об этом можно подумать.

Оскорбленный таким оборотом дела, я вызывающе ответил: «Пойду и на штаб батальона... Хоть буду подальше от вас», — невольно вырвалось у меня.

— Нет, штаб батальона я тебе не доверю. Хотя и там я бы тебя нашел. Не за горами.

Как-то вызвал меня Киносян и завязал спокойную беседу, почему-то сделав страдальческое выражение лица: «Я докладывал командарму, что ты стал за последнее время еще больше, чем раньше, раздражителен, болезненно реагируешь на замечания и упреки, свои суждения отстаиваешь, как непогрешимые. А ведь на начальство обижаться нельзя. Знал бы ты, сколько мне приходится терпеть и сносить обид. Но ведь я не обижаюсь. Служба есть служба».

Я знал, конечно, что начальнику штаба с генералом Горловым было нелегко работать, и сочувствовал ему. Но все же возразил: «Любая служба должна быть разумной...» Но генерал прервал меня: «А хочешь знать, как на это среагировал командующий? Он сказал по твоему адресу: «Ничего, сломится. Не такие сламывались».

И вот то, что у Толконюка с Гордовым были паршивые отношения, делает, на мой взгляд, нижеприведенные воспоминания Толконюка очень достоверными. Напомню, что Чуйков и Рокоссовский между строк отметили, что Гордов трус и боится бывать на командных пунктах, расположенных вблизи передовой. Но это было летом 1942

года, когда Гордов командовал 21 и 64 армиями, а затем — Сталинградским фронтом. В августе его с этой должности сняли и, надо думать, и за трусость тоже. Снятие — это наказание, а наказание дается для исправления. В октябре 1942 года Гордова назначают командующим 33-й армией, здесь с ним знакомится Толконюк и оставляет о Гордове вот такие воспоминания.

«Почти ежедневно объезжая войска, придирчиво распекая командиров по всяким поводам, он искал всем работу. Мне часто приходилось ездить с ним по участкам обороны, на передний край, в нижестоящие штабы. Иногда он забирался на наблюдательные пункты полков, в первую траншею и даже в боевые охранения, демонстрируя бесстрашие и пренебрежение опасностью, хотя для командарма это не вызывалось необходимостью. Припоминаются такие примеры. Однажды я был с ним на НП командира одной из дивизий. В прочном блиндаже командующий заслушивал доклады офицеров дивизионного штаба. Вдруг послышался гул самолетов: сначала слабый, а затем все нарастал, мешая разговору. Генерал вопросительно обвел взглядом присутствующих.

— Сейчас будут бомбить, — сказал кто-то.

Гордов быстро вышел из блиндажа и остановился перед входом. Я последовал за ним, а следом за нами вышли остальные.

— Скажите ему, чтобы зашел в блиндаж, — шепнул мне командир дивизии, — опасно.

Ярко светило утреннее солнце, ослепляя глаза после полумрака блиндажа. На голубом небе ни облачка. Еле различимые силуэты «юнкерсов», попеременно с белесыми шапками разрывов зенитных снарядов, полукругом заходили над нами, переходя в пикирование один за другим. Вскоре загромыхали потрясающие землю взрывы. Один из бомбардировщиков спикировал прямо на нас. Вот уже из его брюха вывалилось четыре черных продолговатых бомбы, летящих с душераздирающим визгом. Я инстинктивно толкнул плечом легкое тело генерала и, не удержавшись на ногах, повалился на своего командующего. Вокруг блиндажа все было перемешано бомбами; щекотала в носу и въедалась в глаза смрадная гарь взрывчатки. Над нами впились в дверь блиндажа два огромных осколка: если бы мы не упали, то они наверняка перерубили бы нас пополам. Генерал

медленно поднялся, отряхнул и поправил красиво сидевшую на нем бекешу с серым каракулевым воротником и молча вернулся в блиндаж.

— Что, прикрыл своим телом командующего? — сказал В.Н. Гордов, уставившись на меня колючими глазами. — За меня ордена не получишь. За таких, как я, ордена не выдаются, — почему-то сказал он, ни к кому не обращаясь. — Едем в штаб!

Дорога сначала шла вдоль фронта, а затем поворачивала в тыл через лесной массив. Конфигурация линии фронта проходила так, что шедшая с севера на юг шоссейная дорога на отрезке километра полтора занималась нашими войсками. Чтобы не объезжать открытый участок шоссе, по нему нужно было проскочить метров шестьсот на виду у противника, передний край которого проходил на удалении 800 метров от дороги. Наш «виллис» остановился перед выездом на открытый отрезок шоссе. Тент машины был спущен для лучшего обзора.

— Ну что, Толконюк, рискнем? Попробуем проскочить? — с лукавой искринкой в глазах сказал генерал. — Как ты настроен, Николай? — перевел он взгляд на водителя машины, — не подкачаешь?

— Можно и попробовать, товарищ командующий, — неопределенно ответил шофер, — как прикажете...

Отговаривать командарма от этого шаловливо-ухарского поступка не было смысла: все равно не отступится. К тому же он мог заподозрить меня в трусости. И я, скрывая досаду, поддержал его намерение: «Рискнем! Но надо сдать назад и выскочить на шоссе с разгону. Чем быстрее проскочим открытый участок, тем меньше вероятность попадания».

— Давай! — скомандовал смельчак шоферу. И тот, сдав назад метров па тридцать, разогнал машину и, ревя мотором, выскочил на шоссе. Я с тревогой смотрел в сторону противника: четко вырисовывалась плохо замаскированная траншея с рыжеватым бруствером, виднелись бугорки пулеметных капониров. Вдруг в расположении немцев ярко вспыхнул орудийный выстрел, и тут же над нашими головами провизжал снаряд. Били прямой наводкой. Снаряд разорвался по другую сторону дороги. Потом — второй, третий, четвертый... Шофер жал на газ, то прибавляя, то сбавляя скорость. Нас ужасно бросало в машине, трудно было удержаться, чтобы не вылететь

вон. Проскочив опасное пространство и слетев с шоссе на лесную дорогу, «виллис» резко остановился. Шофер молча обошел вокруг машины и пробормотал себе под нос: «Всего две пробоины. Могло быть хуже. Вы в рубашке родились, товарищ командующий». Генерал молчал и звучно сопел, как после резкого бега. Мы поехали дальше.

— Скажите, товарищ командующий, для чего вы так бессмысленно рискуете своей жизнью? — спрашиваю. — Не думаю, чтобы это доставляло вам удовольствие. Или вы демонстрируете свою храбрость? Перед кем?

— Не только своей жизнью рискую, ты хочешь сказать, а и жизнью своих подчиненных: вот твоей и его, — недовольно мотнул командарм головой сначала в мою, а затем в сторону водителя.

— И нашей тоже, — поддакнул я.

— Вот что я на это скажу, — Гордов резко обернулся ко мне. — На войне все связано с риском. И прятаться от паршивых фрицев, ложиться перед ними, падать ниц не буду и вам не советую. Кончится война, и, может, больше не представится случая погибнуть по-солдатски, на поле боя, с почетом. Тогда будешь гнить, как старый пень, живя в тягость себе и людям. Засядешь за мемуары и станешь врать самому себе и другим, какой ты был герой на войне, стыдясь сказать правду.

Уловив мечтательное расположение собеседника, я поддержал его настроение:

— Война не скоро кончится, и будет еще не один случай сложить голову. Но разумно, может быть, с пользой. Я не вижу героизма в том, чтобы добровольно подставлять себя под пулю или снаряд врага. Читал я, кажется у Драгомирова, что героический поступок совершают или люди очень смелые, от храбрости, или последние трусы — из трусости теряют контроль над собой, утрачивают самообладание и внешне смело бросаются навстречу смерти, — порассуждал я вслух, делая вид, что не отвечаю командарму, а говорю сам с собой.

— Ты что, считаешь меня трусом? — угрожающе повысил голос генерал.

— Нет, не считаю. Но и не вижу разумного смысла в подобного рода героизме.

Командарм промолчал».

Пусть извинит меня Илларион Авксентьевич Толконюк, но последний диалог, как мне кажется, он придумал уже после войны. А вот слова Гордова, что за таких, как он, ордена не дают, скорее всего, правда, и показывают глубокую обиду Гордова на Сталина за свое снятие с должности командующего фронтом.

Но оцените воспитательный эффект этого наказания! К Гордову не только вернулась храбрость, но он стал демонстративно ею бравировать — он специально создавал ситуации, при которых его могли убить. А говорят, что наказание ничего не дает. Дает, да еще и как!

Исправленный не во всем

Для генерала храбрость важна, как и для любого воина, но ее генералу очень мало, генералу нужна и смелость. А вот за это Гордова не наказали, и он тупо и бездумно исполнял приказы фронта, не внося в них никакого элемента творчества. Никак не применяя приказы фронта к конкретной обстановке в полосе 33-й армии, он гнал и гнал вверенные ему соединения в атаки на немцев строго по директивам, поступившим из штаба фронта. Собственные решения он принимать боялся.

При этом, как утверждает Толконюк, начальник штаба 33-й армии Киносян был бессилён предложить командующему более разумные решения, ведь Гордов сам был штабист, и его штабные амбиции не позволяли ему оценить решения своего штаба, а малодушие не позволяло положить эти решения в основу собственных приказов. Поэтому гибель солдат 33-й армии была огромна, но Гордов тупо гнал их остатки на немецкие укрепления.

Такой пример. В октябре 1943 года, в качестве наказания за настырность в предложении решений, Гордов назначает Толконюка командиром 620-го стрелкового полка взамен убитого предшественника, и ставит задачу как для полка с полным штатом, т. е. численностью 1582 человека. Толконюк вспоминает:

«К рассвету я прибыл на КП командира 164-й дивизии и представился по всей форме генералу В.А. Ревякину. Тот никак не мог поверить, что начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба армии прибыл к нему командовать полком. Но факт — упрямая вещь, и я отправился искать свой полк. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда я перед высоким лесом увидел на поляне группу людей, завтракавших, рассевшись на пнях когда-то вырубленного леса. Это был мой полк. Им временно командовал заместитель начальника оперативного отделения штаба дивизии майор Марченко, недавно переведенный в дивизию из моего отдела. Он обрадовался моему появлению, доложил состояние полка, представил адъютанта — рослого лейтенанта с голубыми глазами — и сдал мне должность. В полку оказалось, без учета тыловых подразделений, 130 человек, две

45-мм пушки на конной тяге, два станковых пулемета и две малочисленных минометных роты: шесть 82-мм и четыре 120-мм миномета. Мне дали котелок с какими-то теплыми оладьями и чаю, и я тоже сел на пень перекусить. Вдруг вижу странное явление: один солдат свалился раненым, другой, третий... выстрелов не слышно. «Что происходит?» — спрашиваю, не успев разобраться в обстановке. Мне спокойно пояснили, что из леса стреляют снайперы. Пришлось, прервав завтрак, приступить к своим новым обязанностям. Приказываю обстрелять лес из станкового пулемета и атаковать. Немцы не стали сопротивляться, и мы беспрепятственно вошли в лес. Слышу взрыв: это одно орудие попало на мину, две лошади из упряжки убиты и ранен один ездовой. На лесной дороге виднелись кучки пыльной земли, под которыми замаскированы противопехотные мины. Требую позвать полкового инженера, чтобы организовал разминирование, но мне отвечают, что инженера давно нет; его заставляли лично обезвреживать мины, и он бесследно исчез: наверное, или подорвался где, или убит. Пришлось протаскивать пушки вне дороги, лавируя между деревьями. Полк вышел на западную опушку леса, встреченный сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Немцы стреляли разрывными пулями, которые рвались, ударяясь в деревья, и создавалось впечатление, что стреляют где-то сзади, в тылу. Крупнокалиберная пуля, пробив погон на моем правом плече, угодила в живот шедшему следом за мной адъютанту. Я вышел на опушку и увидел за лесом оборонявшееся противником село Губино. Для меня быстро вырыли окоп в песчаном грунте, и я вскочил в него, спасаясь от пуль и осколков. Появился командир поддерживающего полк гаубичного артдивизиона, представился и стал подавать команды на открытие огня. Дальше мы не продвинулись. Наступила ночь. Поручаю заместителю прочесать полковые тылы и всех солдат, способных воевать, поставить в строй. Удалось набрать 20 бойцов».

Замечу, что в 9 ротах стрелкового полка должно было быть 738 человек, а в 620-м полку армии Гордова, как видите, осталось 20, но Гордов гнал этот «полк» в наступление, исполняя решение фронта и этим рекомендуя себя фронтовому начальству как прекрасного командующего армией, четко исполняющего приказы.

(Между прочим, Толконюк в этой ситуации разумно воспользовался тем, что у него было — минометами и приданным гаубичным дивизионом. Он, бывший артиллерист, в считанные минуты того единственного момента, когда немцы сосредотачивали силы для удара, не растерялся и организовал на них налет огнем своей артиллерии. Этим он заставил немцев отойти, и 620-й «полк», захватив в результате этого боя три подбитых танка и шесть артиллерийских орудий, в результате взял пункт Губино, которым на тот момент стремилась овладеть 33-я армия. Гордов за этот бой наградил всех, — заместителю Толконюка дал орден Красного Знамени, — но самого Толконюка не наградил ничем. Отказ Толконюка уходить с должности командира 620-го полка тоже был проигнорирован — его приказом Гордова снова вернули на прежнюю должность в штаб 33-й армии. Вообще-то в описании Толконюка Гордов предстает тем еще самодуром.)

Итак, Гордова наказали снятием с должности командующего Сталинградским фронтом за трусость, это его оскорбило, в результате он исправился и даже стал бравировать своей храбростью, но ему не объяснили, что он не пригоден еще и из-за своего малодушия, из-за отсутствия смелости — из-за неспособности принимать собственные решения. И он продолжал губить людей. Смотрите, что произошло дальше.

Наказание за отсутствие смелости

«Анализируя результаты многочисленных наступлений армии на оршанском направлении и под Витебском, приводивших, как мне казалось, к неоправданным потерям, я все больше и больше убеждался, что наша армия не только с согласия, но и по прямому требованию командования фронтом, действует неправильно. Я считал, глядя со своей невысокой колокольни, не только нецелесообразным, но и вредным воздействовать на противника «булавочными уколами», проводя частые наступательные операции при малых силах и средствах. Мне представлялось, что вместо нескольких мало результативных попыток прорвать оборону противника следовало провести одно солидное наступление, хорошо подготовленное и надежно обеспеченное материально-техническими средствами, с наличием сильных вторых эшелонов для развития прорыва и достаточных резервов для замены в ходе наступления утративших наступательные возможности соединений», — пишет Толконюк.

«Я откровенно высказывал свои суждения начальнику штаба и командующему, настойчиво предлагая прекратить наступление и готовить солидную операцию. Начальник штаба отмахивался от меня, требуя не заниматься не своим делом, а выполнять то, что от меня требуется. Командарм, напротив, с интересом выслушивал мои рассуждения, но каждый раз отклонял предложения, указывая на тот факт, что я, как начальник оперативного отдела, не несу ответственности ни за армию, ни за ее действия, а поэтому мне, дескать, легко рассуждать. А командарм не волен обрекать армию на пассивность и бездействие. К тому же ему не дано определять армии оперативные задачи.

Не получив поддержки внутри армии, я решил обратиться непосредственно к командующему фронтом генералу армии В.Д. Соколовскому. О своем намерении я сообщил начальнику штаба и командарму. Генерал Гордов, к удивлению, отнесся к моему замыслу спокойно, сказав, что он не возражает и препятствовать мне не намерен. Вскоре в армию приехали основные члены Военного совета фронта: командующий генерал армии В.Д. Соколовский, член

Военного совета генерал-лейтенант Л.З. Мехлис, командующий артиллерией генерал-полковник М.М. Барсуков — мой бывший командир дивизиона по артучилищу. В блиндаж, где находились эти начальники, а также генералы Бордов, Бабийчук и Киносян, меня вызвал командарм и дал задание подготовить какие-то справки и расчеты, касающиеся дальнейшего наступления. Когда настало время мне уходить, командарм задержал меня и объявил, что я хочу обратиться к командующему фронтом с предложением. Генерал Соколовский заинтересовался и выразил готовность выслушать. Слушая мои соображения, генералы Соколовский и Мехлис загадочно переглядывались, что невольно вызывало бег мурашек по моему хребту. Я опасался реакции Мехлиса, разговоры о беспощадности и свирепости которого мне случалось неоднократно слышать. Ходили слухи, что он в горячах мог запросто расстрелять любого офицера, поступок которого ему покажется заслуживающим наказания. Но отступить было некуда, и я высказал все, что намеревался, закончив предложением прекратить не сулившее успеха наступление.

Высокие начальники какое-то время молчали, а я с тревогой ждал их реакции.

— Мы вас, полковник Толконюк, выслушали с вниманием, — прервал томительное молчание генерал Соколовский. — Вот что я вам скажу: наступать будем.

В пользу наступления командующий фронтом не привел никаких доводов, и это меня огорчило. «Будем, так будем. Дело ваше», — ответил я грустным голосом и попросил разрешения идти работать.

И мы снова наступали, но по-прежнему без ощутимых территориальных результатов и с большими потерями в людях.

И вот ко мне пришло решение обратиться со своими соображениями к Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. В коротком письме я изложил свое суждение, указав, что Западный фронт ведет операции неправильно, в результате чего несет огромные потери в людях, боевой технике и расходует массу боеприпасов и других материальных средств распыленно по времени и месту, а не сосредоточенно для достижения решающего успеха. Приведя некоторые цифровые показатели на примере 33-й армии, я утверждал, что если бы все израсходованные на мало результативные операции людские и материальные ресурсы были использованы в одной хорошо

во всех отношениях подготовленной наступательной операции, то результаты были бы значительные. Одним словом, я выступал против распыления сил и средств по времени и месту.

Содержание письма носило сугубо секретный характер, и отправить его в Москву можно было только по линии фельдъегерской связи. Но и в этом случае пакет, адресованный И.В. Сталину, непременно был бы перехвачен и доложен командованию армии или фронта. В то время при армии состоял офицер — представитель Генерального штаба подполковник Резников, с которым у меня сложились доверительные дружеские отношения. Я обратился к Резникову за советом, дав ему прочитать послание. Он одобрил содержание письма и взялся доставить его офицеру — представителю Генштаба при штабе фронта полковнику Соловьеву, а тот, заверял Резников, лично доставит пакет в Генштаб. Так и поступили. Письмо дошло до адресата».

Поскольку Толконюка, по сути, похвалили за это письмо (кто похвалил, Толконюк не пишет), то он подспудно считает, что послужил причиной снятия генерала армии Соколовского с должности командующего Западным фронтом. Между тем, наслушавшись, скорее всего, послевоенных сплетен о Мехлисе, Толконюк совершенно не воспринимает Мехлиса как человека, внимательно выслушавшего его предложения и оценившего ситуацию с командными кадрами Западного фронта самостоятельно. А напрасно.

Дело в том, что Сталин, даже по правильному письму полковника, не принял бы мер против генерала армии, поскольку что-что, а доносы друг на друга наши полководцы писать умели — один 1937 год чего стоит. Скажем, генерал Горбатов отсидел в лагере (откуда его вытащил Буденный) только потому, что на него написали доносы и показали, что он, Горбатов, враг народа, сразу двенадцать его коллег — офицеров и генералов. Более того, наши генералы умели писать доносы и от лица «народа», т. е. заставляя какого-нибудь подчиненного их подписывать, чем придавали таким доносам вид «голоса снизу».

Вот характерный пример, который, сам того не понимая, дает «приобщившийся к демократическим ценностям» биограф Мехлиса Юрий Рубцов.

«В сентябре 1943 года в войсках Брянского фронта работал корреспондент «Красной звезды» майор В. Коротеев. Чего же надо

было наслушаться рядовому журналисту, чему же стать свидетелем, чтобы решиться на письмо в адрес секретарей ЦК партии Маленкова и Щербакова, полностью посвященное отношению в войсках фронта к Мехлису. «Его боятся, не любят, более того, ненавидят, — заявлял Коротеев. — Происхождение этой неприязни вызвано, видимо, крутыми расправами т. Мехлиса с командирами на юге, на Воронежском и Волховском фронтах, известия, о которых распространились, по-видимому, в армии и о которых здесь, на Брянском фронте, тоже знают».

Корреспондент привел несколько фактов, подтверждающих, что крутой нрав, резкость, запелляционность Мехлиса и здесь цвели пышным цветом. Некоторые из фактов для любого другого политработника такого уровня были бы просто убийственны. «Каждую смену в командном или политическом составе на Брянском фронте, наверное, не без оснований приписывают новому члену Военсовета. В первые дни приезда т. Мехлиса сюда был заменен зам. начальника штаба фронта полковник Ермаков. Ермаков пользовался большим уважением людей как умный и опытный, по-настоящему обаятельный командир, который умел организовать порядок в штабе...

На место Ермакова был поставлен полковник Фисунов — бывш(ий) секретарь т. Мехлиса. По мнению командиров, которое надо разделить, после замены Ермакова порядка в штабе ничуть не прибавилось, т. к. заботы Фисунова главным образом касаются Военторга».

Такие примеры не единичны, люди запуганы, подчеркивает Коротеев, признаваясь, как нелегко было ему решиться на письмо и что он единственно стремился раскрыть глаза руководству, «чтобы ЦК нашей партии, тов. Сталин знали бы это настроение командиров и политработников по отношению к генералу Мехлису». Наивный, будто для них это было тайной». [Конец цитаты.]

Тут то ли наивным, то ли просто дураком выступает сам Юрий Рубцов («приобщение к демократическим ценностям», как известно, для мозгов даром не проходит). Это каким же жизненным опытом нужно обладать, чтобы штаб фронта представлять в виде оптового рынка, куда любой корреспондент, посланный отыскивать подвиги солдат на передовой, может зайти, чтобы «побазарить» с тамошними генералами и полковниками? Да не о ком-нибудь, а о втором

должностном лице фронта! Ведь ежу понятно, что этому, уклоняющемуся от передовой корреспонденту, посулили боевой орденом, если он своим именем подпишет сведения, которые подготовил какой-то штабной чин, имевший основания бояться Мехлиса, может, тот же полковник Ермаков.

Но биограф Мехлиса Ю. Рубцов невольно подтверждает, что Толконюк действительно играл роль в вопросе снятия Соколовского и Гордова со своих должностей, но только не ту, которую сам Толконюк предполагает. Не его письмо к Сталину сыграло роль, а то, что он свои предложения высказал Соколовскому в присутствии Мехлиса. Западный фронт, которым с февраля 1943 года командовал Соколовский, нес большие потери, а результаты имел скромные, и в декабре 1943 года Сталин назначает членом Военного совета этого фронта Мехлиса, и цель этого назначения очевидна — Мехлис должен был понять, в чем дело.

Представьте, что вы честный, умный человек, беззаветно преданный Родине, и представьте себя на совещании, описанном Толконюком. В результате вы увидите ситуацию глазами Мехлиса, и она будет выглядеть так.

Штаб командующего 33-й армией генерала Гордова вносит очень толковое предложение, которое сэкономит жизнь советских солдат и позволит быстрее разгромить немцев. Соколовскому требуется принять это решение, но это решение смелое — ведь нужно будет убедить Генштаб, что планы, по которым действует Западный фронт и которые уже утверждены Генштабом, на самом деле не хороши, нужно будет убедить Сталина приостановить фронт в наступлении, дать фронту пополниться, дать перегруппироваться. И полезность этого Соколовский не мог не понимать. Но тогда будущая операция будет плодом решения только самого Соколовского (на полковника Толконюка ответственность ведь не переложить), и если будущая операция закончится провалом, то Соколовскому не на кого будет свалить вину за этот провал. После принятия предложения Толконюка, операция будет принадлежать только Соколовскому, а не Генштабу и не Сталину. И Соколовский малодушничает — он отказывается от предложения Толконюка. Сам Толконюк мотивов поступка Соколовского не понял, но ведь Мехлис-то не вчера родился...

Не понял Толконюк и причин снятия Гордова. Сам Толконюк, сообщив о снятии Соколовского, эти причины и процесс снятия с должности Гордова описывает так.

«Тем временем генерал-полковник В.Н. Гордов, не знавший ни минуты душевного покоя, дошел до крайнего морального истощения, переутомившись физически и морально и теряя контроль над своими поступками. Его грубым обращением с подчиненными и некоторыми действиями как командарма высшее руководство было недовольно. Особенно неприязненно к нему относился генерал Мехлис, к которому Гордов, в свою очередь, не питал уважения и не скрывал этого. Достаточно было какого-то толчка, чтобы генерал Гордов расстался с армией, которой он за полтора года командования отдал все, что может отдать честолубивый человек, не щадивший ни себя, ни подчиненных в тяжелых боях за интересы Родины, которой он, несмотря на недостатки характера, был беспредельно предан. И такой толчок не заставил себя ждать.

Одна из дивизий нашей армии в ходе наступления захватила небольшой плацдарм на р. Лучеса и, отражая многочисленные контратаки, с трудом удерживала занимаемые позиции, неся большие потери в людях. Командарм, не имея возможности оказать дивизии существенную помощь и опасаясь за плацдарм, находился в степени крайнего возбуждения. В это время кто-то доложил ему по телефону, что дивизия истекает кровью в тяжелом бою на плацдарме, а некоторые ее офицеры во втором эшелоне штаба пьют водку и играют в карты. В частности, был назван капитан Т. Возмущенный генерал не нашел ничего другого, как приказать расстрелять капитана за трусость и уклонение от боя. Почему этот офицер политотдела дивизии оказался в тылу, никто не разобрался, и трагическое приказание слепо было выполнено. За самоуправство и превышение власти Военный совет фронта объявил генералу Гордову выговор и записал в своем решении, что о случившемся доложит Ставке. В.Н. Гордов обиделся и послал шифровку в Москву, высказав недовольство, что ему, дескать, мешают требовать от подчиненных добросовестно воевать и наказывать трусов. Поскольку так обстоит дело и ему не доверяют, то пусть, писал он, снимут его с должности командарма. В итоге он был освобожден от должности командующего 33-й армией и отзывался в

Москву. Это произошло в середине марта. Вместо Гордова командармом назначался генерал-полковник Иван Ефимович Петров.

Замена командующего была воспринята в штабе армии по-разному: одни одобряли снятие Гордова и откровенно радовались, другие жалели боевого генерала и сочувствовали ему, третьи отнеслись безразлично, по пословице: «Для нас что ни поп, то дядько».

Сдавая должность, генерал Гордов пригласил меня к себе и попросил подготовить для него справку, характеризующую результаты боевых действий армии под его командованием. Мне не потребовалось много времени, чтобы с помощью имевшихся отчетных документов и чертежника отдела, художника своей специальности, сержанта В.И. Кондратьева отработать наглядную топокарту с показом территории, освобожденной армией от фашистских оккупантов за время командования генерала Гордова. В написанной на карте легенде мы указали, сколько освобождено квадратных километров советской земли, населенных пунктов и населения. В прилагавшейся справке говорилось о количестве уничтоженных и плененных солдат и офицеров противника, поврежденной и захваченной боевой техники и т. п. Справка о наших потерях была умышленно подготовлена отдельно.

Генерал Гордов, рассмотрев документы, спросил, почему я не указал наши потери?

— Сколько советских людей я отправил на тот свет и сделал калеками, тоже придется отчитываться, — заметил он иронически.

Я передал ему и эту справку, но порекомендовал не показывать И.В. Сталину, если тот не потребует».

Толконюк здесь не прав, поскольку снят Гордов с должности был не как бандит, а как полководец. Еще раз поставьте себя на место Мехлиса на совещании, описанном Толконюком. Если бы Гордов разделял планы Толконюка, то он сам бы доложил их командующему фронтом, возможно только сославшись, что это идеи одного толкового полковника из его штаба. Если не разделял, то зачем загрузил Соколовского докладом Толконюка? Мехлис сразу понял «проститутскую» позицию Гордова — если начальство — Соколовский — одобрит идею Толконюка, то это его, Гордова, заслуга — это же он предложил выслушать Толконюка. Если не одобрит, то

Гордов не виноват — это же не его идея, а какого-то молодого чудака-полковника из его штаба, которого он предложил Соколовскому выслушать для развлечения.

Поэтому по предложению Мехлиса с командования 33-й армии сняли сначала Гордова, а с командованием фронта разобрались позже. Ю. Рубцов, чтобы исказить образ Мехлиса в угоду «демократическим ценностям», редко цитирует его документы в объеме, позволяющем понять их контекст, поэтому, в чем обвинял Гордова Мехлис, придется понять из вот такой цитаты Рубцова.

«Крайне отрицательные отзывы дал член ВС начальнику артиллерии Западного фронта генерал-полковнику артиллерии И.П. Камера и командующему 33-й армией генерал-полковнику В.Н. Гордову. «Стиль работы — штаб побоку. Болтовня и разглашение тайны по телефону», «ненависть к политсоставу и чекистам», — после таких оценок оба генерала были отозваны с Западного фронта».

Начальник артиллерии не командует ею отдельно от командующего фронтом, этот начальник, по сути, и является начальником штаба артиллерии фронта. Посему характеристика Мехлиса: «Стиль работы — штаб побоку», — может относиться только к командующему армией Гордову. И вы видите, как воспоминания Толконюка совпали с документами Рубцова: поприбавив на совещании, Мехлис понял, что из себя представляет Гордов, понял, что Гордов боится предложений своего штаба, посему и «штаб побоку».

Но в данном случае характерно, как это второе наказание (второе снятие с должности) повлияло на Гордова. Теперь его сняли, как видите, за отсутствие смелости — за отсутствие собственных творческих идей, применительно к задачам, стоящим перед армией. А в 33-й армии ему эти идеи давал полковник Толконюк. И смотрите, что делает Гордов после того, как ему объяснили его полководческий дефект и назначили командовать 3-й Гвардейской армией. Толконюк сообщает: «До победы он успешно командовал этой армией и окончил войну Героем Советского Союза. Мне он прислал несколько коротких писем как из Москвы, так и из армии. Как ни странно, но генерал Гордов, от которого я имел массу неприятностей, став командующим другой армией, настоятельно ходатайствовал о назначении меня к нему начальником штаба. А мне он писал так: «Приезжай ко мне,

пожалуйста. Мне, старику, трудно без тебя». Но моя дальнейшая служба сложилась так, что я больше с ним не служил и не встречался. До меня лишь дошли слухи о его незавидной судьбе в послевоенные годы».

Вот и скажите после этого, что от наказаний, наложенных Сталиным, не было эффекта. Не будь этих наказаний, то сколько бы еще советских солдат положили на полях боев той войны наши доблестные полководцы?

Как выше уже говорилось, анализ обстановки с командованием на Западном фронте, который подготовил и послал Сталину Мехлис, в конечном итоге привел к снятию с должности и командующего фронтом В.Д. Соколовского, но, конечно, Сталин выслушал мнение не только Мехлиса. Рубцов пишет:

«После письма Мехлиса в адрес Верховного Главнокомандующего в войска Западного фронта прибыла чрезвычайная комиссия Ставки ВГК, которая выясняла причины неудач в наступательных операциях конца 1943 — начала 1944 года. Здесь были действительно допущены серьезные провалы: ни одна из одиннадцати наступательных операций не принесла успеха, несмотря на большие потери. Тем не менее, комиссия, которую возглавлял член ГКО Маленков, в основном разбиралась не по существу дела, а искала виновных в соответствии с готовыми установками Сталина. Последние же сформировались на материалах доклада Мехлиса.

И полетели головы, посыпались взыскания. Прежде всего своей должности «за неудовлетворительное руководство фронтом» лишился генерал Соколовский. Досталось и генерал-лейтенанту Булганину, к этому времени уже несколько месяцев как покинувшему фронт. В приказе Ставки ВГК от 12 апреля 1944 года ему объявлялся выговор — обратим особое внимание — «за то, что он, будучи длительное время членом Военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте».

Любопытно, что, очевидно, в обвинительном раже члены комиссии Маленкова в своем докладе Сталину, на основе которого были приняты постановление ГКО и процитированный выше приказ Ставки, такое же взыскание предлагали объявить Мехлису. И за ту же самую вину: мол, не докладывал Ставке. В тексте приказа от 12 апреля этого пункта, однако, уже нет — здесь, видимо, не обошлось без

вмешательства вождя. Он-то знал, что доклад был, и к тому же, вероятно, посчитал не «гуманным» дать своему верному информатору на себе ощутить, что стоит за народной мудростью: доносчику — первый кнут».

По поводу последней сентенции Ю. Рубцова остается только пожалеть, что в этих одиннадцати наступательных операциях, которые бездарно провел Соколовский, не участвовали прямые родственники Рубцова, а то, может быть, мы сегодня имели бы на одного «приобщившегося к демократическим ценностям» поменьше.

И чтобы закончить тему о благотворном влиянии на наших полководцев хорошего пинка под зад, процитирую еще одно умное заключение Рубцова.

«Большого Лев Захарович добился, «взявшись» за начальника штаба фронта генерал-майора Ф.И. Толбухина. Он послал в Ставку шифровку с предложением снять последнего с должности. 10 марта Василевский сообщил ему, что Сталин принял решение освободить Толбухина и исполнение обязанностей НШ фронта возложить на Вечного. Он также высказался против предложения Военного совета фронта оставить генерала на Крымском фронте, например, в должности помощника командующего фронтом по укомплектованию и формированию или заместителя командующего 47-й армии. Мехлис на это горячо откликнулся: «Я считаю, что Толбухина не следует здесь оставлять, и целиком согласен с мнением товарища Сталина...». В тот же день по телеграфу он обратился к начальнику Генштаба маршалу Шапошникову с просьбой проследить, «чтобы Толбухин вновь не устроился в ЗакВО, ибо там собираются опять гнилые и никчемные работники, снимаемые здесь с работы».

...Бесспорно, с некоторых командиров и политработников представитель Ставки взыскивал справедливо, верно подмечая их профессиональную непригодность, отсутствие необходимых волевых качеств. Но, как мы уже видели, зачастую просто не мог или не хотел видеть и несомненных достоинств, как это было, скажем, с блестящим полководцем Федором Ивановичем Толбухиным, всего через каких-то два года ставшим маршалом Советского Союза. Все упиралось в то, что Мехлис вместо терпеливого воспитания кадров, сочетания доверия и спроса за порученное дело прибегал по сути к единственному рычагу

в кадровой работе — замене, а то и расправе над теми, кто вызывал его недовольство».

Ну, объяснил бы, что ли, «приобщившийся к демократическим ценностям», как пьяницу, труса или самодура в генеральском мундире «терпеливо воспитывать» во время боя? Да Толбухину нужно в ножки Мехлису поклониться, ведь если бы тот не настоял на его наказании, то, вполне возможно, так бы и сгнил Толбухин в неизвестности.

Часть 4. Комиссары

Идея

С началом войны наши генералы стали в положение, описанное строчкой из песни Высоцкого: «Как школьнику драться с отборной шпаной?» А драться было надо — деньги до войны получали? Получали. Родину защитить обещали? Обещали. Ну, так надо было не только ножку на парадах тянуть да доносы на коллег в НКВД писать, надо было и военное дело попробовать изучить. Тогда не пришлось бы жаловаться на то, что комиссары, видишь ли, им воевать не давали.

Давайте разберем образный пример о прыжках с вышки в воду. Уподобим полководцев Красной Армии прыгунам в воду, которых, не обучив (вернее, обучив всяким ненужным глупостям), не потренировав в прыжках с маленькой высоты, сразу завели на десятиметровую вышку. Прыгать очень страшно. Не буду их сильно оправдывать — если тренировать их действительно было негде (войн не было), то уж теорию прыжков они могли изучить сами. Однако им было лень это делать, и лень потому, что в жизни им не требовалось знать, как прыгать с вышки (знать военное дело), для получения вожделенных званий мастера спорта (генерала). И эту военную машину Советского Союза, в которой можно было стать генералом, не умея воевать, наши генералы создали сами. Именно такая она им очень нравилась и нравится до сих пор.

Но, повторю, 22 июня 1941 года немцы заставили их восходить на очень высокую вышку и прыгать. Очень высокую! Трусливые подонки еще на подходе к этой вышке сбежали (предали еще до войны), другие, увидев реальную высоту, сползли по столбам (сдались немцам в плен), третьи, толпясь на высоте, пытались заставить прыгнуть кого-нибудь вместо себя (уклонялись от принятия боевых решений) и только честные начали прыгать. Кто-то разбился после первого прыжка, кто-то сильно ударился и, повизгивая, скрылся на тыловой должности, а честные снова залазили и снова прыгали, пока не научились прыгать так, как немцы, и еще лучше.

Но заставлять прыгать только честных было бы очень несправедливо: давать подонкам прятаться за спинами порядочных людей — это предавать порядочных людей. Что делать? Выход

довольно простой — нужно к каждому генералу поставить специального человека, который, во-первых, прыгая вместе с генералом, показал бы ему пример, а, во-вторых, столкнул бы генерала с вышки, когда тот начнет уж сильно малодушничать. Таких людей называли комиссарами.

Идея комиссаров ясна, а посему они появились впервые не в России. К примеру, в начале XIX века они были в армии США: «Комиссар — назначенный правительством в воинскую часть чиновник, в чьи обязанности входит следить за моральным и политическим духом военных».

И в России, как только советское правительство в 1918 году начало создавать Красную Армию, то сразу выяснилось, что призванные большевиками бывшие царские офицеры и генералы предают Советы и спасибо не говорят. Поэтому практически сразу же к ним начали приставлять комиссаров — людей, верных правительству. Поскольку в то время советское правительство было коалиционным, то первые комиссары были представителями обеих правящих партий, т. е. не только большевики, но и левые эсэры. Однако после измены левых эсэров и перехода всей власти в руки большевиков, комиссары, само собой, были уже только коммунистами.

Надзор за командованием был главной функцией комиссаров, второй функцией была политическая воспитательная работа, т. е. комиссары должны были убедить всех, что перед Красной Армией поставлены справедливые и очень нужные народу цели.

Как казалось Правительству СССР, в 1937–1938 годах армию очистили от предателей, причем чистили армию не сотрудники НКВД, как это сейчас принято утверждать, а сами генералы, поскольку никакой НКВД не мог арестовать военнослужащего, если на это не давал разрешения его командир. Оставшимся генералам, проявившим себя на ниве борьбы с предателями, верили, посему в Правительстве СССР возникла эйфория доверия к генералам, и 12 августа 1940 года комиссары были упразднены. Технически — у конкретных комиссаров в армии была упразднена функция надзора за командным и начальствующим составом РККА и оставлена только функция воспитательной работы, в связи с чем эти люди стали называться уже не комиссарами, а заместителями командиров по политической части.

Но это не единственная причина данной реорганизации на тот момент и не главная.

Два начальника — один официальный, а второй надзирающий за официальным — размывали ответственность за исполнение боевой задачи — становилось непонятно, кто из них конкретно отвечает за поражение? Командир мог перекладывать ответственность на комиссара по принципу: «Я-то командир замечательный, да вот дурак-комиссар мне не так приказал, почему задача и не была выполнена».

Таким образом, наличие комиссаров, так сказать, официально уничтожало единоначалие (уверен, что его и без комиссаров тоже не было, а уж с комиссарами его не было в квадрате). А без единоначалия невозможно в творческом процессе боя задействовать творческий потенциал всех командиров.

Но началась война, и почти сразу же выяснилось, что единоначалия в РККА как не было, так и нет, а начальствующий состав Красной Армии в очень большой своей массе сдает немцам и солдат, и страну (как они сделали это и в 1991 году). Кто-то из подлости, кто-то из трусости и малодушия, кто-то по всем причинам сразу. Советскому правительству деваться было некуда: пришлось плюнуть на декларируемое генералитетом единоначалие и вновь ввести надзирающих комиссаров. Сделано это было через три недели после начала войны, и просуществовали комиссары несколько больше года — до 9 октября 1942 г., когда комиссары в армии были вновь упразднены (на флоте чуть позже), на этот раз навсегда.

Мехлис

Должность комиссара — это не более чем должность, она не делает человека ни лучше, ни умнее, ни храбрее. Конечно, она обязывает, но все же все зависит от конкретного человека. Попадет на эту должность умный храбрец, и эта должность будет сиять, попадет алчный урод — и должность превратится в его кормушку, и только. «Не место красит человека, а человек место», — банально, но напомнить эту поговорку будет к месту. И Лев Захарович Мехлис был идеальным комиссаром, что, в общем-то, и являлось причиной, за что его так ненавидели многие наши полководцы. Для них он являлся слишком большим упреком в подлости, трусости, малодушии и тупости.

Мехлис родился в Одессе в 1889 году, окончил 6 классов еврейской школы, работал конторщиком, в 1907 году вступил в сионистскую партию «Паолей Цион» («Рабочие Сиона»), но вскоре из нее вышел — был слишком умен, чтобы быть расистом или националистом. В 1911 году был призван в царскую армию во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Через год стал бомбардиром, а в дальнейшем, судя по погонам на старой фотографии, взводным фейерверкером, т. е. имел максимальный унтер-офицерский чин, и прослужил он в армии до 1918 года. В январе 1918 года демобилизовался, вступил в партию большевиков, которая в 1919 году и посылает его комиссаром в действующую армию. И в Красной Армии Мехлис начинает обращать на себя внимание, прежде всего, своим бесстрашием.

Сначала он был комиссаром запасной бригады, расквартированной в Екатеринославе. А 10 мая 1919 года этот город внезапно захватили банды Григорьева, изменившего советскому правительству. Мехлис с двумя десятками бойцов пробивается из города, встречает идущее подкрепление, возглавляет его и, несмотря на контузию, два дня дерется с григорьевцами, пока не выбивает их из Екатеринослава. Затем он становится комиссаром 2-го интернационального полка в 14-й армии красных, и полк отличается в

боях с деникинцами во многом потому, что комиссар постоянно находился или в боевой цепи, или в разведке.

Это предопределило назначение Мехлиса комиссаром в 46-ю дивизию. Эта дивизия была на тот момент, скорее, партизанской и анархической, нежели дивизией регулярной армии. Как пишет Ю. Рубцов, ознакомившись с документами, в этой дивизии «коммунистом называть себя было рискованно». Тем не менее, Мехлис подчиняет себе дивизию и делает это единственно возможным способом — собственной храбростью. Ею он смущал даже отчаянных бандитов. Рубцов пишет:

«Тяжесть руки нового комиссара в дивизии почувствовали тут же. Прежде всего были укреплены политотдел, особый отдел и ревтрибунал, отстранены от должностей командиры и политработники, относительно которых появилось сомнение. Вместо них Лев Захарович назначил «проверенных» людей. По отношению к «изменникам, шкурникам и трусам» действовал жестко...

В 406-м полку орудовала «шайка бандитов» во главе с комбатом С. Тот убил командира полка и занял его место. Вмешательство комбрига результата не дало. Тогда в полк приехал Мехлис. В халупе у С. он обнаружил настоящий бандитский притон — пьянка, разгул, полуобнаженные женщины... Не терпящим возражения голосом предложив всем покинуть помещение, политком остался с глазу на глаз с С. и потребовал назвать сообщника по преступлению. Стрельбы не было, за оружие, конечно, хватались, друг другу угрожали. Отдадим должное Льву Захаровичу: прояви он слабость — головы бы ему не сносить. А так С., отступив перед волевым напором комиссара, сдался и даже без конвоя был препровожден в штаб, где его и арестовали».

Заметьте, что начальники Мехлиса в это время мало ценят его политические способности, но зато ценят в нем то, чего им, скорее всего, самим не доставало и что в тот момент было нужнее всего — знание военного дела.

«Мехлис — человек храбрый, способный во время боя внести воодушевление, стремится в опасные места фронта, — так характеризовал его в августе 1919 года политотдел 14-й армии. — Но как политком не имеет политического такта и не знает своих прав и обязанностей».

Поясню тому, кто не знает, что в устах начальника слова «не имеет политического такта» на русский язык переводятся, как «осмеливается говорить начальству правду в глаза», но избавиться от Мехлиса начальство не решалось, поскольку 46-я дивизия на глазах наращивала боеспособность, в том числе и за счет того, что в ней солдаты пороли шомполами своих трусливых товарищей на глазах комиссара. Рубцов так пересказывает прочитанные в архивах документы.

«Южный фронт был переименован в Юго-Западный, 46-я стрелковая дивизия перешла в состав 13-й армии, весьма ослабленной в предыдущих боях. Центральные власти позаботились о том, чтобы накануне решающих, как тогда хотелось верить, боев фронт получил необходимое пополнение.

На армию возлагалась задача не допустить отход армейского корпуса генерала Я.А. Слащева в Крым и разгромить его в Северной Таврии. Но перехватить белых не удалось. К 24 января только одна 46-я дивизия вышла к Перекопскому и Чонгарскому перешейкам. Вначале она смогла даже взять Перекоп и Армянский Базар (Армянск), правда, за это пришлось заплатить очень большую цену. В частности, 407-й стрелковый полк потерял убитыми, ранеными и пленными до 70 процентов личного состава.

...Комиссар батальона, в дни боев с Врангелем входившего в состав 46-й дивизии, поведал, как благодаря Льву Захаровичу белым оказалось неуютно за чонгарскими укреплениями и Сивашом: «Тов. Мехлис нашел речушку Чонгар, впадавшую в Сиваш. Речушка была замерзшей, через нее он переправил часть 137-й бригады. Часть зашла в тыл врага, захватила штаб белых с генералами, 18 орудий, несколько десятков пулеметов, огромное количество винтовок и боеприпасов...».

Продвинуться в глубь Крыма на плечах противника, однако, не удалось. Генерал Слащев, собрав все резервы, оттеснил красную дивизию за перешеек. После дополнительной подготовки части 13-й армии в начале марта попытались наступать вновь, даже прорвали оборону на Перекопском перешейке, но были опять отброшены.

О драматизме тех давних событий Льву Захаровичу неожиданно напомнил — почти четверть века спустя — его сослуживец по 46-й стрелковой капитан И. Бахтин. В феврале 1943 года он рискнул написать члену Военного совета Волховского фронта Мехлису: «Помните ли вы, дорогой генерал, такой же тающий февраль между

Юшунем и Армянским Базаром в 1920 году и наши две одинокие фигуры, ведущие огонь по слащевской коннице, пока наши отступавшие части не опомнились и не залегли в цепь вместе с нами?»

...Благоприятный момент для разгрома сосредоточившихся в Крыму войск генерала Врангеля в начале 1920 года был упущен.

Белые не замедлили этим воспользоваться. Накопив к весне силы, в середине апреля они нанесли удар по соединениям 13-й армии. 14 апреля южнее Мелитополя, в районе деревни Кирилловки, с моря был высажен десант — Алексеевский пехотный полк и Корниловская артбатарея. Противник стремился перерезать железную дорогу Мелитополь — Большой Утлюк, по которой шло снабжение всей 13-й армии. Все это происходило в непосредственном тылу 46-й дивизии.

Новый ее начальник Ю.В. Саблин и возглавил уничтожение десанта. Ему удачно «ассистировал» Мехлис. Сформированный комиссаром отряд из частей Мелитопольского гарнизона и вооруженных рабочих остановил десант, а затем отрезал ему пути отхода. Спешно переброшенный 409-й полк защитил железную дорогу. Лишь ценой больших потерь остаткам врангелевского десанта удалось вдоль побережья прорваться со стороны Арабатской стрелки к Геническу, в тыл 411-го полка. На улицах города оставшаяся часть десантников была ликвидирована.

...Не растерялся Мехлис и при наступлении алексеевцев. Узнав, что 411-й полк, которому белые вышли в тыл, отступает, он скачет навстречу бегущим, «приводит полк в чувство» и ведет его в контратаку. У противника явный перевес — броневики, сильная конница, теснящая красную пехоту в открытой степи. И все же белые не устояли.

Комиссар дивизии, как докладывал начдив Саблин в Москву, «все время находился в передовых цепях, увлекая вперед в атаку красноармейцев своим личным примером». Чему-чему, а пулям Мехлис действительно не кланялся. В цепи, бывало, ходил он и спустя двадцать лет — кстати, тоже в Крыму, — неся на шинели знаки различия армейского комиссара 1-го ранга.

Еще в разгар боя комиссар почувствовал резкий удар в левое плечо. Обездвижела, налилась болью рука. Но Мехлис из боя не вышел, пока Геническ не оказался в руках своих. В госпитале потом

определили — сквозное ранение ружейной пулей левого плеча со значительным раздроблением кости.

18 апреля, на следующий день после боя, Саблин и Мехлис получили из Реввоенсовета армии телеграмму о том, что они представлены к награждению орденом Красного Знамени».

Судя по всему, Мехлис очень равнодушно относился к наградам, Рубцов дал в книге несколько десятков фотографий Мехлиса времен Отечественной войны и послевоенных, и среди них нет такой, которая чуть ли не обязательна для всех наших генералов — со всеми орденами, медалями и значками на груди. В лучшем случае у Мехлиса орденские планки, а то и просто значок депутата Верховного Совета СССР...

Долечивался Мехлис в Реввоенсовете Юго-Западного фронта, а 22 июля 1920 года Сталин подписал документ, гласивший: «Состоявшему для поручений при РВС ЮЗ тов. Мехлису. С получением сего предписывается Вам отправиться в Ударную группу Правобережной Украины на должность Комиссара означенной группы», — сообщает Рубцов. И далее: «Ударной группе в готовившемся контрнаступлении отводилась важная роль — она должна была нанести главный удар с правого берега Днепра на Перекоп. Поэтому командование позаботилось о значительном пополнении ее силами и средствами. Накануне боев войска группы насчитывали свыше 14 тысяч штыков и 600 сабель при 44 орудиях, получив тройное преимущество над противником. Расширился, таким образом, и масштаб деятельности Мехлиса — ему еще не приходилось осуществлять политическое руководство такой массой людей.

Форсирование Днепра началось в ночь на 7 августа. Как описывал один из биографов Мехлиса (иных свидетельских или документальных подтверждений тому нет, но, зная характер комиссара, нетрудно в это поверить), именно Лев Захарович возглавил передовой отряд.

Уже в первой половине дня переправа была успешно осуществлена, и в районе Каховки захвачен плацдарм, где под руководством известного военного инженера Д.М. Карбышева сразу же стали возводить оборонительные сооружения. Это оказалось тем более важным, что через пять дней противник вынудил Правобережную группу начать общий отход к Каховке. Здесь, опираясь на оборонительные сооружения и постоянно укрепляя их,

красные сумели остановить врага. Каховский плацдарм стал тем камнем преткновения, о который разбились все усилия Врангеля на этом операционном направлении.

Но это стало ясно потом, а пока развернулись упорные бои. Чтобы враг не сбросил красных в Днепр, предстояло намертво зарыться в землю, построить мощные инженерные сооружения.

...5 сентября врангелевцы перешли в наступление, предприняв попытку овладеть Каховским плацдармом. Они ввели в бой Корниловскую пехотную дивизию, поддержанную танками и артиллерией. Благодаря хорошо организованной в артиллерийском отношении обороне, враг не прошел. В отражении атаки участвовал и Мехлис: «Как опытный артиллерист, он стал у одного орудия сам и приказал батарее открыть беглый огонь по остальным танкам».

Вот это все написал о Мехлисе приобщившийся к демократическим ценностям Ю. Рубцов, а далее он во всей книге занудно разъясняет читателям, что Мехлис ничего не понимал в военном деле и всю жизнь занимался только доносами. Разъясню ему самому: по мнению его, «приобщившегося», ничего не понимал в военном деле человек, который:

- руководил боями по освобождению Екатеринослава от григорьевцев;

- организовал бои 2-го интернационального полка с деникинцами;

- сколотил партизан 46-й дивизии в боеспособное соединение; — первым с этим соединением ворвался в Крым в январе 1920-го; — разгромил алексеевский десант;

- удержал от врангельцев Каховский плацдарм.

Мехлис имел уникальный опыт по формированию соединения и командованию им в наступательных и оборонительных боях с исключительно сильным противником той войны. Ведь генерал-лейтенант Я.А. Слащев, с которым дрался Мехлис, считался наиболее талантливым генералом Белой армии, а когда в 1921 году его простили и он вернулся из эмиграции в Советский Союз, то он до своей смерти в 1929 году преподавал тактику на Высших командных курсах «Выстрел».

И если Мехлис, бившийся со Слащевым, в военном деле ничего не понимал, то кто понимал? Г.К. Жуков? Командир эскадрона,

отличившийся в «ликвидации антоновщины и кулацких банд»? — как пишет о нем энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР». Или А.М. Василевский, дослужившийся в Гражданскую войну аж до помощника командира полка и опять-таки отличившийся «в борьбе с бандитизмом»? Или Тухачевский, из-за маразма которого была проиграна война с поляками и которому даже для подавления крестьянского мятежа на Тамбовщине потребовались отравляющие газы?..

Война окончилась, и Мехлис демобилизуется из армии, хотя уже занимал в ней пост, позволявший сделать стремительную карьеру. Скажем, Я.Б. Гамарник в 1920 году имел такую же должность, как и Мехлис — комиссара, но 58-й дивизии. Остался Яков Борисович на партийной работе и уже в 1929 году стал главным комиссаром Красной Армии, заместителем наркома обороны, а по своей должности — и членом ЦК ВКП(б). Однако Мехлиса сытные партийные кормушки в невоюющей армии не прельстили.

И он уходит на работу, поразительную по своей видимой незначительности, но очень в то время необходимую — он возглавляет канцелярских работников в Правительстве СССР — в Совнарком. Дело в том, что главу Правительства — В.И. Ленина — уже достала волокита разросшегося «заслуженными революционерами» правительственного аппарата. Письма и донесения, поступившие в Совнарком, попадали к Ленину много дней спустя, его распоряжения и указания терялись, очень долго не отправлялись исполнителям документы, требовавшие согласования тогдашних министров (наркомов), — они или пропадали в их ведомствах, или тоже не возвращались очень долго. И Мехлис занялся рутинной работой — устанавливал регистрацию документов, заводил журналы, контроль прохождения документов, жестко наказывал нерадивых и добился, что аппарат Ленина стал работать четко.

В результате, осенью 1921 года его переводят в Рабоче-крестьянскую инспекцию, чтобы заставить работать и тамошний аппарат. Мехлис и здесь справляется с этой работой, кроме того, он активно работает и в самой Инспекции, становясь грозой чиновных воров, расхитителей и просто разгильдяев. Через год его забирает из Рабкрина Сталин, который хорошо знал Мехлиса еще по Юго-Западному фронту, и поручает ему навести порядок в работе аппарата

ЦК РКП(б). Мехлис справляется и с этой работой, в результате чего он мог уже с полным основанием считать себя специалистом по совершенствованию структур управления, или, как он писал, «по налаживанию аппарата». Причем свой опыт он быстро нарабатывал исключительной самоотверженностью и самоотдачей делу — для него всю жизнь не существовало ничего, кроме порученного дела, какое бы дело ему ни поручали. Вот интересное свидетельство Ю. Рубцова, характеризующее одновременно и Сталина, и Мехлиса. «Сохранилась записка Сталина А.И. Рыкову, тогдашнему главе Совнаркома, и В.М. Молотову от 17 июля 1925 года: «Прошу Вас обоих устроить Мехлиса в Мухалатку или другой благоустроенный санаторий, не обращайтесь на протесты Мехлиса, он меня не слушает, он должен послушать Вас, жду ответа».

Но у налаживания чего угодно должен быть конец: если ты добросовестно относишься к этой работе, то, в конце концов, налаживаешь механизм, и он начинает хорошо работать, но после этого у тебя работа теряет творческие начала и становится рутинной. Так получилось и с Мехлисом, и в начале 1926 года он упросил ЦК отпустить его учиться. В 1929 году он оканчивает Институт красной профессуры, причем его интеллект и способности отмечают преподаватели — его учебные работы публикуются в теоретическом журнале коммунистов «Большевик». В связи с этим Мехлиса после окончания учебы направляют работать в главную газету ВКП(б), в ней он начинает службу ответственным секретарем, а вскоре становится главным редактором «Правды». На этом посту работа Мехлиса отмечена его огромными интеллектом и самоотверженностью: Мехлис работает без отпусков и выходных, его, заболевшего, из кабинета увозят в больницу, а из больницы он возвращается не домой, а в кабинет.

В 1937 году выясняется, что в армии окопались предатели, одним из главарей изменников оказался главный комиссар РККА Я.Б. Гамарник. Место главного комиссара осталось вакантным, и после перебора вариантов в конце 1937 года на должность начальника Политического управления РККА был назначен Лев Захарович Мехлис.

Первое, что ему пришлось делать, это продолжать чистить армию от предателей, но, главным образом, от подлых мерзавцев,

соблазнившихся военной службой ради высоких окладов и пенсий — от мусора, который и вызвал впоследствии тяжелейшие потери советского народа в Отечественной войне. Этот мусор противостоял Мехлису, причем таких, как Мехлис, в армии было не много, а мусора — очень много, поэтому мусор своими голосами глушил мнение Мехлиса даже в глазах тех, кто Мехлису безусловно верил, — в глазах Сталина, Ворошилова, Тимошенко. Вот «приобщившийся к демократическим ценностям» Ю. Рубцов описывает якобы несправедливое недоверие Мехлиса к генерал-лейтенанту М.Ф. Лукину, о подвиге которого я уже писал.

«В 1937 году за «притупление» классовой бдительности он был снят с должности военного коменданта Москвы и направлен заместителем начальника штаба СибВО. Будучи в Новосибирске проездом на Дальний Восток, Мехлис 27 июля 1938 года телеграфировал Щаденко и Кузнецову: «Начштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У комбрига Федорова (тогда — начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. — Ю. Р.) должно быть достаточно о нем материалов. Не ошибетесь, если уберете немедленно Лукина». Вызванного в Комиссию партийного контроля будущего Героя Советского Союза спасло лишь заступничество Ворошилова».

Как видите, еще в 1937 году Мехлис предлагал убрать из РККА малодушного, по сути, предателя, сдавшего немцам без боя четыре армии в октябре 1941 года под Вязьмой. (Надо сказать, что за такой подвиг Героем можно было стать только по представлению «приобщившихся к демократическим ценностям», но они и в то время, как и всегда, имели те убеждения, за которые бабки платят, а тогда (Рубцов должен это хорошо помнить) платили за верность марксистско-ленинскому учению. Посему Лукина, конечно, в то время к званию Героя и не собирались представлять.)

В предвоенные годы СССР провел два вооруженных конфликта (на Хасане и Халхин-Голе) и советско-финляндскую войну. И на всех театрах военных действий обязательно был и главный комиссар РККА.

Вот что интересно. Люди со временем меняются, это особенно хорошо видно по ветеранам Великой Отечественной войны. В молодости они, победители «носителей мировой цивилизации», гордо шли по Европе, а нынче в своей массе даже бывшие Герои Советского

Союза трусливо лебезят и изгибают стариковские спинки перед последышами Гитлера, уничтожившими тот Советский Союз, который они в годы Второй мировой отстояли от Гитлера.

Так вот, во Льве Захаровиче Мехлисе интересно то, что он всю свою жизнь не менялся.

Вы помните, что в августе 1919 года политотдел 14-й армии попрекал Мехлиса отсутствием «политического такта». А Мехлис его за всю жизнь не приобрел и не собирался приобретать, что удивляло всех, и даже Хрущев о нем сказал: «Это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший». Ну, действительно, вся партноменклатура возносила Сталина до небес и относилась к нему как к богу, а Мехлис всю жизнь относился к нему как к товарищу по партии. Рубцов приводит свидетельства, которым в данном контексте трудно не поверить, скажем, Сталин на совещаниях буквально высмеивал какое-нибудь предложение Мехлиса и настаивал на своем решении, а Мехлиса это, тем не менее, нимало не обескураживало: он признавал право вождя взять на себя ответственность за решение, но не пугался, не лебезил, а точно так же продолжал вносить предложения, нимало не заботясь, понравятся ли они Сталину. А если он считал, что ответственность за решение лежит на нем, Мехлисе, то он и Сталина заставлял подчиниться. Рубцов пишет:

«Со ссылкой на писателя Александра Фадеева, Ф.И. Чуев приводит факт, когда Мехлис оспорил решение Сталина, восстановившего в должности технического работника, которого заведующий бюро Секретариата ЦК уволил за нарушение трудовой дисциплины. При этом генсек якобы даже говорил о Мехлисе: «С ним я ничего не могу сделать». Возможно, последнее было все той же игрой вождя на публику, но сам факт кажется весьма реальным, ведь Лев Захарович всегда отличался упрямством». (Это Рубцов посмотрелся на Горбачева, Ельцина, Путина и прочих «носителей демократических ценностей». Ну, зачем Сталину нужно было «играть на публику»?)

Никакого политического такта не было у Мехлиса и по отношению к богоизбранной нации, которая худшими своими представителями всегда создает в стране пребывания сильную расистскую политическую организацию. Когда после предвоенной чистки армии от мусора подсчитали, то оказалось, что в числе мусора,

выметенного Мехлисом, процент евреев оказался в несколько раз больше, чем процент их вообще в армии, и любопытные стали чесать затылки в вопросе: это какой же национальности сам Мехлис? На что тот невозмутимо ответил, что он по национальности не еврей, а коммунист, и этим, само собой, очень сильно обидел расистов богоизбранного народа. Промолчи он тогда, и нынешние СМИ, и «приобщившиеся к демократическим ценностям» уже давно бы сделали из него, еврея, героя демократии и жертву сталинизма.

Вы помните, что в Гражданскую войну Мехлис отличался исключительной храбростью, и это его качество было при нем всю его жизнь. Вот, к примеру, собранные Ю. Рубцовым образцы поведения Мехлиса в финскую войну.

«Несколько раз в переpleты попадал и Мехлис. В беседе с автором писатель Ортенберг, редактировавший тогда газету 11-й армии «Героический поход», вспоминал, как вместе с начальником ПУ они, будучи в одной из дивизий, попали в окружение. Армейский комиссар 1-го ранга посадил работников редакции на грузовичок — бывшее ленинградское такси, дал для охраны несколько бойцов: «Прорывайтесь». И прорвались по еще непрочному льду озера. А сам Мехлис вместе с командиром дивизии возглавил ее выход из окружения».

Заметьте, что Мехлис мог удрать из окружения как Ортенберг, но и не подумал этого сделать — у него и мысли не возникало, что он, комиссар, бросит своих солдат! Вспомните теперь, как вели себя полководцы РККА в аналогичных ситуациях.

«Увидев, что наши не могут сбить финский заслон у дороги, Мехлис расставил бойцов в цепь, сам сел в танк и, двигаясь вперед, открыл огонь из пушки и пулемета. Следом пошли бойцы. Противника с его позиции сбили.

Об аналогичном случае вспоминал и генерал А.Ф. Хренов, тогда начальник инженерных войск ЛВО: «В одной из рот его (начальника ПУ. — Ю. Р.) и застал приказ об атаке. Он, не раздумывая, стал во главе роты и повел ее за собой. Никто из окружающих не сумел отговорить Мехлиса от этого шага. Спорить же с Львом Захаровичем было очень трудно...»

Заметьте, что Мехлису уже тогда был 51 год, но он был комиссар, он не мог из блиндажа махать солдатам ручкой — вперед за Родину!

Еще эпизод, зафиксированный Рубцовым.

«Мехлис хотел стать свидетелем победы непосредственно на фронте. Будучи отозванным в Москву, 10 марта он обращается с личным письмом к Сталину, в котором просит «дать мне возможность поработать в 9-й армии до конца операции... На участке 54 с.д. идут упорные бои... Я буду не бесполезным человеком на месте». Такое разрешение было получено».

Ну, вот и сравните поведение Мехлиса с поведением Василевского в 1941 году. Ведь у Василевского и в мыслях не было попроситься у Сталина на фронт. Наконец, Ворошилов предлагает ему должность начальника штаба Северо-Западного направления. Штабы направлений были хорошо замаскированы и защищены, находились вдали от фронта и от немцев. И, тем не менее, Василевский трусливо малодушничает и делает все, чтобы избежать фронта. Ну, и как, по-вашему, должен был себя чувствовать маршал Василевский по сравнению с Мехлисом? Должен ли был Василевский уважать его?

Нет! Храбрых уважают храбрые, а трусы храбрецов ненавидят! И точно так же во всем: умных уважают умные, великих людей уважают великие, а глупцы ненавидят умных, точно так же, как и ничего не представляющая собой подлая мелочь люто ненавидит великих людей. Иначе ведь не объяснишь, почему Черчилль пишет о Сталине с величайшим уважением, а какая-то шавка, о которой забудут через день и навсегда, как только она исчезнет с экрана телевизора, поливает Сталина грязью изо всех сил.

Работа комиссара

Итак, в августе 1940 года институт военных комиссаров в РККА был упразднен, Мехлис, так сказать, снова был демобилизован, и Верховный Совет СССР назначил его на пост народного комиссара Наркомата государственного контроля. Честный бессребреник, которого невозможно купить, Мехлис стал бичом для партийно-государственной номенклатуры, пытающейся поживиться за счет советского народа. И хотя до начала войны оставалось меньше года, Лев Захарович успел дать по рукам многим, вызвав, естественно, страх и ненависть высшей бюрократии. Попало наркому легкой промышленности, наркому совхозов, наркому судостроительной промышленности, наркому нефтяной промышленности, с зарплаты наркома морского флота Мехлис снял 3288 рублей, которые тот проел за счет денег, выделяемых на соцкультбыт, попало наркому мясной и молочной промышленности и даже Генеральному прокурору, который по требованию Мехлиса вынужден был отдать под суд своих вороватых начальников управлений. Только за первую половину 1941 года Мехлис организовал свыше 400 ревизий, основательно разворотив осиное гнездо алчных негодяев.

Но началась война, и сразу выяснилось, что война идет не так, как ее обещали вести наши прославленные полководцы-единоначальники. Нет, Красная Армия не стала удирать от немцев, как поляки, не малодушничала, как французы или бельгийцы, но она отступала и отступала, оставляя немцам советскую территорию, советские города и села и советских людей. Мы уже немного познакомились с Мехлисом, как вы полагаете, где он был в это тяжелейшее время?

Правильно. В июне — июле он был на Западном фронте — там, где предатель — командующий фронтом генерал Павлов открыл немцам путь на Москву, в августе — на Центральном, в сентябре — октябре — на Северо-Западном, в ноябре — в 30-й армии Западного фронта, в декабре — январе — на Волховском фронте.

А что он там делал? Где-нибудь во фронтовом штабе с глубокомысленным и мудрым видом пялился на нарисованные на карте стрелки, изображая из себя гениального деятеля из Москвы? Нет,

он не конкурировал с полководцами — он занимался своей комиссарской работой.

Здесь трудно сказать, что во-первых, что во-вторых, начнем, пожалуй, с того, что я практически не встречал в воспоминаниях ни одного полководца, за исключением, пожалуй, воспоминаний генерала Горбатова и отчасти у Рокоссовского — Мехлис пытался найти способы воспитания храбрости Красной Армии, пытался найти способы возбуждения ее мужества и стойкости в бою. Как пишет Ю. Рубцов, эта проблема всегда волновала Мехлиса, еще в 1940 году на совещании по военной идеологии, он требовал от комиссаров и командиров: «Армию, безусловно, необходимо воспитывать, чтобы она была уверена в своих силах. Армии надо прививать дух уверенности в свою мощь. Но это как небо от земли отличается от хвастовства о непобедимости Красной Армии...

Не популяризируются лучшие традиции русской армии, и все, относящееся к ней, огульно охаивается... В оценке действий царской армии процветает шаблон упрощенчества. Всех русских генералов до недавнего времени скопом зачисляли в тупицы и казнокрады. Забыты русские полководцы — Суворов, Кутузов, Багратион и другие, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу».

А во время войны эта проблема выдвинулась в число главнейших. Ю. Рубцов сделал такие выписки из записей Мехлиса.

«Поражает, что за время этой тяжелой войны оказалось много предателей, что на первых порах боевых операций боеспособность наших частей оказалась не на должной высоте. Поражает то, что и до сих пор предательство — широко распространенное явление».

«...На войне плоть находит выражение в животном инстинкте — самосохранении, страхе перед смертью. Дух находит выражение в патриотическом чувстве защитника Родины. Между духом и плотью происходит подсознательная, а иногда и сознательная борьба. Если плоть возьмет верх над духом — перед нами вырастет трус. И наоборот...»

Отвлекусь. У Мехлиса был единственный сын Леонид, и сын был болен. Ю. Рубцов не сообщает, чем именно он болел, но поскольку с 1943 года при отъездах отца и матери (жена Мехлиса была военным врачом и служила в армейских госпиталях) Леонида приходилось

помещать в специальные больницы, то, надо думать, что сын был болен основательно. Тем не менее, отец писал ему с фронта: «Не забудь свои годы — надо окрепнуть и идти в армию, защищать родину... Пойдешь в действующую армию и окрепнешь физически». И, наконец: «Люби, родной сын, свою родину больше, чем свою мать и отца, больше, чем саму жизнь».

Но вернемся к теме стойкости Красной Армии. Что конкретно мог сделать Мехлис в тех условиях? Все судят по себе, и он не исключение. Он — коммунист, он — комиссар, он видел, что в его присутствии солдаты чувствуют себя увереннее. Какой отсюда мог последовать вывод? Один — насытить фронт коммунистами и политработниками. И, как отмечает Рубцов, где бы ни был Мехлис, он начинал свою работу по укреплению войск с насыщения их политбойцами (добровольцами-коммунистами) и политработниками, энергично вычищая от последних тылы и посылая их поближе к фронту. Ю. Рубцов выписал из документов примеры отношения Мехлиса к вопросу, где должен быть комиссар.

«Урок кадровой работы уполномоченный Москвы преподавал начальнику политуправления фронта П.И. Горохову: «Вы забрали из 4-й армии до двадцати политработников Я говорил вам о двух типах руководителей — один разоряет подчиненные части и создает себе благополучие в бюрократическом аппарате, другой все лучшее отдает в полки и дивизии и создает полноценную армию. Вы поступили по типу первой группы руководителей. Немедленно откомандируйте в 4-ю армию всех взятых политработников. То же сделайте и по 52-й армии».

...На одном из заседаний Совета военно-политической пропаганды Мехлис рассказал о случае, когда немецкая рота форсировала реку Воронеж без единого выстрела с нашей стороны. Оказывается, в это время даже бойцы охранения ушли в тыл, на собрание. Такой сложился стиль: если комиссару полка надо поработать с агитаторами, он вместо того, чтобы идти в роты, собирал их у себя. Так же действовал секретарь комсомольского бюро. «Нужно воспитывать любовь не к тылу, а к фронту, к переднему краю», — резонно подчеркнул Мехлис, и дело это — политработников. Между тем, начальника политотдела 141-й стрелковой дивизии больше двух недель не видели в полку, на участке которого немцы форсировали

Воронеж. Начальник политотдела другой, 160-й стрелковой, дивизии также предпочитал работать в тыловых частях, неделями не появляясь на переднем крае. Могут ли подобные политработники воспитать у подчиненных стойкость в бою, вселить в них мужество?»

Выше из воспоминаний Толконюка следует, что Гордова сняли за расстрел политработника, который во время боя находился в тылу, и Толконюк полагал, что Мехлис потребовал снять Гордова с командования армией именно за это. Но Ю. Рубцов, сообщая, за что Мехлис требовал убрать из 33-й армии генерала Гордова, об этом эпизоде молчит, а это значит, что Мехлис в своем докладе Сталину об этом даже не упомянул, т. е. и в понимании Мехлиса, если политработник во время боя ошивается в тылу, то он ничего, кроме пули, не заслуживает. Мехлис был коммунистом, и его, судя по всему, до глубины души оскорбляла трусость негодяев с партбилетами: «Трус и паникер с партийным или комсомольским билетом — самый худший враг, изменник родине и делу нашей большевистской партии», — вполне резонно констатировал Мехлис и требовал, — «немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду военного трибунала». Еще в июне 1941 года по требованию Мехлиса был отдан по суду и расстрелян полковой комиссар А.Б. Шленский, сбежавший с фронта в Прибалтике.

И конечно, продолжу образное сравнение. Мехлис заставлял прыгать с высокой вышки полководцев Красной Армии. Надо думать, что заставлял и убеждениями тоже, но Рубцов оставил нам примеры того, как Мехлис это делал силой.

Правда, примеров тому Ю. Рубцов приводит не много, в частности, расстрел командующего 34-й армией генерал-майора Качанова и командующего артиллерией армии генерал-майора Гончарова, бросивших вверенные им войска и сбежавших в тыл. Надо думать, что с позиции всех «приобщившихся к демократическим ценностям» Качанов и Гончаров совершили поступок, заслуживающий всяческого одобрения и поощрения, посему Рубцов искренне ужасается действиями Мехлиса.

«Пожалуй, в ту войну никто больше не решился без суда расстрелять перед строем генерала. А начальник Главного политуправления не колеблясь пошел на это. Вот текст приказа войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 года, составленного лично

Мехлисом: «...За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии».

Как человек, «приобщившийся к демократическим ценностям», Рубцов плохо соображает, что он пишет. Уверив читателей, что Мехлис приказал расстрелять «не колеблясь», не стоило в следующем абзаце описывать процедуру расстрела, из которой явствует, что Мехлису эта мера далась не легко и после колебаний.

«Документ был оформлен «задним числом» для придания законного основания личному произволу начальника ГлавПУ РККА. Вот что рассказал автору полковник в отставке В.П. Савельев, бывший свидетелем расстрела генерала Гончарова. По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: «Где пушки?» Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части.

«Где, я вас спрашиваю?» — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: «В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...». Для исполнения «приговора» он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...».

Ю. Рубцову хотелось показать, что даже в те годы были такие, как он — «приобщившиеся к демократическим ценностям» (в чем, собственно, никто и не сомневается — раз некоторое офицерье и генералье Красной Армии предавало народ, бросало своих солдат и удирало, то, значит, были). И Рубцов приводит следующий факт:

«Уже на следующий день Мехлис интересуется, насколько сильное впечатление произвела эта крайняя мера. По его приказу начальник особого отдела НКВД Северо-Западного фронта комиссар госбезопасности В.М. Бочков доносит уполномоченному Ставки о

реакции в 34-й армии на расстрел генерала Гончарова. Большинство присутствовавших при казни ее одобряет, сообщал Бочков. Мол, так Гончарову и надо, давно пора принимать меры, пьяница, оставил армию без артиллерии. Но вот заместитель начальника оперативного отдела штаба армии майор Васильев заявил: «Сегодняшний расстрел меня окончательно убил... Ведь он же не виноват (Гончаров), кто-то бежит, кто-то бросает оружие, а кто-то должен отвечать».

Кто же это так осмелился идти «не в ногу»? Начальник особого отдела поясняет: «Васильев характеризуется с отрицательной стороны как трус. Данные о Васильеве нами тщательно проверяются».

Но, между тем, этот эпизод показывает не только то, что в годы войны моральных уроков было мало и расстрелы трусливых предателей одобрялись здоровой массой Красной Армии, но и то, что Мехлис расстреливал не из садистских побуждений, а преследуя воспитательные цели, и его интересовало, достигнуты они или нет. Рубцов заканчивает тему:

«Вопреки утверждению Мерецкова, в эти же сентябрьские дни окончилась не только карьера, но и сама жизнь генерала Качанова. Расправившись с генералом Гончаровым, начальник ГлавПУ дал указание осудить к расстрелу и командарма-34, что военный трибунал и исполнил 26 сентября в присутствии Мехлиса. Автор располагает на сей счет свидетельством полковника в отставке М.И. Скрыгина, служившего офицером для поручений штаба Северо-Западного фронта. Остается добавить, что генералы Качанов и Гончаров позднее были посмертно реабилитированы».

Ну, это само собой! Как же это не реабилитировать негодяев, обжиравших перед войной свой народ, а во время войны его предавших? Вот только почему тот, кто их реабилитировал, заодно и не воскресил тех солдат, которые были убиты потому, что эти негодяи оставили их без управления и без артиллерии?

Между тем, немцы успешно наступали в 1941–1942 годах, в частности, и потому, что жестоко расправлялись со всеми «носителями демократических ценностей», сумевшими пробраться в немецкую армию. Вот давайте рассмотрим случай, приведенный в мемуарах немецкого фельдмаршала Э. Манштейна. Конец 1941 года, Манштейн командует 11-й немецкой армией в уже занятом гитлеровцами Крыму и пытается взять Севастополь.

«26 декабря противник, переправив две дивизии через пролив, высадил десанты по обе стороны от города Керчь. Затем последовала высадка более мелких десантов на северном побережье полуострова.

Командование 42-го ак (генерал граф Шпонек), имевшее в своем распоряжении для обороны полуострова только одну 46-ю ид, оказалось, конечно, в незавидном положении. Граф Шпонек поэтому запросил у командования армии разрешения оставить Керченский полуостров, имея в виду запретить выходы из него у Парпачского перешейка. Но командование армии не разделяло его мнения. Если бы противнику удалось укрепиться в районе Керчи, то на полуострове возник бы еще один участок фронта и обстановка для армии, пока не был еще взят Севастополь, стала бы чрезвычайно опасной. Поэтому командование армии приказало 42-му ак, используя слабость только что высадившегося противника, сбросить его в море», — пишет Манштейн.

«...46-й ид действительно удалось к 28 декабря ликвидировать плацдармы противника севернее и южнее Керчи, за исключением небольшой полосы земли на северном побережье. Тем не менее, граф Шпонек вторично запросил разрешения оставить Керченский полуостров. Командование армии категорически возражало против этого, так как мы по-прежнему придерживались мнения, что после оставления Керченского полуострова сложится такая обстановка, справиться с которой нашей армии будет не по силам.

Тем временем 54-й ак 28 декабря перешел в последнее наступление под Севастополем.

Противник же готовился к нанесению нового удара. 24 декабря мы получили донесение из Феодосии, что ночью противник там под прикрытием значительных сил флота высадил десант. Незначительные силы наших войск, стоявшие под Феодосией (один саперный батальон, противотанковая истребительная артиллерия и несколько береговых батарей; румыны прибыли в Феодосию только в течение первой половины дня), не в состоянии были помешать высадке. Телефонная связь со штабом 12-го корпуса, находившимся примерно в центре полуострова, была прервана. В 10 часов от него была получена радиограмма о том, что граф Шпонек ввиду высадки противником десанта у Феодосии приказал немедленно оставить Керченский полуостров. Приказ командования армии, запрещающий этот отход,

уже не был принят радиостанцией штаба корпуса. Хотя и можно было согласиться с опасением штаба корпуса оказаться отрезанным с 46-й ид на Керченском полуострове высадившимся десантом противника, мы все же считали, что чересчур поспешный отход ни в коей мере не может способствовать улучшению обстановки. Если в этот момент противник сможет активизировать остатки своих сил у Керчи, он сразу же начнет преследовать 46-ю ид. Эта дивизия оказалась бы на Парпачском перешейке между двух огней. Одновременно с приказом, запрещавшим оставлять Керченский полуостров (этот приказ, как было сказано выше, уже не мог быть принят штабом 42-го ак), командование армии отдало приказ румынскому горному корпусу силами названных выше двух бригад и находившегося на подходе румынского моторизованного полка немедленно сбросить в море высадившийся у Феодосии десант противника. Мы, правда, не питали иллюзий относительно наступательного духа румынских соединений. Но противник не мог еще располагать у Феодосии крупными силами на суше. Решительными действиями можно было использовать эту его слабость. Мы имели основания надеяться, что румынам, по меньшей мере, удастся удержать противника в пределах небольшого плацдарма у Феодосии, пока не подойдут немецкие войска».

Заметим, что граф Шпонек не бросал своих войск, не пьянствовал в тылу, он, вообще-то, хотел спасти от окружению 46-ю ид, видимо, не надеясь на помощь от Манштейна. Однако в результате «46 пд форсированным маршем вышла на Парпачский перешеек. Но при этом ей пришлось оставить на обледенелых дорогах большинство своих орудий». И, соответственно, у Манштейна, как и у Мехлиса, появилась необходимость задать графу Шпонеку вопрос: «Где пушки?» Манштейн продолжает:

«Получив донесение о том, что, вопреки неоднократным приказам командующего армией, запрещавшим отход с Керченского полуострова, командир корпуса все же приказал своим войскам отойти, я отстранил графа Шпонека от командования.

...Граф Шпонек, конечно, пожелал оправдать свой образ действий в ходе судебного разбирательства военного трибунала. Такой процесс был назначен Гитлером, для чего Шпонек был вызван в ставку фюрера. Процесс проходил в ставке фюрера под председательством Геринга в дни, когда обстановка в Крыму была наиболее острой. После краткого

судебного разбирательства был вынесен смертный приговор, замененный, однако, Гитлером заточением в крепость».

Не уверен, но думаю, что Манштейн здесь искажает смысл. Скорее всего, приговор не был заменен, а был отсрочен, поскольку граф Шпонек, в назидание другим генералам, все же был расстрелян в 1944 году — умел обжираться немецкий народ в мирное время, так умей и выполнять приказы в военное!

Забота о солдатах

Однако понуждение советских генералов и офицеров к исполнению своего долга перед Родиной — это еще не вся комиссарская работа. И Мехлис, само собой, уделял огромное внимание быту советских солдат, чем вызвал к себе злобную ненависть интендантов Красной Армии и ее главного интенданта, начальника тыла РККА генерала Хрулева. Именно от него следуют самые гнусные инсинуации в адрес Мехлиса. Чтобы понять, о чем речь, давайте рассмотрим суть эпизода, который привел в своих воспоминаниях Толконюк.

«Поскольку 33-я армия была детищем Москвы, в ее войсках и Полевом управлении служило много москвичей. Армия, к тому же, действовала близко от столицы, в которой жили родные и близкие многих солдат и офицеров. Между воинами на фронте и жителями Москвы постоянно поддерживалась тесная связь. Пользуясь действующей полевой почтой и любой оказией, москвичи посылали на фронт своим землякам и родственникам посылки с различными подарками; посылки поступали как частным порядком, так и официально от организаций, учреждений и предприятий. Приезжали и делегации. Фронтовики, в свою очередь, стремились под любым предлогом побывать в родном городе и повидаться с близкими. О рядовых, конечно, и младших офицерах, служивших в боевых подразделениях, говорить нечего, их не отпускали. А вот старшие офицеры штабов с радостью ездили в командировки и просто с теми или иными поручениями. Но таких счастливчиков было немного. Уезжать за пределы армии без достаточных оснований строго запрещалось, отпуска не предоставлялись, а в командировку в Москву разрешение и пропуск давал штаб армии с личного разрешения командарма. И все же находились товарищи, которым удавалось найти лазейку съездить домой. Вот один из примеров. В Управлении тыла служил офицер М. Он до войны работал в центральном государственном аппарате и попал на фронт в составе московского народного ополчения. Имея в столице родных и друзей, М. загорелся желанием побывать в родном городе. Его неоднократные просьбы

послать в Москву с каким-либо поручением или предоставить краткосрочный отпуск отклонялись начальником тыла, и он додумался заинтересовать своей поездкой самого командующего. Офицер стал добиваться на прием к командарму, чтобы высказать мотивы, побудившие его съездить в Москву. Но и это ему не удавалось. Тогда М. по чьему-то совету обратился ко мне:

— Вы часто бываете у командующего, вхожи к нему в любое время. Помогите мне сделать доброе для армии дело: попросите за меня генерала, чтобы разрешил съездить на недельку в Москву.

— А что вы там намерены делать? — спрашиваю. — Какое такое доброе дело обещаете? Скажите прямо, что хотите съездить домой и не выдумывайте сказок.

— Честно говоря, — признался проситель, — хочется повидаться с родными и друзьями. Это верно. Но моя поездка не будет бесполезной: я привезу для всех генералов — членов Военного совета в подарок новое обмундирование сверх положенного по норме. Ведь вон как обносилось начальство.

— Подобные протекции не в моих правилах, и я не считаю уместным докучать командующему по таким пустякам — попытался я отделаться от напористого тыловики. Но офицер так умоляюще настаивал, что я вынужден был пообещать при случае передать его просьбу. Случай подвернулся в тот же день. Генерал Гордов сначала возмутился и пообещал отправить М. на передовую под пули вместо Москвы. Но, подумав, сказал: «Пусть съездит. Его затея с обмундированием — афера. Посмотрим, как этот трепач будет оправдываться по возвращении».

Но расторопный офицер обещание выполнил. Он действительно привез для всех генералов Управления то, что должен был привезти: сапоги на меху, папахи самого высокого качества, отрезы на мундиры и брюки, парадные шинели и бекеши, а также генеральское снаряжение. Как сумел М. раздобыть, да еще бесплатно и вне плана, все это добро, он распространяться не стал, заявив, что Москва заботится о генералах своей армии. В итоге все остались довольны — и посланец, и генералы».

Не уверен, многие ли читатели поняли суть, изложенную в этом эпизоде, но поскольку я в свое время на своем заводе работал кем-то вроде начальника тыла в армии, то попробую ее объяснить.

Все, что бесплатно и без документов привез «офицер М.», являлось государственной собственностью, которую подчиненные Хрулева обязаны были распределять строго по назначению и сопровождать соответствующими документами. Для того чтобы отдать подотчетные ценности кому-либо бесплатно, их сначала надо украсть. И если всего лишь за такой пустяк, как кратковременный отпуск, подчиненные генерала Хрулева могли бесплатно отдать со складов тыла Красной Армии такие ценности, какие получил «офицер М.», то можно представить себе масштабы воровства, процветавшего в ведомстве генерала Хрулева.

Но чтобы что-то украсть у государства, это надо предварительно или до ревизии списать. То есть украл, к примеру, вагон консервов или сукна, нужно позвонить какому-либо командующему армией или фронтом и попросить его подтвердить, что эти консервы съели, а это сукно надели на себя его солдаты. Вопрос: а почему командующие должны на это идти? Теоретически, конечно, не должны, и, надо думать, многие и не шли. Но у этой генеральской мафии в тылу были жены, дети, родственники и любовницы, и все они, надо думать, питаться и одеваться по карточкам, как весь советский народ, не хотели. А люди генерала Хрулева из уворованного могли им эту проблему решить.

Уверен, что из-за этого достаточно много советских полководцев не хотели испортить отношения с Хрулевым жалобами на него Сталину — пусть уж лучше солдаты голодные посидят, ведь в генеральском понимании им все равно подыхать. А Мехлис не воровал и ворованным не пользовался, он Хрулеву ничего не был должен, и, посему, если видел, что солдатам чего-то недодают, то немедленно жаловался Сталину, а тот «давал по ушам» Хрулеву и остальным интендантам. И это в лучшем случае, поскольку Ю. Рубцов пишет:

«За такими телеграммами следовали и оргвыводы. В частности, пострадал начальник тыла соседнего, Северо-Западного фронта генерал Н.А. Кузнецов. Под нажимом Мехлиса он был приговорен к расстрелу, который, правда, заменили разжалованием в рядовые. Можно сказать, легко отделался».

Согласимся, что легко, но одновременно согласимся и с тем, что у Хрулева и его людей было за что ненавидеть Мехлиса.

Вообще-то, если посмотреть на Мехлиса в принципе, то он, похоже, органически не терпел несправедливости. Ю. Рубцов приводит такие факты.

«На Волховском фронте, например, он вступился за бывшего командира полка Колесова, безосновательно привлеченного к партийной ответственности. А по ходатайству главного хирурга фронта профессора А.А. Вишневого добился ордена для майора медслужбы Берковского, которого незаслуженно обходили наградами. На Западном фронте он активно способствовал восстановлению в прежней должности заместителя командира 91-й гвардейской стрелковой дивизии по тылу подполковника интендантской службы И.В. Щукина.

С другой стороны, на том же Западном фронте за пьянство в 8-й гвардейской артиллерийской бригаде по настоянию Мехлиса были строго наказаны командир и начальник политотдела. Причем политработник — сильнее: его сняли с должности. Не погладили по головке и командира 222-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майора Ф.И. Грызлова, когда член Военного совета фронта узнал, что комдив злоупотребляет награждениями подчиненных, особенно женщин-медработников. Приказом по фронту Грызлову объявили выговор, при этом наркому обороны ушло ходатайство о снятии его с должности».

А надо сказать, что у Красной Армии было достаточно полководцев (тот же Г.К. Жуков, к примеру), которые любви у своих любовниц вызвать не могли, а деньгами расплачиваться им было жалко, вот они и платили за сексуслуги государственными боевыми наградами. И Мехлис, следивший, чтобы ордена давались за подвиги в окопах, а не в постели, вызывал у таких полководцев понятную ненависть.

Вместе с тем, Мехлис всегда признавал свою вину, если поступал несправедливо. Генерал А.В. Горбатов, которому Мехлис сначала не доверял, вспоминал о таких извинениях Льва Захаровича: «Когда мы уже были за Орлом, он вдруг сказал:

— Я давно присматривался к вам и должен сказать, что вы мне нравитесь как командарм и как коммунист. Я следил за каждым вашим шагом после вашего отъезда из Москвы и тому, что слышал о вас хорошего, не совсем верил. Теперь вижу, что был не прав...» Должен

сказать, что не так уж и много начальников, которые безо всякого принуждения признаются подчиненному в своей неправоте.

Однако все же главной работой комиссара были контроль за полководцами, оценка их полководческих способностей и поиск подходящих кандидатов на должности. Тут у Мехлиса был немецкий подход: офицер — это лучший воин, и только лучших воинов нужно производить в офицеры. 9 июля 1941 года он готовит и вместе с Тимошенко дает военным советам 4, 13, 16, 19, 20, 21 и 22-й армий директиву: «В действующих частях и соединениях во многих случаях довольно беззаботно относятся к выдвижению командиров, отличившихся в боях. Командиры этих частей, очевидно, не понимают, что предстоит серьезная и длительная борьба и что кадры выковываются во время войны».

Организационная работа

Уже вышеперечисленный объем работы таков, что заставляет относиться к Мехлису с огромным уважением, но в 1941 году он, как представитель Ставки, делал и то, что от комиссара сложно было требовать: он не только останавливал бегущих, но и вновь формировал из них дивизии, искал для этих дивизий оружие и выводил эти дивизии навстречу немцам. Особенно тяжело ему пришлось в тех славных Тихвинских операциях, спасших Ленинград от полной блокады. Напомню, что и Тихвинская оборонительная операция и одна из крупнейших и успешных в 1941 году Тихвинская наступательная операция проводились одновременно с Московской битвой, и Ставка не могла выделить достаточно сил для помощи Ленинграду. Но Мехлис справился. Ю. Рубцов приводит такие факты.

«Войсками 4-й армии противник был остановлен на подступах к Тихвину. Правда, ненадолго. 1 ноября наступление на Тихвин было возобновлено, и 8-го город пал. Было нарушено управление 4-й армией, враг вышел в глубокий тыл 54-й армии Ленинградского фронта.

Бои носили чрезвычайно напряженный характер, наши войска несли большие потери, испытывая к тому же острый недостаток в оружии, боеприпасах, теплой одежде. Уполномоченный Ставки приказал, что называется, жесткой метлой вычищать все «сусеки».

Вот наглядное тому свидетельство — в тыловых частях даже небольшого гарнизона станции Веребье было изъято: винтовок самозарядных — 1, винтовок трехлинейных — 86, винтовок малокалиберных — 8, карабинов — 10, ручных пулеметов — 1 и т. д. Аналогичное изъятие производилось и в других гарнизонах.

«Не прибыли высланные Яковлевым (начальник ГАУ. — Ю. Р.) ручные пулеметы. Туго сейчас с винтовками. Совсем негде достать минометов», — информировал Мехлис Сталина 3 ноября. При этом прослеживается важная, на наш взгляд, деталь, характеризующая деловой стиль уполномоченного Ставки: приведенные выше слова доклада меньше всего следует принимать за жалобы и свидетельство беспомощности. Совсем наоборот: просьбу о тех же минометах Лев

Захарович высказывает в конце телеграммы и как бы между прочим. А на первом плане — доклад об уже сделанном, в том числе за счет местных резервов.

Так, фактически восстанавливались четыре стрелковые дивизии (вместо трех, как задумывалось раньше) — 111, 267, 288 и 259-я. Из 10 тысяч человек, направленных на их пополнение, более трети «выкачано», по выражению Мехлиса, из собственных тыловых частей и учреждений. «Оружия изъято из тылов — 4462 винтовки, 98 ручных и станковых пулеметов, минометов один, ППД — два... Кроме того, дивизии изъяли из своих тылов 562 винтовки».

Можно понять, почему Мерецков просил Сталина оставить Мехлиса на Волховском фронте?

Полководцы Крымского фронта

«Приобщившийся к демократическим ценностям» Ю. Рубцов, свято веря тем характеристикам, которые дали Мехлису некоторые наши героические полководцы, делает стандартный для нынешнего режима в России вывод, что «Мехлис представлял собой яркий и зловещий продукт 1937 года», и итожит: «Так что вреда от его пребывания на Крымском фронте было больше, чем пользы». Однако даже из тех фактов, которые он привел, чтобы тенденциозно подогнать их под свой вывод, это отнюдь не следует.

Более того, на мой взгляд, и Сталин изменил объективности, когда писал Мехлису записку, приведенную в воспоминаниях Василевского. Сталин в этой записке слишком уж зло и несправедливо язвит в адрес Мехлиса — видимо, очень тяжело переживал Сталин эту трагедию и в отчаянии от ее последствий срывал зло на том, кто менее всего был в ней виноват, а может быть, срывал и потому, что очень уж надеялся в тот момент на Мехлиса. Дело еще и в том, что Василевский в своих мемуарах так тенденциозно отцитировал документы и так тенденциозно отобрал их из всей массы документов той поры, что складывается впечатление (у меня, по крайней мере, оно было таким долгое время), что Мехлис стал просить у Сталина заменить Козлова «Гинденбургом» только тогда, когда Крымский фронт уже был разгромлен. На самом деле, это не так, и Сталин, видимо, чувствовал свою вину в том, что не прислушался к Мехлису, а от этого злился еще больше. Такое бывает довольно часто.

Мой директор, обучая меня настойчивости в обращении к начальству, рассказал такой пример из истории нашего министерства, тогда Министерства черной металлургии СССР. Директор одного из заводов Минчермета неоднократно письмами в адрес министра (возможно, Казанца) предупреждал о грозящей неприятности и просил у министра помощи в ее предотвращении. Министр, не оценив опасности, просто переадресовывал письма исполнителям, а те, не зная мнения министра, запутывали и не решали вопрос. Неприятность случилась, директора вызвали к министру, и тот обрушился на подчиненного — почему не предупредил?! Директор вынул копии

своих писем и показал министру, тот их снова прочел и разъярился еще больше, поняв, что он и сам виноват в случившемся: «Ты что, этими бумажками себе зад прикрыл?! Ты за дело обязан был беспокоиться, а не оправдания себе готовить! Если я на твои письма не реагировал, то ты обязан был прилететь в Москву с чемоданом камней и бить окна в моем кабинете до тех пор, пока я этот вопрос не решу!»

По сути, министр прав, поскольку вышестоящий начальник не всегда способен оценить степень опасности от промедления в решении того или иного вопроса, и подчиненный обязан идти на определенные издержки, чтобы объяснить ему эту опасность. Не окна бить, конечно, но ругань министра за то, что директор «пустяками отвлекает его от государственных вопросов», нужно было выдержать, нужно было сидеть в приемной, пока министр его не примет и не выслушает.

Давайте, не спеша, рассмотрим те проблемы, которые встали перед Мехлисом в Крыму в начале 1942 года, и рассмотрим их в сравнении. Но сначала несколько общих сведений. Наши войска рядом десантных операций захватили на Керченском полуострове ряд плацдармов в период с 25 декабря 1941 года по 2 января 1942 года и высадили в Крым три армии — 44, 47 и 51-ю. Но уже 15 января слабые силы немцев бьют по нашим войскам и вновь захватывают Феодосию. Сталин в тревоге и, несмотря на просьбы Мерецкова, отзывает Мехлиса с Волховского фронта и посылает в Крым. И, естественно, представитель ставки главный комиссар Красной Армии видит в Крыму то, что и должен был увидеть, — гнусность и подлость части полководцев Красной Армии, причем той части, от которой зависело очень много. Через два дня он докладывал Сталину.

«Прилетели в Керчь 20.01.42 г... Застали самую неприглядную картину организации управления войсками...

Комфронта Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был...»

Давайте оценим то, что означают последние слова доклада Мехлиса, сравнивая поведение в аналогичных ситуациях Козлова и Рокоссовского. У командующего Закавказским фронтом Козлова в

январе 1941 года, наконец, образовался в Крыму фронт соприкосновения с противником, а Рокоссовский в сентябре 1942 года вступил в командование войсками Донского фронта. Так вот, первое, что сделал Рокоссовский, это поехал с войсками знакомиться. Ведь как можно чем-то командовать или руководить, не представляя, как это выглядит, какова реальная сила того, чем располагаешь? Рокоссовский пишет:

«Мы перевели командный пункт в Малую Ивановку, ближе к центру. Затем я приступил к ознакомлению с войсками, начиная с правого фланга, с 63-й армии. Резко бросалась в глаза малочисленность частей. Если еще подразделения специальных войск (артиллерийские, инженерные, минометные, связи) были укомплектованы примерно наполовину, то стрелковые полки — всего на 40, а то и на 30 процентов. Так называемых штыков не хватало катастрофически.

Несмотря на тяжелые испытания, настроение в войсках было бодрое, боевое.

В 4-й танковой армии мне пришлось вновь убедиться, какие большие потери в технике несли танковые соединения из-за того, что вводились в бой по частям, неорганизованно и без должного артиллерийского обеспечения. Сейчас в этой армии (сыгравшей, правда, известную роль в срыве замыслов противника по окружению наших 62-й и 64-й армий в большой излучине Дона) оставалось всего четыре танка. Кто-то из сопровождавших меня офицеров шутя задал вопрос: не потому ли она и называется 4-й танковой армией? Солдаты внесли поправку: свою армию они с горькой иронией называли четырехтанковой.

Войска 24-й армии, в командование которой вступил генерал И.В. Галанин, располагались в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону. Этот участок фронта был весьма активный. Армия вела наступательные действия, отвлекая на себя, как и 65-я, наиболее крепкие немецкие соединения.

На месте я убедился, что теми силами и средствами, которыми располагал Галанин, ему трудно было рассчитывать на достижение какого-либо ощутимого успеха. Здесь противник был сильный, маневроспособный и занимал весьма выгодный рубеж, который был в свое время оборудован еще нашими частями. Соединения армии после

длительных и ожесточенных боев сильно поредели. Но, несмотря на усталость войск, понесенные потери и отсутствие заметного успеха, настроение бойцов и командиров было бодрое.

Мне еще оставалось ознакомиться с войсками 66-й армии, которая располагалась, как и 24-я армия, в междуречье, упиравшись своим левым флангом в Волгу и нависая над Сталинградом с севера. Выгодность этого положения обязывала армию почти непрерывно вести активные действия, стремиться ликвидировать образованный противником коридор, который отрезал войска 62-й армии Сталинградского фронта от наших частей. Теми силами и средствами, которыми располагала 66-я армия, эта задача не могла быть выполнена. Противник, прорвавшийся здесь к Волге, занимал укрепления так называемого Сталинградского обвода, построенного в свое время еще нашими войсками. У врага было достаточно сил, чтобы удержать эти позиции. Но своими активными действиями 66-я армия облегчала участь защитников города, отвлекая на себя внимание и усилия противника». (О том, как Рокоссовский ознакомился с войсками 66-й армии, которой командовал Р.Я. Малиновский, я сообщил выше.)

А мудрые полководцы Козлов и Толбухин считали, что так, как Рокоссовский, воюют только дураки, а умные генералы сидят в штабе и рисуют на карте стрелки: такая-то дивизия идет туда, такая-то сюда и т. д. И их не интересовало, способны ли дивизии пройти по указанному маршруту и, главное, что представляют собой реально эти дивизии как боевая сила? Немецкий танкист Отто Кариус, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями, повоевав после Восточного фронта на Западном, написал в воспоминаниях: «В конце концов, пятеро русских представляли большую опасность, чем тридцать американцев». Но когда рисуешь стрелки на карте, нужно же представлять, из кого состоят твои дивизии — из русских или «американцев»? Ведь это большая разница! А Козлов с Толбухиным за месяц боев не сочли нужным ни разу выехать и взглянуть на того, кто вверен им в командование. Большие полководцы, однако!

А Мехлис сразу же начал с войск и быстро выяснил, какую боевую силу они из себя представляют. И вы можете это оценить по вот таким цитатам из работы Ю. Рубцова всего лишь об одном аспекте их боевого качества, который тоже заботил Мехлиса среди тысяч других вопросов.

«Получает согласие Маленкова на немедленное направление на Крымский фронт 15-тысячного пополнения из русских или украинцев («Здесь пополнение прибывает исключительно закавказских национальностей. Такой смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности», — поясняет Мехлис по «Бодо»).

...Разговорами с членом ГКО Маленковым и заместителем начальника Генштаба Василевским представитель не ограничивается, а связывается напрямую с теми должностными лицами, от которых непосредственно зависит обеспечение фронта. «Дано согласие отправить сюда пятнадцать тысяч русского пополнения, — в тот же день телеграфирует он начальнику Главного управления формирования и укомплектования Щаденко. — Прошу вас отправить его особой скоростью, дать пополнение именно русское и обученное, ибо оно пойдет немедленно в работу».

...15 февраля Мехлис вместе с Вечным были срочно вызваны к Сталину для доклада о степени готовности войск к наступлению. Верховный был неудовлетворен докладом и разрешил сроки наступления отодвинуть. Лев Захарович, пользуясь случаем, затребовал из СКВО на усиление фронта 271, 276 и 320-ю стрелковые дивизии. Характерно, что в разговоре с командующим войсками СКВО генералом В.Н. Курдюмовым 16 февраля он потребовал очистить дивизии от «кавказцев» (термин Мехлиса. — *Ю. Р.*) и заменить их военнотружущими русской национальности».

Или вот Рубцов приводит сохранившиеся в архивах заметки Мехлиса о войсках Крымфронта: «400 с.д. К 11.IV. **ничего не было**, кроме винтовок». «12 сбр. (стрелковая бригада. — *Ю. Р.*) Скорость плохая танков. Ползут как черепахи». «Войсковая разведка работает плохо». «398 с.д. Не было боевых порядков, стадом **идут**». Их этих записей следует, что Мехлис не только знал состояние войск, по меньшей мере, до бригады включительно, но и видел их в боях, а полководцы Крымфронта и в спокойной обстановке боялись со своими войсками ознакомиться. А за этим их страхом кроется еще пара нюансов.

Для сравнения возьмем вот такой эпизод из воспоминаний генерала А.В. Горбатова, командующего 3-й армией.

«Вечером 2 августа я был в 308-й стрелковой дивизии и упрекнул ее командира, обычно очень энергичного в наступлении, генерала Л.

Н. Гуртьева за недостаточное использование успеха соседней дивизии.

Утром 3 августа мой НП был в пятистах метрах от противника, на левом берегу реки Неполодь. В бинокль я видел перед собой Орел. Один за другим слышались глухие взрывы в городе, видны были поднимающиеся над ним клубы черного дыма: немцы взрывали склады и здания.

В это время я получил от генерала Гуртьева донесение о том, что его частями занят населенный пункт Крольчатник. Это было очень важно: Крольчатник был основным опорным пунктом противника на пути к городу. Но когда я перевел бинокль в том направлении, то увидел, что Крольчатник еще в руках противника. Я был уверен, что к этому времени командир 308-й дивизии уже переместился на новый КП, и лично убедился в ошибочности посланного мне донесения. Зная Гуртьева как честного и решительного командира, я представил себе, как он болезненно пережил мое вчерашнее замечание, а тут еще подчиненные ввели его в заблуждение с Крольчатником. Мне стало больно за него. Опасаясь, как бы он не сорвался и не стал искусственно форсировать события, решил к нему поехать, чтобы его ободрить. По прямой он находился от меня в двух километрах, но объезжать надо было километров шесть. Его НП оказался на ржаном поле, между железной дорогой и шоссе, в полутора километрах от Крольчатника. «Да, — подумал я, — он уже и сам не прочь пойти в атаку!» Место для НП было выбрано крайне неудачно: вокруг него часто рвались снаряды. Остановив свою машину у обсадки железной дороги, я пошел по полю: рожь была невысокой, часто приходилось «приземляться», пережидать разрывы. Мое появление на НП удивило Гуртьева, он смущенной скороговоркой произнес:

— Как, это вы здесь, товарищ командующий? Спускайтесь скорее ко мне в окоп, здесь у противника пристреляна нулевая вилка!

Я спрыгнул в узкую щель. Мы оказались прижатыми один к другому. Гуртьев, видимо, готовился выслушать новое замечание, но я сказал:

— Сегодня у вас дело идет хорошо. Не сомневаюсь, что и Крольчатником скоро овладеете.

Он облегченно вздохнул, повеселел, и мне это было приятно, так как я высоко ценил его скромность, даже застенчивость, совмещающуюся с высокими качествами боевого командира.

Мы слышали новые артиллерийские выстрелы у противника.

— Наклоняйтесь ниже, это по нас, — сказал Гуртьев.

Окопчик был неглубоким, мы присели, но головы оставались над землей. Один из снарядов разорвался перед нами в десятке шагов. Мне показалось, что я ранен в голову, но это была лишь контузия. А Гуртьев приподнялся и проговорил:

— Товарищ командующий, я, кажется, убит, — и уронил голову мне на плечо.

Да, он был убит. На моей гимнастерке и фуражке осталась его кровь».

Зададим себе вопрос — почему Горбатов и Гуртьев находились в таких местах, где их могли убить? Потому, что они настоящие полководцы и находились там, откуда они могли видеть своих солдат, ведущих бой. Они воевали, между прочим, как большинство немецких генералов той войны. Было бы место, откуда Горбатов и Гуртьев могли бы и бой видеть, и в безопасности находиться, они бы были там. Но такого места не было, и они исполняли свой долг полководца, невзирая на риск.

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» на стр. 88 есть фото, которое описано следующим образом: «Командующий 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовский и командующий артиллерией А.К. Сокольский в гондоле аэростата. 1944». Между тем, подняться в гондоле аэростата ввиду противника было самоубийственно, почему ветераны войны очень редко вспоминают об использовании аэростатов для наблюдения в ту войну. Увидев аэростат, противник немедленно открывает по нему артиллерийский огонь, а истребители противника тут же пытаются его сбить. Так было и у нас, и у немцев, тем не менее, командующий фронтом Рокоссовский считал своим долгом видеть бой, который ведут солдаты его фронта, и без колебаний шел даже на такой риск.

В Крыму в декабре 1941 года высадились и вели бои войска Закавказского фронта, а штаб этого фронта находился за тысячу километров от Керчи в Тбилиси. И командующий этим фронтом Козлов, и начальник штаба Толбухин считали это очень удобным для мудрого командования боевыми действиями вверенных им войск, и никакие предложения по этому поводу в Ставку не вносили. А вот приехавшего в Крым Мехлиса это очень удивило, и он уже через

неделю поставил перед Ставкой вопрос о выделении Крымского фронта из Закавказского и о переносе управления войсками Крымфронта на Керченский полуостров.

Но это не последнее, чем чревата боязнь полководцев приближаться к противнику. Давайте по этому поводу вдумаемся и в такой эпизод из воспоминаний Рокоссовского.

«Я не сторонник напускной бравады и рисовки. Эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

В первые дни боев восточнее Ярцево наш НП находился на опушке леса. Примерно в километре от опушки расположилась в обороне стрелковая часть. Противник вел редкий артиллерийский огонь. Мы с генералом Камерой решили посмотреть, как окопалась пехота, и пошли к ней. Тут-то и развернулись события.

На наших глазах из-за гребня высот, удаленных километра на два, стали появляться густые цепи немецких солдат. Они шли в нашу сторону. Вслед за ними показалось до десятка танков.

Наша пехота не дрогнула и продолжала вести огонь из пулеметов по наступающим гитлеровцам. Подала голос и гаубичная артиллерия.

Генерал Камера сказал, что вот-вот на опушке развернется противотанковая 76-миллиметровая батарея для стрельбы прямой наводкой. Началось все неплохо.

Немецкая пехота залегла. Танки приостановили движение.

А вскоре на горизонте появилась вражеская авиация... Немецкие самолеты уже пикируют на наши окопы. Усилился огонь вражеских орудий и минометов. Снова двинулись танки, догоняя цепи уже поднявшихся автоматчиков. Самолеты, встав в круг, бомбят наши позиции. Пехотинцы не выдержали, дрогнули. Сначала побежали к лесу одиночки, затем целые группы. Трудно и больно было смотреть на них...

Но вот из толпы бегущих раздались громкие голоса самих же солдат:

— Стой! Куда бежишь? Назад!.. Не видишь — генералы стоят... Назад!..

Да, действительно, мы с Иваном Павловичем Камерой стояли во весь рост, на виду у всех, сознавая, что только этим можно спасти положение.

Солдатские голоса и наша выдержка оказали магическое действие. Бежавшие вернулись на свои места и дружным огнем заставили опять залечь пехоту противника, поднявшуюся было для атаки.

Наша батарея уже развернулась, открыла огонь прямой наводкой по танкам, подожгла несколько машин, остальные повернули назад. Наступление было отбито.

Не помню, кто мне рассказывал, вероятно, кто-то из бойцов. Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал еще в первую империалистическую. Он-то и не растерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

— Команду подай!.. Кто команду даст?.. Команда нужна!.. Бежал, бежал да сам как гаркнет:

— Стой! Ложись! Вон противник — огонь!

Я этого усача и сейчас представляю себе как живого».

Тут мысль простая — все понимают, что чем выше начальник, тем лучше он знает обстановку, т. е. силу своих и вражеских войск. И если начальник находится на месте боя, то, значит, все в порядке — значит, вне зависимости от того, как складывается бой в данную минуту, ничего страшного не происходит и враг все равно будет разбит. Если же начальник держится вдалеке от боя, если он ведет себя так, как будто собирается бежать в тыл, то понятно, что он не верит в победу, а если уж он не верит, то поражение неизбежно. И тогда, если не все, то очень многие начинают не победы искать в бою, а путей, как из этого боя удрать.

В воспоминаниях А.В. Невского есть эпизод, в котором уже в 1943 году во время наступления его дивизии без большого сопротивления немцев пьяный начальник штаба дивизии, услышав несколько случайных выстрелов, приказал отвести штаб дивизии назад. И тут же, без команды и без давления немцев, а только узнав об отводе штаба дивизии, один из командиров полков прекратил преследование немцев и тоже отвел назад свой полк.

А теперь представьте положение на Керченском полуострове, куда десантом высажены соединения трех армий, но за месяц после высадки командиры частей и соединений не только не видели фронтового начальства, но и знают, что оно держится не там, откуда лучше видно бой, а там, откуда удобнее смыться с Керченского на

Таманский полуостров. Да будь в Крыму войска, полностью укомплектованные хорошо обученными русскими солдатами, а не кавказцами, только что собранными по аулам и плохо понимающими русский, то и в этом случае даже командиры чувствовали бы себя жертвами, отданными на убой начальством, не верящим в победу и только имитирующим войну. Чего же удивляться, что количественно, казалось бы, намного более слабые немцы 15 января 1942 года ударили и без проблем захватили Феодосию, которую до этого с большой кровью освободили десантники?

Мехлис, дав телеграмму Сталину о причинах поражения под Феодосией, заставил Козлова дать приказ с анализом феодосийского позора, Ю. Рубцов рассказывает о содержании этого приказа так.

«Основные положения этой телеграммы были подробно раскрыты в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 года, анализировавшем итоги неудачных для Кавказского фронта боев 15–18 января и в копии также отправленном Верховному. Приказ, подписанный командующим войсками фронта Козловым, членом Военного совета Ф.А. Шаманиным, а также представителем Ставки, констатировал, что были допущены «крупнейшие недочеты в организации боя и в управлении войсками». Так, после успешного завершения десантной операции в районе Феодосии и выхода частей 44-й и 51-й армий на р. Чурук-Су войска не закрепились на достигнутом рубеже, не организовали соответствующей системы огня, бдительного боевого охранения, непрерывной разведки и наблюдения. Командиры дивизий не использовали всей мощи огня артиллерии, мелкими группами бросали танки на неподавленную противотанковую оборону. Плохо было организовано управление войсками от штаба армии и ниже. Штаб фронта не знал истинного положения в районе Феодосии. Основной рубеж обороны Керченского полуострова — Акмонайские позиции был подготовлен неудовлетворительно.

В приказе назывались имена старших и высших командиров, допустивших потерю управления войсками и «позорное бегство в тыл»: командира 9-го стрелкового корпуса, временно исполнявшего обязанности командующего 44-й армией генерал-майора И.Ф. Дашичева, к этому времени уже арестованного (впоследствии он был посмертно реабилитирован. — Ю. Р), командира 236-й стрелковой дивизии комбрига В.К. Мороза и военного комиссара той же дивизии

батальонного комиссара Кондрашева, командира 63-й горнострелковой дивизии подполковника П.Я. Циндзеновского (в приказе его фамилия названа неточно. — *Ю. Р.*), начальника политотдела 404-й стрелковой дивизии Колобаева и некоторых других (они были преданы суду военного трибунала).

Штаб Крымфронта

Однако основная масса полководцев Красной Армии в Крыму была такова, что ни призвать их к совести, ни запугать не удалось. Возьмем для рассмотрения пока одно положение из приказа: Плохо было организовано управление войсками от штаба армии и ниже. Штаб фронта не знал истинного положения в Феодосии». «Штаб фронта» — это в будущем маршал Толбухин, а тогда генерал-майор, начальник штаба Закавказского, а затем Крымского фронтов.

Напомню, что задачей Козлова и Толбухина было не на Керченском полуострове сидеть, а, активно наступая против 11-й армии Манштейна и его румыно-татарских союзников, деблокировать осажденный Севастополь и освободить весь Крым. Манштейн пишет:

«Если бы противник использовал выгоду создавшегося положения и стал бы быстро преследовать 46-ю пд от Керчи, а также ударил решительно вслед отходившим от Феодосии румынам, то создалась бы обстановка, безнадежная не только для этого вновь возникшего участка восточного фронта 11-й армии. Решалась бы судьба всей 11-й армии. Более решительный противник мог бы стремительным прорывом на Джанкой парализовать все снабжение армии. Отозванные от Севастополя войска — 170-я пд, а после прекращения наступления с севера и 132-я пд — могли прибыть в район западнее или северо-западнее Феодосии не раньше чем через 14 дней.

Но противник не сумел использовать благоприятный момент. Либо командование противника не поняло своих преимуществ в этой обстановке, либо оно не решилось немедленно их использовать».

Сталин все это прекрасно понимал, и Козлов с Толбухиным именно такой приказ Ставки и получили — 5 января начать наступление с целью перехвата путей сообщения 11-й армии немцев. Но для выполнения этого своего приказа Сталину надо было самому и выехать в Крым, чтобы взять на себя управление войсками. Поскольку мудрые полководцы Красной Армии этой операцией приспособились руководить из Тбилиси, и даже оперативная группа штаба Закавказского фронта сидела в глубине Таманского полуострова в станице Крымской — в 100 км от побережья Крыма. Чему уж тут

удивляться, что немцы уже 15 января вновь захватили Феодосию, а Сталин вынужден был послать в Крым Мехлиса, хотя тот нужен был и под Ленинградом?

Когда Козлов с Толбухиным фактор внезапности прокакали, Сталин их уже не торопил, требуя тщательной подготовки наступления. Выше я цитировал, что Мехлис, вылетев в Москву, объяснил Сталину обстановку, и тот согласовал предложение отодвинуть сроки начала наступления, дав распоряжение пополнить Крымский фронт тремя дивизиями с Северо-Кавказского фронта. (А наступление, которое Крымфронт должен был начать в мае, откладывалось 2 раза!)

Бои начались 27 февраля, в этот день 13 советских дивизий начали наступать на 3 немецкие и румын. Времени на то, чтобы начальник штаба уже Крымского фронта Толбухин подготовил это наступление, было больше чем достаточно, более того, как сказано выше, он мог его и отложить. Поясню, что именно Толбухин должен был сделать на своем посту.

Местность на Керченском полуострове безлесная (т. е. войска укрыть негде) и холмистая. Немцы занимали в обороне высоты, и их артиллерийские наблюдатели могли без труда просматривать эту местность на многие километры, а в случае необходимости вызывать огонь по приближающимся советским войскам, когда те еще и для атаки не развернулись. Даже если наши и залегали, то это их тоже не спасало — немцы все равно их видели и накрывали артиллерией, минометами и авиацией. Нужно было что-то делать, и с тактической точки зрения выход был единственный — сначала пустить на немцев того, кто при подходе к немецким позициям пострадает минимально, — танки. А уж затем за танками позиции немцев захватит пехота. Танков завезли на Керченский полуостров огромное количество и в основном КВ и Т-34, т. е. не было проблем прорвать немецкую оборону. Толбухину нужно было только организовать этот прорыв.

Для того чтобы было понятно, о какой организации идет речь, приведу аналогичный случай из воспоминаний Толконюка. В то время он был заместитель начальника оперативного управления штаба 33-й армии, и 50-я дивизия этой армии наступала на местности, похожей на местность Керченского полуострова. Толконюк вспоминает.

«Возвратившись в штаб, я получил новое задание лично от генерала Хозина: отправиться на правый фланг, в полосу 50-й стрелковой дивизии, куда распоряжением фронта прибывала в состав армии еще одна танковая бригада. Я должен был встретить бригаду и вывести ее в боевые порядки 50-й сд с задачей нарастить удар и развить наступление. Эта дивизия, понесшая большие потери и остановленная противником, вела огневой бой в крайне невыгодных условиях. Немцы обороняли плоскую, мягко поднимающуюся высоту с пологим скатом, обращенным в сторону наших войск. Это был сильный тактический рубеж, позволявший противнику просматривать и обстреливать весь боевой порядок дивизии, подразделения которой лежали в низине под высотой на виду у немцев.

...Мы условились с командиром дивизии генерал-майором П.Ф. Лебеденко, что прибывшую танковую бригаду следует ввести в бой для захвата этих пунктов и развития успеха в глубину. Для действий совместно с танкистами Лебеденко выделил полк, лежавший перед высотой».

Как видите, ситуация точно такая же, как и в Крыму в 1942 году, и перед штабом 33-й армии стояла дилемма: или в течение нескольких часов захватить эту высоту с помощью танков, или отвести 50-ю дивизию назад, поскольку немцы, подтянув артиллерию, полк, лежащий у них на виду, выбьют артогнем. Штаб 33-й армии принял решение немедленно использовать танки, но он не просто передал этот приказ командиру танковой бригады, а послал на место боя работника штаба, чтобы тот **вывел бригаду к месту боя**. Верну слово Толконюку, но сокращу его препирательства с комбригом.

«Я отправился разыскивать бригаду, чтобы вывести на рубеж атаки. Командира бригады со штабом я нашел у ручья на поляне, окаймленной мелким кустарником. Вокруг, замаскированные ветками деревьев, рассредоточенно располагались танки. Командование завтракало на расстеленном брезенте. Представляюсь командиру бригады и сообщаю о цели своего приезда, о боевой задаче бригады, поставленной командармом и уточненной командиром дивизии. Молодой на вид подполковник, в синем комбинезоне и в сдвинутом на макушку танковом шлеме, принял меня недоверчиво и недружелюбно.

Через три часа назначена атака, — сказал я. — За это время вам надлежит не только вывести бригаду на рубеж атаки, но и увязать

взаимодействие с дивизией на местности. Командуйте готовиться к выступлению, а тем временем я уточню вам маршрут и рубеж развертывания.

Развернув перед танкистом карту, я продолжал, не дав подполковнику снова развязать полемику: «Бригада пройдет по лесной дороге и выйдет на рубеж развертывания за один час. Дорога тяжелая, покрыта слоем жидкой грязи, по проходима. По этой дороге я проехал верхом. После выступления вам необходимо выскочить вперед, к командиру дивизии, и, пока танки подойдут, согласовать с ним порядок атаки. Подавайте команду!»

Но упрямый танкист возмутился:

— Я уже проверил дорогу. По ней танки не пройдут. Чтобы попасть на ваш рубеж, мне надо идти в обход заболоченного леса. А это добрых 15–20 километров по размокшей местности. Когда я туда приду? Вы подумали? На это потребуется три-четыре часа. Дозаправиться, дать отдых людям, подготовиться к бою — и день прошел. Раньше утра бригада в бой не вступит! Это не по карте измерить циркулем, а прорезать землю-матку гусеницами. Вам понятно, товарищ майор?..

— Бригада пойдет указанным мною маршрутом по кратчайшему пути через лес! — категорически заявил я. Офицеры штаба молча наблюдали наши препирательства.

— Я на это не пойду! Топить танки и рвать моторы в заболоченном лесу я отказываюсь и никакой ответственности на себя не возьму. Военный трибунал мне не простит такую глупость. А с вас, штабника, спрос невелик, — выпалил командир одним духом и отошел в сторону.

Когда я ехал через лес по болотистой жиже дороги, то исследовал ногами коня глубину болота. Ноги утопали в грязи сантиметров на 10–20. Под грязью чувствовался твердый глинистый грунт. У меня не было сомнений, что танки на малой скорости пройдут. Но упорство командира бригады поставило меня в затруднительное положение: согласиться с ним — значит, не выполнить поручения. Как это оценит командарм, гадать не приходилось.

— Чтобы выполнить поставленную задачу, за переход через лес ответственность беру на себя: на это время вступаю в командование.

Вы снова примете на себя командование на противоположной стороне леса.

Такой оборот дела оказался для танкиста неожиданным, и он смешался, неуверенно проговорив:

— Кто вам дал такое право, майор? Отстранить меня от должности может только командарм и старшие начальники. А вы рядовой офицер штаба и для меня никто. Вашему решению я подчиниться не могу. За бригаду отвечаю я, — рассуждал обеспокоенно подполковник. Но было видно, что упрямство его поколеблено.

— За переход через лес будем отвечать вместе, — пытаюсь найти компромисс, — а если и с этим не согласны, то я один отвечу. От должности я вас не отстраняю, а лишь хочу помочь вам. О праве говорить не будем, оно определяется выполнением боевой задачи. Не следует терять время.

Бригада выступила. Впереди ехал я на своем коне, а за мной бороздили грязь танки. За час заболоченный лес остался позади. Командир бригады смущенно пожал мне руку, благодаря за помощь».

Танки, конечно, имеют большую проходимость, но не бесконечную, поэтому любой командир, который ставит танкистам задачу, обязан убедиться, что местность доступна для танков. И штаб 33-й армии эти свои обязанности выполнил: ставя танковой бригаде задачу через три часа атаковать, штаб нашел танкопроходимую дорогу, следуя которой танки были способны выполнить приказ за указанное время. Это элементарная и обязательная работа штаба. Выше я уже цитировал воспоминание Толконюка о том, что танковая бригада и 50-я дивизия взяли у немцев эту высоту.

А вот как 27 февраля 1942 года провел «прорыв» обороны в Керчи штаб Крымского фронта в описании Ю. Рубцова.

«В эти дни в боевых порядках частей 51-й армии находился военный корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов. «Наступление началось... очень неудачно, — писал он. — В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, подменив собой фактически командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищная. Все было придвинуто вплотную к передовой, и

каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери... В километре-двух-трех-пяти-семи от передовой все было в трупях...

Словом, — с огромной горечью заключает писатель, — это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому — полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь...». 2 марта перед лицом явной неудачи командование фронтом доложило в Ставку о решении из-за непроходимости дорог закрепиться и перейти в наступление, когда подсохнет почва».

Как видите, у полководцев Козлова и Толбухина не было другого способа узнать, танкодоступна местность или нет, как 3 дня гонять пехоту в бесплодные атаки без танков. Такое впечатление, что у Крымфронта штаба вообще не было. Вот вам и гениальный маршал Толбухин, пожалуй, единственный из командующих фронтом конца войны, не получивший звания Героя Советского Союза ни в войну, ни в 1945-м по итогам войны, когда это звание получили почти все командующие. И еще, насколько, по-вашему, помогло Толбухину то, что месяц назад его не выгнали с должности, а всего лишь записали в приказе, что «штаб фронта не знал истинного положения»? Как об стенку горох!

Вы скажете, что у Симонова написано, что это Мехлис гнал вперед войска. А откуда Симонову, корреспонденту, тогда было об этом знать? Его и из полковых штабов выгоняли, когда там шли совещания или отдача приказов, а уж из фронтового... Это Симонов после войны подсуетился, чтобы понравиться нашим гениальным полководцам, строго следящим, чтобы о войне никто и ничего не написал из того, что им не понравится. Но об этом несколько позже, а сейчас о предложении Мехлиса снять Козлова и Толбухина. Оно последовало 9 марта по итогам той наступательной операции, но Ставка сняла с должности только Толбухина. Мехлис настаивал: «29 марта в Москву уходит новый доклад с просьбой сменить Козлова. Лев Захарович суммирует выводы о нем: ленив, неумен, «обожравшийся барин из мужиков». Кропотливой, повседневной работы не любит, оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска «для него наказание». В войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется.

К тому же «опасно лжив», — пересказывает Рубцов телеграмму Мехлиса. Но Сталин менять Козлова не стал.

Проблема подбора кадров

А потом, уже через два месяца, Сталин с горечью и зло отвечал Мехлису, когда тот вновь напомнил, что Козлова следовало заменить: «Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов». Мехлис это знал и, конечно, Гинденбургов не просил, но он уже присмотрелся к кое-каким генералам Красной Армии и предлагал Сталину назначить на Крымфронт конкретных людей, и, между прочим, один из них впоследствии стал не хуже Гинденбурга.

Во-первых, он просил заменить Козлова генералом Н.К. Клыковым, о котором составил мнение по Волховскому фронту. Но Клыков на тот момент командовал прорывающейся к Ленинграду 2-й ударной армией, и снимать его с этой должности было нельзя. Во-вторых, если нельзя Клыкова, то Мехлис предлагал назначить командующим Крымфронтом командарма-16 генерала К.К. Рокоссовского. При этом просто удивительно, как Мехлис, проводя на Западном фронте не так уж много времени и практически не общаясь с Рокоссовским, сумел составить о нем столь точное мнение! Но Рокоссовский на тот момент был тяжело ранен и лежал в госпитале, из которого удрал на фронт только в мае. И, наконец, если не получится с первыми двумя, Мехлис предлагал назначить командующим командарма-51 генерала В.Н. Львова, с которым познакомился тут же на Керченском полуострове. (Львов погиб в бою под Керчью 11 мая 1942 года.)

Сталин, тем не менее, Козлова не заменил. Не в одном Козлове, конечно, было дело, но каков поп, таков и приход. И возникает вопрос — почему не заменил?

Ю. Рубцов в записях Мехлиса обнаружил такие строчки, посвященные генерал-лейтенанту С.И. Черняку, командовавшему на Крымском фронте 44-й армией: «Черняк. Безграмотный человек, неспособный руководить армией. Его начштаб Рождественский — мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенант». (В 1943 году С.И.

Черняк в звании полковника командовал дивизией, на этой же должности к 1945 г. стал генерал-майором.)

А действительно — «чья рука» представляла козловых, черняков и прочих к генеральским званиям и должностям? Сталин из тысячи довоенных генералов РККА даже по фамилиям знал очень немногих, как я уже писал, даже фамилию генерал-лейтенанта Карбышева никогда не слышал. Мехлис, как комиссар, мог и обязан был оценивать их только по морально-политическим качествам, в профессиональном плане они были ему недоступны. Нарком обороны знал генералов, само собой, больше, нежели Сталин и Мехлис, но тоже хорошо знал только немногих, а остальных — по рекомендациям, по характеристикам. А кто давал характеристики и предложения о повышении в звании и должности наркому обороны и ЦК? Да все те же генералы. И можно не сомневаться — давали нужные характеристики только «своим», т. е. тем, кто впоследствии, безусловно, будет поддерживать дающих характеристики. Можно называть это деликатно «профессиональной солидарностью», а можно откровенно «генеральской мафией», но суть остается та же — серая генеральская толпа никогда не даст выдвинуться талантливому человеку в силу того, что он для этой толпы опасен тем, что обязан не ей, а своему таланту. То есть талантливый генерал не станет членом мафии, он не будет помогать и поддерживать остальных генералов. Зато дурака генералы могут легко продвинуть, к примеру, представят наркому обороны «на выбор» на должность командующего Закавказским военным округом Козлова и человек пять еще больших дураков, и нарком назначит Козлова. Когда лично не знаешь людей по деловым качествам, то просто не оценишь, кого именно тебе подсунули и есть ли у тебя в наркомате рокозовские.

Конечно, внутри своей стаи генералы конкурируют и интригуют, но они немедленно и все становятся едиными, если речь идет о том, что оценивать их будет кто-то со стороны, хотя бы тот же Мехлис. Если это допустить, то тогда конкуренты на их генеральские должности (полковники) служить будут не им, а Мехлису, а если Мехлис найдет талантливых полковников, то те поскидывают с должностей старых генералов.

Причем, если бы Мехлис предлагал снять Козлова с должности по своим политическим причинам, к примеру, потому, что Козлов, скажем

условно, троцкист, то генералы бы не возражали — они в 1937 году сотни своих товарищей отправили в ГУЛАГ, чтобы занять их должности, посему охотно согласились бы и со снятием Козлова. Но Мехлис «посягнул на святое» — он предлагал менять генералов за профессиональную непригодность (надеюсь, вы понимаете, что храбрость является составной частью профессии генерала). А такое не прощает и не допускает ни одна профессия — ни медики, ни юристы, ни ученые — никто. Если бы предложение снять Козлова поступило от маршала Буденного — профессионального военного, то против этого генералы не возражали бы, но такое предложение Мехлиса, вполне вероятно, коробило и Буденного. Поэтому вряд ли стоит сомневаться, что все окружающие Сталина генералы, пусть и неявно (чтобы не брать на себя ответственность за Козлова), но настойчиво топили в глазах Сталина любые кадровые предложения Мехлиса, «капая Сталину на мозги», что Мехлис хотя в чем-то и прав, но Козлов на самом деле не так уж и плох, а действуют против Козлова обстоятельства непреодолимой силы, и другие генералы на его месте были бы еще хуже и т. д. и т. п. В результате Сталин промедлил с заменой Козлова, а потом в досаде, что не послушал Мехлиса, Мехлису же и выдал всю свою боль и горечь от огромных потерь в Крыму.

Этого хотели генералы

Теперь о том, что Мехлис якобы мешал нашим прославленным полководцам гениально командовать, мешал тем, что «вмешивался в оперативные вопросы», то есть отменял приказы этих полководцев, давал свои и тем самым командовал он, а не официальные командующие. Эта мыслишка подспудно проводится в мемуарах, вот, к примеру, Ю. Рубцов сообщает:

«Свидетелем тяжелой моральной обстановки, созданной в Крыму во многом усилиями представителя Ставки ВГК, стал в апреле 1942 года нарком ВМФ адмирал Кузнецов. Вот что пишет он в книге мемуаров «Накануне»: «И вот мы в штабе фронта. Там царила неразбериха. Командующий Крымским фронтом Д.Т. Козлов уже находился «в кармане» у Мехлиса, который вмешивался буквально во все оперативные дела. Начальник штаба П.П. Вечный не знал, чьи приказы выполнять — командующего или Мехлиса. Маршал С.М. Буденный (главком Северо-Кавказского направления, в чьем подчинении находился Крымский фронт. — Ю. Р.) тоже ничего не смог сделать. Мехлис не желал ему подчиняться, ссылаясь на то, что получает указания прямо из Ставки».

Кузнецову, как видите, так хотелось обгадить Мехлиса, что он уже не соображал, какими идиотами выставил себя и Буденного. Сталин послал их не свидетелями на свадьбу Мехлиса и Козлова, а для выяснения того, что мешает подготовке наступления в Крыму. Если Кузнецов увидел, что Мехлис «вмешивается в оперативные дела», то обязан был шифровкой немедленно сообщить об этом Сталину или сообщить во время доклада об обстановке в Крыму, который он сделал Сталину по возвращении в Москву. Но Кузнецов в своих мемуарах ни словом об этом не обмолвился, т. е. ситуацию с управлением на Крымском фронте тогда, в мае 1942 года, он считал, безусловно, правильной.

Во втором томе своих мемуаров («Курсом к победе») Кузнецов уже забыл, о чем писал в первом, и характеризует Мехлиса так:

«27 апреля, побывав в Новороссийске, я возвратился в Краснодар, а на следующий день мы с Буденным вылетели на Керченский

полуостров.

Самолет, управляемый отличным летчиком В.Г. Грачевым, оторвался от взлетной полосы и, не набирая высоты, лег на курс. Невысокий кустарник мелькал почти под самыми колесами. Когда перелетели пролив, заметили несколько немецких самолетов: они только что бомбили в Керчи причалы и аэродром. Не задерживаясь, мы выехали в село Ленинское, где размещался командный пункт фронта. С.М. Буденного встретил командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов. Едва начались деловые разговоры, как представитель Ставки Л.З. Мехлис взял инициативу в свои руки, решительным тоном внося то или иное предложение. Таков уж был у него характер.

Всякие разговоры о возможности успешного наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л.З. Мехлис считал вредными, а меры предосторожности — излишними. Было наивно думать, что врагу неизвестно о нахождении штаба фронта в селе Ленинском. Логичнее было предположить, что противник умышленно не бомбит Ленинское, откладывая это до решительного момента. Именно так, с бомбежки КП, он начал наступление на Феодосию в январе 1942 года. А Мехлис уверял, что гитлеровцы не только ничего не знают о местонахождении штаба, но что нам и дальше удастся удержать это в секрете».

И все. Но, между прочим, и о том, что Мехлис не хочет перенести штаб фронта в более безопасное место, Кузнецов тоже обязан был донести Сталину, но молчит о таком докладе, следовательно, и это вранье. Враньем являются и умные разговоры Кузнецова насчет «возможности успешного наступления немцев», — именно полководцы, а не Мехлис, ничего не хотели об этом слышать, ведь накануне этого наступления вопреки полководцам именно Мехлис настоял на том, чтобы против немецкого наступления хоть какие-то меры были приняты.

Интересно, что маршал Василевский, в отличие от прославленного адмирала Кузнецова, в своих мемуарах даже косвенно не упрекает Мехлиса в том, что тот якобы «вмешивался в оперативные дела» и мешал командовать полководцам. Со стороны Василевского такое было бы уж очень большой наглостью. Во-первых, он ведь привел телеграмму Сталина, в которой тот упрекает Мехлиса в обратном — в том, что Мехлис не вмешался в оперативное управление, т. е. не взял на себя управление фронтом. (Помните: «Если

«вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки».)

Само собой, что и Рубцов процитировал эту телеграмму Сталина, но поскольку он, бедный, не понимает смысла даже простых слов, то этот упрек Сталина Мехлису в том, что Мехлис **не вмешался** «в оперативные дела», у Рубцова вполне сочетается с собственными упреками в том, что Мехлис **«вмешивался»** в оперативные дела». Ну, так устроены мозги у «приобщившихся».

Во-вторых, маршал Василевский не мог упрекнуть Мехлиса в том, что тот «вмешивался в оперативные дела» Крымфронта потому, что это не Мехлис, а он, Василевский, в них вмешивался. Вы же помните телеграмму, в которой Москва не только указывала Козлову и Мехлису, что делать, но даже определяла, в каком месте им надлежит находиться. Рубцов, не соображая, к счастью, что именно он цитирует, приводит выдержки и вот из такого документа.

«По распоряжению тов. Мехлиса все оперативные планы, директивы и иные распоряжения войскам фронта проверяются и санкционируются им, — информировал Козлов заместителя начальника Генштаба Василевского. И, явно дезориентированный таким поворотом событий, спрашивал: — Следует ли в данном случае представлять на утверждение Народному Комиссару оперативные планы, свои предложения о предстоящей деятельности войск или все указания по всем вопросам жизни и деятельности войск получать от него непосредственно на месте?»

Как видите, Козлов не возмущается таким положением дел, а радостно информирует Ставку, что Мехлис очень добросовестно относится к своим обязанностям и в курсе абсолютно всех оперативных дел фронта. Из этого же документа видно, что до Мехлиса все оперативные дела согласовывал или не согласовывал, т. е. вмешивался в них, Василевский. Козлова это мало устраивало, так как в случае неудач, ответственность на Генштаб переложить можно («Вы же сами мне все согласовали!»), но не просто, поскольку Василевский будет отбиваться: «Вам там на месте было видней, чем нам в Москве, так почему вы нас не предупредили и т. д.» И деваться некуда — на

месте действительно виднее. А тут такое счастье — Мехлис приехал! Теперь у Мехлиса можно все утвердить, а потом заявлять: «Представитель Ставки нам все согласовал, а он же был тут и все видел!» Генштаб, однако, на это не купился, не передал Мехлису свое единоличное право вмешиваться в оперативные дела Крымфронта. Таким образом, у Мехлиса оставалось только одно: докладывать в Москве свое видение дел на Крымском фронте и давать свои предложения о том, как эти дела улучшить. Поэтому-то и Василевский в своих мемуарах помалкивает на тему того, кто именно «вмешивался в оперативные дела».

Сравнение со Сталинградом

Рассказ о разгроме немцами Крымского фронта в мае 1942 года уместно будет начать с аналогии. Что, собственно, тогда произошло? Три армии Крымского фронта перегораживали Керченский полуостров примерно в 100 км к западу от Керченского пролива. Под ударами немцев эти армии отошли (если так можно сказать) и были прижаты к этому проливу. Ну и что? Несколько месяцев спустя немцы точно так же оттеснили наши армии к Волге, 62-ю армию генерала Василия Ивановича Чуйкова загнали в конце сентября в Сталинград и больше двух месяцев бились об эту армию как об стену, но сбросить ее в Волгу так и не смогли. Причин этому, думаю, достаточно: тут и приказ № 227 «Ни шагу назад», и многое что еще. Но, думаю, что главным было то, что все эти месяцы ни штаб 62-й армии, ни ее командующий, тогда генерал-лейтенант Чуйков, ни остальные генералы этой армии солдат не бросали и на левый берег Волги не переезжали. А дело ведь обстояло очень круто. Чуйков по документам и по памяти восстановил обстановку в кризисный период.

«Отразив удары немецко-фашистских войск на главном направлении, 62-я армия после 19 ноября имела глубину боевых порядков самое большое около километра. Позади Волга, впереди — противник. Между ними — узкая полоса сталинградских руин, в которых закрепились наши части.

На правом фланге главных сил армии стояла дивизия Людникова. Она была окружена и прижата к Волге, занимая оборону на площади не более одного квадратного километра.

На левом — 13-я гвардейская стрелковая дивизия занимала узкую полосу вдоль берега. Глубина ее обороны не превышала двухсот метров. Штаб армии находился за стыком 13-й гвардейской и 284-й стрелковой дивизий, в пятистах метрах от переднего края, а мой наблюдательный пункт и того ближе — на полотне железной дороги, огибающей Мамаев курган с востока, перед самым носом у противника.

Ширина фронта обороны армии (около восемнадцати километров) насквозь простреливалась артиллерийским огнем с любого фланга, а

вся глубина ее боевых порядков простреливалась пулеметным огнем. Жизнь на этом узком плацдарме усложнялась еще тем, что господствующая над городом вершина Мамаева кургана, вернее водонапорные баки и высота 107,5, находились в руках противника. С этих высот враг просматривал все подходы к Волге с востока, а это значит, что боеприпасы, снаряжение и продукты питания доставлялись в Сталинград под прицельным огнем артиллерии противника».

Ну и что тут такого диковинного в том, что генералы были в нескольких сотнях метров от немцев и их могли убить? Они ведь, по идее, тоже солдаты, помните, как у Пушкина в «Капитанской дочке» пояснил эту мысль капитан Миронов: «Что же вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать, так умирать: дело служивое!»

Чуть выше я писал, что Мехлис пенял политорганам РККА еще в 1940 году: «Забыты русские полководцы — Суворов, Кутузов, Багратион и другие, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестно командному составу». Вот только нужно ли было это искусство полководцам РККА? Нужно ли было вот это высказывание Суворова: «...солдат во фронте, как на священнодействии: он слышит команду, знает, что ему делать, и должен исполнить. Перед ним совершается кровавая жертва любви к отечеству; он сам для него предназначен и должен весь принадлежать своему долгу; нет ни недоразумений, ни колебаний, ни сомнений; нет и мысли, которою бы можно поделиться с товарищем; мысль у всех одна — ПОБЕДИТЬ или УМЕРЕТЬ».

Как мне думается, средний генерал РККА с одобрением относился к этой мысли Суворова, но понимал ее дословно: солдат должен победить или подохнуть, а он, генерал, — победить или удрать. А такие генералы, как Чуйков, в начале войны были либо очень редки, либо после войны генералитет сделал все, чтобы о них забыли.

Чуйкову на правом берегу командовать армией было неудобно — одна дивизия была от него отрезана, и он связывался с ней через левый берег или только по радио. Но Чуйков продолжал сидеть на правом берегу. Почему? А вот вдумайтесь в эти строки его воспоминаний:

«Между тем, в блиндажах Военного совета становилось все теснее и теснее. Сюда шли люди из разбитых штабов дивизий Жолудева и 84-й танковой бригады. Только здесь они могли укрыться от бомбежки и как-то руководить своими подразделениями.

На свой страх и риск я предложил командующему артиллерией генералу Пожарскому переправиться на левый берег и оттуда управлять артиллерией. Он чуть не со слезами на глазах заявил:

— Не поеду... Где вы, там и я, умирать будем вместе...

И не поехал. Но мне и сейчас трудно сказать, что его присутствие на правом берегу принесло больше пользы. Возможно, с левого берега он бы лучше управлял артиллерией и больше истребил бы захватчиков. Командующий бронетанковыми войсками армии Вайнруб все эти дни проводил около танков 84-й бригады, переставляя их на более выгодные позиции, в засады, организуя взаимодействие танкистов с пехотой и артиллерией. Скажу прямо, понимая критическое положение, никто в армии и не думал в эти дни о себе.

От частей и соединений армии мы получали тревожные донесения. Многие просили помощи, запрашивали, как и что делать. Возможно, этими запросами командиры дивизий и полков хотели удостовериться, существует ли командование 62-й армии, не остались ли они в Сталинграде без командования армии. На эти запросы мы четко и коротко отвечали:

— Сражаться до последней возможности, с места не уходить!..

Потери были очень тяжелые: 15 октября дивизий Жолудева и Горишного потеряли около 75 процентов своего боевого состава, однако за этот день фашисты не продвинулись вперед, их атаки были отбиты. Они потеряли 33 танка и до трех батальонов пехоты».

То есть, как только В.И. Чуйков и штаб 62-й армии переправился бы на левый берег, очень не исключено, что туда немедленно рванули бы и командиры дивизий, а за ними и командиры полков, а Сталинград немедленно прекратил бы сопротивление. Ведь неспроста комдивы и комполков непрерывно и по пустякам названивали в штаб — им не терпелось: «Когда же он переправится!» Но Чуйков не уходил, и всем пришлось драться.

А вот как обстояло дело в Крыму. 8 мая немцы ударили по Крымскому фронту, и в несколько дней этого фронта не стало. И не стало, прежде всего, потому, что, бросив по своему обыкновению солдат, от немцев начали удирать полководцы Красной Армии. Участникам тех боев это уже не казалось трусостью, такое поведение генералитета Красной Армии они уже считали откровенным предательством. Рубцов пишет:

«Полные трагизма картины нарисовала позднее в коллективном письме Верховному Главнокомандующему группа политработников 51, 47 и 44-й армий: отсутствие хоть какого-то организующего начала при отходе, быстро переросшем в паническое бегство, страшная давка на переправах, массовые жертвы. «Это все произошло благодаря предательскому командованию Крымского фронта, иначе считать нельзя», — заявляли доведенные до крайности авторы письма».

Мехлис же пытался сделать все, что было в его силах, но что поделаться с трусливым полководческим быдлом?

Рубцов сообщает:

«В 22 часа 14 мая, докладывал он, начальник особого отдела фронта комиссар госбезопасности 3 ранга А.М. Беляков сообщил Военному совету, находившемуся на КП в аджимушкайских каменоломнях, об имеющемся у него указании Ставки ВГК немедленно эвакуировать членов совета на Таманский полуостров. Когда же руководители прибыли в указанное Беляковым место — на пристань завода им. Войкова, «опросом контр-адмирала Фролова (старшего морского начальника в Керчи. — Ю. Р.) выяснилось «недоразумение», весьма похожее на провокацию». Оказывается, Военный совет передислоцировался не на Тамань — противоположный берег Керченского пролива, а в Еникале. Дезинформация привела к тому, что переезд штаба фронта совершался в спешке, неорганизованно, в результате и без того слабое управление войсками было нарушено не менее чем на восемь часов».

За связь с войсками отвечают вышестоящие штабы, ни при каких передислокациях они не имеют права прекращать эту связь ни на минуту. А тут 8 часов без связи! То есть, только услышав, что уже «можно», штабное быдло штаба фронта оборвало связь и рвануло на пристани, даже не уточнив, куда бежать надо... А что решили в армейских и дивизионных штабах, когда узнали, что штаб фронта уже не отвечает? Само собой — решили, что и им тоже «можно».

Судя по всему, оставались с солдатами, старались организовать их и вести хоть какие-нибудь бои, пытались что-то сделать, чтобы переправить с Крыма как можно больше людей, только комиссары да немногие генералы и командиры. Остальное генеральско-офицерское стадо рвануло к Керченскому проливу, чтобы удрать на Тамань, либо сдавалось немцам в плен. Напомню хронологию: 8 мая немцы начали

наступление, а 19 мая они полностью очистили Керченский полуостров от советских войск, убив и пленив 176 тысяч человек, уничтожив и захватив 3,5 тысячи орудий и минометов, 347 танков, 400 самолетов.

Бег начал замкомандующего фронтом генерал Черевиченко — он оказался на Тамани еще 13 мая, за ним помощник командующего генерал Крупников — 15 мая, фронтовое начальство — 17 мая. В ночь на 20-е последние солдаты увезли с собой представителя Ставки Верховного Главнокомандования.

О храбрости адмиралов

Нант прославленный флотоводец и по совместительству, само собой, жертва сталинизма адмирал Н.Г. Кузнецов, героически переживший трагедию Крымского фронта у себя в московском кабинете, в мемуарах авторитетно разъясняет глупость Мехлиса: «... Мехлис во время боя носился на «газике» под огнем, пытаясь остановить отходящие войска, но все было напрасно. В такой момент решающее значение имеют не личная храбрость отдельного начальника, а заранее отработанная военная организация, твердый порядок и дисциплина».

Вот что значит человек большого ума — такого большого, что за ним уже и совести не видно. Получается, что, если у солдат заранее отработаны организация, порядок и дисциплина, то такие военачальники, как Кузнецов, так уж и быть, с ними останутся, а если этого нет, то полководец может бросить своих солдат и удрать, а с ними пусть остаются такие дураки, как Мехлис. Ох, как жаль, что Кузнецов не у Гитлера флотом командовал, небось тогда наш военно-морской флот в той войне утопил бы у немцев хотя бы какой-нибудь крейсер...

Между прочим, а Севастополе войска год отрабатывали «организацию, твердый порядок и дисциплину», как и учит Кузнецов, и не под началом кого попало, а под командой адмирала Октябрьского, которым командовал адмирал Кузнецов. Чуть позже мы о Севастополе еще вспомним, а сейчас дадим высказаться о Мехлисе еще одному прославленному советскому флотоводцу, в то время обязанному прикрыть Крымский фронт военно-морскими силами, адмиралу Исакову. Рубцов пишет и цитирует:

«Я видел Мехлиса, когда нам было приказано эвакуировать то, что еще можно было эвакуировать с Керченского полуострова, — рассказывал Константину Симонову адмирал Исаков. — Он делал вид, что ищет смерти. У него был не то разбит, не то легко ранен лоб, но повязки не было, там была кровавая царапина с кровоподтеками; он был не брит несколько дней. Руки и ноги были в грязи, он, видимо, помогал шоферу вытаскивать машину и после этого не счел нужным

привести себя в порядок. Вид был отчаянный. Машина у него тоже была какая-то имевшая совершенно отчаянный вид, и ездил он вдвоем с шофером, без всякой охраны. Несмотря на трагичность положения, было что-то в этом показное, — человек показывает, что он ищет смерти».

На замечание Симонова, что, по его наблюдениям, Мехлис — человек не робкого десятка, Исаков ответил: «Он там, под Керчью, лез все время вперед, вперед. Знаю также, что на финском фронте он бывал в боях, ходил в рядах батальона в атаку. Но на мой взгляд, он не храбрый, он нервный, взвинченный, фанатичный».

Судьба хранила Льва Захаровича. 14 мая, находясь на КП 44-й армии, вместе с сопровождающими он попал под артиллерийский обстрел. Тяжело ранило начальника политотдела армии, а также порученца Мехлиса, были разбиты автомашины, у представителя же Ставки — ни царапины. Надо отдать ему должное: в подобных ситуациях он не терял присутствия духа».

Итак, по мнению Исакова, Мехлис показушно «искал смерти» и, вообще, он не храбрый, а нервный, взвинченный и фанатичный. Сначала давайте о нервозности. Адмирал Кузнецов о трагедии Крымского фронта написал в своих воспоминаниях не очень много, на мой взгляд, он гораздо больше написал о том, где, с кем и как он кушал во время войны. Но все же написал и о Керченских делах.

«...События развивались исключительно быстро. Адмирал Исаков ознакомил меня с новой обстановкой на Керченском полуострове. Из сказанного следовало: она там тяжелая. Как выяснилось, фронт к этому серьезно не готовился. Обстановка на море в районе Керчи тоже осложнилась. Поток грузов в Керчь был прерван. От командира Керченской базы контрадмирала А. С. Фролова требовали невозможного: обеспечить эвакуацию уже скопившихся на берегу тыловых частей фронта. Следует отметить, что спокойствие и распорядительность Фролова сыграли положительную роль в самые критические дни и часы. Но он имел мало средств, да и они не могли совершать регулярные рейсы.

...Адмирал Исаков распорядился выслать в Керчь все суда, находившиеся в этом районе, независимо от их ведомственной принадлежности».

Как видите, один адмирал со спокойной храбростью распорядился, второй распорядился, третий распорядился. И все это без какой-либо нервозности, взвинченности и фанатизма. Рубцов, просмотревший документы, суммирует итоги этой спокойной адмиральской храбрости так: «Плавсредства подавались нерегулярно и несвоевременно. Командиры многих гражданских судов отказывались подходить к берегу под бомбежкой и артогнем, симулировали аварии. При потенциальной возможности переправлять в сутки 30–35 тысяч человек, только 17 мая смогли эвакуировать чуть больше 22 тысяч, в иные же дни было меньше». Ведь спокойная храбрость без фанатизма заразна: адмиралы начали ее проявлять, а капитаны судов чем хуже?

Теперь по поводу высказывания адмирала Исакова, что Мехлис, дескать, искал смерти. Исаков просто не знал, как ищется смерть, поэтому настоящий храбрец Мехлис в глазах Исакова и предстал ищущим смерти. Поскольку вряд ли кто из читателей это знает, приведу пример, как немецкие генералы, попавшие в окружение под Сталинградом и не желавшие опозорить себя сдачей в плен, искали смерти. Описал это немецкий майор, командир саперного батальона, тоже оказавшийся в окружении.

«Поднимаю к глазам бинокль. Да, верно, двое совершенно спокойно и невозмутимо идут к русским позициям. На одном из них кожаное пальто — значит, офицер; на голове каска, за плечом винтовка. Он невысокого роста, приземист. Вот он поворачивает голову влево, и вдруг я замечаю на нем поблескивающие золотом погоны. Сомнения нет: генерал! Видно, жизнь ему недорога, раз вздумал гулять в нейтральной полосе. Или он кого-то ищет там, впереди? И никакой охраны, только один сопровождающий? Вглядываюсь во второго. На нем меховая шапка — этого еще не доставало! Винтовка перекинута через плечо, как у человека, отправившегося на воскресную охоту, ствол смотрит в сторону, длинная шинель. Черт возьми, я же его знаю! Это же Гартман, командир 71-й пехотной дивизии! Да, это он!

Итак, два генерала на ничейной полосе, не известив командира участка, без всякой охраны и ведут себя, как на прогулке. Невероятно! Не поверил бы никогда, если бы не видел собственными глазами. Ведь русские стреляют как сумасшедшие, и оба даже не пытаются укрыться.

Да, страха у них нет, это видно. Или, может, они думают, что генералов пуля не берет?

С любопытством наблюдаю, чего же они хотят. Напряженно вглядываюсь. Теперь они идут друг за другом все дальше вдоль насыпи. Вот еще двадцать, двадцать пять шагов. Остановились. Теперь я хорошо их узнал. По движению губ видно, что они обмениваются несколькими словами. Один лезет в карман кожаного пальто, что-то передает другому, но что — мне не видно. Наверное, обойма с патронами, потому что Гартман приподнимает винтовку и перезаряжает ее, другой тоже. Не обращая внимания на дикую стрельбу, они продолжают говорить между собой. Недолго. Потом протягивают друг другу руку и смотрят друг другу в лицо. Короткое рукопожатие, видно только движение рук, и оба — нет, не поверил бы, если бы не видел сам! — быстро взбираются на насыпь и становятся между рельсами. Опираются на винтовки и стоят не двигаясь. Полы шинели и кожаного пальто развеваются на ветру. Такое стояние к добру не приведет. Но они продолжают стоять. Гартман снимает перчатку и бросает ее в снег. Поднимает винтовку, целится стоя, стреляет, перезаряжает и снова стреляет. Стреляет и второй генерал. И хотя по ним бьют из бесчисленного множества стволов, они все еще стоят на той же самой точке и, видимо, не собираются уходить. Разве это не самоубийство? Ни один человек в здравом рассудке не будет стоять так в качестве мишени для начинающего стрелка. Нет, это делается с умыслом, иначе не объяснишь.

Гартман вынимает новую обойму, вставляет в магазин и в этот самый момент падает, как спиленный дуб, на левый бок, катится вниз с насыпи. Второй спрыгивает, склоняется над своим сраженным камрадом. При таком демонстративном поведении иначе и быть не могло. Но таково, совершенно ясно, было их желание».

Так что Исаков уж точно перепутал с перепугу поведение храбреца с поведением самоубийцы. Мехлис не смерти искал, Мехлис свой комиссарский долг исполнял, но это, правда, не каждому дано понять. И чтобы разобраться с тем, почему адмирал Исаков этого не понял, давайте вспомним, как наши прославленные флотоводцы без фанатизма и взвинченности защищали Севастополь.

Позор Севастополя

Когда немцы разгромили Крымский фронт, для них встал вопрос о взятии Севастополя, но с советской стороны это никого особо не беспокоило, поскольку войска в Севастопольском оборонительном районе находились в сотни раз более выгодном положении, чем, к примеру, чуть позже будет находиться 62-я армия в Сталинграде. Если у Чуйкова были только разрушенные дома в 500-метровой полосе, тянущейся вдоль берега на 18 км, минимум инженерных сооружений и немцы на господствующих высотах, то защитники Севастополя сами занимали позиции на господствующих высотах, и эти позиции были исключительно хорошо подготовлены в инженерном отношении — оснащены огромным количеством железобетонных дотов и береговых батарей. (Немцы потом этими батареями укрепляли побережье Франции в преддверии открытия союзниками Второго фронта.)

Длина внешнего оборонительного обвода Севастополя (длина фронта) была около 40 км, если верить адмиралу Кузнецову, то численность войск Севастопольского оборонительного района составляла 106 тысяч человек, 600 орудий, 2000 минометов, 38 танков и даже 53 самолета. От северного, упирающегося в море фланга, до южного, упирающегося в море фланга, было примерно 25 км (фронт имел вид выгнутой в сторону немцев дуги), с востока до мыса Херсонес тоже было около 25 км. То есть это была не полоска берега Волги, как у 62-й армии, и адмиралы могли легко маневрировать войсками, укрывать их, перебрасывать с одного участка на другой. Севастопольская бухта, глубоко входя в этот район, делила его в соотношении 1:2 на две части — северную и южную.

Немцы стащили к Севастополю осадную артиллерию, по подсчетам адмирала Кузнецова, пушек, калибром от 75 мм и выше, у немцев было 670 и еще 720 минометов. Превосходство не впечатляющее, и когда эти 1390 стволов начали разрушать оборонительные сооружения, наши 2600 орудийно-минометных стволов могли разрушать немецкие батареи. Кузнецов считает, что у немцев было 204 тысячи немецких и румынских солдат. Может быть, но хотелось бы знать, в каких соединениях. Поскольку, даже по нашим

данным, Севастополь взяли 30-й и 54-й армейские корпуса немцев, плюс Манштейн упоминает одну румынскую дивизию. Обычно в немецком корпусе было 2–3 дивизии, в полнокровной немецкой дивизии — 16 тысяч человек. Так что количество соединений для 204 тысяч человек выглядит не очень убедительным.

Надо сказать, что в 1854 году Севастопольской обороной командовали адмиралы, кроме того, Севастополь — это база Черноморского флота, видимо, эти два обстоятельства и определили, что командовал Севастопольским оборонительным районом командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, а замом его, так сказать по армейской части, был генерал-майор И.Е. Петров. Снабжение Севастополя шло по морю не без потерь, но в целом было налажено и было не более трудным, чем снабжение 62-й армии через простреливаемую Волгу, да еще и при ледоходе. Таким образом, ни Сталину, ни командующему Северо-Кавказским направлением Буденному, как говорится, и в голову не приходило, что можно сдать немцам Севастополь, так сильно укрепленный и имеющий такой сильный гарнизон со столь мощным оружием. Даже Кузнецов в своих воспоминаниях пишет: «Когда противник захватил Керчь, мы предполагали, что он сразу же попытается переправиться через Керченский пролив на Тамань. За судьбу Севастополя особых опасений тогда не возникало. Считали, что в случае нового штурма защитникам города придется трудно, но они выстоят, ведь два штурма были уже отбиты».

Немцы свои потери тщательно скрывают, подтасовывают цифры и лгут — я об этом уже писал. Поэтому я думаю, что при штурме и взятии Севастополя немцы понесли очень большие потери. И думаю так вот почему. Манштейн за взятие Севастополя стал фельдмаршалом и на фоне этой давно желаемой радости он в своих мемуарах вдруг раздражается злобной тирадой на защитников Севастополя за то, что они не захотели сдаваться в момент, когда немцы подошли уже собственно к городу: «То, что далее последовало, было последним боем армии, который не мог ни изменить ее судьбы, ни принести какой-либо пользы Советам с точки зрения общей оперативной обстановки. Даже для сохранения чести оружия этот бой был бы излишен, ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро! Но политическая система требовала продолжения бесполезной

борьбы». Ведь, казалось бы, чего злиться? Чем больше сопротивлялись русские, тем больше тебе, фельдмаршалу, почета. А Манштейн злится. Вот я и думаю, что этот почет был так обильно полит немецкой кровью, что у Манштейна и после войны осталась на защитников Севастополя злоба. Но как бы то ни было, но здесь мы из уст врага слышали, что рядовые защитники Севастополя действительно были храбрыми солдатами и, следовательно, у адмирала Октябрьского и его начальника адмирала Кузнецова в Севастополе была армия, которая, как учит Кузнецов, имела «отработанную военную организацию, твердый порядок и дисциплину». Так что Кузнецов мог смело прилетать в Севастополь и не в своих мемуарах, а там показать Мехлису, как нужно немцев бить, так сказать, предметно научить этому дурака Мехлиса. Но этого не случилось.

Итак, 7 июня 1942 года немцы начали третий штурм Севастополя. Три недели они бьются об его укрепления и об героизм солдат и матросов и в конечном итоге добиваются только того, что наши войска отошли с северной части Севастопольского оборонительного района, да немного отошли в южной части, не отступая даже до тылового оборонительного рубежа. Как казалось, обороняющимся стало даже легче: хотя подкрепления к ним и поступали непрерывно, но силы все же уменьшались, а после отхода с северной стороны Севастопольской бухты сухопутный фронт сократился до 12 км по прямой от Балаклавы до Инкермана — от берега Черного моря до устья бухты. А у немцев положение было аховое, что можно оценить по таким строкам из мемуаров Манштейна.

«Таким образом, к утру 26 июня в руках 11-й армии оказался почти весь внешний обвод крепости. Противник был отброшен внутрь крепости, северную часть фронта которой образовывали крутые высоты по южному берегу бухты Северная, в то время как ее восточный фронт проходил от высот Инкермана через Сапунские высоты до скал в районе Балаклавы.

Командование армии должно было решить задачу — как прорвать этот внутренний пояс крепости. Не было никакого сомнения в том, что противник и дальше будет продолжать ожесточенное сопротивление, тем более что он, согласно заявлениям своего штаба фронта (Крымского фронта), не мог рассчитывать на эвакуацию с полуострова.

С другой стороны, нельзя было не признать, что даже если резервы противника и были в основном израсходованы, то и ударная сила немецких полков была на исходе.

В эти недели я ежедневно, до и после обеда, находился в пути: в штабах корпусов, у артиллерийских командиров, в дивизиях, полках, батальонах и на артиллерийских наблюдательных пунктах. Поэтому я слишком хорошо знал, как обстояло дело в наших частях и соединениях. Полки насчитывали по несколько сот человек. Мне припоминается донесение одной снятой с переднего края роты, в боевом составе которой был один офицер и восемь рядовых. Как можно было с этими растаявшими частями и подразделениями завершить бой за Севастополь, когда 54-й ак стоял перед бухтой Северная, а 30-му ак предстояли тяжелые бои за захват позиций на Сапунских высотах?»

(Для справки: в те годы немецкий пехотный полк имел по штату 3049 человек, а пехотная рота — 201 человека.)

И Манштейн по своему обыкновению идет на авантюру, но, правда, поскольку эта авантюра закончилась успехом, то приходится писать, что он пошел на полководческий риск. Повторю, после выхода немцев на северную сторону Севастопольской бухты она стала препятствием перед собственно Севастополем. Но это надо было быть советским адмиралом, чтобы считать это препятствие непреодолимым. В ночь на 29 июня небольшие немецкие силы на резиновых лодках тихо переправились через бухту и захватили восточную окраину Севастополя. И их при этом никто не расстрелял на воде — проспали! Ну и какие проблемы с военной точки зрения? Немцы переправились только со стрелковым оружием, следовательно, нужно было их тут же атаковать и сбросить в бухту.

Сколько на этот момент оставалось сил в Севастополе, трудно сказать, но Манштейн пишет, что он на конечной фазе операции взял в плен 40 тысяч человек, то есть даже с учетом брехни Манштейна это минимум, который оставался в строю, поскольку основная масса защитников погибла позже. Кроме этого, накануне, 27 июня, в помощь севастопольцам высадились 142-я стрелковая бригада. У переправившихся через бухту немцев, напомним, были только винтовки и пулеметы против севастопольских орудий, минометов, танков...

Однако произошло следующее. Адмирал Кузнецов в своих воспоминаниях описывает это так.

«В последние дни июня обстановка в Севастополе резко ухудшилась. В это время командующий оборонительным районом Ф.С. Октябрьский вместе с членом Военного совета Н. М. Кулаковым телеграфировал: «Москва Кузнецову; Краснодар — Буденному, Исакову. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу разрешить мне в ночь на 1 июля вывезти самолетами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также и самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова И. Е. Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную. Боевые действия приняли характер уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали, хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, что в таком положении мы продержимся максимум 2–3 дня».

Надо сказать, что воспоминания адмирала Кузнецова очень долго не попадались мне в руки, и все суждения о данном моменте Севастопольской эпопеи я черпал из «Полководца» В. Карпова, а этот полковник, надо сказать, довольно-таки беспринципный и в своем произведении представил дело так, как будто Сталин насильно в последний момент заставил севастопольских полководцев эвакуироваться, чтобы сберечь столь ценные кадры. Мне и в голову не могло прийти, что это они заставили Сталина себя спасать.

Эта телеграмма беспрецедентна и вряд ли имеет хоть какие-нибудь аналоги в военной истории всего мира. Более того, если бы такое и было, то вряд ли у кого хватило ума такое опубликовать. Ведь вдумайтесь в суть изложенного.

Во время боя, причем в тот момент, когда командование войсками особенно необходимо, полководец практически шантажом требует от власти, чтобы та обезглавила сражающуюся армию, отдав ее тем самым на растерзание врагу, и спасла этого полководца. Полная потеря не только чести (ее, надо думать, у Октябрьского и Кулакова никогда и не было), но и совести! В своей трусливой подлости они даже не обсуждают вопрос — а что же будет с солдатами? Этим адмиралам плевать на них, для них главное — спасти свои жизни. Ну, о какой обороне Севастополя могла идти речь, если трусливая полководческая

сволочь думала только о своей шкуре? Ни малейшего понятия о солдатской чести!

Не хочу идеализировать немцев, у них тоже было не все так просто, и к концу войны и немецкие генералы вели себя не одинаково. Но сопоставьте поведение генералов.

Через полгода в окружение под Сталинградом попала 6-я немецкая армия Паулюса. И не только у Паулюса, но и у подавляющей массы попавших в окружение не только генералов, а и офицеров, даже мысли не возникало бросить своих солдат и вылететь из котла. В окружение под Сталинградом попала и 16-я танковая дивизия немцев, которой командовал генерал танковых войск Ганс Хюбе. Пока Хюбе с дивизией сидел в котле, у немцев формировался 14-й танковый корпус, и Гитлеру потребовался командир, чтобы этот корпус возглавить. Он приказал Хюбе вылететь из котла и принять командование этим соединением. Хюбе отказался выполнить приказ Гитлера, послав тому телеграмму (сравните с телеграммой Октябрьского): «Я привел своих солдат в Сталинград и приказал им сражаться до последнего патрона. А теперь покажу им, как это делается». Вот это поведение полководца, который не брякает по любому поводу: «Честь имею», — а просто ее имеет. Между прочим, Ганс Хюбе потерял в предшествовавших боях руку, т. е. был инвалидом. А средний генерал РККА, чувствуется, тоже был инвалидом, но только таким инвалидом, который еще до войны потерял совесть.

Что касается Хюбе, то Гитлер послал в котел четырех своих телохранителей, те с помощью Паулюса заманили Хюбе в штаб 6-й армии и силой вывезли Хюбе из котла. А что касается советских флотоводцев, то они оказались сильнее, вернее, хитрее Сталина. И чтобы это понять, давайте поставим себя на место Сталина и логически прикинем, что нам теперь делать? О том, что нам нужно сделать на его месте, чуть позже, а сейчас о том, что делать с Октябрьским — что тому отвечать? Ведь вариантов ответа ему всего два: запретить отъезд, приказав драться, и разрешить отъезд.

Безвыходное положение Сталина

Запретить? Но ведь драться Октябрьский не будет, если бы он хотел драться и не дрожал за свою шкуру, то не послал бы телеграмму, ультиматумом оговорив срок своей сдачи в плен — «максимум 2–3 дня». Этот трус сочтет себя жертвой, которую Сталин определил на смерть, и запросит спасения у Гитлера, т. е. через 2–3 дня сдаст Гитлеру Севастополь. Итог будет один и тот же, но Геббельс растрезвонит на весь мир, что на милость немцам сдался командующий Черноморским флотом СССР с десятком генералов и адмиралов и со всем гарнизоном. Пропагандистский ущерб будет колоссальный, так как это создаст прецедент для других советских генералов, которые до этого хотя и попадали в плен, но вместе с войсками не сдавались. А здесь Октябрьский прямо предупреждает, что сдаст Севастополь вместе с армией — он ведь ни слова не говорит о ее эвакуации, но зато излагает причину капитуляции — «войска сильно устали».

Таким образом, по отношению к Октябрьскому у нас выбора нет — надо разрешать этому трусу и его «ответственным работникам и командирам» удрать из Севастополя. Это на тему того, что отвечать Октябрьскому. Но это не все, Октябрьский — это тля, а нам нужно спасать солдат и матросов, сражающихся в Севастополе, от дезорганизации, вызванной отсутствием командования. Но прежде я продолжу цитату из воспоминаний Кузнецова.

«Об этой телеграмме мне доложили около 14 часов 30 июня. Хотя Севастопольский оборонительный район оперативно подчинялся маршалу Буденному, я понимал, что моя обязанность прежде всего — своевременно дать ответ. Армейское командование в Краснодаре еще болезненно переживало недавнюю неудачу на Керченском полуострове. По опыту эвакуации Таллина я полагал, что главком едва ли примет решение сам, не запросив Ставку. Времени же для запросов и согласований уже не оставалось. По обетановке было ясно: Севастополь придется оставить. Поэтому, еще не заручившись согласием Ставки, я приказал ответить вице-адмиралу Октябрьскому: «Нарком ваше предложение целиком поддерживает». Переговорив со

Сталиным, в 16 часов 40 минут я послал Военному совету Черноморского флота телеграмму о том, что эвакуация Военсовета разрешена.

В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск».

По прочтении этого текста возникает два вопроса. Почему Кузнецову нужно было, чтобы Буденный не знал о первой телеграмме Кузнецова в Севастополь? Он пишет, что Буденный не согласованные со Сталиным решения не принимал, а посему мог затянуть дело. Но ведь и Кузнецов решение дать полководцам Севастополя сбежать, тоже согласовал со Сталиным, а первая телеграмма вообще не содержала никакого военного решения — это сообщение Октябрьскому о некой личной солидарности с ним Кузнецова. Почему эту свою солидарность в деле отдачи гарнизона Севастополя немцам на расправу Кузнецов постеснялся согласовать с Буденным?

Второй вопрос. А зачем он послал первую телеграмму? Кому она нужна? Ведь Октябрьскому нужно было разрешение на то, чтобы удрать из Севастополя, а не солидарность Кузнецова. Зачем Кузнецов загружал шифровальщиков и радистов этой бессмысленной для Октябрьского чепухой?

Все дело в том, что эта чепуха была предназначена не Октябрьскому, а Сталину и Буденному, почему Кузнецов и не стал согласовывать с ними свою первую телеграмму. Чтобы это понять, задайте себе вопрос, кто являлся непосредственным начальником Октябрьского? Буденному Октябрьский подчинялся только в оперативном отношении, т. е. Октябрьский обязан был выполнять приказы Буденного об обороне или высадке десанта, об обеспечении разгрузки судов и т. д., но Буденный не мог снять с должности и заменить другим командующего Севастопольским оборонительным районом — это мог только Кузнецов, поскольку он являлся прямым начальником Октябрьского. Это видно и по тому, как расположены адресаты в телеграмме, посланной Октябрьским — сначала Кузнецову, а затем Буденному и подчиненному Октябрьского — Исакову. В Краснодар Октябрьский посылал телеграмму для сведения, а разрешения удрать испрашивал у своего прямого начальника — у Кузнецова.

Далее. Второй штурм в декабре 1941 года Севастополь отбил, в том числе и потому, что в Керчи высадились наши войска, и образовался Крымский фронт, одной из целей которого и была деблокада Севастополя. Но когда Манштейн разгромил Крымский фронт, то севастопольское начальство запаниковало и, я полагаю, начало требовать немедленной эвакуации. Я думаю так вот почему.

С.М. Буденный был человеком очень и многосторонне одаренным, по уровню культуры с ним трудно даже сопоставить кого-либо из остальных советских полководцев, более того, это был и крупнейший военный талант, который, к сожалению, сам Буденный в себе не ценил. Он, безусловно, прекрасно **чувствовал войну**, т. е. не какие-то цифровые показатели в штабе, а реальную силу противостоящих войск. Напомню, что это он, а не хвастливый брехун Жуков 11 сентября 1941 года запросил у Ставки разрешение отвести войска из Киева, и Ставка этого не сделала только потому, что с этим не согласился командовавший этими войсками генерал-полковник Кирпонос. Напомню, что Крымский фронт был создан для разгрома в Крыму 11-й армии Манштейна и по штабным бумагам имел для этого все — и превосходящие силы солдат, и превосходство в танках. 28 апреля Буденный слетал на Керченский полуостров, съездил в войска, на передовую и пришел к выводу, что Крымфронт к наступлению не готов, что впоследствии и подтвердилось — Крымфронт оказался неспособен даже обороняться.

А вот по отношению к Севастополю у Буденного было совершенно иное мнение, Буденный знал, что у Севастополя достаточно сил, чтобы выдержать немецкий штурм. И когда после падения Крымфронта из Севастополя поползли просьбы об эвакуации, Буденный жестко на них отвечал: «Предупредить весь командующий, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет». И как выше сказано, даже 27 июня, за два дня до трусливых воплей полководцев, с кавказского берега в Севастополь переправлялись войска. Севастополь был прекрасным рубежом, на котором можно было бить немцев, там выгодно было их бить, посему их нужно было бить именно там, тем более что они на этот рубеж сами полезли. Нельзя было допустить, чтобы дивизии Манштейна вышли из-под Севастополя из горных теснин в степи Дона

и Кубани, где уже вовсю шло наступление на Сталинград и Кавказ. Оставлять Севастополь с военной точки зрения было глупо, а посему, как многословно оправдывается Кузнецов, ссылаясь на адмирала Исакова, эвакуация войск из Севастополя до телеграммы Октябрьского даже не продумывалась, и трусливое, по сути, предательство севастопольских полководцев оказалось для Сталина и Буденного как снег на голову.

А здесь нужно понять, что логика управления людьми наработала ряд приемов управления, которые начальники применяют, даже не задумываясь, — настолько они естественны. К примеру. Есть директор завода, у него подчиненный — начальник цеха, а у того свой подчиненный — начальник участка. Представим, что на этом участке возникла проблема, которая ставит под угрозу срыв задачи всего завода, а начальник участка по каким-либо причинам (неопытность, загулял, растерялся и т. д.) с этой проблемой не справляется. Если начальник цеха честный работник, то он без какого-либо приказа бросится на этот участок и возьмет управление им на себя. Если он не догадается или директор узнает о проблеме раньше начальника цеха, то директор немедленно и автоматически прикажет начальнику цеха взять управление на участке в свои руки, а уж потом думать, что делать — менять начальника участка или вновь доверить ему эту должность. Это, повторю, логика управления, и она действует везде.

Выше я приводил пример со сдачей немцам Смоленска: немедленно в армию Конева выехал заместитель командующего фронтом Еременко, снял командира корпуса, виновного в сдаче Смоленска, и послал командовать этим корпусом командующего Конева.

Вот теперь поставьте себя на место Кузнецова, получившего телеграмму Октябрьского. Будь Кузнецов честный командующий, то немедленно запросил бы согласия Ставки самому вылететь в Севастополь и взять управление войсками на себя, пока не будут подобраны люди на место Октябрьского с компанией. Но даже если бы он сам на это не решился, но сразу же доложил о телеграмме Сталину и обсудил ее с Буденным, то они автоматически скомандовали бы ему: вылетай в Севастополь и бери командование на себя! А, как мы видим, рисковать своей жизнью нашему выдающемуся флотоводцу очень не хотелось, посему страх надоумил его на действие, по сути

беспрецедентное: он еще до доклада Сталину солидаризируется в трусости со своим трусливым подчиненным!

Теперь его послать в Севастополь нельзя — он сдастся в плен вместе с Октябрьским. Ведь если он туда поедет и вдруг он сам или кто-то вместо него отобьет штурм немцев, то как будет выглядеть эта победа с уже высказанной Кузнецовым солидарностью просьбе разрешить полководцам Севастополя удрать и отдать Севастополь немцам? Телеграмма Кузнецова Октябрьскому никакого другого смысла не имеет — это отказ Кузнецова сражаться за свою Родину. Отказ, закамуфлированный в форму личного мнения и трогательной заботы о начальствующем составе. Нет, как и все советские полководцы, Кузнецов готов был сражаться за Родину, но чужими руками и так, чтобы его лично при этом не убили.

Из вышеприведенного отрывка из воспоминаний Кузнецова видно, что Сталин отнесся к трусости Октябрьского и Кузнецова внешне спокойно и согласовал бегство адмиралов на Кавказ. И в это можно поверить вот почему.

В Красной Армии войсковые объединения — армии и фронты — возглавлялись коллегиально — Военным советом, и именно он согласовывал командующему все его решения. Председателем Военного совета всегда был сам командующий, обязательным членом Военного совета был крупный партийный работник, должность которого так и звучала — член Военного совета. Обязательно в Военный совет входили начальник штаба и первый заместитель командующего. Так вот, генерал-майор Петров был первым заместителем Октябрьского, следовательно, он знал текст телеграммы, посланной от имени Военного совета Севастопольского оборонительного района, следовательно, был согласен с тем, что остается за Октябрьского, и, как казалось в тот момент, уже брал командование в Севастополе на себя. А военная репутация у Петрова на то время была неплохая — летом 1941 года он довольно удачно оборонял окруженную Одессу и очень удачно эвакуировал из нее Приморскую армию в Крым. Получалось, что, может, так даже лучше — из Севастополя уберутся трусы и оборону возглавит толковый человек. Скорее всего, Сталин недоучел, что полководческая трусость — это зараза хуже чумы. Но Кузнецов продолжает свои воспоминания.

«Соглашаясь с эвакуацией Военного совета флота из Севастополя, я рассчитывал на то, что в городе останется генерал-майор И. Е. Петров, заместитель командующего флотом, который будет руководить обороной до последнего момента. Но 1 июля в телеграмме в адрес Сталина, мой и Буденного уже из Новороссийска Военный совет флота донес: «Старшим начальником в Севастополе оставлен комдив-109 генерал-майор П. Г. Новиков, а его помощником по морской части — капитан 3 ранга А. Д. Ильичев». Это было для меня полной неожиданностью и поставило в трудное положение перед Ставкой.

— Вы говорили, что там останется генерал-майор Петров? — нахмурился Сталин. Мне ничего не оставалось, как сослаться на первую телеграмму командующего Черноморским флотом.

В своей ответной телеграмме я давал разрешение на выезд только Военного совета и группы руководящего состава, если в Севастополе останется генерал Петров. В этом случае я рассчитывал, что борьба еще какое-то время будет продолжаться. Так обстановку, видимо, понимал и Верховный Главнокомандующий. Сейчас же все изменилось. Теперь нельзя было надеяться на организованное сопротивление в течение хотя бы недели и эвакуацию оставшихся войск. Этим и было вызвано недовольство Сталина».

Итак, удирая на Кавказ, севастопольские полководцы поручили Петрову умереть за Родину, но тот, не будь дурак, тут же поручил умереть за Родину генералу Новикову и отбыл на подводную лодку. Но не спеша, и хотя и ночью бухта находилась под обстрелом немцев, Петров мужественно ждал, пока и его сын-офицер тоже соберет вещи и прибудет на лодку. Так, семейно, помахав ручкой оставшимся без командования и поэтому гибнущим уже в неравных боях солдатам, Петров тоже удрал на Кавказ.

Правда, прежде чем пройти через толпы раненых и просто оставшихся без командиров солдат и матросов, вверенных Петрову советским народом, и сесть на шхуну, отвезшую его на подлодку, генерал Петров мужественно надиктовал свой последний приказ: «Противник овладел Севастополем. Приказываю: командиру сто девятой стрелковой дивизии генерал-майору Новикову возглавить остатки частей и сражаться до последней возможности, после чего бойцам и командирам пробиваться в горы, к партизанам». В этом приказе Петров, конечно, соврал. Он удрал в ночь на 1 июля, а

Манштейн пишет: «День 1 июля начался массированным огнем по окраинным укреплениям и внутренним опорным пунктам города. Обстрел был успешным. Уже через некоторое время разведчики донесли, что серьезного сопротивления противника не ожидается. Ведение огня было приостановлено, дивизии пошли в наступление. Вероятно, противник в ночь на 1 июля вывел свои главные силы из крепости на запад».

То есть к моменту отдачи Петровым приказа немцев еще и близко не было в Севастополе, более того, они боялись в него входить. Но, узнав, что севастопольское начальство уже удрало, к бухтам бросились и многие солдаты в надежде, что эвакуируют и их, и тем самым рядовые защитники оставили немцам свои укрепления без сопротивления.

Особо мудрым выглядит та часть приказа Петрова, в которой он требует пробиваться в горы к партизанам. Поскольку горы и партизаны были в глубоком тылу наступающих немцев, то исполнителям этого приказа осталось всего ничего — разбить 11-ю армию немцев.

Получивший этот мудрый приказ генерал-майор Новиков тоже не лаптем щи хлебал. Посему он тут же поручил умереть за Родину (кому, узнаем ниже) и вечером 1 июля сел со своим штабом на сторожевик, но фортуна ему не улыбнулась — этот сторожевик перехватили итальянские торпедные катера и завернули его в Ялту вместе со сдавшимся в плен Новиковым.

Поскольку после этого во всех документах и воспоминаниях прекращается упоминание хоть о каких-либо командирах, то полагаю, что в ночь на 1 июля из Севастополя удрали все генералы, все командиры дивизий и полков. Хотелось бы, конечно, чтобы я в этом предположении ошибся.

Теперь о том, кому генерал Новиков поручил возглавить войска и прорываться с ними к партизанам. Вообще-то, на войне прорыв из окружения — дело обыкновенное. Скажем, осенью 1941 года войска маршала Тимошенко окружили 34-й пехотный корпус немцев. Маршал Баграмян вспоминает:

«Тогда гитлеровцы, сидевшие в мешке, решились на последнюю попытку прорваться. Они вновь собрали ударную группировку, и командир 134-й пехотной дивизии генерал Кохенхаузен повел ее на прорыв из совхоза Россошное в направлении на Кривец. Наши

кавалеристы, вынужденные беречь каждый патрон, не дрогнули и стремительными контратаками рассеяли противника. Генерал Кохенхаузен был убит. Окруженных охватила паника. Они стали метаться от деревни к деревне, словно крысы в мышеловке...»

Может, Баграмян слегка и приукрашивает панику у немцев, но, скорее всего, и немецкие солдаты, оставшись без командиров, запаниковали. Но все же отдадим должное генералу Кохенхаузену — он был полководцем, а не полкопосыльцем, — он водил полки в бой, а не посылал их туда. И совершенно естественно, что именно он, полководец, повел своих солдат на прорыв из окружения.

А вот кто водил советских солдат на прорыв из Севастополя. Теперь вспоминает фельдмаршал Манштейн:

«Заключительные бои на Херсонесском полуострове длились еще до 4 июля. 72-я дивизия захватила бронированный ДОС «Максим Горький II», который защищался гарнизоном в несколько тысяч человек. Другие дивизии все более теснили противника, заставляя отступать на самый конец полуострова. Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов. Само собой разумеется, что потери при таких попытках прорваться были чрезвычайно высоки».

Как видите, еще долгих четыре дня уже брошенные командованием советские солдаты продолжали драться, что и заставило Манштейна в конце концов воскликнуть: «...ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро!»

Но обратите внимание, кто у нас, в отличие от немцев, водил солдат на прорыв — не генералы, как у них, а «женщины и девушки-комсомолки».

Да, есть от чего почесать в затылке: кормит-кормит русский народ своих генералов в мирное время, а во время войны солдат на прорыв ведут комсомолки. Умны мы, русские, сказать нечего...

Храбрые во всем храбрые

Являлась ли трусость полководцев РККА правилом? Не думаю. Полагаю, что она не была даже тем, что называют типичным. Думаю так, потому что иначе Советский Союз не выиграл бы войну ни при каких потерях, но поскольку эти потери все же были непомерно велики, то трусость полководцев имела огромное значение. Мы дальше еще задумаемся над вопросом, почему так — почему, считаясь полководцами, генералы и офицеры в РККА массово предпочитали быть полкопосыльцами: боялись водить в бой полки и стремились их туда послать из безопасного места. На эту трусость постоянно натыкаешься, читая даже не нынешние воспоминания ветеранов, выходящие без цензуры, а еще те, подцензурные. Вот, скажем, эпизод из воспоминаний Н.К. Попеля, относящийся к началу осени 1941 года.

«Я связался по телефону с командиром полка, в котором должен был сам зачитать и разъяснить приказ.

— Какова у вас обстановка?

— Спокойно, стоим на прежних позициях... Противник ведет методический огонь.

По пути в полк настигаю хвост какой-то колонны. Приказываю Балыкову:

— Узнайте, что за подразделение.

Минуту спустя Михаил Михайлович назвал номер того самого полка, в который мы ехали. Я выскочил из машины. Бойцы неторопливо шли по обочине. У многих в руках круги подсолнечника.

— Куда путь держите?

— То начальство знает, товарищ бригадный комиссар.

— Где начальство?

— Впереди, наверное...

Однако впереди никого не было. Я подъехал к командиру головной роты.

— Кто ведет колонну?

— Тут из дивизии был кто-то. По его приказанию мы и снялись.

— Давно?

Лейтенант посмотрел на небо, потом достал из кармана гимнастерки часы-луковицу.

— Часа полтора, от силы — два.

А с командиром полка я говорил сорок минут назад. Вот тебе и «спокойно, на прежних позициях...».

Повернул колонну обратно. Снявшиеся с передовых позиций подразделения вновь заняли свои окопы. Полк отлично дрался, когда немцы стали десантироваться на левый берег. Но командовал им уже другой командир, который хорошо видел с наблюдательного пункта свои боевые порядки, а не фантазировал, сидя в блиндаже за пятнадцать километров от передовой».

А вот эпизод воспоминаний А.В. Горбатова, уже из 1943 года: «Как только противник начал отход, дивизия форсировала Зушу на всем фронте и повела преследование. Правда, форсировав реку, полковник Червоний излишне задержался в поспешно оставленных немцами комфортабельных землянках и отстал от своих полков — мне пришлось посадить его в свою машину и перевезти туда, где ему надлежало быть. Но с тех пор он больше не пользовался моей машиной и перемещался только на своей».

Однако следует сказать, что воспоминания Горбатова в данном контексте не типичны, поскольку, повторяюсь, действует принцип «каков поп, таков и приход». Этот «поп» — Горбатов вводил свои законы, а по этим законам, в частности, он сам водил в бой полки и от подчиненных генералов этого требовал: «Большую роль сыграло вошедшее у нас в правило: личное наблюдение командиров дивизий за полем боя с приближенных к противнику НП; это и позволяло вводить резервы своевременно», — пишет в своих воспоминаниях «Годы и войны» А.В. Горбатов.

А немецкому генералу Г. Гудериану, кстати, в полезности для генерала лично водить полки в бой в 1933 году пришлось убеждать начальника Генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Л. Бека.

«С Бекон мне преимущественно и приходилось вести борьбу по вопросам формирования танковых дивизий и создания уставов для боевой подготовки бронетанковых войск.

Особенно был недоволен Бек уставными требованиями, что командиры всех степеней обязаны находиться впереди своих войск.

«Как же они будут руководить боем, — говорил он, — не имея ни стола с картами, ни телефона? Разве вы не читали Шлиффена?» То, что командир дивизии может выдвинуться вперед настолько, что будет находиться там, где его войска вступили в соприкосновение с противником, было свыше его понимания», — пишет Г. Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата».

Да, у генералов, находившихся под командованием Горбатова или Гудериана, риск погибнуть в бою был гораздо выше, но зато у солдат, находившихся под их командованием, риск погибнуть от генеральских ошибок и недоработок был гораздо ниже.

Напомню, что я начал с рассуждений наших прославленных флотоводцев Кузнецова и Исакова о храбрости Мехлиса, а поскольку я обсудил некоторые детали обороны Севастополя, то думаю, что некоторые читатели ожидали, что я буду сравнивать адмиралов Кузнецова и Октябрьского с адмиралами П.С. Нахимовым и В.А. Корниловым, погибшими при обороне Севастополя в Крымскую войну 1854–1855 годов.

Надо бы, да уж больно несравнимо...

Дальнейшая служба

Но давайте закончим тему о Мехлисе. После разгрома немцами Крымфронта Мехлис был наказан — его сняли с должности начальника Главного политического управления РККА и снизили звание с армейского первого ранга до корпусного комиссара, т. е. на две ступени. Однако я думаю, что Мехлис сам попросил у Сталина наказать себя. Понимаю, что определенным людям это трудно понять. Для очень многих наказание — это только несчастье, а их звание — это то, с чем они себя идентифицируют, без чего они не считают себя личностью.

Если кто-то еще помнит, то раньше в местах заключения был очень популярным плакат: «На свободу — с чистой совестью!» Над этим лозунгом многие изгалялись как могли, но, полагаю, что для ряда отбывающих наказание заключенных этот лозунг был тем, что им требовалось. Видите ли, случается и так, что преступления совершают и люди с совестью, скажем, преступления по неосторожности, или в состоянии аффекта, или просто по халатности или недомыслию. И тогда, вне зависимости от их личной степени вины и от того, как они ее лично оценивают, таких людей будет мучить совесть. И для ее успокоения есть единственный выход — принять наказание, после отбытия которого ты как бы заглаживаешь свою вину и совесть тебя беспокоит уже не так сильно.

Мехлис представлял Ставку на Крымском фронте, и этот фронт был разгромлен, посему Мехлис не мог не винить себя. Это людям типа наших флотоводцев достаточно найти или придумать виноватого или обвинить в поражении обстоятельства, чтобы чувствовать себя спокойным и счастливым. Ни в одних воспоминаниях лиц, причастных к разгрому Крымфронта и падению Севастополя, я не встретил и тени мук совести, не встретил и попыток хоть как-то оценить свою вину: никто не виноват — только Сталин и Мехлис.

И только Мехлис в своем итоговом докладе Сталину написал то, что должны были бы написать все генералы, командовавшие Крымским фронтом: «Не бойцы виноваты, а руководство...», — а еще

раньше, 14 мая, он в свою телеграмму Сталину вписал слова: «Мы опозорили страну и должны быть прокляты».

Поэтому последовавшее наказание, с точки зрения очистки совести, для такого человека, как Мехлис, вряд ли было достаточным, но это было, по крайней мере, хоть что-то. Даже приобщившийся к демократическим ценностям Рубцов не нашел в документах о Мехлисе ни строчки по поводу переживаний Мехлиса в связи с разжалованием или недовольства фактом этого. Поэтому я и думаю, что наказание было тем, что Мехлис и хотел иметь.

Что касается воинского звания, то Мехлис в нем не нуждался, поскольку и без звания был личностью. Сами посудите, ну что добавило Сталину звание генералиссимуса или звание Героя Советского Союза? Он, по сути, не принял ни одно из этих званий, а Звезду Героя отказался получать. Эти звания, присвоенные Сталину по представлению маршалов, самим маршалам и были нужны. Ведь если Сталин маршал и они маршалы, то тогда они маршалы не совсем настоящие, так как подчиняются такому же, как и они, маршалу. Для утверждения себя в маршальском статусе им требовалось, чтобы Сталин имел еще более высокий чин. Отсюда же настоятельная потребность сделать Сталина Героем: если Сталин не Герой, то тогда их Геройство становится каким-то двусмысленным, получается, что они свои Звезды то ли купили, то ли выпросили.

А поскольку Мехлис это не Жуков с Василевским и Кузнецовым, а человек — аналог Сталина, то и Мехлису его звание было безразлично. В 1944 году ему было присвоено звание генерал-полковника, и он в этом своем чине сравнился со своим начальником — с начальником ГлавПУ РККА А.С. Щербаковым, но опять-таки Рубцов не нашел ни малейшей реакции Мехлиса на это изменение — и это ему было безразлично.

Ни отношение Сталина к нему, ни его работа не изменились — он по-прежнему был представителем Советской власти в войсках, и Сталин по-прежнему перемещал его с фронта на фронт, чтобы Мехлис выявил недостатки и дал реальную оценку полководцам, чтобы помог фронту в выполнении боевой задачи. Рубцов сообщает:

«26 июня постановлением ГКО он был назначен членом Военного совета Северо-Западного фронта. Но отбыть к новому месту службы не успел, поскольку 3 июля в связи с нараставшим наступлением

немецко-фашистских войск состоялось новое решение ГКО — о приведении в полную боевую готовность 3, 5 и 6-й резервных армий. Лев Захарович получил назначение на должность члена Военного совета последней из них.

После этого весь его путь до самого конца войны пролегал по фронтам действующей армии. Недолго, до сентября 1942 года, оставаясь членом ВС 6-й армии, в дальнейшем он занимал аналогичную должность последовательно на девяти фронтах: Воронежском (сентябрь — начало октября 1942 года), Волховском (октябрь 1942-го — апрель 1943 года) и одновременно — Резервном (10–15 апреля), Брянском (июль–октябрь 1943 года), сформированном на его базе Прибалтийском (10–20 октября 1943 года), 2-м Прибалтийском, переименованном из Прибалтийского (октябрь — декабрь 1943 года), Западном (декабрь 1943-го — апрель 1944 года), 2-м Белорусском (апрель — июль 1944 года), 4-м Украинском (август 1944-го — 11 мая 1945 года). Единственное исключение составила непродолжительная служба членом ВС Степного военного округа (18 апреля — 6 июля 1943 года)».

После войны Л.З. Мехлис вернулся к своей прежней работе, но теперь уже, правда, не наркома, а министра государственного контроля. Снова начал борьбу (или продолжил ее) с бюрократами, расхитителями, любителями поживиться на казенный счет, чем, само собой, снискал к себе страх и ненависть многих членов государственного аппарата. Не могло не раздражать чиновников и другое. Рубцов пишет:

«Бывший министр морского флота СССР А.А. Афанасьев делился с автором: «Приглашенные на заседание к Сталину руководители дожидались в приемной. Держались обычно по-товарищески, как равный с равным. А такой человек, как А.Г. Вахрушев, министр угольной промышленности, непременно обойдет всех с рукопожатием и не одну шутку отпустит под смех окружающих. Но так вели себя не все. Л.З. Мехлис, например, не скрывал, что пользуется особым расположением Сталина. Он даже не ждал приглашения пройти в зал заседаний, а просто молча пересекал приемную и скрывался за дверью».

Дело не в особом расположении Сталина к Мехлису, а в другом. Все эти чиновники считали Сталина своим хозяином (так его и

называя за глаза), а себя — его холоуями. Это определяло и их поведение. А Мехлис считал Сталина своим товарищем по партии и единомышленником, и Сталин признавал, что это так. Отсюда и такие отношения...

В конце 1949 года Л.З. Мехлиса свалил инсульт, за ним последовал инфаркт. Врачи кремлевской больницы, конечно, подсуетились, что, судя по приведенной цитате в цитате, даже Рубцову показалось, по меньшей мере, не совсем нормальным:

«Как пишет Г.В. Костырченко, «начальник ЛСУК профессор П.И. Егоров, который пользовал Г.М. Димитрова, маршалов А.М. Василевского, С.М. Штеменко (последний — для точности — был не маршалом, а генералом армии. — *Ю. Р.*), академика С.И. Вавилова и многих других, направил летом 1952 года бывшего министра госконтроля СССР Л.З. Мехлиса, страдавшего сердечной недостаточностью, на лечение в Крым, что было ему противопоказано».

В результате 13 февраля 1953 года, за три недели до убийства Сталина, умер один из немногих рыцарей Ордена Коммунистов Лев Захарович Мехлис.

Храбрые о храбрых

Я уже дважды писал, что о храбрецах уважительно отзываются только храбрецы. Вы можете мне сказать, а как же Хрущев, который так высоко отзывался о Мехлисе? Хрущев, само собой, выдающийся негодяй, но он был храбрым человеком.

Корреспондент журнала «Офицеры» брал интервью у известного советского диверсанта полковника И. Старинова, и тот, рассказывая, как минировал Харьков перед оставлением города немцам в 1941 году, между прочим, вспомнил и такую деталь: одним из первых должен был быть заминирован дом на улице Дзержинского, 17.

«Дом, известный всем харьковчанам, — в нем тогда жил Хрущев. Как лучший дом города после отступления советских войск он предназначался будущему начальнику гарнизона Харькова немецкому генералу Георгу фон Брауну.

Как считал Старинов, Хрущев был отчаянно смелым человеком. Тогда, в Харькове, наотрез отказался выезжать из заминированного здания, чтобы не вызвать подозрения противника. Так и спал на минах...».

Генерал-полковник Петров, дважды Герой Советского Союза, с 1944 года воевавший без обеих рук, незадолго до своей смерти в 2002 г., в целом не очень высоко отзываясь о политработниках, о Хрущеве рассказал корреспонденту следующее:

«А вообще на своем веку я повидал немало храбрых людей. Да и Никита Хрущев, должен я вам сказать, был человеком не робкого десятка. В первый и последний раз я видел Никиту Сергеевича на Курской дуге, в 43-м. Вокруг рвались снаряды, а Хрущев, как ни в чем не бывало, бравой походкой шагал по передовой. За ним с портфелем в руке тащился его адъютант. Хрущев подходил к бойцу, благодарил за службу и вручал ему орден. Причем, чтобы сделать это, Никита Сергеевич был вынужден нагибаться, поскольку не каждому награждаемому приходило на ум выпрыгнуть из окопа и принять награду, как подобает...».

Генерал-лейтенанту Хрущеву, члену Военного совета фронта, не было никакой необходимости самому идти на передовую, да еще и во

время обстрела ее немцами. Мог послать любого полковника или вызвать награждаемых к себе. Но Курская битва была решающей, все зависело от стойкости солдат, и Хрущев счел нужным показать солдатам, что генералы тоже здесь — на передовой, что они не уклоняются от этого смертного боя. Так как же Хрущев мог не уважать Мехлиса, никогда не уклонявшегося от боя?

А вот вспоминает И.М. Голушко, во время войны занимавшийся ремонтом наших танков. В сентябре 1941 года в разгар боев за Ленинград они поехали за запчастями, и у них немецкий самолет сжег машину.

«Тронулись дальше пешком. Вскоре нас, как и других «одинок», остановил капитан и предложил следовать в составе его подразделения.

— Идем к Красному Селу, — сказал он. — Там сейчас решается судьба Ленинграда.

Наши заявления о том, что имеем свое задание, были оставлены без внимания.

Примерно через два часа подошли к горящей деревне в полутора километрах от Красного Села. Где-то справа сквозь гул артиллерийской канонады слышалось «ура-а-а!». Попало под обстрел и наше подразделение. Совершили стремительный марш-бросок и остановились только на гребне крутого ската недалеко от Красного Села. Внизу темнело железнодорожное полотно, горели вагоны. Справа заметили большую группу офицеров. И тут по рядам пронеслось: «Ворошилов! Там Ворошилов».

Действительно, это был К. Е. Ворошилов. Не обращая внимания на огонь противника, он отдавал какие-то распоряжения. Эту группу охраняли автоматчики, веером рассыпанные по земле».

Что можно сказать о маршале Ворошилове, исходя из этого эпизода? Только одно — кем-кем, а трусом Ворошилов не был. А вот приведенное Ю. Рубцовым письмо Ворошилова Мехлису, посланное тогда, когда Мехлис из-за болезни уже не занимал никаких должностей.

«Дорогой Лев Захарович! Разрешаю себе (с запозданием, к сожалению) приветствовать Вас и поздравить с героическим подвигом шестидесятилетним пребыванием на одной из планет нашей солн[ечной] системы. Желаю Вам долгих и столь же успешных

преуспеваний в дальнейшей] работе и подвижного, преуспеянного (? — Ю. Р.) большевистского здоровья. Жму крепко руку».

Генерал И.И. Федюнинский, тоже не из робкого десятка, в своих мемуарах вспоминает: «С.К. Тимошенко очень детально изучал местность перед нашим передним краем. Целую неделю мы с ним провели в полках первого эшелона. Ему хотелось все осмотреть самому. При этом он проявлял исключительное спокойствие и полное презрение к опасности.

Однажды гитлеровцы заметили наши автомашины, остановившиеся у опушки леса, и произвели артиллерийский налет. Я предложил маршалу Тимошенко спуститься в блиндаж, так как снаряды стали рваться довольно близко.

— Чего там по блиндажам лазить, — недовольно сказал он. — Ни черта оттуда не видно. Давайте останемся на опушке.

И он невозмутимо продолжал рассматривать в бинокль передний край обороны противника. Это не было рисовкой, желанием похвалиться храбростью. Нет, просто С.К. Тимошенко считал, что опасность не должна мешать работе.

— Стреляют? Что ж, на то и война, — говорил он, пожимая широкими плечами».

Как видите, и о Тимошенко уверенно можно сказать, что он не трус. Так вот, когда перед войной правительство приняло решение освободить Мехлиса от должности начальника ГлавПУ РККА и назначить наркомом госконтроля, нарком обороны маршал Тимошенко пошел к Сталину и настойчиво просил того оставить Мехлиса у него комиссаром.

Как видим, одни полководцы ценили комиссара Мехлиса, хотели с ним служить, а другие ненавидели настолько, что не стеснялись лгать на него.

Так что дело здесь не в Мехлисе, все дело в полководцах.

Значение комиссаров

Комиссарская должность, с точки зрения своей доходности, ничем не отличается от командирской — такие же деньги оклада, такая же пенсия, такие же льготы и форма, пайки и уважение общества. А раз есть доход, то обязательно найдутся и алчные животные, которых этот доход соблазнит. Само по себе комиссарское звание не делает человека лучше, повторюсь — не место красит человека, а человек место. И на комиссарские должности, как и на генеральские, само собой, люди попадали разные: кто-то шел защитить Родину, а кто-то шел иметь побольше барахла. Кто-то прятался в тылу, а кто-то водил солдат в атаки — все точно так, как и у остальных офицеров РККА.

Вот, к примеру, Е.А. Гольбрайх, во время войны бывший и комиссаром батальона, и политруком, и командиром роты, и даже политруком штрафной роты, вспоминает о своем полковом комиссаре и о том, как он сам стал комиссаром.

«Расскажу просто, об одном боевом дне лета 1942 года. Занимали оборону возле разъезда № 564. На путях стоял эшелон сгоревших танков Т-34. Никто не знал, какая трагедия здесь разыгралась и как погиб этот эшелон.

Утром пошли в атаку, при поддержке танков и — просто фантастика для 1942 года, — при поддержке огня «катюш». Отбросили немцев на километр, дело дошло до штыковой атаки. Мне осколок попал в лицо, а я, в горячке боя, долго не мог понять, почему капает кровь на ложе моей винтовки. Остатки моей роты отвели назад, в резерв командира полка. Наш танк намотал на гусеницы провод и 2-й батальон полка остался без связи. Послали двух связистов, никто не вернулся. Командир полка Худолей приказывает мне: «Комсомол, личным примером, вперед!» Фамилию мою многие не могли выговорить, так прозвали меня «Комсомол», поскольку к тому времени я уже был комсоргом роты.

Пополз к подбитому танку. Смотрю, оба связиста убитые лежат. Работа немецкого снайпера. Чуть приподнялся — выстрел! Пуля снайпера попала в тело уже застреленного связиста. Лежу за убитыми, двинуться не могу, снайпер сразу убьет... Зажал концы проводов

зубами. Есть связь! Мимо ползет комиссар полка Дынин, направляясь в батальон. Это был уже пожилой человек, который, будучи комиссаром медсанбата, сам напросился в стрелковый полк. Сердце патриота и совесть не позволили ему находиться в тылу. В атаку ходил наравне со всеми, с винтовкой в руках. Увидел меня, только рукой мне махнул, и в то же мгновение ему снайпер прямо в сердце попал.

Понимаю, что долго здесь не пролежу, рано или поздно немец и меня угробит. Тут началась заварушка на передовой, обрывки провода скрепил, и под «шумок» вскочил и добежал целым до наших окопов. Пришел на НП батальона, а комбат ухмыляется: «Прибыл к месту службы». По телефону уже передали приказ: «Сержант Гольбрайх назначается комиссаром батальона».

А вот несколько фраз из представления на звание Героя Советского Союза Николая Васильевича Терехина от 20 июня 1942 года: «В Отечественной войне участвует с первых дней. 10 июля 1941 г. в одном из воздушных боев пулеметным огнем сбил самолет противника «Хейнкель-111». И израсходовав все боеприпасы, тараном сбил 2-й «Хейнкель-111». И уже поврежденной своей машиной вторым тараном сбил 3-й «Хейнкель-111». На 30 мая 1942 г. имеет лично сбитых самолетов противника 15 штук».

Н.В. Терехин начал войну комиссаром 161-го истребительного авиаполка, а 30 ноября 1942 года, будучи уже командиром полка, погиб в бою, сопровождая штурмовики Ил-2. Звание Героя ему так и не было присвоено.

В конце давайте отметим, что думали о комиссарах РККА немцы.

Надо бы начать с приказа Гитлера не брать комиссаров и политруков в плен и расстреливать их на месте. Но этот приказ был дан до войны, боевого значения комиссаров немцы еще не знали и уничтожать их предполагали сугубо как политических противников.

В ноябре 1942 года командующий немецкой 2-й танковой группой Г. Гудериан на основе разведданных подготовил доклад о РККА, и в нем есть такие выводы.

«д) Общая оценка.

В общем высшее и среднее командование, оказавшееся более подвижным, чем его первоначально считали, все время пытается вырвать инициативу и взять ее в свои руки.

Низшее командование ни в какой степени не соответствует предъявляемым к нему требованиям.

Повсюду душой сопротивления является политическое руководство, проявляющееся здесь со всей силой».

Специалист по пропаганде, работник имперского министерства иностранных дел гитлеровской Германии оберштурмбаннфюрер СС Шмидт, ставший после войны немецким военным историком, выступающим под псевдонимом Пауль Карель (Карелл), в своем труде «Восточный фронт» осмыслил роль комиссаров так:

«Однако немецкое Верховное главнокомандование не заметило перемен. Насколько оно цеплялось за свое ошибочное представление о солдате-красноармейце, показывала недооценка и клевета на политработников советской армии. Хотя в начале войны роль комиссара, возможно, и была неопределенной, со времени Курской битвы он все больше и больше воспринимался бойцами и командирами как опора в борьбе с недалекими начальниками, бестолковыми бюрократами и духом трусливого пораженчества.

В Германии же комиссаров рассматривали как надсмотрщиков и жестоких фанатиков. Пагубный приказ Верховного главнокомандования от 6 июня 1941 года, по которому взятые в плен комиссары не считались военными и расстреливались, — одно из следствий этой серьезной ошибки. Правда, большая часть командующих немецкими армиями и командиров корпусов не исполняла этот приказ и даже обращалась с просьбой отозвать его, тем не менее, последствия действия приказа были достаточно плачевны.

В действительности комиссары были политически активные и надежные солдаты, чей общий уровень образования был выше, чем у большинства советских офицеров. Чтобы получить достоверное представление об их роли, необходимо заглянуть в историю института политических комиссаров в Красной Армии. Первоначально советский офицерский корпус в значительной степени состоял из бывших царских офицеров, которые в глазах большевистского режима оставались ненадежными. Были также пролетарские офицеры времен Гражданской войны, солдаты без должной военной подготовки и часто без общего образования. В этой ситуации введение института комиссаров являлось логичным шагом: кроме политического руководства, он решал те задачи, которые в западных армиях входят в

компетенцию командира части, — политическое просвещение, обучение, интеллектуальные и бытовые потребности личного состава. В течение первых послереволюционных лет комиссары во многих случаях были вынуждены учить своих солдат читать и писать. Понятно, что за годы они неизбежно должны были подняться до уровня офицерского корпуса. История Красной Армии и последней войны делает это очевидным.

Теперь комиссар стал объектом постоянной всесторонней заботы и обучения. Кроме политических знаний он получает весьма интенсивный курс военной подготовки. Он должен быть в состоянии самостоятельно решать чисто боевые задачи, поскольку в случае гибели командира части он должен быть в состоянии заступить на его место, политрук роты стать командиром роты, комиссар дивизии — командиром дивизии. Чтобы соответствовать такому уровню требований, корпус политработников, естественно, должен состоять из жестких людей, преданных власти, и в первой половине войны эти люди, как правило, составляли главную движущую силу советского сопротивления и твердо следили за тем, чтобы войска сражались до последней капли крови. Они могли быть безжалостными, но в большинстве случаев они не жалели и себя».

А когда немцев «клюнул в темечко жареный петух» и стало ясно, что мы их ломим, то советский опыт с комиссарами попытались внедрить и немцы. Бывший ефрейтор 111-й пехотной дивизии Гельмут Клауссман вспоминал:

«Каких-то жестких требований по пропаганде не было. Никто не заставлял читать книги и брошюры. Я так до сих пор и не прочитал «Майн кампф». Но следили за моральным состоянием строго. Не разрешалось вести «пораженческих разговоров» и писать «пораженческих писем». За этим следил специальный «офицер по пропаганде». Они появились в войсках сразу после Сталинграда. Мы между собой шутили и называли их «комиссарами».

Часть 5. Профессионализм генералов

О смелости знаний

Напомню, что в основе малодушия офицеров и полководцев зачастую лежит не животный страх за свою шкуру, а неуверенность в правильности своих действий — неспособность найти нужное для боя решение. В предыдущих главах я приводил примеры, когда офицеры и полководцы обладали достаточной храбростью, чтобы осмысленно действовать в условиях непосредственной опасности для жизни, но малодушничили, когда надо было командовать. И причиной этого малодушия является незнание своего дела.

Поэтому мы не раскроем тему полностью, если хотя бы немного не осветим и этот вопрос — знали ли полководцы РККА военное дело, знали ли они, как выиграть бой?

Любая профессия включает в себя многоплановые знания, особенно профессия руководителя. Тут и знания технологии (для военного — тактики), и умение подобрать кадры, и знания свойств той техники, которой осуществляется технология. Без знания этих вещей руководитель не способен творить — не способен принимать свои собственные решения и обречен на роль тупой передаточной инстанции — он либо тупо заставляет подчиненных исполнить то, что приказало вышестоящее начальство, либо, если у него есть штаб или его аналог, то так же тупо подписать разработанный штабом приказ, в котором нет ни единой собственной мысли такого руководителя. И не надо думать, что такие руководители чувствуют себя ущербными или неудовлетворенными — отнюдь, чем глупее такой человек, тем больше ему нравится эта ситуация — ситуация, когда за него думают начальники или подчиненные.

Военное дело в принципе очень не сложное и очень интересное, но, как и любое другое дело, требует знаний достаточного числа подробностей. Поэтому, несмотря на увлекательность всех этих подробностей, я их ограничу, в надежде рассмотреть специально в отдельной книге. И для оценки профессионализма полководцев РККА использую только один параметр — знание ими свойств оружия, которое использовалось Красной Армией в ходе Великой Отечественной войны. Как можно изготовить изделие, не зная свойств

станков, имеющих у тебя в распоряжении? Соответственно, как можно творчески (своим умом) воевать, не зная свойств имеющегося у тебя оружия?

За базу рассуждений возьму уже публиковавшиеся мною материалы и дополню их новыми фактами. Напомню, что при наличии более тысячи генералов и десятков тысяч полковников-специалистов, взрывчатка инженера Ледина увидела свет только благодаря Сталину. То же самое произошло и с эффективнейшим авиационным противотанковым оружием — бомбами инженера Ларионова.

Танки и противотанковые средства

Предысторию нужно начать с того, почему Гитлер — выдающийся полководец, в 1943 году послал немецкие войска на нашу хорошо укрепленную оборону под Курском? Тут без подробностей не обойтись.

Дело в том, что и мы, и немцы начали войну с недостаточной противотанковой обороной. Причем, немцы с недостаточной, а мы — с просто паршивой.

Немцы, зная от Тухачевского и его поделльников, что он заказал в войска только легкие танки с броней в 13 мм, ограничились насыщением своих дивизий большим (75 орудий) количеством легких (435 кг), маневренных (без труда перекатывалась 2 артиллеристами) пушек калибра 37 мм. Эта пушка обычным бронебойным снарядом могла пробить 28 мм брони на расстоянии в 500 м, т. е. наши легкие танки она могла подбить и с километра. Кроме того, каждый пехотный взвод немцев имел легкое противотанковое ружье калибра 7,92 мм. Это ружье пробивало 25 мм брони с 300 м. Кроме того, каждый солдат, имеющий винтовку, а таких в дивизии было 12 609, носил с собой 10 усиленных бронебойных патронов, которыми с расстояния 100 м можно было пробить броню толщиной 13 мм. То есть против наших легких танков немцы были защищены исключительно хорошо. Но они совершенно не учли, что мы успели поставить на вооружение к началу войны средний танк Т-34 с броней 40–45 мм и тяжелый танк КВ с броней 60–75 мм. Против этих танков немцы вынуждены были применять 88-мм зенитные пушки и дивизионную артиллерию (гаубицы) со стрельбой кумулятивными снарядами.

Правда, немцам положение несколько спасало то, что они в 1938 г. разработали 50-мм противотанковую пушку, которая с 500 м обычным бронебойным снарядом пробивала 61 мм брони, т. е. могла подбить Т-34, а подкалиберным снарядом пробивала 86 мм брони, решая таким образом и вопрос борьбы с КВ. На 1 июня 1941 г. в войсках немцев было всего 1047 таких пушек, т. е. довольно мало.

А наши генералы накануне войны успокоились тем, что в стрелковой дивизии РККА было 54 пушки калибра 45 мм, которые

считались и батальонными (т. е. были предназначены для ведения огня по вражеской пехоте), и противотанковыми. Эта пушка была переделкой купленного в Германии старого 37-мм орудия, весила 560 кг и теоретически должна была пробивать 42 мм брони на расстоянии в 500 м. (Практически в начале войны ее снаряды из-за перекалки ломались о броню.) Но к этому времени не только немецкие средние танки и штурмовые орудия имели лобовую броню в 50–60 мм, но даже легкий танк 38t спереди был забронирован 50-мм броней. А с 500 м командиру немецкого танка, находящемуся в 2,5–3 м над землей, да еще и в прекрасную оптику наши 45-мм пушки, даже замаскированные, были уже хорошо видны. Поэтому немецкие танкисты их быстро расстреливали, и по статистике на один подбитый немецкий танк приходились 4 уничтоженные 45-мм пушки.

Никакого другого противотанкового оружия для советской пехоты наши генералы не заказали — ни противотанковых ружей, ни гранат. Это к вопросу о том, почему у немцев танков в начале войны было в 10 раз меньше, чем у нас, а побеждали в боях они.

Положение спасала советская дивизионная артиллерия, легкие полки которой имели на вооружении пушку УСВ калибра 76 мм.

Она на расстоянии 500 м обычным бронебойным снарядом могла пробить броню 70 мм, а на 1000 м — 61 мм. Т. е. она уже могла бороться с любым немецким танком начала войны, если пренебречь тем, что она весила 1,5 т., и ее не просто было замаскировать.

В 1940 г. по инициативе маршала Кулика и с поддержкой Сталина на трех заводах сразу была запущена в производство пушка ЗИС-2 калибра 57 мм. Это было не универсальное, а собственно противотанковое орудие, оно на расстоянии в 500 м пробивало 106 мм брони, а на 1000 м — 96 мм. (Удержите в памяти эти цифры). Этих пушек успели выпустить 320 шт.

Однако осенью 1941 г. будущие герои войны и маршалы Воронов, Говоров и Яковлев настояли в ГКО эту пушку с вооружения снять за ненадобностью. Они считали, что нам для борьбы с немецкими танками 76-мм универсальной пушки УСВ (модернизированной в ЗИС-3) хватит на всю оставшуюся жизнь, а уж до конца войны — точно!

В танковых войсках положение было следующим. Легкие танки были вооружены такой же 45-мм пушкой, как и стрелковые дивизии, и

76-мм пушкой были вооружены Т-34 и КВ. Это трудно понять — почему у тяжелого танка такая же пушка, как и у среднего? И даже менее мощная. Из-за этого в ходе войны наши танкисты стали отказываться от КВ — он тяжелый, медленный, к бою не всегда успевал, а когда приезжал, то толку от него было меньше, чем от Т-34. Этой слабой пушкой на тяжелом танке мы обязаны нашим гениальным мыслителям танковых боев, нашим гудерианам.

Дело в том, что глупость маломощной пушки видна была и до войны, и по инициативе маршала Кулика конструктор Грабин создал уникальную по мощности 107-мм пушку к танку КВ и даже изготовил таких пушек 800 шт. Во время войны один немецкий танкист поставил рекорд: он из 88-мм пушки танка «Тигр» подбил нашу «тридцатьчетверку» с расстояния в 3 км. Если бы грабинскую 107-мм пушку поставили на КВ, то из нее, с ее 550 тонно-метров мощности, можно было бы бить немецкие танки и с расстояния в 5 км, конечно, если бы удалось прицелиться, ведь и наша оптика сильно уступала немецкой.

Но против этой пушки дружной бригадой выступили начальник Автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант Федоренко (из-за того, что у этой пушки длинный ствол), нарком вооружения Ванников и директор завода, выпускавшего КВ, Зальцман. Последним, разумеется, не хотелось перенастраивать производство на танки с новой пушкой. И они победили.

Таким образом, к началу битвы на Курской дуге наши танки на равных могли сражаться только со средними немецкими танками довоенной конструкции Т-III и Т-IV.

А в авиации положение было таким. У немцев самолетом поля боя был «Юнкерс-87», пикировщик. При пикировании летчик резко опускает нос самолета и как бы падает под углом к земле примерно в 70°. В это время он наводит самолет по бомбовому прицелу на объект, который собирается бомбить. В конце пикирования он освобождает бомбы, сам выходит из пике, а бомбы, направленные самолетом, летят в цель. Таким образом, немецкие летчики могли попасть бомбой в малоразмерную цель, утверждают, что они попадали в круг диаметром 10 м.

У нас самолетом поля боя был штурмовик Ил-2. За счет сильного бронирования он мог летать низко над землей, ведя огонь по курсу

своего полета из двух 23-мм пушек и четырех пулеметов. Брал он с собой и до 500 кг бомб, но сбрасывал их практически только с горизонтального полета, а точность такого бомбометания была невелика. Пехоту, открыто расположенную, небронированную технику и оружие такой бомбардировкой уничтожить было можно за счет осколков и взрывной волны, но чтобы повредить танк, надо было, чтобы 100-кг бомба разорвалась от него не далее, чем в 5 м. А такой точности бомбометания на Иле достичь было невозможно. От подвешиваемых к крыльям Ила реактивных неуправляемых снарядов толку было еще меньше из-за крайне низкой точности попадания. Из пушки штурмовик под углом, близким к прямому, мог попасть только в борта танка, а их 23-мм снарядик пробить не мог. А на тонкую крышу танка снаряды падали под очень маленьким углом и рикошетировали, не принося вреда. Таким образом, в плане борьбы с немецкими танками наша авиация сухопутным войскам Красной Армии ничем существенным помочь не могла.

Итак, на начало 1943 г. средствами активной борьбы с немецкими танками у нас были только 76-мм пушки ЗИС-3 и пушки танков Т-34 и КВ-1, но, повторяю, более-менее на равных эти средства могли бороться только с танками Т-III и Т-IV. Немцы это прекрасно знали, и именно на этом базировалась их идея операции «Цитадель».

«Цитадель»

А операция «Цитадель» (Курская битва) была для немцев решающей в том смысле, что Курская битва — это последняя их битва, в которой они еще надеялись победить Советский Союз военным путем. Это последнее стратегически активное действие немцев: после Курска они уже только оборонялись, стараясь спасти то, что приобрели ранее, стараясь уже не захватить что-либо, а только спасти Германию от Красной Армии. Это был момент истины на Европейском театре военных действий Второй мировой войны. Поэтому готовились стороны к ней сверхтщательно, и немцы максимально напрягли все силы рейха.

Стратегический замысел немцев был прост, и Гитлер понимал, что этот замысел понятен и Сталину. Окружив под Курском в дуге выступающего в сторону немцев фронта наши войска, немцы пробивали брешь в 200 км по прямой, и их войска вливались в эту брешь и, повернув на север, брали Москву, до которой им оставалось около 400 км. (Правда, опасаясь этого, Сталин за Курской дугой создал еще один фронт — Степной, но для той тактической новинки, которую собрались применять немцы, это не имело особого значения). А взяв Москву — крупнейший узел железных дорог и центр собственно великорусского населения, Гитлер, как уже упоминалось, рвал весь СССР на части, которые из-за отсутствия проезда по железным дорогам было трудно объединить в одно целое.

Гитлер также не мог не понимать, что в месте ожидаемых ударов советские войска выстроят такую оборону, какую только сумеют. Но, как ни странно, до определенного момента это было даже на руку немцам, и именно поэтому они отказались от идеи, приписываемой Манштейну, ударить по центру Курской дуги и образовать два котла окружения.

Дело в том, что Гитлер и остальные немецкие полководцы разработали тактическую новинку, за счет которой и собирались выиграть Курскую битву, а вместе с ней и войну.

В Красной Армии, да и в армиях остальных воюющих с Германией стран, тактика боя оставалась с Первой мировой войны,

причем, с ее начала. Т. е. по противнику ведется огонь артиллерии, затем со штыками наперевес и с криком «ура!» на позиции противника бросается пехота. А уцелевшие пулеметчики противника выкашивают эту пехоту тысячами. Атака захлебывается, артиллерия снова ведет огонь, а затем опять с криками «ура!» и т. д.

Немцы эту тактику изменили с началом Второй мировой. После артподготовки на позиции противника выкатываются танки и уничтожают уцелевших пулеметчиков и стрелков, и только после этого в относительной безопасности на позиции противника бросается немецкая пехота. Противник, которому танк не давал высунуть голову, вынужден был сидеть в окопах и ждать, пока его уничтожат. Нес он при этом больше потерь, чем атакующие немцы.

Но к концу 1942 г. наши 76-мм пушки и наши танки сделали эту тактику немцев уже неэффективной — они выезжают к нашим окопам своими танками Т-Ш и Т-IV, а мы эти танки жжем пушкой ЗИС-3 или контратакой танков Т-34 и КВ-1. Немецкая тактика начала войны себя исчерпала. И немецкие полководцы пошли дальше.

Они заказали танк Т-VI «Тигр», а затем и танк Т-V «Пантера» со 100-мм и 80-мм броней соответственно и с длинноствольными мощнейшими 88-мм и 75-мм пушками. Тактическая идея немецких сухопутных сил видоизменилась. Как и всегда, атаке предшествует артподготовка, в ходе которой саперы снимают мины, затем на позиции противника выползают не основные немецкие танки Т-Ш и Т-IV, а тяжелые танки «тигр» и «пантера». «Пантера» считалась средним танком, но у нее броня была толще, чем у нашего тяжелого КВ. «Тигры» и «пантеры» добивают уцелевшие после немецкой артподготовки наши пушки ЗИС-3, которые ничего им сделать не могут, и отбивают контратаки наших Т-34 и КВ. Под прикрытием «тигров» и «пантер» на наши позиции заезжают немецкие основные танки и давят нашу пехоту, затем на позиции врывается и пехота немцев. При таком движении стальной армады чем больше противник настроит укреплений и чем больше посадит в них людей, тем больше его войск в этих укреплениях будет уничтожено и тем меньше неожиданностей ожидает немцев впереди. Поэтому Гитлер и послал свои войска туда, где наши войска их ждали.

На совещании у Гитлера 9 марта 1943 г., посвященном предстоящей летней кампании, основной доклад делал инспектор

танковых войск (главнокомандующий этими войсками) Гудериан. Интересный штрих в его воспоминаниях:

«И вот прибыли все заинтересованные лица: весь состав Главного штаба вооруженных сил, начальник Генерального штаба сухопутных войск с некоторыми начальниками отделов, генерал-инспекторы пехоты и артиллерии и, наконец, шеф-адъютант Гитлера Шмундт. Все находили в моих планах какие-нибудь недостатки, особенно им не нравилось мое желание подчинить самоходные орудия генерал-инспектору бронетанковых войск и вооружить ими противотанковые дивизионы пехотных дивизий, сняв с вооружения этих дивизионов пушки на полугусеничной тяге. Вследствие этого непредвиденного упорного сопротивления доклад длился 4 часа; я был так утомлен, что, покинув помещение, потерял сознание и упал на землю».

Тактическая новинка должна была: а) применяться в решающей битве; б) применяться массово; в) быть внезапной для противника.

Ответ Сталина

В то же время и у Сталина собралось совещание по такому же вопросу и даже в еще более расширенном составе. Конструктор В.Г. Грабин вспоминает: «Кроме членов Государственного Комитета Обороны на совещании присутствовали нарком оборонной промышленности Д. Ф. Устинов и его заместители, руководители ГАУ, Ванников (он стал к тому времени наркомом боеприпасов), военные специалисты и работники оборонной промышленности, в их числе и я.

Сообщение делал Воронов. Появление на Тихвинском фронте фашистского танкового «зверинца» он назвал внезапным, новые немецкие танки произвели на него, по собственному его признанию, потрясающее впечатление.

— У нас нет артиллерии, способной успешно бороться с этими танками, — таковы были его заключительные слова.

Гнетущая тишина воцарилась после сообщения Воронова. Молчал Ванников, молчали создатели КВ».

Я присутствовал на сотнях подобных совещаний и могу с абсолютной вероятностью рассказать, что там было. Вы что, думаете, что главнокомандующий артиллерией РККА Воронов, начальник ГАУ Яковлев, нарком Ванников и остальные, кто не дал вооружить Красную Армию 57-мм противотанковыми пушками, кто не дал поставить на КВ 107-мм пушку, попадали в обморок, как Гудериан, но от стыда? Нет! Они сидели и сверхпреданно, по-собачьи смотрели на своего Верховного Главнокомандующего с немой вопрос: «Что будем делать, товарищ Сталин?»

А что теперь делать!! Я бы на месте Сталина распорядился бить немецкие танки задами этих «гениальных» генералов и наркомов — тем, чем они думают. Но сами понимаете, что эффект от этого оружия был бы невелик — разве что немецкие танкисты от хохота пару раз промазали бы. И ведь понимаете, что обидно. Население СССР составляло едва 5 % от мирового. Уже по этой причине мы не могли быть передовыми во всех областях техники. Кроме того, царя не заботила подготовка инженеров, и их в России на душу населения было крайне мало, Сталин только начал развивать отечественную

науку и технику. Было бы естественно, если бы у нас были просчеты в том, к чему страна была научно-технически не готова. Но ведь мы до войны не только создали, но и изготовили те средства, с помощью которых мы могли бы бить и «тигры», и «пантеры». А эти уроды в генеральских звездах дальше своего носа смотреть не могли, лезли в начальственные кресла, не интересуясь своей профессией.

Да, конечно, Сталин немедленно распорядился восстановить производство 57-мм противотанковой пушки ЗИС-2, дал команды разрабатывать 100-мм противотанковую пушку, ставить крупнокалиберные мощные пушки на Т-34 и тяжелые танки. Причем, уже и 107-мм пушка нашим генералам казалась маленькой, на ИС-2 поставили сразу 122-мм пушку, а на самоходную установку на базе танка КВ поставили 152-мм пушку-гаубицу. Но все эти мероприятия требовали месяцев работы, а немцы начнут «Цитадель», как только просохнут дороги. (Тогда еще никто не знал, что немцы тоже не успевают накопить «тигры» и «пантеры» и перенесли начало операции на 5 июля.) Что делать сейчас, чтобы спасти и армию, и страну?

Но это был Сталин. И он выход нашел.

Как вы помните, наши летчики были беспомощны в борьбе с танками. А в середине 1942 г. конструктор И.А. Ларионов предложил бомбить немецкие танки не 100-кг бомбами, а посыпать их маленькими кумулятивными бомбочками, получившими впоследствии название ПТАБ-2,5–1,5.

В чем тут хитрость. При весе в 2,5 кг эта бомбочка пробивала броню в 70 мм. А крыша «тигра» — 28 мм, «пантеры» — 16 мм. Бомбочка пробивала броню взрывом, отверстие было маленьким, но в заброневое пространство танка влетали раскаленные газы и капли расплавившейся от огромного давления брони. Танк загорался. А у горящего танка есть свойство — через некоторое время в нем взрываются боеприпасы, и тогда корпус танка стоит в одном месте поля боя, а башня лежит в другом месте.

И наш штурмовик Ил-2 вместо четырех 100-кг бомб мог брать четыре кассеты с 78 бомбочками в каждой. Ударная волна от их взрыва была небольшой, поэтому Илы могли летать на высоте 25 м, не боясь, что их собьют разрывы собственных бомб, а с такой высоты они могли и прицелиться поточнее. При подлете к танку они раскрывали кассету, и бомбы сыпались на танк, как дробь из ружья в утку. Какая-то

бомбочка попадала и в танк, а этого было достаточно, чтобы он загорелся.

Если вы помните, то инженер Ледин сумел добраться до Сталина благодаря содействию комиссара, а инженер Ларионов почему-то пасовал перед начальством, и генералы нагло хоронили его изобретение. Но тут все произошло чисто по-русски. Историк В.И. Демидов в книге «Снаряды для фронта», без нужды деликатничая, описывает, как это было.

«И в апреле кто-то обнаружил на предложенном Ларионовым боеприпасном «солнце» какие-то «пятна». Выручил, как это часто бывает с изобретателями, его величество Случай.

На одном из этих испытаний был видный авиационный генерал — скорее из любопытства, чем по долгу службы: этот генерал решительно не имел никакого отношения к технике вооружения. А оказалось, что именно в это время он понадобился Сталину. И вот, чтобы как-то оправдать свое отсутствие на положенном ему месте и присутствие там, где ему, по сути, нечего было делать, генерал рискнул пойти на маленькую хитрость».

Уточню Демидова — если бы генерал был на полигоне по делам или даже из любопытства, то ему не нужно было бы оправдываться перед Сталиным, дело, скорее всего, было так: генерал улизнул со службы без разрешения по личным делам, а когда узнал, что его ищет Сталин, то заехал на полигон, чтобы как-то оправдаться перед Верховным. И генерал начал Сталину «вешать лапшу на уши».

«— Товарищ Сталин, — доложил он Верховному по телефону, — я был на полигоне, на испытаниях новой противотанковой бомбы. Она испытывается уже несколько раз, и мне кажется, нужно ваше вмешательство, иначе ее не будет еще несколько месяцев!..

Он думал, что этим все и кончится, но не тут-то было: Верховный не признавал мелких уверток, он требовал ответственности за каждое сказанное ему слово.

— Кто в этом виноват? — последовал вопрос...

— Не знаю, это не моя область работы...

— Я вас сегодня вызову.

Так начальник Главного управления комплектования, формирования и обучения частей ВВС Красной Армии генерал А.И. Никитин по собственной неосторожности попал в весьма опасную

ситуацию. Делом-то этим он не ведал: существовали службы вооружения, заказов, главный инженер ВВС, командующий Воздушными Силами, наконец... Невдомек ему было и то, что Сталин все время думает о предстоящем решающем танковом сражении под Курском.

Но идти и докладывать в ГКО об увиденном Никитину пришлось. С трудом нарисовал он там бомбу; пересказал все, что успел сообщить ему И.А. Ларионов, и даже то, что кумулятивный эффект «пока не разработан теорией»...»

Но даже этих малокомпетентных и отрывочных сведений Сталину хватило, чтобы понять военную ценность изобретения Ларионова. Генералы заметались, и дело закрутилось в бешеном темпе: 14 апреля 1943 г. они уже подписали акт об испытании ПТАБ-2,5–1,5, и тут же Сталин дал задание: к 15 мая, т. е. к моменту, когда дороги просохнут, изготовить 800 тыс. таких бомб!

150 заводов Советского Союза бросились выполнять этот заказ и выполнили.

Дело упрощало вот что. В отличие от снарядов такого же веса эта бомбочка в десятки раз дешевле. Снаряд — это очень точное изделие из высокопрочной стали с очень сложным взрывателем. А ПТАБ-2,5–1,5 теоретически можно было делать хоть деревянной. Если помните, Гудериан учил, что тактическую новинку нужно применять массово, а массово в один месяц можно было изготовить только дешевое изделие. Разумеется, Сталин приказал держать все в тайне и до начала битвы под Курском нигде эту бомбочку не применять. Не Гитлер, небось поучения Гудериана в этом вопросе ему были не нужны.

И вот началась Курская битва, в воздух поднялись наши штурмовики и начали посыпать колонны, предбоевые и боевые порядки немецких танковых дивизий бомбочками инженера Ларионова. Всего за Курскую битву они сбросили на немецкие танки 500 тыс. этих изделий. Каков эффект?

Прямо об этом никто не говорит: наши генералы и историки, видимо, из-за специфического устройства своего интеллекта, а немецким генералам уж очень об этом вспоминать не хочется. Там, где об этом следовало бы сказать, Гудериан зачем-то сетует, что у самоходного орудия «Фердинанд» не было пулемета. А что же вы

молчите, герр генерал, о судьбе «тигров» и «пантер», которые вы с Гитлером так бережно копили к Курской битве?

«Тигров» и «пантер» били, конечно, все, кто дрался в этой битве. И несчастные «сорокапятки» стреляли им по гусеницам, и расчеты противотанковых ружей старались попасть в бронестекла смотровых щелей, и 85-мм зенитки выкатывали в чистое поле, и 122-мм гаубицы выволакивали на прямую наводку, и юркие «тридцатьчетверки» норовили заехать сбоку и выстрелить в борт (82-мм броня) «в упор с разбега». (Т-34 даже бортовую броню «Тигра» и «Фердинанда» не мог пробить, но с внутренней стороны этой техники от удара снаряда «тридцатьчетверки» скалывались раскаленные осколки брони, которые могли поджечь пары бензина в бензобаках. Такие случаи были.) Мой отец на Севском направлении поставил и взорвал под атакой немецкой пехоты с танками радиоуправляемое минное поле. Солдаты и офицеры делали все, что могли, на что голь хитра.

Но мне интересен именно рассматриваемый момент — насколько тактическая новинка Сталина определила исход Курской битвы?

К примеру, в ходе Курской битвы 10 июля 1943 года советская авиация нанесла удар по немецким танкам перед фронтом нашей 2-й танковой армии в районе Первых Понирей. Наши танкисты захватили поле боя, не дав немцам вывезти подбитую технику для ремонта, и комиссия ее осмотрела. Пикирующие бомбардировщики бомбами весом 100 и 250 кг уничтожили только пять немецких танков, а штурмовики ПТАБами — 39. А взятый в плен немецкий лейтенант-танкист на допросе показал: «6 июля в 5 часов утра в районе Белгорода на нашу группу танков — их было не меньше сотни — обрушились русские штурмовики. Эффект их действий был невиданный. При первой же атаке одна группа штурмовиков подбила и сожгла около 20 танков. Одновременно другая группа атаковала отдыхавший на автомашинах мотострелковый батальон. На наши головы градом посыпались бомбы мелкого калибра и снаряды. Было сожжено 90 автомашин и убито 120 человек. За время войны на Восточном фронте я не видел такого результативного действия русской авиации. Не хватает слов, чтобы выразить всю силу этого налета».

А кое-какие факты для размышления можно почерпнуть и в других источниках. Так, к примеру, издание, расхваливающее танк Т-6 «Тигр», сообщает, что ремонтная служба воевавшего в СССР 502-го

немецкого батальона тяжелых танков (около 40 «тигров») за 1943–1944 гг. отремонтировала и вернула в строй 102 машины, из которых только у 22 была проломлена броня бронебойным снарядом, а остальные ремонтировались по причине устранения последствий пожаров, т. е. они были поражены кумулятивными снарядами — собственно артиллерийскими или авиабомбами.

Другой источник, описывающий танк Т-V «Пантера», сообщает, что в ходе Курской битвы, где этот танк был впервые применен, основная масса «пантер» вышла из строя из-за пожаров, а не от огня артиллерии.

Лучший ас Германии Второй мировой войны Э. Хартман был вольным охотником, и ему никогда не давали боевых заданий по прикрытию немецких войск. Он, в основном подкравшись незаметно, стрелял по нашим зазевавшимся истребителям и удибал от остальных. Но под Курском эти шутки кончились: ему приказали прикрывать войска от наших штурмовиков, и он, пытаясь их сбить, был сам ими сбит.

То есть, если считать, что танковые войска Германии были ударной силой вермахта, а ударной силой танковых войск планировались «тигры» и «пантеры», то получается, что под Курском армию Германии лишили ударной силы бомбочки ПТАБ-2,5–1,5. Бомбить «тигры» и «пантеры» наши штурмовики начали 5 июля за 15 минут до начала немецких атак. По «пантерам» есть и статистика. В первый же день боев сгорело (не помогло и специальное автоматическое противопожарное оборудование) от 128 до 160 (по разным данным) «пантер» из 240, которые немцы сумели свезти к Курской дуге. Через 5 дней в строю у немцев остались всего 41 «пантера». Без «тигров» и «пантер» преодолеть нашу оборону немцы не смогли и начали отступать, и теперь уже до конца войны они только этим и занимались на всех фронтах. Их отдельные удачные операции уже ничего изменить не могли.

В отличие от Гитлера Сталин не хотел быть военным вождем СССР, но бездарность советского генералитета заставила его им стать.

Профессионализм серой генеральской массы

Сталин уже в ходе войны был вынужден осваивать тонкости военного дела, которое он до войны знал настолько, насколько его обязан знать глава страны. До войны тонкости военного дела обязаны были знать генералы, а их, в основной массе, ничего, кроме удовлетворения алчности и похоти, не интересовало.

В СССР вся тактика и оперативное искусство до самой войны было отдано на откуп генералам, которые свое основное время, как и сегодня, посвящали войне за кресло, за дачи, за баб. В результате у нас тактика ко Второй мировой войне осталась от Первой. Генеральская мысль была ключом и черт знает куда. Тухачевский заказал такие танки, которые даже при своем огромном количестве не показали в реальных боях почти никакого эффекта и были беспощадно выбиты немцами. По многим параметрам прекрасный танк Т-34 имел маленькие, вроде и незначительные недостатки: плохую оптику, отсутствие командирской башенки и радиостанции, необходимость командиру самому стрелять из пушки. Но эти недостатки, исправленные уже в ходе войны, предопределили низкую эффективность этого танка в боях 1941 г. Судя по всему, ни один из генералов, выдававших конструкторам задание на этот танк, сам в танке не сидел и на учениях в нем «воевать» не пробовал. В ходе войны исправлялись недостатки в авиации, но до эффективности люфтваффе в вопросах оказания помощи наземным войскам мы так и не дошли. При прекрасных характеристиках оружейных систем и снарядов, сообразительности офицеров и мужестве расчетов, до конца войны крайне убогой выглядела наша артиллерия. Немецкие пушки стреляли в цель, а наши — по площади, на которой, возможно, цель находится. У нашей артиллерии не было средств обнаружения целей даже в ближайшем расстоянии от переднего края. Никого до войны это не волновало, самолетов-корректировщиков, и тех не было.

В декабре 1940 г. генерал-лейтенант Конев выступал на совещании высшего руководящего состава РККА (23–31 декабря 1940 г.), на котором обсуждалось, что еще нужно Красной Армии, чтобы выиграть войну и не понести больших потерь. Конев не пожалел

слов о том, что для победы главное — это точно исполнять приказы нашего мудрого наркома обороны т. Тимошенко, который руководствуется указаниями еще более мудрой Ленинско-Сталинской партии. В промежутках между обоснованием этой тонкой мысли он также пояснил, что все, кто еще не успел получить звание генерал-лейтенанта, обязаны учиться, в том числе:

«Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии, об изучении марксизма-ленинизма, об изучении военной истории, изучении географии как обязательного предмета для командного состава. А у нас еще существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимости от настроения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были бы политически неграмотными, в таком случае они не могут воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех нас».

Вот при помощи этой доктрины наши генералы огонь артиллерии и вели. И на совещании никто, ни один генерал не озаботился тем, что советская артиллерия накануне войны не имеет практически никаких средств разведки и корректирования огня, кроме оставшихся с Первой мировой биноклей и стереотруб.

А Г.К. Жуков на упомянутом совещании жаловался на сложности пользования радиосвязью ввиду того, что передаваемые тексты нужно кодировать, а это для генеральского ума очень сложно: «Принятая система кодирования приводит к большим искажениям и перепутыванию текста и к задержке в передаче сведений. Зачастую проще и быстрее послать делегатов, чем прибегать к передаче по радио. Необходимо ограничить засекречивание, точно указать, что следует засекречивать и что можно передавать открыто. Упростить систему кодирования». И добились-таки генералы, что кодирование в Красной, а потом Советской Армии было очень простым, я сам это простое кодирование изучал в начале 70-х на военной кафедре. Тут что нужно понять. Передавая боевые распоряжения по радио, т. е. в условиях, когда противник их тоже слушает, нужно, по сути, скрыть от него две вещи: координаты местности, на которой ты будешь действовать, и способ твоих действий. Но сначала пара слов о топографических картах.

Местность отображена на карте, а вот с чтением карт в Красной Армии было не очень хорошо. Даже народная примета существует: «Раз генералы достали карту, значит, сейчас будут расспрашивать дорогу». Но если местных жителей нет и дорогу расспросить не у кого, то тогда дело действительно плохо. В походных дневниках П.А. Белова есть такие строки:

«15 ноября 1941 года Верхнее Шахлово... Состояние приданной мне 415 стрелковой дивизии крайне жуткое... Бойцы и командиры с трудом ориентируются на местности и часто сбиваются с направления». Между прочим, это дивизия знаменитых сибиряков, которые приехали с Дальнего Востока защищать Москву. Правда, командовал ею не генерал, а полковник Г.А. Латышев.

«16 ноября 1941 года. Верхнее Шахлово. 415 сд наступает правее, но что делается в этой дивизии, никто не знает. Ни командир, ни штаб дивизии не могут организовать управление боем. Однако один заблудившийся полк 415 сд случайно ночью вошел в деревню Тростье, в которой оказался штаб 55 пехотного полка немцев, и разгромил штаб. Но после этого случая незначительной контратакой немцы выбили наш полк, и полк рассеялся в лесу».

Учитывая то обстоятельство, что генералы и офицеры Красной Армии, даже имея карту, все равно могут заблудиться, Жуков предлагал не их обучать чтению карт и ориентированию на местности, а максимально упростить кодирование карт. В результате на военной кафедре меня научили такому приему кодирования. На карте нанесена координатная сетка, и кодируются образованные ею квадраты. Вверху каждый столбик сетки нумеруется, начиная с какого-либо случайного двухзначного числа, и сбоку делается то же самое. Получается нечто вроде сетки для игры в «морской бой», только если в игре координаты квадрата называют, к примеру, «квадрат А-7», то на карте — «квадрат 34-47». Но квадрат, отображенный координатной сеткой на карте, на местности может иметь размеры и 2х2 км, и 20х20 км (в зависимости от масштаба карты). Деваться, однако, некуда — при такой простой системе кодирования координаты точки указать нельзя, можно указать только координаты квадрата. Правда, каждый квадрат на карте мысленно или карандашом делится еще на 9 квадратов, но все равно, это дает возможность указать всего лишь не квадрат, скажем, 2х2 км, а

0,7х0,7 км, а это тоже приличная площадь. Но на какие неудобства не пойдешь, чтобы таким нашим генералам, как Жуков, было попроще.

Теперь смотрите, что получается при такой простой системе кодирования. Предположим, у противника имеется образец советской карты поля боя, а уж у немцев наши карты точно были, поскольку в качестве трофеев мы им оставляли этих карт достаточное количество. Вы по радио передаете приказ, положим, «три осколочных по квадрату 34-37-9». Подслушав это, немцы смотрят, в какой квадрат упадут три снаряда и, зная, что это квадрат 34- 47-9, немедленно проведут раскодировку всей карты. Теперь если вы передадите «отойти в квадрат 28–35», они будут знать, куда направлять бомбардировщики.

А вот немцы еще в ту войну кодировали свои карты чуть-чуть сложнее, но зато они могли указать на местности точку, и раскодировать их карту было невозможно. Г. Гудериан в своей книге «Танки — вперед!», изданной в 1957 году, объяснял, что в ходе войны они кодировали карты с помощью условной линии: «Условная линия... представляла собой линию между двумя точками на карте на направлении наступления. На эту линию наносились деления в сантиметрах, причем первая точка обозначалась любым двузначным числом. Для указания ориентира на местности от него опускался на условную линию перпендикуляр, на который также наносились деления в сантиметрах. Когда направление наступления изменялось, наносилась новая условная линия, которая обозначалась другой буквой, чтобы отличить ее от прежней. Одновременно с указанием условной линии давался масштаб карты, по которой следовало составлять донесение».

Метод кодирования очень простой, но для наших генералов он и в 70-х был ненужной заумью.

Что же касается высказанного на совещании предложения Жукова «ограничить засекречивание», то немцы отнеслись к этому с большим одобрением. К примеру, в дневниковой записи начальника Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера за 18 июля 1941 года читаем такую запись: «Перехвачена радиограмма штаба 26-й русской армии, в которой говорится, что на завтра намечено наступление четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий противника из района южнее Киева».

Вопросы оружия

А возьмите наркома Военно-морского флота, нашего «прославленного флотоводца» Н.Г. Кузнецова. За всю войну самыми крупными военными кораблями немцев, с которыми приходилось вести бой советским кораблям, были эсминцы и подводные лодки. Единственный раз, когда боевой советский корабль вел бой с немецким линейным кораблем, была атака советской подводной лодки К-21 немецкого линкора «Тирпиц». Командир К-21 капитан 2-го ранга Н.А. Лунин и офицеры лодки написали подробный рапорт о бое, в котором объяснили, почему в принципе удачная атака К-21 окончилась ничем. А Кузнецову это было неинтересно, как я писал ранее, он и не знал, почему взрывы двух советских торпед не утопили «Тирпиц».

А вот еще один профессионал, о котором я уже написал выше. Маршал Конев в упомянутых мемуарах вспоминает:

«Во время Берлинской операции гитлеровцам удалось уничтожить и подбить 800 с лишним наших танков и самоходок. Причем основная часть этих потерь приходится на бои в самом городе.

Стремясь уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку: навешивали поверх брони листы жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натываясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетировал, не нанося ущерба.

Почему эту экранировку применили так поздно? Видимо, потому, что практически не сталкивались с таким широким применением фаустпатронов в уличных боях, а в полевых условиях не особенно с ними считались».

Выше написаны ужасные по своему смыслу слова, но они требуют пояснения.

Есть два способа пробить броню. По одному способу броню пробивает твердый и тяжелый снаряд, который в стволе пушки разгоняют до очень большой скорости. Сегодня в таких снарядах

применяют урановые сердечники, плотность которых в 2,5 раза выше, чем у стали, а разгоняют их до скорости выше 1100 м/сек. За счет высокой энергии они и пробивают броню.

По второму способу броню пробивают высоким давлением кумулятивного взрыва. Для этого во взрывчатке снаряда делают кумулятивную выемку в виде конуса. При взрыве ударные волны в этой выемке идут навстречу друг другу, и в точке, в которой сходятся волны со всей поверхности, образуется очень высокое давление. Если разместить эту точку на броне, то давление взрыва ее проломит. Но если эту точку отодвинуть от брони, то взрывная волна рассеется и броню не пробьет. Для кумулятивных снарядов очень важно, чтобы они взрывались точно на броне и были по отношению к ней строго ориентированы, иначе толку от такого взрыва не будет никакого.

Откуда я это знаю? Из детства, из начала 60-х. В школе ежегодно собирали бумажную макулатуру, а в это время уже отменили допризывную подготовку. Поэтому в макулатуре я нашел старый школьный учебник допризывной подготовки, прочел его и понял, как действуют кумулятивные снаряды и что делать, чтобы они не сожгли танк. Нужно между ними и броней поставить препятствие, тогда они взорвутся на препятствии, взрывная волна за ним рассеется, и танку ничего не будет. Именно этой цели служат описываемые Коневым экраны, а не тому бреду, что был у него в голове, когда он диктовал свои мемуары.

То, что я пацаном знал, как действует кумулятивный снаряд, в этом ничего странного нет — мало ли чем любопытные пацаны интересуются. А вот почему этого не знал маршал Конев, которого Хрущев назначил главнокомандующим сухопутных войск, а потом — войск Варшавского договора? Почему он не знал о своей профессии того, что уже знали пацаны?

Ведь немцы применяли кумулятивные снаряды в артиллерии с начала войны, свою пехоту вооружали сперва магнитными противотанковыми кумулятивными минами, а затем, с конца 1943 г., — одноразовым гранатометом с кумулятивной гранатой, который получил название «фаустпатрон». Этими фаустпатронами широчайшим образом снабдили всю немецкую армию, даже танкистов, и только Конев этого не знал. В Красной Армии тоже, примерно с 1943 г., самым широким образом в артиллерии

использовались кумулятивные снаряды, авиация применяет против немецких танков описанные выше кумулятивные бомбочки, которых в 1943–1944 гг. изготовили почти 13 млн. штук. С весны 1943 г. на вооружение советской пехоты поступила ручная противотанковая кумулятивная граната РПГ-43, а с осени такая же, но усовершенствованная, РПГ-6. Одновременно немцы с этого же времени стали ставить экраны на свои танки прямо на заводах при их постройке. Но Конев был «не в курсе дела».

И погнал на улицы Берлина под выстрелы фаустников незаэкранированные танки. Надо же, 800 танков сгорело, минимум 2 тысячи танкистов погибло, кто бы мог подумать?! Да, думать было некому — Сталин абсолютно за всех советских генералов думать до войны не догадался, а в ходе войны уже не успевал.

Мне могут сказать, что маршал Конев не артиллерист и вообще из комиссаров. Мог бы ответить, что этот комиссар является гордостью Военной академии им. Фрунзе, поскольку Конев окончил ее в 1934 году. Но хорошо, давайте возьмем артиллериста.

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев всю войну был начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ), т. е. заказывал у конструкторов и промышленности для Красной Армии стрелковое оружие, артиллерию и боеприпасы, во многом определяя, какими они должны быть. Написал коротенькие мемуары «Об артиллерии и немного о себе», хотя следовало бы их назвать наоборот. В мемуарах, тем не менее, есть и несколько технических моментов, касающихся устройства артиллерийских снарядов. Эти места в мемуарах лучше не читать, чтобы сохранить хотя бы какие-то остатки уважения к советскому генералитету. Вот он, к примеру, пишет.

«Естественно, большую изобретательность проявили в этом деле инженеры ГАУ. По их предложению у устаревших зенитных 76-мм шрапнелей Р-2 были сняты вторые ведущие пояски, а затем эти шрапнели (без взрывчатки и без взрывателей) собирались в выстрелы и использовались вместо недостающих штатных бронебойных снарядов».

Шрапнель — это название артиллерийского снаряда, изобретенного в 1803 году английским офицером Г. Шрапнелем. По существу он представляет из себя короткий пушечный ствол, называемый стаканом шрапнели, на дно которого уложен вышибной

заряд из дымного пороха с веществом, увеличивающим количество дыма; пыж (диафрагма) и свинцовые шарики картечи, — 3- дюймовая шрапнель снаряжалась, к примеру, 260 шариками диаметром 12,7 мм. (В зенитной шрапнели вместо шариков уложены стальные стержни.) Сверху снаряд закрывается дистанционным взрывателем (трубкой). При полете к цели дистанционный взрыватель воспламеняет вышибной заряд, тот выбивает взрыватель вперед и выбрасывает вслед за ним из стакана картечь или стержни навстречу цели. Этими убойными элементами цель и поражается. На месте срабатывания шрапнели должно оставаться хорошо видимое дымное облачко, чтобы артиллерийский офицер мог корректировать оружейный огонь.

А бронебойный снаряд — это болванка из прочной стали. При большом калибре в ней может быть небольшая полость с бризантным взрывчатым веществом и донный взрыватель, срабатывающий при полной остановке снаряда внутри танка.

Как с описанными маршалом Яковлевым переделками использовать стакан с прутками в качестве «штатного бронебойного снаряда»?

Кроме этого, «шрапнель Р-2» это шрапнель Розенберга с 48 стержнями половинной длины стакана. Эта шрапнель имела один ведущий пояс, а не два.

Маршал совершенно не владеет никакой технической терминологией, называя черный порох шрапнели «взрывчаткой», а так называют только бризантные ВВ. А вот несколько выше он пишет об артиллерийских выстрелах с дефектами: «В некоторые их виды мы внесли небольшие конструктивные изменения — в основном произвели перекомплектацию некоторых элементов выстрела». Но «конструктивные изменения» и «перекомплектация» — это, как говорят в Одессе, две большие и принципиальные разницы.

Однако Яковлев продолжает удивлять нас своими знаниями артиллерии:

«Были использованы и оставшиеся еще со времен Первой мировой войны 76-мм и 122-мм шрапнели с подмоченными пороховыми столбиками и вышибными зарядами, не поддававшиеся, казалось бы, ремонту. Эти негодные шрапнели были исправлены методом, разработанным одним из наших инженеров (этот метод я раскрывать не буду), а затем собраны в выстрелы. Их тоже с успехом

применяли наши артиллеристы вместо осколочно-фугасных снарядов».

Основой осколочно-фугасного снаряда является бризантное ВВ внутри его корпуса, но в шрапнели такого ВВ нет. Как шрапнель использовать «вместо осколочно-фугасных снарядов»?

Далее он пишет:

«Кроме того, были пущены в дело и 76-мм полковые артвыстрелы. Их применяли взамен недостающих унитарных патронов. Для этого гильзы (с трещинами по дульцу) обрезались, и они становились годными для артвыстрелов раздельно-гильзового заряжания».

Но русские и советские 76-мм полковые артвыстрелы всю свою историю были унитарными, т. е. у них гильза была жестко соединена со снарядом. Вместо каких «унитарных патронов» их использовали и зачем их для этого делали выстрелами раздельно-гильзового заряжания, т. е. такими, у которых снаряд и гильза подаются в зарядную камеру пушки отдельно? Если этот бред передать более знакомыми читателю образами, то он будет звучать так: «Вместо бутылок, закрытых пробками, использовались бутылки, закрытые пробками, для чего им отбивались горлышки и использовались бутылки отдельно, а пробки отдельно».

Описание рационализаторских предложений ГАУ во время войны Яковлев заканчивает так: «А к 76-мм дивизионным артвыстрелам приспособили заряды из пороха, взятого из снарядов устаревших зенитных пушек, в смеси с порохом, предназначенным для артвыстрелов 122-мм гаубиц.

Да, времена были очень трудные. Но, как видите, мы находили выход, чтобы эти трудности преодолеть».

Но в XX веке в снарядах использовался не порох, а, как минимум, тринитротолуол, и использовать его в артиллерийских зарядах вместо пороха самоубийственно. Можно согласиться с тем, что специалисты ГАУ «находили выход, чтобы эти трудности преодолеть», что все выше процитированное имело какой-то смысл, но начальник ГАУ маршал Яковлев тут ни при чем (разве что ордена за это получил). Поскольку он и к моменту написания мемуаров не разобрался, как же выкручивались советские артиллеристы в условиях ужасающего недостатка боеприпасов, в связи с чем и не смог нам объяснить, что

именно они делали. Удивляет маршальская наглость — ведь не понимает, о чем пишет, а пишет!

Вот еще один перл, правда, по моей части. Маршал Яковлев опять демонстрирует знание деталей: «А стали из ковкого чугуна шли, например, вместо цветных сплавов». Мне остается только плачами пожать — маршал! Что с него возьмешь? И сталь, и чугун это сплавы железа с углеродом, причем эти сплавы с содержанием углерода до 2 % называются сталями, а с содержанием углерода выше 2 % — чугунами. Это все равно, что написать: «Пиво из водки применяется вместо молока».

А маршал Москаленко написал два тома воспоминаний «На юго-западном направлении». Даже не читая их, трудно скрыть удивление: на одном фото батарея 122-мм гаубиц М-30 ведет огонь с закрытых позиций, что хорошо видно по поднятым стволам и незамаскированным, открыто стоящим орудиям. Но подпись под фото гласит: «Огневая позиция артиллерии на танкоопасном направлении». При чем тут танкоопасное направление? А вот фото 203-мм буксируемой гаубицы Б-4. Под ней надпись: «Эта самоходка прошла от Сталинграда до Германии». Какая самоходка? А ведь Москаленко артиллерист по образованию, в войну был командующим танковой армией, т. е. должен был как будто разбираться и в артиллерии, и в самоходных артиллерийских установках.

А вот доктор исторических наук, профессор Г.А. Куманев получил в письменном виде ответы на свои вопросы от главнокомандующего военно-воздушными силами РККА в годы войны, главного маршала авиации А.А. Новикова. Тот рассказывает: «Но в последний момент оружие отказало, и тогда пилот, зайдя в хвост противнику, ударом винта своей машины снес его руль глубины. «Юнкере» рухнул на землю. Так на боевом счету ленинградских летчиков появился первый воздушный таран». Ну откуда у самолета «руль глубины»? Это же не подводная лодка! Доктору исторических наук, конечно, без разницы, какой там руль, но главный маршал авиации мог бы знать устройство самолета, хотя бы в принципе? Да, Новиков не летчик, пришел в авиацию из пехоты, но ведь прокомандовал в авиации 20 лет!

Мою книгу будут читать и люди, которые не привыкли сами разбираться в вопросах, а привыкли во всем полагаться на авторитеты, на «профессионалов». И они мне скажут: как ты смеешь так плохо

отзываться о наших прославленных маршалах? У тебя и звание всего ничего, и медали-то ни одной нет! А у них вон какие звезды на погонах и орденов до пупа!

Специально для таких читателей я приведу мнение маршала СССР, у которого орденов было до колена.

Когда по незаконченному роману Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» был снят одноименный фильм, то отдел пропаганды ЦК КПСС запретил выпускать его на экраны из-за того, что в этом фильме не показан ни один генерал. Даже в эпизоде со знаменем участвует всего лишь полковник. Дискредитировали авторы фильма наших прославленных полководцев! Начался спор со съемочным коллективом, и сотрудники ЦК решили подпереть свое мнение авторитетом Генерального секретаря ЦК КПСС, маршала СССР Л.И. Брежнева. Брежнев закончил войну генералом и, как полагало ЦК, не должен был дать своих коллег в обиду, а должен был в этом вопросе поставить Шолохова на место.

Однако в ЦК недоучли, каким генералом был Брежнев. Он был начальником политотдела, а затем членом Военного совета армии, т. е. комиссаром. К нему всю войну (а он провоевал от выстрела до выстрела) стекалась вся информация как о подвигах и заслугах, так и о подлости и преступлениях. Кто-кто, а он прекрасно знал, что собой представляли и генералы, и офицеры той войны. И к тому же, старик совесть полностью не потерял.

Леонид Ильич распорядился выпустить фильм на экраны со словами: «Войну выиграла не генералы, ее выиграла полковники».

Один за всех

Ученые, занимающиеся проблемами мыслительной деятельности человека, нашли, что люди в своей оперативной памяти могут удержать от 3 до 7 мыслей одновременно, могут оперировать и искать варианты решения среди такого количества идей. Введение в мыслительный процесс новой мысли стирает какую-то старую. Причем, люди не очень сильного ума оперируют тремя мыслями сразу, а люди умные — семью. Это было известно со стародавних времен, практика доказала, что у начальника должно быть именно столько непосредственных подчиненных. Поскольку дураков в начальники стараются не назначать, то оптимальным считается число 5 для мирного времени, и число 3 для армии, где решение приходится принимать очень быстро.

Исходя из этого, первоначально у Верховного Главнокомандующего РККА во время войны должно было быть примерно столько же непосредственных подчиненных — командующих Главными командованиями направлений, в которые были объединены по несколько фронтов. Маршал Ворошилов возглавил Северо-западное направление, маршал Тимошенко (начальник штаба маршал Шапошников) — Западное, маршал Буденный — Юго-Западное, маршал Кулик возглавлял одно время войска Крыма и Кавказа. И в целом маршалы делали немало, а иногда и очень успешно воевали для тех условий. Ворошилов и Буденный не дали Гитлеру разгромить свои войска на флангах операции «Барбаросса», чем сорвали ее и остановили практически на два месяца наступление на Москву. Маршал Тимошенко поздней осенью 1941 г. фронтами своего Юго-Западного направления нанес тяжелейшие поражения войскам немецкой группы армий «Юг», что привело к снятию Гитлером ее командующего фельдмаршала Рундштедта. Но в дальнейшем Главные командования направлениями были упразднены, и Сталин сам начал командовать всеми фронтами сразу. Почему?

Ведь этих фронтов было в разные периоды от 10 до 15. А командовать фронтом — это значит командовать армиями, входящими во фронт. А их, только действующих, на фронтах находилось 50–60.

Сталин принял на себя невероятную мыслительную нагрузку. В связи с чем?

Сталин любил Родину и был ей предан всецело. Он мог бы облегчить себе работу и опереться на главнокомандующих направлениями и на командующих фронтами, если бы все эти должности тоже занимали Сталины во всех отношениях — и по уму, и по преданности Родине. Но Сталиных было мало. А доверить судьбу Родины негодному человеку — это халатность. Сталин не мог себе позволить быть преступно халатным Верховным Главнокомандующим. Он вынужден был вникать в дела каждого фронта сам. Вы же видите, что происходило, когда он пробовал доверяться. Доверился уверениям командующего Юго-Западным фронтом Кирпоноса и начальника Генштаба Шапошникова, что они отобьют удар Гудериана и не дадут окружить фронт, и что получил? Доверил Жукову провести второй этап Московской битвы, а тот ни за что отдал немцам 33-ю армию генерала Ефремова, не дал корпусу Белова замкнуть фактическое окружение 4-й немецкой армии.

Куда было Сталину деваться? Вот он и взял на себя командование фронтами, т. е. командование через голову главнокомандующих направлениями, в связи с чем направления стали не нужны и их упразднили. Теоретически и «по науке» это было неправильно, но куда было деваться на практике?

Возникает вопрос: тогда в чем роль в войне маршалов Жукова, Василевского и других, которых Сталин так щедро награждал?

Брехуны и хитрые

Дело в том, что для принятия правильного решения по тому или иному фронту Сталину нужно было получать точную информацию об обстановке на нем. А точную информацию получить очень сложно, поскольку люди, чтобы обелить себя, врут очень часто и даже тогда, когда это им во вред. (Вспомним еще раз Кирпоноса, вспомним то, что директивы Ставки от 23–24 июня 1941 г. базировались на донесениях предателя Павлова.) А на войне такое вранье генералов очень дорого стоит солдатам.

Чтобы было понятно, о чем речь, приведу два примера из воспоминаний генерал-полковника А.Т. Стученко, который начинал войну командиром кавалерийского полка, а затем — кавалерийской дивизии. Прошу прощения за длинные цитаты, но из них трудно что-либо выбросить.

«К 3 сентября наша 19-я армия вынуждена была правым флангом перейти к обороне. Левым флангом она во взаимодействии с левым соседом — 16-й армией — продолжала наступать в общем направлении на Духовщину.

45-я кавалерийская дивизия получила задачу быть готовой войти в прорыв на участке одной из стрелковых дивизий. Ранним утром 3 сентября мы начали выдвижение к линии фронта.

— Ну, Андрей Трофимович, — сказал мне Дрейер, — тебе опять быть в голове. Прорывайся с ходу. Пятьдесят пятый кавполк развернется вслед за тобой. Пехота должна сделать для нас «дырку», а расширять ее придется нам самим.

Я ввел полк в лощину. До переднего края противника оставалось километра полтора. Слева от нас на большом бугре стояли несколько командиров и в бинокль наблюдали за боем.

— Кто ведет конницу? — слышался голос с бугра. — Быстро к командарму!

Передаю командование начальнику штаба и, пришпорив коня, галопом взлетаю по склону холма. Ищу глазами командарма.

— Я Конев, — сказал один из командиров.

Представляюсь ему и докладываю полученную мною задачу.

— Правильно, — подтвердил он. — «Коридор» вам пехота сделала, овладев вон тем хутором и рощей левее, — командарм показал рукой. — Дело теперь за вами. Прорывайтесь.

А я, слыша оживленную автоматную и пулеметную стрельбу в этом направлении, замечаю:

— Но на этом участке все еще идет бой. Значит, проход не сделан...

— Повторяю: «дырку» вам пробили. Можете встретить только отдельные, разрозненные группы противника. Вот командир стрелковой дивизии подтвердит.

— Так точно! Пехота прорвала передний край немцев и вышла на указанный вами рубеж, товарищ командарм, — отчеканил стоявший рядом с И.С. Коневым командир дивизии.

— Вот видите, — сказал командарм. — Не теряйте времени, смелее прорывайтесь. — И неожиданно отрывисто, резко, со свойственной ему решительностью добавил: — Назад вам пути нет, только вперед!

Отдав честь, я галопом догнал свой полк. До переднего края оставалось метров пятьсот, когда на нас обрушились мины. Послышались стоны раненых.

Надо развертываться для атаки. Но как? Лощина узкая, с крутыми, почти отвесными берегами. Здесь и одному эскадрону не развернуться. Что ж, будем атаковать поэскадронно. Командую построиться в три эшелона.

— Шашки к бою! За мной в атаку... За Родину... марш, ма-аррш!

Эскадроны уже шли галопом, когда с «прорванного» переднего края обороны противника застрочили пулеметы. Все смешалось. Передние лошади падали, переворачиваясь через голову. На них на скакивали скачущие сзади и тоже падали. Уцелевших всадников вражеский огонь прижал к обрывистым берегам лощины. Такая картина представилась моим глазам, когда я оглянулся назад. Видя, что за мной уже никого нет, перевожу коня на рысь, на шаг и поворачиваю назад. Пытаюсь восстановить строй. Вдали показался головной эскадрон следующего за нами 55-го кавалерийского полка. Он тоже уже начал нести потери. Мои команды никто не выполняет. Видимо, люди просто не слышат их в грохоте стрельбы. Слева от меня

сгрудилось человек 50 всадников. Спешившись, они пытаются укрыться от пуль. Подскакиваю к ним:

— Садись!

Возле меня весь вымазанный в глине пеший стоит комсорг полка Фабрикантов. Под ним убили коня. Приказываю ему садиться на свободного. Под огнем кое-как собираем людей. Их уже больше сотни. Нельзя терять ни секунды — град пуль продолжает осыпать нас. Подняв над головой шашки, скачем в новую атаку. Вот и вражеская траншея, но не пустая. В лицо полыхнуло жаром от автоматных и пулеметных очередей. Несколько взмахов шашками — и мы по ту сторону траншеи. Топот сзади ослабевает, чувствую, что за мной следует совсем мало всадников. Дрожь охватила меня. С кем же атаковать дальше? Оглядываться не хочу — боюсь. Скачу, помня слова командарма: «Только вперед!» Метрах в трехстах от траншеи все же оглядываюсь. За мной скачут только несколько всадников, видимо, остальные вышли из строя уже за передним краем противника. Все... Конец... Перевожу коня в рысь, а затем, повернув кругом, возвращаюсь в лощину. Мимо меня, поддерживая друг друга, идут раненые. Кругом трупы лошадей.

«Кто же виноват? — жжет мысль. — Я, как командир, или кто другой? Зачем мы пошли в атаку в конном строю на непрорванную оборону противника?»

Глухой шлепок прерывает раздумья. Конь мой падает на колени, а потом валится на бок.

— Товарищ командир! — слышу взволнованный голос Саковича. — У меня коня убили, я, пока другого достал, вас из виду потерял... Товарищ командир...

— Дай коня! — обрываю его.

Приказываю отводить остатки эскадронов за бугор, на котором стоит командарм. Вложив шашку в ножны, поднимаюсь на холм. Конева окружают те же командиры. Здесь же теперь и генерал Дрейер.

Слова официального доклада не идут на ум. Показываю рукой на лощину, на проклятую траншею:

— Видели?..

Командарм посмотрел на меня и ничего не ответил. Устало вздохнув, я повернул коня. Уже спускаясь с бугра, услышал, как Иван

Степанович обрушился на командира стрелковой дивизии: — За это расстреливать надо!» [Конец цитаты.]

Итак, что произошло? Конев решил ввести в тыл немцам кавалерийскую дивизию — около 3 тыс. конников — для уничтожения немецких тылов. Сами, да еще в конном строю, прорывать укрепленную оборону противника кавалеристы не могли, и это было запрещено боевыми уставами. Прорвать проход для кавалерии должна был стрелковая дивизия. Однако ее генерал струсил, никакого прохода в обороне немцев не сделал, но Коневу доложил, что все в порядке, в надежде — авось кавалеристы и сами пробьются. Результат вы прочли. Ну, положим, Конев действительно расстрелял бы этого генерала, но что толку для тех, кто уже убит из-за этого генеральского уroda? А ведь таких генералов была уйма и на всех должностях. Как же Сталин мог им верить?

Но и это не все аспекты вопроса. Стученко вспоминает, кстати, еще один эпизод. В начале февраля 1942 г. его дивизия в пешем строю совместно с 3-й кавдивизией должна была атаковать немцев. Он послал свою дивизию в атаку, но 3-я дивизия даже и не пробовала атаковать. В результате немцы сосредоточили огонь на дивизии Стученко, и она должна была с большими потерями отойти на исходные позиции. Стученко пишет:

«Волновали мысли: почему же соседи не поддержали нас? Правый наш сосед — 3-я кавдивизия. Временно ею командует полковник Картавенко. Храбрый в бою, не теряющийся в самой сложной обстановке, веселый, жизнерадостный, он мне очень нравился. Только одно в нем выводило меня из равновесия — излишняя осторожность, которая зачастую дорого обходилась соседям. Пробравшись к нему на наблюдательный пункт и очень обозленный на него, я спросил:

— Андрей Маркович, почему твоя дивизия не поднялась в атаку одновременно с двадцатой?

Картавенко, не обращая внимания на мой раздраженный тон, спокойно ответил:

— А я и не пытался поднимать ее. Людей на пулеметы гнать не буду. У меня и так одни коноводы да пекаря остались.

Телефонный звонок прервал наш разговор. На проводе комкор. Картавенко сразу меняет тон:

— Дивизию поднять в атаку невозможно, немцы огнем прижали ее к земле. Вот лежим и головы поднять не можем.

Положив телефонную трубку, Андрей Маркович лукаво покосился на меня:

— Понял? А ты — в атаку...

Может быть, он прав? Может, так и мне надо было поступить? А приказ? Ведь его выполнять надо?.. Безусловно, надо!»

Ну и как же быть с такими хитрыми генералами, которые приказы выполняют только тогда, когда они им нравятся? Невзирая на то, что из-за них гибнут люди в других дивизиях?

АДЬЮТАНТЫ

Единственный, казалось бы, выход — самому быть на месте боев, самому все увидеть и самому наказать хитрых. И Сталин несколько раз пробует выезжать на ответственные фронты, но это себя не оправдывает — теряется время на дорогу и ухудшается связь с остальными фронтами. И тогда был введен институт представителей Ставки. Эти представители (Жуков, Василевский, Говоров и т. д.) выезжали на фронты и были там глазами и кулаком Сталина. Они сообщали ему более-менее истинную информацию, которую Сталин сверял с информацией от командующих фронтами и той, которую он сам собирал, созваниваясь с командующими армиями, а порой, и корпусов. На основании этой информации, которой уже как-то можно было верить, Сталин и принимал принципиальные решения по фронтовым операциям.

Мне кажется, что сами представители Ставки не понимали, кем они были. Так, например, маршал Василевский жаловался историку Куманеву на «самодурство» Сталина.

«Но случались, хотя и очень редко, и такие моменты. Вот содержание одного документа, копию которого я храню по сей день.

«Маршалу Василевскому

Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.

И. Сталин».

Эта телеграмма меня тогда буквально ошеломила, до этого ведь я не получал ни одного серьезного замечания по службе. А все дело заключалось в том, что, находясь в частях Красной Армии, которые вели очень напряженные бои за освобождение Донбасса, я примерно на 4 часа нарушил предписание Верховного — до полуночи того дня, т. е. 16 августа, дать ему очередное сообщение».

Но как же Сталин мог обдумать решение для этого фронта, если Василевский не шлет ему информацию? А утром что-то случится, и тот же Василевский позвонит: «Товарищ Сталин, а как быть?» И что Сталин ему должен будет приказывать, если Василевский не дал ему информации для выработки решения?

У Жукова, думаю, «такие моменты», как у Василевского, случались чаще, но Жуков был ценен по другим причинам. Вот, к примеру, телеграмма Сталина Жукову, относящаяся к 1944 г.:

«Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Була; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1-го УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделили исполнению этой задачи главное внимание».

Вы видите, как глаза Сталина, Жуков был довольно слепым — он не просто запоздал с информацией, он вообще сообщил не то, поскольку не знал обстановки. Но Сталин не грозит ему снятием с должности и даже не выговаривает за дезинформацию. Жуков Сталину требуется для другого — он обязан заставить войска выполнять поставленную Ставкой задачу. Жуков — это кулак Сталина, и, надо думать, Сталин ценил его именно за это.

Если Конев, знаток марксизма-ленинизма, заставлял своих нерадивых генералов выполнять боевые задачи незатейливыми домашними средствами — сразу бил в морду, то Жуков, со своим выдающимся хамством и злобностью, отдавал генералов под трибунал и требовал расстрела. Трибуналы выносили требуемые приговоры, но, правда, дальше Верховный суд их отменял, осужденному генералу назначали условный срок наказания, снижали в звании и снова отправляли на фронт. По воспоминаниям очень многих, на фронтах начальники всех степеней Жукова боялись больше, чем противника, а это очень способствовало выполнению фронтами тех задач, которые ставил перед войсками Сталин.

Кстати, о храбрости самого Жукова очень трудно сказать определенно: если она у него и была, то какая-то показушная. Скажем, когда после войны на Тоцком полигоне проходили учения с применением настоящего атомного взрыва, то все войска в момент взрыва находились в укрытиях. И лишь Жуков, со свитой министров обороны зарубежных стран, стоял на открытой трибуне так близко к взрыву, что ударной волной со всех сбило и унесло фуражки, а с трибуны — табуретки.

Ученики и их благодарность

Но вернемся к Сталину. Значит ли это, что Сталин никому из подчиненных не давал и шагу самостоятельно сделать? Нет, совсем наоборот, он стремился выработать у них инициативу, но он не устранился от того, что они делали — он контролировал и операции, ведущиеся по инициативе подчиненных.

«...Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко командовать: «Отдать корпус» — и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал», — пишет маршал Баграмян.

Напомню, что в бюрократической системе управления подчиненный бюрократ сам стремится утвердить свое решение у начальника, и вот почему. Если реализация этого решения закончится удачей, то это его решение и это он — герой! Но если закончится провалом, то он тут ни при чем, так как это решение ему начальник согласовал и это начальник виноват!

Кстати, к концу войны Сталин разрешил самостоятельно командовать и Жукову, назначив его командующим 1-м Белорусским фронтом, и даже разрешил осуществить тактическую мечту Жукова — ночную атаку Зееловских высот под Берлином с ослеплением противника зенитными прожекторами. Поскольку атака эта выполнялась после длительной артподготовки, то поднятая взрывами пыль и дым свели на нет ослепляющий эффект прожекторов, а ночь не дала своей авиации поддержать пехоту, более того — она частью отбомбилась по своим. Попытки более умных генералов отговорить Жукова от этой дурацкой затеи не удались. В военном отношении Г.К. Жуков без Сталина был нулем, разве что чуть большим специалистом по сравнению с теми историками, которые его нахваляют.

Некомпетентность Жукова в военных вопросах такова, что он, судя по всему, не понимал, чем он в войну занимался, и искренне полагал, что его выезды с любовницей на фронт как представителя Ставки это и есть то, что называется «командовать войсками». В конце жизни он написал пакостное эссе «Коротко о Сталине». В нем он пишет:

«Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.

О таких звонках Верховного мы с А.М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову...

Расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т. е. повторить то, что сделал в 1813 г. Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Оставим в стороне то, что Кутузов умер в начале 1813 г. и пост командующего был передан Барклаю де Толли, а Париж был взят в 1814 г. И Жукову, и комментирующему этот пассаж доктору исторических наук Н. Яковлеву знание истории без надобности.

Обратите внимание на то, что Жуков, фактический адъютант при Сталине, действительно уверовал в то, что он «командовал фронтами». Между тем, ведь Жуков не мог не знать, что уже батальоном, а не несколькими фронтами невозможно командовать без штаба. Однако Сталин штабы своим представителям на фронтах не придавал! Если бы он считал полезным, чтобы не он сам, а Жуков или Василевский командовали фронтами, то он не упразднил бы упомянутые выше

Главные командования направлений с их штабами, и назначил бы Жукова главнокомандующим тем или иным направлением, а не своим представителем на фронте.

И, несмотря на такой явный адъютантский характер своей службы, Жуков обвиняет Сталина в том, что тот якобы к его, Жукова, славе примазаться хочет! Боже мой! Да к славе Жукова примазаться невозможно, об нее можно только измазаться...

У читателя может сложиться грустное впечатление, что у нас в ту войну вообще не было толковых генералов и маршалов. Это не так.

По тем воспоминаниям военачальников прошлой войны, что я прочел (их ведь сотни), могу сказать, что все они приукрашивают самого мемуариста. У дураков — сильно, у умных — слегка. Очень порядочны в этом плане воспоминания маршала Рокоссовского, они же и очень полезны любому командиру большим количеством осмыслений войны. К сожалению, не стал писать мемуаров маршал Тимошенко, хотя был он незаурядной и уважаемой личностью. О его полководческой деятельности, к счастью, очень внятно написал служивший у него маршал Баграмян. Образцом книги для военного человека я считаю воспоминания генерала Горбатова — честные и умные, хотя и глуповатые, когда речь идет о политике. Интересные и честные воспоминания генерал-полковника Архипова. Этих людей война резко выдвинула из строя таких же генералов и офицеров, назначила на высокие должности и отметила высокими наградами.

Но много ли они определяли в той войне, чтобы уменьшить наши людские потери?

Не мы одни

Думаю, что по мере чтения этой книги уже у многих читателей могло сложиться мнение, что у нас что-то не так с отбором и подготовкой будущих полководцев. О подготовке мы будем говорить в конце книги, а пока скажу, что мы, русские, не одиноки в вопросе глупости при отборе командных кадров. Судя по всему, точно такую же, если не большую глупость при оценке своих офицеров делают и, к примеру, американцы.

При этом формально они отбирают будущих офицеров еще жестче, чем это делалось в СССР. Если советскому пареньку, желающему поступить в военное училище, помимо медкомиссии, достаточно было заручиться получаемой без проблем рекомендацией горкома или райкома комсомола, то американскому парню, чтобы поступить в военное училище в Вест-Пойнте, в качестве сертификата своей лояльности Америке нужно получить рекомендацию сенатора или конгрессмена США. Причем, эти люди рекомендации выдавали отнюдь не формально. Скажем, в начале прошлого века будущему генералу Д. Паттону рекомендацию дал сенатор от Калифорнии Т. Бард, а тот рекомендуемого отбирал на конкурсной основе и специально нанял экзаменаторов, которые предварительно проэкзаменовали 16 парней, просивших у Барда рекомендацию, после чего Бард дал рекомендацию Паттону, сумевшему сдать этот экзамен лучше всех. И, только имея от сенатора сертификат лояльности, Паттон был допущен к вступительным экзаменам в Вест-Пойнт, которые принимали уже государственные экзаменаторы. Но и от такого отбора толку было не много. Биограф Д. Паттона С. Хиршсон пишет:

«Ровно за два месяца до японского налета на Перл-Харбор генерал Лесли Манэйр давал начальнику штаба, генералу Джорджу Маршаллу, оценку «старших командиров» армии. Из семи корпусных командиров, отмеченных Макнэйром, только один, Джозеф Стилуэлл, снискал себе славу в предстоящих сражениях. Один, Ллойд Фридендейл, командовал войсками на Кассеринском перевале, где американцы понесли, наверное, самое крупное поражение. Не менее

неудачно предсказал Манэйр будущее дивизионных командиров. Об Уильяме Симпсоне, возглавлявшем впоследствии армию, он сказал: «Неопытен, но может чего-то достигнуть». Об одном однокашнике Симпсона по Вест-Пойнту Макнэйр отозвался не менее лестно. «Неплох, — заявил Манэйр, убежденный пехотный генерал, о Джордже Паттоне-младшем, тогда командовавшем 2-й бронетанковой дивизией, — однако дивизия, по всей видимости, его потолок». Но более всего поражает сегодня последнее имя в списке «прочих» Макнэйра — офицер без боевого опыта Первой мировой войны, Дуайт Эйзенхауэр. Омару Брэдли там и вовсе не нашлось места. «Просто удивительно, — ознакомившись со списком спустя полвека, написал сын Паттона, в то время уже генерал-майор. — Нельзя назвать Макнэйра пророком. Принимая во внимание Айка, которого он поставил в самый конец, такой прогноз не назовешь особо удачным».

Ни одна война, которую вела Америка, не дала миру столь легкоузнаваемых имен, как Вторая мировая: Эйзенхауэр, Брэдли, Маршалл, Стилвелл, Макартур и Паттон».

Как вы поняли, до войны американскому генералитету мирного времени и в голову не приходило, что прославившиеся в будущей войне американские генералы способны командовать соединениями и объединениями. В Красной Армии дела обстояли практически так же.

По мирному времени

В 1938–1940 гг. СССР участвовал в целом ряде военных конфликтов — у озера Хасан, на Халхин-Голе, в походе за освобождение Западных Украины и Белоруссии, в Финской войне.

Однако вскрылись огромные недоработки в теории ведения войны и, соответственно, в структуре армии, ее уставах и наставлениях, в командовании, в организации, в оружии и боевой подготовке. Ворошилов вину на Политбюро не перекладывал и был снят с должности. Наркомом обороны с мая 1940 г. стал командовавший фронтом в финской войне маршал С.К. Тимошенко. Новый нарком стал энергично готовить РККА к войне. В плане этой подготовки встал вопрос — насколько советские генералы представляют себе **методы** (способы), которыми они должны одерживать победы в будущей войне. Для получения ответа на этот вопрос в декабре 1940 г. было проведено совещание высшего командного состава Красной Армии.

Тимошенко дал команду 28 генералам подготовить свои соображения о методах ведения различных военных операций. Из подготовленных работ для доклада на совещании было отобрано 5, и начальник Генштаба К.А. Мерецков начал Совещание докладом о боевой подготовке РККА.

Соображения о методах проведения фронтовой наступательной операции доложил командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г.К. Жуков; о завоевании господства в воздухе во время этой операции — начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант П.В. Рычагов; об оборонительной операции — командующий войсками Московского военного округа генерал армии И.В. Тюленев; о прорыве механизированных соединений — командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов и о бое стрелковой дивизии в наступлении и обороне — генерал-инспектор пехоты генерал-лейтенант А.К. Смирнов.

По каждому докладу были выступления участников совещания, которые итожил докладчик. Общий итог подвел маршал С.К.

Тимошенко.

В совещании 23–31 декабря 1940 г. должны были участвовать 4 маршала (К.Е. Ворошилов отсутствовал), 254 генерала (каждый четвертый довоенный генерал) и 15 полковников (на должностях командиров дивизий). По докладам было сделано 74 выступления, правда, некоторые участники выступали по несколько раз. В отличие от съездов КПСС, где секретари обкомов в своих речах били поклоны очередному генсеку, Сталин был упомянут менее 10 раз, причем, в основном, в связи со ссылками на распорядительные документы ВКП(б) по военным вопросам, т. е. совещание было довольно деловым, хотя были и выступления типа «раз я уже здесь, то надо залезть на трибуну, чтобы начальство меня не забывало».

Документы совещания помещены в 12-м томе сборника «Русский архив. Великая Отечественная», «Терра», М., 1993. К текстам выступлений приложены списки участников совещания, документы военных игр, проведенных после совещания.

Такие документы — это уже данные для статистического анализа, а на такой анализ всегда руки чешутся.

Фронтową операцию, методы проведения которой рассматривали участники совещания, проводят командующие фронтами. В уже успешном для Красной Армии 1944 г. немцев гнали на Берлин 12 наших фронтов: Карельский, Ленинградский, три Прибалтийских, три Белорусских и четыре Украинских. Командовать ими, по идее, должны были бы 5 наших довоенных маршалов, начальник Генштаба и 16 довоенных командующих военными округами, т. е. 22 человека. На 12 фронтов, казалось бы, больше чем достаточно. Правда, генерал-полковник авиации А.Д. Локтионов, командовавший Прибалтийским ВО, и генерал-полковник Г.М. Штерн, командовавший Дальневосточным фронтом (округом), перед войной были арестованы, осуждены и расстреляны, так что в войне участвовать не могли. Командующие округами генерал-лейтенанты М.П. Кирпонос и М.Г. Ефремов погибли в начале войны, а генерал-полковник И.Р. Апанасенко смог отпроситься у Сталина на фронт со своего Дальневосточного округа только в 1943 г. и сразу же погиб в бою на Курской дуге в должности заместителя командующего Воронежским фронтом. Остается 17 маршалов и генералов.

Если предположить, что один из маршалов должен быть замом Верховного Главнокомандующего, один наркомом обороны и кто-то должен возглавить Генштаб, то и оставшихся довоенных маршалов и командовавших округами генералов на 12 фронтов хватало с избытком.

Но из всего этого высшего генералитета фронтами в 1944 г. командовали только трое: К.А. Мерецков, Г.К. Жуков и И.С. Конев. Остальные отошли в пассив. Из 17 генералов и маршалов мирного времени пригодными для войны оказалось всего 18 %, даже при таком щадящем счете.

Остальные командующие фронтами в 1944 г. (Л.А. Говоров, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.Е. Петров, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, И.И. Масленников) в декабре 1940 г. были очень далеки от должности командующего округом, а Масленников вообще служил до войны в НКВД, и у нас есть основания говорить о каком-то кадровом перекосе: генералы мирного времени к войне плохо приспособлены.

Правда, на совещание, безусловно, приглашались перспективные генералы, и действительно в основном списке участников числятся А.И. Еременко; командующий Киевским ОБО Г.К. Жуков включил в этот список командира кавкорпуса генерал-майора К.К. Рокоссовского; командующий Закавказским ВО М.Г. Ефремов внес в дополнительный список своего начштаба Ф.И. Толбухина; а генерал-инспектор артиллерии М.А. Парсегов без всяких списков взял с собой своего зама — Л.А. Говорова — и последнего секретари записали в рубрике «В списках нет, но на совещании присутствовал». Так, что общевойсковое командование перспективных генералов угадало почти на 60 %. На 75 % угадало тех отечественных полководцев, кто стал кавалером ордена «Победа».

А вот подбор кадров в авиации довольно интересен. Вместе с московским начальством и командующими ВВС округов на совещании присутствовало и несколько командиров авиадивизий, всего военную авиацию представляло 32 человека. Если мы вычтем из этого списка арестованных до войны Я.В. Смушкевича и П.В. Рычагова, то останется 30 человек.

Специфика авиации такова, что такой анализ, как с общевойсковыми генералами, провести трудно: авиацию не только

перебрасывали с фронта на фронт и в тыл, но она и располагалась по всей территории СССР, т. е. в невоюющих округах. Поэтому за критерий способности командира возьмем неизменность или повышение его в должности в ходе войны. Из 8 человек (без Смушкевича и Рычагова) московского авиационного генералитета подтвердили свои способности к командованию: генерал-инспектор авиации, генерал-майор Ф.Я. Фалалеев, ставший в ходе войны маршалом авиации и заместителем Главкома авиации, и заместитель Рычагова генерал-лейтенант Ф.А. Астахов, который в 1944 г. тоже стал маршалом, хотя в 1942 г. его вернули с распадающегося Юго-Западного фронта и назначили заместителем Главкома по Гражданскому воздушному флоту. Это, вообще говоря, довольно интересно, поскольку в это время летчик-испытатель М.М. Громов уходит на фронт и становится командующим 1-й воздушной армией, а летчик гражданского воздушного флота А.Е. Голованов — командующим авиацией дальнего действия.

Между прочим, и главнокомандующий ВВС в той войне А.А. Новиков пришел в авиацию, прослужив 14 лет в пехоте. Причем Алкснис принял его с большим понижением — с должности начальника штаба стрелкового корпуса (генеральской) на должность начальника штаба авиабригады (подполковничью). Но Новиков отличился в финской войне и к совещанию был уже командующим ВВС Ленинградского ВО.

Заместитель Рычагова П.Ф. Жигарев после снятия с должности своего начальника занял его место, но уже в апреле 1942 г. был тоже снят с должности, отправлен на Дальний Восток и в войне с немцами участия больше не принимал. Но (судьбы генеральские!) кончилась война, и с 1949 г. он снова Главнокомандующий ВВС. Генерал мирного времени!

Остальное большое московское авиационное начальство, присутствовавшее на совещании, имена свои в Историю не впечатало.

Летом 1942 г. авиацию фронтов реорганизовали в 17 воздушных армий, а командующие ВВС фронтов стали командующими этими армиями. Всего за войну этими армиями командовало 26 генералов (их назначали, снимали, перебрасывали с армии на армию). Но, учитывая, что война шла уже больше года, это были уже в основном зарекомендовавшие себя в бою командиры.

Так вот, из этих 26 генералов на совещании присутствовало всего 5 человек, включая и задвинутого на Дальний Восток Жигарева, т. е. менее 20 %. Оцените предвоенный подбор кадров в ВВС — общевойсковики угадали свои лучшие кадры на 60–75 %, а авиация всего на 20 %. Но и это много. Фронтами во время войны командовали 41 человек, а 12 — это лучшие из них. Давайте попробуем оценить лучших среди 26 командующих воздушными армиями.

Все 12 командующих фронтами в 1944 г. в ходе войны стали Героями Советского Союза, некоторые — дважды. Давайте и мы из 26 командовавших воздушными армиями отберем только тех, кто в той войне стал Героем. Таких 7. Если учесть у них степень и количество полководческих орденов (которые, я надеюсь, ни Хрущев, ни Брежнев не догадались давать в мирное время), то по заслугам этих командующих воздушными армиями следует перечислить в таком порядке (главкома ВВС, дважды Героя Советского Союза Главного маршала авиации А.А. Новикова я не считаю, так как он стал главкомом, минуя командование воздушной армией): К.А. Вершинин, С.И. Руденко, Т.Т. Хрюкни, С.А. Красовский, В.А. Судец, С.К. Горюнов, Н.Ф. Папивин.

На совещании ни один из этих генералов не присутствовал! Ни командовавший ВВС РККА Локтионов, ни сменивший его Смушкевич, ни Рычагов задатков командующих в этих людях не видели, и этих генералов оценила только война. Не видели или видели, но не выдвигали? А выдвигали нужных себе (по каким-то иным соображениям) людей?

Это не совсем по данной теме, но чтобы больше не возвращаться к совещанию, вспомню и такой момент.

В книге генерал-майора пограничных войск Г.П. Сечкина «Граница и война» («Граница», М., 1993 г.) приводится, как святая правда, цитата из «труда» грязного антисоветчика, «историка» В. Анфилова, который 22 июня 1988 г. в газете «Красная звезда» писал: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, — говорил в декабре сорокового года на совещании начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов, — показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек —

это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса».

То есть В. Анфилов придал «научную основу» сплетне, запущенной в оборот еще К. Симоновым в романе «Живые и мертвые» и Г.К. Жуковым в мемуарах. При этом подонок от истории в 1988 г. был, видимо, нагло уверен, что материалы декабрьского совещания 1940 г. никогда не будут доступны широкому кругу читателей. Однако эти материалы были изданы в 1993 г., и прочитавший их может увидеть, что в докладе генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова ничего подобного и близко нет. Нет этих данных и в докладе генерал-инспектора пехоты А.К. Смирнова.

Дело в том, во-первых, что приказ Наркома обороны № 0259 «О проведении краткосрочных сборов начальствующего состава пехоты» был отдан только накануне совещания — 14 октября 1940 г., — и округа, как отмечал Смирнов, успели осенью провести лишь сборы командиров рот. Курдюмов в своем докладе только напоминал о них: «Проводить специальные сборы командного состава в военных округах и соединениях в соответствии с требованиями Вашего приказа № 0259». А об уровне образования командиров полков ни один, ни другой не упоминали. Единственное, что было сказано в двух этих обширных докладах об образовании комсостава, — это такая фраза Курдюмова: «Старшему и среднему комсоставу, не имеющему законченного военного образования, к 1 января 1942 г. сдать экстерном экзамен за полный курс военного училища». И это все. Да по-другому и не могло быть. Главное управление кадров КА в это время докладывало, что на начало 1941 г. из 1833 командиров полков Красной Армии 14 % окончили академии и 60 % — военные училища. И лишь 26 % имеют образование, как у будущих маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского. Из 8425 командиров батальонов уже 2 % имели академическое образование, а 92 % — окончили военное училище.

Тупой бюрократизм

Вопрос — так почему же до войны способные генералы и офицеры не были выдвинуты на те должности, которые они занимали в войну? Почему их еще до войны не назначили командовать военными округами? Ведь даже с точки зрения боевого опыта Первой мировой и Гражданской войн такие генералы, как Рокоссовский и Горбатов, намного превосходили предателя Павлова, командовавшего Западным ОВО накануне войны.

Почему командовавшие до войны Сибирским ВО Калинин, Приволжским ВО Герасименко, Северо-Кавказским ВО Кузнецов, Орловским ВО Ремизов, Одесским ВО Черевиченко во время войны оказались не способными командовать не только фронтами, но и армиями, а генерал-полковнику Черевиченко к концу войны доверяли командовать только стрелковым корпусом? И, наконец, почему командовавший Уральским ВО Ершаков под Москвой сдался в плен, а Павлов просто предал?

Причин здесь несколько.

Во-первых, повторяюсь, когда под знаменем троцкизма в армии зрел заговор рвачей и посредственностей, то они много лет выдвигали на высокие должности и представляли к наградам «своих». Мерецков, который был старшим военным советником в Испании, на допросе 1941 г. рассказал о том, как делалась военная карьера Павлову.

«...Уборевич меня информировал о том, что им подготовлена к отправке в Испанию танковая бригада и принято решение командование бригадой поручить Павлову. Уборевич при этом дал Павлову самую лестную характеристику, заявив, что в мою задачу входит позаботиться о том, чтобы в Испании Павлов приобрел себе известность в расчете на то, чтобы через 7–8 месяцев его можно было сделать, как выразился Уборевич, большим танковым начальником. В декабре 1936 г., по приезде Павлова в Испанию, я установил с ним дружеские отношения и принял все меры, чтобы создать ему боевой авторитет. Он был назначен генералом танковых войск Республиканской армии. Я постарался, чтобы он выделялся среди

командиров и постоянно находился на ответственных участках фронта, где мог себя проявить с лучшей стороны...»

И действительно, попав в Испанию в конце 1936 г., капитан Павлов по представлению Мерецкова уже в июне 1937 г. становится Героем Советского Союза, возвращается в Москву, и к концу 1937 г. его устраивают на должность начальника Автобронетанкового управления Красной Армии. Мерецков, возвратившись из Испании в том же году с двумя орденами, становится заместителем начальника Генштаба, командует Ленинградским ВО, а затем, в 1940 г., становится начальником Генштаба.

Эти «свои», пролезая «вверх», беспощадно топят «чужих». Ведь недаром, повторю, когда в 1937 г. Павлов и Мерецков резко пошли вверх, Рокоссовский и Горбатов были арестованы и вышли на свободу только тогда, когда Берия стал разбирать завалы ежовщины.

Во-вторых. Талантливый профессионал не склонен бороться за начальственные кресла — ему не позволяет гордость, он ждет, когда его заметят. Кроме этого, он не страдает комплексом неполноценности, а удовлетворение находит в творческих поисках на занимаемой им должности, ведь любая должность дает простор для творчества.

Зато тупую посредственность толкает вверх комплекс неполноценности, ей очень хочется всем показать, что, дескать, вы все меня дураком считали, а я вон как высоко забрался! Ну и, само собой, алчные мерзавцы лезут вверх, чтобы удовлетворить свои мечтания о материальных благах.

Для армии мирного времени есть еще одна особенность: огромным штабам нечем заняться и они спускают вниз массу всяких приказов, инструкций, наставлений. В результате нижестоящие командиры полностью ими опутаны и не способны ни на какое творчество. Талантливому профессионалу такое положение невыносимо. Кроме того, бездельные штабы посылают вниз толпы контролеров, чтобы проверить, как исполняются их инструкции. А контролер недостатки обязан найти, иначе он не контролер. В результате, чем выше, тем глупее становится начальник в отчетах всевозможных контролеров, поскольку, чем выше начальник, тем чаще его проверяют. Тупому карьеристу на это наплевать, ему главное — кресло, а умному профессионалу неумоготу быть «мальчиком для битья» у придурков-контролеров.

В итоге в бюрократической системе управления, а армия в мирное время — это образец тупого бюрократизма, высшие должности являются как бы прорубью, в которой непрерывно всплывает дерьмо. Пытаться сделать из него профессионалов бесполезно — оно не для того на руководящие должности стремится. Начальник обязан спускаться глубоко вниз, искать таланты внизу. Гитлер это делал — он активно участвовал в учениях разных уровней, знакомился с тысячами офицеров, да и немецкие генералы, надо сказать, готовясь к неминуемой войне, тоже искали таланты, ведь тут уже не до карьеры: с дураками на настоящей войне очень просто и погибнуть.

Сталин же, повторяю, воевать не мечтал, военным вождем становиться не собирался, на войсковые учения и знакомство с перспективными офицерами и генералами у него просто не было времени. А когда война началась и генералы заставили его стать своим вождем, то в кадровых вопросах он сначала мог располагать только теми, кого знал, — кто и до войны крутился вокруг Кремля. И только с боями таланты и профессионализм стали заметны, и Сталин способных генералов начал быстро поднимать. И то — только тех, кого мог увидеть. Воюй генерал-майор Рокоссовский не под Москвой, а на севере или на юге, возможно, долго бы еще командовал корпусом. А так через год даже с учетом лечения после ранения в госпитале уже командовал фронтом.

Рейтинг полководцев

В 2004 году в апреле Академия военных наук выстроила рейтинг полководцев Великой Отечественной войны «в соответствии... с решающим вкладом в победу». Генералы Академии пишут, что руководствовались наличием у полководцев сочетания «глубокого ума с сильной волей, организаторских качеств и личного мужества, умения предвидеть развитие событий». Вообще-то, как я уже писал, я давно увлекаюсь историей, посему кое-что знаю о полководцах и, на мой взгляд, по описанным выше критериям первое место нужно отдать К.К. Рокоссовскому — он прокомандовал всю войну, и это у Рокоссовского был сплав воли, ума и мужества. Безусловно, рядом с ним стояли Тимошенко и Буденный, но им всю войну командовать войсками не привелось.

А вот если брать полководцев, у кого было меньше всего мужества и ума, то среди них видное место занимает Г.К. Жуков, тем более что он большую часть войны не командовал, а служил при Сталине генерал-адъютантом.

Но наши генералы мирного времени, оценивая даже тех, кто уже показал себя в войне, рейтинг полководцев фронтового масштаба выстроили так:

1. Г.К. Жуков	9. Ф.И. Толбухин
2. А.М. Василевский	10. К.А. Мерецков
3. К.К. Рокоссовский	11. Б.М. Шапошников
4. И.С. Конев	12. И.Д. Черняховский
5. Р.Я. Малиновский	13. Н.Ф. Ватутин
6. Л.А. Говоров	14. И.Х. Баграмян
7. А.И. Антонов	15. А.И. Еременко
8. С.К. Тимошенко	16. И.Е. Петров

Этот рейтинг удивителен уже тем, что в полководцы записаны А.И. Антонов и Б.М. Шапошников, которые за всю войну не

командовали ни минуту даже ротой, но нет С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова, вынесших на командных постах тяжесть первого года войны, и это при том, что немецкие генералы и историки без обиняков называют Буденного причиной провала плана «Барбаросса» на юге.

«Вместе с тем группе армий «Юг» Рундштедта не удавалось воплощать в жизнь планы так же гладко, как это происходило у немцев на центральном направлении. Здесь наступающих ждало несколько очень неприятных сюрпризов. Поскольку по политическим причинам поначалу вести операции на 400-километровой румынской границе в Карпатах было нельзя, вся тяжесть наступления ложилась тут на левофланговые части — т. е. северное крыло группы армий. Там 17-й армии генерала фон Штюльпнагеля и 6-й армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау предстояло прорвать оборону русских, углубиться во вражеские позиции, двигаясь на юго-восток, а затем, повернув на юг, силами авангарда — танковой группой Клейста — окружить русских. При этом танкистам Клейста отводилась роль одного из «щупалец» охвата частей противника. Именно одного, поскольку, в отличие от группы армий «Центр», Рундштедт располагал всего одной танковой группой. Вторым «щупальцем» охвата, значительно более коротким, предстояло стать 11-й армии генерал-полковника Риттера фон Шоберта, дислоцированной на юге Румынии. Эта армия должна была форсировать Прут и Днестр и наступать на восток в направлении танковой группы Клейста, чтобы замкнуть кольцо окружения за миллионной группировкой Буденного.

План был хорош и разумен, но Рундштедту попался умный противник», — пишет немецкий историк П. Карелл.

Как видите, в понимании советских генералов мирного времени любой болтун, как огня боящийся противника и ответственности за бой, но носящий на плечах погоны, — уже полководец, а настоящий, уважаемый противником полководец таковым не является! Чему же удивляться, что ни наши довоенные генералы, ни американские не способны были в своей среде определить тех, кто способен был стать полководцем на фронте, а не геморройным погононосителем в военном ведомстве. И, конечно, в этом рейтинге умиляет и поражает то, что Жуков поставлен на первое место. Поэтому давайте немного обсудим маршалов той войны, попавших и не попавших в этот рейтинг.

Профессионала, специалиста можно отличить от верхогляда по такому признаку — профессионал знает все о том деле, которое он делает. Скажем, профессионал-авторемонтник должен знать все о той машине, которую он взялся ремонтировать. А если он детали машины называет блямбами и не может отличить дизельный двигатель от карбюраторного, то что же он за профессионал?

Делом полководцев является уничтожение врага, и поэтому профессионала отличает то, насколько досконально он знает противника, с которым в настоящее время воюет. Ведь не зная противника, невозможно спланировать с ним бой.

Ниже я даю стенограмму разговора двух советских военачальников, которым было поручено Ставкой совместными усилиями уничтожить противостоящую им обоим группировку немецких войск. Обсуждая этот вопрос, они докладывают друг другу то, что знают о своем общем противнике. Попробуйте по их знанию этого своего дела оценить их профессионализм. Назовем их № 1 и № 2.

Доклад командующего № 1: «Обстановка у меня следующая:

1. В течение последних 2–3 дней я веду бой на своем левом фланге в районе Вороново, то есть на левом фланге группировки, которая идет на соединение с тобой. Противник сосредоточил против основной моей группировки за последние 2–3 дня следующие дивизии. Буду передавать по полкам, так как хочу знать, нет ли остальных полков против твоего фронта. Начну справа: в районе Рабочий поселок № 1 появился 424-й полк 126-й пехотной дивизии, ранее не присутствовавшей на моем фронте. Остальных полков этой дивизии нет. Или они в Шлиссельбурге, или по Неве и действуют на запад против тебя, или в резерве в районе Шлиссельбурга.

2. В районе Синявино и южнее действует 20-я мотодивизия, вместе с ней отмечены танки 12-й танковой дивизии.

3. На фронте Сиголово — Турышкино развернулась 21-я пехотная дивизия. Совместно с ней в этом же районе действует 5-я танковая дивизия в направлении Славянка — Вороново. В течение последних 3 дней идет усиленная переброска из района Любань на Шипки — Турышкино — Сологубовка мотомехчастей и танков. Сегодня в 16.30 замечено выдвижение танков (более 50) в районе Сологубовка на Сиголово и северо-восточнее Турышкино. Кроме того, появилась в

этом же районе тяжелая артиллерия. Сегодня у меня шел бой за овладение Вороново. Это была частная операция для предстоящего наступления, но решить эту задачу не удалось.

Правда, здесь действовали незначительные соединения. Я сделал это умышленно, так как не хотел втягивать крупные силы в эту операцию: сейчас у меня идет пополнение частей.

Линия фронта, занимаемая 54-й армией, следующая: Липка — Рабочий поселок № 8 — Рабочий поселок № 7 — поселок Эстонский — Тортолово — Мышкино — Поречье — Михалево.

Противник сосредоточивает на моем правом фланге довольно сильную группировку. Жду с завтрашнего дня перехода его в наступление. Меры для отражения наступления мною приняты, думаю отбить его атаки и немедленно перейти в контрнаступление. За последние 3—4 дня нами уничтожено минимум 70 танков... Во второй половине 13 сентября был сильный бой в районе Горного Хандорова, где было уничтожено 28 танков и батальон пехоты, но противник все время, в особенности сегодня, начал проявлять большую активность. Все».

Доклад командующего № 2: «1. Противник, захватив Красное Село, ведет бешеные атаки на Пулково, в направлении Лигово. Другой очаг юго-восточнее Слуцка — район Федоровское. Из этого района противник ведет наступление восемью полками общим направлением на г. Пушкин, с целью соединения в районе Пушкин — Пулково.

2. На остальных участках фронта обстановка прежняя... Южная группа Астанина в составе четырех дивизий принимает меры к выходу из окружения.

3. На всех участках фронта организуем активные действия. Возлагаем большие надежды на тебя. У меня пока все».

Вот оцените по этим докладам, кто профессионал.

У первого сухое перечисление противника со всеми подробностями — танковая или пехотная дивизия, в полном составе или нет, где могут быть остатки и резервы, каково поведение противника, каковы результаты дневных боев с возможными потерями противника и где проходит линия его фронта.

У второго — полное незнание, кто с ним воюет. Единственная цифра — «восемь полков» — какая-то безграмотная и к тому же относится к совершенно другому участку фронта. Полки сами не

атакуют. Они делают это в составе дивизий. Профессионал сказал бы: «Противник ведет наступление частями трех (четырех) дивизий (номера дивизий) общими силами до 8 полков». Вместо сведений о противнике в докладе какой-то бессвязный лепет о «бешеных» немцах, которые атакуют этого полководца.

Не знаю, может, у вас другое впечатление, но у меня оно именно такое.

Теперь об этих военачальниках. Первый — это командующий 54-й армией маршал Г.И. Кулик. Второй — командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г.К. Жуков.

У нас в историографии сложился стереотип о каких-то немисливо выдающихся полководческих способностях Георгия Константиновича Жукова. Думаю, что когда военные историки попробуют действительно разобраться с уровнем его военных талантов, то выяснится, что их у него в начале войны было не больше, чем у Л.Д. Троцкого. И, кстати, на фронтах, особенно в начале войны, Жуков часто исполнял функции примерно такие же, что и Троцкий в Гражданскую войну — специалиста по судам и расстрелам.

Что касается наиболее выдающегося полководца той войны, то следует в этом вопросе довериться Сталину. Никто лучше начальника не знает способностей своих подчиненных, тем более, проверенных в ходе такой длительной войны.

После войны Жуков попался на непомерности награбленных в Германии трофеев, на непомерном бахвальстве своими подвигами и был, так сказать, в опале. Э. Казакевич в романе «Весна на Одере» показал его истинную роль во взятии Берлина, не думая, что этим оскорбляет Сталина, назначившего Жукова командовать 1-м Белорусским. Сталин был недоволен романом и, высказывая свое недовольство, невольно дал характеристику советским маршалам: «У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и **не хуже Рокоссовского**».

Итак, по мнению Верховного, лучшим маршалом был все же Рокоссовский — он эталон. Возникает вопрос — почему же Сталин так двигал Жукова, почему в конце войны оттеснил Рокоссовского на второй план, заменив его на Жукова перед взятием Берлина?

Рокоссовский в узком кругу говаривал, что его беда в том, что в Польше он русский, а в России — поляк.

Может, и это имело значение — по политическим соображениям Сталин выдвигал вперед русского рабочего из крестьян — Г.К. Жукова. Именно ему, а не Рокоссовскому дал взять Берлин; Жуков, а не грузин Сталин принял Парад Победы. Хотя профессионализм Жукова как полководца весьма и весьма сомнителен.

Таково было мое мнение вначале. Однако в дальнейшем, по ходу дискуссии и поступлении новых фактов я его вынужден был пересмотреть. Главное, возможно, не в этом, Жуков был как бы второе «я» Сталина, он на фронтах осуществлял замыслы Ставки, Генштаба, Сталина. Он как бы представлял лично Иосифа Виссарионовича, и Сталин к нему соответственно относился, хотя, строго говоря, и эти свои обязанности Жуков исполнял отвратительно. Но был ли у Сталина выбор, было ли ему из кого выбирать?

Вы скажете, что нельзя судить о профессионализме Жукова лишь по незнанию им обстановки в одном моменте на Ленинградском фронте. Да нельзя, но похоже это было для Жукова тогда характерно. Вот эпизод из «Солдатского долга» К.К. Рокоссовского, касающийся обороны Москвы (героем которой числится Жуков):

«Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронтом Г.К. Жуков и привез с собой командарма 5 Л.А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать».

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что предоставил мне и моим

помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд только этим «уроком» и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» и т. д. и т. п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм 5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта.

После бурного разговора с Говоровым пыл комфронтом несколько поубавился. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова».

Вообще-то, деликатный Рокоссовский в своих мемуарах Жукова хвалит, но, давая такие вот эпизоды, понятные только специалисту, он показывает фактами — чего стоил Жуков как полководец в 1941 году. Для тех, кто не понял, в чем тут суть, поясню, что из этого эпизода следует:

— **Жуков хам**, презирующий воинский Устав. В армии даже сержанту запрещено делать замечание в присутствии солдат, а здесь Жуков поносит генерала в присутствии его подчиненных. (Надо сказать, что даже апологеты Жукова вынуждены отмечать его вопиющее хамство. Писатель Н. Зенькович дает такой эпизод: «Будучи писарем в штабе армии, — рассказывал один отставник, — оказался свидетелем такой вот сцены. Перед наступлением к нам приехал

маршал Жуков. Увидел группу генералов, пальцем поманил одного из них. «Кто такой?» — спрашивает у рослого генерал-майора, командира дивизии — одной из лучших в армии. Тот докладывает: генерал-майор такой-то. «Ты не генерал, а мешок с дерьмом!» — гаркнул на него маршал. Ни за что ни про что оскорбил боевого командира — на глазах у всех. Был в плохом настроении, надо было на ком-то сорвать досаду. Сорвал на первом попавшемся...»);

— **Жуков debil**, обезглавивший по своей придури 5-ю армию в разгар боя. Ведь если бы немцы убили или ранили Говорова, то эффект для этой армии был бы таким же, как и от того, что Говорова увез с командного пункта Жуков. Причем эту придури невозможно объяснить ничем иным, кроме полководческого бессилия Жукова на тот момент, поскольку смысл своих действий он не мог не понимать. В своих мемуарах, в главе, посвященной обороне Москвы, Жуков дает такой эпизод:

«И.В. Сталин вызвал меня к телефону:

— Вам известно, что занят Дедовск?

— Нет, товарищ Сталин, неизвестно.

Верховный не замедлил раздраженно высказаться по этому поводу: «Командующий должен знать, что у него делается на фронте». И приказал немедленно выехать на место, с тем чтобы лично организовать контратаку и вернуть Дедовск.

Я попытался возразить, говоря, что покидать штаб фронта в такой напряженной обстановке вряд ли осмотрительно.

— Ничего, мы как-нибудь тут справимся, а за себя оставьте на это время Соколовского».

Тут Жуков прав, хотя Сталин посылал его в войска того фронта, которым Жуков командовал, а сам Жуков увез Говорова из его 5-й армии черт знает куда, как ткачиху для передачи передового опыта. И еще. Обратите внимание на то, кем осуществлялось командование Западным фронтом. Сталин говорит «мы справимся», а не «Соколовский справится».

— И, наконец, в эпизоде с Говоровым и Рокоссовским **Жуков опять не имеет представления о противнике** на своем фронте. Он не представляет, какие именно немецкие дивизии ведут бой с подчиненными ему 5-й и 16-й армиями.

Но если Жуков не командовал, а бегал и материл командующих армиями и генералов, то кто же тогда вникал в обстановку, кто руководил войсками его фронта? Рокоссовский поясняет то, на что невольно натолкнул нас сам Жуков в предыдущей цитате. Рокоссовский вспоминает:

«Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он с пониманием сказал:

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше двух тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо».

Как видите, армиями Западного фронта вынужден был командовать через голову Жукова лично Сталин. И дело даже не в том, что он в данном случае послал Рокоссовскому резервы и выслушал доклад, а в том, что распределять резервы должен только командующий фронтом. И Сталин им был, поскольку откуда Жукову знать, на какие участки фронта сколько и каких резервов слать, если,

как сказано выше, он не знал где, сколько и какой противник атакует войска его фронта?

На контрасте манеры обращения с подчиненными Жукова и Сталина, хотелось бы обратить внимание, что поведение Сталина в данном эпизоде являлось для него типичным.

Вспоминает маршал Баграмян в книге «Так начиналась война». Конец октября 1941 г. Южный и Юго-Западный фронты под общим командованием маршала Тимошенко отходят под натиском немецкой группы армий «Юг». Сталин забирает у Тимошенко единственный подвижный резерв — 2-й кавалерийский корпус генерала Белова. Тимошенко ищет причины, чтобы его не отдавать. Сталин настойчив:

«Передайте товарищу маршалу, что я очень **прошу** его согласиться с предложением Ставки о переброске второго кавалерийского корпуса в ее распоряжение. Я знаю, что это будет большая жертва с точки зрения интересов Юго-Западного фронта, но я прошу пойти на эту жертву».

Тимошенко в это время лежит пластом с высокой температурой, он лихорадочно пытается еще что-нибудь придумать, чтобы оставить корпус у себя. Может быть, железнодорожных составов Сталин не найдет?

«Мне не жалко отдать 2-й кавалерийский корпус для общей пользы. Однако считаю своим долгом предупредить, что он находится в состоянии, требующем двухнедельного укомплектования, и его переброска в таком виде, ослабляя Юго-Западный фронт, не принесет пользы и под Москвой. Если 2-й кавкорпус нужен в таком состоянии, о каком говорю, я переброшу его, как только будет подан железнодорожный состав», — пугает Тимошенко.

Но в ответ:

«Товарищ Тимошенко! Составы будут поданы. Дайте команду о погрузке корпуса. Корпус будет пополнен в Москве».

Но, возвращаясь к вопросу о том, кто командовал армиями, оборонявшими Москву — Жуков или Сталин, — хочу привести еще один эпизод из воспоминаний К.К. Рокоссовского.

«Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В

телеграмме ему мы обстоятельно мотивировали свое предложение. Спустя несколько часов получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он, как начальник Генштаба, его санкционирует.

Зная Бориса Михайловича еще по службе в мирное время, я был уверен, что этот ответ безусловно согласован с Верховным Главнокомандующим. Во всяком случае, он ему известен».

Это обращение Рокоссовского через голову Жукова настолько против порядка, устава и смысла управления, что он вынужден прикрываться «долгом коммуниста», как будто этот долг не требует от него исполнять воинский устав. (Когда Гудериан через голову своего непосредственного начальника фельдмаршала фон Бока обратился к Гитлеру, Гальдер в ужасе записал в дневник: «Неслыханная наглость!»)

Но если вдуматься, то и не могло быть иначе — Западный фронт был главный фронт страны, и Сталин не мог его доверить никому, даже Жукову и даже в том случае, если бы Жуков как полководец представлял из себя ценность.

Но в тот момент все советские полководцы, уже способные самостоятельно командовать, были на других фронтах — там, где Сталин ежечасного контроля обстановки лично вести не мог. А на Западном хватало и Жукова.

Чтобы закончить раздел, скажу, что, судя по всему, Жуков редко ориентировался в том, что именно происходит на фронтах, которыми он командовал, и Сталин нередко командовал за него, Жуков был просто его рупором. Снова прочтите уже цитированную мною телеграмму Сталина Жукову, относящуюся уже к 1944 году:

«Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Була; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1-го УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать

прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделили исполнению этой задачи главное внимание».

Творчество солдата

Творчество — это деятельность человека, порождающая качественно новые решения. Добавим — полезные людям. А то ведь, скажем, кто-либо прилюдно помочится в штаны — поступок качественно новый, но кому это надо?

Поскольку у нас в СМИ главенствующее место имеют комедианты, то в головы людей вбивается, что творчество присуще только комедиантам, в крайнем случае — ученым. И вот какой-нибудь комедиант, который всю жизнь на сцене говорил «кушать подано» с ударением на втором слове, вдруг скажет ту же мысль с ударением на первом — и мы обречены годами любоваться его физиономией на экране с его рассказами об этом «творчестве».

Между тем, вряд ли есть творчество выше творчества борца вообще и творчества солдата (в общем смысле слова), в частности.

Ведь комедианту на сцене в его творчестве помогают все — от режиссера до осветителя. А генералу, офицеру, солдату в принятии тех единственно правильных, нужных людям решений мешает противник, мешает всей силой своего интеллекта и профессионализма. Генерал, в отличие от комедианта, не может свое решение опробовать на репетициях, найти нужное решение порою необходимо за считанные секунды, последствия ошибок — ужасны. Порою таковы, что для ошибшегося генерала с совестью наказанием за ошибку является уже не смерть, а жизнь — так тяжело на совесть ложится эта ошибка.

Между прочим, это мало кто понимает из писателей, возможно потому, что писатели не способны понять смысла действий офицера и, как следствие, не способны его описать. Я, к примеру, считаю, что только писатель В. Карпов оказался способным показать творчество генерала в своей книге «Полководец», да А. Бек в «Волоколамском шоссе». А большинство писателей написать роман о войне, без любовной интриги главного героя, просто не способны.

Но возвращаясь к творчеству. Если вы возьмете мемуары Жукова «Воспоминания и размышления» и прочтете его описание себя в 1941 г., присматриваясь к тексту, то вам бросится в глаза полное отсутствие какого-либо творческого начала в действиях этого маршала.

Все его творческие замыслы сведены к примитивному приему: куда немцы ударили — туда надо послать советские войска — пушечное мясо. Эти войска нужно брать либо с других участков фронта, где немцы еще не бьют:

«Германское командование не сумело одновременно нанести удар в центре фронта, хотя здесь у него сил было достаточно.

Это дало нам возможность свободно перебрасывать все резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага» (с. 345).

Либо, что еще более дешево, но сердито, — потребовать их у Сталина. Вот его полководческие предложения Сталину в ходе битвы под Москвой и их итоги:

«Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны (с. 321).

...прошу срочно подтягивать более крупные резервы (с. 326)... переброска войск с Дальнего Востока и из других отдаленных районов в силу ряда причин задерживалась (с. 327).

...нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков (с. 339).

...позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о подчинении Западному фронту 1-й ударной и 10-й армий (вновь сформированных — Ю. М.) (с. 346).

...Западный фронт с 1 по 15 ноября получил в качестве пополнения 100 тыс. бойцов и офицеров, 300 танков, 2 тыс. орудий (с. 336)».

И ни малейшей творческой попытки ударить по немцам самому, нанести им поражение, попытаться хотя бы какую-то часть их окружить, уничтожить, пленить. И мысли нет проявить свою волю полководца, инициативу. Более того, спустя столько лет даже в мемуарах он пытается высмеять инициативу Сталина:

«Мы с Шапошниковым, — позвонил мне Сталин, — считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой — из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву.

— Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для

обороны.

— В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии.

— Этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

— Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

— Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась, с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта».

Далее Жуков пишет:

«Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чем мы и доложили в Ставку. Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел».

Заметьте — у самого Жукова не было даже попытки обдумать, как нанести врагу урон ударами во фланг по приказу Сталина. Штаб бумагу подготовил, Жуков как командующий фронтом эту бумагу подписал, а там пусть Рокоссовский сам разбирается, как эту бумагу исполнять.

А сам Жуков, по поводу данной конкретной попытки Сталина заставить его воевать думаячи, злорадно пишет:

«Вражеские войска с утра 16 ноября начали стремительно развивать наступление на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось, так как они, по приказу Сталина были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником».

Даже не верится, что это писал маршал, ведь атакующие войска не могут быть скованными, их всегда можно вывести из атаки и перебросить в другое место. Сковываются те, по которым наносят контрудар, в данном случае Ставка контрударом сковала войска

немцев. Но уж очень хочется Жукову показать, какой он был всепредвидящий и умный и какие глупости творил Сталин, когда не слушался Жукова.

Как уже писалось, Сталин послушал бы любое предложение Жукова, согласился бы с его полководческими замыслами, если бы они у Жукова были. Но в 1941 году он был творческий ноль. Если не верите мне, то я еще процитирую Рокоссовского.

«Сложность заключалась еще и в том, что мне была непонятна основная цель действий войск Западного фронта. Генералиссимус Суворов придерживался хорошего правила, согласно которому «каждый солдат должен знать свой маневр». И мне, командующему армией, хотелось тоже знать общую задачу фронта и место армии в этой операции. Такое желание — аксиома в военном деле. Не мог же я удовлетвориться преподнесенной мне комфронтом формулировкой задачи — «изматывать противника», осознавая и видя, что мы изматываем, прежде всего, себя. Это обстоятельство тревожило не только меня одного».

Между прочим, в свое время К.К. Рокоссовский был учителем Г.К. Жукова, он командовал кавалерийской дивизией, в которой Жуков был командиром бригады. И тогда же он дал характеристику на Жукова, в которой последний рекомендовался так:

«АТТЕСТАЦИЯ

На командира 2-й кавалерийской бригады 7-й Самарской кавдивизии ЖУКОВА Георгия Константиновича

Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командный опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен. В течение летнего периода умелым руководством боевой подготовки бригады добился крупных достижений в области строевого и тактически-стрелкового дела, а также роста бригады в целом в тактическом и строевом отношении. Мобилизационной работой интересуется и ее знает. Уделял должное внимание вопросам сбережения оружия и конского состава,

добившись положительных результатов. В политическом отношении подготовлен хорошо. Занимаемой должности вполне СООТВЕТСТВУЕТ. Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит.

Командир — военком дивизии *Рокоссовский*.

8 ноября 1930 г.».

Обратите внимание на «болезненно самолюбив» и «штабную... работу... органически... ненавидит».

А так Жукова характеризовал С.М. Буденный:

«АТТЕСТАЦИЯ

На помощника инспектора кавалерии РККА тов. Жукова Георгия Константиновича за 1931 год

...тов. Жуков является:

1. Командиром с сильными волевыми качествами, весьма требовательным к себе и подчиненным, в последнем случае наблюдается излишняя жесткость и грубоватость.

...6. ОБЩИЙ ВЫВОД

Тов. Жуков Г.К. — подготовленный общевойсковой командир-единоначальник; вполне соответствует занимаемой должности и должности командира кавалерийской дивизии и начальника нормальной кавалерийской школы.

Член Реввоенсовета Союза ССР и инспектор кавалерии РККА *С. Буденный*.

31.10.31».

Как видите, в те годы характеристики давались объективно, вот только какой от них был толк, если человек, который органически ненавидит штабную работу, вдруг стал начальником Генерального штаба РККА?

Еще пару слов о том, почему Рокоссовский, в 1930 г. начальник Жукова, стал его подчиненным в 1941 г. В августе 1937 г. К.К. Рокоссовский был арестован, как «польский шпион». Заставить его повторять свои глупости на заседании трибунала следователи НКВД не смогли. Более того, он даже не дал оклеветать своих погибших товарищей, хотя, казалось бы, им уже все равно. Трибунал вернул его

дело на дополнительное расследование, и в 1940 г. обвинения с Рокоссовского сняли и назначили командиром корпуса в Киевском военном округе, которым к тому времени стал командовать прославившийся на Халхин-Голе, Г.К. Жуков.

Примеры военного творчества

Строго говоря, меня могут упрекнуть — я отказываю в творчестве Г.К. Жукову, а существует ли оно вообще? Может быть, там только набор стандартных (уставных) приемов? Писатель В. Карпов, которого я сегодня перестал ценить как историка, в свое время отлично описал примеры полководческого творчества генерала И.Е. Петрова в книге «Полководец». Перескажу один.

В чем суть проблемы, потребовавшей от И.Е. Петрова творческого решения? К концу обороны окруженной Одессы требовалось эвакуировать оттуда наши войска в Севастополь. Эвакуировать можно было только морем.

Представьте на бумаге точку на линии — это Одесский порт и берег Черного моря. Обведите полукруг вокруг точки — это наши, обороняющие Одессу войска. Как их вывезти, чтобы немцы и румыны на их плечах не ворвались в порт и не утопили всех прямо в порту? В одну ночь погрузить всю Приморскую армию на суда невозможно, да и ночь является спасением до тех пор, пока противник не поймет, что наши войска эвакуируются.

Можно было бы эвакуироваться по частям — в одну ночь одну часть дивизий, в другую ночь другую часть дивизий и т. д. Но при этом большой полукруг обороны уже нельзя было бы удержать, надо было оставшимся войскам отступать и занимать оборону ближе к порту. Но ведь противник не дурак, он бы понял, что Одесса эвакуируется и, кроме этого, чем ближе к порту, тем удобнее ему обстреливать суда в порту своей артиллерией. То есть оставшаяся часть войск была обречена на уничтожение.

Можно было эвакуироваться как англичане в 1940 г. эвакуировались из французского Дюнкерка на Острова. Все английские граждане, имевшие хоть какие-то суда, по призыву правительства приплыли на пляж у Дюнкерка, английский экспедиционный корпус в одни сутки примчался на этот пляж, бросил все оружие, танки, технику (одних боеприпасов 70 тыс. тонн) сел на эти суда и с 20 % потерями добрался до родины.

Генерал Иван Ефимович Петров, командовавший Приморской армией и обороной Одессы, сделал так. В течение ряда ночей из Одессы эвакуировались все подразделения и техника, которые непосредственно на переднем крае не участвовали в обороне Одессы. Были вывезены даже маневровые паровозы из порта. В последнюю ночь в порт зашли суда и пришвартовались в заранее определенных местах. Строго по временному графику, без шума, батальоны и батареи стали покидать передний край, а вместо них, у редко расставленных пулеметов остались одесские подпольщики и комсомольцы, которые всю ночь постреливали. Чтобы не было путаницы, для каждого батальона мелом по земле была просыпана дорожка до самых судовых трапов. К утру судов не было видно даже на горизонте, а немцы и румыны еще долго не могли понять, что произошло во вдруг утихшей Одессе? По-моему, до сих пор нет аналога столь блестяще проведенной операции по эвакуации целой армии. (Отдавая должное И.Е. Петрову за Одессу, я не забываю, как он бросил вверенных ему солдат и удрал из Севастополя.)

Второй пример творчества я хотел бы привести из уже обильно цитированных воспоминаний К.К. Рокоссовского.

Кстати, он написал книгу в очень интересной манере. С одной стороны она почти научна, в ней очень много обобщений опыта войны и мыслей о войне. Если у Жукова в мемуарах сплошной надрыв и его личный героизм и гений, то у Рокоссовского книга очень спокойна, в ней нет истерики даже в описании тяжелейших моментов (а Рокоссовский ведь сражался от выстрела до выстрела, был тяжело ранен). У него все всегда нормально. Да, положение тяжелое, но ведь он солдат — чего кричать, дело обычное, привычное. И все прекрасно — подчиненные прекрасные, население встречало прекрасно, и т. д. Практически ни о ком нет ни единого плохого слова. Но...

Но он дает много фактов, как бы говоря читателю: «Кто потрудились их понять, тому и без моих слов все станет ясно».

К примеру, Рокоссовский вводит нас в курс дела:

«В середине января по решению Ставки Верховного Главнокомандования на разных участках советско-германского фронта было предпринято новое наступление. Войска Западного фронта тоже продолжали наступательные действия. И мы в них участвовали, но

теперь уже не на правом, а на левом крыле фронта. 10-я армия, которой командовал генерал Ф.И. Голиков, переживала тяжелые дни.

Немцы не только остановили ее, но, подбросив силы на Жиздринском направлении, овладели Сухиничами — крупным железнодорожным узлом. Пути подвоза войскам левого крыла фронта, выдвинувшегося далеко вперед, в район Кирова, были перерезаны.

Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

Передав свой участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту. М.С. Малинин повел нашу штабную колонну в Калугу, а мы с А.А. Лобачевым заехали на командный пункт фронта.

Здесь нас принял начальник штаба В.Д. Соколовский, а затем и сам командующий.

Г.К. Жуков ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле. Он предупредил, что рассчитывать нам на дополнительные силы, кроме тех, что примем на месте, не придется.

— Надеюсь, — сказал командующий, — что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес...

От Ф.И. Голикова 16-й армии передавались 322, 323, 324 и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада вместе с участком фронта протяженностью 60 километров. Из наших старых соединений, с которыми мы сроднились в боях под Москвой, получили только 11-ю гвардейскую».

И дальше у Рокоссовского все прекрасно; командующие соседними армиями оказались однофамильцы Поповы — очень хорошо и т. д.

Но оцените издевательскую суть приказа Жукова. По нормам той войны, полнокровной стрелковой дивизии в наступление давался участок фронта в 1,5–3 км. С теми силами, что Жуков выделил Рокоссовскому для этого наступления, участок фронта у него должен был быть максимум 15 км, а не 60! Более того, дивизия в обороне должна была занимать участок фронта в 6—14 км, т. е., наличных сил

даже для обороны едва хватало. Но Рокоссовский истерики не устраивает и не требует дать ему резервы:

«Поставленная фронтом задача не соответствовала силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Но это было частым тогда явлением, мы привыкли к нему и начали готовиться к операции...»

Еще один момент. Вы знаете, что немцы под Москвой при отступлении сжигали все жилье. Делали они это из военной целесообразности. В лютые морозы в поле, в окопах воевать практически невозможно.

Мой дед рассказывал, как один ретивый проверяющий генерал заставил батальон их дивизии зимним утром взять ненужную высоту. Немцы подпустили батальон, а потом пулеметным огнем заставили залечь и не давали поднять головы. В сумерках посланная разведка сообщила, что весь батальон, и раненые, и живые, превратился в лед. Командир батальона, который, как и полагается, находился сзади наступающих рот и под огонь немецких пулеметов не попал, узнав эту новость, застрелился. Генерал сказал, что он слабак... Дивизия звания гвардейской не получила, так как доклад проверяющего генерала был отрицательным.

Но вернемся к Сухиничам. В городе укрепились формально окруженная нашими заслонами вновь прибывшая из Франции пехотная дивизия под командованием немецкого генерала фон Гильса, и плевать она хотела на те 4 дивизии, которые Жуков вручил Рокоссовскому. Ведь эти дивизии участвовали в наступлении зимы 1941 г., прошли с боями более 300 км, и именно их немцы погнали обратно и выбили из Сухиничей. В этих дивизиях почти не было людей.

А немцы придавали Сухиничам очень большое значение. В дневниках у Гальдера Сухиничи присутствуют столько же раз, сколько и, к примеру, Сталинград, причем очень часто в сообщениях о Сухиничах Гальдер ставит восклицательный знак. Вот 24 января 1942 года у него в дневнике запись: «Южнее Сухиничей обстановка напряженная в связи с наступлением противника на позиции 53-го армейского корпуса. Зато мы нанесли удар и освободили Сухиничи!» А уже 28 января запись: «Обнаружились разногласия по вопросу о том, удерживать или оставить Сухиничи. Фюрер требует удержания этого

пункта, пока не выявятся результаты наступления под Медынью. Из разговора со Шмидтом (2-я танковая армия) выясняется, что действительно Сухиничи хотели снова сдать. Отдан контрприказ, надеюсь, не поздно!»

Но было поздно. И вот почему.

Немцы в Сухиничах сидели в теплых домах, блиндажи и огневые точки у них были в теплых подвалах — чего им было бояться русских, наступающих по голым промерзшим полям, русских, которых они только что разгромили? У них был аэродром, и им доставляли все необходимое для удержания плацдарма, не дающего нам использовать железную дорогу.

И Рокоссовский делает следующее. Он «покупает» немцев на их техническом превосходстве над нами. У немцев ведь была мощная радиосвязь и, в том числе, в каждой дивизии — рота радио-разведки. Рокоссовский приказал, чтобы переезжавшая к фронту колонна его штаба вела открытые переговоры так, как будто к Сухиничам передислоцируется не штаб 16-й армии, а вся 16-я армия, все ее дивизии. По довоенным нормам в общевойсковой армии РККА полагалось иметь 12–15 дивизий. Для одной немецкой дивизии силы все же несоизмеримые. И когда артиллеристы Рокоссовского стали пристреливаться по целям в Сухиничах, а его жалкие войска стали обозначать свое присутствие на исходных позициях, немцы не выдержали и ночью прорвались из города, не дожидаясь штурма.

Чтобы немцы не очухались и снова не взяли Сухиничи, а они впоследствии непрерывно делали такие попытки, Рокоссовский немедленно переместил туда свой штаб.

«Везде следы поспешного бегства. Улицы и дворы захламлены, много брошенной немцами техники и разного имущества. Во дворе, где размещался сам фон Гильс, стояла прекрасная легковая автомашина. В полной исправности, и никаких «сюрпризов». Вообще в городе мы нигде не обнаружили мин. Вряд ли можно было поверить, что гитлеровцы пожалели город. Они просто бежали без оглядки, спасая свою шкуру. Им было не до минирования».

И конечно:

«В Сухиничах штаб и управление устроились прекрасно... Гражданское население относилось к нам прекрасно». (В Сухиничах Рокоссовский и был тяжело ранен.)

Но характерный штрих к портрету Жукова. Когда Рокоссовский доложил в штаб фронта, что Сухиничи взяты, Жуков не поверил и лично перезванивал и переспрашивал. В чем дело? Ведь он приказал взять Сухиничи, и Рокоссовский их взял. К чему же такое недоверие? Рокоссовский об этом молчит, а ведь нет другого ответа — Жуков был уверен, что с теми силами, что он вручил Рокоссовскому, Сухиничи взять нельзя. И он, давая Рокоссовскому приказ на взятие Сухиничей, фактически приказывал принести в жертву советских солдат, чтобы только отчитаться перед Сталиным, что Жуков, дескать, «принимает меры», Рокоссовский, дескать, «не хочет воевать».

Военное мастерство

Мне могут возразить — а можно ли было вообще проявлять творчество на месте Г.К. Жукова в условиях, когда на Москву наступали превосходящие силы немцев? Может быть, затыкать «дыры» резервами — это и был единственно правильный полководческий путь в таких условиях?

Прежде чем привести примеры того, как в таких условиях действовали по-настоящему зрелые полководцы, давайте скажем пару слов о принципах действия полководца, ведущих к победе.

Шаблонов у полководцев не бывает, но есть несколько проверенных способов победы, против которых, образно говоря, как против лома — нет приема.

Оборона и наступление. Опыт показывает, что если противоборствующая сторона подготовила себе оборону (отрыла окопы, укрытия, пристрелялась, поставила мины и т. д.) и заняла ее, то даже грамотный и сильный атакующий противник будет иметь в 3 раза больше потерь, чем обороняющийся. И сил для наступления ему надо в 3 раза больше, а порою — значительно больше.

Это надо знать, чтобы понять, к примеру, почему немецкий генерал Гильс бросил Сухиничи. Четыре наши ослабленные дивизии против его полнокровной дивизии, сидевшей в обороне, составляли всего 1,5–2 кратный перевес — пустяки. Но вся 16-я армия Рокоссовского, как Гильс ее себе представлял, составляла, как минимум, 5–6 кратный перевес. Согласно военной науке его окруженная дивизия подлежала полному уничтожению, поэтому он ее и отвел.

Окружение. Так как в наступлении потери втрое выше, чем при обороне, то наступающий полководец стремится сделать следующее. Он прорывает оборону на двух узких участках фронта (т. е. — несет большие потери только в этих местах), а затем вводит свои войска за спину противника (там, где у него нет войск) и создает для него сплошное кольцо своей собственной обороной.

Окруженному противнику перерезаются пути снабжения, ему надо обязательно соединиться со своими войсками, а для этого надо

атаковать. Поэтому тот полководец, кто окружает, не только резко ослабляет своего противника, но и превращает его из обороняющегося в атакующего, заставляет его нести большие потери на прорыве окружения.

Эти обстоятельства часто приводят к тому, что окруженный сдается, тогда «чистая» победа. Тогда по итогам безвозвратные потери того, кто окружил, в десятки раз меньше безвозвратных потерь того, чьи войска попали в окружение.

Но окруженный не всегда сдается. Примеры из той войны — Ленинград, Севастополь, немцы в демянском котле, сидевшие сначала в полном окружении, а потом — в неполном более года. В таких случаях окруженный противник начинает сковывать чужие войска (не давать воевать в другом месте), тогда он становится проблемой, порой нерешаемой (Ленинград, немцы в демянском котле) или труднорешаемой (Сталинград).

Удары по флангам и тылам. Основой сухопутных войск является пехота (танковые войска следует рассматривать так, как их рассматривали немцы — очень хорошо вооруженной и очень подвижной пехотой). Если мы возьмем соединение пехоты — дивизию, — то окажется, что в ней тех, кто непосредственно уничтожает врага лицом к лицу (стрелков, пулеметчиков, танкистов и т. д.), очень немного. Скажем, до войны полностью укомплектованная людьми стрелковая дивизия РККА должна была состоять из 17 тыс. человек, но тех, кто непосредственно ведет уничтожение врага, тех, кто именно для этого обучен и вооружен, в ней должно было быть чуть более 3 тыс. То же и в немецкой дивизии. Но эти 3 тыс. без остальных 14 тыс. воевать не могут. Скажем, если непрерывно не подавать войскам сотни тонн боеприпасов и горючего, то вся артиллерия и танки — не более чем груда металла. Это не оружие.

Вот эти 14 тыс. солдат дивизии должны всегда стоять за спиной 3 тыс. стрелков, поскольку сами они либо вообще не бойцы (шоферы, связисты, снабженческие службы), либо не бойцы без прикрытия стрелков (артиллерия, саперы).

Смысл удара в тыл и фланг — это обойти стрелков и нанести удар по многочисленной, но слабой части соединений противника, оставив этим его стрелков без боевого обеспечения, а потом расправиться с ослабленными стрелками. В общем заход во фланг и тыл это

предвестник окружения, но и без него такие удары вызывают у противника большие потери при относительно небольших своих. Поэтому Сталин и пытался заставить Жукова бить немцев во фланги. В конечном итоге, все способы боев, применяемые солдатами-творцами сводятся к принципу: заставь противника атаковать там, где ты силен, и атакуй его там, где он слаб. Если так делать, то его безвозвратные потери намного превысят твои, и он потерпит поражение.

Маршал Тимошенко

В то время как немецкая группа армий «Центр» пыталась взять Москву, группа армий «Юг» наступала южнее, нацеливая свою 1-ю танковую армию Клейста через Ростов-на-Дону на Кавказ.

От Западного фронта, который прикрывал Москву и которым командовал Жуков, на юг шла линия обороны Юго-Западного и Южного фронтов, которые вместе составляли Юго-Западное направление. Главкомом этого направления был маршал Семен Константинович Тимошенко. К началу ноября он отвечал за фронт длиной от правого до левого фланга по прямой почти в 700 км.

А у Жукова от правого до левого фланга было менее 400 км. Для обороны такого участка у Жукова было 9 общевойсковых армий (1 Уд., 5, 16, 20, 30, 33, 43, 49, 50), и еще три армии Ставка готовила для него в тылу Западного фронта (10, 26, 61). Жуков очень любил резервы.

И у Тимошенко было 9 общевойсковых армий (3, 6, 9, 12, 13, 18, 21, 38, 40), но без резервов. (Последний резерв — 2-й кавкорпус — Сталин забрал у Тимошенко для Жукова как раз в начале ноября.)

Западному фронту Жукова противостояла часть сил группы армий «Центр». Тимошенко противостояли оставшаяся часть сил группы армий «Центр» и практически все силы группы армий «Юг».

В то самое время, когда Жуков саботировал приказ Сталина по нанесению немцам фланговых ударов, Тимошенко сам попросил у Сталина разрешение не просто нанести фланговый удар, а удар, который бы разгромил ударную силу немцев на юге — 1-ю танковую армию Клейста. Тимошенко для этого удара даже не просил у Сталина резервов — что просить, если тот сам забрал у Тимошенко последнее? Семен Константинович попросил только оружия: «30 тыс. винтовок, 500 ручных пулеметов, 250 станковых пулеметов, 200 противотанковых орудий, 150 полевых орудий и 200 танков». Сталин промолчал. Тимошенко напомнил 5 ноября, получил в ответ: «Рассчитывать на помощь центра нельзя. Не забывайте о событиях под Москвой». Но в это время ведь и армии Тимошенко на всех фронтах отбивались от немцев. Клейст рвался на юг. Тимошенко снова напомнил Ставке об оружии 9 ноября, но получил ответ от начальника

Генштаба: «Главком (Тимошенко. — Ю. М.) должен полностью полагаться на собственные силы». В это время, как пишет Жуков, «Западный фронт с 1 по 15 ноября получил в качестве пополнения 100 тысяч бойцов и офицеров, 300 танков, 2 тысячи орудий».

И Тимошенко со всех участков своего огромного, но слабосильного фронта стал собирать все, что можно, формируя в месте предполагаемого удара новую (37-ю) армию. Смогли собрать: 4 стрелковые дивизии, 4 артполка, 4 противотанковых артполка, 3 танковые бригады, 2 дивизиона «катюш» и 3 бронепоезда. Во втором эшелоне кавкорпус и бригада НКВД. Сил меньше, чем в это же время Сталин дал Жукову для организации ударов по немецким флангам.

Как вы помните, штаб Жукова за 2 часа подготовил приказ, Жуков его подмахнул и забыл об этой «сталинской глупости».

Тимошенко поступил не так. Он очень болезненно относился и строго наказывал генералов даже за кратковременную потерю управления войсками. Поэтому, прежде всего, был создан командный пункт для управления ходом всей операции. Сведения о противнике были запрошены в Разведуправлении Генштаба, фронтовые разведуправления, что называется, «рыли землю носом» — только снятых с убитых немцев писем было изучено 3035. В ударной группе мы несколько превосходили немцев в пехоте и артиллерии, но уступали в танках. В полосе прорыва превзошли и в авиации, но нелетная погода в начале наступления свела это преимущество на нет.

Тимошенко тщательно проверил все детали операции: войска получили зимнее обмундирование; была собрана огромная для Красной Армии того времени автоколонна для подвоза боеприпасов и вывоза раненых — 380 грузовиков, 40 тракторов и 30 санитарных автомобилей. 37-я армия должна была пройти по немецким тылам 100 км; для снятия мин с дорог и форсирования четырех рек ее 12 саперных батальонов, по расчетам, не хватало, их пополнили. Немцы могли ударить под основание клина 37-й армии и окружить ее. Специально выделенные войска из 18-й армии (2 стрелковых дивизии) и из 9-й (1 стрелковая и 1 кавалерийская) должны были прикрыть 37-ю. (Вспомните об этом, когда мы будем рассматривать судьбу 33-й армии). С войсками был проведен подробнейший инструктаж, включая, какие именно снаряды должны быть в боекомплектах полковых и дивизионных орудий и как именно их использовать.

Наступление 37-й началось 17 ноября. Обычно оно начинается артиллерийской подготовкой. Но Тимошенко, как уже говорилось ранее, начал его не так. Он послал разведотряды посмотреть: не почувствовали ли чего немцы, не отвели ли за ночь свои войска, чтобы мы снаряды артподготовки выпустили по пустому месту? Точно! Немцы отошли на 8 км. Их догнали и уже тут накрыли артогнем.

Теперь немного о творческом замысле Тимошенко. Самая короткая дорога для немцев на Кавказ вела вдоль берега Азовского моря через Ростов-на-Дону. Тимошенко приказал здесь зарыться в землю армиям Южного фронта, одних противотанковых укрепленных районов только 9-я армия построила девять. Генерал Клейст не подвел, 9 ноября он начал наступление там, где его и ждали. Тимошенко применил принцип — атаку врага надо встречать обороной. Но Клейст, теряя танки и людей, прогрызал и прогрызал нашу оборону. Жуков уже давно бы силы, подготовленные для флангового удара, бросил навстречу Клейсту. Но Тимошенко не уменьшил их ни на солдата и продолжал готовить удар. 17 ноября ударил Клейсту под основание его удара.

А 18-го Клейст сманеврировал и прорвал фронт 56-й армии (подчинявшейся напрямую Ставке), защищавшей подступы к Ростову.

Но к 19 ноября 37-я армия уже разгромила 14-й мехкорпус немцев и вышла в тыл Клейсту. А 21 ноября Клейст взял Ростов-на-Дону. Но к 23 ноября 37-я армия и части 9-й вышли на реку Тузлу в тылу немцев. Клейст наконец понял, куда он попал, и начал спешно разворачивать свои дивизии для круговой обороны.

Некоторые считают, что Тимошенко должен был выйти к берегу Азовского моря и полностью перерезать сухопутные пути армии Клейста. С этим не просто согласиться. Во-первых, полного окружения не получилось бы. Клейст снабжался бы по морю. Во-вторых, он построил бы прочную круговую оборону вокруг Ростова и еще неизвестно, хватило бы у нас сил, чтобы уничтожить эти окруженные войска. А у немцев был бы плацдарм уже в Ростове.

Как бы то ни было, но Тимошенко 23 ноября перегруппировал свои войска и двинул их не к берегу Азовского моря, а прямо на Ростов, по тылам Клейста, громя их по дороге. Клейст не выдержал, оставил Ростов и, бросая технику и оружие, выскочил из мешка. 29 ноября Ростов-на-Дону был освобожден, а 1-я немецкая танковая

армия практически разбита. **Маршал С.К. Тимошенко освободил первый советский крупный город** в той войне.

Дадим слово сначала немцам. Начальник Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер в своем дневнике 30 ноября меланхолично записал:

«Отход 1-й танковой армии вызвал возбуждение у Гитлера. Он запретил отход армии на реку Миус, но это от него уже не зависело. Гитлер осыпал бранью главнокома сухопутных войск. Главком после этого отдал приказ Рундштедту не отходить, но тот ответил, что выполнить приказ не может. Доложили Гитлеру. Тот вызвал Рундштедта...»

А другой немецкий источник сообщает такие подробности: «Рундштедт потребовал отвода всей группы армий на Миус, с тем чтобы занять зимние оборонительные позиции. Но Гитлер запретил всякое отступление. Вопреки своему обыкновению, он лично в сопровождении Браухича и Гальдера (Главнокомандующего и начальника Генштаба сухопутных войск Германии. — Ю. М.) прибыл в ставку Рундштедта в Полтаве. Когда он попытался обвинить Рундштедта в неудаче под Ростовом, старый генерал-фельдмаршал, который внешне выглядел образцом старинного прусского аристократа, холодно ответил, что ответственность за неудачи несет тот, кто отдал приказание осуществить эти операции, иными словами — Гитлер. Тот порывался кинуться на Рундштедта и сорвать с него рыцарский крест. С Браухичем случился сердечный припадок. Гитлер снял ряд видных генералов южной группы армий, в первую очередь командующего 17-й армией генерала пехоты фон Штюльпнагеля. Гитлер обрушился на него в страшном припадке ярости... Главнокомандующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рундштедт был снят, его сменил командующий 6-й армией фон Рейхенау».

Надо понять причину возбуждения Гитлера — впервые с 1 сентября 1939 г. была разгромлена целая немецкая армия, да причем танковая, да причем за счет искусства полководцев противника.

Кстати, фельдмаршал Рейхенау, приняв то, что осталось от немецкой 1-й танковой армии, уже 4 декабря поспешил сообщить в Генштаб сухопутных войск Германии, что «только своевременное

поступление подкреплений может предотвратить начало нового кризиса».

Но Тимошенко уже не имел возможности устроить 1-й танковой армии немцев «новый кризис».

Чтобы помочь 1-й армии Клейста, немцы активизировали действия по всему Юго-Западному фронту, а 25 ноября крупными силами ударили по северному флангу. Это был самый разгар боев за Ростов-на-Дону, до победы здесь было еще далеко. И, тем не менее, Тимошенко не стал просить у Ставки резервов, чтобы, как Жуков, «бросить» их к месту прорыва. Как пишет маршал Баграмян, очевидец всех этих событий, бывший в то время начальником оперативного отдела штаба Тимошенко, Семен Константинович «стукнул кулаком по столу.

— Хватит нам отбиваться! Попробуем и здесь проучить немцев. Пока я буду занят Клейстом, вы с товарищем Костенко готовьте новую наступательную операцию. Цель — разгром ливненской группировки противника».

Обратите внимание на разницу в работе полководца-профессионала и Жукова. И перед тем, и перед другим встает задача по нанесению удара по немцам. Жукову задачу нанесения фланговых ударов ставит Сталин, а Тимошенко сам эти задачи ищет. Но не это главное. Смотрите, с чего они начинают решение этих задач. Жуков приказывает штабу подготовить армиям, на чьих фронтах планируются эти удары, приказы. Через два часа приказы подписал и свободен — можно ездить по фронту и кричать: «Воевать не умеете! Ни шагу назад!! Всех под суд!»

А Тимошенко начинает со сведения ударных сил под единое командование. В случае с Клейстом, он жалкие крохи своих сил собирает в 37-ю, для этого организованную, армию (командующий генерал Лопатин). А в случае с ливненской группировкой, он сразу назначает генерала Костенко командующим ударной группировкой наших войск, которые для этого еще предстоит найти. Почему это признак полководческого профессионализма (кстати, в любом деле)?

Для того чтобы удар был единым, надо, чтобы все соединения и части находились под единым командованием и командующий ими не имел никакой другой задачи. Немцы в своих мемуарах чуть не высмеивают наших генералов за такую глупость — за введение в бой

сил и резервов **по частям**. У них был принцип — если ты собираешься ударить по противнику, то бей один раз и так, чтобы он не встал. Для этого собери все резервы в кулак достаточной силы и только после этого бей. И Тимошенко действовал как немец — профессионально.

Дальше — оборудование командного пункта и оборудование устойчивой связи с войсками. На Юго-Западном фронте за потерю управления вверенными войсками с должности снимали без колебаний. Вот распоряжение Тимошенко командующему Южным фронтом: «Харитонову передайте: два дня пусть держит фронт — и ни шагу назад. Иначе у меня окончательно испортится мнение о нем. Танки передайте ему». Харитонов — командующий 9-й армией Южного фронта. При наступлении Клейста он вынужден был перенести свой командный пункт в другое место. При переезде к новому командному пункту на короткое время не имел со своими дивизиями ни телефонной, ни радиосвязи, а это и есть потеря управления вверенными войсками. Тимошенко за это предложил Сталину снять Харитонova с должности, но Харитонов успел отличиться в боях, и ему простили. Однако здесь Тимошенко ему снова это вспоминает.

Но почему так строго? Немецкий генерал Меллентин в книге «Танковые войска Германии» в разделе «Первые впечатления о тактике русских» пишет о нас: «Только немногие командиры среднего звена проявляли самостоятельность в решениях, когда обстановка неожиданно изменялась. Во многих случаях успешная атака, прорыв или окружение не использовались русскими просто потому, что **никто из вышестоящего командования этого не знал**» (выделено мной. — Ю.М.). Тимошенко это понимал.

А Жуков в разгар боя забирает с командного пункта командующего армией и везет его за 50–60 км в другую армию для «передачи опыта». Сам не командовал и другим не давал.

Но вернемся к наступлению немцев на северном фланге Юго-Западного фронта. Быстро собрав под командованием генерала Костенко, что возможно (около 20 тысяч, в основном кавалерии), Тимошенко ударил под основание клина ливненской группировки немцев. Установив надежную связь, он, как и под Ростовом, **лично** руководил операцией. Почему — это очень важно.

Могут сказать, что Тимошенко не доверял своим генералам, а вот Жуков доверял и ограничивался приказами. Это не так, и Тимошенко доверял. Но от момента написания приказа до его исполнения проходит время, а обстановка меняется. Если приказ вовремя не изменить, он может стать убийственным для своих войск.

Еще Меллентин о нас: «Безрассудное повторение атак на одном и том же участке, отсутствие гибкости в действиях артиллерии... свидетельствовали о неумении... своевременно реагировать на изменение обстановки». Но поскольку войска действуют по приказу, то описанное Меллентином означает, что бой не контролирует тот, кто приказ может изменить. Тимошенко был профессионал и бои контролировал.

К примеру. Незадолго до удара по немцам генерал Костенко выясняет, что положение немцев изменилось и действовать по приказу уже не выгодно. У него созревает свое решение, и он дает распоряжение вразрез с приказом. Но, конечно, связывается с Тимошенко по телеграфу и почти немедленно получает в ответ: «Хорошо. Оставляем в силе отданное вами распоряжение на выполнение ближайшей задачи. Но предупреждаю о недопустимости при первом же столкновении с противником разворачивать части вправо и вместо флангового удара совершать лобовой. Требую от 1-й гвардейской стрелковой дивизии смелого выдвижения на фронт Рог, Пятницкое, а кавалерии — решительно продвигаться на север, имея сильный боковой отряд в направлении на Дивны. У опорных пунктов противника не задерживаться, а обходить их».

Почти одновременно с нашим наступлением под Москвой группа Костенко нанесла удар. Обходя опорные пункты, решительно двинулась на север. Но ведь ни в чем не должно быть шаблона, разведка вскрывает новые обстоятельства, и штаб фронта корректирует свой прежний приказ — «обходить опорные пункты»:

«Вам представляется удобный случай разгромить подвернувшиеся два полка 95-й пехотной дивизии, а вы уходите от них влево. Надо не ускользнуть, а стремиться охватывать такого рода группировки и уничтожать их. Что касается 34-й мотострелковой бригады, то меня удивляет, почему вы оставляете ее в глубоком тылу. Нужно двигать ее на хвосте наступающих полков, чтобы можно было в любое время бросить ее для развития успеха вправо и влево».

Войска Тимошенко полностью окружили под Ельцом 34-й армейский корпус немцев и начали его громить. 12 декабря кавалеристы генерала Крюченкина разгромили штаб корпуса. 15 декабря командир 134-й пехотной дивизии немцев генерал Кохенхаузен лично повел окруженных немцев на прорыв. Кавалеристы устояли, генерал Кохенхаузен был убит в этой атаке, оставшиеся немцы сдались или разбежались по лесам.

Дальше у маршала Тимошенко будут и очень трагические дни. Ставка ошибется в намерениях немцев на 1942 г. и сосредоточит все резервы у Москвы. Собрав в кулак огромные силы, немцы ударят по Южному и Юго-Западному фронтам как раз в тот момент, когда они попытаются взять Харьков. В окружении останутся 207 тысяч человек войск, которыми командовал Семен Константинович. Клейст возьмет у него реванш, но даже Жуков, очень ревниво относившийся к воинской славе кого-либо, по этому поводу запишет в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Анализируя причины неудачи Харьковской операции, нетрудно понять, что основная причина поражения войск юго-западного направления кроется в недооценке серьезной опасности, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки.

Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло несколько резервных армий Ставки, тогда бы не случилось катастрофы с войсками юго-западного направления летом 1942 года».

Да, не сумели разгадать тогда планы немцев Сталин, как Верховный Главнокомандующий, и Жуков, как его будущий (с августа 1942 г.) «единственный заместитель».

Но, повторяю, в 1941 г. маршал Тимошенко был единственным из советских военачальников, чьи войска освободили первый советский крупный город и, окружив, полностью уничтожили под городом Ельцом крупное немецкое соединение.

Начальник немецкого Генштаба сухопутных войск Ф.Гальдер по этому поводу снова грустно записал: «Командование войск на участке фронта между Тулой и Курском потерпело банкротство».

А Жуков в своих мемуарах об этом окружении, сыгравшем огромную роль и в битве за Москву, вообще не вспоминает, а

освобождение Ростова-на-Дону характеризует как «неудачу немецких войск под Ростовом». Почему? А ему есть с чем эти победы сравнивать.

Жуков 41-го года в наступлении

Когда смотришь на схемы битвы за Москву, читаешь соответствующую главу мемуаров Жукова, то поражает его полное творческое бессилие как полководца. Такое впечатление, что его единственным творческим замыслом в обороне было: «Стой! Ни шагу назад, а то расстреляю!» И затыкание резервами Ставки тех участков фронта, где немцы на этот творческий замысел не обращали внимания.

А в декабре, когда не подготовленные к зиме немцы выдохлись и остановились, а мы поднакопили силы, то у Жукова созрел новый творческий замысел: «Вперед, кто сколько сможет, а то под суд отдам!» И замысел — подталкивать немцев к отводу своих войск резервами Ставки.

Это, конечно, утрировано. Но параллельные красные стрелки, идущие от Москвы на Западном фронте, показывают, что Жуков даже не пытался на своем участке уничтожить хоть сколько-нибудь немцев, не пытался их окружить. Он их выталкивал из-под Москвы. Сам он о своем полководческом замысле пишет так:

«Ближайшая задача контрнаступления на флангах Западного фронта заключалась в том, чтобы разгромить ударные группировки группы армий «Центр» и устранить непосредственную угрозу Москве. Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери.

Несмотря на передачу нам дополнительно трех армий, Западный фронт не имел численного превосходства над противником (кроме авиации)».

Во-первых. Если силы на фронте в 400 км были равны, то на участках прорыва можно было создать десятикратное превосходство за счет высвобождения войск с участков обороны. Ведь немцы уже выдохлись и просто не могли наступать, это же не Клейст, рвущийся на Кавказ.

Во-вторых, Тимошенко, чтобы разгромить Клейста, имел лишь одну армию, созданную из собственных войск. А тут из резерва дают

три армии, а в голове полководца мысль не «окружить и уничтожить», а лишь «отбросить».

Но это написано в мемуарах, которые, разумеется, пристойно отредактированы. А устно, на встрече с журналистами «Военноисторического журнала» 13 августа 1966 г., Георгий Константинович, защитник Москвы, наивно раскрывал свои «творческие» замыслы декабрьского наступления его войск под Москвой («Коммунист», № 14, 1988 г.):

«В наших замыслах четко обоснованного мнения о том, что намечается такое контрнаступление, каким оно потом оказалось, не было. Это было осознано в полной мере тогда, когда события развернулись более благоприятно: с одной стороны, Гудериан начал пятиться, с другой — Гепнер начал отходить. И когда контрудары 1-й Ударной армии и группы Лизюкова начали отбрасывать противника, в порядке логического продолжения все это нарастало и в конце концов к 8 декабря вылилось в более широкое контрнаступление. Когда на левом крыле Гудериан начал более поспешно отходить, это дало возможность командованию распорядительным порядком наращивать силы не только по фронту, но и по глубине. А первая постановка задач 30 ноября предусматривала очень короткие задачи контрударного порядка. Задачи войскам по глубине не превышали 20–30 километров. (Реплика: кое-где побольше, в пределах полусотни километров.) Окончательно все эти распоряжения увязались к 8–9 декабря. У нас нет такого приказа, где заранее, допустим, 30 ноября, 1–2 декабря, отдали бы директиву, которая свидетельствовала, что это приказ на контрнаступление. Такая задача не стояла, потому что у нас ни сил не было, ни средств. Мы ввели дополнительно 1-ю Ударную армию, ввели ее не 6 декабря, она ввязалась в бой 29 ноября с танковой группой, которая проскочила через канал в районе Яхромы. К 6 декабря, по существу, чуть ли не вся армия была задействована.

Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было. Оно пошло как развитие контрударов. Были, конечно, удары авиации усилены, дополнительные общевойсковые соединения введены.

...Если бы противник оказал серьезное сопротивление нашим контрударам, никакого контрнаступления не состоялось бы».

Как видите, и целую армию Жукову дали, и «дополнительные общевойсковые соединения» — дивизии, — а толку? Немцы наступают — Жуков отступает, немцы выдохлись и начали отступать — Жуков начал наступать.

Видимо, и Жуков понимал слабую убедительность декабрьского наступления, потому что написал в мемуарах и о таком смелом полководческом проекте, который глупая Ставка не дала ему осуществить:

«Если бы тогда можно было получить от Ставки Верховного Главнокомандования хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), то мы имели бы реальную возможность нанести врагу новые поражения, еще дальше отбросить его от Москвы и выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск».

Развивая эту мысль, можно дополнить эти смелые полководческие соображения — а если бы можно было получить от Ставки 100 армий, «то мы имели бы реальную возможность» дотолкать немцев прямо до Берлина.

Видимо, такая незатейливость полководческих замыслов единственного заместителя Верховного Главнокомандующего (Жуков всегда подчеркивал, что он **единственный** заместитель) привела к тому, что Ставка сама взялась за разработку операции по разгрому немцев под Москвой. «История Второй мировой войны» об этом пишет так:

«Замысел стратегической операции на окружение и разгром группы армий «Центр» и задачи фронтов, привлеченных к ее проведению, были определены в директиве Ставки ВГК от 7 января 1942 г. Намечалось охватывающими ударами армий правого крыла Калининского фронта из района северо-западнее Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта из района Калуги в направлении Юхнов, Вязьма с одновременным выступлением остальных армий Западного фронта на Сычевку и Гжатск окружить, расчленив и уничтожить основные силы группы армий «Центр» в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, Гжатск».

Ну и как же Жуков реализовал этот план? Как он замкнул окружение группы армий «Центр» у Вязьмы? Ведь эта операция могла

предвосхитить сталинградскую, более того, если бы ее осуществили, то и сталинградская не потребовалась бы.

Дело было так. Жуков начал наступать на Вязьму, послал туда кавкорпус Белова и направил 33-ю армию. Прорывать оборону немцев не потребовалось — ее не было. В месте прорыва «оказалась широкая, ничем не заполненная брешь в обороне противника», — пишет Жуков. Три дивизии 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ефремова подошли к Вязьме, а дальше немцы сделали с Жуковым то, что Тимошенко накануне сделал с немцами под Ельцом. «Противник, ударив под основание прорыва, отсек группу и восстановил оборону по реке Угре», — пишет Жуков. Это было 4 февраля.

До июля месяца, имея в распоряжении девять армий, Жуков не смог соединиться с этой частью своего фронта, сражавшейся в окружении под Вязьмой. 18 июля конники Белова окольными путями прорвались к своим.

Отвлечемся на наших конников.

В начале 1942 г. положение немцев под Москвой было аховое. Начальник штаба 4-й полевой армии немцев генерал Блюментритт вспоминал: «Немецкое командование почти не надеялось избежать окружения и разгрома южной группировки... У фельдмаршала фон Клюге не было резервов, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над южным флангом... Более того, 4-ю армию связывала с тылом только одна дорога. Она проходила через Юхнов — Медынь... Все остальные дороги в районе армии скрылись под толстым (метровым) снежным покровом. Если бы русские, наступая с юга, сумели захватить нашу единственную жизненную артерию, с 4-й полевой армией было бы покончено».

А немецкий генерал и историк Типпельскирх писал: «Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения... Этот корпус (1-й гв. кавкорпус генерала Белова. — *Ю. М.*) достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью, не перерезал ее. Он продолжал двигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах».

Это «чудо», спасшее немецкую армию от разгрома, имело фамилию — Жуков. Вот что произошло.

2 января кавалеристы корпуса Белова захватили немецкий аэродром под Юхновом. В это время в Юхнове был очень маленький гарнизон немцев, и Белов намеревался его взять и тем самым перерезать единственный путь снабжения немецкой 4-й армии. Но его остановил приказ Жукова от 03.01.42., в котором указывалось: против Юхнова оставить заслон, а «главные силы повернуть на Мосальск». Причем раньше Мосальск как цель Белову вообще не был указан, его должны были взять войска 10-й армии. Чтобы добраться в срок до Мосальска по бездорожью, Белов вынужден был бросить все свои тылы и артиллерию и войти в тыл немцам только с винтовками и саблями.

Вот так Жуков и спас 4-ю армию немцев, а Белов почти 6 месяцев дрался в тылу у них практически без тяжелого вооружения, тем не менее, заставляя Гальдера все время о себе вспоминать. Кстати, когда Белов спустя 2 месяца боев в тылу у немцев прислал донесение об их итогах, Г.К. Жуков на нем начертил «Тов. Глушкевич. Вот образец бездарности. Г. Жуков. 28.02.1942». Да уж — куда там Белову до талантов Жукова...

Но вернемся к окружению под Вязьмой 33-й армии и кавкорпуса Белова.

Белов прорвался, а стрелковые дивизии погибли. Командовавший ими генерал-лейтенант Ефремов сделал себе самооценку — застрелился. И Жуков сделал себе оценку в мемуарах:

«Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали...»

Интересно, кем это — «нами»? По всей книге «я решил», «я приказал», «я предлагал», а тут — «нами»! Не чужд скромности наш герой...

А как же Калининский фронт, которому тоже было приказано выйти к Вязьме? (Для чего к трем его армиям была добавлена еще одна, а не две как Жукову.) Калининский фронт вышел не только к Вязьме, а продвинулся на запад чуть ли не до Витебска и Смоленска.

Вообще в наступлении под Москвой зимой 1942 г. меньше, чем Жуков, никто не продвинулся. Северо-Западный фронт генерал-лейтенанта Курочкина, к примеру, ушел далеко на запад, окружив в демянском котле 106 тыс. немцев. Может быть, именно из-за таких успехов соседей Жуков и не упоминает, кто командовал Калининским фронтом. Ведь Георгий Константинович всегда хвастался, что это лично он «защитил свою столицу и взял вражескую». А Калининским фронтом, так далеко ушедшим на запад по сравнению с фронтом Жукова, командовал его заклятый друг — генерал-полковник Конев. Который тоже брал Берлин и который с некоторым скепсисом относился к полководческим талантам Жукова. (Кстати, первыми в Берлин ворвались войска именно маршала Конева.)

Генерал Ефремов

Как читатель видит, о Ржевско-Вяземской операции Западного фронта, в ходе которой погибла 33-я армия, Жуков пишет вскользь.

А ведь согласно директиве Ставки это был **главный** удар, который должен был нанести Западный фронт. Без него не получался замысел Ставки — совместно с Калининским фронтом окружить группу армий «Центр».

Это настолько очевидно, что на упомянутой встрече в редакции «Военно-исторического журнала» даже журналисты не смогли обойти этот вопрос и задали его Жукову. Он ответил:

«Относительно отрезания этой группы. Командующему фронтом, когда ведется сражение на таком громадном пространстве — 600 километров по фронту, очень трудно уследить за вопросами тактического порядка.

Ефремов прошел в свободную «дырку». Сзади у него остались главные силы армии. Я не мог уследить, что он для обеспечения на Угре оставил, а он, к вашему сведению, оставил всего отряд в составе 90 человек — без танков, без пушек, с легкими средствами. Разделяю ли я ответственность за Ефремова? Ну, конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Вопрос обеспечения — это вопрос не командующего фронтом, и я не считал нужным смотреть, что справа и слева. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того чтобы у него тыл был обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапка была набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние вяземской группировки противника. Я, по-моему, там пишу о наших ошибках, что орешек оказался более твердым. Ну, а большую взять на себя ответственность для того, чтобы показать здесь себя самокритичным, я думаю, надобности нет, зачем это нужно».

Заметьте, как Жуков выкручивается. Оказывается, директива Ставки была дана генералу Ефремову, командующему 33-й армией, а не ему, командующему фронтом. Оказывается, это генерал Ефремов

совместно с войсками Калининского фронта генерала Конева обязан был окружить группу армий «Центр», а Жуков здесь ни при чем.

А теперь сравните его вранье с тем, что было на самом деле. В 33-й армии бронетанковыми войсками командовал МЛ 1. Сафир. Его сын, историк, полковник В.М. Сафир исследовал боевой путь отца и 33-й армии в боях под Москвой.

Конкретно об этой операции он пишет:

«П [осле ликвидации Наро-фоминского прорыва в ходе начавшегося 6 декабря 1941 г. контрнаступления под Москвой 33-я армия к 26 декабря полностью освободила Наро-Фоминск, 4 января 1942 г. — Боровск и 19 января — Верею. К этому времени 33-я армия нуждалась в пополнении личным составом, техникой и боеприпасами. Поэтому полной неожиданностью был приказ, полученный 17 января 1942 г. от командующего Западным фронтом генерала армии Г.К.Жукова, наступать на Вязьму.

Так начиналась печально известная Ржевско-Вяземская операция, тяжелейшие последствия которой на западном ее направлении историкам еще предстоит изучить более объективно и тщательно, чем сделано до сих пор, не оглядываясь на мемуары самого Г.К. Жукова. Воспоминания эти, касающиеся М.Е. Ефремова и прорыва 33-й армии к Вязьме, носят явно предвзятый и необъективный характер, порой просто искажающий действительность.

В книге «Воспоминания и размышления» (АПН, 1971, с. 355) Г.К. Жуков пишет:

«...М.Е. Ефремов решил сам встать во главе ударной группы и начал стремительно продвигаться на Вязьму...». К сожалению, в этой фразе очень мало правды. Вот как было на самом деле. Из воспоминаний М.П. Сафира: «30 января в Износках в моем присутствии Ефремов, пытавшийся разобраться в совершенно неясной ситуации, телефонограммой докладывал Жукову, что обстановка заставляет его находиться в Износках. Тут же получил ответ, что его место под Вязьмой. Тем самым Жуков второй раз при мне в критической ситуации лишил командарма права самостоятельно решать, где ему в данный момент целесообразно находиться. Первый раз это произошло при ликвидации Наро-фоминского прорыва. Такая силовая привязка к местности очень грамотного командарма (по принципу — «иди сюда, стой здесь») была произведена, как ни

странно, в то время, когда южнее Наро-Фоминска немцы в полосе обороны нашей армии пытались осуществить еще один прорыв к Москве на участке 110-й и 113-й стрелковых дивизий (в районе Волковская Дача, Слизнево. — В. С.). В сложившейся обстановке последствия для Ефремова, да и для Жукова, могли быть трудно предсказуемы, окажись у командира прорвавшейся 183-й пехотной дивизии немцев дополнительные резервы для развития успеха. А были ли они у него или не были — мы тогда не знали. Трудно представить, чтобы, например, командующий группой «Центр» генерал-фельдмаршал Бок в ходе тех декабрьских боев под Москвой мог додуматься давать указания генерал-фельдмаршалу Клюге, какую войсковую группу возглавлять лично и где находиться в ходе боевых действий его 4-й полевой армии. Меня с собой Михаил Григорьевич не взял из-за отсутствия к тому времени в армии исправных танков. Узкий коридор прорыва немцы быстро перекрыли (2 февраля. — В.С.). Внешнее кольцо окружения нашей армии на моих глазах замкнул немецкий батальон. У нас практически ничего не было — один танк-калека Т-26 и немного пехоты. Попытались кольцо прорвать — бесполезно. Немедленно доложили Жукову. В ответ услышали: «Не дергайтесь, я покажу вам, как надо прорывать». Только через двое суток, пригнав несколько вагонов со снарядами, провел артналет. Не добившись успеха, молча повернулся и уехал...».

Не имея в нужных количествах боеприпасов и продовольствия (доставлялись только по воздуху), в условиях абсолютного превосходства противника (полнокровная 225-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Вайцеля и другие соединения) главные силы армии два с половиной месяца продолжали героически сражаться. На 6 февраля 1942 г. в окруженных дивизиях 33-й армии насчитывалось 9580 человек. Дальнейшее увеличение численности (до 12 780 человек к 11 марта 1942 г.) было произведено за счет мобилизации местного населения в возрасте от 17 до 45 лет. В частности, были призваны 413 красноармейцев и командиров, скрывавшихся в немецком тылу, а также военнослужащие, доставленные по воздуху. М.Г. Ефремов неоднократно обращался к командованию Западного фронта и даже дважды к Сталину с просьбой разрешить прорваться своими силами. Теперь можно с уверенностью сказать, что разрешение, полученное на выход из окружения в середине апреля, запоздало — личный состав

обессилел, съев все свои разваренные поясные ремни и подошвы найденных сапог. Боеприпасы иссякли. Уже таял снег. Солдаты были в валенках. Разлилась река Угра. Остатки частей армии были загнаны в район печально известного Шпырьевского леса, откуда с огромным трудом, не имея никакой техники, в ночь с 13 на 14 апреля смогла прорваться через сплошной пулеметно-автоматный огонь на большаке Беляево — Буслава только группа во главе с М.Г. Ефремовым. Остальные выходили небольшими отрядами и поодиночке в ночное время. Встречая везде заслоны из пулеметного огня, группа, двигаясь на восток и юго-восток, с боями вышла к реке Угре в районе Виселово, Нов. Михайловка и южнее. Однако, к удивлению командарма, никакого встречного удара частей Западного фронта не последовало. Группа была разгромлена. М.Г. Ефремов, получивший уже третье ранение, потерял способность двигаться и, сидя под сосной, где-то в районе Горново (3–4 км южнее Нов. Михайловка), застрелился. Вооруженные Силы потеряли отважного воина и талантливого полководца.

Генерал-лейтенант Ю.А. Рябов (ветеран 33-й армии) рассказывал мне в 1993 г.: «По свидетельству очевидцев, хоронили немцы Ефремова в деревне Слободка 19 апреля 1942 г. Тело командарма принесли на жердях, но немецкий генерал потребовал, чтобы его переложили на носилки. При захоронении, обращаясь к своим солдатам, сказал: «Сражайтесь за Германию так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов». Отдал честь. Был дан салют. Когда же мы после наступления освободили эти места, то во время перезахоронения Ефремова обнаружили, что немцами на его руке были оставлены золотые часы».

Всего за два с половиной месяца боев (со 2 февраля) личный состав армии уничтожил 8700 неприятельских солдат и офицеров, 24 танка, 29 орудий и др. военной техники. Безвозвратные потери армии за этот же период составили более 8 тыс. человек, в том числе во время выхода из окружения — около 6 тыс. бойцов и командиров. Прорваться к своим войскам в составе небольших групп смогло всего 889 человек.

Оценивая события тех дней, следует признать, что предложение М.Г. Ефремова прорываться единственно ему доступным кратчайшим путем на восток к реке Угре было верным. Г.К. Жуков, упорствуя в своем очевидном заблуждении, «ответил категорическим отказом»

(«Воспоминания», с. 356), видимо, совершенно не представляя реальной обстановки в районе Шпырьевского леса.

В «Воспоминаниях» Г.К. Жукова нет ясного ответа на вопрос: так чьи же указания выполнял М.Г. Ефремов (лично Сталина, Ставки или Жукова?), начиная прорыв из Шпырьевского леса не на юг, а в восточном (юго-восточном) направлении? Сказано только, что «Ставка приказала организовать встречный удар. Такой удар был подготовлен и осуществлен 43-й армией» (с. 356). А какой приказ и от кого получила 33-я армия? В «Воспоминаниях» об этом ничего не говорится. Однако все становится на свои места при ознакомлении с документами штаба Западного фронта — командарм-33 повел на прорыв остатки своих войск в строгом соответствии с требованиями последней директивы именно Жукова: «...Приказываю:

в пункте «а» даны указания командарму-43 (т. Голубеву), в пункте «б» — командарму-49 (т. Захаркину)...«в» — командарму 33-й армии Ефремову — в ночь с 12 на 13 апреля... нанести удар в направлении Родня (4 км юго-вост. Беляево. — *В.С.*), Мал. Буславка (2 км юго-вост. Шумихино. — *В.С.*), Нов. Михайловка, Мосеенки, где соединиться с частями 43-й и 49-й армий».

Поэтому все последующие комментарии автора «Воспоминаний» о якобы строгом указании «выходить... в общем направлении на Киров» (с. 356), т. е. на юг, вызывают по меньшей мере удивление, ибо «никаких документов, подтверждающих приказ о выходе окруженной группировки через Киров, не обнаружено. Видимо, их вовсе не было» («Военно-исторический журнал». 1992, № 3. с. 15).

Складывается впечатление, что явно оправдательный «южный вариант выхода» был рассчитан на неосведомленность читателя и домысливался Жуковым, скорее всего, задним числом.

Следует добавить, что неблагоприятный исход этой операции был изначально предопределен тем, что «...командующий Западным фронтом... направлял одно указание за другим, но указания эти никакими дополнительными силами и средствами не подкреплялись...».

Вместе с тем комфронта и его штаб активно искали виновных вне своих рядов. Уже 6 апреля 1942 г. «за бездеятельность при выходе дивизии из окружения» был приговорен к расстрелу фронтовым военным трибуналом (приговор № 411) командир 329-й сд полковник

К.М. Андрусенко. Однако определением № 02028-9029 Военной коллегии Верховного суда СССР этот явно поспешный приговор был заменен на «10 лет лишения свободы с отправкой в действующую армию» (командиром 115-й стрелковой бригады — В. С). 15 января 1944 г. Корней Михайлович Андрусенко, будучи командиром 239-го гв. стрелкового полка 76-й гв. сд, получил звание Героя Советского Союза (окончил войну командиром 55-й сд).

Не остался обделенным вниманием и командующий войсками 33-й армии. В документе, подписанном Г.К. Жуковым (но не отправленном М.Г. Ефремову), говорилось:

«...Как показало следствие (материалы этого дознательного действия историки пока не обнаружили. — В. С), никто, кроме командующего 33-й армией, не виноват в том, что его коммуникации противник перехватил. Жуков».

Вот уж поистине — с больной головы на здоровую! Можно подумать, что это М.Г. Ефремов, а не комфронта Г.К. Жуков отдал трудно объяснимый приказ убрать 2 февраля 1942 г. полнокровную 9-ю гв. стрелковую дивизию генерал-майора А.П. Белобородова (около 10 тыс. человек) с основной снабжавшей ефремовцев магистрали (давая тем самым противнику возможность рассечь соединения 33-й армии) и передать ее в состав 43-й армии. Доказательства разумности передислокации этой дивизии в опубликованных научных разработках найти пока не удалось. Этот обвинительный документ, по мысли Жукова, должен был, видимо, «заработать» в случае прилета М.Г. Ефремова в штаб фронта 9 апреля на последнем самолете, как это усиленно рекомендовали командарму. Но М.Г. Ефремов остался со своими войсками до конца...

Сам же Г.К. Жуков, не взяв на себя ответственность за провал операции на Вяземском направлении (признав в «Воспоминаниях» только как ошибку, переоценку возможностей своих войск и недооценку противника), так определил главного виновника:

«Задачу... об оказании помощи группе генерала М.Г. Ефремова 43-я армия своевременно выполнить не смогла...» (с. 57, 355). Возникает вопрос — если один командарм Западного фронта повел свои войска на прорыв по маршруту, утвержденному командующим фронтом, а другие (в первую очередь командарм-43) в нарушение приказа не провели должным образом боевые действия по

обеспечению воссоединения с ним, то какова же во всех этих странных событиях роль комфронта Жукова (с 1 февраля — главнокомандующего западным направлением) по руководству, координации боевых операций подчиненных ему армий и контролю за исполнением отданного приказа, и кто же, если не он, за это должен отвечать?

Настало время более скрупулезно, невзирая на лица, изучить именно проблему скандального провала операции на вяземском направлении и роль во всей этой истории главных ее участников — командующего Западным фронтом Г.К. Жукова, командующих 43-й и 49-й армиями К.Д. Голубева и И.Е. Захаркина.

Завершая краткий рассказ о трагической и героической судьбе Михаила Григорьевича Ефремова, считаю необходимым напомнить малоизвестный вывод, сделанный офицерами оперативного управления Генерального штаба, который подтверждает и помогает правильно понять все вышесказанное:

«...армия бросалась в глубокий тыл противника на произвол судьбы» («Военно-исторический архив», выпуск 1).

В этом же альманахе, но в выпуске № 3 дается анализ «Операция 33-й и 43-й армий на Вяземском направлении», выполненный в конце июня 1942 г. Западным направлением оперативного управления Генерального штаба Красной Армии. В выводах действия Г.К.Жукова характеризуются так:

«3. Западный фронт не создавал кулака в виде крупной мощной группировки из всех родов войск на решающем направлении, при помощи которого решал бы задачу крупного оперативного размаха.

Силы и средства были почти равномерно распределены по всему огромному фронту. Громкие приказы, которые отдавал командующий Западным фронтом, были невыполнимы. Ни один приказ за всю операцию вовремя не был выполнен войсками. Они оставались голой ненужной бумагой, которая не отражала действительного положения войск и не представляла собой ценного оперативного документа. А та торопливость, которую проявляло командование Западным фронтом, передавалась в войска и приносила большой вред делу». [Конец цитаты.]

Я дал эти выдержки, чтобы читатели поняли, насколько бывают лживы мемуары полководцев и насколько лживы мемуары Жукова.

Ведь масса читателей верит «Воспоминаниям и размышлениям» Жукова беззаветно, как истине в последней инстанции. Поостерегитесь!

Клятый маршал

Вы помните, что Сталин, характеризуя Жукова, сказал: «У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте...» Что это за свойства?

На первый взгляд, напрашиваются легендарные грубость, жестокость и хамство Жукова. Может быть, и это, но я не думаю, что на фронте эти свойства могли бы вызвать к Жукову чувство, называемое «нелюбовью», если бы с деловой точки зрения, с точки зрения делового общения у Жукова было все в порядке. Война ведь сама по себе груба и жестока, да еще и смешана с постоянной опасностью. Вряд ли на таком фоне кто-то особенно обращал внимание на грубость.

Кроме этого, многое определяла обстановка. Ветеран, служивший в штабе Жукова после войны в Германии, отмечал, что идеальным полководцем, с точки зрения воинской культуры, был, конечно, Рокоссовский. Его чрезвычайно уважали за это: как вспоминал ветеран, перед Рокоссовским нельзя было провиниться не потому, что он накажет, а просто потому, что было стыдно вызвать его неудовольствие. Рокоссовский оказывал влияние даже на Жукова, и когда последний вызывал Рокоссовского к себе в штаб, то сам становился корректнее и вежливее. Но и без Рокоссовского Жуков не создавал впечатления монстра. Конечно, он всегда чувствовал в себе маршала СССР, но был в обращении прост и вполне вежлив. Никто его особенно не боялся, и ветерана даже удивляли слухи о жестокости и грубости Георгия Константиновича. Но ведь это было после войны.

Грубость — не причина «нелюбви», я знаю это по своему опыту. К примеру, наш главный инженер легко вспыхивал и, разбирая очередную аварию или ущерб, мог ознакомить провинившихся с их характеристикой на отборном мате. Но он всегда пользовался безусловным уважением. А вот директор не матерился, но когда его сняли, то у всех работавших с ним не нашлось ни единого слова сочувствия, так он всем осточертел. Думаю, что и у Жукова в характере было нечто другое, более неприятное. Что это за свойство? За что Жукова не любили коллеги? Давайте попробуем ответить на

этот вопрос и для этого вернемся к его диалогу с маршалом Куликом и к тем событиям, которые вызвали их разговор. Но сначала немного о маршале Кулике, тем более что об этом маршале и невозможно сказать много — это белое пятно военной истории. Пожалуй, первую попытку что-то сказать об этом маршале сделал упоминаемый выше Н.А. Зенькович, и эта попытка была бы блестящей, если бы Зенькович еще и понимал то, о чем пишет.

С каких-то пор о Кулике принято говорить и писать исключительно как об идиоте. Это несправедливо с любой стороны, даже с формальной.

Скажем, Тухачевский брезговал получать академическое образование: военного гения учить — только портить. Жукову и Рокоссовскому его получить не удалось, что только подтверждает мысль — полководцев учат не академии, а войны.

А Кулик в 1924 г. оканчивает курс Военной академии РККА, а в 1938 г. — Особый факультет Академии имени Фрунзе.

В РККА не было более боевого генерала, чем Г.И. Кулик. Великая Отечественная война была у него шестой. Командиром артиллерийского взвода он был в империалистической войне, в гражданскую — начальником артиллерии 10-й, а потом 14-й армии, он отличается при обороне Царицына. Воюет в Испании (орден Ленина), затем вместе с Жуковым громит японцев при ХалхинГоле, затем организует прорыв линии Маннергейма, становится Героем и выслуживает «маршальский жезл». Единственный из предвоенных маршалов, который заслужил это звание в непрерывных войнах.

Но он был клятый, о чем я уже писал. На Украине этим словом называют человека, который знает, что его за что-то будут бить, но все равно это что-то делает. Исходя из того, что я о нем узнал, Г.И. Кулика отличала абсолютная независимость мнений и поступков во всем, что и стоило ему головы.

Но с военной точки зрения, можно только поразиться его пониманию своей профессии. Говорят, что он был противником пистолетов-пулеметов (ППШ) и ратовал за самозарядную винтовку. Но, во-первых, есть документы, из которых следует, что он усиленно заказывал для армии и ППШ в достаточном количестве, а «срезал» их Вознесенский. Во-вторых, с тех и до сих пор пистолеты-пулеметы ни в

одной армии не являются основным оружием. Основное — автоматы или винтовки.

Наши писатели и историки редко видят разницу между тем, что сегодня называют автоматом, и пистолетом-пулеметом. А это разные вещи. Автомат — это ослабленная автоматическая винтовка, а пистолет-пулемет — пистолет с возможностью автоматического огня. Разработанные до войны пистолеты-пулеметы Дегтярева (ППД) и Шпагина (ППШ), в ходе войны — Судаева (ППС), называли в просторечье автоматами, но их сути это не изменило. Первый автомат поставили на вооружение немцы в 1943 году — это было «штурмовое ружье» МП-43 под короткий патрон. У нас первый автомат сконструировал Калашников, тоже под ослабленный патрон, в 1947 г. (АК-47).

Отношение историков к Кулику просто поражает. Вот, скажем, книга В.А. Анфилова «Грозное лето 41-го года». Анфилов пишет:

«Немалые препятствия были и на пути минометного вооружения. Оно не было вначале должным образом оценено. Еще в 1936 г. конструкторское бюро Б.И. Шавырина под предлогом ненадобности было закрыто. До советско-финляндской войны минометное вооружение считалось второсортным. Лишь финские минометы «раскрыли» глаза нашим руководителям».

Во-первых. К 22 июня 1941 года в армию было поставлено уже 40 тыс. минометов и только лишь потому, что постановление Комитета Обороны о принятии на вооружение Красной Армии и серийном производстве 82-мм батальонного образца 1937 г., 107-мм горного образца 1938 г. и 120-мм полкового образца 1938 г. минометов было принято 26 февраля 1939 года, то есть за 9 месяцев до начала «советско-финляндской» войны. Уже в боях на Халхин-Голе было израсходовано 46,6 тыс. 82-мм мин.

Во-вторых. А кто же закрыл в 1936 году КБ Шавырина? Умненький Анфилов помалкивает. В 1936 году заместителем наркома обороны по вооружению был Тухачевский, в этом же году он стал и первым заместителем наркома. А Кулик в 1936 году числился командиром-комиссаром 3-го стрелкового корпуса, но в СССР его не было, он был в Испании. В конце 1937 года он был назначен начальником Артиллерийского управления РККА, а в 1939 году —

заместителем наркома обороны по вооружению. То есть именно Г.И. Кулику РККА обязана тем, что у нее к войне были минометы.

Но В.А. Анфилов, с наглостью потомственного подонка, пишет: «Почти в таком же положении Красная Армия оказалась и в отношении минометного вооружения по вине того же Кулика, который сопротивлялся внедрению этого вида оружия».

Говорят, Кулик предлагал вместо малокалиберной противотанковой артиллерии сделать основным противотанковым орудием 107-мм пушку. Эта оригинальная идея позволила бы действительно универсализировать артиллерию — за счет отдельного заряжания эта пушка могла быть и полевой гаубицей, и противотанковой пушкой. Уже в 1941 г. немцы вынуждены были в качестве основного противотанкового оружия применять 88-мм зенитную пушку. Мы в 1944 г. уже вооружались для борьбы с танками 100-мм пушкой БС-3, для борьбы с тяжелыми танками применяли 152-мм калибр. Кроме этого, напомню, ведь у нас по сравнению с немцами была очень малокалиберной полевая артиллерия. Но этим вопрос не ограничивается.

Надо сказать, что не только Кулика, но и Сталина в случае со 107-мм пушкой выставляет идиотами нарком вооружений Ванников. По его мемуарам, Кулику и Сталину якобы очень нравилась 107-мм (42-линейная) пушка со времен Гражданской войны, и только поэтому они ее очень «хотели». На самом деле все несколько иначе.

Напомню, что проанализировав тенденции развития танков, советский конструктор артиллерии В.Г. Грабин задолго до войны создал для наших танков 85-мм и 107-мм мощные пушки. Причем 85-мм пушка помещалась даже в танк Т-28. Но принятию их на вооружение яростно сопротивлялись тогдашние начальники бронетанковых войск, предатель Д.Г. Павлов, после него Федоренко и главный инспектор артиллерии РККА Воронов. С большим трудом удалось их уговорить вместо 45-мм поставить на танки КВ и Т-34 более мощную грабинскую 76-мм пушку. Павлов и Федоренко считали, что главное оружие танка — гусеницы, и значит — быстрота, а мощная пушка утяжеляет танк и снижает скорость.

По настоянию Кулика была сконструирована и начала выпускаться 57-мм противотанковая пушка, но по настоянию того же Воронова производство ее было перед войной остановлено.

Грабин — выдающийся инженер, своего рода «советский Форд», с Куликом у него были очень натянутые отношения (тот своими требованиями «попортил ему крови»). Но все же он пишет о Кулике:

«Нужно отдать ему справедливость, властность и нетерпимость не исчерпывали характера Кулика. В отличие от некоторых своих подчиненных он не боялся ответственности и порой, исходя из своего собственного понимания интересов дела и задач повышения обороноспособности страны, принимал решения более чем рискованные».

Говорят, что Кулик предлагал перевести артиллерию на конную тягу. Но ведь пехота у нас и ходила пешком, и пушки на конной тяге за ней бы успевали. А так мы бросили у границы тысячи стволов артиллерии из-за отсутствия топлива для автомобилей и артиллерийских тягачей. На конной тяге эти орудия участвовали бы в войне. В упомянутых мной боях под Ельцом лошадям кавкорпуса генерала Крюченкина зимой 6 суток не давали овса. А кавкорпус продолжал наступать. А что было у немцев? Гитлер, и это с уважением и почтением отмечают все немецкие генералы, держал курс на полную моторизацию армии. Но одно дело курс, а другое — возможности. У СССР даже в 1941 г. во всей стране было 500 тыс. автомобилей. А у немцев к моменту нападения на Францию, зимой 1940 г., **только в армии** было 420 тыс. автомобилей. Тем не менее и этих автомобилей им не хватало для **полной** моторизации всех войск. Поэтому в феврале 1940 г. немцы проводят **демоторизацию**. Гальдер в своем дневнике записывал в это время:

«Предпосылкой к сокращению автотранспорта является его замена конно-гужевыми средствами... Нам придется одновременно перейти к широкой демоторизации, то есть к мобилизации лошадей, повозок и упряжек. Это решение должно быть принято уже теперь; тогда оно еще сможет оказать своевременную помощь к тому моменту, когда будут полностью израсходованы автомашины, поступающие теперь из гражданского сектора... Важно, однако, чтобы подготовка повозок и упряжи была начата немедленно и чтобы не пришлось долго ждать окончания совещаний и расчетов».

В это время все пехотные дивизии вермахта (их артиллерия, ближние тылы) были переведены на конную тягу. В 1940 г. в немецких войсках находилась 771 тыс. лошадей, к лету 1941 г. в немецких

войсках, подготовленных к нападению на СССР, было 600 тыс. автомобилей, но и 1 млн. лошадей, к 1943 г. — 1380 тыс. голов. Немцы сделали то, что предлагал сделать Кулик.

Советские стрелковые дивизии передвигались со скоростью 30 км/сутки. Зачем же им артиллерия, передвигающаяся со скоростью 30 км/час, но только по ровным и не раскисшим дорогам? А в противном случае — совсем не передвигающаяся? Вот когда стрелки наших дивизий пересели на ленд-лизовские «Студебеккеры», тогда артиллерия на механической тяге стала понятной.

И наконец, Кулик предлагал расформировать танковые дивизии и мехкорпуса и передать танки пехоте. Почувствуйте независимость суждения этого человека — во всем мире гремит слава немецких танковых дивизий и корпусов, а он наши корпуса предлагает расформировать. Кто на это мог пойти?! В результате все танковые корпуса, как и предлагал Кулик, расформировали, но только через несколько месяцев после начала войны — она заставила. Правда перед этим корпуса уже потеряли все свои танки и их не стало ни в танковых корпусах, ни у пехоты.

Кулик понимал, что танки без сопровождения их пехотой и артиллерией не имеют смысла. Повторю, что у нас до войны в танковых дивизиях и мехкорпусах было более чем по тысяче танков. Но автомобилей, бронетранспортеров, тягачей, чтобы везти за танками стрелков, артиллерию, саперов, тылы, — не было. А у немцев все это было. Наши маршалы, организуя танковые корпуса, действовали по принципу — слышал звон, да не знаю, где он. И лишь Кулик сохранял трезвость суждений и имел мужество выступить против этого безумия. Его не послушали. В пограничных сражениях танки наших танковых дивизий и корпусов, действующих без пехоты и артиллерии, немцы быстро выбили.

С осени 1941 г. предложение Кулика стало осуществляться. Танковые и механизированные корпуса и дивизии расформировали, стали создавать танковые бригады с примерно 50 танками и действовали они только для поддержки пехоты. И лишь когда СССР накопил автомобили для остальных родов войск танковых соединений, танковые корпуса вновь были созданы. В их штате было около 250 танков и САУ и уже 1500 автомобилей. Они стали действительно напоминать немецкие танковые дивизии.

Как видите, после пяти войн Кулик абсолютно ясно представлял, что такое война, какой она будет и что ей надо. Представлял так, как никто.

Таким был у Жукова собеседник, стенограмму разговора с которым я дал в начале этой части книги.

На чужом горбу

Что мы знаем об обороне Ленинграда? Обычно то, что немцы чуть его не взяли у маршала Ворошилова, но приехал герой Жуков и Ленинград **защитил**. Но кто знает, что Жуков ехал в Ленинград совсем не с этой задачей?

8 сентября немцы прорвались к Ладожскому озеру, взяли Шлиссельбург и тем самым полностью блокировали Ленинград с суши. По одну сторону занятого немцами коридора шириной до 20 км находились войска Ленинградского фронта, по другую — войска 54-й армии. В этот же день Г.К. Жуков был назначен командующим Ленинградским фронтом и 10 сентября вступил в командование. Одновременно в командование 54-й армией вступил маршал Г.И. Кулик.

Жукову ставилась задача не только удержать город от захвата, **но и, пока немцы не создали оборону вокруг города, деблокировать его** — прорваться навстречу Кулику. А Кулику ставилась задача пробиться навстречу Жукову.

В результате того, что этот приказ Ставки не был выполнен, в первую же блокадную зиму в городе умерло от голода свыше 700 тыс. человек.

Сразу можно сказать, кто виноват в том, что Ленинград не прорвал блокаду в сентябре 1941 г. — Г.К. Жуков. Это можно уверенно сказать исходя из того, что ни в «Истории Второй мировой войны», ни в кратком курсе «Великая Отечественная война Советского Союза» об этой операции нет ни слова. Молчит и энциклопедия «Великая Отечественная война». А сам Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» говорит в связи с Ленинградом о чем угодно, но только не об этом. Если быть уж совсем точным, то в варианте его мемуаров 1972 г., в главе «От Ельни до Ленинграда», есть единственная строчка о 54-й армии: «К.Е. Ворошилов 11 сентября по заданию И.В. Сталина вылетел в 54-ю армию маршала Е.И. Кулика». И все.

Это, кстати, не единственная неудачная операция советских войск под руководством Г.К. Жукова, которая была стерта со страниц нашей

военной истории. Все знают операцию «Уран» — операцию по окружению немецких войск под Сталинградом. Но кто слышал об операции «Марс»? А она под руководством Жукова проводилась одновременно с операцией «Уран» и называлась Ржевско-Сычевской (не путать с Ржевско-Сычевской операцией лета 1942 г.). Если под Сталинградом для проведения операции «Уран» было сосредоточено 1,1 млн. человек, 15,5 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков и 1,3 тыс. самолетов, то для операции «Марс» было выделено 1,9 млн. человек, 24 тыс. орудий, 3,3 тыс. танков и 1,1 тыс. самолетов.

Командуя операцией «Марс», Е.К. Жуков потерял полмиллиона человек и все танки, но успеха не достиг.

Но вернемся в 1941 г. на Ленинградский фронт.

Приняв 10 сентября фронт, Жуков все усилия сосредоточил, чтобы отбиться от «восьми полков бешеных немцев» с юга, а организовать прорыв навстречу Кулику оказался просто не способен. Возможно, он просчитал, что персонально отвечает только за оборону Ленинграда, а за деблокаду отвечает вместе с Куликом.

Вот пусть Кулик сам и прорывается. И потом, возможно, он рассуждал, что, дескать, Сталин не допустит, чтобы Ленинград остался в блокаде и войска для этого где-нибудь найдет. А свои войска Жуков сосредоточил только для выполнения своей узкой задачи — недопущения прорыва в город немцев с юга, на участке фронта примерно в 25 км. Для этого у него были 42-я, 55-я общевойсковые армии, вся артиллерия Балтийского флота, 125 тыс. сошедших на берег моряков, 10 дивизий народного ополчения и т. д. А Кулик на таком же примерно фронте должен был прорваться в Ленинград со своими 8-ю дивизиями.

Потом Жуков стал снимать с Карельского перешейка войска своей 23-й армии и частями вводить в бой для удержания обороны на юге. То есть он мог снять их раньше, собрать в кулак и бросить навстречу Кулику. Вообще войск в Ленинграде было столько, что в последующем они из Ленинграда вывозились за ненадобностью — оставшихся для обороны было больше чем достаточно. Но на тот момент способности Жукова, как полководца были таковы, что использовать с толком он их не мог.

Интересно, что если вопрос о том, что Жуков получил от Ставки приказ не просто защитить, а деблокировать Ленинград, в последнее

время все же освещается в публикациях полководцев (главный маршал авиации А.Е. Голованов) и историков (Н.А. Зенькович), то совершенно не обсуждается вопрос о том — собирались ли немцы его штурмовать? А это вопрос не праздный.

Американский историк С. Митчем в работе «Фельдмаршалы Гитлера и их битвы» об этом пишет:

«Казалось, Ленинград обречен, но в самый последний момент спасение пришло к нему — ну кто бы мог подумать? — от самого Адольфа Гитлера. 12 сентября фюрер приказал Леебу не брать город с боем, а только взять его в блокаду, чтобы измором заставить капитулировать. Группе армий «Север» был отдан приказ, отдать в распоряжение ставки 11-й и 7-й танковые и 8-й авиакорпус, а также 4-ю танковую группу — то есть в общей сложности пять танковых и две моторизованных дивизии и большую часть поддержки с воздуха».

Таким образом, через два дня после того, как Жуков вступил в командование Ленинградским фронтом, немцы прекратили штурм города. Но Гитлер не дал фельдмаршалу Леебу бездействовать:

«В северной части России зима наступает рано, и Лееб намеревался использовать оставшиеся теплые дни с тем, чтобы как следует закрепиться на берегах Ладоги. Гитлер, однако, приказал ему захватить Тихвин, где велась добыча бокситов, а затем нанести удар севернее, чтобы соединиться с финнами на реке Свирь на восточном берегу Ладоги», — пишет Митчем.

То есть основная сила немецкого удара к описываемому времени была направлена на 54-ю армию Г.И. Кулика, а не на войска Жукова.

Но сейчас речь не о способностях Георгия Константиновича. Не принимая никаких мер для деблокирования Ленинграда, он коварно «подставлял» Кулика Сталину, все время жалуюсь тому, что Ленинград в блокаде только потому, что Кулик не хочет воевать. А сам же пальцем не пошевелил для спасения города от голодной смерти.

Давайте прочтем дальше его разговор с Куликом 15 сентября 1941 г. После того, как они доложили друг другу обстановку:

«Жуков: Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мга.

Кулик: Понятно. Я думаю 16—17-го.

Жуков: 16—17-го поздно! Противник мобильный, надо его предупредить. Я уверен, что, если развернешь наступление, будешь иметь большие трофеи. Если не сможешь все же завтра наступать, прошу всю твою авиацию бросить на разгром противника в районе Поддолово — Корделево — Черная Речка — Аннолово. Все эти пункты находятся на реке Ижора, в 4—5 километрах юго-восточнее Слуцка. Сюда необходимо направлять удары в течение всего дня, хотя бы малыми партиями, чтобы не дать противнику поднять головы. Но это как крайняя мера. Очень прошу атаковать противника и скорее двигать конницу в тыл противника. У меня все.

Кулик: Завтра перейти в наступление не могу, так как не подтянута артиллерия, не проработано на месте взаимодействие и не все части вышли на исходное положение. Мне только что сообщили, что противник в 23 часа перешел в наступление в районе Шлиссельбург — Липка — Синявино — Гонтовая Липка. Наступление отбито. Если противник завтра не перейдет в общее наступление, то просьбу твою о действиях авиации по пунктам, указанным тобой, выполняю...

Жуков: (не скрывая раздражения). Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего».

Обратите внимание на наглость Жукова. Сам даже пальцем не пошевелил для взаимодействия с 54-й армией, для прорыва блокады. А Кулика упрекает в том, что тот не хочет «взаимодействовать». А вы посмотрите, чего Жуков хочет! Ему не нужен прорыв блокады, он не готовит его сам и не дает подготовить Кулику. Он требует от Кулика бросить на смерть пехоту, без поддержки ее артиллерией, лишь бы отвлечь немцев от фронта самого Жукова. Даже авиацию Кулика, предназначенную для обеспечения прорыва блокады, он требует

использовать для удара по немецкой группировке не в месте прорыва, а на юге — там, откуда немцы угрожают только войскам Жукова. И (оцените наглость!) при этом Жуков точно знает, как поступил бы Суворов на месте Кулика. Вот это коварство Жукова, желание, чтобы его работу делали другие, пренебрежение к трудностям товарищей по войне, стремление «на чужом горбу в рай въехать», видимо, и предопределило то, что, по словам Сталина, Жукова «не любили на фронте».

Даже в конце войны Жуков остался таким же.

Рокоссовский блестяще командовал 1-м Белорусским фронтом с 1943 г., и именно этот фронт должен был взять Берлин. 12 ноября 1944 г. Сталин поставил командующим этим фронтом Г.К. Жукова, а Рокоссовского назначил командующим 2-м Белорусским фронтом, наступавшим севернее и в полосу наступления которого Берлин не попадал.

Рокоссовский пишет спустя некоторое время после нового назначения:

«Меня вызвал к ВЧ начальник Генерального штаба А.М. Василевский, проинформировал о намерении командующего 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жукова перейти в наступление против Восточно-померанской неприятельской группировки, с тем чтобы ликвидировать нависшую над его флангом угрозу, и спросил меня, как намерен действовать 2-й Белорусский фронт в данном случае. Я высказал соображение, что нам было бы весьма желательно наносить главный удар на нашем левом фланге, совместив его с главным ударом войск соседа. Таким образом, с выходом к морю можно было рассечь вражескую группировку на две части. После этого наш фронт уничтожит ее восточную часть, а сосед западную.

Александр Михайлович сказал, что именно так и он представляет себе ход будущей операции и решил позвонить мне, чтобы узнать мое мнение. Со своей стороны я высказал пожелание, чтобы удар наносился войсками обоих фронтов одновременно. Василевский обещал это предусмотреть».

Как видите, Восточно-Померанская операция нужна была Жукову и проводилась по его инициативе. Но без Рокоссовского Жукову трудно было ее провести. И, по замыслу операции, Жуков и Рокоссовский должны были ударить в одном месте и **одновременно**.

Начать эту операцию они должны были 24 февраля. Рокоссовский начал ее фактически 22-го, так как немцы сами ударили по войскам Рокоссовского, и он вынужден был сначала отбить их удар. Рокоссовский двинул войска вперед 24-го, точно по договоренности, по приказу. А Жуков нет! Сидел и ждал, пока войска Рокоссовского перемелют общего противника. И начал наступление только 1 марта. Когда все же не выдержавший Рокоссовский позвонил Сталину и, докладывая обстановку, намекнул, что Жуков не начинает наступать, то реакция Сталина была быстрой и характерной: «Что, Жуков хитрит?» То есть **коварство** Жукова и Верховному было хорошо известно, да только оценку он ему давал неправильную.

Когда Сталин исправил свою кадровую ошибку и навсегда освободил Г.К. Жукова от штабной работы, то послал его с 30 августа ликвидировать выступ фронта под Ельней и наступать на Рославль и Починок. Никуда, конечно, Жуков наступать не смог, хотя немцы в этом месте и выпрямили свой фронт, оставив Ельню. В этот момент немцам было не до нее — шли тяжелейшие бои по прорыву Гудериана на юг.

Характерно, что обстановка под Ельней походила на обстановку под Халхин-Еолом, у Жукова даже был месяц на подготовку операции. Но не было Е.И. Кулика, и Жуков не смог повторить подвиг Халхин-Еола — «срезать» выступ и окружить в нем немцев, он их просто вытолкал. Еальдер в своем дневнике отметил:

«31 августа... На фронте у Ельни противник атакует со всех сторон...; 2 сентября... следует отказаться от удержания дуги фронта у Ельни...; 5 сентября... наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Ну, а для Жукова это тоже было неплохим достижением — все же отогнал немцев на 20 км — и Сталин отправил его в Ленинград.

«Старые» маршалы

Отступление — самое тяжелое дело на войне — считают многие специалисты. Почему?

Пока войска находятся в обороне, они способны отбить атаки втрое превосходящего по силе врага. Они в окопах, в ДОТах и ДЗОТах, перед ними минные поля и колючая проволока. Чтобы отступить, им нужно бросить окопы и собраться в колонны. Противник может в промежутках между этими колоннами рвануться вперед и, если он более подвижный, чем свои войска, опередив отходящих, занять окопы и укрепления их нового рубежа обороны. А затем громить их спереди и сзади в чистом поле. Успешно отвести войска — это большое искусство и командиров, и штабов. Например, когда Юго-Западный фронт в начале войны попробовал отвести войска от границы на рубеж укрепленных районов (УР) старой границы, то 1-я танковая группа немцев элементарно опередила наши войска и захватила УРы и Житомир за ними. Пришлось занимать оборону в укрепленных районах непосредственно под Киевом. Маршал Баграмян об отступлении пишет:

«С военной точки зрения, отступление — сложнейший маневр. Надо суметь перехитрить противника, из-под самого его носа вывести войска с минимальными потерями, чтобы сохранить, а в дальнейшем накопить силы для нового удара. И все это в условиях, когда инициатива находится в руках врага, когда трудно определить, где он готовит очередной удар, где собирается устроить тебе ловушку».

И в 1941 г. труд этого тяжелейшего маневра взяли на себя «старые» маршалы: Ворошилов, Буденный, Кулик, Тимошенко. Но кто из историков оценил этот труд? Сейчас этих маршалов считают чуть ли не идиотами, да и в мое время, надо сказать, они были в тени. Я и в юности, к примеру, очень мало слышал о Тимошенко, а ведь он кавалер ордена «Победы», и орденов Суворова I степени у него было больше, чем у остальных кавалеров ордена «Победа». Все, как сговорились, пишут, что в Ленинграде талантливый Жуков сменил неспособного Ворошилова. И, как один, забывают упомянуть, что Жуков сменил раненного в бою Ворошилова.

Между тем, Ворошилову досталась тяжелейшая задача. Он должен был не дать немцам разгромить войска Северо-Западного направления. А Гитлер считал их разгром **обязательным** условием наступления на Москву. В своей директиве № 21 «План Барбаросса» Гитлер приказывал:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно».

Но разгромить советские войска, управляемые К.Е. Ворошиловым, группа армий «Север» не смогла, и не потому, что он их отводил слишком быстро. Ворошилов дрался и упорно, и умело.

Генерал-полковник Гот, командовавший в 1941 г. 3-й танковой группой немцев, после войны написал для создаваемого бундесвера военно-научную работу «Операция «Барбаросса». Он пишет:

«56-й танковый корпус должен был продвигаться от Порхова через Сольцы на Новгород, а 41-й танковый корпус — от Острова через Псков на Лугу. Имея перед собой слабого противника, они, тем не менее, продвигались вперед очень медленно».

Или:

«Несмотря на то, что вышестоящее командование поторапливало, ожесточенные бои на плацдармах задержали наступление почти на четыре недели, пока не подошла 18-я армия. В результате отхода 41-го

танкового корпуса на запад, 56-й танковый корпус, который 15 июля подошел к Сольцам, оказался еще более изолированным. Не имея достаточного флангового прикрытия, обе дивизии подверглись ударам крупных сил противника с юга, северо-востока и с севера. Под угрозой окружения они отошли к городу Дно».

Остановимся на Сольцах. Обычно и мемуаристы, и историки в описании боев всегда преувеличивают силы противника и преуменьшают свои. По данным Э.Манштейна под Сольцами с немецкой стороны действовали 3 дивизии 56-го танкового корпуса (8-я тд, 3-я мд и 269 пд), механизированная дивизия «Мертвая голова» и две пехотных дивизии 1-го корпуса 16-й армии. Итого 6 дивизий, из которых 1 танковая и 2 механизированных. В «превосходящих силах» войск маршала Ворошилова Манштейн насчитал и указал на схеме в книге: 90-ю и 180-ю стрелковые дивизии, 220-го механизированную дивизию, 21-ю танковую и части 3-й танковой дивизии. То есть неполных 5 дивизий, и вряд ли Манштейн что-то упустил. И под ударами этих сил немцы едва вырвались из окружения и отбежали на 40 километров.

А через 1,5 месяца в Ельнинской дуге, которую взялся ликвидировать Г.К.Жуков, было, согласно данным энциклопедии «Великая Отечественная война», также 6 немецких дивизий (все пехотные) — 15, 177, 78, 292, 268, 7-я. У Жукова в распоряжении было 8 дивизий, из которых 5 стрелковых (107, 100, 19, 120, 303-я), две механизированные (106, 103-я) и одна танковая (102-я). За 8 дней Г.К. Жуков вытолкнул немецкие пехотные дивизии из дуги, они отошли и выровняли фронт, сократив на нем численность своих войск. Отошли, если судить по карте, от силы на 15–20 км.

В результате в энциклопедии «Великая Отечественная война» дана отдельная статья, которая громко названа «Ельнинской наступательной операцией», а о боях под Сольцами и об освобождении этого города вообще статьи нет. Почему? Потому что эта победа была одержана не Е.К. Жуковым, а войсками К.Е. Ворошилова? А ведь город Сольцы по численности населения даже больше Ельни...

Еще штрих к деятельности Ворошилова. Танковый корпус Манштейна вместе с 41-м танковым корпусом составляли танковую группу Еепнера. Но задача корпусам была поставлена в расходящихся

направлениях: 41-й корпус шел на Ленинград, а 56-й на Новгород. Манштейн этот план непрерывно критиковал, он убеждал, что нужно оба танковых корпуса собрать в единый кулак и ударить по Ленинграду с тем, чтобы взять его с ходу. Наконец, он убедил в этом начальство, и ему 15 августа дали команду переводить 56-й корпус на соединение с 41-м корпусом. Он со штабом выехал по очень плохой (как он пишет) дороге и, проехав 200 км, оказался на месте. За ним двинулась 3-я мехдивизия. Но совместного удара по Ленинграду не получилось, так как уже 16 августа он получил команду ехать обратно и разворачивать обратно дивизию. А причина была в том, что войска маршала Ворошилова окружили в это время 10-й армейский корпус 16-й армии немцев, и теперь Манштейну поручили выручать эту армию.

Далее Еот продолжает:

«Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий «Север», имевшей местный характер, 15 августа принял решение: «Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий «Север» один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться». Что же послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий «Север»?

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно 10-й армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 38-й армии) и отеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий «Север», стремясь облегчить весьма тяжелое положение 10-го армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же, группа армий «Центр» была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой. Выделенный из состава 3-й танковой группы 39-й танковый корпус (12-я танковая, 18-я и 20-я моторизованные дивизии) был

использован не на месте, где решался исход операций, а направлен далеким круглым путем через Вильнюс на северное крыло группы армий «Север». Этому корпусу предстояло выполнить основное желание Гитлера: захватить Ленинградский промышленный район и изолировать «цитадель большевизма» от Москвы. Продвигаясь южнее Ленинграда на восток и преодолевая невероятные трудности, корпус достиг Тихвина. Несколько недель спустя 41-й танковый корпус, до этого успешно наступавший на Ленинград, вынужден был остановиться и отойти».

Из последней цитаты Гота следует, что действия именно Ворошилова поставили крест на плане «Барбаросса» и заставили Гитлера отменить наступление на Москву уже летом и еще раз попытаться разгромить войска Северо-Западного направления и опять — неудачно. Вопрос: кому же мы обязаны тем, что Ворошилов в нашей истории считается военной бездарностью?

Или сделайте такое сравнение. Вот два человека: Тухачевский и Кулик. Оба маршалы, а Кулик еще и Герой Советского Союза. Обоих приговорили к расстрелу. Обоих одновременно реабилитировали, причем Кулика посмертно восстановили в партии, вернули звание маршала, звание Героя, ордена. Но маршал Тухачевский объявлен военным гением, а маршал Кулик — военным идиотом. Почему?

Я не вижу ответов, кроме одного — в тот момент, когда Хрущев менял историю СССР, «линию партии» в вопросах военной истории менял «болезненно самолюбивый» министр обороны и спаситель Хрущева Г.К. Жуков.

Ведь если не объявить, что Кулик идиот, то могут возникнуть такие вопросы:

— кто определил победу 1939 г. над японцами у Халхин-Гола: комкор Жуков или командарм Кулик, тем более что по итогам боев у Халхин-Гола именно Кулика перебросили на финский фронт, а не Жукова;

— кто виноват, что блокада Ленинграда не была прорвана и погибло от голода 700 тысяч ленинградцев?

А если объявить Кулика идиотом, то эти вопросы сами собой уже не возникают.

Если объявить дураком Ворошилова, то не возникает вопросов, почему Жуков его сменил в Ленинграде и, главное, справился ли

Жуков с порученным ему делом.

А если не задвигать в тень Тимошенко, то возникнут «нехорошие» мысли по сравнению фронтовых операций под Москвой и Ростовом, под Вязьмой и Ельцом.

И до сих пор подавляющее количество историков руководствуются в вопросах военной истории линией Жуков — Хрущев. Время объективной оценки «старых» маршалов, видимо, еще не пришло.

Письменно, в мемуарах, Г.К. Жуков, к примеру, не осмелился обвинить Тимошенко в поражении наших войск под Харьковом в 1942 г. Ведь тут только стоит сравнить число резервных армий за его бездействующим фронтом с полным отсутствием резервов у наступающего Тимошенко, и все станет ясно. Но устно Жуков не стеснялся:

«Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это уже не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с Тимошенко драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены ЮгоЗападный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила» — докладывало КГБ о видении военной истории «единственным заместителем» Верховного Главнокомандующего.

О значении в начале войны того или иного военачальника можно судить по тому, насколько он интересовал немцев. Вот скажем Ф. Гальдер 19 ноября 1941 г. делает пометки к докладу Гитлеру: «Противник севернее Изюма слабый, тем не менее, находится под единым твердым руководством (Тимошенко)». И даже позже, когда в 1942 г. войска Тимошенко потерпели поражение под Харьковом и он отводил фронт к Сталинграду, немцы пытались угадать его замыслы. 6 июля 1942 г. Гальдер утром записывает: «Учитывая сообщения из-за рубежа, фюрер, видимо склоняется к той точке зрения, что Тимошенко ведет «эластичную» оборону. Я в этом пока сомневаюсь. Не имея серьезных причин, он вряд ли отдаст излучину Дона и находящийся здесь индустриальный район. Без основательной встряски он не может «эластично» оттянуть фронт с тех сильно укрепленных позиций, которые он создал перед фронтом группы армий «А». Значит, нужно еще подождать и посмотреть, как развернутся дальнейшие события».

Ждать не пришлось, фюрер оказался прав. В тот же день вечером Гальдер записал: «Дело идет о нескольких часах. Тимошенко уходит из-под удара. Бросить за ним моторизованные соединения!»

Точно так же Гальдер размышляет о предполагаемых действиях Ворошилова.

«В районе Валдайских высот Ворошилов начал переформирование частей, разбитых в боях южнее озера Ильмень. Замена моторизованных соединений, а также строительство оборонительного рубежа на Валдае заставляет предполагать, что противник готовится на этом участке занять оборону в ожидании немецкого наступления с Ловати. Исходя из русской оборонительной тактики, можно предположить, что создаваемые позиции будут приспособлены для активной обороны», — записывает он 27 августа 1941 г.

В этом выводе Гальдер не ошибся — я уже цитировал выше Гота и Манштейна — оборона под командованием Ворошилова действительно была активной.

Характеризуя действия маршала Буденного, Гальдер отметил в своем дневнике 26 июля 1941 г.:

«Противник снова нашел способы вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, — яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах».

Если бы был жив Гудериан к тому моменту, когда наши историки начали вещать о том, что Тухачевский — гений и что немцы заимствовали у него идею использования массированных подвижных соединений, — это его бы сильно позабавило. Немцы действительно заимствовали советский опыт, но не опыты кабинетного Бонапарта. На второй день войны, когда еще ничего не было понятно, Гальдер записал в дневнике:

«Фон Бок с самого начала был против совместного наступления обеих танковых групп на Смоленск и хотел нацелить группу Гота севернее. В этом случае танковые группы Гота и Гудериана оказались бы разделенными почти непроходимой полосой озер и болот, что могло бы дать противнику возможность по отдельности разбить их

обе. Эту опасность следует учитывать тем более, что именно русские впервые выдвинули идею массированных подвижных соединений (Буденный)».

Разгром советских войск, которыми командовал С.М. Буденный, Гитлер предусмотрел в плане «Барбаросса» следующим образом.

«Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает, как в политическом, так и в экономическом отношениях, решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

И с этой частью плана у Гитлера ни черта не получилось — не смогли они замкнуть окружение у Киева, и румыны не помогли. Не смогли немцы занять Донецкий бассейн и двинуться к Москве. Наоборот, Гитлеру пришлось отказаться от «Барбаросса» (это вам не Франция!) и начать импровизации — снять танковую группу Гудериана с московского направления и бросить на юг. И это советским командованием было предусмотрено: планировалось зажать Гудериана между двумя фронтами и уничтожить, но, как я уже писал, помешало господство немцев в воздухе.

Фактически план «Барбаросса» получился у немцев только на Западном фронте предателя Павлова.

Сорвало немцам план «Барбаросса» мужество и стойкость советских войск, но разве справедливо забыть, кто ими тогда командовал?

Еще момент. Наиболее точную оценку профессионалу дают не праздные зеваки, считающие себя специалистами, а потребитель труда профессионала и заказчик работы профессионала. Потребителями труда советских полководцев были немецкие генералы — чем чувствительнее их били советские полководцы, тем у немецких генералов чаще появлялся повод выяснять, кто их бьет, и чаще появлялся повод вспоминать о них. Только немцы составляли абсолютно точный рейтинг полководцев РККА.

Напомню, в дневниках Гальдера есть упоминания о Сталине, Ворошилове, Буденном, Тимошенко. Но нет ни слова о Жукове. Он немцам был не интересен. Могут сказать, что немцы просто не знали его фамилию. Во-первых, он полгода был начальником Генштаба, так что не знать они его не могли. Во-вторых, фамилию генерал-майора Белова они ведь узнали, он доставлял им неприятности! А какие неприятности доставил немцам в 1941–1942 годах Жуков, чтобы у них был повод упоминать его фамилию?

Да и позже немцы, если и упоминали Жукова, когда этому генерал-адъютанту доверяли командовать фронтами, то в таком контексте, что лучше не надо. Вот, скажем, П. Карелл в отдельной главе описывает в своем труде, как благодаря Жукову, командовавшему 1-м Украинским фронтом взамен умершего от ран Ватутина, советским войскам весной 1944 года не удалось уничтожить 1-ю танковую армию немцев, на которой уже и сами немцы чуть было не поставили крест. Карелл заканчивает эту главу так: «Для русских исход этой великой битвы между Днепром и Серетом оказался горьким разочарованием. Наступление Жукова, такое многообещающее вначале, захлебнулось. Несмотря на огромное превосходство в силах, советский маршал не только не достиг своей цели, но и понес тяжелые потери во время финальной фазы сражения.

Он просчитался, был слишком уверен в победе и недооценил все еще значительную мощь и военное мастерство немцев. И получил урок».

Что касается уроков, то мне кажется, что Жукову они были что в лоб, что по лбу. Вот, к примеру, генерал Горбатов описывает попытку немцев 1 марта 1944 года провести ночную атаку с ослеплением советских войск фарами танков.

«Вечером враг произвел особо сильную артподготовку. Огонь сосредоточивался на плацдарме по нашим первой и второй траншеям. Спустя полчаса противник перенес огонь на переправы, не допуская подхода наших резервов, и пошел в наступление пехотой. Потом заревели и двинулись танки. Не обогнав еще своей пехоты, танки включили фары, и на фоне их света были видны густые цепи наступающих. Со своего НП — с вышки, установленной на берегу реки, я по свету фар насчитал пятьдесят танков и на этом прекратил счет. Мы наблюдали частые вспышки выстрелов наших орудий прямой наводки, слышали сплошной треск стрелкового оружия и грохот орудийной стрельбы. Море огненных всплесков переливалось над полем, где наступал противник, над плацдармом и мостами — это рвались тысячи снарядов. С тревогой вслушивались и вглядывались мы в картину ночного боя. Выдержат ли защитники плацдарма такое суровое испытание?

Немецкие танки, обогнав свою пехоту, выключили свет, и наступающих цепей не стало видно. Я пожалел об этом, считал, что огонь нашего стрелкового оружия будет не столь метким и станет слабее; но треск выстрелов из винтовок, автоматов и пулеметов не слабел, а стрельба из орудий прямой наводки все нарастала.

Вдруг фары снова зажглись почти одновременно на всем участке, но это уже были отдельные и короткие вспышки света, притом в сторону противника, и в эти мгновения была снова видна его пехота, но уже отступающая. На НП раздались восклицания: «Танки повернули назад!», «Атака отбита!» Немного позднее было получено донесение с плацдарма, подтверждающее, что атака гитлеровцев всюду отражена.

От имени Военного совета армии всем защитникам плацдарма и артиллеристам, стрелявшим с левого берега, я объявил благодарность и в то же время предупредил их, чтобы готовились к отражению повторных атак.

Через два часа противник перешел снова в яростное наступление, но уже с меньшим количеством танков. Наши герои, воодушевленные предыдущим успехом, отбивали эту атаку с еще большим мужеством, и она, а также последовавшая за ней в эту ночь третья, четвертая и пятая атаки захлебнулись. Чуть забрезжил рассвет, многие тысячи глаз начали всматриваться в лежащую впереди местность. Первыми

показались силуэты шестнадцати подбитых танков и самоходок, некоторые из них еще дымились. А когда стало совсем светло, мы увидели поле, усеянное трупами фашистов».

Ну и что — этот урок как-то повлиял на решение Жукова при атаке Зееловских высот осветить советских пехотинцев зенитными прожекторами?

Теперь о рейтинге заказчика.

Сталин, исключая нескольких старых товарищей по партии, всех называл только по фамилии с прибавлением слова «товарищи».

К концу войны только Рокоссовский удостоился единственной в своем роде награды — его Сталин начал величать Константином Константиновичем.

Генералы поля боя

Наши титаны военной мысли из Академии военных наук дали рейтинг и командующих армиями. Он таков:

1. В.И. Чуйков	11. А.А. Лучинский
2. П.И. Батов	12. И.И. Людников
3. А.П. Белобородов	13. К.Н. Галицкий
4. А.А. Гречко	14. В.В. Глаголев
5. Н.И. Крылов	15. В.Я. Колпакчи
6. К.С. Москаленко	16. И.А. Плиев
7. Н.П. Пухов	17. И.И. Федюнинский
8. И.М. Чистяков	18. П.А. Белов
9. А.В. Горбатов	19. М.С. Шумилов
10. В.И. Кузнецов	20. Н.Э. Берзарин

Вопрос с командармами сложен потому, что на уровне армий уже нет усреднения войск противника и своих войск. Генералам могли просто попадать участки фронта с очень сильными немецкими войсками, а их собственных сил могло действительно не хватать. Тем не менее, и этот рейтинг вызывает недоумение. Скажем, в связи с чем И.А. Плиев, который в ходе войны с немцами никогда не командовал армией, вдруг стал лучшим командующим армией, чем, скажем, М.С. Шумилов, командарм с 1942 года и до конца войны, под командованием которого 64-я армия стала 7-й гвардейской? Эти наши академические генералы как выдадут что-нибудь гениальное, так и не знаешь, что и подумать...

Давайте обратимся к потребителям генеральского труда — к немцам. А в дневнике Гальдера, который тот писал до конца сентября 1942 года, упоминается только один полевой генерал Красной Армии — генерал-майор П.А. Белов. В немецком рейтинге он вообще без конкурентов и упоминается Гальдером 11 раз! Сначала без фамилии

упоминается его кавалерийский корпус, а потом этот же корпус получает его фамилию — «корпус Белова», и немцы его отслеживают, на каком бы фронте он ни появлялся. А как Гальдер о нем пишет! К примеру: «11 июня 1942 года... Ликвидация противника в тылу 4-й армии проходит успешно. К сожалению, основные силы кавкорпуса Белова и 4-й авиадесантной бригады уходят на юг... 15 июня... На фронте группы армий «Центр» войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести!..17 июня... Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлек на себя в общем 7 немецких дивизий».

По полному штату, которого у Белова от начала войны никогда не было, кавалерийский корпус имел до 19 тысяч человек, а немецкая дивизия — 16 тысяч. То есть Белов дрался с противником, шестикратно превосходящим его в силах. Такой оценки, как П.А. Белову, Гальдер не дает не только ни одному генералу войск противника (а ведь уже были разбиты поляки и французы, в Африке немцы загоняли англичан в Египет), но и ни одному немецкому командиру корпуса или дивизии. Получается, что по немецкому рейтингу П.А. Белов — лучший полевой генерал Второй мировой войны, по меньше мере ее первой половины. С лета 1942 года и до конца войны он командующий 61-й армией, с 1944 года — Герой Советского Союза.

Но вот странное дело. В энциклопедии «Великая Отечественная война» статья о нем, конечно, есть, но вот статьи о его 1-м гвардейском кавалерийском корпусе — нет. О 1-м гвардейском мехкорпусе есть, о 1-м гвардейском танковом корпусе — есть, о 1-й гвардейской артиллерийской дивизии — есть, о 1-м штурмовом авиакорпусе — есть, о 1-й моторизованной инженерной бригаде — есть, о 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии — есть, а о кавкорпусе Белова — нет.

И еще факт, который можно считать анекдотом. К дневникам Гальдера дан научный аппарат, в том числе и именной указатель, о каком человеке Гальдер вспоминает в дневниках и сколько раз. Фамилия Белова появляется у Гальдера во 2-й книге 2-го тома, и, вот странность, фамилии Белова в именном указателе нет. Случайно опустили при подготовке книги к печати? Не похоже. Дело в том, что Гальдер упоминает еще одного Белова — майора, а потом

подполковника фон Белова из оперативного отдела Генштаба сухопутных войск Германии. Так вот, в 1-й книге 2-го тома — там, где пишется только о кавкорпусе Белова без упоминания фамилии командира, в именном указателе есть фон Белов, а во 2-й книге уже нет ни П.А. Белова, ни фон Белова — убрали обоих, чтобы не возникало вопросов, почему майор фон Белов есть, а генерал-майора П.А. Белова нет. О чем это говорит? Только о том, что кому-то не понравилось, что Гальдер о величайшем полководце Жукове ни разу не вспоминает, а о каком-то Белове вспоминает неоднократно.

Вот такие штрихи и показывают, что серая генеральская масса как до войны задвигала талантливых полководцев в тень, так и после войны тут же начала это делать любыми путями. И таких штрихов много, поскольку боевые генералы были боевыми только на фронте, а не в кабинетах военного ведомства.

Благодарность без благоволения

Мне уже приходилось писать, что большевики в области военных наград устроили страшную путаницу, которую со временем все усугубляли и усугубляли. Главной и практически единственной военной наградой стали считаться советские ордена, которые по сути являются военными медалями, но это все же полбеда. Хуже, что наградное дело захлебнулось в бюрократическом маразме и количество «орденоносцев», не совершавших никаких подвигов, но награжденных боевыми орденами, столь возросло, что само по себе наличие орденов уже перестало о чем-либо говорить, вернее, стало подтверждением того, что данный орденосец скорее всего умеет ублажить начальство, нежели подтверждением совершенного им подвига. У «видных военачальников» количество официально боевых орденов, врученных к юбилеям и за «выслугу летов», стало превышать количество наград, полученных в войнах. Да и в Великую Отечественную войну, как это подробно показал в «Отцах-командирах» А.З. Лебединцев, ордена и звание Героя Советского Союза элементарно получали и трусы, и негодяи, а заслуженные воины не получали ничего.

Раньше, когда разрешалось только клеветать на Сталина, но о негодях и преступниках — офицерах и генералах нельзя было ничего писать, это не было заметно, но сегодня, когда ветераны могут писать без опеки ГлавПура, практически нет воспоминаний, в которых бы они не высказывали обиды за несправедливость в награждениях. Вот, к примеру, летчик-разведчик, а потом летчик-штурмовик Я.И. Борейко, о котором в конце войны вывешивались плакаты «Летчики! Бомбите и стреляйте так, как гвардии капитан Борейко», пишет: «И вот, на одном из таких ветеранских мероприятий я встретил бывшего командира 98-го отдельно корректировочно-разведывательного авиаполка Ивана Сергеевича Тищенко. Скажу откровенно, радости от этой встречи не было, разговор не складывался, подавляла какая-то неприязнь к нему. Если вспомнить прошлое, то все это объяснимо.

Он не пользовался авторитетом среди летного состава полка потому, что почти не летал на боевые задания, а, значит, не был

примером для подчиненных, не мог сказать, делай, как я, или научить чему-нибудь хорошему, очень редко появлялся в коллективе летного состава, за исключением случаев, когда решались вопросы служебных взаимоотношений, в моральном плане тоже не мог быть примером, так как, будучи семейным человеком, нашел себе гражданскую сожительницу, устроил ее машинисткой в штабе и возил за собой до окончания войны. Достойный пример командира-воспитателя!?

Поразило еще одно — у Ивана Сергеевича оказалась полная грудь (семь или восемь) боевых орденов, среди которых орден Ленина и три ордена Красного Знамени. В откровенных беседах я убедился, что все, кроме бывших приближенных подхалимов, были такого же мнения и агрессивно настроены против него. Их можно понять, скажем, командир звена Котов Петр Михайлович начал войну под Москвой, закончил в Берлине, выполнил более 70 боевых вылетов на корректирование артогня, был удостоен только орденов Красного Знамени и Красной Звезды».

Хочу напомнить, что в царской России, да и в странах, в которых после революций прошло достаточно времени и наградное дело усовершенствовалось, ордена как военные награды не всегда имели и имеют главное значение. В царской России, к примеру, они по своему значению занимали всего лишь третье место. Справочная книжка офицера русской армии поясняла: «Награды суть: ВЫСОЧАЙШИЕ благодарность и благоволение, чины, ордена, аренды, земли, подарки, единовременные денежные выдачи, перевод в гвардию, золотое оружие». Да, в общем, нетрудно и догадаться, что если император тебе благодарен и тебе благоволит, то у него (верховного вождя армии, магистра всех орденов России и хозяина земли Русской) достаточно просто будет получить хоть чин, хоть кавалерию в Ордене, хоть землю, хоть что угодно. И во французской армии благодарность военного вождя также имела значение более высокое, нежели знак отличия на грудь, вернее, эта благодарность автоматически вела к получению такого знака, причем, некоторые из них вообще невозможно было получить иначе, как после официальной благодарности командующего. Скажем, сугубо боевая награда «Круа де гер» — Военный крест «вручался военным служащим всех званий и гражданам Франции, удостоенным персонального упоминания в приказе».

Что интересно — во время войны в СССР также была введена эта самая высокая военная награда — персональное упоминание в приказе Верховного Главнокомандующего, а с начала 1943 года по конец войны с Японией Сталин подписал 375 только специальных благодарственных приказов войскам, в которых персонально благодарил генералов и офицеров, отличившихся при проведении боевых операций. И вот парадокс: эта самая высокая награда из тех, какие можно придумать, но на сегодня она за награду не считается, да и во время войны, похоже, мало кем ценилась. А ведь ценность этой награды уникальна. Давайте сравним.

Полководческие и офицерские ордена — Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Ушакова и Нахимова — вручались за войну более 66 тысяч раз, 7440 офицерам и генералам присваивалось звание героя Советского Союза, а персонально упоминались в приказах Сталина менее 4 тысяч офицеров и генералов. Но ни общество, ни историки не обращают на этих героев никакого внимания!

И это не все. Если внимательнее присмотреться к награде, то приходишь к выводу, что по своей объективности она несомненно превосходит ордена, т. е. Сталин благодарил (хотя и не зная их лично) наиболее храбрых и толковых военачальников. Объективность этой награды основана вот на чем.

Ордена в годы войны несли материальные блага — небольшую, но пожизненную пенсию, бесплатный проезд на поезде один раз в год в любой конец СССР туда и обратно. Они сверкали на груди, они были материальным воплощением славы, за них шли на подлость, их выпрашивали, их добывали махинациями, и посему в числе награжденных орденами масса тех, кто их не заслужил. А приказы Верховного абсолютно никаких благ не несли, а посему для негодеев были безразличны. По этой причине фронтовые штабы и Военные советы, готовя в Москву списки тех частей и соединений, которые отличились в операции, за которую Сталин собрался благодарить, могли совершенно объективно отобрать в эти списки не алчущих наград, а тех, кто этого действительно заслужил.

Вот А.З. Лебединцев в «Отцах-командирах» сетует, что их 38-я стрелковая дивизия вела бои за окраины города Сумы и первой вошла в этот город, а звание «Сумских» получили 176 сд, 232 сд и 340 сд,

которые город просто прошли маршем. Но он сам же и пишет, что немцы сами ушли из Сум, а 38 сд вела бой крайне пассивно, за что ее командир был снят с должности. И немцы все же оставили Сумы только потому, что остальные дивизии были активны — начали обходить город, и немцы бросили его, боясь окружения. То есть, Военный совет фронта очень точно определил, кого благодарить за Сумы, и Сталин поблагодарил в приказе от 2 сентября 1943 года командира 50 ск генерал-майора **Мартиросяна** Саркиса Согомоновича, командира 51 ск генерал-майора **Авдеенко** Петра Петровича, командиров: 340 сд полковника **Зубарева** Иосифа Егоровича, 167 сд генерал-майора **Мельникова** Ивана Ивановича, 232 генерал-майора **Улитина** Ивана Ильича. А командир 47 ск, в который входила 38 сд, генерал-майор Меркулов Серафим Петрович вообще в приказе не упомянут, как и весь 47-й стрелковый корпус, хотя его соединения первыми вошли в город Сумы.

В подтверждение объективности говорит и такой факт. Если бы в благодарственные приказы Сталина записывать все войска, находившиеся в районе проведения операции, то тогда все бы генералы и офицеры имели примерно равное число благодарностей Верховного. Но из почти 4 тысяч удостоенных благодарности едва ли 8 % (по моим подсчетам около 250 человек) Сталин благодарил от 8 до 25 раз, а остальная масса заслуживала в основном 1–2 благодарности. Это, конечно, тоже очень много, но эти 250 человек — даже не элита, это боевая аристократия Красной Армии, это практически равно чуть ли не званию дважды Еероя Советского Союза, поскольку дважды Героев среди офицеров и генералов было 115 человек.

Если руководствоваться критерием благодарностей от Верховного Главнокомандующего и говорить только о командирах частей и соединений, то лучшим командиром РККА был Иван Федорович **Дремов** (Дремов). Первый раз Верховный благодарил командира 47-й мехбригабы подполковника Дремова И.Ф. в январе 1943 года за активные действия по освобождению Великих Лук, затем в сентябре 1943 года благодарил командира подвижной мехгруппы полковника Дремова И.Ф. за освобождение Духовщины и Лиозно, затем благодарил командира 8-го гвардейского мехкорпуса генерал-майора Дремова И.Ф. за освобождение городов: Городенка, Бучач, Чертков, Тереховля, Сокаль, Рудки, Надворная, Коньчинцы, Коломыя,

Залещики, Бялгород, Едлиньск, Карлино, Коло, Лодзь, Вейхерово, Познань, Свидвин, Ярослав, за взятие городов Кепеник и Берлин. Всего Иван Федорович Дремов персонально упоминался в приказах Верховного 25 раз.

Далее я для краткости буду называть должность и звание командира на конец войны и давать число упоминаний о нем в приказах Верховного Главнокомандующего.

2. Командир 32-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант **Жеребин** Дмитрий Сергеевич — 24 раза.

3. Командир 108-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант **Поленов** Виталий Сергеевич — 23 раза.

4. Командир 50-го бомбардировочного авиакорпуса генерал-майор **Борисенко** Михаил Харлампиевич — 21 раз.

5. Командир 9-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор **Веденеев** Николай Денисович — 20 раз.

6. Командир 11-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант **Гетман** Андрей Лаврентьевич — 20 раз.

7. Командир 288-й истребительной авиадивизии полковник **Смирнов** Борис Александрович — 19 раз.

8. Командир 73-го стрелкового корпуса генерал-майор **Мартиросян** Саркис Согомонович — 19 раз.

9. Командир 3-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант **Панфилов** Алексей Павлович — 18 раз.

10. Командир 240-й истребительно-авиационной дивизии генерал-майор **Зимин** Георгий Васильевич — 18 раз.

11. Командир 6-й гвардейской бомбардировочной авиадивизии полковник **Чучев** Григорий Алексеевич — 18 раз.

12. Командир 9-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант **Волков** Михаил Васильевич — 17 раз.

13. Командир 5-го штурмового авиакорпуса генерал-майор **Каманин** Николай Петрович — 17 раз.

14. Командир 6-го гвардейского истребительного авиакорпуса генерал-лейтенант **Утин** Александр Васильевич — 17 раз.

15. Командир 208-й ночной ближнебомбардировочной дивизии полковник **Юзеев** Леонид Николаевич — 17 раз.

16. Командир 189-й штурмовой авиадивизии генерал-майор **Белицкий** Геннадий Иванович — 16 раз.

17. Командир 1-й гвардейской бомбардировочной авиадивизии полковник **Дробыш** Дмитрий Тихонович — 16 раз.

18. Командир 1-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант **Панов** Михаил Федорович — 16 раз.

19. Командир 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор **Перхорович** Франц Иосифович — 16 раз.

20. Командир 1-й гвардейской конно-механизированной группы генерал-лейтенант **Плиев** Исса Александрович — 16 раз.

21. Командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса генерал-майор **Полбин** Иван Семенович — 16 раз.

22. Командир 1-го смешанного авиакорпуса **Шевченко** Владимир Илларионович — 16 раз.

23. Командир 20-й гвардейской мехбригады полковник **Бабаджян** Амазасп Хачатурович — 15 раз.

24. Командир 3-го штурмового авиакорпуса генерал-майор **Горлаченко** Михаил Иосифович — 15 раз.

25. Командир 30-го стрелкового корпуса генерал-майор **Лазько** Григорий Семенович — 15 раз.

26. Командир 3-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса генерал-майор **Нестерцев** Виктор Ефимович — 15 раз.

27. Командир 3-го гвардейского мехкорпуса генерал-лейтенант **Обухов** Виктор Тимофеевич — 15 раз.

28. Командир 4-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант **Полубояров** Павел Павлович — 15 раз.

29. Командир 116-го стрелкового корпуса генерал-майор **Фетисов** Федор Кузьмич — 15 раз.

Должен отметить, что число благодарностей Верховного Главнокомандующего лучше, чем что-либо еще, характеризует боевую активность советских командиров, но сравнивать их между собой по этим числам не стоит — у многих число благодарностей могло быть невелико по само собой понятным причинам.

Командир 130-й танковой бригады полковник **Пушкин** Ефим Григорьевич отмечен в приказе Сталина еще в январе 1942 года за освобождение Барвенково, через год, уже генерал-лейтенант Пушкин, командир 23-го танкового корпуса, к сентябрю 1943 года упомянут в приказах Верховного 10 раз, но принимает смерть в бою за Днепропетровск осенью того же года.

А трижды Герой Советского Союза **Покрышкин** Александр Иванович, командир 9-й гвардейской истребительной авиадивизии, упомянут в приказах всего трижды, поскольку войну начал рядовым летчиком и в командование дивизией вступил только в 1944 году.

И, повторю, упоминание о себе в приказе надо было заслужить каким-то конкретным боевым действием. Вот, к примеру, благодарность за успешно проведенную Киевскую операцию осенью 1943 года Сталин вынес 111 генералам и офицерам, в числе которых было: генерал-лейтенантов — 2, генерал-майоров — 20, полковников — 43, подполковников — 26, майоров — 16 и капитанов — 4. Согласитесь, что в этой компании генералов и полковников что-то же исключительное должны были совершить капитаны, чтобы их заметили и включили в приказ. Кстати, отличившийся в Киевской операции командир 182-го отдельного механизированного инженерного батальона капитан **Жеребной** Николай Алексеевич через четыре месяца уже в звании майора отличается в Проскуровско-Черновицкой операции.

А вот товарищ Александра Захаровича Лебединцева Николай Павлович **Петров**, получив за четыре месяца 8 благодарностей Верховного, как был, так и остался подполковником на полковничьей должности командира 1-й гвардейской мотострелковой бригады.

Так что благодарности Верховного его благоволения с собой не несли, и было бы нелишне после войны учредить хотя бы нагрудный знак, отмечающий тех командиров, кто своей энергией добился Победы. И хотя по сравнению с орденами этих знаков требовалось очень немного, но и об этом как-то быстро забыли. Почему?

В приказах не упоминались командующие армиями, фронтом, и получилось бы, что у младших по званию командиров есть какие-то награды, которых у старших нет и которые к юбилею не получишь. Глядишь, по этой причине младшие могли бы подсесть в должностях старших. Не в этом ли причина того, что эта награда осталась без благоволения?

Генералы Серпилины

Те настоящие полководцы РККА, которые не трусили, которые не бросали своих солдат, к сожалению, и гибли больше трусов. И после войны их осталось гораздо меньше, и высоких должностей в послевоенной армии они тоже занимали мало, мало блистали в прессе, и в результате серая генеральская масса упорно задвигала их на второй план, делая их неинтересными для общества. В советское время очень популярным был роман К. Симонова «Живые и мертвые», в котором автор вывел образ генерала Серпилина, храброго полководца, берегущего своих солдат. Но это литературный герой, да еще и конъюнктурная «жертва сталинизма». А насколько известны и почитаемы были не сам Симонов со своим Серпилиным, а реальные советские генералы, не бросавшие своих солдат? Хотя бы вот эти, которых Сталин в своем приказе № 270 поставил в пример всей Красной Армии?

«Комиссар 8 мехкорпуса — бригадный комиссар Попель и командир 406 сд полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек.

В упорных боях с немцами группа Новикова — Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага».

А эти офицеры, Попель и Новиков, между прочим, ни тогда, ни после даже награждены за это не были. Более того, в энциклопедии «Великая Отечественная война» статьи о генерал-лейтенанте Н.К. Попеле нет, зато есть статья о сбежавшем из Севастополя в 1942 году члене Военного совета Черноморского флота вице-адмирале Н.М. Кулакове.

А кто слышал не о литературном Серпилине, а о реальном В.Я. Тишинском? В конце июня 1941 года кавалерист полковник Тишинский приехал в составе инспекционной группы проверять 237-ю стрелковую дивизию, а 17 июля вынужден был ее возглавить в момент нанесения советскими войсками контрудара под Сольцами. В ходе этого контрудара, напомним, потерпел тяжелое поражение немецкий 56-й танковый корпус, которым, кстати, тогда командовал Манштейн.

Так вот, после этого 237-я дивизия была передана в состав 48-й армии, а 12 августа она, вместе с несколькими другими дивизиями попала в окружение. Пережил войну начальник политотдела этой дивизии Ф.Я. Овечкин, который рассказал.

«...Израсходовав боеприпасы, то есть снаряды, мины, командование 237-й стрелковой дивизии отправило автомашины, автобусы, орудия, тяжелые минометы в тыл, направление — Ленинград. Колонна была выведена на дороги, связывающие с Ленинградом — шоссе Москва — Ленинград. Вышла вся артиллерия 237-й стрелковой дивизии, выведен весь автопарк, автобусы медсанбата и более двух тысяч раненых. По неточным данным — около трех тысяч человек.

14 августа на КП 70-й ордена Ленина стрелковой дивизии произошло совещание командиров, комиссаров, начальников политотделов и начальников штабов дивизий (70-й и 237-й) по вопросу согласованных действий в создавшейся обстановке (полуокружение противником, захват проходных дорог и отсутствие горючего, боеприпасов, продовольствия). На совещании было единогласно предложено командиру 70-й дивизии генерал-майору Федюнину принять на себя командование как старшему по званию и более длительное время находящемуся на должности командира дивизии. Тов. Галстяну — военкому 70-й стрелковой дивизии — принять обязанности военкома этого отряда из двух дивизий. 1-я горно-стрелковая бригада еще 12 августа оставила свои позиции и ушла на восток, открыв левый фланг 70-й дивизии. Кстати, немцы не воспользовались этим до 18 августа.

Генерал Федюнин и полковой комиссар Галстян от предложений, сделанных им, отказались! Генерал Федюнин сообщил свое решение: «Дивизия будет выходить 16 августа с наступлением темноты, дабы не дать возможность противнику обнаружить отход. Выводить дивизию двумя путями, но какими, не указал! Он также предложил, чтоб выход с занимаемых позиций каждая дивизия, каждый полк производили самостоятельно, без всяких согласований действий».

Командир 237-й дивизии Тишинский и военком Давидович с таким решением не согласились, заявив, что выводить дивизию будут организовано и всю вместе. Дивизия должна держаться «в кулаке». Никаких партизанских действий допущено не будет. Начподив

Овечкин и начальник штаба Тимофеев поддержали их решение и приступили к реализации этого плана. Было отдано следующее распоряжение:

«1. Полки оставляют занимаемые позиции ровно в десять часов вечера и ни минутой раньше — позже.

2. Команды о снятии с позиций производятся тихо, почти шепотом. Никаких звуков, звона котелков, оружия и др. не допускается.

3. Огни на занимаемых позициях остаются теми же, что и были. Режим артиллерийского, пулеметного, ружейного огня остается тем же, что и был.

4. Для сохранения огня оставить от каждого батальона по отделению, которые с наступлением рассвета покидают позиции и уходят вслед за батальоном.

5. Для наблюдения за установленным порядком оставить политических работников.

6. Штаб дивизии и политотдел, прокуратура, особый отдел и трибунал следуют вместе со штабом 838-го стрелкового полка. Справа следует 841-й, слева 835-й полки. На 835-й стрелковый полк возложена задача охранять полки дивизии и штаб от возможного нападения противника слева, подбирая по пути бегущих красноармейцев 1-й дивизии народного ополчения».

Утром 17-го августа части дивизии, как всегда по заданному противником режиму, в 9 часов слышали сильную артиллерийскую стрельбу и вскоре усиленную авиационную обработку района, занимаемого нами накануне и покинутого вечером. Около 10 утра в воздухе появились немецкие разведывательные двухфюзеляжные самолеты («Дорнье-комета»), прозванные красноармейцами «рамами». Они летали на низкой высоте, рассматривая возможное укрытие отошедших частей дивизии.

К исходу дня 18 августа немецкой разведке удалось обнаружить пути отхода частей дивизии. Началось преследование, в первую очередь, авиабомбежкой и артобстрелом. В районе деревни Люболяды отходили части 835-го стрелкового полка и штаб дивизии (в ходе движения штаб переместился из 838-го стрелкового полка в 835 сп).

19 августа в районе деревни Люболяды 8-й батальон, прикрывающий отход полка и штаба дивизии, вступил в бой с

преследовавшими подразделениями 196-й пехотной дивизии немцев. Завязался бой. При артобстреле немецкой артиллерии был убит командир дивизии полковник Тишинский и несколько красноармейцев. Похоронив погибших на окраине деревни, на лесной опушке, батальон переправился через реку Лугу и пошел вслед за основными силами дивизии». [Конец цитаты.]

Интересно, но то, что советская дивизия, попав в окружение, не потеряла управление и не распалась, а в полном составе пробилась к своим, было удивительно, прежде всего, для советского командования, в частности, для командующего 46-й армией генерала Антонюка. Ф.Я. Овечкин в своих воспоминаниях приводит разговор, состоявшийся в его присутствии в начале сентября 1941 г. в Ленинграде между К. Е. Ворошиловым и генералом Антонюком:

«Ворошилов. Где 70-я и 237-я дивизии?

Антонюк. Они окружены в районе Медведя, Люболяды и уничтожены полностью.

Ворошилов. Комиссар, скажите, где эти дивизии?

Овечкин. Занимают позиции — Высота Федоровская, Антроповщина, Контокопщина, станция Александровская под Пушкином.

Антонюк. Лжете, товарищ комиссар!

Овечкин. Это Вы, генерал, лжете своими донесениями и рассказом. Дивизии целы и воюют. Правда, за время боев имеют большие потери, но сохранили свои полки, роты, знамена».

Ну и что, скажете вы, мало ли было в ту войну никому не известных погибших полковников? Их тогда никто не знал, и сегодня они никому не нужны на фоне таких выдающихся героев, как маршал Жуков или адмирал Кузнецов. Но дело в том, что тогда, в 1941 году, полковник Тишинский был достаточно известен, и вот почему. Он отметил свое вступление в должность боем, о котором сразу же заговорили.

«Все началось с задержки по времени выполнения приказа командующего армией, по которому дивизия отводилась на несколько километров назад для занятия более выгодных рубежей, т. к. занимаемые позиции давали возможность противнику отрезать ее от своих тылов, от армейских соединений и оказаться в окружении. Распоряжение на отвод частей еще не было разработано, как

поступили данные от разведчиков 835-го стрелкового полка. Командир разведроты Савельев доложил, что доставлен пленный, который показал о прибытии на участок, находящийся против 237-й дивизии, новой, свежей немецкой дивизии «Мертвая голова». Она имеет задачу в ближайшие сутки сменить потрепанные части 3-й моторизованной дивизии.

Вслед за этим сообщением командир 691-го арtpолка Кузнецов доложил, что разведчики полка во главе с Корниенко захватили оберлейтенанта, ефрейтора и важные документы. Изучение штабных документов, приказа командира дивизии СС «Мертвая голова» показало, что дивизия до деревни Ванец будет следовать походным порядком в автомашинах. Остановочный пункт деревня Ванец будет последней, откуда полки этой дивизии развертываются для занятия боевого порядка, севернее деревни. Из документов явствовало, что дивизия будет следовать по территории, занятой 237-й стрелковой дивизией, следовательно, представляется возможность встретить ее колонны на марше, не дать ей развернуться и разгромить. В соответствии с этим решением и был построен боевой порядок полков, что давало возможность полностью уничтожить боевую технику: танки, бронемашины, автотранспорт и захватить артиллерийско-минометное и стрелковое оружие, а также документацию штабов.

Перекрытие дороги в тылу двигающейся немецкой дивизии исключало возможность отступления или бегства солдат и офицеров. Таким образом, готовился «мешок» без возможности выйти из него. Артиллерийские средства были рассредоточены вдоль дороги для уничтожения танков и бронемашин.

Бой, начавшийся в 12 часов 15–20 минут, закончился примерно через час полным уничтожением фашистских солдат и офицеров, танков, бронемашин и другой техники. По подсчетам, на дороге, по которой следовала дивизия СС «Мертвая голова», оказалось более тридцати подбитых танков, свыше двух десятков бронемашин, около двухсот автомашин, более 80 мотоциклов с колясками, свыше полсотни орудий, 45 минометов, 119 пулеметов. Сожжены и подорваны автомашины со снарядами, бензином, продовольствием. На дорогах лежали убитые, покалеченные фашистские солдаты и офицеры, которых насчитали тысячи. Среди убитых найден начальник

штаба дивизии, но труп командира дивизии не обнаружено. Командиры двух полков оказались в числе убитых.

Сообщение о разгроме дивизии наше армейское руководство встретило с недоверием. Командующий армией выразился просто: «Не врите! Одна дивизия не может уничтожить дивизию противника, да еще немецкую». И приказал убитых не хоронить до приезда специальной комиссии, которая прибыла к исходу дня. Приехала также комиссия из штаба Северо-Западного фронта для того, чтобы удостовериться в правильности сообщений о разгроме «Мертвой головы».

Между прочим, дивизия СС «Мертвая голова» шла на выручку 56-му танковому корпусу Манштейна, и тот в своих мемуарах, описывая события под Сольцами, косвенно подтверждает этот неудачный для эсэсовцев бой вот такой тирадой в адрес СС.

«Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС «Тотенкопф», наступавшая на Себеж. Но здесь сказалась слабость, присущая неизбежно войскам, командному составу которых не хватает основательной подготовки и опыта.

...Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили в свою очередь к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои. Ибо нет ничего труднее, как научиться пользоваться моментом, когда ослабление силы сопротивления противника дает наступающему наилучший шанс на решающий успех. В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возраставших потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два.

Как бы храбро ни сражались всегда дивизии войск СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигали, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое могло бы в армии занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя было примириться. Пролитая ими кровь ни в коей мере не окупалась достигнутыми успехами».

Об этом успехе полковника В.Я. Тишинского сообщило ТАСС, о нем дали статьи «Правда» и «Красная Звезда». Но что толку? Тишинский был убит и немедленно забыт, поскольку славить наша интеллигенция привыкла только тех, за кого можно что-то получить. А что получишь даже не за «жертву сталинизма», а всего лишь за комдива, честно исполнявшего свой солдатский долг, не бросившего вверенных ему людей и убитого в бою в батальоне, прикрывавшем выход его дивизии из окружения? Как это воспримут генералы, сегодня восседающие в начальственных креслах, а в той войне бросавшие своих солдат во имя спасения своей шкуры?

В качестве апофеоза презрения к героям, я бы привел выпускающийся в Калуге под общей редакцией «заслуженного» деятеля наук РФ, доктора и профессора С.Л. Савина сборник «Армия и политика». В 6-м томе дан справочный материал по потерям генералов Красной Армии в 1941 году. Генералы представлены пофамильно, но только в трех списках — «Перечень лиц высшего комначсостава, репрессированных в 1941 году», «Перечень лиц высшего комначсостава, пропавших без вести в 1941 году» и «Перечень лиц высшего комначсостава, попавших в плен в 1941 году и погибших в плену». То есть о предателях, подонках и трусах наша «наука» память сохраняет, но перечня генералов, погибших в боях за Родину, в справочном материале нет! Российской интеллигенции и науке они не интересны. Им интересны подонки, которых презирали даже немцы.

Г. Пикер, секретарь Гитлера, опубликовал записи его застольных разговоров и, в частности, отмечая в 1942 году наличие у фюрера чувства юмора, приводит такой пример:

«Аналогичной была реакция Гитлера, когда ему доложили, что некий русский пленный в течение года водил грузовик в непосредственной близости от нашей линии фронта честно и надежно, доставляя боеприпасы на позиции, а затем заявил, что он генерал, предъявил соответствующие документы и попросил повысить его в должности. И Гитлер — под одобрительный смех всех присутствующих — принял следующее решение: «Поручите ему возглавить целую колонну грузовиков».

При этом не только Гитлер, но и Пикер побрезговали узнавать фамилию этого полководца РККА, а профессор Савин, как вы видели, пусть и в общем списке, но требует его помнить.

Часть 6. Обслуживающие и пишущие

О поисках истины

Надо сказать, что хотя я и увлекаюсь историей, но никогда не стремился и не хотел становиться ни историком, ни публицистом. Меня моя работа инженера, а затем заводского руководителя устраивала более чем, и ничего другого мне не требовалось. Правда, историческими исследованиями и публицистикой я занялся, когда работал еще на заводе, но это было не более чем увлечение. Одни увлекаются собиранием марок, вторые увлекаются охотой, третьи бегают по бабам, четвертые увлекаются водкой, ну и чем мое увлечение было хуже прочих? Нет, с завода я уходить никогда не собирался, и когда все же меня оттуда выкидывали, то я изо всех сил упирался и руками, и ногами.

Надо сказать, что таких, как я, много: достаточно заглянуть в Интернет и убедиться, насколько дотошно, грамотно и увлеченно разбираются там вопросы истории на различных исторических форумах и сайтах, причем без какого-либо привлечения «профессиональных» историков, то есть тех, кто зарабатывает себе на хлеб с маслом историческими исследованиями. Наверное, это для данной книги и не главное, но давайте все же посмотрим даже не на открытые «профессиональными» историками истины, а на то, как они реагируют на те открытия, которые уже 10 лет обсуждаются в «Дуэли». Я представлю парочку споров с «профессиональными» историкам, тем более что они носят на плечах погоны и по идее должны представлять, что такое и кто такая честь и ее мать — Честность. Но сначала о спорах вообще.

В споре рождается истина. Это так. Но уточним — в каком споре. Поскольку спор спору рознь, и я разделил бы их на три типа, а разницу поясню на примере.

Представим — в комнате душно, нужна вентиляция. Можно установить вытяжной вентилятор, работающий от электродвигателя, А можно — вытяжную трубу, которая будет отсасывать воздух из комнаты за счет разницы его плотности в доме и на улице. Допустим, есть сторонники той и другой системы вентиляции, и они решили выяснить истину в споре.

Первый тип спора назовем инженерным.

— Надо ставить вентилятор. Это дешевле, чем монтировать трубу.

— Да, труба дороже, но она не потребует затрат на эксплуатацию, а вентилятор будет потреблять электроэнергию, — Зато тяга трубы непостоянна и зависит от погоды, а тяга вентилятора более надежна.

— Тягу можно регулировать, зато в трубе практически нет ничего, что может выйти из строя. Она чрезвычайно надежна...

И так далее. Обратите внимание — предметом спора постоянно остается вентиляция. Так спорить могут люди, представляющие ее суть. И не имеет значения ни их образование, ни партийная принадлежность, ни личностные качества. Их интересует лишь вентиляция, причем заинтересованы выбрать наилучший вариант. В таком споре действительно может родиться истина.

Второй тип следует назвать бюрократическим, и выглядит он так.

— Надо ставить электрический вентилятор потому, что Ленин сказал: коммунизм — это советская власть плюс электрификация.

— Нет, поставим трубу, так как Ленин сказал, что капитализм вылетит в трубу.

— Надо ставить вентилятор, так как он вертится, а Галилей сказал, что «она все-таки вертится!».

— Поставим трубу, как США на Аляску проложили нефтепровод, а США — это очень цивилизованная страна...

И так далее. Если вы обратили внимание, в данном случае даже непонятно, кто спорит: на первый взгляд, оппоненты, а по сути — Ленин с Галилеем, которые вряд ли бы спорили, применяя такие доводы. Возможно, Ленин с Галилеем знали толк в вентиляции, но знают ли о ней что-нибудь сами спорщики? Да, у них неплохая память, однако еще лучше — у простого магнитофона (он может точно воспроизвести то, что на нем раньше записали), не говоря уже об ЭВМ. Ни о какой истине в этом споре говорить не приходится, так как для спорщиков главное не истина, а показ своей мудрости.

Третий тип спора — политический. Ведется он примерно так.

— Эти бывшие партократы опять предлагают свой вентилятор.

— А эти красно-коричневые снова требуют свою трубу...

И так далее. Здесь об истине тоже речь не идет, поскольку задача спорщиков — как можно быстрее и сильнее измазать грязью политических противников.

В этой книге поиски истины основаны только на первом виде спора, потому что я — инженер и мне по-другому не интересно. По той же причине в книге мало цитат, подтверждающих какие-либо **выводы**, в основном, цитаты — это **факты**.

Давайте начнем с того, что в качестве примера я дам третий вид спора — когда спорящий, не зная, что ответить и что предложить по существу, пытается скомпрометировать оппонента в надежде, что слушающие спор и не понимающие сути вопроса поверят ему, а не скомпрометированному оппоненту. В данном случае со мною спорит доктор исторических наук и полковник В. Анфилов, который пытается представить меня (давайте говорить открытым текстом) идиотом и негодяем, который для обоснования своих выводов дает либо выдуманные факты, либо факты, которые по глупости не понимает. Анфилов выступил в «Независимой газете», и я нижеприведенной главкой даю текст его статьи полностью.

Без правил

«Юрий Мухин... в своих книгах о войне... восхваляет Сталина, делая из него святого, и предаёт анафеме Жукова, пытаюсь доказать, что тот «хам» и «бездарь».

Сразу же оговорюсь, что мое отношение к этим фигурам таково: Сталин — выдающийся государственный деятель, но и диктатор, совершивший тягчайшие преступления; Жуков — великий полководец, кумир, но не икона.

Именно такое, по моему пониманию объективное, отношение к Сталину и Жукову и стало причиной недовольства Юрия Мухина, не пожалевшего нескольких страниц для спора со мной. Правда, делает он это сообразно своему представлению о нормах приличий. Оставляю на его совести характеристики, обращенные в мой адрес: «грязный антисоветчик», «наглый потомственный подонок», «подонок, обжирательный народ, в угоду власти подделывающий историю». Человека, считающего возможным публично оскорблять оппонента, бессмысленно укорять. Но вот пройти мимо сути спора я как военный историк не могу.

К примеру, Мухин приводит цитату из книги генерала Г.П. Сечкина, в которой тот дает выдержку из моей статьи в «Красной звезде» (1988 г.): «Последняя проверка (1940 г. — В.А.)... показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса». «То есть, — продолжает Мухин, — В. Анфилов придал «научную основу» сплетне, запущенной в оборот еще К. Симоновым в романе «Живые и мертвые» и Г.К. Жуковым в мемуарах».

Этот факт я привел еще в книге «Начало Великой Отечественной войны» (Воениздат, 1962 г.) и дал ссылку на архивный документ (Архив МО СССР, ф. 2, оп. 75593, д. 49, л. 63). Симонов решил вложить эти сведения в уста героя романа — Серпилина. 19 марта 1964 г. писатель прислал мне «Роман-газету» № 1, 1964 г. с дарственной надписью: «Виктору Александровичу Анфилову на память с благодарностью. Через несколько месяцев пришлю Вам и вторую

книгу, одно из самых важных для меня мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны. Уважающий Вас Константин Симонов».

Звания «наглого потомственным подонка» я «удостоился» от Мухина за то, что в книге «Грозное лето 1941 года» упрекнул бывшего замнаркома обороны, ведавшего вопросами вооружения, маршала Кулика за ошибки, допущенные в организации производства и внедрения в войска автоматического и минометного оружия. Мухин же говорит, что Кулик «усиленно заказывал для армии и ППС (выше он то же сказал о минометах. — В. А.) в достаточном количестве, а «срезал» их Вознесенский». В действительности же Сталин на апрельском (1940 г.) совещании в ЦК ВКП (б) резко критиковал Наркомат обороны за отсутствие в войсках минометов и автоматов. Сам же Кулик признался там: «В первую очередь беру вину на себя, ибо я ведал в течение 2,5 лет и сейчас ведаю оружием Красной Армии, но я сам полностью не смог снабдить минометами и не смог полностью освоить минометное дело».

Много страниц посвящены репрессиям среди командного состава армии. Цель Мухина — доказать, что Сталин поступил правильно. Ни одного документа он не приводит (явные фальшивки — не в счет). Мухина особенно раздражает, что Тухачевский и другие открыто выступали против Ворошилова (как наркома обороны) из-за его отсталых взглядов на военное строительство. Мухин же считает Ворошилова гораздо талантливее Жукова. При этом он игнорирует известный факт — Сталин (чье мнение для Мухина, по логике, должно быть абсолютным) снял Ворошилова в 1940 г. с поста наркома по неспособности последнего соответствовать должности. И в сентябре 1941 г. из Ленинграда Сталин убрал Ворошилова не потому, что, как пишет Мухин, тот был ранен, а за плохое руководство войсками Ленинградского фронта.

«Показания Тухачевского с поделщиками рассмотрели на заседании суда их товарищи... и единодушно решили расстрелять за измену, — пишет Мухин. — Вы, конечно, скажете, что им Сталин приказал. Но дело в том, что ни тогда, ни сегодня (кстати, в другом месте Мухин сетует на сегодняшнюю всеобщую продажность. — В. А.) судьям никто и ничего приказать не может». Это ложь. Зачем же

тогда Сталин накануне объявления приговора вызывал к себе днем 11.06.37 Ульриха, а в 16 часов 50 минут направил телеграмму: «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем ЦК предлагает всем организовать митинги рабочих, а где возможно — и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. 12 июня. Секретарь ЦК Сталин»?

Согласно сталинскому сценарию, ночью был объявлен приговор, а днем в спешке его привели в исполнение. Аналогичных документов можно привести десятки. По-видимому, предвидя это, Мухин упреждает: «Вы же все равно не поверите и будете кричать: «Сталин убил!» Тогда я должен сказать — правильно убил! Зачем Красной Армии нужны были трусливые и подлые маршалы, которые от угрозы сутки не поспать оговаривают себя?..» Да если бы дело сводилось только к угрозам «не поспать»...

Мухин делает вид, что не знаком с термином «допрос с пристрастием», оставлю и это на его совести.

Кстати, о «пристрастии». Сталин хорошо знал, что стоит за этим термином. Приведу документ, который я увидел в архиве в 1961 г.

04.09.41, Жуков, будучи уже командующим Резервным фронтом, докладывает Верховному по ВЧ:

«Жуков. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат, который показал, что (далее следуют данные, поступившие от пленного. — В. А.)...

Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, допросите его с пристрастием, а потом расстреляйте».

Беседуя как-то с Георгием Константиновичем, я напомнил ему об этом эпизоде. Жуков сказал, что после допроса пленного его данные подтвердились, и он был отправлен в тыл.

Говоря о неудачах наших войск в начале войны, Мухин, в частности, утверждает, что одна из причин катастрофы — неприведение войск западных приграничных военных округов в повышенную боевую готовность — надумана, и винит в такой трактовке Жукова. При этом он смешивает два разных понятия

(процесса): подготовку страны и Вооруженных сил к отражению агрессии вообще и подготовку к отражению явной угрозы нападения противника.

«Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, — цитирует Мухин Жукова, — наши Вооруженные силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты, и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Вывод Жукова правилен. Мухин же заключает из него, что маршал обвиняет Сталина в том, что тот вообще не предпринимал мер к подготовке к войне. «А что же было на самом деле? Игнорировал Сталин угрозу нападения или нет?» — спрашивает Мухин и отвечает, что нет.

В подтверждение этого приводит набор «доказательств». «Вдоль границ СССР располагались отряды пограничных войск (но они всегда должны быть там. — *В. А.*)... Вдоль границы строили укрепления около 200 строительных батальонов. Эти войска основным оружием имели лопату (вот именно, они предназначались для оборонительного строительства, а не ведения боевых действий. — *В. А.*)... По воспоминаниям ветерана (кстати, Мухин часто опирается на безымянного «ветерана». — *В. А.*), они 20 июня получили приказ отойти от границы, и в нем была указана причина — начало войны 22 июня». Последнее замечание — суцая ложь. Я сам вместе с другими слушателями 3-го и 4-го курсов Военно-инженерной академии находился там на производственной практике. Мы бетонировали доты до начала артиллерийской подготовки немцев. Домысел Мухина опровергает и приведенное им же воспоминание начальника штаба 10-й армии Западного военного округа: «На госгранице в полосе армии находилось на оборонительных работах до 70 батальонов и дивизионов общей численностью 40 тыс. человек. Разбросанные по 150 км фронту и на большую глубину, плохо или вообще невооруженные, они не могли представлять реальной силы для обороны государственной границы... Личный состав строительных, саперных и стрелковых батальонов при первых же ударах авиации противника, не имея вооружения и поддержки артиллерии, начал отход

на восток (скажу, не отход, а бегство, и многие мои товарищи остались там навечно. — *В. А.*), создавая панику в тылу». Вот тебе и готовность к отражению! Жуков-то вел речь о подготовке и приведении в полную боевую готовность войск (армий) прикрытия западных округов.

Что касается ВМФ, то Сталин действительно разрешил адмиралу Кузнецову за двое суток до войны привести его в готовность. Но флот — не сухопутные войска, ВВС и войска ПВО страны, рассредоточенные на несколько тысяч километров по фронту и на сотни километров в глубину. К тому же паролем, который также был установлен, Сталин приводить их в полную боевую готовность не разрешил.

«Не очень хочется уличать Жукова в наглой лжи, но это ведь не Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной», — утверждает Мухин. Однако известно, что осенью 1940 г. в узком кругу руководящего состава военных обсуждался оперативный план войны, который был утвержден. В 1941 г. в марте, апреле и мае он лишь корректировался в соответствии с изменившейся обстановкой и возможностями. Тогда именно Сталин, вопреки предложению Бориса Шапошникова, настоял на том, чтобы главные силы Красной Армии были развернуты на Украине, на которую якобы зарятся немцы и с которой мы будем наносить ответный удар по ним. Жуков же в мартовских «Соображениях о стратегическом развертывании...» сохранил эту схему, так как, во-первых, противоречить вождю было бесполезно, а, во-вторых, осуществлять кардинальную ломку в развертывании Вооруженных сил на Западе было уже поздно.

«Но, пожалуй, наибольшей подлостью Г.К. Жукова, — подчеркивает Мухин, — явилось то, что он скрыл от историков свой приказ от 18 июня 1941 г. о приведении войск западных округов в боевую готовность к отражению немецкого удара. Такой приказ (до сих пор неопубликованный) он отдал, но не установил контроль за его исполнением, в связи с чем командующий Западным особым военным округом генерал Павлов сумел совершить акт предательства». Но все дело в том, что приказа такого нет, приказы отдает только нарком (министр), а начальник Генштаба может (мог) отдать распоряжение. Однако Жуков распоряжений в тот день никаких не отдавал. Что же касается приведенных в подтверждение версии воспоминаний

военачальников, то они либо неправильно истолкованы, либо ошибочны. Что легко доказывается.

Перечисляя мероприятия, которые проводились по указанию Сталина, Мухин называет и проект «Стратегического развертывания Вооруженных сил...» от 15 мая, в котором предусматривался чуть ли не «упреждающий удар», который инициировал Сталин.

Но это было предложение авторов проекта, а Сталин его отверг, упрекнув военачальников в желании спровоцировать агрессора.

«Известно и другое, о чем умалчивают нынешние фальсификаторы истории, — продолжает Мухин, — 19 июня 1941 г. западные приграничные военные округа и флоты получили строгий приказ о повышении боевой готовности». Во-первых, этот приказ был не о «повышении боевой готовности», а о маскировке аэродромов, военной техники и вооружения, складов с горючим и боеприпасами. Мероприятия эти приказывалось провести к 1–5 июля. Во-вторых, 19 июня этот документ был только подписан, а до войск так и не дошел.

Считая главной причиной наших неудач в начале войны плохую радиосвязь, Мухин упрекает Жукова в «преступном пренебрежении к радиосвязи». Но еще в докладе на декабрьском совещании (1940 г.) Жуков (тогда командующий КОВО) подчеркнул: «Для полного использования наиболее современного средства связи — радио — необходимо навести порядок в засекречивании. Существующее положение в этом вопросе приводит к тому, что это прекрасное средство связи используется мало и неохотно». Надо иметь в виду также, что Жуков был на посту НГШ до войны всего 4,5 месяца, к тому же снабжением войск, в том числе и средствами связи, должны были заниматься другие должностные лица.

Главное место в книге отводится «доказательству» того, что решающую роль в событиях 1941 г., как и в войне в целом, играл Сталин, а Жуков чаще мешал ему или только учился у него. «Судя по всему, Жуков редко ориентировался в том, что именно происходит на фронтах, которыми он командовал, и Сталин нередко командовал за него, Жуков был просто его рупором».

Но если бы это было так, то зачем Сталин вызвал Жукова из Ленинграда, когда Западный, Брянский и Резервный фронты потерпели крупное поражение и дороги на столицу оказались открытыми, зачем 16 октября, когда поезд для выезда Верховного из

Москвы стоял под парами, он позвонил по ВЧ Жукову и спросил (см. запись телеграфиста Сталина, опубликованную в «Красной звезде» 10.04.96): «Георгий Константинович, теперь скажите мне как коммунист коммунисту, удержим ли мы Москву?» Жуков немного подумал и ответил: «Товарищ Сталин, Москву мы удержим...» — «Товарищ Жуков, — завершил Сталин, — надеемся на вас, желаем вам успеха. Звоните мне в любое время суток, жду ваших звонков». Лишь после этого разговора с командующим фронтом Верховный остался в столице.

Желая развенчать Жукова, Мухин пишет: «В дневниках Гальдера есть упоминания о Сталине, Ворошилове, Буденном, Тимошенко. Но нет ни слова о Жукове. Он немцам был неинтересен. Могут сказать, что немцы просто не знали его фамилию. Во-первых, он полгода был начальником Генштаба... Во-вторых, фамилию генерал-майора Белова они ведь узнали, он доставлял им неприятности. А какие неприятности доставлял немцам в 1941 г. Жуков, чтобы они стали трудиться узнавать его фамилию?.. Естественен вопрос — а как же Сталин? Он что, не видел беспомощности Жукова? Безусловно, видел, но тут все не просто... Посмотрев на него с начала войны, Сталин понял, что из всех, кого он знал, Жуков пока наиболее слабый... Не мог он взять на Западный фронт Тимошенко (к сведению Мухина, Сталин его назначил на Западный фронт 2 июля, а после сдачи Смоленска хотел снять, но именно Жуков защитил Тимошенко. — В. А.) и на Юго-Западный послать Жукова. Да, на Западном фронте было бы легче, но Жуков бы обгадил на Юго-Западном дело так, как он обгадил его в Ленинграде (вот это новость. — В. А.), и немцы были бы к новому году уже в Турции. Между прочим, это означает, что ответственность за бездарное руководство Западным фронтом несет лично Сталин, а не только Жуков... Да, Сталин вырастил из Жукова фронтового полководца. Сделал ему славу Великого. Думаю, что она была незаслуженна». Обращу внимание только на одну нелепость в мухинском пассаже — значит, все-таки Жуков был фронтовым полководцем, а ведь из бездарей такие не вырастают.

Книга Юрия Мухина полна несурязиц, газетная площадь не дает возможности сказать обо всех. Однако и приведенного достаточно, чтобы понять — пристрастность опасна для историка или для того, кто желает им казаться.

Виктор Анфилов».

Я еще не умер

Между прочим, еще тогда, в 2000 году, я, пользуясь ст. 46 Закона о средствах массовой информации, направил в «Независимую газету» свой ответ, который по закону эта газета обязана была опубликовать в течение 10 дней. «НГ», разумеется, на закон наплевала, и суд ее поддержал, ну да что уж тут поделывать — демократы! Их власть. Власть подлых брехунов. Но мой ответ «НГ» я вам предлагаю ниже с некоторыми добавлениями, о которых я узнал позже.

«...Рецензия Виктора Анфилова в «Независимой газете» от 04.10.2000 меня порадовала, поскольку в сборнике дан очищенный от идеологии взгляд на Великую Отечественную войну, а академик Анфилов в попытке опорочить этот взгляд вынужден был лгать.

Это политический способ спора, которому «НГ» дала довольно точное название «Без правил»... В этой статье я хочу показать методы того, как «профессиональные историки» это делают. Рассмотрим эти методы от простого к наглому, но сначала — пару слов о том, что именно В. Анфилов извращает.

К началу «разоблачения культа личности» совпали интересы Хрущева и генералитета Красной Армии. Хрущеву требовалось любыми путями облить Сталина грязью, а генералитету требовалось свалить на кого-нибудь свою вину за гнусную подготовку Красной Армии к войне. В результате этого совпадения желаний услужливые «историки» ввели в историю Великой Отечественной войны несколько лживых мифов (за что ЦК КПСС их щедро одарил научными званиями, должностями, гонорами и т. д.). Наиболее известными из этих мифов являются: миф о том, что Красная Армия понесла тяжелое поражение в начале войны потому, что Сталин не привел накануне войны войска в боевую готовность, и миф о том, что Сталин до войны расстрелял всех лучших офицеров и генералов. [Мною] анализировались многие мифы войны, в том числе и эти.

Первый миф рассматривался особенно тщательно: ставилась ли задача на отражение немецкого удара, в чем она заключалась (разгром вторгшихся войск или только удержание их у границ на время мобилизации), когда эта задача была доведена до округов, когда округа

подготовили приказы по исполнению боевой задачи, когда округам был дан приказ привести приграничные армии и корпуса в боевую готовность, когда они привели их в эту готовность и т. д. и т. п. Это не простой анализ, поскольку ряд копий приказов и директив, поступавших из Москвы в округа, по-видимому при Хрущеве и позже, был в архивах уничтожен. Но всего уничтожить нельзя — остались приказы и директивы округов и армий, остались доклады, сделанные Генштабу еще до «разоблачения культа личности», осталась логика событий.

В результате этого анализа без каких-либо сомнений вырисовывается следующая последовательность: в середине мая 1941 г. из НКО и Генштаба в округа поступила директива на подготовку планов отражения немецких ударов; к середине июня округа закончили работу над этими планами и утвердили их в Москве; 14 июня 1941 г. было опубликовано миролюбивое заявление ТАСС и под его прикрытием в округа стали поступать из Москвы приказы о приведении дислоцированных у границы войск в боевую готовность; максимум 18 июня 1941 г., за четыре дня до начала войны, все округа такие команды получили. В плане их исполнения дивизии снимали с консервации технику и оружие, загружались боеприпасами и уходили из мест постоянной дислокации в места сосредоточения и в отведенные им полосы обороны. Это происходило в приграничных округах — Одесском, Киевском, Прибалтийском, Ленинградском. Исключение составил Западный военный округ, которым командовал изменник генерал Павлов. Здесь, вопреки телеграммам из Генштаба, войска не только не были приведены в боевую готовность, но даже не выведены из зимних квартир в лагерь. Преступление же тогдашних наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генштаба Г.К. Жукова состоит в том, что они не проконтролировали исполнение своего приказа в этом округе.

Что противопоставляет этому анализу В. Анфилов? Как видите, подтасовку моего текста, подборку сплетен, догадок и... ни единого документа! Заканчивает Анфилов разбор этой версии так: «Что же касается приведенных в подтверждение версии воспоминаний военачальников, то они либо неправильно истолкованы, либо ошибочны. Что легко доказывается».

Обрадовав читателей «НГ» легкостью доказывания, он, однако, не приводит ни одного примера «неправильного истолкования». Да и как можно «неправильно истолковать» доклады в Генштаб, сделанные в начале 50-х генералами, командовавшими войсками в июне 1941 г., которые я привел в своей книге?

Как можно «неправильно истолковать» слова выписки из приказа командующего Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника Кузнецова от 18 июня 1941 г. инженерной службе округа (выделено мною. — Ю. М.): «С целью быстрее приведения в **боевую готовность** театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ». А приказывал он, к примеру, следующее: «е) командующим войсками 8-й и 11-й армий — с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман — прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить Военному совету армии. Срок выполнения 21.6.41.»

Можно ли «неправильно истолковать» слова директивы штаба этого округа от 19 июня 1941 г.: «...усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку... минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять поля по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей... выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия... продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения. Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте».

(А ведь вас, читатели, полководцы Жуковы и «историки» анфиловы уверяют, что до ночи 22 июня 1941 г. Сталин запрещал приводить войска в боевую готовность.)

Правда, совсем иное положение было в Западном особом военном округе, которым командовал изменник Павлов. Напомню, что на суде начальник связи округа генерал Григорьев в присутствии ничего ему не возразивших генералов Павлова и начальника штаба округа Климовских оправдывался:

«Выезжая из Минска, мне командир полка связи доложил, что отдел химвойск не разрешил ему взять боевые противогазы из НЗ. Артотдел округа не разрешил ему взять патроны из НЗ, и полк имеет только караульную норму по 15 штук патронов на бойца, а обозно-вещевой отдел не разрешил взять из НЗ полевые кухни. Таким образом, даже днем 18 июня довольствующие отделы штаба не были ориентированы, что война близка. И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска не были приведены в боевую готовность».

И как этот факт — ссылка на прямой приказ Жукова о приведении войск в боевую готовность, отданный 18 июня, — можно «истолковать неправильно»? И как можно неправильно истолковать вот это донесение штаба 12-го механизированного корпуса о боевых действиях корпуса в период с 22 июня по 1 августа 1941 г.

«До 18.06.41 г. До начала боевых действий части 12-го механизированного корпуса дислоцировались:

- 23-я танковая дивизия — в районе Лиепая;
- 28-я танковая дивизия — в районе Рига;
- 202-я мотострелковая дивизия — в районе м. Радзивиличи;
- штаб корпуса, 380-й отдельный батальон связи и 10-й мотоциклетный полк — Елгава;
- 47-й отдельный мотоинженерный батальон — 5 км северо-восточнее Елгава.

Части корпуса занимались боевой и политической подготовкой.

18.06.41 г. На основании директивы Военного совета Прибалтийского особого военного округа по корпусу был отдан приказ за № 0033 о приведении в боевую готовность частей корпуса, выступлении в новый район и сосредоточении.

28-й танковой дивизии (без мотострелкового полка) — в леса Бувойни, Бриды, Норейки.

23-й танковой дивизии — м. Тиркшляй, м. Седа, м. Тришкяй.

202-й мотострелковой дивизии — Драганы, Валдейки, Науконис.

10-му мотоциклетному полку — в лес Давноры.

47-му отдельному мотоинженерному батальону — лес 2 км южнее Адомишки.

Штабу корпуса, 380-му отдельному батальону связи — в лесу 2 км западнее г. дв. Найсе.

18–20.06.41 г. Части корпуса, совершая ночные марши, 20.06.41 г. сосредоточились в указанных районах.

202-я мотострелковая дивизия 20–21.06.41 г. вышла из указанного района и заняла оборону на рубеже Коркляны, Покроженце, г. дв. Юнкелай.

18–21.06.41 г. В районах сосредоточения организованы охранение и круговая оборона своих районов. Приводились в порядок материальная часть и личный состав после совершения марша.

22.06.41 г. В 4 часа 30 минут из штаба 8-й армии [получен] сигнал воздушной тревоги.

В 5 часов над командным пунктом пролетел самолет противника.

В 8 часов [получено] приказание о ведении разведки 23-й танковой дивизией на м. Плунгяны и готовности к выступлению 28-й и 23-й танковых дивизий».

(Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, Москва, 1957.)

Поэтому Анфилову нужно, чтобы читателям не пришла в голову мысль самим, без него «истолковать» эти факты. Для этого Анфилов искажает мой текст до глупости и затем над этой своей глупостью издевается, выдавая ее за мою. К примеру, он так передает эту тему: «А что же было на самом деле? Игнорировал Сталин угрозу нападения или нет?» — спрашивает Мухин и отвечает, что нет.

В подтверждение этого приводит набор «доказательств». «Вдоль границ СССР располагались отряды пограничных войск (но они всегда должны быть там. — В. А.)... Вдоль границы строили укрепления около 200 строительных батальонов. Эти войска основным оружием имели лопату (вот именно, они предназначались для оборонительного строительства, а не ведения боевых действий. — В. А.)... По воспоминаниям ветерана (кстати, Мухин часто опирается на безымянного ветерана. — В. А.)... «Каждый ли читатель обратит внимание на то, что Анфилов приводит не мои доказательства, а лишь начало моих фраз и свой язвительный комментарий к ним? В результате Мухин предстает идиотом, который не знает, что у границ всегда стоят пограничные отряды, а строительные войска не предназначены для ведения боевых действий. Ну разве можно читать произведения такого идиота?

Для показа методов «профессиональных историков» я напомним эти фразы полностью, здесь и далее выделяя шрифтом то, что «упустил» Анфилов:

«Вдоль границ СССР располагались отряды пограничных войск. И они задолго до 22 июня отрыли вокруг застав окопы, построили блиндажи, разработали систему огня. Причем, заставы уже имели на вооружении пушки-сорокапятки, а пограничные отряды — гаубичную артиллерию...

Вдоль границ строили укрепления около 200 строительных батальонов. Эти войска основным оружием имели лопату. **На 500 человек батальона полагалось 50 винтовок.** По воспоминаниям ветерана, они 20 июня получили приказ отойти от границы, и в нем была указана причина — начало войны 22 июня. **Весь день 21 июня они вывозили от границы цемент, строительные материалы и технику, эвакуировали личный состав. Оставшийся отряд строительного батальона с наступлением темноты 21 июня убрал маскировочные заборы перед готовыми ДОТами и отошел, встретив на пути роту, шедшую их занимать.**

Как это понимать? Если Сталин, по утверждению Жукова, «игнорировал угрозу нападения», то кто тогда привел в боевую готовность флот, пограничников и строительные войска?»

И, конечно, я привел свидетельства не «безымянного ветерана» — это полковник И.Е. Чернов, написавший изданную «Современником» еще в 1988 году книжечку «Саперы». В ней он вспоминал:

«Ночь на 22 июня 1941 года я встретил на советско-германской границе в глухой деревушке Валентэ, хуторами разметававшейся по сосновым лесам Южной Литвы...

Работы на оборонительных сооружениях велись круглосуточно, и ранний рассвет в субботу 21 июня, казалось, не предвещал каких-либо событий. Не заходя в штаб, я пошел на объекты проверить состояние свежего железобетона. Вдали, у штаба, заметил необычное для столь раннего часа скопление командиров, но решил не задерживаться и пошел дальше. Темные казематы новых сооружений встретили мокрой духотой быстросхватывающегося бетона. Обойдя несколько долговременных огневых точек, убедился, что бетон почему-то не увлажняется, хотя уже припекало солнце, и на объектах нет ни одного человека. Мне как начальнику производственной части надо было

принять срочные меры. Остановил грузовую машину с камнем и хотел проехать к штабу, но тут заметил приближающегося галопом всадника. Из седла с трудом вывалился военинженер Морев. Не здороваясь, я набросился на него: почему нет людей, не увлажняется бетон?

— Я, черт побери, ищу тебя чуть ли не час, — огрызнулся Морев, — коня загнал, а ты — бетон, вода! Кому они нужны теперь? Строили, столько сил вложили в эти серые громадины, а вызвать их к жизни не успеем. Короче, война. Сегодня в ночь начнется война, и тебя срочно вызывают, — может, ты узнаешь больше...»

В штабе начальник строительного участка военинженер второго ранга Маренков распорядился: «Сегодня в ночь, батенька мой, часа в три или четыре Германия начнет войну. Приказываю: в целях дезориентации противника бетонному заводу вхолостую, а камнедробилкам с полной нагрузкой работать непрерывно до открытия немцами огня, пусть слушают. Далее. Собрать в батальоне все мешки, а если не хватит, то и матрасовки, набить их песком. Кроме того, оборудовать для боя амбразуры наиболее готовых сооружений, расчистив от кустов и леса сектора обстрела. Готовность — восемнадцать ноль-ноль. Докладывать — мне. Должен прибыть пулеметный батальон и принять готовые точки. Но пока его нет, а есть только представители батальона, сдавайте им точки по мере готовности амбразур и расчистки секторов обстрела. Маскировочные заборы на точках снять только с наступлением темноты. Отвечаете персонально».

Тут ведь все просто: Анфилов натерпелся страху, удирая от немцев из полосы Западного особого военного округа предателя Павлова, а Литва входила в полосу Прибалтийского особого военного округа, а там не только войска были оповещены и приведены в боевую готовность, но и военные строители.

Анфилов пишет, что Жуков для него не икона, но великий полководец и кумир. Тем не менее, когда нужно (святое дело!) извратить историю, он не жалеет и «кумира», творя с его текстами то же, что и с моими.

Но сначала пару слов в пояснение. Мною показано, что основной технической причиной поражений начала войны было страшное отставание **РККА** в области радиосвязи. Предвоенные генералы преступно игнорировали ее. Дело даже не в малочисленности

радиостанций в войсках, а в том, что генералитет (вопреки, кстати, требованиям Сталина) радиосвязью не занимался — не обучался кодированию, шифрованию, радиоразведке и т. д. У немцев уже в дивизии радиосообщения автоматически шифровались машинкой «Энигма», а у нас большинство боевых сообщений шло открытым текстом. В результате, с началом войны немцы по радио давали команды нашим войскам отходить, прекратить огонь и т. д. Это вызвало перепуг наших генералов, и они вообще прекратили пользоваться радиосвязью. Это смешно, но 23 июля, через месяц после начала войны, Сталин дал приказ «Об улучшении работы связи в РККА», в котором **приказал использовать радиосвязь**.

Вина за это бедственное положение радиосвязи лежит на предвоенном генералитете, для которого этот вид связи казался слишком мудреным и нагло им игнорировался — зачем нужно возиться с шифрованием радиogramм, если на учениях связной на лошади любой приказ куда нужно отвезет? Достаточно сказать, что до войны в академии им. Фрунзе на изучение технических родов войск отводилось 340 часов. Но если из них кавалерию слушатели изучали 53 часа, то организацию связи — ни единого часа!

Анфилов это положение сборника «опровергает» так: «Считая главной причиной наших неудач в начале войны плохую радиосвязь, Мухин упрекает Жукова в «преступном пренебрежении к радиосвязи». Но еще в докладе на декабрьском совещании (1940 г.) Жуков (тогда командующий КОВО) подчеркнул: «Для полного использования наиболее современного средства связи — радио — необходимо навести порядок в засекречивании. Существующее положение в этом вопросе приводит к тому, что это прекрасное средство связи используется мало и неохотно». Отсюда должно следовать, что в Красной Армии не было ни кодирования, ни шифрования и генералы не пользовались радио, чтобы противник не узнал их планов.

И, наверное, читатели удивятся — идиот Мухин обвиняет генералов в том, что они не занимались засекречиванием радиосвязи, а Анфилов приводит слова Жукова, где он именно об этом и заботится!

Не спешите с выводом, вам нужно помнить, что этот факт вам сообщил историк-«профессионал». Продолжим мысль Жукова, усеченную Анфиловым: **«...Принятая система кодирования приводит к большим искажениям и перепутыванию текста и к**

задержке в передаче сведений. Зачастую проще и быстрее послать делегатов, чем прибегать к передаче по радио. Необходимо ограничить засекречивание, точно указать, что следует засекречивать и что можно передавать открыто. Упростить систему кодирования».

Как видите, Жуков предлагал передавать сообщения открытым текстом или примитивными кодами (солдат — «карандаш», снаряд — «огурец», и так было всю войну), которые легко могут расшифровываться противником. И все это для того, чтобы подобные ему генералы в шифровках не запутывались и на учениях выглядели полководцами.

В предшествовавших случаях Анфилов хоть что-то цитировал из моей книги. Но когда речь в последнем заходит о его личных «трудах», то он вынужден вообще глухо молчать о сути вопроса и в статье извращать ее до «наоборот». Поэтому дальше я вынужден приводить его и свой тексты для сравнения.

В моей книге, помимо прочего, рассматривается причина того, почему все «историки», как по команде, стараются облить грязью маршала Кулика. Уделяется в этом вопросе внимание и Анфилову. Он обиделся и, как видите, в статье пишет об этом так: «Звания «наглого потомственного подонка» я «удостоился» от Мухина за то, что в книге «Грозное лето 1941 года» упрекнул бывшего замнаркома обороны, ведавшего вопросами вооружения, маршала Кулика за ошибки, допущенные в организации производства и внедрения в войска автоматического и минометного оружия. Мухин же говорит, что Кулик «усиленно заказывал для армии и ППС (выше он то же сказал о минометах. — В. А.) в достаточном количестве, а «срезал» их Вознесенский». В действительности же Сталин на апрельском (1940 г.) совещании в ЦК ВКП(б) резко критиковал Наркомат обороны за отсутствие в войсках минометов и автоматов. Сам же Кулик признался там: «В первую очередь беру вину на себя, ибо я ведал в течение 2,5 лет и сейчас ведаю оружием Красной Армии, но я сам полностью не смог снабдить минометами и не смог полностью освоить минометное дело».

Как видите, в данном случае Анфилов обвиняет Кулика (да еще и словами самого Кулика, никогда не перекладывавшего ни на кого ответственность) в том, что тот «не смог снабдить», т. е. не смог

добиться от промышленности производства нужного количества минометов и мин, — плохо жаловался на Вознесенского в ЦК ВКП(б).

А я, напомню, писал вот о чем.

«Отношение историков к Кулику просто поражает. Вот, скажем, книга В.А. Анфилова «Грозное лето 1941 г.». Анфилов пишет:

«Немалые препятствия были и на пути минометного вооружения. Оно не было вначале должным образом оценено. Еще в 1936 г. конструкторское бюро Б.И. Шавырина под предлогом ненадобности было закрыто. До советско-финляндской войны минометное вооружение считалось второсортным. Лишь финские минометы «раскрыли» глаза нашим руководителям».

Во-первых. К 22 июня 1941 года в армию было поставлено уже 40 тыс. минометов и только лишь потому, что постановление Комитета Обороны о принятии на вооружение Красной Армии и серийном производстве 82-мм батальонного образца 1937 г., 107-мм горного образца 1938 г. и 120-мм полкового образца 1938 г. минометов было принято 26 февраля 1939 года, то есть за 9 месяцев до начала «советско-финской» войны. Уже в боях на Халхин-Голе было израсходовано 46,6 тыс. 82-мм мин.

Во-вторых. А кто же закрыл в 1936 году КБ Шавырина? Умненький Анфилов помалкивает. В 1936 году заместителем наркома обороны по вооружению был Тухачевский, в этом же году он стал и первым заместителем наркома. А Кулик в 1936 году числился командиром-комиссаром 3-го стрелкового корпуса, но в СССР его не было, он был в Испании. В конце 1937 года он был назначен начальником Артиллерийского управления РККА, а в 1939 году — заместителем наркома обороны по вооружению. То есть именно Г.И. Кулику РККА обязана тем, что у нее к войне были минометы.

Но В.А. Анфилов с наглостью потомственного подонка пишет: «Почти в таком же положении Красная Армия оказалась и в отношении минометного вооружения по вине того же Кулика, который сопротивлялся внедрению этого вида оружия».

Как видите, Анфилов не опроверг ни единого факта из этого текста, а просто (не сообщив об этом читателям) подменил понятие «сопротивлялся внедрению» понятием «недостаточно активно внедрял». Этой клеветнической подменой он ставит меня в положение

негодяя, который «совершенно невиновному» Анфилову поставил незаслуженный диагноз.

А между тем этот диагноз сформировался не только под впечатлением от работы Анфилова «Грозное лето 1941 года».

Анфилов, как вы видели, в статье сообщает:

«К примеру, Мухин приводит цитату из книги генерала Г.П. Сечкина, в которой тот дает выдержку из моей статьи в «Красной звезде» (1988 г.): «Последняя проверка (1940 г. — В. А.)... показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса». То есть, — продолжает Мухин, — В. Анфилов придал «научную основу» сплетне, запущенной в оборот еще К. Симоновым в романе «Живые и мертвые» и Г.К. Жуковым в мемуарах».

Этот факт я привел (пишет Анфилов) еще в книге «Начало Великой Отечественной войны» (Воениздат, 1962 г.) и дал ссылку на архивный документ (Архив МО СССР, ф. 2, оп.75593, д. 49, л. 63). Симонов решил вложить эти сведения в уста героя романа — Серпилина. 19 марта 1964 г. писатель прислал мне «Роман-газету» № 1, 1964 г. с дарственной надписью: «Виктору Александровичу Анфилову на память с благодарностью. Через несколько месяцев пришло Вам и вторую книгу, одно из самых важных для меня мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны. Уважающий Вас Константин Симонов».

Как видите, Анфилов не стыдится, а гордится тем, что именно он был автором фальшивки, сыгравшей огромную роль в идеологической войне против моей Родины — СССР, России.

А вот что я написал по этому поводу:

«В книге генерал-майора пограничных войск Г.П.Сечкина «Граница и война» («Граница», М., 1993 г.) **приводится, как святая правда, цитата из «труда» грязного антисоветчика, «историка» В. Анфилова**, который 22 июня 1988 г. в газете «Красная звезда» писал: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, — говорил в декабре сорокового года на совещании начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов, — показала,

что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса».

То есть В.Анфилов придал «научную основу» сплетне, запущенной в оборот еще К. Симоновым в романе «Живые и мертвые» и Г.К. Жуковым в мемуарах. При этом подонок от истории в 1988 г. был, видимо, нагло уверен, что материалы декабрьского совещания 1940 г. никогда не будут доступны широкому кругу читателей. Однако эти материалы были изданы в 1993 г., и прочитавший их может увидеть, что в докладе генерал-лейтенанта В.Н. Курдюмова ничего подобного и близко нет. Нет этих данных и в докладе генерал-инспектора пехоты А.К. Смирнова».

Анфилов из собственной цитаты выбросил ее фальшивый источник и опять представил меня идиотом, который ставит пациенту диагноз, не изучив результаты анализов.

Дальше Анфилов в своей статье вообще расхрабрился. Он пишет: «Известно и другое, о чем умалчивают нынешние фальсификаторы истории, — продолжает Мухин. — 19 июня 1941 г. западные приграничные военные округа и флоты получили строгий приказ о повышении боевой готовности». Во-первых, этот приказ был не о «повышении боевой готовности», а о маскировке аэродромов, военной техники и вооружения, складов с горючим и боеприпасами. Мероприятия эти приказывалось провести 1–5 июля. Во-вторых, 19 июня этот документ был только подписан, а до войск так и не дошел.

Но у меня в книге нет того текста, который откавычил Анфилов и над которым он посмеивается!

Еще. Он пишет: «Перечисляя мероприятия, которые проводились по указанию Сталина, Мухин называет и проект «Стратегического развертывания Вооруженных сил...» от 15 мая, в котором предусматривался чуть ли не «упреждающий удар», который инициировал Сталин. Но это было предложение авторов проекта, а Сталин его отверг, упрекнув военачальников в желании спровоцировать агрессора».

Но и этой галиматии в моем тексте тоже нет! Анфилов сам ее выдумал и приписал мне.

Вот ведь наглость! Ну, пусть бы фальсифицировал тексты Жукова, Курдюмова, Смирнова, Кулика — их уже нет в живых. Но я-то ведь еще не умер! Как же можно приписывать мне свои фальшивки прямо на моих глазах?!

Вот вам «политический способ» ведения «научного спора» такими историками, как полковник Анфилов, в таком споре не суть вопроса выясняется, а искажением и передергиванием цитат оппонент представляется идиотом и этим компрометируется, благо такие газеты, как «Независимая», предоставляют подонкам на своих страницах полный простор». [Конец цитаты.]

У меня порою возникают сомнения — не утомляю ли я читателей длинными цитатами? Но и вы меня поймите: я боюсь репутации «профессионального» историка — боюсь, что вы подумаете, что и я, как Анфилов, искажаю факты, вырывая нужные мне предложения из контекста свидетеля.

Следующим я хочу дать пример «бюрократического» способа спора, т. е. спора, когда оппонент вместо своих мыслей и знаний приводит мысли авторитетов, впрочем, не стесняясь по примеру Анфилова и мошенничать. Ниже я дам несколько отрывков из статей генерал-полковника М.А. Гареева, которые посвящены дезавуированию моей критики его работ.

Разнузданный грубиян

«...В последние годы к ниспровергателям Г.К. Жукова присоединился Ю.И. Мухин, который весьма уверенно поучает всех в области военной стратегии, но, в отличие от А.Н. Мерцалова, хвалит И.В. Сталина, — и оба вместе они поносят Г.К. Жукова. В упоминавшейся уже публикации, разбирая нашу статью «Семь уроков Великой Отечественной», он в разнузданной, оскорбительной форме обвиняет ее авторов во всех грехах. Между прочим, для того, чтобы употреблять резкие и оскорбительные выражения, ни особых знаний, ни каких-либо достоинств, ни смелости сегодня не требуется. Люди, злоупотребляющие этим, унижают только себя. Мы не можем себе такого позволить. К чему же конкретно сводятся критические замечания Ю.И. Мухина, если отбросить обвинения общего порядка, о которых уже было вкратце сказано выше?

Прежде всего Ю.И. Мухин усмотрел «мошенничество» в «искажении» содержания директивы Генштаба от 21 июня 1941 года. В нашей статье директива излагается не в полном объеме. Мы привели лишь указание И.В. Сталина, данное им после прочтения ее первого варианта. А Ю.И. Мухин дает окончательный вариант документа, который Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин отработали на основе указаний И.В. Сталина.

Дальше уже идут ни на чем не основанные догадки и домыслы Ю.И. Мухина. Так, он полагает, что приказ о приведении войск (сил) в боевую готовность был отдан раньше, и, в частности, утверждает, будто бы распоряжение на вскрытие секретных пакетов отдано 18 июня. Откуда это взято, автор не сообщает. Если им выявлен какой-то до сих пор неизвестный исследователям документ, так нужно назвать его! Мы еще раз проверили по документам Генерального штаба утверждение Ю.И. Мухина и убедились, что такого распоряжения не было. Не упоминается об этом и в воспоминаниях Г.К. Жукова, А.М. Василевского, других военачальников.

Только для сил Военно-морского флота 19 июня 1941 года был передан сигнал «Готовность № 2», означавший сбор личного состава на кораблях, в штабах и усиленное боевое дежурство. В этот же день

было отдано распоряжение о маскировке аэродромов, выделении управлений фронтов и занятии ими полевых пунктов управления.

Ю.И. Мухин описывает, как, по его мнению, все должно было происходить накануне войны. А как было в действительности? Этот вопрос требует пояснения, поскольку в последние годы его просто запутали. Как могло быть отдано распоряжение 18 июня 1941 года, если И.В. Сталин еще и 21-го считал преждевременным давать директиву о приведении приграничных военных округов в боевую готовность? А ведь до начала войны оставалось не более 5 часов! Ю.И. Мухин пишет: «Как глава страны-неагрессора может узнать, что его страна вступила в войну, если ее границы еще не нарушены, а нота о начале войны еще не поступила?» А как быть командиру дивизии или полка, когда противник бомбит и обстреливает, как узнать — война это или провокация?

Ноты об объявлении войны могут и не поступать, но непременным условием стратегического руководства является правильная оценка военно-политической обстановки и предвидение перспектив ее развития, своевременное ориентирование об этом в пределах необходимого подчиненных командиров и штабов. На самом деле в 1941 году военно-политическое руководство лишь в 23 ч. 30 мин. 21 июня приняло решение, направленное на частичное приведение пяти приграничных военных округов в боевую готовность. Директива, по существу, не давала разрешения на ввод в действие плана прикрытия в полном объеме, так как в ней предписывалось «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». В пункте «а» директивы от 21 июня 1941 года сказано: «В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе». А что делать полевым и всем другим войскам: производить ли оперативное развертывание? — не ясно.

Если бы, как было запланировано, в округа направили заранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на оповещение войск ушло бы 25–30 мин. Но поскольку была направлена директива, которая ограничивала приведение в действие оперативных планов (а следовательно, во всех инстанциях ее нужно было расшифровывать и снова зашифровывать для подчиненных), то на оповещение и постановку задач ушло до 3–5 ч., а многие

соединения никаких распоряжений вообще не получили, и сигналом боевой тревоги для них явились разрывы вражеских бомб и снарядов.

Командующие и штабы фронтов, поняв, что ограничения на ввод в действие оперативных планов сковывают действия войск, начали по своей инициативе отдавать распоряжения о вскрытии оперативных пакетов. К.К. Рокоссовский пишет, например, что такое распоряжение (от штаба 5-й армии Юго-Западного фронта) он получил около 4 ч. утра. А военный совет Западного фронта только в 5 ч. 25 мин. направил армиям директиву: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому».

Более организованно и четко проходило доведение сигналов в Военно-морском флоте. Нарком Н.Г. Кузнецов в 23 ч. 50 мин. 21 июня 1941 года отдал распоряжение: «Немедленно перейти на оперативную готовность № 1». В 1 ч. 12 мин. 22 июня 1941 года он довел (конечно, не тайно и не вопреки И.В. Сталину, а по его указанию) до флотов директиву: «Перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности и не поддаваться ни на какие провокационные действия». А распоряжение по оперативному развертыванию сил флотов было отдано на следующий день, уже с началом войны. Но флоты, в отличие от фронтов, никто, кроме авиации противника, не атаковал.

Дело еще в том, что приведение войск в полную боевую готовность означает их отмотилизование и развертывание до штатов военного времени. Поскольку государственное решение на мобилизацию было принято лишь 23 июня, ни армия, ни флот к началу войны не были приведены в действительную «полную боевую готовность».

Если бы 18 или 19 июня было отдано распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность, войска оказались бы в более боеспособном состоянии, и уж во всяком случае даже «изменник» генерал Д.Г. Павлов (так его называет Ю.И. Мухин) не оставил бы полевую и зенитную артиллерию на полигонах, а держал бы ее в боевых порядках дивизий.

Ю.И. Мухин видит противоречие в том, что, с одной стороны, мы утверждаем, что в Генеральном штабе и штабах округов были разработаны «планы обороны госграницы», а с другой — что войска

не были приведены в боевую готовность. Но оперативные планы на время войны приводятся в действие отдельными распоряжениями, а они не были отданы.

Расплывчатая, неопределенная директива от 21 июня 1941 года запутала командиров и штабы. Что значит «быть в полной боевой готовности», но занять только огневые точки УРов, рассредоточить авиацию и «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»? Здесь до полной боевой готовности далеко.

Ю.И. Мухин, исходя из того, как должно быть, удивляется: с каких это пор Генеральный штаб адресует директивы командирам полков? А мы ведем речь о том, как все происходило реально. Адресовали военным советам округов, а те, сами до конца не понимая, что следует делать по этой директиве, чтобы не терять времени на разработку новых директив, по инстанции рассылали ее вплоть до соединений и частей, причем после подписей С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова ставили свои подписи. В этом можно убедиться, прочитав очень интересные воспоминания бывшего начальника штаба 4-й армии генерала Л.М. Сандалова и других военачальников, а также по документам военных округов. Так, на директиве Западного фронта командующим армиями, где полностью воспроизводится директива Генерального штаба, стоит пометка о том, что последняя получена 22 июня 1941 года в 1 ч. 45 мин., а отправлена армиям в 2 ч. 25 мин. — 2 ч. 35 мин».

«Уроки не впрок», ВИЖ, № 6, 2001 г.

«К тому же Сталин практически не бывал в действующей армии, не выезжал на фронты, а без личного общения с теми, кто выполняет боевую задачу, по одним лишь донесениям и телефонным докладам невозможно понять все особенности складывающейся обстановки. Правда, этот изъян в стратегическом руководстве компенсировался частыми выездами на фронты Г. Жукова, А. Василевского и других представителей Ставки ВГК. Но ничто не может заменить личного восприятия обстановки. Отметим, между прочим, что, в отличие от Сталина, Черчилль, де Голль да и Гитлер побывали во время войны во всех объединениях и многих соединениях своих войск. И в наше время президент США Буш ездил к своим солдатам в Сомали, а премьер-министр Великобритании Мейджор — в Югославию.

Революционные вожди еще со времен Робеспьера не очень рвались на баррикады и в пекло сражений. Маркс писал пламенные письма защитникам Парижской коммуны, но сам туда не поехал. В.И. Ленин и в 1905, и 1917 гг. с началом революционных событий немедленно возвращался из эмиграции в Россию, но и он во время Гражданской войны ни разу не побывал на фронтах».

«О военной науке и военном искусстве», ВИЖ, № 5, 1993 г.

Негодяи

Меня упрекают в том, что я грубый, но я не грубый — я точный. А точность вещь хорошая. Сколько мы ни публиковали статей на те или иные темы, прямо задевающие массу людей, но когда авторы пишут «культурно», то ответа не дождешься. А я вот очень точно написал, что военный историк В. Анфилов — подонок, и он тут же тиснул в «НГ» статейку, правда, опять-таки доказывающую, что я не ошибся. На суде я прямо потребовал от него, чтобы он показал, где в стенограмме декабрьского 1940 г. совещания высшего комсостава РККА те строчки, которые он якобы отцитировал. И он начал судье объяснять, что, дескать, цитировал он с направленной стенограммы, а опубликована исправленная ГлавПУром. Опять ложь. Опубликованная стенограмма имеет правки только самих докладчиков, т. е. это подлинный текст, и другого в архиве нет и не было.

Как видите, и в случае с генералами армии Квашниным и Гареевым точное слово «мошенники» тоже дало кое-какой результат: в «Военно-историческом журнале», № 6 за 2001 г. генерал Гареев опубликовал статью, из которой я и взял нужный отрывок. Но прежде чем его обсудить, я приведу тот свой текст, который Гареев пытается оспорить. В июле 2000 г. («Дуэль», № 32) я писал, рассматривая статью в «НГ» Квашнина и Гареева «Семь уроков войны», следующее:

«Думаю, что статью написал какой-нибудь полковник из ведомства Гареева (станут генералы белы руки о бумагу марать), а Квашнин и Гареев ее только подписали. Но ведь надо было ее прочесть и попытаться понять! А то ведь в статье мысль, утвержденная в одном месте, подвергается опровержению через пару абзацев. Давайте рассмотрим несколько таких моментов, которые генералы просто не могут не понимать, иначе они не только не генералы, но и не военные люди.

Вот в начале генералы пишут:

«Стратегическое управление начинается с определения целей и задач. Важно, чтобы войскам, направленным на войну, руководство страны ставило четкие и конкретные задачи.

Вспомним 22 июня 1941 г. Сталин в директиву Генштаба о приведении войск в боевую готовность добавил слова: «...но не предпринимать никаких действий, могущих вызвать политические осложнения». Это дезориентировало войска. Действительно, если уж сам Верховный Главнокомандующий не знает, вступила страна в войну или нет, то как может командир полка вести бой, думая о непонятных ему политических последствиях».

Во-первых, 22 июня 1941 г. Сталин не был Главным командующим. Во-вторых, как глава страны-неагрессора может узнать, что его страна вступила в войну, если ее границы еще не нарушены, а нота о начале войны еще не поступила? В-третьих (специально для начальника Генштаба Квашнина), с каких это пор Генштабы адресуют свои директивы командирам полков?

Теперь приведем полностью директиву, из которой генералы якобы взяли цитату, приписанную Сталину.

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдОВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности. Встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков. 21 июня 1941 г.»

Во-первых. Где здесь слова, процитированные Квашниным и Гареевым в своей статье? Ведь эти мошенники извратили смысл фразы, вырвав ее из контекста: смысл «не поддаваться ни на какие провокации» заменен запретом на действия: «не предпринимать никаких действий».

Во-вторых. Эту телеграмму, данную войскам в ночь на 22 июня, гордым именем «директива о приведении войск в боевую готовность» назвал Жуков, но ведь из текста видно, что приказ о приведении войск в боевую уже **был отдан раньше**, поскольку «быть в полной боевой готовности» стоит в преамбуле, а не в приказной части.

Для того чтобы быть готовыми к бою, корпуса и дивизии войск прикрытия границы должны были выдвинуться из мест своей постоянной дислокации в те районы, где они должны вступить в бой. Эти районы были им указаны заранее, а соответствующие приказы находились в секретных пакетах, которые командиры могли вскрыть только по приказу предсовнаркома (главы государства) или наркома обороны.

К.К. Рокоссовский, чей мехкорпус находился глубоко в тылу, в 300 км от границы, действительно получил утром 22 июня 1941 г. такой приказ, но это был приказ только на вскрытие секретного пакета и именно в нем, в этом секретном пакете, а не в телеграмме, содержалась директива о приведении его корпуса в боевую готовность. Рокоссовский пишет о содержании секретного пакета: «Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель».

Получается, что у России сегодня такой начальник Генштаба, который не понимает элементарных вещей, — как поднимаются войска по боевой тревоге...

Но вернемся к данной выше телеграмме от 22 июня. Где в ней приказ на вскрытие секретных пакетов? Его нет, поскольку соединениям, дислоцированным у границы, и флотам он был отдан ранее — 18 июня, за четыре дня до начала войны. И в телеграмме от 21 июня приказ от 18 июня лишь подтверждается и дополняется приказом привести в боевую готовность все части округов, включая те, что раньше не были в эту готовность приведены, скажем, части ПВО,

но пока без мобилизации дополнительных пожарных, бойцов истребительных отрядов и т. д.

Главный смысл этой телеграммы, повторяю, не в поднятии войск по тревоге, а в предупреждении их не поддаваться на провокацию. Ведь немцы поводом к войне с Польшей объявили свою собственную провокацию, якобы захват поляками радиостанции на территории Германии.

События предвоенных месяцев развивались так. В начале мая нарком обороны и Генштаб дали приказ пограничным округам подготовить планы отражения немецкого удара (прикрытия границы). К середине июня эти планы были готовы и в них, в частности, были предусмотрены контрудары на немецкой территории и бомбежка железнодорожных узлов и мостов в Польше (генерал-губернаторстве) и Восточной Пруссии. Сталин, естественно, опасался, что если не предупредить войска, то после первого же обстрела немцами нашей границы наши бомбардировщики вылетят бомбить Варшаву и Кенигсберг, и эта бомбежка будет немцами предъявлена миру как агрессия и повод к войне. Отсюда и телеграмма о том, чтобы не поддаваться на провокации. Но к приведению войск в боевую готовность она не имеет отношения. Повторяю, такой приказ был дан 18 июня. Это подтверждают и специально собранные воспоминания уцелевших генералов тех дней, и их рапорты об исполнении этого приказа. При Хрущеве и Жукове все это было извращено, мемуары писались соответственно: скажем, нарком ВМФ Кузнецов утверждает, что он тайно от Сталина и Тимошенко привел флот в боевую готовность. Это и само по себе смешно, но главное, есть рапорт командующего Балтфлотом Трибуца, в котором он докладывает о приведении флота в боевую готовность не Кузнецову, а командующим Прибалтийским и Ленинградским военными округами — тем, от кого он получил этот приказ.

Повторяю, единственный, кто не привел войска в боевую готовность, был командующий Западным военным округом генерал армии Павлов. Вопреки приказу от 18 июня этот изменник войска даже с зимних квартир в летние лагеря не вывел — подставил их немцам.

Но вернемся к мысли генералов об отсутствии «четких» задач. Если войскам было приказано разработать планы отражения немецкого удара, если они эти планы до начала войны разработали и утвердили у

наркома обороны, то как же Квашнин и Гареев могут утверждать, что «руководство страны» приграничным округам не «ставило четкие и конкретные задачи»? Вы скажете, что эти генералы просто малограмотны, истории не знают и ничего про эти планы не слышали, вот и пишут так, как Жуков сказал.

Ничуть не бывало. В «третьем уроке» Квашнин и Гареев, как говорится, «не моргнув глазом», сами себя опровергают: «...в Генштабе и штабах военных округов были разработаны «Планы обороны государственной границы». Уточненная директива по этому вопросу была отдана округам в начале мая. Окружные планы были представлены в Генштаб 10–20 июня 1941 г.».

И что же мы видим из новой статьи М.А. Гареева? Похвалив себя за высокую культуру, генерал на обвинение в мошенничестве оправдывается: «В нашей статье директива излагается не в полном объеме. Мы привели лишь указание И.В. Сталина, данное им после прочтения ее первого варианта. А Ю.И. Мухин дает окончательный вариант документа, который Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин отработали на основе указаний И.В. Сталина».

В этих двух предложениях буковки русские, слова русские, я тоже русский, а понять, что написано, не могу — не способен прорваться сквозь изгибы генеральской мысли. Сталин дал указание, Жуков и Ватутин его превратили в директиву, но директива получилась иная, чем... Чем что? Чем указание Сталина? Получается, что Жуков и Ватутин нарушили его указание и дали вместо него свое собственное. А не обмочились ли бы они от самой мысли об этом? Ну хорошо, они нарушили указание Сталина, но как Гареев об этом узнал? Прочитать свой вариант «директивы» он мог только из подлинного черновика указания Сталина, который исправили Жуков и Ватутин. Однако уже 30 июня 1941 г. полковники Шадрин, Москаленко и Копытцев доложили наркому госбезопасности Меркулову, что в оперативном отделе Генштаба РККА есть масса непорядков по части секретности делопроизводства, но черновики документов все же уничтожаются, хотя и «единолично» исполнителями. Приходится думать, что генерал Ватутин спрятал этот черновик в трусы и вынес из Генштаба, чтобы генерал Гареев в своей статье мог его процитировать.

И вот ведь какая незадача: генерал Гареев блестяще цитирует уничтоженный в июне 1941 г. черновик, но не способен найти подтверждения, что приказы на приведение войск в боевую готовность были отданы за несколько дней до войны.

Он советует мне почитать Сандалова и других честнейших военачальников. А я посоветую ему почитать, что сообщил на допросе у немцев сдавшийся им в плен генерал-майор Потатурчев. Комментирует его показания немецкий историк П. Карелл:

«Генерал-майор Потатурчев, родившийся в 1898 г., которому, соответственно, летом 1941 г. исполнилось сорок три года, с усами а-ля Сталин, стал первым советским генералом, попавшим в плен к немцам. Потатурчев командовал советской 4-й танковой дивизией в Белостоке, в критической точке, где находилось ядро советской обороны на Центральном фронте. Советское Верховное командование держалось о Потатурчеве высокого мнения. Он был членом партии, выходцем из подмосковной крестьянской семьи. Ефрейтором царской армии он перешел на службу в Красную Армию, где поднялся до звания генерала, командира дивизии. Его история достойна рассмотрения.

«В 00.00 22 июня (по московскому времени — то есть в 01.00 по летнему времени в Германии) меня вызвали к командиру 6-го корпуса генерал-майору Хацкилевичу, — сообщал Потатурчев в своих письменных показаниях, которые давал 30 августа 1941 г. в штабе немецкой 221-й дивизии. — Мне пришлось ждать, поскольку генерала самого вызвали к генерал-майору Голубеву, командующему 10-й армией. В 02.00 (то есть в 03.00 по берлинскому времени) он вернулся и сказал мне: «Россия в состоянии войны с Германией». — «Какие будут приказания?» — спросил я. Он ответил: «Надо ждать».

Поразительная ситуация. То, что война начнется, — очевидно. И командующий советской 10-й армии знает об этом за два часа до ее начала. Но не отдает — вероятно, не может отдать — иного приказа, кроме как: «Ждите!»

Они ждали два часа — до 05.00 по немецкому времени. Наконец, от командования 10-й армии пришел первый приказ: «Тревога! Занимайте предусмотренные позиции». Предусмотренные позиции? Что это означало? Означает ли это, что нужно начинать контратаку, к чему так долго готовили танкистов на учениях? Ничего подобного.

«Предусмотренные позиции» для 4-й танковой дивизии находились в огромном лесу к востоку от Белостока. Туда-то дивизия и должна была отправиться, чтобы затаиться и ждать.

«Когда дивизия численностью 10 900 человек стала менять дислокацию, то недосчиталась 500 военнослужащих. Медсанчасть, в которой числилось 150 человек, недосчиталась 125 человек. Тридцать процентов бронетехники находилось в нерабочем состоянии, а из оставшихся семидесяти многое пришлось бросить из-за отсутствия горючего».

Вот так выходило на боевые позиции ключевое в советской обороне соединение, дислоцированное в районе Белостока.

Но не успели два танковых полка и пехотная бригада из дивизии Потатурчева начать движение, как от командира корпуса пришел новый приказ: танковым и пехотным частям надо разделиться», — поражается немецкий историк.

А чему поражаться, если войсками округа командовали предатели? Ведь 4-я танковая встретила войну в Западном особом военном округе «невинной жертвы сталинизма» Павлова.

Трусливый Сталин

Теперь по поводу отрывка из второй статьи (вернее, по времени — первой) стратега Гареева. Тут, как говорится, видно птицу по полету, добра молодца — по соплям, а военного специалиста — вот по таким статьям.

Я не стал бы возражать против сравнения Сталина с Черчиллем или Гитлером — все же это величины одного порядка. Но с Бушем и Мейджором?! Они же ведь в военном отношении слабее Гареева!

Но каков сам Гареев?! И Сталина учит, и Маркса, и Робеспьера, и Ленина. Все трусы, только они с Бушем «герои».

Да, и Гитлер, и Черчилль любили попозировать фотографам, так сказать, во «фронтной» обстановке, а Сталин не любил, ну и что из этого? Много Гитлеру помогло, что он, к радости полководца Гареева, ездил на фронт? Гарееву, если бы хватило ума, надо было бы попенять Гитлеру: «Доездили, дурак? Вон Сталин всю войну просидел в Кремле, об армии ничего не знал и не соображал, а войну выиграл!»

Но дело не в этом. Бывший работник 1-го Главного управления НКВД, охранявшего советское правительство, А. Рыбин пишет на эту тему следующее.

«В 1941–1942 гг. Сталин выезжал в прифронтовые полосы на Можайский, Звенигородский, Солнечногорский оборонительные рубежи. На Волоколамское направление в госпиталь, в 16-ю армию Рокоссовского, где осмотрел в натуре работу ракетных установок БМ-13 («катюша»), побывал в 316-й дивизии И.В. Панфилова. Через три дня после парада 7 ноября 1941 г. Сталин выехал на Волоколамское шоссе в одну из дивизий, прибывшую из Сибири. Смотрел ее боевую готовность.

...К началу июля 1941 г. немецкая группа армий «Центр» и группа «Север» стали продвигаться к Западной Двине и Днестру. К 10 июля 1941 г. Верховное командование приказало сосредоточить к этим рубежам 19, 20, 21, 22-ю армии, включая их в состав Западного фронта. Сталин выехал туда и на месте ознакомился с положением дел. Затем Сталин и Булганин выехали для ознакомления с линией обороны Волоколамск — Малоярославец. В 1942 г. Верховный выехал за реку

Лама на аэродром, где шли испытания самолета. 2, 3 августа 1943 г. Сталин прибыл на Западный фронт к генералу Соколовскому и члену Военного совета Булганину. 4, 5 августа находился на Калининском фронте у генерала Еременко. Все поездки Сталина на фронт находились в строжайшем секрете. Его сопровождали В. Румянцев, И. Хрусталеv, А. Раков, Н. Кирилин, В. Туков, С. Кузьмичев, В. Круташев и многие другие из девятки.

...Из воспоминания полковника Н. Кирилина: «Утром Сталин вооружился биноклем и отправился с Еременко на крутой берег Волги. С места разбитого монастыря Сталин ознакомился с разрушениями города Ржева».

Но и Рыбин не все знал. Вот приказ министра вооруженных сил Союза ССР Маршала Советского Союза Василевского № 130 от 16 декабря 1949 г.:

«Верховный Главнокомандующий советских Вооруженных Сил товарищ И.В. Сталин в августе 1943 года находился на командном пункте Западного фронта и отсюда осуществлял руководство подготовкой разгрома немецко-фашистских войск на Смоленском направлении и освобождением гор. Смоленска. В ознаменование этого исторического события ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Учредить Дом-музей командного пункта Западного фронта (филиал Центрального музея Советской Армии).

2. Дом-музей открыть 21 декабря 1949 года — в день семидесятилетия со дня рождения Г енералиссимуса Советского Союза товарища Сталина Иосифа Виссарионовича».

(В 1956 г. хрущевские уроды сделали из этого музея охотничий домик.)

Как видите, мошенники от истории не стесняются клеветать и подтасовывать факты даже, казалось бы, по малозначащим вещам — малозначащим в первую очередь для самого Сталина. Ведь он отказался даже от одной Звезды Героя, а тот же Жуков, прослуживший генерал-адъютантом при Сталине, за такие поездки выклял бы себе если не Звезду Героя, то уж Орден Победы непременно.

Примеры подлости заразительны

И, естественно, куда конь с копытом, туда и рак с клешней: видя как уродуют историю эти «историки», не хотят отставать от них и литераторы. Вот некий Г. Бакланов, о котором я знаю только то, что в девичестве его звали Фридман, в «Московских новостях» (№ 41, 2001 г., с. 20) пишет статейку, в которой так «цитирует» Жукова: «Действительно ли И.В. Сталин был выдающимся военным мыслителем? Конечно, нет, — пишет маршал Г.К. Жуков. — Все это нагородили в угоду И.В. Сталину, чему способствовал он сам... В начале войны он пытался проявить свое личное военнооперативное творчество, основанное на опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил. Не разбираясь глубоко в сложности, методах и способах подготовки современных фронтовых операций, И.В. Сталин зачастую требовал явно невыполнимых сроков подготовки и проведения операций. Такие операции не только не достигали цели, но влекли за собой большие потери в людях, материальных средствах... за время войны он лично ни разу не побывал в войсках фронтов и своими глазами не видел боевых действий».

А в жуковских «Воспоминаниях и размышлениях» (М., АПН, 1970, с. 297) на самом деле написано: «Действительно ли И.В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Как военного деятеля И.В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну.

И.В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились начиная со Сталинграда.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное

звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим».

Вот такая история нашей истории. И как ей быть другой, если мы в обществе исключили употребление слов «негодяй», «подлец», «мерзавец», «мошенник»?

Остановлюсь еще на нескольких моментах критикуемой мною статьи Гареева и Квашнина.

«Главное разведывательное управление РККА начальнику Генштаба не подчинялось (начальник ГРУ был заместителем наркома обороны), фактически же оно подчинялось самому Сталину. Очевидно, что Генштаб не мог полноценно решать вопрос стратегического применения вооруженных сил без своего разведоргана», — утверждают эти генералы.

Как сегодня, так и тогда главным было не то, от кого поступают разведданные, а есть ли в Генштабе, комплектуемом уже давно офицерами Арбатского военного округа, люди, способные проанализировать эти данные. Скажем, Берия непрерывно предупреждал НКО и Генштаб о сроках нападения немцев не менее точно, чем родной Генштабу Рихард Зорге, и без той дезинформации, которую Зорге без комментариев оставлял в своих телеграммах.

Только 21 июня ведомство Берии переправило Тимошенко радиogramму от резидента в Риме: «Вчера в МИД Италии пришла телеграмма итальянского посла в Берлине, в которой тот сообщает, что высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года. Тит».

А Жукову было переслано донесение пограничников НКВД: «Германская разведка направляет свою агентуру в СССР на короткие сроки — три-четыре дня. Агенты, следующие в СССР на более длительные сроки — 10–15 суток, инструктируются о том, что в случае перехода германскими войсками границы до их возвращения в Германию они должны явиться в любую германскую часть, находящуюся на советской территории».

Кстати, Зорге, видимо, не знал, что Квашнин с Гареевым выделили ГРУ из состава Генштаба, поэтому его радиogramмы

адресованы: «Начальнику разведывательного управления Генштаба Красной Армии» (к примеру, от 17 июня 1941 г.).

Или вот такое историческое открытие Квашнина и Гареева: «Идея непереносимого перенесения войны в самом ее начале на территорию противника (причем идея не обоснованная ни научно, ни анализом конкретной обстановки, ни оперативными расчетами) настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Все это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории».

Интересно было бы услышать фамилии «некоторых руководящих работников», поскольку нет ни единого документа о том, что кто-то в то время действительно исключал территорию СССР из зоны военных действий. В начале 1941 г. были проведены две военные игры, о чем известно и историкам, и любителям, т. к. о «выигрыше» в одной из них оповестил весь мир Жуков в своих мемуарах. Так вот, по условиям игры война велась не на территории Польши или Германии, а на территории Белоруссии и Украины.

А что касается подготовки театров военных действий на своей территории, то в сборнике документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», М., 1995 г. можно прочесть на стр. 35 (т. 1):

«В ноябре 1939 г. в связи с изменением западной границы оставшиеся в тылу УР были упразднены, их боевые сооружения законсервированы. При этом строительство укрепрайонов разворачивалось у новой западной границы. С лета 1940 г. началось возведение 20 УР, которые занимали две полосы обороны общей глубиной до 20 км.

Строительство новых УР велось высокими темпами. Но объем работ был слишком велик, и промышленность не успевала обеспечивать строительство УР материалами, оборудованием и вооружением. Поэтому оборонительные сооружения вводились в строй с опозданием, по упрощенной схеме, порой без достаточного вооружения.

К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений (дотов), но из них лишь около 1000 получили артиллерию.

В остальных устанавливались пулеметы. Поэтому весной 1941 г. Главным военным советом было решено сохранить старые укрепленные районы как рубеж оперативной обороны и содержать их в боевой готовности. Однако к 22 июня 1941 г. привести старые УР в полную боевую готовность не удалось».

Хотел бы остановиться на моральной беспринципности Квашнина и Гареева. Вот они упомянули о некой «записке Берия» Сталину о том, что немцы якобы в 1941 г. не нападут. Эта записка — очень старая и тупая фальшивка, сфабрикованная, видимо, еще Волкогоновым. Квашнин с Гареевым даже постеснялись привести ее полностью. Выглядит эта фальшивка в воспроизведении писателя В. Карпова так:

«21 июня 1941 года... Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине, который по-прежнему бомбардирует меня дезинформацией о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

То же радовал и генерал-майор В.И.Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией...

Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков жалуется на посла и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе...

Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!..»

Во-первых. Берия был наркомом внутренних дел, а послы подчинялись наркому иностранных дел — очень жестокому с подчиненными человеку — В.М. Молотову. Исключено, чтобы послы напрямую переписывались с чужим ведомством, да и любое другое ведомство информирует кого-либо вовне только через первых руководителей. Вот я приводил доклады разведчиков Берия и пограничников, — тех, кто в фальшивке названы «мои люди», — о начале войны 20–25 июня, переданные Тимошенко и в Генштаб. Но эти сведения были переданы в Наркомат обороны не самими разведчиками и пограничниками, а замом Берия. Фальсификатор, когда стряпал «записку Берии», этого не понимал.

Второе. Это «руководитель государства» Медведев может держать в начальниках Генштаба и президентах военной академии людей, которые, читая второй абзац, не помнят, что читали в первом. Но как Сталин мог держать на посту наркома ВД человека, который утром отправил в Генштаб предупреждение своих разведчиков и пограничников о нападении немцев, а в обед — записку Сталину с просьбой наказать тех, кто об этом предупреждает?

И, наконец, о стиле записки. Да, эта записка в стиле Волкогонова, Гареева, Квашнина, готовых заискивать по очереди перед всеми: Брежневым, Горбачевым, Ельциным и т. д. Но ведь Берия — не они. Он Сталину в деловых бумагах никогда не льстил, никогда не употреблял даже общепринятых оборотов типа «уважаемый товарищ...»

Вот, скажем, накануне войны Сталин послал обоих своих сыновей в армию. Осенью 1938 г. его сын Василий поехал в Качинское военное авиационное училище.

Тогдашние авиационные начальники встретили Васю, как наследника престола: пытались выслужиться перед ним все и во всем. На вокзале Васю встречал сам комиссар училища, к нему приставили личных телохранителей, поместили не в казарму, а в гостиницу, кормили из отдельной кухни, вызывая порой поваров из севастопольских ресторанов, сам командир катал его на мотоцикле. Вася, оторвавшись от ремня строгого отца, наверняка был доволен.

Но к концу 1938 г. наркомом внутренних дел стал Л.П. Берия. От агентов НКВД он узнал о том, как Вася «учится» в Каче. Ни слова не говоря Сталину, Берия убрал охрану у Василия, переселил его в казарму, поставил на котловое довольствие курсанта, дал взбучку руководству училища и только потом, 8 декабря 1938 года, написал Сталину записку об этом инциденте, начав ее словами «Товарищ Сталин». А закончил ее так:

«В письме, посланном в адрес Начальника Качинской авиашколы т. Иванова и Начальника НКВД Крымской АССР т. Якушева, мною были даны следующие указания:

а) снять гласную охрану как неприемлемую и организовать агентурную охрану с тем, однако, чтобы была гарантирована сохранность жизни и здоровья Васи;

б) внимание и заботу в отношении него проявлять не в смысле создания каких бы то ни было особых условий, нарушающих установленный режим и внутренний распорядок авиашколы, а оказания помощи в деле хорошего усвоения программы школы и соблюдения учебной и бытовой дисциплины. Л. Берия».

И никаких заискиваний.

(Хотел бы я видеть того нынешнего начальника ФСБ, который бы забрал в свое время дочерей Путина из школы немецкого посольства в Москве и отправил бы их на учебу в обычную школу Москвы. А ведь повод наизаконнейший — не могли дети российского президента учиться в школе иностранного государства.)

Так что стиль первой и второй записок разный — писали явно разные авторы: демократический ублюдок и министр СССР.

«Дуэль» уже давно начала писать, что довоенный Генштаб не смог разгадать направление главного удара немцев. Квашнин и Гареев вынуждены об этом упомянуть, как о происках каких-то марсиан: «Были допущены существенные изъяны в стратегическом планировании и создании группировок войск на важнейших направлениях». А почему стесняетесь назвать фамилию того, кто допустил «существенный изъян», — Г.К. Жукова?

Генералы Квашнин и Гареев кратко пишут: «Пагубную роль сыграли репрессии против военных кадров», — как будто эти репрессии выскочили неизвестно откуда и всех поубивали. А кто вел эти репрессии? Ведь даже при Ежове ни одного командира РККА нельзя было арестовать, если на это не давал согласия его начальник. О технике этих репрессий прекрасно написано в воспоминаниях адмирала Н.Г. Кузнецова.

Начало 1938 г., Кузнецов — командующий Тихоокеанским флотом, для «чистки» флота во Владивосток приезжает не Ежов, не его заместители, а тогдашний нарком ВМФ Смирнов:

«В назначенный час у меня в кабинете собрались П.А. Смирнов, член Военного совета Я.В. Волков, начальник краевого НКВД Диментман и его заместитель по флоту Иванов.

Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал никаких

вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». Это означало: человека можно арестовать.

Вдруг я услышал: «Кузнецов Константин Матвеевич». Это был мой однофамилец и старый знакомый по Черному морю. И тут я впервые подумал об ошибке.

Когда Смирнов взял перо, чтобы наложить роковую визу, я обратился к нему:

— Разрешите доложить, товарищ народный комиссар!.. Я знаю капитана первого ранга Кузнецова много лет и не могу себе представить, чтобы он оказался врагом народа.

— Раз командующий сомневается, проверьте еще раз, — сказал он, возвращая лист Диментману.

Прошел еще день. Смирнов посещал корабли во Владивостоке, а вечером опять собрались в моем кабинете.

— На Кузнецова есть еще два показания, — объявил Диментман, едва переступив порог.

Он торжествующе посмотрел на меня и подал Смирнову бумажки. Тот сразу же наложил резолюцию, наставительно заметив:

— Враг хитро маскируется. Распознать его нелегко. А мы не имеем права ротозействовать».

А теперь вспомним недавние события, в которых начальник Генштаба РФ генерал армии Квашнин собрал телекорреспондентов и на весь мир доложил Путину, что в Чечне подлый полковник русской армии зверски изнасиловал и убил чеченку. При этом еще никто ничего не знал, еще следствие только началось, суда не было, а Квашнин уже успел — «не имел права ротозействовать»!

Так чем нынешний начальник Генштаба Квашнин отличается от довоенного наркома ВМФ Смирнова? Пока только тем, что уже в 1939 г. Смирнова расстреляли, как пишет Н.Г. Кузнецов, видевший его уголовное дело, за то, что «умышленно избивал флотские кадры». Сталин и Берия — это тебе не Ельцин с Путиным. При них на подлости далеко уехать было нельзя.

В статье «Семь уроков...» генералы Квашнин и Гареев посетовали хором, что до войны, дескать, «слишком часто менялась оргструктура войск». И спустя два месяца после этого сетования в

«Независимой газете» начальник Генштаба Квашнин полез на телевидение с предложением расформировать десятилетиями отлаженную и отработанную «оргструктуру» Ракетных войск стратегического назначения России.

Повторяю, речь уже не идет о том, понимают ли эти два генерала армии, чем вызваны неудачи РККА в той войне. Речь идет об их умственных способностях: понимают ли они, что именно написано в подписанной ими статье? По крайней мере, в отношении Квашнина можно сказать, что из текста статьи и его личных поступков такой вывод сделать невозможно.

Как видите, и через 60 лет Великая Отечественная война наших генералов ничему не научила. Более того, то ли в своей органической тупости, то ли в слепых амбициях, они и не собираются ничему учиться, им, московским стратегам, и так хорошо — это не они атакуют неподавленные позиции противника с 15-килограммовым ПКМ наперевес.

В 1999 г. мне принесли почитать журнал «Военная мысль», № 1, 1999. Издает его МО РФ, а учредитель — Генеральный штаб. При полумиллионе служащих офицеров и миллионах в запасе этот журнал имеет тираж аж 2375 экз. и, как я понимаю, призван делать «публикации» тем офицерам и генералам, кто решил стать еще и кандидатом или доктором военных наук. На обложке этого номера журнала было обращение редакции к читателям с призывом: «Приглашаем всех принять участие в обсуждении острых дискуссионных материалов».

Я на этот призыв купился и по материалам своих работ написал статью специально для «Военной мысли» о разнице в оперативных целях и тактических приемах противников в ту войну. Ага! Так меня там и ждали с «острым дискуссионным материалом». Мне нагло ответили, что «Военная мысль» не публикует работ на исторические темы. Наглость ответа в том, что в том номере журнала, где помещен призыв, помещена и обширная статья «Железнодорожные войска: история и современность», причем, история рассмотрена с 1851 г.

Удивительного в этом ничего нет: нашему Генштабу тактика и оперативное мастерство никогда не были интересны, у этих гинденбургов голова болит только о карьере, под которой имеется в виду карьера только в мирное время. О войне они и сегодня не думают.

Теперь я хотел бы продискутировать с настоящим историком, с ищущим истину историком, К.В. Колонтаевым из Севастополя, выводы которого я не успел обсудить в свое время, а обсудить их надо, поскольку они в корне неправильны при своей кажущейся очевидности. Ниже я полностью дам его статью, напечатанную в «Дуэли» в 2000 году.

Гнилое кулачество

«Несмотря на обилие источников, посвященных анализу причин катастрофических военных неудач Красной Армии в период 1941–1942 гг., неудач, которые поставили под вопрос само существование СССР и его основных государствообразующих народов, коренная причина этих неудач так до сих пор и не выявлена.

При рассмотрении соотношения сил мы видим, что в 1941 г. на вооружении Красной Армии находилось 23 тысячи танков (в 4 раза больше, чем у Германии, и в 2 раза больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых), 30 тыс. боевых самолетов (в 3 раза больше, чем у Германии, и в 1,5 раза больше, чем у остальных стран мира, вместе взятых).

По количеству автоматического стрелкового оружия в пехоте превосходство Красной Армии над армиями остального мира к июню 1941 г. было более чем абсолютным.

За период 1937–1941 гг. на вооружение Красной Армии поступило 1,5 млн. самозарядных винтовок АВС-36, СВТ-38 и СВТ-40 (*Шунков В.Н.* Оружие вермахта. Минск, «Харвест», 1999, с. 52). Еще примерно 800 тыс. винтовок СВТ-40 было произведено с лета 1941 г. по лето 1942 г., когда их производство было прекращено.

С лета 1940 г. по июнь 1941 г. на вооружение Красной Армии поступило 100 тысяч пистолетов-пулеметов ППД-40.

Согласно предвоенным планам, к середине 1942 г. весь личный состав стрелковых дивизий Красной Армии должен был быть перевооружен самозарядными винтовками, а пистолеты-пулеметы должны были стать индивидуальным оружием младшего и среднего комсостава стрелковых подразделений в боевых действиях. Всего в СССР в 1941–1945 гг. было произведено 7 млн пистолетов-пулеметов ППД, ППШ и ППС.

А как обстояли дела в Германии? В 1933–1938 гг. в Германии не было даже экспериментальных образцов автоматических винтовок. В 1939–1941 гг. в распоряжении вермахта находилось несколько тысяч чешских автоматических винтовок ZH-29 (там же, с. 57–60).

Только столкнувшись с массовым применением Красной Армией автоматических винтовок, вермахт потребовал от своей промышленности немедленно наладить массовое производство соответствующей продукции. Но сделать этого Германии так и не удалось. Всего с 1942-г. по май 1945 г. в Германии было произведено 600 тыс. автоматических винтовок G-41, G-43, FG-42, «Фолькштурмгевер» и в 1944–1945 гг. — 450 тыс. автоматов STG-44 с промежуточным патроном калибра 7,92 мм (там же, с. 52).

Что касается пистолетов-пулеметов, то в период 1939–1945 гг. было произведено 1 млн. единиц их основных образцов типа MP-38 и MP-40, которые у нас больше известны под ошибочным наименованием «шмайсер». Общее производство пистолетов-пулеметов в Германии составило 1 млн. 200 тыс. (там же, с. 70–84).

Итак, сравним: в СССР произведено 2,5 млн. автоматических винтовок и 7 млн. пистолетов-пулеметов, а в Германии, соответственно, 1 млн. 50 тыс. и 1 млн. 200 тыс.

Таким образом развенчивается еще один миф, созданный ветеранскими мемуарами, о якобы подавляющем превосходстве немцев в ручном автоматическом оружии в 1941–1942 гг.

На самом деле к 22 июня 1941 г. на вооружении вермахта находилось немногим больше пистолетов-пулеметов, чем у Красной Армии, и в 1941–1942 гг. основным оружием у 95 % немецких пехотинцев была магазинная винтовка образца 1898 г. К-98 «Маузер».

Только к началу 1945 г. количество немецких солдат-стрелков, вооруженных автоматическим оружием, составило 20 %.

В период же 1941–1942 гг. пистолетами-пулеметами были вооружены младшие офицеры и унтер-офицеры — командиры стрелковых подразделений.

Таким образом, политическое руководство СССР сделало все от него зависящее для подготовки экономики и вооруженных сил к большой войне и вполне было рассчитывать на успех, снабдив вооруженные силы всем необходимым для ее ведения. Поэтому лозунг советской военной доктрины второй половины 30-х годов «Война малой кровью на чужой территории» был не хвастовством, не декларацией, а базировался на прочной материальной основе.

Эта накопленная за предвоенное десятилетие материальная база сохранилась даже спустя три месяца после начала Великой

Отечественной войны, в период формирования стрелковых дивизий военного времени.

Так, 20 августа 1941 г. трое выпускников Военной Академии им. М.В. Фрунзе, Герои Советского Союза полковник К.И. Провалов, подполковники А.И. Петраковский и Д.И. Зиновьев были вызваны в управление по командному и начальствующему составу Наркомата обороны. В разговоре с ними начальник управления генерал-майор А.Д. Румянцев сказал, что они направляются в Сталинскую (Донецкую) область, где возглавят формируемые на ее территории 383, 393 и 395-ю стрелковые дивизии. При этом было подчеркнуто следующее: «Проследите, чтобы военкоматы предоставили обученный приписной состав: красноармейцы, отделенные командиры, помкомвзвода и старшины — все, — подчеркиваю, — все должны быть назначены из числа тех, кто в Красной Армии отслужил самое большое три года назад. Командный состав получите кадровый».

Далее о самом формировании своей 383-й стрелковой дивизии Провалов рассказывает следующее: «Дивизия была сформирована за 35 дней. Среди красноармейцев коммунисты и комсомольцы составляли 10 %. Нас хорошо одели, снабдили продовольствием. На всех были шинели и сапоги. Но самое главное — хорошо вооружили. В стрелковые полки выдали по 54 станковых пулемета. Всего в дивизии их было 162. Зенитный дивизион получил двенадцать 37-мм зенитных автоматических пушек. Артиллерия была в заводской смазке и упаковке. 80 % личного состава выполнили стрельбы из личного оружия на «хорошо» и «отлично». (Провалов К.И. В огне передовых линий. М., Воениздат, 1981, с. 3–4, 12–13).

Особенно характерно наличие в стрелковой дивизии, формируемой в сентябре 1941 г., зенитного дивизиона. В 1942–1945 гг. в Красной Армии зенитные батареи (подчеркиваю, батареи, а не дивизионы) имелись только в гвардейских стрелковых дивизиях, а обычные стрелковые дивизии обходились зенитно-пулеметными ротами.

Кроме того, что дивизия была хорошо вооружена и имела прекрасно обученный красноармейский состав, двое из трех командиров ее стрелковых полков имели боевой опыт первых двух месяцев Великой Отечественной войны. Сам командир дивизии полковник Провалов, кроме академии, имел опыт боев на КВЖД в

1929 г., а в 1938 г. — на озере Хасан. 22 июня 1941 г. в составе группы выпускников академии находился на Яворовском полигоне под Львовом, где готовились показательные тактические учения. После начала войны вплоть до 30 июня исполнял обязанности начальника штаба одного из стрелковых корпусов, оборонявшегося на Львовском направлении. Затем был отозван в академию для сдачи выпускных экзаменов.

Как же проходили бои дивизии в Донбассе? И как ею управляло командование 18-й армии, в которую дивизия входила, и как управляло армией командование Южного фронта с учетом того, что обороняемый фронт Донбасс давал в 1941 г. 60 % каменного угля и 50 % стали СССР и, следовательно, обладание им решало судьбу войны между СССР и Германией?

13 октября 1941 г. дивизия занимает полосу обороны шириной в 50 км (что в 2–3 раза превышало максимальные уставные требования) и 14 октября вступает в бой с группировкой противника в составе 4-й немецкой горнострелковой дивизии и итальянской кавалерийской дивизией «Цезаре» («Цезарь»). В этот день 383-я дивизия полностью уничтожает в огневом мешке полк «Королевских мушкетеров» итальянской дивизии.

Этот рубеж дивизия удерживала 5 дней, уничтожив 3000 немцев и итальянцев и, в свою очередь, потеряв 1500 человек убитыми. Все это при полном господстве немцев в воздухе. Она могла его удерживать и дальше, но 18-го октября получила приказ из штаба армии об отходе. По этому поводу Провалов недоумевал: «Ширина обороны на новом рубеже была ничуть не меньше, чем на первом, и я откровенно не понимал смысла этого отхода» (там же, с. 21–22, 40).

В результате отхода 18-ой армии по приказу командующего Южным фронтом генерал-полковника Черевиченко 19-го октября дивизия заняла оборону на окраине города Сталино (Донецк), находящегося в центре Донбасса. Весь день 19-го октября дивизия ведет ожесточенный бой на окраине города, отбивая атаки противника. Поздно вечером командир дивизии получает по телефону от начальника штаба 18-й армии генерал-майора Леоновича устный приказ в ночь с 19 на 20 октября оставить Сталино. В ответ Провалов отказывается выполнять этот устный приказ и требует письменного распоряжения. Спустя 20 минут с ним по телефону связывается

командующий армией генерал-майор Колпакчи: «С чем ты не соглашаешься, Провалов?» — «Необходимо дать бой за город!» — «А силы?» — «Пока есть. Да и не могу я оставить город без боя!» Трубка долго молчала. Потом командующий согласился» (там же, с. 56–57).

После этого разговора дивизия весь день 20 октября продолжала вести уличные бои в Сталино и покинула город в ночь с 20 на 21 октября и только потому, что отошли, подчиняясь приказам, соседние дивизии.

В общем, получается интересная картина: командир дивизии не хочет выполнять приказ об отступлении, и командующий армией ему милостиво разрешает, если он такой воинственный, пообороняться на прежнем рубеже еще денек-другой.

За 8 дней боев Южным фронтом было оставлено примерно 70 % территории Донбасса, хотя при желании его можно было удержать и сохранить столь необходимые для войны уголь и металл. По этому поводу Провалов отмечал: «Во время боев в Донбассе мы не испытывали недостатка ни в снарядах, ни в минах, ни в ручных гранатах, ни в патронах» (там же, с. 49). Но затем стали испытывать недостаток во всем вышеперечисленном и многом другом как раз из-за того, что оставили большую часть Донбасса.

Таким образом, между прочим, развеивается еще один, и весьма распространенный, миф о причинах поражения советских войск осенью 1941 г. Дескать, «кадровый состав исчез в немецких котлах в Белоруссии и на Украине. А во вновь формируемые дивизии набирали необученную молодежь, интеллигентов-ополченцев, вооружали их бог знает чем. От берданок до чуть ли не петровских фузей. И без артиллерии бросали это «пушечное мясо» под автоматы немецкой пехоты и гусеницы танков. Оттого-то и отступали».

Подведя итоги, можно с уверенностью сказать, что политическое руководство к 1941 г. полностью обеспечило свои вооруженные силы всем необходимым для ведения крупномасштабной войны.

Эта готовность к войне включает в себя не только материальную базу, но и моральное состояние личного состава вооруженных сил. В связи с этим можно отметить, что Красная Армия, потеряв за первые два месяца войны около 650 тыс. человек убитыми, или столько же, сколько русская армия за три года Первой мировой войны, тем не менее сохранила боеспособность, управляемость и способность

посредством контрнаступления добиться поворота войны в свою пользу.

Если политическое руководство выполнило свои обязанности по подготовке СССР к войне, то тогда, рассуждая логически, получается, что главным виновником поражений 1941–1942 гг. является военное руководство СССР, говоря более конкретно, — тогдашний советский генералитет.

Такая ситуация, впрочем, не стала новостью. Аналогичное положение дел имело место и в царской России накануне и в ходе Первой мировой войны.

Как отмечал в своих мемуарах С.Е. Трубецкой, занимавшийся в 1915–1917 гг. вопросами тылового снабжения на различных участках русско-германского фронта: «За многочисленные поражения русской армии в Первую мировую войну главную ответственность несет высший командный состав». Далее он отмечал: «Как самое общее правило, наша рота била немецкую роту, полк бил полк, с дивизией дело обстояло уже хуже, а дальше, чем выше войсковая единица, тем больше у нас было шансов на поражение. Из таких фактов можно сделать заключение, что наше высшее командование по качеству уступало противнику. Один бывший начальник штаба одной из армий, Н.Н. Стогов, споря со мной в 20-х годах в Париже, тем не менее, высказал суждение, которое я хорошо запомнил. Рассказывая об одной крупной военной операции, он сказал: «Войск навезли массу. Знаете, когда много войск, начинаешь бояться: не провернешь». С болью в сердце я читал позже самоуверенные заявления высших военных властей, начиная с Военного министра и начальника Генерального штаба на секретных заседаниях 1912 г., посвященных выяснению вопроса нашей дипломатической и военной подготовки. Наши военные говорили на них о «полной готовности нашей армии». Насколько выше в этом отношении стояли наши моряки с их осторожными, а не легкомысленными «ура-патриотическими» заявлениями». (*Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., «ДЭМ», 1991. С. 140–142).

Но генералами не рождаются, ими становятся, проходя, как правило, всю лестницу офицерских званий. Поэтому пороки генералитета коренятся в пороках офицерского корпуса той или иной страны.

Вот как описывал состояние офицерского корпуса России конца XIX века известный русский общественный и политический деятель, в прошлом кадровый офицер, С.М. Степняк-Кравчинский. В книге «Русская грозная туча» (1886 г.) он отмечал следующее: «Состав русского офицерства сильно отличается от того, что мы привыкли связывать с представлениями о военной касте. Наш офицер — прямая противоположность чопорному прусскому юнкеру, идеалу современного солдафона, который кичится своим мундиром, относится к муштровке солдат с серьезностью совершающего богослужение священника. В России армейские офицеры — непритязательные люди, совершенно лишенные чувства кастового превосходства. Они не испытывают ни преданности, ни ненависти к существующему строю. Они не питают особой привязанности к своей профессии. Они становятся офицерами, как могли бы стать чиновниками или врачами, потому что в юном возрасте родители отдали их в военную, а не в гражданскую школу. И они остаются на навязанном им поприще, ибо надо где-то служить, чтобы обеспечить себя средствами на жизнь, а военная карьера, в конце концов, не хуже любой другой. Они делают все, чтобы спокойно прожить жизнь, отдавая по возможности меньше времени и труда своим военным обязанностям. Разумеется, они жаждут повышения в звании, но предпочитают ожидать производства в следующий чин в домашних туфлях и в халате. Они не читают профессиональной литературы, и если по долгу службы подписались на военные журналы, то журналы эти годами у них лежат неразрезанными.

Если наши военные вообще что-либо читают, то, скорее, периодическую литературу. Военный «ура-патриотизм» совершенно чужд нашей офицерской среде. Если вы услышите, что офицер с энтузиазмом говорит о своей профессии или одержим страстью к муштре, то можно поручиться, что он болван. С такими офицерскими кадрами армия не способна предельно развивать свои агрессивные качества». (*Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. М., «Наука», 1968. С. 29–30).*

Но даже этот, пусть и непрофессиональный по духу, но все же кадровый офицерский корпус русской армии, получивший систематическое военное образование, был почти полностью выбит за три года Первой мировой войны.

К осени 1917 г. офицеры с военным образованием, полученным до Первой мировой, составляли 4 %, остальные 96 % — офицеры военного времени. При этом дворяне среди офицеров военного времени составляли 5 %, выходцы из крестьян — 80 % (*Свиридов В. Время, деньги, знания // Журнал «Армейский сборник», № 2, 2000, с. 66*).

К концу 17-го года основу офицерского корпуса русской армии составляли выпускники школ прапорщиков, которые создавались с осени 1914 г. по осень 1916 г. и имели 3—4-месячный курс обучения.

Эти школы комплектовались вначале лицами, имевшими хотя бы неполное среднее образование или отличившимися в боях солдатами и унтер-офицерами, имевшими хотя бы начальное образование. В дальнейшем в школы прапорщиков принимали и с начальным образованием, а солдат-фронтовиков — хотя бы просто грамотных. Выпускники этих школ считались офицерами военного времени и не могли производиться в чины выше штабс-капитана, а после окончания войны подлежали немедленному увольнению в запас («Армейский сборник», № 2, 2000, с. 65).

На практике этот запрет часто не соблюдался и многие из выпускников школ прапорщиков 1914–1916 гг. к концу 1917 г. имели чины капитана или даже подполковника.

Всего в 1914–1917 гг. из школ прапорщиков было выпущено 81 426 прапорщиков, на ускоренных курсах при военных училищах и Пажеском корпусе — 63 785 прапорщиков. Произведено в прапорщики на фронте за боевые отличия 11 494 солдата и унтер-офицера. Общее количество произведенных в прапорщики в 1914–1917 гг. — 220 тыс. человек (там же, с. 66). Таким образом, становится понятным, почему большинство офицерского корпуса русской армии вступило в ряды Красной Армии. Сознательно или бессознательно, они понимали, что в случае победы режима, реставрации дореволюционных порядков дальнейшая служба в армии для них будет закрыта и после увольнения с военной службы они в лучшем случае пополнят собой маргинальные слои сельской интеллигенции и чиновничества, а в худшем — снова будут пахать землю.

Именно эта категория унтер-офицеров и офицеров военного времени, 1890–1900 гг. рождения, выходцев из среды среднего крестьянства, с начальным и изредка неполным средним

образованием, в 20—30-е годы составила основную часть командного состава Красной Армии, а к 1940 г. составляла и основную массу генералов Красной Армии.

Чисто мужицкая цепкость и неумное стремление пробиться наверх, не считаясь с количеством чужих отдавленных ступней, сочетались у них с присущим русскому зажиточному крестьянству подобоострастием к начальству и презрением к нижестоящим. Все это, вкупе с низким уровнем общего и военного образования и фельдфебельско-унтерским типом личности, делало их малоспособными к самостоятельному повышению своего общеобразовательного и военно-профессионального уровня. Их основные интересы лежали за пределами воинской службы, сводясь к самоутверждению посредством усиления внешних признаков власти.

В фондах Музея героической обороны и освобождения Севастополя хранится машинописный текст воспоминаний И.М. Цальковича, который в 1925—1932 гг. был начальником управления берегового строительства Черноморского флота. В одном из разделов своих воспоминаний он между прочим отмечал, что в середине 20-х годов командный состав ЧФ делился на две равные части. Одна состояла из бывших кадровых офицеров царского флота, другая — из бывших кондукторов, флотских фельдфебелей, унтер-офицеров и боцманов. Обе эти части сильно враждовали друг с другом, единственное, что их объединяло, — «стремление выжить матросню из севастопольского Дома военморв им. П.П. Шмидта (бывшее Офицерское собрание)».

Понятно, что с такими задачами было не до повышения своего профессионального уровня. При таком генералитете — из числа бывших фельдфебелей и унтеров, наиболее ярким и всесторонним воплощением которого является личность Г.К. Жукова, генерала армии в 1941 г. — удивительно не то, что Красная Армия терпела поражения, а то, что они не приобрели еще более катастрофического характера.

Красную Армию во многом спасло то, что уровень военного искусства гитлеровского генералитета оказался также намного ниже того, какой имели кайзеровские генералы во время Первой мировой войны. Об этом мимоходом упомянул в своих мемуарах К.К. Рокоссовский.

Это подтверждается конкретными фактами. Когда в апреле 1918 г. один из германских корпусов, направленных в Крым с целью его захвата, столкнулся на Перекопском перешейке с частями Красной Армии Крыма, то командовавший им генерал Кош не стал штурмовать занимаемые красноармейскими частями выгодные позиции в лоб, а предпочел обойти их вброд, через Сивашское озеро, выйдя таким образом в тыл оборонявшимся. Спустя 33 года, в сентябре — октябре 1941 г., такое решение просто не пришло в голову командующему штурмовавшей перекопские укрепления 11-й немецкой армии генерал-полковнику Манштейну. Он предпочел гнать свои дивизии в лоб на перекопские укрепления, потеряв при их взятии за два месяца 10 тыс. солдат и офицеров убитыми, или столько же, сколько все германские вооруженные силы потеряли в 1939 г. во время захвата Польши. Мысль о возможности обойти советские позиции вброд через Сиваш не пришла в голову Манштейну и спустя 10 лет, когда он писал мемуары «Утерянные победы».

Впрочем, такое понижение оперативно-тактического уровня германского генералитета вполне объяснимо. Имея 16 лет (1919–1934 гг.) армию в количестве 100 тысяч человек, без боевой авиации, танков и тяжелой артиллерии, нельзя было не утратить определенные навыки в вождении крупных масс войск.

Победы Красной Армии стали возможны только тогда, когда в 1941–1942 гг. под влиянием военных неудач существенно обновился ее генеральский корпус. Когда генеральские звания и должности стали получать родившиеся в 1901–1910 гг. полковники, которые поступили на службу в Красную Армию рядовыми красноармейцами в годы Гражданской войны или в 20-е годы. Наиболее известным из этого поколения генералов Красной Армии является И.Д. Черняховский, который начал в 1941 г. войну в звании полковника, а погиб в 1945-м в звании генерала армии.

Генералы, которые начинали свою военную карьеру красноармейцами в годы Гражданской войны или в 20-е годы, относились к подчиненным без фельдфебельско-унтерского хамства и гораздо лучше воевали.

Весьма показательна в этой связи биография уже упоминавшегося в данной статье Героя Советского Союза И.К. Провалова. В 1927 г. он — рабочий-шахтер, в возрасте 21 года призывается в Красную Армию.

В 1929 г. командиром пулеметного расчета принимает участие в боях с китайцами на КВЖД. После окончания действительной военной службы в 1930 г. поступает в пехотное училище. В 1932–1936 гг. командует взводом, ротой. В 1937 г. оканчивает курсы среднего командного состава и в звании капитана назначается начальником штаба стрелкового полка. Спустя год, в августе 1938-го, он, командуя 120-м стрелковым полком 40-й стрелковой дивизии, участвует в штурме сопки Заозерная в ходе советско-японского конфликта на озере Хасан. Во время одного из боев получает тяжелое ранение и в госпитале узнает о присвоении ему звания Героя Советского Союза и о досрочном производстве из капитанов в полковники.

Однако такой головокружительный взлет не вызвал у него переоценки своих возможностей, и когда после его выхода из госпиталя командуемый советскими войсками на Дальнем Востоке комкор Штерн предложил ему должность командира дивизии, то 32-летнего свежееиспеченного полковника охватили такие раздумья: «Итак, мне предлагали командовать дивизией. Я понимал, что боевой опыт у меня есть, но он никак не мог компенсировать недостаточность моего военного образования. По сути дела оперативное искусство было для меня за семью печатями. Попав в госпиталь, в избытке имея время для размышления, я пришел к выводу, что главная моя задача — учиться. Родилась мечта об академии им. Фрунзе» (*Провалов К.И.* В огне передовых линий. С. 7–9).

Когда Провалов в ответ на предложение Штерна принять командование дивизией сказал, что желает поступить в академию, то тот воспринял это как личное оскорбление. Затем аналогичная сцена повторилась в разговоре с начальником управления по командному и начальствующему составу НКО армейским комиссаром 1-го ранга Щаденко. И только проявленная Проваловым воля, настойчивость позволили ему настоять на своем и поступить в академию. Свой рассказ об этом Провалов заключил следующим мнением: «Когда я летел в Сталино, я вдруг представил себе, что 383-ю стрелковую дивизию прибыл формировать тот самый свежееиспеченный полковник из 1938 года. Вот после академии — в самый раз» (там же, с. 8–9).

Больше, пожалуй, к этому добавить нечего.

К.В. Колонтаев, Севастополь».

Дворяне еще хуже

Оставлю в стороне часто спорные технические и военные суждения Константина Колонтаева, остановлюсь на главном для данного случая: К. Колонтаев считает, что гнилость советского генералитета во многом определилась кулацкой базой его формирования. С этим нельзя согласиться — если отбросить ностальгическую песенную глупость о поручике Голицыне и корнете Оболенском, то дворянство как база формирования офицерства было еще хуже. В принципе Колонтаев сам об этом написал, но я кое-что добавлю.

В России до определенного времени смыслом существования дворянства была вооруженная защита Отечества. Дворяне — солдаты, а царь — их генерал. В старые времена, чтобы содержать одного человека, который из-за занятости не способен прокормить себя непосредственной работой в сельском хозяйстве, нужно было не менее 10 крестьянских дворов. Из-за низкой производительности труда в суровых условиях России именно такое количество людей давало добавочный продукт, которого хватало на еду, одежду и оружие одного воина. Поэтому князья, а затем цари закрепляли за воинами землю и дворы с крестьянами. Это было разумно и имело смысл: просто наемник, если платить ему только деньги, испытывал любовь только к деньгам и мог переметнуться к любому, кто эти деньги мог заплатить в большем количестве. Русский дворянин защищал не просто государство, но и свою землю со своими крестьянами. За заслуги князь или царь закреплял за отличившимся много земли и крестьян, но тогда на войну такой дворянин шел с собственным отрядом бойцов.

Если же дворянин по любым причинам прекращал службу, то у него изымались и земля, и крепостные. Если дети умершего дворянина к 15 годам не становились в строй, у них отбиралось имение отца. Иногда из-за страха перед ратной службой дети дворянские записывались в другие сословия, скажем, в купцы, и у них отбиралась земля и крепостные. Звучит парадоксально, но в допетровские времена существовали царские указы, запрещающие дворянам переходить... в холопы, т. е. в крепостные. Впоследствии бедные дворяне часто не

имели ни земли, ни крепостных, но до самой отмены крепостного права в 1861 г. никто, кроме них, не имел права их иметь.

На начало XVIII в. армия России составляла примерно 200 тыс. человек при 3–5 тыс. офицеров. Четверть этой армии, т. е. более 50 тыс. человек, были дворянами, остальные — рекруты из крестьян и других сословий. Еще во времена Суворова служба потомственного дворянина до самой старости рядовым или сержантом была обычным делом, а если дворянин был неграмотным, то и обязательным.

Но придурок-царь Петр III, решивший взять себе за образец «цивилизованные» страны Европы, в 1762 г. освободил дворян от службы России. Беспрецедентный случай — оподление сословия произошло насильно — сверху. Теперь русский дворянин неизвестно за что имел крепостных и землю (титулованные дворяне — князья — имели их очень много), но мог не служить! Брал, но мог не давать!

Процесс оподления, к чести дворян, шел не очень быстро, и тем не менее, к началу XX в. дело дошло до того, что даже в офицерском корпусе русской армии потомственных дворян осталось чуть более трети. Поэтому на дворян была распространена воинская повинность, что было позором, если учесть, кто такой дворянин изначально, и тем не менее, к началу Первой мировой войны (1914 г.) из 48 тыс. офицеров и генералов русской армии потомственные дворяне составили всего около 51 %. Обратите внимание: в 1700 г. в армии было 50 тыс. дворян, в 1914 г. не было и 25 тыс.

При этом в России на 1914 г. было 1,5 %, или почти 2,5 млн. дворян, т. е. не менее 250 тыс. призывного контингента. И эти дворяне не способны были укомплектовать 50 тыс. офицерских должностей!

Еще. По реформе 1861 г. дворянам оставили в собственность 80 млн. десятин земли. Многие дворяне эту землю профукали, к 1913 г. во владении дворян осталось всего 50 млн. десятин и 55 тыс. поместий. Уже и земли дворяне не имели, а служить России не желали! И, естественно, не желали служить России те, кто землю и собственность имел.

Так, к примеру, на 1903 г. из элиты сухопутных войск — из 159 генерал-майоров Генерального штаба — только 13 имели земельную собственность и 4 человека — собственные дома. Остальные имели только жалованье. На 2696 полковников русской армии приходилось всего 24 князя и 11 графов; на 1392 генерала — 25 князей и 23 графа,

т. е. в армии уровень титулованной, самой богатой части дворянства продолжал неуклонно падать (среди полковников чинов титулованной знати меньше, чем среди генералов). При этом титулованное дворянство имело в армии неофициальное преимущество — в среднем на 3 года раньше повышалось в чинах.

Война, в которую вступила Россия в 1914 г., никаких патриотических чувств в массе уже подлого дворянства не подняла: не задела она ни чувства совести, ни чувства ответственности. (Как не задел никаких чувств развал СССР в массе т. н. «коммунистов»). Подлецам подобные чувства неведомы. К началу 1917 г. в армии было 115 тыс. офицеров — количество, которое без труда и несколько раз могло укомплектовать 2,5-миллионное российское дворянство. Тем не менее к этому году, к примеру, в Иркутском военном училище из 279 юнкеров было всего 17 детей дворянских. Если скажете, что в Сибири дворян было мало, то вот данные по Владимирскому военному училищу: из 314 юнкеров 25 детей дворянских. На фронте производили в прапорщики из солдат: 80 % прапорщиков — крестьяне, 4 % — дворяне. Вот и найдите в этих цифрах тех самых пресловутых поручиков Голицыных и корнетов Оболенских.

Вы можете сказать, что наши старинные дворянские роды были большими гуманистами и интеллигентами, крови не любили и по большей части употребляли себя в гражданской службе Отечеству, раз царь Петр I предусмотрел и такую их службу. Как же! Разогнались они!

Вот, к примеру, календарь-альманах «Царь колокол» на 1913 г., в нем справочные данные об императорской фамилии Романовых и о Главном управлении России. Всего в справочнике указано (кроме царя) 275 главных лиц этого управления — министры, начальники департаментов, командующие округами, флотами, губернаторы, градоначальники, послы и т. д. Среди них титулованных дворян всего 34 человека: по одному князю из родов Кочубеев, Львовых, Оболенских, Горчаковых и Мосальских; 7 графов — по одному из родов Голенищевых-Кутузовых, Воронцовых-Дашковых, Мусиных-Пушкиных, двое из рода Татищевых и двое из рода Игнатьевых. Итого — 12 человек. Вы спросите — а кто же остальные титулованные дворяне, недостающие до числа в 34 человека? А остальные — это немецкие, французские и прочие бароны и графы — от барона Таубе

до графа Бреведон де ла Гарди. А всего иностранцев 74 человека из 275 человек Главного управления России — 27 %.

Можно сказать, что вот, дескать, сегодня евреи власть в России обсели, а тогда, дескать, немцы. Это не так, это другой случай. Говорить о засилии немцев можно было бы только в том случае, если бы все остальные должности Главного управления были переполнены князьями Долгорукими, Трубецкими, Щербатовыми, Новосильцевыми и т. д. и т. п. Но ведь этих оподлившихся дворян не было ни в губернаторах, ни в послых. Им на шее крестьян было очень хорошо, и не желали они России служить. Вот вместо них немцев и нанимали. Дворяне Россию обжирали, а служили ей немцы и те дворяне из русских, кто дворянство недавно выслужил, таких было полно и в Главном управлении — всяких кияшко, Галкиных, хвостовых, Озеровых и прочих Сидоровых.

И пример подлости российскому дворянству подавал, как и полагается, самый главный дворянский род России — Романовы.

В семье Романовых было на 1913 г. 32 человека мужского пола, из которых около 20 — цветущего, продуктивного возраста. Честно служил только двоюродный дядя царя — великий князь Николай Николаевич. Он был главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, честно и не без талантов отвоевал всю войну. Еще один великий князь — Константин Константинович — имел халявную должность Генерал-инспектора военно-учебных заведений, при том что этими заведениями руководило Главное управление под начальством генерала от инфантерии А.Ф. Забелина. Наследник Алексей по традиции числился атаманом всех казачьих войск. И все. Остальные Романовы ни в губернаторах, ни в командующих, ни в министрах, ни в послых не замечены. Где-то кем-то числились и были довольны.

Были довольны потому, что доход семьи Романовых складывался из доходов от эксплуатации почти 8 млн. десятин русской земли. Что это за количество, поясню таким сравнением. Самыми богатыми землепашцами России были казаки, их числилось в России 2,3 % (около 3,8 млн. человек). За всеми казаками России числилось 3,5 млн. десятин войсковых земель. А за семьей Романовых — почти 8 млн. десятин! Могли Романовы взамен этих взятых у России богатств что-то ей дать? Да, но это было бы честно. А подло — брать и ничего

взамен не давать! Так Романовы и жили. И глядя на них, так жило оподлившееся дворянство.

А вот К. Колонтаев отцитировал воспоминания князя С.Е. Трубецкого «Минувшее». Но посмотрите, как князь описывает то, что их дворянской семье удавалось урвать от России:

«Оба мои деда, особенно Щербатов, любили покушать, отец же и мать относились к еде весьма равнодушно (особенно Мама), но, конечно, считали естественным, чтобы еда была очень хорошая.

Несмотря на нашу «скромность» в еде, иметь кухарку, а не повара даже на ум не приходило, а повару был нужен еще помощник, а еще на кухне считалась необходимой специальная судомойка. Все это на семью из четырех человек (потом — пять, когда родилась сестра Соня). Еще была многочисленная прислуга, штат которой, искренно, казался нам очень скромным по сравнению, например, с большим штатом людей у Дедушки Щербатова. Дедушка же рассказывал, что штат прислуги у их родителей (моих предков) был неизмеримо больше, чем у них. Так шло упрощение быта наших семей, из поколения в поколение, еще до всяких революций...»

Даже выкинутый из России в эмиграцию, Трубецкой в подлой наглости полагает, что то, что им на четырех человек готовили еду всего лишь повар с помощником и посудомойкой, это такое демократическое «упрощение быта», что Россия князьям Трубецким (мать его из рода князей Щербатовых) должна быть век за это благодарна.

Еще цитата: «Вина Elana (ударение на втором слоге. — Ю. М.) пил очень мало, что не мешало все же, при всей скромности нашего погребца, выписывать из Германии бочонками любимый Elana Рейнвейн, а специально для Дедушки держать какую-то замечательную мадеру. При званых обедах подавать за столом русское вино казалось тогда неприличным, для них было совершенно необходимо бордо — красное и белое — и, надо сказать, что такого Сотерна, или Икема, который я пил у нас и у других в России, во Франции мне пить не приходилось. У нас были отличные наливки, запеканки и фруктовые ликеры домашнего изделия, но на обедах с гостями эти напитки не подавались, не говоря уже о разных квасах — хлебном, сухарном, клюквенном, яблочном, и водичках — черносмородиновой и др. Все это подавалось только за нашим

обычным столом. Водки у нас в доме почти не употребляли, а мы с братом до самой Мировой войны ее совсем не пили (не считая иногда зубровки)».

Что же взамен давали России князья Трубецкие? Дед Трубецкого еще помнил, что в молодости он служил адъютантом главнокомандующего под Севастополем. Но отец Трубецкого уже вольный философ. И сам Трубецкой отслушал курс Московского университета на историко-филологическом факультете. Брат его тоже окончил филологический. Поскольку слово «чиновник» Трубецкой считал уничижительным, то после получения диплома он несколько лет до Первой мировой войны ошивался за границей, посещая памятные и значные места по всей Европе.

С началом войны «закошил» от армии, сославшись на плохое зрение (на данных в книге фото его нигде нет в очках), устроился в «Союз земств и городов» (видимо, для того, чтобы во время войны носить хоть какую-то форму) и поставлял в армию кожу на подошвы, лопаты и т. п. И вся его родня была такая. Когда уже в 1917 г., после Февральской революции, катастрофически не хватало мужиков ни на фронте, ни на селе, у его тетки, княгини Новосильцевой, мобилизовали официантов. И тетка подала заявление в суд с возмущенными словами: «Дело дошло до того, что нам за столом подавала женская прислуга!» И плевать было этой паразитке и на войну, и на Россию, главное — чтобы за столом ей мужчины прислуживали!

В своем подлом праве паразитировать Трубецкой совершенно откровенен. Он, к примеру, пишет:

«А уж, кажется, в «недемократичности» нашу армию последнего периода упрекнуть было невозможно! Скорее — наоборот. Высший командный состав армии был обычно скромного, а часто — очень скромного происхождения. Чего, кажется, скромнее происхождение, например, генералов Алексеева и Иванова, занимавших в нашей армии самые высшие посты. И это было не исключение, а скорее правило. Например, можно отметить, что за время Мировой войны ни один Главнокомандующий или Командующий армией не носил громкой, тем более титулованной русской фамилии! Люди с такими именами сражались на куда менее видных постах. И это нельзя назвать неожиданным для тех, кто следил за эволюцией в отношении к

военной службе среди нашей аристократии и высшего дворянства. Среди этого слоя общества, тоже за последний период русской истории, начался какой-то отход от армии, при этом менее понятный, чем в рядах интеллигенции. Вот пример из истории нашей собственной семьи, но типичный для многих. Поколения три тому назад все наши предки были военными, а в следующих поколениях военных, наоборот, было очень мало. При этом «интеллигентского» отталкивания от армии у нас не было. Как сейчас помню ответ моего отца — это было в мои студенческие годы — на уговоры войти в какое-то пацифистское «Общество мира». «Я признаю в России только одно «Общество мира», — ответил мой отец, — русскую армию!» Характерно, что у меня, как со стороны отца, так и со стороны матери, оба прадеда были полные генералы, деды, служившие в гвардии, ушли в отставку еще в обер-офицерских чинах, мой отец только отбыл воинскую повинность и, единственный из четырех сыновей деда, был офицером запаса...»

Как вам нравится этот бывший князь, а теперь «интеллигент»? Ведь это позор, что они, Трубецкие, владеют сотнями тысяч десятин русской земли, паразитируют на ней, болтают красивые слова о русской армии, а защищать эту землю и себя поручают Ивановым и алексеевым! Но подлецы подобного позора не замечают...

И не кулак-хозяин, многие из которых были хотя и алчными, но истовыми тружениками, а именно паразиты-дворяне стали примером для подражания как нашей интеллигенции, так и значительной части советского офицерства. Благо не только во флоте, но и в Красной Армии сразу после Гражданской войны служило огромное количество дворян, в том числе и родовитых, которые часто и не скрывали своего презрения к «черной кости» — к солдатам.

Упомянутый мною генерал А.Т. Стученко в начале своих воспоминаний описывает кадровый состав кавалерийского училища, в котором он учился в первой половине 20-х годов. В то время инспектором (командующим) кавалерии Красной Армии был бывший генерал царской армии Сметанников, начальником училища — бывший полковник Соседов, преподаватель тактики — бывший генерал Ротштейн, заместитель начальника — барон фон Вольфенгаген, курсантами — два князя Потемкиных, командиром эскадрона — бывший корнет Пац-Помарнацкий. О нем Стученко

вспоминает так: «По манерам, щегольству, лоску — это классический представитель дворянства и старой гвардейской конницы. Ему лет 25–27. Высокий, стройный. Бакенбарды чуть не до подбородка. В руке неизменный стек. Сапоги «бутылкой» сияют свежим глянцем. В зубах всегда папироса; он и разговаривает, не вынимая ее изо рта. Нас этот аристократ вообще не замечает. Все распоряжения отдает только через вахмистра — старшину эскадрона... Щеголь Пац-Помарнацкий как-то на учениях пустил в дело свой стек — ударил по спине зазевавшегося курсанта. «За физическое оскорбление» подчиненного бывший корнет попал под суд».

Так что, строго говоря, худшей части офицерства Красной Армии было у кого набраться спеси и презрения к солдатам. В то же время, честности, самоотверженности, храбрости и мужества русское дворянство новому офицерству не передало, ввиду катастрофического отсутствия этих качеств у самого дворянства.

Намного лучше царских

После смерти Сталина всякий, окончивший литературный институт, т. е. научившийся писать без большого количества ошибок, берется судить о Сталине, хотя в своей жизни не управлял никем, кроме жены, да и то, когда она спит, а величайшим для себя горем считал перенос защиты диссертации с мая на сентябрь. При этом в своих суждениях он опирается на басни хрущевцев. Но ведь они при жизни Сталина говорили одно, а после смерти — другое. Такие люди во все времена и у всех народов считаются подлецами. Как же можно судить о человеке по тому, что о нем говорит человеческая мразь — подлецы?

Может быть, лучше прислушаться к равным ему по уму и по занимаемому посту, пусть даже это будут его враги? Что думали о нем Гитлер и Черчилль — его современники?

Мне могут сказать, что иностранцы, в том числе и Гитлер, не могли знать о Сталине всего. Согласен, поскольку всего знать о Сталине не мог никто. Но согласитесь и вы — от знаний Гитлера о Сталине зависела жизнь, судьба и цель жизни самого Гитлера, поэтому, получая данные от всех видов разведки, от тысяч наших предателей и просто пленных, он вряд ли знал о Сталине меньше, чем нынешние историки. Ему его знания нужны были не для диссертации. Так вот в отличие от историков Гитлер никогда не строил иллюзий относительно того, кому именно Германия с подчиненной ей Европой обязаны поражением в войне. Никаких советских маршалов и генералов он никогда в стратегическом плане в расчет не принимал, как профессионалы они его никогда не заботили. Но уже с самого начала войны он понял, кто для него является проблемой; Гитлеру также было понятно и то, откуда взялась мощь и стойкость советского народа в войне.

«Сообщество можно создать и охранить только силой. И не нужно поэтому осуждать Карла Великого за то, что он путем насилия создал единое государство, столь необходимое, по его мнению, немецкому народу.

И если Сталин в минувшие годы применял по отношению к русскому народу те же методы, которые в свое время Карл Великий применял в отношении немецкого народа, то, учитывая тогдашний культурный уровень русских, не стоит его за это проклинать. Сталин тоже сделал для себя вывод, что русским для их сплочения нужна строгая дисциплина и сильное государство, если хочешь обеспечить прочный политический фундамент борьбе за выживание, которую ведут все объединенные в СССР народы, и помочь отдельному человеку добиться того, чего ему не дано добиться собственными силами, например, получить медицинскую помощь.

...И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души», — делился Гитлер в узком кругу своих единомышленников.

Риббентроп вспоминал: «В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, негибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. — Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба».

А вот премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль счел необходимым сказать об этом открыто. Спустя три года после того, как в СССР партаппаратчики спустили шавок от истории и журналистики на Сталина, после того как весь обрадованный Запад подхватил эту

антисталинскую истерию, выдающийся антикоммунист Черчилль, от своего лица и от лица покойного президента Ф. Рузвельта, сказал 21 декабря 1959 г. в своем выступлении в палате общин в канун 80-летия со дня рождения Сталина:

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают».

И, наконец, следует пояснить, что имел в виду Гитлер, когда говорил о «воспитании русских».

В 1914–1917 гг. царская Россия тоже воевала с немцами в Первой мировой войне, в той войне тоже были и примеры русской доблести, и примеры русской стойкости. Также были убитые, раненые, пленные. И вы понимаете, что чем более мужественен и более предан Родине человек, тем больше вероятности, что в бою его убьют, но в плен он не сдастся. А чем больше человек трус, тем больше вероятности, что он

сдастся в плен, даже если еще мог сражаться. Давайте сравним эти две войны.

Н. Яковлев в книге «1 августа 1914» определил количество наших пленнх Первой мировой в 2,6 млн., в других источниках это число уменьшено до 2,4 млн.

Но есть и другие данные. В 1919 году «Центробежплен» — организация, занимавшаяся возвратом пленнх в Россию, по своим именным спискам и учетным карточкам учла следующее количество пленнх русских военнослужащих:

В Германии — 2 385 441;

в Австрии — 1 503 412;

в Турции — 19 795;

в Болгарии — 2452.

Итого — 3 911 100.

Добавим сюда и 200 тыс. умерших в плену и получим цифру более 4 млн. человек. Но мы возьмем самую малую цифру — 2,4 млн.

Для характеристики боевой стойкости армии есть показатель — количество пленнх в расчете на кровавые потери, т. е. количество пленнх, соотнесенное к числу убитых и раненых. По русской армии образца 1914 г., из расчета минимального количества — 2,4 млн. пленнх, этот показатель таков: на 10 убитых и раненых в плен сдавалось 1,9 офицера и 4,4 солдата. (Прошу простить за неуместные дроби).

Для введения в статистику и генералов ужесточим показатель — введем в расчет только убитых генералов, поскольку у меня нет данных по раненым советским генералам. В царской армии в Первую мировую войну было убито и пропало без вести (если генерал не убит, то вряд ли он в плену пропадет без вести) 35 генералов, сдалось в плен — 73. На 10 убитых генералов в плен сдавался 21 генерал.

У меня нет раздельных по офицерам и солдатам цифр кровавых потерь и пленнх Красной Армии за всю войну. Придется считать их вместе.

Безвозвратные потери Красной Армии за всю Великую Отечественную войну — 8,6 млн. человек (тут и умершие от несчастных случаев и болезней). Около 1 млн. умерло в плену, их следует вычесть, останется 7,6 млн. Раненые — 15,3 млн., общие кровавые потери — 22,9 млн. Следовательно (из расчета 4 млн.

пленных), на 10 убитых и раненых в плен сдавалось 1,7 человека, что даже выше, чем стойкость только офицеров старой русской армии.

Но у меня есть данные о раздельных потерях Красной Армии при освобождении государств Восточной Европы и Азии в 1943–1945 гг. Эти цифры более сравнимы с цифрами Первой мировой войны, более корректны, так как не содержат в числе пленных безоружных призывников и строителей, которых немцы сотнями тысяч брали в плен в начале войны.

В этих боях погибло 86 203 советских офицера, было ранено 174 539, попало в плен и без вести пропали — 6467 человек. На 10 убитых и раненых — 0,25 пленных.

Погибло 205 848 сержантов, 459 340 были ранены, попали в плен и без вести пропали — 17 725 человек. На 10 убитых и раненых — 0,27 пленных.

Погибло 664 718 солдат, 2 270 405 были ранены, попали в плен и без вести пропали — 94 584 человека. На 10 убитых и раненых — 0,3 пленных.

Этот показатель удобнее обернуть — разделить на него десятку. Тогда выводы будут звучать так.

В войну 1914–1917 гг. немцам для того, чтобы взять в плен одного русского офицера, нужно было убить или ранить около 5 других офицеров. Для пленения одного солдата — около двух солдат.

В войну 1941–1945 гг. неизмеримо более сильным немцам для того, чтобы взять в плен одного советского офицера, нужно было убить или ранить 40 других офицеров. Для пленения одного солдата — около 32 солдат.

За войну было убито и умерло от ран 223 советских генерала, без вести пропало 50, итого 273, сдалось в плен 88 человек. На 10 убитых и пропавших без вести 3,2 сдавшихся в плен, или надо было убить трех советских генералов, чтобы один сдался в плен.

Чтобы в плен сдался или пропал без вести один советский офицер, нужно было убить 14 офицеров, чтобы сдался или пропал без вести один советский солдат, нужно было убить 10 солдат. Генералы и тут всю статистику портят, но и у них результат все же лучше, чем при царе.

Следовательно, при коммунисте Сталине боевая стойкость генералов была в 6,5 раза выше, чем при царе, боевая стойкость

офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 16 раз!

Вот это была русская армия!

Однако куда денешься от ее огромных потерь? И их причинами надо заниматься.

Часть 7. На границе миров

Запад

Однако прежде чем заняться вопросами современного офицерства, давайте потратим немного времени на рассмотрение вопроса о том, кто мы, русские, такие, откуда взялись и чем отличаемся. Вспомним — наше государство расположено в центре материка, окружено другими государствами и почти нигде не имеет и не имело с ними естественных границ — гор или морей. Последнее время СССР занимал самую большую площадь на планете, но ведь не всегда было так. Начиналась Россия с небольшой территории на северо-западе страны, а окончательного размера достигала сотни лет, непрерывно двигаясь на юг и восток.

Жить в России нелегко и по географическим, и по климатическим условиям. Короткое, хотя часто и жаркое, лето сменяется длинной и часто холодной зимой. Это требует большого труда на строительство теплых жилищ, но главное — на их обогрев.

Огромные расстояния требуют больших затрат энергии на их преодоление — царские гонцы на дорогу из конца в конец государства тратили годы.

Такой вот пример. Императрица Елизавета, взойдя на престол, посылает на Камчатку своего курьера Шахтурова, чтобы он не позже, чем через полтора года, к ее коронации, привез «шесть пригожих, благородных камчатских девиц». Императрица слабо представляла себе размеры государства и трудности передвижения в нем: только через 6 лет гонец с отобранными девицами смог на обратном пути достичь Иркутска. Там у него кончились деньги, да, видимо, и девиц он действительно отобрал пригожих, так как к тому времени как-то так получилось, что они уже все были или с детьми, или беременны. Несчастный гонец, понимая, что безнадежно запоздал, запрашивает Петербург из Иркутска, что же ему дальше делать с «девицами»?

Жить в нашем государстве значительно труднее, чем в любом другом, — значительно дороже. Урожаи из-за климата меньше, чем в других странах, а, следовательно, пахать, сеять и убирать надо и больше, и дольше. По сравнению с гражданами других государств житель России тратил и тратит в несколько раз больше труда только на

то, чтобы просто выжить. И тем не менее, никто так не любил свою Родину, как русские, никакой другой народ так мало не уезжал в другие страны, никто так не тосковал за границей по Родине, как они. Хотя это лирика, но нужно заметить, что мало кто в мире так любил свободу, и мало у кого это свободолюбие подвергалось столь жестоким испытаниям.

И дело здесь вот в чем.

На запад от России всегда жили оседлые народы. Они строили города и села, сеяли хлеб и производили сталь. Эти народы были объединены в государства, и главы государств, руководствуясь теми или иными соображениями, вели между собой войны. Нападали они и на Россию. Однако особенностью войн с Западом было то, что там ни один противник не оставался безнаказан, и войны эти в сути своей велись в основном не на уничтожение, а ради обогащения.

Если западные короли посылали войска захватить или ограбить города России, то, выдержав натиск, русские цари или князья вели войска в западные страны, где грабили их города. Абсолютно точно было известно, где живет агрессор, и укрыться от возмездия он не мог.

Целью войн был грабеж, но уничтожение населения не поощрялось и было бессмысленным. Действительно: зачем, захватив вражеский город и приняв его под свое подданство, убивать его жителей? Кто бы тогда платил налоги? Зачем убивать пленных солдат и рыцарей, если их можно нанять в свою армию и не тратить деньги на обучение новых?

На Западе война стала основным делом, промыслом, если не сказать, развлечением королей, герцогов, баронов. Были разработаны правила ведения войны сродни футбольным. Три штурма крепости давали ее защитникам законное право сдаться, при этом они не испытывали ни мук совести, ни позора со стороны жителей, которых они защищали, — таковы были правила. Рыцарь заключал договор с королем (оммаж) или герцогом, где оговаривалось, где и сколько он будет ему служить и сколько за это получать. В качестве платы обычно давались города и села, судьбой и жизнью населения которых нанятые рыцари распоряжались как хозяева. Жалобы крепостных на рыцарей судами не принимались. Служба королю была ограничена по времени, например, два месяца в году, а иногда и 40 дней. Успел король за этот срок закончить войну или не успел, для рыцаря это уже не имело

значения. Он мог с войны уехать. Переход из «команды» в «команду» не возбранялся. Если рыцарю или барону другой король или герцог предлагали больше, то он честно возвращал взятое на старой службе и шел к новому сюзерену.

Но в бою рыцарь, как честный человек, обязан был драться за своего короля, не жалея жизни, правда, до тех пор, пока его король был жив и свободен. Король обычно находился под знаменем, и до тех пор, пока знамя было видно рыцарю, он и сражался. Если знамя падало, а это означало, что король или убит, или пленен, то рыцарь мог без зазрения совести и без ущерба для чести бежать с поля боя. Например, довольно строгий устав ордена тамплиеров требовал от рыцаря не покидать поля боя даже в случае поражения, пока над полем боя развевалось знамя ордена. И лишь после того, как оно упало, «рыцарю можно искать спасения там, где Бог поможет».

Мирным жителям в этих состязаниях отводилась роль зрителей, оплачивающих стоимость зрелища. Их обычно не трогали, хотя, конечно — на войне, как на войне — и их тоже могли грабить прямо или контрибуцией, но на жизнь их никто, как правило, не покушался. Например, когда король Швеции осадил столицу Дании, то датчане, не имея возможности из-за осады продавать продовольствие войскам своего короля, продавали его без всяких колебаний вражеским войскам, поскольку вражескими они были только для короля, а населению в принципе было безразлично, кому продавать и кому, кстати, платить налоги — этому королю или другому.

Эстетической стороне этих зрелищ придавалось большое значение, они оформлялись как грандиозные шоу. Французский офицер так описывает вступление наполеоновских войск в Вену в 1805 году: «Жители обоих полов теснились в окнах; красивая национальная гвардия, расположенная на площадях в боевом порядке, отдавала нам честь, их знамена склонялись перед нашими, а наши орлы — перед их знаменами. Ни малейший беспорядок не нарушал этого необыкновенного зрелища». Но и Париж в 1813 году не останется в долгу: как только стало известно, что капитуляция подписана и штурм не будет, нарядная, веселая толпа заполняет бульвары для встречи победителей.

Долгое время примерно по таким правилам жили и россияне, правда, они были более свободолюбивые, они не то, что власть рыцаря

— княжескую власть над собой признавали весьма относительно. В давние времена даже не они были вассалами князя, а он принимался ими на службу, осуществляя с помощью своей дружины их военную и уголовную защиту. И если какому-либо российскому городу князь не нравился, то его просто изгоняли и подыскивали нового. Порой это было несправедливо, как в случае, когда, например, новгородцы изгнали Александра Невского, но это было. Одновременно и князья власть великого князя над собой принимали от случая к случаю, непрерывно враждуя с ним и между собой. Как сказали бы сейчас наши демократы, отстаивали свой суверенитет. Разумеется, ведя бесконечные междоусобицы, они использовали те же «футбольные» правила ведения войны, что и на Западе.

Случались и исключения. Например, очень ценной военной добычей для России, ценным трофеем были люди. Ими торговали, но главным образом сводили с захваченных земель и селили в России. Москва началась с поселения людей, плененных в одном из набегов на венгерские земли. Были, кстати, и на Западе исключения, особенно после того, как войны стали приобретать религиозно-мистический характер. Так, германские племена полностью уничтожили племя пруссов, от которых осталось только название земли — Пруссия.

Но в целом действовали правила и обычаи ведения войны, характерные для Европы, и почти такие же социальные обычаи, за исключением, пожалуй, того, что ни князья, ни их люди (дружина) не имели той власти над населением, что имели короли и дворяне на Западе. Никто не рассматривал князей как божью волю над собой, на них смотрели как на военных специалистов. Нанимали в Константинополе архитекторов строить себе церкви, нанимали и князей себя охранять.

Восток

Но на юге и на тысячи километров к востоку от России находились кочевые народы и племена со своими обычаями и правилами, в корне отличающимися от законов, принятых на Западе. Россия была пограничным государством, прикрывавшим оседлые народы Запада от кочевников Востока. Она была пограничником.

Кочевник-скотовод, пасущий скот на выжженных солнцем степных просторах летом и на тех же, но уже обледенелых просторах зимой, имел совершенно другие взгляды на войну и совершенно другие ее правила. Ему нужна была земля, но не в том виде и не в том количестве, в котором она нужна была земледельцу. На той же площади, с которой земледelec мог снять урожай, достаточный, чтобы прокормить в течение года свою семью, кочевник едва мог вырастить овцу, которую съедал со всей семьей за один-два дня. Кроме того, изменчивость климата, засуха в одних районах или гололед в других требовали быстрых перемещений на огромные расстояния в места, менее пострадавшие от климатических явлений. По этой причине кочевнику требовалось земли в сотни и тысячи раз больше, чем земледельцу. Ему нужна была возможность безопасно откочевать летом на север на 1,5–2 тысячи километров, а зимой вернуться обратно. Кочевнику, чтобы жить, нужен был простор.

Поэтому войны между кочевниками велись не за обладание налогом с поработанных народов, а за очистку территории от этих народов. Этим объясняется поражавшая всех жестокость кочевников: захватив в плен противника, они убивали и старых и малых — всех, в ком не видели пользы, скажем, кого нельзя было продать как раба в третьи страны. Тут не имело значения, кто ты — солдат или мирный житель. На той территории, что присмотрел себе кочевник, тебе, с его точки зрения, делать было нечего.

Кроме экономического, имелся и чисто военный аспект. На войну кочевники собирались в большие подвижные группы — орды, но в мирной жизни они рассыпались по степи мелкими и потому незащитными кочевьями. Если бы они в соответствии с западными правилами ведения войны, взяв и ограбив город, оставили бы его

жителей в живых, то те спустя некоторое время могли бы перебить кочевников, нападая на каждое кочевье отдельно. С этой точки зрения оставлять местных жителей в районах, пригодных для кочевого выпаса скота, было бы преступной халатностью, и потому все жители уничтожались либо запугивались убийствами до парализующего волю страха.

Поддерживать мирные отношения с кочевниками было сложно.

Во-первых, их культура, позволяющая им выжить в очень суровых условиях Сибири, была на очень низком уровне в области техники и технологии, товарных производств и ремесел. Они не умели получать и выделывать железо, стекло, керамику и многие из тех видов товаров, производство которых давно и успешно освоили оседлые народы. Кочевники вынуждены были эти товары каким-либо образом приобретать, но для торгового обмена они имели только скот. А скот по тем временам и так стоил не очень дорого, и, кроме того, доставка его на большие расстояния для продажи была чрезвычайно затруднена. Таким образом, для кочевника наиболее доступной формой получения необходимых товаров оставался военный разбой — набег на города и села. Причем в качестве трофейного товара использовались и захваченные пленные — их кочевники продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Средиземноморья. Время от времени кочевые племена, особенно потерпевшие поражение, могли вполне искренне заключить мирный договор с Россией, но наступал товарный голод, подрастало новое поколение джигитов, и они снова устремлялись в набег.

Во-вторых, кочевники первыми освоили стратегическую оборонную инициативу, которую в США впоследствии стали сокращенно называть СОИ. Идея заключалась в возможности нанесения противнику безнаказанного для своего населения удара. Отряды кочевников в начале лета внезапно вторгались в пределы России, быстро грабили все, что могли, и быстро откатывались назад. Российские князья с дружинами бросались в погоню. Но кочевники, собрав весь свой народ и весь скот, продолжали отходить дальше и дальше на восток в тысячекилометровые бескрайние степи. Высохшую траву за собой поджигали, лишая русские войска корма для лошадей, колодцы отравляли. Наказать их за набег становилось невозможно или, по крайней мере, очень затруднительно.

Подобная стратегия и тактика кочевников требовала от России менять правила ведения войны на Востоке и вообще должна была заставить русских задуматься о том, как дальше быть. Русские — оседлый народ, но на многие сотни километров от кочевников невозможно было селиться и вести хозяйство — очень высок был риск, что тебя ограбят и если даже не убьют, то продадут рабом на галеры.

Правда, до определенного момента кочевники были разобщены, воевали не только с оседлыми народами, но и между собой, а поэтому и сами были слабы. И до поры до времени на Руси считалось мудрым поступать, как на Западе, то есть населению в войне не участвовать, а нанимать князей, поручая им свою защиту.

Однако почти девять веков назад Чингисхан объединил кочевников в государство высочайшей цивилизации, но в очень узких областях — политической и военной. И при нем кочевники по-прежнему были крайне отсталы в товарном производстве, даже оружие они покупали либо добывали в бою, но они создали сильнейшую армию мира, солдат высочайшей военной выучки и храбрости, ввели крепкую дисциплину и в армии, и в государстве. И одним ударом кочевники начали громить все близлежащие государства, причем и такие, как Китай, численность населения которого в сотни раз превышала численность кочевников. Эти государства, кичась, как им казалось, своей высокой цивилизацией, глядевшие на кочевников, как на дикарей, на полуобезьян, оказались неспособными сопротивляться военной цивилизации Чингисхана, они падали перед его армией на колени, становились бесправными рабами.

А в 1223 году полководцы Чингисхана Джебе и Субедей, разгромив ясов, обзюзов и половцев, вошли в землю Русскую.

Нельзя сказать, что русские не почувствовали опасности, хотя князь киевский и убил послов Чингисхана. Князя собрали войска и выступили навстречу врагу. Повели объединенную армию три Мстислава: Киевский, Черниговский и Галицкий (Удалой). Все три были, к несчастью, старшие из княжеского рода. Были и младшие: Даниил Волынский, Всеволод Мстиславович киевский, Михаил — племянник черниговского князя, Олег Курский и другие. Как видим, князей хватало.

Перешли реку Калку, стали станом. 31 мая Мстислав Удалой выехал из лагеря и увидел, что татаро-монголы (будем называть их

так) приготовились к битве. Он вернулся в стан и дал команду только своим полкам изготавиться к бою. Остальные князья спокойно сидели в стане, ничего не зная. Летописец утверждает, что Удалой сделал так из зависти.

Татары ударили, смяли союзников русских — половцев, те бросились бежать через стан не успевших ополчиться русских; увидев, что дело плохо, Мстислав Киевский не двинулся с места, лагерь у него был на горе, он огородил его кольем и засел там.

Разгром русской армии был полный. Выговорившего себе почетную сдачу Мстислава Киевского татары положили под помост, на который сели обедать, и так задушили. Шесть князей были убиты в бою и во время бегства. Надо бы их пожалеть, да не жалеется. Оценивая действия Мстислава Удалого да Мстислава Киевского, начинаешь понимать Ивана Грозного, жестоко расправившегося со всеми такими суверенитетчиками. Ведь им была доверена огромная русская армия, доверена была Россия. А они, мерзавцы, из-за своих поганных амбиций все погубили. Тысячи дружинников полегли на берегах Калки, принял смерть в бою и Алеша Попович со своими братьями. Дружинников и богатырей жалко, да Бог с ними — они солдаты, такова их судьба. Главное же началось после Калки.

От Калки татаро-монголы двинулись в область волжских булгар, однако те их встретили дружно и разгромили. Но это было только начало.

В 1236 году к пределам Руси подошел внук Чингисхана — Бату. Великолепный полководец с лучшей в мире армией, он разгромил волжских булгар, выжег их города и уничтожил жителей. Оставшиеся в живых бросились спасаться в Русь. Затем Бату добил половцев, остатки которых откочевали в Венгрию. Народов и государств, прикрывавших Русь с востока, не осталось. И Бату ворвался в нее.

Четыре года грома разрозненные дружины, он жег русские города и уничтожал жителей. Масштаб опустошения был сравним только с природной катастрофой. Не то что районы — целые земли начисто опустошились: Курская земля, Черниговщина «от того нечестивого Батыева пленения запустеша и ныне лесом заросташа и многим зверем обиталище бывша». Пал и был уничтожен Киев — мать городов русских.

Многие князья с дружинами, честно исполняя долг, пали в боях с татаро-монголами, разумеется, ослабляя их. Но были и такие, что вслед за половцами сбежали в Венгрию. Как бы то ни было, но сопротивление не только не привело к успеху, но даже и не уняло Бату. В 1241 году он перешел Карпаты, нанес сокрушительное поражение польско-немецкому рыцарству, ворвался в Силезию, но был остановлен войсками чешского короля Владислава. Не приняв боя, Бату вернулся, по дороге опрокинул венгерско-французско-австрийскую рыцарскую армию, гнал ее до Пешта и на ее плечах ворвался в столицу Венгрии. Ну, да ладно, не о Бату речь.

К счастью, для кочевого выпаса скота лесная часть России была мало пригодна. Этим она не представляла собой ценности для татаро-монголов, и у них не было особой необходимости очищать ее от людей полностью. Поэтому ими были вырезаны города и села только лесостепной части, чтобы предотвратить в будущем нападение оттуда на степь, а лесная часть была просто покорена и ограблена. Жителей городов, которые пытались оказать сопротивление, таких, как Козельск, полностью уничтожили, а тех, кто сдался, частью увели в рабство, а частью оставили в живых, наложив дань. Сдавшихся князей и дружины тоже частью пощадили, поручив им собирать эту дань и защищать Россию, а заодно и Орду с Запада, где тоже было достаточно желающих пограбить.

Век спустя, когда государство Чингисхана, раздираемое междоусобицами, начало слабеть, западные соседи России — Литва и Польша — захватили и держали уже под своим владычеством ту юго-западную лесостепную, наиболее ослабленную часть, что впоследствии была названа Украиной, немецкие же ордены захватили северо-западные земли. Этими ударами западные соседи отрезали России выходы к открытым морям, затруднив и торговлю, и общение с остальным миром.

Тем не менее России повезло. Разбитая и непрерывно ограбляемая, запертая в глубине своих лесов, она осталась жить. Осталась жить, а все народы восточнее ее были вырезаны полностью, и названия их исчезли из памяти людской.

Повезло России и в другом. За время тяжелейшего, дикого и унижительного татаро-монгольского рабства русские поняли то, чего не понимали и не понимают другие народы, правда, в последнее время, и

русские перестали это понимать. А тогда рабство на грани смерти их научило многому.

Умом Россию не понять?

Могут ли понять Россию на Западе, для которого столетиями войны были сродни развлечениям? Может ли понять Россию американец, для которого, по-видимому, до сих пор война — это любимая забава Рэмбо? Могут ли понять Россию наши отечественные «демократы», для которых единственная мудрость — это смотреть на все глазами того же Запада?

Историк Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год, за период, когда формировался великорусский народ, Русь вынесла 160 внешних войн. Только внешних. В шестнадцатом веке она 43 года воюет с Речью Посполитой, Ливонским орденом и Швецией, одновременно защищаясь от набегов татар. Да каких набегов! В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву. По русским летописям, погибло до 800 000 душ. Возможно, это преувеличение, но летописи дают такие подробности. Хоронить мертвых не было ни сил, ни возможностей, трупы сбрасывали в реку, «Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели».

Какие реки, протекающие через столицы западных государств, видели подобное? Сена, Темза, Потомак?

В семнадцатом веке Россия воюет 48 лет!

В восемнадцатом веке Россия воюет 56 лет!

Жестокие войны, подавляющее число которых было направлено на уничтожение русских, стали правилом, жизнью России, а мир... мир — исключением из правила.

Могло в таких условиях за эти столетия у русских выработаться свое мировоззрение, свой взгляд на свободу, на демократию? Да, могло. И оно выработалось. Даже тупой ученик за пятьсот лет обязан что-то понять и чему-то научиться.

Демократия — это ситуация, когда народ имеет в стране власть. Однако по критериям мудрости, принятой на Западе, народом считается каждый человек. Считается, что это мудро, и, естественно, каждый «демократ» и там, и у нас тоже так считает. Поэтому демократическим считается то государство, которое удовлетворяет

желания большинства той части населения, которая имеет возможность требовать. Когда толпа «демократов» собирается в здании или на площади и начинает требовать: «Не хотим этого короля, а хотим другого!», то с точки зрения «демократа» — это вершина демократии. «Демократ» рассуждает: «Король — это глава государственного аппарата, и если мы подберем короля, который будет служить народу (а под народом мы подразумеваем лично себя — «демократов»), то такой король и такой государственный аппарат будут демократичными».

Такова их логика, и такой она была во всех государствах, и в России до порабощения ее кочевниками.

Кстати, и во время татаро-монгольского рабства в России были места, куда кочевники из-за глухих лесов и болот просто не добрались. Таким местом был Новгород. Там эта самая «демократия» существовала очень долго. Этот город подвергался нападениям Литвы или Ордена, и новгородцы приглашали для своей защиты опытного в боях князя, например, Александра Невского. Но когда князь отбивал нападение врага, его почти сразу из города выгоняли. Крутой нрав Александра, заставлявшего жителей излишне, по их мнению, тратить силы на оборону города, «демо-кратам»-новгородцам не нравился. Тем не менее, и старые и новые наши историки всегда берут Новгород за образец народной демократии.

По мере того, как кочевники убивали или угоняли в рабство русских, представления русских о демократии стали меняться. Стала подвергаться сомнению логика Запада, которая выражалась в следующей сентенции: «Если народ — это я, то служить я должен сам себе, в том числе и своей чести, и своей славе. И если во имя своей чести мне надо умереть, то что же — я умру, так как этим я прослаблю себя и в себе свой народ. Но если мне предстоит умереть, а ни чести, ни славы для себя я не заработаю, то вместе со мной умрет мой народ. Это бессмысленно. Лучше сдаться на милость победителя, тогда я спасу себя и в себе — народ. Заставляет меня идти в бой и на смерть государство и его глава — царь или король, в том числе и на такую смерть, где ни чести ни славы я не найду. Чем больше я буду рабом государства, тем больше я буду подвергать себя лишениям и смертельному риску. Поэтому чем я буду более свободен от

государства, тем больше буду служить себе и в себе народу, следовательно, тем больше я демократ!»

Но в те времена для русского сдача в плен почти без вариантов означала либо смерть от руки кочевника, либо рабство на галерах. Продолжалось это столетиями, было время все обдумать. И постепенно образ мыслей россиян стал меняться: «А народ ли я? А может, народ — это не я, а все живущие в моей стране, в том числе и дети, в том числе и еще не родившиеся дети наших детей? Тогда я не народ, тогда я только частица народа. И если я хочу быть демократом, то мне нужно служить не себе, а всему народу. При этом, если я испытываю лишения, то это еще не значит, что народ испытывает их, мои лишения могут обернуться отсутствием лишений у моих детей. Если я умираю, защищая свою страну, то вместе со мной умирает только очень малая частица народа, а народ будет жить, так как своей смертью я его смерть поправил. И не важно — умер ли я на глазах восхищенных моим героизмом зрителей или незаметно в мучениях скончался от болезней в осажденной крепости. Враг, стоящий под ее стенами, не идет в глубь моей страны, не убивает мой народ. Но если я сдамся, то враг, не сдерживаемый мною, пойдет убивать мой народ дальше».

Ливонский летописец Рюссов: «Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наесться и напиться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость».

Да, со временем татаро-монголы научили, и русские стали думать: «Если я демократ, то я должен быть рабом своего народа, я должен ему отдать все. Организуют нас на службу народу государство и его глава — царь. Следовательно, я должен быть не наемником за деньги, а рабом, добросовестным рабом государства и царя. Только став рабом народа, я освобожу народ от любого гнета, сделаю его свободным.

Но среди нас, рабов, очень много умников, которые считают народом только себя лично и хотят быть как на Западе — свободным от службы и ему (народу), и государству. Чем их больше, тем больше тягот и по защите народа, и по защите их — умников — падает на меня, на раба. Это несправедливо. И если царь действительно служит, как и я, народу, то у него должна быть железная рука против этих уродов: он должен их либо заставить служить народу, как это делаю я, либо перебить, чтобы другим неповадно было становиться «демократом» и перекладывать на меня, как на раба народа, все трудности и опасности службы».

Таким образом, трехсотлетняя власть татаро-монголов привела к тому, что все больше и больше русских по своему мировоззрению становились **истинными демократами** — рабами своего государства.

Между прочим, подобный образ мыслей не был понятен не только жителям Запада, но и большинству наших историков. Сложилось устойчивое мнение, что Россия — страна рабов (и это правильно), но мало кто понимал, чьи это рабы, кому они служат. Считалось, что русский — это такая тупая скотина, которая без плети жить не может. При этом подобные историки и исследователи как-то обходили вниманием то, что за пятьсот лет после рабства у кочевников эти «тупые скоты» не склонили головы ни перед кем и ни один захватчик больше не смог поставить их на колени в то время, когда почти все западные страны — «демократы» — по паре раз в столетие на колени становились.

Причем Россия была свободной даже тогда, когда численность русских была вдвое меньше, чем численность любого их западного соседа.

Что касается плети, то Запад видел ее, но не видел или не хотел видеть, кому она предназначается, Запад не понимал, что раб-россиянин, раб своего народа, меньше всего боится этой плети, так как она в своей идее не ему предназначалась. Правда, попадало от этой

плети и преданным рабам, но лишь тогда, когда в руки ее брали холоуи, желающие продемонстрировать свою мудрость и преданность царю. Такое было, и от этого ненависть русских-рабов к просто холоум при царе еще больше возрастала.

Сейчас наши «демократы» пеной исходят от ненависти к Ивану Грозному: как же, в его царствование были казнены от 4 до 5 тысяч князьев, да бояр, да прочей тогдашней «интеллигенции». А спросите их, чего вы, собственно, слюной брызжете? Ведь Иван Грозный давно умер, и если говорить о ненависти, то тогда надо говорить о ненависти к нему его современников.

Иван Грозный вел очень неудачные войны с польским королем Стефаном Баторием, в рядах последнего дрался наблюдательный немец Гейденштейн. Он записал о Грозном: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Иван Грозный так и остался для нашей интеллигенции кровопийцей, а в сказаниях народа — очень добрым царем. Историк Ключевский даже делает вывод, что вот, дескать, русский народ — это очень незлобивый народ. Это не так. Русские в ярости своей жестоки и злы. Но у раба-русского не может не вызвать добрых чувств раб-царь. Царь — раб своего народа.

Идея о том, что русские очень любят быть рабами своего царя, своего государства, тешит наших «демократов». Любое упорство русских по защите своего Отечества объясняется ими боязнью царя или государства. Это и понятно. Ведь «демократ» все мерит по себе, посему и царя, и государства страшно боится, так как не хочет им служить. Он обычно говорил: «Русские потому так упорно защищались, что иначе царь их убил бы!» И не задумывается, что человеку, в принципе, все равно, кто его убьет — враг или свой царь.

Да и в истории России все было не так, и Царю, как таковому, не служили. Служили Родине.

В 1980 году первым изданием вышла замечательная книга Ф.Ф.Нестерова «Связь времен». Многие из вышеприведенных примеров взяты из нее. И хотя я не со всеми выводами Нестерова согласен, но книгу его считаю поистине замечательной. Не для «демократов».

Для обоснования того, что русские служили не царю, приведу пример, взятый также из этой книги.

Смоленск

«С 21 сентября 1609 года по 3 июня 1611 года армия польского короля Сигизмунда осаждала Смоленск. За время осады успело рухнуть Московское государство: в 1610 году Василий Шуйский был свергнут с престола, бояре для защиты Москвы от Лжедмитрия впустили в нее польское войско гетмана Жолкевского и отправили в стан Сигизмунда посольство, чтобы просить у него сына, королевича Владислава, на русский трон. Сигизмунд соглашается, но требует от послов Смоленск. Послы передают его слова смолянам.

Так, совершенно неожиданно защитникам города пришлось самим решать, продолжать ли оборону, или впустить Владислава с польским войском. Смоляне согласились впустить Владислава как русского царя, но не как польского королевича, сопровождаемого польскими ратными людьми. Но на последнем настаивает Сигизмунд, это его последнее условие.

Над Смоленском не было уже верховной власти, церковь разрешила всех от клятвы верности низложенному царю, смоляне с крепостных стен видели плененного Шуйского в королевском лагере на пути в Варшаву — некому было «казнить их казнью» за сдачу города. Многие русские города признали Владислава царем, и поляки на этом основании называли жителей Смоленска изменниками. Все знали, что Смоленск — ключ к Москве, но зачем хранить ключ, когда сбит замок? К тому же город в течение года выдержал осаду, горел от раскаленных польских ядер, страдал из-за отсутствия соли и был поражен каким-то поветрием. Превосходство польской армии было очевидным, падение крепости оставалось лишь делом времени, так как неоткуда ждать помощи, а условия сдачи были милостивыми. Не пора ли подумать о жизни женщин и детей, прекратить бессмысленное кровопролитие? Дети боярские, дворяне и стрельцы колебались в ответе, воевода молчал, архиепископ безмолвствовал. Черные люди посадские, ремесленники и купцы настояли на обороне до конца, и Смоленск ответил королю: «Нет!» Перед русским посольством во главе с митрополитом Филаретом смоленские представители, дети боярские и дворяне, разъяснили, что хотя поляки в город и войдут, но

важно, чтобы их, смолян, в том вины не было. Поэтому они решили: «Хотя в Смоленске наши матери, и жены, и дети погибнут, только бы на том стоять, чтобы польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

Потом был приступ. Поляки, взорвав башню и часть стены, трижды вламывались в город и трижды откатывались назад. Потом вновь перешли к правильной осаде, днем и ночью засыпали Смоленск ядрами. Потом снова приступали к крепости, снова отступали, снова долбили ее стены и башни из пушек, снова вели подкопы и взрывали укрепления. Так в течение еще одного нескончаемого года. К лету 1611 года число жителей сократилось с 80 до 8 тысяч душ, а оставшиеся в живых дошли до последней степени телесного и душевного изнурения. Когда 3 июня королевская артиллерия, сосредоточив весь свой огонь на свежестроенном участке стены, разрушила его полностью и войско Сигизмунда вошло наконец в город через пролом, оно не встретило больше сопротивления: те смоляне, которым неведомо было видеть над Скавронковской башней польское знамя, заперлись в соборной церкви Богородицы и взрывали под собой пороховые погреба (по примеру сагутинцев, замечает польская хроника); другим уже все было безразлично: безучастно, пустыми глазами смотрели они на входящих победителей. Сигизмунду передали ответ пленного смоленского воеводы Шеина на вопрос о том, кто советовал ему и помогал так долго держаться: «Никто особенно, никто не хотел сдаваться». Эти слова были правдой. Одного взгляда на лица русских ратных людей было довольно, чтобы понять, что брошенное где попало оружие не служило просьбой о пощаде. На них не было ни страха, ни надежды — ничего, кроме безмерной усталости. Им уже нечего было терять. Никто не упрекнул бы Сигизмунда, если бы он предал пленных мечу: не было капитуляции, не было условий сдачи, никто не просил о милости. Сигизмунд, однако, не захотел омрачать бойней радость победы и разрешил всем, кто не хочет перейти на королевскую службу, оставив оружие, покинуть Смоленск.

Ушли все, кто мог еще идти. Опустив головы, не сказав слова благодарности за дарованные жизни. Пошли на восток от города к городу по истерзанной Смутой земле, тщетно ища приюта, питаясь подаванием Христа ради. Когда добрались до Арзамаса, местные земские власти пытались было поселить под городом нищенствующих

дворян и детей боярских, да арзамасские мужики не захотели превращаться из черных крестьян в крепостных и прогнали новоявленных помещиков дубьем.

Эти странники с гноящимися под драным рубищем ранами, с беззубыми от цинги ртами еще не знали, что пролитая кровь, смерть товарищей, гибель семей не были бесцельной, бессмысленной жертвой. Они выполнили долг перед государством как смогли, но где оно, их великое государство? Без малого восемьсот верст прошли они, но на своем скорбном пути видели лишь одну и ту же мерзость запустения. Защитникам Смоленска мысли не могло прийти о том, что истинными победителями остались они.

Однако это было именно так. Польская и литовская шляхта, истомленная долгой осадой, сразу же после взятия города разошлась по домам, несмотря на все уговоры и посулы короля. Сигизмунд с одними наемниками был не в состоянии продвинуться дальше в глубь России и оказать существенную помощь засевшему в Москве польскому войску. Восстановив стены и оставив в крепости гарнизон, он вернулся в Варшаву. В России между тем начиналось народное движение за освобождение Москвы и восстановление Московского государства. Нужно было время, чтобы оно разрослось и набрало силу. Верный Смоленск и послужил ему, сам того не ведая, надежным щитом.

История обычно чуждается театральных эффектов. Ее герои, вышедшие на сцену в первом действии драмы, как правило, не доживают до заключительного. Для смолян было сделано исключение. Неисповедимыми путями приходят они в Нижний Новгород как раз тогда, когда Минин бросает свой клич. Смоляне первыми откликаются на призыв, образуя ядро собираемого народного ополчения. Потом в его рядах с боями доходят они до столицы, отражают у Новодевичьего монастыря и Крымского моста последний, самый страшный натиск войска гетмана Ходкевича, прорывающегося к осажденному в Кремле и Китай-городе польскому гарнизону, и наконец среди пылающей Москвы на Каменном мосту во главе с Пожарским принимают капитуляцию королевских рот, выходящих из Кремля через Боровицкие ворота...

Личная судьба смоленского воеводы Шеина также имеет определенный исторический интерес. Вернувшись из Польши по

обмену военнопленными, он вскоре по указу царя Михаила Федоровича возглавил десятитысячную рать, отправленную отвоевывать потерянный Смоленск. Едва русские расположились под городом, отстроили палисад и деревянную крепость, острожек, как на помощь осажденным пришел со всей армией Владислав, теперь уже король Польши. Осаждающие оказались между двух огней и осажденными в свою очередь. Прорвать внешнее кольцо и дать бой в чистом поле русская рать не могла из-за численного и, главное, качественного превосходства регулярного польского войска; а отсиживаться в окружении также не было никакой возможности, поскольку запасы продовольствия быстро подходили к концу. К тому же иностранные наемники, бывшие на этот раз под началом у Шеина, громко требовали сдачи, грозя бунтом и переходом в польский лагерь. Шотландцы принялись сводить старые счета с англичанами. Те и другие открыто показывали свое пренебрежение к требованиям воинской дисциплины. Полякам, со своей стороны, не было смысла лезть на русские укрепления; дожидаться же того, чтобы упорные московиты перемерли с голоду или пошли на безоговорочную капитуляцию, тоже не хотелось — и так всю зиму пришлось провести в поле без дела. Так или иначе, Шеину удалось выговорить условия выхода из окружения.

Утром 19 февраля русская рать без барабанного боя, со свернутыми знаменами и с затушенными фитилями вышла из своих укреплений и остановилась у подножия холма, где на коне сидел польский король, окруженный сенаторами и рыцарями. Русские знамена были положены у его ног, а знаменосцы отошли на три шага назад. Шеин и другие воеводы, спешившись, низко поклонились Владиславу. Пушки тут же были переданы победителям. Предложено было выйти из рядов тем, кто пожелает перейти на королевскую службу. Иностранцы вышли почти все, из московских людей 8 человек (из них 6 казаков). После этого Владислав в знак приязни к своему знакомцу еще со времен первой осады воеводе Шеину позволил взять с собой 12 полковых пушек (последнее условиями капитуляции не предусматривалось). По знаку короля знаменосцы подняли и развернули знамена, стрельцы запалили фитили, раздалась дробь барабанов, и все войско двинулось восвояси по Московской дороге.

На этот раз все прошло на уровне лучших европейских стандартов: красочная мизансцена, музыкальное сопровождение и даже заключительный милостивый жест короля воспроизводили в деталях представления, которым Запад не раз был зрителем в эпоху Тридцатилетней войны. Опущенной оказалась лишь одна частность. Там побежденные полки в полном составе с охотой переходили под знамена великодушного, а главное, более щедрого победителя (ибо победитель, как правило, получал возможность быть щедрым). Здесь перешла лишь жалкая горстка московитян.

Причиной столь странного для европейцев явления не могло быть какое-то особое озлобление русских против поляков. Несмотря на то что борьба России против Литвы и Польши велась более трех столетий, в ней не видно того ожесточения, которое, например, всякий раз прорывалось в более коротких столкновениях русских с Орденом. В разгар Смуты русские города по доброй воле присягали Владиславу, а польско-литовская шляхта не раз выдвигала кандидатуру московского царя на престол Речи Посполитой. Московские щеголи, отправляясь на войну с Польшей, наряжаются в платья, сшитые по варшавской моде, и берут с собой в поход книги, переводы с польского. Вообще говоря, Речь Посполитая не должна была казаться русским ратным лицам, стоявшим у подножия холма, совершенно чуждым государством. Она включала в себя русские земли, пользовавшиеся широким самоуправлением. Русские магнаты Острожские, Вишневецкие, Ходкевичи, Чарторыйские, Сапегы и другие вошли в высший слой польской аристократии, оттеснив чисто польских по своему происхождению Пястов. И напротив, до трети всех боярских и дворянских семей в Московии произошли от выходцев из Польши и Литвы. Иногда граница разрезала одну семью.

Так, князья Мосальские, служившие в Варшаве и Москве, вполне могли встретиться друг с другом на поле боя. Польский король был одновременно и «князем русским». Почему бы русским дворянам и детям боярским, этим «холопам государевым», составлявшим ядро войска Шеина, не признать Владислава своим князем, не выбрать шляхетскую «злату вольность», не оставить тяжкую и неблагодарную службу царскую ради вольготной и хорошо оплачиваемой королевской, почему бы не распроститься с московским и кнутом и батогами? Не последним по силе доводом был еще и голод. Русские ратные люди

были голодны. За три месяца сидения в осаде недоедание успело смениться самым настоящим голодом. Многие от слабости едва держались на ногах. И многие были больны: уже давно в костры пошло все, что могло гореть, последние недели приходилось дневать и ночевать на морозе.

Польский лагерь совсем рядом, манит дымком, запахом горячей пищи.

Москва далеко, на другом конце снежной пустыни. Как еще встретит она свое опозоренное воинство? Больным лишь нечего бояться — для них довольно места по обеим сторонам Смоленской дороги. И все же нельзя выходить из рядов. Нужно стоять, опустив от стыда головы, а потом идти. Жить не необходимо, идти необходимо. Туда, где бьется суровое сердце России.

Пятая часть вышедшей из-под Смоленска рати погибла в пути. Шеин в докладе, представленном Боярской думе, привел точную цифру убыли от болезней: 2004 ратника. Они тоже сказали свое «нет!».

Кремль не оценил дипломатического искусства своего воеводы. Шеину и его молодому помощнику Измайлову было предъявлено обвинение в государственной измене. Бояре выговорили им: «А когда вы шли сквозь польские полки, то свернутые знамена положили перед королем и кланялись королю в землю, чем сделали большое бесчестие государеву имени...» Выговор завершился приговором... Палач, подойдя к краю помоста, поднял обе головы над толпой, чтобы хорошо видели все: пусть замолчат те, кто толкует о том, что московскому люду не под силу стоять против литовского короля; пусть Польша полюбуется на плоды своего рыцарского великодушия; пусть ждет новую рать и пусть знает, что, если даже вся Смоленская дорога превратится в сплошное кладбище, Смоленск все же будет русским».

Семья

Эти строки Ф.Нестерова трудно читать без внутреннего содрогания, без спазм в горле: «Кем были русские офицеры и генералы и в кого выродились?!» И тогда каково читать эти строки тем, кто видел так называемое Всеармейское совещание офицеров Вооруженных Сил СССР после Беловежского сговора? Кто видел эти алчные и трусливые шакальи рожи «советских полководцев» с генеральскими звездами, это лакейство, эту подлость людей, получивших от народа все, но в трудный для него час плюнувших на присягу, на волю народа, высказанную на референдуме? Наши предки Шеину голову снесли. Боже, что бы сделали они с этими подонками?! А что бы сделали с ними Сталин и большевики?!

Итак, держа Россию на грани жизни и смерти, татаро-монголы создали из нее особую нацию, которая начала смотреть на себя как на единую семью, целью которой было выживание. Но семье нужен единый глава, единый, а не несколько. Иначе стало бы уже несколько семей и не было бы гарантии их совместного действия. Таким началом был царь-самодержец. Самодержавие создавалось несколько веков, и в этот период народ в массе своей безусловно поддерживал кандидатов-самодержцев, с пониманием относясь к их жестокой борьбе со всеми суверенитетчиками, тем более что первые русские цари шли на все во имя своего народа.

Надо сказать, что жертвенностью своих руководителей Россию было трудно удивить, более того, для нее это было естественно, так как народ, повторю, рассматривал их, как отца в семье, а для отца жертвенность во имя семьи естественна.

Причем отца именно всего народа, а не собственно монархического семейства. Наоборот, очень часто члены царской семьи в России становились жертвой, положенной на алтарь Отечества, — препятствием, которое сметалось монархом во имя народа.

...Тяжело болел великий князь Иван III, готовится предстать перед судом Господним. Он боится Божьего наказания за грехи, боится преисподней. А в тюрьме в это время по его приказу находится его

брат Андрей, и митрополит просит за него, предлагает Ивану не брать грех смерти в тюрьме родного брата на душу. Но Иван и боится, и не может освободить Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его... но освободить его не могу. Иначе, когда умру, будет искать великого княжения над внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и вы снова будете рабами татар».

Наши отечественные ученые все ищут близость между русскими и европейцами. А между тем, хотя бы по вышеприведенному примеру, не лучше ли поискать близости между русскими и японцами? Самурай превыше всего ставит исполнение своего долга. Он тоже боится греха и загробной жизни, и этот страх обязывает его исполнять долг. Но кодекс самурайской чести требует от самурая, чтобы он исполнил свой долг, даже если он сделает такое, за что попадет в ад.

Начав формировать регулярную армию, Петр I столкнулся, как и другие цари, с необходимостью призыва большого количества людей, не представляющих себя солдатами, а отсюда робкими, не способными подавить в себе страх. Проходило время, и эти люди в конце концов становились хорошими бойцами, но поначалу они пугались первого неприятельского выстрела, легко поддавались панике и разбегались от первого вражеского натиска.

Под Полтавой Петр, боясь Карла XII и того, как бы не повторился нарвский конфуз, вводит в боевое построение войск отряды, которые в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. получают название заградительных. Сзади боевой линии своих войск он выстраивает линию солдат и казаков и дает им приказ: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля».

Так ли уж нельзя умом понять Россию, как это казалось поэту? Наверное, нельзя, если мерить ее не своим русским аршином, а западным.

Чтобы понять разницу в образе мыслей русских и народов Запада, нужно учесть следующее. Любую страну Запада можно образно представить в виде гостиницы. Люди живут каждый в своем номере и платят за него ими же избранной администрации гостиницы за охрану

и обслуживание, т. е. платят то, что в государстве называют налогами. Существует основной договор между администрацией и жильцами (Конституция страны) и правила (законы), в которых оговаривается, кто что и кому должен. Жильцы могут быть патриотами своей гостиницы, но при этом не вызовет недоумения и их переезд в другую гостиницу или случай, когда охранник гостиницы, законно расторгнув договор с администрацией, перейдет на службу в другой отель. Абсолютно естественно, что одни живут в бедных номерах, другие в комфортабельных. Каждый оберегает неприкосновенность своего номера (мой дом — моя крепость) и личную свободу как от остальных жильцов, так и от администрации.

В своей весьма ценимой личной свободе житель стран Запада привык ориентироваться на себя, на свою активность и предприимчивость. Он не ждет ничего особенного от своего правительства: если оно защитит его жизнь от внешнего врага и уголовника, то и это хорошо. Причем не важно, как оно это сделает, лишь бы сам житель не пострадал или пострадал в минимальной степени. В своих делах он требует, чтобы никто не вмешивался, не ограничивал его свободу, не мешал ему. Заплатил налоги — и отстаньте! Он в делах коммуникабелен, для получения какой-либо выгоды легко сходится с другими людьми. Но он и при этом остается индивидуалистом — его мир сосредоточен в нем самом.

Мировоззрение русских совсем другое.

Татаро-монголы сбили нас в одну семью, научили истинной демократии, и мировоззрение наше приняло формы мировоззрения члена огромной семьи. Русские перестали рассматривать свое государство, как гостиницу, они стали смотреть на него, как на огромный дом с многочисленной, но очень близкой родней. Во главе семьи, естественно, стоял отец — царь или правительство. В связи с этим доверие к ним было полнейшее: действительно, не может же отец что-либо делать в ущерб собственной семье. И те цари и правительства, которые это понимали, достойно играли свою роль. А в «перестройку» советский народ попался именно на этом — на неверии, что Правительство СССР может сделать что-либо ему во вред.

Причем действительными и полноправными членами семьи в старые времена рассматривались только так называемые простые

русские, т. е. по тем временам — крестьяне, и, разумеется, сам царь. Люди, занимавшие промежуточное положение между царем и крестьянами, особенно чиновники органов управления государством, тоже считались членами семьи, но не совсем полноценными. «Народом — миром» крестьяне считали только себя. Если вспомните, то первыми чиновниками и офицерами государства были воеводы, бояре, дружинники — те, кто организовывал народ и управлял им при военной опасности. Эти люди в те времена очень часто были не только пришлыми, но и просто иностранцами, служившими князю или царю по найму. Возможно, поэтому к ним и впоследствии сохранилось несколько недоверчивое отношение.

В качестве анекдота можно напомнить, что до самого конца Российской империи царь ко всем обращался на «ты», в то же время ему говорили: «Вы, Ваше Величество». Говорили все, кроме крестьян, которые вели себя с царем, как с отцом, несколько фамильярно, обращаясь к нему: «Ты, царь». Николай I как-то объезжал Россию, и в очередной деревне к нему вышли крестьяне с хлебом и солью. Бедный староста, зубривший приветственную речь, при виде царя сумел произнести только первые три слова: «Царь, ты столп...» — и его заклинило. Он снова начинал: «Царь, ты столп» — и снова забывал, что дальше. Наконец Николаю надоело: «А ты бревно», — сказал царь, забрал хлеб-соль и закончил этим митинг.

Тем не менее и чиновники и офицеры — все были членами семьи. О каких-либо договорных отношениях с царем и речи не могло быть — ну, кто же в семье договаривается с отцом? Дескать, я тебе плачу определенную сумму, а ты меня защищай, или — ты мне плати определенную сумму, а я буду защищать семью. В семье это немыслимо, в семье это естественная обязанность и тех и других. В этом незаметное, но резкое различие с Западом.

Когда Россия, объединяясь в семью вокруг Москвы, стала крепнуть, к ней с окраин от татарских границ стали стекаться крестьяне. Великий князь Московский ни о чем не договаривался с вновь прибывшими детьми — он давал им землю, давал семена, если мог, то и скот, ничего не требуя взамен. А что может потребовать отец за исполнение своего долга перед детьми? Но когда приходила пора защитить семью, то царь и брал у крестьян столько, сколько было

нужно, включая и их самих. И почему он это делал, было всем понятно. А как может быть в семье иначе?

В Москву приходили князья и бояре из других княжеств. Князь и с ними ни о чем не договаривался, а ставил их в строй. Но по тем временам для содержания одного воина требовался труд не менее десяти-тридцати крестьянских семей. Поэтому князь закреплял за своими дворянами крестьянские семьи, эти семьи дворян кормили, их трудом дворяне вооружались, нанимали дополнительно солдат и защищали под руководством князя или царя этих же крестьян.

Формально в России был феодализм, но в отличие от Запада дворяне по отношению к крестьянам имели прав не более, чем ротный командир на своего солдата. Если на Западе рыцарь мог повесить своего крепостного крестьянина, имел право первой ночи и крепостной был фактически его рабом, хотя и вел самостоятельное хозяйство, то в России это было немыслимо. Российский дворянин мог только восстановить дисциплину, т. е. выпороть крестьянина за проступки и в крайнем случае вернуть его царю — отдать в солдаты. Но ни посадить в тюрьму, ни тем более убить крестьянина дворянин не мог. Это было делом отца-царя, делом только его суда.

Дворянин мог сделать и то, что выглядело продажей, он мог отдать крестьянина другому дворянину и получить за это деньги. И это действительно выглядело бы продажей, если не учитывать, что крестьянин для дворянина был единственным источником дохода, при помощи которого дворянин защищал тех же крестьян. Передавая источник своего дохода другому, он имел право на компенсацию. Разумеется, что при такой продаже законом исключалось разделение семей.

Крепостных дворянин имел до тех пор, пока служил он и служили его дети. Прекращалась служба — отбирались крепостные.

Заметим, служба русского дворянина князю, как и служба человека своей семье, не имела сроков. Уйдя на службу в 15 лет, он мог до глубокой старости просидеть в крепости на границе за тысячи километров от своего имения и так никогда и не увидеть своих крепостных. Тяжелые условия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжелой службы ей.

Мировоззрение члена семьи выработало особые черты российского характера, и прежде всего российский демократизм. То,

что каждый человек должен в первую очередь служить народу, обществу, страдать во имя общества, было для русских вещью безусловной. Поэтому всякое уклонение от этой службы, противопоставление ей своих личных интересов было для русских противоестественно, что тогда уже вызывало удивление западных современников, которые не без резона считали, что родина у человека там, где ему хорошо живется.

Позволю себе привести еще одну цитату из Ф. Нестерова, очень уж хороша книга.

«В июле 1701 года шведская эскадра в составе семи боевых кораблей входит в Белое море и направляется к Архангельску, чтобы согласно королевской инструкции «сжечь город, корабли, верфи и запасы». Шведы знают, что русские считают Архангельский порт своим глубоким тылом, а потому и рассчитывают на внезапность диверсии. Операция закончилась, однако, провалом. Шведский историк XIX века А. Фриксель, используя сохранившуюся в архивах документацию, объясняет следующим образом неудачу экспедиции:

«Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба предательски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел способ бежать. Шведы взорвали на воздух оба своих фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем поспешил в Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для жизни посадил на мель шведские корабли, и назвал его вторым Горацием Коклесом».

Русские источники кое-что добавляют и исправляют в шведской версии события. Архангельский воевода князь Прозоровский через голландских купцов был осведомлен о готовившейся экспедиции, а потому запретил рыбакам выходить в море. Дмитрий Борисов и Иван Рябов ослушались приказа воеводы и были захвачены шведами, которые угрозами и посулами принудили их показать безопасный путь к берегу для высадки десанта. Лоцманы, как видно, действительно хорошо знали свое дело, коль скоро не только посадили на мель

шведские фрегаты, но сделали это как раз напротив недавно поставленной береговой батареи. После десятичасовой перестрелки русские пушки разбили оба корабля (другие, опасаясь мелей, держались вдалеке), шведы не взорвали их, а покинули на шлюпках. Русские обрели на шведских судах 13 пушек, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов. Дмитрий Борисов был застрелен на палубе шведского флагмана, а Иван Рябов выбросился за борт и вплавь добрался до берега, после чего был засажен в острог за самовольный, вопреки указанию воеводы, выход в море.

Князь Прозоровский, следует признать, действовал более в духе своего общества, нежели царь Петр. Он, конечно, доволен поступком рыбаков и даже избавляет Рябова от причитавшихся ему батогов, но не разделяет восторга Петра. Будь на месте Ивашки с Митькой, думал воевода, Сидорка с Карпушкой, то, наверное, тоже не оплошали бы; чего же ради смотреть на Рябова как на чудо морское? За выполнение долга не требуется особой благодарности.

Европейский взгляд, выраженный А. Фрикселем, прямо противоположен русскому. Характеризуя действия рыбаков как предательские, он подразумевает, что Рябов с Борисовым поступили бы разумно и порядочно, если бы указали шведам слабые места русской обороны и, пересчитав добросовестно заработанные деньги, с низким поклоном удалились. Разные шкалы этических ценностей действуют на западной и восточной частях одного континента.

Петр попытался применить европейское понятие героизма к российской действительности, но, наверное, не был понят окружающими. Его подданные классического образования не имели, Тита Ливия не читали, а поэтому приняли Горация Коклеса скорее за одного из тех голландских капитанов, с которыми любил бражничать государь.

Вообще в этой стране было неведомо, что такое героизм в том смысле, как его понимали на Западе. Мост через реку Каланэбру в Эстляндии шведы успели облить горючей смесью и поджечь до подхода русских. По приказу Петра солдаты, бросив на горящие мостовые клетки бревна, ползком перебираются по ним на другую сторону и штыковым ударом выбивают шведов из предмостного укрепления. Первоисточник сухо сообщает об этом бое местного значения и не упоминает, были ли после него розданы награды: такое

поведение солдат в порядке вещей. Было бы очень трудно растолковать прошедшим через огонь гренадерам сущность героического.

Героизм в его классическом понимании всегда есть исключение из правила. Герой, то есть сын бога, полубог, совершает непосильные простым смертным деяния. Он возвышается над толпой, которая служит пьедесталом для его неповторимой личности. Долг, совесть, различие добра от зла — все это хорошо для низкой черни, не для него. Цезарь Борджа, а потом Наполеон Бонапарт — любимые герои Европы, в них видела она апофеоз своего индивидуализма. Но такая компания вряд ли подходит скромному Ивану Рябову, и на пьедестале он должен чувствовать себя не слишком удобно.

Со времен Петра понятие героизма все же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обрусело, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось маловразумительное для европейца словосочетание «массовый героизм», то есть что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом». [Конец цитаты.]

Значит ли это, что мы, русские (под этим я понимаю не национальность, а гражданство), такие уж очень-очень хорошие? В принципе — да. Но, к сожалению, «если в одном месте прибывает, то в другом убывает» — наша сила определяет и наши слабости. Оказалось, нас легко взять голыми руками, если «отца» во главе нашей семьи заменить подонком. Зная, что мы в семье не пропадем, мы не видим потребности в своей инициативе, типа, «ну не сделал я, ну и что — людей много, другие сделают».

Запад, при своей коллективной слабости и индивидуализме, в свое время имел и очень сильные стороны — инициативу и самоуважение. Русский привык гордиться всей своей семьей — своим государством, а западный человек должен иметь основания, чтобы гордиться собой лично, а для этого ой как много надо того, что средний русский считает лишним.

Разница есть, и эта разница была и между русским и немецким генералом, русским и немецким офицером. Давайте теперь займемся этим.

Цорндорф Великой Отечественной

Невеселая получается книга, и чует мое сердце, что масса народу бросится ко мне с претензиями: ты пишешь, что наши кадровые генералы и офицеры ни к черту, а как же мы тогда победили? Да так и победили, а что было делать? Да и не впервой это. Впрочем, лучше меня об этом скажет Ф.Ф. Нестеров.

«В августе 1758 года русская армия под командованием англичанина Фермора разбила свой лагерь рядом с деревней Цорндорф. Вся артиллерия была расположена на той его стороне, что выходила на реку Митцель и откуда ждали пруссаков. Русские батареи, заблаговременно сооруженные на высоком и обрывистом берегу, надежно господствовали над поймой.

Но Фридрих и не помышлял о том, чтобы форсировать реку под огнем русских. Совершив обходной маневр и не встретив на своем пути даже русских дозоров, он спокойно развернул свою армию в боевой порядок в совершенно незащищенном тылу русского лагеря и приказал своей артиллерии и пехоте открыть беглый огонь. «Ни одно ядро не пропадет у нас даром!» — весело воскликнул он.

Русский главнокомандующий Фермор после первых же прусских залпов понял, что все пропало; дал шпоры своему боевому коню и галопом покинул поле боя, бросив на ходу, что отправляется за помощью к корпусу Румянцева. Но не так думали солдаты и офицеры. Вместо того чтобы бросать оружие, размахивать белыми платками или прыгать с обрыва, они впрягаются в орудия, разворачивают их, перевозят на новые импровизированные огневые позиции. Эти варвары, как потом объясняли происшедшее свидетели-иностранцы, не знали различия между фронтом и тылом, не понимали, что их положение безвыходно, и считали фронтом просто-напросто то место, откуда атакует неприятель. Построившиеся было полки, едва придя в движение, напирают друг на друга, смешиваются, превращаются в бесформенную и сжатую человеческую массу, где действительно ни одно прусское ядро не пропадает даром. В одном из концов лагеря солдаты натываются на маркитантский склад, разбивают бочки с водкой и в несколько минут становятся пьяными тысячами. Фридрих,

наблюдающий эту сцену сквозь подзорную трубу, бросает тогда на русский лагерь своих «черных гусар», чтобы довершить истребление противника.

Король был уверен в полной победе — впрочем, чем дальше, тем менее. «Фермор сдается... он сдался... впрочем, я еще не уверен в этом», — посылал он депеши своему брату, герцогу Брауншвейгскому. К счастью для русских, в эти критические часы их командующий был слишком далеко, чтобы вести переговоры о капитуляции. Между тем, сумятица в лагере вопреки ожиданиям Фридриха совсем не привела к панике. Никто там не думал о бегстве или о сдаче. Отборная прусская кавалерия была встречена плотным огнем, ружейным и пушечным. Атака следовала за атакой, но все они разбивались, как волны об утес. «Сами пруссаки говорят, что им представилось такое зрелище, какого они еще не видывали, — рассказывает участник битвы при Цорндорфе русский офицер Болотов. — Они видели везде россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстрелянии всех патронов своих, как каменных, и обороняющихся до последней капли крови, и что им легче было их убивать, нежели обращать в бегство. Многие, будучи простреленными насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, покуда могли их держать на себе ноги; иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а не переставали еще другою здоровою рукою обороняться и вредить своим неприятелям...» Французский дворянин на прусской службе де Катт в записках «Мои разговоры с Фридрихом» свидетельствует о том же: «Русские полегли рядами; но когда их рубили саблями, они целовали ствол ружья и не выпускали его из рук». Сам Фридрих позднее вспоминал этот день; «Они (русские) неповоротливы, но они держатся стойко, тогда как мои негодяи на левом фланге бросили меня, побежав...»

Здесь-то и сказалась разница в воинском воспитании. Прусская армия строилась на аксиоме своего короля: «Солдат должен больше бояться собственного офицера, чем противника» — и на соответствующих мерах внушения боевой доблести. Прусская пехота была хороша тогда и только тогда, когда маршировала под недреманным оком своих командиров. Фридрих понимал это и поэтому настоятельно рекомендовал своим генералам избегать переходов по лесным дорогам, если пехотную колонну, всегда готовую превратиться в толпу дезертиров, не «охраняют» гусары, и прямо

запретил совершать ночные марши. Дисциплина в этой армии была жестокой, но дисциплина сама по себе может обеспечить лишь среднее усилие войска и не способна подвигнуть его на «невозможное», превышающее норму. Русская же армия при Цорндорфе как раз совершила это «невозможное», ибо сражалась в условиях немыслимых, не предусмотренных никакими уставами.

Брошенная на произвол судьбы командующим, она все же под губительным огнем противника пытается перестроиться, что ей не удается сделать до генеральной атаки прусской кавалерии. Обычные узы дисциплины с нее в этот критический момент спадают, как спали бы, наверное, и с любой другой армии, но это не приводит к ее распаду, как это случилось со шведами при Полтаве и случится с пруссаками при Кунерсдорфе. Несмотря на то что механизм субординации оказался парализованным и приводные ремни, идущие от верховного командования к рядовому солдату, безнадежно спутались, армия осталась армией. Офицеры в сумятице выпускают из-под контроля своих солдат, но отдают распоряжения первым попавшимся, и те выполняют их. Солдаты повинуются приказам незнакомых им офицеров не потому, что боятся дисциплинарных взысканий: теперь они ничего не боятся. А потому, что чувствуют к ним доверие, нуждаются в руководстве, в организации среди хаоса для того, чтобы лучше исполнить свой долг.

Но вот противник отброшен (русские потеряли убитыми и ранеными 18 тысяч, пруссаки — 10 тысяч), и каждый спешит к знамени своего полка. Производится вечерняя перекличка, служится панихида — и вновь перед глазами Фридриха возникает стройная грозная боевая сила, непоколебимо стоящая на прежнем месте, как будто не было его, Фридриха, искусного маневра, не было сокрушительных залпов всей его артиллерии, не было стремительного удара его конницы и размеренно-методического натиска его пехоты. Он застал русских врасплох, он нанес им огромный урон, он сосредоточил свои силы так и ввел их в действие с такой последовательностью, которая всегда вела к победе над любым из его неприятелей. Но победы не было. Когда русские вышли из своего лагеря и направились на соединение с корпусом Румянцева, пруссаки уклонились от нового столкновения и уступили дорогу...» [Конец цитаты.]

Вот и в 1941–1945 годах немцы проявили военный гений, а наши генералы оказались не на высоте, но, в конце концов, это немцы «уступили нам дорогу», и уступили потому, что советский народ оказался прочнее немецкого, советская государственная идея оказалась прочнее немецкой, короче, победила не наша армия, а наше государство.

Давайте подсчитаем так. К лету 1942 года людские потери Советского Союза достигли 73 млн. человек вместе с теми, кто остался на оккупированных территориях, а до войны нас было 196 млн., т. е. наши максимальные людские потери достигли 37 %, но мы, советские люди, не сдались, мы дрались и сломали-таки немцам хребет. А всего наши безвозвратные потери населения составили 26,6 млн. Или почти 14 %, но мы устояли и белые флаги не вывесили. А немцы из 80 млн. населения потеряли чуть более 7 млн., т. е. около 9 %, но когда мы подошли к границам Германии, то немецкая армия еще отчаянно дралась, но сами немцы уже были не бойцы, они «сломались». Иногда антисоветчики радостно утверждают, что мы, дескать, завалили немцев трупами. Были бы эти антисоветчики поумнее, то помалкивали бы, поскольку **завалить противника трупами позорно для армии, но почетно для народа** — это показатель того, что не было у советского народа власти более дорогой ему, чем власть Сталина и большевиков.

В среднем

Может, это и трудно понять, но в данном случае надо говорить о каком-то среднем генерале и офицере, об офицерстве в общем, поскольку отдельные примеры и мужества, и подлости ни о чем не говорят — о трусах и дураках в своей среде пишут и немецкие офицеры, а храбрецов среди генералов и офицеров было полно и в Красной Армии. Немцы могут привести нам в пример летчика Руделя, который, потеряв ногу, вернулся в полк и продолжал бомбить наши войска на своем Ю-87, а мы без труда предъявим им Маресьева, который сбивал немецкие самолеты, летая вообще без обеих ног. Я могу вспомнить, что цитированный выше полковник Толконюк, признанный негодным для службы, порвал медицинское заключение и вернулся на фронт, могу вспомнить танкиста Драгунского, который стал инвалидом, но сбежал на фронт. Но немецкий офицер Бруно Винцер, который в самом конце войны в тылу заболел желтухой и мог бы досидеть в госпитале до капитуляции, больной вернулся на фронт в свой дивизион и, вспоминая сослуживцев, пишет:

«Мой адъютант, лейтенант Бертольд, по профессии художник, был несколько раз тяжело ранен и признан «трудоспособным» для тыла, однако он добровольно возвратился на фронт.

Командир штабной роты Хаазе тоже получил несколько тяжелых ранений и был признан «пригодным к службе в гарнизонах на родине», однако ему была противна обстановка в гарнизонах, и это побудило его отправиться вместе со мной в пехотную дивизию».

Проблема еще и в том, что отличные и храбрые офицеры даже в большом числе не способны принести армии столько пользы, сколько вреда принесет один подонок.

Вспомним, ведь Красная Армия сорвала немцам план «Барбаросса» — план нападения на СССР, более того, она вообще могла остановить немцев на границах. Ворошилов на севере советско-германского фронта и Буденный на юге сдерживали немцев и не давали тем провести намеченные окружения советских войск, но предательство генерала Павлова в центре все предопределило — немцы прорвались, провели подряд три окружения, и войска Красной

Армии на флангах тоже вынуждены были отступать, бросая немцам население, территории, промышленность оккупированных районов.

Командарм-33 генерал Ефремов, попав вместе с конниками Белова в окружение, не бросил своих солдат без командования, и его войска дрались в окружении почти полгода, затем по приказу Ставки кавкорпус Белова прорвался к своим, но 33-я армия прорваться не смогла, за Ефремовым послали самолет, но он отказался бросить солдат и дрался с ними до своего тяжелого ранения, а когда понял, что, раненный, обременяет товарищей, то застрелился. Прекрасная жизнь и прекрасная смерть! А трусливые Кирпонос, Лукин, Октябрьский с Петровым под Киевом, Вязьмой и в Севастополе из-за своего малодушия бездарно загубили сотни тысяч наших солдат. Какие герои и как могли компенсировать трусость подонков?

Немецкий историк А. Карелл как историк не бог весть что, но ценность его книги «Восточный фронт» в том, что он записал массу рассказов немецких ветеранов от солдат до фельдмаршалов. Записал очень некритично, так и видится, как немецкие старички, выпив шнапса, вешают этому историку «лапшу на уши» безо всяких возражений с его стороны, но, тем не менее, та война предстает в книге Карелла так, как ее видели немцы. И Карелл вместе с немецкими генералами удивляется огромной разнице в морально-боевых качествах генералов Красной Армии. Вот немецкие генералы рассказывают Кареллу о взятии ими в начале войны двух советских городов — Лиепай и Даугавпилса. Лиепая хотя и порт, но тупиковая точка, и от взятия ее оперативная обстановка на северном фланге советско-германского фронта практически не изменялась. А Даугавпилс — крупнейший узел автомобильных и железных дорог, его необходимо было защищать во что бы то ни стало. А реально дело происходило так:

«Вечером 24 июня полковник во главе своего 505-го пехотного полка находился в одиннадцати километрах от Лиепай. 25 июня он попытался захватить город врасплох стремительной атакой. Пехотинцы и моряки из морского штурмового подразделения под командованием капитан-лейтенанта фон Диета, приданного Ломейеру, атаковали укрепления по узкой полоске суши. Однако успеха достигнуть не смогли. Решительный штурм, предпринятый капитан-лейтенантом Шенке с его 530-м батальоном морской пехоты, также

провалился. Прежде чем Ломейер смог перегруппировать свои силы и до того, как подтянулись два других полка дивизии, гарнизон Лиепай при поддержке танков предпринял попытку прорыва. Некоторым из контратакующих удалось прорваться к самым позициям немецкой артиллерии. 27 июня русские устроили маэсированную вылазку, пробили брешь в кольце окружения и, прорвавшись к дороге у побережья силами нескольких боевых групп, создали критическую для немцев ситуацию. Закрывать «окно» немцы сумели лишь с большим трудом. В конечном итоге примерно в полдень батальонам 505-го пехотного полка и несколькими штурмовым пехотным группам удалось прорвать южные рубежи обороны, а на следующий день атакующие проложили себе путь в город.

После этого там в течение следующих сорока восьми часов шли ожесточенные уличные бои. Для подавления тщательно замаскированных в зданиях пулеметных огневых точек русских пришлось подтянуть тяжелую пехотную артиллерию, полевые гаубицы и минометные батареи.

Организация обороны Лиепай находилась на высоком уровне. Советские солдаты имели хорошую боевую подготовку и сражались с отвагой фанатиков. Русские считали чем-то само собой разумеющимся жертвовать собой во имя того, чтобы их главное командование могло выиграть время или чтобы другие могли перегруппироваться и пойти на прорыв. В сражении за Лиепаю немцы впервые столкнулись с типичным для советского командования мышлением: оно безжалостно бросало в мясорубку мелкие подразделения ради спасения более крупных. Такой подход приводил к росту потерь у немцев: так, в Лиепае погибли оба офицера, командовавшие штурмовыми морскими подразделениями.

Наконец 29 июня морская крепость пала. Пехота 18-й армии записала себе в актив первую крупную победу. Однако не обошлось и без печальных уроков: в Лиепае солдаты Красной Армии впервые продемонстрировали, что при наличии у них умного, опытного командира и при условии, что неуклюжая цепочка командования успевает сработать и организовать оборону, они вполне способны удерживать сильные позиции.

В отличие от защитников Лиепай, оборону Даугавпилса русские вели вяло, неумело и бестолково».

(Лиепая защищали части 67 сд генерал-майора Н.А. Дедаева, 12-й пограничный отряд и моряки военно-морской базы, командиры которых мне, к сожалению, не известны, а в городе вели бои ополченцы под командованием 1-го секретаря горкома партии М. Буки.)

Не имея для этого никаких численных данных (да их и не имеет никто) и руководствуясь даже не мнением, а впечатлением, берусь утверждать, что в среднем немецкие офицеры и генералы были гораздо лучше наших по всем показателям: и моральным, и профессиональным.

Что касается моральных качеств, то я образно пояснил бы свою мысль так. Положим, мы храбрость, смелость, преданность долгу и Родине офицеров и генералов оцениваем по пятибалльной шкале. Тогда у немцев 5 % — отличники, 90 % — хорошисты и 5 % — двоечники. А у нас 20 % — отличники, 30 % — хорошисты и 50 % — двоечники. И вот эта масса двоечников наносила советскому народу столько вреда, вызывала такие потери, что преимущество в числе отличников ничего не давало — потери солдат, младших офицеров, да и генералов, причем хороших, были огромны. Поэтому нравится это или нет, но при лучшем, чем у немцев, исходном человеческом материале, наши генералы и офицеры в среднем оказались хуже. Этот вывод требует от меня разрешения двух вопросов: как немцы воспитывали своих офицеров и как они их обучали, почему в этом деле они имели лучшие результаты?

И в области воспитания и обучения немецких офицеров в истории белое пятно — некая «терра инкогнита», создается такое впечатление, что этот вопрос никогда и никого не интересовал. Чуть ли не сорок лет увлекаюсь историей и всегда читал все подряд, но не только не встречал какой-либо специальной работы на эту тему, но никогда не встречал и малейших намеков, что такие работы где-либо есть и что какие-то историки эту тему изучали. Понимаете, всякую там болтовню насчет национал-социализма и антисемитизма оставим умственно недоразвитым, меня же интересует, откуда у немцев был столь высокий дух и как они достигали столь высокого профессионализма?

Трудности

На первый взгляд, проблема не кажется трудной, поскольку у нас на сегодня переведена масса воспоминаний немецких воинов и нужно лишь внимательно прочесть то, что они пишут о своем воспитании и обучении. Но даже тут исследователя преследуют две трудности.

Первая в том, что ты не немец, и дело не в незнании немецкого языка. Все народы имеют специфические особенности — они с этими особенностями родились, жили, они с ними сроднились настолько, что сами их не замечают, не видят в них чего-то особенного и, начав писать о себе, ничего об этих особенностях не говорят. К примеру. Немец не видит ничего особенного в том, что, пообещав прийти в 5 часов, он придет в 5 часов, а кубинец не видит ничего особенного в том, что, пообещав прийти в 5 часов, он придет в 7 часов. И можно возмущаться и плевать, но кубинец вас не поймет, поскольку совершенно не хотел высказать вам неуважение — он-то полагал, что и вы придете к семи. Причем ты можешь даже знать эту особенность, но поскольку она не твоя, то ты забудешь о ней именно тогда, когда это знание могло бы помочь тебе понять проблему.

Был у меня такой случай. Как-то у себя на заводе в компании со своими люксембургскими партнерами я принимал двух японцев, которые, надо сказать, для завода были важны. А завод в Павлодарской области, а эта область граничит с Семипалатинской, более того, собственно атомный полигон располагался в Майском районе именно нашей области. И очень информированные японцы, видимо, в страхе получить смертельную дозу радиоактивного заражения, приехали на завод не только со своей едой, но и со своей водой. Меня, хозяина (хотя я старался не подавать вида), это страшно разозлило: наши поварахи, понимаешь, налепили фирменных малюсеньких пельменей, со всей широтой нашего гостеприимства мы поставили на стол всякие местные вкусоности (люксембуржцы наши помидоры даже домой увозили в качестве гостинца), а эти японские придурки сидят за столом и хлебуют свою лапшу быстрого приготовления. Спасибо, хоть от водки не отказывались.

Ну и не стерпел я, и после этого обеда потянуло меня японцев чем-то уязвить. И я рассказываю компании, что был в Японии и поразили меня в метро автоматы по продаже билетов. Суешь в щель купюру любого достоинства, нажимаешь кнопку станции, куда хочешь доехать, и автомат выплевывает тебе билет и сдачу в виде более мелких купюр и монет, причем разного соответствующего достоинства. Но после этого идешь к входу в метро, а там японские мужики берут эти билеты и вручную компостируют их. Ну, а зачем тогда автоматы? Пусть бы эти мужики продавали и билеты! Люксембуржцы посмеялись, а японцы, к моему удивлению, к порядкам в токийском метро отнеслись серьезно и разъяснили мне то, что я вообще-то знал и без них, но не учел в данном случае.

— Видите ли, Мухин-сан, — сказал один из них, — японские фирмы никогда своих сотрудников не увольняют до пенсии, как бы трудно фирме ни было. Фирма, владеющая метро, внедрила автоматы по продаже билетов, в связи с чем высвободились кассиры, но их нельзя уволить. Вот фирма и поставила их на контроль билетов, пока из фирмы не уволится достаточно пенсионеров, чтобы обеспечить рабочими местами высвободившихся кассиров. Тогда фирма поставит и автоматы контроля.

Через пару лет я вновь попал в Токио и убедился — на входе и выходе из метро уже стоят автоматы, которые не только впускают пассажиров, но и не выпускают их, если они проехали больше, чем заплатили. Что характерно, я ведь знал об этом правиле японских фирм, но совершенно не учел его и полагал, что это что-то не в порядке со здравым смыслом руководителей токийского метрополитена, а японцы, даже будучи металлургами, тем не менее, сразу же сообразили, в чем дело, и немудрено, поскольку это их японская особенность, это их жизнь.

Так вот и с немцами. Читаешь в их воспоминаниях описание поступления в армию, описание карьеры и не можешь понять, почему в жизни мемуариста произошло то или иное событие, почему он возмущается тем, что оставляет тебя равнодушным, и никак не реагирует на то, что тебя удивляет? А он — немец, ему это обыденно и понятно настолько, что он не видит нужды специально останавливаться на разъяснении сути события, но тебе-то от этого не

легче... Тебе приходится чесать затылок в догадках, почему бы это могло быть так?

Вторая трудность заключена в проблемах перевода. Даже в СССР, который имел прекрасных переводчиков с любых языков, профессиональная специфика не всем переводчикам давалась, и не всегда. Скажем, в первых изданиях Мюллера-Гиллебранда 1958 года название танка 38t (38-го года, чешский) переведено как «38- тонный», мемуары Бруно Винцера «Солдат трех армий» 1971 года предваряет сообщение, что Винцер «штабс-офицер бундесвера», но штабс-офицеров не бывает — есть штаб-офицеры и штабс-капитаны. (Вообще-то «штаб» — это руководящий, в русской армии штаб-офицеры следовали за обер-офицерами — за старшими офицерами и предшествовали генералам, а «штабе» — это помощник, штабс-капитан — помощник командира роты (капитана) по строевой части.)

И совсем начался кошмар в настоящее время, когда издательства из экономии поручают делать переводы немецких авторов с американских изданий на английском языке. Тут-то уж переводчики-умельцы такое творят! Дело в том, что американцы, переводя на английский, уже врут и применяют свое видение дела там, где оно совершенно не соответствует немецкому, скажем, ефрейторов именуют капралами, что совершеннейшая глупость, а когда потом этот текст переведен с английского на русский, то тут вообще не поймешь, о чем речь.

Вы, наверное, обратили внимание, что американские традиции широким потоком входят и в жизнь России, особенно в жизнь российских придурков. К примеру, были у нас институты и университеты, и всем было понятно, о чем идет речь. Академии же, кроме Академии наук, были только военные и духовные, поэтому в нашем понимании академия дает образование выше высшего. Теперь у нас везде сплошь и рядом академии при на глазах ухудшающемся уровне подготовки их выпускников. Это типично американская традиция, ведь в США чем ничемнее контора, тем громче у нее название. Скажем, полицейская школа, в которой вас за полгода научат регулировать уличное движение, имеет громкое название «академия». Действительно же мощные учебные заведения США носят достаточно скромные названия типа «Гарвардский университет» или «Массачусетский технологический институт».

Поэтому, когда в переводе с «американского» начинаешь читать биографии немецких генералов, то поражаешься количеству училищ и академий, которые они закончили, и это при том, что у немцев вообще не было никаких военно-учебных заведений ни в нашем, ни в американском понимании того, что такое военноучебное заведение.

Еще один момент, выходящий за рамки первых двух, — это дебильная тяга нашей интеллигенции к иностранным словам. Откуда эта тяга, понятно. Дело в том, что с момента своего образования интеллигенция представляла собой сообщество людей, с одной стороны, получивших какое-то, часто гуманитарное, образование, а с другой стороны, абсолютно импотентных по деловым качествам — не способных реализовать никакое практическое дело. Единственный выход от интеллигенции — это болтовня в устном или письменном виде, в связи с чем интеллигенция и нашла себя в средствах массовой информации (книгах и газетах) с момента, когда эти средства стали оказывать определяющее влияние на общество.

Однако люди привыкли внимать умным людям, а те, кто не способен к решению практических задач, таковыми изначально не являются. Возникла проблема, как уверить читателей, что интеллигенция, способная только болтать, представляет из себя нечто умное? Решение возникло, надо думать, на уровне инстинкта интеллигента — надо болтать «научно» и «высокоинтеллектуально», т. е. так, чтобы это было мало понятно, но создавало впечатление какой-то немыслимой образованности болтающего, такой образованности, при которой болтающему уже узок родной язык и он вынужден болтать на каком-то общечеловеческом волапюке, хотя на самом деле интеллигент просто меняет слова русского языка на иностранные.

Строго говоря, вводить в свой язык иностранные слова приходится в случаях, когда они входят в страну вместе с новой техникой, технологией или явлениями. Однако задача любого русского не закреплять эти слова в нашем языке, а немедленно найти или изобрести им аналоги с русскими корнями, и делать это для того, чтобы смысл этих слов был понятен человеку, выросшему в среде русского языка. В противном случае, если иностранные слова описывают некие явления и понятия, а не просто предметы, то со временем исконное значение этих слов в русском языке может

измениться до совершенно неузнаваемого (поскольку суть слова изначально непонятна), и в результате в русском и иностранном языках похожим словом будут описываться совершенно разные явления и понятия. Несколько примеров.

В нашей армии, как и в иностранных, воинское звание «лейтенант» гораздо младше звания «майор», вот и попробуйте узнать у любого военного, жизнь которого проходит среди воинских званий, почему же тогда воинское звание «генерал-майор» младше воинского звания «генерал-лейтенант»? Я еще не встречал военного «профессионала», который смог бы на этот вопрос ответить. И причина в том, что слова «лейтенант», майор, генерал» — это слова чужого языка, смысл которых забыт и резко изменен в русском языке, в связи с чем эти слова теперь описывают совершенно не те понятия, которые они имели в латинском и французском языках. При этом использовать эти слова в русском языке не было ни малейшей необходимости, поскольку описываемые этими словами понятия можно было без проблем описать словами с русскими корнями.

При этом, если тыкать пальцем в этот идиотизм, то армия в нем занимает хотя и почетное, но далеко не первое место. На первом месте по использованию непонятных русскому слов, находится, без сомнения, такая сфера деятельности, как наука. Вот тут уж раздолье для интеллигентствующих идиотов, более того, искажение понятий в науке ведется осмысленно, с целью закрепления своего паразитирующего места у бюджетной кормушки. Отвлечемся на такой пример.

При исследовании того, из чего состоит все живое на земле, как оно устроено и действует, ученые вполне добросовестно впали в заблуждение и решили, что наследственные признаки передаются некими, невидимыми в тогдашние слабые микроскопы частицами — «единицами наследственности», размер которых, как писала МСЭ в 1936 году, «...очень мал, диаметр — приблизительно 0,02- 0,06 микрона». Надо было обладать умом академика Т.Д. Лысенко, чтобы философски оценить этот бред и назвать его чепухой в условиях, когда весь «научный мир» вопил о наличии генов, а американец Морган за этот бред ухитрился даже Нобелевскую премию получить. Ну, хорошо, заблуждение есть заблуждение, с кем не бывает. Но зачем было русские понятные слова «частица» или «единица наследственности»

менять на греческое «ген»? В результате заблуждение генетики кануло в Лету после того, как с развитием исследовательской техники убедились, что никаких генов нет. А вот ученые, изучающие гены, остались и благополучно объедают бюджет уже 60 лет, не принося никому ни малейшей пользы. Тут мне не поверят — как же так можно, если стало очевидно, что никаких генов нет? Ответу: оно было бы очевидно, если бы звучало по-русски, т. е. понятно нам.

Сейчас же ситуация такая: частиц, диаметром 0,02-0,06 микрона, передающих наследственные признаки, нет, а гены — есть! Чтобы в этом убедиться, откройте, к примеру, словарь иностранных слов, в котором утверждается, что гены существуют, что это (выделено мною. — *Ю. М.*) «материальный носитель наследственности, единица наследственной (генетической) информации, способная к воспроизведению и расположенная **в определенном участке** (локусе) данной хромосомы...».

Для образного понимания вышесказанного это можно представить так. Хромосома — это нечто длинное, как пассажирский поезд, участки хромосом — это вагоны, а гены (единицы наследственной информации) — это пассажиры, находящиеся в вагонах. Ведь написано так: ген — это «единица, расположенная в... участке», т. е. сама эта единица и участок хромосомы — это разные вещи, как вагон и пассажиры в нем. Вопреки очевидному, как видите, нагло утверждается, что несуществующие в природе гены есть! Но — проблема (!) — написав так, нужно и объяснить, из чего гены состоят (из каких молекул, каков их химический состав) и как они устроены. И мошенники ниже в этой же статье Словаря объясняют, что «...в химическом отношении ген соответствует участку молекулы» этой самой хромосомы. То есть сами по себе пустые вагоны — это и есть пассажиры в них. Если бы это написал железнодорожник, обязанный давать практические результаты, а посему обязанный излагать свои мысли понятными словами, то его немедленно выкинули бы с работы. А для тех, чьими результатами является болтовня, генетика в самый раз — побольше «умных» непонятных русскому слов, и перепуганные этими «умными» словами начальственные дураки выделяют тебе из бюджета необходимые ассигнования.

Офицеры

Простите, что отвлек вас, и давайте вернемся к использованию иностранных слов в военном деле. В самом начале, когда иностранные слова (повторю — безо всякой нужды в них) вводились Петром I (а также до и после него) для описания армейских и боевых понятий, их смысл мог быть ясен и являться таким же, как и на родине этих слов, а мог резко изменяться уже при переносе. Возьмем слово «офицеры».

На Западе, особенно у немцев, у которых русские цари позаимствовали это слово, все солдаты, как рядовые, так и те, кто ими командовал, были в сегодняшнем понимании «контрактники» — наемники. Солдат — воин, нанятый за сольдо — за золотые монеты. По окончании срока контракта или при его неисполнении нанимающей стороной он мог уйти и наняться в другую армию. Армия была фирмой, создаваемой бароном, графом или князем для выполнения определенных работ, и все в ней были наемные работники, но с разными функциями: одни непосредственно дрались, другие ими командовали. У немцев появилась потребность дать последнему понятию слово, а поскольку у них уже в XVI веке появилось слово для государственных служащих «офицер» (от латинского *officium* — должность), то они перенесли это слово и на солдат, имеющих командную должность.

Но в Россию это слово начало заноситься в XVII веке и сразу в регулярную армию — в «полки нового строя», а в этой армии уже не было наемников, и в ней все, включая рядовых, имели государственную должность — в ней все были офицерами в первичном немецком понимании этого слова. Присмотритесь к американским детективам: в них граждане обращаются даже к рядовым полицейским словом «офицер». И это совершенно естественно, поскольку и рядовой полицейский имеет эту должность в государстве. Таким образом, России слово «офицер» уже тогда подходило как корове седло. Ведь было точное слово «служивый», которым народ, кстати, и называл военнотружущих — тружущих царю. Были слова «воин, боец, ратник», было, в частности, слово «военачальник», прекрасно описывающее понятие «дающий

команды». На кой ляд требовались еще и слова «солдаты» и «офицеры»?

Однако вначале слово «офицеры», по крайней мере хотя бы внутри армии, использовалось точно в таком же значении, как и на своей родине — у немцев. Офицерами были все, имеющие право и обязанность приказывать — от капрала до полковника. (Генералами у немцев были, как правило, сами владельцы армий.) Единственно, Петр I русских офицеров разделил на младших, старших и руководящих — на унтер-офицеров, обер-офицеров и штаб-офицеров. Зачем это было сделано и боевые задачи унтер-, обер- и штаб-офицеров, мы рассмотрим ниже, а сейчас отметим, что более-менее ясное понятие того, кто такой офицер, держалось в умах военнослужащих, пожалуй, до начала XIX века, а на официальном уровне — до Октябрьской революции.

Начали большевики абсолютно правильно — они восстановили истинные боевые задачи офицеров, ликвидировав все воинские звания и само иностранное слово «офицер», заменив его тоже иностранным, но более ясным для русских словом «командир». Однако, как это можно понять из дальнейшего хода истории, ностальгирующим по своему паразитическому состоянию бывшим царским офицерам и алчущим паразитировать рабоче-крестьянским командирам ну очень хотелось иметь твердую базу паразитирования. И Красная Армия добивается введения персональных, выраженных иностранными словами воинских званий, которые не имеют никакого боевого или военного смысла и их единственный смысл — получение из казны денег, вне зависимости от своей боевой и военной полезности. А сказав «а», вскоре сказали и «б», правда, не без пропагандистской необходимости. В 1943 году ввели и слово «офицер», которое уже не имело не только военного смысла, но и вообще никакого смысла, кроме антиобщественного смысла выделения части служивых в отдельную касту, с целью более удобного грабежа казны собственной страны.

После войны военные паразиты натянули казенное одеяло на себя — теперь младшие офицеры (унтеры) начинаются с младшего лейтенанта, старшие — с майора и высшие — с генерал-майора. Черную кость — рядовых, сержантов, старшин и прапорщиков — они вообще выкинули из числа государственных служащих — из числа

имеющих должность в государстве. Но тогда кто эти должностные лица? Взводами у нас в армии могут командовать сержанты и прапорщики (последних и ввели для командования взводами), а также все лейтенанты от младшего до старшего. Но если лейтенант это офицер, т. е. человек, имеющий должность в государстве, в данном случае — должность командира взвода, то тогда прапорщик, занимающий эту же должность в государстве, но не являющийся офицером, — он кто? Конь в пальто! — ответят вам наши военные мыслители. Почему?! По кочану! — добавляют они же.

Если раздел между офицерами и остальными провести по уровню образования, то оно в данном случае не имеет ни малейшего значения — во время войны офицеры без образования дрались лучше, чем в среднем офицеры, окончившие военные училища и академии (ведь потому их, «необразованных», и сделали офицерами). Да и в мирное время нет больших проблем стать лейтенантом без окончания военного училища. То есть нынешнее понятие «офицер» не имеет ни малейшего отношения к боевым должностям, поскольку официально предусмотрено, что ту же самую офицерскую работу могут делать и не офицеры, причем, еще и лучше, чем офицеры.

Это результат применения в родном языке иностранного слова. Называя мы солдат как таковых более точным и понятным нам словом «воины», а тех, кто ими командует в бою, общим словом «военачальники», мы бы не имели сегодняшнего идиотизма, когда одни и те же командиры без малейших оснований называются по-разному. Военачальниками были бы, как при Петре I, и сержант, и маршал. Но ликвидируй мы понятие «офицеры», и возникнут проблемы в очереди к закромам Родины. Бесчисленные работники Министерства обороны, штабов, военкоматов, преподаватели и т. д., чье участие в боях не предусматривается и кто не дает приказов никаким воинам, — они какие воины и военачальники? Ясно, что никакие. А вот офицеры они замечательные, так сказать, «тоже защитники Родины». Ну и защищают они ее, естественно, не как защитники, а как «тоже защитники».

Я сделал столь пространное вступление, чтобы вы, так сказать, если и не почувствовали, то, по крайней мере, заподозрили разницу. Мы говорим: «Немецкий офицер», — мы говорим: «Советский (российский) офицер», — и полагаем, что это одно и то же. Но на

самом деле это не только не одно и то же, но это и рядом не лежало. А путаем мы их потому, что, с одной стороны, запутали сами себя «умными» иностранными словами, а с другой стороны, из-за нежелания попробовать понять образ мысли немца.

Последнее сделать очень непросто (по меньшей мере, мне), тут даже одну, малопонятную нам особенность нельзя раскрыть, не вторгнувшись в другие, такие же малопонятные особенности. Поэтому я не буду (поскольку просто не смогу) «раскладывать все по полочкам» — мне придется обращать ваше внимание на характерные обстоятельства без подробного их рассмотрения, а в конце сводить их воедино в надежде, что при этом они дополнят друг друга и сделаются более понятными.

Уважение

Как-то лет 30 назад читал какую-то книгу иностранного автора о разнице национальных характеров европейцев. В качестве иллюстрации был приведен анекдот, начинавшийся вопросом, что нужно делать, чтобы безопасно перейти проезжую часть улицы в разных странах. Ответ был таков. В США нужно вести с собой не менее трех детей. (Думаю, что Голливуд свое дело сделал и что теперь и в США семья и дети уже не являются высшей ценностью.) В Англии нужно вести с собою породистого пса. В Италии — шикарную блондинку. А во Франции улицу лучше вообще не переходить. Так вот, о немцах было сказано, что для безопасного перехода проезжей части в Германии нужно надеть мундир не менее, чем полковника. Причем, речь шла безусловно уже о Германии после Второй мировой войны, т. е. после того, как армия Германии потерпела два сокрушительных поражения. И получается, что, тем не менее, немецкие офицеры сохранили в глазах у немцев глубокое уважение! Почему?

Армия СССР победила во Второй мировой, но я бы не сказал, что в глазах реальных (а не пропагандистских) граждан, ее офицеры пользовались таким уж безусловным уважением. Правда, тут все сложно, причем, как мне кажется, и по отношению к солдатам, которых наш народ безусловно отделяет от кадровых военных. Как я уже писал, в мое время парень, не служивший в армии, даже в глазах девушек был неполноценным, и срочная служба в армии никем не рассматривалась как трагедия, более того, считалось, что для мужчины она обязательна. Не могу сказать обо всем СССР, но на Восточной Украине, перенесшей в свое время немецкую оккупацию, отношение к солдатам всегда было сочувственным, если не жалостливым. Там всяк и всегда поможет солдатику, если это потребуется. Думаю, что даже на танцах, если солдаты вели себя не вызывающе, то они были более защищены и местные парни к ним относились более снисходительно, чем к парням из соседнего района. Смешно сказать, но когда я это написал, то вспомнил, что в Москве, узнав, что тут все нищие — это профессионалы, я перестал им подавать, но всегда подаю просящим солдатам. Причем, я понимаю, что они здесь в Москве не

голодны, что они собирают на бутылку, что подавать им непедагогично, но подаю. И, думаю, не я один.

Отношение же нашего народа к кадровым военным, на мой взгляд, далеко и от сочувственного, и от уважительного. На офицеров с большими чинами обычно смотрят, как на людей, «хорошо устроившихся», а таким чаще всего завидуют, но на самом деле не уважают. Думаю, что здесь работает подспудная логика: офицер нужен для войны и только война может выявить, кто из офицеров кто, но войны не было, так чего стоят твои золотые погоны и звезды? При этом должен сказать, что в народе бытовало мнение, что умный парень должен поступить в институт, а не в военное училище и что на гражданке люди существенно умнее, нежели в армии. Моя практика этого не подтверждает, и может, потому, что я по-настоящему в армии не служил, но сравнение тех офицеров, которых я знал, с теми гражданскими, которых я знал, ничего не дает — и на гражданке полно окончивших вузы тупых идиотов. Да зачем далеко ходить — ведь Россию к сегодняшнему унижительному положению привели не военные, а гражданские, правда, при подлом попустительстве армии, но все же гражданские.

Тут еще момент. И в СССР, и в Германии офицерство достаточно закрытое сообщество — казармы, полигоны, стрельбища, как правило, надежно отгорожены, и деятельности офицеров никто не видит. Возникает вопрос — как же общество может иметь мнение об офицерах, если оно о них ничего не знает? Ответ прост: закрытое общество офицеров на самом деле очень открыто — ведь и в СССР, и в Германии подавляющее число мужчин проходит через армейскую службу, и уж эти мужчины офицеров знают не понаслышке. От них и исходит информация, которая дает обоим народам основания сделать те или иные оценки, которые в немецком случае очень уважительны, а в нашем — так себе.

Я вспоминаю, что в жизни слушал, может быть, сотни рассказов приятелей и знакомых о службе в армии, но не вспомню в этих рассказах ни одного теплого слова об офицерах, хотя почему-то вспоминается рассказ о ротном старшине, которому рассказчик даже после демобилизации письма писал — так был этому старшине благодарен. Это довольно странно, поскольку у нас на военной кафедре преподавал подполковник Н.И. Бывшев, который для меня

был и остался образцовым советским офицером по всем параметрам. С другой стороны, уже на лагерных сборах офицеры полка оставили очень серое впечатление, как с точки зрения своего профессионализма, так и с точки зрения своих интересов. Помнится, один капитан задолбал нас своими рассказами о том, скольких женщин он перетрахал и как. Надо думать, что он хотел, чтобы мы его за это уважали, но ничего, кроме презрения, не добился.

Добавлю, что в рассказах отслуживших срочную службу я не помню рассказов о служебных достижениях, допустим, об отличной стрельбе или о чем-либо похожем. Как правило, все рассказы «дембелей» сводились к рассказам о самоволках, о пьянках или о конфликтах сначала с дембелями, а потом — с салагами. Я полагал, что это показатель нашего русского миролюбивого характера — отсутствие у нас удовольствия от убийства других людей и от войны как необходимости убивать. Не отказываясь от этой мысли, сейчас, однако, думаю, что дело не только в нашем миролюбии. Поскольку я довольно долго работал руководителем, то могу сказать, что если бы рабочие вверенного мне цеха рассказывали бы знакомым только о том, как ловко они прогуливают и пьют на работе, то меня это очень сильно обидело бы. И дело не только в том, что я предстал бы никчемным начальником цеха даже в собственных глазах, но это значило бы и то, что мои люди меня не уважают, поскольку нельзя уважать человека, не делающего работу, за которую он получает деньги.

Но все это, конечно, присутствует в среднем и у нас, и у немцев, и отклонения от этого среднего в разные стороны присутствуют и там, и там. Я, к примеру, честно говоря, удивился, когда в абсолютно «демократичном» журнале «Солдат удачи» прочел воспоминания участника боев в Чечне, полностью аполитичного контрактника, который благодарил генерала Макашова за то, что еще в СССР Макашов во время его срочной службы гонял солдат как Сидоровых коз и в итоге сделал из них приличных бойцов, способных довольно умело действовать в бою. Макашов, скорее всего, это отклонение от среднего, да он и по жизни явно отклонился от средних генералов.

Солдата не обманешь

Уважение — это выражение почтения, но уважение не зависит от того, кто хочет, чтобы его уважали, вернее, уважения нельзя добиться силой или хитростью. Заставить людей относиться к себе почтительно можно — внешне они будут почтительны. Но заставить себя уважать — нельзя!

Если кто не знает, то скажу, что добиться уважения подчиненных просто, поскольку для этого нужно практически только одно — честно относиться к своему делу. Обмануть подчиненных невозможно, обмануть можно начальника, во всяком случае, можно попробовать. Начальник — это театр одного критика, а подчиненные — это настоящий театр, и в нем твою хитрость могут не заметить 99 человек, но сотый заметит обязательно и уж от остальных не утаит. Если ты честно относишься к своему делу, то подчиненные тебе простят многое: они, к примеру, могут за твоей спиной посмеяться над твоими ошибками или неудачными выражениями мысли, но уважать они тебя будут безусловно. И, повторю, их не перехитришь! В подтверждение своей мысли дам два примера.

Недавно мне рассказали такой случай. В одной нашей небольшой стрелковой части командир взъелся на одного из офицеров, заподозрив, что тот его не уважает (что, скорее всего, так и было), и уже почти добился увольнения этого офицера из армии. Ну, сами посудите, как это терпеть — в этой части все до одного командира уважают, а этот офицеришка — нет! По счастливой случайности кадровики Министерства обороны проводили в части анкетирование всех военнослужащих, и, конечно, смысленный народ на вопросы о том, как им служит, на всякий случай написал, что с таким прекрасным командиром им и служит прекрасно. Но в анкете среди десятков разных прочих вопросов стоял и вопрос: «С кем бы из офицеров вы хотели пойти в разведку?» И почти вся часть вписала в анкету фамилию этого непочтительного офицера, и почти никто не вспомнил о командире, которого внешне все так уважали.

А вот такой же пример, но с немецкой стороны. Когда я прочел мемуары немецкого фельдмаршала Манштейна, то у меня осталось

двойственное чувство. С одной стороны, он прекрасно описал суть полководческого мастерства, скажем, ясно обозначил цели оперативного искусства. Но с другой стороны, осталось убеждение, что этот человек лживый фат: у него нет ни малейшего сожаления о погибших под его командой солдатах, он не только не признает ни одной своей ошибки (а они явные), но чуть ли не открыто убеждает читателей, что это он самый лучший полководец той войны. Но это всего лишь мое мнение, а между тем я с Манштейном не служил и даже не знаком, хуже того, все немецкие мемуаристы и историки тоже на все лады расхваливают Манштейна, так что мне с моим мнением было как-то неуютно. Но вот что я прочел в воспоминаниях немецкого офицера Бруно Винцера, служившего в 30-х годах прошлого века в батальоне Манштейна.

«Я уже говорил, что нашего командира батальона звали Эрих фон Манштейн. Он участвовал в Первой мировой войне и был в чине обер-лейтенанта. Мы его уважали.

Когда он обходил строй или после смотра говорил с кем-нибудь из нас, глаза его светились почти отцовской добротой; а может, он умел придавать им такое выражение? Но иногда от него веяло каким-то странным холодком, который я не в состоянии объяснить. Манштейн был безупречно сложен и прекрасно сидел в седле. Нам импонировало, что в каждом походе он носил точно такую же каску, как и мы, солдаты. Это было непривычно, и мы были довольны, что он подвергает себя таким же испытаниям, какие выпадают на долю воинской части, ему подчиненной. Мы бы не упрекнули его, если бы он в качестве старого фронтовика носил и легкую фуражку.

Но что за этим скрывалось! Я вскоре случайно об этом узнал. Денщик Манштейна был по профессии портной. Поэтому у господина обер-лейтенанта одежда всегда была в порядке, а нам денщик за двадцать пфеннигов гладил брюки.

Придя по такому делу к этому денщику, я заметил каску обожаемого нами командира батальона. Шутки ради или из озорства я вздумал надеть эту каску, но чуть не выронил ее в испуге из рук. Она была сделана из папье-маше, легка, как перышко, но выкрашена под цвет настоящей каски.

Я был глубоко разочарован. Когда у нас на солнцепеке прямо-таки плавилась мозги под касками, головной убор господина фон

Манштейна служил ему защитой от зноя, подобно тропическому шлему.

Теперь я, впрочем, отдаю себе отчет, что впоследствии еще не раз наблюдал такое обращение с людьми, когда ласковая отеческая усмешка сочеталась с неопишуемой холодностью. Эта черта была присуща иным генералам, когда они посылали на задание, из которого, безусловно, никто не возвратится или вернутся только немногие.

А в тот день я положил каску обратно на стул и тихо ушел, унося свои выглаженные брюки. В душе у меня возникла какая-то трещина, но, к сожалению, небольшая. Тем не менее я пробормотал про себя: «Даже каска ненастоящая». [Конец цитаты.]

Как видите, перед подчиненными можно хитрить, но в конце концов забудешь каску в шкаф положить, и их уважение на этом закончится.

Надо также сказать, что уважение к военным, в отличие от других профессий, базируется, кроме прочего, и на очень мощном основании — на романтике войны. В любом деле требуются ум, работоспособность и честность, но ни в одном их не требуется столько, сколько их нужно солдату во время войны, кроме того, ему нужна еще и храбрость. Это сочетание, редкое для любой другой профессии, безусловно, заставляет относиться к военным с особым уважением. Но, повторю, это только в том случае, если они действительно честные солдаты. Если же они бесчестны, то им не надо сетовать, что избыток романтического уважения быстро превратится в избыток практического презрения, как бы ни славили армию газеты и телевидение.

Однако пока оставим эту тему и займемся другой — не тем, как немцы и русские смотрели на своих офицеров, а как сами офицеры смотрели на себя и на своих солдат и как солдаты смотрели на них и на себя. Начнем несколько издалека.

Разбой

Исторически все армии создавались для разбоя, правда, в последние столетия это как-то не афишируется, поскольку в мире были силы этому противостоять. Но вот не стало СССР, и вы посмотрите на США — это же бандиты несравненной наглости, но с видом гимназистки.

Раньше, в старые времена, разбоя не стеснялись, не стеснялись его и наши предки, это уже потом, после татаро-монголов, стало «не до жиру, быть бы живу», а до них и русские были как все. С историком Бушковым не во всем согласишься, но его напор не может не вызвать одобрения, поэтому в качестве примера я дам его рассуждения на эту тему.

«Сейчас, когда вновь поднялся страшный шум вокруг «проблемы реституции перемещенных культурных ценностей» (означающей, что Россия должна передать Германии свои законные трофеи в обмен на ядерный шиш с германской стороны), поневоле вспоминается анекдотическая, но невымышленная история, связанная с «церковными вратами». В Новгороде, в соборе Святой Софии, до сих пор радуют глаз старинные литые двери, изготовленные в Западной Европе, в веке, кажется, десятом. История их весьма примечательна — на фоне воплей о реституции...

Однажды древние новгородцы собрались в Швецию по совершенно житейским делам — нужно было немного пограбить шведскую столицу Сигтуну. Такие уж тогда были обычаи: когда обитатели какой-нибудь страны замечали, что немного поиздержались, они со спокойной совестью отправлялись грабить ближних или дальних соседей. Сами ограбленные, подсчитав синяки и убытки, долго не горевали, в свою очередь начиная поглядывать по сторонам в поисках слабого соседа, к которому стоило бы наведаться в гости. Словом, такое поведение считалось вполне светским, я бы сказал, комифотным. Стало уже хрестоматийным упоминание о некоем французском бароне, который построил замок близ Парижа и нахально грабил королевские обозы. Бывали случаи и похлеще: скажем, в августе 1248 г. два немецких рыцаря, Пильгерин и Вейнольт, заявили

в гости к своему знакомому рыцарю и поэту Ульриху фон Лихтенштейну, однако вместо дружеского застолья разграбили драгоценности хозяйки дома, а самого Ульриха уволокли с собой и больше года держали в подвале, пока не получили выкуп...

Вернемся к новгородцам. Итак, они прихватили побольше пустых мешков, сели на крутобокие ладьи и поплыли в Швецию. Но где-то на полпути встретились с ладьями эстов (предков древних эстонцев), каковые не без самодовольства сообщили, что новгородцы старались зря и могут поворачивать оглобли — ибо они, эсты, как раз и плывут из Сигтуны, где грабить уже совершенно нечего, и вообще Сигтуна, откровенно говоря, давно уже догорает...

Новгородцы, как любой на их месте, презрительно оскорбились — готовились, предвкушали, ладьи конопатили, топоры точили, мешки запасали! — и, недолго думая, предложили эстам поделиться награбленным.

Теперь уже оскорбились эсты, усмотрев в столь наглom требовании извечную тягу русских к халяве. И заявили нечто вроде: в конце-то концов, все добро они честно награбили, трудясь в поте лица. Разграбить и сжечь шведскую столицу — это вам не на гусях тренькать у себя в Новгороде, былины про Садко распевая! Если хотите разбогатеть — плывите дальше и сами кого-нибудь ограбьте, как приличным людям и полагается! Мигранты, мать вашу...

«Ах так, чужь белоглазая?! — взревели новгородцы некормленными ведмедями. — Ну, тогда все отыдем!»

Неизвестно, насколько этот диалог соответствовал истине, зато достоверно известно другое: последовало морское сражение, в результате которого эстов чувствительно потрепали и отобрали у них кучу добра, в том числе и вышеупомянутые врата, которые торжественно установили в Новгороде (в конце-то концов, утешали свою совесть, должно быть, новгородцы, эсты все равно язычники и церковные двери им ни к чему).

По логике отечественных либералов данные двери, надо полагать, следует вернуть Швеции. Реституировать, извините за выражение. Однако есть небольшая загвоздка. Врата эти шведы самым беззастенчивым образом сперли в германских землях, когда подожгли и ограбили то ли Аахен, то ли Бремен. Так кому же прикажете возвращать произведение искусства — Германии, Швеции или

Эстонии? Пожалуй, гораздо проще будет оставить все как есть. Занеся «реституцию» в разряд неприличных слов. А нынешние немцы, требующие вернуть им «награбленное», право же, чрезвычайно напоминают итальянцев, которые в свое время зело сокрушались и ругали наполеоновских грабителей, безжалостно уволокших во Францию четверку бронзовых коней, столетиями украшавших венецианскую площадь Святого Марка. При этом итальянцы как-то упускали немаловажную деталь: кони эти некогда украшали Константинополь, откуда их и сперли итальянские рыцари, принимавшие участие в разграблении города в 1206 г...»

На Западе иметь целью войны разбой ничего не мешало, более того, из-за любви Запада к «правовым государствам» военный разбой был быстро узаконен и действовал, надо думать, чуть ли не до XX века. Вот, скажем, как это дело обстояло в Великобритании.

«Здесь, по-видимому, следует сказать, что в английском флоте захват в сражении «призов», то есть вражеских судов и товаров, всячески поощрялся. В Адмиралтействе существовал специальный отдел, ведавший призами. Особенно радовал Адмиралтейство захват вражеских судов. Он составлял важный и наиболее дешевый источник пополнения британского флота. Ведь на постройку нового корабля требовались долгие годы и очень большие деньги. А ремонт захваченного в бою судна противника мог быть осуществлен за несколько месяцев при куда меньших материальных затратах. Кроме того, нередко англичанам удавалось захватить неприятельские корабли, перевозившие золото из колоний в метрополию. За такими кораблями охотились, и очень упорно. Когда приз доставлялся в Портсмут или другой английский порт, туда прибывал уполномоченный Адмиралтейства для установления его стоимости. В Лондоне тщательно изучали относящиеся к делу материалы и устанавливали призовую сумму. Большая часть призовых денег распределялась среди экипажа судна, захватившего приз, — от рядового матроса до капитана, но, разумеется, не поровну, а в соответствии с их положением.

Призовыми деньгами привлекали матросов при вербовке во флот. В городах вывешивались плакаты такого, например, содержания: «Требуются три 1-й статьи или неморяки для службы на корабле его величества «Лайвели». Те, кто поступит на эту службу, будут

направлены на захват богатых испанских галеонов и впоследствии возвратятся, окруженные почетом и нагруженные деньгами; они проведут остаток своих дней в мире и богатстве». И действительно, матрос, которому повезет, мог в течение часа заработать призовыми деньгами больше, чем за всю жизнь, трудясь на берегу. Везло, разумеется, лишь немногим. И тем не менее соблазн был очень велик.

Самым богатым призом, захваченным англичанами в XVIII столетии, оказался груженный золотом испанский корабль «Гермионо». Он шел из Лимы (Перу) в Кадис и был взят в 1762 году. Приз оценивался более чем в полмиллиона фунтов стерлингов. Из этой суммы английский адмирал получил примерно 6500 фунтов стерлингов, офицеры, естественно, меньше — соответственно рангу, матросы — еще меньше. И все же на долю каждого матроса и морского пехотинца пришлось по 485 фунтов стерлингов. По тем временам это были очень большие деньги: как уже говорилось, матрос 1-й статьи получал тогда 25 шиллингов в месяц. Такие случаи сильно действовали на воображение моряков, они самоотверженно гонялись за призами и, не задумываясь об опасности, лезли на абордаж. Не составляло секрета, что многие адмиралы и капитаны, особенно если они находились в районе военных операций, приобретали значительные состояния из призовых денег. Что касается Нельсона, то его отец и члены семьи в Барнэм-Торпе вздохнули свободнее, когда он стал посылать им призовые деньги, добытые в Вест-Индии».

Для справки: фунт стерлингов — это английский фунт серебра, т. е. 0,454 кг, шиллинг — 1/20 фунта.

Русские цари и императоры тоже не были дураками и прекрасно понимали, что добыча хорошо стимулирует если не храбрость, то солдат, но все цари, как правило, были истинно, а порою и истово (Иван Грозный, к примеру) верующие люди, и им, во-первых, не хотелось брать грех на душу и превращать русскую армию в разбойников, во-вторых, подавляющее количество войн велось за безопасность своих границ — безопасность живущих у границ подданных России. Буйных соседей следовало наказывать за набеги на Россию и этим отвращать от набегов, а британские алчность и жестокость могли бы только озлобить соседей и вызвать у них чувство мести. Потом, так или иначе, но многих соседей приходилось просто включать в число подданных империи, чтобы защититься от них, и в

связи с этим также не имело смысла чрезмерно их обижать. Как бы то ни было, но вы вряд ли вспомните в русской истории кого-либо, кто бы разбогател от военной добычи, хотя, как вы знаете, у России достаточно было и вполне удачных войн.

Уже Петр I в «Артикуле воинском» начинает главу XIV «О взятии городов, крепостей, добычи и пленных» ограничением объектов грабежа даже после штурма.

«Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указа грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Арт. 105. Такожде имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (разве что инако от фельдмаршала приказано будет) под смертною казнию.

Толк. Ибо оные или невозможности своей или чина своего ради никакова ружья не имеют при себе, и тако сие чести получить не можно, оных убить, которые оборонитися не могут».

В понимании русского, добыча не должна быть грехом, и Петр уже в начале XVIII века страхом смерти запрещает грабить церкви, а англо-французы и через полтора столетия, взяв Севастополь, не только разграбили все церкви, но не постеснялись вскрыть могилы адмиралов Лазарева, Нахимова и Корнилова, чтобы сорвать с их мундиров золотые эполеты. Что с них возьмешь — цивилизованная Европа! Понимает толк в грабежах.

Лет через 50 после петровского «Артикула воинского» А.В. Суворов, подстраиваясь под солдатский язык, растолковывает в своей «Науке побеждать», как солдату следует себя вести в этом вопросе.

«Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах — без приказа отнюдь не ходи на добычь!

...Штурм. Ломи через засеки, бросай плетни чрез волчьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фашины, спускайся в ров,

ставь лестницы. Стрелки очищай колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену на вал, скалывай, на валу вытягивай линию, караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город! Его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби. В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался? — Пощади! Стена занята? — На добычь!»

Суворов для лучшего запоминания этих правил солдатами писал их телеграфным стилем — только итоговые положения без объяснений. А суть этих положений проста.

Добыча — стимул, но она не должна мешать управлению войсками: «...без приказа отнюдь не ходи на добычь!» Этим грешили все, но особенно казаки, которые могли прекратить преследовать противника, если на пути попадалось что-то, что можно было пограбить.

Второе. Грабить можно только того, кто не сдается, сдавшихся — нельзя: «Неприятель сдался? — Пощади!» И только если город приходится брать штурмом, то тогда его разрешено и грабить: «Стена занята? — На добычь!»

А мирных жителей селений, мимо которых проходят русские войска, грабить вообще нельзя («обывателя не обижай»). Здесь тоже военная целесообразность — у обывателя покупались фураж и продовольствие («он нас кормит и поит»), и если начать обывателя грабить, то он сбежит и армия будет голодной.

Но характерно другое. Русская армия, как и прочие, состояла из солдат и офицеров, включая генералов и самого Суворова. Между тем, Суворов не пишет, что если взять лагерь или крепость, то все будет «наше», Суворов пишет «все ваше», то есть вся добыча принадлежит только солдатам. Иными словами, когда «в Измаиле, кроме иного, золото и серебро пригоршнями делили», то ни офицеры, ни генералы свои пригоршни не подставляли.

И в этом резкое отличие русской армии от остальных (скажем, того же британского флота), в которых добыча доставалась и офицерам с генералами. А за что офицеру добыча? У него большое жалованье от царя, у него имение, у него крепостные. Какая еще добыча?

Если вы помните, то в фильме «Петр Первый» есть характерный и, видимо, точный эпизод. Будущая русская императрица Екатерина I, в девичестве Марта Скавронская, была трофеем русских солдат, взявших под командованием фельдмаршала Шереметева шведскую крепость Мариенбург. Досталась Скавронская простому драгуну, но понравилась Шереметеву, и тот приказал привести ее к себе. Но это с его стороны было грабежом драгуна, честно добывшего свой трофей, и Шереметев отсылает драгуну рубль, то есть формально покупает Марту у своего солдата.

Эту особенность русской армии следует учесть — у русских офицеров, в отличие от западных, с петровских, а может, еще и с допетровских времен не было прямого материального стимула к победе. Русские офицеры за победу тоже награждались, но не самой победой, не добычей, а начальством, а это уже не то. Начальство, конечно, старалось, но люди есть люди: имеющий заслуги мог награду и не получить, а какой-либо хмырь, умеющий обольстить начальство, мог получить огромную награду ни за что. Скажем, Екатерине II не откажешь в том, что она русская императрица и действительно «великая», но ведь приближала к себе и награждала не только великих деятелей Орловых, Потемкина или Завадовского, но и откровенных ничтожеств, типа Зубова, сумевших пролезть к ней в фавориты. А эта нестойкость начальства перед лстивыми негодьями обесценивала боевые награды: зачем было честно рисковать жизнью, если ту же награду можно было получить хитростью или подлостью?

Нельзя сказать, что добыча и трофеи имеют определяющее значение, особенно сегодня, но надо иметь в виду, что традиции — это база законов, традиции складываются веками, и чтобы их отменить, одной бумажки мало. К началу XX века и в немецкой, и в русской армиях грабеж был официально запрещен, но куда денешь столетия традиций, по которым немецкий офицер знал, что его материальное благополучие зависит от его боевых побед, а русский знал, что его материальное благополучие зависит от того, как он услужит начальству?

Закончив эту тему, отвлекусь. После победы в Великой Отечественной войне особенно отличились в грабеже Еермании советские офицеры и генералы. Они грабили непропорционально много в силу своих возможностей вывезти добычу. Эта добыча

Красной Армии была ее законной добычей, и пусть немцы не ноют — нечего было войну начинать. Но советские офицеры и генералы не имели на нее права! Они получали высокую зарплату, а на фронте — вдвое. Это солдаты дрались бесплатно, и добыча принадлежала им и вдовам павших. Те советские маршалы и генералы, которые вывозили награбленное машинами и вагонами, — это подонки. Немецкими генералами они не стали, а русскими перестали быть. Их алчность — это показатель их деградации и как офицеров, и как людей.

Я как-то долго не видел ничего предосудительного в трофеях, но в 70-х меня заставил задуматься ученый-металлург Кадарметов (запомнил его татарские имя-отчество, а книг по старой специальности под рукой нет). Он провоевал войну артиллеристом, мы как-то беседовали с ним о фронте, о сложности ведения огня шрапнелью, и я спросил его о трофеях. Он как-то жестко мне ответил, что и любовниц на фронте не имел, и иголки в Германии не взял. «Вернее, — сказал он, — в одном разгромленном конструкторском бюро в Германии я взял логарифмическую линейку и инженерный справочник Хьютте». Да, порою не знаешь, где можно наткнуться на настоящего русского офицера, но они все же были и, я полагаю, есть.

Атаманы

А теперь момент, рассмотрение которого я начну издалека.

Нам, русским, как-то совершенно понятно, что представляет из себя организация, описываемая словом «банда». Словари иностранных слов относят его к итальянскому языку, в котором, помимо понятного нам значения, оно имеет и значение «отряд». Между тем, разговорная латынь была заменена романскими языками в IX веке, Византия (Восточная Римская империя) берет начало в IV веке, скифское государство уничтожено готами в III веке. Так вот, византийская регулярная кавалерия организационно делилась на «меры» (2—3 тысячи человек), «тагмы» (200—400 всадников), а тагмы делились на две «банды». Причем древние историки, скажем, Псевдомаврикий, пишут, что это «скифская» организация кавалерии. Считается, что слово «банда» происходит от слова «бандой» — знамя. Действительно, знаменщик банды назывался «бандофором», однако командир банды имел название «комес» или «трибун», т. е. его должность со словом «банда» уже не связана. Отсюда вряд ли кто осудит меня за предположение, что слово «банда» позаимствовано римлянами у скифов или аланов вместе с организацией кавалерии. Особого значения для нас это не имеет, но я хотел бы обратить внимание, что слово «банда» Европой употребляется очень давно, и это слово с древности жестко связано с понятием «вооруженный отряд», а, повторю, целью таких отрядов многие тысячелетия был грабеж.

Более существенно другое — организационно-военный смысл такого отряда. В бою всадниками в количестве 100—200 человек еще можно управлять голосом, т. е. банда — это тот максимум бойцов, которым в бою способен командовать один человек. В бою банда могла рассыпаться на одиночных бойцов или ее мог рассеять противник, для своего спасения кавалеристы должны были как можно быстрее собраться вместе. Для этого банда имела особое снаряжение — знамя. В данном случае его лучше назвать более точным русским словом — «стяг». Стяг — это то, к чему стягиваются, и находится стяг возле командира, чтобы тому было удобнее командовать — чтобы его голос был слышен всем воинам его банды, стягивающимся к знамени.

Таким образом, изначальная суть тех, кто впоследствии получил название офицеров, — это тот самый маленький командир, который имел возможность командовать, полагаясь на свое видение боя. Были и командиры более мелких подразделений, на которые делилась банда, скажем, у византийцев ими командовали гекатонтархи, пентархи, тетрархи, но эти подразделения не имели своего знамени, а их командиры были помощниками командира банды, да и то только на время боя.

Теперь, если я спрошу более-менее старших читателей, как по-русски называется командир банды, они мне ответят: «Атаман». И это действительно так, хотя в этом вопросе может сбить с толку более поздняя военная организация казаков, у которых атаман и, тем более, гетман — это уже генералы. На самом деле, еще до казаков, атаманом был самый первый самостоятельный командир. Вот теперь давайте оценим разницу между тем, кого мы уже давно называем офицерами и атаманами. Эту разницу необходимо отметить обязательно, чтобы понять, что именно имел в виду Манштейн, когда, описывая румынских офицеров, написал: «Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно не доставало «прусской школы».

Принципиальная разница

Офицер — это тот, кому начальство (царь) ставит боевую задачу и дает для ее исполнения солдат, а атаман — это тот, кого солдаты выбирают своим командиром, и в духе атамана самому ставить себе и банде боевую задачу, самому искать добычу. В этой разнице скрыто очень многое.

Начнем с вопроса — кого начальство назначит офицером, командиром? Ответ один — того, кто начальству нравится, т. е., если начальство боевое, то ему будут нравиться боевые офицеры, а если начальство мечтает тихо до пенсии дожить, то ему будут нравиться офицеры, которые не будут своим чрезмерным энтузиазмом подчеркивать дряхлость и боевую неспособность самого начальства. Но боевое начальство вырастает из боевых офицеров, а если годами вести кадровую политику так, чтобы офицеры были смиренные и боялись начальства, то со временем и все начальство будет таким, и все офицерство под ним тоже будет смиренным.

В этом, собственно, кроется объяснение, почему накануне войны ни Красная Армия, ни армия США не распознали в своих рядах тех, кто в войне принес славу этим армиям. Да и в немецкой армии множество полководцев выдвинула война, а не начальство.

А теперь вопрос — кого выдвинут себе в атаманы сами бандиты? Смирного, покорного? А какую добычу они с ним добудут?

Зайдем с другой стороны. Кем являются солдаты для офицера? Пушечным мясом, которое батюшка-царь или начальство дали ему для боя. Ну, погибнут они, ну и что? Батюшка-царь еще пришлет, если, конечно, сможешь доказать ему, что ты в их гибели не виноват. Оцените с этой позиции поведение офицеров Красной Армии в окружении: даже если они и не собирались сдаваться в плен, то все равно бросали солдат, чтобы те не мешали им скрытно перейти линию фронта (ведь с солдатами надо прорываться — воевать). Офицеры Красной Армии бросали солдат, поскольку имели офицерский менталитет: главное — это свою шкуру спасти, а новых солдат под твою команду начальство уж предоставит.

У атамана мировоззрение иное — бандиты выбирают его для добычи, а мертвым бандитам она не нужна, следовательно, и он не нужен банде, если не способен добыть победу с малыми потерями. Конечно, в первую очередь на него так смотрит банда, но, соответственно, и он обязан на себя смотреть только так. Атаман не мыслит себя без своей банды, без банды он ничто. Посему и немецкие офицеры не бросали немецких солдат ни в каких случаях — их не только не поняли бы солдаты, коллеги-офицеры и начальство, они бы не поняли сами себя.

Вот тут у многих возникнет вопрос — почему я немецких офицеров идентифицирую с атаманами? Ведь атаман — это чисто русская, казачья должность. Это не так, в праславянском языке не было слов, начинающихся на букву «а», все слова на эту букву привнесены в наш язык позже из других языков вместе с теми понятиями, которые они описывали в родных языках. И слова «атаман» и «гетман» внесены в наш язык из немецкого языка; это видоизмененное слово «гауптман» — командир подразделения, численностью 100–200 человек, т. е. численностью в византийскую банду. Позже подразделение такой численности у нас стали называть ротой, а у немцев осталось название «компания», т. е. что-то вроде добровольного сообщества. Казачество, организуя свои шайки наподобие немецких разбойных компаний, переняло от немцев и то, кто должен возглавить шайку, вместе с названием его должности — атаман.

Выборность

Тут может последовать возражение: атаман — должность выборная, но ведь и у немцев, как и у нас, офицеры назначаются начальством. Откуда же у немецких офицеров мог быть атаманский менталитет? Во-первых (мы это рассмотрим ниже), немецкий офицер назначается на должность совершенно не так, как русский, и тем более советский, во-вторых, надо вспомнить, кем были наши страны 3–4 века назад. Россия и тогда уже была централизованным государством с царем во главе, а Германия представляла собой несколько сот всяких графств, княжеств и баронств, в которых часто сам барон и был единственным воином. Прототипом немецкого офицера был барон, собравшийся куда-нибудь сходить и кого-нибудь ограбить. Своих крепостных крестьян было неразумно делать солдатами — тогда в случае неуспеха еще и с голоду подохнешь. И такой барон собирал себе банду из добровольцев, таких же, как он. И выборы этого барона атаманом осуществлялись тем, что бандиты-добровольцы становились под его знамя.

У нас это плохо понимают, у нас в умах факт выборов связан с выдвижением кандидатов и голосованием за них. Но это всего лишь одна форма свободного волеизъявления. Между прочим, именно так (выдвижением и голосованием) выбирали себе атамана казаки, но уже артельщика русская артель избирала, скажем так, «по-немецки».

Когда наступала осень и мужикам требовалось заняться сезонной работой, скажем, лесоповалом, они собирались в артели и избирали артельщика. Делали это так. Среди них были мужики, способные исполнять эти обязанности или уже исполнявшие их. Эти мужики объявляли, что они согласны стать артельщиками, и теперь к ним в артели записывались желающие. Кому не нравился этот артельщик, мог пойти к другому. Между прочим, артельщик обладал огромной властью, к примеру, по его приказу артель жестоко избивала любого члена артели, осмелившегося не выполнить распоряжение артельщика.

Точно так же формировали свои войска (свои банды) и немецкие бароны, впрочем, их так в Европе формировали все короли и князья. Но это и есть самые настоящие свободные выборы. Правда, чем

крупнее государство, чем сильнее король, тем выбор атамана — того, под кем служишь, — хуже ощущается и осознается. Ведь присягу даешь королю, а служишь не непосредственно под ним, а под тем, кого король укажет. А у немцев, с их огромным количеством карликовых монархий (их в начале XIX века было больше сотни) этот дух выборности атамана осознавался очень долго и теми, кто вступал к ним в компанию, и самими Гауптманами. Вот немцам и удалось сохранить этот дух до XX века.

А у нас все было по-другому. Уже очень давно сначала великие князья, затем цари и императоры России были отцами народа. Одни это понимали, другие нет, но статус их в народе был именно таков. Однако народом считался, повторюсь, только собственно народ — крестьяне, купцы, священники. Дворяне народом не считались, и царь был не их отцом, а их хозяином, а они — его слугами. Официальное именование себя при обращении к царю было «сирота», если письмо царю писал, к примеру, крестьянин, и «холоп», если письмо писал дворянин.

Так и разошлись мировоззрения русских и немецких офицеров: в немецком понимании офицер — это атаман, а в русском понимании — холоп.

Немецкий офицер видел в себе **лучшего воина банды**, а русский — **лучшего слугу начальству**.

Последствия

Найдутся и те, кто скажут мне, что все это чепуха, не имеющая значения, что если такое и было, то было давно, и в наше время массовых армий это мировоззрение офицеров уравнилось во всех странах и никакого влияния на войну не оказывало. Как сказать! Вот давайте в качестве примера рассмотрим точки зрения советского и немецкого офицера на то, кто такой офицер.

В воспоминаниях маршала И.Х. Баграмяна, которые, повторю, в целом мне нравятся своей военной осмысленностью, меня покорило такое предложение: «Части 31-го стрелкового корпуса генерала Н.В. Калинина попытались расчистить дорогу Военному совету и штабу (5-й армии. — *Ю. М.*), но на реке Удай не смогли преодолеть сильную оборону 4-й немецкой танковой дивизии». Кем, в понимании Баграмяна, являются Военный совет и штаб 5-й армии? Это цацы, которым воевать не надо, а их надо обязательно спасать. Баграмяну даже в голову не приходит, что если спасать, то спасать надо было не Военный совет и штаб, а 5-ю армию в целом и в ее составе эти самые «части 31-го стрелкового корпуса». А кем, в понимании Баграмяна, являются эти самые «части»? Это быдло, которое обязано было сдохнуть, чтобы цацы могли спасти свои шкуры.

А вот эпизод из воспоминаний немецкого обер-лейтенанта Отто Кариуса. Командир его роты фон Шиллер был трусом, и в результате произошел такой инцидент:

«Существовал приказ о том, что все при обстреле должны бежать в подвал дома. Этот приказ был совершенно оправдан, что подтвердил случай, когда русский снаряд упал с недолетом. Унтер-офицер из ремонтного взвода и ротный писарь были убиты осколками, когда направлялись в убежище, но не успели вовремя. Следовательно, предосторожность была совершенно необходима.

Однако фельдфебелей, которые спали в другой комнате, по соседству с нами, корбило, что командир всегда первым прыгал в подвал через дыру в полу, хотя такой спешки и не требовалось. Кроме того, в соответствии с воинской традицией командир должен думать о личной безопасности в последнюю очередь. Ротный связист,

фельдфебель Шотрофф, в других случаях спокойный, надежный человек и образцовый солдат, сорвался, оскорбил фон Шиллера. Дошло и чуть ли не до рукоприкладства. Фельдфебель был взят под стражу как бунтовщик.

Фон Шиллер настаивал, чтобы я немедленно пошел с ним в военный трибунал. Нам в любом случае нужно было идти на совещание к командиру танкового полка дивизии «Великая Германия» полковнику графу Штрахвицу. По дороге я призвал фон Шиллера не портить жизнь такому надежному солдату, как Шотрофф.

В конце концов, я добился того, что он заколебался. Наверное, сообразил, что в трибунале придется говорить вещи, которые будут неприятны ему самому. Как бы то ни было, к моему огромному облегчению, он повернулся ко мне и сказал:

— Ладно, Отто, я все это обдумал. Ради тебя лично накажу Шотроффа за безобразное поведение. Посажу под арест, а потом возьму с собой на боевые действия.

...Последнее наказание было вдвойне фальшивым психологически. Назначение во фронтовые подразделения не могло быть карой, а только долгом каждого из нас. Оно требовалось от всех нас как само собой разумеющееся».

Оба мемуариста писали воспоминания много лет спустя после войны, и у них было время все обдумать. И даже при этом в понимании советского маршала командиры должны спасаться в первую очередь, а в понимании немецкого обер-лейтенанта — в последнюю. Если вы вспомните прочитанное выше, то в понимании генерала Гордова посылка на фронт — это наказание, а в понимании немецкого офицера — это долг.

Так что есть разница в том, кем являются офицеры твоей армии по своему мировоззрению, по взгляду на себя: атаманом (лучшим воином) или всего лишь «слугой царю и отцом солдатам». Последнее тоже звучит неплохо, но в бою оказывается, что из этих слуг далеко не все рождаются хватами и далеко не все являются отцами солдатам. Впрочем, как вы выше прочли, и не все немецкие офицеры были атаманами. Но мы же говорим о среднем офицере.

Конкуренция

Рассмотрим теперь эту разницу с еще одной стороны. По русскому образцу мыслей все дворяне обязаны были служить, если дворянин не хотел служить, то лишался и поместья, и дворянского статуса. Так длилось до Петра III, который освободил дворян от службы, но это длилось достаточно долго, чтобы у большей части русских дворян выработался взгляд на службу как на обузу, которую приходится отбывать. В первую очередь, конечно, у тех дворян, кто к воинской службе не имел ни малейшего призвания или не имел никаких морально-волевых качеств. Получалось так: дурак ты или трус, а царь тебе службу все равно предоставит.

У немцев при их диком дроблении на мелкие «государства» был, во-первых, переизбыток дворян, во-вторых, служба не была обязательной. И, наконец, у них было майоратное право (делиться дальше им было уже некуда), то есть все наследство доставалось только старшему сыну, а остальные сами должны были найти себе место в жизни. Поэтому мало того, что карьеру в армии мечтали сделать в основном те, кто к войне был морально готов, но и конкуренция была велика: королям и князьям, принимающим на службу кандидатов в офицеры или предлагающих свои услуги офицеров, было из кого выбирать. Волей-неволей у немецких офицеров выработалось очень строгое отношение к себе лично: малейшее подозрение в трусости или в нерадивости лишало его возможности получить должность.

Русский офицер, отбывающий службу, мог спрятаться в толпу других офицеров — авось они в бой пойдут, а потом будем вместе кричать: «Мы победили!» Это, к сожалению так, и не буду тыкать пальцем только в Красную, Советскую или нынешнюю Российскую армию. Вот строки из работы «О скудости и богатстве», написанной видным российским экономистом петровских времен Иваном Посошковым более 300 лет назад — в 1701 году.

«Истинно, государь, я видал, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько. И такие, государь, многочисленные полки к чему применить? Истинно,

государь, еще и страшно мне рещи, а инако нельзя применить, что не к скоту; и егда, бывало, убьют татаринoв дву или трех, то все смотрят на них, дивуютца и ставят себе то в удачу; а своих хотя человек сотню положили, то ни во что не вменяют.

Истинно, государь, слыхал я от достоверных и не от голых дворян, что попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть; а о том еще молятся и богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя пожаловану б за нее быть; и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притулиться; а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будто с бою в табор приедут.

А то я у многих дворян слыхал: «Дай де бог великому государю служить и сабли из ножен не вынимать». И по таким же словам и по всем их поступкам не воины они! Лучши им дома сидеть, а то нечего и славы чинить, что на службу ходить».

Для немецких офицеров такое поведение исключалось — их рассматривали не в толпе, а индивидуально, и каждый из них обязан был стать храбрым и честным военным специалистом.

Ценность солдата

Но и это не все. Повторю, немецкие монархи солдат на службу не призывали — они их покупали — нанимали. Прусский король Фридрих II был, пожалуй, наиболее могущественным из германских монархов, но и он старался нанять солдат не из своих подданных, а в других государствах. В Европе считалось, что нанять солдат выгоднее, чем использовать своих налогоплательщиков. У немцев солдат стоил денег.

А в России даже у царей отношение к солдату было как к чему-то не имеющему особой ценности — ну погибнет лишняя тысяча, ну и что? Дополнительный набор объявят, и потеря собственно человеческого материала компенсируется. Конечно, будучи христианами, цари никаких потерь не желали, но как за ними уследить?

Скажем, где-то в Оренбурге случились от болезней большие потери солдат, но кто виноват — офицеры или это объективное несчастье? Ведь даже до не очень далекого Оренбурга полгода добираться. А немецкие монархи из окна спальни все свое войско могли осматривать каждый день, и у них в армии нерадивым офицерам делать было нечего.

Соответственно, века выработали у немецких офицеров мировоззрение бережно относиться к солдату (умрет, где денег возьмешь нового купить?) и одновременно старательно обучать его бою. Ограниченный ресурс солдат требовал от немцев непрерывно думать, как солдата подготовить и какую тактику боя использовать, чтобы добиться победы с небольшими силами. В результате с чисто индивидуальной точки зрения немцы много веков были лучшими офицерами Европы и очень ценились во всех странах.

Одна банда

Выше я приводил воспоминания А.В. Невского, присутствовавшего при сдаче гарнизона Кенигсберга в 1945 году и удивившегося, что при разделении пленных немецких солдат и офицеров и те, и другие целовались и плакали. Просто бережным отношением офицеров к солдатам такие чувства объяснить трудно, тут нечто большее — это дух банды, это следствие того, что офицеры чувствовали себя атаманами, а солдаты видели в них атаманов. Этот дух создавал единение в немецких подразделениях и частях, создавал чувство единой семьи, чувство, что твои сослуживцы — это «комарады», посему, думаю, что переводить это слово на русский язык словом «товарищ» будет не точно — слишком слабо. Судя по воспоминаниям, немецкие офицеры никогда не сюсюкали с солдатами, а были жесткими и требовательными, но их требовательность не превосходила требовательности отца, любовь которого к детям определяется заботой об их будущем и о будущем всей семьи — всей банды.

Чтобы предметно понять, о чем речь, приведу пример из неожиданного источника — из книги Я. Гашека «Похождение бравого солдата Швейка». Гашек описывает австрийскую армию Первой мировой войны, в которой тон задавали немецкоязычные офицеры, Гашек описывает ее пародийно и гротескно, но поскольку он в этой армии сам служил и знал ее не понаслышке, то даже сатирические моменты в этой книге либо правдивы, либо являются весьма правдоподобным вымыслом — тем, что действительно могло быть на самом деле. В данном эпизоде батальон, в котором над солдатами издевались молодые придурковатые кадеты и прапорщики, принимает немец — майор Венцель. Вскоре выясняется, что майор хотя и требователен к солдатам, но в то же время никому не дает их обижать и наказывать по пустякам (наказание накладывалось по утрам на батальонном рапорте). И при Венцеле ситуация мигом изменилась, теперь была «...беда тому прапорщику, который из-за какого-нибудь пустяка посылает солдата на батальонный рапорт. Только крупные и тяжелые проступки подлежат его рассмотрению, например, если

часовой уснет на посту у порохового склада или совершит еще более страшное преступление — скажем, попробует ночью перелезть через стену Мариинских казарм и уснет наверху на стене или попадет в лапы артиллеристов патруля ополченцев — словом, осрамит честь полка. Я слышал однажды, как он орал в коридоре: «О Господи! В третий раз его ловит патруль ополченцев. Посадить сукина сына в карцер немедленно; таких нужно выкидывать из полка, пусть идет в обоз навоз возить. Даже не подрался с ними! Разве это солдат? Улицы ему подметать, а не в солдатах служить. Два дня не давайте ему жрать. Тюфяка не давать. Да суньте его в одиночку и не давать одеяла растяпе этому».

Теперь представьте себе, товарищ, что сразу после перевода к нам майора Венцеля этот болван прапорщик Дауэрлинг погнал к нему на батальонный рапорт одного солдата за то, что тот якобы умышленно не отдал ему, прапорщику Дауэрлингу, честь, когда он в воскресенье после обеда ехал в пролетке с какой-то барышней по площади. Ну и скандал поднялся, как рассказывали потом унтеры. Старший писарь из батальонной канцелярии удрал с бумагами в коридор, а майор орал на Дауэрлинга: «Чтобы этого больше не было! Известно ли вам, что такое батальонный рапорт, господин прапорщик? Батальонный рапорт — это не праздник по поводу того, что зарезали свинью. Как мог он вас видеть, когда вы ехали по площади? Не помните, что ли, чему вас учили? Честь отдается офицерам, которые попадутся навстречу, а это не значит, что солдат должен вертеть головой, как ворона, и ловить прапорщика, который проезжает по площади».

Вы скажете — ну и что? Что это чувство единой банды и гордости за свой полк дало австрийцам? Все равно русская армия в Первую мировую на южном фланге воевала против австрийцев вполне успешно.

Давайте начнем несколько издалека. В воспоминаниях И.А. Толконюка о 1941 годе есть такой эпизод.

«Как-то на КП армии появляется группа известных советских писателей: М. Шолохов, А. Фадеев, А. Твардовский, Е. Петров и другие. Они собрались у рабочей палатки оперативного отдела. Мне хочется посмотреть на литературных светил, но срочная работа не позволяет выйти: сижу за составлением боевого донесения в штаб

фронта, склонившись над картой. Вдруг заходит кто-то в палатку и спрашивает:

— Оторвитесь на минуту от бумаг, товарищ старший лейтенант! Скажите, где увидеть захваченную немецкую пушку?

Я с досадой отмахиваюсь от назойливого посетителя, не поднимая головы. Стараясь вовлечь меня в разговор, вошедший продолжает:

— Я Евгений Петров. Писатель... Читали, наверное... ну, скажем, «12 стульев» или «Золотой теленок». Оторвитесь на несколько слов.

Это меня заставило поднять голову и невольно засмеяться: вспомнился Остап Бендер и его «Антилопа-гну».

Между тем Е. Петров продолжал:

— В политотделе нам сказали, что захвачена немецкая пушка с прикованной к ней прислужгой. Это будто бы сделано для того, чтобы немецкие артиллеристы не убегали с поля боя и дрались до последнего. Еде найти эту пушку? Мы хотим посмотреть и поговорить с прикованными солдатами. Сфотографировать для газеты. Это очень важно.

Невероятная выдумка поставила меня в тупик, и я не находил что ответить. Замявшись, я все же сказал:

— Это, наверное, глупая шутка. Вас просто разыграли. Ничего подобного у нас нет и быть, видимо, не может. Как можно воевать прикованными солдатами? Елупость, не больше.

Но писателя такой ответ не удовлетворил, и он не унимался. Тогда я посоветовал ему обратиться к тому, кто эту выдумку сообщил. Пусть он, дескать, и покажет эту пушку. Мой недовольный собеседник предложил мне выйти из палатки и сказать об этом всем товарищам писателям. Я согласился и сказал группе писателей то же самое. Возникло недоумение. М.А. Шолохов, сделав хитрое выражение лица, предложил выход из положения:

— Ну и что же, что нет прикованных к пушке фашистов. Давайте прикуем и сфотографируем, — пошутил он, весело подмигнув».

В этом эпизоде генерал-лейтенант Толконюк, скорее всего, ничего не выдумал, поскольку все эти советские писатели были одурачены русской боевой пропагандой времен Первой мировой войны. Дело в том, что при наступлении русской армии в 1915 году на австрийском фронте действительно появились случаи обнаружения в австрийских траншеях убитых австрийских пулеметчиков, прикованных к

пулеметам. Русская пропаганда немедленно этим воспользовалась и стала убеждать умственно недоразвитых, что это австрийские офицеры приковали этих трусливых австрийских солдат, чтобы они не сбегали с поля боя. В головы малосведущего обывателя эта глупость вьелась и запомнилась многим, вот советские писатели в нее немедленно и поверили, как сегодняшние идиоты свято верят, что во время Великой Отечественной войны в спины наших атакующих солдат были направлены стволы пулеметчиков неких «сталинских заградотрядов НКВД».

Ведь у солдата на передовой есть альтернатива: он может сражаться, а может сдаться в плен. Если вы труса не прикуете к пулемету, то он хотя бы немного постреляет, прежде чем побежит, а если прикуете, то он вообще стрелять не будет, а будет ждать, когда его возьмут в плен. На самом деле с прикованными к пулеметам австрийцами все было наоборот. Часть австрийских солдат, чтобы прикрыть отход своих отступающих «комаратов» сама просила офицеров приковать их к пулеметам, чтобы отрезать себе любые пути к бегству, чтобы не дать проявиться своему малодушию.

Во Второй мировой войне в составе немецкой армии было много дивизий, укомплектованных австрийцами, и никто из наших ветеранов не отмечает, что с этими дивизиями драться было легче, чем с теми немецкими соединениями, которые были укомплектованы пруссаками, а уж у пруссаков было немыслимо, чтобы офицер позволил кому-либо обижать своих солдат. Вот пример из воспоминаний Бруно Винцера «Солдат трех армий», касающихся 1932 года, т. е. времени еще до прихода Гитлера к власти.

«Однажды, на другой день после такого воскресного отпуска, в понедельник, батальону приказали построиться. Из наших рядов вызвали старшего стрелка, поставили перед строем, осыпали похвалами и наградили почетным холодным оружием. Накануне в воскресенье он пошел в профсоюзный клуб в Кеслине, где его втянули в спор, а затем в драку. Его со всех сторон окружили, так что он вынужден был, защищаясь, заколоть своим штыком одного из членов клуба. Начальство оценило его поступок как проявление «мужества» и установило, пользуясь юридической латинской терминологией, что он действовал, исходя из соображений «законной самозащиты». Мы

нашли этот термин в словаре и позавидовали старшему стрелку, получившему такое красивое почетное оружие».

Заметьте, в воскресенье солдат убил гражданского, т. е. полиция и прокуратура еще ничего не успели решить, а уже в понедельник офицеры купили почетное холодное оружие и наградили этого солдата. И плевать им, что там думает прокуратура, — он их солдат, он член их семьи или, если хотите, банды.

И мне еще раз вспоминается «дело Буданова», когда не только суд ничего не решил, но и прокуратура еще следствие не закончила, а Главнокомандующий Российской армии и ее начальник Генштаба, пялясь в телекамеры, дружно заявили, что они осуждают убийцу. Если они с такой скоростью «сдают» даже полковников, то, сколько же им надо, чтобы «сдать» солдата? Успеешь ли за это время моргнуть?

Космополиты безродные

Но и на солнце бывают пятна — у немецких офицеров начисто отсутствовал патриотизм — они могли служить кому угодно, и их в принципе любому врагу было легко сманить предложением денег или должностей. Правда, патриотизм у них заменялся честностью. Присягнув, немец во время боя вел себя храбро, жизни не жалел, и во время войны на него можно было положиться. (Иначе их бы просто не принимали на службу.) Ну, а в мирное время, если кто предложил больше, то уж извини... Известнейший прусский фельдмаршал Блюхер, герой Лейпцигского сражения (1813 год) и битвы у Ватерлоо (1815 год), начинал свою службу в шведской армии, в Семилетней войне был взят пруссаками в плен и в 1760 году перешел на службу к Фридриху II. Известнейший прусский фельдмаршал и военный теоретик Мольтке начал служить в датской армии и только в 1822 году перешел в прусскую.

Несколько зарисовок к теме.

В конце апреля 1945 года командующий 3-й немецкой танковой армией генерал фон Мантейфель начал самовольно уводить армию с Восточного фронта на запад, чтобы сдаться в плен англичанам. Начальник Генштаба вермахта фельдмаршал Кейтель, не в силах помешать Мантейфелю, упрекнул его: «Вы ответите за это перед историей!» На это фон Мантейфель высокомерно ему ответил: «Мантейфели служат Пруссии уже двести лет и всегда отвечали за свои поступки. Я, Хассо фон Мантейфель, охотно беру на себя ответственность за это». Во-первых, удирая от русских, можно было бы вести себя и поскромнее, во-вторых, двести лет — это, значит, с 1745 года. А вот эпизод из реляции русского генерал-фельдмаршала Апраксина императрице о разгроме русской армией войск прусского короля Фридриха II у деревни Гросс-Егерсдорф 20 августа 1757 года.

«С нашей стороны бывшей урон за краткостию времени еще неизвестен; но между убитыми считаются командующей левым крылом генерал Василий Лопухин, который так мужественно и храбро, как я сам пред тем с четверть часа его видел и с ним говорил, поступал и солдат ободрял, что я без слез об нем упомянуть не могу, ибо

потерял такого храброго генерала, который мне впредь великую помощь, а вашему императорскому величеству знатную службу оказать мог бы; генерал-порутчик Зыбин, которой тако же с храбростию жизнь свою кончил, и бригадир Капнист; ранены: генерал Юрья Ливен в ногу, хотя и легким только ударом, однако, по его слабости, ево беспокоит; генералы-лейтенанты Матвей Ливен и Матвей Толстой, генералы-майоры Дебоскет, Вилбоа, Иоганн Мантейфель, генерал-квартирмейстер Веймарн и бригадир Племянников. Однако всех сих раны не опасны».

Так что Мантейфели двести лет честно служили как Пруссии, так и ее врагам, в данном случае — России (поскольку Апраксин называет Мантейфеля по имени, то, значит, у него в войсках были и еще Мантейфели).

А вот практически одногодок А.В. Суворова и его соратник во всех походах русской армии, человек, которого называли «русский Ахилл», хотя на самом деле его звали Отто-Адольф Вейсман. Последний свой бой генерал-майор Вейсман провел под Силистрией — он лично повел 10 батальонов русской пехоты на турецкий укрепленный лагерь. «Янычар было в три с лишним раза больше, чем солдат в его каре, и они своей массой начали отжимать русских от лагеря, пишут очевидцы: «Один из турок, яростно рубившийся саблей и уже долгое время действовавший как щитом пистолетом, зажатый в левой руке, приблизился к русскому генералу. Отбив его шпагу и повернув противника кистевым нажимом, янычар в упор разрядил в него свой пистолет. Заряд пробил Вейсману левую руку и сердце. Последние его слова были: «Не говорите людям...»

Но его опасения и надежды турок, издавших ликующий рев, когда он упал, оказались напрасными. Два гренадера, держа на весу тело генерала, завернутое в плащ, мерно пошли вперед. Их обогнали остальные. Противник был сбит с позиции и попал под настоящую резню. Пленных в этот раз не брали. Началось повальное бегство. Генерал-майор Муромцев, заменивший Вейсмана на посту командира корпуса и на его месте в первой шеренге атакующих, бросил вдогон туркам кавалерию. Османы потеряли до 5 тысяч, русские — 15 человек, но среди них — «русский Ахилл».

Суворов, узнав об этой смерти, прошептал:

— Вейсмана не стало, я остался один.

Так же думал и Румянцев; когда русские отошли за Дунай, на посту командующего армии у Гирсова Вейсмана заменил Суворов».

Что же касается Великой Отечественной войны, то Советский Союз с середины войны из пленных военнослужащих формировал дивизии и даже армии, т. е. хватало не только пленных солдат, но и офицеров, согласных воевать на стороне противника. Но эти части были польскими, румынскими и словацкими. Немецких не было, хотя такое желание у СССР наверняка было, да и случаи такие были. Вот вспоминает дважды Герой Советского Союза генерал-полковник В.С. Архипов о случае, начавшемся в ноябре 1943 года.

«Бой был короткий, и спустя полчаса мы уже подсчитывали трофеи. Взяли около 200 пленных и три десятка исправных бронетранспортеров. Это были машины с сильным вооружением — 40-мм пушкой, двумя лобовыми пулеметами (один из них крупного калибра) и зенитным, тоже крупнокалиберным, пулеметом. Немецкие бронетранспортеры с окрашенными, разумеется, крестами служили нам до конца войны. Причем часть этих машин водили немцы. Это были рабочие люди, некоторые из них состояли в прошлом в германской социал-демократической партии, другие — в коммунистической. Когда мы отправляли пленных в тыл, они обратились ко мне с просьбой оставить их в бригаде. Я отказал, но кто-то надоумил их пойти к заместителю по политчасти. И вот явился подполковник Иван Алексеевич Варлаков и начал меня убеждать оставить пленных водителей и механиков у нас. Потом поехал в политотдел армии и добился своего. Немецкие товарищи, более 100 человек, служили в бригаде до последних дней войны, мы отпустили их домой вместе с демобилизованными солдатами старших возрастов».

Но для создания немецких частей требовались и немецкие офицеры, а среди них предателей уже не было, и это горько сознавать, если вспомнить, сколько предателей оказалось среди советских офицеров и генералов.

Китайцы говорят: «Чтобы выпрямить палку, ее нужно перегнуть». Я сознательно перегибаю палку в идеализации немецких офицеров, чтобы более выпукло показать те достоинства, которые у них были, и те причины, которые позволили им приобрести эти достоинства. Однако, повторю, не армии выигрывают войны, а государства, и пока

Пруссия не зажглась духом патриотизма, немецкие армии в решающих войнах мало что стоили. В XVIII веке Фридрих II был умным, славным и храбрым полководцем, громил и французов, и австрийцев, что никак не помешало русской армии отобрать у него Восточную Пруссию и взять Берлин. Уже в начале XIX века немецкие армии не много стоили, когда им пришлось столкнуться с войсками революционной Франции.

Да и в русской армии немецкие офицеры ярко блистали в первом поколении, а последующие поколения как-то быстро серели, примером чему может служить военный министр при Николае II А. Редигер. В объемных дневниках этого русского генерала от инфантерии и профессора Академии Генштаба практически ничего нет о военном деле — деньги, деньги, деньги. Добывал он их честно, но все же это был не банкир, а генерал...

Так что государству мало иметь только хороших офицеров, но без них, надо сказать, очень тяжело.

Часть 8. Подготовка офицеров

О персональных званиях

Кто такие офицеры? На мой взгляд, в сегодняшнем массовом понимании, офицеры — это некие люди, окончившие специальные военные учебные заведения, носящие форму и погоны и требующие величать себя по иностранному: лейтенантом, капитаном, майором и т. д. Как правило, упускается из виду то, что офицерская служба — это тоже работа, которую нужно уметь делать, и уж совсем не принимается во внимание то, что все эти воинские звания изначально обозначали тот вид работы, которую офицер **обязан был делать в бою**. Если мы, образно говоря, бой представим в виде свадьбы в ресторане, то слова «лейтенанты», «капитаны», «майоры» и т. д. будут обозначать то же самое, что слова «швейцары», «повара», «официанты», «посудомойки» и т. д. А теперь представим, что так называют всех, связанных с ресторанным бизнесом, представим, что и там присваивают персональные звания, и в каком-нибудь кулинарном техникуме учащиеся при виде преподавателя кислых щей вскакивают со словами: «Здравия желаем, товарищ гвардии посудомойка!» Такое выглядело бы даже не столько смешно, сколько глупо, но у военных эта глупость считается большим достижением военной мысли.

Давайте попробуем разобраться, откуда взялись в нашем языке слова, обозначающие воинские звания, и что за работу эти слова первоначально описывали.

Маневр

Пожалуй, с момента возникновения военного дела искусство боя состояло из двух элементов: собственно действия оружием и маневра на поле боя. Первое — это искусство воина, его индивидуальное мастерство. Второе — искусство командира, и в принципе оно сводится к расположению своих бойцов на поле боя так, чтобы как можно больше из них действовало оружием, а у противника наоборот — чтобы его бойцы как можно больше мешали друг другу действовать оружием или как можно больше из них находилось за пределами его досягаемости. Цель — построить своих бойцов и сманеврировать ими так, чтобы в каждый момент боя твои сражающиеся бойцы имели численное преимущество над сражающимися бойцами противника, поскольку тогда в ходе боя они будут нести относительно малые потери, а противник — больше, что вынудит его убежать или сдаться.

Эти нехитрые принципы предопределили, что, во-первых, во все времена своих бойцов выстраивают в линию. Все другие построения (колонны, клинья) имеют задачу временную — нарушить боевые построения противника, допустим, прорваться к нему в тыл или поставить его боевые линии перпендикулярно своим. А после этого все равно свои бойцы должны построить линию, чтобы не мешать друг другу действовать оружием. Для любого боевого командира во все времена самый страшный ночной кошмар — это когда твои бойцы сбились в кучу — когда оружием могут действовать только те, кто находится в первых рядах снаружи кучи, а те, кто внутри, бездействуют. К примеру, хотя русская армия славилась штыковым ударом, всегда училась ему, но на начало XIX века в боевых наставлениях он категорически не рекомендовался именно из-за страха, что в ходе штыковой атаки сломается боевой строй, свои солдаты разобьются на кучи и ими невозможно будет командовать как одним целым.

Пока армии дрались только холодным оружием, их маневр не имел очень большого значения: противнику для маневра, как правило, нужно совершить по полю боя больший путь, нежели твоим войскам для того, чтобы перестроиться для его встречи, и армии шли друг на

друга, в основном, толпой, разворачиваясь в линии непосредственно перед боем. Однако когда появилось огнестрельное оружие, особенно артиллерия, т. е. когда появилась возможность маневрировать не только ногами, но и огнем, важность маневра на поле боя резко возросла.

(В начале своей истории артиллерийским снарядом были бомба (граната) и ядро. Бомба или граната — это пустотелый шар, наполненный внутри черным порохом (бомба — плотно, граната — неплотно) и снабженный дистанционной трубкой. В районе цели бомба взрывалась, давая осколки, как современный артиллерийский снаряд. И я долго считал, что использование сплошных чугунных ядер обуславливалось только тем, что бомбы были существенно дорогие в производстве (отлить полый шар в несколько раз сложнее, чем сплошной). Но оказалось, что дело не в дороговизне. Ядро вследствие большей энергии из-за большей массы было гораздо эффективнее бомбы при стрельбе вдоль шеренг противника — с фланга — и по колоннам противника. То есть боекомплект артиллерии подбирался не из принципов экономии, а на все случаи расположения целей, которые могут возникнуть вследствие маневра войск на поле боя.)

Маневрировать всем войском сразу стало невозможно. Представим, что не очень большое соединение в 10 тысяч пехоты развернулось в боевую линию. Даже при четырехшереножном строю с учетом дистанции между солдатами в локоть и места для размещения артиллерии длина этого соединения по фронту достигнет 3 км. Если уже развернувшийся противник внезапно выйдет к левому флангу, то, чтобы развернуть весь строй соединения на 90°, правому флангу придется пройти более 4 км, а это займет около часа времени. За это время противник, действуя даже незначительными силами во фланге (в торец шеренгам), сомнет все соединение.

Название работы и рабочие места

Поэтому все армии начали делить свои войска на части, начала делить их и Россия при введении в начале XVII века «полков нового строя». Такая часть войска числом до 2000 человек, выполняющая самостоятельный маневр на поле боя, получила название, уже известное с X века — из более старых боевых строев русской армии — полк. После этого, естественно, появилось и название должности командира этой части войска — полковник. (У запорожских казаков эта должность известна с начала XVI века.) А у немцев такой самостоятельно маневрирующей на поле боя частью, называвшейся «регимент», командовал оберет. Как видите, изначально слово «полковник» не имело никакого отношения к званиям, даже к таким, как «народный артист России» — это не более чем название работы в бою, это рабочая должность.

Итак, мы видим две боевые должности, которые, безусловно, необходимы в бою: атаман — лучший воин, который заставляет воинов драться, как он сам, и полковник — самостоятельно маневрирующий на поле боя с максимально способной к маневру частью войск. Это две ключевые по своей самостоятельности командирские должности, и, по идее, их должно было бы быть достаточно, но вождение войск по полю боя представляло собой такую трудность, что этим командирам потребовалась масса помощников. Но сначала несколько в общем.

При Петре I полк состоял из 8 рот, в каждой из которых было: 144 фузилера и пикинера (каждый четвертый солдат первой шеренги вооружался пикой), командир роты (капитан) и его 17–18 помощников. В бою рота строилась в четыре шеренги: первая шеренга не стреляла, держа пулю в стволе, и должна была вместе с пикинерами встретить или начать штыковую атаку; три остальные шеренги, меняясь, вели по противнику ружейный огонь.

Но даже при четырехшереножном построении полк был все же громоздкой частью для маневрирования в полном составе и к концу XVIII века его для многих видов боя (баталий) стали разделять на еще более мелкие части — на подразделения. Появились офицеры, которые

помогали полковнику командовать несколькими подразделениями — подполковники. Они водили в батальи эти подразделения, которые, само собой, были названы батальонами. К концу XVIII века бой происходил примерно так.

Подойдя в колоннах к полю боя, батальон разворачивался в три шеренги лицом к противнику. В центре тот, кто ведет и маневрирует батальоном, — подполковник. У него две руки, поэтому слева от него в три шеренги выстраивалась одна рота и справа — вторая, т. е. вправо и влево от подполковника строй заканчивался метрах в 50. Если, начав движение, подполковник останется в шеренгах, то никто не будет его видеть уже через 5–6 рядов от него и никто в следующих рядах не увидит, в каком направлении подполковник их ведет. А ведь в том и проблема, чтобы строй батальона все время находился перпендикулярно направлению движения подполковника, а строй батальона, напомню, — это три шеренги длиной в 100 метров.

Начав бой, подполковник, чтобы его видели, выходил на 16 шагов перед фронтом батальона и вел его на врага на такой дистанции. И все равно, если подполковник менял направление незначительно, то с флангов было плохо видно, куда именно идет командир. Поэтому для более точного указания направления движения батальон имел два знамени — два прапора. Они находились в центре строя один за другим. Как только подполковник выходил на свое боевое место, за ним выносили и первый прапор, и место этого знамени было в восьми шагах перед строем и в восьми шагах за спиной комбата. Второй прапор несли в первой шеренге. Каждого знаменосца прикрывали шесть grenадеров, а вынесенным вперед прапором командовал офицер, задачей которого было держать свой прапор на заданной дистанции и так, чтобы он находился на прямой линии между комбатом и прапором, оставшимся в строю. Таким образом, два прапора и командир образовывали хорошо видимую линию направления движения. Теперь можно было уверенно держать строй батальона так, чтобы он все время был перпендикулярным направлению движения комбата. Офицер, выполнявший работу у вынесенного вперед прапора, назывался прапорщик, его помощник у прапора в строю — подпрапорщик.

Еще проблема. Подполковник смотрел на врага, ему недосуг было оборачиваться, чтобы смотреть, ровный ли строй батальона, не

сломался ли он? Оценивая дистанцию до противника, комбат мог ускорить или замедлить шаг, и ему было недосуг смотреть, отстал ли от него строй батальона или наваливается на него. Ему требовалось кому-то передать ответственность за движение строя — за его равнение и темп шагов. Эту ответственность в батальоне брал на себя офицер, который шел на правом фланге строя вместе с барабанщиками и флейтистами. Он следил за направлением, указанным знаменами, и, соответственно, заставлял заходить (делать более широкие шаги) правый фланг, либо требовал от правого фланга укорачивать шаги. На левом фланге батальона за этим же самым следил сержант левофланговой роты. Ровный строй — это было очень важное дело!

(По-моему, в фильме «Война и мир» я обратил внимание, что солдаты в боевом строю делают какие-то маленькие шажки. Я решил, что Бондарчук перемудрил для удобства кинооператора. Оказалось, что это очень точная подробность: чтобы резко не сломать прямую линию строя, солдат учили делать в бою шаги в $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ аршина. (Аршин — это и есть обычный шаг среднего человека (71 см); $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ аршина — это несколько меньше и несколько больше полуметра, т. е. солдат учили в бою семенить, чтобы не сломать строй слишком резко и успевать его выпрямлять.) И только любитель штыкового боя А.В. Суворов требовал: «Военный шаг — аршин, в захождении — полтора аршина».)

Солдаты шагали под бой барабанов: чем чаще была их дробь, тем чаще они делали шаги. Поэтому барабанщики, флейтисты и оркестр батальона (если он был) шли возле этого офицера на правом фланге. Должность этого офицера называлась «майор». В переводе с латыни — «старший», а в своей сути — «старший, куда пошлют». Но вообще-то майор всегда отвечал за движение батальона. Например, на марше (в том числе и на параде) он с адъютантом батальона возглавлял колонну батальона, за ним шли барабанщики, флейтисты и оркестр, а уж потом ехал на коне комбат. У многих, наверное, вызовет удивление, что адъютант командира батальона ехал впереди командира, поскольку мы привыкли, что адъютант — это некто вроде денщика. Сегодня это так и есть, но раньше это был начальник штаба. В Красной Армии еще до 1945 года начальник штаба батальона назывался «адъютант старший батальона». А начальники штабов обязаны были уметь читать карту и ориентироваться на местности, посему и Академия Генерального

штаба русской армии сначала называлась «Школа колонновожатых». Поэтому совершенно естественно, что адъютант ехал впереди колонны вместе с майором: адъютант определял, куда идти, майор — с каким темпом. А подполковник спокойно ждал, когда начнется бой и он потребуется, чтобы вести батальон в атаку. Кстати, поскольку строй полка в два-четыре раза длиннее строя батальона, то в полку были две должности майора: премьер-майор и секунд-майор, причем в штаты 1732 года второй входил как «секунд-майор из капитанов», т. е. должность второго («секунд» — второй) майора исполнял командир фланговой роты.

Я описал всех офицеров, которые помогали полковнику (подполковнику) маневрировать в бою полком (батальоном). Теперь спустимся в роту к атаману (капитану). Поскольку его роту в составе батальона или полка вел подполковник или сам полковник, то капитан шел в центре роты в первой или второй шеренге, а справа и слева от него шли по два взвода его роты. Во время маневров батальона у капитана особой работы не было, а вот его помощники работали вовсю. Заместителем капитана был поручик, но при Петре I он одно время назывался точнее — лейтенант, по-французски — заместитель. Поручик всегда шел сзади шеренг роты, до открытия огня сзади шеренг шли и остальные офицеры, кандидаты в офицеры и унтер-офицеры с понятной задачей «принуждать солдат идти вперед» или удерживать от бегства. Им в этом помогали писарь, каптенармус (отвечавший за вещевое довольствие), фурьер (отвечавший за пищевое и фуражное снабжение) и казначей — в бою все были при деле.

Однако с момента открытия огня офицеры уходили в первую или вторую шеренгу строя возглавлять уже собственно бой взводов, но главным в роте был, конечно, сам капитан, который своим мужеством воодушевлял солдат вести огонь и работать штыками. Сзади оставались следить за «отстающими» каптенармус и фурьер.

Кстати, выйдя на рубежи открытия огня, командир батальона останавливался, к нему сзади подходил сначала прапорщик со знаменем, а затем подполковника обгонял строй, открывавший огонь по противнику. После этого место подполковника и знамен было в нескольких шагах за строем батальона, сюда же к нему с правого фланга подходили майор, адъютант и барабанщики с оркестром. То есть командир и офицеры батальона тоже перестраивались так, чтобы

непосредственную команду огнем и рубкой осуществляли капитаны и офицеры рот.

У Петра и немцев

Я перечислил практически все те слова, которые сегодня называются званиями: полковник, подполковник, майор, капитан, лейтенант, прапорщик. И когда эти слова появились, ни одно из них не означало ничего похожего на «мастер спорта» или «заслуженный донор». Это были исключительно названия должностей в бою, а «офицер» — это общее название всего начальствующего состава в полку. Вот я процитирую третью часть из петровского «Устава воинского о экзерции, о приуготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов»:

«О званиях и должностях от солдат даже до полковника»

Что есть солдат? Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышняго генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешаго. Офицеры или начальные люди паки разделяются высокими и нижними офицеры; те, которые ниже прапорщиков свое место имеют, называются унтер-офицеры (то есть нижние начальные люди), другие же, от фендрика или прапорщика до майора, называются обер-офицеры (то есть вышние начальные), третьи же, от майора до полковника, называются штаб-офицеры. И тако вышние повелевают или правительствуют, дружие же исполняют повеление их, всякой по своему чину и воинскому обычаю. Но дабы в войне все порядочно поступлено было, и никакова безстройства между толь многими людьми происходило, и того ради разделяются оные на различный части.

О роте пехотной, в которой разделения суть сия. Роте пехотной надлежит быть во 144 человеках фузилеров и пикинеров, а в гренадерских гренадиров то ж число. Офицерам надлежит быть в роте пехотной следующих чинов: капитан, поручик, подпоручик, прапорщик, два сержанта, каптенармус, подпрапорщик, шесть карпоралов, ротный писарь, два барабанщика, да у гренадиров один флейтщик...

В полку пехотном. Полку пехотному надлежит быть в осьми ротах, кроме гвардии, или которая особливим указом в трех батальонах состоит.

Штабные офицеры в полку суть последующие:

1 полковник, 1 подполковник, 1 премьер-майор, 1 секунд-майор.

Полковые офицеры при штабе:

Полковой квартирмейстер, полковый аудитор, полковой адъютант, полковой комиссар, полковой обозной, полковой провиантмейстер, полковой лекарь, полковой фискал, полковой профос».

Заметьте, у Петра I офицерами являются все, включая барабанщиков, а у нас сейчас уже и прапорщик не офицер...

Все это взято Петром у немцев, а у них в пределах полка были, как я уже писал, две узловые должности: гауптман (командир роты) и оберет (командир полка). В случае выбытия из строя, гауптмана замещал лейтенант (еще раз напомним, что по-французски «лейтенант» — это «заместитель»), а поскольку гауптман всех своих солдат видел и командовал голосом, то никого больше ему не требовалось. И к началу Второй мировой войны в немецкой пехотной роте на 200 человек штатной численности был один гауптман и один лейтенант — его заместитель. (По совместительству и для того, чтобы не терять навыков, этот лейтенант командовал и первым взводом роты.) С оберстом дело было сложнее, поскольку полк велик, за всем оберст уследить не в состоянии, а в отдельных местах боя тоже требовалась или могла потребоваться власть, посему у оберста были помощники, которых он назначал старшими для отдельных участков или дел. Эти старшие так и назвались, но только по латыни — майоры. И, наконец, по случаю выбытия из строя самого оберста ему нужен был заместитель, он так и назывался — оберст-лейтенант (заместитель полковника).

С ростом численности армий на поле боя потребовалась должность, которая бы отвечала за маневр многих полков, осуществляла общее руководство маневром. Назвали эту должность от латинского слова *generalis* — «общий» — генерал. На поле боя один генерал командовал всеми артиллерийскими бригадами и дивизионами — это был генерал от артиллерии, второй командовал всей кавалерией — это был генерал от кавалерии, третий всеми пехотными полками — это был генерал от инфантерии. Полков у этих генералов могло быть очень много, командовать ими по отдельности было трудно, тем более что поля боев стали такими большими, что все свои войска и окинуть взором было невозможно. Генералам потребовались помощники — старшие на отдельных участках поля боя, и таких помощников стали называть «генерал-майоры». Само собой генералу потребовался и заместитель, и, само собой, заместителя называли «генерал-лейтенант». И если бы мы не умничали с иностранными словами «лейтенант» и «майор», а употребляли русские слова «заместитель» и «помощник», то у нас бы не вызывало недоумения, почему генерал-заместитель старше генерал-помощника. И, наконец, на поле боя был самый старший генерал, которому подчинялись все войска, должность его называлась

«генерал-оберст». Это все. У немцев, правда, были и фельдмаршалы, но это не должность, а, скорее, награда за выигрыш выдающихся сражений, посему присвоение этого чина (награждение «дубинкой» — маршальским жезлом) в мирное время или за весьма спорные военные заслуги вызывало у немецких генералов большое неодобрение.

Отвлечемся на вот такой момент. В книге немецкого фельдмаршала Э. Манштейна есть эпизод, в котором этот фельдмаршал дает довольно резкую реплику в адрес Гитлера и тех своих коллег, кому Гитлер присвоил чин фельдмаршала раньше, чем Манштейну.

«Хотя немецкий народ, безусловно, принял оказание почестей заслуженным солдатам как вполне естественное явление, все же по своей форме и размаху эти почести — так, по крайней мере, восприняли мы, солдаты армии, — выходили за рамки необходимости.

Если Гитлер дал одному звание гроссадмирала, а двенадцати другим звание фельдмаршала, то это лишь наносило ущерб значимости такого ранга, который привыкли считать в Германии самым высшим чином. До сих пор было принято, что условием получения такого отличия было (если не считать фельдмаршалов, назначенных императором Вильгельмом II в мирное время) самостоятельное руководство кампанией, выигранное сражение или завоеванная крепость.

После польской кампании, однако, в которой эти условия выполнили командующий сухопутными силами и командующие обеими группами армий, Гитлер не считал возможным выразить свою благодарность армии произведением их в ранг фельдмаршалов. Теперь же он сразу создал дюжину фельдмаршалов. Среди них были наряду с командующим сухопутными силами, который провел две блестящие кампании, начальник Главного штаба вооруженных сил (ОКВ), который ничем не командовал и не занимал должность начальника Генерального штаба. Далее, среди них был статс-секретарь по делам воздушного флота, который — каковы бы ни были его способности — никак не мог быть приравнен к командующему сухопутными силами.

Резче всего позиция Гитлера проявилась в том, что он выделил командующего военно-воздушными силами Геринга, назначив его рейхсмаршалом и наградив только его одного большим крестом к Железному кресту, не отметив таким же образом командующих

сухопутными силами и военно-морскими силами. Такая форма распределения почестей могла рассматриваться только как сознательное принижение роли командующего сухопутными силами — так об этом свидетельствуют факты. В этом слишком ясно проявилось отношение Гитлера к ОКХ и оценка им его деятельности».

Комментатор мемуаров Манштейна сделал фельдмаршалу внушение в этом месте: «Обсуждение вопроса о наградах не соответствует традициям Германского Генерального штаба». Однако давать чин фельдмаршала ни за что тоже ведь «не соответствует традициям», а по этим традициям, между прочим, ни Жуков, ни Василевский не имели права на звание маршала в 1943 году, так как ни один из них не командовал в это время войсками — они в это время служили генерал-адъютантами при Сталине (представителями Ставки). Но вернемся к теме.

Итак, в понимании немцев армейские чины — это должности в бою, а в русском понимании — то нечто, за что дают больше денег из казны и почета от общества. У немцев только одно, так сказать, сверхштатное звание фельдмаршала имело вид награды, а в царской русской армии чин был второй по значению наградой после царского благоволения, и шла эта награда впереди всех орденов. Орден — это побрякушка, которую всем давали, включая тыловых и попов, а чин — это деньги, а деньги есть деньги — это то, за чем русское офицерство в армию и шло. Начиная рассмотрение разницы в подготовке офицеров, нам нужно это обстоятельство иметь в виду: немецких офицеров воспитывали и готовили для работы в бою, а старых русских, советских и новых русских офицеров готовят для изъятия средств из казны при помощи звездочек на погонах.

То, что офицеров готовят в училищах, а совершенствуют в академиях, так въелось нам в мозги, что старое петровское требование начинать службу солдатом, кажется анахронизмом и вообще чуть ли не придурью императора. Какой же он офицер, если училища не окончил?! Правда, нужно отметить, что армия тут не сирота, у нас во всех сферах деятельности человек, не имеющий бумажки об образовании, за специалиста не считается — какой же он инженер, если институт не закончил? В результате, у нас очень много людей, имеющих дипломы инженеров, а инженеров так мало, что становится

очевидной чистой случайностью их попадания в число выпускников вузов.

Почему Россия стала на столь нелепый путь подготовки офицеров, понятно: русские цари очень долго не могли дать общее образование многочисленному населению на огромной территории России. Возник соблазн собирать дворянских детей в специальные учебные заведения и давать им общее образование, поскольку малознающему человеку трудно вато командовать другими людьми. Это понятно. Но откуда возникла мысль выпускать их из этих заведений офицерами, трудно объяснить с позиций здравого смысла. До самой революции существовала система подготовки офицеров прямо в армии из людей, имеющих подходящее общее гражданское образование. Но и в этом случае офицерами становились не те, кто наиболее подходил для этого, а по формальным признакам — после определенного срока службы и сдачи экзамена, как правило, за курс соответствующего военного училища. Еще подчеркну: в России никак не рассматривалось, годится ли этот человек, чтобы быть атаманом, является ли он лучшим воином, а единственным критерием производства в офицеры была сдача им экзаменов каким-то преподавателям.

Пожалуй, еще круче обстояло дело только в США. Если в России курс военного училища занимал 2–3 года, то в знаменитом военном училище Вест-Пойнт даже не остающиеся на второй год курсанты уже в начале XIX века учились 4 года, после чего выходили в армию вторыми лейтенантами. В США было много и учебных заведений для офицеров — что-то вроде наших военных академий. Впрочем, американцев понять можно: у них в общеобразовательных школах настолько «демократическое» образование, что имело, конечно, смысл дать будущим американским офицерам хоть какое-то образование уже в военных училищах.

Беда полководцев Красной Армии

Я уже писал о том, что робость и малодушие советских генералов, их боязнь пойти на риск и заложить в свое решение свое собственное видение обстановки проистекали от их низкой квалификации, но теперь надо понять, что, собственно, имеется в виду. В нашем русском понимании, особенно в понимании тех, кто называет себя интеллигентами, квалификацией считается наличие дипломов и справок о некоем образовании, т. е. некие теоретические знания. Но все это не более чем чепуха.

Квалификацию дает только практика, каким бы делом ты ни занимался. Даже если тебе вложили в голову очень точные теоретические знания, то и тогда они не дают тебе никакого умения работать, а только помогают быстрее освоить свое дело на практике. А освоить работу, научиться работать можно, только работая. Это первая и, надо сказать, объективная трудность всех профессиональных военных, поскольку им негде научиться работать, кроме как на реальной войне, в скольких бы маневрах они ни принимали участие и какие бы прекрасные теоретические знания они ни имели.

Большой вопрос и в том, как получить эти теоретические знания. По нашим русским представлениям, теоретические знания можно получить только в учебном заведении. Это большая ошибка, и России она всегда дорого стоила.

Мне могут сказать, что дело не в учебных заведениях, а в том, что мы русские и посему всегда лаптем щи хлебаем, в каких бы академиях мы ни обучались. Но вот посмотрите, кого обвиняет главнокомандующий русской армией в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Куропаткин в позорнейших поражениях той войны. Обратите внимание не на смысл обвинений и не на должности, а на фамилии этих русских генералов.

«Куропаткин обвиняет Бильдерлинга в том, что во время сражения под Ляояном, имея в своем распоряжении значительные силы, он не остановил обходного движения армии Куроки.

Затем Куропаткин упрекает Штакельберга за крайнюю нерешительность действий во время сентябрьского наступления,

вследствие чего прекрасно задуманная операция окончилась неудачей.

Наконец Куропаткин обвиняет Каульбарса в том, что в сражении под Мукденом он, несмотря на неоднократные приказания, на посланные ему многочисленные подкрепления, упорно не переходил в наступление и таким образом подарил неприятелю два дня».

Это строки из статьи генерал-лейтенанта русской армии Е.И. Мартынова. Он окончил в 1889 году Академию Генштаба, в Русско-японскую войну командовал полком и, судя по статье, знает, о чем пишет. Как видите, национальность не имеет значения, поскольку даже немцы, получив русское военное образование, теряют смелость и даже зачатки какой-либо квалификации.

Особенностями русского (советского) военного образования является и то, что никто из участников Великой Отечественной войны не вспоминает ни одного случая, когда бы оно ему потребовалось хоть в каком-нибудь бою. Я также не встречал, чтобы кто-либо из военных оценил ценность этого образования, безразлично как: обругал бы его или похвалил. Что-то с этим нашим военным образованием странное происходит — оно на бумаге как бы есть, но в практике оно как бы никого и не волнует. Поэтому дам по этому поводу мнение упомянутого чуть выше генерал-лейтенанта Мартынова (с моими выделениями в тексте), правда, он оценивает Академию Генштаба царской армии, но сильно ли отличалась от нее академия Генштаба Советской Армии?

«В России нет высшего учебного заведения, которое было бы поставлено в такие исключительно благоприятные условия в смысле предварительной подготовки слушателей, обстановки преподавания и материальных средств, как Академия Генерального штаба.

Огромные служебные преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпорации не только в армии, но и в других сферах государственной службы, вызывают большой наплыв желающих поступить в академию. За исключением сравнительно малого числа офицеров с образованием юнкерского училища, огромное большинство поступающих прошло курс средней школы и затем военного училища, а некоторые офицеры имеют дипломы высших учебных заведений, военных и гражданских. Вся эта масса, обыкновенно раза в три превосходящая число имеющихся в академии вакансий, независимо от полученного ею образования, подвергается

конкурсному экзамену из полного курса кадетского корпуса и военного училища.

...Наконец, что касается денег, то правительство, хорошо понимая огромное значение академии для армии, не жалело на нее материальных средств.

Итак, Академия Генерального штаба получает в свое распоряжение хорошо подготовленный состав слушателей, проникнутых самым искренним желанием работать, совершенно спокойную обстановку для научных занятий и богатые материальные средства.

Как же пользуется она этими исключительными условиями?

Прежде всего, каждого поражает **бессистемность академического преподавания**. Программы всякого учебного заведения и особенно высшей профессиональной школы должны быть строго обдуманы, как в целом, так и в частях. Выбор наук для изучения, объем преподавания не только каждой из них, но даже различных научных отделов — все это должно вытекать из известной руководящей идеи, составлять в совокупности цельную учебную систему.

Ничего подобного мы не видим в академии. Попадет туда «трудолюбивый» профессор, и на практике никто не препятствует ему **искусственно раздувать свой курс**, включая в него всевозможные свои «произведения» и обременяя память учащихся совершенно нелепыми деталями; нет в академии соответствующего специалиста, и самые важные отделы совсем не изучаются. Например, курс истории военного искусства в эпоху первой революции переполнен подробностями вроде следующих: «Рыже-бурая и светло-чалая лошади не принимались... в немецкую кавалерию». — «Рост лошадей указывался для шеволежерного полка от 14 фауст (0,344 фт.) 3 д. до 15 фауст, для гусарских полков от 14 фауст 2 д. до 14 фауст 3 дюймов». — «В среднем на день отпускался верховой кавалерийской лошади 7,091, а военно-упряжной лошади 3,841 килограмма овса».

... Слушателей академии спрашивали о том, сколько золотников соли на человека возится в различных повозках германского обоза, каким условиям должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франции; но организация японской армии оставалась для нас тайной до такой степени, что перед моим отправлением на войну главный специалист

по этому предмету категорически заявил мне, что Япония не может выставить в Маньчжурии более 150 тысяч человек. Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана и фантастической стратегии Святослава, академические профессора, в продолжение целой четверти века, **не успели даже критически исследовать нашу последнюю турецкую войну, ошибки коей мы с точностью повторили теперь на ПОЛЯХ Маньчжурии.** Следуя раболопно и подобострастно, но без всякого смысла и рассуждения в хвосте Драгомирова, представители нашей официальной военной науки **прозевали те новые приемы военного искусства,** которые под влиянием усовершенствований техники зародились на Западе. По справедливому замечанию одного французского писателя: «Русская армия не захотела воспользоваться ни одним уроком последних войн». Вообще академия Генерального штаба, вместо того чтобы служить проводником новых идей в войска, все время упорно отворачивалась от жизни, пока сама жизнь не отвернулась от нее.

Однако бессистемность академической программы и отсталость отдельных курсов являются несравненно меньшим злом, чем те методы преподавания, которые господствуют в академии.

От начальника в бою главным образом требуется: здравый смысл, инициатива и твердый характер.

Все академическое преподавание, весь режим академии поставлены так, что эти редкие дары природы систематически ослабляются.

Здравый смысл затемняется схоластическим способом изложения науки. Военное искусство — дело живое и практическое, а потому теория его, вместо того чтобы витать в облаках метафизики, должна находиться в постоянном и непрерывном общении с жизнью, должна быть краткой и понятной. В изложении талантливого, действительно знающего дело специалиста самые сложные вопросы являются простыми и понятными. Наоборот, жалкая бездарность, соединенная с отсутствием настоящих живых знаний, обыкновенно старается свои убогие мысли облекать в труднодоступные пониманию формы, наивно полагая, что в этом-то и заключается ученость.

Таким именно характером отличается большинство академических руководств по военному искусству: самые простые вещи расписаны на многих страницах, для доказательства очевидных

истин призваны на помощь философия, психология и другие науки; часто встречаются ссылки на первоисточники и архивы, которыми авторы, безусловно, не пользовались; классификация доходит до карикатуры, сводя изложение каждого вопроса к бесчисленному множеству искусственно придуманных пунктов.

Например, вот как излагается в академическом учебнике простой и совершенно понятный вопрос об организации войск:

«Свойство природы боя, как явления стихийно-волевого, значение между орудиями, элементами боя — человека, господство его в серии этих элементов, огромное преобладающее значение и влияние в бою морального элемента, духовной стороны главного орудия боя человека — все это, в общей совокупности, указывает, что духовно-волевая сторона человека, как единичного, так и массового, должны лечь в основание всех вопросов воспитания и обучения, а равно и вопроса составления коллективной единицы человека, то есть в организации массового человека, масс, в организации отрядов, то есть вообще во всех вопросах организационных».

...Подобный схоластический метод преподавания приносит неисчислимый вред, потому что приучает будущего офицера Генерального штаба подходить к решению каждого практического вопроса не прямо и просто, а посредством разных сложных умозаключений. **Вместо практических деятелей он воспитывает доктринеров, которые для военного дела несравненно опаснее круглых невежд.**

Затем, второе качество, необходимое для начальника на войне, — **сознательная, не боящаяся ответственности инициатива, безжалостно подавляется в академии.**

Отвечая на экзаменах, офицер должен точно придерживаться учебника; высказать какой-нибудь самостоятельный взгляд, противоположный взгляду профессора, гораздо опаснее, чем совсем не знать вопроса.

Даже при разработке так называемых тем (предполагающих самостоятельный труд) офицер поставлен в необходимость думать не о составлении по исследуемому вопросу своего собственного мнения, а о том, чтобы как-нибудь не разойтись во взглядах со своими оппонентами, что столь легко в такой неточной области знания, как военное искусство. Тема готовится специально для известных

оппонентов. Если оппоненты меняются, то она немедленно переделывается зачастую в диаметрально-противоположном смысле.

Самый разбор тем совсем не имеет характера научного собеседования, а скорее похож на те замечания, которые придирчивый начальник делает своему подчиненному после строевого смотра. Оправдание еще иногда допускается, но возражение считается нарушением дисциплины.

Наконец **твердость характера** — третье основное качество для будущего боевого начальника — **расшатывается гнетом того полицейского режима**, который господствует в академии.

Для офицера, обучавшегося в академии, не только начальник ее, но и делопроизводитель по учебной части, профессора, штаб-офицеры, преподаватели, отчасти даже выслужившиеся из писарей чиновники, — все это было начальство, от которого в известной степени зависела будущность. В отношениях административного и учебного персонала к учащимся проявлялась чрезвычайная грубость, такое хамство, которое возмущало даже нашего забитого, неизбалованного особой куртуазней⁹ армейского офицера. С этим дисциплинарным гнетом была крепко связана система негласного надзора, доносов и анонимных писем. Одним словом, академия моего времени представляла какое-то причудливое сочетание дисциплинарного батальона с иезуитской коллегией.

С тех пор **некоторые частности изменились**, но люди опытные говорят, что **далеко не всегда в лучшую сторону**».

Далее Мартынов от обучения переходит к результатам этого обучения.

«Каждый из крупных военных начальников имеет особый штаб, с помощью которого он управляет войсками. При нормальных условиях работа распределяется следующим образом: штаб собирает все необходимые сведения о местности и противнике; на основании этого начальник принимает известный план действий; штаб разрабатывает этот план в деталях и затем, в целом ряде распоряжений, передает волю начальника войскам. Таким образом, на долю штабов выпадает, главным образом, техника военного искусства.

В столь практическом деле, как война, значение этой техники огромно. Неумело произведенная разведка, неправильно составленный расчет походного движения, неточность в редакции приказаний,

ошибки в организации сторожевой службы — каждая из этих технических частностей, при известных условиях, может погубить самый лучший план. Хороший штаб должен работать без суеты и трений, с точностью часового механизма.

Для этого от офицеров Генерального штаба требуется не только обширные и разнообразные знания, но также серьезная предварительная практика в «вождении войск» как на театре войны, так и на поле сражения.

Эта практика должна выработать в них известный навык, своего рода рутину. В самые критические моменты войны офицер Генерального штаба, даже отвлекаемый другими вопросами, должен совершенно машинально, как бы рефлексивно, принять меры для обеспечения флангов, установления связи, организации донесений, прикрытия обозов и т. п.

Таковы те требования, которые война предъявляет к Генеральному штабу, а между тем у нас никто его не готовит к этому. **Обычная служба офицеров Генерального штаба не только в центральных управлениях, но и в войсковых штабах сводится к бюрократической, даже просто канцелярской переписке,** не имеющей ничего общего с военным искусством. Маневры крупными частями чрезвычайно редки и дают, особенно в смысле штабной службы, ничтожную практику. Тактические занятия и полевые поездки сведены к простой форме. Военная игра применяется чрезвычайно редко и преследует совсем другие цели.

Итак, деятельность мирного времени совершенно не подготавливает наш Генеральный штаб к тому, что ему придется делать на войне.

...Несколько лет тому назад на больших маневрах некий генерал Генерального штаба, известный еще раньше своей бездарностью, будучи начальником штаба одной из маневрировавших армий, обнаружил совершенное незнание дела. Присутствовавший на маневрах начальник Главного штаба выразился, что за такие действия ему стыдно перед иностранными военными агентами. Тем не менее, вскоре после маневров, сей генерал был произведен в следующий чин и получил дивизию. Затем, когда несколько месяцев спустя его дивизия была мобилизована для отправления на войну, то он просил освободить его от командования. Казалось бы, что после этого он будет немедленно уволен в отставку. Ничуть не бывало, ему тотчас же

дали другую дивизию, оставшуюся в России!!! Мало того, как нам известно, этот генерал, доказавший свою бездарность, полное незнание дела и отсутствие чувства долга, был зачислен кандидатом на высшую должность, которая по идее должна предоставляться лишь выдающимся офицерам Генерального штаба.

Такого рода факты происходили и во время войны — генералы Генерального штаба, выгнанные из армии за полную непригодность, по возвращении в Россию получили соответствующие, а иногда и высшие назначения.

До сих пор одно лишь свойство могло испортить нормальную карьеру офицера Генерального штаба: это — «самостоятельность». Начальство боялось «независимых и талантливых людей», а некоторые товарищи (особенно из бездарных академических профессоров) устраивали им форменный бойкот.

Так обстояло дело в Генеральном штабе до последнего времени, что будет дальше, пока неизвестно.

...Что касается академии, то она имела на сухопутном театре войны четырех представителей: первый из них командовал дивизией, тотчас же по прибытии бежавшей под Ляояном, что было одной из главнейших причин потери этого сражения; второй, будучи профессором тактики, исполнял во время войны чисто канцелярские обязанности, для чего можно было назначить любого статского советника; третий (нужно думать — лично совершенно неповинный) тем не менее, по своему служебному положению, является одним из ответственных лиц за организацию беспорядка на правом фланге нашей армии во время несчастного сражения под Мукденом; про четвертого (насколько правильно — не знаю) такой бесспорно боевой генерал, как Церницкий, говорит — «был здесь светило нашей академии Генерального штаба, оказавшийся совершенно бездарным трусом [...], в конце концов его никто не хотел держать в отряде и он возвратился в Петербург, где тотчас же был произведен в генералы и начал насаждать свою бездарность и пошлость».

Что касается главных академических схоластиков, то они остались в Петербурге и, под гром наших поражений, продолжали по-прежнему читать свои жалкие безжизненные курсы». [Конец цитаты.]

Ну и насколько сильно Академия Генштаба Красной Армии, да и другие ее академии, отличались от Академии Генштаба царской

армии? И в лучшую ли сторону? Оцените вот такой момент из воспоминаний И.А. Толконюка, касающийся военных познаний одного из светил советского Генштаба.

30 июня 1942 года, майора Толконюка с должности начальника штаба бригады переводят в штаб 33-й армии на полковничью должность заместителя начальника оперативного отдела. Начальник оперативного отдела Киносян представляет его начальнику штаба 33-й армии Покровскому.

«Киносян зашел в кабинет, а мне приказал подождать в приемной. Вскоре позвали и меня. Генерал-майор Александр Петрович Покровский, известный в военных кругах грамотностью и педантичностью штабист-оператор, вышел из-за стола и шагнул мне навстречу. Я представился по-уставному. Генерал протянул мне теплую мягкую руку и недовольно заметил, что я невоспитанный командир.

— Вы, майор, кажется, окончили академию, а вести себя не умеете, — упрекнул он меня, загадочно взглянув на Киносяна. — Начальник без головного убора, а подчиненный смеет заходить к нему в фуражке. Никакого такта...

— Прошу прощения, товарищ генерал! Но в академии и в артшколе этому не учили, — попытался я оправдаться, чем вызвал осуждающий взгляд Киносяна.

— Жизнь учит таким элементарным вещам, молодой человек! Жизнь, а не учебные заведения, — сердито отрубил генерал и предложил сесть.

Сняв фуражку, я сел на стул у приставного столика. Генерал продолжал стоять.

— Вот видите, — возмутился начальник еще более, — генерал стоит, а майор расселся, как на именинах. Мы с вами так кашу не сварим.

Я вскочил, как ошпаренный, и вытянулся по стойке «смирно».

— Что вы можете делать в штабе? Что вам можно доверить? Вас надо учить и воспитывать с самого начала, — ровным голосом, спокойно выговаривал начальник претензии. — Штаб, и особенно оперативный отдел, следует укомплектовывать культурными, воспитанными и не только грамотными, но и сообразительными командирами, — обратился генерал к начальнику оперотдела.

— Согласен, Александр Петрович, — ответил тот, пронзив меня взглядом больших, с черными зрачками глаз из-под массивных черных бровей.

— Пока я этого не вижу, Степан Ильич, — упрекнул требовательный генерал своего заместителя и сел на свое место.

Мы с Киносяном тоже сели.

...С.И. Киносян держал себя с начальником штаба довольно-таки свободно, без скованности и волнений. Меня же представление новому начальству оставило в крайне скверном расположении духа. В душе я проклинал это продвижение по службе. Должность начальника штаба бригады казалась мне теперь невосполнимой утратой. Я вдруг заскучал по командованию бригады, по офицерам бывшего моего штаба».

Сначала я подумал, что Толконюк, возможно, имел тогда или после войны плохие отношения с Покровским, а посему выдумал эту сцену, чтобы отомстить. Но потом вспомнил, где я о таком читал раньше. Вот «Памятка офицера», изданная главным политическим Управлением Красной Армии в 1943 году — в разгар войны. В ней очень много полезных вещей, к примеру.

«Нельзя появляться в военной форме в ресторане, на рынках и базарах, нельзя стоять на ступеньках вагона, трамвая, троллейбуса и автобуса, входить через переднюю площадку, не имея на то особых прав.

Гулять по улице или в парке со снятым головным убором нельзя. При входе в клуб, театр, кино, и столовую обязательно снимать головной убор».

Умиляет детализация подробностей того, кто такой культурный офицер: «Военнослужащие в военной форме не могут вести друг друга под руки». Оцените точность регламентации: снимите форму и ходите друг с другом под руки, а в форме ни-ни! Но главное, конечно, это уважение к начальству, от такого: «Зная, что командир части прибудет в клуб части на постановку или кино, нельзя начинать спектакль или кино без командира части», — и такого: «При подходе старшего по званию к киоску, кассе или вешалке уступи ему очередь, воспитывай у своих подчиненных уважение к старшим офицерам», — до такого: «Нашел подругу жизни и задумал жениться — чтобы не попасть впросак, посоветуйся со своим прямым начальником», — ну и,

разумеется, такого: «Если тебе приказывает офицер, не спрашивай даже в мыслях своих, правильно ли его приказание, а выполняй без колебаний. Знай, что приказание офицера всегда законно и правильно».

То, что начальство требует тупо исполнять приказы — это понятно — на то оно и начальство, а вот требование жениться по совету начальника, вызывает удивление, поскольку не объясняется — а если и по его совету попадешь впросак, то что делать? Отдать жену ему и пусть сам с ней мучается, собака?

Но еще большее удивление вызывает то, что в Памятке и намека нет на то, зачем офицер нужен обществу, скажем, чего-либо типа: «Ежечасно пополняй военные знания, ежеминутно думай, как нанести врагу урон, береги солдат в бою, походе и на отдыхе, ежедневно учи его военному делу и т. д.» В Памятке даже слов таких — «военное дело» — нет.

Через два дня после того, как немцы ударили под основание Курского выступа, 7 июля 1943 года, главная газета РККА «Красная звезда» дала статью «из действующей армии» гвардии генерал-майора М. Запорожниченко «Офицеры». Кто это такой, я в энциклопедии не нашел, но думаю, что полководец, поскольку в отличие от ГлавПУра генерал вспомнил и о боевых делах: «Тот офицер, который слывет в быту слабодушным человеком, сразу ощутит в себе наличие воли, если, несмотря на все трудности, исполнит боевой приказ. Представим себе, что на пути подразделения выросло непреодолимое с виду препятствие. Допустим, офицер со своими людьми очутился в овраге перед отвесным холмом. Обойти нельзя, подняться не на чем. Что делать? Офицер, пусть он будет трижды слабодушным, но если он воспитан так, что в его мозгу не укладывается мысль о невыполнении приказа, всегда найдет выход. Он, например, организует живую лестницу, посадит одного бойца на плечи другого. И, добравшись доверху, передаст туда оружие и постепенно, хотя бы на ремнях, перетянет людей. Воля в нем проснется, укрепитя».

Ну а дальше, само собой, генерал пишет о вещах, более необходимых для полководца во время войны: «Можно с уверенностью сказать, что ряд норм, принятых среди офицеров, укреплял в солдатах уважение к ним. Возьмем, например, отношение младшего офицера к старшему. Ни один офицер не позволял себе в

общественных местах, в театре сидеть во время антракта. Почему? Да потому, что он может не заметить старшего офицера, который в это время стоит, сидеть же младшему в присутствии старшего было неэтично. Или, например, в ресторане ни один младший офицер никогда не займет столик, не спросив разрешения присутствующего старшего офицера».

Понять полководца Запорожниченко можно — встанет генерал в антракте, чтобы выпитое пиво в туалете слить, а тут какой-нибудь капитан будет развалившись сидеть?! Ну, как с такими войну выиграешь?

Поэтому, хотя эпизод с Покровским, описанный Толконюком, и относится ко временам на год более ранним, чем появились процитированные документы, но в правдивость эпизода верится. Что же касается квалификации Покровского, то Толконюк, не комментируя сам, описывает такой пример.

Покровский дает Толконюку задание составить военно-географическое описание полосы, занимаемой 33-й армией с натуры. Задание глупейшее, поскольку армия движется вперед и все, что остается сзади, уже никому не требуется, но даже если придется и отступить, то войска по этой местности уже прошли и прекрасно с ней знакомы. Дикость распоряжения была еще и в том, что на эту работу Покровский отвел две недели, а объехать на лошадях площадь 80х80 км за такой срок было невозможно. Но не только Покровский, но и Толконюк окончил академию им. Фрунзе, посему Толконюк получил сухой паек, сел в укромное место и там накатал эту работу по карте, т. е. просаботировал приказ Покровского.

«Через неделю круглосуточной работы, точно в установленный срок, поручение было выполнено: составлено военно-географическое описание на сотне машинописных страниц и нескольких топокартах с таблицами расчетов и обоснований. С.И. Киносян принял из моих рук пухлую папку с подчеркнутым безразличием и, бегло перелистав, отнес начальнику штаба. Примерно через неделю начальник отдела сказал мне:

— Поздравляю вас с успехом. Генерал доволен вашей работой. Он внимательно прочитал материал и с похвалой отозвался... Заслужить похвалу Александра Петровича удастся не каждому и не часто. Гордитесь». Да уж!

И в этот эпизод верится без труда, поскольку с февраля 1943 года Покровский стал начальником штаба Западного фронта и вместе с Соколовским провел те одиннадцать операций, которые впоследствии были признаны Ставкой бездарными. Но до войны Покровский служил генерал-адъютантом заместителя наркома обороны и, надо думать, имел в наркомате хорошие связи, поскольку, когда Соколовского за эти операции сняли, а Булганину надавали по ушам, то Покровского не тронули, и он в этой должности дослужил до Победы, став генерал-полковником. А с 1946 по 1961 год он, естественно, прослужил в Генштабе Советской Армии.

Напомню, что подавляющее число советских полководцев той войны имело «блестящее» военное образование, блестящее, как консервная банка, настолько «блестящее», что немецким генералам такое и не снилось. К примеру, И.С. Конев, А.И. Еременко, Ф.И. Толбухин, Г.К. Козлов, В.Н. Гордов и многие другие закончили Академию им. Фрунзе, вдобавок к ней такие полководцы, как М.В. Захаров, Г.Ф. Захаров, В.Д. Соколовский, А.М. Василевский, окончили и Академию Генштаба — о таком образовании Гудериан или Манштейн и мечтать не могли. Но что толку?

Кому это надо

Так что же в итоге дает нашим офицерам и генералам обучение в военных училищах и академиях?

Какие-то военные знания это обучение дает, но оно заведомо крайне низкого качества. У американцев есть не лишённая смысла поговорка: «Кто умеет делать дело — тот делает его, кто не умеет — тот учит, как его делать». Из этого правила очень мало исключений, настолько мало, что если вам удастся таковые найти, то я рад буду о них узнать. Но зато бумажка об окончании учебного заведения дает большинству ее владельцев непомерный апломб, ни на чем не основанное чувство своего превосходства перед теми, кто такой бумажки не имеет. Какой-нибудь сопляк, по натуре трусливый, а по уму такой, что его папа-генерал и не надеялся пристроить чадо в гражданский вуз, оканчивает училище, получает звание лейтенанта, становится паршивым командиром взвода, но в своей спеси и в своих глазах он получается кем-то более ценным, чем прапор, который уже лет 15 служит в армии, лет 10 командует взводом, и делает это, безусловно, лучше, чем обладатель диплома. Это наша беда: в том, что у нас культурных людей принято отличать от некультурных не по тому, как они делают дело, а по образованию, ничего хорошего нет, тем более для армии.

Еще раз дам цитату, приведенную Константином Колонтаевым. «В фондах Музея героической обороны и освобождения Севастополя хранится машинописный текст воспоминаний И.М. Цальковича, который в 1925–1932 гг. был начальником управления берегового строительства Черноморского флота. В одном из разделов своих воспоминаний он между прочим отмечал, что в середине 20-х годов командный состав ЧФ делился на две равные части. Одна состояла из бывших кадровых офицеров царского флота, другая — из бывших кондукторов, флотских фельдфебелей, унтер-офицеров и боцманов. Обе эти части сильно враждовали друг с другом, единственное, что их объединяло — «стремление выжить матросню из севастопольского Дома военморов им. П.П. Шмидта (бывшее Офицерское собрание)».

Этим людям — офицерам и матросам — по идее, нужно вместе идти в бой и погибнуть, выручая товарищей. А как вы видите, «образованные» презируют «необразованных» и все вместе презируют тех, кто непосредственно должен действовать в бою оружием — «матросню». Если это достижение нашей системы подготовки офицеров, то что тогда считать недостатком?

Заканчивая тему, хочу сказать, что единственные, кому образование дает много, — это преподаватели. Ни тебе ответственности за солдат, ни учений, ни маневров, ни дежурств, ни дальних гарнизонов, зато награды легко доступны, и числишься ты таким же «защитником Родины», как и настоящие защитники.

Читая «Справочную книжку офицера» за 1913 год, помню, умилился тому, как царь распределял награды. Дело в том, что в мирное время ордена давались по определенным правилам, учитывающим чин, иногда должность, общее время беспорочной службы и время после вручения очередного ордена. Это еще как-то можно понять. Однако ордена давались не исходя из количества офицеров, которым они уже полагались по этим правилам, а по норме — по разнарядке: ежегодно награждался орденом один офицер из нормированного количества. И разнарядка была такова.

Все генералы, штаб- и обер-офицеры «управлений и штабов» ежегодно награждались из расчета один награжденный на 6 человек; в «военно-учебной и учебной службе» — 1:8; генералы и офицеры «пехотных, кавалерийских, казачьих, иррегулярных войск, инженерного и артиллерийского ведомства, военные врачи» и т. д. — 1:12, «гражданские чиновники управлений и штабов» — 1:20.

Как видите, уже при царе все было построено так, чтобы служить было выгодно в Петербурге при штабе или преподавателем в училище, а не на фронте, не в строевой части. А в штаб и преподавателем без диплома не возьмут — вот круг и замкнулся. Теперь ответьте сами себе на вопрос: могли ли люди, действительно собирающиеся защищать Отечество, придумать такие нормы наград, при которых офицеры, служащие в полках, награждались вдвое реже «штабных» и в полтора раза реже преподавателей?

Штатские лучше

Довольно интересным является и мнение о ценности военного образования, как такового, невольно высказанное британским фельдмаршалом Бернардом Монтгомери. Он провоевал обе мировые войны, закончил карьеру начальником Генштаба Британской империи и посему человек в военном деле далеко не случайный. Судя по его мемуарам, британское военное образование являло собой нечто среднее между германским и русским (советским). У британцев, в отличие от немцев, как и в России, были военные учебные заведения, но обучение в них было гораздо короче.

К примеру, после окончания школы Монтгомери поступил в военное училище Сандерхест. В России и довоенном СССР его учили бы два года, но в Сандерхесте учили год (Монтгомери учился полтора, так как хулиганствовал). Первую мировую войну Монтгомери закончил в должности начальника штаба дивизии и после войны поступил в штабной колледж в Кэмберли — что-то вроде нашей Академии Генштаба, но только вроде.

Интересно, что рассказ о поступлении в этот колледж Монтгомери предваряет чем-то наподобие оправдания тому, почему он на это решился. Он написал: «До этого момента моей карьеры я не изучал теории своей профессии; за моими плечами было четыре года войны, но никаких теоретических знаний в основе этого опыта. Я читал где-то высказывание Фридриха Великого по поводу офицеров, полагающихся только на свой практический опыт и пренебрегающих наукой; говорят, будто он сказал, что у него в армии есть два мула, которые прошли сорок кампаний, но они все равно остались мулами.

Во-первых, Фридрих II под изучением теории не имел в виду обучение в каком-либо военном учебном заведении. Во-вторых, даже если Фридрих II это и сказал, то тогда он сказал явную глупость. Поскольку полководец обязан все же отличаться от мула. Затем, мулу можно было бы в академии сорок лет рассказывать теорию военного дела, но он и после этого остался бы мулом. И, наконец, если полководец провел сорок кампаний, но не понял того, что объединяет воедино результаты его дела, т. е. не понял теории своего дела, то он

действительно мул. Поскольку любой мало-мальски толковый практический работник обязательно является и теоретиком своего дела — он понимает, зачем и почему нужно делать так, как он делает. Видимо, и Монтгомери это понимал, раз уж решил оправдаться в том, почему он решил учиться.

Между тем, в Кэмберли, в этой британской Академии Генштаба, обучали не как в России (и СССР) — не три года, а всего год. И обучали не профессора, а полководцы, отличившиеся в войну и имевшие склонность к преподавательской работе.

Далее Монтгомери воюет на штабных должностях в Ирландии, а затем сам преподает в штабном колледже и пишет учебник для офицеров пехоты. По нашим меркам он теоретик, у нас он был бы доктором военных наук и профессором, и обязательно разглагольствовал бы о том, что «культурный генерал и даже офицер невозможны без академического военного образования», тем более утверждал бы, что офицеры штаба невозможны без получения ими образования в Академии Генштаба. Но вот что Монтгомери пишет о реальных офицерах своего штаба времен Второй мировой войны (выделено мною):

«Под руководством Де Гингана штаб 8-й армии превратился в великолепную команду. Я всегда очень верил в молодость с ее энтузиазмом, оптимизмом, оригинальными идеями и готовностью следовать за лидером. Наш **штаб в основном составляли молодые, многие из них не были солдатами по профессии.** Единственным необходимым условием для работы в моем штабе являлась способность делать свое дело; не имело значения, служит человек в регулярной армии или он призван во время войны.

Во Вторую мировую войну **лучшими офицерами отделов разведки штабов являлись гражданские;** их головы, казалось, были наилучшим образом приспособлены к такого рода работе, обученные в «нормах доказательственного права», с богатым воображением и развитой креативностью, и Билл Уильямс возвышался над всеми ними».

Вот вам и ценность военного академического образования. В мирное время оно дает возможность быстро делать карьеру, к примеру, в царской армии до Первой мировой офицер, окончивший Академию Генштаба, становился командиром пехотного полка в 46 лет, а без

этого образования — в 53 года. А во время войны, как вы видите на примере британской армии, даже штабные должности прекрасно исполняют гражданские лица и молодые офицеры.

И вывод отсюда следует немецкий — тот, кто стремится узнать, как уничтожить врага, тот узнает это и без профессоров академии, а профессора и дипломы по большей части нужны тем, кто стремится как можно больше денег содрать с общества в мирное время, включая и самих этих профессоров. Да так, собственно, обстоит дело во всех областях деятельности человека.

Без училищ и академий

Конечно, с одной стороны, наша «военная наука», состоящая из тех же преподавателей академий, умышленно не выясняла, как немцы готовили своих офицеров и генералов, но, с другой стороны, у нас самих мозги достаточно зашорены идеей, что ни офицером, ни инженером, ни ученым нельзя стать, если не окончить соответствующее высшее учебное заведение. Вот характерный пример.

В 1946 году проходил так называемый Нюрнбергский процесс — суд над руководителями нацистской Германии и ее высшим генералитетом. Прокурором от СССР был Р. Руденко, и совершенно очевидно, что для допроса начальника штаба всех вооруженных сил Германии фельдмаршала В. Кейтеля, состоявшегося 5 апреля 1946 года, наш прокурор разработал понятный русскому человеку план. Он решил усугубить вину В. Кейтеля тем, что Кейтель, в понимании Руденко, окончил много военно-учебных заведений (иначе как бы он стал начальником Генштаба?), а Гитлер всего-навсего ефрейтор, а посему и вина Кейтеля в развязывании войны чуть ли не больше, чем вина Гитлера. И вот, надев на мозги эти наши русские шоры, Руденко смело начал допрос с выпрашивания названий военных училищ и академий, которые Кейтель, по уверенности Руденко, обязательно должен был закончить, чтобы стать фельдмаршалом. Этот допрос звучал так.

«Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала простым солдатом и, пройдя затем все следующие чины — ефрейтора, унтер-офицера, — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 г., затем около шести лет полковым адъютантом, во время Первой мировой войны я

был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в Генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках Генерального штаба, летом 1914 г. был откомандирован в Генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк».

Как видите, получился разговор глухих: Кейтель не понимал, чего от него хочет Руденко, а Руденко не понимал, как может быть, что у фельдмаршала Кейтеля и ефрейтора Гитлера одно и то же формальное военное образование — ни тот, ни другой не оканчивали никаких военных училищ и академий. Не оканчивали их по той простой причине, что в Германии, по меньшей мере, до конца Второй мировой войны ничего подобного не было.

То есть не было никаких военно-учебных заведений, куда с улицы мог поступить штатский человек, поприусловствовать несколько лет на занятиях, сдать экзамены и стать офицером. Не было также никаких учебных заведений, в которых бы офицеры делали то же самое с целью получить некий диплом, который бы потом учитывался при продвижении их по службе, — не было военных академий. Тогда что было и как они готовили офицеров, — спросите вы.

Точно я на этот вопрос ответить не могу, поскольку и у нас, и в США способ подготовки немцами своих офицеров является великой тайной или вопросом, который никого не интересует, и мне придется своей русской логикой сводить воедино все отрывочные сведения о том, как немец становился офицером, о том, как его обучали. Поэтому расскажу то, что я понял, а понял я в этом вопросе следующее.

Два типа службы

Прежде всего, немцу нужно было иметь желание посвятить свою жизнь службе в армии, причем **не важно кем**. Как это — не важно? — спросят меня. — Ведь от офицерского звания зависит жалование и уважение в обществе! Вот тут кроется еще одно коренное отличие нас и немцев — это у нас все зависит от того, какое воинское звание ты сумел выпросить у начальства, и чем это звание выше, тем и денег больше. У немцев тоже было так, но не совсем.

Разницу в образе мысли можно показать на героях из художественных фильмов о войне. В наших, особенно послевоенных, фильмах герой — это, как правило, военный в чинах, хотя бы офицер. В киноэпопее «Освобождение» солдатам и места практически не оставили, в этом фильме они — фон, на котором действуют генералы и маршалы. А в западных фильмах (сегодня они почти все из Голливуда) генерал героем бывает очень редко, поскольку в западных фильмах герои — это бойцы, а если и офицеры, то из тех, кто лично действует оружием. По западным меркам, в том числе и по немецким, быть рядовым солдатом не только почетно, но и интереснее, чем генералом, поскольку солдату нужно не только очень много ума, чтобы перехитрить солдата противника, но и храбрости, причем последней требуется значительно больше, чем генералу.

Ну, посудите сами — если у нас человек прослужит в армии 20 лет и выйдет на пенсию ефрейтором, то что о нем люди скажут? Скажут, что это такой дурак, который не смог дослужиться хотя бы до звания младшего сержанта. Мы ведь профессиональную службу в армии не понимаем иначе, нежели непрерывное повышение в званиях.

Вот летчик-истребитель Северного флота Н.Г. Голодовников в Великой Отечественной сбил лично 7 немецких самолетов и в групповых боях еще 8. Окончил войну в звании капитана. Рассказывает, как советские летчики сбили в апреле 1943 года известного немецкого аса Рудольфа Мюллера, и искренне поражается: «Знаешь, когда Мюллера сбили, его ведь к нам привезли. Я его хорошо помню: среднего роста, спортивного телосложения, рыжий. Удивило то, что он был всего лишь обер-фельдфебелем, это при больше чем 90

сбитых!» Удивление понятно — сам Голодовников при десятке сбитых уже старший лейтенант, а немец при 93 — даже не офицер! Но для немцев в этом нет ничего удивительного — ведь для них звание — это отражение командной должности: если Мюллера не учили командовать эскадрильей и он ею не командует, то зачем же ему офицерское звание? Чтобы уважали больше? Но ведь его уважают гораздо больше, чем какого-нибудь полковника, за то и именно за то, что Мюллер — хороший боец!

И немцы, поступающие на профессиональную службу в армию, совершенно не стремились обязательно стать офицерами высокого ранга, среди них было и достаточно тех, кто стремился стать бойцом высокого ранга. Если я правильно немцев понял, то и должность хорошего бойца в немецкой армии даже в мирное время хорошо оплачивалась и была уважаемой и в армии, и в обществе. У нас считается почетным быть маршалом Жуковым, а у немцев считается не менее почетным быть и Рэмбо.

Возьмем для примера биографию немецкого офицера Бруно Винцера. Из-за тяжелого материального положения в охваченной кризисом Германии, не закончив полного курса среднего образования и воодушевленный военной романтикой, он в возрасте 19 лет 13 апреля 1931 года вступил в рейхсвер — маленькую сотысячную армию догитлеровской Германии. Вступил, заключив контракт сроком на 12 лет: «Мы получали в месяц на руки пятьдесят марок на всем готовом и при бесплатном жилище. Это были большие деньги. Кружка пива стоила пятнадцать, а стакан шнапса — двадцать пфеннигов. Пособие, которое получал безработный на себя и на семью, не составляло и половины нашего жалованья. Если же безработного снимали с пособия, он получал по социальному обеспечению сумму, которой не хватало даже на стрижку волос». Это жалованье, при 1/3 стоимости проезда в поездах, Винцер получал первые два года службы. А затем «1 апреля после двухгодичной службы наступил срок нашего призыва в армию и первого присвоения нового звания. Мы были произведены в старшие стрелки, получили нарукавную нашивку и большой оклад. Положив в карман первую прибавку к жалованью, мы отправились в солдатскую столовую, чтобы отпраздновать наши успехи. Повышение в чине двоих наших однополчан отсрочили, так как 30 января они до поздней ночи «обмывали» назначение нового канцлера и вернулись в

казарму, перелезши через ограду, за что и получили трое суток усиленного ареста. Ушел канцлер, пришел канцлер, а порядок должен соблюдаться!»

И вот здесь Винцер описывает внутреннюю дилемму, которая в нашей армии совершенно отсутствует: «После двух лет службы нас производили в старших рядовых и мы получали первую нарукавную нашивку. Еще через два года можно было стать ефрейтором и получить вторую нарукавную нашивку. И вот тут-то солдат и оказывался на пресловутом «распутье».

Направо дорога вела через кандидатский стаж к званию унтер-офицера, унтер-фельдфебеля, фельдфебеля и обер-фельдфебеля.

Налево — к званию обер-ефрейтора и штабс-ефрейтора вплоть до конца срока службы.

По первому пути могли пойти относительно немногие, так как число запланированных должностей было ограниченным. Борьба за эти посты побуждала к достижению наиболее высоких показателей.

...Я хотел не только идти по пути, предназначенному унтер-офицеру, но и выбраться на офицерскую дорогу».

Как видите, даже если рекрут поступал на службу, не имея никаких претензий, то через два года он сам должен был все же определиться: кем он хочет стать? Жуковым или Рэмбо?

Кандидаты

Винцер пишет для немцев, а посему не поясняет им то, что немцу и так понятно, и переводчики переводят не совсем то, что хотел сказать автор. Скорее всего, речь идет не о «кандидатском стаже», о котором впоследствии ни Винцер, ни другие мемуаристы никогда не вспоминали ни в каких случаях, а о статусе «кандидата», причем статус кандидата имели и те, кто хотел стать Рэмбо — ефрейтором.

Так как переводчики перевели, русский человек может понять, что у немцев, чтобы стать лейтенантом, нужно было последовательно получать звания: старший стрелок, ефрейтор, обер-ефрейтор, гаупт-ефрейтор, штабс-ефрейтор, унтер-офицер, унтер-фельдфебель, фельдфебель, обер-фельдфебель, гаупт-фельдфебель, штабс-фельдфебель и, наконец, лейтенант. На самом деле это не так. Базовыми званиями, отражающими базовые должности, были: ефрейтор, унтер-офицер, фельдфебель и гауптман, соответствующие должностям: боец, командир отделения (10 человек), командир взвода (около 50 человек) и командир роты (около 200 человек). Все остальные звания (кроме лейтенантских) — это расширение званий на этих четырех должностях. И поступивших в армию немцы учили на какую-нибудь из этих должностей: бойца, командира отделения-взвода или командира роты (офицера).

Поступившему в армию помимо желания был важен образовательный ценз — какое учебное заведение рекрут закончил до зачисления на службу. Ефрейтором можно было стать с любым образованием — хоть с низшим, хоть с высшим — было бы желание. А офицером — только с полным средним. Если оно было, как у Винцера, неполным, то можно было стать только командиром взвода, т. е. фельдфебелем, пройдя, само собой, должность командира отделения (унтер-офицера). Но образовательный ценз важен был только при поступлении на службу, а дальше, если упорно работать, то стать офицером можно было и без него, как стал сам Винцер, но это требовало большего времени службы в доофицерских должностях, хотя, следует сказать, и имея полное среднее образование, и желание стать офицером, в немецкой армии им стать было далеко не просто.

Образование, по сути, не имело значения — значение имел только ты сам — насколько ты действительно атаман и по военным знаниям, и по всему остальному.

Немного о знаках различия. Как вы понимаете, достаточно важно, особенно в суматохе боя, сразу понять, кто перед тобой — начальник или подчиненный? Наиболее видное место для знаков различия — плечи, воротник и головной убор. Наименее видное — рукава. Должности у немцев выделялись очень четко, а расширение должностей было второстепенным. Солдаты, старшие стрелки и все ефрейторы носили погоны и форму рядовых, а нашивки и звездочки у них были на рукаве: важно было сразу определить, что это боец, а то, что он и ефрейтор, — дело второстепенное. Унтер-офицеры и фельдфебели имели серебристую окантовку вокруг воротника и погона (у унтер-офицеров окантовка в торце погона отсутствовала как на наших курсантских погонах) и тканые «катушки» на петлицах. Офицеры имели серебряные погоны, на воротнике специальные серебряные знаки в петлицах («катушки») и серебряный шнур на фуражке.

Полагаю, что при поступлении на срочную службу без претензий ты мог окончить ее и уйти в запас старшим стрелком. Но если ты хотел быть профессиональным военным, то с самого начала службы мог заявить, кем ты хочешь стать, и в таком случае ты получал статус кандидата на эту должность, и тебя начинали целенаправленно и ускоренно учить. Если ты хотел стать Рэмбо, то становился кандидатом в ефрейторы, тебе через погоны перебрасывалась «лычка» в виде витого шнура, и из тебя готовили очень хорошего бойца. Поскольку у бойца тоже должна быть семья, то с каждым очередным ефрейторским званием тебе повышалось жалованье. Похоже, что было так: через два года службы солдат получал звание старшего стрелка (четырехугольная звездочка на рукав), через четыре — ефрейтора (получал на рукав шеврон), через восемь лет — гаупт-ефрейтора (плюс звездочка), через десять лет — штабс-ефрейтора (плюс большая звездочка). Правда, как пишут историки, во время войны до обер-ефрейторского чина дослуживались немногие — либо выбывали из строя, либо их служебный рост в качестве бойца прекращался, и их все же производили в унтер-офицеры и назначали командирами

отделений. То есть в немецком понимании, ефрейторские звания — это не звания, а твой статус в должности бойца.

Если ты хотел стать командиром, а твое образование было недостаточным, чтобы сразу получить статус кандидата в офицеры, ты становился кандидатом в унтер-офицеры, по-немецки это звучало как «фанен-юнкер унтер-офицер». На солдатском погоне у тебя появлялась серебристая «лычка», как у ефрейторов Советской Армии, и тебя ускоренно начинали готовить на должность командира отделения. Если образования хватало, то ты становился фанен-юнкером офицером и у тебя на погоне было две серебристых «лычки», а сами погоны имели знаки различия тех званий, которые ты получал по мере прохождения службы и занятия соответствующих должностей.

Если я правильно понимаю, то «фанен-юнкер офицер», полностью подготовленный и уже имеющий фельдфебельское звание, получал статус «фенрих», т. е. чуть-чуть не офицер; если смотреть на это с другой стороны, фенрих имел статус офицера, ожидающего вступления в должность (скажем, обер-фенрих отличался тем, что воротник его фельдфебельской формы был уже без унтер-офицерского и фельдфебельского галуна, ремень — офицерский, а на фуражке — серебряный офицерский шнур).

К примеру, Петр I в своих собственноручных «Для военной битвы правилах» в главе 17 «Учреждение к бою» пишет: «Офицерам места свои иметь по сему: капитану — середь роты, подпорутчику — с правой стороны, фендриху, — а буде нет, то сержанту, — с левой, по концам роты; всем сим стоять в первой или другой шеренге спереди, а дале отнюдь не стоять назад, дабы удобнее видеть и повелевать; порутчику назади смотреть над всею линиею своей роты, капралам — каждому у своего капральства с правой стороны в той же шеренге стоять и смотреть над солдатами, чтоб то исправлено, что прикажет вышний офицер (а також, когда офицер, который отлучится от своего места для какой потребы (или убит, или управления в ином), також убит и ранен будет, тогда капральному же на том месте стать и офицерское дело управлять); сержанту у роты так поступать, как майор в полку; каптенармусу и фурьеру помогать порутчику позади».

Как видите, сержант в роте есть обязательно, и его задача («как майор в полку») следить за строем на левом фланге, но если в роте есть и фенрих («фендрих»), то тогда следить за строем — это его

задача. Однако, как видите, фенрих в роте может быть, а может и не быть, т. е. это не звание, отражающее должность в бою, а всего лишь, как я и писал, статус.

Я разбираю это потому, что американские историки сплошь и рядом статус «фанен-юнкер» и «фенрих» считают воинским званием, а вслед за ними, само собой, это делают и наши историки, вот только они не знают, куда это звание всунуть в ряд немецких воинских званий, и какие знаки различия были у фанен-юнкеров и фенрихов. Но, скажем, тот же Бруно Винцер, да и все немецкие мемуаристы, вспоминая сотни фамилий своих сослуживцев и подчиненных, называя их звания, никогда не упоминают воинского звания «фанен-юнкер» или «фенрих». Винцер, описывая восемь лет своей службы в званиях от рядового до обер-фельдфебеля во время, когда немцы срочно готовили офицерские кадры, ни разу никого из сослуживцев так не назвал, и только описывая, как его в числе нескольких обер-фельдфебелей пригласили на празднование дня рождения Гитлера в офицерское казино, упомянул: «Я сидел за одним столом с обер-лейтенантом Шнейдером, тремя молодыми лейтенантами и одним обер-фенрихом». То есть указывая на необычность того, что и неофицеров пригласили в компанию офицеров, он подчеркивает, что для сидевшего с ним рядом такого же, как и он, фельдфебеля это было обычным, поскольку тот был фенрих — почти офицер.

Курсы

Выше я написал, что если человек поступал на службу в немецкую армию с желанием посвятить ей всю свою жизнь, то его начинали ускоренно и целенаправленно учить. Вопрос — кто, какие преподаватели? В немецкой армии не было никаких преподавателей, соответствующего кандидата учили все, кто мог его научить тому, что обязан знать офицер. Так, к примеру, Винцер, будучи фельдфебелем, преподавал на курсах офицеров запаса. Он не учил их «вообще», он был командиром взвода противотанковых пушек и на курсах, организованных на базе его взвода, учил будущих пехотных офицеров запаса устройству противотанковых орудий и тактике их использования.

О военном деле немецкие офицеры знали очень много, и всему этому их учили на практике, образно, давая не знания, а умение исполнять то или другое. Чтобы не тратить время офицеров полка на индивидуальное обучение будущих офицеров, для всех кандидатов полка в подразделениях, соответствующих очередной теме обучения, организовывали кратковременные курсы, на которых их всех вместе обучали.

Снова возьмем пример из воспоминаний Винцера. Еще на первом году службы он определился, что хочет стать не бойцом (ефрейтором), а командиром — фельдфебелем, поскольку образовательный ценз не давал ему права сразу претендовать на должность офицера. Однако рейхсвер готовил офицерские кадры и с Винцером произошло следующее: «Вскоре после того, как я вернулся из этого внеочередного отпуска в свою часть, меня вызвали к командиру роты. Там уже собралось несколько унтер-офицеров и солдат. Нам задали вопрос, который мы сначала не приняли всерьез, но затем пришли в восторг:

— Кто из вас хотел бы стать офицером?

Когда все мы — вначале не сразу, а потом единодушно — подняли руки, капитан сказал:

— Не радуйтесь преждевременно, это еще далеко не решенное дело! Пока только краткий опрос, ничего больше. Я просто хотел выяснить, намерены ли стать офицерами те из вас, которые, возможно,

для этого пригодны. Благодарю вас, вы можете разойтись. Кроме того, прошу вас об этом никому не говорить!

Все это длилось минуты две. Тем временем мы были зарегистрированы, и вскоре нас стали направлять на различные курсы обучения.

Началось со специального обучения в качестве связных. За этим последовал курс по технике разведки, затем — изучение пулемета; одновременно нас использовали как загонщиков на офицерской охоте, потом откомандировали в качестве ординарцев в офицерский клуб, чтобы ознакомить нас с той обстановкой, в которой мы позднее можем оказаться.

Однажды меня зачислили в группу, которая в уединенном и замаскированном ангаре тренировалась на деревянном орудии. Мы видели эту пушку впервые, и нам строго-настрого приказали никому о ней не говорить. У нее были обитые железом деревянные колеса, словно она предназначалась для конной тяги. В действительности ей позднее придали резиновые шины и она стала известна в качестве 37-миллиметрового противотанкового орудия. При деревянной пушке имелся предусмотренный для этого орудия затвор, и мы учились заряжать и разряжать, используя учебные снаряды должного калибра.

...С большим усердием я проходил очередной курс обучения. Он все больше приближал к желанной цели тех из нас, кто в свое время рапортовал командиру о готовности стать офицером. К изучению тяжелых пулеметов и нового, еще засекреченного оружия прибавилось обучение приемам стрельбы из артиллерийских орудий не прямой наводкой.

...Этот парад был последним служебным заданием, выполненным мною в составе 5-й роты. Тотчас же после возвращения я был переведен для дальнейшего обучения и использования в качестве командира отделения в 8-ю пулеметную роту».

Замечу, что все это было на втором году службы, Винцер еще даже звания «старший стрелок» не получил, а его уже, помимо собственно обучения, начали стажировать в качестве командира. В конце концов, не через 4 года, а через 3,5 его производят в ефрейторы: «Присвоение мне звания ефрейтора совпало с переводом в 14-ю противотанковую роту. Эта полностью моторизованная часть только комплектовалась. Поэтому для нее была освобождена церковная

школа, расположенная в центре города. В классных комнатах поселились рекруты, унтер-офицеры заняли учительскую и другие помещения. Школьный двор превратился в двор казармы, орудия поместили в гимнастический зал, а для автотранспорта были построены новые гаражи. Машины, орудия, пулеметы и другая боевая техника имелись в полном комплекте. Пахло свежей краской. Я рапортовал командиру роты:

— Ефрейтор Винцер, переведен в 14-ю роту!

— Когда вы произведены в ефрейторы?

— Десять дней назад, господин капитан!

— Вы будете командиром орудия. Вы уже знакомы с новыми противотанковыми пушками?

— Так точно, господин капитан. Я обучался этому два года.

Вопрос был излишним — на столе лежало мое личное дело. Я заметил, что командир его изучил, когда он продолжал:

— Вы вообще прошли ряд различных курсов обучения. Имеете ли вы водительское свидетельство?

— Нет, господин капитан!

— Немедленно наверстать. Явитесь к заведующему техническим имуществом! После службы — курсы шоферов, понятно?

— Так точно, господин капитан!

Все частные школы шоферов в городе были привлечены к делу, и мы ежедневно до поздней ночи набирали наши учебные километры, разъезжая по городу и окрестностям. Примерно за две недели я с успехом закончил и этот курс».

Заметьте, что учиться на офицера очень часто приходилось во внеслужебное время, как в данном случае при получении водительских прав. Но у Винцера в связи с его стажировками на командирских должностях уже давно звание не соответствовало должности, поэтому после окончания курсов шоферов его немедленно производят в унтер-офицеры, причем с того же дня, что он был произведен в ефрейторы. Как видите, ввиду того, что Винцер выбрал командирское направление службы, ему не только не пришлось выслуживать звания обер-ефрейтора, гаупт-ефрейтора, штабс-ефрейтора, но он и ефрейтором, по сути, не служил — это были не его, командира, звания.

Вообще-то, немецкие офицеры и солдат обучали очень старательно, к примеру, Винцер пишет, что они обучали солдат лазить по деревьям — в Советской Армии я о таком упражнении и не слышал. А тех, кто хотел стать офицерами, гоняли без жалости и, как вы видели, после службы заставляли работать фактически официантами в офицерском клубе, чтобы будущие офицеры учились тому, как офицер должен себя вести вне службы. Винцер вспоминает: «Нашему командиру, австрийцу по происхождению, представлялось более важным, чтобы мы научились вести себя как «благородные господа». Мне не только теперь это кажется смешным. И тогда я все это не принимал всерьез и вызвал этим неодобрение адъютанта, дворянина и помещика из Мекленбурга, который должен был привить нам привычки и манеры «высших кругов».

Меня учили, каким должен быть стол, сервированный согласно правилам приличия, какие бокалы предназначены для белого вина и какие для красного.

Меня учили, как надо приглашать даму на танец, когда надо даму именовать «высочество», а когда «графиня», когда «сударыня» и когда такое обращение неуместно».

Став унтер-офицером, Винцер уже мог жениться: «Финансовое положение унтер-офицера позволяло вступить в брак. Впрочем, полагалось, согласно предписаниям, дожидаться двадцать пятой весны». Однако по службе у Винцера возникла проблема — он очень долго не мог подтвердить, что его бабушка не еврейка (а после прихода Гитлера к власти с этим стало строго), кроме того, он совершил дисциплинарный проступок и был наказан. Все это вызвало определенные трудности. «Впредь до получения свидетельства об арийском происхождении меня не продвигали по службе — вероятно, сыграли некоторую роль и те три дня «на губе»; но я убежден, что мне пришлось бы упаковать чемоданы, если бы не прибыло свидетельство об арийской благонадежности, выданное соответствующей служебной инстанцией гиммлеровских охранных отрядов.

Возобновились занятия на курсах. Сначала я попал на курсы кандидатов в командиры взвода в Винсдорфе. Там за нас так крепко взялись и задавали столько письменных работ, что у нас пропадала охота ездить вечером в Берлин.

Зачисление на очередные курсы привело меня на танковый полигон Путлос в Шлезвиг-Голштинии. Мы обучались взаимодействию танковых подразделений и противотанковой обороне. Для этой цели в нашем распоряжении находились учебные роты, а мы, курсанты, были назначены командирами взводов.

В 1937 году я в качестве командира полувзвода с двумя орудиями участвовал в больших осенних маневрах в Мекленбурге, на которых присутствовал Муссолини».

После этих маневров Винцер стал фельдфебелем, а еще через полтора года — обер-фельдфебелем, и когда ему, наконец, в 1940 году надели серебряные погоны, у него были все основания написать: «Этого дня я ждал с начала моей службы, в ожидании этого дня я посещал одни курсы за другими и занимался зубрежкой в свободные часы. Я хотел выбраться из «класса» рядовых — и стал унтер-офицером. Я хотел выйти из «класса» унтер-офицеров — и вот я стал офицером». Хотя и с этим было не все так просто: Винцер стал офицером на фронте, отличившись в должности командира взвода 37-мм орудий и получив Железный крест. Правда, он стал не лейтенантом, а сразу обер-лейтенантом, и скорее всего, потому, что начальство видело в нем гауптмана — командира роты.

Винцер шел к офицерскому званию девять лет, пройдя через десятки различных курсов и освоив все командирские должности. Но он был без образовательного ценза, он был «офицером из фельдфебелей», а те, кто имел полное среднее образование, те вступали в армию фанен-юнкерами и становились офицерами гораздо быстрее.

Фельдмаршал Кейтель стал лейтенантом в 1902 году после 15 месяцев службы, фельдмаршал Паулюс, уйдя с юридического факультета, стал лейтенантом в 1911 году через 18 месяцев, генерал-полковник А. Иодль в 1912 году — через 27 месяцев, генерал-полковник Гальдер в 1904 году — через 24 месяца, генерал-полковник Гот в 1905 году — через 11 месяцев, генерал-полковник Гудериан в 1908 году — через 11 месяцев, фельдмаршал Лееб в 1897 году — через 32 месяца, фельдмаршал Клюге в 1901 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рейхенау в 1904 году — через 24 месяца, фельдмаршал Рундштедт в 1893 году — через 15 месяцев и т. д и т. п. Как видите,

отсутствует какая-либо система — каждый становился офицером по мере своей готовности им стать.

Интересно, что ни один немецкий мемуарист не вспоминает о сдаче им в армии хоть каких-нибудь экзаменов — полное отсутствие каких-либо формальностей! Тем не менее, кандидатов в офицеры каждый раз оценивали, и при этом очень строго, а главное, далеко не всегда по их формальной образованности. Я уже упоминал о воспоминаниях Отто Кариуса — командира взвода «тигров». Он пришел в армию из университета весной 1940 года и, описывая марши в период начальной подготовки, пишет: «Они начались с пятнадцати километров, возрастали на пять километров каждую неделю, дойдя до пятидесяти». К началу войны с СССР он был рядовым — заряжающим в танке. Далее Кариус рассказывает:

«Поэтому у меня были смешанные чувства, когда 4 августа 1941 года я получил приказ отбыть в Эрланген, в 25-й танковый запасной батальон. За три дня до этого на погонах моей униформы появился галун унтер-офицера.

В Эрлангене мы сдавали экзамен на права по управлению грузовым автомобилем и танком. Сразу после этого прибыли в Вюнсдорф близ Берлина, чтобы пройти курс обучения кандидата в офицеры.

2 февраля 1942 года мне сообщили, что я не соответствую предъявляемым этим курсом обучения требованиям. Так же как и Герт Мейер и Клаус Вальденмейр из нашего взвода, я, конечно же, не принял все это всерьез. Кроме того, был один вопрос, который мне никак нельзя было задавать. Я думал, что мне представился случай доверить свои сомнения классной доске. Но мое начальство вовсе не нашло забавным вопрос: «А офицеры запаса человечны?» Так что мы все еще оставались военнослужащими унтер-офицерского состава и кандидатами в офицеры, когда расстались с курсом обучения. Собственно говоря, нас не слишком это огорчало.

В конце концов, новоиспеченным лейтенантам приходилось нести службу в запасных частях, в то время как мы сразу же были отправлены в наш прежний полк. Нас отпустили со словами ободрения. Наш офицер-куратор, которого мы все боготворили, потому что он был настоящей личностью и относился к своим обязанностям со всей душой, сказал на прощание, что уверен: мы скоро достигнем

своей цели на фронте. Там мы сможем гораздо легче доказать, что достойны стать офицерами».

Кариус, правда, не пишет точно, когда именно его сочли достойным стать офицером, но, судя по хронологии, это случилось в зиму на 1943 год. То есть сдача выпускных экзаменов в гимназии и сессионных экзаменов в университете никак не гарантировала прохождение испытаний на звание офицера в армии. Там все было сложнее.

Между тем, с получением офицерского звания учеба в немецкой армии не заканчивалась, а скорее, продолжалась в том же темпе. Вернемся к воспоминаниям Бруно Винцера. Как только его произвели из обер-фельдфебелей в обер-лейтенанты, то тут же назначили командовать ротой, и в это время их полк вместо австрийца принял новый командир — пруссак. Винцер пишет:

«Это был строгий командир. Однажды он отвел меня в сторону.

— Вы из рядовых выдвинулись в офицеры?

— Так точно, господин подполковник!

— Когда вас произвели?

Я подробно доложил.

Он осмотрел мою смешанную форму; я все еще был в форме обер-фельдфебеля с пришитыми офицерскими петлицами и погонами и носил одолженную у товарища фуражку с серебряным шнуром.

— Быстро все это смените! Прикажите портному сшить вам мундир и тогда представьтесь мне снова!

— Так точно, господин подполковник!

Я стал теперь офицером, но не должен был произносить ничего другого, кроме «так точно», лишь с легким поклоном и держа руку у козырька — как был обучен. Если командир был настроен благожелательно, он небрежным движением отводил мою руку от фуражки.

Он был настроен благожелательно и так закончил разговор:

— Я буду иметь вас в виду.

Через несколько недель он командировал меня на курсы ротных командиров в школу танковых войск в Вюнсдорфе под Берлином. Здесь я был обучен тому, чему меня не мог обучить упомянутый мною адъютант в Рейнской области.

В Вюнсдорфе придавалось гораздо меньшее значение обращению с графинями и отвешиванию поклонов; здесь готовились к совсем иному «танцу», о котором мы еще не имели представления».

Между прочим, уже не помню, кто из немцев сказал, что победу Пруссии в войне с Францией в 1871 году обеспечил школьный учитель. Это достаточно расхожая мысль, особенно в системе народного образования, однако ее никто не разъясняет применительно к собственно армии. Ведь основная масса армии — это солдаты, а тогдашним пехотинцам, кавалеристам да и основной части рядовых артиллеристов и саперов образование не требовалось — с теми солдатскими обязанностями могли справляться и вообще неграмотные. Речь тут о другом: резкое повышение общей грамотности прусского населения дало возможность отбирать офицерские кадры не только из дворян, но и практически из всех слоев населения, а это значительно увеличило конкуренцию, упростило отбор и резко улучшило командный состав прусской армии. Способные офицеры легко теснили традиционные кадры прусского дворянства за счет более быстрого освоения сложных новинок и быстрой обучаемости. А учиться немецкому офицеру приходилось во время всей службы, поскольку немецкое командование не назначало офицеров ни на какие должности, если не было уверенности, что они с ними справятся, посему обязательно готовило их к этим должностям, невзирая ни на какую тяжелую обстановку на фронте. Из воспоминаний Бруно Винцера следует, что, поскольку он уже командовал ротой, то очередное звание не задержалось, и в войне с СССР 1 мая 1942 года он стал Гауптманом, успешно командуя уже дивизионом, а в начале лета 1943 года, в разгар сражения на Курской дуге: «Из управления кадров сухопутных войск прибыл некий майор Ирой, которому я должен был передать дивизион, так как меня выделили для прохождения курсов будущих командиров полка».

По нашим представлениям, Винцера послали в академию, поскольку в послевоенной Советской Армии для занятия должности командира полка нужно было три года отучиться в академии. Однако в немецкой армии, вспоминает Винцер, все это выглядело так.

«На курсах командиров полков на танкодроме в Вюнсдорфе под Берлином собралось около ста офицеров из армий и войск СС: капитаны, майоры и несколько обер-лейтенантов.

В течение первой недели должны были состояться учения танкового полка, затем мы должны были отправиться на три дня в Путлоз в Гольштейне, где нам предполагали показать новейшие орудия и танки, а также стрельбу из них боевыми снарядами; после этого мы должны были пройти курс обучения в «Ecole militaire» в Париже.

Наступили два знойных месяца во французской столице, о которой мы мечтали, но которую во время нашего обучения почти не видали.

Мы зубрили инструкции, слушали доклады, смотрели фильмы, обменивались опытом и заставляли полки и дивизии совершать походы на ящике с песком или по карте. Для каждого командно-штабного учения нам накануне сообщалась «обстановка», и мы должны были в письменной форме разработать и изложить свою оценку обстановки, предложения и приказы. Вводя новые факторы по ходу командно-штабных игр, проверяли, насколько мы способны быстро принимать правильные решения. От общей оценки по окончании курсов зависело наше дальнейшее использование. Каждый хотел получить квалификацию командира полка, добиться возможно большего успеха; ведь результаты определяли всю дальнейшую карьеру. На этой почве разыгрывалась яростная конкурентная борьба, а усиленные занятия порождали подобие психоза».

Однако судя по тому, что Винцер достаточно неприязненно отзывается о подготовке на этих курсах, и по тому, что он окончил войну гауптманом в прежней должности командира дивизиона, он не сумел успешно окончить эти курсы. Тем не менее, отметим, что немецкая «академия» располагалась в трех местах, и обучали в ней не более трех месяцев. У нас же война тоже сократила сроки обучения и в академиях, однако и во время войны обучение длилось от 6 до 12 месяцев.

Есть интересная радиограмма сражавшегося в начале 1942 года в окружении под Вязьмой генерала П.А. Белова командующему Западным фронтом Г.К. Жукову (между прочим, сам Белов окончил академию и знал пользу от тамошнего образования):

«Главкому Жукову — 8.5.42 г.

Командир 2 гкд генерал Осликовский не выполнил моего приказа о вылете ко мне. Затянув дело с отлетом, он, видимо, добился зачисления в Академию ГШ. Прошу нарушить мирную жизнь

Осликовского и выслать его ко мне командовать дивизией» (гкд — гвардейская кавалерийская дивизия, ГШ — Генеральный штаб.)

Я уже писал, что у немцев не было ни военных училищ, ни академий, но вот мне принесли документально-рекламный фильм немецкой киностудии UFA времен Второй мировой войны. Фильм называется «Фанен-юнкер» и начинается с показа марширующих в зимнем камуфляже и с лыжами очень молодых людей, входящих в достаточно большой комплекс многоэтажных зданий с вывеской «Пехотное училище № 1» — так, по крайней мере, перевел переводчик уже с английских титров. Далее идут кадры, как эти счастливые молодые люди занимаются всеми видами спорта, плавают в закрытом бассейне и тому подобные рекламные виды. Думаю, что о любом нашем военном училище киношники сняли бы точно такой же фильм. Я смутился — неужели и у немцев были такие же училища, как у нас? Училища, в которые принимали выпускников школ и из которых их выпускали офицерами?

Но вот фанен-юнкеров показали в повседневной форме (а в кадр попадало человек 40), и выяснилось, что у всех воротники обшиты галуном, т. е. все они были минимум унтер-офицеры. Затем в эпизодах стали попадаться погоны и мундиры крупным планом, и оказалось, что у унтеров погоны пересекаются двумя лычками «фанен-юнкера офицера», а вот у фельдфебелей — не у всех. То есть часть фельдфебелей была из солдат без образовательного ценза. Практически у половины (если не больше) курсантов в пуговичную прорезь кителя была продета ленточка Железного креста 2-го класса, у некоторых висели и кресты 1-го класса, а у одного был огромный шрам на лице. Сомнения исчезли — все они были бывалые воины, фронтовики. В кадры фильма попали четверо преподавателей: один гауптман вел занятия по национал-социалистической идеологии, второй преподавал автодело, третий — тактику, и обер-лейтенант был артиллеристом. Все четверо имели Железные кресты 1-го класса и Штурмовой знак, т. е. каждый из них лично ходил в атаку не менее 10 раз. Впечатлило, что все преподаватели были не только заслуженными фронтовиками, но и в невысоком звании, т. е. будущих лейтенантов учили их будущей работе те офицеры, которые прекрасно знали эту работу в самом современном ее виде. (Видите ли, можно ведь и маршала поставить учить лейтенантов, но что он помнит о том, как

командовать ротой?) В итоге в этом фильме внешне все было, как и у нас, но внутренне все различалось — здесь не учили бывших школьников «на офицеров», здесь доучивали «почти офицеров».

Между прочим, выше я цитировал Кариуса, которого отозвали на курсы шоферов и механиков-водителей танков, а потом он около 3 месяцев учился и на курсах офицеров, с которых, правда, не сумел выпускиться лейтенантом. Судя по всему, он учился именно в таком училище.

Единоначалие

Поскольку мы говорим о разнице в обучении наших и немецких офицеров, то этот разговор следует подытожить темой, чрезвычайно важной, — тем, что в огромной мере определило силу немецкой армии. Я уже писал о том, что наши офицеры трусили в принятии собственных решений, а вот немцам в этом плане было легче, поскольку они очень давно и настойчиво прививали своим офицерам и генералам способность к смелости — к принятию самостоятельных решений в бою. Вообще-то такая самостоятельность называется единоначалием. И это единоначалие декларируется во всех армиях, в том числе, уверен, декларировалось оно и в Красной Армии. Однако, объявив, что подчиненный является единоначальником, начальство тут же, не стесняясь, начинало указывать ему, какие именно решения принимать. Указывало уставами, директивами, инструкциями, мудрыми теориями профессоров, наконец, поощрениями, если подчиненный единоначальник «самостоятельно» принимает такое решение, как начальник скажет или хочет. Не могу определенно сказать, как с этим делом обстояло у французов, англичан или американцев, победивших немцев в Первую мировую войну, но, думаю, что тоже не бог весть как. В противном случае, полагаю, британский фельдмаршал Монтгомери, сам уже на тот момент немолодой (52 года), не написал бы в своих мемуарах о британской армии образца 1939 года следующих строк:

«Все высшие командные посты занимали «хорошие боевые генералы» прошедшей войны. Они слишком долго оставались на своих местах, лишь делая вид, что кто-то может претендовать на их кресла, а на самом деле никого не подпускали и близко.

...В итоге наша армия в 1939 году вступила во Вторую мировую войну великолепно организованной и оснащенной для боев 1914 года и имея во главе не отвечающих требованиям современности офицеров».

А немцы и так чуть ли не столетие настойчиво внедряли в свои войска единоначалие, а после поражения в Первой мировой войне, если верить Мюллеру-Гиллебранду, приложили к развитию

самостоятельности у немецких офицеров огромные усилия. Мюллер-Гиллебранд сообщает (выделено мною):

«То обстоятельство, что нашей воле противостоит независимая и часто трудно распознаваемая воля противника, создает в войне атмосферу неопределенности и является причиной постоянного изменения обстановки. Различные трудности, возникающие при реализации принятого решения, и не в последнюю очередь огневое воздействие противника, еще больше усиливают неопределенность, мешая точно предвидеть ход борьбы. Как бы тщательно ни продумывалось использование всех средств с целью выяснения действительной обстановки, определения замысла противника и осуществимости собственного решения, всегда будет оставаться сфера напряженной неопределенности, которая должна восполняться способностями и усилиями командиров и подчиненных. Перед такого рода трудностями, не всегда поддающимися точному учету и предвидению, стоит каждый военачальник, будь то командующий войсками какого-либо театра военных действий, командир батальона или командир самого мелкого боевого подразделения.

Командир каждой части, ведущей боевые действия, имеет свое собственное, постоянно меняющееся представление об обстановке, о замысле и возможностях противника и своих возможностях.

Основой действий командира остается принятое им решение, которое определяется боевой задачей и личными способностями данного командира. Задача формулируется в приказе. Чем выше по должности командир, получающий приказ, тем в течение большего времени приказ должен сохранять свою силу с момента его получения и тем большую свободу он должен предоставлять в выборе способа его выполнения, так как необходимо, чтобы принимаемые меры соответствовали постоянно изменяющейся обстановке. Речь идет, таким образом, о том, чтобы командир, отдающий приказ, заблаговременно и четко определил цель, которой он хочет достичь, и предоставил бы подчиненному возможно большую свободу действий при реализации этого решения. Не безвольное подчинение и следование букве приказа, в котором невозможно предусмотреть всех перипетий борьбы, а лишь инициативные действия командира, направленные на осуществление замысла вышестоящего начальника, в

состоянии преодолеть громоздкость современной массовой армии и обеспечить использование ее с максимальной эффективностью.

Генерал-фельдмаршал граф Мольтке исходил именно из этого, отдавая свои классические лаконичные директивы армиям во время войн 1866 и 1870 гг. Но ему на собственном опыте пришлось убедиться в том, что практическое применение этого способа действий предполагает более основательную подготовку командиров всех степеней, чем она была в его время. Поэтому вся его многолетняя дальнейшая деятельность в мирное время и деятельность его преемников были посвящены этой подготовке, имевшей своей задачей:

а) добиться единого подхода к рассмотрению обстановки (оценка обстановки и принятие боевого решения) всеми командирами,

б) **избегать всякого сковывающего схематизма** в вопросах управления войсками в бою и

в) **развивать у всех командиров самостоятельность мышления и действий.**

В итоге сочетание свободы в осуществлении боевых задач, предоставляемой командиру-исполнителю, и личной инициативы последнего стало особой отличительной чертой и фактором силы прусско-немецкой армии. Чрезмерное увлечение той или иной стороной, имевшее иногда место, не меняло существа дела. Чем с большей эффективностью велось обучение и воспитание командного состава в этом направлении, тем с большей уверенностью, быстротой и гибкостью войска могли выполнять свои боевые задачи. Кроме того, это позволяло командованию учитывать в своих расчетах смелость действий как дополнительный фактор и реализовать скрытые потенциальные возможности, которые таятся в любой обстановке, но которые редко удается своевременно распознать и использовать в своих целях. И, наконец, тем большей была возможность поставить противника в зависимость от своей воли, то есть, другими словами, обеспечить за собой наряду с материальными факторами силы возможно больше других предпосылок для достижения успеха.

Принцип единоначалия в управлении войсками, не допускавший побочных путей отдачи приказов и приказаний, а также свобода принятия решений давали общевойсковому командиру возможность уверенно проводить свое решение в жизнь. В сухопутной армии в отличие от высших органов ОКБ этот принцип неограниченной

командной власти проводился, как и прежде, с достаточной последовательностью.

Из поколения в поколение (и, в частности, после 1918 г. и после 1935 г. уже в новой сухопутной армии) в процессе практической учебы велась систематическая работа по усовершенствованию и внедрению описанных принципов управления войсками в их гармоничном взаимодействии друг с другом. Эта работа принесла свои плоды в кампаниях 1939 и 1940 гг., а также в операциях 1941 г. на Балканах и в Северной Африке. Она же явилась одной из предпосылок того, что сухопутная армия смогла начать свой роковой поход против Советского Союза, имея недостижимый для того времени уровень боевого мастерства, обладая большим опытом и уверенностью в своих силах. Ее руководство также с уверенностью начало эту войну, несмотря на то что противник имел огромное численное превосходство». [Конец цитаты.]

(Насчет огромного численного превосходства — это немцы себе льстят, чтобы как-то оправдать свое итоговое поражение от войск Красной Армии. Причем, немецкие генералы в этих попытках оправдаться уже не замечают, что выставляют себя, генералов, идиотами, которые, нападая на СССР, оказывается, не знали, что численность Советского Союза 190 млн. человек, что зимой в России холодно, осенью и весной слякотно, летом пыльно, а на Кавказе есть горы. Почитаешь их мемуары, и выясняется, что обо всем этом немецкие генералы узнали уже после того, как напали на Советский Союз.)

Но куда денешься от фактов — ведь немцы все же нанесли нам тяжелейшие потери и, утверждаю, в первую очередь потому, что их средний офицер был лучше нашего, а лучше он был в первую очередь потому, что его лучше учили и готовили. Сравните: немцы учили своих офицеров «избегать всякого сковывающего схематизма», а русская Академия Генштаба, по словам генерала Мартынова, «вместо практических деятелей...воспитывает доктринеров». Немцы сто лет воспитывали в своих офицерах «самостоятельность мышления и действия», а у нас «инициатива безжалостно подавляется в академии».

Национал-социализм и реваншизм

Я писал, что многие века немцы были хотя и честными, но все же космополитами безродными — служили тому, кто больше заплатит. Пруссия начала поднимать на свои знамена патриотизм, и ее армия уже многого достигла в войнах с Австрией и Францией во второй половине XIX века, а вся Германия — в Первую мировую. Немцы и так уже были патриотами, но особенно усилил эту немецкую черту национал-социализм. Мерзкое, конечно, явление, но еще более мерзким является подход к нему нынешних массовых историков и пропагандистов. Национал-социализм замалчивается, а ведь его нужно изучать и «не выплескивать с водой и ребенка». Мерзким в нацизме является расизм, но идеи социализма тут при чем? Чем плох немецкий символ веры тех времен — «общее благо выше личных интересов»? Чем плохо — «думать не о себе, а о целом, о нации, о государстве»? Организм, который плюнет в Гитлера за слова «мы не желаем другого бога, кроме Германии», не нужен ни в каком государстве и, особенно, в таком государстве, как Израиль.

Когда я расследовал «Катынское дело», то натолкнулся на отрывки из книги польского офицера Ромуальда Свiateка. Свiateк просидел у нас в лагерях 20 лет и вспоминает эпизод, в котором меня впечатлила не катынская тема, а суждения немецкого офицера о том, кто такой офицер. Я много читал разных патриотических высказываний, но еще не встречал такого краткого и точного (выделено мною): «Будучи в Воркуте в лагере № 10, я встретил майора немецкой армии, который с 1941 года находился в оккупированном Смоленске. От него я узнал, что немцы и в самом деле захватили несколько лагерей с польскими военнопленными, расположенных в этом районе. Однажды в беседе я поинтересовался его мнением о Катыни. Он прямо мне ответил, что это дело рук немцев, поскольку это отвечало их интересам, и искренне удивился польским протестам. Майор придерживался мнения, что хороший солдат, а тем более **офицер должен умереть, если погибает его родина**. Он заявил, что, попав в руки русских, хорошо понимал, что может умереть, и если

этому суждено будет случиться, он примет смерть как подобает немецкому офицеру».

И, наконец, немецкие офицеры и генералы в среднем были реваншистами — они хотели войны. Если во Вторую мировую войну мы их победили вчистую, т. е. у самих немцев не оставалось ни малейших сомнений, что русские их победили, то в Первую мировую ситуация была иная. Тогда Россия сдалась, а немецкая армия оставалась непобежденной, и линия фронта проходила по французской территории. За всю войну ни один солдат противника не ступил на собственно немецкую землю, исключая, разве, Восточную Пруссию, куда временно вторгались русские войска. Подавляющая масса немецкого офицерства была уверена, что Германия сдалась из-за удара в спину революционеров, и не сильно в этом ошибалась. У немецкого офицерства было убеждение, что если удар в спину не повторится, то Германия победит любого врага, нужно только хорошо подготовиться к войне. И они готовились.

И дело здесь не в накоплении оружия и даже не в тщательнейшем обучении солдат — главное заключалось в подборе офицерских кадров. Если, предположим, ты, командир дивизии, собираешься мирно прокантоваться в своем кресле до пенсии, то и командиров полков ты будешь подбирать так, чтобы они и смирные были, и не подсиживали тебя, и при твоём посещении полка хороший стол накрыли, баньку истопили и баб пригласили. А если ты собрался воевать, то не можешь не понять, что такие полковники готовят тебе не только смерть, но и позор, посему и подбирать ты будешь совершенно иных офицеров.

Заканчивая разговор о подготовке офицеров, выделю принципиальную разницу в постановке этого дела у нас и у немцев. У нас уже минимум полтора века офицеров обучают и готовят вне армии те, кто мало воевал и служил и лично воевать и служить не собираются. Готовят не для грабежа других стран, а для грабежа казны своего народа.

А у немцев офицеры воспроизводились в недрах армии, и воспроизводились они для войны.

Да, во Второй мировой войне победили советские офицеры, но победили не за счет высокого уровня всей их массы, а за счет не очень большого количества лучших из них, при крайней подлости

многочисленных худших. Это вызывало искреннее удивление немцев. Немецкий ветеран войны Г. Бидерман пишет: «Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фанатическим сопротивлением горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и, даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины. При допросах пленных выяснилось, что эти переменные имеют мало общего с образованием, местом рождения или политическими склонностями. Простой крестьянин отчаянно сопротивлялся, в то время как обученный военный командир сдавался сразу же после контакта с нами. Следующая схватка показывала прямо противоположное, хотя при этом не усматривалась система или явная причина.

Оказавшись в ловушке в старом медном руднике возле Керчи, несколько офицеров и солдат Красной армии продолжали оказывать сопротивление в течение всей оккупации полуострова. Когда в их опорном пункте были исчерпаны запасы воды, они стали слизывать влагу с мокрых стен, пытаясь спастись от обезвоживания. Несмотря на жестокость, которую проявляли их соперники на Русском фронте, у противостоявших им германских военных возникло чувство глубокого уважения к этим уцелевшим бойцам, которые отказывались сдаваться в течение недель, месяцев и лет упорного сопротивления».

Мы победили благодаря лучшим, но, к сожалению, лучшие и гибли в непропорционально больших количествах.

Итог не утешителен — с такими генеральскими и офицерскими кадрами воевать нельзя — себе дороже. Нужно обсуждать пути, как вырастить такой командный состав, чтобы, отдавая в армию детей, бояться только противника, а не своих же генералов. Но с кем обсуждать? С теми, кто хочет, чтобы Россия имела достойную армию, но не имеет для этого власти, или с теми, кто имеет власть? Но ведь тем, кто имеет сегодня власть в России, плевать на армию — им, чем она хуже, тем лучше. Слабая армия не нападет на их благословенную Америку, в которой они спрятали украденные у России деньги и куда, в случае чего, они собираются удрать. А если даже наша нынешняя

армия и нападет на США, то американцы купят в нашей армии генеральских уродов, как они купили их в Ираке, и эти уроды предадут.

И, тем не менее, давайте немного поразмышляем на тему, какая бы у нас была армия, если бы не наша вонючая власть.

Что надо было бы оставить свое? Самоотверженность, сознание того, что ты частица народа, патриотизм и самопожертвование. Не будем напрасно хулить немцев, но эти вещи у нас были лучшего качества.

Что надо было бы взять у немцев? Ту степень делократизации (сами немцы называют ее единоначалием), что у них была, и осмысленность того, зачем это единоначалие требуется. Напомню, что именно единоначалие дает.

При бюрократизме думает только самый высокий начальник, а чаще всего и не он, а его ни за что не отвечающие штаб и советники. Все остальные командиры просто тупые передатчики приказов сверху вниз. А при единоначалии каждый из них должен думать, т. е. вносить в победу собственный ум, и при этом масса ума, собранного для победы, многократно возрастает. При единоначалии каждый командир становится творцом, а посему его жизнь становится интереснее и счастливее.

Второе, что надо взять у немцев, — храбрость. Не годится, когда на одного храбреца десяток трусливых подонков в погонах. В бою на этих перепуганных баб храбрецов не напасешься. Никаких извинений трусости быть не может. Не важно, кого этот офицер боится — жену или начальника, — раз трусит, значит, погоны долой! Когда будет рядовым, у него за спиной будет капрал с палкой, а за офицерами их не поставишь. Не уберем из армии трусов и случится война — солдатской крови трусы в погонах прольют немеряно.

Третье — смелость. Однако смелость базируется на знании своего дела, а посему является следствием подготовки офицера. Я не вижу никаких достоинств в нынешней системе военного образования. За полтора века она убедительно показала свою никчемность. Тут нам нужно как немцам — не «учить на офицера», а воспроизводить их из недр армии — делать командирами лучших бойцов.

И, главное, нам нужна честность командного корпуса армии, такая честность, как у немцев, но лучше. Вспомните, что древние персы

ценили в войне — стрельбу из лука, езду верхом и честность. Первые две вещи — это пустое, этому обучатся, а главное — честность! Во всем, в любых мелочах! В пустяке соврал, значит, в командиры не годится — трус! В бою, сволочь, прольет солдатскую кровь из-за своей трусости.

Все это, скажете вы, хорошо, да где же таких взять? Ведь их, таких, пожалуй, что и у немцев не осталось, а мы-то их где собираем? В армии и в государстве — где ж еще? Не китайцев же приглашать (хоть я против них ничего и не имею) — наша проблема, нам ее и решать.

Для начала я персональные воинские звания упразднил бы, а армию разделил на три части: боевую, тыловую и вспомогательную.

В боевую я бы включил всех тех, кто действует оружием, неважно, личным или коллективным. Это не только стрелки, но и экипажи самолетов и боевых кораблей, расчеты орудий и ракетных систем. Их бы называл не солдатами, а бойцами или воинами. И в названиях их подразделений употребил бы как можно больше слов с русскими корнями. Неважно, что эти слова сегодня менее употребимы, чем иностранные, но русский человек их суть почувствует. Чем плохи для названий боевых подразделений и частей слова «ватага», «артель», «сотня», «полк», «дружина», «рать», да, собственно, чем плоха татарская «тьма»? Ведь давно вместе живем и выражение «тьма народу» понятно русскому без перевода. И чем плохи названия командных должностей: «приказной», «старшина», «прапорщик», «сотник», «артельщик», «боярин», «воевода»? Дело здесь не в квасном патриотизме, просто эту боевую часть армии нужно отделить и выделить капитально, поскольку именно в нее нужно будет отбирать лучших из тех, кто есть, и именно ее командный состав должен выстроить хребет армии.

Вторая часть армии — тыловая. Это те, чье действие оружием по противнику в успешном бою не предполагается, но, с учетом всех превратностей войны, возможно. Это строители и тыловые колонны, различного рода радиометристы, связисты и служащие штабов. Им бы я оставил и звание «солдат», и нынешние звания, проектируя их на должности. Чем будет плохо, если объединением будет командовать воевода, начальником его штаба будет подвоевода, а начальником оперативного отдела — генерал-майор?

Ну и оставшаяся часть армии, от военных комиссаров до работников Минобороны, — это военнослужащие. И название их должностей — военные советники соответствующего класса.

И, конечно, внешне, по форменной одежде эти три части армии должны отличаться очень резко. Разделить армию нужно по целому ряду причин, но сначала главной будет нехватка храбрых, смелых и честных. Вот таких и нужно в первую очередь направлять в боевую часть армии, а эту боевую часть сделать кузницей кадров для остальных частей. Поскольку, как я полагаю, все поступающие в армию должны начать службу бойцами, а уж затем, если командиры воинов сочтут их способными занимать должности в армии, то переходить в солдаты или военнослужащие.

Поскольку, как ни объясняй, а все равно найдутся те, кто поймет тебя неправильно, то еще раз подчеркну: все предложенные мною выше реорганизации вторичны и нужны лишь для одного — для отбора и комплектации командных кадров армии людьми честными, храбрыми и смелыми. Кормить в качестве армии всех тех, кого мы кормим сейчас, — это унижение для народа.

Приложение. Изнасилованная Клио

«Немецкие овчарки»

Я полагаю, что наши потери в Великой Отечественной войне были чрезмерно велики, посему уже давно начал дискуссию в газете «Дуэль», чтобы найти причины, вызвавшие их. Но возникла проблема иного рода — эти наши потери всемерно раздувают «профессиональные историки». Они завышают их число не с целью привлечь внимание общества к поиску и устранению вызвавших эти потери причин, а фактически по заданию врагов России с целью оплевать нашу Родину — СССР, с целью оплевать самый героический период ее истории. Поэтому я сначала хотел бы обсудить то, что они делают, а заодно и то, кто они такие.

Еще в 1999 году получил 5 огромных по объему писем по истории Великой Отечественной войны от «полковника в отставке, участника ВОВ» В. Громова с предложением «вступления с Вами в дуэльное противоборство с соблюдением положенных в таких случаях джентльменских правил — аргументированно, без грубости и хамства».

Желание понятно, но должен сказать, что джентльменские правила запрещают вступать в поединок с обесчестившим себя «джентльменом». Правда, в этом смысле я их не придерживаюсь — могу дуэлировать с кем попало, лишь бы польза от этого была нашему делу.

Поэтому я все же немного поспорю с Вами, полковник, скорее для того, чтобы показать, чего стоит Ваш «творческий потенциал» и все те материалы, что Вы прислали, благо темы о потерях в той войне я редко касался, не считая ее определяющей, — наши потери в любом случае были огромны.

«Все дело в том, что людские потери в войне нашей армии из-за грубейших ошибок как партийного руководства (Сталина), так и военного (Жукова и ему подобных) оказались столь огромны, что Партия испугалась сказать народу правду и стала морочить ему голову совершенно неверными и смехотворными цифрами. Фактические данные о потерях надолго превратились в государственную тайну. Тон этой широкомасштабной фальсификации задал непревзойденный

мастер этого дела — Вождь и Учитель, который 11 ноября 1941 г., выступая в метро на ст. «Маяковская», рассказал своему народу вот такую красивую байку: убито, дескать, 350 тыс. человек, пропало без вести — 378 тыс. (всего — 728 тыс.). На самом деле эта грустная картина к тому времени выглядела несколько иначе (по нашим данным, тыс. чел.): в районе Белосток — Минск мы потеряли — 320, Умань — 100, Смоленск — 350, Гомель — 80, Киев — 660 и Вязьма — 663, всего 2173.

Итак, поставив обман своего народа «в голову колонны», начался многолетний период (не закончившийся и до сих пор!) откровенного вранья», — пишет Громов.

Вы бы, полковник, безусловно, уже 11 ноября 1941 г. сообщили народу и противнику, что наши безвозвратные потери достигли 3 млн. человек. Это понятно. Но Сталин-то ведь не был идиотом, он ведь знал, что такое пропаганда в войне.

К примеру, американцы сообщили, что во время операции «Буря в пустыне», во время которой они «разгромили армию Ирака» и изгнали ее остатки из Кувейта, они потеряли убитыми всего около 500 человек. (Причем сначала объявили 150 убитых, потом 300 и т. д. до 500. На этой цифре и стоят.) Однако когда родственники убитых попытались создать общество, то правительство США им это категорически запретило. Оно и понятно, родственники, собравшись вместе, смогли бы подсчитать число убитых. Но если их действительно было около 500, то чего же США боятся этого подсчета?

Ведь что для армии США потери в 1000 человек? От повседневной деятельности регулярные войска США потеряли в 1984–1994 гг. 27 828 человек, из которых 24 адмирала и генерала, 3223 офицера и т. д. Вот эти огромные цифры в США не секретны, а боевые потери в Ираке — сверхсекретны! Почему?

Потому, полковник, что в армии США много полковников, но такого, как Вы, до сих пор, к сожалению, не нашлось. Там все понимают, что, пока конфликты с другими странами не окончены, сообщение о своих потерях — это предательство.

А у нас полно полковников, которые точно знают, что нужно было делать Сталину, но не знают подобных элементарных вещей из военного дела.

Но дам Вам высказаться дальше.

«Сразу же после войны было объявлено, что армия потеряла 7 млн. человек.

К марту 1990 г. эта цифра «подросла» до 8 млн. 688 тыс. 400 человек. Приведенная смешная «точность» в 400 человек только доказывает всю абсурдность этой информации, так как именно персональный учет потерь («военного материала») в нашей стране был организован безобразно.

Вот подтверждение: — приказ об организации учета был издан всего за 3 месяца до начала войны — 15.03.41 (в войсках Южного фронта, например, стал известен только в декабре (!) 1941 г.) — колоссальный недоучет безвозвратных потерь в период общего отступления начального периода войны (утеря документов, преднамеренное их изъятие и др.) — в начале войны рядовой и сержантский состав вообще не имел красноармейских книжек (введены только 7.10.41), а спецмедалионы (личные) по указанию Сталина были отменены 17.11.42; — даже в 1944 г. этот учет должным образом не был налажен (ВИЖ, 1992, № 9). Картина, как видите, плачевная.

И вот в июне текущего года Генштаб объявляет очередную величину потерь, на этот раз уже с точностью до 100 человек — 11 млн. 944 тыс. 100. Чтобы доказать нелепость этой цифры, достаточно определить, какую долю в этом случае составляют известные теперь офицерские потери (1,023 млн.). Ответ получается (что и требовалось доказать) совершенно неправдоподобный — 11,7 %?! Используя удачные обороты Юрия Игнатьевича, зададим вопрос: «где имеется хотя бы один документ, один надежный факт о том», что в нашем столетии в ходе многочисленных боевых конфликтов хоть в одной армии (даже самой захудалой и неумелой) на 100 погибших приходилось бы 12 офицеров? Таких документов и фактов нет, как нет и армий с таким фантастическим показателем доли офицерских потерь.

Все дело в том, что приведенные выше данные о состоянии учета свидетельствуют только об одном — определить точно цифру потерь теперь уже практически невозможно. Остается одно — провести только оценку этих значений, выйдя на порядок цифр с определенным допуском. Уже многие исследователи такой научный анализ провели. Из-за достаточной сложности расчетов (с учетом «динамики потерь»,

«пораженных в боях», «боевых», «не боевых» и «санитарных потерь», «в процентах от среднемесячного уровня потерь за войну» и мн. др.) приведу только результаты: потери армии — чуть более 26 млн. чел. (в том числе 4 млн. погибших в плену), гражданского населения — около 17 млн., общие потери страны — порядка 43 млн. чел. Но есть вариант простого и понятного оценочного расчета безвозвратных потерь армии, результаты которого дают практически тот же порядок цифр. Опубликованы данные о безвозвратных потерях офицерского состава (достаточно точные, т. к. списки нас, окончивших академии, училища, курсы и **Т.П.**, сохранились) — 1 млн. 23 тыс. человек. Цифра «1,023» в сочетании с известными данными о доле безвозвратных офицерских потерь в общих (порядка 4 %) и явилась тем «золотым ключиком», с помощью которого решается наша задача со столь печальным ответом. Пытаясь этому помешать, офицерские потери, как правило, не приводят рядом с общими безвозвратными потерями армии в ВОВ. Или любимый «запутывающий» прием — к безвозвратным потерям как бы невзначай приплюсовывают «и раненые», делая тем самым эту задачу нерешаемой. Итак — 1,023 составляют около 4 %, а 100 % — общие потери. Ответ (порядок цифр!) без труда получите сами — более двух десятков миллионов человек. Как видите — «исчезло» значительно более 12 млн. человек. Вот в этом и есть суть нашей безнравственной политики, ибо, отдавая должное памяти 11,9441 млн. человек, еще большему количеству погибших как бы говорим: «А вы в этой войне не участвовали». Удивляться, правда, нечему, ибо именно человеческих отношений ленинско-сталинского государства к своим гражданам никогда «не имело место быть».

Для полноты картины посмотрим потери противника. За всю войну они составили 3950 тыс. человек, в том числе против СССР — 2608 (по состоянию на 20.04.45 безвозвратные потери на Восточном фронте — 2 374 587 чел., из них офицеров — 56 724).

Следует вспомнить и «плановые» показатели наших героических «смершовцев». За годы войны они умудрились расстрелять около 160 тыс. своих бойцов и офицеров (не считая десятка тысяч, расстрелянных без суда!) Если учесть, что, согласно опубликованным Генштабом данным, в ходе войны средняя численность (не штатная!) стрелковой дивизии не превышала 5,5–6 тыс. человек, то получается, что без помощи всяких там фон Боков и фон Клюге было уничтожено

29 дивизий! А это (вариант, т. к. составы армий и фронтов разнятся) порядка 5 армий, т. е. — целый фронт. Вот такая получается позорная арифметика». [Конец цитаты.]

Арифметика действительно получается позорная, как, впрочем, и остальное в исполнении этого полковника.

Поясню читателям, если они не поняли, что делает с цифрами Громов. Он утверждает, что единственно точная цифра, которую мы знаем о потерях той войны, это 1023 тыс. убитых офицеров. Далее он утверждает, высасывая из пальца, что на 100 убитых может быть не более 4 офицеров и делит число наших погибших в ту войну офицеров на 4 %, «научно» вычисляя, что число убитых на фронтах должно быть 25 млн. (округляет до 20).

Что тут скажешь? Во время войны советских женщин, сожительствовавших с немцами на оккупированных территориях, называли «немецкими овчарками», и у нас всегда было полно «историков», добивающихся для себя этого почетного звания.

Поэтому прерву обсуждение «творческого потенциала» полковника Громова, поскольку хотя я в 1999 году и ответил ему по существу, но ничего это не изменило. И через 6 лет «Новая газета» (№ 22, 2005) выходит с аналогичным бредом, но уже Б. Соколова. Дам соответствующие цитаты из этой публикации. Соколов пишет следующее:

«Наши brave генералы еще в 1993 году в книге «Гриф секретности снят» опубликовали устраивающую их, но совершенно фантастическую цифру безвозвратных потерь Красной Армии — 8 668 400 погибших на поле боя, умерших от ран, болезней, в плену, расстрелянных по приговорам трибуналов и умерших по иным причинам. С тех пор, выпуская второе издание книги в 2001 году под названием «Россия и СССР в войнах XX века», руководитель авторского коллектива генерал Г.Ф. Кривошеев со товарищи «согласились» добавить к этой цифре еще 500 тыс. пропавших без вести из числа призванных в первые дни войны, но не успевших прибыть в свои части (откуда столь круглая цифра — неизвестно).

Немецкие же потери погибшими на Восточном фронте российские генералы определяют в 3 605 000 человек. Еще 442 тыс. умерло в плену. Вместе с потерями союзников Германии получается всего 4273 тыс. погибших на поле боя и 580 тыс. умерших в плену.

При таком подсчете общее соотношение числа погибших воинов Красной Армии и гитлеровцев (с союзниками) оказывается вполне сносным — всего лишь 1,8:1. Или же 1,9:1, если добавить к советским потерям 500 тыс. тех, кого авторы «Грифа секретности...» так и не решили куда отнести — к потерям армии или мирного населения.

Общие же безвозвратные потери советского народа официально оцениваются в 26,6—27,0 млн. человек, из которых около 18 млн. приходится на гражданское население.

Получается, что Красная Армия воевала совсем неплохо, учитывая внезапность немецкого нападения, а также то, что значительная часть красноармейцев умерла в плену. И Сталин, мол, был не такой уж плохой полководец.

Гипнозу официальных цифр поддаются и некоторые западные исследователи. Например, американец Макс Хастингс в книге «Армагеддон. Битва за Германию», ориентируясь на эти цифры, упрекает Эйзенхауэра и других союзных генералов, что они в последние месяцы 44-го не наступали столь же решительно, как русские, стремясь минимизировать свои потери, и в результате затянули войну на полгода, что, дескать, привело к еще большим потерям. Здесь не учитывается, что плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном. А главное — во что действительно обошлась русским решительность действий. Но что еще важнее — благодатная для Красной Армии картина соотношения военных потерь является следствием откровенной фальсификации. В тех случаях, когда появляется возможность проверить данные книги «Гриф секретности снят», они не выдерживают никакой критики.

...Общие потери вермахта погибшими на поле боя и умершими от иных причин, согласно моей оценке, составленной на данных, содержащихся в книге генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии» (в годы войны он как раз ведал учетом личного состава), составили около 3,2 млн. человек. Еще около 0,8 млн. умерли в плену. Из них около 500 тыс. не пережили плена на Востоке, где в общей сложности оказались почти 3,15 млн. германских военнослужащих. Число погибших на Востоке германских военнослужащих я оцениваю в 2,1 млн. человек — тогда с учетом умерших в плену получается 2,6 млн.

Отмечу, что данные Мюллера-Гиллебранда основаны на централизованном учете германских потерь вплоть до ноября 1944 года и на оценке потерь за последние полгода, сделанной германским Генштабом. Иногда встречаются и более высокие цифры германских потерь (4,5–5 млн. человек), основанные на более высоком исчислении в последние полгода войны. Мне они не кажутся достоверными. В последние полгода немецкие потери погибшими не могли быть выше, чем за предшествовавший год, поскольку в последние месяцы численность немецкой армии на фронте значительно сократилась и основные потери она несла не убитыми, а пленными.

Соотношение советских и германских потерь на Восточном фронте составляет, таким образом, примерно 10:1. Если учесть еще потери союзников Германии и советских граждан, погибших на стороне вермахта, но не учтенных в немецких потерях (таких, по разным оценкам, было от 100 до 200 тысяч), то соотношение станет примерно 7,5:1.

Достаточно точно также можно оценивать соотношение советских и немецких потерь по потерям офицеров, которые всегда считают точнее, чем рядовых. Согласно данным, приведенным Мюллером-Гиллебрандом, сухопутная армия Германии потеряла на Востоке с июня 41-го по ноябрь 44-го 65,2 тыс. офицеров погибшими и пропавшими без вести. Общие же безвозвратные потери вермахта составили за тот же период 2417 тыс. человек. Таким образом, на одного офицера приходится 36 рядовых и унтер-офицеров безвозвратных потерь. Доля офицеров в этих потерях составляет 2,7 %.

Безвозвратные потери офицеров советских сухопутных войск, согласно подсчетам, завершнным только в 1943 году, составили 973 тысячи. Если исключить из этой цифры сержантов и старшин, занимавших офицерские должности, а также потери 1945 г., то безвозвратные потери офицеров советских сухопутных сил за 1941–1944 годы (за вычетом политического состава, в вермахте отсутствующего, а также лиц административного и юридического состава, у немцев представленного чиновниками) составят около 784 тысяч. Вот эти-то 784 тысячи и надо сопоставлять с 65,2 тысячи немецких офицерских потерь, приведенных у Мюллера-Гиллебранда.

Получается соотношение 11,2:1. Оно близко к соотношению потерь армий СССР и Германии, определенному другим методом. Если же принять официальную цифру советских потерь, то получится, что в сухопутных войсках Красной Армии на одного погибшего офицера приходилось всего 8 рядовых. Выходит, что у нас отделениями (обычная численность одного отделения — 9 человек) командовали офицеры. Или что в Красной Армии в атаку бросались целые батальоны и полки одних офицеров.

Доля офицеров в безвозвратных потерях двух сторон была примерно одинакова. Так, независимый российский военный историк В.М. Сафир отмечает, что «по отдельным боевым донесениям сухопутных войск приблизительный уровень офицерских потерь колеблется где-то в пределах 3,5–4,0 %». Если взять, например, донесение о потерях 323-й стрелковой дивизии за 17–19 декабря 1941 года, там на 38 убитых командиров приходилось 458 солдат и сержантов, а на 19 командиров, пропавших без вести, — 1181 пропавший без вести сержант и солдат. Здесь доля командиров в безвозвратных потерях составляет 3,36 %. Если же вычесть отсюда политработников, составлявших почти 10 % офицерских потерь, и еще 3 % потерь административного и юридического состава, то доля офицеров в потерях сократится до 3 % и будет очень немного отличаться от доли офицеров в немецких безвозвратных потерях.

Все эти вычисления доказывают только то, что немногие уцелевшие из тех фронтовиков, кому доводилось ходить в атаку, и так знают. Итак, мы заваливали врага трупам и победили лишь благодаря большой и безропотной массе необученных солдат, покорно шедшей в самоубийственные атаки. Хорошо обученный солдат и офицер, способный размышлять, представляли для Сталина большую опасность, чем гибель десятков миллионов необученных бойцов.

Что же касается общих советских потерь, то они значительно превышают официальные 27 млн. Дело в том, что население СССР к началу войны составляло не 194 млн. человек, как полагают многие демографы, а, согласно исчислению, проведенному ЦСУ в июне 41-го, должно было превышать 200 млн. человек. Но тогда успели провести лишь предварительное исчисление, а повторное сделали лишь по Молдавии и Хабаровскому краю. Оно дало цифры на 4,6 % больше первоначальных. С учетом этого население СССР в июне 41-го можно

оценить в 209,3 млн. человек. А общую убыль населения вследствие войны от избыточной смертности (с учетом того, что к началу 46-го его численность оценивалась в 167 млн. человек, а также показателей рождаемости последних военных лет) — в 43,3 млн. человек. (Напомним, что общие потери рейха оцениваются в 7 млн. погибших.) Таким образом, потери гражданского населения составили 16,9 млн. человек». [Конец цитаты.]

Я уже написал, что те, извините за выражение, историки, которые из шкуры вылезают, стараясь облить своим дерьмом наше прошлое, тупо перегибают палку и, не понимая этого, уже начинают прославлять Сталина и советский народ лучше, чем это в свое время делал советский Агитпроп. Ну, посудите сами, какой вывод нормальный человек должен сделать из непомерного раздутия числа советских потерь в Великой Отечественной войне и непомерного сокращения числа немецких? Правильно, только один: немцы были какими-то трусливыми недоносками, которые потеряли всего одного солдата на 12 убитых советских солдат, и сдались. А наши предки становятся какими-то несокрушимыми героями, которым все нипочем. Ну, как хозяевам Б. Соколова и «Новой газеты», американцам, с такими русскими воевать? Американцы же привыкли издали отбомбиться и ждать, что жертва сдастся. А тут, оказывается, сколько русских ни убивай, они все равно победят. Как это может подействовать на психику рядового американского пиндоса?

Соколов аж прыгает от возбуждения, чтобы доказать, что на советском фронте и немцев-то никаких не было — так, одна-две дивизии: «плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном». А все западные историки, скажем, тот же Лен Дейтон утверждают, что 7 из каждых 8 немецких дивизий были уничтожены Красной Армией. Как же так? Это же получается, что американцы и англичане с немцами вообще не воевали! Надо сказать, что и Гитлер выглядит каким-то идиотом: терял войска на Восточном фронте, застрелился, когда Берлин окружила Красная Армия, а все войска держал почему-то на Западном фронте, где у него и потерь-то вроде не было.

Соколов убеждает олухов «Новой газеты», что советские историки, подсчитавшие потери Красной Армии, лгуны и все врут, а вот немецкие битые генералы — это образец кристальной правды.

Между тем, если немецкие генералы и честнее, то они честнее только таких историков, как Соколов, хотя на Соколове, если присмотреться, уже и пробы негде ставить. Что касается немецкого генерал-майора Мюллера-Гиллебранда, принятого в данной статье за образец честности, то чуть ниже повторю, что о нем писал ранее, и добавлю еще, а пока о том, что Гитлер наверняка дал указания уменьшать в немецких официальных документах число погибших в войне немцев.

К этой мысли приводит особый порядок сообщения войск о потерях, при котором войска давали сначала «ориентировочные» данные о своих потерях, которые и докладывались Гитлеру, а потом «уточненные», которые суммировались неизвестно где, и неизвестно, суммировались ли.

Возьмем, к примеру, дневники начальника штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера. Среди немецких документов этот документ следует считать документом исключительной точности, поскольку американцы захватили их в подлинном виде, и Гальдер в их присутствии расшифровывал свои стенографические записи, которыми он вел дневник. Казалось бы, что он после войны не мог никак их подправить, да и вряд ли это делал. И, тем не менее, смотрите, что у него там было записано.

Гальдер несколько раз в месяц переносил в дневник сводки немецких потерь с нарастающим итогом. И вот 30 сентября 1941 года у него запись:

«Потери с 22.6 по 26.9 1941 года: Ранено 12 604 офицера и 385 326 унтер-офицеров и рядовых; убито — 4864 офицера и 108 487 унтер-офицеров и рядовых; пропало без вести — 416 офицеров и 23 273 унтер-офицера и рядовых.

Всего потеряно 17 884 офицера и 517 086 унтер-офицеров и рядовых.

Общие потери всей армии на Восточном фронте (не считая больных) составили 534 970 человек, или примерно 15 процентов общей численности всех сухопутных войск на Восточном фронте (3,4 млн. человек)».

Проверим эти цифры логикой. Человек так устроен, что в бою при попадании в него пули или осколка на одного убитого приходится трое раненых. У Гальдера получается раненых примерно 398 тысяч и убитых 113 тысяч. Отношение примерно 1:3,5, это несколько

великовато, но вдруг у немцев полевая медицина была уж очень хороша?

Далее, 3 октября Гальдер записывает:

Эвакуация раненых:

25 797 раненых из группы армий «Север» эвакуировано на судах;

150 280 раненых эвакуировано санитарными поездами;

19 310 раненых эвакуировано железнодорожным порожняком;

153 000 раненых эвакуировано импровизированными санитарными поездами;

18 500 раненых эвакуировано самолетами;

1211 раненых эвакуировано специальными самолетами.

Всего свыше 368 000 человек».

Общая сумма эвакуированных в тыл 368 тысяч раненых хорошо совпадает со сводкой недельной давности — 398 тысяч. Казалось бы, все в ажуре. Но ни у нас, ни у немцев в тыл эвакуировались далеко не все раненые, скажем, по стандартам советской полевой медицины в армейских госпиталях лечились те, кого можно было поставить в строй в течение двух месяцев, и только более тяжелых отправляли в тыловые госпитали.

Точно так же поступали и немцы. В работе «Пехота вермахта» (Торнадо, Рига, 1997), к примеру, есть такие гордые строчки, которым, видимо, можно верить: «Небольшой пример эффективности работы дивизионной медицинской службы: в 1942/1943 годах 47,7 % раненых и больных было возвращено в строй именно благодаря усилиям дивизионных медиков». То есть у немцев почти половина раненых возвращалась на фронт даже не с армейских госпиталей, а прямо из учреждений, которые у нас назывались медсанбатами.

К примеру, немецкий танкист Отто Кариус пишет:

«8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины.

Это произошло возле полностью сожженной деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позиции вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину, как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и все! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не

требовалось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватившись рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд». Прооперировали его в дивизионном медсанбате и вскоре: «Я двигался на попутках обратно на фронт. Горящие деревни указывали путь».

Фельдмаршал Манштейн, описывая проблемы, возникшие в декабре 1941 года в связи с высадкой советских войск в Керчи и Феодосии, пишет: «В эти дни нас морально особенно угнетало то, что в госпиталях Симферополя лежало 10 000 раненых», — и угнетало потому, что «в Феодосии большевики убили наших раненых, находившихся там в госпиталях, часть же из них, лежавших в гипсе, они вытащили на берег моря, облили водой и заморозили на ледяном ветру». Оставляя без комментариев эту басню про замораживание, подчеркну, что у немцев, как вы видите, огромное количество раненых ни в какую Германию не вывозилось и лечилось тут же, в армейских тылах.

Но если это так, а по-другому тут никак не истолкуешь, то записанные у Гаддера 368 тысяч раненых, отправленных в Германию, это только тяжелораненые и инвалиды, а общее количество раненых, если исходить из 47,7 %, было минимум в два раза больше, т. е. на 26.09.1941 года их было не 398 тысяч, а 800 тысяч. Но тогда, исходя из соотношения 3:1, число убитых на эту дату тоже должно быть около 270 тысяч человек, а не 113 тысяч, как у Гальдера. Поэтому я и прихожу к выводу, что Гитлер искусственно занижал число убитых в войне с СССР, чтобы потом победа над Советским Союзом не казалась немцам очень горькой.

Вот Б. Соколов пишет, что «общие потери рейха оцениваются в 7 млн. погибших». Да, немцы после войны подсчитали убыль населения и дали это число. Одновременно Соколов свято верит и убеждает нас поверить, что военные потери немцев были в пределах 3,2 млн. погибших, следовательно, дефицит составляет 3,8 миллиона. А эти где погибли? На англо-американские бомбардировки их не спишешь, поскольку по подсчетам Г. Румпфа, генерал-майора

пожарной охраны рейха, от бомбардировок и вызванных ими пожаров погибло 0,5 млн. человек. И вопрос остается — а где погибли остальные 3,3 млн.? Не там ли, где по «точным» подсчетам Гальдера за три месяца боев на 800 тысяч раненых приходится всего 113 тысяч убитых?

Можно оценить степень изначальной брехливости немецких военных документов и по-другому. Военный историк из Фрайбурга Р. Оверманс выпустил книгу «Немецкие военные потери во Второй мировой войне»: он обратился к сохранившимся первичным источникам. В их числе — сводный перечень опознавательных знаков (жетонов) немецких военнослужащих (всего около 16,8 млн. имен) и документация «кригсмарине» (около 1,2 млн. имен), с одной стороны, и сводная картотека потерь Справочной службы вермахта о военных потерях и военнопленных (всего около 18,3 млн. карточек) — с другой.

Оверманс утверждает, что безвозвратные потери немецкой армии составили 5,3 млн. человек. Самой опасной была служба в СС: в войну погибло около 34 % личного состава этих специфических войск (то есть каждый третий; а если на Восточном фронте — то и каждый второй). Досталось и пехоте, смертность в которой составила 31 %.

Наиболее пострадавший возраст — 1925 год рождения: из тех, кому в 1945 г. стукнуло бы 20, с войны не вернулись каждые двое из пятерых. В результате соотношение мужчин и женщин в ключевой возрастной группе от 20 до 35 лет в структуре послевоенного немецкого населения достигло драматической пропорции 1:2.

Даже если бы немцы и победили, то с такими потерями им Гитлера не за что было бы благодарить, чему же удивляться, что «честнейший» Мюллер-Гиллебранд дает цифру в 3,2 миллиона погибших, а по учетным карточкам с войны не вернулось 5,3 миллиона и только немцев.

Это же надо!

Я не знал, что Б. Соколов еще и профессор Российского государственного социального университета. Надо же! И, как и полагается профессору, он и методику подсчета потерь изобрел. Нужно, оказывается, базировать ее на особо точных, как он полагает, числах офицерских потерь, причем, уверяет он, доля офицеров в войсках у Красной Армии и у немцев была одинакова. А одинакова ли?

В немецком пехотном полку по штату в общей численности 3049 человек офицеров должно было быть 75 человек, т. е. 2,5 %. А в советском стрелковом полку из штатной численности 1582 человека офицеры составляли 159 человек — 10 %. В немецкой пехотной роте численностью 201 человек офицеров было двое — командир роты и командир первого взвода, т. е. 1 %, а в советской стрелковой роте численностью 82 человека, офицеров было пятеро — 6 %. По профессору Соколову это и есть «примерно одинаково».

Если с этим согласиться, то я могу подсказать Соколову, как еще обильнее полить нашу Родину дерьмом. Нужно взять томик мемуаров Манштейна и выписать: «Потери группы армий составляли: офицеры — 505 убитыми, 759 ранеными, 42 — пропавшими без вести; унтер-офицеры и солдаты — 6049 — убитыми, 19 719 — ранеными, 4022 пропавшими без вести».

Берем заявленную Мюллером-Гиллебрандом цифру немецких офицерских потерь за войну в 65 200 человек, делим ее на 505 и умножаем на 6049 (не можем же мы не верить Манштейну!), получаем, что за всю войну немцы потеряли убитыми всего около 840 тысяч человек. А поскольку «плотность немецких войск на Западном фронте была в 2,5 раза больше, чем на Восточном», то разделим это число на 2,5 и получим, что на Восточном фронте немцы потеряли убитыми всего 0,24 млн. человек. А Красная Армия, как подсчитал Соколов, — 26,4 млн. Соотношение получается замечательным: на одного убитого немецкого солдата приходилось 110 убитых советских солдат. Во, блин!

Кроме этого, в немецких справках о потерях, даже в адрес фюрера, много арифметических ошибок, есть цифры, вызывающие

недоумение. Допустим, в уже приведенной справке генерал-полковника Кривошеева указана цифра небоевых потерь Красной Армии (погибли в катастрофах, умерли от болезней и т. д.) — 48 112 человек, что от общей цифры убитых и умерших от ран (956 769) составляет 5 %. Спрашивается, почему у немцев в отчетах за первый год войны этот показатель составил 19 % в сухопутных войсках, 24 % в люфтваффе и 13 % во флоте? А за 4 года войны 9,5 %, 13,8 % и 24 % соответственно? Это что за падеж был в немецкой армии, почему на 3—4 убитых в боях один умирал просто так?

Еще момент. И в наших, и в немецких дивизиях по несколько тысяч человек в бою непосредственно не участвовали — повара, хлебопеки, скотобои, ездовые, шоферы, работники складов, военные строители, дорожники и т. д. Но эти люди находились под огнем, их бомбили, обстреливали, они гибли. У нас это были советские люди, и они включены в число погибших солдат. А у немцев это были так называемые добровольцы: русские, эстонцы, татары, украинцы и т. д. и т. п. Эти люди тоже воевали с нами, носили немецкую форму, помогали немцам убивать наших солдат, и их тоже убивали и брали в плен. Но в состав вермахта они не входили и в его потерях не числятся. Скажем, на 02.09.1945 г. у нас в плену числились взятые в составе вермахта 60 280 поляков и 10 173 еврея. Откуда? От вермахта. Но в вермахте в безвозвратные потери они не занесены, более того, так как уроженцы СССР на службе вермахта чаще всего были бывшими военнослужащими РККА, то даже убитые Красной Армией, они входят не в немецкие потери, а в потери Красной Армии.

Далее, любуясь «низкими» потерями немцев, Соколов как-то «забыл» про верных союзников Гитлера: румын, итальянцев, венгров, финнов, словаков, хорватов, испанцев. В плену, к примеру, одних венгров было 513 767 (на 2 380 560 немцев и 156 682 австрийца). Румын, хотя они в 1944 г. стали нашими союзниками, было все же 187 370. А чеченцы, литовцы, эстонцы, латыши, бандеровцы и т. д., и т. д., и т. д. Эти-то ведь тоже убивали наших солдат, и их никто по головке не гладил. Не будь Соколов демократом, наверное, и этих бы включил в потери вермахта, хотя они даже по спискам пленных не проходят.

Потом, Соколову надо было бы добавить к потерям немцев и своих братьев по совести — власовцев, которые тоже входят в потери Красной Армии.

В деле увеличения глупости заслуги профессора Соколова очень велики, чего стоит только одна метода, при которой соотношение потерь в отдельно взятой дивизии распространяется на весь призванный контингент! Правда, эта метода довольно опасна, если ее применить и немецкой армии. Поясню Соколову почему.

Еще раз приведу цитату из книги Пауля Кареля «Восточный фронт», где он необдуманно дал соотношение потерь во множестве немецких соединений и частей: «...Вечером 16 февраля во 2-м батальоне 113-го мотопехотного полка оставалось 60 человек. Шестьдесят из 600. Немногим лучше обстояли дела у 1-го мотопехотного полка, или «Лейбштандарта». На перекличках в ротах доходили до десяти, самое большее до двенадцати. Командиры рот и взводов погибли или были ранены. Та же картина в инженерно-саперных подразделениях и танковом полку — боеспособны 12 «пантер» и несколько T-IV...

...394-й мотопехотный полк 3-й танковой дивизии сократился до двух стрелковых рот. Многие офицеры всех частей погибли в бою. В разведывательном батальоне капитана Дайхена осталось всего восемьдесят человек, а в 331-м гренадерском полку 167-й пехотной дивизии — двести. Сходным образом обстояли дела и в других частях 11-го корпуса. В 6-й танковой дивизии осталось пятнадцать машин, в 503-м батальоне «тигров» — девять, в трех дивизионах штурмовых орудий вместе — двадцать четыре...

...Когда обер-ефрейтор Фитшен прибыл с группой отставших в 6-ю роту, то из 12 человек нашел лишь двух солдат и одного унтер-офицера. Рота сократилась до 75 боеспособных людей. До семидесяти пяти! Десять дней назад во Франции в поезд погрузилось 240 человек...

...В середине дня 27 октября 73-я пехотная дивизия доложила, что у них осталось 170 человек — одна сотая ее прежнего состава. И это в дивизии, которую передали в 6-ю армию только 4 октября. 111-я пехотная дивизия сократилась до 200 человек. Тяжелое вооружение дивизий и корпусов было потеряно на 60 %. Вся армия располагала только 25 боеспособными танками и штурмовыми орудиями...» и т. д.

Из таких докладов становится понятным, почему плотность немецких войск на Западе была в 2,5 раза выше, чем на Востоке. Откуда на Востоке ей было взяться, если перебросишь туда дивизию

из Франции, а от нее через 5 дней остается треть, а через три недели 1 %. Но, между прочим, по методике Соколова получается, что на Восточном фронте погибло 90 % призванного немцами контингента в 21,1 млн. человек. Да добавить сюда братьев профессора Соколова по уму, совести и чести: итальянцев, румын, венгров, словаков, хорватов, голландцев, датчан, французов, испанцев, финнов и местную сволочь из СССР, перешедшую на службу к американцам, прошу прощения — к немцам, которая тоже была убита, но засчитана в потери СССР. Это сколько же тогда получится?? А, профессор?

Дочитал я статью Соколова до подписи с указанием его ученой должности, и вспомнился мне анекдот. Утром грузин выходит на крыльцо кормить кур, в это время петух гонится за курицей. Грузин бросает горсть зерна, петух бросает курицу и бежит клевать.

— Вах, вах, вах, — ужасается грузин, — упаси господь так оголодать!

Вот я и думаю, это же как надо было Российскому государственному социальному университету оголодать на преподавательские кадры, чтобы принять в штат Б. Соколова?

О смышленности дезертиров

Когда мы говорим о предателях, то первая фамилия, которая приходит в голову, — это Солженицын со своею сочиненною «боевой» биографией. Она настолько несурозна, что даже известный в Интернете Гоблин недоумевает:

«Идет война, Александр Исаевич Солженицын на фронте, в рядах сражающейся армии. Непосредственно в боях, правда, не участвует, и даже к нему на фронт приезжает жена — пожить немного, подкормиться, но речь не про это. Александр Исаевич регулярно пишет письма своим товарищам в тыл. В своих письмах с фронта Александр Исаевич отважно рвет покровы: в меру собственного (безусловно, глубокого) понимания критикует действия Верховного командования и лично Сталина. Александру Исаевичу доподлинно известно, что все письма с фронта проходят через военную цензуру. Об этом знают все, данную информацию регулярно доводят до сведения солдат — не болтай, идет война. Но Александр Исаевич спокойно рвет покровы и рассылает спам с разоблачениями.

Следует отметить, что ни один из адресатов никогда не выражал никакого согласия по поводу написанного Солженицыным. Некоторые, как гражданин Симонян, впоследствии ставший главным хирургом Советской Армии, в ответных письмах выражали резкое несогласие со взглядами Солженицына. Другие, как гражданин Виткевич, вообще ничего не писали в ответ. Все они знали о том, что военную почту читает военная цензура. Все прекрасно понимали, что подобная переписка влечет за собой справедливое обвинение в антигосударственной деятельности и как следствие — совершенно заслуженную посадку в лагеря. Причем совсем не в индивидуальном порядке, а в составе группы, замкнутой на автора писем — Александра Исаевича Солженицына. И, судя по всему, им же возглавляемой. А это значит и срок совсем другой.

Таким образом, Александр Исаевич, действуя осознанно и обдуманно, добивался посадки в лагеря самого себя и группы своих товарищей (включая собственную жену), имитируя организацию контрреволюционного заговора — не спросив согласия товарищей и

действуя заведомо против их воли. И добился. И не только для себя — кровавый режим дал десятку Виткевичу. Остальным «не повезло», и они остались на свободе, о чем Александр Исаевич горевал на страницах легендарного «Архипелага» и в интервью прессе.

Отсюда вопрос.

Добивающийся осуждения и посадки ни в чем не повинных товарищей спамер является:

- негодяем;
- предателем;
- великим писателем;
- совестью земли Русской».

Как Гоблину ответили, думаю, понятно, но вопрос остается — зачем Солженицын откровенно провоцировал свой арест?

Вообще-то считается, что законы лучше всего знают следователи, прокуроры и судьи. Это общепринятое заблуждение, но я о нем писать не буду. Хочу обратить ваше внимание только на то, что есть люди, которые за плохое знание законов расплачиваются гораздо дороже, чем юристы. Это преступники. Им, так сказать, профессионально, не хуже судей надо знать те статьи Уголовного кодекса, по которым они совершают преступление. И многие из преступников такими знатоками и являются. Это потом, уже осужденные, они изображают из себя пушистых овечек, которых якобы следователь заставил оклеветать себя. На самом деле они, как правило, прекрасно понимали, что они делают, и в чем была их выгода поступить так, а не иначе. И уж совершенные чудеса выдумки преступники проявляют, когда надо спасти свои поганые жизни.

Теперь вспомните (если вы читали) бестселлер А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», с которого опущенный в лагерях Солженицын, подключившись к антисталинской кампании Хрущева, начал свою карьеру клеветника. В повести главный герой Иван Денисович якобы бежал из плена и его, «глупого крестьянина», следователь заставил оговорить себя в шпионаже. Вот якобы Иван Денисович и заявил трибуналу, что он «шел с заданием» от немцев, а какое это задание, дескать, ни он, ни следователь придумать не смогли. Остается ужасаться тому, какой был произвол при Сталине.

Та же песня звучит и из уст главного героя фильма «Холодное лето 53-го», да и во многих других произведениях. Причем, исходное

положение для этого вроде бы имеется: в ходе войны с фронта в лагеря попадали в основном только осужденные за шпионаж. И таких было много.

С одной стороны, такая перестраховка советских органов безопасности была вызвана принципами ведения разведки немцами. Они засылали к нам в тыл шпионов массово, надеясь, что от кого-нибудь да будет толк.

Во-вторых, информационные документы НКВД тех времен предупреждают наших контрразведчиков об исключительной изобретательности немецких разведчиков. К примеру, зная, что мы считаем, что немцев не любят евреи и цыгане, немцы к нам в тыл в качестве разведчиков забрасывали именно евреев и цыган. В качестве шпионов активно использовали коммунистов и политруков. Или сразу на нескольких фронтах было отмечено, что немцы в качестве фронтовых разведчиков используют советских подростков. Эти тогдашние «Идущие вместе» за тогдашние немецкие «сникерсы» и «баунти» легко пробирались в тыл наших войск как сироты, потерявшие родителей, собирали разведданные и сигнальными ракетами вызывали огонь немцев на наши войска. Причем, наиболее выдающиеся «подростки-демократы» успевали сходить в разведку по несколько десятков раз, награждались немецкими конфетами и вином.

Такой сильный противник делал честь нашим контрразведчикам, и они, конечно, пытались немецких шпионов разоблачить, так сказать, «с запасом», а если реальных шпионов не было, то негодяи в органах контрразведки, прокуратуре и трибунале наверняка не гнушались дела о шпионах сфальсифицировать, хотя за это следователей наказывали штрафблатом.

Но это все же никак не объясняет, почему масса солдат и офицеров, т. е. людей мужественных по определению, соглашалась признать себя шпионами.

И чтобы понять, откуда взялись эти «невинные жертвы сталинизма», надо повнимательнее присмотреться к тогдашнему Уголовному кодексу. Дело в том, что в мирное время такое преступление, как шпионаж, по своему наказанию намного превосходило такое преступление, как дезертирство. За шпионаж могли расстрелять и расстреливали и в мирное время, а вот за дезертирство (уклонение от призыва) в худшем случае давали 5 лет. Но

с началом войны ситуация изменилась — с дезертирами разговор стал очень коротким. Статья 193 «Воинские преступления» упоминает дезертиров два раза. Пункт «г» статьи 193 гласит: «Самовольная отлучка свыше суток является дезертирством и влечет за собой — лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, а в военное время — высшую меру наказания с конфискацией имущества». А статья 19622 гласила: «Самовольное оставление поля сражения во время боя... и равно переход на сторону неприятеля влекут за собой — высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества». Судьям трибунала и думать не приходилось: дезертир? самовольно оставил поле боя? — к стенке!

Однако дезертиров было очень много, и если всех расстреливать, то кто воевать будет? Ведь в тылу уже не только женщины, но и дети стали к станкам, на немцев не всегда патронов хватало.

Поэтому дезертиров расстреливали редко и только показательно, только публично и только тогда, когда обстановка на фронте требовала расстрелами остановить панику.

Вот, к примеру, выдержка из спецсообщения Л.П. Берии И.В. Сталину об обстановке в Сталинграде 23 сентября 1942 г.:

«Сегодня во время наступательного прорыва противника две роты 13-й Гвардейской стр. дивизии дрогнули и начали отступать. Командир одной из этих рот лейтенант Миролюбов также в панике бежал с поля боя, оставив роту. Заградительный отряд 62-й армии задержал отступление подразделений и восстановил положение. Лейтенант Миролюбов расстрелян перед строем.

Работник Особого отдела Павлов, проводивший работу в заградотряде 62-й армии, с группой бойцов в 13 человек этого отряда в районе центральной переправы собрал до 400 бойцов различных частей и повел их в бой.

Заградительными отрядами 62-й и 64-й армий за сутки задержано 659 человек, из них расстреляно перед строем 7 трусов и 1 членовредитель».

И во всех остальных случаях дезертирства, а их было за войну около 376 тыс., командующий армией (если речь шла о солдатах и сержантах) либо командующий фронтом или Верховный Главнокомандующий (если речь шла об офицерах), отменяли расстрел и заменяли его отправкой на фронт. А с 1942 года — в штрафные роты

(солдат и сержантов) или штрафные батальоны (офицеров). В штрафных подразделениях можно было отличиться в бою, получить ранение или принять смерть. Во всех этих случаях судимость снималась.

В штрафные роты и батальоны попадали почти за все преступления — убийства, грабежи, воровство и т. д. Какой бы приговор ни был вынесен, а дураков не было давать мерзавцам отсидеть войну в лагере в тылу. Но дезертиры в штрафных подразделениях считались самым поганым боевым материалом — ведь это трусы. Поэтому их часто собирали в отдельные штрафные роты с особо строгим контролем. (Кстати, в эти роты попадали и специфические дезертиры, которые сами себе нанесли ранение, чтобы избежать фронта. Таких называли «самострелы», а в кодированной переписке сокращенно — «с.с.». Поэтому пехота, при виде их, презрительно посмеивалась: вот и нам «эсэсовцев» пригнали!).

Как видите, в любом случае пойманному дезертиру грозила смерть либо сразу перед строем, либо вероятная смерть в штрафной роте. А ведь этот дезертир очень себя любил, очень-очень! Что делать? И эти мерзавцы нашли выход, благодаря знанию Уголовного кодекса. Дело в том, что среди воинских преступлений был и шпионаж. Статья 193 гласила: «Передача иностранным правительствам, неприятельским армиям и контрреволюционным организациям, а равно похищение или собирание с целью передачи сведений о вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР, влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже пяти лет с конфискацией имущества или без таковой, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжкие последствия для интересов Союза ССР — высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества».

И вот в этой статье Уголовного кодекса никаких особенностей для условий военного времени не было. Ограничь любой шпионаж смертной казнью — и воспрепятствуешь чистосердечным признаниям реального шпиона или его добровольной явке с повинной. Вот ушлые дезертиры статьей 193 и пользовались, чтобы спасти свои вонючие жизни.

Они заявляли, что за те дни, когда они отсутствовали в строю, они не от фронта прятались, а попали к немцам и согласились стать шпионами, а вот теперь идут к нам в тыл, чтобы шпионить. Поскольку

они еще никаких сведений не сумели собрать, то никакого ущерба Союзу ССР не нанесли, и трибунал хоть на голове может стоять, а по статье 193 к расстрелу их приговаривать не за что. Наверняка все видели, что это просто дезертиры, но как их отправить в штрафную роту и выдать им оружие? Ведь они признались и утверждают, что служат немцам! И вот эта категория мерзавцев таким способом уклонялась от войны. Конечно, им давали максимум, что могли дать по тем законам, — 10 лет. Но эти подлецы иваны Денисовичи ехали в тыл, а честные люди — в окопы.

Порядочные люди гибли, а дрянь выживала в тылу!

Оправдывать армейские и фронтовые СМЕРШИ не за что. Особисты, возможно, радовались, что могут приписать себе и раскрытие шпионажа, т. е. более квалифицированного преступления. А ведь по уму у нас в лагерь с фронта не должно было попадать ни одного человека, поскольку судить «шпионов» надо было по двум статьям — и за шпионаж, и за дезертирство. Ведь они прежде, чем стать шпионами, дезертировали и сдались в плен. Но трибуналы, чтобы не отпугнуть от явки с повинной настоящих шпионов, либо чтобы хоть как-то использовать этих мерзавцев, либо по всем причинам вместе, эту категорию хитрых дезертиров фактически покрывали, осуждая их только по одной статье — за шпионаж. Таким образом трусливые уроды таки добивались своего — пусть и в лагерь, но все же удирали с фронта.

И вот если с позиций этих смысленности преступников посмотреть на уголовное дело Солженицына, то надо, прежде всего, понять, что перед концом войны, когда стало реальным выжить, многих охватил припадок трусости — боялись погибнуть в последних боях. Вот отсюда идет и «антисталинизм» Исаича — накануне планируемого советского наступления ему очень захотелось в тыл!

Но под суд и в лагерь Солженицын попасть не планировал, и это надо понять.

Прояснил ситуацию в «Военно-историческом журнале» подельник Солженицына в 60-е годы — хранитель рукописи его «Архипелага ГУЛАГа», бывший власовец Самутин, который отсидел свои 10 лет и достаточно насмотрелся в лагерях на таких, как Солженицын. Самутин дал единственно правдоподобную версию мотивов действия Солженицына — того, чего Солженицын хотел на

самом деле, когда писал письма. Ведь Солженицын молчит, за что именно в этих письмах он критиковал Сталина. А все потому, что он в письмах критиковал Сталина как плохого большевика, — за то, что Сталин связался с капиталистами Черчиллем и Рузвельтом. Солженицын храбро призывал жену и приятелей создать организацию и требовать, чтобы Красная Армия не останавливалась в Берлине, а наступала дальше — до Португалии, чтобы принесла свет коммунизма во всю Европу!

Таких «отчаянных большевиков» на фронте считали благоглупыми идиотами, и не под суд их отдавали, а от греха подальше отсылали в тыловые соединения на восток страны, чтобы придурки не вызвали каких-нибудь конфликтов при встрече с союзниками. И Солженицын именно на это и надеялся — надеялся, что его отправят дослуживать куда-нибудь на Кавказ. Однако пересолил: ему бы надо было писать свой бред только жене, а он, в страхе перед предстоящими боями, не подумал и написал для надежности всем своим знакомым, вызвав у следствия видимость того, что Солженицын создает антисоветскую организацию. Не за сам текст писем, а вот за эту свою попытку создать антисоветскую организацию Солженицын и отсидел остаток войны в лагерях, а не на Кавказе.

Хотя, собственно, отсидел за то, что дезертировал с фронта.

Подвернулся

А вот еще один образчик «историков» нынешней России, к сожалению, очень распространенный. Один из читателей сообщил мне, что Марк Солонин написал книгу «Фальшивая история Великой войны», которую издательство «Яуза» выпустило в серии «Мозгоимение!», и в этой своей книге Солонин раскритиковал мою книгу «Антироссийская подлость». Читатель предложил мне ответить на это выступление Солонина, поскольку, по его мнению, критика очень глупая — Солонин не понимает, что приводимыми им примерами он как раз и доказывает, что поляков расстреляли немцы.

Сначала дам слово Солонину: «Но что же делать тем, кто из студенческого возраста и юной праздности уже вышел, кто должен «крутиться» с утра до вечера, у кого время для чтения появляется лишь в вагоне метро или в купе поезда? Язык не поворачивается посоветовать им достать из кошелька деньги и купить одну из моих толстенных военно-исторических книг. Ну какой работающий человек может осилить эти 500–600 страниц мелким шрифтом, с таблицами, графиками и картами былых сражений?! Из этих грустных мыслей и родилась идея написать простую и веселую книгу, которая поможет читателю познакомиться и со смехом расстаться с наиболее яркими образцами отечественного исторического «мозгоимения». Поскольку я очень люблю веселые книги о войне, то сразу почувствовал, что это просто мой долг, сделать книгу Солонина еще веселее.

Хотел начать с начала, то есть с того, о чем книга. Я ведь советую людям, взявшимся о чем-то написать, в том числе и книги (книги — тем более), что сначала нужно продумать ту последнюю строчку, которой ты свою работу закончишь, тогда вся работа будет автоматически обосновывать твою мысль, твои выводы, твою идею и в тексте не будет лишней болтовни. Если работу пишет историк, то желательно, чтобы выводом было какое-то историческое открытие — осмысление чего-то такого, что до тебя никто еще не говорил, поскольку какой смысл жевать то, что до тебя уже пережевано? Солонин этим моим советам не следует, поэтому определить, что он в своей книге хотел сказать нового, трудно. У меня осталось

впечатление, что он написал книгу с целью сообщить читателям историческую новость о том, что у России только два настоящих историка — он и Виктор Резун, по кличке «Суворов». Это из книги следует в явном виде.

Сам же Солонин определил цель своей книги: «Автор высмеивает неуклюжие уловки шарлатанов от истории, пытающихся заморочить людям голову преднамеренным враньем».

Википедия сообщает об этом веселом историке следующее: «**Марк Семенович Солонин** (р. 29 мая 1958, Куйбышев) — российский историк-публицист, автор ряда книг и статей, посвященных начальному периоду Великой Отечественной войны. В 1975 году закончил с золотой медалью школу и поступил в Куйбышевский авиационный институт им. С. П. Королева, по окончании которого работал в закрытом ОКБ. В 1987 году стал работать кочегаром в котельной, был одним из организаторов общественно-политических клубов Куйбышева в годы перестройки. Начал работать над темой ВОВ с середины 1980-х».

Как видим, Солонин не профессионал, а любитель-историк, что мне импонирует, поскольку больше толку от человека любящего историю, нежели от того, кто поступил на исторический факультет потому, что больше никуда не смог поступить, а работать на заводе не хотел.

«В голове нормального человека не укладывалась мысль о том, что за длинной подписью: «доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории», скрывается заживевший чиновник, который, во-первых, ничего не знает, а во-вторых, знать ничего не желает про новейшую (равно, как и иную прочую) историю. А не желает он ничего знать потому, что хочет спокойно спать и красиво жить, причем жить не на покрытой копотью заводских труб улице Красных Коммунаров, а где-нибудь на Фрунзенской набережной в Москве. Но на Фрунзенскую набережную просто так не пускали. Там нужны были только «социально близкие». Только те, кто своим солидным видом и внушающей трепет подписью скрепят (от слова «крепить») дикий бред, высочайше предписанный к распространению в отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС», — пишет Солонин, и я под этими его словами без колебаний подпишусь.

Однако в случае с самим Солониным, Клио сменила шило на швайку. Судя по «монографиям» Солонина (у него их целых четыре, и он их сам уважительно называет только так — монографии), Марк Семенович типичный интеллигент из тех самых, о которых писал Ленин, поскольку основной метод Солонина — поток слов и чисел, без образного представления о том, что они описывают.

«Правильный ответ начинается с правильно сформулированного вопроса. Этому меня научили в славном Куйбышевском авиационном институте — за что, пользуясь моментом, я хочу еще раз поблагодарить наших преподавателей. Выразаться столь же афористично я пока не научился, поэтому сформулирую свою мысль довольно длинной фразой: нежелание задавать правильный вопрос часто свидетельствует о нежелании (или боязни) услышать правильный ответ», — сообщает о себе сведения Солонин, а у меня некоторое недоумение — неужели в славном институте золотого медалиста не сумели научить ничему больше? Он ведь и смысла этого афоризма не понимает, а когда речь заходит о том, чему должны были учить в школе и институте, то тут перлы Солонина коробят.

Вот он начинает умничать в начале первой же главы: «Почетное право открыть галерею я предоставляю одному забавному высказыванию, которое восхитило меня своей предельной, алмазной прозрачностью и простотой, сравнимой разве что с химической формулой алмаза». Парень, у алмаза нет химической формулы ни простой, ни сложной. Это углерод — химический элемент, а не химическое соединение. Из школы надо было не только золотую медаль уносить, но и сколько-нибудь знаний!

Завалаялась у меня «монография» Солонина «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война», а там глаз зацепился за: «А до этого, в условиях «мирной передышки» (которая для простого народа оказалась гораздо страшнее империалистической войны) новая элита «пролетарского государства» не столько закалялась, сколько — говоря языком сталеваров — отпускалась». Солонин по образованию машиностроитель, а закалка и отпуск — это как раз одна из технологий машиностроения. Так вот, в образном примере это выражение Солонина выражает примерно такую мысль: кондуктор не варил суп в ресторане, а солил. Возникнут вопросы: при чем тут

кондуктор в ресторане? почему варка супа противопоставлена его солению?

А это спросите у умного интеллигента, пять лет мозолившего зад в институте машиностроительного профиля. Закалку и отпуск проводят одновременно — это, по сути, одна операция. Закалка увеличивает твердость стали, а отпуск снимает у закаленной детали внутренние напряжения. При изотермической закалке это вообще одна операция. Сталевары имеют дело только с жидкой сталью и, пожалуй, даже слов-то «закалка и отпуск» не знают. Но конструктор-то обязан указывать в чертежах, какой термообработке должна подвергаться разработанная им деталь! Конструктор обязан и в бессознательном состоянии понимать, что такое закалка, отпуск, отжиг. Солонин по биографии 7 лет работал конструктором и после такого стажа в таком элементарном вопросе ни бэ, ни мэ??

И вот эдакий интеллигент, который даже после пяти лет обучения и семи лет практической работы не понимает элементарного из своей специальности, берется разоблачать факты в областях деятельности человека, в которых он уж точно — совершенно «ни уха, ни рыла».

Тут следует сказать, что хотя Солонин критикует и А. Исаева, но сам, по сути, «птенец гнезда» этого историка. Они оба (и еще достаточно историков их пошиба) имеют черту — их гордость просто распирает от того, что они сами ходят в архив и там копируют какие-то документы. В чем суть написанного в документах, как это в жизни выглядело, они не понимают, но льют в свои книги из этих документов потоки фактов и чисел, не имеющих никакого отношения к тем идеям, которые, судя по всему, эти «историки» пытаются отстаять. Читать их очень трудно из-за невозможности продрасть сквозь частоколы каких-то номеров дивизий и бригад, численности батальонов и рот, количества снарядов, фамилий лиц десятого плана и т. д.

Исаев, правда, любит, чтобы источники были импортные (английский знает — не хухры-мухры!), а Солонин обходится и переводами, зато Солонин знает арифметику и, пользуясь этим преимуществом, еще и множит количество чисел в своих книгах результатами собственных арифметических расчетов. И, как настоящий интеллигент, он, само собой, не понимает, что сначала надо понять, что считаешь, а только потом считать.

Вот, к примеру, Солонин разоблачает «фальшивые» числа ЦСУ СССР. Простите за длинную цитату, но из нее можно почувствовать и то, что представляет из себя текст его книги.

«Наконец, стоит усомниться в том, что применительно к Советскому Союзу списочная численность рабочих, служащих и ИТР, занятых на предприятиях наркомата авиационной промышленности, и реальное количество людей, занятых в производстве самолетов, совпадают. Именно к такому предположению приводит внимательное изучение документов. Берем составленный в ЦСУ Госплана СССР (разумеется, секретный) «Баланс труда по СССР на 1 апреля 1945 г.» (РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1523, л. 99). Что мы видим? В городах числится 36,7 млн человек трудоспособного населения (причем в это число включены «работающие подростки 12–15 лет»). В том числе 19,3 млн. «рабочих, служащих и кооперированных кустарей». Что же делают, где работают эти 19 млн. рабочих и служащих? Открываем монографию Н. Симонова «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950 гг.» (М.: РОССПЭН, 1996 г.). На страницах 157–167, с конкретными ссылками на документы Архива экономики РФ, указана следующая численность рабочих, служащих и ИТР, занятых на военном производстве в 1944 году:

- наркомат авиапрома 733 тыс. человек;
- наркомат боеприпасов 398 тыс. человек;
- наркомат вооружений 316 тыс. человек;
- наркомат танковой промышленности 244 тыс. человек;
- наркомат минометного вооружения 160 тыс. человек;
- наркомат судостроения 136 тыс. человек.

Итого: 1 млн. 987 тыс. человек.

Гончаров оперирует несколько отличающейся цифрой (640 тыс. человек, занятых на предприятиях авиапрома в январе 1944 г.), но проблема вовсе не в этом неизбежном разбросе статистических данных. Странный, можно сказать — загадочный вопрос заключается в том, что же делали остальные 17 миллионов рабочих и служащих? Неужели в стране, которая поставила к станку «работающих подростков 12–15 лет», в военном производстве было занято всего 2 млн. человек, т. е. 10,3 % городских рабочих и служащих? Да, конечно, были еще и металлургия, транспорт, угольная и горнодобывающая промышленность, нефтехимия, кто-то шил

гимнастерки и выпекал хлеб. Как пишет Н. Симонов, в «военных» наркоматах было занято порядка 25 % всех работников промышленности. Но в этом случае 100 % — это 10 млн. Чем же были заняты остальные 9,3 млн. рабочих и служащих?

У меня нет ответа на эти вопросы. Есть лишь твердое убеждение, что мы имеем дело с «лукавыми цифрами». Возможно, разгадка заключается в том, что огромное количество людей, фактически занятых в военном производстве, было выведено за рамки списочной численности работников соответствующих наркоматов. По вполне понятной причине — кадровому работнику наркомата авиапрома надо дать бронь от призыва и повышенный паек. Для 1944 года это была непозволительная роскошь...». [Конец цитаты.]

Во-первых, коробит этот бред про «бронь».

Ведь у этого «историка с монографиями» не хватает ума понять даже элементарно простое из реалий тех лет. Бронь — освобождение от призыва — давалась не только работникам авиапромышленности, а абсолютно во всех отраслях хозяйства. Солонин не понимает, что реальные пайки металлургов или шахтеров были выше, чем в авиапроме, а ценились те же сталевары, которых нужно готовить лет десять, намного выше какого-нибудь слесаря с конвейера, которому хватит пару военных месяцев ремесленного училища.

Во-вторых. Мало того, что Солонин не представляет, как было жить в военные годы, но ведь он не может себе представить и промышленность вообще. Наркоматы (министерства) военного производства были конечными по военной продукции, но до них миллионы человек в промышленности делали и привозили на заводы этих наркоматов то, из чего делалась военная продукция. Да разве дело только в продукции? Ну, оглянулся бы вокруг — сколько твоих знакомых заняты в промышленности, и какой процент они составляют? Вот, скажем, в 1985 году, когда Солонин еще обозначал не историка, а конструктора в «закрытом ОКБ», из примерно 100 миллионов работников не сельского хозяйства в промышленности работали менее 40 %, около 11 % — на транспорте, 1,5 % — в связи, 12 % — в строительстве, 7,5 % — в торговле; 3 % — в жилищно-коммунальном хозяйстве, 5 % — в здравоохранении, 7,5 % — в образовании и т. д. и т. п.

И вот с таким убогим представлением об элементарных вещах этот специалист берется высчитывать «лукавые цифры»!

Но в приведенном выше примере он еще сообщает, откуда числа берет, и за то спасибо. А то ведь этот ненавистник советского народа и Сталина и так может порадовать:

«Очень важным для понимания образа мыслей товарища Сталина является тот факт, что в приказе № 270 он не счел нужным даже упомянуть о таких высоких мотивах, как «защита завоеваний Октября», «спасение человечества от фашистского варварства», не вспомнил ни про Дмитрия Донского, ни про Александра Невского. Просто и без обиняков военнослужащим Красной Армии напомнили о том, что их семьи являются заложниками их поведения на фронте. Современному читателю трудно, наверное, понять конкретный смысл фразы «лишить государственного пособия и помощи», но те, кто выслушал приказ № 270, стоя в строю, уже знали, что по взлетевшим до небес ценам «колхозного рынка» на среднюю зарплату рабочего можно было купить примерно 4 кг хлеба или два куска мыла. На выбор».

Обратим внимание на количество хлеба, которое можно было купить на рынке за зарплату рабочего. Это количество взято Солониным неизвестно из какого источника и походя дано им в тексте как безусловный общеизвестный факт.

Цены на рынках во время войны у меня есть в двух источниках. Один открытый — брошюра председателя Госплана Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», опубликованная в 1948 году, когда еще весь советский народ хорошо помнил эти цены. В 1943 году по сравнению с 1940 годом цены на продукты растениеводства выросли в 12,6 раза, а на продукты животноводства — в 13,2 раза. В секретном докладе Сталину наркома финансов Зверева, сделанном в 1947 году, эти цены ниже и усреднены, но зато даны по годам: в 1941 году рыночные цены были выше по сравнению с 1940 годом в 1,1 раза, в 1942 — 5,6 раз, в 1943 — 10,2 раза, в 1944 — 8,2 раза, в 1945 — 4,3 раза. Разница может быть объяснена тем, что эти цены справочные и могли быть взяты для доклада Зверева и Вознесенского на разных рынках СССР, но порядок цен, как видим, один и тот же: в самые тяжелые годы войны цены на базарах подскочили примерно в 10 раз по сравнению с довоенными.

Средняя месячная зарплата составила в 1940 году 339 рублей, в 1944 году — 435 рублей. Цена за килограмм белого хлеба в 1940 году была 90 копеек, если даже брать по максимуму и считать, что она выросла до 11 рублей, то в самые плохие 1943–1944 годы на среднюю зарплату можно было купить не 4, а почти 40 килограммов хлеба. Но дело в том, что никто хлеб на рынке не покупал — его там при необходимости докупали, поскольку основные продукты питания распределялись по карточкам, а цены по карточкам по сравнению с 1940 годом за всю войну выросли всего на 5 % (за исключением цен на водку и табак). А карточек не лишали никого.

Солонин, как видите, брешет, и брешет нагло — «имеет» мозги доверчивого читателя самым изощренным способом. Но пока оставим без ответа и правильный вопрос, откуда у него такое безудержное желание облить Сталина своим собственным дерьмом?

Солонин не только ученик А. Исаева, но и верный адепт другого выдающегося историка Вити Резуна. В частности, Витиной идеи о том, что Сталин хотел первым напасть на Европу, да Гитлер его упредил. Оснований для подобных утверждений у резуновцев два: наличие так и неутвержденного плана Генштаба (который назван «Соображения»), о предупреждающем ударе по сосредотачивающимся у границы немцам, и, к моему удивлению, резуновцы подтащили к доказательствам своего бреда сценарии штабных игр января 1941 года.

Вообще-то Солонин понимает, что сегодня делать из Сталина кретина могут только кретины от рождения, поэтому золотой медалист даже хвалит Сталина за разработку плана упреждающего удара, дескать, зачем было отдавать инициативу немцам? Однако же игнорирует то, что этот план даже не подписан и, тем более, не намечался к осуществлению в обозримом будущем. За кадром остается и то, что в любом Генштабе обязаны быть планы на все случаи протекания будущей войны, поскольку без оценки этих случаев невозможна и политическая защита государства. А в ситуации, когда Гесс уже был в Англии и вероятность перемирия англичан с немцами была очень велика, была велика и опасность, что драться с немцами пришлось бы один на один. В этом случае целесообразность требовала проявить инициативу и иметь план такой инициативы.

Однако, повторю, на июнь 1941 года этот план был не больше, чем справочный материал, оценивающий принципиальную

возможность нанесения немцам серьезного поражения в случае нанесения СССР первого, внезапного удара в тот момент, когда немцы к этому еще не будут готовы. Резун уцепился за эти «Соображения» и таскает их, как щенок обглоданный мосол.

И вот Солонин добавляет в доказательство агрессивности СССР еще и сценарии штабных игр.

«Последние сомнения в том, что майские «Соображения» являются одним из многих документов практической разработки плана вторжения в Европу, а вовсе не теоретическим упражнением, пропали после того, как в первой половине 90-х годов были опубликованы другие аналогичные документы.

...К документам, фактически раскрывающим оперативные планы советского командования, следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М. Василевского, который прямо указывает на то, что «в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил».

И что же мы видим? Все известные ныне оперативные планы представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно меняющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное совпадение всех вариантов Большого Плана. Все планы без исключения представляют собой план крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Боевые действия на собственной территории не рассматривались даже как один из сценариев для штабной игры. Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских, румынских, словацких и восточнопруссских городов и рек.

Итак, есть, пусть и не утвержденные, но «Соображения» о том, как атаковать немцев первыми, и есть две стратегические штабные игры, в которых учебные бои велись на картах Румынии и Восточной Пруссии. Что еще надо человеку с обычной житейской логикой, чтобы не сомневаться в том, что Сталин 22 июня 1941 года планировал

напасть на Европу? Солонин, конечно, не поймет, что надо, но я скажу — нужна некая уверенность в том, что факты тебе дает порядочный человек, а не подонок. Вот этого требует «простая житейская логика».

Дело в том, что раз Солонин ссылается на эти стратегические игры, то он обязан знать о них подробности, поскольку в любом случае к сообщению об этих играх дано хотя бы такое их описание («Западные» — немцы, «Восточные» — Красная Армия):

«По условиям игр «Западные» осуществили нападение на «Восточных». Естественно бы выглядело рассмотрение в играх вариантов отражения такого нападения, но самым существенным недостатком игр являлось то, что из розыгрыша полностью исключались операции начального периода войны. Из заданий для сторон на первую игру видно, что «Западные», осуществив 15 июля 1941 года нападение на «Восточных», к 23–25 июля достигли рубежа Шяуляй, Каунас, Лида, Скидель, Осовец (70—120 км от государственной границы), но затем под ударами «Восточных» к 1 августа были отброшены с указанного рубежа в исходное положение (РЕВА, ф. 37977, оп. 5, д. 564, лл. 32, 34; д. 365, л. 13), и уже с этого положения разыгрывались дальнейшие действия сторон. По такому же сценарию начиналась война и во второй игре: Юго-Восточный фронт «Западных» после вторжения на территорию «Восточных» на рубеже Львов, Ковель (50–70 км от госграницы) был встречен «сильным контрударом «Восточных» и, потеряв до 20 пд, к исходу 8.8.1941 отошел на заранее подготовленный рубеж» (РЕВА, ф. 37977, оп. 5, д. 570, брошюра 14, л. л. 1–2)».

Как видите, ни о каком внезапном ударе по немцам с захватом Европы и речи не шло, игра предусматривала вторжение немцев на территорию СССР до 120 километров, затем их отступление к подготовленным рубежам, причем, на юге эти рубежи немцев уже были в глубине Польши и Румынии. И только после этого начиналась собственно игра — отработка на картах наступления на немцев, засевших в Румынии и Польше в обороне.

Ну и как тут этому Солонину хоть в чем-то верить?..

Теперь, что касается его критики моего расследования Катынского дела. По сути самого расследования Солонина мне писать нечего. В моей книге «Антироссийская подлость» я дал до последней запятой полную версию клеветников на СССР в двух вариантах — польском и

Главной военной прокуратуры. Вот Солонин прочитал их и в своей книге повторил, как святую истину, выдав за свои исследования. Но я тщательно разобрал каждый эпизод, каждый факт этой геббельсовской брехни, а вот Солонин из этого моего исследования ничего не дал, просто в некоторых эпизодах вырывал мои слова из контекста того, о чем шла речь, — в этом и заключается его «критика». Негодяй даже не сообщил, что вступление книги посвящено требованию открытого суда по этому делу.

Давайте, все же, я дам пару примеров этой «критики».

Как я уже написал, Солонин в первых главах этой своей книги, выдавая за свои доказательства чужие работы, доказывает читателям, что документы, найденные Назаровым в архиве, являются фальшивкой. А я в своей книге «Антироссийская подлость» тоже доказываю читателям, что некие документы «найденные в архиве» и якобы доказывающие, что поляков расстрелял НКВД, являются крайне глупой фальшивкой. Но смотрите, что Солонин от меня требует.

«Друзья мои, запомните главное — никто не обязан смотреть Мухину в глаза и доказывать ему свою «неверблюдность». Есть государственные архивы, которые приняли на хранение документы. Есть эксперты-криминалисты, которые провели почерковедческую экспертизу. Точка. Мнение инженера-металлурга Ю.И. Мухина (который ни одного дня не провел в архиве и не держал в руках подлинники отвергаемых им документов) о том, как должна выглядеть настоящая подпись Сталина, никому не интересно. Подлог хранящихся в государственном архиве документов — это уголовное преступление.

Не менее тяжким преступлением является и фальсификация результатов экспертизы документов. Бремя доказательства вины подозреваемого лежит на обвинителе. Если у г-на Мухина и примкнувших к нему «катыно-патриотов» появились подозрения, то они могут пустить шапку по кругу, собрать деньги (благо сейчас Россия пухнет от нефтедолларов) и пригласить других, квалифицированных и авторитетных экспертов. Желательно из стран, не связанных с многовековыми польско-российскими разборками — из Бразилии, Швейцарии, Норвегии... И вот если по результатам повторной экспертизы появятся основания для возбуждения уголовного дела — обратиться в суд. Можно будет и книжку написать. Но сначала — независимая профессиональная экспертиза, а

митинговые завывания (если уж без них никак нельзя обойтись) — потом».

Простите, Солонин, а вы наняли экспертов из Бразилии прежде, чем объявили рассмотренные вами в начале этой же книги документы, найденные в архивах Назаровым, фальшивыми?

Еще момент. Я показываю в своей книге, что показания начальника УНКВД по Калининской области Токарева являются бредом, который не подтверждается ни десятками других надежных фактов, ни следственным экспериментом, мало этого, показываю, что Токарев дал эти показания следствию в нарочито идиотской форме, чтобы поиздеваться над подлыми прокурорами. Солонин все это прочел и пишет: «Захоронение было обнаружено именно в том месте, которое назвал в своих показаниях бывший начальник Калининского УНКВД, лично руководивший расстрелом узников Осташковского лагеря, Д.С. Токарев. Это, в частности, означает, что «в конце жизни 89-летний генерал-майор КЕБ» сделал совсем не то, о чем пишет потерявший последний стыд г-н Мухин. На пороге встречи с Высшим Судией генерал Токарев не стал брать на душу еще один грех, грех лжесвидетельства, и дал вполне правдивые показания об обстоятельствах совершенного им преступления».

Всю свою книгу Солонин безапелляционно утверждает, что лгут все: Сталин, Берия, Бурденко, Вышинский и т. д. и т. д. Буквально на каждой странице вопит: «...мы убеждаемся, что подозреваемый Сталин постоянно врет». А вот Токарев, уличенный мною во лжи, не врет!

Мы опять видим у Солонина припадок шизофрении — раздвоения сознания, — в одном случае Солонин требует экспертизы подлинности документов в Бразилии, в другом, точно таком же — нет, в одном случае свидетелям нельзя верить, в другом, точно таком же — можно, инженер-металлург не имеет права судить о подлинности документов, а кочегар из котельной — может!

Прошу прощения за еще одну обширную цитату.

«15 апреля 2006 г. в газете появляется статья. Автор — В. Черепяхин, публицист. В этой статье все было превосходно — и содержание, и название: «Катынская драма в «театре абсурда». Театр абсурда. Точнее и лучше ТАКОЕ не назовешь:

«...Сейчас в Польше в который раз начинает раскручиваться тема «вины Москвы» в катынской трагедии, разыгравшейся **будто бы** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М. С.) осенью **1940** года, когда, **как считают некоторые историки** и исследователи, советским НКВД были расстреляны около **12** тысяч польских офицеров, плененных Красной Армией в сентябре **1939** года... Требования польской стороны подогреваются категоричным и эмоциональным признанием в **1990** году Михаилом Горбачевым, а несколько позже — и Борисом Ельциным вины своей страны в катынской драме. Однако, как отмечают фундаментальные исследователи этого вопроса, в частности Юрий Мухин, жест этот был сделан **на волне перестроечной эйфории без достаточных на то оснований.**

Многие европейские историки убеждены, что **безапелляционная и односторонняя интерпретация** поляками этой страницы войны не имеет веского обоснования... Прибывшая после изгнания гитлеровцев комиссия во главе с академиком П. И. Бурденко установила... **Веские доказательства** вины фашистов в организации и осуществлении массовой казни поляков были представлены советским обвинением Международному трибуналу в Нюрнберге...»

Ай, молодца! «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» Бог с ним, с тысячелетием — какая смелость явлена миру публицистом Черепахиным! Это же надо — назвать «безапелляционной и односторонней интерпретацией» позицию, закреплённую в решениях президентов двух стран! Такая бескомпромиссная решимость охватывает нашу «патриотическую» общественность в одном-единственном случае — когда она уже совершенно уверена в своей полной безнаказанности. Кстати, что за газета решилась опубликовать статью, в которой признанная на высшем государственном уровне вина разоблаченного преступника называется «мнением некоторых историков»? Газета называется красиво: «Красная Звезда». Да-да, та самая, главный печатный орган Министерства обороны РФ. Не просто официальная, а суперофициальная газета, печатный орган ведомства, которому доверены «красная» и все прочие кнопки, после нажатия которых следующую газету на Земле напечатают миллиона через два лет». [Конец цитаты.]

Еще раз взгляните на эту наглость. Черепахин высказал всего лишь сомнение и, тем не менее, сразу объявлен Солониным трусом,

который высказал эти сомнения, дескать, только потому, что безнаказан. Спросить, а сам Солонин какую ответственность несет за то, что поливает дерьмом не только Сталина, а и весь советский народ?

Но, главное, обратите внимание, Солонин тут же, добровольно, даже не получая свой сексотский паек, доносит в Минобороны, чтобы оттуда заткнули рот Черепяхину, чтобы наказали его. (Можно догадаться, по чьим доносам в 1937 году фабриковались дела против невинных?)

А как же свобода слова? А как же столь любимая вами демократия?..

Можно было бы привести еще много примеров того, как все эти «профессиональные историки» насилуют музу своей науки и издеваются над прошлым советского народа, — но хватит, надоело. Я писал эту книгу не для них, а для тех, кто сохранил способность думать и не запятнал себя подлостью в наше подлое время.